
УДК 08
ББК 79.1
Е-361

Редакционная коллегия
*В.А. Москвин, Н.Ф. Гриценко, М.А. Васильева,
О.А. Коростелев, Т.В. Марченко, М.Ю. Сорокина*

Ответственный редактор
Н.Ф. Гриценко

Художник
И.И. Антонова

Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына,
Е-361 2010 / [отв. ред. Н.Ф. Гриценко]. — М. : Дом русского зарубежья имени Алек-
сандра Солженицына, 2010. — 624 с. : ил.

ISBN 978-5-98854-025-0

Первый выпуск «Ежегодника...» приурочен к пятидесятилетию научной, издательской и просветительской работы Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына (до 2009 г. — Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»). В издании представлены статьи, сообщения, публикации, обзоры и библиографические материалы по истории, литературе, философии и науке русского зарубежья.

Издание снабжено иллюстрациями, большая часть которых публикуется впервые.

**УДК 08
ББК 79.1**

© Коллектив авторов, 2010
© Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2010

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этом году Дому русского зарубежья имени Александра Солженицына исполняется пятнадцать лет. Однако по сути история Дома началась раньше, в 1990 г., когда в Библиотеке иностранной литературы в Москве открылась выставка известного парижского издательства «УМСА-Press». Тогда же был организован и постоянно действующий читальный зал этого издательства. Затем было создано издательство «Русский путь», которое стало выпускать книги, посвященные истории и творческому наследию русской эмиграции. В 1995 г. начала свою деятельность Библиотека-фонд «Русское Зарубежье».

В создании Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье» огромную роль сыграл Александр Исаевич Солженицын, который принял самое действенное участие в наполнении ее фондов. Александр Исаевич передал в Библиотеку-фонд более тысячи документов, полученных в свое время от соотечественников-эмигрантов в ответ на призыв присылать ему документальные свидетельства, воспоминания и другие материалы о дореволюционной России, событиях 1905–1907 гг., революционном кризисе 1917 г. Эти материалы, позже дополненные свидетельствами советских людей, стали основой Всероссийской мемуарной библиотеки, ныне хранящейся в Доме русского зарубежья. А.И. Солженицын также передал в Библиотеку-фонд архивы великого князя Николая Николаевича, секретаря И.А. Бунина Л.Ф. Зурова, философа С.Л. Франка. После кончины А.И. Солженицына его имя было присвоено Библиотеке-фонду «Русское Зарубежье», которая с 2009 г. называется Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына.

За пятнадцать лет своего существования из небольшой организации Дом русского зарубежья стал ведущим научно-культурным центром, где собирается, хранится, изучается и пропагандируется наследие русской эмиграции. Сегодня Дом включает в свой состав музейное и архивное хранение, библиотеку, научный центр, киностудию «Русский путь». Традиционным для Дома стал ежегодный кинофестиваль «Русское зарубежье».

В настоящее время основная задача, которая стоит перед сотрудниками Дома, заключается в том, чтобы собрать как можно больше документального материала об истории русского зарубежья и ввести его в научный и культурный оборот. Научная работа в Доме осуществляется главным образом сотрудниками научно-исследовательского центра, которые занимаются изучением исторической судьбы и многообразного наследия российской диаспоры за рубежом. Сотрудники центра готовят и публикуют исследования, справочно-информационные и научно-популярные изда-

ния по истории и культуре русского зарубежья. За пятнадцать лет деятельности Дома русского зарубежья на проведенных здесь открытых лекциях, семинарах, коллоквиумах, всероссийских и международных конференциях были широко представлены различные научные поколения и научные школы, как отечественные, так и зарубежные, занимающиеся историей и культурой русского рассеяния. Материалы конференций легли в основу сборников серии «Библиотека-фонд “Русское Зарубежье”: Материалы и исследования».

Монографическая серия «Ex cathedra», основанная в 2006 г., ввела в современную российскую гуманитарную науку фундаментальные труды отечественных и зарубежных исследователей, внесших значительный вклад в изучение русской диаспоры, — Мирослава Йовановича (Сербия), Ван Чжичэна (Китай), Цветаны Кёсевой (Болгария), Стефано Гардзонио (Италия), Рашита Янгирова (Россия) и др. Благодаря этой серии отечественному читателю стали доступны труды зарубежных исследователей в русском переводе.

Значимым итогом пятнадцатилетней научной деятельности является и предпринятое в юбилейном для нас году издание настоящего «Ежегодника Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына». Цель «Ежегодника...», авторы которого главным образом сотрудники Дома, — представить новые материалы и исследования по истории русского рассеяния, подчеркнуть актуальность изучения русской эмиграции в современной мировой науке.

В «Ежегоднике» представлены научные статьи и сообщения, в которых исследуется история и культурное наследие русской эмиграции; неизвестные воспоминания и письма русских эмигрантов; обзоры и библиографический материал. В отдельном разделе публикуются уникальные фотографии из собрания Дома. В «Ежегоднике» впервые представляется полная хроника научной жизни Дома русского зарубежья.

*Н.Ф. Гриценко,
заместитель директора по науке
Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына*

ИССЛЕДОВАНИЯ

Л.А. Пухова

МЕЖДУ МЕЧТАМИ И РЕАЛЬНОСТЬЮ:
ПОЛЬСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ
И ФРАНЦУЗСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО
(СЕРЕДИНА 1850-х – КОНЕЦ 1860-х гг.)

Я не Дон Кихот в польском вопросе.
*Наполеон I Бонапарт*¹

На протяжении почти всего XIX в. польский вопрос был одним из важных, узловых вопросов европейской политики. В дипломатическую борьбу, поводом к которой послужили события 1830–1831 и 1863 гг. в царстве Польском, были втянуты все крупные государства Европы. Впрочем, часто поддерживая устремления польской эмиграции, европейские правительства использовали польский вопрос лишь как предмет своей дипломатической игры, весьма цинично манипулируя им в зависимости от своих интересов.

* * *

Как известно, после третьего раздела Речи Посполитой в 1795 г. польско-литовское государство окончательно прекратило свое существование. В результате этого раздела Россия получила литовские, белорусские и украинские земли к востоку от Буга и линии Немиров — Гродно общей площадью 120 тыс. квадратных километров и с населением 1,2 млн. человек. В 1831 г., после подавления польского восстания, из Российской империи выехали главнейшие деятели восстания и уцелевшие части польских войск. Первый приют польская эмиграция нашла в Австрии (Галиция) и Пруссии; прусское правительство отвело эмигрантам место для жительства и назначило даже денежную субсидию. Главная же масса эмигрантов осела во Франции, преимущественно в Париже; отдельные их кружки образовались в разных городах Франции и Южной Германии, а также в Лондоне, Дрездене и др.

Предводителем наиболее активного — консервативного — крыла польской эмиграции в Париже являлся Адам Ежи Чарторыйский (1770–1861) — аристократ, один из ближайших соратников императора Александра I (входил в так называемый Негласный комитет). С началом польского восстания 1830 г. Чарторыйский становится членом Административного совета, позже председателем Временного правительства, а затем председателем Национального правительства. После подавления восстания эмигрировал. Центром польской эмиграции в Париже являлся отель «Ламбер».

¹ Цит. по: Федосова Е.И. Польский вопрос во внешней политике первой империи во Франции. М., 1980. С. 169.

Династия Бонапартов традиционно уделяла польскому вопросу пристальное внимание, поддерживая и эмиграцию, и зачастую ее мечты о восстановлении независимой Польши. Впрочем, разумеется, Бонапарты исходили исключительно из собственных интересов, весьма цинично манипулируя польским вопросом. «Я всегда смотрел на Польшу как на средство, и никогда как на принципиальное дело», — заявил Наполеон I в 1813 г. Французский министр иностранных дел в 1811–1813 гг. Ю.Б. Маре был еще откровенней: «Если Королевство Польское и будет когда-нибудь восстановлено, оно должно быть таким, чтобы по первому сигналу 60 тысяч польских солдат на лошадях могли бы стать в авангард французской армии...»²

Крымская война оживила надежды поляков на воссоздание независимой Польши. Эмиграция приняла решение о формировании польских легионов в составе французской армии для борьбы с Россией, осуществлению которого содействовала консервативная часть эмиграции. Польский писатель Михаил Чайковский, незадолго до этого принявший магометанство и имя Садык-паша³, набрал отряд султанских казаков, однако принять участия в войне не успел. Горстка поляков помогала черкесам действовать против русских войск на Кавказе. На этом, собственно, активное участие польской эмиграции в Крымской войне и закончилось. Однако принц Наполеон, двоюродный брат императора Наполеона III, открыто раздавал обещания помочь пребывавшим в Париже польским магнатам⁴.

Впрочем, и сам Наполеон III польской проблемой весьма интересовался: во время беседы с принцем Альбертом⁵ в конце августа 1854 г. французский император заявил, что имеет заветное желание — восстановление Польши. На вопрос принца о том, в каких границах император видит это восстановление, Наполеон отвечал, что его вполне удовлетворит территория бывшего герцогства Варшавского⁶. Эта беседа получила продолжение в письменном виде, когда 26 марта 1855 г. министр иностранных дел Друэн де Люис⁷ направил графу Валевскому⁸, бывшему тогда послом в Англии, пространное письмо о положении Польши в составе

² Цит. по: Федосова Е.И. Польский вопрос... С. 169–170.

³ После 1848 г. Чайковский покровительствовал беглецам из России и Австрии, чем вызвал крайнее против себя раздражение Николая I, который собственноручным письмом к султану требовал высылки Чайковского из Турции. Когда турецкое правительство в том отказало, Николай I добился от французского правительства, чтобы у Чайковского был отобран французский паспорт. Тогда по предложению султана Чайковский принял магометанство.

⁴ См.: Тарле Е.В. Крымская война: В 2 т. М.; Л., 1950. Т. 1. С. 251.

⁵ Альберт, герцог Саксен-Кобург-Готский (1819–1861) — муж королевы Великобритании Виктории. Родоначальник ныне царствующей в Великобритании Виндзорской династии.

⁶ См.: Татищев С.С. Русская дипломатия в польском вопросе (1853–1863). М., 1888. С. 150.

⁷ Друэн де Люис (Drouyn de Lhuys) Эдуард (1805–1881) — государственный деятель Второй империи. В 1848 г. избран в Учредительное, потом Законодательное собрание; в январе 1850, 1852–1855 и 1862–1866 гг. министр иностранных дел при Наполеоне III.

⁸ Валевский (Walewski) Флориан-Александр-Жозеф Колонна (1810–1868) — французский государственный деятель, побочный сын Наполеона I и польской графини. В 1849 г. французский посланник во Флоренции, потом Неаполе, Мадриде и Лондоне; в 1855–1860 гг. министр иностранных дел; в 1865 г. председатель Законодательного корпуса.

Российской империи, в котором он отмечал несправедливость Венских трактатов 1815 г. и тот факт, что, несмотря на эту вопиющую несправедливость, Франция тщательно соблюдала их условия⁹. Между тем эти соглашения были в 1831 г. нарушены императором Николаем I. Теперь же Европа должна «аплодировать» попыткам Франции восстановить справедливость по отношению к Польше. По мнению Друэна, протестов со стороны Австрии и Пруссии можно не опасаться, поскольку «немецкие кабинеты сегодня достаточно осознали опасность», которая исходит от России. Министр выражал уверенность в том, что именно Англия, как союзник Франции в этой войне, признает законность и своевременность требований по восстановлению прав Польши, которые можно сделать на мирной конференции в Вене¹⁰.

Франция, таким образом, не просила у Англии воевать за восстановление Польши как независимого государства, а просила поддержать ее инициативу на будущей мирной конференции, чтобы заставить Россию соблюдать те обязательства, которые она дала по отношению к Польше в 1815 г. Однако государственному секретарю Англии эта инициатива показалась «политически неразумной и несвоевременной в данный момент»¹¹.

Был еще один документ, который стал известен только в 1863 г., — это письмо Друэна де Люиса лорду Пальмерстону¹². В нем французский министр иностранных дел писал о том, что война уже давно перешла во вторую фазу и в военном, и в военно-морском смысле; что обе страны приняли в ней почти одинаковое участие и решили воздерживаться от каких-либо исключительных действий. Но поскольку Севастополь пал, война не может продолжаться без того, чтобы не стать континентальной; Франция уже сыграла принципиальную военную роль и поддержала в ней свой флаг. Она не может принять равные жертвы в компенсациях, достаточных для их оправдания. Такие компенсации она видит в реставрации Польши...¹³ Лорд Пальмерстон ответил категорическим отказом¹⁴.

Уже 15 сентября 1855 г. новый министр иностранных дел Франции граф Валуевский поспешил повторить английскому правительству предложение своего предшественника. По его словам, нарушение Николаем I статей Венского дого-

⁹ Венские трактаты 1815 г. заключают в себе следующую статью: «Поляки, как российские подданные, так и австрийские и прусские, будут иметь народных представителей и национальные государственные учреждения, согласные с тем образом политического существования, который каждым из вышеназванных правительств будет признан за полезнейший и пригоднейший для них в кругу его владений» (цит. по: Лависс Э., Рамбо А. История XIX в. Т. 3. Ч. 1. М., 1938. С. 23). Согласно конституции полякам предоставлялись широкие права на территории царства Польского. После Польского восстания 1830–1831 гг. она была отменена.

¹⁰ См.: *Affaires de Pologne: Documents diplomatiques*. P., 1863. P. 5–6. (Здесь и далее перевод автора.)

¹¹ *Ibid.* P. 7.

¹² Пальмерстон (Palmerston) Генри Джон Темпл (1784–1865) — виконт. С 1830 г. один из лидеров вигов; в 1855–1858 и 1859–1865 гг. премьер-министр Великобритании.

¹³ См.: *Etude diplomatique sur la guerre de Crimée*. St-Peterbourg, 1878. Vol. 2. P. 368–369.

¹⁴ См.: *Henderson G. The Crimean War Diplomacy*. Glasgow, 1947. P. 107.

вора не могло быть оправдано: «Ни восстание Польши, ни триумф русской армии над восставшими не могли... освободить Россию от ее обязательств...» Теперь же «настала минута сделать из восстановления Королевства Польского в том виде, в каком предусмотрено Венским конгрессом, один из существеннейших предметов в переговорах о мире, как только они станут возможными, равно как и одно из важнейших оснований означенного мира». Под конец Валуевский выражал надежду на то, что ее британское величество, обдумав это предложение, придет к выводу о необходимости принять его¹⁵. Но Англия вновь отдалась уклончивым ответом¹⁶. Для Наполеона III это было равносильно отказу. Все дальнейшие усилия императора Наполеона были направлены на скорейший переход к мирным переговорам и завершению исчерпавшей себя войны, тем более что занятие Севастополя 27 августа (8 сентября) 1855 г. полностью удовлетворило тщеславие французского императора. «Падение Севастополя, — пишет в своих воспоминаниях Д.А. Милютин, — было в глазах французов таким блестящим успехом, который вполне удовлетворял народной гордости и самолюбию»¹⁷.

Более того, отныне многие устремления Наполеона III были направлены на налаживание взаимопонимания с Россией, и французский император не мог не понимать, что различие взглядов на польскую проблему — главное, что могло этому помешать. Уже сразу в беседе с первым представителем России на Парижском конгрессе А.Ф. Орловым¹⁸ 22 декабря (3 января) 1855 г. Наполеон коснулся польской проблемы: «Эта бедная Польша, стесняемая в своей религии». Вопрос о том, не может ли милосердие императора «положить конец угнетениям католической церкви?»¹⁹, пока был сугубо риторическим, поскольку Орлов не имел полномочий об этом говорить.

После подписания мирного договора 18 (30) марта 1856 г. конгресс заседал еще некоторое время и обсуждал различные частные вопросы. Здесь Наполеон III сделал попытку снова завести речь о Польше, но его предложение произнести от имени всего конгресса в ее пользу «слово милосердия и великодушия» было решительно отклонено Орловым²⁰. После нескольких бесед на эту тему, по словам Орлова, Наполеон III осознал, что польский вопрос обсуждаться не будет.

Желание французского императора хотя бы попытаться обсудить польский вопрос было вполне объяснимо, поскольку польская эмиграция, по-прежнему

¹⁵ См.: *Affaires de Pologne...* P. 8.

¹⁶ См.: *Татищев С.С.* Русская дипломатия в польском вопросе... С. 152.

¹⁷ *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1843–1856. М., 2000. С. 400.

¹⁸ *Орлов Алексей Федорович* (1786–1861) — государственный деятель, генерал от кавалерии (1833), князь (1856). Участник подавления восстания декабристов. Доверенное лицо императора Николая I. В 1844–1856 гг. шеф жандармов; в 1856 г. первый представитель России на Парижском конгрессе, подписал Парижский мирный договор 1856 г.; в 1856–1860 гг. председатель Государственного совета и Комитета министров.

¹⁹ Цит. по: *Петров А.Н.* Парижский конгресс // *Исторический вестник*. 1891. № 1–3. С. 388.

²⁰ См.: Из донесения А.Ф. Орлова. Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 133. Оп. 469. 1856 г. Д. 148. Л. 226, 258.

надеявшаяся на восстановление независимой Польши, пыталась оказывать на него всяческое давление, в частности направив письмо участникам Парижского конгресса с вопросом о том, почему не обсуждаются проблемы Польши²¹. И Наполеон III не мог не учитывать общественное мнение в своем государстве, традиционно весьма расположенное к полякам.

Кроме того, князь А. Чарторыйский многократно встречался лично с французским императором, правда, никаких конкретных обещаний он так и не смог от него добиться ни накануне Крымской войны (кроме согласия на отправку польских волонтеров для соединения с армией султана), ни после ее окончания²². Очевидно, что теперь французский император совершенно четко представлял себе, что для дружбы с Россией польским вопросом придется пожертвовать. И он был готов принести эту (весьма небольшую, надо полагать) жертву на алтарь дружбы с Александром II.

* * *

13 (25) сентября 1857 г. состоялась встреча русского и французского императоров в Штутгарте. Обсуждение текущих европейских проблем проходило спокойно и даже вполне конструктивно. Совершенно иначе обсуждался польский вопрос. Впрочем, даже нельзя сказать, что он обсуждался... «Почему бы Вам не дать [полякам] всеобщую амнистию?» — спросил Наполеон III Александра. «Для меня недопустимо амнистировать руководителей восстания, которые в эмиграции никогда не перестанут организовывать заговоры, — ответил Александр, — но я распространил амнистию на всех тех, кто выразил свою покорность. Мое желание — видеть процветание царства Польского под скипетром российского императора»²³. Наполеон ничего не сказал ни о восстановлении Польши, ни даже о предоставлении ей какой-нибудь автономии. Он лишь просил царя понять его положение в связи с общественным мнением во Франции и «пожаловать полякам что-нибудь, что, не имея действительной важности, не только облегчило бы наши отношения, но и придало бы новую силу его правительству в Польше»²⁴. Наполеон далее не настаивал на продолжении столь щекотливой темы, но этого было достаточно для того, чтобы вызвать негодование со стороны царя: «Со мной посмели заговорить о Польше!» — возмущенно бросил он своему окружению в полный голос, как только Наполеон удалился²⁵. Не исключено, что и Наполеон узнал впоследствии об этой фразе.

²¹ См.: Записка о польском вопросе, адресованная их сиятельствам представителям Франции, Англии, Австрии, Сардинии и Турции, членам Парижского конгресса; передана через его сиятельство князя Александра Колонну Велевского, Президента Конгресса. 20 мая 1856 г. Archive du Ministère des Affaires Etrangères (АМАЕ). Mémoires et documents. Pologne. P. 79–99 rev.

²² См.: *Milza P. Napoléon III*. P., 2005. P. 515; *Grovestin G.-F.S. baron de. La Russie ramenée à l'ordre et l'Europe en 1857*. P., 1858. P. 32.

²³ Цит. по: *Charles-Roux Fr. Alexandre II, Gortchakoff et Napoléon III*. P., 1913. P. 223.

²⁴ Так Наполеон III сказал А.Ф. Будбергу в 1863 г., о чем Будберг сообщил в своем донесении (см.: АВПРИ. Ф.133. Оп. 469. 1863 г. Д. 118. Л. 206).

²⁵ Цит. по: *Заблюцкий-Десятковский А.П. Граф П.Д. Киселев и его время: Материалы для истории императоров Александра I, Николая I и Александра II*. СПб., 1882. Т. 3. С. 36.

С.С. Татищев возлагает вину за то, что двусторонние переговоры не увенчались «полным успехом», именно на попытку Наполеона III обсудить польские дела²⁶. Сам же Наполеон III, переживая, очевидно, за разговор с Александром II о Польше, сказал П.Д. Киселеву²⁷: «Что касается до отношений России к Франции, то я вижу только один вопрос, который может быть щекотливым. Это вопрос польский, если он должен возобновиться и занять европейскую дипломатию. Я имею обязательства, от которых не могу отказаться и должен щадить общественное мнение, которое во Франции очень благоприятно Польше. Об этом обстоятельстве я должен откровенно предупредить... чтобы не пришлось прервать наши хорошие отношения, которыми я так дорожу»²⁸. Позднее А.Ф. Будбергу²⁹, сменившему П.Д. Киселева на посту российского посла в Париже, Наполеон говорил, что из Штутгарта он уехал с впечатлением, что «император немного обиделся на меня за мою откровенность и что он нашел, что я вмешиваюсь в дело, которое меня не касается»³⁰.

Между тем 1860 г. ознаменовался началом беспорядков в царстве Польском. В связи с этим в конце 1860 г. Наполеон III в беседе с князем А. Чарторыйским лично объявил ему, что «не может взяться за польский вопрос, что необходимость сохранения хороших отношений с Россией принуждает его к крайней осторожности»³¹.

В последний день 1860 г. граф Киселев получил из Петербурга предписание «предъявить императорскому правительству, что в Париже под негласным покровительством принца Наполеона³² образовалось скопище польских эмигрантов», которые развили бурную деятельность по активной пропаганде идей восстановления Польши в польских и литовских землях³³. Отложив это задание до нового 1861 г. по новому стилю, 3 января Киселев отправился на аудиенцию к императору Наполеону.

Граф застал императора в «весьма хорошем расположении духа». Твердо, но в то же время очень доверительно Киселев изложил императору причины недовольства Петербурга. Наполеон III не сказал ничего определенного, однако явно со вниманием отнесся к словам Киселева, потому что уже 10 (22) января принц Наполеон (который был действительно большим полякофилом и никогда бы это-

²⁶ См.: Татищев С.С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. М., 2006. С. 180.

²⁷ Киселев Павел Дмитриевич (1788–1872) — российский государственный деятель, граф, генерал от инфантерии (1834), министр государственных имуществ (1837); в 1856 г. назначен послом в Париж; с 1862 г. в отставке.

²⁸ Цит. по: Татищев С.С. Император Александр II... С. 180–181.

²⁹ Будберг Андрей Федорович (1817–1881) — барон; в 1851–1862 гг. российский чрезвычайный посланник и полномочный министр в Берлине и Вене; с 1862 г. посол во Франции; член Государственного совета.

³⁰ Из донесения А.Ф. Будберга. АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1861 г. Д. 118. Л. 206–207.

³¹ Цит. по: Ревуненков В.Г. Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия. Л., 1967. С. 81.

³² Бонапарт (Bonaparte) Жозеф-Шарль-Поль (1822–1891) — принц, сын Жерома Бонапарта, младшего брата Наполеона I.

³³ Цит. по.: Заблоцкий-Десятовский А.П. Граф П.Д. Киселев и его время... С. 215; Татищев С.С. Русская дипломатия в польском вопросе... С. 28.

го не сделал добровольно) нанес неожиданный визит графу с оправданиями за сказанное. Оправдания были приняты, отчет был отправлен А.М. Горчакову³⁴.

Ранее, в начале января 1861 г., министр иностранных дел Франции писал французскому послу: «Его Величество решил пригласить князя А. Чарторыйского и лично сказать ему в категоричных выражениях, что чрезвычайно недоволен интригами князя... что император России является тем государем Европы... с которым он (Наполеон III. — Л.П.) более всех других желает оставаться в отношениях наиболее близких и дружественных»³⁵. А спустя некоторое время сам Наполеон III говорил польской княгине Янине Четвертинской: «Я не могу этого сделать (заступить за поляков. — Л.П.), клянусь Вам в этом. Я нуждаюсь в России, чего Ваше разгоряченное воображение не в состоянии понять... Не пробуждайте моего нерасположения к России! Как раз в этот момент, я повторяю вам, я ничего не могу для вас сделать»³⁶.

Поляки, со своей стороны, не дремали. Их надежды на помощь со стороны Франции были еще, несмотря на разочарование результатами Крымской войны и миром в Виллафранке (а не продолжением войны за «принцип национальностей»)³⁷, очень сильны. Французский император Наполеон III провозгласил с демагогической целью «принцип национальности», т. е. принцип национальной свободы. Популярность Гарибальди и Наполеона III среди поляков стала огромной. Полякам казалось, что события в Италии предвосхищают события в Польше, что Франция окажет помощь также польскому народу. Подтверждением тому служит документ, датированный 1 (13) марта 1861 г., который Д.А. Милютин в своих воспоминаниях называет «программой». В числе прочего эта «программа» высказывалась за посылку делегаций в Париж и Лондон: «Делегации эти сначала ничего не добьются; но это не должно охлаждать их рвение, ибо главная наша цель — заставить эти правительства скомпрометировать себя перед Россией, а нам иметь повод жаловаться пред светом на их равнодушие к нашему делу. Это совет людей, хорошо знакомых с тьюльрийской политикой, и подтверждением ему служит пример итальянцев, которые в течение нескольких лет, надоедая своим патриотизмом, преодолели все затруднения дипломатии и убедили императора французов сделать то, чего он никогда не хотел и о чем никогда не помышлял, то есть — оказать помощь освобождению Италии...»³⁸

О людях, которые были так «хорошо знакомы с тьюльрийской политикой», что позволяли себе пытаться просчитывать действия Наполеона III, знал, по всей видимости, в Париже и П.Д. Киселев. 7 (19) апреля 1861 г. он записал в своем дневнике:

³⁴ Донесение российского посла в Париже. АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1861 г. Д. 145. Л. 17.

³⁵ Министр иностранных дел Франции — послу Франции в России. АМАЕ. СР. Russie. 223. P. 10 rev.-11.

³⁶ Донесение российского посла в Париже. АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1861 г. Д. 145. Л. 17.

³⁷ В июле 1859 г. на мирных переговорах между Наполеоном III и австрийским императором Францем Иосифом в Виллафранке было установлено, что Австрия уступает Пьемонту Ломбардию, но оставляет за собой Венецианскую область. Вопрос о Савойе и Ницце не получил окончательного решения (присоединение их к Франции состоялось несколько позже — в 1860 г.). См.: История внешней политики России. Вторая половина XIX века. М., 1997. С. 59.

³⁸ Цит. по: Милютин Д.А. Воспоминания. 1860–1862. М., 1999. С. 71.

«Поляки, находящиеся в Париже, говорят между собой, что на сих днях соберется в Варшаве серьезное скопище мятежников»³⁹. И действительно, 8 (20) апреля там произошли крупные беспорядки, закончившиеся разгоном мятежников с применением кавалерии и пехоты. Киселев, видимо не без основания полагая, что такая осведомленность «французских» поляков может объясняться только тем, что они же сами и организовали это выступление из Парижа, поспешил провести переговоры с Тувенелем⁴⁰. По мнению российского посла, французская сторона должна была объявить, что никаких надежд на содействие Франции поляки не должны иметь⁴¹.

Через полторы недели вопрос был решен: 29 марта (10 апреля) к Киселеву приехал Тувенель с проектом сообщения для французского официоза «Монитор» касательно польского вопроса. Граф одобрил текст сообщения, и на следующий день оно увидело свет. «Великодушный образ мыслей Царя, — в числе прочего утверждало сообщение, — служит верным ручательством того, что он желает провести на деле преобразования, возможные в настоящем положении Польши, и надо желать, чтобы этому не послужили помехой ему манифестации, которые способны раздражить его»⁴². В сообщении подчеркивалось, что периодическая печать и общественное мнение во Франции не должны увлекаться надеждами на то, что французское правительство поддержит Польшу, ибо осуществление мечтаний поляков не во власти Франции.

3 (15) апреля Киселев встретился с принцессой Матильдой⁴³, с которой он обычно очень подробно обсуждал все дела касательно России (принцесса была известна своими прорусскими взглядами). Матильда заверила Киселева в том, что лично она верит в искренность заявления «Монитор» и что сам Наполеон III свое мнение о поляках всегда выражал примерно так: «Эти поляки — неисправимые и безумные поджигатели, их нелепые мечты не должны давать повода к нарушению спокойствия Европы. Я дорожу добрыми отношениями с Россией»⁴⁴.

Тем временем 8 (20) апреля 1861 г. Наполеон III написал императору Александру II письмо, в котором умолял царя не верить «вероломным инсинуациям»: «Мне нет необходимости говорить Вашему Величеству, насколько слухи бывают абсурдны... Что касается последних волнений в Варшаве... их развитие все больше касается моих интересов. Первым их результатом стало сближение России с Австрией и Пруссией и отдаление от Франции, поскольку в этих странах почти не отделяют движения в Венгрии и Италии от польского движения; с другой стороны, я не могу скрывать, что польский вопрос, возникнув, разбудил во Франции

³⁹ Цит. по: *Заблоцкий-Десятовский А.П.* Граф П.Д. Киселев и его время... С. 226.

⁴⁰ *Тувенель* (Thouvenel) Эдуард-Антуан (1818–1866) — французский политический деятель. В 1849–1850 гг. был французским посланником в Афинах; в 1850–1851 гг. посланником в Мюнхене; в 1851 г. после переворота 2 декабря призван в Париж в Министерство иностранных дел; в 1856 г. назначен сенатором; в 1860 г. назначен министром иностранных дел на место Валуевского; в октябре 1862 г. вышел в отставку.

⁴¹ См.: *Заблоцкий-Десятовский А.П.* Граф П.Д. Киселев и его время... С. 226.

⁴² *Moniteur*. 1861. 11 avr.

⁴³ *Бонапарт* (Bonaparte) Матильда (1806–1873) — племянница Наполеона Бонапарта и двоюродная сестра Луи Наполеона III.

⁴⁴ Цит. по: *Заблоцкий-Десятовский А.П.* Граф П.Д. Киселев и его время... С. 228.

старые симпатии, которые ставят меня между общественным мнением в моей стране и моими чувствами к государю, который на протяжении последних пяти лет был моим самым верным и близким другом»⁴⁵.

Прочитав письмо французского императора, Александр II в беседе с Н.-О. Монтебелло⁴⁶ признал, что оно произвело на него очень хорошее впечатление⁴⁷. В ответном письме Александр, однако, отмечал: «Неопределенность в Ваших намерениях относительно Польши, агрессивность прессы и, особенно, общеизвестность доброжелательности, которая высказывается в Ваш адрес за прямо выраженные враждебные интересы по отношению к интересам моей империи, можно понять как один из элементов раздора между нами. Будет правильным принимать во внимание противоречивые чувства французского народа по отношению к воспоминаниям прошлого... Но эти произвольные инстинкты могут управляться так же, как и беречься. Они приговорены разумом и политическим здравомыслием, так как они были направлены на то, чтобы парализовать благочестивые намерения, доказательства которых я уже предоставил в отношении Царства Польского⁴⁸, а также на то, чтобы поддержать невыполнимые стремления. У меня есть шанс полагать, что Вы не остановитесь на полпути в этом направлении, что Вы не ограничитесь конфиденциальными объяснениями, ценными для меня, не производя эффекта на публику, которой это совершенно безразлично... Я должен повториться: польский вопрос поставлен в такие рамки, что внешнее давление не может оказать влияния на его решение. Серьезные волнения, о которых Вы мне сообщаете, существуют, несмотря на наши с Вами усилия, и они плохо влияют не только на то, что касается ситуации с Польшей, но также и на общую политику... Ваше письмо, Ваше Величество, доказывает мне, что Вы разделяете мою точку зрения по этому вопросу. Я очень хочу иметь возможность рассчитывать на помощь в поддержании прочного союза, в котором ситуация, сложившаяся в Европе, нуждается как никогда»⁴⁹.

23 апреля официальный «Монитор» вопреки всем французским газетам, занявшим сторону поляков, опубликовал сообщение, в котором утверждалось, что французское правительство не собирается «поощрять надежды, которым не суждено сбыться»⁵⁰. И в письме французскому послу от 1 мая 1861 г. министр иност-

⁴⁵ Из письма Наполеона III Александру II. АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1861 г. Д. 60. Л. 3–4; упоминание об этом письме есть в книге: *Martel R. La France et la Pologne*. P., 1931. P. 43–44.

⁴⁶ *Монтебелло* (Montebello) Наполеон-Огюст (1801–1874) — герцог. Морской министр в кабинете Ф. Гизо; в 1849 г. член Законодательного собрания; в 1858–1864 гг. посланник в Санкт-Петербурге.

⁴⁷ См.: Французский посол в России — министру иностранных дел Франции. АМАЕ. СР. Russie. 224. P. 17.

⁴⁸ Согласно указу Александра II от 14 марта 1861 г. в царстве Польском создавались: Государственный совет под председательством наместника; Правительственная комиссия духовных дел и народного просвещения во главе с поляком-католиком; губернские, уездные и городские советы, главная школа.

⁴⁹ «Европа пережила беспокойные времена»: Переписка императоров Александра II и Наполеона III. 1856–1867 гг. / Подгот. Л.А. Пухова // Исторический архив. 2007. № 6. С. 167, 170.

⁵⁰ Цит. по: *Aubry O. Le Second Empire*. P., 1957. P. 361.

ранных дел отмечал: «...правительство императора не может равнодушно наблюдать за теми манифестациями, которые происходят в Польше, и мы посчитали полезным снова выразить свое мнение по этому вопросу. С этой целью мы опубликовали в “Moniteur” ноту, которую Вы уже видели и которую я сообщил графу Киселеву... Император, кроме того, хотел бы выразить лично императору Александру свои чувства и написал ему письмо...»

Мне нет необходимости говорить вам снова, господин герцог, что Польша всегда пользовалась симпатиями во Франции, так что ни одно правительство не могло игнорировать этот факт... Правительство императора должно считаться с этой ситуацией, несмотря на то что его искренним желанием является устранить все недоразумения в отношениях с российским кабинетом... Император вполне ясно выразил... что ни в коем случае он не хотел бы охлаждения отношений между двумя кабинетами...»⁵¹

Опубликованная в «Монитёр» нота французского правительства и письмо Наполеона III произвели положительное впечатление на российского императора: «Господин герцог, — сказал мне император, — я прочитал письмо императора Наполеона; оно произвело на меня чрезвычайно хорошее впечатление, и я отвечаю с такой же искренностью... В особенности я был тронут его словами о том, что на протяжении последних пяти лет я был его наиболее близким и верным союзником; передайте ему, что я останусь таковым и сделаю в этом направлении все, что от меня зависит. <...> Статья в “Moniteur” произвела правильное впечатление в Польше, и я оценил должным образом те заверения, которые выразил мне император в своем письме»⁵². 18 (30) мая 1861 г. министр иностранных дел Франции в письме к французскому послу в России отмечал: «Господин герцог, император получил письмо императора Александра. Ход мыслей Его Величества относительно близости и доверия, установившихся между двумя правительствами, не мог быть лучшим и более отвечать нашим чувствам... Доказательства того, что мы, со своей стороны, уже тоже подтвердили верность этим чувствам по основным политическим вопросам, должны быть столь же очевидны для кабинета Санкт-Петербурга, как и наше поведение в трудной проблеме Польши. ...Я повторяю вслед за Его Величеством что у нас не было и мысли поощрять события, которые могут испортить отношения, которые мы получили столь дорогой ценой...»⁵³ Действительно, совершенно очевидно, что Наполеон III и его правительство оценивали свое поведение в отношении польской проблемы фактически как идеальное.

1862 г. начался для всех беспокойно. Польским вопросом все более активно занимались Англия и Пруссия, преследуя свои цели. В английском парламенте польский вопрос обсуждался ничуть не меньше, чем во французском. 4 апреля лорд Пальмерстон в своей речи рассказывал о «неодолимом, нескончаемом, неистощимом» патриотизме поляков и о тех «разочарованиях», которые им неког-

⁵¹ Министр иностранных дел Франции — послу Франции в России. АМАЕ. СР. Russie. 224. P. 10.

⁵² Ibid. P. 17 rev.-18.

⁵³ Ibid. P. 112-114.

да причинил первый французский император⁵⁴. И хотя впоследствии Наполеон III часто обвиняли в том, что он совершенно никак не реагировал на эти выпады англичан и все, «что позволил себе Наполеон III, намекнуть барону Будбергу, едва ли не на первой данной ему аудиенции, что европейский конгресс составляет, по мнению его, самое действительное средство мирного разрешения многих затруднительных вопросов, в том числе и польского»⁵⁵. Напротив, Наполеон III активно интересовался польским вопросом. Возможно, причина такого мнения кроется в том, что барон Будберг поначалу не пользовался большой популярностью у французского императора и его супруги; Евгения считала его сухим и черствым человеком. А вот с графом Киселевым, который остался жить в Париже, периодически покидая его лишь на время, и Наполеон III, и Евгения продолжали с большим удовольствием обсуждать как политические вопросы, так и вопросы внутреннего развития Российской империи, Великие реформы и их возможные последствия⁵⁶.

Во время встречи 8 (20) июня 1862 г. с графом Киселевым Наполеон III выразил свое одобрение тех мер, которые были приняты в Польше и от которых он ожидал «самых лучших последствий», а также с большой симпатией отозвался о великом князе Константине Николаевиче⁵⁷, «за которым признает ум и способность управлять сообразно видам Государя»⁵⁸, несмотря на то что французский посланник в России писал в своих донесениях, что, по его мнению, «под управлением маркиза Велопольского Польше было бы лучше»⁵⁹. 16 (28) октября 1862 г. и императрица Евгения в беседе с Киселевым высказала свое мнение о проблеме Польши: «Если бы спросили меня, то я посоветовала бы оставить поляков самим себе, предоставляя им выбрать себе короля». Граф признал, что перегибы царствования Николая I вполне законно могут вызывать недовольство со стороны как поляков, так и Европы, но подчеркнул, что «все эти строгости были последствием духа пропаганды католического духовенства, которое считало православных за язычников...»⁶⁰. В результате каждый остался при своем мнении.

⁵⁴ Цит по.: *Татищев С.С.* Русская дипломатия в польском вопросе... С. 34.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ См.: *Посол Франции в России — министру иностранных дел Франции.* АМАЕ. СР. Russie. 227. Р. 8.

⁵⁷ *Романов Константин Николаевич (1827–1892)* — великий князь, второй сын российского императора Николая I. В 1849 г. назначен присутствовать в Государственном совете и Адмиралтейств-совете. В 1850 г. возглавил Комитет для пересмотра и дополнения Общего свода морских уставов и стал членом Государственного совета и Совета военно-учебных заведений. Вице-адмирал в 1853 г. Адмирал в 1855 г. С 1855 г. управлял флотом и морским ведомством на правах министра. В 1857 г. был избран председателем комитета по освобождению крестьян, разработавшего манифест об освобождении крестьян от крепостной зависимости. Наместник Польши с июня 1862 до октября 1863 г. В 1865 г. назначен председателем Государственного совета. После смерти Александра II его сын император Александр III постепенно отстранил Константина Николаевича от большинства постов.

⁵⁸ Цит. по.: *Заблоцкий-Десятковский А.П.* Граф П.Д. Киселев и его время... С. 301.

⁵⁹ *Поверенный в делах — министру иностранных дел Франции.* АМАЕ. СР. Russie. 227. Р. 136.

⁶⁰ Цит. по.: *Заблоцкий-Десятковский А.П.* Граф П.Д. Киселев и его время... С. 301.

* * *

Дипломатическая борьба, развернувшаяся вокруг польского восстания 1863 г., подробно и практически полностью описана в книге В.Г. Ревуненкова⁶¹, поэтому здесь мы постараемся дополнить уже существующий анализ, используя новые архивные и не введенные в научный оборот материалы: воспоминания Д.А. Милютина, личные письма Наполеона III из Национальных архивов Франции и АВПРИ и др., чтобы максимально полно раскрыть положение и роль польской эмиграции в связи с восстанием в царстве Польском в 1863 г.

В самом начале 1863 г. произошло польское восстание, начавшееся в ночь на 11 января 1863 г. одновременным нападением на 17 русских гарнизонов, дислоцированных в небольших городах и местечках.

По всей видимости, французский император был действительно приведен в уныние. Теперь он должен был ответить для себя на вопрос — стоила ли Польша того, чтобы пожертвовать почти семилетними усилиями по завоеванию дружбы Александра II. Его изначальная позиция по поводу восстания была абсолютно твердой: «Я проклял его, как дело Мадзини... Я не желал поощрить предприятие, могущее увеличить число жертв»⁶². Одновременно французское правительство уверило русское, что отношение Франции к России осталось неизменным: «Мы будем свято держаться нашего обычного образа действий, добросовестно выполним обязанности, возлагаемые на нас дружеским характером наших отношений с петербургским кабинетом, наконец, не перестанем советовать умеренность и порицать все, имеющее сходство с анархическими и революционными стремлениями»⁶³. Выступая 5 февраля в Законодательном корпусе от имени императора, государственный министр Бильо высказался по поводу польского восстания в весьма сдержанном тоне. Он заявил, что видит в этом движении лишь революционную вспышку. Но какое значение имели его слова? «Вся Франция подымалась в братском порыве в защиту Польши»⁶⁴, в защиту угнетенных, в защиту католиков. Надежды Наполеона III на быстрое и безболезненное подавление восстания не оправдались.

На протяжении января 1863 г., пока была надежда на скорое подавление восстания, позиция Наполеона III оставалась неизменной. Английскому послу лорду Коули⁶⁵ Друэн де Люис говорил: «Какие бы естественные симпатии император ни питал к польскому делу, его величество все же решил ничем не ободрять инсургентов и не делать ни одного шага, который можно было бы истолковать как недружественный акт в отношении России»⁶⁶.

⁶¹ Ревуненков В.Г. Польское восстание 1863 г. ...

⁶² Цит. по: Там же. С. 146.

⁶³ Цит. по: Там же. С. 147.

⁶⁴ Дебидур А. Дипломатическая история Европы. 1814–1878: В 2 т. Ростов н/Д, 1995. Т. 2. С. 217.

⁶⁵ Коули (Cawley) Генри Ричард Чарльз Вессли (1804–1884) — английский дипломат, лорд. В 1848 г. уполномоченный министр в Швейцарии; после являлся чрезвычайным посланником при Германской Конфедерации; в 1852–1867 гг. посол Англии в Париже.

⁶⁶ Донесение Коули Рассело. 14 февраля 1863 г. // Confidential Correspondence of the British Government respecting the Insurrection in Poland. P., 1863. P. 53–54.

Однако скоро стало очевидно, что Наполеон III и его министры не в состоянии будут бесконечно долго ограничиваться ролью смиренных ходатаев за Польшу перед царем. Неизбежно наступал момент, когда у императора французов не оставалось иного выхода, как вступить за Польшу⁶⁷. Приближение этого момента было ускорено английской дипломатией и конвенцией России и Пруссии.

Несомненно, что в этот период на Наполеона III очень многие приближенные пытались оказывать влияние. Еще в 1862 г. Д.А. Милютин отмечал: «В отношении к Польскому делу... император французов поддался сильному влиянию с двух сторон: с одной — императрицы Евгении, настойчиво действовавшей во имя католицизма, с другой — принца Жерома Наполеона, завязанного поборника всесветных революций. На польском деле сошлись эти две силы, стоявшие во всем другом в полном антагонизме»⁶⁸. В целом с такой оценкой можно согласиться, однако Милютин не учитывал того, что на Наполеона оказывалось и третье влияние: тех сил, которые выступали по-прежнему за сближение с Россией, да и сам французский император до 1863 г. явно занимал неактивную позицию в польском вопросе. Теперь же не только императрица Евгения и принц Наполеон, но и министр иностранных дел Друэн де Люис выступали за активное вмешательство в польское дело: «Я полагаю, что, выступая в пользу Польши, мы имеем возможность сблизиться с Австрией и вернуть империи ее симпатии к католикам»⁶⁹. Но были и противники вмешательства в польское дело: «...принцесса Матильда с самого начала восстания “громогласно (и даже с приправой привычных ей крепких слов) ругает поляков и французско-польскую горячку...”»⁷⁰

Тем временем «в Палатах французских... некоторые горячие защитники поляков и польского движения доходили до иступления в своих яростных нападках на Россию, — и в числе их первое место принадлежало принцу Наполеону... Нашлись однако же и некоторые, хотя немногие, ораторы, поставившие себе целью образумить слишком усердных ревнителей польского восстания... В числе их выступил министр без портфеля Бильо, который в замечательной своей речи выразился с полным уважением о личности императора Александра II... и заключил, что “мирная и либеральная политика российского императора, оцененная по достоинству державами, обезоружила прежнее недоверие Европы”»⁷¹. Наполеон III действительно пока «держался»: эта миролюбивая речь Бильо, призывавшая выбрать между политикой разумной и политикой неразумной, была гласно одобрена императором Наполеоном в форме письма на имя министра, опубликованного в «Монитёр»⁷².

Дискуссии по поводу Польши продолжались. 17 марта принц Наполеон выступил в Сенате со словами: «Я не хочу войны, но и мира я тоже не хочу»⁷³. Не-

⁶⁷ См.: Ревуненков В.Г. Польское восстание 1863 г. ... С. 149.

⁶⁸ Заметки, не вошедшие в рукопись «Воспоминаний» Д.А. Милютина. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 169. К. 11. Д. 30. Л. 16–17.

⁶⁹ Aubry O. Le Second Empire. P. 361.

⁷⁰ Милютин Д.А. Воспоминания. 1863–1864. М., 2003. С. 136.

⁷¹ Там же. С. 69–70.

⁷² См.: Girardin E., de. La Pologne et la diplomatie. P., 1859. P. 233.

⁷³ Цит. по: Aubry O. Le Second Empire. P. 362–363.

смотря на это заявление, Сенат огромным большинством (109 голосов против 17) отверг предложение о немедленном военном вмешательстве Франции в польские дела⁷⁴.

Французский император был настолько приведен в бешенство выступлением своего кузена, что даже выразил это в письменной форме (что случалось с ним крайне редко): «Признаюсь, я был удивлен увидеть, как ты отвечаешь на мое отношение к тебе на протяжении 12 лет и как ты злоупотреблял этим отношением. Воспоминания нашего детства для меня тоже дороги, но они ничего не значат при решении сегодняшних политических вопросов.

Накануне того дня, когда я должен был стать президентом республики, ты ни на минуту не прекращал говорить и вести себя таким образом, который расходился с моей политикой. То же продолжалось и во время моего президентства, и 2 декабря, и во времена империи. Как я отвечал на такое поведение? Только искал любой способ выдвинуть тебя вперед, предоставить тебе положение, достойное тебя и дать тебе возможность реализовать твои блестящие способности. <...> Что касается твоих выступлений в Сенате, они всегда доставляли моему правительству только серьезные неприятности. И ты еще жалуешься на мое недостаточное уважение? — да удивительно, что я ко всему этому терпимо относился на протяжении столь долгого времени...

Я никогда не приму и не одобрю, что кто-то выступает в Сенате как в клубе... Во время своего последнего выступления ты нанес ущерб всем моим хорошим отношениям с Россией...»⁷⁵

Но принц Наполеон был не единственным в своем мнении: «Впервые французское общественное мнение оказалось единодушным. В течение многих месяцев в частных беседах, в газетах и даже на лекциях в Сорбонне только и говорили, что о героизме повстанцев. Католики высказывались за защиту польской нации потому, что она страдала за католическую веру; для демократов польское дело было непрекаемой догмой: кто из них не помнил о польских эмигрантах, принявших деятельное участие в революционных битвах, даже в самом Париже? Даже поклонники традиций и консерваторы вспоминали об исторической роли Польши, верной союзницы Франции против австрийцев и Московского царства»⁷⁶.

Между тем во Франции приближались всеобщие выборы; поддержка Польши оказывалась для Наполеона III в тот момент средством увеличить свою популярность, а неказание этой поддержки могло стать потенциально опасным. Теперь он действительно мог стать императором — освободителем угнетенных наций, настоящим национальным императором. Ввиду этого он без колебаний бросился в ловушку, которую ему давно подстраивали Англия и Австрия, чтобы положить конец франко-российской дружбе.

5 (17) апреля послы Англии, Франции и Австрии передали А.М. Горчакову депеши своих правительств с требованием прекратить войну в Польше, восста-

⁷⁴ См.: Милютин Д.А. Воспоминания. 1863–1864. С. 70.

⁷⁵ Письмо Наполеона III принцу Наполеону. Le Centre d'accueil et de recherche des Archives nationales (CARAN). 400 AP. 53. № 68.

⁷⁶ Тома А. Вторая империя (1852–1870). СПб., 1908. С. 136.

новить мир. Ответные депеши министра иностранных дел России подтвердили желание России закрепить за царством Польским автономию и водворить в крае мир, но не иначе как путем полного подавления мятежа.

Д.А. Милютин отмечает, что «Наполеон III, приняв на себя роль защитника и покровителя польской нации, не мог оставаться в бездействии ввиду возраставшего возбуждения в общественном мнении Франции против России. Он задумал стать во главе грозной коалиции, перед которой, по его расчету, русское правительство не могло не преклониться и не согласиться на всякие уступки в пользу поляков»⁷⁷. Именно так только и можно расценивать его проект создания независимой Польши, что, по мысли Наполеона III, должно было повлечь перекройку карты всей Европы⁷⁸. Однако его предложения не встретили одобрения ни в Лондоне, ни в Вене. Но после отклонения Россией депеш 17 (29) июня 1863 г. Европа оказалась перед выбором: воевать или нет с Россией за Польшу. Антирусская коалиция не состоялась.

Франция осталась в одиночестве. Наполеон III это понимал, и поэтому консультации с Морни, Бильо и др. в начале августа 1863 г. окончились решением «следовать линии мира»⁷⁹.

С целью сгладить понесенное им поражение Наполеон III в конце октября обратился ко всем государям, созывая их на общий конгресс в Париже для совместного обсуждения реальной политической ситуации в Европе (и потенциально для пересмотра постановлений Венского конгресса). В своем письме российскому императору от 17 (31) октября 1863 г. Наполеон III писал: «Все разы глубокие потрясения расшатывали основы и изменяли границы государств, они внезапно появлялись вследствие официальных соглашений... Такими были Вестфальский договор XVII в. и переговоры в Вене в 1815 г. Это было то последнее основание, которое создало сегодняшнюю Европу.

Если внимательно рассмотреть ситуации соседних стран, будет невозможно не заметить, что почти со всех точек зрения условия Венского договора были разрушены, изменены, забыты...» А далее французский император выдвигал идею созыва конгресса всех европейских стран⁸⁰.

На такое приглашение последовал ответ российского императора: «...в продолжение шести лет я освобождал свою империю от рекрутской повинности и предпринял важные преобразования, составляющие залог внутреннего постепенного развития и внешней миролюбивой политики. Только ввиду случайностей... я должен был уклониться от этого пути. Мое живейшее желание — получить возможность снова вступить на этот путь и избавить мои народы от жертв... Ничто не могло бы более приблизить это время, как повсеместное решение вопросов, волнующих Европу. Опыт свидетельствует, что действительные условия спокойствия мира не заключаются ни в невозможной неподвижности, ни в шаткости политического устройства... При этих условиях прямодушное согласие между

⁷⁷ Милютин Д.А. Воспоминания. 1863–1864. С. 128.

⁷⁸ См.: Внешняя политика России. Вторая половина XIX в. М., 1974. С. 69.

⁷⁹ *Case Lunt M. French opinion on war and diplomacy during the Second Empire.* N. Y., 1972. P. 183.

⁸⁰ Письмо Наполеона III Александру II. АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1863 г. Д. 58. Л. 6–6 об.

государями всегда казалось мне желательным. Я был бы счастлив, если бы предложение, выраженное Вашим Величеством, могло привести к нему. Но для того чтобы это предложение могло осуществиться на деле, оно должно последовать не иначе, как с согласия прочих держав; для достижения же этой цели я полагаю необходимым, чтобы Ваше Величество соблаговолило точно указать вопросы, которые, по вашему мнению, должны бы послужить предметом соглашения...»⁸¹

5 ноября открылась сессия французского Законодательного собрания. Во время своего выступления Наполеон III признал, что «дружественные советы Франции были истолкованы как угрозы» и потому не только не привели к желанному результату, но еще более ожесточили борьбу. «Что же остается делать?» — спрашивал себя Наполеон III. «Разве возможны только два выхода: война или молчание?...» И на эти вопросы отвечал: «Нет, есть средство избежать и войны, и молчания: это — передать польское дело на решение суда Европы. Россия уже объявила, что не сочтет оскорбительной для своего достоинства конференцию, на которой будут разбираться и другие вопросы, волнующие Европу...» Затем Наполеон прямо высказал свою заветную мечту: «Не настало ли время перестроить на новых началах здание, подкопанное временем и революциями? Не следует ли признать новыми договорами то, что бесповоротно совершилось, и с общего согласия осуществить то, чего требует сохранение мира? Трактаты 1815 года почти повсюду разрушены...» При этом Наполеоном высказана была надежда, что призыв его будет услышан: «Отказ заставил бы подозревать тайные замыслы, которые боятся света. Но если бы даже предложение это и не было принято единодушно, то оно и тогда доставит громадную выгоду, что укажет Европе, где опасность и где спасение»⁸².

Впрочем, и здесь у французского императора ничего не получилось, а с конца 1863 г. актуальность польского вопроса для европейских правительств угадала, поскольку, во-первых, стало понятно, что Россия справится с этим восстанием, а во-вторых, начался немецко-датский конфликт. Уже 21 января (2 февраля) 1864 г. посол России во Франции отмечал: «Очевидно сейчас, что, без сомнения, Франция не будет действовать без поддержки других государств, но она не хочет ни под каким видом кидаться в авантюры... Несмотря на все попытки польских смутьянов обрушить все свои жалобы только в адрес России, польский вопрос затрагивает в той же мере интересы и других соседних государств»⁸³. Д.А. Милютин дополняет эту информацию, отмечая: «В заседании 16 (28) января французского Законодательного собрания, завзятые защитники Польши воспользовались прениями об ответном адресе на тронную речь императора, чтобы поднять опять все прежние оскорбительные нападки на Россию и лично на русского Государя...

⁸¹ Цит. по: *Татищев С.С.* Император Александр II... С. 389–390.

⁸² Цит. по: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1863–1864. С. 316–317. О намерении императора французов фактически пересмотреть под предлогом обсуждения польского вопроса венские запреты говорят многие исследователи: см., например: *Дегоев В.В.* Внешняя политика России и международные системы: 1700–1918. М., 2004. С. 313; *Панченкова М.Т.* Россия, Франция и Турция в 1863 г. // Новая и новейшая история. 1970. № 6. С. 113.

⁸³ Барон А.Ф. Будберг — А.М. Горчакову. АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1864 г. Д. 114. Л. 70–73.

Однако ж, неприличные эти выходки вызвали со стороны правительственных ораторов дельные и сочувственные к России возражения; после красноречивых объяснений Морни и Руэ, все предложения в пользу Польши были отвергнуты даже без голосования. Очевидно было, что правительство Наполеона III, сознав ошибочность прошлогодней своей дипломатической кампании и считая дело польского восстания поконченным, не находило уже расчета снова возбуждать какие-либо политические осложнения и даже показывало желание поправить свои натянутые отношения к России»⁸⁴. Даже принц Наполеон в конце января 1864 г. объявил, «что ему бы не хотелось поддерживать напрасные иллюзии... и что было решено не предпринимать ничего в поддержку Польши»⁸⁵.

1 (12) мая 1864 г. Будберг передает: «Аудиенция, которую он (Владислав Чарторыйский. — Л.П.) столь настойчиво просил у императора Наполеона и наконец добился, повергла эмиграцию в полное смятение. Чарторыйский спросил императора Наполеона, каковы будут его действия в пользу Польши. Ответ был настолько малоудовлетворителен, что Чарторыйский сразу после этой встречи выпустил публикацию, в которой заявил, что в дальнейшем не следует рассчитывать на иностранное вмешательство»⁸⁶. Позже Будберг заявил, что «он не верит в то, что может быть полезным продолжать сопротивление»⁸⁷.

Таким образом, польский вопрос оказался фактически исчерпанным для французского императора. Инициативы польской эмиграции, пытавшейся воздействовать на Наполеона III, оказались бесполезными.

* * *

16 (28) мая 1867 г. Александр II в сопровождении Горчакова выехал в Париж, куда прибыл 20 мая (1 июня). Он ехал в Париж в хорошем настроении: помимо надежды на улучшение франко-русских отношений ему было интересно посетить Всемирную выставку, о которой столько говорили, и знаменитую оперетту Ж. Оффенбаха «Великая герцогиня де Герольштайн». Разумеется, польская эмиграция не могла упустить такой случай, чтобы засвидетельствовать российскому императору свое «почтение». Какой именно прием встретил в Париже российский император, точно неизвестно. Д.А. Милютин в своих воспоминаниях писал, что «на всем пути вся масса народа приветствовала русского императора»⁸⁸. Однако французские источники свидетельствуют, что парижане приветствовали Александра II довольно холодно и что крики в поддержку поляков были вовсе не такими редкими, не такими тихими и не так уж заглушались возгласами «Да здравствует император!», «Да здравствует царь!»⁸⁹. А сами польские эмигранты устраивали манифестации на улицах, площадях и даже в Дворце правосудия: кучка адвокатов во главе с Шарлем Флоке принялась при появлении Александра II скан-

⁸⁴ Милютин Д.А. Воспоминания. 1863–1864. С. 400–401.

⁸⁵ Барон А.Ф. Будберг — А.М. Горчакову. АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1864 г. Д. 114. Л. 96–96 об.

⁸⁶ Там же. Л. 352–352 об.

⁸⁷ Там же. Л. 353.

⁸⁸ Милютин Д.А. Воспоминания. 1865–1867. М., 2005. С. 486.

⁸⁹ См.: Труайя А. Александр II. М., 2007. С. 171; Милютин Д.А. Воспоминания. 1865–1867. С. 488.

дировать: «Да здравствует Польша!»⁹⁰ Высочайшее повеление российского императора о прекращении всех следственных дел, связанных с польским восстанием 1863 г., и разрешение высланным в Сибирь полякам вернуться на родину⁹¹ не произвели, очевидно, впечатления на французское общество, хотя, как писал поверенный в делах Франции, «мотив этого шага — желание угодить Его Величеству (Наполеону III. — Л.П.) и избежать упоминаний о Польше во время их бесед»⁹². Впрочем, как известно, российского императора ждало в Париже испытание посерьезней, чем манифестации поляков, — это выстрел Антона Березовского 6 июня 1867 г. Вернувшись в Елисейский дворец, Александр II принял императрицу Евгению, которая, разрыдавшись у него на груди, умоляла его не сокращать свой визит из-за этого «инцидента»⁹³. Император согласился. Позже, словно желая вызвать еще большее негодование Александра II и российского общества, адвокат Березовского Э. Араго на процессе обрушил на царя потоки злобной критики, а присяжные, потрясенные его речью, нашли в действиях поляка смягчающие обстоятельства и сохранили ему жизнь, приговорив к пожизненному заключению⁹⁴.

Тем не менее карта польской эмиграции во Франции была разыграна. В некоторые периоды поляки были интересны французскому правительству как союзники, которых можно было использовать в дипломатической игре или даже военном противостоянии с Россией, стоило только обещать им государственную поддержку в вопросе о независимости. В другие периоды оказывалось, что поддержка независимости поляков не на руку французам, налаживающим добрые отношения с Российской империей. В любом случае, польская эмиграция в Париже, хоть и была вполне заметной общественной силой, на самом деле не могла влиять на французскую внешнюю политику. Прямые интересы польской эмиграции и французского правительства совпали только однажды, во время похода 1812 г., а потом, хотя французское правительство и раздавало щедрые обещания, до реальной поддержки дело не дошло даже тогда, когда восставшая Польша отчаянно обращалась за помощью в Париж (да и не только в Париж).

С падением Второго польского восстания стало совершенно очевидно, что до серьезных потрясений в европейской политике полякам не стоит питать особенно серьезных надежд на вмешательство держав в вопрос независимости Польши. Эмиграция во Франции перестала быть заметной политической силой, а отель «Ламбер» из центра политических речей и прокламаций стал не менее заметным, но куда более мирным культурным центром польской диаспоры.

⁹⁰ См.: *Cars J. de Eugénie. La dernière Impératrice ou les larmes de la Gloire.* P., 2000. P. 457.

⁹¹ См.: *Нарочницкая Л.И.* Россия и отмена нейтрализации Черного моря. 1856–1871 гг. М., 1989. С. 125.

⁹² Копия донесения поверенного в делах Франции. *CARAN.* 400 AP. 69.

⁹³ См.: *Aubry O. Le Second Empire.* P. 410.

⁹⁴ См.: *Труайя А.* Александр II. С. 174.

И.Л. Жалнина-Василькиоти

РУССКОЕ КЛАДБИЩЕ
СОЮЗА РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ В ГРЕЦИИ,
ОСНОВАННОЕ КОРОЛЕВОЙ ЭЛИНОЙ
ОЛЬГОЙ КОНСТАНТИНОВНОЙ

Когда и где появились на земле древней Эллады первые захоронения русских — сегодня сказать сложно. Многочисленные Русско-турецкие войны, щедро «одарили» Грецию русским могилами, число которых на некоторых островах, как, например, на Паросе в XVIII в., доходило до 600¹. Русские, появившись с освободительной миссией в Элладе, строили дороги, возводили города, создавали школы, больницы. Эти постройки, как и могилы русских, можно найти по всей Греции. В самом центре города Александруполиса, превратившегося благодаря России (к которой он перешел по Сен-Стефанскому мирному договору в 1878 г.) из небольшого поселка Деде-Агатц в город с широкими мощеными улицами, регулярным планом, маяком, общественными зданиями, стоит обелиск на братской могиле русских солдат, скончавшихся от эпидемии во время строительства этого города.

В Греции умирали приехавшие поддержать греческую революцию добровольцы, здесь хоронили военных моряков, погибших в Наваринской битве. Первый крест на, возможно, символическую могилу павшим в Наваринском сражении на о. Сфактирия был поставлен в 1870 г. начальником отряда кораблей, состоявшего из корветов «Львица» и «Память Меркурия», контр-адмиралом бароном Майделем. В 1872 г. экипаж клипера «Жемчуг» на пожертвования команды заказал в Неаполе плиту из каррарского мрамора с надписью: «Память павших в Наваринском сражении 8 (20) октября 1827 г., и погребенных поблизости. Поставлен в 1872 году начальником отряда свиты ЕИВ (его императорского величества. — И. Ж.-В.) контр-адмиралом И. Бутковым, командиром, офицерами и командою клипера “Жемчуг”, установлена 1 ноября»². Судьба греков как братского единоверного народа всегда находила горячий отклик в сердцах русских людей. Любая угроза независимости Греции тут же порождала поток русских добровольцев, готовых умереть за ее свободу, часто раньше, чем решение о помощи принимал официальный Петербург.

В Греции во второй половине XIX в. русской эмиграции в современном понимании этого слова не было. Колония состояла из русского окружения королевы Ольги; дипломатов Российской императорской миссии, генеральных консульств в Пирее и на островах и членов их семей; семей служивших на кораблях Русского императорского флота офицеров; священников русских церквей с домочадцами; медицинского

¹ См.: Столяров И.Ю. Не скажет ни камень, ни крест: (Опыт военно-морского некрополя 1696–1917 гг.). Гл. 3: Боевые действия // <http://www.nekropolvmf.ru/boy.php>.

² Там же.

персонала русских больниц; журналистов, работавших в Элладе; предпринимателей. А позднее к ним прибавился и русской двор зятьев королевы Ольги: великого князя Павла Александровича³, женившегося на принцессе греческой Александре Георгиевне, и великого князя Георгия Михайловича⁴, женившегося на дочери Ольги Константиновны Марии, и двор невестки королевы Ольги великой княгини Елены Владимировны, вышедшей замуж за греческого принца Николая Георгиевича⁵.

Великая княгиня Ольга Константиновна Романова, дочь генерал-адмирала русского флота великого князя Константина Николаевича, руководившего многие годы Морским ведомством, ставшая в 1867 г. второй греческой королевой, выделила для русской диаспоры некрополь в окрестностях Пирея, в районе Святого Георгия. Местные жители Пирея имели собственное кладбище, расположенное рядом с церковью Святого Дионисия на побережье Саронического залива.

Все знавшие королеву Ольгу современники отмечали, что она относилась к морякам и офицерам с поистине материнской любовью. Ее второй сын королевич Георгий служил офицером в русском флоте, а сама королева была назначена ее дядей императором Александром II шефом 12-го и 2-го флотских экипажей, а позднее шефом крейсера «Адмирал Макаров». Немалые средства выделялись ею и на сохранение памяти о погибших русских моряках в Греции, в том числе на братскую могилу героев Наварина.

При королеве Ольге русское правительство начало переговоры с греческим правительством о приобретении в Наваринской бухте участка для установления достойного мемориала русским, погибшим при Наваринском сражении. Предложенный греками район Диспоти Табури Россию не устроил, и было решено оставить прежнее место на о. Сфактирия, где, как писали греческие газеты в 1894 г., Россия собиралась установить грандиозный монумент славы русского флота в память о погибших при Наварине⁶.

Помимо Российской императорской дипломатической миссии в Афинах существовало и консульство в Пирее. Саламинская бухта и о. Порос были в XIX в. военно-морской базой русского Средиземноморского флота, служившего гарантом защищенности греческой независимости. Здесь находился в XIX — начале XX в. Отдельный отряд судов Средиземного моря. Эскадрой командовали, сменяя один другого, контр-адмиралы С.О. Макаров (1894–1895), П.П. Андреев (1896–1898); Н.И. Скрыдлов (1898–1899), К.Р. Вальронд (1899), А.А. Бирилев (1900–1901), А.Х. Кригер (1901–1903), П.П. Молас (1903).

Говоря о русской колонии в Элладе в XIX в., нельзя не сказать и о русских церквях, бывших духовными центрами жизни в эмиграции. Каждый из присылаемых в Грецию из Санкт-Петербурга пастырей обладал прекрасным образованием и был яркой личностью, что делало приход не только религиозным, но и просветительским центром.

В 1836 г. настоятелем русской посольской церкви был поэт князь Сергей Александрович Ширинский-Шихматов, принявший постриг под именем Аникита и

³ Расстрелян большевиками.

⁴ Убит большевиками.

⁵ См.: Гребельский П.Х., Мирвис А.Б. Дом Романовых. 2-е изд. СПб., 1992. С. 140.

⁶ См.: Πρόνοια. 19.11.1894.

скончавшийся через год после принятия пастырских полномочий в Греции. Он был похоронен в Афинах, а позднее тело перенесли на Афон, где и перезахоронили в стене церкви одного небольшого монастыря.

С 1843 по 1850 г. настоятелем посольской церкви в Афинах был ректор Смоленской духовной семинарии, духовный писатель, великий аскет епископ Одесский Поликарп (Радкевич).

Еще до появления великой княгини Ольги Константиновны в Афинах стараниями ее деда русского императора Николая I под началом о. Антонина (Капустина) на деньги русского правительства была восстановлена разрушенная византийская церковь Святого Никодима. Храм стоял без купола, колонны были обвалившиеся, древняя мозаика всюду имела утраты. Россия, получив в подарок от греческого правительства разрушенную церковь и участок земли вокруг нее, взяла на себя его тяжелейшее восстановление, декларируя преемственность Россией византийских традиций и единства веры с возрождавшейся Грецией.

Отец Антонин (Капустин) прослужил в Афинах до 1855 г., где он оставил о себе яркую память и где провел серьезную научную работу по описанию византийских памятников города. После его отъезда из Греции настоятелем посольской церкви был назначен архимандрит Петр (Троицкий).

С 1890 по 1894 г. в Афинах служил архимандрит Михаил (Грибановский), епископ Прилуцкий. Доцент богословия, епископ Таврический и Симферопольский — он продолжил труд своих предшественников по привлечению к церкви элиты русского и греческого общества в Афинах. Известны его религиозно-философские вечера, на которые наряду с королевой Ольгой и русскими дипломатами приходили и иностранные интеллектуалы.

Училище при церкви для русских детей и ареопаг для ученых, русских и греков, устроил епископ Анатолий (Александр Андреевич Станкевич), бывший в должности настоятеля в Афинах с 1879 г.

Будущий Патриарх Московский и всея Руси о. Сергей (Иван Николаевич Старагородский) служил в Греции с 1894 по 1897 г.

Яркими проповедями и сердечной заботой о пастве прославился расстрелянный в 1919 г. большевиками бывший здесь с 1906 г. архимандрит Леонтий (Владимир Федорович фон Вимпфен), а также другие выдающиеся деятели Русской церкви.

Панихиды на кладбище в Пирее были частью духовных треб русской колонии и совершались по несколько раз в год. На них присутствовали священники как Свято-Троицкой церкви, так и, позднее, священники Свято-Ольгинской церкви при русском госпитале в Пирее, команды кораблей, представители российской дипломатической службы в Афинах и Пирее⁷.

В 1890 г. Грецию посетил государь наследник цесаревич, совершавший путешествие на Восток. В Афинах ему был устроен теплый прием.

После девятидневного пребывания в Греции государь наследник цесаревич отправился в Египет, а 7 ноября, в день отъезда, его высочество в сопровождении греческой королевы и великого князя Георгия Александровича присутствовал на бого-

⁷ См.: Богослужебные журналы за 1906, 1907, 1908, 1909, 1910, 1911 гг. при церкви Императорской российской миссии в Афинах. Ч. 1. Архив Русского дома престарелых имени великой княгини Елены Владимировны Романовой (Афины, Греция).

*Могила капитана 2-го ранга
крейсера «Адмирал Нахимов»
В.Ф. фон Шульца (†1891)*

т. д. Уже в эти годы отдельно хоронят офицеров, в рядах № 6 и 7. В 1891 г. в ряду № 6 был похоронен капитан 2-го ранга В. Шульц.

Первое из известных распоряжений королевы Ольги по упорядочению кладбища в Пирее относится к 1891 г. По ее высочайшему приказу мэрия города Пирея решением № 22 от 1891 г. (т. 19, стр. 307 книги приказов мэрии г. Пирея) выделила под русские захоронения и памятники участки № 43 и 44⁹.

Мэрия Пирея решение о выделении участка от 1891 г. подтвердила дополнительным постановлением № 351 в 1895 г., а в 1907 г., к юбилею Наваринской битвы по высочайшему распоряжению королевы Ольги выделило дополнительные участки до северной стены кладбища. Новый план русского кладбища был закреплен в схеме инженера Аравантиноса. Под памятники и захоронения русских приказом № 45 от 1907 г. были выделены участки А, В, Г, Д, Е, Ж (т. 19, стр. 201 книги приказов мэрии г. Пирея)¹⁰. Годом позже по соседству с русским кладбищем появился в участок в 30 квадратных метров под захоронения британцев, преимущественно моряков, так же

служении, совершенном в часовне нового русского кладбища в Пирее⁸.

Сохранилась картина художника Н.Н. Каразина, бывшего вместе с цесаревичем во время путешествия на Восток. Изображен момент посещения в 1890 г. Пирейского некрополя и панихиды на нем. В эти годы настоятелем русского посольского храма в Афинах был архимандрит Михаил (Грибановский), который, по всей видимости, и изображен на картине. Согласно более поздним записям в кладбищенских книгах, к моменту посещения великим князем Николаем Александровичем Пирея на нем было более 20 захоронений. Самые старые из них располагались в рядах № 4 и 5 (по плану 1950 г., которого мы и будем придерживаться в дальнейшем). Рядом с первым по времени захоронением Н. Кутитонского (№ 221; 1844 г.) располагаются могилы Я.Г. Васильева (№ 222; 1863 г.), Д. Поташева (№ 225; 1879 г.), Е. Козлова (№ 226; 1875 г.), А. Рыжкова (№ 227; 1876 г.) и

⁸ См.: Нива. 1890. № 47. С. 1191–1192.

⁹ См.: Αναφορικό σημείωμα δικηγόρου της Ένωσης Ρώσων Μεταναστών για τη προετοιμασία υλικού για τη δίκη κατά του δημαρχείου του Πειραιά το 197? (так в тексте — И. Ж.-В.). Архив Русского дома престарелых имени великой княгини Елены Владимировны Романовой (Афины, Греция).

¹⁰ См.: Ibid.

как и русские моряки, служивших в Пирее. Здесь же были похоронены позднее и английские солдаты, погибшие в годы Первой мировой войны. По решению мэрии Пирея как английское, так и русское кладбища были огорожены. (С английским правительством договоры были перезаключены 19 сентября 1921 г. и 22 октября 1967 г.)

В архивах сохранилось описание истории появления кладбища в Пирее, написанное его многолетним директором, знавшим лично королеву Ольгу протоиереем Павлом (Крахмалевым).

«Еще с давних времен наши русские моряки, умиравшие в разных греческих больницах, были погребены в разных кладбищах и могилы их находились в пренебрежении и забвении, — пишет о. Павел. — Задолго до учреждения больницы и затем храма при ней Ее Королевское Величество Королева Эллинов Ольга Константиновна обратила на это внимание и купила на собранные русскими моряками деньги около Пирея в местности Агия Георгия на городском новом Пирейском кладбище большой участок земли с целью устроить Русское кладбище. Часть этой земли город дал бесплатно.

Впоследствии к нему был прикуплен еще участок. Энергичными заботами Ее Королевского Величества на Русское кладбище были собраны с разных мест останки погибших русско-подданных и для лиц неизвестных была устроена общая братская могила.

Для увековеченья памяти Ее Величество открыло подписку на сооружение на кладбище особого памятника. На собранные деньги и был сооружен в центре этого кладбища большой памятник в формеobelиска.

1. Устроительство Русского кладбища в Пирее — 1888 год.

2. Устроительство на нем братской могилы и перенесения из других мест останков погибших 1883 (год зачеркнут. — *И. Ж.-В.*) — 1889 г.

3. Открытие памятника на Русском кладбище в 1884 году. Павел Крахмалев»¹¹.

Самое раннее из сохранившихся надгробий относится к 1844 г. и принадлежит 27-летнему подпоручику российского императорского брига «Персей» Николаю Кутитонскому.

В сообщениях греческой прессы тех лет встречаются объявления о смерти русских моряков и гражданских лиц, не зафиксированные позднее. Вероятно, поэтому в кладбищенских книгах позднейшего периода постоянно можно увидеть записи: «неизвестная могила», «бетонный крест». Позднее на территории русского кладбища, по воспоминаниям русских эмигрантов, были перезахоронены и русские — участники греческой революции и один неизвестный, погибший в Наваринском сражении¹².

О кладбище времен королевы эллинов Ольги Константиновны можно судить по сохранившемуся в архиве бывшего афинского Русского дома престарелых имени великой княгини Елены Владимировны Романовой плану некрополя, сделанному в марте 1950 г. топографами Николаем Михайловичем Остапенко и Михаилом Петровичем Степановым. Территория представляла вытянутый с юга на

¹¹ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 6112. Оп. 1. Д. 10. Л. 1 об.

¹² Воспоминания жены контр-адмирала А.В. Плотто М.Ф. Плотто. Архив семьи А.В. Плотто (Афины, Греция).

север прямоугольник. Могилы располагались четкими рядами как по горизонтали, так и по вертикали. Центральная аллея от входа вела к братской могиле, на которой был установлен красного гранита монумент-валун, по свидетельству старой эмиграции — привезенный из России¹³. Вокруг памятника-часовни оставалась квадратная площадь, предназначенная для проведения торжественных служб. Первые четыре горизонтальные ряда — как справа, так и слева от центральной аллеи (№ 8–11 на схеме 1950 г.)¹⁴ — были оставлены для захоронения матросов и младших офицеров и появились в 1890-е гг. Размер могил был стандартный (90 см x 1 м 90 см), расстояния строго одинаковые, высота могил — единая. Единственное, что не повторялось, — это надпись и изображение на плите. Каждая плита выполнялась по индивидуальному эскизу и на высокохудожественном уровне. Ряды № 7 и 8 были офицерскими рядами, и хоронили на них дипломатов, офицеров русского военно-морского флота. Участки на этих рядах были шире, расстояния между могилами — больше. Помимо плиты и креста часто устанавливали и памятник, а также огораживали чугунной невысокой решеткой. Ряд № 5 был отведен под захоронения священнослужителей и приближенных королевы Ольги. Хотя за период со второй половины XIX и до начала XX в. женских захоронений, кроме графини де Бальмен и жены диакона П.Н. Юрьева Александры Ивановны Юрьевой, на кладбище, согласно более поздним записям, не было. На кладбище был постоянный сторож, живший в специально построенном для этого помещении.

В первые десятилетия существования кладбища в Пирее на нем хоронили в основном матросов и низший офицерский состав, а останки высокопоставленных служащих отправляли на захоронение в Одессу или Севастополь — например, умершего в Греции контр-адмирала греческого происхождения Л.К. Калогераса. В 1894 г. согласно воле покойного на нем был похоронен князь Михаил Алексеевич Кантакузин, военный атташе Русской императорской миссии в Греции, потомок императорского византийского рода Кантакузинов. Он имел русское подданство, окончил Михайловскую военную академию, был многолетним командующим Финляндского военного округа. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., после ее окончания был назначен военным министром Болгарии. На этом посту пробыл полтора года. По состоянию здоровья был вынужден попроситься в отставку, однако по распоряжению царя Александра III, высоко ценившего его заслуги, был переведен на дипломатическую службу в Элладу.

Через несколько лет рядом появились могилы близкой приятельницы королевы Ольги графини Ольги Егоровны де Бальмен (приехавшей в Грецию по приглашению королевы, жившей здесь несколько месяцев и скоропостижно скончавшейся); генерал-лейтенанта барона Николая Александровича фон Ризенкампа; действительного статского советника российского генерального консула в Пирее Александра Степановича Троянского; командира эскадренного броненосца «Император Николай II»

¹³ Эти сведения встречаются в воспоминаниях многих эмигрантов, в том числе и у жены контр-адмирала А.В. Плотто, служившего до революции в Греции и лично знавшего королеву Ольгу. См.: Архив семьи А.В. Плотто (Афины, Греция).

¹⁴ Архив Русского дома престарелых имени великой княгини Елены Владимировны Романовой (Афины, Греция).

Леонида Ивановича Комарова и т. д. Гражданских лиц низкого социального положения на Пирейском кладбище не хоронили. Например, скончавшийся в 1911 г. кучер Мирон был похоронен на греческом кладбище¹⁵.

Большинство захоронений на Пирейском кладбище в XIX — начале XX в. принадлежало офицерам и морякам русских кораблей, стоявших на рейде в Саламинской бухте, а также членам дипломатической миссии и священнослужителям русских церквей.

Похороненные на русском кладбище моряки служили на кораблях: «Император Николай II» (захоронения 1893, 1895, 1903, 1903 гг.); крейсере 1-го ранга «Адмирал Нахимов» (захоронения 1894, 1903 гг.); крейсере 1-го ранга «Диана» (1904, 1906); канонерской лодке «Храбрый» (1899, 1900, 1905); клипере «Забияка» (1881, 1888); канонерской лодке «Черноморец» (1890, 1890, 1905, 1911); фрегате «Владимир Мономах» (1890, 1890, 1894, 1895); крейсере «Память Азова» (1894); на крейсерах «Богатырь» (1903), «Громобой» (1901), «Адмирал Корнилов» (1891); броненосцах «Император Александр II» (1896, 1900), «Петропавловск» (1899); на фрегате «Минин» (1883); корвете «Аскольд» (1876); клиперах «Стрелок» (1888), «Всадник» (1876); на лодках «Грозный» (1898), «Кубанец» (1907), «Хивинец» (1912), «Петропавловск» (1899); бриге «Персей» (1844).

Согласно сохранившимся записям в церковных книгах в дореволюционный период в Пирее было похоронено 100 человек. Из них — 2 женщины и 5 детей офицеров русского военно-морского флота, бывших на службе в Греции. Последние хоронили в ряду № 4, а священнослужителей погребали в ряду № 5. Дьякона Порфирия Николаевича Юрьева и его супругу Александру Ивановну Юрьеву похоронили в разных могилах, что будет большой редкостью в более поздние годы, когда нехватка земли под русские захоронения приведет к появлению многочисленных семейных захоронений на одном участке.

После убийства в Салониках в 1913 г. короля Греции Георгия I королева Ольга Константиновна, которая прожила с супругом в счастливом браке почти 45 лет,

Могила капитана 1-го ранга Л.И. Комарова (1853–1903)

¹⁵ См.: Богослужебный журнал за 1911 г. при церкви Императорской российской миссии в Афинах. Ч. 1. Архив Русского дома престарелых имени великой княгини Елены Владимировны Романовой (Афины, Греция).

уехала в Россию. Оставаться в Элладе, где все напоминало ей о муже, было тяжело. Уехала, как она считала, ненадолго, а вернулась только через 7 лет.

В России королева эллинов встретила революцию, пережила смерть самых близких людей.

17 ноября 1920 г. королева эллинов Ольга Константиновна после долгих лет отсутствия по разрешению премьер-министра Греции Э. Вензелоса вернулась в Грецию: ее внук король эллинов Александр умирал в загородной резиденции греческих королей Татое от укуса бешеной обезьяны. Королева так и не успела увидеть его живым. После монархического переворота, происшедшего в стране, она стала на один месяц (до возвращения из изгнания ее сына короля Греции Константина) регентом Эллады с титулом «Королева-Мать и Правительница». В это время по просьбе правительства генерал-лейтенанта П.Н. Врангеля в связи с окончанием Гражданской войны в России по ходатайству Ольги Константиновны греческое правительство дало согласие принять в страну 1742 русских эмигранта. Из них 1000 человек были отправлены на поселение в Салоники, в барачный поселок Харилау, принадлежавший когда-то строительному обществу (по другим источникам — французскому госпиталю). Остальные разместились в Афинах.

Так как в Греции находились 2 прекрасных русских госпиталя (в Афинах и Салониках), преимущество для въезда в страну отдали больным и раненым. Личное приглашение от королевы и от греческого правительства получили морские офицеры, в прошлом находившиеся на службе в Средиземноморской флотилии. Среди эмигрантов этого периода — участники Русско-японской, Русско-турецкой, а также Первой мировой войн. Первое время больных и раненых содержало французское правительство, затем, через несколько месяцев — греческое.

Однако после сокрушительного разгрома греческой армии турецкой армией под командованием Кемаля Ататюрка и начавшегося в Малой Азии геноцида мирного греческого населения в Грецию хлынул поток собственных беженцев и начался болезненный обмен населением с Турцией. По Лозаннскому договору 1923 г. Греция потеряла ранее приобретенные территории.

Согласно состоявшейся несколько позднее, в 1928 г., переписи населения 151 892 беженца прибыли в Грецию до катастрофы в Малой Азии и 1 069 958 — после¹⁶. В свете этих событий с 1 мая 1921 г. больных и раненых русских военных сняли с довольства, и они должны были освободить греческие госпитали для прибывающих из Малой Азии греков¹⁷.

Общее число русских к середине мая 1920 г. достигло порядка 3500. Из них около 2000 в Афинах (в том числе 1000 воинов), около 1500 в Салониках (из них 944 воинов)¹⁸.

В 1923 г. согласно докладу правления Совнарода ситуация с беженцами из России была следующей: «Общее число русских беженцев в Греции в настоящее время достигает 8–10 тысяч человек, большинство из которых прибыло с о. Лемноса после разрешения Греческого правительства, часть из Галлиполи и часть при-

¹⁶ См.: *Καροφύλα Γ.* Η Αθήνα του μεσοπολέμου. Αθήνα, 1984.

¹⁷ См.: ГА РФ. Ф. 5778. Оп. 1. Д. 84. Л. 2.

¹⁸ См.: Там же. Д. 1. Л. 78.

бывает из Сербии, переходя тайно границу Греции. Из этого числа рядовых казаков, вахмистров и подхорунжих — 60 %, рядового офицерства — 20 %. И знати и высшего офицерства — 20 %. 80 % беженцев бывшей врангелевской армии находятся на работах в шахтах, рудниках, каменоломнях, заводах и на полевых работах и виноградниках. Оплата труда русских, не знающих греческого языка, ниже рабочих греков и других национальностей, а также потому, что русские беженцы, не имея средств к жизни, идут на всякую оплату. До прибытия беженцев-греков из Малой Азии работу можно было найти, но после, а также впоследствии пошатнувшегося экономического состояния страны не только работы не стало, но даже немногие, работавшие на фабриках и заводах, выбрасывались вон и заменялись греческими беженцами и демобилизованными»¹⁹.

Уехавшая в изгнание вместе с семьей сына короля эллинов Константина Ольга Константиновна в мае 1925 г. поселилась в Риме у сына Христофора, где и умерла 19 июня 1926 г.

Русская эмиграция лишилась в лице королевы Ольги опоры и защиты. Законодательным актом от 9 ноября 1925 г. правительство Пангаласа конфисковало в пользу государства для нужд военно-морского флота не только русский военно-морской госпиталь, но и существовавший с 1903 г. построенный на средства русских, большей частью офицеров, русский маленький храм Святой равноапостольной Ольги, к которому был приписан и Пирейский некрополь.

В 1929 г. решением следующего греческого правительства это противозаконное действие было подтверждено. Причту удалось отстоять и вернуть приход только в 1930 г. Но за эти пять лет и церковь Святой Ольги, и кладбище были без должного внимания, так как о. Павел (Крахмалев), оставшийся без прихода, вынужден был находиться то в Сербии, то Австрии.

Вернувшись в Пирей, о. Павел приложил все усилия, чтобы привести в порядок церковь и кладбище. Он обратился к русской колонии с обращением, в котором писал: «В 1904 году в Пирее был открыт русский храм, обслуживающий русскую больницу и команды русских судов. Ныне храм обслуживает немногочисленных оставшихся в Пирее русских, большей частью нуждающихся инвалидов последней войны. В общем храм в настоящее время имеет 17 человек прихожан и находится в весьма тяжелом материальном положении. Причт бедствует, храм требует ремонта, не производившегося с момента его освящения, т. е. с 1904 года. В таком же тяжелом положении находится и русское кладбище, где уже погребено свыше 700 человек»²⁰.

В церковь Святой Ольги королева эллинов Ольга Константиновна завещала передать 4 знамени Особой русской дивизии, воевавшей на Салоникском Македонском фронте²¹.

Видя отношение новой власти в России к тысячелетней русской истории, а вернее, к тому, что эта история была напрочь перечеркнута, эмиграция сохране-

¹⁹ Русская военная эмиграция 20–40-х годов: Документы и материалы. Т. 2: Несбывшиеся надежды... 1923 г. М., 2001. С. 253.

²⁰ ГА РФ. Ф. 9141. Оп. 1. Д. 174. Л. 9.

²¹ См.: ГА РФ. Ф. 7517. Оп. 1. Д. 22. Л. 366.

ние и поддержание старых русских мемориалов и некрополей считала своей исторической ролью.

В Афинах в 1927 г. был создан Союз русских эмигрантов в Греции, призванный упорядочить и облегчить жизнь выходцам из России. И одним из первых вопросов, наряду с вопросом о судьбе русских церквей Святой Троицы и Святой равноапостольной Ольги, он начал решать и вопрос о русском кладбище в Пирее. В 1928 г. решением № 2450 Пирейского суда русская часть греческого кладбища «Анастасеос» («Воскресение») была отдана в полное распоряжение советов русских Свято-Троицкой и Свято-Ольгинской церквей и Союза русских эмигрантов, официально признанного в 1927 г. архиепископией Афин.

Важную роль в сохранении информации об умерших в Афинах и погребенных в Пирее сыграла жена генеалога Леонида Михайловича Савелова-Савелкова Надежда Адриановна Савелова-Савелкова, многолетняя помощница и соратница мужа в его научных исследованиях.

В 1934 г. ее муж основал в Афинах журнал «Новик», в котором позже, уже будучи в Америке, найдя записи о похороненных на Пирейском кладбище, сделанные Надеждой Андриановной, и систематизировав их, в 1940 г. опубликовал (а позже добавил новые) 195 имен, среди которых были оставшаяся в греческой земле жена, родственники и многочисленные друзья по эмиграции.

В первых дошедших до нас кладбищенских записях, относящихся к 1947 г., из списков, опубликованных в «Новике», 100 имен уже не значатся, хотя большинство их них — офицеры русской армии. Это свидетельствует о том, что беженские захоронения делались из дешевого материала, который от палящего солнца, дождей и прочих невзгод быстро приходил в негодность. Где были расположены эти могилы, сегодня сказать сложно, так как, фиксируя имена скончавшихся, Надежда Адриановна, к сожалению, не указывала местоположения могил. Известно только благодаря сохранившемуся плану 1950 г., что ряды № 1, 2 и 3 появляются на кладбище в Пирее именно в эти годы. Ряд № 3 становится «почетным». Именно на нем были похоронены большинство генералов и известных людей: Леонид Владимирович Янкевский (1879–1928; № 140) и его сын Виталий (†1921); Герман Семенович Подушкин (1857–1924; № 142); сестра милосердия, дочь и сестра генералов Дроздовских Юлия Гордеевна Дроздовская (†1922; № 152); действительный статский советник Евфимий Константинович Апостолиди-Костанда (†1925; № 151) и др. Начиная с этого периода на кладбище возникают и семейные захоронения. Появляются захоронения и в старом историческом офицерском ряду № 6. Там хоронят Михаила Константиновича Акимовича (†1920; № 324) — действительного статского советника, российского генерального консула в Пирее; Александра Александровича Тавастшерана (1888–1925; № 329) — капитана 2-го ранга; Анатолия Ивановича Камлюхина (1886–1922; № 330) — старшего лейтенанта, командира подводной лодки АГ-№ 23. Таким образом, очевидно, что белая эмиграция чтит традиции некрополя и участок военно-морских и посольских захоронений сохранял свой статус.

Русская колония в 1920-е гг. потеряла известных боевых генералов: Ивана Ананьевича Манжелея, Германа Семеновича Подушкина, Владимира Ксенофон-

товича Ревелиоти, Георгия Петровича Шумова, Леонида Владимировича Янкевского. Из пяти могил сохранилась на сегодня только могила генерал-майора флота В.К. Ревелиоти.

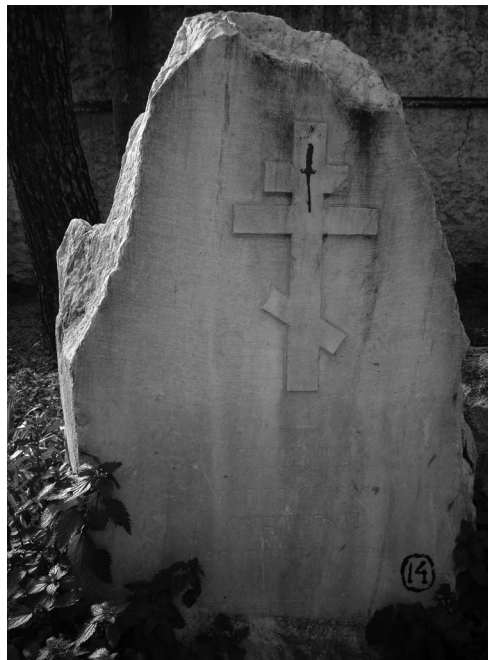
С 1920 по 1929 г. по сохранившимся записям в кладбищенских книгах и в журнале «Новик» числится 201 захоронение, т. е. в два с лишним раза больше, чем за весь период с 1844 по 1917 г. Хотя согласно приведенным выше данным о Павле (Крахмалев) упоминает о 700 похороненных в эти годы.

Среди скончавшихся в эти годы в Афинах (из установленных на настоящее время): офицеров и солдат русской армии — 97; сестер милосердия — 12; детей и жен военных — 45. Кладбище по-прежнему в эти годы оставалось военным мемориалом. Среди скончавшихся — 5 генералов, 11 полковников, 2 подполковника, 17 капитанов и т. д.

10 октября 1935 г. в Греции была восстановлена монархия. В 1936 г. было произведено перезахоронение останков королевы эллинов Ольги Константиновны, ее сына короля Греции Константина I и его супруги Софии, скончавшихся в Италии в изгнании. После кончины их прах был помещен временно в русскую церковь во Флоренции. Еще в 1990-е гг. греки, помнившие это событие, рассказывали, что встречать гроб с останками любимой королевы вышла вся Греция и дорога от порта Фалиро, куда прибыл крейсер «Аверов», до загородной резиденции греческих королей Татой, где они и были похоронены на семейном кладбище, была устлана цветами²².

Всего, по дошедшим до нас на настоящий момент источникам, в 1930-е гг. в Пирее было произведено 81 захоронение, их них 19 военных, 6 членов семей военных; похоронены: 2 генерала, 8 полковников; 46 мужчин и 35 женщин.

Могила генерал-майора Дмитрия Петровича Енько расположена между рядами № 2 и 3, по соседству с могилами генерал-майора Л.В. Янкевского, генерал-майора флота Г.С. Подушкина, Юлии Дроздовской и Е.К. Апостолиди-Костанду, полковников П.Ф. Веселова, И.А. Белова, георгиевского кавалера летчика С.М. Шаравского. В этих же рядах, безусловно, существовали и могилы известных эмиг-

*Могила сестры милосердия Ю.Г. Дроздовской
(ок. 1869–1922)*

²² Воспоминания жены С.А. Симвулиди Матины Симвулиди. Запись беседы 17 марта 1995 г. Архив автора (Афины, Греция).

рантов, не сохранившиеся до 1950-х гг. Появились в эти годы и большие участки в разных местах кладбища под семейные захоронения. Известная семья удачливого в бизнесе эмигранта Василия Ивановича Ломагина приобретает тройной участок № 628, так же как и семья ротмистра Сергея Замуравкина (№ 520), протоиерея К.Н. Николо-Полити. В старом офицерском ряду № 7 похоронили полковника В.Х. Невдахова.

В 1940-е гг., когда Греция была оккупирована итальянскими, немецкими и болгарскими войсками, русская эмиграция всячески старалась поддержать стариков, больных, инвалидов. Для действительного статского советника В.В. Павлова, для дочери вице-адмирала В.А. Корнилова, для доктора медицины военного врача Н.Ф. Петрова были определены маленькие пожизненные пенсии от церкви и созданы специальные фонды помощи малоимущим. Княгиня Сан-Дonato Софья Илларионовна Демидова, возглавлявшая Союз русских эмигрантов в Греции, используя свои связи, устраивала больных и неимущих в греческие богадельни, больницы. В годы войны умер ее супруг князь Елим Павлович Демидов, многолетний защитник и радатель русской колонии. Он был похоронен внутри ограды русской Свято-Троицкой церкви в Афинах, где с 1912 г. был сначала императорским российским посланником, а позже многолетним старостой русского прихода. В 1940 г. не стало участника Русско-японской и Первой мировой войн генерал-майора И.В. Ильина. Он был похоронен в могиле № 224, в ряду самых старых, собираемых лично королевой Ольгой захоронений²³. Рядом с памятником на братской могиле русским морякам отвели место для захоронения протоиерея о. Павла (Крахмалева), одного из самых ярких и блестящих представителей русского духовенства зарубежья, оставшегося верным идеалам служения русскому народу и отечеству.

О последних годах жизни русского контр-адмирала написала в письме в Париж внуку контр-адмирала А.В. Плотто его вдова Мария Феофановна: «Умер дедушка в 1948 году, 79 лет от роду, в общем от слабости, от сердца. Питались мы плохо, к докторам не ходили, навещал его один знакомый доктор, прописывал лекарства и один год он пролежал в постели, почти не вставая. Умер тихо, безболезненно, держа свою руку в моей руке. Похороны были хорошие и были устроены в общем тремя предприятиями: о-вом Шелль, где дедушка был пенсионером, затем Морским министерством и Городским управлением Афин. Дали мне и денег, плохо помню, кто и почему, была расстроена тогда». Греческий военный министр господин Сакелярис прислал семье покойного контр-адмирала А.В. Плотто соболезнование, выразив надежду, что «Родина контр-адмирала когда-нибудь освободится от коммунистической чумы»²⁴. Контр-адмирала А.В. Плотто похоронили в историческом офицерском ряду в могиле № 374 рядом с генерал-лейтенантом М.А. Кантакузиным. В 1940-е гг. на Пирейском русском кладбище были похоронены: 1 контр-адмирал, 1 генерал, 6 полковников. Из 132 захоронений — 76 мужских.

²³ К сожалению, эту часть русского участка в 1980-е гг. освободили от могил для строительства часовни.

²⁴ Архив семьи А.В. Плотто (Афины, Греция).

*Могилы (справа налево в первом ряду) В.К. Ревелиоти (1859–1929)
и Е.К. (ок. 1868–1925) и А.Г. (†1955) Апостолиди-Костанда*

В 1950-е гг., после окончания сначала Второй мировой, а затем уже гражданской войны (продолжавшейся в Греции до 1949 г.) русская колония занялась преобразованиями на кладбище и приведением его в порядок. Десятилетнее лихолетье сильно изменило облик Пирейского некрополя. Мраморные захоронения и надгробия конца XIX — начала XX в. сменились дешевыми деревянными или железными крестами. Многие из них со временем пришли в негодность, а многие исчезли, в том числе и могилы выдающихся военных: Германа Семеновича Подушкина — генерал-майора флота; Леонида Владимировича Янкевского — генерал-майора Генерального штаба, кавалера ордена Святого Георгия 4-й степени (1 сентября 1915 г.) и Георгиевского оружия (29 сентября 1915 г.).

К этому периоду (с 1949 г. и позднее) относятся и сохранившиеся до наших дней в архиве афинского Русского дома престарелых имени великой княгини Елены Владимировны Романовой кладбищенские книги со строгим учетом захоронений, записью имеющихся могил, списком захороненных с указанием биографических подробностей, которые к тому времени еще знали друзья и родственники усопших или которые можно было прочесть на могильных плитах. Также с целью наведения порядка на кладбище Союз русских эмигрантов в Греции предпринял большую работу по перенесению многочисленных останков в братские

могилы или в могилы родственников, приобретенные уже в собственность. В записях значится и некая братская могила русской Свято-Троицкой церкви, братская могила казаков под названием «Крест». Имена, значащиеся в списках в книге за № 311 и не упоминавшиеся более в книге за № 3111, принадлежат людям, чьи останки были перезахоронены в братскую могилу или в могилу казаков Афинской казацкой станицы. К концу 1950-х гг. на кладбище числились 642 участка, из них 152 свободных, 38 бетонных крестов и 3 неизвестных захоронения.

Белая эмиграция относилась к русским некрополям с почитанием. Она воспринимала себя наследницей той великой русской истории, творцами которой были соотечественники, похороненные там прежде. Кладбище в Пирее было частью потерянной России, свидетелем ее великого прошлого, которую белая эмиграция считала долгом чести сохранить для будущих поколений. Ограниченные в средствах, русские, между тем, постоянно выделяли деньги на приведение в порядок дореволюционных захоронений, на благоустройство кладбища. А в 1937 г. начали собирать деньги на сооружение новой взамен пришедшей в негодность часовни на русском участке союзнического кладбища Зейтенлинк в Салониках. В особых случаях Союз русских эмигрантов выделял участки бесплатно, отдавая дань уважения наиболее отличившимся соотечественникам.

Захоронения 1950-х гг. расположены в самых разных местах некрополя. Всего в эти годы значится 131 захоронение, из них 23 военных (из которых семь кавалеров ордена Святого Георгия Победоносца), 2 сестры милосердия, 2 священнослужителя. В 1960-е гг. — 108 захоронений, из них 17 военных (два георгиевских кавалера).

О существовании братской могилы казаков говорят многочисленные записи в кладбищенских книгах. Афинская казацкая станица существовала вплоть до смерти ее последних представителей в районе Агия Анаргия. По всей видимости, после того как согласно греческим законам через 3 года после смерти усопшего его останки или передавались родственникам, или хоронились в общей могиле, казаки эти останки переносили в братскую могилу казаков в Пирее. Именно этим можно объяснить, что на казаков выделена отдельная страница в приходно-расходных книгах, а не в книгах записи похороненных в Пирее. Один бетонный крест оставлен рядом с более поздним по времени создания братским памятником казакам. Бетонный крест как место, которое подлежит сохранению, фигурирует и в списке исторических могил на Пирейском кладбище. Сам братский памятник казакам, стела из белого мрамора с прикрепленной табличкой, на которой написано: «В Память казакам и их Вождям за Веру и Отечество на поле брани убиенным и в зарубежье скончавшихся с 1914 года. Сооружен Афинской казацкой станицей в 1961 году», расположен рядом с бетонным крестом. Свидетельств того, куда были перенесены останки казаков после решения пирейской мэрии об освобождении участка от русских могил — в захоронение под бетонный крест, под мраморную стелу или в подклет часовни Святой Ольги — на сегодня пока неизвестно. Последний атаман Афинской казацкой станицы Захар Софронович Коршунов скончался в 1983 г. и был среди тех, кто активно участвовал в попытках спасти военно-морской мемориал от разрушения в годы хунты. На всех обращениях и заявлениях русской колонии стоит его подпись как представителя русского казачества в Греции.

В августе 1971 г., в годы правления антидемократического, пришедшего к власти в результате военного путча правительства «черных полковников» односторонним решением № 11758 от 23 апреля 1971 г. мэрия Пирея отменила право, данное ранее Союзу русских эмигрантов в Греции, распоряжаться русским участком кладбища «Анастасеос». 20 августа тогдашний директор Русского кладбища Дмитрий Калюдин получил предписание в течение пяти дней передать все книги, записи, квитанции, документы на собственность семейных захоронений. «В случае если не будут выполнены все решения, — писали в послании, — то мэрия потребует материального возмещения нанесенного ей убытка»²⁵.

Русские эмигранты начали писать многочисленные письма, обращаясь прежде всего к мэру Пирея Скилитцису:

«Глубокоуважаемый господин мэр!

Ничто никогда не могло бы больше ранить и причинить такую боль православной русской душе, как такое внезапное и такое трагическое для нас известие, о котором мы только что узнали, об упразднении отдельного русского участка на Пирейском кладбище “Анастасис”, переданного почти век назад для обслуживания нужд русской колонии в Греции.

Почему надо было оскорблять все наше святое, пренебрегать нашими традициями, нарушить вечный покой наших отцов, возбудить такое волнение, такое справедливое возмущение и такую боль, заставить нас пролить столько слез? Не находим слов высказать скорбные чувства возмущенной и восставшей души всей русской колонии в Греции, но и наших соотечественников за границей, когда они, несомненно, узнают о печальном событии.

Не хотим верить и никогда не поверим, что, живя в не исповедующем иную веру государстве, но в братской православной, а еще и греков-христиан стране, что было бы когда-нибудь возможно столкнуться с такими жестокими действиями и поступками.

Желая плакать от обиды, мы задаемся вопросом: в этом заключается благодарность по отношению к нашим предкам, многие из которых пролили кровь за освобождение Греции от турецкого ига в Наварине и в других полях славных битв и кости которых покоятся на русском участке Пирейского кладбища? В этом заключается оказание “моральной поддержки” нам, эмигрантам, прибегнувшим под защиту проявляющей любовь Греции?

Господин Мэр, взываем к общим для всех греков чувствам гостеприимства и в особенности Вашей, такой художественной душе. Дайте нам умереть спокойно. Дайте нашим костям смешаться с костями наших отцов, матерей, братьев и детей, похороненных на этом участке, дайте нам умереть с наилучшими впечатлениями, которые у нас до сих пор были от гостеприимной Греции. Не прибавляйте к нашей горестной боли первого изгнания беспокойство второго и более болезненного изгнания. Отнеситесь с уважением к нравам и обычаям другого народа. Не тревожьте, как было до сих пор, этот участок кладбища и дайте ему продолжить свой горестный путь.

²⁵ Судебное уведомление от 20 августа 1971 г. Архив Русского дома престарелых имени великой княгини Елены Владимировны Романовой (Афины, Греция). Текст на греческом языке.

С глубоким чувством скорби и боли за русскую колонию:

За Союз русских эмигрантов в Греции: *Ирина Ралли*

За Церковный совет Афинского русского храма: *о. Тимофей (Саккас)*

За Церковный совет Пирейского русского храма: <подпись неразборчива>

За Союз русских инвалидов в Греции: *Альфред Ганзен*

За общество казаков в Греции: *Захар Коришунов*

За сестричество при церкви Богородица Ликодиму: *Евгения Казаниду (Круковская)*

Мы уверены, что найдем понимание в этом вопросе и что Вы нас защитите и заранее Вас благодарим и выражаем признательность от имени русской эмиграции»²⁶.

В 1974 г. состоялся суд, который русская эмиграция проиграла. Ни одно из иностранных кладбищ, за которые заступились их правительства, тронуты в Греции не были.

И последней просьбой, также не услышанной, было, что если не может быть изменено решение об отчуждении кладбища, то хотя бы предоставить русским еще 10 лет, пока не умрут последние оказавшиеся в Элладе после революции в России эмигранты²⁷.

Окончательное решение по русскому некрополю мэрия Пирея приняла в 1977 г., разрешив русской колонии только 20 исторических надгробий: значительных лиц, адмиралов, генералов, моряков по выбору русской колонии. Участок вокруг этих захоронений было приказано освободить. Остальные участки разрешались только на три года, с документами о том, что умерший — русский эмигрант. Далее, «разрешались» семейные могилы в случае, если мэрии будет уплачена половина современной стоимости, т. е. 5000 драхм за квадратный метр. Под захоронение останков выделялась территория размером 6 x 4,5 метра. И в эти метры надо было уместить всю русско-греческую 150-летнюю историю и все жертвы, принесенные русскими за свободу братского греческого народа. Русская колония встала перед тяжелой дилеммой выбора «исторических надгробий». Почти все захоронения к тому времени были «историческими». Многие семейные захоронения не могли быть выкуплены еще раз, так как у большинства умерших русских не осталось в Элладе детей и родственников и право на пользование захоронениями ими уже были приобретены. Средний возраст русских эмигрантов, «сражавшихся» за исторический некрополь, к тому времени приближался к 80 годам, и это уже была маленькая горсточка больных, старых и не очень богатых людей. Ими было принято единственно возможное правильное решение: на территории, разрешенной под мощевик, на средства русской колонии они соорудили часовню и выложили ее мраморными плитами с надгробий русских моряков, умерших за свободу греческой земли.

Двадцать исторических захоронений надо было выбрать более чем из 600, находившихся к тому времени на кладбище. На сотню могил были права собственности, за остальными, ввиду отсутствия потомков, ухаживала русская колония.

²⁶ Судебное уведомление от 20 августа 1971 г. Архив Русского дома престарелых имени великой княгини Елены Владимировны Романовой (Афины, Греция).

²⁷ См.: Ζητείται η διατήρησης νεκροταφείου των Ρώσων // Εθνικός Κηρύξ. 26.5.1976. Σ. 5.

Судя по перечню вскрытых могил, русским было приказано освободить определенные участки кладбища, наиболее престижные и дорогие. Освобождались первые четыре ряда при входе, т. е. тот участок, который целиком состоял из русских военноморских захоронений. Были вскрыты все могилы с № 426 по 473. Ни одно из этих захоронений не было семейным. И ни одно из них, несмотря на проблемы с участками, не было тронуту за годы, пока кладбищем распоряжался Совет русских церквей в Афинах и Пирее и Союз русских эмигрантов в Греции. Для освобождения участка под часовню пришлось пожертвовать теми самыми старыми 20 могилами, которые королева Ольга создала на некрополе, собирая останки русских моряков, похороненных по всей территории Греции.

Останки из вскрытых могил были помещены в мощевике в подклете церкви, которая, наряду с братским памятником, стала еще одной братской могилой русских в Греции. Разрешение пирейской мэрии на 27 квадратных метров для всех русских останков, погребенных за 100 с лишним лет на этом участке, повергло русскую эмиграцию в полное смятение. Частичный компромисс был найден: решено было соорудить на этих метрах часовню во имя Святой равноапостольной Ольги, сделать в подклете мощевик и перенести туда все останки из вскрытых русских могил. По воспоминаниям многих эмигрантов, идея обложить часовню могильными плитами пришла инженеру Игорю Францевичу Фишеру. Были сохранены 74 могильные мраморные плиты и 13 фрагментов надгробий, на которых прочитываются обрывки фраз или отдельные слова «матрос», «старший командор», «гвардейский экипаж», «младенец», «упокой, Господи, душу» и т. д.

От дореволюционных захоронений сохранились плиты с 45 могил военных, 2 священнослужителей и 5 детей военных. От 1920-х гг. — 4 плиты с могил военных, 2 жен военных, 1 дипломата. От последующих периодов — 9 захоронений.

Был частично сохранен офицерский ряд. Туда со временем будут похоронены контр-адмирал А.В. Плотто с супругой, мичман Я.В. Нелавицкий, генеральный консул в Пирее, многолетний председатель Союза русских эмигрантов в Греции И.Н. Хаджи-Лаззаро с женой, георгиевский кавалер полковник М.М. Алфераки с женой. Землю в собственность на уничтоженном матросском ряду купил после-

*Могила контр-адмирала А.В. Плотто
(1896–1987)*

дний атаман Афинской казацкой станицы З.С. Коршунов с женой Татьяной и жена сотника Войска Донского Л.В. Федорова, перезахоронившая туда останки мужа.

Почетный генеральский ряд 1920–30-х гг. удалось сохранить частично. Сюда из ряда № 10 был перезахоронен генерал-майор В.К. Ревелиоти, сохранилась могила генерал-майора Д.П. Енько, захоронение Юлии Гордеевны Дроздовской, действительного статского советника Е.К. Апостолиди-Костанды и т. д.

Право на историческое захоронение было представлено и семье контр-адмирала Александра Владимировича Плотто. От этого права семья отказалась, так как, во-первых, в историческое захоронение никого уже нельзя было хоронить, а во-вторых, у контр-адмирала были жена, сын, внучки, которые в будущем могли бы за захоронением ухаживать²⁸. Семьи героев Первой мировой и Русско-японской войн отказывались от своих прав, уступая их бессемейным, надеясь, что за их могилами будут ухаживать потомки или прихожане русских церквей Святой Троицы в Афинах и Святой Ольги в Пирее.

К тому же в 1950-е гг. по инициативе великой княгини Елены Владимировны на ее личные средства и на средства Всемирного совета церквей был создан Русский дом престарелых в районе Аргируполи для бездетных и нуждающихся в помощи русских эмигрантов. По логике именно в ведении Свято-Троицкой церкви находилось русское кладбище и именно эта церковь должна была следить за некрополем и за платой за семейные могилы.

Кроме того, вплоть до середины 1990-х гг. средства на содержание кладбища приходили из Америки — из Фонда И. Кулаева. Однако именно в эти годы прекратили свое существование сестричество при Свято-Троицкой церкви и Союз русских эмигрантов в Греции, так блестяще выполнившие все поставленные в его уставе цели. Когда от русской старой колонии почти уже никого не осталось, русское кладбище оказалось бесхозным и за могилами перестали ухаживать и платить за его содержание.

Из оставленных русской эмиграцией 20 исторических захоронений 13 были дореволюционные, 3 могилы женские. Была сохранена могила сестры милосердия жены генерал-лейтенанта Н.Ф. Ильина Екатерины Владимировны Ильиной, урожденной Корниловой — младшей дочери вице-адмирала В.А. Корнилова, героя Крымской войны, погибшего на Малаховом кургане.

Младшая дочь вице-адмирала фрейлина Екатерина Владимировна Ильина оказалась в эмиграции в Греции в весьма преклонном возрасте вместе с двумя дочерьми — Марией (1876–1966) и Екатериной (1882–1957). Обе дочери были сестрами милосердия. В 1920-х гг. в списках эмигрантов числится и муж Екатерины Владимировны генерал-лейтенант Н.Ф. Ильин. Место его погребения до настоящего момента неизвестно. Екатерина Николаевна Ильина скончалась в Греции в 1957 г., а ее сестра Мария, оставшись одна, переехала во Францию, где умерла в 1966 г. в Каннах в доме престарелых²⁹. Выделяя Е.В. Ильиной могилу на вечные

²⁸ См.: Из воспоминаний внучки контр-адмирала А.В. Плотто Анны Михайловны Морангу. Архив автора (Афины, Греция).

²⁹ См.: <Некролог> // Русская мысль. Париж. 1966. 1 февраля. № 2420; Пантюхов О. <Некролог> // Часовой. Париж, Брюссель. 1966. № 477.

времена, русская эмиграция выразила дань уважения потомкам великого героя «русской Трои», сдержала обещание, данное от лица всех живущих в России императором Николаем I в своем рескрипте на имя вдовы Корнилова «...и детям вашим переходит имя, почтенное в истории русского флота»³⁰.

Исторические могилы были отданы двум выдающимся русским священникам: протоиерею о. Павлу (Крахмалеву), участнику Русско-японской войны, священнику русских войск на Македонском фронте, члену Высшего церковного управления за границей, в эмиграции в Греции бывшему настоятелю церкви Святой Ольги в Пирее, благочинным русских церквей в Греции, членом Высшего церковного управления за границей³¹; а также о. Константину (Федорову), полковнику-корниловцу, первопоходнику, кавалеру ордена

Могила сестры милосердия Е.В. Ильиной (урожд. Корниловой; 1846–1941)

Святого Николая Чудотворца, протоиерею, настоятелю церкви Святой Ольги в Пирее, сменившему на этом месте о. Павла (Крахмалева) после его смерти.

Сегодняшнее состояние кладбища плачевно. Из 10 генеральских могил — 6 могил не сохранились; из 38 могил полковников — 25 нет; из 26 могил капитанов — 19 исчезли. Исчезли при молчаливом согласии советской власти могилы политиков, военных, священников, художников. Исчез пласт русской истории и память о нашем достойном присутствии в этой стране. Чудом сохранились 8 из 12 могил кавалеров ордена и оружия Святого Георгия Победоносца. Из почти что 600 захоронений «дожило» около сотни могил. Но все, что сохранилось, в любой момент может исчезнуть, и уже навсегда. До настоящего времени не решена главная проблема, проблема статуса. Как она решена на соседнем английском и на других кладбищах: еврейских, католических, немецких, турецких, сербских и т. д. Растут долги за каждую сохранившуюся могилу — долги, которые могут заплатить только наследники. А разве наследниками нашей истории не являемся мы — русский народ? И действительно ли мы, пережившие варварское глумление над нашей историей и уничтожение древнейшего русского военноморского некрополя в Европе, еще кому-то и должны?

³⁰ Жандр А.П. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова. СПб., 1859. С. 396.

³¹ ГА РФ. Ф. 6112. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

К.К. Семенов

ЛИЦОМ К СОЛНЦУ: УЧАСТИЕ БЕЛОЭМИГРАНТОВ
В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В ИСПАНИИ
(1936–1939)

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В СЕРЕДИНЕ 1930-х гг.

Горька и безрадостна была судьба русского беженца на чужбине. Сотни тысяч наших соотечественников, оказавшись в вынужденной эмиграции, владели жалкое существование. Лишь к единицам из них судьба была благосклонна, и им удалось неплохо устроиться в первые годы изгнания.

Русские эмигранты неравномерно рассеялись по всем странам мира. Некоторым эмигрантам пришлось сменить две-три страны, прежде чем они обрели постоянное пристанище. Наиболее массовыми очагами русской эмиграции стали Франция, Германия, Болгария и Королевство сербов, хорватов и словенцев (Королевство СХС; с 1929 г. — Королевство Югославия). К началу 1930-х гг. из-за различных внутривосточных проблем в Болгарии и Королевстве Югославия численность русской диаспоры в них заметно снизилась. Абсолютными лидерами по количеству русских эмигрантов стали Франция и Германия. В середине 1930 г. примерная численность русских эмигрантов во Франции составляла около 200 тыс. человек, а в Германии около 50 тыс. человек¹. В этих странах также преимущественно проживали политические и военные лидеры русского зарубежья.

Несмотря на потерю родины и, казалось бы, общее горе, различные политические течения внутри русской эмиграции так и не смогли примириться друг с другом. Поэтому всех представителей первой волны эмиграции можно было условно разделить на принимавших Февральскую революцию как положительный опыт и на отвергавших ее (вместе со всеми последствиями). Первый лагерь образовывали члены партий кадетов, эсеров, меньшевиков и представители других социалистических группировок. Второй лагерь образовали представители центристских и монархических организаций. Основу последнего лагеря составляла военная эмиграция.

В начале 1930-х гг. в жизни Европы произошел ряд важных политических событий. В первую очередь, это приход к власти в Германии Национал-социалистической немецкой рабочей партии во главе с Адольфом Гитлером. В Италии уже в 1922 г. к власти пришла Национальная фашистская партия во главе с Бенито Муссолини. Оба упомянутых лидера и, соответственно, их партии занимали жесткие антикоммунистические позиции и провозглашали непримиримую борьбу с Коминтерном.

¹ См.: Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. М., 1985. С. 212.

В это же время на международной арене значительно укрепились позиции СССР. Произошло признание советской власти рядом государств. Благодаря жестким репрессивным мерам, проводимым И.В. Сталиным внутри страны, произошло кажущееся примирение между большевиками и их противниками, сводившееся, впрочем, к тотальному уничтожению всех противников советского режима.

Признание СССР как государства сильно усложнило жизнь русских эмигрантов: многие были вынуждены принять гражданство приютивших их стран. Однако на рубеже 1936–1937 гг. численность эмигрантов из России, не пожелавших или не имевших возможности принять гражданство других стран, составляла около 355 тыс. человек².

Тем временем укрепление политических режимов в тоталитарных государствах и их претензии на гегемонию в Европе стали причинами обострения политической обстановки во всем мире. Уже к 1935 г. большинству здравомыслящих людей в Европе стало ясно, что мир находится на краю бездны и не хватает лишь малой искры для того, чтобы запыхал пожар новой мировой войны. Знала об этом и русская эмиграция...

Тысячи русских эмигрантов с замиранием сердца следили за развитием европейских событий. Многие пытались предсказать грядущее столкновение СССР с другими государствами. Так, к примеру, А.И. Гучков незадолго до своей смерти в 1936 г. заявил: «Фактически война уже заняла на политической карте мира свое роковое место. Нет также никаких сомнений в том, что в новом неизбежном мировом конфликте основными соперниками будут Советский Союз и Германия»³.

Близость войны разделила русское зарубежье на новые враждующие лагеря. Часть эмиграции выдвинула лозунг защиты СССР от внешнего врага, рассматривая Советский Союз уже не как новое государство, а как историческую родину — Россию. Однако большая часть русской эмиграции осталась в лагере непримиримых противников советской власти и в предстоящем конфликте планировала поддержать внешнего врага, который нападет на СССР. Эмигрантская пресса присвоила сочувствующим СССР эмигрантам название «оборонцев», а противникам СССР — название «пораженцев».

Основой течения «оборонцев» стали эмигранты, придерживавшиеся преимущественно либеральных взглядов и одобрявшие Февральскую революцию. Осенью 1935 г. они организационно оформились в Союз оборонцев. Штаб-квартира новой организации располагалась в Париже. В феврале 1936 г. Союз оборонцев стал называться Российским эмигрантским оборонческим движением (РЭОД). Лидеры «оборонцев» провозгласили, что ставят «защиту своей Родины выше политических разногласий с властью»⁴. Образование оборонческого движения было замечено и советскими спецслужбами. Глава разведывательно-

² См.: Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. М., 1994. С. 261.

³ Цит. по: Мейснер Д.И. Миражи и действительность. М., 1966. С. 231.

⁴ Цит. по: Между Россией и Сталиным: Российская эмиграция и Вторая мировая война / Отв. ред. С.В. Карпенко. М., 2004. С. 14.

го управления РККА С.П. Урицкий дал интересную и достаточно верную характеристику «оборонцам»: «Это движение можно считать фактором разложения в эмигрантской среде»⁵.

Не все эмигранты, желавшие защитить СССР, оказались в рядах РЭОД. Многие воздержались от официального вступления в «оборонческую» организацию и примыкали лишь к лагерю «оборонцев». Среди них оказались и некоторые видные деятели Февральской революции. Из лидеров правых эсеров к «оборонцам» примкнули Н.Д. Авксентьев и М.В. Вишняк, а из меньшевиков — Ф.И. Дан. Украсил своей персоной «оборонческий» лагерь и А.Ф. Керенский. Эмигрантские переживания привели в стан «оборонцев» даже некоторых лидеров белых армий. Наиболее значимой фигурой среди них был бывший начальник штаба Вооруженных сил Юга России (ВСЮР) генерал-лейтенант П.С. Махров.

Однако бывших военнослужащих белых армий среди «оборонцев» было ничтожно мало. Почти вся русская военная эмиграция оказалась в лагере «пораженцев». Именно военной эмиграции было суждено стать хребтом «пораженческого» движения. Помимо военных в лагере «пораженцев» оказалась значительная часть эмигрантов, придерживавшихся правых и центристских взглядов.

Основная идея «пораженцев» была сформулирована еще в апреле 1926 г. на Русском зарубежном съезде: «СССР — не Россия и вообще не национальное государство, а русская территория, завоеванная антирусским Интернационалом»⁶. Окончательно движение «пораженцев» оформилось в годы Второй мировой войны и сыграло значительную роль в Русском освободительном движении.

Отдельно стоит упомянуть движение «возвращенцев». Оно начало оформляться еще в начале 1920-х гг. Отделы Союза возвращения на родину (сокращенно — Совнарод, что можно было расшифровать и как «советский народ») организовывались во всех странах, где существовала русская диаспора. Особенно сильны были отделы союза во Франции и Болгарии. Целью Совнарода было возвращение эмигрантов на родину. Уже в 1922 г. функционеры союза в Болгарии заявляли, что «путь официального возвращения на Родину открыт»⁷. Со временем союз превратился в придаток советских разведорганов и в средство политической обработки эмигрантов, что наглядно проявилось в годы Гражданской войны в Испании. Возвращение на родину эмигрантов уже не являлось целью союза, это подтверждается сведениями французского отдела организации. В течение 5 лет (1931–1936) из 1000 членов союза во Франции с помощью организации в СССР вернулось лишь три человека⁸. Вероятно, по этой причине произошло изменение в названии союза в 1937 г. — он стал называться Союзом друзей советской родины.

Центристскую нишу в русском зарубежье занимало Российское центральное объединение (РЦО), возникшее после Зарубежного съезда в 1926 г. Председателем объединения стал издатель парижской газеты «Возрождение» А.О. Гукасов.

⁵ Цит. по: *Смыслов О.С.* «Пятая колонна» Гитлера: От Кутепова до Власова. М., 2004. С. 19.

⁶ Цит. по: *Между Россией и Сталиным...* С. 12–13.

⁷ Цит. по: *Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции. С. 95.

⁸ См.: *Между Россией и Сталиным...* С. 16.

С годами позиция объединения сдвигалась вправо, и в 1937 г. РЦО было переименовано в Российское национальное объединение.

Таким образом, уже накануне войны в Испании внутри русской эмиграции существовали глубокие внутренние противоречия, вызванные различными политическими взглядами и вскоре ставшие предпосылками для службы русских эмигрантов в противоборствующих армиях.

17 июля 1936 г. части испанской Африканской армии начали восстание против республиканского правительства. К восстанию присоединились испанские монархисты и правые; вскоре восставших стали называть националистами. Испанские события болью отзывались в душах русских эмигрантов и всколыхнули все русское зарубежье.

Слишком многое напоминало изгнанникам российские события 19-летней давности. Как и в России, испанская трагедия началась с отречения монарха — короля Испании Альфонса XIII. Революция вдохнула новую жизнь в сепаратистские стремления внутри страны, подняли голову буржуазно-националистические движения в Каталонии и в Стране Басков. Русский доброволец армии Франсиско Франко Н.В. Шинкаренко писал в те дни: «...как все это напоминает нашу гражданскую войну. Тут, как и у нас, Великая и Неделимая, и так же, как и у нас, имеются самостийники, готовые бороться даже рядом с красными...»⁹

Испанские крестьяне и рабочие, опьяненные свободой, стали преследовать своих мнимых и явных врагов. Первыми жертвами черни стали аристократы, военные и священники. Национальное восстание только подлило масла в огонь. К примеру, в первые несколько дней после начала восстания республиканцами было убито 70 % офицеров всего военно-морского флота Испании¹⁰.

Уже в первые дни восстания в эмигрантской печати началась полемика об испанских событиях. 19 июля 1936 г. руководители РОВСа и РЦО объявили о своей поддержке восстания националистов¹¹. Правые и центристские издания также безоговорочно поддержали выступление. Даже такой осторожный в своих суждениях человек, как А.И. Деникин, пожелал успеха восставшим, но порекомендовал эмигрантам воздержаться от участия в испанских событиях.

Вскоре, по аналогии с Россией времен Гражданской войны, испанских левых стали называть красными, а восставших — белыми. С легкой руки журналистов русского зарубежья эти названия закрепились и в европейской прессе.

1 августа 1936 г. с гневной критикой в адрес восставших на страницах «Новой России» выступил А.Ф. Керенский. В своей статье «Испанские Корниловы» он провел аналогию между испанскими и русскими событиями, сравнив выступление Франко с мятежом генерала Л.Г. Корнилова. Другие эмигрантские издания левого лагеря пошли еще дальше и начали травлю испанских националистов, особенно преуспел в этом печатный орган Союза возвращения на родину.

⁹ Цит. по: Проблемы испанской истории / Отв. ред. С.П. Пожарская. М., 1992. С. 193.

¹⁰ См.: Дамс Х.Г. Франсиско Франко. Ростов н/Д, 1999. С. 64.

¹¹ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 5853. Оп. 1. Д. 61. Л. 71.

Месяцем позже на страницах белградского «Царского вестника» была опубликована эмоциональная статья А.А. Керсновского «Никаких испанцев», в которой автор гневно обличал «Общее дело» испанских правых и русских белогвардейцев, негодуя, что испанцы не прибыли в Россию на помощь белым¹². Отповедь зарвавшегося военному писателю на страницах того же издания дал герой Первой мировой войны генерал-майор М.Ф. Скородумов. В отличие от Керсновского генерал Скородумов считал, что «русский офицер должен быть рыцарем всегда и всюду и, будучи убежденным антибольшевиком, должен уничтожать большевиков в любой испанской, французской, немецкой и других территориях...»¹³.

Географическая близость Испании и Франции позволяла русским эмигрантам, обосновавшимся на французской территории, быть в гуще испанских событий. Особенно много внимания уделялось войне в 1936–1937 гг. Так, в конце сентября 1936 г. в русском клубе «Свободная мысль» в Париже состоялся доклад В.М. Волина «Что происходит в Испании?». От инициативы левых не отставали и центристы: 8 октября 1936 г. состоялся доклад С.С. Ольденбурга «Борьба в Испании» в парижском помещении РЦО. Спустя 18 дней на собрании «Новой России» Д.О. Гронским был прочтен доклад «Шесть недель гражданской войны в Мадриде». Еще одно эмигрантское собрание, посвященное Испании, состоялось 29 января 1937 г. под председательством И.А. Бунина¹⁴. На нем с сообщением «Что я видел в Испании у красных и белых» выступил известный французский писатель Жан Таро.

За событиями в Испании пристально следили не только русские эмигранты во Франции и на Балканах, но и эмигранты, проживавшие в других уголках мира. В сентябре 1936 г. с призывом поддержать восстание националистов выступили лидеры русских эмигрантских организаций Германии и Маньчжурии¹⁵.

Важна и интересна позиция Русской православной церкви за рубежом в отношении испанских событий. Подавляющее большинство священников-эмигрантов сочувствовали восстанию Франко. Жестокое преследование республиканцами испанских священнослужителей побудило русских священников стать активными сторонниками франкистов. Однако официальная позиция митрополита Евлогия была другой. По информации одного из русских добровольцев, сторонники Евлогия запретили священникам посещать Русский отряд в армии Франко. Несмотря на это, двое русских священнослужителей все же побывали в Испании и посетили русских добровольцев. Религиозность испанцев-националистов и их бескомпромиссная борьба с атеизмом дали повод одному из русских священников, побывавших в Испании, сказать следующие слова: «Испания впервые мне дала почувствовать, что это такое — “христоролюбивое воинство”»¹⁶.

¹² См.: *Окороков А.В.* Русские добровольцы. М., 2004. С. 110–111.

¹³ Цит. по: Там же. С. 112.

¹⁴ См.: *Русское Зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни, 1920–1940 гг.* Франция / Под общ. ред. Л.А. Мнухина: В 8 т. Париж; М., 1997. Т. 3: 1935–1940. С. 276.

¹⁵ См.: *Свириденко Ю.П., Еришов В.Ф.* Белый террор?: Политический экстремизм российской эмиграции в 1920–1945 гг. М., 2000. С. 153.

¹⁶ Цит. по: *Испанские письма о воинстве.* Берлин, 1939. С. 14.

В годы войны отношение русских эмигрантов к воюющим сторонам почти не менялось, однако встреча русских эмигрантов с республиканскими беженцами из Испании стала для первых большим разочарованием. К примеру, в феврале 1939 г. генерал-лейтенант Д.И. Ромейко-Гурко написал в письме своему бывшему однополчанину следующее: «...даже левые очень разочарованы в красных испанцах после того, что их увидели воочию; они с собой привезли массу награбленного, половину отобрали, но остальная часть осталась при них»¹⁷.

Победа Франко вызвала ликование среди его русских почитателей. Наиболее ярко это выразил «Галлиполийский вестник» в одной из статей в феврале 1939 г.: «Победил генерал Франко, победила Белая Испания, победили принципы истинной свободы, права, красоты и правды»¹⁸.

РУССКОЕ ВОЕННОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ В ИСПАНСКИХ СОБЫТИЯХ

Наиболее сплоченной частью русской военной эмиграции были подразделения армии генерала П.Н. Врангеля. Покинув Крым в ноябре 1920 г., они были распределены по пустынным лагерям в Турции. Каждый из корпусов армии получил свой клочок земли: 1-й Армейский корпус — Галлиполи, Донской корпус — район Чатаджи, Кубанский корпус — остров Лемнос. Трудно описать, через что пришлось пройти русским воинам на берегах Дарданелл. Более полутора лет под палящим солнцем ютились десятки тысяч воинов, не смирившихся с большевизмом.

В этих тяжелейших условиях Русская армия смогла выстоять и духовно закалиться. Безусловная заслуга в сохранении Русской армии вдали от родины принадлежала командному составу армии и лично ее главнокомандующему — генералу Врангелю.

Весной — летом 1921 г. части Русской армии покинули негостеприимную турецкую землю и отправились в Европу. Благодаря помощи бывших царских дипломатов командованию армии удалось договориться с правительствами Болгарии, Чехословакии и Югославии о приеме этими странами частей Русской армии. Начался период эмиграции.

Экономические и политические трудности способствовали разобщению армейских частей, но командование прикладывало все свои силы для сохранения связи со всеми бывшими чинами армии. Началась работа по реформированию кадров различных воинских частей в различные союзы и общества.

1 сентября 1924 г. генерал Врангель собрал высших чинов Русской армии в городке Сремски-Карловцы. На этом собрании Врангель огласил проект приказа о создании Русского общевоинского союза (РОВС), образуемого с целью консолидации всех бывших военнослужащих императорской и белых армий. Большин-

¹⁷ Цит. по: *Иоффе Э.* Линии Маннергейма: Письма и документы. Тайны и открытия. СПб., 2005. С. 252.

¹⁸ Цит. по: *Голдин В.И.* Солдаты на чужбине. Русский Обще-Воинский Союз, Россия и Русское Зарубежье в XX–XXI веках. Архангельск, 2006. С. 402.

ство собравшихся генералов поддержали главнокомандующего, и его проект стал приказом № 35. В этот же день было принято временное положение о РОВСе, в первом параграфе которого значилось, что союз образуется с целью «объединить русских воинов, рассредоточенных в разных странах, укрепить духовную связь между ними и сохранить их как носителей лучших традиций и заветов русской Императорской Армии»¹⁹.

РОВС состоял из пяти территориальных отделов. В состав I отдела входили союзы и общества, располагавшиеся в Бельгии, Великобритании, Дании, Италии, Чехословакии, Финляндии и Франции. В состав II отдела — организации, располагавшиеся в Венгрии и Германии. В состав III отдела — расположенные в свободном городе Данциге, Латвии, Литве, Польше и Эстонии. IV отдел был создан для организаций, располагавшихся в Королевстве СХС и Греции. В состав V отдела входили организации, расположенные в Болгарии и Турции. В дальнейшем во внутренней организации РОВСа произошли многочисленные изменения.

Для придания РОВСу большего веса в среде эмиграции генерал Врангель обратился к великому князю Николаю Николаевичу с просьбой принять пост почетного председателя РОВСа. Затем начались переговоры с великим князем о финансировании РОВСа и усилении антисоветской работы. К сожалению, в окружении Николая Николаевича и генерала Врангеля нашлись интриганы, противостоящие консолидации русских национальных сил.

На начальном этапе существования Врангелю удавалось финансировать деятельность союза и его руководства. После передачи всех финансовых средств организации Николаю Николаевичу РОВС начал испытывать дефицит денежных средств. Правда, в то время начался всемирный финансовый кризис, и поэтому списывать денежные трудности РОВСа на неумелое руководство не приходится. 12 января 1926 г. генерал Врангель был информирован о прекращении сметных ассигнований, выделяемых великим князем на РОВС²⁰. Несмотря на кажущийся финансовый крах, РОВС продолжал функционировать, постоянно сокращая свои и без того скудные расходы.

После смерти генерала Врангеля в апреле 1928 г. новым руководителем РОВСа стал один из героев Гражданской войны и руководитель антисоветской работы (Кутеповской организации) при великом князе — Александр Павлович Кутепов. Генерал Кутепов с новой силой взялся за консолидацию русского военного зарубежья в рядах РОВСа. К членству были привлечены бывшие военнослужащие флота и казачьих войск. Заметно расширилась география союза, количество членов возросло до 50–60 тыс. человек²¹.

Примерно в это же время в недрах III отдела зародилась тайная контрразведывательная организация «Долг родине». Со временем эта организация стала известна как «Внутренняя линия». Свое влияние организация распространила на все европейские отделы РОВСа, но особенно сильны были ее позиции в Болгарии

¹⁹ ГА РФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 15. Л. 89.

²⁰ См.: *Голдин В.И.* Солдаты на чужбине... С. 101.

²¹ См.: ГА РФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 15. Л. 6 об.

и во Франции. Имея тесную связь с Кутеповской организацией, «Внутренняя линия» приобрела еще больше влияния после назначения Кутепова главой РОВСа.

Важным аспектом деятельности РОВСа была его антисоветская работа, которая особенно активизировалась при генерале Кутепове. Он активно содействовал всевозможным антисоветским акциям, в том числе и откровенно террористическим. Боевики Кутепова много раз проникали в СССР из Финляндии с целью проведения диверсий. В СССР громкие антисоветские акции белоэмигрантов периода 1927–1928 гг. связывали непосредственно с генералом Кутеповым. Активная антисоветская позиция Кутепова и его безусловное лидерство в военной эмиграции после смерти Врангеля и великого князя Николая Николаевича стали главными причинами его физического уничтожения.

Генерал Кутепов был похищен советскими агентами 26 января 1930 г. в Париже с помощью генерал-майора Павла Павловича Дьяконова. Он сумел выманить главу РОВСа на тайную встречу якобы с одним из иностранных спонсоров. Генерал Кутепов был усыплен советскими агентами, и они стали готовить его к тайной отправке в СССР, однако сердце генерала не выдержало, и он умер на руках своих похитителей.

Преступная роль Дьяконова в этой истории была очевидна: сразу после похищения Кутепова парижская газета «Возрождение» вышла с прямыми обвинениями в адрес Дьяконова, кроме того, в статье он был назван «чекистским агентом»²². Дьяконов обратился во французский суд с иском о защите своего достоинства и даже сумел его выиграть. Но его имя было полностью скомпрометировано, и ему пришлось сложить с себя обязанности начальника парижского округа Корпуса Императорской армии и флота (КИАФ)²³.

29 января 1930 г. на встрече общественных и военных деятелей эмиграции в Париже новым руководителем РОВСа был избран бывший главнокомандующий белым Северным фронтом генерал-лейтенант Евгений Карлович Миллер. Генерал Миллер продолжил работу своих предшественников по реорганизации РОВСа. В апреле 1930 г. для персонального учета чинов союза были введены личные учетные карточки и книги учета личного состава²⁴. Месяцем ранее в Брюсселе для работы с эмигрантской молодежью была образована Военно-учебная группа русской дворянской молодежи, позже переформированная в Русскую стрелковую генерала Врангеля дружину. Также был урегулирован вопрос уплаты членских взносов чинами союза. 30 мая 1930 г. в ходе очередной реструктуризации РОВСа в рядах его I отдела был организован испанский подотдел²⁵.

Его предыстория такова. Еще задолго до начала Гражданской войны в Испании русские эмигранты вступили в контакт с испанскими военными. Так, по данным зарубежных историков, уже в 1924 г. главнокомандующий Русской армией

²² См.: *Прянишников Б.В.* Незримая паутина. М., 2004. С. 13.

²³ См.: *Граф Г.К.* На службе Императорскому Дому России. 1917–1941: Воспоминания. СПб., 2004. С. 225.

²⁴ См.: *Голдин В.И.* Солдаты на чужбине... С. 181.

²⁵ См.: Там же. С. 180.

генерал Врангель обратился к генералу Мигелю Примо де Ривере с предложением принять в испанские вооруженные силы 100 тыс. русских эмигрантов для службы в Марокко²⁶. Однако эти данные опровергаются документом РОВСа, оценивающим численность находившихся в распоряжении Врангеля чинов всего лишь в 40 тыс. человек²⁷. Возможно, испанцы отождествляют Врангеля с генералом Туркулом, который действительно в 1925 г. вступил в переговоры с испанцами о принятии чинов Дроздовского полка в состав Испанского иностранного легиона²⁸. Переговоры были приостановлены после вмешательства генерала Врангеля.

Тем не менее первые русские эмигранты появились в Испанском иностранном легионе уже в 1922 г. Первыми в него вступили офицеры-летчики, затем появились представители других родов войск. К началу Национального восстания количество русских заметно увеличилось, что стало основанием для появления в русской харбинской газете «Наш путь» статьи с заголовком «Испанское восстание подняли русские эмигранты, чины иностранного легиона». Автор статьи брал интервью у испанского профессора Е. Афенисио, находившегося в Харбине. По словам профессора, русские в легионе составляли на тот момент самый большой процент иностранцев в легионе, а в Мелилье и Сеуте стояли части иностранного легиона, «исключительно состоящие из русских эмигрантов»²⁹. Конечно, последнее утверждение является явным преувеличением, но все же количество русских в иностранном легионе было заметным. Косвенно это подтверждает и советский журналист М.Е. Кольцов: «Хорошо известно, что у Франко служит, среди прочего сброда, много наемников из русских белогвардейцев»³⁰. Другой участник испанских событий, А.А. Трингам, в своих воспоминаниях отмечал, что в легионе было немало русских добровольцев, но о них имелись довольно скудные сведения³¹.

Вернемся теперь к назначению генерала Миллера. В эмиграции генерал Миллер был одним из ближайших сотрудников генерала Врангеля, и его назначение на пост руководителя РОВСа было закономерным. Однако в отличие от предыдущих руководителей союза Евгений Карлович был мало известен основной массе чинов РОВСа (в годы Гражданской войны он сражался с большевиками на Северном фронте, а большая часть чинов РОВСа — на юге России). Генерал Миллер был хорошим командиром, неплохим организатором, но имел очень мягкий характер. Для упрочения своего положения и ознакомления с членами союза генерал Миллер во второй половине 1930 г. совершил ряд инспекционных поездок по отделам союза. Генерал Миллер предпринял попытку повысить уровень подготовки офицеров РОВСа. С этой целью в конце 1930 г. с одобрения Миллера началась широкомасштабная работа по организации различных курсов повышения квалификации офицеров в Париже и Белграде. В сентябре

²⁶ См.: *Mesa de J.L.* Los otros internacionales. Madrid, 1998. S. 80.

²⁷ См.: ГА РФ. Ф. 6826. Оп. 1. Д. 25. Л. 170.

²⁸ См.: *Голдин В.И.* Солдаты на чужбине... С. 117.

²⁹ Цит. по: *Комин В.В.* Белая эмиграция и Вторая мировая война: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Калинин, 1979. С. 20.

³⁰ *Кольцов М.Е.* Испанский дневник. М., 1957. С. 576–577.

³¹ См.: Центральный музей Вооруженных сил (далее — ЦМВС). ДФ. 4/47. 762/1. Л. 2.

1931 г. были открыты и унтер-офицерские курсы при отделении Общества галлиполийцев в Варне³².

В самом начале 1932 г. судьба нанесла очередной удар по финансовому положению организации. Незадолго до этого генерал Миллер вложил значительную часть капитала РОВСа в шведскую спичечную компанию Ивара Крегера, надеясь на обещанную шведами прибыль. В марте 1932 г. компания Крегера разорилась, а он сам покончил жизнь самоубийством. Возможно, помещение капитала РОВСа в шведскую компанию и последовавший вслед за этим финансовый крах компании были осуществлены при непосредственном участии агентов советского ГПУ. Совокупные потери РОВСа в результате этой сделки составили 7 млн. франков³³.

Но это были еще не все потрясения, выпавшие на долю РОВСа в 1932 г. В течение 1932 г. отделы союза были потрясены несколькими скандалами. Ряд известных генералов из руководства союза были сняты со своих постов и исключены из РОВСа. Причинами для этого стали критика в адрес непосредственного руководства и активное участие в политической жизни. В ноябре 1932 г. на совещании руководства союза по итогам года шесть старших начальников союза выступили с острой критикой методов антисоветской работы, проводимой союзом.

Несмотря на трудности, РОВС продолжал свою деятельность. Организовывались и новые подотделы. В октябре 1932 г. был образован марокканский подотдел I отдела союза. В состав подотдела вошли все русские воинские организации, располагавшиеся в Марокко (как в испанской, так и во французской частях протектората). Начальником подотдела был назначен генерал-лейтенант князь Александр Николаевич Долгоруков. При подотделе в 1937 г. были открыты военно-научные курсы. К 1938 г. в составе подотдела насчитывалось около 100 человек³⁴.

В 1933 г. обстановка в РОВСе стала еще более взрывоопасной. Наметился разрыв между начальником I отдела союза генерал-лейтенантом Павлом Николаевичем Шатиловым и генералом Миллером. Причиной для этого стало близкое сотрудничество Шатилова с «Внутренней линией» и сбор компромата последней на всех руководителей РОВСа. Кроме того, многие подозревали генерала Шатилова в желании лично занять пост руководителя союза. Сам генерал Шатилов считал, что руководство союза состарилось и его новаторским идеям противостоит ряд консервативных генералов: «Во многом виноват возрастной состав участников центрального аппарата»³⁵.

6 июня 1934 г. генерал Миллер в приказе по РОВСу объявил о своем уходе в трехмесячный отпуск. На время отсутствия руководителя союза его полномочия передавались начальнику III отдела генерал-лейтенанту Федору Федоровичу Абрамову. Однако 15 июня 1934 г. французские власти потребовали от генералов Абрамова и Шатилова немедленно покинуть территорию Франции; в случае отказа им пригрозили высылкой. Решение французских властей было принято под

³² См.: *Окороков А.В.* Русская эмиграция: Политические, военно-политические и воинские организации 1920–1990 гг. М., 2003. С. 25.

³³ См.: *Голдин В.И.* Солдаты на чужбине... С. 212.

³⁴ См.: *Окороков А.В.* Русская эмиграция... С. 117.

³⁵ Цит. по: *Голдин В.И.* Солдаты на чужбине... С. 241.

давлением советского посла, всерьез опасавшегося усиления антисоветской деятельности РОВСа при Абрамове.

Устав от нападков в прессе, 27 июня 1934 г. Шатилов подал ходатайство об освобождении его от должности начальника I отдела. Через два дня приказом по РОВСу генерал Шатилов был освобожден от занимаемой должности, а на его место был назначен генерал от кавалерии Иван Георгиевич Эрдели. Тем временем в эмигрантской среде начали распространяться слухи о глубоких противоречиях, царящих в руководстве РОВСа. Эмигрантские газеты пестрели заголовками «В Русском Обще-воинском Союзе», «Кризис в Общевоинском Союзе». Масла в огонь подлили и публикации в близком к РОВСу «Часовом». Начальник канцелярии РОВСа генерал-лейтенант Павел Алексеевич Кусонский видел причины для газетных публикаций в слабости главы РОВСа, в отсутствии у него заместителя, в персоне Шатилова и в претензиях вице-адмирала М.А. Кедрова на руководство РОВСом³⁶.

Советские спецслужбы в это время не сидели сложа руки. 1 июля 1934 г. ими был организован налет на квартиру председателя союза в Париже. Выманив дежурного офицера из квартиры, неизвестные взломали дверь и вынесли письма и документы. Спустя несколько месяцев, 30 сентября 1934 г., в здании управления РОВСа был организован взрыв бомбы.

Тем временем внутренняя борьба в руководстве РОВСа продолжалась. Генерал Шатилов начал интриговать против руководства союза, а некоторые генералы из окружения генерала Миллера стали вести работу по замене доверенных лиц Шатилова на ответственных постах в I отделе РОВСа. Кроме того, пристальное внимание стало уделяться работе во Франции «Внутренней линии». Многие из недоброжелателей Шатилова напрямую связывали деятельность «Внутренней линии» с именем генерала. Назначенный вместо Шатилова Эрдели не смог наладить контакт с «Внутренней линией» и обратился к генералу Миллеру с предложением о прекращении работы этой организации. Однако Миллер отказал Эрдели. Для осуществления контроля за «Внутренней линией» в качестве докладчика был привлечен генерал-майор Николай Владимирович Скоблин. Парадокс этой ситуации заключался в том, что уже с 1930 г. этот генерал и его супруга — известная эмигрантская певица Надежда Васильевна Плевицкая — были агентами советских спецслужб. Таким образом, вся тайная антисоветская работа РОВСа становилась известна ГПУ³⁷.

23 февраля 1935 г. к генералу Миллеру явилась делегация из 14 генералов и старших офицеров, занимавших ключевые посты в организациях 1-го Армейского корпуса. Среди прибывших были командир корпуса генерал-лейтенант Владимир Константинович Витковский, командир Корниловского полка генерал-майор Н.В. Скоблин, командир Марковского полка генерал-майор Михаил Алексеевич Пешня, командир Дроздовского полка генерал-майор Антон Васильевич

³⁶ См.: ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 55. Л. 35 об.

³⁷ В настоящий момент существует и альтернативная версия истории с Н.В. Скоблиным, см.: Гаспарян А.С. ОГПУ против РОВС: Тайная война в Париже. 1924–1939 гг. М., 2008.

Туркул, командир артиллерийской бригады 1-го Армейского корпуса генерал-майор Анатолий Владимирович Фок, командир железнодорожной роты капитан Василий Васильевич Орехов и др. Прибывшие подали генералу Миллеру записку «с пожеланиями, граничащими с требованиями», а также высказали обеспокоенность возможным уходом генерала Миллера и заменой его генералом Деникиным³⁸.

Результатом этого демарша, получившего название «дворцового переворота», стало образование особой комиссии из актива 1-го Армейского корпуса для рассмотрения предложенных реформ³⁹. Основными причинами, спровоцировавшими выступление реформаторов, были: отсутствие сведений о финансовом положении РОВСа, отсутствие видимой работы против коммунистов, резкое понижение сборов в Фонд спасения родины, пассивность руководства союза при расследовании исчезновения генерала Кутепова⁴⁰. Наиболее заметную роль в выступлении реформаторов играли генералы Скоблин, Туркул и Фок.

Деятельность комиссии генерал Миллер называл болтовней. Несмотря на грандиозные планы реформаторов, в структуре РОВСа не произошло существенных изменений. Не произошло и громких отставок, лишь генерал Эрдели был освобожден от должности начальника I отдела, а его обязанности стал исполнять сам генерал Миллер.

Начался 1936 год. Он не принес успокоения в ряды РОВСа. Противоречия, существовавшие в организации до этого, решены не были, и потому вскоре в союзе грянул новый кризис. Весной 1936 г. генерал Туркул заявил об образовании новой организации — Русского национального союза участников войны (РНСУВ). Основой туркуловской организации стали кадры объединения Дроздовского стрелкового полка. Изначально Туркул планировал, что новая организация станет частью РОВСа, но генерал Миллер выступил против этого⁴¹. Свою позицию Миллер мотивировал приказом главнокомандующего Русской армией № 82 от 8 сентября 1923 г. о недопущении членства чинов армии в политических организациях. Этот приказ был подписан генералом Врангелем с целью ликвидации политических раздоров в союзе. Но именно отсутствие твердой политической платформы и обусловило образование РНСУВ.

Лидеры РНСУВ считали, что необходимо «не только отрицать коммунизм, но и, главное, утверждать свое», т. е. активно бороться с коммунизмом⁴². Устав новой организации был принят в день начала Национального восстания в Испании — 17 июля 1936 г. — в Париже. В конце июля 1936 г. состоялась встреча Миллера и Туркула, на которой были обсуждены возможные пути выхода из сложившейся ситуации. Однако компромисса достичь не удалось, и 27 июля 1936 г. генерал Туркул вышел из РОВСа. Выход Туркула из союза поддержали А.В. Фок, В.В. Орехов и большинство дроздовцев, проживавших во Франции.

³⁸ См.: *Голдин В.И.* Солдаты на чужбине... С. 268.

³⁹ См.: ГА РФ. Ф. 9116. Оп. 1. Д. 6. Л. 3.

⁴⁰ См.: *Голдин В.И.* Солдаты на чужбине... С. 270.

⁴¹ См.: *Назаров М.В.* Миссия русской эмиграции. М., 1994. С. 258.

⁴² Там же. С. 259.

Национальное восстание в Испании всколыхнуло русскую военную эмиграцию. Почти сразу руководство РНСУВ выступило с призывом организовать Русский добровольческий отряд в армии Франко⁴³. Однако чуть позже Туркул несколько изменил свое мнение. В одном из интервью он заявил: «Мы приветствуем добровольцев, борющихся в армии Франко, но ни один член Союза не имеет права выезжать туда без моего ведома и разрешения»⁴⁴. Вскоре о своем отношении к испанской войне высказался и руководитель РОВСа генерал Миллер. В своем циркулярном отношении № 680 от 15 августа 1936 г. Миллер заявил, что рассматривает войну в Испании «как борьбу с интернациональным коммунизмом во имя спасения мировой многовековой культуры и всех нравственных основ, на которых держится современный Христианский мир; от исхода ее зависит усиление или ослабление коммунизма во всем мире и приближение или отдаление сроков освобождения и нашей Родины»⁴⁵.

После начала восстания в Испанию стали прибывать иностранные добровольцы из разных европейских стран. И если об интернациональных бригадах в армии республиканцев известно давно, то об иностранных добровольцах в армии националистов даже на Западе знают далеко не все. В годы войны в армии Франко служили представители всех европейских стран. Их основная масса была сосредоточена как раз в рядах Иностранного легиона. Наиболее значительные контингенты прибыли в армию националистов из Ирландии и Франции. В легионе 670 ирландцев вошли в XV бандеру (батальон) легиона, а сотня французов стала ротой «Жанна Д'Арк» в XVII бандере. Некоторое время все эмигранты-добровольцы зачислялись в состав французской роты как знавшие французский язык. Русские добровольцы были очень расстроены таким решением испанцев, так как считали всех французов республиканцами. Именно нежеланием служить во французской роте можно объяснить присутствие русских эмигрантов во всех бандерах Иностранного легиона. По самым приблизительным подсчетам, более 30 эмигрантов вступили в ряды легиона после начала восстания.

Одними из первых в рядах Иностранного легиона оказались граф Г.П. Ламсдорф и барон Б.С. Люденсгаузен-Вольф. Молодым аристократам удалось перейти границу лишь со второй попытки. Испанцы, узнав, что молодые люди — русские, сразу же их арестовали со словами: «Двое русских здесь? Без сомнения — они коммунисты»⁴⁶. С большим трудом эмигрантам удалось убедить испанцев, что не все русские — коммунисты. Затем добровольцы добрались до Сарагосы и вступили в формировавшуюся там бандеру Санхуро (позже — XV бандера Иностранного легиона).

Территориальная близость Испании и Франции дала повод руководству РОВСа надеяться на массовое участие русских эмигрантов в испанских событиях, так как во Франции располагался самый многочисленный I отдел союза. Генерал Миллер

⁴³ См.: *Свириденко Ю.П., Еришов В.Ф.* Белый террор? ... С. 154.

⁴⁴ Цит. по: *Гаспарян А.С.* ОГПУ против РОВСа... С. 164.

⁴⁵ ГА РФ. Ф. 9116. Оп. 1. Д. 6. Л. 69.

⁴⁶ См.: *Against Stalin and Stalinism, Count Grigori von Lamsdorff, 1936–1945 // Axis Europa. 1998. Issue 14. P. 10.*

неоднократно проводил общие собрания начальников частей 1-го Армейского корпуса с целью организации русского подразделения в армии Франко.

Руководство РОВСа планировало организовать Русский добровольческий отряд с русским командованием, однако после установления связи с представителями генерала Франко в начале осени 1936 г. выяснилось, что это предприятие трудноосуществимо. Тем не менее 24 ноября 1936 г. генерал Миллер лично обратился к одному из ближайших помощников Франко — генералу Давиле. В своем письме Миллер сообщал испанцам о людских ресурсах, находившихся в распоряжении РОВСа. По словам Миллера, союз располагал 6 тыс. человек во Франции, 4 тыс. человек в Югославии, 3 тыс. человек в Болгарии, 3 тыс. в Маньчжурии, 2 тыс. в Китае, 1 тыс. в Германии и 2 тыс. человек в других странах⁴⁷. Генерал Давила передал письмо Миллера Франко.

Однако переписка не приносила желаемых результатов. Поэтому в конце ноября 1936 г. один из активистов союза подполковник Сергей Николаевич Благовещенский, работавший директором парижской страховой компании, вступил в непосредственный контакт с секретарем посольства Франко в Италии — Феррари Форнсом. Дипломат сообщил в штаб Франко о желании русских белогвардейцев принять участие в борьбе с левыми. Вскоре из Испании пришел ответ: в штабе Франко ждали представителей РОВСа.

8 декабря 1936 г. Франко направил телеграмму командиру легиона полковнику Хуану Ягуэ. В ней он официально разрешал принимать белых русских в состав легиона при наличии у них рекомендательных писем от РОВСа. В конце декабря 1936 г. на переговорах между представителями Франко и РОВСа была достигнута договоренность о создании в составе легиона полностью русского подразделения — бандеры «Святой Георгий» при наличии требуемого количества русских в рядах легиона. Однако из-за потерь и переводов в другие части русского отряда в легионе создано не было, несмотря на проводимую РОВСом работу в этом направлении. Не способствовала этому и личная беседа генерал-майора Николая Всеволодовича Шинкаренко, служившего в легионе в звании лейтенанта, с командиром легиона полковником Ягуэ. Однако это не помешало лейтенанту легиона Шинкаренко участвовать в составе IX бандеры в боях за предместья Мадрида. Вскоре он был в очередной раз ранен.

Тем временем Форнс начал подготавливать визы для представителей союза. Документы были оформлены на Н.В. Скоблина, С.Н. Благовещенского и на капитана Петра Пантелеймоновича Савина, бывшего членом «Внутренней линии» и одним из ближайших сотрудников Скоблина. Вскоре, однако, выяснилось, что генерал Скоблин отказывается ехать в Испанию. Он сослался на болезнь своей жены и предложил вместо себя кандидатуру генерала Шатилова⁴⁸.

Для генерала Шатилова участие в этой поездке было как нельзя кстати: с ее помощью он мог вернуться к активной деятельности в РОВСе. Согласовав с испанцами изменения в составе делегации, эмигранты стали собираться в путь. 26 де-

⁴⁷ См.: *Mesa de J.L. Los otros internacionales. S. 80.*

⁴⁸ См.: *Прянишников Б.В. Незримая паутина. С. 405.*

кабря 1936 г. делегация РОВСа отправилась в Ниццу, а затем в Рим. После непродолжительного отдыха в Риме делегация вылетела самолетом в Саламанку, где в то время находилась штаб-квартира Франко. Основными вопросами, стоящими перед делегацией, были определение маршрутов для отправки добровольцев и принятие испанской стороной на себя путевых расходов добровольцев. В Саламанке эмигранты имели продолжительный разговор с кем-то из штабных офицеров Франко. На ряд вопросов были получены положительные ответы.

По возвращении делегации из Испании генерал Шатилов представил генералу Миллеру письменный отчет о поездке. Затем было собрано общее собрание всех групп 1-го Армейского корпуса, на котором выступил генерал Шатилов. Генерал рассказал о возможных перспективах участия русских эмигрантов в войне на стороне Франко. Было также объявлено о возможном создании в составе Испанского иностранного легиона полностью русского подразделения с русским же командованием в случае накопления достаточного количества добровольцев⁴⁹.

После выступления Шатилова генералы Скоблин и Пешня предоставили своих подчиненных (корниловцев и марковцев соответственно) для формирования Русского отряда. Была проведена предварительная запись добровольцев. Из Корниловского полка добровольцами записалось 53 человека⁵⁰. На основании доклада Шатилова был подготовлен приказ по РОВСу № 40 от 4 февраля 1937 г., разосланный всем начальникам отделов и подотделов союза. Руководством союза было решено отправлять добровольцев в Испанию группами до 10 человек. Организация и комплектование групп происходили в Париже, в помещении Союза галлиполийцев. Из Парижа группы отправлялись поездом в Биарриц, а затем в Сен-Жан-де-Луц. Местом назначения на испанской территории был городок Ирун.

Непременным условием для отправки добровольцев из Франции было наличие нансеновского паспорта (эти паспорта начали выдаваться Лигой Наций после признания европейскими странами советского государства, были введены по инициативе комиссара Лиги Наций по делам беженцев Ф. Нансена и потому получили такое название). Паспорт Нансена стал для русских эмигрантов удостоверением личности владельца, подтверждающим их статус лиц без гражданства⁵¹. Кроме того, добровольцу требовался сертификат, подписанный генералом Миллером. Нансеновский паспорт требовался для оформления виз, а сертификат, выдаваемый руководителем РОВСа по рекомендации начальника отдела РОВСа или председателя организации, входящей в РОВС, был свидетельством благонадежности⁵².

К сожалению, замена Скоблина Шатиловым не принесла пользы. Участвуя в переброске добровольцев в Испанию, генерал Шатилов планировал нажиться на дорожных расходах добровольцев. Генерал Миллер понял это уже по возвращении Шатилова из Испании, когда последний представил намного завышенный

⁴⁹ См.: ГА РФ, Ф. 9116. Оп. 1. Д. 6. Л. 69 об.

⁵⁰ См.: Яремчук А.Л. Русские добровольцы в Испании. Сан-Франциско, 1983. С. 2.

⁵¹ См.: Раев М. Россия за рубежом... С. 53.

⁵² См.: ГА РФ, Ф. 9116. Оп. 1. Д. 6. Л. 74.

счет на дорожные расходы. Но это все был детский лепет по сравнению с той суммой, которую запросил Шатилов с испанцев за переброску 1 тыс. русских добровольцев в армию Франко. По испанским сведениям, эта сумма составляла 290 750 французских франков⁵³.

В начале марта 1937 г. в Испанию отправилась первая организованная группа русских добровольцев из Франции (9 человек, преимущественно марковцы-артиллеристы), в середине марта — вторая⁵⁴. Затем в марте — апреле 1937 г. в Испанию прибыли еще две группы русских добровольцев. Тем временем в официозе русской военной эмиграции — журнале «Часовой» стали появляться статьи, написанные русскими добровольцами в армии Франко — генерал-майором Николаем Всеволодовичем Шинкаренко (литературный псевдоним — Белогорский) и полковником Николаем Николаевичем Болтиным (литературный псевдоним — Гренадер).

Французское правительство, уже в январе 1937 г. предлагавшее запретить отправку иностранных добровольцев в Испанию, пристально следило за своей границей. Особую тревогу правительства вызывали добровольцы, отправлявшиеся в армию националистов, из числа французских праворадикальных организаций. Им, в отличие от добровольцев-республиканцев, чинили всевозможные препятствия.

Сложившаяся на границе ситуация беспокоила руководство РОВСа уже в феврале 1937 г.⁵⁵ Однако после публикации писем русских добровольцев в «Часовом» французы ужесточили пограничный контроль, в результате чего 16 апреля 1937 г. в Сен-Жан-де-Луц арестовали пятую группу добровольцев союза во главе с капитаном-корниловцем А. Максимовичем⁵⁶. Арестованные были позже отправлены в тюрьму города Байонна. С этого момента организованный переход русских групп из Франции был прекращен. Таким образом, к 16 апреля 1937 г. в Испанию в составе организованных групп РОВСа смогло пробраться около 34 человек из I отдела союза.

При этом необходимо заметить, что генерал Шинкаренко связывал закрытие испано-французской границы с другой причиной — с действиями генерала Туркула. Шинкаренко считал, что А.В. Туркул был платным осведомителем Второго бюро французского Генерального штаба (военная разведка) и, когда началось восстание в Испании, якобы захотел сформировать и возглавить подразделение из чинов дроздовских частей, получив взамен от испанцев звание генерала испанской армии и соответствующие материальные блага. Этой затее не суждено было сбыться, и Туркул отказался от участия в испанских событиях. При этом он доложил о переходе границы эмигрантами французам, и те закрыли границу. Выдвинув довольно серьезные обвинения против своего товарища по Белой ар-

⁵³ См.: *Mesa de J.L. Los otros internacionales*. S. 81. О непомерных требованиях Шатилова сообщает в своих воспоминаниях и Н.В. Шинкаренко, узнавший об этом от испанского штабного офицера.

⁵⁴ См.: *Яремчук А.П. Русские добровольцы в Испании*. С. 3.

⁵⁵ См.: ГА РФ. Ф. 9116. Оп. 1. Д. 6. Л. 71.

⁵⁶ См.: *Яремчук А.П. Русские добровольцы в Испании*. С. 18.

мии, Шинкаренко оговаривается: «...я не имею возможности доказать, что это было именно по его доносу, но внутреннее ощущение говорит мне, что это правда»⁵⁷.

Другие отделы Русского общевойскового союза тоже не остались в стороне от испанских событий. В Германии (II отдел РОВСа) в октябре 1936 г. были образованы два русских добровольческих отряда для отправки в Испанию, чины этих отрядов беспрепятственно перешли франко-испанскую границу⁵⁸. Командирами отрядов были хорунжий Панасенко и бывший главный редактор софийской газеты «Русское дело» Г.А. Кочубей⁵⁹. На территории III отдела РОВСа была произведена запись добровольцев для отправки в Испанию, но из-за большой дороговизны билетов из Болгарии в Испанию никто так и не отправился. Чины гвардейского казачьего дивизиона, находившиеся в Королевстве Югославия (IV отдел РОВСа), обратились в штаб Франко с предложением принять дивизион на службу в национальную армию, но при этом поставили вопрос о денежном обеспечении для семейств убитых и раненых. Испанцам не удалось договориться с казаками, и тем пришлось ждать еще долгих 15 лет, чтобы затем уже безо всяких условий подняться на борьбу с большевизмом.

После установления жесткого контроля на франко-испанской границе чины РОВСа пробирались в Испанию в индивидуальном порядке. Руководство союза продолжало следить за развитием испанских событий. Опыт испанской войны тщательно обобщался теоретиками союза и затем рассматривался на общих собраниях и лекциях. Так, в мае и октябре 1937 г. в помещении Союза галлиполийцев состоялись лекции профессора полковника Арсения Александровича Зайцова «Прообразы боев будущего: Мадрид и Бильбао» и «Опыт войны в Испании»⁶⁰. Кроме того, на полковых собраниях Марковского и Корниловского полков зачитывались письма добровольцев-однополчан из Испании.

В конце апреля 1937 г. генерал Миллер инспирировал замену генерала Шатилова, требовавшего платы за свою работу с испанцами, на генерала Пешню. По поручению Миллера капитан Савин встретился с Пешней и обговорил дальнейший порядок переброски добровольцев в Испанию. Однако вскоре после этого генерал Пешня сильно занедужил и в декабре 1937 г. скончался. Смерть Пешни еще более осложнила процесс отправки русских добровольцев в армию Франко. Тем временем Шатилов, несмотря на свою замену, продолжал заниматься испанскими делами, вероятно надеясь заслужить этим место начальника I отдела союза.

Плел свои интриги и Скоблин. Уже в феврале 1937 г. в его отношениях с генералом Миллером возникла некоторая отчужденность, вызванная, по мнению генерала Кусонского, нежеланием Миллера продвигать Скоблина в руководство союзом⁶¹. Вероятно, уже в то время у главы союза зародились подозрения о связи Скоблина с советчиками. В то же время в дебрях советских спецслужб родился

⁵⁷ ЦМВС. ДФ. Д. 4/47 300/3. Л. 222.

⁵⁸ См.: Рыбалкин Ю.Е. Операция «Х»: Советская военная помощь республиканской Испании (1936–1939). М., 2000. С. 18.

⁵⁹ См.: ГА РФ. Ф. 7460. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

⁶⁰ См.: Русское Зарубежье... Т. 3: 1935–1940. С. 327, 363.

⁶¹ См.: Прянишников Б.В. Незримая паутина. С. 410.

план выдвижения в руководство РОВСа генерала Скоблина. Для его продвижения было решено устроить похищение генерала Миллера. Место его преемника занял бы генерал Абрамов, чей возраст и удаленность от Парижа давали бы предателю шанс выдвинуться.

Между тем в Испании все же было образовано русское подразделение. Но свершилось это не в Иностранном легионе, а в рядах карлистского рекете (монархического ополчения). Первые русские добровольцы появились в частях рекете уже к осени 1936 г. Несколько русских оказалось в составе каталонского терсио (испанский аналог пехотного полка) Нуэстра Сеньора де Монтсеррат, наваррского Зумалакарреги (Томас де Зумалакарреги — один из лидеров Первой карлистской войны 1833–1840 гг.) и арагонского Дона Мария де Молина. В рядах последнего терсио и был сформирован Русский отряд. Поэтому более подробно остановимся на его истории.

Терсио Дона Мария де Молина было образовано путем слияния двух независимых подразделений. Терсио Марко Белло было названо в честь одного из лидеров Третьей карлистской войны (1873–1876) дона Мануэля Марко и Родриго, родившегося в живописном арагонском поселке Белло. Командиром этого терсио был капитан Панталеон Лопес Линарес. Другое терсио — Дона Мария де Молина — было названо в честь королевы Кастилии и Леона (1265–1321); это терсио было сформировано в Сарагосе, но затем 8 августа 1936 г. было переведено в городок Молина-де-Арагон. Командиром этого терсио был капитан Антионио Фернандес Кортес. В конце 1936 г. из-за своей малочисленности оба терсио были объединены под названием Дона Мария де Молина. К середине 1937 г. русские эмигранты стали прибывать в это терсио из других частей. Так, из Иностранного легиона перевелись ротмистр Георгий Михайлович Зелим-бек и штабс-ротмистр Сергей Константинович Гурский, а из терсио Зумалакарреги — штабс-капитан Николай Евгеньевич Кривошея. В качестве национального отличия русские добровольцы нашили на левый рукав своей формы бело-сине-красный шеврон (такой же шеврон они носили в годы Гражданской войны в России).

Русские добровольцы рекете наравне с испанцами участвовали в различных боях, несли караульную службу. К 19 мая 1937 г. в рядах терсио Дона Мария де Молина находилось 16 русских добровольцев⁶². В июле терсио было расположено в селе Брончалес, в течение этого месяца добровольцы принимали участие в боях у сел Ориуэлла-дель-Трамедаль и Фриос. 18 августа 1937 г. добровольцев посетил русский священник о. Иоанн Шаховской. Он провел торжественное богослужение, на котором присутствовали и испанские гости. Неподалеку от алтаря развевались национальные флаги Испании и России. Спустя несколько дней терсио Дона Мария де Молина и его русские добровольцы вписали свое имя в историю гражданской войны в Испании в ходе сражения за арагонский поселок Кинто-де-Эбро. В эти дни 5 республиканских дивизий (всего около 9 тыс. человек) при поддержке артиллерии, броневедомостей и авиации из состава Каталонской (Восточной) армии предприняли попытку захватить Сарагосу и тем самым

⁶² См.: Яремчук А.П. Русские добровольцы в Испании. С. 26.

отвлечь силы националистов от Сантадера. Ключом от Сарагосы и был район Бельчите-Кинто-де-Эбро, превращенный франкистами в укрепленный район. Ими были вырыты окопы общей протяженностью около 500 м, а также оборудованы бетонные блиндажи с бойницами.

Район Кинто-де-Эбро защищали около 1,5 тыс. франкистов. Это были части 17-го пехотного Арагонского полка. На вершине горы между шоссе с прилегающими отметками высоты дислоцировалась 2-я рота терсио Дона Мария де Молина и Марко Белло — неподалеку от кладбища и церкви. Две батареи артиллерии составляли мобильный стратегический резерв. Одно отделение минометов расположилось в районе железной дороги. Фалангисты 5-й бандеры несли охрану берегов р. Эбро, близлежащих виноградников и других опорных пунктов. Позже в окопы были отправлены чины гражданской гвардии.

На штурм Кинто-де-Эбро республиканское командование направило 15-ю интернациональную бригаду под командой подполковника Владимира Корпича, состоявшую из батальонов: английского, американского «Авраам Линкольн», балканского «Димитров» и 24-го испанского⁶³. Изначально на штурм Кинто был брошен только американский батальон. Затем ему на помощь была отправлена английская противотанковая батарея. В ходе тяжелых двухдневных боев республиканцы были вынуждены ввести в бой все части 15-й интернациональной бригады. Основная сила республиканского удара пришлась на 2-ю роту карлистского рекете, оборонявшуюся в окопах. Накануне боя в роте насчитывалось 130 человек, командовал ротой капитан Риварис, пулеметным взводом командовал лейтенант рекете Я.Т. Полухин, при нем также находился лейтенант рекете А.В. Фок. В течение 24 августа 1937 г. рота Ривариса отразила две атаки республиканцев, в ходе боя карлистам удалось повредить несколько советских танков. Позиции карлистов бомбили 5 республиканских (советских) бомбардировщиков⁶⁴. К сумеркам в строю роты осталось лишь 12 человек, они были вынуждены отойти в само местечко Кинто-де-Эбро. Все тяжелораненые были укрыты в церкви селения, сюда же был перенесен тяжело раненный в шею лейтенант рекете Полухин. 25 августа остатки националистов были окружены в Кинто.

26 августа республиканцы, подгоняемые комиссарами своих частей, пошли на последний штурм Кинто-де-Эбро. После вступления республиканцев в селение начались рукопашные бои за дома. Для скорейшего подавления сопротивления республиканцы закидывали дома гранатами. К вечеру последние защитники местечка засели в церкви селения. Огонь республиканских орудий сосредоточился на церкви, но, вопреки всем ожиданиям, ее стены оказались крепки. Тогда из американского батальона была образована ударная группа из 10 человек во главе с Карлом Бредли. Группа была вооружена гранатами и нитроглицериновыми бомбами. Группа ползком приблизилась к церкви и затем бросилась на штурм. Одним из последних защитников церкви был генерал-майор Русской армии и лейтенант рекете А.В. Фок. По словам одного из американцев, Фок встретил их появ-

⁶³ См.: *Bradley K. The International brigades in Spain 1936–1939. L., 1994. P. 29.*

⁶⁴ См.: *Кольцов. М.Е. Испанский дневник. С. 567.*

ление криком «Красные свиньи!». Не желая сдаваться врагу, последнюю пулю из своего пистолета Фок выпустил себе в висок⁶⁵. На трупе погибшего американцы обнаружили Евангелие и русскую офицерскую шашку, советскому журналисту М.Е. Кольцову достались документы Фока.

Своими действиями 2-я рота терсио Дона Мария де Молина на два дня задержала 15-ю интернациональную бригаду, и лишь 27 августа 1937 г. ее потрепанные части смогли отправиться на штурм следующего городка — Фуэнтес-де-Эбро. Действия карлистов были высоко оценены командованием националистов, рота получила коллективную награду — так называемую лауреду креста Сан-Фернандо за защиту Кинто-де-Эбро. Таким образом, кавалерами этой награды посмертно стали и русские добровольцы. После арагонской операции терсио Дона Мария де Молина было выведено с фронта и отправлено в тыл для пополнения. В дальнейшем терсио не принимало участия в крупных фронтовых операциях, а использовалось для охраны позиций. Добровольцы получили время на отдых. Во Франции же над РОВСом опять стали сгущаться тучи. 18 сентября 1937 г. в Париже состоялись торжества, посвященные 20-летию Корниловского полка. Торжества прошли с большой помпой, на них присутствовал весь цвет русской военной эмиграции. С речью выступил глава РОВСа генерал Миллер. В центре события был Скоблин; общественность смогла увидеть его примирение с генералом Миллером и способность сплотить русскую военную эмиграцию⁶⁶.

Днем 22 сентября 1937 г. генерал Миллер по приглашению Скоблина отправился на встречу с немецкими офицерами. Уходя на эту встречу, он оставил записку в запечатанном конверте генералу Кусонскому. В записке Миллер рассказывал, что отправляется на встречу с немцами вместе со Скоблиным. С этой встречи генерал Миллер не вернулся. Он был захвачен советскими агентами и вывезен на пароходе в СССР.

Розыски Миллера начались после 20 часов 22 сентября 1937 г. Ближе к полуночи генерал Кусонский распечатал конверт и прочел записку Миллера. Содержание записки сделало Скоблина главным подозреваемым, и поэтому генерал Кусонский и адмирал Кедров вызвали его в канцелярию РОВСа. Скоблин, не подозревая о существовании записки Миллера, смело отправился на улицу Колизей, где находилась канцелярия союза. Ответив на вопросы Кедрова и Кусонского, Скоблин собрался идти вместе с ними в полицию и заявить об исчезновении Миллера. Однако, воспользовавшись замешательством присутствовавших, он незаметно вышел из канцелярии и бежал. Отсутствие предателя было обнаружено Кусонским и Кедровым только на улице.

Французская полиция начала розыск генералов Миллера и Скоблина, но все было тщетно. Похищенный Миллер на борту советского судна «Мария Ульянова» плыл в СССР, а Скоблин с помощью советских спецслужб скрывался в Париже. Позже генерал Скоблин с помощью резидента советской разведки в Испании Орлова перебрался в Мадрид, воспользовавшись нанятым специально для него

⁶⁵ См.: *Eby C. Voluntarios norteamericanos en la Guerra Civil Espanola. Barcelona, 1974. P. 224.*

⁶⁶ См.: *Голдин В.И. Солдаты на чужбине... С. 327.*

самолетом. В руки французского правосудия попала лишь Надежда Плевицкая, пытавшаяся обеспечить алиби своего мужа.

Преемником генерала Миллера на посту руководителя РОВСа стал генерал-лейтенант Ф.Ф. Абрамов. Как и предыдущий глава союза, Абрамов решительно выступал за помощь армии Франко, но начавшийся новый внутренний кризис в союзе уже не позволил русской военной эмиграции продолжать активно и организовано участвовать в испанских событиях.

В конце 1937 г. в преддверии 200-го, юбилейного номера «Часового» его редакция в ответ на многочисленные поздравительные письма обратилась к читателям с просьбой переводить деньги на «цель особенно дорогую нашему журналу, в Фонд Русских Воинов, сражающихся в рядах армии генерала Франко». Уже в начале января 1938 г. в этот фонд поступила сумма, эквивалентная 7 тыс. бельгийских франков⁶⁷.

К 18 мая 1938 г. численность Русского отряда в терсио увеличилась до 35 человек⁶⁸. В конце 1938 г. командованием отряда обсуждался вопрос о развертывании Русского отряда в Русско-украинский, но русские добровольцы категорически от этого отказались. В середине февраля 1939 г. русские добровольцы использовались для охраны горы Пенья Салада, а затем были отправлены в район Пенья Дьябло. 3 мая 1939 г. Русский отряд терсио Дона Мария де Молина принял участие в параде победы в Валенсии. В конце октября 1939 г. чины отряда были приняты героем гражданской войны генералом Москардо, а спустя несколько дней — и самим Франсиско Франко.

Еще одна заметная группа русских добровольцев (5 человек) служила в рядах терсио «Де Наварра». Это терсио было придано 11-й пехотной дивизии и участвовало в боях в Экстремадуре. Особенно терсио отличилось в августе 1937 г. у местечка Азутан, и затем — в начале января 1939 г. — у местечка Монтерубио⁶⁹.

Однако самая многочисленная, но и самая малоизученная группа русских добровольцев находилась в рядах Иностранного легиона. Вопреки первоначальным планам, функционерам РОВСа не удалось собрать эмигрантов внутри легиона в одно подразделение — русские были распылены по всем бандерам легиона. Лишь по счастливой случайности среди этих сорвиголов оказалось и несколько корреспондентов «Часового», которые оставили красочные воспоминания о службе в рядах легиона.

Русские эмигранты сражались за Франко не только на полях Испании, но и в ее небе. На момент начала национального восстания в военной авиации Испании служило двое белоэмигрантов. Они оба вступили в Испанский иностранный легион еще в 1922 г. Первый из них, Михаил Андреевич Крыгин, в годы войны оказался на стороне республиканцев, другой — Николай Александрович Рагозин — на стороне националистов. После 1923 г. он служил в эскадрилье, которой командовал брат будущего диктатора Испании — Рамон Франко. Видимо, по этой при-

⁶⁷ См.: Орехов В.В. От всего сердца... // Часовой. Брюссель. 1938. № 204. С. 2.

⁶⁸ См.: Яремчук А.П. Русские добровольцы в Испании. С. 81.

⁶⁹ См.: ЦМВС. ДФ. 4/47 762/1. Л. 3.

чине русский летчик был лично известен Франсиско Франко и пользовался его доверием. В начале восстания генерал сказал Рагозину: «Очень рад видеть Вас здесь». Еще накануне восстания по поручению Франко Рагозин доставил в Марокко секретный пакет с Канарских островов⁷⁰. В годы гражданской войны в Испании Н.А. Рагозин воевал на различных участках фронта, некоторое время служил даже в составе итальянской эскадрильи.

Еще один русский летчик-легионер, Всеволод Михайлович Марченко, к началу испанской гражданской войны уже был в отставке и служил начальником аэропорта в городке Барайс. Восстание застало его в Мадриде. Чудом избежав гибели, он сумел выбраться из города и бежать во Францию. Из Франции он пробрался на территорию, подконтрольную националистам, и вступил в авиацию восставших. Он участвовал в ночных полетах, снабжении по воздуху осажденных гарнизонов националистов, неоднократно бомбил республиканскую территорию. Вечером 14 сентября 1937 г. самолет Марченко отправился на очередное задание — бомбить республиканский аэродром у городка Альканьис. В ходе этой акции его самолет был подбит, а сам он погиб. Особый трагизм этой ситуации придает то, что он, вероятно, был сбит советским летчиком Иваном Трофимовичем Еременко⁷¹. В авиацию националистов вступили и сыновья русских летчиков — Александр Рагозин и Игорь Марченко. О службе пятого русского летчика-добровольца в авиации Франко — Николая Степановича Воеводского — имеются крайне скудные сведения⁷².

В 1937 г. в республиканской армии уже находилось около 500 советских летчиков и военспецов, неизвестное число эмигрантов и значительное количество активистов левых организаций Европы; последние часто были хорошо знакомы с русским языком. Националисты решили воспользоваться этим и начать антиреспубликанскую пропаганду среди русскоязычных бойцов республиканской армии. Осенью 1937 г. штаб-квартира Франко организовала пропагандистские радиопередачи на русском языке. Передачи выходили в эфир один раз в неделю, в четверг, в 21.30 на волне Саламанка 238,5. В качестве диктора привлекли к работе главного редактора журнала «Часовой» В.В. Орехова, в это время находившегося в Испании и лично знакомого с Франко. В обращении к красноармейцам содержались следующие строки: «Советская власть посылает ныне красноармейцев в Испанию на защиту сил III Интернационала. Это новое преступление власти имеет своей задачей отвлечь внимание Красной Армии от ее истинных целей на родной земле...»⁷³ После отъезда Орехова из Испании русским диктором стал А.П. Ергин. Интересно заметить, что по окончании гражданской войны этот почин не заглох и русские передачи продолжались еще долгое время. Помимо радиопропаганды, с помощью эмигрантов составлялись и печатались пропагандистские листовки.

⁷⁰ См.: Рагозин Н.А. Рука провидения // Морские записки. Нью-Йорк. 1954. № 3. С. 34.

⁷¹ См.: Кузнецов Н.А. Русский флот на чужбине. М., 2009. С. 338.

⁷² См. о нем: Авиаторы — кавалеры ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия периода Первой мировой войны 1914–1918 годов. М., 2006. С. 62–63.

⁷³ Орехов В.В. Радио-передачи в Белой Испании // Часовой. Брюссель. 1938. № 206. С. 7.

Совокупный вклад белоэмигрантов в победу Франко и его значение будут рассмотрены нами ниже, а сейчас остановимся на численности и потерях русских добровольцев в рядах националистов. Ранее общепринятая цифра в 72 человека на сегодняшний день представляется явно заниженной. В основу этого утверждения ложится в первую очередь публикация М.Е. Кольцова в советской газете, содержащая список из 128 фамилий русских добровольцев в армии Франко⁷⁴. В испанских архивах были обнаружены новые сведения о службе 12 русских добровольцев в составе Итальянского корпуса добровольческих войск⁷⁵. В фондах отечественных архивов была найдена информация о создании двух отрядов из русских эмигрантов в Германии для отправки в Испанию и об их беспрепятственном переходе испанской границы⁷⁶. Таким образом, мы можем оценить примерное количество русских эмигрантов в армии Франко в 150–170 человек (в настоящий момент автором поименно установлены 110 человек). Из этого числа около 50 добровольцев были убиты, многие ранены один и более раз.

ЭМИГРАНТЫ НА ДРУГОЙ СТОРОНЕ

Проследить участие русских эмигрантов в войне на стороне испанских республиканцев значительно сложнее по целому ряду обстоятельств. Изначально руководство Союза возвращения на родину и советские спецслужбы планировали создание из эмигрантов особого диверсионного подразделения под командованием А. Иванова, но этот план так и не был осуществлен⁷⁷. В отличие от национальной армии, республиканцы не организовали подразделение из русских эмигрантов, хотя в работе французского историка Бразильяка мы и находим упоминание о казачьей сотне, созданной из эмигрантов при одной из интернациональных бригад, а у советского военспеца А.А. Ветрова — о «стрелковом подразделении интербригады, составленном из русских эмигрантов во Франции»⁷⁸. Однако данные утверждения опровергаются как самими эмигрантами, так и простой логикой. Эмигранты-республиканцы не стремились создать собственную часть, так как считали себя не русскими, а советскими гражданами, чье участие в этой войне не должно было афишироваться.

По этой причине русские эмигранты были разбросаны по различным республиканским частям. Наибольшее их количество, без сомнения, находилось в рядах интернациональных бригад. Большинство добровольцев, вступивших в республиканскую армию, были членами Союза возвращения на родину, являвшегося филиалом Французской коммунистической партии и советского НКВД. Среди

⁷⁴ См.: Яремчук А.П. Русские добровольцы в Испании. С. 51.

⁷⁵ См.: Keene J. Fighting for Franco: International Volunteers in Nationalist Spain during the Spanish Civil War, 1936–1939. L., 2001. P. 210.

⁷⁶ См.: Российский государственный военный архив. Ф. 33897. Оп. 3. Д. 870. Л. 29.

⁷⁷ См.: Эйслер А.В. Двенадцатая интернациональная. М., 1990. С. 157.

⁷⁸ Ветров А.А. Волонтеры свободы: Воспоминания участника национально-революционной войны в Испании. М., 1972. С. 111.

эмигрантов-республиканцев было немного бывших кадровых офицеров императорской и белых армий, а преобладали в основном молодые люди (среди них был даже сын Бориса Савинкова — Лев Савинков), родившиеся или выросшие уже за пределами России. Благодаря прекрасному воспитанию многие из них владели различными иностранными языками и выполняли функции переводчиков при общении советских военспецов с испанцами и иностранными добровольцами. Существует и информация о бывших чинах Русского экспедиционного корпуса во Франции, служивших в составе интербригад⁷⁹.

Среди русских эмигрантов, прибывших в Испанию, было много идеалистов, но были и откровенные авантюристы, а также обыкновенные наемники. К примеру, шесть летчиков-белоэмигрантов вступили в республиканскую эскадрилью «Эспанья», сформированную известным французским писателем Андрэ Мальро из европейских наемников. Зарплата этих авиаторов составляла 50 тыс. французских франков в месяц⁸⁰, в то время как русские добровольцы на офицерских должностях в Иностранном легионе получали всего лишь 1,2 тыс. испанских песет (около 1,8 тыс. французских франков по тогдашнему курсу) в месяц⁸¹. Одним из русских летчиков-эмигрантов, вступивших в эту эскадрилью, был и бывший капитан-белогвардеец Анатолий Иванов.

Среди русских эмигрантов-республиканцев наиболее идейными были члены Союза возвращения на родину, отправлявшиеся в Испанию бороться с фашизмом. «Беспартийные» эмигранты, вступая в республиканскую армию, надеялись своей доблестью заслужить право возвращения на родину — в СССР. Причем это отмечали даже иностранные журналисты-современники, писавшие об Испании⁸². Еще одну интересную деталь облика эмигрантов-республиканцев отмечают как советские, так и эмигрантские источники. Речь идет о глубоком внутреннем надломе, произошедшем в душе этих эмигрантов. Примирившись в душе с советской властью, они желали лишь одного — возвращения на родину. Однако большая часть русской эмиграции не поняла трагедии этих людей и считала их предателями и изгоями.

Эмигранты, желающие сражаться за республику, могли добраться в Испанию как индивидуально, так и в составе организованных групп. Тем, кто отправлялся в составе групп, приходилось пройти проверку на благонадежность — представить рекомендации от членов Французской компартии или пройти собеседование с функционерами Союза возвращения на родину. Однако французское правительство не чинило препятствий добровольцам, отправлявшимся на защиту испанской республики. Их отправка проходила абсолютно легально и с большим размахом: для добровольцев бронировались пароходы и целые поезда. Так, небольшая группа русских эмигрантов в октябре 1936 г. отправилась в Испанию на поезде вместе с другими иностранными добровольцами⁸³.

⁷⁹ См.: *Телицын В.Л.* «Пиренеи» в огне: Гражданская война в Испании и советские «добровольцы». М., 2003. С. 284.

⁸⁰ См.: *Платошкин Н.Н.* Гражданская война в Испании. 1936–1939 гг. М., 2005. С. 182.

⁸¹ См.: ГА РФ. Ф. 9116. Оп. 1. Д. 6. Л. 70.

⁸² См.: *Watson K.S.* *Single to Spain*. L., 1937. P. 104.

⁸³ См.: *Томас Х.* Гражданская война в Испании. 1931–1939 гг. М., 2003. С. 278.

Не имея возможности проследить судьбу всех эмигрантов в войне на стороне республики, ограничимся рассмотрением участия в ней самых известных и одиозных личностей. Начнем с уже упоминаемого нами Николая Владимировича Скоблина. Бежав в Испанию с помощью советской разведки, он вместе со своими новыми товарищами участвовал в создании республиканских партизанских отрядов и даже принимал непосредственное участие в некоторых диверсионных операциях в Каталонии и Валенсии. В 1938 г. при бомбардировке Барселоны авиацией националистов Скоблин погиб⁸⁴.

В испанские события оказался вовлечен и один из руководителей Корпуса Императорской армии и флота (КИАФ). Полковник П.П. Дьяконов, произведенный в генералы по КИАФу, являлся начальником парижского округа этой организации и по совместительству платным агентом ГПУ с 1922 г.⁸⁵. В начале 1930-х гг. генерала Дьяконова стали подозревать в связях с советской разведкой. После похищения советскими агентами генерала А.П. Кутепова в адрес Дьяконова прозвучали новые обвинения. Генерал отказался от должности начальника округа КИАФ и на какое-то время канул в неизвестность.

В марте 1937 г. Дьяконов объявился в Испании. Разъезжая в машине советского посла, он посещал линию фронта у Мадрида и Арагона. В республиканской Испании он был аккредитован в качестве военного корреспондента, а на деле — выполнял задания советских спецслужб. В Испании Дьяконов находился до самого конца Гражданской войны, а вернувшись во Францию — даже не скрывал, что был на стороне республики. После оккупации Франции Германией в 1940 г. Дьяконов был арестован немцами, а затем передан советским властям. Скончался П.П. Дьяконов в СССР в 1943 г.

Третьим генералом-эмигрантом, служившим в армии республики, был Андрей Васильевич Есимонтовский. В годы Первой мировой войны он был офицером императорской гвардии, а Гражданскую войну в России закончил в чине генерал-майора, командира Гвардейской дивизии армии Врангеля. В эмиграции генерал Есимонтовский активно участвовал в деятельности различных монархических организаций и не был замечен в связях с советской разведкой. Поэтому для многих эмигрантов служба Есимонтовского в республиканской армии стала неожиданностью. Он прибыл в Испанию осенью 1936 г., сначала служил наблюдателем при штабе 35-й дивизии, затем стал начальником обоза. При его непосредственном участии была организована дивизионная школа. Зимой 1937 г. он тяжело заболел туберкулезом и вскоре умер⁸⁶.

Более заметную роль в республиканской армии играл полковник Владимир Константинович Глиноедский. Еще до войны он вступил во Французскую коммунистическую партию. Прибыв в Барселону летом 1936 г. и взяв испанский псевдоним Хулио Хименес Орхе, он стал одним из организаторов Арагонского фрон-

⁸⁴ См.: Судоплатов П. Разведка и Кремль. М., 1996. С. 45.

⁸⁵ См.: Прянишников Б.В. Незримая паутина. С. 243.

⁸⁶ См.: Сверчевская А., Сверчевская З., Сверчевская М. Солдат трех армий: Кароль Сверчевский. Рассказ об отце. М., 1993. С. 48.

та и позже стал начальником артиллерии фронта и членом военного совета республики. 27 декабря 1936 г., находясь с инспекционной поездкой на передовой, полковник Орхе попытался своим примером поднять в атаку республиканскую пехоту, но был убит⁸⁷. Республиканцы похоронили убитого с почестями в Барселоне.

Трагичной оказалась судьба уже упомянутого нами русского летчика Михаила Андреевича Крыгина. Вступив в Испанский иностранный легион вместе со своими коллегами В.М. Марченко и Н.А. Рагозиным (см. о них выше), он участвовал в войне в Марокко. Национальное восстание застало его на Мальорке. Он выполнил приказ республиканского командования и прибыл в Альказар. По ряду сведений, опасаясь за жизнь своей матери, оставшейся в СССР, и супруги, оставшейся на Мальорке, он верой и правдой служил республиканцам⁸⁸. Находясь в Альказаре, он в 1937–1938 гг. являлся начальником штаба эскадрильи, которой командовал советский военспец А.И. Гусев. По сведениям испанских историков, республиканцы не давали летать Крыгину, опасаясь, что он перелетит на сторону националистов, но, судя по воспоминаниям Гусева, благонадежность Крыгина не вызывала у него сомнений. По окончании войны Крыгин вместе с женой переехал во Францию, где нашли приют многие уцелевшие республиканцы.

В несколько ином свете эмигранты-республиканцы предстают перед нами в воспоминаниях одного из советских военспецов — А.И. Родимцева⁸⁹. Он упоминает военного советника кавалерийского эскадрона дивизии Листера — капитана Андрея Савченко. Со слов Родимцева, последний прибыл в Испанию по заданию лидеров военной эмиграции с целью «нейтрализовать лучших испанских командиров, комиссаров и советских добровольцев-советников»⁹⁰. После ареста выяснилось, что под фамилией Савченко скрывался есаул Уральского казачьего войска Скрыпник (у Родимцева — барон Скрыпник). После ареста и допроса Скрыпник был расстрелян.

С эмигрантами-республиканцами случались и курьезные случаи. Один из них связан с капитаном Карчевским, служившим комендантом штаба 14-й интернациональной бригады. В годы Гражданской войны в России он был петлюровским офицером, затем оказался в эмиграции во Франции. Вступив в интербригаду с целью «кровью искупить вину перед родиной», он последовательно командовал взводом, батальоном, позже был назначен комендантом штаба бригады, а затем и 35-й дивизии армии республики⁹¹. Этот вполне идейный борец с фашизмом отличился при нападении на тыл дивизии марокканской кавалерии. Собрав весь штабной персонал, включая поваров и нестроевых, он с двумя пулеметами занял позицию. Подпустив кавалерию на близкое расстояние, люди Карчевского открыли огонь. Марокканцы были обращены в бегство. На следующий день из Мадрида для выяснения всех обстоятельств дела прибыл советский военспец и попро-

⁸⁷ См.: Между Россией и Сталиным... С. 126.

⁸⁸ См.: *Mesa de J. Los otros internacionales*. S. 101.

⁸⁹ См.: *Родимцев А.И. Под небом Испании*. М., 1968. С. 116–119, 156.

⁹⁰ Там же. С. 157.

⁹¹ См.: *Кардин В. Сколько длится полвека?* М., 1977. С. 194–195.

сил рассказать Карчевского о победе. Он рассказал ему следующее: «Я собрал всех, а как только занял позицию, смотрю... идут большевики, так я по ним...»⁹²

Определение точного количества эмигрантов-добровольцев, прибывших на помощь республике, также сопряжено с трудностями. В настоящее время среди историков принято оперировать явно завышенным количеством эмигрантов в армии республики. Впервые эта тенденция проявилась в воспоминаниях советских военспецов. Так, А.А. Ветров в своих воспоминаниях рассказывает нам о том, что «в республиканской армии сражались сотни русских эмигрантов»⁹³. Позже, приняв воспоминания советских военспецов за основу, некоторые отечественные авторы увеличили количество эмигрантов в республиканской армии до тысячи человек⁹⁴. Для установления истинного числа эмигрантов-республиканцев вновь обратимся к архивным документам.

В аналитической справке штаба интернациональных бригад от 1 мая 1938 г. говорится о наличии лишь 80 русских эмигрантов в составе интернациональных бригад на тот момент⁹⁵. Этот же документ указывает и общее число русских эмигрантов, прошедших через интернациональные бригады в период с июля 1936 г. по апрель 1938 г. включительно, — всего 340 человек. При этом в число русских добровольцев были включены еврейские волонтеры из Палестины, а также польские и украинские добровольцы. Вероятно, знание русского языка вышеуказанными группами лиц и стало причиной для записи их в категорию русских добровольцев. Благодаря фундаментальному исследованию израильского историка Мартина Сугармана удалось установить, что в число русских эмигрантов было включено 53 добровольца еврейской национальности, родившихся на территории Российской империи и СССР. Впрочем, он сообщает, что это далеко не полное число добровольцев; в настоящее время исследователь продолжает свои поиски⁹⁶. Таким образом, отняв последнее число от общего числа русскоговорящих добровольцев, мы получим 287 человек, что также является далеко не точной цифрой.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

1 апреля 1939 г. окончилась гражданская война в Испании. Националисты одержали решительную победу. На карте Европы появилось еще одно государство с профашистским режимом. Каков же вклад русской эмиграции в эту кровавую братоубийственную войну? Попытаемся рассмотреть его военные и морально-нравственные аспекты.

Безусловно, мы не можем утверждать, что участие наших соотечественников коренным образом изменило ход войны. Небольшое количество участников (по

⁹² Сверчевская А., Сверчевская З., Сверчевская М. Солдат трех армий... С. 49.

⁹³ Ветров А.А. Добровольцы Свободы // Вопросы истории. 1972. № 4. С. 111.

⁹⁴ См.: Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. С. 206.

⁹⁵ См.: Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 545. Оп. 2. Д. 108. Л. 69.

⁹⁶ См.: Sугарман М. Jews who served in Spanish Civil war. Jerusalem, S. a. P. 2.

нашему мнению, не более 500 с обеих сторон) не дает нам права утверждать обратное. Русские добровольцы глубоко переживали факт, что лишь немногие из эмигрантов смогли принять участие в войне. Со слов А.П. Яремчука, они «ругали русскую эмиграцию, которая из двух миллионов состава выделила так мало добровольцев для борьбы с врагом»⁹⁷. Но на это были и объективные причины. Многолетнее изгнание плачевно отразилось на материальном благосостоянии изгнанников. Зачастую в Испанию они отправлялись на последние сбережения; другие, несмотря на свое желание отправиться на войну, были вынуждены заботиться о своих семьях.

Говоря о вкладе эмигрантов в военные усилия сторон, необходимо помнить, что обе враждующие стороны остро нуждались в военных специалистах, и потому услуги эмигрантов, обычно имевших военный опыт, были очень востребованы. На стороне Франко сражалось большее количество кадровых офицеров; их знания, выправка и боевой опыт нашли признание у националистов. Не раз их офицеры говорили подчиненным: «Равняйтесь на русских — они старые солдаты». Кроме того, офицеры-националисты видели в русских добровольцах своих коллег. При этом ни один из эмигрантов в армии националистов в годы Гражданской войны не смог подняться в звании выше лейтенанта легиона или рекете и не командовал каким-либо отдельным подразделением. Однако именно русские эмигранты заслужили в армии Франко наилучшую боевую репутацию из всех иностранных добровольцев, а Русский отряд продолжал находиться в армии националистов даже после вывода других иностранных частей. Офицеры-эмигранты в республиканской армии, наоборот, смогли выдвинуться на ряд важных постов, но большинство из них все же выполняли функции переводчиков. Но где бы ни служили русские эмигранты — в штабе или на фронте, в республиканской армии или в армии националистов, — они везде честно и храбро выполняли свой долг, о чем свидетельствует длинный список погибших и воспоминания современников.

Оценить морально-нравственное значение участия русских эмигрантов в Гражданской войне гораздо сложнее. В первую очередь это связано с пониманием того, какие цели ставили перед собой участники событий. Добровольцы в армии националистов продемонстрировали готовность активной части (т. е. «пораженцев») военной эмиграции продолжить борьбу с коммунизмом, подтвердили свою способность участвовать в современных войнах, доказали что за 16 лет изгнания русские офицеры не утратили лучших своих качеств — любви к далекой родине, храбрости и чувства долга. Кроме того, присутствие в армии Франко русских добровольцев вызвало большой резонанс. Испанцы, да и представители других стран убедились, что «Россия — это не СССР, как это все почти здесь считали до их прибытия, и что русский и коммунист — не одно и то же!»⁹⁸. Можно также сказать, что участие добровольцев на стороне Франко стало первым опытом военного сотрудничества русской эмиграции с державами оси Берлин — Рим.

⁹⁷ Цит. по: Яремчук А.П. Русские добровольцы в Испании. С. 8.

⁹⁸ Цит. по: Между Россией и Сталиным... С. 126.

ИССЛЕДОВАНИЯ

Цели, которые ставили перед собой эмигранты-республиканцы, на наш взгляд, достигнуты не были. Многие из них, участвуя в войне, надеялись тем самым заслужить прощение у советской власти и получить право вернуться на родину. По окончании войны лишь немногие эмигранты смогли вернуться в СССР. По сути, репатрированы были лишь те эмигранты, кто представлял интерес для советских спецслужб, но им по возвращении была уготована страшная участь, ведь их возвращение совпало с пиком репрессий в СССР. При этом нельзя отрицать безусловной ценности участия некоторой части русской эмиграции в международной антифашистской борьбе, что стало предпосылкой к участию эмигрантов в движении Сопротивления в годы Второй мировой войны.

М.Ю. Сорокина

РОССИЙСКОЕ НАУЧНОЕ ЗАРУБЕЖЬ
VERSUS РУССКАЯ НАУЧНАЯ ЭМИГРАЦИЯ:
К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ОБЪЕМА И СОДЕРЖАНИЯ ПОНЯТИЯ
«РОССИЙСКОЕ НАУЧНОЕ ЗАРУБЕЖЬ»

История современной цивилизации — это история свободных и вынужденных, безвозвратных и временных, внешних и внутренних миграций народов, этнических общностей и разнообразных конфессиональных, экономических, политических, социокультурных сообществ. Изучение общих тенденций и специфики миграций различных профессиональных групп, в том числе научных специалистов, переживает в настоящее время расцвет в мировой и российской историографии¹. Проблема «кризисных» миграций ученых, т. е. вынужденных перемещений научных кадров и институций вследствие военных действий, социальных и / или природных катаклизмов, остается важнейшей реперной точкой для историков науки. Ее анализ дает обширные материалы для ответов на вопрос, в какой мере «потери» того или иного научного сообщества влияли и влияют на масштабы, темпы, направления, тематику и методологию научных исследований в различных странах и в конечном счете — на уровень их цивилизационного развития и место в современном мире.

¹ См.: *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах. 1920–1940. М., 2005; *Нитобург Э.* Русские в США: История и судьбы, 1870–1970. М., 2005; *Горелик Б.М.* Российская эмиграция в Южную Африку: вчера и сегодня. М., 2007; *Ван Чжичэн.* История русской эмиграции в Шанхае. М., 2008; *Гросул В.Я.* Русское зарубежье в первой половине XIX века. М., 2008; *Кёсева Ц.* Болгария и русская эмиграция. М., 2008; *Пивовар Е.И.* Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М., 2008; *Русская колония в Тунисе. 1920–2000 / Сост. К.В. Махров.* М., 2008; *Ронин В.К.* «Русское Конго»: 1870–1970: В 2 т. М., 2009; *Williams R.* Culture in Exile: Russian Emigres in Germany, 1881–1941. Ithaca, L., 1972; *Johnston R.* «New Mecca. New Babylon»: Paris and the Russian Exiles. 1920–1945. Kingston, 1988; *The Other Russia: The Experience of Exile / Ed. by M. Glenny, N. Stone.* L., 1990; *Raeff M.* Russia Abroad: A Cultural History of the Russian Emigration, 1919–1939. N. Y.; Oxford, 1990; *Hassel J.* Russian Refugees in France and the United States Between the World Wars // Transactions of the American Philosophical Society. 1991. Vol. 81. Pt. 7; *Kröhn C.-D.* Intellectuals in Exile: Refugee Scholars and the New School for Social Research. Amherst, 1993; *Der grosse Exodus. Die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941 / Hrsg. von K. Schlögel.* München, 1994; *Struve N.* Soixante-dix ans d'émigration russe (1919–1989). P., 1996; *Gatrell P.* A Whole Empire Walking: Refugees in the Russian Empire During the First World War. Bloomington, 1999; *Raymond B., Jones D.* The Russian Diaspora, 1917–1941. Lanham, 2000; *Darieva T.* Russkij Berlin, Migranten und Medien in Berlin und London. Münster, 2004; *Tinguy A., de La grande migration.* La Russie et les Russes depuis l'ouverture du rideau de fer. Plon, 2004; *Kopnina H.* East to West Migration: Russian Migrants in Western Europe. Aldershot, 2005; *Luksic I.* Ruski emigranti u Hrvatskoj izmeo dva rata: rubovi, memorija, Zagreb, 2006; *Gousseff-Klein C.* L'exil russe. La fabrique de réfugié apatride (1920–1939). P., 2008 и др.

Между тем на протяжении всего советского периода российской истории покинувшие страну ученые на официальном уровне именовались «предателями» и «отщепенцами», а изучение феномена «научной миграции» было табуировано, и как следствие — подлинные количественные масштабы, формы и соотношения естественной, вынужденной и насильственной миграций российских ученых в XIX–XX вв. до сих пор остаются неизвестными даже в академическом науковедении. Уже в наши дни данные о количественных параметрах и предметно-дисциплинарной структуре «утечки мозгов» в новой России, на рубеже XX–XXI вв. продолжают носить характер вероятностной экспертной оценки². Несмотря на обильную риторику, российская власть и общество по-прежнему недостаточно сознают, что научные специалисты — важнейший стратегический ресурс любого современного общества, который можно и нужно тщательно оберегать, учитывать и поддерживать, а обширная зарубежная научная диаспора — уникальный ресурс интеллектуального влияния в мире.

Отсутствие адекватного общественного и научного представления о роли и месте российской научной диаспоры в современном мире, на наш взгляд, не в последнюю очередь связано с тем, что ее историческая судьба остается до сих пор скорее обозначенным, чем описанным и тем более осмысленным феноменом. До сих пор российское научное зарубежье не осознается как своеобразный, самодостаточный, многомерный, исторический и / или актуальный социокультурный мир со своей собственной структурой разнообразных отношений, интересов и мотиваций, оказывавший и продолжающий оказывать огромное воздействие на развитие науки и цивилизации, а также на формирование образа России в инокультурных пространствах. К сожалению, российская историография не располагает ни одной монографией, анализирующей историю российской научной диаспоры как самостоятельный феномен; отсутствуют сводные списки русских научных учреждений и центров за границей, биографические справочники научных работников, полные библиографии их трудов и о них³. Образ российского научного зарубежья распадается пока преимущественно на биографии и достижения отдельных представителей научной диаспоры⁴.

² См.: *Иконников О.А.* Эмиграция научных кадров из России. М., 1993; *Интеллектуальная миграция в России.* СПб., 1993; *Тихонов В., Долгих У., Леденева Л., Шапошников В.* «Утечка умов»: потенциал, проблемы, перспективы. М., 1993; *Некипелова Е.Ф., Гохберг Л.М., Минделли Л.Э.* Эмиграция ученых: проблемы, реальные оценки. М., 1994; *Некипелова Е.Ф.* Эмиграция и профессиональная деятельность российских ученых за рубежом. М., 1998; *Ушкалов И.Г., Малаха И.А.* Утечка умов: масштабы, причины, последствия. М., 1999; *Юревич А.В., Цапенко И.П.* Нужны ли России ученые? М., 2001. См. также: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/>.

³ Это положение конечно не относится к философам и литературоведам российского зарубежья и в меньшей степени к историкам, по изучению наследия которых проделана значительная исследовательская работа.

⁴ См.: *Пашуто В.Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992; *Российские ученые и инженеры в эмиграции.* М., 1993; *Скифский роман / Под общ. ред. Г.М. Бонгард-Левина.* М., 1997; *Елисеева И.И., Дмитриев А.Л.* Статистики русского зарубежья. СПб., 1998; *Стародубцев Г.С.* Международно-правовая наука российской эмиграции (1918–1939). М., 2000; *Российская научная эмиграция: двадцать портретов.* М., 2001; *Борисов В.П.* Владимир Кузьмич Зворыкин. 1889–1982. М., 2002; *Фокин С.И.* Русские ученые в Неаполе. СПб., 2006; *Балышев М.А.* Отто Людвигович Струве,

Данная статья представляет некоторые общие соображения об объеме и содержании понятия «российское научное зарубежье», выросшие в ходе работы над проектом «Российское научное зарубежье. XIX — первая половина XX в.», осуществлявшимся в рамках научно-исследовательской программы Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына⁵.

ВОЛНЫ И ПОТОКИ: МИГРАЦИИ РОССИЙСКОГО НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА ДО И ПОСЛЕ 1917 г.

История отечественной науки, складывающаяся из трех неразрывных составляющих — «дореволюционной» и «советской» науки⁶, науки «российского зарубежья» и «репрессированной» науки, — неотъемлемая часть сложного и нередко конфликтного взаимодействия российского государства, общества и научного сообщества в XVIII–XX вв.

Миграции научных специалистов были известны в России с XVIII в. и примерно до середины XIX в. носили индивидуальный характер, нередко прямо связанный с неприятием российской действительности. Если минералог, член ряда европейских научных обществ граф Григорий Кириллович Разумовский (1759–1837) большую часть жизни провел в Швейцарии, Австрии, Моравии в силу личностных приоритетов, то отъезд за границу экстраординарного профессора греческого языка и древностей Московского университета Владимира Сергеевича Печерина (1807–1885), часто именуемого первым российским ученым-эмигрантом, уже мотивировался вполне определенными идейными причинами, а многолетнее пребывание во Франции историка и генеалога князя Петра Владимировича Долгорукова (1816/17–1868) прямо диктовалось политическим противостоянием российским властям, обрекшим князя на «вечное изгнание».

Вторая половина XIX в. была отмечена значительным увеличением притока в Европу недовольных политическим режимом российских подданных, многие из

1897–1963. М., 2008; *Шестаков В.П.* Русские в британских университетах. СПб., 2009; Мыслящие миры российского либерализма: Павел Милюков: Материалы международного научного colloquium. Москва, 23–25 сентября 2009 г. М., 2010; *Ульянкина Т.И.* «Дикая историческая полоса...»: Судьбы российской научной эмиграции в Европе (1940–1950). М., 2010 и др. См. также статьи коллективного проекта «Российские ученые и инженеры — эмигранты (1920–50-е годы)», опубликованные в Интернете: <http://www.ihst.ru/projects/emigrants/>.

⁵ Предварительные материалы публикуются на сайте Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына: www.domrz.ru (раздел «Материалы и исследования»), а также в научной печати (см.: *Сорокина М.Ю.* Снова востоковеды...: Материалы для библиографического словаря «Российское научное зарубежье» // *Диаспора: Новые материалы*. 7. Париж; СПб., 2005. С. 619–682; *Sorokina M.* Das Russische wissenschaftliche Ausland — biobibliographisches Lexikon und russische Wissenschaftler deutscher Abstammung // *Pfrepper R.* (Hgg.) *Medizin-, Pharmazie- und Wissenschaftsgeschichte vom Mittelalter bis zur Gegenwart: Festschrift für Ingrid Kaestner zum 65. Geburtstag*. Aachen, 2007. S. 301–320 и др.).

⁶ Эти определения используются исключительно как маркеры отнесения к определенной хронологической эпохе.

которых были профессиональными учеными и навсегда связали свою карьеру с европейскими научными институтами⁷. Так, покинувший Новороссийский университет в знак протеста против полицейского произвола выдающийся микробиолог Илья Ильич Мечников (1845–1916), в дальнейшем второй российский Нобелевский лауреат (1908), с последней четверти XIX в. и до конца жизни работал в Пастеровском институте во Франции, а его старший брат Лев (1838–1888), известный социолог и географ и еще более знаменитый сподвижник итальянского революционера Джузеппе Гарибальди, — в Италии и Швейцарии. Уволенный за вольнодумство из Московского университета в 1887 г. социолог, историк и этнограф Максим Максимович Ковалевский (1851–1916) жил в основном в Великобритании и Франции, выступая с лекциями по приглашениям университетов и частных фондов в Стокгольме, Оксфорде, Брюсселе, Чикаго и др.

Еще один мощный миграционный канал в этот период был связан с дискриминационной политикой российских властей, отказывавших женщинам в праве получения высшего образования в российских университетах. Только в период с 1887 по 1917 г. и только в швейцарских университетах учились более 17 тыс. россиянок⁸. Многие из них не вернулись на родину и сделали блестящую научную карьеру на Западе, как, например, Анна Александровна Тумаркина (1875–1951), ставшая первой в Европе женщиной — преподавателем философии и профессором Бернского университета.

Значительный еврейский миграционный поток конца XIX — начала XX в. также унес из России сотни молодых людей, впоследствии составивших славу мировой науки. Достаточно назвать имена знаменитого ассиролога и шумеролога, профессора Пенсильванского университета (Филадельфия, США) Сэмюэля Крамера (1897–1990) и известного специалиста по детской психологии, писателя и общественного деятеля, основателя и президента Американской ассоциации групповой психотерапии Самуэля Славсона (1890–1981).

Наконец, нельзя не упомянуть и о том, что немало научных специалистов высшей квалификации было и в составе российской революционной эмиграции до 1917 г.⁹ Философ, психолог, экономист, литератор, член ЦК РСДРП Александр Александрович Богданов (1873–1928), живший и работавший в Швейцарии и Италии, и историк Михаил Николаевич Покровский (1868–1932), значительную часть своих главных исторических трудов создавший в эмиграции во Франции, — пожалуй, одни из самых ярких представителей этой немалочисленной страты. Отметим также, что представители именно этого направления российской эмиграции войдут после 1917 г. во все высшие административные структуры новой,

⁷ См., например: *Любина Г.И.* Россия и Франция: История научного сотрудничества (вторая половина XIX — начало XX в.). М., 1996; *Гутнов Д.А.* Русская высшая школа общественных наук в Париже (1901–1906 гг.). М., 2004.

⁸ См.: *Tikhonov N.* Das weibliche Gesicht einer «wissenschaftlichen und friedlichen Invasion»: Die ausländischen Professorinnen an den Schweizer Universitäten vom Ende des 19. Jahrhunderts bis 1939 // *Jahrbuch für Europäische Geschichte.* 2005. Bd. 6. S. 99–104.

⁹ См.: *Русская эмиграция до 1917 года — лаборатория либеральной и революционной мысли* / Под ред. Ю. Шеррер и Б.В. Ананьича. СПб., 1997.

советской власти и фактически сформируют каркас управленческого аппарата советского государства 1920-х гг.

На всем протяжении XIX — начала XX в. репрессивная политика царского правительства вызывала не только внешнее миграционное движение научных специалистов — из России в Европу и США, но и в значительной степени определяла внутренние трудовые и насильственные миграции. Директивное перемещение профессуры из столичных в провинциальные университеты было одним из важных инструментов государственной кадровой политики в области образования, имевшим откровенно усмирительный характер. Между тем постоянно практиковавшаяся административная ссылка инакомыслящих и инакодействующих образованных граждан Российской империи в Сибирь и отдаленные губернии часто приводила к последствиям, которые совсем не прогнозировались карательными органами: в местах изгнания создавались небольшие, но очень мобильные академические сообщества, которые, с одной стороны, оказывали демократическое влияние на развитие местной общественной жизни, а с другой — способствовали просвещению и научной колонизации окраин империи. История становления и развития Томского университета, первого университета, созданного в азиатской части России в 1878 г., — классический пример такого сотрудничества образованных ссыльнопоселенцев, в частности польского происхождения, и местной культурной элиты¹⁰.

История взаимодействия российской власти и научного сообщества, конечно, не исчерпывалась конфронтацией и неприятием. На рубеже XIX–XX вв., в эпоху трансформации Российской империи из аграрной державы в индустриальное общество, российская интеллигенция, и научное сообщество в особенности, накопившие значительный интеллектуальный, научный, технологический и общественный потенциал, вступили в интенсивный диалог с имперской властью и новой российской буржуазией, чтобы инвестировать свои идеи, знания, опыт непосредственно в модернизацию страны. Отвечая на вызов времени, российская государственная власть в лице наиболее дальновидных представителей высшей бюрократии (С.Ю. Витте, П.А. Столыпин и др.) также делала попытки модифицировать политический, социально-экономический и культурный ландшафты стареющей империи и приглашала российских интеллектуалов к участию в этом процессе в невиданном ранее масштабе¹¹. Процесс активного вовлечения научных специалистов в правящие государственные структуры был интенсифицирован в России Первой мировой войной (1914–1918). Неудивительно, что после военных неудач на фронте и падения монархии (февраль — март 1917 г.) новое российское Временное правительство едва ли не наполовину состояло из университетских профессоров и членов Российской академии наук (историк Павел Николаевич Милюков (1859–1943), востоковед Сергей Федорович Ольденбург (1863–1934), кристаллограф и минералог Владимир Иванович Вернадский (1863–

¹⁰ См.: Иванов А.Е. Студенческая корпорация России конца XIX — начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. М., 2004.

¹¹ См.: Власть и наука. Ученые и власть. 1880 — начало 1920-х гг.: Материалы международного научного colloquium. СПб., 2003; *Krementsov N. Stalinist Science*. Princeton, 1997; *Tolz V. Russian Academicians and the Revolution: Combining Professionalism and Politics*. Basingstoke, 1997 и др.

1945) и др.), что ярко продемонстрировало власти и обществу заявку российской научной элиты на управление государством.

Однако системный социальный кризис 1917–1921 гг., вызванный Первой мировой войной, революциями 1917 г. и последовавшей за ними Гражданской войной, создал принципиально новый исторический контекст для развития науки и ее институций. Он кардинально изменил характер и условия научной деятельности в России, ее персональную и институциональную карты. В отличие от других европейских стран, переживших подобный кризис, например Германии, где после смены политического режима происходило более или менее постепенное восстановление научного потенциала созданных еще в докризисное десятилетие исследовательских и образовательных институций, в России одним из важнейших следствий социальных катаклизмов стал разлом некогда единого российского научного сообщества на «метрополию» и «диаспору».

Сразу после 1917 г. по разным причинам захваченные «революционной стихией» тысячи научных специалистов различной квалификации и статуса — от студентов университетов до действительных членов Императорской / Российской академии наук — бежали из России самостоятельно или уходили с белыми войсками. Значительная часть этих специалистов вынужденно покинула страну в зрелом возрасте по политическим мотивам. Другие оказались «за границей» в результате распада Российской империи и создания новых государственных образований (Польша, Финляндия, Литва, Латвия, Эстония). Многие в недалеком будущем известные ученые еще детьми были вывезены родителями, а некоторые родились уже в эмиграции.

Советский режим очень быстро юридически закрепил разделение своих граждан на две неравновеликие группы — «возвращенцев» и «невозвращенцев»: уже Декрет ВЦИК и СНК от 15 декабря 1921 г. предусматривал лишение гражданства лиц, выехавших из страны после 7 ноября 1917 г. «без разрешения советской власти», а также тех, кто пробыл за пределами страны свыше пяти лет и не получил в представительствах РСФСР заграничных паспортов¹². Таким образом все беженцы Гражданской войны, в том числе научные специалисты, автоматически отсекались от родины и фактически обрекались на депрофессионализацию в новой иноязычной и инокультурной среде.

С начала 1920-х гг. научные работники, уже как прямые идеологические и классовые враги, стали целенаправленно высылаться советской властью за границу¹³. Осознав свою гражданскую чуждость и бесперспективность профессиональной карьеры при новом режиме, некоторые ученые с середины 1920-х гг. стали сами покидать СССР, используя легальные возможности зарубежных командировок, международных конференций и работы по грантам различных американских и европейских благотворительных научных фондов (ректор Горной академии Дмитрий Николаевич Артемьев (1882–1945/46), физик-теоретик Георгий Антонович

¹² Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. М., 1922. № 1. Ст. 11.

¹³ См.: Высылка вместо расстрела: Депортация интеллигенции в документах ВЧК – ГПУ: 1921–1923. М., 2005; Остракизм по-большевистски: Преследования политических оппонентов в 1921–1924 гг. М., 2010.

Гамов (1904–1968), математик и астрофизик Владимир Александрович Костицын (1883–1963) и др.). Негативный резонанс этих бегств настолько обеспокоил большевистских руководителей, что под их давлением в 1927 г. АН СССР вынужденно ввела в новый устав положение об исключении своих членов «ввиду утраты связи с АН СССР». Всего через год, 15 декабря 1928 г., этот пункт был использован для исключения целой группы академиков и членов-корреспондентов, покинувших Россию после Октябрьской революции (академик, антиковед Михаил Иванович Ростовцев (1870–1952), академик, филолог-славист Владимир Андреевич Францев (1867–1942), член-корреспондент, историк церкви Николай Никанорович Глубоковский (1863–1937) и др.) и восстановленных в своих академических правах только в 1990 г.¹⁴

После череды бегств ответственных сотрудников Кремля и ОГПУ постановление ЦИК СССР от 21 ноября 1929 г. окончательно закрепило политический контент юридического статуса «невозвращенца», объявив ими граждан СССР, работавших за границей и «перебежавших в лагерь врагов рабочего класса и крестьянства», отказываясь вернуться в СССР¹⁵. Они объявлялись вне закона, что влекло за собой конфискацию имущества и расстрел осужденного через 24 часа после удостоверения его личности. Мера оказалась довольно эффективной — поток «бегущих» хотя и не иссяк, но заметно уменьшился¹⁶.

В то же время многие ученые российского происхождения продолжали работать за границей, сохраняя советский паспорт, но и не возвращаясь в СССР. Для этих «неформальных невозвращенцев» вопрос гражданства и национально-государственной принадлежности ученого был глубоко вторичен по сравнению с пониманием природы науки как интер- / наднационального института. К этой группе в разные годы принадлежали выдающиеся ученые — академик В.И. Вернадский, физик, будущий нобелевский лауреат Петр Леонидович Капица (1894–1984), генетик Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский (1900–1981), славист, член-корреспондент Академии наук Николай Николаевич Дурново (1876–1936) и многие другие. В конце 1920-х гг. часть из них возвратилась в СССР (В.И. Вернадский, В.Н. Дурново), где им были предложены лучшие по сравнению с Европой условия работы, а часть, отвергнув в середине 1930-х гг. жесткий ультиматум советских властей — вернуться или лишиться гражданства (как академики-химики Владимир Николаевич Ипатьев (1867–1952) и Александр Евгеньевич Чичибабин (1863–1945)), стала юридическими «невозвращенцами» и навсегда осталась за рубежом¹⁷. В то

¹⁴ Отметим, что Петр Бернгардович Струве (1870–1944) остается единственным из исключенных в 1928 г. действительных членов Академии, так и не восстановленным в ней до сих пор. Подробнее см.: Трагические судьбы членов АН СССР / Сост. И.Г. Арефьева. М., 1995.

¹⁵ СССР. Собрание законов. 1929. № 76.

¹⁶ *Генис В.Л.* Неверные слуги режима: Первые советские невозвращенцы (1920–1933). М., 2009. Кн. 1.

¹⁷ Кроме того, некоторые «полезные» для советской власти ученые насильно вывозились или оставлялись в СССР, как, например, в 1934 г. это случилось с П.Л. Капицей (см.: *Есаков В.Д.* Почему П.Л. Капица стал невыездым // *Вестник РАН.* 1997. № 6. С. 543–553), а позднее — с Н.В. Тимофеевым-Ресовским (см.: *Бабков В.В., Сакарян Е.С.* Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский: 1900–1981. М., 2002).

же время немало научных специалистов с советским подданством (как биофизик Сергей Степанович Чахотин (1883–1973) или Н.В. Тимофеев-Ресовский) продолжали работать в европейских научных институтах на протяжении всех 1930-х гг. и позже.

Таким образом, основные потоки научных миграций XIX — первой половины XX в. совпадают с типологией и периодизацией российских миграций в целом¹⁸. Однако воздействие разных волн научных миграций на развитие науки в России / СССР было различным и по глубине, и по масштабам.

ПОНЯТИЯ И ТЕРМИНЫ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ КОНСТРУКТ И / ИЛИ ОБЪЕКТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Если в советской историографии истории науки факты бегства / выезда / невозвращения ученых просто игнорировались, то в перестроечное и постперестроечное время, когда появилась значительная литература о российской эмиграции, стало принято считать, что стресс эмиграцией имел (и имеет до сих пор) преимущественно негативные последствия для российской науки¹⁹.

Действительно, в результате неожиданной и резкой «утечки мозгов» в 1917–1921 гг. ряд дисциплинарных научных сообществ советской метрополии на годы вперед оказался кадрово обескровленным, а в ряде случаев и вовсе подорванным. Так, например, Россию покинули все научные специалисты в ранге докторов и профессоров международного права. Более трети своего персонального состава потеряли такие важнейшие для нормального существования любого государственного и общественного организмов профессиональные сообщества, как инженерное и медицинское²⁰.

Однако общее количество научных специалистов, бежавших / уехавших / эвакуированных из России в период 1917–1921 гг., остается до сих пор неизвестным²¹. И причин тому — несколько. Во-первых, отсутствие системы регистрации ученых-беженцев. Если «мартирологи» русской науки время от времени публиковались в советской России / СССР в 1921–1924 гг., то учетом научных специалистов зарубежья занимались уже только в научных институтах диаспоры. Первой и последней попыткой собрать воедино комплексные сведения о персональной, дисциплинарно-институциональной и географической структуре, а также опубли-

¹⁸ О периодизации истории российской эмиграции см.: *Пивовар Е.И.* Российское зарубежье... С. 18–19.

¹⁹ См., например: *Колчинский Э.И.* Наука и эмиграция: судьбы и цифры // *Зарубежная Россия. 1917–1939 гг.* Сб. ст.: СПб., 2003. Кн. 2. С. 165.

²⁰ Профессор К.К. Васильев считает, что общее число врачей-беженцев в 1918–1922 гг. составило около 2500 человек, подавляющее большинство из них имело степень доктора медицины и опубликованные труды (см.: *Васильев К.К.* Российские врачи-беженцы в Европе между мировыми войнами // *Зарубежная Россия.* Кн. 2. С. 169).

²¹ См.: *Колчинский Э.И.* Наука и эмиграция... С. 165–166.

кованных научных работах ученых российского зарубежья остаются изданные еще в 1931 и 1941 гг. Русским научным институтом в Белграде «Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом (1920–1940)». Согласно данным этого института, на 1931 г. было зарегистрировано 472 ученых, преподавателей университетов и высших технических школ, научно работавших вне России²². Однако «Материалы...» отразили персональный состав и научные труды преимущественно той части российских ученых, которая группировалась вокруг русских эмигрантских учреждений в традиционных центрах российского рассеяния (Прага, Белград, Берлин, Париж, Харбин и др.) и так или иначе поддерживала контакт с институтом, отвечая на его запросы. В то же время в этом издании минимально представлен тот обширный и влиятельный сегмент специалистов российского научного зарубежья, которые работали в научных институциях стран пребывания, а также имена и труды российской научной молодежи, профессионально подраставшей уже в условиях жизни в диаспоре.

Другая причина явно заниженной численности российского научного зарубежья до Второй мировой войны — понятийная неоднозначность используемых терминов: что называть «зарубежьем» и кого и по каким критериям считать «ученым» и / или «эмигрантом» в этот период — кажется нам еще более существенной.

Как известно, институционализация научного знания в России происходила на рубеже XIX–XX вв., когда границы современной «академической науки»²³ и ее дисциплинарных сообществ только формировались. Сегодня принадлежность к научному цеху маркируется, как правило, совокупностью атрибутов — образование, профессиональный статус (позиция), ученая степень, научные труды, членство в научных обществах и т. д. Применительно к России начала XX в. каждый из приведенных критериев может работать в отдельности. В этот период отсутствие позиции в научном учреждении или научной степени ни в малой степени не сказывалось на «научности» исследовательской деятельности специалиста.

Так, например, находившиеся на государственной службе дипломаты формально к «ученому сословию» не принадлежали. Но, много лет работая в зарубежных странах, они нередко сочетали изучение новейшей политической и социально-экономической ситуации с интересом к древней истории, традициям и культуре народов. Особенно это было характерно для российских дипломатов в азиатских странах, которые собирали коллекции древних рукописей и опубликовали корпус важнейших междисциплинарных страноведческих исследований, признаваемых ныне классикой востоковедения (Николай Владимирович Ханьков (1819–1878), Владимир Федорович Минорский (1877–1966), Василий Петрович Никитин (1885–1960) и др.). Российские военные также интенсивно изучали

²² См.: *Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом (1920–1940)* / Под ред. Е.В. Спекторского. Белград, 1931–1941. Вып. 1–2. Эта работа существенно дополнена, см.: *Труды русской, украинской и белорусской эмиграции, изданные в Чехословакии в 1918–1945 гг.: Библиография с биографическими данными об авторах: В 3 ч.* Прага, 1996.

²³ То есть науки, сосредоточенной в различных академиях, университетах и других высших учебных заведениях.

восточные окраины России и сопредельных азиатских стран и территорий²⁴. Тысячи работ по географии и статистике, общей и военной истории, этнографии, демографии, лингвистике, археологии и др., опубликованные ими, составили золотой фонд отечественной ориенталистики, до сих пор не до конца исчерпанный. Значительный вклад в изучение российской истории и филологии внесли многие коллекционеры и меценаты, не только собравшие огромный корпус материальных и письменных источников, но и успешно занимавшиеся атрибуцией и изучением отдельных памятников (Прасковья Сергеевна Уварова (1840–1924), Мария Клавдиевна Тенишева (1867–1928) и др.). Наконец, самое активное участие в деятельности дореволюционных научно-технических обществ принимали инженеры, работавшие в различных областях промышленности, техники и сельского хозяйства (Вадим Павлович Аршаулов (1859–1942), Юрий Владимирович Ломоносов (1876–1952), Владимир Иванович Юркевич (1885–1964) и др.). Несомненно, при наличии печатных научных работ и изобретений все они могут и должны быть причислены к российскому научному цеху начала XX в.

Критерий участия в жизни национального научного сообщества и наличия печатных научных работ на национальном языке, по нашему мнению, — важнейший для отнесения специалиста к категории ученых и к тому или иному научно-дисциплинарному сообществу. Руководствуясь им, в состав российского научного зарубежья целесообразно включать ученых из тех стран, которые получили национально-государственную самостоятельность в результате распада Российской империи (Финляндия, Польша, прибалтийские губернии)²⁵, если они в течение многих лет работали и / или публиковались в России, а также сотрудников Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), часть из которых имела советское гражданство, но принимала активное участие в научных изданиях зарубежья²⁶. В то же время, на наш взгляд, к российским ученым следует причислять и некоторых специалистов, имевших иное, не российское гражданство, но тесно связанных с Россией обстоятельствами рождения, образования и научной деятельности.

Таким образом, к категории ученых относится вся дисциплинарная номенклатура специалистов, работавших на ниве российской науки со второй половины XIX в., — от богословов, историков церкви, военных историков и инженеров, дипломатов, краеведов, педагогов и представителей национальных движений, принимавших участие в организации и проведении научных исследований, до действительных членов и членов-корреспондентов Императорской Академии наук / Российской академии наук / Академии наук СССР²⁷.

На наш взгляд, понятие «российское научное зарубежье» может быть сформулировано как совокупность всех специалистов, имевших печатные научные труды

²⁴ См.: *Басханов М.К.* Русские военные востоковеды до 1917 года: Биобиблиографический словарь. М., 2005.

²⁵ Иной взгляд см.: *Решетов А.М.* Российские этнографы и антропологи-эмигранты: времена, люди и судьбы // Радловские чтения 2004: Тезисы докладов. СПб., 2004. С. 65–72.

²⁶ Библиографию см.: *Bakich O.* Harbin Russian Imprints. N. Y.; P., 2002.

²⁷ По нашим подсчетам, до 1925 г. Россию / СССР покинули 7 действительных членов, 18 членов-корреспондентов и 7 почетных членов РАН / АН СССР.

и принимавших участие в деятельности российского научного сообщества, — граждан Российской империи / Российской республики / СССР / Российской Федерации, по различным причинам покинувших страну и / или работавших длительное время за рубежом. В отличие от исторической традиции и широко распространенной практики именовать эмиграцию «русской», вносящих дезориентирующий этнический компонент в сложное социокультурное и по сути наднациональное явление, употребление термина «русский» служит здесь индикатором правового статуса ученого — его гражданства. Предлагаемое понимание объема и содержания категории «русское научное зарубежье» (= российская научная диаспора) существенно расширяет его прежние границы и изменяет его содержательные и количественные параметры. Приводимые до сих пор в историографии данные о научных беженцах после 1917 г. лишь в малой степени отражают истинный размер научных потерь России в начале XX в. Их корректировка позволит существенно изменить представления о масштабе влияния этого фактора на развитие советского общества и стран, принявших российских ученых-беженцев.

В то же время характер и структура изменений персонального состава различных дисциплинарных сообществ российской науки после 1917 г. имели свои особенности.

Одной из тяжелейших и наиболее ощутимых на протяжении многих десятилетий потерь для гуманитарных наук был отъезд ряда крупнейших ученых — признанных лидеров в своих научных дисциплинах. Достаточно напомнить, что антиковедение и византистика лишились таких выдающихся специалистов, как академики Михаил Иванович Ростовцев и Никодим Павлович Кондаков (1844–1925), члены-корреспонденты АН Фаддей Францевич Зелинский (1859–1944) и Александр Александрович Васильев (1867–1953) и др.

Также за пределами СССР оказалось более трехсот специалистов, занимавшихся изучением разных периодов истории, культуры, экономики стран Востока²⁸. Разумеется, утрата такого количества образованных кадров не могла не отразиться на состоянии «науки о Востоке» в СССР, и прежде всего в тех страноведческих и функциональных сегментах, которые понесли наибольшие потери. Однако, в отличие от других гуманитарных сообществ, востоковедение в значительной мере сохранило свои ведущие академические кадры. Несмотря на благоприятные возможности для эмиграции (регулярные зарубежные командировки) и размышления на эту тему²⁹, никто из академиков-востоковедов не воспользовался предоставившимися возможностями³⁰.

²⁸ Следует иметь в виду, что эта цифра охватывает специалистов по Востоку из разных профессиональных сообществ — военных, дипломатов и др. См.: Российское научное зарубежье: Материалы для библиографического словаря. Вып. 3 [Пилотный]: Востоковедение: XIX — первая половина XX в. / Авт.-сост. М.Ю. Сорокина. М., 2010.

²⁹ См., например, об этом в письмах выдающегося академика-индолога Ф.И. Щербатского академику В.И. Вернадскому: «Там так легко дышится...»: Из американского архива Георгия Вернадского / Публ. и примеч. М.Ю. Сорокиной // Диаспора: Новые материалы. 6. Париж; СПб., 2004. С. 638–645.

³⁰ Единственное исключение — тюрколог Владислав Людвигович Котвич (1872–1944), первый ректор Петроградского института живых восточных языков, который в ноябре 1923 г. репатриировался в Польшу и уже после этого, 1 декабря 1923 г., был избран членом-корреспондентом РАН.

Большинство востоковедов, ушедших в эмиграцию, были людьми молодыми, в основном приват-доцентами. Насколько этот урон был значим для дальнейшего развития ориенталистики в нашей стране, показывает небольшой перечень имен ученых, оставшихся за рубежом, — японист Сергей Григорьевич Елисеев (1889–1975), тюркологи Владимир Алексеевич Иванов (1886–1970) и Владимир Федорович Минорский (1877–1966), синологи Сергей Михайлович Широкогоров (1887–1939) и Игорь Павлович Митрофанов (1892–1943), египтологи Владимир Михайлович Викентьев (1882–1960) и Григорий Иванович Лукьянов (1885–1945), кавказоведы Николай Георгиевич Адонц (1871–1942) и Георгий Васильевич Баев (1869–1939).

То, что стало потерями для российского научного сообщества и российского национального самосознания в целом, обернулось значительным приобретением для мировой науки. Российские ученые — беженцы или выходцы из эмигрантских семей — оказали значительное влияние на становление восточных страноведческих школ американской науки. Приват-доцент Петроградского университета Сергей Елисеев создал и возглавил в 1930-е гг. в Гарварде крупнейший научный центр синологии и японоведения. Историк и политолог Александр Адамович Беннигсен (1913–1988), в 1919 г. вывезенный родителями из России, сформировал школу американских специалистов по мусульманству советской Средней Азии и Закавказья. Барон Петр Алексеевич Будберг (1903–1972), специалист по синоалтайским языкам, ранней истории китайской культуры и китайской классической письменности, с 1940 г. руководил кафедрой востоковедения Калифорнийского университета в Беркли. Георгий Александрович Ленсен (1923–1978) стал крупнейшим американским экспертом по российской внешней политике и международным отношениям на Дальнем Востоке в XIX–XX вв. и с 1949 г. почти тридцать лет возглавлял кафедру востоковедения во вновь открытом университете штата Флорида. Так парадоксально, во многом благодаря именно революционным катаклизмам, российское востоковедение существенно расширило свое влияние на развитие мировой науки о Востоке. Однако ни в энциклопедии «Русское зарубежье: Золотая книга эмиграции»³¹, ни в трех изданиях многотомного справочника С.Д. Милибанд, посвященного востоковедам СССР и России³², нет имен отечественных ориенталистов, работавших вне России / СССР в первой половине XX в.

Научно-медицинское сообщество было одним из самых крупных, консолидированных и влиятельных в российском научном зарубежье после 1921 г.³³ Про-

³¹ См.: Русское зарубежье: Золотая книга эмиграции. Первая треть XX в.: Энциклопедический биографический словарь / Под общ. ред. В.В. Шелохаева. М., 1997. См. рецензию на это издание известного историка востоковедения и этнологии А.М. Решетова (Этнографическое обозрение. 2000. № 1. С. 165–167).

³² См.: Милибанд С.Д. Биобиблиографический словарь отечественных востоковедов: В 2 т. М., 1995; Она же. Востоковеды России: XX — начало XXI в.: Биобиблиографический словарь: В 2 кн. М., 2008. Исключение составляют Н.А. Невский и Ю.Н. Рерих. В последнем по времени издания словаре С.Д. Милибанд упомянуты несколько востоковедов, покинувших СССР в 1970-е гг. (А.М. Пятигорский, Е.С. Семяка и др.), но без указания на их научную и преподавательскую деятельность за рубежом.

³³ См.: Российское научное зарубежье: Материалы для биобиблиографического словаря. Вып. 1 [Пилотный]: Медицинские науки: XIX — первая половина XX в. / Авт.-сост. М.Ю. Сорокина. М., 2010.

фессора и приват-доценты университетов бывшей Российской империи, почти каждый из которых имел свой медицинский факультет с обширной сетью исследовательских лабораторий, институтов и клиник, всегда сохраняли и поддерживали тесные корпоративные связи. Они образовали несколько основных центров медицинского зарубежья, не всегда совпадавших с центрами российской эмиграции. Одними из самых значительных и стабильных научно-медицинские диаспоры стали в Балканских странах, прежде всего в Болгарии (София) и Королевстве сербов, хорватов и словенцев (КСХС; с 1929 г. — Югославия; Белград и Загреб), стремившихся использовать огромный интеллектуальный потенциал российских беженцев и предложивших им хорошие условия для профессиональной работы. Так что в начале 1920-х гг. на медицинском факультете Софийского университета из двенадцати кафедр семь возглавляли российские беженцы (хирург Георгий Ермолаевич Рейн (1854–1942), психиатр Николай Михайлович Попов (1854–1939), невропатолог и психиатр Алексей Эрастович Янишевский (1873–1936), гистолог Александр Федорович Маньковский (1868–1946), физиолог Василий Васильевич Завьялов (1873–1930), анатомы Илья Федорович Шапшал (1878–1949) и Владимир Петрович Воробьев (1876–1937). Славянские государства оказались для многих российских медиков-ученых не только временным прибежищем, но местом сохранения и приумножения своего научного потенциала. В отличие от некоторых коллег, вынужденно утративших в изгнании высокий социальный и профессиональный статус, в Болгарии и КСХС немало российских специалистов стали основоположниками научных школ и направлений, основателями институтов, клиник, лабораторий, музеев, создателями новых учебников и программ³⁴. Дети многих из них полностью адаптировались к новому культурно-историческому и социально-политическому ландшафту и навсегда остались в этих странах, внося большой вклад в развитие национальной науки и образования.

Основными центрами российского психологического сообщества в зарубежье стали США и Чехословакия. Космополитичная атмосфера Праги, где до Второй мировой войны одновременно работали чешские, русские, украинские, белорусские, немецкие, французские университеты и институты, кружки и семинары, а также существовала особая интеллектуальная среда, целенаправленно сформированная на основе концентрации российских научных работников самого разного профиля, весьма способствовала преподавательской и научной деятельности таких известных российских психологов старшего поколения, как Николай Евграфович Осипов (1877–1934) и Григорий Яковлевич Трошин (1874–1938)³⁵. Между тем молодые психологи российского происхождения, в основном

³⁴ См.: *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах...; *Кёсева Ц.* Болгария и русская эмиграция; *Литвищенко С.* Руски лекари у Србији и Црној Гори. Београд, 2007; *Пушкадия-Рыбкина Т.В.* Эмигранты из России в научной и культурной жизни Загреба. Загреб, 2007; *Русское зарубежье в Болгарии: история и современность* / Сост. С.А. Рожков. София, 2009.

³⁵ См.: *Масоликова Н.Ю., Сорокина М.Ю.* Психология в истории российского научного зарубежья // *История отечественной и мировой психологической мысли: Материалы международной конференции по истории психологии «IV московские встречи», 26–29 июня 2006 г.* / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Ю.Н. Олейник. М., 2006. С. 223–229.

получившие образование в Германии, на рубеже 1930-х гг. переместились в США, где сразу начали работать в американских университетах и госпиталях, печатались по-английски и принимали участие в американской «русской» жизни опосредованно — в основном через личные контакты и тематику исследований, например изучая психологический статус «перемещенных» лиц после Второй мировой войны. Практически все попавшие в США психологи российского происхождения стали очень известными специалистами в своих областях³⁶.

В то же время многие научные специалисты российской диаспоры в полной мере испытали трудности поиска и актуализации новой персональной и профессиональной идентификации в изменившемся социально-культурном и языковом пространстве. Оказавшись рассеянными по разным государствам и континентам, многие специалисты среднего поколения и особенно научная молодежь оставили профессию, не сумев адаптироваться к местным общественно-политическим, социальным и институциональным реалиям.

Однако, как всякое системное потрясение, стресс эмиграцией обернулся для российского научного организма в целом и существенным позитивным импульсом. Значительная часть ученых диаспоры приняла участие в формировании параллельного большевистской России научного пространства — широкой национальной научной инфраструктуры на всех континентах, от Европы до Австралии, — собственных институтов, академических групп, обществ, профессиональных союзов, издательств, журналов, учебных заведений разных уровней. По разным причинам оказавшись за рубежом, российские ученые, как правило, стремились не терять личные и профессиональные связи с родиной. Абсолютное большинство из них, несмотря на политические, социальные, этнические и конфессиональные различия, продолжали идентифицировать себя с русской культурой, а многие осознавали и позиционировали себя частью российского национального научного сообщества, активно распространяли и пропагандировали достижения отечественных научных школ, расширяя таким образом их воздействие на развитие всей мировой науки и культуры — от Китая до Северной Америки и Австралии. Тем самым в урезанном варианте и на непродолжительное время, но было реализовано давнее, не находившее государственной поддержки в имперской России стремление многих российских ученых развивать научно-образовательную экспансию как инструмент расширения международного влияния отечественной науки³⁷.

Кроме того, многочисленная группа ученых-беженцев, прежде всего представителей естественных и технических дисциплин, сумела успешно интегрироваться в международное научное сообщество. В отличие от гуманитариев, например историков, создававших национальную научную инфраструктуру и тем самым об-

³⁶ См.: Российское научное зарубежье: Материалы для библиографического словаря. Вып. 2 [Пилотный]: Психологические науки: XIX — первая половина XX в. / Авт.-сост. Н.Ю. Масоликова, М.Ю. Сорокина. М., 2010.

³⁷ На рубеже XIX–XX вв. эту стратегию успешно проводили многие западные страны, создавая «немецкие», «французские» и т. п. институты в европейских столицах, благополучно существующие до сих пор. О единственном российском опыте подобного рода см.: *Басаргина Е.Ю.* Русский археологический институт в Константинополе: Очерки истории. СПб., 1999.

рекавших себя на уход в глубь «национального тела» (что во многих случаях было весьма позитивным), естественники не имели возможности создать в эмиграции национальные научные институции, требовавшие больших материальных вложений. Отсутствие национальных форм стало важным стимулирующим фактором быстрой адаптации российских ученых к поначалу чуждой профессиональной среде и в конечном счете способствовало их скорейшей интеграции в мировую науку. Сделав успешную индивидуальную карьеру в научных институциях стран пребывания, многие из них стали основателями новых научных школ и направлений, возглавили лаборатории, институты или университетские кафедры. Оставаясь в институциональных и языковых пределах российской науки, без «шока» эмиграции, они бы вряд ли завоевали такой научный авторитет в масштабах всего мирового научного сообщества.

СОСТАВ И СТРУКТУРА: ПРИВЫЧНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ И РЕАЛЬНЫЕ ПРОПОРЦИИ

Российская научная диаспора внесла выдающийся вклад в мировую и отечественную научную и философскую мысль, развитие многих национальных научных сообществ и гражданских обществ стран-реципиентов в XX в. Достаточно назвать имена социолога Питирима Сорокина (США), физика Глеба Ватагина (Бразилия / Италия) и биофизика Бориса Раевского (Германия), химиков Владимира Ипатьева (США) и Маргариты Андронниковой (Германия), математиков Абрама Безиковича (Великобритания) и Мориса Крайчика (Бельгия), астрономов Сергея Гапошкина (США) и Николая Донича (Румыния), инженеров и конструкторов Владимира Зворыкина и Игоря Сикорского (США), микробиолога Сергея Виноградского (Франция) и физиолога Глеба Анрепа (Великобритания / Египет), медиков Алексея Янишевского (Болгария) и Михаила Лапинского (Югославия / Аргентина), экономистов Петра Струве (Франция / Югославия) и Оскара Андерсона (Германия), правоведов Всеволода Базанова (Франция) и Бориса Нольде (Франция / Швейцария), историков Михаила Ростовцева (США) и Георгия Вернадского (Чехословакия / США), филологов Михаила Попруженко (Болгария) и Фаддея Зелинского (Польша), востоковедов Сергея Елисева (США / Франция) и Владимира Минорского (Великобритания), психологов Елены Антиповой (Швейцария / Бразилия) и Константина Гаврилова (Чехословакия / Аргентина), философов Николая Бердяева (Франция) и Федора Степуна (Германия) и многих, многих других специалистов, чтобы представить масштаб и глубину воздействия мысли и творчества российских ученых на самые разные стороны жизни и научной деятельности принявших их стран.

Возможно, именно удачная профессиональная карьера, сохранение своего социального статуса, культурной и этнической идентичности, и, следовательно, невозможность доказательства тезиса об «оторванности от родной почвы» как причине научного бесплодия оказались причиной того, что история судеб российских ученых, реализовавших свой интеллектуальный потенциал за рубежом, до сих пор остается малоизвестной в России. Между тем без детального просо-

пографического исследования этнической, конфессиональной, географической, возрастной и дисциплинарной составляющих российского научного зарубежья невозможно понять ни сам этот феномен в его исторической статике и динамике, ни то, как, когда и почему возникают и в какой мере реализуются миграционные настроения научных специалистов сегодня.

Проект Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына по созданию многотомного биобиблиографического словаря «Российское научное зарубежье» направлен на комплексное изучение истории российской научной диаспоры. В его рамках проводится по возможности полная инвентаризация персонального состава всей субкультуры российского научного зарубежья: выявление, концентрация и верификация биографической и библиографической информации об ученых российского происхождения, по различным причинам покинувших Российскую империю / СССР и работавших за рубежом преимущественно в период с XIX в. вплоть до 1991 г. (распада СССР)³⁸.

Как известно, справочно-биографическая литература является одним из важнейших хранителей и трансляторов исторической памяти общества. Биографические справочники научных специалистов, опубликованные в советское время, предлагали, часто вопреки желанию их авторов, весьма искаженную картину развития науки в России / СССР, исключая информацию о судьбах и научном вкладе репрессированных и эмигрировавших ученых. В последние десятилетия российская наука обогатилась словарными историко-биографическими исследованиями, основанными на изучении широкого круга архивных источников и восстанавливающими незаслуженно забытые имена³⁹. Историография российской эмиграции также накопила определенный опыт создания справочно-биографической литературы⁴⁰.

³⁸ В 2010 г. опубликованы первые три пилотных выпуска словаря, посвященные медицинскому, психологическому и востоковедческому сообществам (см. выше).

³⁹ См., например: Профессора Томского университета: Биографический словарь: В 2 вып. Томск, 1996–1998; Российская академия наук: Персональный состав: В 2 кн. М., 1999; Волков В.А., Куликова М.В. Российская профессура XVIII — начала XX в. Биологические и медико-биологические науки: Биографический словарь. СПб., 2003; Они же. Московские профессора XVIII — начала XX века. Естественные и технические науки. М., 2003; Люди и судьбы: Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991) / Сост. Я.В. Васильков, М.Ю. Сорокина. СПб., 2003; Волков В.А., Куликова М.В. Российская профессура XVIII — начала XX в. Химические науки: Биографический словарь. СПб., 2004; Басханов М.К. Русские военные востоковеды; Волков В.А., Куликова М.В., Логинов В.С. Московские профессора XVIII — начала XX века. Гуманитарные и общественные науки. М., 2006.

⁴⁰ См.: Литературная энциклопедия Русского Зарубежья (1918–1940): В 3 т. / Гл. ред. А.Н. Николюкин. М., 1993–1997; Осовский Е.Г. Деятели общественно-педагогического движения и педагоги Российского Зарубежья. 20–50-е гг. XX в.: 150 биографий. Саранск, 1997; Незабываемые могилы. Российское зарубежье: Некрологи 1917–1997: В 6 т. / Сост. В.Н. Чуваков. М., 1999–2007; Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке: Биобиблиографический словарь. Владивосток, 2000; Александров Е.А. Русские в Северной Америке: Биографический словарь. Хэмден; Сан-Франциско; СПб., 2005; Российское зарубежье во Франции. 1919–2000: Биографический словарь: В 3 т. М., 2008. Т. 1 (А–К); Общественная мысль Русского зарубежья: Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Журавлев. М., 2009 и др. См. также: Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках: Аннотированный указатель книг, журнальных и газетных публикаций, изданных за рубежом в 1917–1991 гг.: В 4 т. М., 2004–2005.

Однако работа в этом направлении, за исключением истории философской мысли и литературоведения, почти не затрагивает специально научное сообщество.

Продолженная на сегодня работа по составлению пилотных выпусков словаря — только первый шаг по освоению огромного пространства исторического и современного российского научного зарубежья, изучение которого, несомненно, требует исследования в рамках международного проекта. Но и уже полученные результаты позволяют сделать важные предварительные науковедческие выводы.

Собранные биографические материалы около трех тысяч научных специалистов убедительно разрушают гуманитароцентричный образ российского научно-зарубежья первой половины XX вв. и вопреки распространенному в историографии мнению показывают преобладание естественно-научной и технической эмиграции над гуманитарной в этот период.

Если об изобретателе телевидения Владимире Кузьмиче Зворыкине (1889–1982) немало написано и показано в последние годы, то имена других инженеров и изобретателей российского происхождения, очень плодотворно профессионально работавших в США и Европе, известны мало. А ведь это были специалисты, определившие новый технологический облик современного мира.

Так, например, инженер-электронщик и изобретатель Александр Матвеевич Понятов (1892–1980), выпускник Казанского университета и Московского технического училища, с 1927 г. жил в США и работал в компании «Дженерал электрик». Здесь он стал одним из авторов технологии дистанционного управления телевизором, а в дальнейшем основал (1944) и возглавил корпорацию «Ампекс», известную множеством инноваций в области звукозаписывающих технологий, в том числе первыми образцами коммерческого магнитофона (1947) и видеоманитофона (1956). В то же время А.М. Понятов как попечитель в течение многих лет поддерживал благотворительный просветительский Фонд имени И.В. Кулаева. Президентом (1930–1947) и председателем правления (1947–1960) «Компании беспроводного телеграфа Маркони» стал другой выходец из России, инженер в области радиоэлектроники и телевизионной техники Дэвид Сарнов (1891–1971). В 1960-е гг. он возглавил Национальную радиовещательную корпорацию США (Эн-би-си).

Автором более 200 американских и зарубежных патентов, в том числе по разработке платформ для нефтяного бурения в Северном море, был инженер и изобретатель Сергей Александрович Щербатской (1908–2002), сын посланника Российской империи в Бразилии А.И. Щербатского (1874–1952) и племянник выдающегося российского индолога и тибетолога, академика Ф.И. Щербатского (1866–1942). В годы Второй мировой войны он сотрудничал с Манхэттенским атомным проектом, а после ее окончания основал и возглавил корпорацию «Геофизикал мэджерментс», занимавшуюся проблемами геофизического исследования нефтяных скважин.

Немало бывших российских инженеров, изобретателей и специалистов в области прикладных наук продолжили весьма продуктивно работать и в Европе, особенно во Франции и на Балканах. Так, известный владелец частного изобретательского бюро в Петрограде в годы Первой мировой войны инженер-конструк-

тор Иван Иванович Махонин (1895–1973), разрабатывавший новые виды вооружений (реактивные снаряды, бронебойные пули, авиационные торпеды и др.), успешно продолжил эти исследования во Франции. Профессор прикладной механики Киевского и Юрьевского политехнических институтов Владимир Владимирович Фармаковский (1880–1954) возглавил в эмиграции в Югославии Институт механики Сербской академии наук и искусств (1947–1954), стал ее действительным членом и академиком-секретарем Отделения технических наук (1948–1954, с перерывами). Физикохимик, профессор Московского университета Иван Степанович Плотников (1878–1955), ученик нобелевского лауреата Вильгельма Оствальда, с 1920 г. возглавлял кафедру физики и физической химии Высшей технической школы в Загребе (КСХС), а затем стал основателем и директором Института физики и физической химии Загребского университета (ныне Хорватия). И подобных примеров — сотни.

Материалы пилотных выпусков словаря «Российское научное зарубежье» демонстрируют также преобладание в возрастной структуре научной эмиграции 1920–1930-х гг. научной молодежи, потеря которой имела и имеет исключительное значение для дальнейшего развития любой национальной науки. Высшее образование было для детей эмиграции не только социальным лифтом, но и средством быстрой профессиональной адаптации в новой среде. Так, руководителем проекта по созданию первого канадского атомного реактора был физик-теоретик, сын русского инженера-эмигранта Георгий Михайлович Волков (1914–2000). Вывезенный из России 10-летним ребенком, Волков окончил американскую гимназию в Харбине и Университет провинции Британская Колумбия в Канаде с золотыми медалями. Аспирант Р. Оппенгеймера по теоретической физике в Калифорнийском университете в Беркли (США), он единственный из ученых Канады был приглашен участвовать в Манхэттенском атомном проекте, а после Второй мировой войны возглавил отдел теоретической физики при Национальном научном совете Канады. Отметим, что его отец, в 1936 г. вернувшийся в СССР, был репрессирован.

Также увезенная родителями в детском возрасте в США, Татьяна Авенировна Проскурякова (1909–1985) окончила там среднюю и высшую школу в годы Великой депрессии, но, несмотря на это, сумела стать известным специалистом по древним архитектурным и письменным памятникам индейских племен и народностей майя. Она много лет работала в археологических экспедициях в Мексике и Гондурасе и была сотрудником и почетным хранителем коллекций искусства майя Музея этнологии (Пибоди) Гарвардского университета (1958–1977), где занималась изучением и расшифровкой иероглифических письменных текстов⁴¹.

Женщины вообще занимали очень важное и значительное место в структуре российского научного зарубежья. Мы уже упоминали о том, что еще с дореволюционных времен они массово уезжали в Европу и США для получения высшего образования и нередко оставались за границей навсегда. Но и многие из тех, кто затем вернулся в Россию и попытался развить профессиональную карьеру на

⁴¹ См.: *Solomon C. Tatiana Proskouriakoff: Interpreting the Ancient Maya*. Oklahoma, 2002.

родине, все-таки покинули ее после прихода к власти большевиков. Так, психолог Елена Владимировна Антипова (1892–1974), получившая образование в Сорбонне и Школе педагогических наук Э. Клапареда в Женеве, после высылки из России в 1922 г. ее мужа писателя В.Я. Ирецкого и тщетных попыток воссоединиться с ним, в 1926 г. уехала в Женеву и работала в знаменитом Институте Ж.-Ж. Руссо. В 1929 г. она приняла приглашение правительства Бразилии поработать в этой стране. Здесь Антипова стала основательницей новой психолого-педагогической системы для детей, нуждающихся в социальной и психологической коррекции, за что была неоднократно награждена бразильским правительственными наградами. Ныне в Бразилии существует Фонд и Институт имени Е.В. Антиповой.

Агрохимик княгиня Маргарита Карловна Андронникова (1876/1877–1932), в течение многих лет руководившая опытной станцией при Высшей сельскохозяйственной школе в Ревеле, уехала из России в 1920 г., а уже в 1923 г. она основала и возглавила Институт питания растений в Хохенгейме (Германия). Сегодня перед фасадом института стоит памятник княгине.

Одной из важных составляющих будущего биографического словаря «Российское научное зарубежье» являются материалы, характеризующие его сложный полиэтнический и мультиконфессиональный состав, который точно отражал имперский контекст развития отечественной науки и который не может быть редуцирован до имен только «русских» ученых.

Среди персоналий российской научной диаспоры было немало ученых германского, польского, татарского и другого происхождения. Так, санскритолог, тибетолог, буддолог, собиратель восточных рукописей барон Александр Августович фон Сталь-Гольштейн (1877–1937) в течение многих лет находился на российской дипломатической службе и преподавал на факультете восточных языков Петербургского университета. После революционных событий 1917 г. он принял эстонское гражданство, но жил в Пекине, где до своей кончины возглавлял Китайско-индийский институт Гарвардского университета (США).

«Нерусскозвучащие» фамилии нередко дезориентируют современных исследователей. Так, например, Ю.Н. Емельянов в новейшей монографии «История в изгнании» всерьез пишет о сотрудничестве польского историка А.А. Олесницкого с Русским научным институтом в Белграде⁴². Историк, конечно, ориентировался на польское звучание фамилии и не знал, что речь идет о российском востоковеде-тюркологе польского происхождения Алексее Акимовиче Олесницком (1888–1943), сыне профессора Киевской духовной академии А.А. Олесницкого (1842–1907), многолетнем сотруднике дореволюционного Министерства иностранных дел Российской империи, а в эмиграции преподавателе Загребского университета (КСХС).

Несмотря на то что представители гуманитарных дисциплин занимали достаточно скромное по количеству место в общем потоке российской послеоктябрь-

⁴² См.: Емельянов Ю.Н. История в изгнании: Историческая периодика русской эмиграции (1920–1940-е годы). М., 2008. С. 223.

ской научной миграции, именно они формировали «образ России» за рубежом через масс-медиа и университетское преподавание, а также благодаря обширным личным контактам в профессиональной среде, правительственных и общественных структурах зарубежных стран. Так, эмигрировавший в 1920 г. во Францию правовед Борис Сергеевич Миркин-Гецевич (1892–1955) помимо преподавания в российских и французских высших учебных заведениях был в 1932–1936 гг. вице-директором Международного института истории Французской революции, а после отъезда в 1941 г. в США — директором Института сравнительного законовещения при Новой школе социальных наук в Нью-Йорке и вице-президентом Международной лиги по правам человека. Историки Михаил Михайлович Карпович (1888–1959) и Георгий Владимирович Вернадский (1887–1973), преподававшие русскую историю соответственно в Гарвардском и Йельском университетах, стояли у истоков формирования практически всей генерации американских русистов и советологов периода «холодной войны».

Согласно нашим материалам география миграций российских научных специалистов охватывает все континенты — от Южной Америки и Австралии до Евразии и Африки. Такое «рассеяние» и разбросанность ученых свидетельствуют, с одной стороны, о проблемах профессионального устройства, а с другой — о высокой мобильности и адаптивности научного сообщества диаспоры. Оно сумело не только выжить в условиях новой языковой, культурной и профессиональной среды, но и занять в ней лидирующие или заметные позиции при сохранении своей «диаспоральной» принадлежности (персональные связи, институции, пресса). Изучение биограмм российских ученых, работавших за пределами Российской империи / СССР в конце XIX — первой половине XX в., показывает, что они сформировали сложное по структуре, но вполне определенно очерченное «российское научное зарубежье», объединенное не только единством происхождения и языком, но и внутренними профессиональными связями.

Проделанная к сегодняшнему дню работа далека от полного завершения; однако уже полученные результаты дают основания для пересмотра старых концептуальных подходов к анализу феномена российского научного зарубежья. Полагаем также, что введение в научный оборот многих новых имен ученых-отечественников и расширение сведений о них будут способствовать воссозданию подлинной социальной истории как российского научного зарубежья XIX–XX вв., так и отечественной науки в целом⁴³.

⁴³ Значительная часть работы по подготовке материалов пилотных выпусков словаря была проведена при поддержке грантов Российского гуманитарного научного фонда (№ 05-0303101а), которому приносим глубокую благодарность.

М.А. Васильева

ПРОБЛЕМА ДВОЙНИКА В РАБОТАХ ПРАЖСКОГО
СЕМИНАРИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ ДОСТОЕВСКОГО:
ОТКРЫТОЕ ПРОСТРАНСТВО

...Ученичество, поиски и вынуждение глубинного смысла, *согласие*, его бесконечные градации и оттенки (но не логические ограничения и не чисто предметные оговорки), наслаивания смысла на смысл, голоса на голос, усиление путем слияния (но не отождествления), сочетание многих голосов (коридор голосов), дополняющее понимание, выход за пределы понимаемого и т. п. Эти особые отношения нельзя свести ни к чисто логическим, ни к чисто предметным. Здесь встречаются *целостные* позиции, целостные личности.

М.М. Бахтин. *Эстетика словесного творчества*¹

Недавний выход в свет трех сборников «О Достоевском» под одной обложкой помогает взглянуть по-новому на достоевсковедение межвоенной Праги². Некогда «периодическое отражение» работы Семинария по изучению Достоевского (сборники выходили в 1929, 1933 и 1936 гг.³), — исторически незавершенного (готовился еще один том⁴), обретает статус явления отдельного, единого и законченного — теперь парадигма, научная традиция, требующая уяснения ее имманентных законов и структуры. Редактор сборников А.Л. Бем (1886–1945?) о работе Семинария писал следующее: «Осенью 1925 г. был при Русском народном университете в Праге учрежден Семинарий по изучению Достоевского. По своему характеру это было скорее научное сообщество, чем университетский семинарий обычного типа. Вокруг него объединились главным образом уже сформировавшиеся ученые, интересовавшиеся творчеством Достоевского. Этим объясняется и то, что большинство докладов, прочитанных в нем, были затем напечатаны в разных научных изданиях. <...> Всего за время существования Семинария было прочитано 58 докладов на 53 темы. Докладчиков было — 21»⁵. Перечень имен, привлеченных в «университетский семинарий», впечатляет: только с 1925 по 1933 г. в его заседаниях приняли участие Н.О. Лосский, Д.И. Чижевский, В.В. Зеньковский, И.И. Лапшин, Л.А. Зандер, С.В. Завадский, Н.Е. Осипов, Е.А. Ляцкий,

¹ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 300.

² Вокруг Достоевского: В 2 т. Т. 1: О Достоевском: Сб. ст. под ред. А.Л. Бема / Сост., вступ. ст. и коммент. М. Магидовой. М., 2007. (Далее — Вокруг Достоевского.)

³ Третий сборник, 1936 г., включал статьи только А.Л. Бема и был оформлен как его книга — имел авторство и заголовок: «У истоков творчества Достоевского: Грибоедов, Пушкин, Гоголь, Толстой, Достоевский». В настоящей статье при ссылке на работы из этого сборника, как и в подобных случаях, указывается только номер сборника и год: [Сб.] III: 1936.

⁴ О Dostojevském. Sborník Stati a materiálů. Praha, 1972.

⁵ Бем А. Семинарий по изучению Достоевского при Русском народном университете в Праге (1925–1933). [Сб.] II: 1933 // Вокруг Достоевского. С. 285.

А.В. Флоровский, П.М. Бицилли, Р.В. Плетнев и др. Очевидно, что Семинарий брал на себя задание возродить традиции академической жизни дореволюционной России, во многом он повторял традиции пушкинского Семинария С.А. Венгерова, участником которого был и сам Альфред Бем. Однако есть в работе пражского Семинария исключительная новизна, если не исследовательский «прорыв», которые можно ощутить только при последовательном чтении сборников «О Достоевском» — от статьи к статье, вооружившись методом, который сам Бем внедрил в литературоведение, определив его как «метод “мелких” наблюдений».

Что же открывается путем «мелких» наблюдений читателю? Прежде всего, полнокровная жизнь этого «научного сообщества», сумевшего выстроить многоуровневый диалог не только в межвоенной Чехословакии, но и за ее пределами. Как талантливый организатор научной и культурной жизни русской диаспоры, Альфред Людвигович Бем выстраивал не замкнутые системы, а диалоги. Такими «диалогическими» проектами стали День русской культуры, поддержанный во многих центрах русского рассеяния, его «Письма о литературе», априорно адресованные гипотетическому адресату-собеседнику, организованное им поэтическое объединение «Скит». Выбранная форма научного сообщества — семинарий — изначально подразумевала открытость. Если вывести за скобки культуртрегерскую деятельность Бема и поставить вопрос о его теоретическом наследии, то здесь диалог оказывается и предметом, и методом.

Метод, который Бем считал наиболее плодотворным, предполагает прежде всего уход от априорных установок. «Две черты» он назовет «особенно существенными: *постоянное обращение к тексту самого произведения и использование “мелких” наблюдений над текстом для целей исследования.* Автор исходил из убеждения, — продолжает Бем, — что в творчестве нет ничего случайного, что каждая мелочь имеет свой смысл и свое место в целом. Для познания этого целого необходимо тщательное наблюдение над каждой частностью, как бы она ни казалась на первый взгляд ничтожна»⁶. Обращение «к тексту самого произведения» сродни феноменологической максиме «к самому предмету исследования, к самим вещам!» («Zur Sache selbst!»). Феноменологическое испытание идей самими вещами диктует теоретическое сдерживание. В противовес «остроумным» схемам Бем выдвигает «тщательное наблюдение над каждой частностью», дескриптивный анализ. Не литературное произведение служит доказательством априорных построений исследователя, а сам текст таит в себе массу непрочитанного, не отмеченного внимательным глазом. Из этих «малых» величин, «мелких» наблюдений выстраивается живая траектория «науки о Достоевском»⁷. Метод Бема по-своему освобождал от предустановленных формул, завершенных конструкций, окончательных дефиниций. Сама же наука о Достоевском, компаративистика Бема глубоко связана с идеей дискуссии, «художественной полемики»⁸, «обнаружения творческих возбудителей, тех ферментов, которые вызывали реакцию в творче-

⁶ Бем А.Л. Предисловие. [Сб.] III: 1936 // Вокруг Достоевского. С. 414.

⁷ Он же. Вместо предисловия. [Сб.] II: 1933 // Там же. С. 204.

⁸ Он же. Предисловие. [Сб.] III: 1936 // Там же. С. 413.

стве Достоевского, заставляли его откликаться на чужое творчество своим творчеством»⁹.

Современным литературоведением поставлен вопрос о том, что Бем был не только кропотливым исследователем, но и оригинальным теоретиком. С.Г. Бочаров обращает внимание на выдвинутую Бемом теорию «генетической памяти» литературы, непреднамеренных литературных припоминаний и проводит параллели между концепциями А.Л. Бема («литературные припоминания»), М.М. Бахтина («культурно-историческая телепатия») и В.Н. Топорова («резонантное пространство»)¹⁰. Концепция «литературных припоминаний» Бема получила обоснование в сборниках «О Достоевском»: в работе «Достоевский — гениальный читатель», вошедшей во второй сборник (1933), и книге статей Бема, составившей третий сборник (1936), — «У истоков творчества Достоевского: Грибоедов, Пушкин, Гоголь, Толстой и Достоевский». Идея «генетической памяти» в достоевковедении Бема прочно зиждется на том, что «вся проблематика Достоевского... уже заложена была в творчестве предшественников» и «понять Достоевского вне русской литературной традиции невозможно»¹¹.

От себя заметим, что теория «литературных припоминаний», помещенная в живую среду Семинария, была не только теорией. Скорее всего, вдохновитель Семинария А.Л. Бем, продвигавший идею взаимных «припоминаний» в художественной литературе, «транспонирования»¹², «необычайной художественной восприимчивости к чужому творчеству»¹³, понимал ее не только как тему компаративистики, но и как практическое задание в работе Семинария. Понятая так практика взаимных рецепций, перекрестных ссылок и припоминаний в Семинарии по изучению Достоевского делает общее исследовательское усилие взаимным транспонированием тем, методов и техник анализа текста. Выявление этой полифонии, «коридора голосов» и может представлять интерес для изучения наследия пражского Семинария по изучению Достоевского. Сопоставленные вместе, эти исследования являют собой новый дискурс. Он не ограничивается рамками Семинария, выходит за его пределы, «транспонируется» у каждого участника в самостоятельные концепции и в то же время, очевидно, сосуществует как взаимное «припоминание». «Так подражать значит творить самому, не подражать, а продолжать»¹⁴, — цитирует Достоевского А.Л. Бем. Такие же глубинные, подземные переключки и «продолжения» мы находим в работах участников Семинария по изучению Достоевского. Однако при всей привлекательности уяснения хронологической последовательности взаимовлияний хотелось бы их уберечь от попытки последовательного линейного выстраивания, от «упорядочивания»,

⁹ Бем А.Л. Предисловие. [Сб.] III: 1936 // Вокруг Достоевского. С. 413.

¹⁰ См.: Бочаров С.Г. Генетическая память литературы: Феномен «литературного припоминания» // Бочаров С.Г. Филологические сюжеты. М., 2007. С. 540–541, 548–549.

¹¹ Бем А.Л. Достоевский — гениальный читатель. [Сб.] II: 1933 // Вокруг Достоевского. С. 206.

¹² Он же. «Горе от ума» в творчестве Достоевского. [Сб.] III: 1936 // Там же. С. 423.

¹³ Он же. Достоевский — гениальный читатель. С. 217.

¹⁴ Он же. «Скупой рыцарь» в творчестве Достоевского (вхождения и расхождения). [Сб.] III: 1936 // Там же. С. 473.

понятийной окончательности. В этом диалоге каждый голос не завершен, не статичен, пространство обозначенных тем в работах Семинария не замкнуто. Разъятые по собраниям сочинений, упорядоченные по персоналиям, эти «голоса» обретают завершенность, но, помещенные в среду Семинария, существуют в ином качестве. Своеобразная взаимопроникаемость идей, высказанных в работе Семинария по изучению Достоевского, их крайняя подвижность, открытость, вследствие этого нестатичность, неокончателность оборачиваются не теоретической слабостью, а методологической установкой — это и есть развертываемый на наших глазах и целенаправленно не завершаемый фундаментальный опыт.

Подобным развертываемым в работе пражского Семинария опытом стала проблема двойника, активно разрабатывшаяся и в дискуссиях Семинария, и на страницах сборников «О Достоевском». Из истории Семинария следует, что тема двойничества была поднята одновременно Д.И. Чижевским («К проблеме двойника (*Из книги о формализме в этике*)» и А.Л. Бемом («“Нос” Гоголя и “Двойник” Достоевского»¹⁵). Доклад Бема был прочитан на Семинарии 14 ноября 1926 г., доклад Чижевского «К проблеме двойника...» — 19 февраля 1927 г. В дискуссию и открыто, и подспудно были вовлечены также Н.Е. Осипов, Н.О. Лосский, П.М. Бицилли, В.В. Зеньковский, — и это лишь очевидные переключки, «коридор голосов» был значительно шире. В пределах данной статьи укажем лишь на некоторые генеральные линии и темы, вокруг которых формировалось это «резонантное пространство».

Проблема «своего места» была обозначена в первой статье сборника — «К проблеме двойника (*Из книги о формализме в этике*)» Д.И. Чижевского. Автор статьи доказывает, что тема двойника «в различных видоизменениях возвращалась в его [Достоевского] творчестве вновь и вновь»¹⁶. Чижевский обращает внимание на ряд лейтмотивов повести «Двойник» — лейтмотив «самозванства», лейтмотив «совершенно подобных», лейтмотив потери «своего места». Чижевский подчеркивает, что «появление двойника и вытеснение им Голядкина из его “места” обнаруживает только иллюзорность¹⁷ этого “места”» и тем самым прочно связано с «проблемой устойчивости, реальности, прочности реального человеческого существования»¹⁸. Генезис проблематики «своего места» у Чижевского крайне сложен, многомерен. Одна из производных означенной проблемы — это традиции славянского барокко, идеи Григория Сковороды, Яна Амоса Коменского, идеи Н.В. Гоголя, высказанные, в частности, в его переписке с отсылкой к посланию апостола Павла (Евр. 6: 18–20), и т. д.¹⁹ Раздвоение личности, или двойничество, по Чижевскому, — это

¹⁵ Название доклада А.Л. Бема, прочитанного в Семинарии; см.: Б<ем> А. Семинарий по изучению Достоевского при Русском народном университете в Праге (1925–1933). С. 286.

¹⁶ Чижевский Д.И. К проблеме двойника (*Из книги о формализме в этике*). [Сб.] I: 1929 // Там же. С. 55.

¹⁷ Здесь и далее в цитатах курсив авторский.

¹⁸ Чижевский Д.И. К проблеме двойника... С. 58.

¹⁹ См: Он же. О «Шинели» Гоголя // Современные записки. 1938. Кн. 67. С. 192.

следствие душевного распада, отсутствия «душевного якоря»²⁰, онтологической устойчивости, цельности: «... в душе Ставрогина *нет* “устремленности”, у него нет никакого душевного “магнитного меридиана” и для него нет того “магнитного полюса”, к которому влечется, по мнению Достоевского, всякая живая душа, — *нет Бога*. Живое, конкретное бытие человека, всякое его “место” в мире возможно лишь через живую связь человека с божественным бытием»²¹.

Работа Чижевского «К проблеме двойника...» (одна из первых его работ в области литературоведения) появилась во многом благодаря инициативе Бема²², однако прочно вписана в философское наследие Чижевского, мыслившего статью о «Двойнике» как часть масштабного исследования, посвященного критике этического формализма, две главы которой он опубликовал в издании Русского народного университета в Праге²³. Именно поэтому этико-онтологическую постановку вопроса о незаменимости, невозпроизводимости каждой отдельной личности и о душевной катастрофе двойничества как потери онтологической устойчивости и прочности, «своего места» стоило бы рассматривать не только в контексте работы Семинария, но и дискуссии в пражском Философском обществе, развернувшейся 9 мая 1928 г. между Н.О. Лосским (доклад «Индивидуальное»), Н.Е. Осиповым («Понятие индивидуальности в медицине»), И.И. Лапшиным («Проблема индивидуальности») и другими членами общества²⁴. Характерную оценку концепции Чижевского, получившую дальнейшее развитие в статье «Zum Doppelgängerproblem bei Dostoevskij: Versuch einer philosophischen Interpretation» («К проблеме двойника у Достоевского: опыт философской интерпретации») ²⁵, дает в рецензии на издание Н.О. Лосский: «Чижевский вскрывает глубокий философский смысл двойничества как следствие нравственного упадка субъекта, именно невыполнение им своего конкретного индивидуального назначения, откуда возникает заменимость субъекта другими субъектами, утрата им своей неповторимости»²⁶.

Проблематика «своего места» получает свое транспонирование в статье «“Двойник. Петербургская поэма” Ф.М. Достоевского (*Заметки психиатра*)»

²⁰ Чижевский Д.И. О «Шинели» Гоголя. С. 192.

²¹ Он же. К проблеме двойника... С. 62–63.

²² Сам Бем неоднократно возвращался к изучению проблемы двойника и настойчиво подчеркивал, что «одна из самых волнующих проблем Достоевского — проблема двойника» (Бем А.Л. Достоевский — гениальный читатель. С. 216).

²³ Чижевский Д.И. О формализме в этике: (Заметки о современном кризисе этической теории) // Научные труды русского народного университета в Праге. Прага, 1928. Т. 1. С. 15–29; Он же. Этика и логика: К вопросу о преодолении этического формализма // Там же. Прага, 1931. Т. 4. С. 50–68.

²⁴ См.: Янцен В. Русское философское общество в Праге по материалам архивов Д.И. Чижевского. Приложение: Чижевский Д.И. Философское общество в Праге [1924–1927] // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник 2004–2005 [7] / Под ред. М.А. Колерова и Н. Плотникова. М., 2007. С. 154–214.

²⁵ Dostojevskij-Studien. Prag [?], 1931. S. 10–50.

²⁶ Лосский Н.О. [Рецензия] // Современные записки. 1932. Кн. 49. С. 462–464. Рец на кн.: Dostojevskij-Studien: Veröffentlichungen der Slavistischen Arbeitsgemeinschaft an der Deutschen Universität in Prag. Reichenberg [?], 1931.

психиатра, основоположника чешской психоаналитической школы Н.Е. Осипова: «Проблема своего “я” возникает перед человеком, когда он недоволен своим положением, недоволен самим собою. Хотя Г. (здесь и далее в цитате речь идет о Голядкине. — М. В.) и проповедует, что “всякий должен быть доволен своим собственным местом”, но это для других, а не для себя. Из чувства недовольства самим собою или из чувства сознания собственной вины рождается желание стать другим, оставаясь прежним, — желание *преображения*. У Г-а это желание разрешилось появлением двойника. Двойничество есть остановка на пути развития, преждевременная фиксация процесса преобразования. “Старенький” Г. не преобразуется в новенького, но ветхий (ветошка) остается наряду с новым»²⁷.

Лейтмотив «своего места» в прозе Достоевского прозвучал и в компаративистике А.Л. Бема. Уже в статье второго сборника «Достоевский — гениальный читатель», где дан сравнительный анализ повести Н.В. Гоголя «Нос» и Ф.М. Достоевского «Двойник», Бем творчески усваивает идеи Чижевского и развивает очерченную им проблематику «своего места», прочно связанную с «*этико-онтологической*» проблемой, проблемой устойчивости, реальности, прочности индивидуального человеческого существования»²⁸, незаменимости, невоспроизводимости, конкретности этического действия. «Поскольку личность индивидуальна и неповторяема, она должна занимать свое, совершенно определенное место в жизни. Стремление выйти за пределы этой положенной предопределенности является уже посягательством на чужое место, на вытеснение чужой личности из ее законных пределов», — пишет А.Л. Бем²⁹. Переключившись с Чижевским будет продолжена в фундаментальном труде «У истоков творчества Достоевского», где Бем, в частности, напишет: «У Достоевского эта мысль о “своем месте”, попутно затронутая Гоголем, получает неожиданно существенное значение. Он ее углубляет и связывает с проблемой самозванства. <...> В основе самозванства лежит психологическая черта недовольства “своим местом”...»³⁰ Демонстрируя творческую восприимчивость к идеям Чижевского, цитируя, порой почти дос-

²⁷ Осипов Н.Е. «Двойник. Петербургская поэма» Ф.М. Достоевского (*Заметки психиатра*). [Сб.] I: 1929 // Вокруг Достоевского. С. 86.

Сугубо специальная работа Н.Е. Осипова, отсылающая к работам О. Ранка и З. Фрейда и использующая метод «мелких» наблюдений в его «психоаналитическом» аспекте, дала ряд остроумных литературоведческих замечаний о концепте двойничества в художественном дискурсе Достоевского: «Два писаря. — Две женщины... Два лакея... Две минуты, два шага» и т. д. (с. 86). Этот метод, граничащий со статистическим анализом, отсылал, однако, к «сфере психического бытия» («Достоевский-Голядкин всячески старается осмыслить себе явление двойника, нащупывая двойничество во всевозможных сферах бытия» (Там же)). Эта техника анализа текста, особенно активно используемая А.Л. Бемом, была также блестяще применена другими участниками Семинария в программных литературоведческих работах, созданных вне контекста Семинария; см., например, труды Д.И. Чижевского «О “Шинели” Гоголя» и П.М. Бицилли «Символика “Пиковой дамы”» (Slavia. Praha, 1932. Сель. 4. S. 556–560); «К вопросу о внутренней форме романа Достоевского» (Годишник на Софийския университет... 1945 / 1946. Т. 42. Ч. 15. С. 1–72).

²⁸ Чижевский Д.И. К проблеме двойника... С. 59.

²⁹ Бем А.Л. Достоевский — гениальный читатель. С. 216.

³⁰ Он же. «Нос» и «Двойник». [Сб.] III: 1936 // Там же. С. 516.

ловно, пассажи из статьи «К проблеме двойника...», Бем, однако, как диалогический мыслитель, не просто повторяет идеи Чижевского, а продолжает, транспонирует их, придавая проблематике «своего места» новое звучание. Таким образом, траектория заявленной проблематики «своего места» получает сложное движение от этико-онтологической постановки вопроса (Чижевский) — к онто-герменевтике и далее — к технике анализа текста (Бем). Здесь Бему принадлежит заслуга этого филологического «скачка» от философии к тексту, от этико-онтологической постановки вопроса о безотносительной ценности конкретного — к лингво-эстетической проблеме уяснения «своего места» каждой частности в текстах Достоевского.

Разработка проблемы двойника в пражском Семинарии по изучению Достоевского затронула ряд тем, которые в те же годы разрабатывались и в России. Символические «повторы» становятся частью «культурно-исторической телепатии» Семинария. На работу В.В. Виноградова «Стиль петербургской поэмы “Двойник”»³¹ сам Бем ссылался неоднократно. Но были и «непреднамеренные» параллели. На одном из заседаний Невельского кружка Л.В. Пумпянский прочтет работу «Опыт построения релятивистической действительности по “Ревизору”» (1919), так и не вышедшую в свет при жизни автора. Характерные переключки в заочной дискуссии (Пумпянский — Чижевский — Бем) в пассажах, посвященных лейтмотиву «самозванства» в произведениях Гоголя и Достоевского, подтверждают бемовскую теорию «независимых совпадений», на которую указывает, в свою очередь, С.Г. Бочаров. В одном из пассажей Л.В. Пумпянский заметит: «Поступки самозванца несерьезны... объекты случайны и заменимы. Мы присутствуем при редкой по чистоте картине полного релятивизма, полной равноценности объектов и, следовательно, полного распада субъекта... перестает быть... подлежащее... призрак. <...> Дело в том, что интеллигентство само было слабой степенью безумия... Таково происхождения всякого якобизма, т. е. революционного самозванства: оно было полубезумием, когда читало красноречивый бред Руссо, стало менадой, когда попало на царство... Ах, как гениальна эта мировая комедия!»³²

Выстраивая сложную траекторию «взаимозаменяемость» — «самозванство» — «интеллигентство», Пумпянский вступал в многоуровневый резонантный диалог с достоевистикой русской Праги.

Именно в неустойчивости «я», «двойственности» и отвлеченности Чижевский видел причину появления двойника. Указывая на множественность «эманаций» Ставрогина в романе «Бесы», где идея двойника достигает своего апогея, Чижевский замечал: «Так живет Ставрогин среди “эманаций” своего духа, в мире

³¹ Виноградов В.В. Стиль петербургской поэмы «Двойник» // Достоевский: Статьи и материалы / Под ред. А.С. Долинина. Пб.: Мысль, 1922.

³² Пумпянский Л.В. Опыт построения релятивистской действительности по «Ревизору» // Пумпянский Л.В. Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской классической литературы. М., 2000. С. 582.

призраков, “бесов”. Или, вернее, другие живут им... а сам он не живет, он — не реален, он — только *Самозванец*, в действительности и возможности, “*Иван-Царевич*”... “*Гришка Отрепьев*”... Ведь за ним идут живые люди, принимающие его за нечто совсем другое, чем он есть в действительности. Ибо в действительности он “рассыпан”, “двоится”, безлико-многоликий, вселикий»³³. Причину этой неустойчивости Чижевский видит в отвлеченности, холодности абстрактного мышления ряда героев Достоевского (Ставрогин, Иван Карамазов), их укорененности в универсальном рационализме «русского просвещения XIX века»: «...и Ставрогин, и Иван Карамазов возможны только на почве русского “просвещения”...»³⁴ Именно в абстрактном мышлении допустима взаимозаменяемость, повтор, «совершенно подобные», «пассивные носители рационального принципа». Мир, утративший конкретность, «опустошен и высосан рациональным принципом». Очевидно, что параллель «интеллигентство» (Пумпянский) — «просвещение» (Чижевский) выстраивается именно на отношении к идеям взаимозаменяемости и повтора, допустимым в абстрактных построениях этического рационализма: «Мы присутствуем при редкой по чистоте картине полного релятивизма, полной равноценности объектов и, следовательно, полного распада субъекта» (Пумпянский); «Живой субъект этического действия становится, таким образом, бездушным носителем абстрактных велений закона, ненужным подвеском в системе нравственного миропорядка, — ненужным потому, что он может быть заменен любым другим этическим субъектом» (Чижевский)³⁵.

Тему «просвещения», заявленную в статье Чижевского, поддержал участник Семинария, преподаватель Софийского университета П.М. Бицилли. В рецензии на первый сборник «О Достоевском», которая, в сущности, стала дальнейшей разработкой проблемы двойника, Бицилли заметит: «Отъединение личности от Всеединства — есть то же самое, что и *распад* ее: “чистое” я тем самым перестает быть *индивидуумом* (не-делимым), утрачивает себя, свою *самость*. Это — болезнь “Просвещения” с его номиналистическим рационализмом (см. об этом ценные замечания в статье Чижевского). Обрести себя, преодолеть внутренний разлад — в пределе — распад личного сознания (безумие есть *моральная* болезнь) — утвердить *свою собственную* конкретность, — это и значит осознать конкретность Целого, Мира и Бога»³⁶. В этой же рецензии Бицилли сам указывает на «лабиринт голосов», рекомендуя прочесть первый пражский сборник «О Достоевском» параллельно с одновременно вышедшей книгой М.М. Бахтина «Проблемы творчества Достоевского», отметив, что «обе книги взаимно дополняют одна другую»³⁷. Сам Бицилли провел эту сопоставительную работу в рецензии на кни-

³³ Чижевский Д.И. К проблеме двойника... С. 61.

³⁴ Там же. С. 66.

³⁵ Там же. С. 68.

³⁶ Бицилли П. [Рецензия] // Числа. 1930. Кн. 2/3. С. 241. Рец. на кн.: О Достоевском: Сборник статей / Под ред. А.Л. Бема. Прага, 1929. Т. 1.

³⁷ Там же.

гу Бахтина, вышедшую одновременно с рецензией на пражский сборник, указав на важнейшую параллель между книгой Бахтина и разработками пражского Семинария. Центральную мысль Бахтина о полифонической форме романов Достоевского он окружает контекстом идей Чижевского: «Достоевский стремится к наибольшей возможной конкретизации своих героев, а это значит, что они у него не объекты авторского восприятия, как у всех вообще романистов, но субъекты — в полном смысле этого слова. <...> Прекрасным комментарием к этому положению может служить статья Д. Чижевского»³⁸. И обратно — полемику Чижевского с кантианским этическим рационализмом Бицилли помещает в контекст идей Бахтина: «...у Бахтина великолепно выяснено стремление Д<остоев>-ского к конкретизации идеи (его борьба с кантианским формализмом): нет идей “вообще”, всякая идея звучит по-иному и имеет иной смысл... в зависимости от того, кем она высказана»³⁹.

Эта перекрестная ссылка указывала на глубинные переключки, возникшие в российской и эмигрантской достоевистике. «Чугунные идеи» подпольного человека, оторванного от реальности фантаста и мечтателя (работа А.Л. Бема «Драматизация бреда»); «одноэтажное бытие», неподвижные идеи этического рационализма (работы о «Двойнике» Д.И. Чижевского) и «идеологический монолизм» идеалистической философии («Проблемы творчества Достоевского» М.М. Бахтина⁴⁰) выстраиваются в сложный «лабиринт голосов», к которому примыкает также голос П.М. Бицилли, позже написавшего фундаментальную работу «К вопросу о внутренней форме романа Достоевского» (1945 / 1946), в которой получили «продолжение» и «транспонирование» идеи как Бахтина, так и участников пражского Семинария по изучению творчества Достоевского.

Работа Бицилли 1945 / 1946 г. подводила итоги целой традиции в достоевковедении. Умолчание ряда источников⁴¹ или полемический пафос некоторых пассажей в работе Бицилли (например, полемика с рядом положений книги статей Бема «У истоков творчества Достоевского...») не снимают принципиального участия в этом «коридоре голосов». Литературоведческий контекст работы очень широк, в рамках данной статьи ограничимся указанием лишь на некоторые «точ-

³⁸ Бицилли П.М. [Рецензия] // Бицилли П.М. Избранные труды по филологии. М., 1996. С. 636. Рец. на кн.: Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. Л., 1929.

³⁹ Там же. С. 637–638.

⁴⁰ «Единство сознания, подменяющее единство бытия, неизбежно превращается в единство одного сознания; при этом совершенно безразлично, какую метафизическую форму оно принимает: “сознания вообще”, “абсолютного я”, “абсолютного духа”, “нормативного сознания” и пр. Рядом с этим единым и неизбежно одним сознанием множество эмпирических, человеческих сознаний. Эта множественность сознаний с точки зрения “сознания вообще” случайна и, так сказать, излишня. <...> Все, что существенно, что истинно в них, входит в единый контекст сознания вообще и лишено индивидуальности. <...> Все значимое можно собрать в одном сознании и подчинить одному акценту; то же, что не поддается такому сведению, — случайно и несущественно. Весь европейский утопизм зиждется на этом монологическом принципе» (Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. Л.: Прибой, 1929. С. 76–79).

⁴¹ Так, например, глава в книге Бицилли «“Двояшки” и “два” у Достоевского и Гоголя» содержит очевидные переключки с работой Н.Е. Осипова «“Двойник. Петербургская поэма” Ф.М. Достоевского (Заметки психиатра)» ([Сб.] I: 1929 // Вокруг Достоевского. С. 74–91).

ки схода». Наиболее существенная для самого Бицилли переключка с дostoевско-ведением Чижевского. Во втором сборнике «О Достоевском» Чижевский в статье «Достоевский-психолог» подробно останавливается на учении Достоевского о человеке, которое глубоко связано, по Чижевскому, с проблемой двойника. «Основная тема антропологии Достоевского — утверждение, что человек находится на границе двух миров, двух сфер бытия»⁴². В рамках Семинария Чижевский дает новое понимание бессознательного в творчестве Достоевского, тем самым уводя антропологию Достоевского-психолога от фрейдистской рецепции, привнесенной в Семинарий и психиатром Н.Е. Осиповым, и А.Л. Бемом. Чижевский разделяет бессознательное на два мира — подсознательное и надсознательное. Первое — источник умаления надприродного начала, низшая чувственная природа, «насекомость», здесь коренится утрата человеком устойчивости бытия. «Эта низшая природа человека иногда становится совершенно самостоятельной, отрывается от центра существа человека и начинает вести самостоятельную жизнь»⁴³. Второе — источник творчества, «вдохновения», воплощение «надындивидуального, откуда приходят в сознание индивидуума образы и идеи. <...> Но ярче всего слова Зосимы: “Бог родит мысли”»⁴⁴. По Чижевскому, мир Достоевского насквозь «прошит» этой «двойственностью тех двух сфер, которые воздействуют на душевную жизнь человека», что «ведет и к раздвоению в пределах самой сознательной жизни»⁴⁵.

Значительную часть программной работы о Достоевском П.М. Бицилли посвятит разработке темы двойничества, которую назовет «одной из доминант творчества Достоевского»⁴⁶. Транспонируя идеи Чижевского, подчеркивая, «что не следует смешивать антропологического подхода к проблеме “человека вообще” с “психоаналитическим”», Бицилли по-своему продолжает тему «двойственности двух сфер» душевной жизни героев романов Достоевского. «Сказанное, — замечает он, — выводит нас из пределов темы “двойничества” в строгом смысле этого слова... если под “двойником” разуместь образ, воспроизводящий в себе в крайней степени то, что его “прототип” в себе самом ненавидит и презирает, или то, в чем он видит свой идеал»⁴⁷. В интерпретации Бицилли двойничество достигает предельной степени: двойник зарождается у Достоевского не просто в пределе одного произведения, но всего творчества. Герой одного произведения может становиться двойником героя другого произведения, свободно перемещаться в пространстве прозы писателя, «ибо в сущности все произведения его составляют как бы *один* роман, “чистый” роман...»⁴⁸. Мысль для литературоведческих концепций Бицилли существенная: такой «мигрирующий» герой, будучи «эманаци-

⁴² Чижевский Д.И. Достоевский-психолог. [Сб.] II: 1933 // Вокруг Достоевского. С. 238.

⁴³ Там же. С. 241.

⁴⁴ Там же. С. 242.

⁴⁵ Там же. С. 243.

⁴⁶ Бицилли П.М. К вопросу о внутренней форме романа Достоевского // Бицилли П.М. Избранные труды по филологии. С. 493.

⁴⁷ Там же. С. 499.

⁴⁸ Там же. С. 501.

ей эманации», «двойником двойника», заставляет смотреть на все творчество Достоевского в его единстве. «Все написанное Достоевским может изучаться не “ди-ахронично”, а “синхронично”»⁴⁹. Именно эту задачу Бицилли некогда обозначил в письме к А.Л. Бему как важнейшую в достоевсковедении: «Должен сказать, что я стал в последнее время как-то совсем по-иному, чем прежде, воспринимать Достоевского, — в чем немалую роль сыграли как сборник (я имею в виду статью Чижевского и Ваши мысли о значении сна в творчестве Достоевского)⁵⁰ и замечательная книга Бахтина, — напишет он 15 апреля 1930. — Но только — Бахтин не показал, как из полифонии выходит все-таки гармония, ведь fuga — это не все равно, что одновременное звучание разных мелодий — а в этом вся проблема, и вот я над ней ломаю себе голову»⁵¹. В исследовании Бицилли вплотную подходил к проблеме, над которой «ломал голову» еще до сотрудничества с Семинарием. По-своему эту проблему он решал в своей итоговой работе через проблему двойника.

Со временем труд Бицилли было высоко оценен именно как прорыв в исследовании проблемы двойника. «Не впервые, но наиболее точно о проблеме двойника заговорил П. Бицилли в небольшом исследовании “К вопросу о внутренней форме романа Достоевского”, — пишет современный исследователь. — Гипотеза следующая: нельзя ли рассматривать все существующие типы связей между персонажами в литературе Достоевского с точки зрения того, что Бицилли называет *эманацией*? <...> Иначе говоря, и если продумать до конца эту гипотезу, не придется ли нам построить нечто вроде двойной звездной карты, где два солнца: одно светящееся, яркое, распространяющее вокруг световые истечения, а другое черное, скрытое и тем не менее столь же ощутимо явное, как и первое — одно символ ДОБРА, другое символ ЗЛА?» Здесь же находим своеобразное продолжение развитой Бицилли концепции двойника: «Это негативное определение двойника, — замечает исследователь, — отрицательное; именно то “качество”, что отпадает от нас, которое мы хотим отбросить, может персонифицироваться»⁵². Это транспонирование идей, наслаивание смысла на смысл, желание продолжить начатую некогда Бицилли траекторию — не случайно. Стиль исследования Бицилли был как нельзя близок к методу пражского Семинария, к тому «коридору голосов», участником которого был и Бицилли, профессор Софийского университета, автор, географически далекий от пражан. Его сотрудничество с Семинарием при очевидной «мимолетности» (всего один доклад, одна публикация) было куда теснее, чем может показаться на первый взгляд. Еще в ранний период становления научной деятельности Бицилли его читатель и рецензент В.В. Вейдле

⁴⁹ Бицилли П.М. К вопросу о внутренней форме романа Достоевского. С. 500.

⁵⁰ Имеются в виду статьи Д.И. Чижевского «К проблеме двойника (Из книги о формализме в этике)» и А.Л. Бема «Драматизация бреда (“Хозяйка” Достоевского)», опубликованные в первом сборнике «О Достоевском».

⁵¹ Письма П.М. Бицилли к А.Л. Бему / Публ., подгот. текста, примеч. М. Бубениковой и Г. Петковой // Новый журнал. 2002. № 228. С. 129–130.

⁵² Подорога В.А. Мимесис: Материалы по аналитической антропологии литературы. Т. 1: Н. Гоголь, Ф. Достоевский. М., 2006. С. 496–497; 664.

дал на редкость точную характеристику стиля ученого: «...ход мысли не завершен, не увенчан, но мысли эти никогда не бесплодны, везде мы можем присоединиться и продолжать»⁵³. Эти незавершенность, нестатичность во многом и подготовили вступление Бицилли в диалог с пражским Семинарием и дальнейший выход за пределы этого диалога. Однако его наиболее точные концепции проблемы двойника неотделимы от разработок пражан. В свою очередь, современное исследование по аналитической антропологии В.А. Подороги вступает в «коридор голосов»: «завершая» мысль Бицилли — он возвращается к истокам этой мысли, к работам Д.И. Чижевского, Н.Е. Осипова, А.Л. Бема. Эта траектория напоминает скорее не замкнутую линию, а движение по спирали, в согласии с той практикой «вынуждения глубинного смысла» в диалоге — метода, который отличал работу пражского Семинария и который во многом обеспечил открытость его разработок для современных исследователей.

⁵³ Вейдле В. [Рецензия] // Дни. 1926. 31 янв. № 918. С. 4. Рец. на кн.: *Бицилли П.М. Этюды о русской поэзии*. Прага, 1926.

Т.В. Марченко

ОПЫТ АРХЕТИПИЧЕСКОГО ПРОЧТЕНИЯ
РАССКАЗА «РУСЯ»:
К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОЗДНЕЙ БУНИНСКОЙ ПРОЗЫ

В год 140-летия со дня рождения И.А. Бунина (1870–1953) главные проблемы в изучении его жизни и творчества остаются теми же, что и в оттепельные годы, когда отечественное буниноведение только начало складываться. Речь идет о библиографии, текстологии и комментировании. Ни по одному из этих направлений в изучении Бунина серьезного продвижения не было около полувека¹. Между тем первое десятилетие нового столетия оказалось отмечено сразу несколькими проектами, существенно изменившими ситуацию в запущенном буниноведении. Это прежде всего издание писем писателя на принципиально новых эдиционных основах², а также публикация большого корпуса архивных материалов, главным образом двустороннего эпистолярия, расширяющего наши представления об общении в литературной среде русского зарубежья и уточняющего или исправляющего многие бытовавшие прежде суждения о личности Бунина³.

В другое, недавно подготовленное к печати издание — антологию «Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве И.А. Бунина» — вошли отклики из прижизненной (дореволюционной, советской и эмигрантской) критики на русском языке и отзывы на главных иностранных языках — французском, немецком, английском (в переводах и с комментариями)⁴. Целью антологии стала ре-

¹ Небесспорный в отношении корпуса составивших его критических и литературоведческих работ том «Иван Бунин. Pro et contra» ценен прежде всего библиографией писателя, составленной Т.М. Двинятиной и А.Я. Лapidус; см.: И.А. Бунин. Литература о жизни и творчестве: Материалы к библиографии (1892–1999) // И.А. Бунин: Pro et contra: Личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей: Антология / Сост. Б.В. Аверин, Д. Риникер, К.В. Степанов; коммент. Б.В. Аверина, М.Н. Виролайнен, Д. Риникера; библиогр. Т.М. Двинятиной, А.Я. Лapidус. СПб., 2001. С. 847–1011.

² См.: Бунин И.А. Письма 1885–1904 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова; подгот. текстов и коммент. С.Н. Морозова, Л.Г. Голубевой, И.А. Костомаровой. М., 2003; Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова; подгот. текстов и коммент. С.Н. Морозова, Р.Д. Дэвиса, Л.Г. Голубевой, И.А. Костомаровой. М., 2007.

³ См.: И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. 1 / Сост., ред. О. Коростелева и Р. Дэвиса. М., 2004; И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. 2 / Сост., ред. О. Коростелева и Р. Дэвиса (в печати).

⁴ См.: Классик без ретуши: Литературный мир о творчестве И.А. Бунина: Критические отзывы, эссе, пародии / Под общ. ред. Н.Г. Мельникова; сост., подгот. текста, преамбулы, коммент. Т.В. Марченко (1-й и 3-й разделы II ч.), Н.Г. Мельникова (I ч., 2-й раздел II ч., приложения); подбор ил. Н.Г. Мельникова (в печати).

конструкция восприятия и интерпретации творчества Бунина в исторической перспективе, а также пополнение библиографии прижизненных публикаций о писателе. Эта публикация станет первым изданием, позволяющим представить цельную картину эстетической рецепции творчества Бунина.

Некогда сам нобелевский лауреат высказал в своем литературном завещании пожелание: «Издать отдельным томом русские и иностранные рецензии и статьи обо мне...»⁵ И ведь ученым достаточно было давным-давно порыться в фондах писателя — Бунин собирал газетно-журнальные вырезки о своем творчестве всю жизнь, причем значительная их часть сосредоточена в московских архивах. Помимо изданий и публикаций в периодике по-русски, что неизменно становилось событием в критике зарубежья, произведения Бунина были переведены на два десятка языков, и мировая пресса много и охотно откликалась на выход его книг. Разбирая архив И.А. Бунина еще при жизни писателя, Т.А. Алексинская засвидетельствовала: «Очень обширен в архиве отдел иностранной прессы со статьями о творчестве Бунина. Он один занимает семь больших папок. Стихи и проза Ивана Алексеевича переведены на 19 языков, включая эсперанто, еврейский, турецкий и китайский»⁶. Не будучи ученым, Т.А. Алексинская сумела просто сформулировать одно из самых существенных положений современной филологии: «Весь же архив в целом — ключ к пониманию Бунина и удивительного общения между писателем-творцом и теми, для кого он пишет. Большая культурная сокровищница»⁷. Справедливо — и тем печальнее разобщенность и неизученность этой сокровищницы.

Отсутствие как библиографического указателя литературы о жизни и творчестве И.А. Бунина, так и научной биографии писателя усугубляется исторически сложившимся разделением архива писателя между учреждениями разных стран и городов (основной массив хранится в Русском архиве библиотеки Лидского университета (Leeds Russian Archive; Великобритания), отдельные части — в Москве (в РГАЛИ, ОР ИМЛИ РАН, ОР РГБ, ГЛМ), в Орловском государственном объединенном литературном музее им. И.С. Тургенева. Разобщенность архива писателя приводит к тому, что для воссоздания истории текста требуется скоординированная работа во всех частях разъединенной коллекции. В частности, в РГАЛИ хранятся рукописи «Митиной любви», «Жизни Арсеньева», «Темных аллея» (далеко не всех новелл цикла), тогда как подготовительные материалы, бесчисленные наброски, заметки, выписки, довольно бессистемно, хотя и аккуратно разложенные по папкам, находятся в Русском архиве в Лидсе и требуют скрупулезного просмотра и анализа, а желательно и отдельной публикации.

Впервые пример такого комплексного обращения ко всем частям бунинского архива был продемонстрирован в монографии немецкой славистки Хеллы Реезе о «Темных аллеях»⁸. Нам уже приходилось разбирать этот труд — новаторский

⁵ Бунин И.А. К моему завещанию // Новый журнал. 1961. № 66. С. 172.

⁶ Алексинская Т. Разбирая архив И.А. Бунина // Грани. 1953. № 18. С. 135.

⁷ Там же.

⁸ См.: Reese H. Ein Meisterwerk im Zwielicht: Ivan Bunins narrative Kurzprosa-Verknüpfung *Temnye allei* zwischen Akzeptanz und Ablehnung — eine Genrestudie. München, 2003.

во многих аспектах или, точнее, в разностороннем взгляде на поздний прозаический цикл Бунина⁹. Исследование, претендующее на едва ли не исчерпывающую полноту в анализе «Темных аллея», — истории создания и издания, поэтики цикла и его рецепции современниками, — Х. Реезе завершает весьма ценным приложением. В нем в алфавитном порядке перечислены все новеллы Бунина, написанные между 1936 и 1949 г., включая наброски — как вошедших в книгу рассказов, так и оставшихся за ее рамками. Х. Реезе указывает место создания рассказа (наброска) — за очень незначительными исключениями это Грасс; фиксирует время начала и окончания работы над текстом; сообщает, где впервые опубликовано произведение, в какое из отдельных изданий «Темных аллея» вошло и где хранится его рукопись. Далеко не все указания полны и тщательно выверены, но ценность такого приложения для последующего научно-критического издания трудно переоценить.

Например, если мы обратимся к истории текста только одного из рассказов — «Руся», уточняя и дополняя разыскания Х. Реезе, то обнаружим следующее.

Рукопись рассказа хранится в РГАЛИ — это автограф на 19 страницах¹⁰. Начало работы помечено 20 сентября 1940 г., завершение — 27 сентября того же года. Очевидно, что «Руся» относится к тем произведениям, о которых И.А. Бунин сообщал Н.Д. Телешову 8 мая 1941 г.: «Я пока пишу — написал недавно целую книгу новых рассказов, но куда ее теперь девать?»¹¹ Однако на странице 16 есть знак вставки, а включенный в нее отдельный фрагмент датирован 23 августа 1942 г. — но эта дата в изданиях никогда не воспроизводится; впрочем, сам Бунин обычно указывал дату первой редакции, даже если позднее подвергал произведение существенной переработке.

Напечатан рассказ «Руся» был в 1942 г. в первом номере «Нового журнала»¹².

Затем рассказ вошел в состав нью-йоркского издания «Темных аллея» 1943 г. и парижского издания 1946 г.

Текст сборника рассказов «Темные аллея» в американском издании 1943 г. Бунин переслал сразу по окончании войны в Москву Н.Д. Телешову, предполагая опубликовать книгу на родине в наиболее полном составе, в соответствии с ее замыслом. Посредниками выступили Эльза Триоле и представитель Совинформбюро в Париже Б.Д. Медведев. Письмо Бунина старому другу от 8 декабря 1945 г., где речь идет о двух телеграммах из Москвы с просьбой передать на родину новые сочинения, опубликовано во второй книге бунинского тома «Литературного наследия»¹³. Автограф, хранящийся в архиве Телешова, свидетельствует о неуверенности Бунина в точном определении текстов, которые он посылает: это не

⁹ См.: Марченко Т.В. На пути к академическому Бунину // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 2007. Т. 66. № 1. С. 11–28.

¹⁰ См.: РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 2. Ед. хр. 93.

¹¹ См.: Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин. Кн. 2. М., 1973. С. 623. По окончании войны масштаб книги увеличится; см. письмо от 7 сентября 1945 г.: «большая книга рассказов» (Там же. С. 624).

¹² Бунин И.А. Руся // Новый журнал. 1942. Кн. 1. С. 8–16.

¹³ См.: Переписка с Н.Д. Телешовым. 1897–1947 / Предисл. и публ. А.И. Дубовикова // Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин. Кн. 2. С. 624–625.

собственно книги и не собственно рукописи, а некое соединение того и другого, из чего и надлежит собрать предполагаемое издание. Первоначально написанное «большинство моих новых рассказов» было исправлено на «сборник моих новых рассказов», а вычеркнутое «несколько» в обозначении приложенных зарубежных изданий превратилось в «три четверти из моих последних книг»¹⁴.

На титульном листе сохранился автограф Бунина, являющийся прямым указанием будущим издателям. Надпись, идущая справа вертикально по чистой стороне листа, гласит: «Эта книжечка, изданная в Америке и только для Америки в начале 1943 г. всего в количестве 600 экз<емпляров> и уже давно распроданная, заключала в себе *только одну четвертую* часть того, что мною написано под общим заглавием “Темные аллеи”. Ив. Бунин» (здесь и далее выделения принадлежат цитируемому автору)¹⁵.

Это указание позволяет в полной мере осознать всю значительность проведенной Хеллой Реезе работы: в ее сводной таблице «всех появившихся между 1936... и 1949... годами рассказов» и связанных с общим замыслом «черновики, наброски, заметки» приведено 76 законченных новелл (некоторые не опубликованы) и 13 неопубликованных отрывков¹⁶. Тома собраний сочинений Бунина, куда входят «Темные аллеи», равно как и их отдельные издания, включают обычно — число необъяснимо колеблется — двадцать с небольшим рассказов. Бунин, как видим, действительно хотел опубликовать весь массив малой прозы, созданный с середины 1930-х до конца 1940-х гг.; систематическому выявлению и описанию гипотетического полного состава «Темных аллей» современное буниноведение обязано именно труду Х. Реезе.

Бунин нумерует красным карандашом новеллы — так, как их следует располагать в будущем издании. Нью-йоркская книжечка становится его прообразом. Простой титул «И.А. Бунин. Темные аллеи» был дополнен проставленным на следующей странице определением книги по жанрово-хронологическому принципу: «Рассказы 1938–1945 г.». Правке, на первый взгляд незначительной, был подвергнут каждый рассказ. Это небольшие вставки или зачеркивания, весьма решительные, уничтожающие непонравившийся вариант, словно специально затрудняющие будущему исследователю текстологический анализ; очевидно, что вымаранное слово, оборот, неудачный с авторской точки зрения, непрестанно менявшейся, не должны были стать достоянием будущего редактора и тем более читателя книги. В письме Телешову от 30 января 1946 г., горячо протестуя против издания «изборника» его сочинений без авторского согласия и догляда, Бунин выражает ужас не от состава, т. е. очевидного незнакомства с его последними сочинениями, а от незнания его авторской воли в отношении последней и окон-

¹⁴ Переписка с Н.Д. Телешовым. 1897–1947. С. 627 (с игнорированием вычеркнутых и иным прочтением неразборчивых слов).

¹⁵ Мемориальный кабинет Н.Д. Телешова (Москва). Фонд И.А. Бунина (без описи). Фотография «обложки с рабочими указаниями и пометой автора» приведена в качестве иллюстрации в «Литературном наследстве»; в примечании фраза Бунина воспроизведена с купюрами (см.: Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин. Кн. 2. С. 47).

¹⁶ См.: Reese H. Ein Meisterwerk im Zwielficht... S. 399–408.

чательной редакции, в которой он желал бы свои сочинения печатать на родине: «Как же можно было, предпринимая издание этого *изборника*, не обратиться ко мне хотя бы за моими советами насчет него, за моими пожеланиями вводить или не вводить в него то или другое, за моими указаниями, какие именно тексты моих произведений я считаю окончательными, годными для переиздания!» И далее: «...люди... литературные... должны понять, какое великое значение имеет для такого *изборника* не только выбор материала, но еще и тексты, тексты!»¹⁷

Прилагалось и содержание будущего сборника, где рассказ «Руся» открывал второй из трех разделов, на которые Бунин разбил книгу своей поздней новеллистики.

Отметим с сожалением и тревогой, что грамотная текстологическая работа с прозаическим наследием Бунина не ведется до сих пор, история текстов его произведений, к которой он относился столь трепетно, не изучена¹⁸. Таким образом, до сих пор не сделано самого главного шага в создании фундамента для будущего научного собрания сочинений писателя. Тем самым очевидно, что сочинения Бунина — в том числе и «Темные аллеи», о которых немало написано за последние полвека, — введены в оборот не полностью: без вариантов и редакций, что, в свою очередь, отражается и на буниноведческих штудиях. Поскольку предметом исследования в науке о литературе является собственно литература, художественный текст, то изучать поэтику и стиль писателя, базируясь лишь на вошедших в известные собрания сочинений текстах, не зная, как шла работа над ними, как они продвигались от замысла к воплощению, в каком виде были изданы и в каком автор их издавать предполагал, — невозможно.

Настоящая публикация, посвященная монографическому разбору рассказа «Руся», продолжает начатую нами работу по привлечению рукописного наследия Бунина к рассмотрению поэтики и стиля его поздней прозы¹⁹.

Тексты Бунина не непроницаемы, как представляется порой его исследователям. К ним нужно подходить с особыми мерками, погружаясь в «голубые туманы мифов» (тоже бунинские слова) — античных, библейских, славянских, которыми пропитаны произведения писателя, раскрывая глубинные литературные источники его прозы, тоже превращающиеся в своего рода мифы на страницах Бунина. На основе архетипического анализа поэтики одного из рассказов цикла «Темные аллеи» и с привлечением его рукописных источников нам хотелось бы прикоснуться к тому богатству русской и мировой культуры, которое пока еще неподнятыми пластами покоится в бунинских текстах.

¹⁷ Переписка с Н.Д. Телешовым... С. 628.

¹⁸ Напротив, отрадное отличие представляет ситуация с поэтическим наследием Бунина, которым планомерно и на высоком профессиональном уровне занимается Т.М. Двинятина, см.: *Двинятина Т.М. Поэзия И.А. Бунина: Проблемы текстологии*. 1 // «На меже меж Голосом и Эхом»: Сб. ст. в честь Т.В. Цивьян. М., 2007. С. 359–381; *Она же. Поэзия И.А. Бунина: Новые источники для научного издания*. (Проблемы текстологии. 2) // На рубеже двух столетий: Сб. в честь 60-летия А.В. Лаврова. М., 2009. С. 208–223; *Она же. Поэзия И.А. Бунина: Основной текст* (Проблемы текстологии. 3) // *Русская литература*. 2010. № 1. С. 61–84.

¹⁹ См.: *Марченко Т.В. Переписать классику в эпоху модернизма: о поэтике и стиле рассказа И.А. Бунина «Натали»* // *Известия РАН. Сер. литературы и языка*. 2010. Т. 69. № 2. С. 25–42.

* * *

Бунин довел до виртуозного мастерства технику финала по принципу *ex abrupto*. Напротив, начинаться его рассказы могут нарочито просто, с незначительных житейских пустяков, мелочных обстоятельств, невыразительных пейзажных зарисовок. Вероятные литературные аллюзии быстро дезавуируются, а заданная интонация повествования о ничтожном, достоверном в натуралистически точных деталях и не выходящем за рамки привычного «правдивого» изображения действительности ловко уводит читателя от обнаружения скрытой символики и многоплановой образности. Остро чувствуя «поэтичность» многих описаний в новеллах Бунина, читатель не постигает художественного механизма создания этой глубинной поэзии. Модернистское обнажение приема — «на вот, возьми ее скорей!» — Бунину чуждо, но прежде всего и неинтересно. Его виртуозность состоит в другом: средствами реалистического слова не раскрыть, а скрыть, растворить символику, поэзию, литературную традицию, мифологию в «верном действительности», почти органолептически ощутимом повествовании.

В рассказе «Руся»²⁰ под покровом незамысловатой обыденности клубятся древние языческие образы и представления, наделяя «дачную» любовную историю мифологическими чертами. Некогда сосуществование гоголевских малороссийских героев с «нечистой силой» — ведьмами, русалками, колдунами, чертями — воспринималось естественно в общем строе повествования, неотделимого от фольклора, от народных верований, сказаний, сказок и песен. Бунинские герои, которых автор, творя во Франции в середине XX века, помещает в Россию условного «рубежа веков», — это люди образованные, культурные, стоящие отнюдь не внизу социальной лестницы. Любое прямое введение в повествование фантастических элементов немедленно разрушило бы главное художественное достижение Бунина, главный хронотоп бунинского текста — хронотоп дореволюционной России, которую он с таким вкусом и знанием дела, с такой изумительной тщательностью и вниманием к детали создал в своей прозе эмигрантского периода.

Небольшая железнодорожная задержка в зачине рассказа как будто лишена какой-либо таинственности или мистики: «В одиннадцатом часу вечера скорый поезд Москва — Севастополь остановился на маленькой станции за Подольском, где ему остановки не полагалось, и чего-то ждал на втором пути»²¹. Эпическое спокойствие фразы, ничтожная обыденность происшествия создают атмосферу будничности, дорожной скуки. Но уже следующая фраза должна бы насторожить, поскольку в прозу жизни вторгается литературная проза, с безусловной отсылкой к «Анне Карениной»: «Через рельсы переходил кондуктор с красным фонарем в висящей руке». Этот маленький укол в преддверии несчастья («через рельсы», «красный фонарь») еще и усугублен бессильным жестом — «в висящей руке». В описании кондуктора простая смена определения (в рукописи зачеркнут перво-

²⁰ Далее при ссылках на рукопись рассказа в круглых скобках приведен номер листа по сквозной пагинации архивного хранения.

²¹ Здесь и далее рассказ цит. по: Бунин И.А. Собр. соч.: В 6 т. М., 1988. Т. 5. С. 283–291.

начальный вариант «в опущенной руке») позволила сменить активное начало (самостоятельность движений) на пассивное, автоматическое, как в призрачном царстве теней. Красный свет ничего не освещающего фонаря предвещает нечто трагическое, что идущая от Толстого традиция привычно связывает с железной дорогой, трагическим решением, человеческой катастрофой. Однако угаданная традиция оказывается ложным ходом, а внезапная остановка объясняется по-прежнему буднично — «опаздывает встречный курьерский». (Впрочем, кто знает, почему курьерский поезд опаздывает и для чего поезда персонифицируются, словно назначившие свидание люди.)

Настоящая экспозиция начинается со второго абзаца, где двойное время и двойной пейзаж позволяют собственно рассказу (от лица героя, но не в форме *Ich-Erzählung*, а в отстраненном воспоминании от третьего лица о «себе молодом») проступить в рамочной композиции. Реальное время и место (обрамление рассказа) описано с неуклонной точностью — полустанок под Москвой по южному направлению, наступление ночи. Только сгущение эпитетов, создающих тревожное грустное настроение, и особенности природы, унылой не по сезону — стоит разгар теплого лета, на что указывают долгая вечерняя заря и открытое окно поезда, — усиливают первоначальное ощущение тайной тоски, гибельности, трагичности. Это второй укол предчувствий и предвестий: «На станции было темно и печально. Давно наступили сумерки, но на западе, за станцией, за чернеющими лесистыми полями, все еще мертвенно светила долгая летняя московская заря. В окно сыро пахло болотом. В тишине слышен был откуда-то равномерный и как будто тоже сырой скрип дергача». Помимо прямого эмоционального указания («печально»), ощущение уныния нагнетают цветочные эпитеты («темно», «чернеющими», «мертвенно»). Топос болота с всеохватывающей сыростью, с тоскливыми звуками («равномерный скрип») усугубляет общий меланхолический контекст.

Бунин сознательно добивается этого ощущения всепроникающей меланхолии: издаваемый ночной птицей звук еще более обострял ее в первоначальном варианте («как будто не живой, усыпляющий»), да и сама птица имела другое название — коростель (л. 1). В птичьих голосах Бунин разбирался настолько хорошо, что даже вызывал насмешки у собратьев по перу (ср. венчающую знаменитую пародию А.И. Куприна «бессонную потатуйку» или ироническую стилизацию В.В. Набокова в «Других берегах», где «опевают ночь петухи»). А между тем коростель и дергач — это одна и та же птица, носящая по-латыни название с явной звуковой имитацией ее голоса: *Sorex sorex*. «Весной самец издает частый односложный скрипучий крик», — подтверждает энциклопедия²². К этой особенности («характерный громкий трещащий крик»²³) добавляется и другая: коростель-дергач «более ночная птица, чем дневная»²⁴. Тонкая проработка пейзажа,

²² Большая советская энциклопедия. 2-е изд. М., 1953. Т. 23: Корзинка — Кукунор. С. 40–41.

²³ Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1893. Т. 10. Полутом 19. С. 428.

²⁴ Там же.

включающего в себя освещение, запахи и звуки, для Бунина не достаточна, ему нужно заставить читателя физически ощутить ночную летнюю глушь, с негаснувшей долгой зарею и насквозь сырую, так что влага как будто пропитывает даже голос бессонной птицы. Таинственность всюду пробирающейся воды, как в «Ундине» Ламотт-Фуке — Жуковского, становится гораздо более изощренной мотивировкой дальнейшего развития сюжета, чем первоначальные определения, с их прямыми указаниями на безжизненность и дремоту. Но почему дергач, а не коростель, если разница только в названии? Даже в «Словаре живого великорусского языка» В.И. Даля нет указаний на области распространения того или иного названия этой птицы, они совершенно равноправны. Если таковы они и для Бунина (а предполагать иное нет оснований, ведь для него важен крик птицы, а не она сама), то, по всей видимости, внутренняя форма названия «дергач», отмеченная и Далем, оказалась существеннее, чем навевающий дремоту коростель, — героя что-то «дергает», призывает в печальный болотистый лес.

И герой тут же откликается на зов и переносится мысленно в далекое лето своей юности (во время студенческих каникул он жил в качестве репетитора на подмосковной даче). Он словно околдован, так что и сама «эта скучная местность» подвергается в его воспоминаниях явной поэтизации, невзирая на то что «вида нигде никакого». Местность интересна не отсутствующими ландшафтами («В усадьбе любоваться горизонтом можно было только с мезонина»), а своей поэтичностью, романтикой упадка и разрушения: «Дом, конечно, в русском дачном стиле и очень запущенный, — хозяева были люди обедневшие, — за домом некоторое подобие сада, за садом не то озеро, не то болото, заросшее кугой и кувшинками, и неизбежная плоскодонка возле топкого берега». «Запущенный», «обедневшие», «подобие сада», вместо чеховского озера — откровенное болото, но по-своему живописное — зеленые стебли тростника и желто-белые цветы. Под стать растительному миру и животный: «Мелкий лес, сороки, комары и стрекозы». Всякий раз, когда Бунин подчеркивает привычность, обыденность обстановки — «конечно, в русском дачном стиле», «неизбежная плоскодонка», «все, как полагается», — следует быть особенно осторожным: легкая узнаваемость почти родных атрибутов окружающего мира вовсе не свидетельствует о его одномерности и непроницаемости²⁵. Сначала, в рукописи, таким все «узнающим» («ну, конечно»), всему находящим истолкования лицом выступала жена героя. Неприятные черты ее ревнивой язвительности были полностью Буниним из повествования удалены²⁶; теперь это тоже образ страдательный, поскольку между нею и героем нет абсолютной полноты доверия и любви.

²⁵ Говоря о мировоззрении Бунина, Ю.В. Мальцев прибегает к термину Вл. Соловьева — «двойная непроницаемость» бытия (т. е. во времени и пространстве) — и заверяет, что вся жизнь Бунина, обладающего «чувством укорененности во всебытии» и одновременно «трагическим ощущением своей оторванности от него», была «наполнена постоянной борьбой» с этой непроницаемостью, попытками приобщиться бесконечности, увидеть человека «как «таинственное проявление некой непостижимой и надындивидуальной... субстанции» (Мальцев Ю.В. Иван Бунин. Франкфурт-на-Майне; М., 1994. С. 12–13).

²⁶ Ср., в частности, такие вычеркнутые комментарии к рассказу мужа: «Маскарад не ахти какого вкуса» (л. 3); «Милая семейка» (л. 4); «Час от часу не легче» (л. 5).

В «Русе» Бунин сам разрушает стереотипы, подсказанные обстановкой, — дачная усадьба, каникулы, репетитор, «скужающая дачная девица»: «Только девица была совсем не скужающая». И это опровержение внезапно меняет всю картину, незамысловатый болотный пейзаж которой «поэтично» (оценка рассказчика) преобразуется. Как только впервые, пока без имени, упоминается Руся, скучная местность волшебным образом расцветает, причем «больше по ночам», во время прогулок на лодке. «На западе небо всю ночь зеленоватое, прозрачное, и там, на горизонте, вот как сейчас, все что-то тлеет и тлеет... Весло нашлось только одно и то вроде лопаты, и я греб им, как дикарь, — то направо, то налево. На противоположном берегу было темно от мелкого леса, но за ним всю ночь стоял этот странный полусвет. И везде невообразимая тишина — только комары ноют и стрекозы летают. Никогда не думал, что они летают по ночам, — оказалось, что зачем-то летают. Прямо страшно». В первоначальном тексте герой, как любознательный студент, задавался вопросами «зачем, почему?» (л. 3), но Бунин их вычеркнул не только из-за ненужной тавтологии, но и чтобы не нарушать колдовскую прелесть самой себе предоставленной природы, обходящейся без естественно-научных объяснений.

Неизменный «задник», горизонт этого пейзажа — вечерняя тлеющая заря — напоминает фон «Пана» М.А. Врубеля (1899), где за крупной фигурой первого плана виднеется такой же мелкий лес, болото с синими бочажками воды, только тлеет не вечерняя заря, а апельсиновая долька месяца. «Картина написана под впечатлением рассказа французского писателя Анатоля Франса “Святой Сатир”, — сообщает “История искусств”. — Художник создал странный, зыбкий мир с кривыми березками, тусклым светом луны, мир, подверженный таинственным превращениям, где герой античных легенд напоминает русского лешего»²⁷. Врубель написал «Пана» очень быстро, в несколько дней, настолько захваченный работой, что не стал дожидаться нового холста и воспользовался уже готовым портретом жены. Пейзаж был «взят с натуры и очень русский»²⁸: это «переработка вида с террасы в имении кн. М.К. Тенишевой. Но реальная русская природа здесь озаряется мифом, легендой, сказкой...»²⁹. Врубелевская «русская светлая ночь», подобная описанной Буниным, лишь оттеняет мифологический образ, и оттого «нечто волшебное-беспокойное мерещится в этой природе»³⁰. Преображение природы у Врубеля происходит благодаря слиянию фантастики, мифа и предметного («с натуры») реализма.

От «местности», где разворачивается короткий летний роман в «Русе», создается впечатление, весьма сходное с тем, к которому стремился и Врубель в своем «Пане». У Бунина другие средства воздействия на читателя — словесные, в отличие от художника он не скован статикой и предпочитает ей динамику в описании затягивающей в себя волшебной и жуткой летней ночи на лесном болоте. Удиви-

²⁷ Цит. по интернет-сайту: <http://arthistori.ru/19-20/art149.htm>.

²⁸ Герман М.Ю. Михаил Врубель. 1856–1920. СПб., 1996. С. 110.

²⁹ Федоров-Давыдов А. Природа и человек в искусстве Врубеля // М.А. Врубель. 1856–1910. М., 1968. С. 30. Лето 1899 г. Врубель с женой провел в имении Хотылево Орловской губернии.

³⁰ Герман М.Ю. Михаил Врубель. С. 111–112.

тельное поведение поражающих ночными полетами стрекоз — амфибионтных насекомых, обитающих и в воде (в виде личинок), и на суше (в виде взрослых особей)³¹, — только обостряет пугающую склонность окружающего мира к «таинственным превращениям». Становится страшно, но это особый страх, сладкий ужас перед неведомым, манящим и загадочным, непостижимым. У цивилизованного человека — в отличие от «дикаря», каким влюбленный герой становился далекими летними ночами, — страх вызывает непознанный мир вокруг (легкокрылые насекомые), а не мощные, обладающие сокрушительной силой машины. Этот парадоксальный контраст восприятия подчеркнут использованием однокоренных глаголов (летать — налететь): «Зашумел наконец встречный поезд, бешено налетел с грохотом и ветром, слившись в одну золотую полосу освещенных окон, и пронесся мимо» (выделенное курсивом слово стоит в рукописи, л. 3, но в печатном тексте отсутствует). «Невообразимая тишина» (только и слышно, как «с тихим треском» летают комары), полет стрекоз ужасают мистикой неведомого, тогда как шум, грохот, «бешеная» скорость могущей стать смертельно опасной машины составляет норму для обыденного сознания.

Живущая среди болотного мелколесья юная художница Руся тоже «живописна, даже иконописна»: «Худая, высокая. Носила желтый ситцевый сарафан и крестьянские чунки на босу ногу, плетенные из какой-то разноцветной шерсти. <...> Длинная черная коса на спине, смуглое лицо с маленькими темными родинками, узкий правильный нос, черные глаза, черные брови... Волосы сухие и жесткие слегка курчавились. Все это, при желтом сарафане и белых кисейных рукавах сорочки, выделялось очень красиво. Лодыжки и начало ступни в чунках — все сухое, с выступающими под тонкой смуглой кожей костями». Тонкая стать Руси, ее необычное для городской дачницы одеяние идеально гармонируют с болотной растительностью — кутóй³² (высокие темно-зеленые безлистные стебли) и бело-желтыми кувшинками³³. Ее мать, «родом какая-то княжна с восточной кровью, страдала чем-то вроде черной меланхолии» и за столом непрестанно «перекладывала то нож, то вилку»; этот персонаж сразу предстает выходцем из какого-то другого мира, по крайней мере с Востока, а мрачность и игра с ножом сразу вызывают опасения. Между тем ее муж — отставной военный, их «простой и милый» сынишка — вновь выравнивают ситуацию и возвращают повествование к дачной обыденности.

У героини действительно необычное имя. Хотя и произведенное от Маруся, оно корнем тянется не к христианскому имени Мария, а к словам древним, из

³¹ Стрекозы активны летом все время, пока светит солнце; в особенно теплые и долгие дни отдельные виды могут задерживаться в полете даже в густые сумерки. Обладая большой численностью, стрекозы особенно хорошо размножаются, когда жаркие дни сменяют прохладу и ненастье; именно такая погода и описана в рассказе.

³² В рукописи Бунин поставил ударение (л. 2). Замечательно, что звучит это слово впервые в устном рассказе героя и словно рассчитано автором на произнесение.

³³ Желтый цвет, наделенный в народной культуре «преимущественно негативной оценкой», «в цветовой характеристике мифологических персонажей встречается редко. Мифические существа, которые водят души “на тот свет”, являются в желтых тонах...» (Усачева В.В. Желтый цвет // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М., 1999. Т. 2: Д–К. С. 202).

языческих времен — «Русь», «русалка»³⁴. О причине разрыва с Русей герой, чтобы избавиться от расспросов жены, «сухо» и язвительно отвечает: «Ну, потому, что я застрелился, а она закололась кинжалом...» Работая над рукописью, Бунин это объяснение изрядно сократил. Первоначально, подвергнутый женой настоящему допросу, герой нехотя давал «показания» и старался казаться равнодушным при воспоминании об этой «обыкновенной дачной истории» (л. 5). И объяснения выходили какие-то обыкновенные, на мелодраматической подкладке: «жесткие родители разрушили», «словом, вышла драма», — да еще немедленно дезавуируемые: «Впрочем, ты шуток не понимаешь» (л. 5–6). Видя героя живым и здоровым, окруженным самой комфортной повседневностью (отъезд на курорт в спальном вагоне первого класса, проводник расстилает постели), читатель воспринимает оставшуюся реплику именно как «шутку», как явное нежелание делиться с женой давними любовными переживаниями, а читая вслед за тем уж и вовсе прозаическое «умывшись и почистив зубы...», словам о пистолете и тем более кинжале не придает никакого значения. И напрасно, учитывая происхождение матери героини — с явной отсылкой к Пушкину: «Кинжалом я владею, / Я близ Кавказа рождена...»

Избавившись от уснувшей собеседницы, герой соединяется с совсем другим миром, что подчеркивается синтаксической симметрией: «Сине-лиловый глазок над дверью тихо глядел в темноту... он... мысленно смотрел в то лето...» Весь бытовой, повседневный антураж века технического прогресса заслоняет от человека мир извечный, подлинный. Цивилизованным людям незнакома и чужда не только жизнь природы, от которой они враждебно обособились, но и круг древних представлений и верований, сложившийся, когда человек жил нераздельно с природой и населял ее целым сонмом духов. Рассеянные по повествованию или собранные сгущенно в его отдельных эпизодах, представители простой подмосковной флоры и фауны обнаруживают теснейшее родство с русской мифологией и подталкивают к прочтению «Руси» именно в этом открывающемся ракурсе.

Вернемся к началу рассказа. Едва поезд остановился, к герою сразу поспешили вестники из другого мира — хтонические существа (от греч. «хтонос» — земля), мифологические персонажи, связанные одновременно с производительной силой земли (воды) и умерщвляющей силой преисподней. Первым показывается болотник³⁵ — злой дух, появляющийся в образе черного человека с фонарем в руках, который, освещая дорогу путникам, сбивал их с пути и заводил в болото. Затем раздается «равномерный скрип» дергача — в народной традиции голоса животных и птиц «выступают в качестве примет и сигналов к началу различных действий», часто они «служат предвестиями различных событий», а иногда — «воспринимаются как сигналы “с того света”» и даже «наделяются магической силой», воспринимаются как мольбы, пророчества, предостережения «и прочие сообще-

³⁴ «Русь» до сих пор остается словом со спорной этимологией; «русалка» происходит от др.-рус. (из греч.) «русалия» — праздник весны.

³⁵ Или «блотник» (хорошо известный по западнославянским — кашубским поверьям). См.: Толстой Н.И. Болото // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М., 1995. Т. 1: А–Г. С. 228.

ния», «представляют собой магические действия или особые ритуалы»³⁶. А потом вспыхивает и «смотрит в темноту» блуждающий огонек (сигнальный «сине-лиловый» глазок в поезде у Бунина) — «болотный дух... заманивающий путника в трясиину»: «Широко известный в западно- и восточнославянских быличках сюжет о сбившемся в ночное время человеку, которого нечистая сила заводит в непроходимые места, болота, топи, обычно связан с вредоносными действиями черта, а также болотных, водяных или лесных духов, душ умерших, блуждающих огоньков и т. п.»³⁷ В окружении всего этого многообразия мифологических танатогенных «древностей» и выступает из нахлынувших на героя дорогих воспоминаний («подобного счастья не было во всей его жизни») чарующий образ Рўси. Рукописный вариант сохранил фразу с характерной временной оговоркой: «Теперь казалось, что милее и прекраснее ее он не знал никогда за всю свою жизнь» (л. 6). Это не просто случайная прихоть памяти, когда едущему на юг курортнику внезапно припомнился юношеский дачный роман; это — то самое «прекрасное мгновение», которое вновь удастся воспроизвести и остановить, как *остановился* поезд на *втором* пути, благодаря вмешательству таинственных сил, языческих элементов, неотделимых от природы и от молодости.

Чтобы эволюция Бунина-рассказчика за несколько десятилетий стала особенно отчетливой, стоит обратиться к его ранней прозе: кажется, и место действия то же, и природа все та же, родная, — но эскизная, пленэрная, не складывающаяся в цельное произведение живопись уступает место совершенно иному письму, в котором символические и натуралистические линии и краски образуют тот узор, которому найдено только одно верное определение — совершенство. Рассказ «Новая дорога» (1901) кажется ранним этюдом к целому ряду написанных почти через полвека рассказов. Быть может, это и так: Бунин оставил подтверждения тому, что перечитывал свои стихи, высоко их оценивая³⁸; кажется несомненным, что и раннюю прозу он тоже перечитывал, ведь она была наполнена зарисовками с натуры, непосредственными впечатлениями от увиденного, точными, зорко схваченными деталями, многочисленными пейзажами. Каких только обрывков сюжетов, намеков на возможные рассказы, мгновенно исчезающих, расплывчатых лиц не мелькает на нескольких страницах рассказа: «Постоит поезд на пустой станции и опять бежит среди перелесков... Едем все же с опозданием: стояли в поле, и никто не знал почему, и все сидели в томительном ожидании, слушая, как уныло шумит ветер за стенами неподвижных вагонов и как жалобно кричит бочкообразный паровоз, имеющий манеру трогать с места так, что пассажиры падают с диванов»³⁹. Еще никто не знает причины остановки поезда — такой же необъяснимой остановки, как в «Русе»; уже угадывается меланхолическое настро-

³⁶ Гура А.В. Крики животных и птиц // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М., 1999. Т. 2: Д–К. С. 675–677.

³⁷ Толстой Н.И. Болото. С. 228.

³⁸ «Перечитывал... свои “Избр. стихи”. Не постигаю, как они могли быть не оценены!» (Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: В 3 т. / Под ред. М. Грин. Frankfurt/Main, 1977. Т. 3. С. 151).

³⁹ Цит. по изд.: Бунин И.А. Собр. соч.: В 6 т. М., 1987. Т. 1. С. 196–203.

ение, но природа и цивилизация еще трогательно едины — «унылому» шуму ветра вторит «жалобный» крик паровоза, описание которого составлено из самых разных черт — он уподоблен не то человеку, не то зверю, а может быть, это и обыкновенная вещь, творение рук человеческих («бочка»).

Впрочем, нет, это существо мифологическое, даже демоническое: «Но поезд борется: равномерно отбивая такт тяжелым, отрывистым дыханием, он, как гигантский дракон, вползает по уклону, и голова его изрыгает вдали красное пламя, которое ярко дрожит над колесами паровоза на рельсах и, дрожа, злобно озаряет угрюмую аллею неподвижных и безмолвных сосен. Аллея замыкается мраком, но поезд упорно подвигается вперед. И дым, как хвост кометы, плывет над ним длинною белою грядкою, полной огненных искр и окрашенный из-под низу кровавым отражением пламени». Чего только нет в этом отрывке! Демонизация созданной людьми машины вскоре отзовется в «Господине из Сан-Франциско» — как в образе гигантского океанского лайнера с адской кочегаркой в трюме, так и в финальной ухмылке дьявола; но самое поразительное — угрюмая, мрачная аллея, темная аллея, которую еще очень нескоро в бунинском творчестве преобразит любовь. Тридцатилетний автор сам еще не осмыслил открывающихся ему богатств: «...мне ли разобраться в ее [бесконечно великой страны] печалях, мне ли помочь им?»⁴⁰ Сорок лет должно было миновать со времени написания «Новой дороги», чтобы Бунину смогли раскрыться и величие, и красота, и своеобразие покинутого им мира в его языческих древностях, фольклорных преданиях и бесконечности литературных путей: «Порою чаща расступается, и далеко развертывается унылая болотная низменность, угрюмо синее амфитеатр лесов за нею, и полоскою дыма висит молочно-свинцовый туман над лесами». Теперь туман рассеялся, в темных аллеях появились влюбленные, окутанные мифологическим и литературным флером, теперь-то Бунин готов ответить на вопрос, «что из этого выйдет». Теперь под его пером оживает «забытая жизнь родины», и в унылой болотной местности, где раньше мелькали лишь перелески, сороки да журавли, появляется загадочная Руся.

Руся, одна из самых привлекательных бунинских героинь⁴¹, наделена живостью характера и остроумием, что определяет ее поведение с окружающими людьми.

⁴⁰ Бунин откровенно признавался в письме Н.Д. Телешову от 14 ноября 1899 г. в том, что «изболел этой мукой — отвращением писать “пустяковину”, “тусклятину”»: «Все это чувствую, сам говорю себе, что пока душа “не сольется с сюжетом” — нельзя писать. <...> Но... многое *кажется* вялым, гнусным, жалким, тусклятиной, до тех пор пока вплотную не вдвинешь себя в работу: часто случается, что ты сам не узнаешь эту тусклятину, как она осветится внутренним огнем, когда начнешь *разрабатывать* ее... Что бы ни сказать, да ведь хочется сказать, и это сказанное будет частью твоей души — этого довольно» (Переписка с Н.Д. Телешовым... С. 500). А сорок лет спустя (29 августа 1940 г.) Бунин записал в дневнике: «Следовало бы написать... историю моих стихов и рассказов» (Устами Буниных... Т. 3. С. 65).

⁴¹ Вначале, впрочем, судя по рукописи, это была довольно развязная — от застенчивости и самолюбия — девица: «бойкая», «насмешливая»; прыгая в лодку, она «неестественно запела» и подхватила сарафан «над голыми ногами», отчего герой только «покачал головой» (л. 9); целует эта барышня героя «с радостной готовностью» (л. 11). Все эти несообразности поведения будут из окончательного текста вычеркнуты, образ Руси станет более цельным и, безусловно, пленительным.

ми — она дружит с братом, предана родителям, беззаветно любит избранника. Сразу составив ее портрет, Бунин убрал впоследствии только одну деталь — «почти сросшиеся» брови и слегка изменил цвет глаз — из «очень темных» они стали «черными» (л. 4). Но главное своеобразие Руси состоит в другом и отражается на ее внешнем облике. Ее старинное крестьянское одеяние — «широкий, легкий» желтый сарафан, под которым свободно ее «волнующемуся» «долгому девичьему телу», — не придает будущей художнице ничего богемного, скорее сближает ее с окружающей «местностью» — с травами и деревьями, стрекозами и мотыльками, растворяет в окружающем пейзаже. Есть у Руси и яркая примета — «маленькие темные родинки», есть и примета тайная, открывающаяся возлюбленному: «На теле у нее тоже было много маленьких темных родинок — эта особенность была прелестна». Родинки, родимые пятна в народных представлениях часто выступают как «знак судьбы», обычно свидетельствуют о «демонической природе человека», а девушки с такой заметной особенностью отстраняются от участия во многих обрядах. Рождения младенцев с родинками старались избежать в твердой убежденности, что возникают они в период беременности от неправильного поведения будущей матери; в народной традиции существует целая классификация родинок по их цвету, расположению на теле и связанным с ними поверьям. Страдающая черной меланхолией восточная княжна — мать Руси — в фольклорной традиции безусловно была бы признана «нечистой» и ответственной своими грехами за родовые отметины на теле дочери. Эти знаки связывали с судьбой человека, но интерпретация их у Руси неопределенна: «наличие большого количества родинок на видном месте свидетельствует о счастье и удачливости человека», но те родинки, которые человек «не может увидеть сам, указывают на его невезучесть»⁴². Далекое лето из воспоминаний героя было для Руси судьбоносным: она «убедилась в своей [творческой] бездарности» (в чем, возможно, родинки сулили ей успех), но зато влюбилась (герои влюблены «ужасно»), а любовь оказалась с несчастливym концом.

Сближение героя с Русей неотделимо от воды, от влаги, от сырости; первое же описание близости героев связано с «промоченными» ногами, «мокрыми ступнями»⁴³. Возможно, и пленэрная живопись не дается «отмахивающейся от комаров» героине потому, что из-за повышенной влажности природа вокруг все время находится в движении, не поддается запечатлению на холсте: «Свежий, пахучий дождь шумел все быстрее и гуще за открытыми на балкон дверями». В непрерывном движении пребывает и несметное множество живности, прежде

⁴² Седякова И.А. Родимое пятно // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М., 2009. Т. 4: П–С. С. 675–677.

⁴³ При безбоязненной конкретике в эротических сценах Бунин оставался все-таки подлинным эстетом. В частности, и в этом эпизоде героиня являлась вначале «мокрая» с «холодными» ногами. Однако неэлегантность тесной близости с барышней в мокром сарафане стала Бунину очевидной, и он, оставив за Русей определение родственной ей водной стихии, «заставляет» ее промочить только ноги (л. 6). То же и в сцене первого поцелуя, происходящей на воде, посреди озера, во власти Русинной стихии: герой поцеловал девушку в «хохочущие *мокрые* губы». Бунин и здесь вычеркнул выделенное определение как неприятный физиологизм (л. 11). Кроме того, была снята неточность: мокрыми-то губы должны были быть у героя, которого Руса обрызгала водой.

всего насекомых. Если влага не течет с неба, то пропитывает все кругом, порождая и множа рои всевозможных хтонических существ — «посланцев с того света», отождествляемых с «душами людей»⁴⁴: «День был жаркий, парило, прибрежные травы, испещренные желтыми цветочками куриной слепоты, были душно нагреты влажным теплом, и над ними низко вились несметные бледно-зеленые мотыльки». Бунин в рукописи изменил их окраску с «бледно-голубых», сохраняя устойчивый желто-зеленый колорит (л. 8). Как только «дождливый период наших тропических мест кончился», появляется новое, разумеется водное, развлечение — «довольно гнилая и с дырявым дном» лодка. Окружающий мир расширяется и оказывается кишасим и иными хтоническими «посланцами», земноводными гадами: к одним Руся относится спокойно (пиявки, лягушки), других — ужей — смертельно пугается («родинки на ее лице стали темней, чернота волос и глаз как будто еще чернее»). Замечательно, что брат ее Петя, «простой и милый мальчик», залатавший «корыто, которое... все-таки протекает и полно пиявок»⁴⁵, ужей не боится и «берет в руки».

Вода — стихия Руси, ей весело на воде: «Правда, хорошо? — крикнула она». Но в воде таится и опасность, от которой Руся охраняет картуз героя как символ его «сухого» мира, мира земного человека, «верхний» мир: «Она положила картуз к себе на колени. — Да не беспокойтесь, киньте куда попало. — Она прижала картуз к груди: — Нет, я его буду беречь!» Столь притягательная для Руси вода на заурядном мелководье заросшего болота обладает магической бездонностью: «К лицу и рукам липли комары, кругом все слепило теплым серебром: парной воздух, зыбкий солнечный свет, курчавая белизна облаков, мягко сиявших в небе и в прогалинах воды среди островов из куги и кувшинок; везде было так мелко, что видно было дно с подводными травами, но оно как-то не мешало той бездонной глубине, в которую уходило отраженное небо с облаками». Последняя фраза сама кажется поэтическим зеркалом: вода у Бунина, словно в добавление к иному взгляду на взаимоотношения двух стихий, вбирает в себя небо⁴⁶. В элегии «Море» (1822) В.А. Жуковский вопрошал необъятную водную стихию: «Иль тянет тебя из земных неволи / Далекое светлое небо к себе?..» Вдали от мятежных романтических пейзажей, в скромных русских перелесках и стихии обретают кроткий облик. Землю и небо у Бунина только что соединял дождь⁴⁷; их соединяют амфибионтные насекомые; появятся в рассказе и другие посланцы неба на пропитанной водой земле. Пока же Руся ведет себя с героем как настоящая русалка — хохочет и брызжет водой «с мокрой руки прямо ему в глаза». Вследствие столь колдовского ма-

⁴⁴ Гура А.В. Насекомые // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М., 2004. Т. 3: К–П. С. 370.

⁴⁵ Эту подробность Бунин добавил в «телешовский» том «Темных аллея», твердо приписав к печатному тексту: «и полно пиявок».

⁴⁶ В том же «телешовском» томе изменилось и это описание: как и у Жуковского (см. ниже), небо было олицетворено. Если в американском томе «Темных аллея» было напечатано «в котором отражалось небо», то затем описание меняется: «в которую уходило отраженное небо с облаками».

⁴⁷ Дождь «содержит первоначальную и очевидную символику оплодотворяющего начала и относится к общему символизму жизни и воды». Кроме того, дождь «льется с небес», откуда протекает его «общность со светом» (Керлот Х.Э. Словарь символов. М., 1994. С. 179).

невра герой, «не понимая, что делает, поцеловал [ее] в хохочущие губы». После этого поцелуя и признания в любви — но не на озере, а в саду, как водится⁴⁸, — герои и «стали плавать по ночам».

Но это не просто прогулки. Выйдя на свидание с пледом и просто объяснив его назначение («нам же будет холодно»), Руся движется к определенной цели: «Ну, скорей садись и гребки к тому берегу...» Переправа на лодке на другой, лесной берег, молчание, в котором эта переправа совершается, уже описанные много выше особенности этого передвижения (гребля одним веслом), любовная близость, в которой осуществляется таинство брака, а затем купание обнаженной Руси, как ритуальное омовение, — за всем этим скрывается подлинная мистерия⁴⁹. Купание, разумеется, имеет очистительный смысл, но купание является и «характерной чертой поведения мифологических персонажей»⁵⁰. Гораздо насыщеннее символика и метафорика «переправы», связанной с преодолением границы между миром живых и миром мертвых, с переходом в иной социальный или семейный статус. (Руся утверждает: «Теперь мы муж с женой»; повествователь подхватывает: «Каким совсем новым существом стала она для него!») Преодоление водной преграды для Руси означает уход из родного дома и от матери, которая «ревнива до безумия», к возлюбленному, сам «мотив преодоления водной преграды символизирует заключение брака»⁵¹.

На своей, «домашней» стороне Русю преследуют лягушки, ужи, пиявки, комары; известна, между прочим, сказка о девушке, вышедшей замуж за ужа, — его царство очень похоже на описание «скудной местности» в бунинском рассказе⁵². Руся при виде ужа обнаруживает не просто девичий, а подлинно мистический страх, слишком непомерные проявления которого были Буниным вычеркнуты — «пепельно-бледная», героиня «передохнула» и «облегченно сказала»: «Ох, как я испугалась!» (л. 9). Но и в оставленном варианте Бунин очень подробно описывает ее реакцию: «дико взвизгнула», «топала ногами» и кричала: «Уж! Уж!» — а пос-

⁴⁸ Описание сада дано в самом начале «обыкновенной дачной истории»: «некоторое подобие сада, за садом не то озеро, не то болото»; затем сад упомянут лишь дважды — в нем происходит объяснение в любви и из него сбегает, едва не нарушив близости героев и деликатно удалившись, удивительной масти петух, к которому мы еще обратимся. Сад — это «символ сознания, противопоставляемого лесу как бессознательное», он находится в ограде, а ограждение — это женский атрибут, героя вызывает в сад для объяснения сама Руся (см.: *Керлот Х.Э. Словарь символов*. С. 450). Но сад в рассказе находится на берегу озера, за которым — лес, место тайных свиданий героев: ведь их связь не ведет к браку и, значит, отделяется от символики дома, сада, ограды.

⁴⁹ Бунин, которого упрекают за бытовизм, за ненужные детали, одну безусловно ненужную деталь из текста рассказа последовательно удалил: отправляясь на ночную прогулку по озеру, Руся намеревается купаться и является с полотенцем (иногда оно названо «полотенцо»), да еще и обсуждает его утилитарное назначение с героем. Но какие могут быть мистерии с полотенцами? И «бытовая» деталь безжалостно была из повествования вычеркнута, а вместе с нею и само действие — в окончательной версии герой помогает Русе не «вытереться», а «одеться» (л. 12–13).

⁵⁰ *Агапкина Т.А. Купание // Славянские древности: Этнолингвистический словарь*. Т. 3: К–П. С. 51.

⁵¹ *Плотникова А.А. Переправа через воду // Там же*. Т. 4: П–С. С. 11–13. Ср. с упомянутой выше ритуализованной личной гигиеной «цивилизованного», состоящего в законном браке человека — «умылись, почистили зубы», разошлись по отдельным свежестеленным кроватям.

⁵² Там же. С. 12.

ле расправы над ужом «облегченно передохнула: — Ох, какая гадость. Недаром слово ужас происходит от ужа. Они у нас тут повсюду, и в саду, и под домом...».

На противоположной, лесной стороне страхи Руси напрасны, хотя боится она не реальных, а мифических зверей: «Все казалось, что кто-то есть в темноте прибрежного леса, молча тлеющего кое-где светляками, — стоит и слушает. Иногда там что-то осторожно шуршало. Она поднимала голову: — Постой, что это? — Не бойся, это, верно, лягушка выползает на берег. Или еж в лесу... — А если козерог? — Какой козерог? — Я не знаю. Но ты только подумай: выходит из лесу какой-то козерог, стоит и смотрит...» Реплики героя о лягушке и еже подвергались правке, переписыванию, Бунин искал верный тон, точное слово для обозначения поведения животного («пробирается к берегу» было вычеркнуто, как мало подходящее к передвижению лягушки, л. 14). Но козерог появился в тексте сразу, весь диалог был написан начисто без помарок.

Мифическое животное козерог, имеющее переднюю часть тела горного козла, а заднюю часть — в виде длинного гибкого рыбьего хвоста, славянской мифологии не знакомо. Генетически, впрочем, козерог восходит к козлу⁵³, а тот, в свою очередь, в древних представлениях был связан с божествами грозы (символ тучи, скрывавшей молнии Зевса в античной мифологии, а в индоевропейском сознании — зооморфный символ молнии, грома)⁵⁴. Итак, наполовину козел, в котором образно скрыта гроза, а наполовину — водное существо, рыба, — козерог тесно связан все с той же водной стихией, в которой так вольготно чувствует себя Руся. Значение оберега, которое «сухопутный» козел приобретал в славянских поверьях, и водная сущность второй составляющей козерога заставляет увидеть в нем скорее сообщника Руси, тайно защищающего ее тайный брак. Гроза же разразится над героями не в лесу и не на ночном болоте, а в доме, за мирным чтением старой подшивки журнала «Нива» — возможно, это название выбрано Буниным не случайно, оно знаменует собой неотвратимость возвращения от языческих водных соблазнов к земной, крестьянской (т. е. христианской) жизни.

Но таинственный «козерог» прямо соотносим и с зодиакальным созвездием Козерога (Capricornus), лежащим в южном небесном полушарии. В нем нет ярких крупных звезд, но 54 его звезды видны невооруженным глазом. Употребленное Русей слово — «выходит» — вполне может относиться и к поднимающемуся над лесом созвездию (ср. «вышел месяц»). Интересно, что Альфа Козерога — главная звезда в созвездии — двойная, ее можно наблюдать в бинокль — как в бинокль герой любит журавлями; описание у Брокгауза и Ефрона как раз и основано на зрительном созерцании — «звезда и ее спутница, обе светло-желтого цвета»⁵⁵. Лучше всего это созвездие в средней полосе России наблюдать в июле и августе; события в «Русе» разворачиваются в июне — июле. В античности созвездие именовали «рыба-коза» и в соответствии с этим изображали на картах звезд-

⁵³ На первой русской звездной карте, составленной по указанию Петра I в 1699 г. И.Ф. Копиевским, созвездие значится как Козел, или Козерожек.

⁵⁴ См.: Белова О.В. Козел // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М., 1999. Т. 2: Д–К. С. 524.

⁵⁵ Энциклопедический словарь. СПб., 1895. Т. 15. Полутом 30. С. 599.

ного неба. Эта двойственность десятого знака зодиака аллегорически связывалась с дуалистической направленностью жизни, устремленной, с одной стороны, к бездне (водной пучине), но с другой — к горным высотам⁵⁶.

Иногда козерог отождествляется с богом лесов, полей и пастухов Паном; его побаивается неотделимая от воды Русь, но не пугается ее возлюбленный, связанный с элементами земли (поэтому для него естественно приписать шорох в ночной темноте ежу). Связь с врубелевской картиной, экфрастически выявляемая в первой пейзажной зарисовке «скучной местности», становится еще более явственной, а обращение к изобразительному искусству, к живописи позволяет глубже осознать своеобразие бунинского «символического реализма» (самоопределение писателя). Так, в «Пане» исследователи творчества Врубеля видят одно из характернейших проявлений стиля модерн, «культивирующего на рубеже XIX–XX веков языческие пантеистические идеи», и улавливают его особенности в «слитности с природой», в «сплетении между собой растительных форм, пейзажа» и «лица и тела Пана»⁵⁷. Но особый эффект и этой картине, и ряду других полотен Врубеля («Богатырь», «Сирень», «Царевна Волхова») придавало переосмысление самого пейзажа — это больше «не фон, не место действия, а среда, в которой существует» центральный герой⁵⁸. Так, для Богатыря — «это родная ему стихия, из которой он сам вышел»; царевну Волхову «ночной пейзаж» позволяет увидеть как «часть оживающей в ночной час природы, живущей сейчас, когда люди спят, своей собственной скрытой днем жизнью»⁵⁹. По-новому к изображению природы подходили в русской живописи рубежа веков и В.М. Васнецов, и М.Н. Нестеров, но проза Бунина, несомненно, ближе всего исканиям мятущегося Врубеля. Казалось бы, гораздо ближе по содержанию к «Русе» васнецовская «Аленушка» (1881), пригорюнившаяся у лесного озера, заросшего сочной осокой, на фоне пушистого ельничка⁶⁰; к тому же Бунин был поклонником художника, переносившего на полотно былинно-сказочную русскую старину. Личное знакомство состоялось в 1900 г., но картинами Васнецова и раньше были инспирированы некоторые стихи Бунина, в частности «Витязь на распутье». Но у Васнецова сказочность иллюстративная, в ней есть «элемент стилизации, черты стиля “рюсс”»⁶¹; эту внешнюю декоративную сторону обыгрывает и Бунин, приоткрывая только ее жене героя: «Тоже, значит, в русском стиле?» (реплика о сарафане) — и не позволяя заглянуть в таинственную суть вещей. Еще более чужда Бунину типично нестеровская религиозная умиленность в «раскрытии души природы».

Бунин необычайно близок исканиям тех русских художников, для которых «национальное, русское есть не единственная, как для Нестерова, а одна из форм проявления “души природы”». В частности, скульптор С.Т. Коненков стремился

⁵⁶ См.: Керлот Х.Э. Словарь символов. С. 248.

⁵⁷ Коган Д.З. М.А. Врубель. М., 1980. С. 294.

⁵⁸ Федоров-Давыдов А. Природа и человек в искусстве Врубеля. С. 29.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Кстати, написана картина в Абрамцеве, т. е. тоже в Подмосковье, но по северному направлению от столицы.

⁶¹ Коган Д.З. М.А. Врубель. С. 285.

согласовать в пластике античность с народными русскими истоками, а Пан Врубеля сочетал «славянского лешего с античным богом лесов»: Врубель «объединяет античную и русскую мифологию в своем образе Пана, который должен олицетворять эту “душу природы” вместо монашков, старцев и тихих отроков Нестерова»⁶². У искусствоведов есть и сугубо формальное объяснение того, как добивались художники такой органичной связи мифа, фольклора с предметной, хорошо узнаваемой в деталях действительностью, того, как «реальность, осязаемость нереального» заставляет воспринимать картину «едва ли не как традиционно “реалистическую»»⁶³. А. Федоров-Давыдов указывает, что само этюдирование с натуры (а «Пан» Врубеля именно так и написан) предполагало стремление к точности, к верному, буквальному воспроизведению линии, цвета, света, пропорции; центральный же персонаж был рожден фантазией художника. Когда Бунин был начинающим писателем и «этюдировал» с натуры, его «описания природы» популярностью не пользовались и славы ему не снискали. «Идет дождик, ну и что?» — недоумевал Лев Толстой⁶⁴. Искусствоведы уверенно обосновывают обычный в живописи неуспех подобных пленэрных зарисовок с натуры; удаchi — творчество К. Моне, например, — редкий случай. Громадная удача Бунина-художника состояла в самой страшной трагедии его жизни — изгнании. В эмиграции Бунин не имел возможности быть «пленэристом» по отношению к русскому пейзажу; в его послеволюционном творчестве этот пейзаж рожден напряжением памяти и творческим воображением. В узнаваемом русском пейзаже поздней прозы Бунина все отчетливее стало проступать символическое, мифологическое, литературное начало.

Как при разглядывании врубелевского полотна, так и при чтении «Руси» возникают мысли «о темной таинственности природы, ее стихийной внутренней жизни, о языческом божестве»⁶⁵. Но Бунин к тому же «оживляет» эту картину, заставляет таинственный мир двигаться под покровом сияющей ночи: «И стоял и не гас за чернотой низкого леса зеленоватый полусвет, слабо отражавшийся в плоско белеющей воде вдаль, резко, сельдереем, пахли росистые прибрежные растения, таинственно, просительно ныли невидимые комары — и летали, летали с тихим треском над лодкой и дальше, над этой по-ночному светящейся водой, страшные, бессонные стрекозы. И все где-то что-то шуршало, ползло, пробиралось...»

Однако если обитающий в лесу Пан остается невидимым, то у героини есть менее сказочные и все же удивительные товарищи — журавли. После дождя, после непостижимых в своих повадках стрекоз и таинственного козерога, одновременно устремленного в водную пучину и в заоблачные выси, появляются очередные, быть может, самые главные посланцы небес в мире находящейся в «земной неволе» воды. Герой не забыл обо всех странностях того «удивительного лета», и пара журавлей вспоминается ему тоже как «странная». Огорчительно, когда столь тонкий интерпретатор бунинской прозы, как О.В. Сливичкая, не просто прохо-

⁶² Федоров-Давыдов А. Природа и человек в искусстве Врубеля. С. 31–32.

⁶³ Герман М.Ю. Михаил Врубель. С. 110.

⁶⁴ Ср. с известным пересказом отзыва Л.Н. Толстого о ранних опытах Бунина: *Гольденвейзер А.Б.* Вблизи Толстого. М., 1922. Т. 1. С. 89.

⁶⁵ Коган Д.З. М.А. Врубель. С. 285.

дит мимо многозначной символики бунинской детали, но старательно доказывает, что все «избыточные» подробности вводятся Буниным в повествование «просто так». Определенная бессознательность в акте творчества, безусловно, присутствует, но все же не настолько, чтобы отказывать писателю в осмысленности создаваемого им: «Чаще всего эти детали связаны с сюжетом слабо или не связаны совсем»⁶⁶. Особенно исследовательница недовольна «Русей»: «...в этой новелле из 10 страниц одна занята описанием журавлей, которые вспомнились *почему-то*. Они не имеют никакого отношения к событиям, ничего не проясняют в психологии героя, и никакого символического значения в них увидеть невозможно»⁶⁷. А ведь не случайно Сливацкая называет эту «деталь» — описание журавлей — «сверхкрупной»: Бунин придавал ей немаловажное значение.

Исследовательница находится в плену толстовской поэтики, сковывающем непродвинутом взгляде на бунинскую прозу. Ее занимает своеобразие бунинского психологизма, потому что это одно из ключевых понятий в художественном мире Толстого. Но Толстой дает тот или иной срез жизни, и душа человека ему интересна как сплетение различных, порой противоположных эмоций, стремлений, желаний, при том что сам человек не существует для Толстого в отрыве от семьи, общества, народа, страны, истории. Но разве таковы бунинские герои? Их мифологическая и литературная предыстория куда важнее их социального статуса, а мир окружающей их природы для Бунина вообще приобретает первостепенную важность. Изучение автографа рукописи с правкой приводит к очевидному заключению: главное в бунинском психологизме было не выявлять мотивировки действий и поступков, вызванных душевными движениями, а, напротив, избегать всяческого аналитизма, истолкований и объяснений. Например (удаленные части фраз подчеркнуты): «...сказала она, стараясь быть равнодушной» (л. 3); «Он помолчал и, видимо вспоминая то лето небрежно сухо ответил» (л. 5); или: «...он не спал, лежал, курил и с непрекращающейся тоской в мыслях и в душе мысленно смотрел в то лето... видел его все живее» (л. 6). Объяснения душевного состояния разрушают поэзию «мимолетного видения», делают взгляд на описываемое явление одномерным и плоским. Кажущиеся лакуны наполнены сдержанной, а не рационально выложенной перед читателем на блюдечке эмоцией; чем больше «пропусков» в авторских пояснениях, тем напряженнее наполненное затаенными смыслами повествование.

Датой создания рассказа «Руся» принято считать 1940 г., под этой датой его публикуют в собраниях сочинений писателя. «Руся» почти целиком написана за неделю, автограф подписан датой «20–27.IX.40» (л. 16). Х. Реезе, со ссылкой на автограф рукописи, хранящийся в РГАЛИ, и на дневниковую запись, указывает — как это принято и в изданиях Бунина — только эту дату в «Приложении I» своей монографии о «Темных аллеях»; вероятно, составленная исследовательницей таблица основана на описи, а не на знакомстве с автографом *de visu*⁶⁸. М. Грин,

⁶⁶ Сливацкая О.В. «Повышенное чувство жизни»: Мир Ивана Бунина. М., 2004. С. 170.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ См.: Reese H. Ein Meisterwerk im Zwielficht... S. 404.

издавая дневники Бунина, довольно путано сообщает по собственным догадкам, что у Бунина, «видимо, наступил период усиленной творческой работы. В записях коротко говорится, когда был написан тот или другой рассказ. Вероятно, все другое было опущено Буниным при переписке дневников или же вкратце включено в запись от 30-го октября»⁶⁹. Хотя из дальнейшего печатного текста никак не следует, когда были внесены уточняющие датировки целых 14 (!) рассказов, написанных за месяц с небольшим, Бунин коротко зафиксировал день начала и окончания работы над рассказом, от которого он отрывался для других произведений: «20.IX.40. Начал “Русю”. 22.IX.40. Написал “Мамин сундук” и “По улице мостовой”. 27.IX.40. Дописал “Русю”»⁷⁰.

Однако журавли были введены в текст рассказа *лишь два года спустя*, во вставке к «странице 16-ой» (л. 17–19 по архивной пагинации), вставке, написанной за один день — 23 августа 1942 г. (дата проставлена в верхнем правом углу л. 17). «Руся» уже успела выйти в первой книжке «Нового журнала» за 1942 г., что можно считать «первой редакцией» рассказа. Что подтолкнуло Бунина к его доработке уже после получения напечатанного текста? Бунинских дневниковых записей, даже если не брать во внимание купюры М. Грин, с момента начала войны Германии с СССР сохранилось очень немного, они редки, хотя по-прежнему наряду с военными сводками включают в себя изумительные по красоте и выразительности сжатые пейзажные зарисовки, а жалобы на нездоровье, на «безволие и безделье» перемежаются с лапидарными заметками о прочитанных книгах. Вставка к «Русе» написана «одним махом», практически только со стилистическими исправлениями, т. е. сразу сложился законченный эпизод. В первой редакции рассказ завершился тем же разговором рассказчика с женой, что и в окончательной версии, но следовал этот разговор непосредственно вслед за «позорным» изгнанием героя-рассказчика из усадьбы.

В новой версии композиция становилась зеркальной — по-прежнему светится сине-лиловый огонек над дверью купе, в повествование вновь вводятся птицы; но если в экспозиции это был тоскливо скрипящий дергач, то после рассказа-воспоминания появляется «пара каких-то никому неведомых журавлей» (л. 17), что составляет главную «странность» того удивительного, «сказочно-странного» лета. «Никому неведомые» будет вычеркнуто — слишком понятно, что никто из дачников и не мог водить знакомство с журавлями. Кроме, разумеется, Руси. Необходимость этого эпизода для рассказа на стадии его «дописывания» становится Бунину столь очевидной, что он сокрушенно восклицает (подчеркнутая часть фразы будет при работе над рукописью выпущена, возможно, именно как слишком авторская проговорка): «...как же он совсем было забыл о них!» (л. 17).

Журавли появляются на «прибрежье болота» время от времени, «благосклонные» только к Русе; ее одну они «подпускают» к себе (в рукописи хорошо читается вычеркнутое «совсем, совсем близко, вплотную», л. 7), а герой любит ее ими издалека. Журавли избавляют Русю от ужасающих ее гадов (герой рассматривает

⁶⁹ Устами Буниных... Т. 3. С. 71.

⁷⁰ Там же.

в бинокль «их костяные ноздри, скважины крепких, больших клювов, которыми они с одного удара убивали ужей»). В славянской мифологии журавли представлены слабо, лишь как заместители аистов, куда более популярных в фольклоре⁷¹. Бунин подчеркивает их внешнее сходство с Русей, словно это люди-журавли из старинных книг⁷² (у худой высокой Руси «выступают под тонкой... кожей кости», у птиц «трости ног не в меру длинны и тонки»; кстати, почти везде Бунин последовательно заменяет определение «худой» по отношению к Русиною конституции на «смуглый» или выпускает его вовсе — и только в финале рассказа обиженная жена героя напоминает о «костлявых ступнях дачной девицы»). Зато сама Руся уподобляется птице, когда она «мягко и легко разбежавшись к ним в своих разноцветных чуньках, вдруг садилась перед ними на корточки, распутивши на влажной и теплой зелени побережья свой желтый сарафан». Бунин этого подобия добивался сознательно: в рукописном автографе сохранился другой глагол, не так выразительно передающий сходство с разгоняющейся для взлета крупной птицей, — «подбежавши / подбежав» (л. 17). Но главное сходство — это глаза журавлей и самой Руси. Герой наблюдает (по-прежнему в бинокль) «прекрасные и грозные черные зрачки» журавлиной пары, а позже, словно происходит многократное увеличение и одновременно отражение, сама Руся «блестела ему в глаза радостными черно-зеркальными глазами». И в готовности отречься от своей водно-воздушной сущности признается, по-прежнему оберегая картуз героя, как талисман: «А я так люблю тебя теперь, что мне нет ничего милее даже вот этого запаха внутри картуза, запаха твоей головы и твоего гадкого одеколона!»⁷³

О журавлях известно также, что они прилетают с края света, «из Индии», где они зимуют⁷⁴. Осенью журавли уносят в мифическую землю Ирей, связанную с

⁷¹ Журавль — это «святая птица», добрый вестник. С журавлями связана «мужская эротическая символика клевания» (Гура А.В. Журавль // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 2: Д–К. С. 228–229). В «Русе» особенно тщательно «выделано» описание журавлиных клювов, но поскольку расправляется с ненавистным Русе ужом сам герой, то это ассоциативное средство усиливает скрытую мифологичность бунинского рассказа и эротическую соотнесенность двух пар — героев и журавлей.

⁷² Человек-журавль впервые упоминается в «Римских деяниях» (XIII в.) — сборнике новелл занимательного или даже анекдотического характера, сюжеты которых щедро использовали впоследствии Чосер, Боккаччо, Шекспир. Люди-журавли в «Римских деяниях» — обитатели Европы. Это люди, однако они имеют журавлиную голову, шею и клюв. См.: Левкиевская Е.Е. Мифы русского народа. М., 2003. С. 58.

⁷³ Кстати, работа над завершением этой фразы свидетельствует об очень тонком языковом чутье и мастерстве Бунина. Во-первых, первоначально написанное слово — «фиксатуар», хотя также французского происхождения, было слишком «дореволюционным», исчезнувшей реалией. Замена оказалась чрезвычайно удачной — слово «одеколон» прижилось в русском языке даже советских людей весьма прочно. Во-вторых, соединение уничижительного определения с иностранным словом, звучащим по-русски весьма неблагозвучно, финальную фразу «истории Руси» портило. И в-третьих, почему же Руся, такое природное существо, пользуется столь галлицизированным словом варваров людей иной, «культурной» породы? Вот именно поэтому: любовь ее так сильна, что даже «гадкий» чужеродный, пришедший из мира цивилизации запах она готова терпеть, если это запах возлюбленного. И еще одно: внутренняя форма собственно французского слова — eau de Cologne, «кёльнская вода», вновь отсылает к пропитавшей весь рассказ водной стихии.

⁷⁴ См.: Гура А.В. Журавль. С. 229.

древнейшими славянскими представлениями о «том свете», души умерших, а путь туда «лежит через воду». Руся обладает ярко выраженной восточной красотой, однажды — при встрече с ужом — даже эксплицитно названной «индийской»: «Она была бледна какой-то индусской бледностью, родинки на ее лице стали темней, чернота волос и глаз как будто еще чернее». Безусловно, индусская тонкость стана и сухость лодыжек, курчавость длинных «сухих и жестких» волос, неоднократно подчеркнутая смуглота брюнетки, колышущийся желтый сарафан, сходный с яркими, женственными сари и шальями индийских женщин, совсем смутно, тончайшей аллюзией напоминают героинь «Тысячи и одной ночи»: «В сумраке сказочно были видны ее черные глаза и черные волосы, обвязанные косой»⁷⁵. С какого прекрасного края земли явилась в облепленное комарами Подмоскovie эта принесящая с собой тропическую (ее слово!) погоду Маруся, с такой естественностью, откровенностью и бесхитростностью отдающая себя избраннику?

В прозе Бунина всегда бьют подспудные литературные ключи. В 1940 г., работая над «Русей», Бунин перечитывает среди прочего А.К. Толстого, которого всегда любил и цитировал, в частности в публицистических работах⁷⁶. Не только мировоззренчески, но и художественно Алексей Константинович Толстой был созвучен Бунину⁷⁷, прежде всего в восприятии земной человеческой любви как божественного мирового начала, особенно полно обнаруживающего себя в природе. От 1942 г. уцелело совсем мало записей, в том числе с впечатлениями от чтения стихов. В записи от 24 сентября 1942 г. упомянуты стихи Я.П. Полонского с признанием «превосходными» лишь одной десятой из них⁷⁸; 18 апреля 1943 г. другая запись: «Перечитывал стихи А.К. Толстого — многое удивительно хорошо...»⁷⁹ Но как часто Бунин в военные годы брал в руки томики Алексея Константиновича Толстого — уточнить без изучения дневников и массива подготовительных материалов (выписок, набросков и пр.), хранящихся в Лидсе, невозможно.

Показательно, что в материалы большого тома «О Чехове», над которым Бунин работал до конца жизни и который В.Н. Бунина издала после смерти Ивана Алексеевича (1954), не вошла насмешливо-негативная чеховская оценка поэзии А.К. Толстого, приведенная в бунинском некрологе «Чехов» (1904). Как и некоторых современников А.К. Толстого, Чехова отталкивала известная театральная броскость, эффектность иных лиро-эпических образов, показавшихся

⁷⁵ Между прочим, Руся как хозяйка подает к столу только постные блюда, что, несомненно, связано с безденежьем, но, возможно, и с известным вегетарианством индусов.

⁷⁶ В записях, сделанных в 1919 г. в Одессе и вошедших в «Окаянные дни», под 24 апреля цитируются в сокращении следующие слова А.К. Толстого: «И когда я думаю о красоте нашего языка, когда я думаю о красоте нашей истории до проклятых монголов... мне хочется броситься на землю и кататься в отчаянии от того, что мы сделали с талантами, данными нам Богом!» (Толстой А.К. Собр. соч.: В 4 т. М., 1964. Т. 4. С. 281).

⁷⁷ Уже в статье 1910 г. «Ранняя осень. (Поэзия и проза И.А. Бунина)» А.А. Измайлов, помимо привычных имен — И.С. Тургенев, А.П. Чехов — называет А.К. Толстого среди литературных «поручителей» Бунина (см.: Иван Бунин. Pro et contra... С. 308).

⁷⁸ См.: Устами Буниных... Т. 3. С. 142.

⁷⁹ Там же. С. 151.

ему «оперными»⁸⁰. Любя и ценя обоих авторов, Бунин в поздние годы предпочел не упоминать это мнение, оградив от него репутацию все более близкого ему А.К. Толстого⁸¹.

Исследователи поэтического наследия А.К. Толстого особенно подчеркивают его «исключительную привязанность ко “всему земному”, любовь к родной природе и тонкое ощущение ее красоты»⁸², столь свойственные и Бунину. Наблюдая за природой, А.К. Толстой был еще и глубоко ей верен, в звуках и красках передавая явления той же самой среднерусской природы, которая так щедро представлена и в творчестве Бунина, в частности в «Русе». Так, в полном соответствии с положениями одонатологии — науки о стрекозах — эти украшающие лето дневные насекомые описаны в балладе «Алеша Попович» (1871): «Видишь там, где тот откос, / Как на солнце быстро блещут / Стаи легкие стрекоз». В одной из баллад, которую в окончательной редакции поэт оставил незавершенной, запечатлено и самое знаменитое в русской литературе явление стрекоз: «Где гнутся над омутом лозы, / Где летнее солнце печет, / Летают и пляшут стрекозы, / Веселый ведут хоровод...» (1861). Зовущие ребенка в свой круг, прельщающие своей красотой и обещающие научить летать, «легкокрылые стрекозы» (названные так в «Алеше Поповиче») в более длинной допечатной версии стихотворения заманивали дитя в омут и топили. С большой долей уверенности И.Г. Ямпольский полагает, что Толстой увидел в заключительных строфах «известную переключку с “Лесным царем” Гёте в переводе Жуковского и потому отсек их»⁸³. С тех пор баллада обрывается дразнящей картиной: «Смотри, какой берег отлогий, / Какое песчаное дно!»

Поэзия часто находит источник в себе самой. Трудно предположить, что бунинские «страшные» ночные стрекозы на болоте появились без оглядки на это стихотворение Толстого. При всей независимости, возможно, уникального наблюдения за нетипичным поведением стрекоз (типично оно именно у Толстого), Бунин подспудно помнит о соблазне, с каким утягивают земное дитя в воду толстовские стрекозы. Ведь и А.К. Толстой в поэтическом творчестве испытывал те или иные, иногда для него слишком очевидные и нежелательные влияния, как показывает вышеприведенный пример с сокращением стихотворения. Исследователи — что только подтверждает тесную связь и взаимообогащение во внутрилитературном пространстве — отмечают «воздействие лирики Пушкина на некоторые пейзажные стихотворения Толстого, сказавшееся в точности и ясности деталей», а иногда — даже в прямом их повторении⁸⁴. Однако, в отличие от эмиг-

⁸⁰ См.: Бунин И.А. Чехов // Бунин И.А. Полн. собр. соч.: В 6 т. Пг., 1915. Т. 6. С. 292. См. также в этой связи письмо Н.Д. Телешова Бунину (Литературное наследство. Т. 84: Бунин. Кн. 1. М., 1973. С. 557–558).

⁸¹ О том, что приведенные слова Чехова «вошли в оборот» с его легкой руки, Бунин знал хотя бы из рецензии И.Ф. Анненского 1910 г. на свои сочинения; очерк «Чехов» показался рецензенту «любопытным по некоторым литературным отзывам покойного писателя (напр., о гр. Ал.К. Толстом)» (цит. по: Иван Бунин. Pro et contra... С. 303).

⁸² Ямпольский И.Г. А.К. Толстой // Толстой А.К. Полн. собр. стихотворений и поэм. СПб., 2006. С. 23.

⁸³ *Он же*. Примечания // Там же. С. 622.

⁸⁴ Там же.

рантской прозы Бунина, писались эти «погруженные в природу» стихи не столько после прочтения Пушкина, сколько, как в случае с «весенними» стихами, «под впечатлениями от молодой природы, до или после прогулок в лес, весь наполненный криком журавлей, пением дроздов, кукушки и всяких болотных птиц»⁸⁵.

Как впоследствии Бунин, А.К. Толстой явно «пристрастен» к журавлям. Сначала они появляются в его лирике как часть пейзажа; так, в «Кургане» (1840-е гг.) дальность их перемещения в пространстве сопряжена с безмерностью исторического времени: «Порой журавлиная стая, / Окончив подоблачный путь, / К кургану шумит подлетая, / Садится на нем отдохнуть». Позже в его стихах за этими птицами, в полном соответствии с народной традицией, закрепляется роль добрых вестников. Например, в стихотворении «На тяге» (1871): «Вот донеслась еще из дальнего болота / Весенних журавлей ликующая нота». В более раннем и тоже «весеннем» («мажорном», по самоопределению поэта) стихотворении прекрасного «натуралиста» вновь подчеркнута несущее обновление курлыканье журавлей: «Вот уж снег последний в поле тает, / Теплый пар восходит от земли, / И кувшинчик синий расцветает, / И зовут друг друга журавли» (1856). В знаменитой балладе «Сватовство» (1871) весенние птичьи голоса в «веселый месяц май» будто бы мешают поэту разобрать ответы дочерей князя Владимира на сватовство двух влюбленных богатырей; в строфе 59-й упомянуты и журавли: «И звонко так в болоте / Кричали журавли, / Что мы, при всей охоте, / Расслышать не могли».

К стихотворению Алексея Константиновича Толстого «Цыганские песни» (1840-е гг.) тянутся многие образные нити рассказа «Руся», включая и имя главной героини. Речь в стихотворении идет о том, как в распевы прикочевавших из Индии цыган органично вплетаются приметы далеких земель, впечатления странствий и одновременно очень русские чувства и звуки; не забыты и журавли. Бунин, совершивший в предреволюционные годы путешествие в Индию и на Цейлон, всегда помнил ошеломляющую экзотическую красоту этих далеких краев и с чувством жгучей потери сокрушался на исходе лет, в военной Франции, что никогда больше далекие земли не увидит⁸⁶. Некоторые мотивы стихотворения А.К. Толстого угадываются в «Русе», наполненной стихийным древнеславянским язычеством и жгучими воспоминаниями о полудетской, радостной утраченной любви. Приведем это стихотворение целиком:

Из Индии дальней	В них голос природы,
На Русь прилетев,	В них гнева язык,
Со степью печальной	В них детские годы,
Их свyksя напев,	В них радости крик;

⁸⁵ Письмо А.К. Толстого Б.М. Маркевичу цит. по: *Ямтольский И.Г.* А.К. Толстой. С. 31.

⁸⁶ «Вот, кажется, теперь уже несомненно: никогда мне не быть, например, на Таити, в Гималаях, никогда не видать японских роц и храмов и никогда не увидеть вновь Нила, Фив, Карнака (М. Грин разобрала ошибочно и напечатала бессмысленное “Карпана”. — Т.М.), его руин, пальм, буйвола в грязи, затянутого илом пруда... Никогда! Все это будет существовать во веки веков, а для меня все это кончено *навсегда*. Непостижимо» (Устами Буниных... Т. 3. С. 44. Запись от 17 апреля 1940 г. «Руся» датирована 27 сентября того же года).

Свободные звуки, Журча, потекли, И дышат разлукой От лучшей земли.	Желаний в них знойный Я вихрь узнаю, И отдых спокойный В счастливом краю,
Не знаю, от куда ль Их нега звучит, Но русская удаль В них бьет и кипит;	Бенгальские розы, Свет южных лучей, Степные обозы, Полет журавлей,

И грозный шум сечи,
И шепот струи,
И тихие речи,
Маруся, твои!

Соединение Индии (облик героини) и Руси (ее имя), водная метафорика («журчащие» звуки, «удаль бьет и кипит», «шепот струи») наряду с иными мотивами, так или иначе реализованными в рассказе Бунина («детские годы», «радости крик», «знойные желания» и «спокойный отдых в счастливом краю»), наконец, «тихие речи Маруси» не являются, конечно, простым совпадением. Даже «гром сечи» находит соответствие как в профессии отца героини — Виктора, отставного военного, так и в чтении героем «Истории французской революции» под замечание героини: «Я и не знала, что у нас в доме оказался революционер!»; но главное — в схватке героя с обезумевшей матерью Руси, стреляющей из пистолета, а затем разбивающей герою в кровь лицо. А с журавлями связано в рассказе Бунина «Руся» воспоминание о счастливой поре любви, и не случайно эпизод общения с журавлиной парой бунинской Маруси в вязаных из «разноцветной шерсти» чуньках, русской девушки с индийским — или, быть может, цыганским? — обликом, помещен композиционно уже после «изгнания» героя из его болотистого рая. Чета журавлей неразлучна, а героев уже разделяет водная преграда, предвещающая грядущие разрыв и расставание в момент абсолютного счастья. Впрочем, преграда возникает и раньше, когда героиня бежит к журавлям, а герой наблюдает за ними в бинокль.

В самой Русе, как и в журавлях — живущих на болотах перелетных птицах, — соединены две стихии. Одна из них в рассказе реализована, это обитание на болоте; другая — это желание вырваться, улечь. Едва рассказ после экспозиции с остановившимся поездом переместился в усадьбу, возникло и чрезвычайно важное слово: горизонт. Его нет в этой болотистой местности, но все-таки из одной точки в доме его можно наблюдать — из мезонина. Там героиня бывает днем — «после обеда она уходила к себе в мезонин»; первоначально в рукописи комната Руси не совпадала с тем единственным местом, откуда можно было наблюдать, как земля соединяется с небом, между пространствами «к себе» и «мезонин» стоял раздельный союз «или» (л. 7). Мезонин, где обитает героиня, разделяет две равно близкие ей, но неравноценные стихии, а противопоставленные (самой природой) жи-

вотные — внушающие ужас земноводные ужи и прекрасные неведомые журавли, их уничтожающие, — символизируют для нее необходимость находиться на земле, «в неволе» и стремление улететь, «на волю». В первоначальной трактовке образа Руси эта ее устремленность прочь из дома, из семьи была выражена откровеннее. «В сущности она была совсем еще девчонка» (л. 7), — признает четверть века спустя герой-рассказчик. Именно по-детски, еще до сближения с героем, в момент объяснения в любви Руся заявляет: «Я решила непременно выйти за тебя замуж» (л. 12); выйти замуж — стало быть, «непременно» покинуть дом. Между тем от бунинских любовных историй можно ожидать чего угодно, кроме банальных развязок.

Две сцены в рассказе о любви — о ее феерическом начале и о «безобразном, с позором» финале — связаны между собой символически многозначным образом «вещей птицы» — петуха, который может послужить ключом к пониманию кульминационной катастрофы. Народная традиция наделяет петуха одновременно солнечной, огненной и хтонической символикой, «способностью противостоять демонической силе и в то же время демоническими свойствами». Эта двойственность мифической природы петуха как раз и проявляется в бунинском рассказе. Символика петуха мотивируется его окраской, и «черному с металлически-зеленым отливом петуху в большой огненной короне» отчетливо присуща солнечная символика (поскольку пение петуха возвещает начало нового дня и разгоняет мрак), и тем самым «в оппозиции свет — тьма эта роль петуха делает его противником темных сил: крику петуха приписывается способность прогонять нечистую силу, болезни, устранять влияние смерти. <...> В заклинательных формулах заговоров болезни отсылают в места, где “петух не поет”»⁸⁷. Петух, помимо прочего, еще и опекун домашнего хозяйства; на даче, где жил бунинский герой, Руся днем «занята по хозяйству — весь дом был на ней». Богата мужская символика петуха, и широко были распространены обряды с его участием в честь мальчиков, вступающих в зрелую мужскую пору. В свадебном обряде брачная и эротическая символика петуха представлены еще шире; петух участвовал также в обрядовых действиях по случаю состоявшейся дефлорации и украшал стол наутро после свадебного пира. И неурочное пение, и молчание петуха сулило недоброе⁸⁸.

За распахнутыми в ливень окнами одни бодрствуют «в потемневшем доме, [где] все спали после обеда», бунинские герои⁸⁹. Стоит напомнить очевидную символику оплодотворяющего начала, воплощенную в дожде; но дождь льется с небес, и в этом его явная общность со светом⁹⁰. Руся, в неизменной власти воды, прибежала вся мокрая, и герой «кинулся разувать и целовать ее мокрые узкие ступни». Но тут

⁸⁷ Гура А.В., Узеньва Е.С. Петух // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 4: П–С. С. 28–29.

⁸⁸ См.: Там же. С. 30–35.

⁸⁹ В экземпляре «Темных аллея», подготовленном Буниным к печати в России и отосланном Телешову, в «Русе» правка минимальна. Немногие вставки есть именно в разбираемой сцене: именно в этом экземпляре появилось указание «в потемневшем доме» и изменился глагол движения, обозначающий появление петуха — вместо «вскокивший» возникает «вбежавший» (Мемориальный кабинет Н.Д. Телешова (Москва). Фонд И.А. Бунина (без описи)).

⁹⁰ См.: Керлот Х.Э. Словарь символов. С. 179.

же является преследователь, и то, какой он вызывает испуг, обличает, что преследование Руси действительно есть, что оно ужасно и исходит, конечно, не от безобидной домашней птицы. Петух, «вдруг тоже вбежавший из сада со стуком коготков по полу в ту самую горячую минуту, когда они забыли всякую осторожность», ведет себя со скромной учтивостью: «Увидав, как они вскочили с дивана, он торопливо и согнувшись, точно из деликатности, побежал назад под дождь с опущенным блестящим хвостом...» Петух, которого так «страшно» испугались герои, возникает как добрый дух: оберегая Русю — хозяйку домашнего очага, он появляется в ту сокровенную минуту, когда герои особенно близки, и тем самым исполняет свою брачно-эротическую функцию, поощрительную для юной четы. Словно удовлетворенный дозором, замечательной масти петух скрывается — в стихии воды; но своим «деликатным» поведением, не возвестив громким победным криком о счастье героев — и не разбудив тем самым весь дом, — он словно и не обещает добра. Вбегает петух из сада (сфера сознательного) в дом (сфера ревнивой, преследующей Русю матери), словно с напоминанием, что это не лес (сфера бессознательного, тайных свиданий) и следовало бы быть осторожнее.

Между тем в народной демонологии облик петуха могут принимать и ведьмы. И в зеркально сходную «горячую» минуту уединения героев в доме, во время очередного признания героини в любви достигает своей цели подлинное преследование: «Вдруг послышались мягко бегущие шаги — и на пороге встала в черном шелковом истрепанном халате и истертых сафьяновых туфлях ее полоумная мать⁹¹. Черные глаза ее трагически сверкали. Она вбежала, как на сцену, и крикнула...» Этот эпизод — словно «оборотень» к происшествию с петухом (который, между прочим, сначала был назван в рукописи заурядно «пестрым», л. 7). Вместо стука коготков по полу (словно предварительное вежливое предупреждение о приходе) — «мягкие шаги», заставляющие вспомнить водящихся прямо под домом ужей (и вызываемый ими «ужас»), «черному с металлически-зеленым отливом» оперению петуха с «блестящим хвостом» точно соответствует «черный шелковый» халат с «длинными рукавами», а «огненной короне» — перевертышем — сафьяновые туфли⁹²; сафьян — тонко выделанная козловая кожа различной окраски, но вот обувь из нее, особенно откровенно восточного происхождения, была обычно красной (ср., например, «сафьянные красные сапоги» преобразившихся бурсаков в «Тарасе Бульбе» Гоголя). Солнечная символика сменяется демонической, естественной деликатности птицы противостоит грубо аффектированная театральность поведения и реплик «полоумной матери» героини: «Я все поняла! Я чувствовала, я следила! Не годяй, ей не быть твоею!» Петух молчит — а его антипод в облике обезумевшей женщины как раз издает пронзительные крики.

⁹¹ Сначала в тексте стояло «Вдруг в столовой послышались...» (л. 15) и т. д.: ведь именно в столовой пугающе поигрывала ножиком эта жутковатая особа.

⁹² Не только детали одежды, но и обуви приобретают в этом рассказе неслучайные черты: вязаные, промокающие чуньки Руси, мягкие сафьяновые туфли ее матери и, с другой стороны, картуз героя, который надо оберегать от влаги (убегает от дождя и петух в «короне»). Миры накладываются друг на друга, представители местной фауны, как в сказках, неотделимы от людей-персонажей.

При всей опереточной ненатуральности произнесенных слов они невольно проясняют смысл всё заполонивших ужей и невидимых соглядатаев в ночном лесу. Обвинения в адрес героя, тоже звучащие идиотской цитатой из «трагической» пьесы — так предпочитал изъясняться трагик Несчастливцев в «Лесе» Островского, — оказываются более резонными, если представить пропасть между Русей и героем не в социальном, а в мифологическом смысле непроницаемости разных миров (стихий). Рассуждая о неизбежности катастрофы в «Темных аллеях», следующей за кратким счастьем, Ю.В. Мальцев замечает, что в любви «человеку дается на миг заглянуть в инобытие, причем дважды: выйти из индивидуальности во Всеединство и из земного бытия в метафизическое подлинное бытие. Плотская чувственная любовь служит мостиком в иные миры»⁹³. Для Бунина она означает возможность заглянуть в «туманно-голубую бездну Мифа»⁹⁴. Стоит вспомнить самую прекрасную из всех мифологий — античную греческую, чтобы осознать, каким ужасом и кровью были наполнены голубые туманы прекрасной зари человечества, когда формировались его представления о мироздании и своем месте в нем.

Дальнейшее действие рассказа, при всем неправдоподобном трагикомизме происходящего, неожиданно возвращает нас к одной из первых реплик взрослого героя («я застрелился»): «И, вскинув руку в длинном рукаве, оглушительно выстрелила из старинного пистолета, которым Петя пугал воробьев, заряжая его только порохом. Он, в дыму, бросился к ней, схватил ее цепкую руку. Она вырвалась, ударила его пистолетом в лоб, в кровь рассекла ему бровь, швырнула им в него и, слыша, что по дому бегут на крик и выстрел, стала кричать с пеной на сизых губах еще театральнее: — Только через мой труп перешагнет она к тебе! Если сбежит с тобой, в тот же день повешусь, брошусь с крыши! Негодяй, вон из моего дома!» Работая над рукописью — рассказ создавался целую неделю, рукопись демонстрирует разный цвет и густоту чернил, карандашную правку, — Бунин даже сократил нарочитую бутафорскую театральность сцены («Гостиния потонула в дыму», «Он, в пороховом дыму...»; л. 15) и неправдоподобно-аффектированную декламацию сумасшедшей («Клянусь прахом моей матери, меня ничто не удержит!»; л. 16). Последняя реплика, вычеркнутая в окончательном тексте, могла вызвать известное недоумение — не пришлось ли некогда и этой «княжне с восточной кровью» переступить «через труп матери»? Болезнь, смерть, угрозы внезапно утрачивают какой бы то ни было налет комизма, когда героиня, внезапно превратившаяся в Марию Викторовну, сделала выбор: «Вы, вы, мама...»

«Он очнулся, открыл глаза...» — продолжается повествование. Бунинское искусство композиционного размещения эпизодов предполагает соединение разновременных планов, имеющих большую соотнесенность между собой, чем последовательное развитие событий. В какой момент очнулся рассказчик — в спальном вагоне мчащегося к морю и солнцу поезда или тогда, когда, изгнанный и преданный, осознал непоправимость утраты? В его воспоминаниях кроме любви

⁹³ Мальцев Ю.В. Иван Бунин. С. 337.

⁹⁴ Там же. С. 12.

к Русе и благодарности за подаренное счастье нет горьких чувств — обиды, оскорбленного самолюбия, мстительности, в отличие от процитированной в финале рассказа восьмой песни Катулла⁹⁵: римский поэт, сокрушаясь о неверности возлюбленной и призывая себя к стойкости и смирению, жаждет увидеть ее страдающей и угрызающей⁹⁶.

Знакомство Бунина с восьмой песней Катулла к Лесбии («*Miser Catulle...*» — «Бедный Катулл...») очевидно касалось всего стихотворения, а не только поразившей его и выписанной строки⁹⁷. Ведь вся дачная история любви обрывается без объяснений, что стало с героиней дальше; Катулл задается именно теми вопросами, которыми вправе задаваться как сам герой, отвергнутый Русей по воле «полоумной» «ревнивой» матери, так и читатель рассказа: «Кто придет к тебе теперь? Кто назовет прекрасной? Кого ты будешь любить? Чьей назовешься? Кого целовать будешь, кому кусать губы?»⁹⁸ И у Бунина поцелуи обрамляют первую ночь героев, но не вакхически страстные, а беспредельно нежные: «...вчера мы целовались как-то бестолково, теперь я сначала сама поцелую тебя, только тихо, тихо. А ты обними меня... везде... <...> Она нежно, едва касаясь, целовала его в края губ»; «Он больше не смел касаться ее, только целовал ее руки и молчал от нестерпимого счастья»⁹⁹.

Известно несколько русских переложений обращенной «к самому себе» восьмой песни Катулла, но более всего созвучен с бунинским рассказом перевод, осуществленный С.В. Шервинским в тесном сотрудничестве с консультантом — М.Л. Гаспаровым. Приведем целиком этот перевод, обнаруживающий изумительную типологическую общность между античными любовниками с их чувствами в описании Катулла и героями поздней бунинской прозы:

⁹⁵ Собственно, единственной процитированной из нее строки: «*Amata nobis quantum amabitur nulla*» («Возлюбленная мною, как не будет любима никакая другая»). Как и прочие любовные стихи Катулла, эта песня обращена к Лесбии: под этим именем Гай Валерий Катулл (84–54 до н. э.) воспевал в стихах свою возлюбленную Клодию, называя ее в честь высоко ценимой им древнегреческой поэтессы Сапфо (жительницы острова Лесбос в Эгейском море). В комментариях к рассказу «Руся» в изданиях Бунина источник латинской цитаты не называется.

⁹⁶ «*Nunc iam illa non vult: tu quoque impotens noli, / nec quae fugit sectare, nec miser vive, / sed obstinata mente perfer, obdura. / Vale puella, iam Catullus obdurat, / nec te requirit nec rogabit invitam. / At tu dolebis, cum rogaberis nulla*» («Теперь она уже не хочет — брось и ты о ней мысли, бессильный, не гоняйся за убежавшей, не убивайся, но скрепи свое сердце и будь тверд. Прощай, дева, нынче Катулл тверд, не будет тебя преследовать, ничего у тебя просить. Сама огорчишься, когда никто тебя ни о чем не попросит»).

⁹⁷ Среди фрагментарных заметок и выписок, сделанных на самых разнородных мелких обрывках бумаги и хранящихся ныне в Бунинской коллекции Русского архива в Лидсе, на одном из клочков уцелела часть фразы из рассказа «В одной знакомой улице» (1944): «...с твердевшим незрелой земляничкой кончиком, охватывал голое бедро...» (в печатный текст фраза вошла с изменениями: «...и губы ее уже горели, как в жару, когда я расстегивал ее кофточку, целовал млечную девичью грудь с твердевшим незрелой земляничкой острием...» (отточие отмечает авторский конец предложения). За собственным незаконченным наброском следует цитируемая в «Русе» латинская строка с указанием: «*Catullus, VIII*» (РАЛ, MS. 1066/715-19).

⁹⁸ «*Quis nunc te adibit? cui videberis bella? / Quem nunc amabis? Cuius esse diceris? / Quem basiabis? Cui labella mordebis?*»

⁹⁹ В «телешовском» томе вычеркнуто еще одно определение, слишком очевидно соотносимое с физической стороной этого счастья: «тупого, нестерпимого счастья».

Катулл несчастный, перестань терять разум,
И что погибло, то и почитай гиблым.
Еще недавно были дни твои ясны,
Когда ты хаживал на зов любви к милой,
Которую любил я крепче всех в мире.
Вы знали разных радостей вдвоем много,
Желания ваши отвечали друг другу.
Да, правда, были дни твои, Катулл, ясны.
Теперь — отказ. Так откажись и ты, слабый!
За беглой не гонись, не изнывай в горе!
Терпи, скрепись душой упорной, будь твердым.
Прощай же, кончено! Катулл уж стал твердым,
Искать и звать тебя не станет он тщетно.
А горько будет, как не станут звать вовсе...
Увы, преступница! Что ждет тебя в жизни?
Кто подойдет? Кого пленишь красой поздней?
Кого любить ты будешь? Звать себя чьею?
И целовать кого? Кого кусать в губы?
А ты, Катулл, решишь, отныне будь твердым¹⁰⁰.

У Катулла Лесбия выступает как пассивный предмет его lamentаций; у Бунина Руся исчезает из жизни героя, казалось бы, бесследно. Памятная «дачная история» кажется из дали мчащихся, как скорый поезд, лет наваждением: «...все с той же неуклонно рвущейся вперед быстротой неся, пружиня, качаясь, вагон. Уже далеко, далеко остался тот печальный полустанок. И уж целых двадцать лет тому назад было все это — перелески, сороки, болота, кувшинки, ужи, журавли...» Ответа на вопрос, что случилось с Русей, как будто нет. Финал рассказа по-своему обыгрывает стихотворение Катулла: читатель узнаёт, что случилось с самим отвергнутым героем, какая женщина теперь с ним рядом. От дамы — своей жены он отгораживается коньяком (пятая рюмка поутру) и незнакомой ей латынью, встающей между ними стеной¹⁰¹. То счастье любви, которое в восьмой песне Катулла связано с солнцем (когда «дева, возлюбленная, как не будет любима никакая другая», была рядом, по-эту «ослепительно сияли солнца» — это повторено дважды¹⁰²), теперь недоступно герою, и в «солнечное окно» смотрит не он сам, а его спутница.

¹⁰⁰ Гай Валерий Катулл Веронский. Книга стихотворений / Изд. подгот. С.В. Шервинский, М.Л. Гаспаров. М., 1986. С. 8–9.

¹⁰¹ «— Это по-латыни? Что это значит? — Этому тебе не нужно знать».

¹⁰² «Fulsere quondam candidi tibi soles, / cum ventitabas quo puella ducebat / amata nobis quantum amabitur nulla. / Ibi illa multa cum iocosa fiebant, / quae tu volebas nec puella nolebat, / fulsere vere candidi tibi soles». Но эти строки русские переводчики передают совершенно по-разному. Гаспаров сообщает, что стиль латинского оригинала сближен с низким стилем комедии, вбирает в себя словечки и обороты из Теренция и Плавта, а некоторые «мелкие особенности языка» Катулла в восьмой песне вообще «переводу не поддаются» (Гаспаров М.Л. Поэзия Катулла // Гай Валерий Катулл Веронский. Книга стихотворений. С. 218). Фет, впрочем, резонно замечал, что «из невозможности

Воспоминания героя не потому только так щемяще печальны, что давно утрачена юношеская любовь, свежесть чувств и нежность к возлюбленной («Как ты груб!» — упрекает героя жена). Между прочим, в примечании к восьмой песне Катулла А.А. Фет так трактует ее содержание: «Поводом к [стихотворению], очевидно, была размолвка в период самой горячей привязанности, и выражаемое чувство отчуждения тем живей, что вызвано не изменой, о которой тут и речи нет, а тою горькой обидой влюбленного, полагающего, что преданность его не оценена»¹⁰³. Но Катулл выражает сиюминутное и оттого такое жгучее чувство. Герой же Бунина живет с этим чувством долгие двадцать лет, как будто исполняя тот зарок, что давал себе Катулл: «Будь тверд! Терпи, скрепив сердце» (пер. А.И. Пиотровского). «Презренная», «преступная» «изменница» — так именовали Лесбию русские переводчики восьмой песни и так мог бы проклинать покинутый возлюбленный Русю, но Бунин выпускает всю невыносимую жестокость любовного страдания, единственной процитированной строкой отсылая к описанию сходных терзаний в стихотворении «римского Пушкина» (Фет).

В рассказе Бунина поезд останавливается вблизи волшебных памятных мест. Блуждающий огонек, взывающий к памяти героя, уводит его в зыбкую глубь воспоминаний, в журавлиное болото его юности, комариный и стрекозий рай, где он некогда «смертной истомой содрогался при мысли о смуглом теле» возлюбленной (выделено нами). Все без исключения русские переводчики Катулла, как и авторы примечаний к текстам Бунина, латинское «amata» переводят словами, производными от глагола «любить». Но М.Л. Гаспаров указывает, что в латинском языке «amare» «означало именно “желать”, и для понятия “любить” в нынешнем смысле слова нужно было искать других выражений»¹⁰⁴. Бунин в «Русе» восстанавливает древнее значение при сохранении современного (судороги смертной истомы физического желания неотделимы от нежности, от самозабвенного восторга, от преклонения).

Но Бунин привносит и еще один оттенок в вечное «amare». Когда вся история проходит перед мысленным взором героя, трясины и хляби воспоминаний остаются «далеко, далеко» и прямо летит вперед поезд, символизирующий «неуклонно» прямой путь середины жизни («за Курском» — посредине указанного маршрута Москва — Севастополь). И только «все так же неуклонно, загадочно, могильно смотрел на него из черной темноты сине-лиловый глазок над дверью». К эпитетам экспозиции — «черный» и «темный» — примешивается новое мрачное определение, заменившее собой «мертвенный»: «могильный».

воспроизводить впечатление оригинала никак не следует, что его переводить недолжно или надлежит исказить» (Стихотворения Катулла. В переводе и с объяснениями А.А. Фета. 2-е изд. СПб., 1899. С. 7). «Сияющие солнца» были переданы самим Фетом так: «Светило солнышко тебе живым лучом... Живило солнышко и впрямь тебя лучами». Другие варианты: «В сиянии солнечном был ты согрет / Его теплотой благодатной... Да, солнце тебя теплотою своей, / Сияньем своим согревало!» (Згадай-Северский); «Блистаи некогда и для тебя звезды... Блистаи в те поры и для тебя звезды» (Пиотровский); «Еще недавно были дни твои ясны... Да, правда, были дни твои, Катулл, ясны» (Шервинский).

¹⁰³ Стихотворения Катулла. В переводе и с объяснениями А.А. Фета. С. 34.

¹⁰⁴ Там же. С. 201.

Как в начале «Руси» рамка рассказа и сам рассказ двоились и под оболочкой скучной обыденности таилась романтическая история любви, так и для финала Бунин прибегает к такому же двойному завершению. Скорбная печаль в душе героя — заплутавшего путника, словно вслед за блуждающим огоньком пришедшего к дорогой могиле, — неожиданно сменяется светлым аллегро с журавлями; его, в свою очередь, заключает восторженное признание Руси в любви («А я так люблю тебя теперь!..»), которое — в идеальном соответствии с общей симметрией композиционного решения — венчает едва ли не клятва героя в вечной любви именно Русе: «Amata nobis quantum amabitur nulla!» — «Возлюбленная мною, как не будет любима никакая другая»¹⁰⁵.

Ф.А. Степун отметил «один очень интересный» прием у Бунина, когда формально представлены лишь начало и конец, а сердцевина рассказа, его «сюжетно-эмоциональный центр» выпущены. Этот композиционный «пропуск» обуславливает не только «очень большую емкость» краткой новеллы, но и освещение всего ее содержания «каким-то своеобразно иррациональным светом, льющим из укрытого от читательских глаз источника»¹⁰⁶. Однако, модифицируя привычную с Аристотелевых времен композицию столь радикально, Бунин не отказывается от «сюжетно-эмоционального центра», но возлагает его функцию на гораздо более мелкие единицы — слова. На протяжении всего рассказа он выстраивает еще один сюжет, символический, который и становится источником «иррационального света».

Зачем повествование «Руси» так густо населяли хтонические существа — посланцы потустороннего мира? Зачем по ночам летали стрекозы, зачем являлись журавли и ползали ужи, о чем «таинственно, просительно ныли невидимые комары», почему светился лес и куда, в какие миры устремлялась вода? Так удивительно и волшебным образом связанная с водной и воздушной стихиями Руся, совсем по-русалочьи заманивающая своими чарами героя, конечно, предстает в рассказе-воспоминании иначе, чем в далекие времена их общей с героем юности, когда она была только «дачной девицей», ученицей Строгановки. Даль памяти преображает образ героини, ушедшей не только из жизни героя. Напомним, что взгляд на воду как на один из путей в потусторонний мир является одним из самых архаичных славянских представлений¹⁰⁷. Тематически связанная с общением с душами умерших народная мифология придает облику Руси мистические черты, а языческая поэзия (римлянина Катулла и А.К. Толстого, возрождающего в своей лиро-эпике дохристианс-

¹⁰⁵ Приведем русские переводы этой строки восьмой песни Катулла (за исключением перевода Шервинского, все относятся к дореволюционному времени): «Любимая тобой, как ни одна» (Фет); «Ее ты глубоко любил, как потом // Уже не полюбишь другую» (Згадай-Северский); «Любимой так не быть уж ни одной в мире» (Пиотровский); «Которую любил я крепче всех в мире» (Шервинский). Перевод Фета помещен на с. 34 выпущенной им книги «Стихотворения Катулла»; остальные опубликованы в издании: *Гай Валерий Катулл Веронский*. Книга стихотворений (с. 121, 134, 8–9 соответственно).

¹⁰⁶ Степун Ф.А. Литературные заметки: И.А. Бунин (по поводу «Митиной любви») // Иван Бунин. Pro et contra... С. 367.

¹⁰⁷ См.: *Левкиевская Е.Е. Ирей // Славянские древности: Этнолингвистический словарь*. Т. 2: Д–К. С. 422–423.

кую Русь) оттеняет ее прелесть. Эта светлая натура, пугающаяся ужей и подружившаяся с журавлями, полуночница по вполне прозаическим причинам — хозяйство, сумасшедшая мать — так же метафорически связана с сияющим для героя солнцем, как и ветреная Лесбия для своего возлюбленного.

Мифологические существа, родившиеся в коллективном сознании древних славян из страха и преклонения перед грандиозными загадками природы, понадобились Бунину не для того, чтобы заманить героя в непроходимые топи, а чтобы иносказательно рассказать о судьбе Руси. Только они в итоге и важны Бунину, когда он пишет журавлиную сцену два года спустя после написания рассказа и вычеркивает при перечислении существ и явлений из мира природы «старые бревенчатые дачи» (л. 17): никакого человеческого жилья поблизости, никакого соприкосновения с обычными людьми не было, это сейчас они окружают героя в устроенной цивилизованной обстановке. Но журавли, уносящие души в цветущий бенгальскими розами Ирей, дырявая лодка с перевозчиком, работающим одним веслом, болотные огни, легкокрылые насекомые и земноводные гады — все они силятся поведать о том, что случилось с Русей. Иронические предположения, что героиня закололась кинжалом, театральные позы ее матери, угрожающей лечь трупом на пути дочери к возлюбленному, старинный пистолет, из которого гимназист Петя пугал дымом воробьев, — все это лишь громкие слова и театрально-декоративные условности, в которых есть доля истины (стреляющее в последнем акте ружье). В чеховской «Чайке» убита птица, с которой ассоциирует себя провинциальная актриса Нина Заречная, но убивает-то себя любящий ее Треплев. Не в незапамятное лето, о котором вспоминает бунинский герой, а в лето середины его жизни, когда он предается воспоминаниям, Руся уже давно принадлежит иному миру, «тому свету». Все «славянские древности», в художественно изысканном, но очевидном изобилии наполняющие бунинский рассказ, соединяют героя с душой той, которую он так сильно любил и которая так сильно любила его.

В мифологии кроется и верное постижение того, что представляет собой латинская цитата в финале рассказа, словно клятва, высеченная на мраморе надгробия той единственной, которая была для всего остального мира «просто Мария» (л. 5): «*Amata nobis quantum amabitur nulla*».

Это — эпитафия.

С.Н. Дубровина

ФРАНЦУЗСКАЯ ТРАДИЦИЯ
В ТВОРЧЕСТВЕ А.М. РЕМИЗОВА

На одной из встреч Французско-русской студии Ю. Сазонова в своем докладе «Влияние французской литературы на русских писателей» отметила: «Что касается Ремизова, его творчество восходит к восемнадцатому веку, он полностью погружен в фольклорные источники»¹. Интерес Ремизова к фольклору, к русским средневековым легендам, сказаниям неоднократно становился предметом специального изучения², однако новаторство в области формы, исключительная современность техники письма, близость исканий А.М. Ремизова в области стилистики, композиции, графической формы представления текста и пр. к модернистским поискам исследовалась гораздо меньше. Эмигрантская критика в 1920–50-е гг. этого новаторства не замечала, скорее говорилось о стилизации, архаизации в прозе Ремизова, о чем свидетельствует и приведенная цитата. В современном ремизоведении творчество писателя в целом рассматривается в контексте модернистских поисков первой половины XX в., более всего в контексте русского модернизма, однако вопрос о французской традиции в творчестве Ремизова до сих пор не становился предметом специального изучения³.

Н.В. Резникова, друг, биограф писателя и одна из первых серьезных исследователей его творческого метода, свидетельствует: «Ремизова часто характеризуют как писателя специфически русского, замкнувшегося в древнерусском мире. Со своей стороны скажу, что среди русских писателей трудно назвать кого-нибудь, кто бы так глубоко знал и понимал культуру Запада, как Ремизов. Он прекрасно

¹ *Sazonova I. L'influence de la littérature française sur les écrivains russes depuis 1900 // Le Studio franco-russe. 1929–1931. Toronto, 2005. P. 63–73. (Перевод мой. — С. Д.)*

² Назову только монографии А.М. Грачевой «Алексей Ремизов и древнерусская культура» (СПб., 2000) и Н.Л. Блищ «Автобиографическая проза А.М. Ремизова» (Минск, 2002).

³ За исключением нескольких статей, разрабатывающих отдельные темы этой проблемы: тема «Ремизов и сюрреалисты» анализировалась в докладах А.М. Грачевой «Французский сюрреализм и произведения “большой формы” Алексея Ремизова» и Е. Обатниной «“Магнитные поля”: А.М. Ремизов и французский сюрреализм» (коллоквиум «La réception de la littérature française par les écrivains émigrés russes a Paris. 1920–1940» (Genève, 2005)); в статье Греты Слобин «Динамика слуха и зрения в поэтике Алексея Ремизова» (в сб. «Алексей Ремизов: исследования и материалы» (СПб., 1994)) роль устной речи в творчестве писателя анализировалась в контексте идей западноевропейского литературоведения (Жак Деррида, Юлия Кристева, Луи Марен, Гаретт Стюарт и др.); сопоставление идей Малларме о графическом представлении текста и роли графики в творчестве Ремизова исследуется в статье И. Маркадэ «Ремизовские письма» (Aleksej Remizov: Approaches to a Protean Writer / Ed. by Greta N. Slobin. UCLA Slavic Studies. 1987. V. 16).

разбирался в различных течениях в искусстве и мысли на Западе, включая самые современные, никогда не застывая на месте и с жадным интересом прислушиваясь к новому»⁴. Исследование рецепции западноевропейской культуры в творчестве Ремизова и сейчас остается актуальной задачей.

Известно, что Ремизов в совершенстве владел немецким языком, а французский так и не стал для него языком общения, несмотря на то что во Франции писатель прожил с 1923 г. до своей смерти. В то же время французский язык Ремизов знал еще с дореволюционных времен, переводил Бодлера⁵. И в эмиграции Ремизов и его жена С.П. Ремизова-Довгелло интересовались историей французской культуры, старались быть в курсе новейших идей, литературных течений. Кроме того, Ремизов был лично знаком со многими представителями французской культуры — писателями, философами, медиевистами, переводчиками; в парижском архиве Ремизова сохранились собранные им газетные заметки А. Бретона, Р. Роллана, Ж. Полана, М. Арлана, медиевистов П. Паскаля, А. Мазона о его творчестве⁶. Именно французские критики первыми обратили внимание не только на сюжетно-тематическую оригинальность, но и на «поэтическую сторону» произведений Ремизова⁷.

Поэтому проблема рецепции французской культуры в творчестве Ремизова вполне правомерна. К тому же она многоаспектна и должна быть в первую очередь подробно эксплицирована. Задачей этой статьи является постановка вопросов и задач, связанных с ее разработкой.

Ремизов прекрасно знал современную ему французскую и, шире, западноевропейскую литературу, и понимание новейших тенденций западноевропейской культуры не могло не отразиться на творческой лаборатории писателя.

Влияние французского сюрреализма на творческий метод А.М. Ремизова анализирует А.М. Грачева в докладе «Французский сюрреализм и произведения “большой формы” Алексея Ремизова». Исследователь делает вывод о том, что конец 1920-х — 1957 г. — «период творческого освоения и аккомодации Ремизовым идейно-эстетических концепций французского сюрреализма (экспериментальные тексты “большой формы”», указывая на то, что связь творчества Ремизова с сюрреалистической поэтикой имеет характер «литературного влияния, испытанного русским писателем»⁸.

В то же время А.М. Грачева справедливо считает, что сходство творческого метода Ремизова и сюрреалистической эстетики в большей степени типологическое. Действительно, ремизовская техника коллажа, его интерес к сновидческим образам, близость художественного метода к приему «автоматического пись-

⁴ Резникова Н.В. Огненная память: Воспоминания о Алексее Ремизове. Berkeley, 1980. С. 62.

⁵ См.: Там же. С. 70, 120.

⁶ См.: Грачева А.М. Алексей Ремизов и древнерусская культура. С. 6; Резникова Н.В. Огненная память... С. 138.

⁷ См.: Резникова Н.В. Огненная память... С. 115.

⁸ Грачева А. Французский сюрреализм и произведения «большой формы» Алексея Ремизова / La réception de la littérature française... P. 24.

ма» позволяют говорить о рецепции Ремизовым сюрреалистических идей. Однако прием коллажа, монтажа характерен не только для сюрреалистов, а например, и для Джеймса Джойса, и для Андрея Белого.

Сопоставление ремизовских записей снов и сюрреалистических сновидческих образов также можно проводить только с оговорками. Дело в том, что, в отличие от сюрреалистов, сновидческие образы или образы подсознательного, которые сюрреалисты фиксировали с помощью техники автоматического письма, не были для Ремизова самоценными. Сновидение для Ремизова — только повод к мифотворчеству, когда сон вписывается в единый текст, творимый автором. Не говоря уже о том, что Ремизов скрупулезно работал над словом, в то время как для сюрреалистов центральным моментом в записи сновидений являлось отсутствие рационального начала, влияния разума, культуры, даже собственного «я» писателя, когда он становится только «регистрирующим аппаратом», не посягающим на корректирование исходящего из глубин подсознания текста (справедливости ради надо отметить, что это правило сюрреалистами не всегда соблюдалось). Следующая цитата позволяет говорить о полемическом переосмыслении Ремизовым сюрреалистических идей: «Как создаются литературные произведения? Первое, запись, — полная воля и простор слову, только б удержать образ и высказать мысль. Но запись еще не работа. Работа начинается по написанному как попало. В работе глаз и слух, и от них идет строй (архитектура). Автоматическое письмо не произведение. Произведение выделяется, выковывается»⁹.

Конечно, произведения сюрреалистов крупной формы — «Магнитные поля» А. Бретона и Ф. Супо, роман А. Бретона «Надя» — также не могли быть полностью созданы в технике автоматического письма. И именно они ближе всего ремизовским творениям¹⁰.

Поэтому при таком сопоставлении можно скорее говорить о том, что Ремизов интересовался тем новым, что изобрела эпоха, — теория Фрейда, интерес к подсознанию, возможности использования кинематографических методов (коллаж, монтаж) в литературе — и в этом, несомненно, сказывается влияние идей А. Бретона, Ф. Супо, Л. Арагона, с которыми писатель был лично знаком. Но творческие задачи его были совершенно иные, чем у сюрреалистов. К тому же Ремизов еще в 1908 г. «публиковал свои первые циклы миниатюр, получившие жанровое определение “сны”», а с 1910-х гг. «проявлял интерес к феноменам случайного, иррационального и мифологического, искал пути аутентичного воспроизведения сновидений, активно использовал различные техники и методики (бриколаж, коллаж), которые впоследствии окажутся в центре внимания сюрреалистов»¹¹.

Однако типологическое сходство исканий Ремизова и западноевропейских авангардистов очевидно. Писатель «борется с этим равнодушием <к слову> за освобождение языка от уз грамматики и возрождение памяти речи в культуре

⁹ Цит. по: *Кодрянская Н. А.* Ремизов. Париж, 1956. С. 133–134.

¹⁰ См.: *Обатнина Е.* «Магнитные поля»: А.М. Ремизов и французский сюрреализм // *La réception de la littérature française...* P. 42.

¹¹ Ibid.

начала XX века»¹². Такая задача близка целям футуристов, сюрреалистов, также стремившихся возродить слово в его первоначальной чистоте и так же, как Ремизов, обращавшихся, несмотря на устремленность в будущее, к традиции, к мифологическим, фольклорным сюжетам.

Наряду с авангардистскими течениями во Франции в 1920-е гг. набирают силу идеи неоклассицизма, и ремизовская страсть к древнему слову в этом контексте оказывается вполне современной. Недаром его творчество еще в 1920-е гг. оценили как глава сюрреалистов А. Бретон, так и неотомист Жак Маритен.

Интерес эпохи начала 1920-х гг. к традиции во многом обусловлен тягой к классическому порядку в противовес хаосу войны. Идея о возвращении к традиции во Франции в это время витает в воздухе, причем речь идет не о подражании классикам XVII в., а о том, чтобы вписать в лоно традиции современное искусство. Новая «Плеяда» 1920 г., в которую входят Анна де Ноай, Поль Валери, Иоахим Гаске, Пьер Камо, ставит своей целью защиту поэзии от разлагающего ее декадентского влияния. Провозглашается завершение эры романтизма и приближение эры «классического возрождения».

Интересно, что даже авангардные течения в искусстве этого времени в определенной степени ощущают свою связь с традицией: «И итальянский и русский футуризм, и сюрреализм (поначалу во Франции, а затем и во всем мире), при всем своем оптимизме, учитывают в своем творческом поиске и прошедшее время. Они хотят вовлечь в свою орбиту историю. Стремясь к будущему, в котором субъект мог бы проявить всю силу своей энергии, они ищут корни в архаике. Именно поэтому они интересуются “примитивизмом” и фольклором...»¹³

Идея классического ренессанса во Франции 1920-х гг. более всего связана с окружением журнала «Нувель ревью франсэз» (уже в 1919 г. классическое возрождение становится программой этого издания), с редакцией которого у Ремизова было интенсивное взаимодействие. Писатель был лично знаком с редакторами журнала Ж. Поланом и М. Арланом, а они, в свою очередь, высоко ценили его творчество.

Ремизов говорил о своем методе: «Не все лады слажены — русская книжная речь разнообразна, общих правил синтаксиса пока нет и не может быть. Восстанавливать речевой век не думал и подражать не подражал ни Епифанию Премудрому, ни протопопу Аввакуму; и никому не навязываю. Перебрасываю слова и строю фразу как во мне звучит»¹⁴. То есть речь идет не о подражании, а о попытке вернуться к первоисточкам, к истинному языку. О том же размышляет в начале 1920-х гг. близкий к сюрреалистическим кругам писатель Жан Кокто, который при переработке античных сюжетов в пьесах «Антигона» (1922), «Царь Эдип» (1925) поставил перед собой задачу «снять патину» с древнего текста, создать современную версию легенды. В сборнике эссе «Призыв к порядку» (опуб-

¹² Слобин Г. Динамика слуха и зрения в поэтике Алексея Ремизова. С. 157.

¹³ Шеньо-Жандрон Ж. Понятие поэтического субъекта в творчестве сюрреалистов и авангардистов: Проблемы методологии // Сюрреализм и авангард: Материалы российско-французского коллоквиума, состоявшегося в Институте мировой литературы. М., 1999. С. 14.

¹⁴ Цит. по: Кодрянская Н. А. Ремизов. С. 42.

ликован в 1926 г.) Кокто пишет, что не приемлет тех поэтов, кто, испугавшись бурления новой эпохи, поверхностно обращается к прошлому, натягивая на себя старые наряды, которые давно уже выглядят смешными, и «осовременивая» их какой-то одной новой деталью¹⁵. В противоположность пустоцвету такой стилизации (творчество авторов, которые только «целятся», но в цель не попадают), Кокто настаивает на том, что истинный стиль состоит в *обдумывании своих мыслей, их разработке*¹⁶. Возвращение к порядку в поэзии должно ознаменоваться в первую очередь *простотой (simplicité)*, т. е. удалением с нее всей наносной мишуры, покровов, которые своей показной внешностью скрывают сущность поэтического. Поэзия должна казаться «бедной», говорить об обыденном, но одновременно внезапно, молниеносно осветить самое ядро вещей и явлений.

Творческие поиски А.М. Ремизова также приводят его к методу максимального упрощения текста, это свойство проявилось в его прозе уже в эмигрантскую эпоху, особенно в 1950-е гг., — при переработке древних текстов писатель стремился снять с оригинала максимум словесных наслоений в попытке достичь смысловой и звуковой насыщенности.

Древние сказания, «сны человечества», всегда привлекали писателя возможностью не подражания, не имитации, но нового осмысления, творческой авторской переработки. Ремизов переписывал не только русские средневековые легенды, но и европейские, и восточные. Но сами сюжеты древних текстов служили Ремизову лишь предлогом к собственному творчеству, из них он заимствовал «только общие очертания жанров — поучений, слов»¹⁷.

При этом целью писателя было возвращение к первоисточкам, фольклорным, мифологическим. В письме к Кодрянской от 10 ноября 1952 г. он делится планами работы над легендой о Тристане и Изольде: «Последние ночи провожу с Тристаном и феей Син, ее ввожу в повесть, и все будет по-другому, не по-французски, не по-немецки, а по-кельтски»¹⁸.

Знаток и любитель книжной культуры, Ремизов создавал легенды на основе разных источников. Предлогом к написанию своей версии легенды всегда служили ее прочтения иными культурами и эпохами, в первую очередь переложения на русский язык, бытование легенды в русской культуре XVII в., но не только. Так, согласно исследованиям, проведенным А.М. Грачевой, на созданную Ремизовым «Повесть о Тристане и Изольде» большое влияние оказала вагнеровская версия легенды о Тристане и Изольде, а повесть «Мелюзина» была создана на основе переработки ирландских саг в переводе А.А. Смирнова, средневековых русскоязычных версий легенды, в то время как на стилистику повествования большое влияние оказали трагедии Софокла в переводе Ф.Ф. Зелинского¹⁹. Таким образом,

¹⁵ Cocteau J. Le Rappel a l'Ordre: 1918–1926. P., 1936. P. 488.

¹⁶ См.: Ibid. P. 485.

¹⁷ Д'Амелия А. «Автобиографическое пространство» Алексея Ремизова // Ремизов А.М. Собр. соч. Т. 9: Учитель музыки: Каторжная идиллия. М., 2002. С. 452.

¹⁸ Кодрянская Н.А. Ремизов в своих письмах. Париж, 1977. С. 264.

¹⁹ См.: Грачева А.М. Алексей Ремизов и древнерусская культура.

французские рыцарские романы и современные Ремизову французские версии легенд (Ж. Бедье) были только одними из многих источников.

В «Мелюзине» и «Тристане и Исольде» Ремизов играет с французской языковой средой, как и в произведениях большой формы 1930–50-х гг., а мир, в котором живут его персонажи, эклектически соединяет черты миров, окружающих героев исландских саг, европейских рыцарских романов, русских переложений XVII в. — и черты окружающей автора действительности.

По свидетельству Н.В. Резниковой, «в начале жизни Ремизовых в Париже, в двадцатых годах, Лев Шестов познакомил А.М. с французскими писателями. И католики (Жак Маритен) и сюрреалисты (Андре Бретон) оценили глубокую оригинальность Ремизова, и его вещи стали появляться в передовых французских изданиях. Имя Ремизова тогда же стало известно французской элите, главным образом как автора легенд, написанных очень своеобразным стилем»²⁰.

Родственную душу нашел Ремизов в Жане Полане (с 1925 г. редактор «Нувель ревью франсэз»), с такой же, как у него, страстью к Слову: «По словесному чутью, — пишет Ремизов в “Мышкиной дудочке”, — Jean Paulhan, автор “Les Fleurs de Tarbes” <“Тарбские цветы”>, ввел меня в свое французское Святилище Слова»²¹.

В книге «Тарбские цветы» французский эссеист предостерегает литературу и литераторов от опасности пренебрежения *искусством* слова, когда литература считается чем-то вроде меда, естественным образом, безо всяких специальных усилий собираемого пчелами: «Для меня нет опасности более коварной, ни более жалкой обреченности, чем опасность и обреченность времени, когда *мастерство* и *совершенство* означают почти то же, что искусственность и пустая условность, когда *красота*, *виртуозность* и сама *литература* прежде всего означают то, чего *делать не следует*»²².

Современная риторика, в отличие от классической, навязывает литературе правила от противного: если раньше критики исходили из того, что произведение, чтобы быть поэзией, должно обладать определенными свойствами, следовать установленным правилам, то теперь, чтобы создать поэтическое произведение, автору, наоборот, предписывается, каких правил, приемов и даже звуков он должен избегать²³. Нельзя, например, сказать о взгляде, что он «красноречив». Но в таком случае шаблоном становится само отсутствие шаблонов, мерилем искусства оказывается способность автора избегать искусственности. «Мы хотели порвать с языком слишком условным, и вот уже готовы порвать с человеческим языком вообще», — делает вывод Полан²⁴. Действительно, каждое слово при такой подозрительности отсылает к тому или иному клише, ведь всякое слово в любом случае есть общее место постольку, поскольку оно уже не раз использовалось.

²⁰ Резникова Н.В. Огненная память... С. 118.

²¹ Ремизов А.М. Собр. соч. Т. 10: Петербургский буерак. М., 2002. С. 145.

²² Paulhan J. Les Fleurs de Tarbes ou La Terreur dans les Lettres. P., 1941. P. 25. (Перевод мой. — С. Д.)

²³ См.: Ibid. P. 27.

²⁴ Ibid. P. 29. (Перевод мой. — С. Д.)

Кроме нового слова модернистская поэтика требует другого синтаксиса, грамматики, ненормативной лексики — примером такого творчества является для Полана творчество Рембо, Аполлинера, Джойса. Девиз этой школы — «*dissocier la matière des phrases*» («разъединить материю фраз», «разложить словесную материю») ²⁵.

Ремизову, с его любовью к поговоркам, клишированным оборотам народного языка, позиция Полана была несомненно близка. Недаром почти в тех же выражениях он говорил о своей работе над словесной материей: встряхнуть слова, перемешать, раздробить фразу — и таким образом заставить ее звучать по-новому. Так, рассказывая о своем педагогическом методе при «обучении» Бориса Пильняка в «Петербургском буераке», Ремизов писал: «Я отучал его от школьной грамматики, научил встряхивать фразу, переводя с искусственно-книжного на живую речь; перевертывать слова и разлагать слова — перевертывать, чтобы выделить и подчеркнуть; разлагать — слова излучаются и иззвучиваются. Отвадка от глагольных и ассонансов: в прозе от них месиво, как гугня в произношении» ²⁶.

Е.Д. Резников в своих воспоминаниях с удивлением пишет, что Ремизов, по всей видимости, был хорошо знаком с «Улиссом» Джойса в 1954 г., когда русского перевода еще не существовало. Резников передает свой разговор с писателем о творчестве Джойса: по его свидетельству, Ремизов встречал Джойса до войны; он считал, что с мэтром модернизма его сближала «слепота и словесное изыскание, работа над словом», но подход был совершенно иным: «Джойс, для силы и точности выражения менял и даже выдумывал слова и звуки, тогда как он, А.М., старается выразиться именно настоящей речью, настоящим словом, самым родным — народным» ²⁷. Действительно, Ремизова привлекает не формальное экспериментирование с языком, не создание новых языковых форм, а возможность очистить язык от ложных наслоений, выявить истинную сущность языка.

Тем не менее, так же как Джойс, как и французские модернистские писатели (сюрреалисты, Антонен Арто), Ремизов увлекался поисками в области звуковой составляющей слова, недаром в речи для него важнейшим был *лад*. «На русский лад» — так называется одна из частей рабочей тетради писателя 1950-х гг., где он пишет: «Оживить русскую прозу может только свойственный русской речи русский лад» ²⁸. Все написанное должно проверяться на слух, причем, как считает Т. Цивьян, «это не только авторский прием... это твердая установка, цель: организовать письменный язык по законам речи» ²⁹.

²⁵ Paulhan J. Les Fleurs de Tarbes ou La Terreur dans les Lettres. P. 32.

²⁶ Ремизов А.М. Собр. соч. Т. 10: Петербургский буерак. С. 287.

²⁷ Резников Е.Д. Ремизов и музыка // Алексей Ремизов: Исследования и материалы. СПб., 1994. С. 260.

²⁸ Алексей Ремизов: Новые материалы / Вступ. заметка и публ. Аллы Грачевой // Там же. С. 213–217.

²⁹ Цивьян Т. К стратегии сохранения русского языка в диаспоре: «случай Ремизова» // Russian literature of 20th century in European culture context. Tallinn, 1998. P. 113.

Ремизов оставил глубокие отзывы о Джойсе, Прусте, свидетельствующие о его понимании самой сути творческого процесса писателей-модернистов: «Джойс... мысле-чувствословные процессы в яви и сновидении... Пруст: изглубленная память или долгий взгляд в пропастную память!»³⁰

Память — одна из центральных эстетических категорий Ремизова, и можно согласиться с мнением Антонеллы д'Амелия, что «память Ремизова подобно памяти Пруста идет путем неожиданных связей, но не опирается на чувственные ощущения. Она оживает от слова, от книги, от размышлений над русской культурой»³¹. Ремизов применяет прием свободных ассоциаций не в пространстве чувственной жизни своих героев, но в пространстве культуры. При этом, в отличие от Пруста, он не стремится к рациональному эксплицированию ассоциативных цепочек, выстраиваемых памятью повествователя, его метод ближе к джойсовскому — это свободная игра ассоциаций, в том числе игра с читателем, который, чтобы быть допущенным к этой игре и принять в ней участие, должен находиться в том же пространстве текстов культуры, что и сам автор.

Соперничеством с Прустом выглядит эксперимент Ремизова в «Учителе музыки» в числе других «опытов со словом» — «построить фразу “одним духом” без остановки — полстраницы без точки»³².

Судя по всему, имя Пруста входило в круг имен, к которым писатель испытывал постоянный интерес. Так, в письме к Н. Кодрянской от 20 апреля 1949 г. Ремизов описывает свой разговор с Я.В. Прескель: «Я ей сказал, что она пишет не по-русски. Она не обиделась, а очень удивилась. И я услышал знакомое вам, о André Gide, его отзыв о Прусте, что пишет не по-французски, а между тем, Пруст — имя!»³³

При исследовании темы «Ремизов и французская культура», кроме типологического сопоставления художественных методов Ремизова и приемов, изобретенных французскими авангардистскими и модернистскими писателями, возникает вопрос о присутствии в его текстах реалий французской культурной жизни, а также о влиянии на язык Ремизова окружающей эмигрантское общество французской языковой среды.

Начиная с 1920-х гг. творческий метод писателя претерпевает значительные изменения. Годы эмиграции (с 1921 г. Ремизов с женой живут в Берлине, с 1923 г. во Франции) стали для Ремизова временем создания сложного «автобиографического пространства», объединяющего разножанровые произведения, дневниковые записи, переложения средневековых легенд, записи снов, письма и пр.³⁴ Фоном для создания автобиографического пространства становится Франция между двумя войнами, причем как парижский быт, реалии эмигрантской жизни во Франции, так и пространство французской культуры. Элементами автобиографической легенды Ремизова в 1920–50-е гг. становятся портреты французских писателей, литературных критиков, медиевистов, французские литературные салоны, знаменитые издательские дома, литературные периодические издания.

³⁰ Ремизов А.М. Собр. соч. Т. 10: Петербургский буерак. С. 291.

³¹ д'Амелия А. «Автобиографическое пространство» Алексея Ремизова. С. 449–464.

³² Кодрянская Н. Ремизов в своих письмах. С. 112.

³³ Там же. С. 118.

³⁴ См.: д'Амелия А. «Автобиографическое пространство» Алексея Ремизова. С. 451.

Н.В. Резникова вспоминает, что в 1953 г., когда Жан Полан пригласил Ремизова участвовать в литературной встрече в имени «Виль д'Аврэ» Барбары Черч, французские писатели оказали ему чрезвычайно радушный прием. Среди знакомых писателей на встрече были Анри Мишо, Андре Бретон, Марсель Жуандо, Жюль Сюпервьель³⁵, другие подходили знакомиться. После публикации «Узлов и закрут» в «Нувель ревью франсэз» в 1953 г. интерес к творчеству Ремизова возрос, и на «рю Буало» заходили такие литераторы, как Марсель Брион, Франсис Понж. Альбер Камю, по свидетельству Н. Резниковой, сказал ей как-то, «что его глубоко заинтересовали отрывки, напечатанные в журнале Н.Р.Ф. (из *Подстриженными глазами*)»³⁶.

В своих текстах Ремизов не просто упоминает имена и названия, но «перемалывает» их в своем творческом сознании: вереница французских писателей, мыслителей, ученых в одном ряду с русскими классиками и эмигрантскими писателями оказывается включенной в ремизовскую автобиографическую легенду.

«Из парижан, — описывает Ремизов один из своих снов, — мне снились Андре Бретон, Рене Шар, сюрреалисты, и Жильбер Лели, переводил мою “Соломонию”, автор “Маркиз де Сад”, Жан Полян “Тарбские цветы” и Брис Парэн, галлимарский философ и исследователь о жидовствующих “Аристотелевы Врата” и “Логика Маймонида”, П.П. Сувчинский, историк музыки, Терешкович художник»³⁷.

В небольших, но необычайно живых, ярких зарисовках из жизни героев в прозе Ремизова воссоздается культурная жизнь Парижа эпохи между двумя войнами. Так, герой «Учителя музыки» Корнетов, наделенный автобиографическими чертами, оказывается обладателем собрания номеров газеты «Нувель литтерер» «со смерти Барреса», с начала своей эмигрантской жизни в Париже. Повествователь, вволю начитавшийся за долгий период безработицы этих журналов, красочно рассказывает об обычаях редакции газеты, одновременно иронично их критикуя: «В литературной парижской газете “Les Nouvelles Littéraires” есть такой иллюстрированный отдел — интервью “une heure avec...” (“час с...”»). Попасть в этот отдел все равно, что получить Нобелевскую премию, только совсем не надо во фраке перед шведским королем позировать, а сиди себе дома: на весь свет имя, издание книг обеспечено. А ведет этот отдел Frédéric Lefèvre — “лефевр”, что значит, человек, знающий больше всех Ларусов: он все и во всем — историк, математик, философ и музыкант. Беседа ведется вопросами. И, что замечательно, сразу и не уловишь — очень тема сурьезная, а вчитаешься, и невольно приходит в голову, что в ответах знаменитостей есть что-то знакомое, когда-то читанное — “Сатирикон”»³⁸.

В автобиографической прозе Ремизова эмигрантского периода складывается образ Парижа — тема, заслуживающая специального исследования. Ремизовский Париж многолик: это и место, где пересекаются полные горестей и тягот жизненные дороги сотоварищей писателя по эмиграции; и город — двойник Москвы и Петербурга, в котором каждая улочка, скверик, бульвар могут внезапно обернуться нахлынувшими образами покинутой России; и пространство французской

³⁵ См.: Резникова Н.В. Огненная память... С. 124.

³⁶ Там же. С. 129.

³⁷ Ремизов А.М. Собр. соч. Т. 10: Петербургский буерак. С. 412.

³⁸ Там же. Т. 9: Учитель музыки: Каторжная идиллия. С. 190.

культуры, воплощенное в камне, где одновременно сосуществуют средневековые церкви, бюст Вольтера, кафе «Куполь», излюбленное место встреч французской богемы начала XX в.³⁹

Французская языковая среда также становится для А.М. Ремизова игровым полем, дающим новые возможности для работы над языком, для обретения нового звучания и смыслового наполнения русского слова. Обыгрывание французской языковой среды характерно для эмигрантской литературы в целом, но для Ремизова, с его вниманием к устной речи, к разговорному языку, насыщенному в эмиграции русифицированными иностранными словами, — особенно.

Фонетическая игра с французскими лексемами, именами, названиями сопровождается семантической игрой (переложение клишированных фраз с французского языка на русский). Этот прием имеет одним из истоков лесковский прием трансформации иностранных терминов в народном духе. При этом, «в отличие от своих великих учителей, Гоголя, Лескова, Достоевского, Ремизов не заменяет русское слово иностранным эквивалентом, но использует их параллельно... они повторяются, пересекаются в рамках найденных консонансов: “и под *allez-vous en он вышел вон*”»⁴⁰. В повести «Мелюзина» французские имена героев — сыновья Ги, Жоффруа, Оррибль — по-новому звучат в русском тексте, вступают в диалог со старорусскими именами гостей, пришедших на свадьбу Мелюзины.

Стиль Ремизова, с одной стороны, нельзя назвать риторичным, поскольку он не прибегает к цветастым метафорам, сравнениям. Но, с другой стороны, зачастую именно французские лексемы наряду с архаизмами придают «цвет» его повествованию.

Современные реалии французской культуры сплавляются в творческом сознании Ремизова с реалиями прошлых эпох, задолго до него ставшими органической частью русской культуры и через нее — культурного пространства, в котором творит сам писатель. Так, танцор Вестрис, упоминаемый в повести «Мелюзина», появляется и в «Мышкиной дудочке» совсем в ином контексте: «...Лиже (фотограф. — С. Д.) идет, раскланиваясь с прохожими... он идет, подпрыгивая, — так в Петербурге на глазах Пушкина и Бестужева-Марлинского подпрыгивали великосветские “львы” и “денди” на Невском и в гостиных, зачарованные Вестрисом и Дюпором». И далее: «Лиже с походкой Вестриса и Дюпора, чародеев и мастеров танца...»⁴¹

Таким образом, можно говорить о рецепции французской культурной традиции в творчестве А.М. Ремизова на разных уровнях текста, — автобиографическом, сюжетно-тематическом, стилистическом, — а также о влиянии франкоязычной среды на фонетическую организацию ремизовской прозы.

³⁹ См., например, раздел «Греческий огонь» романа «Учитель музыки». В этой книге, посвященной жизни русского Парижа 1920–30-х гг., создается цельный и яркий образ французской и русской эмигрантской столицы.

⁴⁰ Из выступления Т. Викторовой (Т. Victoroff): «Les “courts-métrages” littéraires comme forme d’actualisation de la mémoire: *Le Maître de Musique* d’Alexis Remizov» на коллоквиуме «Littérature de l’exil, épreuve de la fiction» (23 mai 2003, INALCO).

⁴¹ Ремизов А.М. Собр. соч. Т. 10: Петербургский буерак. С. 44.

К.Б. Ермишина

РЕЛИГИОЗНО-МИСТИЧЕСКИЕ ИСТОКИ
ЕВРАЗИЙСКОЙ ИСТОРИОСОФИИ Н.С. ТРУБЕЦКОГО

Любое идейное движение создается в связи с определенной исторической традицией, культурным контекстом и средой, органично его порождающей. Что касается евразийства, то его отличительная особенность заключается в том, что оно создается на фоне исторических катаклизмов, разрыва традиций и претендует на принципиальную новизну своей концепции. Главным идеологом, отстаивающим новизну евразийского движения, выступал Н.С. Трубецкой, отрицавший даже очевидные связи евразийства со славянофильством, ополчаясь на него уже в своих первых евразийских работах (например, «Об истинном и ложном национализме» (1921)), усматривая в этой идеологии черты подражания Западу, что для раннего Трубецкого было знаком полной дисквалификации. В начале 1925 г. Трубецкой в письме к П.П. Сувчинскому пишет о том же славянофильстве: «В статье К<изеветтера>, по-моему, есть одно хорошее место, это — о призрачности связи евразийства со славянофильством. Это, собственно, вполне правильно, и сам того не подозревая, К<изеветтер> тут говорит именно то, что рано или поздно скажем и мы»¹. Сам Трубецкой чувствовал рождение своего евразийского мировоззрения как итог лично пережитых катастроф и при этом воспринимал евразийство в качестве рупора созревших постепенно в общественном сознании идей², которые, впрочем, могли быть высказаны только евразийцами, и никем больше. Такой личностно-объективистский взгляд на истоки евразийства весьма интересен и вызывает потребность более внимательного осмысления истоков движения. Сложившаяся идеология, как правило, выдвигает свою версию истоков, указывая на предшественников, контекст, условия, различные факторы, повлиявшие на становление доктрины. Однако официальная версия, являющаяся итогом осмысления прошлого, бывает далека от реальности. Истинные истоки, подлинные причины, частью забытые, частью замалчиваемые, возможно выявить путем

¹ Трубецкой Н.С. Письма к П.П. Сувчинскому: 1921–1928. М., 2008. С. 102.

² В письме Ф.А. Петровскому, написанном в сентябре 1921 г. (РГАЛИ. Ф. 1348. Оп. 7. Ед. хр. 70), Н.С. Трубецкой упоминает о своих московских беседах с разными лицами, в которых обсуждались вопросы, близкие к будущей евразийской тематике. Впрочем, еще перед Первой мировой войной русская интеллигенция обратилась к этим темам, что особенно наглядно продемонстрировал В.Ф. Эрн (например, в докладе «От Канта к Круппу»). Однако антизападнические и неославянофильские идеи смогли преобразоваться в евразийство только после октября 1917 г., когда русская катастрофа наполнила их эсхатологическим и религиозным содержанием.

анализа психологических факторов. Здесь под истоками понимается в первую очередь личностно-экзистенциальный опыт переживания русской революции 1917 г., которая многими современниками, в том числе и евразийцами, воспринималась, если воспользоваться термином музыкальным, в религиозно-апокалиптической тональности. Впрочем, эти истоки всегда не столь очевидны, как явные факторы идейной преемственности или исторического контекста.

Вероятно, именно поэтому современные исследователи весьма изощренно понимают истоки евразийства, выдвигая различные версии, так что в сумме их предположения дают внушительную картину разнообразных влияний. Среди предшественников евразийцев называют, например, польского писателя-эмигранта Франциска Духинского³ и его последователя Анри Мартена, политологов С.Н. Южакова и Э.Э. Ухтомского⁴, славянофилов⁵, В.И. Ламанского⁶. В частности, обращают внимание на взгляды А. Мартена как на один из истоков творчества Трубецкого⁷. Сами евразийцы, скорее всего, были бы немало удивлены этим списком своих предшественников, поскольку для них было характерно подчеркивание пафоса новизны, некоего небывалого, экзистенциально открытого им опыта как основы евразийства раннего периода. Со временем, когда евразийство привлекло в свои ряды многочисленных участников, возникла необходимость обоснования и, так сказать, включения евразийства в идейно значимый исторический ряд, возникали и разные попытки такого включения. Вызывает недоумение, например, следующий ряд предшественников: евразийцы «ведут путь от Византии и цивилизации Востока, из русских традиций (дьяк Иван Тимофеев, Аввакум, старообрядцы, славянофилы, Достоевский, Менделеев)»⁸. Очевидно, что этот ряд — скорее символ, указание на то, что стоит за ним, чем реальный перечень предшественников. Если подобные символические ряды предшественников сами евразийцы составляли в 1926 г., то в первом сборнике «Исход к Востоку» они прямо указывали на главный исток евразийства — экзистенциально-религиозные переживания русской революции.

Задача настоящей статьи — выяснить экзистенциальные и религиозные истоки евразийских идей Н.С. Трубецкого. Даже поверхностное изучение его статей и писем дает представление об определенном идеале и точке отсчета его евразийской системы взглядов. К этому идеалу познания и жизни Трубецкой сначала приходит через лингвистические исследования, а потом — через следование главным максимам, им самим сформулированным, — «познай самого себя» и «будь самим собой». Это, так сказать, поверхностный, рациональный пласт истока-идеала, положенного в основу евразийства. Иррациональный или, лучше ска-

³ См.: Макаров В., Репников А. Как возникло евразийство // Россия XXI. 2008. № 5. С. 98–125.

⁴ См.: Шубарт В. Европа и душа Востока. М., 1997.

⁵ См.: Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа. Париж, 1955.

⁶ См.: Сендеров В.А. Ноевразийство: Реальности, опасности, перспективы // Вопросы философии. 2004. № 6. С. 22–37.

⁷ См.: Казнина О.А. Евразийский комплекс идей в литературе // Философский контекст русской литературы 1920–1930-х гг. М., 2003. С. 243.

⁸ Текущее: [Сообщения] // Евразийская хроника. 1926. Вып. 4. С. 51.

зять, сверхрациональный пласт евразийского истока-идеала проявляется в тот момент, когда Трубецкой, обратившись к самопознанию, обнаруживает в себе глубинные основы своей личности, которые он назвал «туранским элементом». Главное приложение сил туранского элемента — сфера религиозности. Весьма красноречиво, с привлечением ярких жизненных образов пишет об этом сам Трубецкой: «Связь русских с “туранцами” закреплена не только этнографически, но и антропологически, ибо в русских жилах, несомненно, течет, кроме славянской и угро-финской, и тюркская кровь»⁹. Особенное значение для понимания идей, положенных в основу евразийства, имеют, кроме книги «Европа и человечество» (1920), в которой высказаны максимы самопознания, статьи «Верхи и низы русской культуры» (1921) и «О туранском элементе в русской культуре» (1925). Вообще, все евразийские статьи Трубецкого носят характер облеченных в словесные формы личных переживаний.

Глубокое самопознание приобретает особое измерение, поскольку для познания самого себя (по Трубецкому, в этом заключается путь к становлению личности) необходимо погрузиться сознанием в те исторические пласты, с которых начинается жизнь индивида. Сфера приложения сил «туранского элемента» психики — это стихия религиозности, «низы», или, говоря другим языком, «суб-станция», подставка, основа жизни личности, на которой уже выстраиваются «верхи» — культурные, интеллектуальные, рациональные структуры личности. Верхний пласт призван осмыслять и адекватно выражать происходящее «внизу», творить культурный мир символов. Трубецкой, размышляя о жизни отдельной личности, органично встраивает ее в целую систему иерархически значимых «личностей» — семья, народ, этническая общность: «Каждая частночеловеческая личность может быть и индивидуацией (одновременной) какой-нибудь многочеловеческой личности, каждая частночеловеческая личность — индивидуацией многонародной»¹⁰. В познании русского народа и его судьбы Трубецкой занимается самопознанием, выстраивая концепции национального бытия. Именно глубокое самопознание является главным истоком евразийской историософии Н.С. Трубецкого, а для проникновения в самую суть этого явления необходимо понять его религиозный идеал, являющийся, так сказать, продуктом деятельности «туранского», религиозно-мистического элемента психики.

Статья Трубецкого о туранском элементе была задумана в начале 1924 г., как он сам пишет об этом П.П. Сувчинскому: «Тема свелась бы к тому, чтобы определить на основании этнографических данных туранский психологический тип и указать роль этого типа как в русском национальном характере, так и в укладе допетровской русской жизни. Я уже обдумал эту тему, и кое-какие соображения по этому поводу выработал»¹¹. Статья, таким образом, находится еще в русле идей «Европы и человечества», от которых Трубецкой, как это возможно проследить

⁹ Трубецкой Н.С. Верхи и низы русской культуры: (Этническая основа русской культуры) // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М., 1995. С. 138.

¹⁰ Он же. К проблеме русского самопознания // Там же. С. 106.

¹¹ Он же. С. Письма к П.П. Сувчинскому... С. 87.

по его письмам и статьям, отходит только в начале 1926 г. К первому периоду его творчества, которое возможно обозначить как период личностно-исторического самопознания, или период искания идеала целостности, относится, кроме того, такая фундаментальная работа, как «Наследие Чингисхана», задуманная также в начале 1924 г. Весь этот первый период проходит под знаком сильного религиозного подъема, когда самопознание зачастую смыкается с покаянием и исканием цельности религиозной жизни.

Целостность — это гармония личности, взаимопроникновенность «верхних» и «нижних» ее структур. Цельность религиозности — не только чисто психологическая характеристика, но она невозможна без опоры на живую реальность, такую церковность, при которой осуществляется эстетическое воссоздание тройственной красоты: догмат, обряд, освященный быт. Идеал Трубецкого — «слияние в одно духовнофизическое целое догмата, обряда, и быта»¹². Именно такое искание цельности, направляемое умно-сердечным видением тройственной красоты нераздельности быта, догмата, обряда, стало источником для историософских идей Трубецкого, центром которых была попытка адекватно понять допетровскую Русь. По мысли Трубецкого, древнерусское благочестие, выразителями которого в современном мире остались старообрядцы, являет собой живой образец нераздельной тройственной целостности. Трубецкой противопоставлял этот древнерусский тип церковности латинскому («латинству»), отличительной чертой которого является как раз разрыв «верхов» и «низов» на уровне как сознания, так и практического благочестия. Нецельность латинства ярко проявляется в «профессорском» богословии, далеком от мистического трепета молитвы, строгой внутренней (не внешней, католической) дисциплины. Этот комплекс переживаний лег в основу антикатолических статей Трубецкого (в сборнике «Россия и латинство»), которыми он в целом остался неудовлетворен. В письмах к П.П. Сувчинскому, посвященных обсуждению сборника, Трубецкой проводит мысль о том, что самое главное не было сказано, а это главное заключается в расстановке правильных акцентов: интеллигенция мечтает о соединении Православной и Католической церковью, не замечая того, что в рамках самой Русской церкви не преодолен еще раскол со старообрядцами.

Трубецкой вынашивал проекты реально осуществить сближение старообрядцев с Русской православной церковью, что можно видеть из проекта программы, которую он хотел предложить на рассмотрение членов Братства Св. Софии, не надеясь, впрочем, на успех. В письме к П.П. Сувчинскому от 26 февраля 1924 г. он излагает свой проект таким образом: «Реально осуществимыми и вполне конкретными практическими задачами общества, о котором идет речь, я считаю:

I. В области внешней:

А) Активная оборона Православия против происков латинства, деятельный отпор всякой католической и униатской проповеди.

Б) Деятельное стремление к воссозданию единства русской Церкви, к сближению со старообрядцами.

¹² Письмо Н.С. Трубецкого к П.П. Сувчинскому, написанное в конце 1923 г. Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына. Коллекция В. Аллоя. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 10.

II. В области внутренней:

А) Распространение в кругах верующей интеллигенции православных богословских знаний.

Б) Привлечение верующей интеллигенции к строгому исполнению церковных обрядов, внедрив в умы подлинно церковное отношение к обряду, свободное как от вульгарного суеверия, так и от протестантского легкомыслия¹³.

Программа Трубецкого выглядит несколько странно на фоне религиозно-философских проектов русской интеллигенции, типичным выразителем которых можно считать Г.В. Флоровского с его идеей неопатристического синтеза. Такую программу уместнее было бы встретить где-нибудь в XVII или XVIII в., настолько она архаична, не соответствует живым потребностям тогдашней русской эмиграции, среди которой внимание и интерес к церковной жизни пробуждался на фоне изучения творений святых отцов, посещения съездов, слетов, кружков, семинаров и т. д. Одним словом, религиозным потребностям и вкусам эмиграции соответствовали скорее разнообразные *изучения* церковного опыта, а не обрядовое *воплощение и практика* этого опыта, что, в общем, органично для психики современного человека, большую часть жизни потратившего на школы, институты, университеты, книги, интеллектуальные беседы. Такая установка сознания, рациональная в широком смысле слова, была не просто нетипичной для древнерусского человека, она была вообще за пределами его понимания, как, впрочем, за пределами понимания современного человека находится обрядовое древнерусское благочестие, имеющее опору не на разум, но на «подсознательную философию», согласно парадоксальному термину Трубецкого. Достоин удивления, во-первых, сам факт, что Трубецкой смог не просто почувствовать основные линии строения древнерусской религиозности, не имеющей в современной ему церковной действительности практического воплощения, но и желал ее возвращения. Он осознавал утопичность своего проекта, однако не мог отказаться от него, поскольку на таком типе религиозности выстраивалась его собственная духовная жизнь. Именно с разочарования в идеале тройственной эстетической цельности постепенно начинает затухать и всякая внутренняя, мистическая религиозность Трубецкого, который, безусловно, оставался всю жизнь верующим человеком, однако после 1926 г. духовные и церковные темы уходят на второй план, перестают занимать его сознание. Происходит внутренний отход от церковной жизни вообще, с чем связаны, на мой взгляд, многие последующие переживания Трубецкого, его приступы меланхолии и уныния. Гармонично себя Трубецкой мог чувствовать только в единстве своего внутреннего мира, в котором должны присутствовать как рациональные, так и мистически-иррациональные начала, из равновесия которых рождалось бы подлинное творчество. Трубецкой имел редкий тип личности, внутренняя структура которой отличалась тонкостью, хрупкостью и аристократической изощренностью, так что ему невероятно сложно было жить в вещественно-земном мире, полном диссонансов и дисгармонии. Присмотримся к конкретным чертам религиозного идеала Трубецкого для того, чтобы дать

¹³ Трубецкой Н.С. Письма к П.П. Сувчинскому... С. 81–82.

ему правильную характеристику, а заодно и всей религиозности раннего евразийства.

Основные принципы религиозности, характерные для раннего евразийства, — яркий эстетизм, телесно-духовный (органический) мистицизм, историческая доминанта церковного мышления, эсхатологическая устремленность религиозного опыта. Все эти принципы достаточно подробно объясняют стремление Трубецкого к «бытовому исповедничеству», непримиримость к любым «врагам» евразийства, ожидание новой религиозной эпохи. Что касается «врагов», то его письма переполнены перечислением различных противников, достаточно вспомнить конфликт евразийцев с Братством Св. Софии, в которое входили практически все известные философы, историки, близкие к Церкви деятели русской эмиграции. Возникает впечатление, что Трубецкой отстаивает реальность настолько хрупкую и нежизнеспособную, что любой конфликт или даже контакт с внешним миром способен ее разрушить. Такие видные фигуры эмиграции, как свящ. Сергей Булгаков, В.В. Зеньковский, Г.В. Флоровский, Н.А. Бердяев, дружно обвиняли евразийцев в «православизме», т. е. некоей стилизации православия, приспособлении его для разных утилитарных нужд «обличительного богословия», в культурном прагматизме. Свящ. Сергей Булгаков договаривается даже до того, что «этой гетерономией практически утверждается язычество, в смысле сотворения себе кумира и служения ему»¹⁴. Мало того, у Булгакова такая евразийская религиозность вызывает опасения за саму возможность «исторической резиньции, самопознания и покаяния»¹⁵. Получается парадоксальная ситуация: ту религиозную картину, которая возникает у Трубецкого вследствие реализации его главных максим самопознания, Булгаков считает опасной для возможности всякого самопознания! Это не случайное противоречие, но следствие столкновения двух типов религиозности, характерных для русской культуры. Одна религиозность — классическая (евразийцы ее называли «профессорской», «латинской», «бесплодной» и т. д.), представителями которой были, например, свящ. Сергей Булгаков и преданные ему члены Братства Св. Софии. Вторая религиозность — органическая (члены Братства Св. Софии обозначали ее как «националистическую», «идолопоклонническую» и т. д.), представителями которой можно считать евразийцев, свящ. Павла Флоренского, А.Ф. Лосева. Крайними представителями второго типа религиозности выступают старообрядцы. Вот, например, картина, которую рисует Н.С. Трубецкой, описывая свой религиозный идеал и противостоящую ему действительность: «Мне кажется, что по существу миряне, стоящие в храме во время богослужения, призваны участвовать в богослужении: то, что поет хор, что поют и читают дьячки и псаломщики, должны бы петь и говорить миряне, а в древнейшие времена, кажется, даже прошения ектеньи возглашались мирянами. Передача этих функций мирян специалистам певчим и дьячкам повело к тому, что миряне стали неправильно относиться к себе как к зрителям и слушателям.

¹⁴ «Любовь нужна пламенная...»: Материалы к истории Братства Св. Софии: Письма Н.С. Трубецкого и прот. С. Булгакова // Вестник ПСТГУ. I. Богословие. Философия. 2008. Вып. 1 (21). С. 97.

¹⁵ Там же.

Но это неправильно, и они должны вновь начать смотреть на себя как на активных участников богослужения. Если же это так, то мысли и движения мирян во время богослужения не могут быть *Privatsache* (личным делом (*нем.*) — К.Е.) каждого, а должны подчиниться известному уставу. Анархия в этой области, наблюдаемая сейчас, когда каждый молится в церкви по-своему, все крестятся, становятся на колени и т. д. когда и как кому вздумается — недопустима. Недопустимо и чтобы мысленно каждый молился в храме по-своему и о своем, не соображаясь с ходом и планом богослужения. Если у священника все слова, движения и мысли во время богослужения строго предписаны, то то же должно быть и у всех других участников богослужения, в том числе у мирян. Разумеется, всякий священник параллельно с установленными молитвами и мыслями имеет и свои личные переживания, но эти переживания подчинены уставным молитвам и представляют из себя скорее индивидуальную окраску молитв. То же должно быть и у мирян. Надо отделять чисто личную молитву вне богослужения, молитву, не нормированную никакими общеобязательными уставами, от строго определенной уставной молитвы во время богослужения. Но даже чисто личная, внебогослужебная молитва тяготеет к известной богослужебной определенности (“правило”), хотя эта определенность индивидуальна¹⁶.

Несомненно, перед нами эстетическое описание идеального богослужения и того реального состояния, которое глубоко неприятно Трубецкому. Достоин внимания факт того, что Трубецкой описывает именно внешнюю, эстетическую сторону молитвы, не особенно обращая внимание на ее внутреннее содержание (для него в первую очередь важно не о чем молятся, но каким образом). Это ярчайший пример религиозного эстетизма, который не означает, однако, игнорирования внутренней жизни. Здесь естественно предполагается, что при правильном выстраивании внешнего опыта возможен правильный опыт внутренний. Внешнее настолько неотлично от внутреннего, что его выявление в беспорядочном и хаотичном благочестии только обличает его неверную исконную природу. Безусловно, это опять-таки яркий пример органического типа религиозности. Исходя из своей конгениальности древнерусскому религиозному сознанию, тоже насквозь культовому и эстетическому, Трубецкой смог почувствовать древнерусскую реальность со стороны ее становления и зависимости от «туранства». Это и было истоком его историософии, получившей наиболее яркое воплощение в работе «Наследие Чингисхана».

Внимание к подробностям культа, к сокровенным религиозным деталям и нюансам было крайне характерно для философии свящ. Павла Флоренского и А.Ф. Loseva в ранний период (например, в его «Диалектике мифа»). Между первым (классическим) и вторым (органическим) типом религиозности существует противоречие, и даже антагонизм. Представители этих типов религиозности не понимают исходных посылок друг друга, причем именно органический тип наиболее уязвим, поскольку его сторонников легко обвинить в отсутствии свободы (в деспотизме и нетерпимости) и утилитарном подчинении главного второстепенному (религия подчинена национальным интересам, пронизана языческим мироощущением и т. д.).

¹⁶ Трубецкой Н.С. Письма к П.П. Сувчинскому... С. 91–92.

Хорошим примером критики органической религиозности служит глава знаменитой книги Г.В. Флоровского «Пути русского богословия» о творчестве свящ. Павла Флоренского. Таким же образом легко обвинить и всех евразийцев с их «бытовым исповедничеством». Между тем позиция евразийцев не просто легко открыта критике, она действительно уязвима, поскольку эстетическое любование стройным богослужением, красивым бытом и правильным обрядом является, пожалуй, первой ступенью религиозного восхождения. Далее должен наступить момент этического обоснования всего этого обрядоведения, как у свящ. Павла Флоренского, создавшего «Философию культа», иначе религиозность начинает тонуть под тяжестью жизненных невзгод и неприятной церковной реальности, почти всегда не совпадающей с каким бы то ни было идеалом.

Историософия Трубецкого насквозь пронизана интуицией древнерусской религиозности, бытового уклада, разрастания государства, базирующегося на религиозной энергии столь мощной, что она просто не в состоянии была остаться в границах Киевской Руси или Московского царства. Религиозная энергия ведет к овладению Казанью, Астраханью, Сибирью, простирается на Дальний Восток. Русский национализм и мессианизм возможны только на основании такой религиозности. Никакое «профессорство» не способно покорять географические пространства, становиться во главе угнетенных евразийских народов. Религиозный призыв Трубецкого к русской эмиграции был зовом к этой великодержавности, вернее, к ее истокам, а не результатам. Конечно, это был глас вопиющего в пустыне, поскольку эмиграции нужны были именно результаты, а менять радикально весь свой менталитет в сторону культового благочестия никто не собирался, да и вряд ли это вообще было возможно. Как объяснял позже Л.Н. Гумилев, подобная государствообразующая религиозность есть результат взрыва пассионарности, истоками которого были неясные космические и этнологические процессы. Пассионарные всплески не повторяются. Они, подобно взрывной волне, достигают пика и постепенно сходят на нет, обращаясь в свою противоположность. Уникальность раннего евразийства как раз и состоит в том, что они смогли оказаться во время революционных потрясений в сфере влияния этой пассионарной волны, что открыло им тайны древнерусской истории. Трубецкой говорит о том, что истинным историческим ориентиром для евразийской идеологии может быть не ближайшее прошлое (ближайшим он называет последние три века), но прошлое очень отдаленное. Только пробудив дремлющую историческую память, можно создать подлинную и оригинальную идеологию: «Эти *очень древние* (выделено автором. — К. Е.) элементы, почерпнутые из глубин исторической памяти, оказываются новыми и революционными именно благодаря пересадке в новый контекст»¹⁷. Исторические элементы прошлого могут стать творческой, созидательной силой, с помощью которой и произойдет новый пассионарный толчок, способный вывести Россию из тупика. «Мы стоим у дверей. Толцйте и отверзется вам»¹⁸, — вот пафос надежды раннего Трубецкого.

¹⁷ Трубецкой Н.С. У Дверей. Реакция? Революция? // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. С. 324.

¹⁸ Там же. С. 326.

Все историософские и культурологические статьи Трубецкой задумал до 1924 г. и опубликовал в течение последующих двух лет, после чего в 1926 г. он осознал, что написал все, что было по вдохновению ему дано, теперь требуется писать «по заказу», по обязанности одного из лидеров евразийского движения. В начале 1928 г. он признается в письме к П.П. Сувчинскому: «К публицистике и философствованию у меня никакого призвания нет. Конечно, я могу писать и публицистически-философские вещи, вроде меморандума. Но пишу я их с невероятным усилием и страшно медленно, без всякого увлечения, а, наоборот, даже с прямой ненавистью к предмету. <...> Занимаясь писанием всего этого евразийского кошмара, я чувствую, что все это время и труд с гораздо большей пользой (для себя и для других) <мог бы> потратить на науку»¹⁹. Пожалуй, это редчайший случай такого быстрого разочарования в своем творчестве. Дело тут не только в том, что евразийство за эти 4 года политизировалось, о чем написано много критических исследований, но дело в религиозном разочаровании, осознании того, что мистический идеал прекрасной Святой Руси, воплощенной в Руси Московской, заоблачно далек, а реальность — советская Россия — совершенно непривлекательна. Остаться на почве несоответствия реальности и идеала, т. е. уйти в чисто религиозное творчество, Трубецкой не смог. По его убеждению, идеал обязательно должен быть воплощен, иначе он вовсе не идеал, а бесплодное мечтание. Бесплодность такого мечтания была невыносима для Трубецкого, поскольку воплощенность идеала есть требование эстетического религиозного сознания.

После 1930 г. Н.С. Трубецкой резко изменил воинственное отношение к католицизму на признание европейской культуры и постепенно отошел от религиозной тематики. В 1930 г. он писал о евразийстве: «...мы попали в положение тех старообрядческих писателей-начетчиков, которые в XVIII веке продолжали писать жития и паломничества»²⁰. Евразийство в 1930 г. он оценивал как невероятный анахронизм, не имеющий никакой реальной связи с российской действительностью. Если 4–5 лет назад он говорил о том, что создает евразийство как закваску для будущего, надеялся на то, что в России когда-либо появятся люди, способные понять евразийство во всей его культурной и религиозной глубине, то к 1930 г. эта его вера исчезла. По мнению Трубецкого, Россия высокой культуры погибла навсегда, ничего не остается, как «работать на культуру общеевропейскую, притязающую на звание общечеловеческой»²¹.

Что означала для Трубецкого потеря веры в вечное, надмирное бытие Святой Руси и работа на европейскую культуру? Фактически это был отказ не только от евразийства, но и от того типа религиозности, который Трубецкой признавал единственно возможным для себя. По сути, произошло разрушение двухслойно организованной личности («верхи» и «низы»). Смерть Н.С. Трубецкого последовала через 8 лет после отказа от евразийства, заявленного в цитированном пись-

¹⁹ Трубецкой Н.С. Письма к П.П. Сувчинскому... С. 269.

²⁰ Письма Н.С. Трубецкого к П.Н. Савицкому // Соболев А.В. О русской философии. СПб., 2008. С. 335–336.

²¹ Там же. С. 337.

ме к П.Н. Савицкому. Вероятно, Трубецкой просто не вынес разрыва между реальностью (действительностью прагматической и внерелигиозной Европы) и его сокровенной мечтой об истинном благочестии. Такие тонкие натуры, как Н.С. Трубецкой, подобны нежным оранжерейным растениям, которые могут выжить только в весьма специфической атмосфере. Эстетическая атмосфера, которую Трубецкой создает в своих евразийских статьях, является привлекательной, подобно тонкому аромату прекрасного цветка. Важно понять и оценить эту творческую специфику Трубецкой, так резко контрастирующую с плакатностью и научным пафосом П.Н. Савицкого или перзрелым эстетизмом П.П. Сувчинского²², тем более — философской тяжеловесностью Л.П. Карсавина. Хотя все вышеперечисленные авторы также относились к евразийству. Сущность натуры Трубецкого — трагическая красота, искание религиозного идеала и интуитивное проникновение в исторические пласты далекой реальности до степени отождествления с ними. Для Трубецкого не существовало компромисса, он весь в пафосе «или-или», поскольку во всяком явлении он мог увидеть глубочайший смысл. Истина же не терпит компромисса, она — едина и единственна. В этом заключается гениальность Трубецкого и непреходящая ценность, новизна его идейного наследия. Что же касается двух типов религиозного сознания, то нам представляется продуктивным только их естественный и органический сплав. Именно их сочетание может дать в результате действительно высочайшую религиозную культуру и творчество, в котором мистическая интуиция будет уже не капризной стихией приходяще-уходящих переживаний, но разумно организованным и просветленным сознанием.

²² См.: *Ермишина К.Б.* Эстетический неоромантизм в трагическую эпоху (письма Н.В. Устрялова к П.П. Сувчинскому) // Вестник РХГА. 2009. Т. 10. Вып. 1. С. 98–110.

СООБЩЕНИЯ

А. С. Кручинин

ОРДЕН ЗА ПОЖЕРТВОВАНИЕ
(НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫЙ ЭМИГРАНТСКИЙ ПРОЕКТ)

Хорошо известно, насколько тяжелым было финансовое положение послереволюционной русской эмиграции как в ее целом, так и в лице большинства, даже многочисленных и авторитетных союзов и обществ. Неудивительна поэтому высокая активность разнообразных благотворительных организаций: «Расцвет русской культуры в эмиграции того времени, — пишет о 1920-х гг. сегодняшний историк, — также в значительной степени обусловлен образцово поставленным делом сбора благотворительных пожертвований, а затем продуманным и добросовестным распределением этих средств, в том числе и для удовлетворения духовных запросов русской творческой эмиграции. Современных историков-исследователей поражает количество русских благотворительных фондов, существовавших тогда в зарубежье, способность русских людей, оторванных от родных мест и оставшихся без средств к существованию после урагана революции и Гражданской войны, откликаться на нужды ближних»¹. Особенно печальным было в без того нелегких условиях беженского существования положение людей, получивших увечья в боях Первой мировой и Гражданской войн: «Жизнь инвалидов — это бесконечная, до могилы, цепь страданий, лишений и горя» — этот рефрен и подобные ему неустанно звучали на протяжении десятилетий в обращениях Зарубежного союза русских военных инвалидов², далеко не всегда, однако, встречая отклик.

«И все-таки вопрос о сборах, о привлечении средств на оказание помощи инвалидам, был, есть и будет вопросом весьма трудным, сложным и неблагодарным, — писал один из активнейших деятелей союза, а в 1960–70-х гг. — его председатель генерал С. Д. Позднышев. — Можно полагать душу свою за други своя и не встретить сочувствия, отзвука и поддержки. Можно звать и не услышать ответа...

Это не есть голос осуждения, укора или выражение недовольства и горечи. Это есть указание на житейскую озабоченность человека своими делами, своими собственными нуждами, своим семейным бытом. Нельзя забывать того, что эмигрантский хлеб — горек, что он требует неустанного и напряженного труда, что человек

¹ Хитров А. М. О С. Н. Палеологе (1877–1933) // Палеолог С. Н. Около власти: Очерки пережитого: С приложением архивных документов. М., 2004. С. 5.

² 37-й день «Русского инвалида» // Русский инвалид: Орган Главного правления Зарубежного союза русских военных инвалидов. Париж. 1962. Май. № 136. С. 1.

бьется со своей нуждой изо всех сил и часто едва сводит концы с концами. Сознание необеспеченности, недостатки материального характера, трудная, тяжелая работа, — все это не способствует проявлению чувств отзывчивости и жертвенности и не дает возможности человеку поступить так, как говорит ему сердце»³.

С этими свойствами человеческой природы, должно быть, связано известное стремление многих благотворительных организаций каким-либо образом отмечать пожертвования — от широко распространенной практики публикации списков жертвователей и до изобретения специальных сертификатов, грамот, марок или даже знаков отличия. И если в 1920-х гг., скажем, «Казна великого князя Николая Николаевича» или Братство Русской Правды в целях более активного сбора средств на продолжение борьбы с советской властью (у Братства — даже партизанско-повстанческой) использовали непочтовые агитационно-благотворительные марки⁴, то для помощи русским инвалидам была выдвинута идея учреждения особого «ордена», изложенная в письме полковника А.П. Брагина в канцелярию великого князя Николая Николаевича от 16 апреля 1926 г.⁵

А.П. Брагин был участником Первой мировой войны, летом 1917 г. в чине капитана редактировал газету Ставки Верховного главнокомандующего «Известия действующей армии», в дни так называемого Корниловского выступления заведывая типографией, находившейся в ведении Военного союза и Главного комитета Союза офицеров армии и флота, организовывал печатание приказов и воззваний Верховного главнокомандующего⁶, а после подавления выступления находился в заключении в Быхове вместе с генералами Л.Г. Корниловым, А.И. Деникиным, А.С. Лукомским, И.П. Романовским, С.Л. Марковым и др.⁷ Впоследствии Брагин принимал участие в Белом движении, эмигрировал и к середине 1920-х гг. проживал в Чикаго. Вспоминая дни, проведенные в Быхове, генерал Деникин через пять лет упомянул и о двух «наших поэтах» — капитане Брагине и военном чиновнике Б.А. Будиловиче, отметив разницу в их творчестве: «Брагин — злободневный бытовик, Будилович — лирик»⁸. В какой-то мере эта черта Брагина проявилась и в письме в канцелярию великого князя, проникнутом духом скептическим и некоторой иронией по отношению к человеческому тщеславию. Впрочем, как на источник идеи «ордена» автор письма ссылался на генерала А.М. Юзефовича, хотя и собственное его мироощущение должно было наложить отпечаток на содержание и настроение документа.

³ Позднышев С.Д. Сбор средств и деятельность Комитетов // Русский инвалид... 1962. Май. № 136. С. 9.

⁴ См.: Палеолог С.Н. Письмо в редакцию газеты «Новое время» // Часовой: Иллюстрированный военный и морской журнал-памятка. Париж. 1930. 30 апреля. № 30. С. 25.

⁵ Архив Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. Ф. 2. Оп. 1. Карт. 3. Д. 58. Л. 1–2 об. (Далее в тексте приводятся цитаты из этого документа.)

⁶ См.: Показания капитана А.П. Брагина от 4–5 сентября 1917 года // Дело генерала Л.Г. Корнилова: Материалы Чрезвычайной комиссии по расследованию дела о бывшем Верховном главнокомандующем генерале Л.Г. Корнилове и его соучастниках. Август 1917 г. — июнь 1918 г. Т. 2: Показания и протоколы допросов свидетелей и обвиняемых, 27 августа — 6 ноября 1917 г. М., 2003. С. 46–48.

⁷ См.: Быховский альбом // Там же. С. 513. (Приложение № 9.)

⁸ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 2: Борьба генерала Корнилова, август 1917 г. — апрель 1918 г. Р.: J. Povolozky & Cie, [1922]. С. 88.

Отмечая, что «всего чаще поступают пожертвования от самых бедных слоев эмиграции и преимущественно от европейских группировок», а «сравнительно более состоятельные эмигранты в Европе и особенно в Америке жертвуют меньше», полковник подчеркивал сомнительность успеха надежды на «благородное сознание немногими (в документе — “немногих”. — А.К.) их обязанности в отношении пострадавших за них их братьев, истинный патриотизм, сострадание к несчастным и обездоленным и другие столь же высокие побуждения»: «Многовековой опыт истории учит нас тому, что НИКАКАЯ ПОЛИТИКА, В ТОМ ЧИСЛЕ И ФИЛАНТРОПИЧЕСКАЯ, НА БЛАГОРОДНЫХ ПОБУЖДЕНИЯХ ЛЮДЕЙ НЕ СТРОИЛАСЬ (здесь и далее выделено в документе. — А.К.), а если и строилась, то неизменно терпела крах».

Имея возможность наблюдать нравы Нового Света, Брагин пришел к выводу, что тщеславие и честолюбие «нигде так не распространены, как в странах с так называемым “демократическим” режимом, и особенно здесь, в богатой республиканской Америке». «Мимоходом замечу, — пишет он, — что не только природные американцы болеют жаждой титулов, отличий и пр., но и наши крестьяне-эмигранты (еще дореволюционной эмиграции), и особенно ДУХОВЕНСТВО ПРАВОСЛАВНЫХ ПРИХОДОВ, страдают этим в неменьшей степени». Дабы «использовать эту общечеловеческую слабость», авторы проекта и предложили:

«Учредить три степени ордена “ЗЕЛЕНОГО КРЕСТА”: медаль, крест и звезду.

Описание: медаль желтого металла (бронзовая, может быть и золотая), эмаль зеленая

крест — тоже (к описанию медали и креста сделано примечание: “лента национальных цветов”. — А.К.)

звезда — белого металла (серебряная) с прикрепленным к ней крестом.

Особенность предлагаемой системы наград та, что каждая последующая степень включает в своем рисунке (так в документе. — А.К.) предыдущую, младшую. Ко всем наградам прилагается грамота в наивозможно более пышном издании с изображением наверху грамоты в красках самой награды».

Условия награждения предполагались весьма простыми и излагались с предельной откровенностью: «Награждаются: медалью — пожертвовавшие не менее ТРЕХ долларов», крестом — «ДВАДЦАТИ ПЯТИ дол<ларов>», звездой — «ПЯТИДЕСЯТИ долл<аров>».

При кажущейся разработанности проекта, содержащего и цветные рисунки медали и креста (четырёхконечного, с прямыми квадратными лучами), которые должны были крепиться на прямой вертикальной ленте с помощью ушка западного (английского?) образца, напоминающего прописную букву «П», а также четырёхконечной звезды, подобной звезде ордена Святого Георгия, — проект этот оставляет и ряд вопросов. Так, авторами не оговаривается рисунок или текст реверса креста и медали; не дается никакого объяснения избранному ими названию проектируемой награды (можно предположить простую аналогию с общеизвестным Красным Крестом и существовавшей в Гражданскую войну на Белом Юге благотворительной организацией «Белый Крест», но выбор цвета так и остается

секретом изобретателей); наконец, упоминание, «что возможность для провинциального священника выйти на амвон в праздник с лентой на груди заставит многих из них пожертвовать пятьдесят долларов на такое благое дело», как будто позволяет предположить существование в планах еще и ленты через плечо как одного из атрибутов высшей степени «ордена», — но тогда возникает вопрос, каким образом должны были бы скрепляться концы этой ленты (в традиционной системе — орденским крестом большого размера, составляющим вместе со звездой и лентой совокупность знаков высшей степени, о чем вряд ли мог не знать генерал Юзефович). Тем не менее Брагин, очевидно, считал систему ордена «Зеленого Креста» завершенной и с уверенностью писал об успехе, который ожидает новое начинание при его воплощении в жизнь.

«С исчезновением возможности украсить свою грудь Императорским орденом или даже медалью “за производство переписи” наблюдается положительная тоска по отличиям... Да и батюшка с орденом на груди возымеет несравненно больший авторитет для своей паствы, нежели ранее», — пишет он. Как видим, духовенство являлось для полковника предметом не только скептической иронии (впрочем, довольно добродушной), но и определенных надежд, и распространение награды вкупе со сбором пожертвований он предполагал производить не через инвалидные или иные воинские организации (по крайней мере, в письме об этом нет ни слова), а при помощи церковных структур: «Можно было бы выслать епископам и даже в отдельные приходы (которых тут около трехсот) некоторый запас знаков отличия, а грамоты высылать после, по получении денег и списков». Судя по такой процедуре награждения, эксплуатация человеческого тщеславия, по мысли Брагина, не допускала отсрочки вручения наград — вещественного подтверждения статуса «благодетеля», и к производству знаков «ордена» авторы проекта полагали необходимым приступить немедленно: «Заготовка (на первое время ограниченного числа знаков) может быть произведена заимобразно, ибо можно быть уверенным в успехе предприятия». Брагин прочит «прямо фурор» «в многомиллионной массе наших крестьян в Америке», однако не были забыты и «падкие на знаки отличия американцы», распространение «орденов» среди которых можно было бы поручить «и частным светским лицам».

Письмо было прочитано и, надо полагать, не без внимания, о чем говорят отчеркивания на полях и резолюция «обсудить», однако о результате обсуждения ничего не известно, как и не известно, был ли вообще составлен ответ, о котором просил Брагин. Причина нам видится в том, что согласно проекту «пожалование наградою» должно было «принадлежать В<ЕЛИКОМУ> КН<ЯЗЮ> НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ» и, следовательно, он мыслился и учредителем «ордена», а такое присвоение себе высочайших прерогатив (если относиться к награде серьезно) или профанация самого понятия ордена (если считать его просто побрякушкой, призванной тешить тщеславие благодетелей) равно не соответствовали бы и высокому чувству собственного достоинства, присущему великому князю, и занятой им в зарубежье позиции, в общем соответствовавшей классическому «непредрешенчеству» Белого движения (принятое Николаем Николаевичем в декабре 1924 г. «высшее руководство жизнью всех русских военных зарубежных органи-

заций, которые к тому времени были объединены в Русский Общевоинский союз»⁹, оказалось все-таки в значительной степени номинальным).

В то же время сочувствие Николая Николаевича делу помощи оказавшимся за границей русским инвалидам не подлежит сомнению: он «принял на себя также звание почетного председателя “Зарубежного союза русских военных инвалидов”» и, будучи сам ограничен в средствах и «не имея возможности прийти на помощь русским инвалидам сколько-нибудь существенно в материальном отношении», — «тем не менее горячо принимал к сердцу их интересы»: «Великий князь горячо радовался каждому более или менее значительному пожертвованию, которое удавалось получить или непосредственно союзом, или при его личном содействии. Он всегда охотно исполнял просьбы правления и радовался случаю выразить благодарность жертвователю от его имени»¹⁰. Можно предположить, что сама по себе личная благодарность русского великого князя, хотя ее и нельзя было приколоть на грудь, подобно медали или ордену, в каком-то смысле воспринималась многими жертвователями как награда, а у иных и стимулировала их щедрость в соответствии с рассуждениями полковника Брагина.

Поэтому, быть может, не случайно обращение Союза инвалидов к фалеристическому творчеству после кончины Николая Николаевича (5 января 1929 г.), — правда, теперь новоучрежденные знаки, конечно, теряли значительную долю своей «солидности», будучи лишь частными наградами общественной организации. Уже в 1930 г. появляется двухстепенный Почетный знак Зарубежного союза русских военных инвалидов, изображающий собою эмблему союза, причем «Положение о нагрудных знаках» предусматривает в качестве оснований для награждения (статьи 5-я и 6-я), помимо несколько аморфных «выдающихся исключительных заслуг по оказанию помощи инвалидам» или заслуг просто «выдающихся» (награждались 1-й и 2-й степенью соответственно), а также организаторской работы в подразделениях союза в течение соответственно десяти или пяти лет, — и пожертвования вполне конкретных денежных сумм: 10 000 франков для 1-й степени и 5000 — для 2-й. Заметим, что знак 1-й степени «первоначально изготовлялся золотой, большого размера, причем у верхнего его конца помещался зеленый лавровый венок, к которому прикреплялась русская национальная лента, и он носился как орденский знак», — и лишь «впоследствии венки были уничтожены, и знак носился не на ленте, а при помощи булавки»¹¹. В 1930–1932 гг. (до своей кончины) союз возглавлял генерал Н.Н. Баратов, но было ли учреждение Почетного знака его личной инициативой, нам неизвестно.

Зато другую «инвалидную» награду можно определенно связать с именем генерала А.Я. Ельшина, возглавлявшего организацию союза в Соединенных Штатах (как и Баратов, Ельшин и сам был инвалидом). Именно им в качестве «гроссмейстера ордена» («Grand Master of the Order») была подписана «Декларация» об уч-

⁹ Данилов Ю.Н. Великий князь Николай Николаевич. Париж: Imprimerie de Navarre, 1930. С. 347.

¹⁰ Там же. С. 349–350.

¹¹ Пашков П.В. Ордена, знаки и эмблемы русской эмиграции, 1920–1944 год. (На титульном листе место и дата — Париж, 1944; в действительности труд был завершен позже.) Машинопись, копия в собрании Российской государственной библиотеки. Без нумерации листов.

реждении «ордена и креста Сострадательного Сердца» («the Order and Cross of the Compassionate Heart» — название не вполне понятное, поскольку орден имел лишь одну степень) как награды американского отдела Союза инвалидов. Следует отметить, что основоположник исследований эмигрантской фалеристики поручик П.В. Пашков, следуя буквальному переводу в одном из русских зарубежных журналов, относит орден к знакам Общества русских ветеранов Великой войны, в то время как название организации «The Russian Veteran's Society of the World War», избранное, по-видимому, для соответствия общей номенклатуре, принятой комбатантскими союзами в Америке, должно обозначать именно отдел Зарубежного союза русских военных инвалидов, эмблема которого и украшает официальную листовку с «Декларацией» генерала Ельшина — президента общества («Society»).

Орден также имел двойное назначение, будучи фактически знаком принадлежности к союзу (при уплате его членом 6 долларов) и, согласно постановлению от 10 августа 1933 г., символом заслуги перед союзом американских граждан. Учредители, впрочем, оказались не столь меркантильными, как авторы проекта «Зеленого Креста», и не стали конкретизировать формы и размеры оказываемой инвалидам помощи; более того, в число возможных кавалеров награды были включены «все американские граждане-патриоты» («all patriotic American citizens») — комбатанты Великой войны, члены Красного Креста «и всех благотворительных организаций и частных лиц, оказывавших услуги Союзникам во время <Первой> Мировой войны», члены правой организации «Американский легион» и др. Но и материальная сторона не была забыта: «Декларация» объявляла, что «средства, полученные от распространения награды»¹², будут положены в банк, а проценты пойдут на оказание помощи русским инвалидам. Сам орден цветовой символикой креста (красный центральный медальон, белые лучи) и ленты (черно-оранжевой) явно апеллировал к ордену Святого Георгия, внося «благотворительный» мотив в виде изображения пяти сердец, форму которых имели лучи и медальон. Изначально он должен был носиться на колодке традиционной формы, однако нам известна и фотография миниатюрного («фрачного») знака, не имеющего ушка и наложенного на розетку из орденской ленты; при этом он, конечно, несколько теряет свое «орденоподобие».

Разумеется, сложно сказать, насколько эффективным оказывалось учреждение таких наград и для многих ли жертвователей становилась стимулом перспектива получения соответствующего «ордена» или знака; неизвестна даже статистика выдачи последних и распределение награжденных по категориям. Тем не менее сам факт движения мысли награждающих по этому пути является своего рода характеристикой условий, в которых разворачивалась эмигрантская благотворительность, награды же вписывают в ее историю яркую и своеобразную страницу.

¹² Пашков П.В. Ордена, знаки и эмблемы русской эмиграции, 1920–1944 год. Цитата из «Декларации» дана в обратном переводе с английского.

А.В. Марыняк

ПРЕДСТАВИТЕЛИ РУССКОЙ ВОЕННОЙ ЭМИГРАЦИИ
О СОСТОЯНИИ ОФИЦЕРСКОГО КОРПУСА
НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Одной из основных тем в работах русских офицеров, оказавшихся в эмиграции, стала история Первой мировой войны и участие в ней России. Круг разбираемых тем был крайне широк — от простых воспоминаний авторов о том или ином эпизоде с их личным участием до серьезных профессиональных разборов крупных операций на страницах военно-научных изданий и проблем, возникших в результате закончившейся мировой войны (структурные и организационные изменения в составе вооруженных сил, принципы их комплектования и т. д.).

Безусловно, одной из важнейших тем, рассматривавшихся авторами, были изменения, произошедшие в ходе войны с офицерским корпусом русской армии как вследствие громадных потерь, им понесенных, так и резкого увеличения числа воинских частей. И одно и другое в мирное время предположить было невозможно. По крайней мере, никто не мог представить, что сам облик офицерского корпуса, его моральные ценности и внутренние ориентиры окажутся буквально смыты валом людей, случайно надевших офицерские погоны и составивших к 1917 г. абсолютное большинство обер-офицерского состава и сыгравших значительную, если не главную, роль в развернувшейся затем Гражданской войне.

Представители кадрового офицерства, оказавшиеся в эмиграции, часто проводили грань между собой и своими младшими собратьями¹. Достаточно упомянуть тот факт, что при приеме на Зарубежные высшие военно-научные курсы генерала Н.Н. Головина слушатели четко разделялись на удостоившихся производства в офицеры: а) в мирное время, б) в годы Первой мировой войны и в) в годы Гражданской войны. Соответственно этому разделению возрастали и требования к поступающим, что объяснялось разницей в уровне профессиональных знаний представителей этих трех категорий.

Если же вспомнить о поистине «метеорном» производстве в следующие чины, которое практиковалось в Белых армиях, то ситуация, затруднявшая взаимоот-

¹ Вот как не без доли юмора отметил в 1934 г. генерал Б.В. Геруа, комментируя строки своего письма от 12 марта 1916 г. о необходимости собственноручного написания за три дня 82 представлений на производство в следующий чин на основании высочайше дарованных льгот: «Это было начало превращения офицерского состава русской армии в две категории: полковников и прапорщиков» (Геруа Б. Исправления к боевому и мирному календарю Измайловцев с июня 1915 года по июль 1916 года: Выдержки из писем командующего Л. Гв. Измайловским полком с театра военных действий. Часть III // Измайловская старина: Материалы к истории Л.-Гв. Измайловского полка. Тетрадь № 26. Александрия, 1936).

ношения даже среди активной части военной эмиграции, часто объединенной в составе одних и тех же организаций (в первую очередь, конечно, Русского общевойскового союза), получает еще одно объяснение. В то время как значительная часть русского генералитета, например, была произведена в генеральские чины еще перед Первой мировой войной, все они прошли полный курс подготовки военных училищ, многие — военных академий, значительная часть из них была представителями подлинных военных династий, служивших на протяжении десятилетий и веков царю и России «в военной службе», — рядом с ними оказывались сравнительно молодые люди, многие из которых вообще не имели полноценного военного образования. Так, один из крупнейших и активнейших деятелей русской военной эмиграции — генерал-майор Антон Васильевич Туркул, последний начальник знаменитой Дроздовской дивизии, произведенный в этот чин в 1920 г. в рядах Русской армии генерала П.Н. Врангеля, в начале Первой мировой войны был всего лишь призванным из запаса младшим унтер-офицером из вольноопределяющихся, произведенный в прапорщики (первый офицерский чин) лишь 20 октября 1914 г.² Человек, который в мирное время дважды (!) безуспешно пытался поступить в военное училище³, на двух войнах за шесть лет проходит путь от прапорщика до генерал-майора, причем производится в последний чин в возрасте 27 лет!

Это ни в коей мере не умаляет военного таланта и личной храбрости А.В. Туркула, не раз подтвержденных в боях на фронтах мировой и Гражданской войн, многочисленными ранениями и высокими наградами, вплоть до ордена Св. Георгия 4-й степени, но... Именно это «но» вызывало порой негативное отношение со стороны «старых генералов», которые не могли до конца принять ситуацию, когда рядом с ними, наравне с ними, оказались «бывшие штабс-капитаны, сделавшиеся генерал-лейтенантами»⁴. Справедливости ради стоит заметить, что раскол в среде офицерского корпуса начался еще в дни Февральской революции, когда для старшего командного состава (за редкими исключениями) революционные изменения не несли практически ничего хорошего: если и не смерть от рук распоясавшейся солдатни, то почти наверняка унижение, незаслуженную отставку и жизненный крах. Для части же обер-офицерского состава открывались широкие перспективы карьерного роста, отступали опасения за свое будущее: зна-

² Приказ главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта. 1914. № 176.

³ В 1910 г. — в Одесское, а в 1911 г. — в Тифлисское. Неудачи постигали юного вольноопределяющегося на вступительных экзаменах. А ведь оба училища были «трехклассными», недавно преобразованными из пехотных юнкерских, для поступления в которые не требовалось даже законченного среднего образования. Подробнее см.: *Бушин А.Ю.* Орден Святого Георгия штабс-капитана Туркула // *Военная быль.* 1997. № 9 (138). С. 12.

⁴ Автор этой фразы — генерал-лейтенант А.П. Будберг, записавший ее в своем «Дневнике», был отнюдь не самым справедливым человеком, скорее наоборот — весьма желчным, но в данном случае бывшему заведующему военным министерством в правительстве верховного правителя адмирала А.В. Колчака вольно или невольно удалось «ухватить проблему»: штабс-капитан — высший офицерский чин, которого по закону мог достигнуть человек, не имеющий специального военного образования. О характеристике «Дневника» генерал-лейтенанта барона А.П. Будберга см.: *Езев А.Б.* К вопросу о «допустимости», «легитимности» и «правомочности»...: (Из истории Георгиевских наград на Востоке России в 1918–1919 гг.) // *Военная быль.* 1993. № 4 (133). С. 9–10.

чительная часть «офицеров военного времени» в 1917 г. были молодыми людьми, чей самостоятельный жизненный опыт ограничивался войной, приближение окончания которой — причем победоносного, что уже чувствовалось, — неизбежно ставило вопрос о сокращении как армии вообще, так и офицерского корпуса в частности, причем резкого — в несколько раз. В революционной России столь туманные перспективы отходили на задний план, в то же время шло ускоренное производство в следующие чины: законодательные ограничения царского режима переставали действовать одно за другим, что позволяло делать поистине «звездные» карьеры, когда за несколько месяцев в «армии революционной России» за «тыловые подвиги» люди перескакивали через несколько чинов и занимали должности, на которые ни по служебному опыту, ни по заслугам не могли даже претендовать при нормальном ходе государственной жизни⁵.

К тому же 1917 г. принес с собой снятие абсолютно всех действовавших ранее ограничений на достижение офицерского чина, и в то же время, ввиду разложения как тыловых, так и фронтовых частей, десятками тысяч стали насчитываться сверхштатные офицеры, многим из которых в прямом смысле слова просто было нечем заняться. В таком же положении оказалась и значительная масса офицеров тыловых частей, которые вышли из повиновения и которых взять в руки при отсутствии дисциплинарной власти у начальников и реальной поддержки со стороны государственной власти не было возможности.

Резкое изменение самой сути офицерства чувствовалось кадровыми представителями офицерского корпуса еще во время Первой мировой войны. Громадные потери и вследствие этого большая текучка кадров уже на второй год войны привели к тому, что в старых полках полковые командиры предпочитали организовывать при штабах какой-то запас из кадровых офицеров полка, возвращавшихся после ранений и болезней, чтобы хоть как-то сохранить кадры. На офицеров военного времени смотрели в большинстве своем как на людей случайных, по какой-то нелепости оказавшихся среди офицерского состава. И зачастую такое мнение было оправдано. Февральская революция и Гражданская война не смогли сгладить этой разницы.

Отчетливо такое разделение выявилось в гвардейских частях, где офицеры пополнения зачастую оставались на положении прикомандированных, будучи как бы второсортными. Вина в этом в первую очередь ложится, конечно, не на них, а на старшее командование, формально заполнявшее освободившиеся вакансии, не считаясь с законными правами гвардейских частей и мнением их командиров.

⁵ Достаточно вспомнить бывшего подпоручика А.А. Краковецкого, произведенного в мае 1917 г. сразу в подполковники и назначенного в августе 1917 г. помощником командующего войсками Иркутского военного округа. Служебный опыт бывшего офицера Варшавской крепостной артиллерии ограничивался двумя годами службы и... восемью годами тюремного заключения. Таким же «вундеркиндом» оказался и помощник командующего войсками Петроградского военного округа бывший прапорщик запаса Кузьмин (Козмин, Кузмин), освобожденный революцией с каторги и «прошедший» за полгода все обер-офицерские чины. Быструю карьеру сделали родственники и личные друзья А.Ф. Керенского, «росшие» вместе с ним в должностях: подполковник В.Л. Барановский, в августе ставший генерал-майором и генерал-квартирмейстером Северного фронта, зауряд-подполковник П.А. Коровиченко, бывший присяжный поверенный, возглавивший в 1917 г. сперва Казанский, а затем Туркестанский военные округа и также получивший генеральские погоны, и т. д. и т. п.

Об этом, в частности, писал генерал А.И. Деникин: «Помню, когда в сентябре 1916 года, после жестоких боев на фронте Особой и 8-й армий, генерал Каледин настоял на укомплектовании гвардейских полков несколькими выпусками юнкерских училищ, — офицеры эти, неся наравне с гвардейцами тяжелую боевую службу, явились в полках совершенно чужеродным элементом и не были допущены по-настоящему в полковую среду»⁶.

Но как иначе могло отнестись к ним гвардейское офицерство, комплектовавшееся на протяжении десятилетий по строжайшему отбору и исключительно при согласии всего общества офицеров на принятие в полк нового кандидата? Как могли они отреагировать на «помощь» высшего начальства, которое в ответ на донесение о больших потерях в офицерском корпусе гвардейской пехоты «успокаивало» их устами командующего 8-й армией генерала А.М. Каледина: «Я пришло вам два вагона прапорщиков». И это в частях, где подход к каждому новому офицеру был строго индивидуален, где отбирали даже нижних чинов!

Гвардейский сапер Н.П. Поморский-Толлер вспоминал: «Такие скороспелые офицеры стали к нам прибывать из штаба на подводах, по 3–4 одновременно, и на каждой было по несколько этих “водителей” наших бедных солдат. Скоро их перестали считать по числу офицеров, а просто говорили: “прибыло две тачанки калединских прапорщиков”... И это наименование — “калединский прапорщик” — прочно за ними установилось»⁷.

У этой молодежи была храбрость, был порыв и готовность умереть, но ни опыта, ни достаточных знаний они не имели и авторитетом у солдат не пользовались. Что и немудрено: любой унтер-офицер или старый солдат не уступали им в познаниях, но вели себя надежнее в бою. «И вот умирать, конечно, умели и эти мальчишки, но умирать с пользой — они все же не умели... Не редкими были случаи, когда некоторыми ротами командовали старые подпрапорщики или унтер-офицеры, а младшими офицерами числились “прапорщики калединской школы”. Иначе и быть не могло!»⁸

Серьезный вклад в изучение изменений в составе офицерского корпуса русской армии за годы Первой мировой войны был сделан в 1924 г. генералом Виктором Васильевичем Чернавиным, опубликовавшим в «Военном сборнике» Общества ревнителей военных знаний свою статью «К вопросу об офицерском составе Старой Русской Армии к концу ее существования»⁹. На основании имевшихся у него материалов о командном составе полков 6-й армии осенью 1917 г. и собственного опыта (в том числе на должности командира полка) ему удалось представить картину изменений в офицерском составе русской пехоты в ходе войны и ее положение к октябрьскому перевороту. До сих пор эта работа остается основным исследованием по данному вопросу. Автор в самом начале своей статьи справедливо отметил: «Разобраться в вопросе о том, как изменялся офицерский

⁶ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 1. Вып. 1: Крушение власти и армии. Февраль — сентябрь 1917. М., 1991. С. 85.

⁷ Поморский-Толлер Н.П. Воспоминания гвардейского сапера. Новый Сад, Б. г. С. 172.

⁸ Там же. С. 173.

⁹ Чернавин В.В. К вопросу об офицерском составе Старой Русской Армии к концу ее существования // Военный сборник. Белград, 1924. Кн. 5.

состав русской армии в течение мировой войны и из каких элементов он состоял к концу ее, было бы очень полезно. Не сделав этого, трудно понять многие явления как этой войны, так и, в особенности, последующего периода»¹⁰.

Стоит отметить, что в своих книгах и статьях обладавшие значительным служебным и боевым опытом представители кадрового офицерства были далеки от идеализации офицерского корпуса в мирное время и не стеснялись акцентировать внимание на недостатках и просчетах «военной машины» Российской империи, проявившихся в ходе Первой мировой войны. Благодаря их работе в эмигрантский период раскрываются многие пробелы в истории Первой мировой на русском фронте, ими высвечены те ошибки, которых должна была избежать в будущем русская армия.

Например, в одном из главнейших звеньев — на должностях командиров полков — к 1917 г. оставалось мало офицеров, имевших высшее военное образование. Основную массу полковых командиров составили офицеры, вышедшие на войну на должности ротных и батальонных командиров, а также офицеры, занимавшие в начале войны административные и учебные должности. Обладая большим боевым опытом, молодые полковые командиры не обладали должным опытом в хозяйственно-административной и воспитательной области либо же наоборот: прекрасно разбираясь в нестроевых вопросах, отвыкшие от строя пожилые офицеры не всегда могли должным образом руководить боевыми действиями в новых условиях ведения войны. Причем аналогичная ситуация складывалась как на более высоких, так и на низших ступенях командования.

В конце 1916 г. было предпринято реформирование двухдивизионных корпусов в трехдивизионные за счет выделения из существующих полков по одному батальону и двух рот. Инициативу проведения этой реформы приписывают генералу В.И. Гурко, замещавшему в конце 1916 — начале 1917 г. на должности начальника штаба Верховного главнокомандующего заболевшего генерала М.В. Алексева. Реформу эту не критиковал разве что ленивый. Генерал В.И. Гурко также озаглавил одну из своих статей «Чрезвычайно неудачная по замыслу реформа». Вообще редко в истории найдется реформатор, который бы столь критично отнесся к своему детищу.

Некоторые аспекты, подтолкнувшие генерала В.И. Гурко на такие меры, ускользали и ускользают от внимания критиков. В частности, уменьшение состава дивизий и полков должно было облегчить задачу командного состава: «Двенадцатиб<атальон>ная дивизия являлась более *легко управляемой* в бою, менее громоздкой на походе — преимущество не малое для молодых н<ачальни>ков дивизий, не имевших мирно-маневренной практики.

Еще более это обстоятельство сказывалось в полках, где увеличение числа пулеметных команд делало управление 4-х б<атальон>ными полками для командиров, выступивших в поход ротными к<оманди>рами, делом почти непосильным с оживившимся (вероятно, опечатка; имеется в виду «ожидавшимся»). — А. М.) началом маневренной войны»¹¹.

¹⁰ Чернавин В.В. К вопросу об офицерском составе Старой Русской Армии к концу ее существования. С. 213.

¹¹ Гурко В. Чрезвычайно неудачная реформа // Вестник военных знаний. 1931. Июль. № 4 (12). С. 12.

Некоторые представители кадрового офицерства и в эмиграции продолжали относиться к офицерам военного времени как к неким «париям», пусть даже они честно прошли тяжкую страду мировой и Гражданской войн. Наиболее резко (вплоть до несправедливости) это отношение было выражено в журнале «Армия и флот», выходившем в Шанхае, в письме одного из известных генералов, скрывшегося под псевдонимом Комендантов: «Германская война породила огромное количество прапорщиков запаса, которые превысили в несколько раз остатки от боев кадровых офицеров и ничего общего не имеющие со званием офицера, из них было много и зауряд-полковников, просочившихся в армии Колчака в генералы, а сколько самозванцев с украденными документами?»

К горю нашему, старых кадровых офицеров, и к удовольствию многих «имя рек», при благосклонном участии писак, только и читаешь: на скамье подсудимых — полковник Н. или генерал М., в воровстве попался «офицер»... Да какой же это офицер, когда он до Германской войны занимался тем, в чем попался в настоящее время?»¹²

Редактор издания полковник Генерального штаба Н.В. Колесников счел необходимым в том же номере возразить «глубокопочтенной и уважаемой всеми личности» (т. е. автору цитированного выше письма — генералу, живущему в Харбине): «...мы не можем не указать на некоторую опасность и несправедливость в современные нам дни разделять офицеров на кадровых и некадровых.

<...>

На призыв генерала Корнилова, адмирала Колчака, ген. Деникина, ген. Юденича и ген. Миллера не всегда откликнулись кадровые офицеры, а зачастую это были: юнкера, кадеты, студенты, гимназисты, реалисты, иногда прапорщики германской войны, о которых так волнуется автор письма, и вполне понятно, что не их вина, что они родились позднее и не успели быть «кадровыми» офицерами.

Своею кровью и телами они засвидетельствовали точно такую же верность России, как и кадровый офицер.

А разве мало кадровых офицеров совершило еще большую подлость в отношении нашей Родины, чем те недостойные люди, о которых пишет Комендантов?»¹³

Была правда в возражениях полковника Колесникова, но изрядная доля истины оставалась и в словах харбинского генерала. В некоторой степени этот эмигрантский спор был отголоском споров и дискуссий о значении Гражданской войны, о значимости ее опыта и возможности его использования в будущем, в освобожденной от большевиков России. В силу более молодого возраста и громкой славы боев в России на первые места в среде военной эмиграции выдвигались молодые генералы Гражданской войны, имевшие большой авторитет среди своих подчиненных, уходившие в изгнание во главе своих родных частей и соединений, прошедшие с ними первые годы тяжелой эмигрантской жизни и ставшие во главе этих групп. В то же время значительная часть кадрового офицерства получила возможность объединиться лишь в эмиграции, далеко не все старые офицеры принимали активное участие в Гражданской войне, тем более далеко не все оказывались в составе той или иной Белой армии. Слава старых частей импера-

¹² Комендантов. Письмо в редакцию // Армия и флот. Шанхай. 1933. № 9 (1181). С. 62.

¹³ Колесников Н.В. Ответ // Там же. С. 63–64.

торской армии на полях Гражданской войны явно уступала громкой известности различных «добровольческих» формирований и «цветных» частей. В то же время на протяжении всей Гражданской войны основная масса кадровых офицеров стремилась (и часто безуспешно) к возрождению своих родных полков, переводилась в образовывавшиеся полковые ячейки из других частей со всех концов фронта, что говорит о крепкой «закваске» традиций и любви к родному полку. Но абсолютное большинство из надевших офицерские погоны к 1917 г. ни дня не служили в своих полках в мирное время, более того, часто в них уже не оставалось «старых» офицеров, способных об этом даже рассказать. Еще хуже было то, что большинство прапорщиков выпускались в части, появившиеся хорошо если при мобилизации, а то и просто в ходе войны, формируемые с нуля или из различных ополченских дружин; это были в прямом смысле временные формирования, срок жизни которых окончился бы с приказом о демобилизации армии, ни о какой долгой истории, крепких вековых традициях и устоявшемся укладе полковой жизни в подобных условиях речи идти не могло. Хотя бы в силу этих, пусть и естественных, обстоятельств основную массу тех, кто пошел «на призыв генерала Корнилова, адмирала Колчака, ген. Деникина, ген. Юденича и ген. Миллера», составили именно «временные» офицеры «временных» частей, часто с весьма поверхностным военным образованием, для которых положение рядового бойца в какой-нибудь офицерской роте было вполне естественным и даже органичным.

Далеко не всегда в годы Гражданской войны производство в офицерский чин несло за собой изменение статуса военнослужащего и увеличение его должностных обязанностей, а уж тем более увеличение его специальных знаний. Начавшееся еще в эпоху Первой мировой войны расхождение между чином и занимаемой должностью в годы войны Гражданской приобрело просто-таки фантазмагорический характер: штабс-капитаны на должностях ездовых и прочей орудийной прислуги, есаулы, назначаемые командовать пехотными полками, профессор В.Х. Даватц, производимый в подпоручики за чтение лекций... Не раз участники Белого движения в своих воспоминаниях отмечали, как старые полковники шли рядовыми в ротах у штабс-капитанов — да, безусловно, жертвенность данных штаб-офицеров очевидна, что и пытаются показать авторы, но в то же время столь «революционный» подход нельзя признать нормальным для армейского строительства, тем более в случае этого строительства уже на государственном уровне, после победы (так и не озарившей знамена Белого движения).

От преувеличения значения Гражданской войны (довольно ярко, кстати, проявившегося в СССР) предупреждал один из основных военных мыслителей русского зарубежья генерал Н.Н. Головин: «Первое время после переворота (т. е. свержения большевиков. — А. М.) в командном составе непременно будет господствовать тенденция преувеличивать значение опыта Гражданской войны. Большая часть лучшего офицерского состава, на котором будет строиться будущая Российская Армия, участвовала в Гражданской войне на той или другой стороне внутреннего фронта»¹⁴.

Об этом же писал в рецензии на вызвавшую большую полемику в эмигрантской военной среде книгу Б.А. Штейфона «Кризис добровольчества» А.Н. Ви-

¹⁴ Головин Н.Н. Мысли об устройстве будущей российской вооруженной силы // Военный сборник. Белград, 1925. Кн. 6. С. 167.

ноградский: «Попутно попытаемся высказаться окончательно по поводу того значения с чисто военной точки зрения, которым обладает гражданская война 1917–20 гг. Вывод получается двусторонний: представляя многочисленные, если не сплошные примеры высокой военной доблести, эта война с военно-научной точки зрения не может ничего дать в области методов и подхода к разрешению задач при будущих столкновениях... Военная политическая обстановка, *вождение* войск, отсутствие технических средств, соотношение между протяжениями фронтов и силами, выдвижение на высшие командные посты и вообще боевая подготовка войск, — все это ряд основных данных, которые настолько отличны от того, с чем приходится встречаться в серьезной европейской войне, что предмет серьезного изучения с целью почерпнуть руководящие выводы гражданская война 1917–20 гг. служить не может. Это не исключает, разумеется, преклонения перед теми, кто в свое время, добровольно, движимые святой идеей, беззаветно дрались против поработителей России, и не их вина, что пришлось им проявлять свою доблесть в настолько исключительных условиях, что плоды ее могут быть сохранены лишь как прекрасный, но мертвый памятник»¹⁵.

В эмиграции кадровое офицерство как бы постаралось вернуть себе утраченные позиции, объединяясь в союзы и общества своих прежних частей и военно-учебных заведений, восстанавливая связь с однополчанами, часто — оставаясь в профессии (пускай и в иностранном мундире либо же только «в нерабочее время»). Изучение и систематизация опыта проведенных войн, тщательное наблюдение за новшествами в военной области как в европейских странах, так и в СССР, активная творческая деятельность по выработыванию новых форм военного строительства, подготовка офицерского корпуса будущей российской армии (путем всевозможных школ, курсов и т. п.) — все это в первую голову ложится именно на кадровых офицеров. Для такой системной и систематической работы у молодежи не хватало ни опыта, ни в первую очередь знаний. Молодые генералы проявляли свою активность скорее на политическом фронте, крайне (и не без симпатий) интересуюсь успехами фашизма и национал-социализма, при возможности — готовы были принять участие в активной работе против СССР или же в вооруженных конфликтах на других континентах.

А старые офицеры продолжали ради будущей России воспитывать и учить молодежь, изучать опыт минувших войн и делать все возможное для того, чтобы не повторились прошлые ошибки, стоившие многих тысяч жизней и крушения российской государственности, в возрождение которой они верили и для которой работали. В том числе и изучая изменения в офицерском корпусе «Старой Русской Армии», ибо «прапорщик платил своей кровью за “невязки” штабных расчетов наравне с нижним чином. Но за неподготовленность прапорщиков дорого заплатили и они сами, заплатила дорого и Россия. Нельзя допустить, чтобы остались неиспользованными тяжкие уроки нашего недавнего прошлого»¹⁶.

¹⁵ Виноградский А.Н. Вокруг книги «Кризис добровольчества» ген.-майора Б. Штейфона // Вестник Союза офицеров участников войны. 1929. № 3. С. 26.

¹⁶ Соколовский М. Подготовка офицерского состава в будущей России // Армия и флот: Вестник сухопутных, морских и воздушных сил. Париж. 1938. Март. № 3. С. 2.

О.Т. Ермишин

ФИЛОСОФСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ В.В. ЗЕНЬКОВСКОГО:
ОТ ПРОБЛЕМЫ ПСИХИЧЕСКОЙ ПРИЧИННОСТИ К СИСТЕМЕ
ХРИСТИАНСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Василий Васильевич Зеньковский (1881–1962) больше знаменит как историк русской философии, психолог и педагог, а как философ менее известен. Для такой ситуации были и причины: Зеньковский отличался большой научной скромностью и своим особым пониманием исследовательской работы. Он писал в воспоминаниях: «У меня от моего пребывания (в течение четырех лет) на естественном факультете сложилось некое, тогда до конца не осознанное, но имеющее всегда огромное влияние на ход моей научной работы представление о правильном *типе* научной жизни. А именно: самое главное в научной работе — *избегать оригинальничания*. Это значит неверно и недостойно излагать свои мысли *только как свои*: надо непременно связывать их с тем, что было добыто или сказано *до меня*»¹. Отсюда оригинальные философские идеи Зеньковского нередко теряются за его стилем объективного научного изложения. Чтобы их выявить и проанализировать, необходимы некоторые усилия и особый ракурс изучения. Сосредоточим внимание на ведущей идейной линии в размышлениях Зеньковского, реконструируем философскую эволюцию ученого, с тем чтобы выяснить ее общий итог.

* * *

Зеньковский как исследователь, не без влияния своего учителя Г.И. Челпанова, начинал на стыке философии и психологии. Можно даже сказать, что он понимал психологию как философскую дисциплину, изучающую основы психического бытия, т. е., по сути, как своеобразное введение в философскую антропологию. Если в западной науке интенсивно развивалась экспериментальная психология, то в русской философии появилась своя традиция, сущностью которой было метафизическое понимание психологического исследования. Достаточно вспомнить такие труды, как «Наука о человеке» (1898–1903) В.И. Несмелова и «Душа человека» (1917) С.Л. Франка. Зеньковский также примыкал к этой философской традиции. Его магистерская диссертация «Проблема психической причинности» (Киев, 1914), защищенная в Московском университете в апреле 1915 г., как раз направлена на обоснование метафизического понимания психологии. Однако трудно найти в диссертации Зеньковского хотя бы какие-нибудь претензии на оригинальность. Оригинальные мысли автора как бы растворены в объем-

¹ Зеньковский В.В. Из моей жизни // Вестник РХД. 2002. № 183. С. 306–307.

ном научном трактате, наполненном обзорами чужих мыслей и цитатами. О специфике своей работы над диссертацией Зеньковский вспоминал так: «Занятый вопросом, в какой мере и в какой форме закон причинности может быть применен к пониманию психики, я, после общего изучения главной литературы о проблеме причинности, написал *первый очерк книги*. Там было едва ли больше 6–8 печатных листов (около 100 печ. страниц), но когда <был написан> этот очерк, в котором уже было изложено все основное, было написано то, что составило суть книги, то тогда я стал “бронировать” этот очерк, тщательно обрабатывая каждый §»². Таким образом, основная мысль Зеньковского, изложенная на 100 страницах, оказалась вписана в «броню» книги объемом 435 страниц. В чем же основная мысль Зеньковского в его диссертации?

Зеньковский предложил органическое понимание психики, основанное на оригинальном понимании психической причинности. Разобрав множество теорий причинности, Зеньковский показал их недостаточность или противоречивость. Со своей стороны, он попытался указать на то, что психическая жизнь основана на причинности, которая отлична от причинности физических явлений. В отличие от физической причинности, имеющей объективный характер, психическая причинность порождается «центром» душевной жизни, ее устойчивым метафизическим субъектом. В психическую жизнь через метафизический субъект вторгается идеальная сфера бытия, и психическая причинность устанавливается не от акта к акту, а через особую духовную активность субъекта. Эта духовная активность обладает относительной беспричинностью, или относительно беспричинной свободой, когда сам субъект делает беспричинный выбор и способен устанавливать новый причинный ряд. Зеньковский в своей работе показал метафизические принципы в объяснении психической жизни, необходимость метафизического учения о личности. Он писал в конце диссертации, что «идея свободы глубоко связана с идеей непроемкости индивидуальности; друг друга восполняя, обе эти идеи лишь на почве строго эмпирической психологии могут получить свое обоснование, хотя их философская обработка ведет нас за пределы опыта в область метафизики»³.

Среди историков русской философии принято считать, что следующим этапом после магистерской диссертации стала разработка Зеньковским проблем педагогики, психологии и философской антропологии, а затем уже произошел переход к религиозной философии и богословию. Такое представление базировалось на последовательности опубликованных трудов Зеньковского. Однако в хронологии научной деятельности Зеньковского до сих пор не хватало одного существенного факта. Следующей после магистерской диссертации большой работой Зеньковского стала не книга «Психология детства» (1923), а оставшееся в рукописи исследование, не имеющее заголовка, но названное автором в предисловии «Введением в систему философии православия»⁴. Этот обширный труд

² Зеньковский В.В. Из моей жизни. С. 306.

³ *Он же*. Проблема психической причинности. Киев, 1914. С. 434–435.

⁴ Копия рукописи В.В. Зеньковского любезно предоставлена Н.А. Струве из архива Русского студенческого христианского движения (Париж). Далее цитируется по этому варианту.

Зеньковский писал в 1920-е гг., указав в предисловии, что «такая книга нужна не для того, чтобы ввести читателя в проблемы и методы философии православия — это могло бы быть сделано с удобством в отдельных частях системы; она нужна для того, чтобы связать сознание современного человечества с православием, в общем и беглом обзоре уяснить тайное устремление всей современной культуры к православию и ориентировать мало подготовленного читателя в исторических судьбах православия»⁵. Зеньковский успел написать семь глав общим объемом 684 рукописных страницы, но книга так и осталась незаконченной и неопубликованной. Объяснить это можно, конечно, масштабностью работы, для которой у Зеньковского, занятого педагогической и церковно-общественной работой, времени было мало. При этом научная скромность Зеньковского плохо сочеталась с амбициозностью труда, завершение которого он, вполне возможно, оставил до более зрелых лет. В данном случае можно выдвинуть одну гипотезу. В указанной рукописи не хватает двух глав (5-й и 6-й), или рукописных страниц с 371 по 546. Учитывая, что все остальные главы (1–4-я, 7-я) сохранились в полном объеме, можно предположить, что Зеньковский изъясил две главы и положил их в основу 1-го и 2-го томов «Основ христианской философии» (1961–1964). В случае верности такой гипотезы можно напрямую сопоставить архивный текст 1920-х гг. с поздним трудом Зеньковского «Основы христианской философии». Теперь подробнее остановимся на анализе рукописи Зеньковского и рассмотрим, в чем заключалась его система философии православия.

Исследование Зеньковского по философии православия носит разноплановый характер. С одной стороны, Зеньковский пытается осмыслить причины кризиса современного ему европейского общества, с другой — ищет путь к преодолению этого кризиса через построение органичной, целостной культуры. Его система — это, в общем, поиск и разработка философских основ православного мировоззрения. Она складывается из последовательного анализа следующих тем: в сохранившихся главах рукописи — политика, экономика, культура, общество, семья, этика; в ненаписанной 8-й главе — эстетика (тема анонсирована в конце последней, 7-й главы); в утраченных 5-й и 6-й главах — предположительно знание и наука (учение о познании), метафизика (учение о мире). В исследовании всех этих тем Зеньковский использует метод, сущность которого заключается в первоначальном анализе внешних явлений жизни с последующим выяснением их внутреннего смысла, содержания и связи с основами культуры. Не случайно Зеньковский начинает анализ с политики как той деятельности, в которой наиболее проявляется внешняя активность как индивидуальностей, так и целых государств. С его точки зрения, в политике особенно наглядно можно видеть распад органических связей в культуре и обществе, всеобщую «атомизацию».

Первоначальное единство европейской культуры, по мнению Зеньковского, проистекает из общей основы — христианства, которое «овладело постепенно народной душой»⁶. Однако это овладение оказалось не всецелым, и единая душа,

⁵ Зеньковский В.В. <Введение в систему философии православия>. С. 5.

⁶ Там же. С. 14.

подпав под влияние различных сил, стала распадаться. При этом Зеньковский относит понятия души, индивидуальности, личности не только к отдельному человеку, но и к народам и цивилизациям, обладающим культурным единством. Он пишет: «...возникновение национальных единств есть выражение и выявление индивидуальностей высшего типа, именно нации как некоторой целостной, своеобразной, замкнутой в себе коллективной индивидуальности»⁷. Сам по себе рост национального самосознания, самоутверждение наций в Новое время Зеньковский считал естественным процессом, который, однако, привел к некоторым негативным последствиям. Как полагал Зеньковский, духовная и материальная культура взаимосвязаны, и утрата органического единства, выраженная в том числе в политических противоречиях между национальными государствами, привела европейскую цивилизацию к разрыву между духовным и материальным. В культуре происходит процесс секуляризации, в политике начинает преобладать национальный эгоизм, в экономике утверждается экономический индивидуализм, основой которого становится жажда обогащения. Внутренняя целостность национальных образований приводит не к гармонии, а к борьбе «всех против всех». Зеньковский же видел социальный идеал в семье, объединенной любовью, поэтому искал путь к братским отношениям между народами. Он полагал, что национальному развитию необходима христианизация, а организация человечества в одну семью народов возможна именно на основе системы философии православия.

В осознании сущности православия особую роль для Зеньковского играет понятие культуры, поскольку именно культурная традиция формирует целостное, гармоничное мировоззрение. Зеньковский пишет: «Основным фактом культуры является, таким образом, взаимодействие личности и социальной среды: личность не может социально действовать, если она не усвоит некоего минимума традиции, не пропитается в известной степени духом эпохи»⁸. Для обретения гармонии между личностью и социальной средой и необходима в первую очередь христианизация культуры. Кроме того, культура важна для Зеньковского тем, что дает эмпирический материал для анализа и обобщений, наполняет теоретические построения конкретным содержанием.

Для понимания взаимодействия личности и социальной среды Зеньковский предлагает классификацию форм социального объединения⁹:

- А. Формы внутреннего объединения (язык, традиция, духовное единение).
- В. Формы внешнего объединения (политическое, юридическое, экономическое объединение).
- С. Формы, связанные с внутренним и внешним объединениями (национальное объединение в его различных ступенях — племя, народность, нация, культурный тип).

Для Зеньковского все перечисленные формы относятся к неорганическим социальным объединениям, так как при неблагоприятном историческом разви-

⁷ Зеньковский В.В. <Введение в систему философии православия>. С. 15.

⁸ Там же. С. 59.

⁹ Там же. С. 80.

тии могут привести к разобщению народов. Правовая и этическая регуляция социальных отношений, как показывает история человечества, может только на время создать чисто внешний порядок. Для создания же органической культуры необходим, по мнению Зеньковского, качественно иной подход, предполагающий формирование внутренне устойчивых духовных структур. Христианство через идеал Церкви указывает, по Зеньковскому, на путь, ведущий к всечеловеческому единству.

Духовным средоточием культуры, как замечает Зеньковский, является философия, в которой «концентрируются все основные течения духовной жизни»¹⁰. Из предполагавшегося сначала обширного анализа философии в контексте европейской культуры Зеньковский написал только главу об этике, рассмотрев тему, которая редко встречается в других его работах. Распад средневековой культуры привел к отделению этики от религии, созданию автономной этики. В совершившемся в европейской культуре Нового времени процессе Зеньковский увидел «корень глубочайшего разложения этической жизни»¹¹, что привело к этическому натурализму, т. е. соотношению морали человека с бездушными законами природы. Добро стало субъективной категорией и перестало быть действенной силой в человеческой жизни. Чтобы справиться с такой негативной ситуацией, необходимо выяснить вопрос о происхождении этической жизни в человеке. В античности, до появления христианства, идея нравственности преимущественно существовала на уровне психологии этической активности, т. е. в стремлении к достижению высшего состояния души посредством индивидуальной рассудочной работы. С приходом христианства появляется идея религиозной этики, предполагающая органическую связь моральной и религиозной жизни. Как пишет Зеньковский, «взаимоотношение моральной и чисто религиозной жизни на почве христианства принимает подлинно органический характер, и создается эта внутренняя, органическая связность и целостность моральной и религиозной жизни тем, что основное содержание религиозного опыта в христианстве чисто морально»¹². По мнению Зеньковского, рождается не теория или идея, а новый моральный опыт, «живое ощущение добра»¹³. Однако религиозный опыт христианства очень быстро начинает замутняться, еще в Средние века, когда «связь человеческой души с Богом стала держаться на тонких нитях полуинтеллектуальной веры, мистического экстаза и покаянного обращения души к Богу»¹⁴. Постепенно происходит разрушение религиозной целостности, разделение религии и морали, утверждение авторитарности и умаление человеческой свободы. Так на примере этики можно понять главную задачу Зеньковского — разработать и систематически обосновать принципы, которые являются фундаментальными основами органической религиозной культуры, с тем чтобы найти пути к новому христианскому возрождению.

¹⁰ Зеньковский В.В. <Введение в систему философии православия>. С. 141.

¹¹ Там же. С. 143.

¹² Там же. С. 154–155.

¹³ Там же. С. 156.

¹⁴ Там же. С. 160.

Сама идея построить систему философии православия дает совершенно новое понимание того, чем занимался Зеньковский в дальнейшем. Его исследовательские направления (психология, педагогика, богословие, философия, культурология) не автономны, как нередко их трактуют в научной литературе, а объединены одним замыслом, единой системой. Некоторое время занимаясь разными частями системы, Зеньковский вновь возвращается к построению целостной системы в конце жизни и пишет «Основы христианской философии» (возможно, как я уже отметил, на основе старых рукописных материалов 1920-х гг.). В чем же принципиальное отличие «Основ христианской философии» от архивного текста 1920-х гг.?

В «Основах христианской философии» меняется сама тональность размышлений. Если в 1920-е гг. Зеньковский писал именно «Введение», т. е. намечал общие пути, осмысливал обширный эмпирический материал и не чурался публичности, то в последнем большом труде он переходит к теоретическим основам, выделяя самое главное. Не случайно Зеньковский пишет уже не о православии (исторически данной религии), а о «христианской философии», т. е. вечных идеях христианства.

Напомним, что система Зеньковского в «Основах христианской философии» предполагала три части: 1) гносеологию; 2) метафизику; 3) учение о человеке. Третий том, посвященный христианской антропологии, Зеньковский не успел написать, но эскиз этого тома дан в работе «Принципы православной антропологии», первоначально опубликованной под другим названием на немецком языке¹⁵. На примере поздней системы христианской философии можно увидеть, что меняется в общем подходе Зеньковского по сравнению с периодом 1920-х гг. Если во «Введении» еще много личного и субъективного, то в «Основах христианской философии» и «Принципах православной антропологии» Зеньковский уже предельно сближает свои построения с общеправославной традицией и общехристианским мировоззрением. Происходит это не только из научной скромности Зеньковского. По моему мнению, Зеньковский, как выдающийся историк философии, хорошо понимал, что для построения философской системы нужна основа. Принципы философских систем, апробированные, например, в немецкой философии, для него были непримлемы, прежде всего из-за субъективности идей и интуиций, использованных для фундамента системы. Зеньковский выбирает для христианской философии в качестве основы христианское богословие.

Как считал Зеньковский, христианская философия невозможна без опоры на богословие и традицию, прошедшую многовековую проверку в Церкви. Так, у Зеньковского понятие церковного (соборного) разума становится основой для гносеологии, идея творения — для построения христианской метафизики, а антропология определяется учением о первородном грехе и человеке как образе Божием. Зеньковский последователен и систематичен в раскрытии христианской философии, которая, с его точки зрения, есть диалектика на основе веры. Зень-

¹⁵ *Zenkowsky B. Das Bild von menschen in der Ostrkirche: Grundlagen der orthodoxen Antropologie. Stuttgart, 1951.*

ковский, критикуя различные философские и религиозоведческие теории XX в., развивает тонкую диалектику, возвращаясь к своему идеалу преобразования жизни и целостного бытия, данного в Церкви.

Итогом философской эволюции Зеньковского стала его система христианской философии, которая до сих пор мало оценена. Ее значимость определяется в том числе тем, что в русской философии, в которой нередко преобладали фрагментарность, эссеистичность и публицистичность, вообще мало систем. Из предшественников Зеньковского можно вспомнить Л.М. Лопатина с его «Положительными задачами философии» (1886–1891), но Лопатин закончил систематическое построение своей метафизики обоснованием идеи творческой причинности, т. е. тем, с чего начал Зеньковский. Из современников Зеньковского, безусловно, одним из самых систематичных отечественных мыслителей был С.Л. Франк, который, однако, не создал одного общего труда, а раскрыл систему своих идей в многочисленных работах, но в конце жизни полностью разочаровался в возможностях рациональной философии. Зеньковский же проделал долгий и трудный путь к созданию философской системы: сначала он написал своеобразное психологическое и методологическое введение в систему («Проблема психической причинности»), затем — частично общий обзор системы (рукопись 1920-х гг. с введением в систему философии православия), после чего уже раскрыл общие принципы системы в «Основах христианской философии» и «Принципах православной антропологии». Только когда неизданная рукопись Зеньковского 1920-х гг. будет целиком опубликована¹⁶ и все перечисленные тексты в совокупности станут доступны читателям, появятся все условия для того, чтобы полноценно рассмотреть философскую систему Зеньковского и осмыслить ее значимость.

¹⁶ Фрагмент 2-й главы «Введения в систему философии православия» (глава не имеет названия) опубликован под названием «Общие законы экономической жизни» в журнале «Вестник РХД» (1991. № 161. С. 71–101). Целиком рукопись подготовлена к изданию и включена в предполагаемый 4-й том Собрания сочинений В.В. Зеньковского (издательство «Русский путь»).

Н.В. Ликвинцева

КУЛЬТУРА КАК ФЕНОМЕН ПАМЯТИ
В НАСЛЕДИИ ПРОТ. АЛЕКСАНДРА ШМЕМАНА

Мне бы хотелось начать разговор о взгляде отца Александра Шмемана на культуру и на ее связь с памятью с одной дневниковой записи, которую я бы предложила сделать отправной точкой нашего размышления, поэтому позволю себе привести ее целиком. Это запись от 4 ноября 1981 г.:

«Тридцать пять лет сегодня с моего дьяконского рукоположения на Сергиевском подворье... Служил утрению. Евангелие о Христе, заснувшем в бурю, о страхе и панике учеников. “Где вера ваша?” (Лк. 8: 25). Вот так и я — в унынии, в обиде, в гневе все эти дни. Страх за Церковь, за семинарию. Сегодня с утра повторяю себе: “Где вера твоя?”

Расстался вчера с R. Aron — как с другом. И опять, опять чувствую — насколько это ближе к христианству, чем эта все разрастающаяся “псевдодуховность”.

Почти весь день вчера и несколько часов сегодня разбор книг, расстановка их на новых полках. Расставлял и думал: сколько написано! Сколько усилий, страсти, времени вложено в каждую из этих книг. И как быстро “проходит образ их”, и стоят они на полках, словно на книжном кладбище. Да, несколько сот, может быть, несколько тысяч из них остались так или иначе *живы*. Но на каждую — сто тысяч безнадежно забытых... А все-таки все вместе они “создавали культуру”, каждая, умирая, погружаясь в забвение, оживала и живет в целом. Каждая в чем-то, в ком-то, как-то прибавляла в мире либо света, либо тьмы. Как редко, например, я читаю Блока или даже Пушкина. Но был бы я тем же самым, если бы не прочитал их когда-то? Да что Пушкин и Блок. Даже Мегре с его дождливым Парижем где-то вошел в меня, в мое “мироощущение”. Отсюда — страх за теперешнюю молодежь, ничего не читающую, живущую без памяти, вне памяти, но “интересующуюся Церковью”. Но чем можно “интересоваться” в Церкви? И потому интерес этот растворяется в клерикализме, в сплетнях о епископах... Скажут, никакой “культурой” Христос не занимался. Неправда. Каждое слово его — о Царстве Божьем, о Давиде, о “древних” — предполагало знание, понимание, *память* о том, что Он говорил, к чему звал, что обличал. А современному человеку нужно три года богословия, чтобы понять Послание к Галатам.

Отзывы в газетах на прославление “новомучеников”: “Russian sect canonizes Nicholas II...”. Как не понять, не почувствовать, что “прославлять” Государя в Нью-Йорке, да еще с банкетом в Hilton — *нельзя!*»¹

¹ Шмеман А., *прот.* Дневники: 1973–1983. М., 2005. С. 596–597. Далее цитаты из «Дневников» даны по этому изданию с указанием в скобках номеров страниц.

Текст очень емкий, вдумчивый и особенно примечательный тем, что собирает различные смысловые пласты в один узел, в котором встречаются если не все, то многие центральные темы шмемановского богословия. Прежде всего, стоит отметить значение темы памяти не только как предмета для мысли, но как самого модуса мышления: воспоминание становится структурообразующей основой «Дневников». Мысль отца Александра словно прошивает собой время, как бусины, нанизывая на единую нить смысловые поля различных событий, связывая воедино прошлое и настоящее. Так и процитированная дневниковая запись начинается с воспоминания о рукоположении на Сергиевском подворье. Работа памяти, произвольно ныряющей в прошлое и рядопологающей отдаленные друг от друга временные отрезки, позволяя по-новому взглянуть на себя и на свое настоящее, — такая работа сразу приводит на ум титаническое предприятие Марселя Пруста по обретению утраченного времени. Пруст — один из тех авторов, которые не просто прочитаны Шмеманом, но составляют его внутренний багаж, входят в то «мироощущение», о котором он говорит в цитированной записи. И дело тут даже не столько в осмыслении или усвоении его мысли, сколько в схожей открытости дарованному впечатлению, открывающемуся обычно в неброских вещах, не в событиях, а в состояниях и в той же готовности к внутренней работе над ним, протекающей в пространстве памяти. Вот еще одна характерная дневниковая запись отца Александра от 13 апреля 1973 г.: «Пятница акафиста. Почти с самого детства я ощущал этот день как *начало*. Сегодня вспомнилась так ясно эта самая пятница в один из годов Lycée Carnot <лицей Карно> (наверное, 1938 г.). Шел после обеда в лицей и предвкушал, как через четыре часа пойду [в собор] на rue Daugy к акафисту. Почему-то шел по rue Brochant — и все помню: освещение, деревья, только что зазеленевшие, детские крики в сквере. Тогда не знал, конечно, что на этой же самой улице увижу в последний раз папу: летом 1957 г. Я уезжал в Нью-Йорк, он смотрел в окно с четвертого этажа.

Я многое могу, сделав усилие памяти, *вспомнить*; могу восстановить последовательные периоды и т. д. Но интересно было бы знать, почему некоторые вещи (дни, минуты и т. д.) я не вспоминаю, а *помню*, как если бы они сами жили во мне. При этом важно то, что обычно это как раз не “замечательные” события и даже вообще не события, а именно какие-то мгновения, впечатления. Они стали как бы самой тканью сознания, постоянной частью моего “я”.

Я убежден, что это, на глубине, те *откровения* (“эпифании”), те прикосновения, явления *инога*, которые затем и определяют изнутри “мироощущение”. Потом узнаешь, что в эти минуты была дана некая абсолютная радость. Радость ни о чем, радость оттуда, радость Божьего присутствия и прикосновения к душе. И опыт этого прикосновения, этой радости (которую, действительно, “никто не отнимет от нас”, потому что она стала самой глубиной души) потом определяет ход, направление мысли, отношение к жизни и т. д. Например, та Великая Суббота, когда перед тем, как идти в церковь, я вышел на балкон и проезжающий внизу автомобиль ослепляюще сверкнул стеклом, в которое ударило солнце. Все, что я всегда ощущал и узнавал в Великой Субботе, а через нее — в самой сущности христианства, все, что пытался писать об этом, — в сущности всегда внутренняя

потребность передать и себе, и другим то, что вспыхнуло, озарило, явилось в то мгновение. Говоря о вечности, говоришь об этом. Вечность — не уничтожение времени, а его абсолютная собранность, цельность, восстановление. Вечная жизнь — это не то, что начинается *после* временной жизни, а вечное присутствие всего в целостности. “Анамнезис”: все христианство это благодатная *память*, реально побеждающая раздробленность времени, опыт вечности сейчас и здесь» (с. 24–25).

Этот опыт впечатления как живого прикосновения вечности, как укола вертикали, изменяющего нашу жизненную горизонталь, как благодатного схождения в нашу повседневность опыта иного, Божественного присутствия является стержнеобразующим для всего мировоззрения отца Александра, мысль которого все возвращается к этой узловой точке, ставящей вопрос о соотносительности дольного и горнего, мира сего и того, что неотмирно, времени и вечности. Такой укол вечности гораздо ощутимее прустовского *impression* (впечатления), которое претворяется в откровение лишь в конце романа, после долгой и мучительной внутренней работы по трансформации опыта жизни в произведение искусства. У отца Александра же само это впечатление в своей предельно насыщенной форме — как опыт выхода за пределы времени — уже переживается как эпифания, как богообщение, как личный и неоспоримый опыт вечности: в «Дневниках» он обозначает его либо французской цитатой из К. Мориака «*le temps immobile*» («неподвижное время») (так называется роман Мориака, французского романиста, развивавшего прустовскую тему), — либо английским словом «*bliss*» («блаженство»). Тогда естественно возникает вопрос: при чем же здесь культура, для чего она нужна и что она может добавить к этому личному и личностному опыту эпифании? Чтобы ответить на него, давайте взглянем в эти минуты «блаженства», время от времени фиксируемые «Дневниками». Что еще, кроме остановки времени, характерно для этого состояния? Вот, например, одно из таких вневременных мгновений, зафиксированное в записи от 1 марта 1975 г.: «В Питтсбурге утром — снег, а потом синее небо, солнце. На аэродроме около четырех часов, оставшись один, переживаю — как всегда, внезапно — эту, уже знакомую мне минуту *bliss'a*, непонятной, но полной и блаженной радости. Лучи солнца из огромных окон, музыка под сурдинку, льющаяся отовсюду и ниоткуда, и вдруг — это полное единство со всем, что тебя окружает, точно все предметы как-то смягчают, оборачиваются к тебе дружбой, близостью. Это мгновение — вне времени, но в нем собирается, сосредоточивается вся жизнь. *Все* тут, хотя и неназванное, не объективированное, все — от самого детства. Прикосновение к душе вечности — когда не нужно “вспоминать”, ибо нет пропасти между собою вспоминающим — и вспоминаемым, то есть самой жизнью» (с. 162). Итак, итогом такого впечатления, дарованного в своей полноте, оказывается не забвение всего дольного ради горнего, но встреча с миром, со всем, что нас окружает именно здесь и сейчас, с самой жизнью. Тема реальности, или живой жизни, — центральная для мысли отца Александра. Ведь жизнь — это не просто повседневное существование, но некое усилие пребывания в реальности, делающее нас живыми, заполняющее пропасть между собой и жизнью, неизбежно разверзающуюся в суете повседнев-

ности или в погоне за житейским благами. Труд быть живым — это труд собирания себя в ту точку, в которой время нашей жизни пересекается с вечностью, труд, заключающийся «в претворении “хроноса” в “кайрос”, в наполнении жизни жизнью» (запись от 25 января 1977 г.; с. 327). Это труд мучительного восхождения к тому, что уже было даровано нам в опыте благодати, путь ответного движения вверх по этой снизошедшей к нам вертикали. Такой путь невозможно пройти в одиночку — хотя бы потому, что реальность живой жизни оказывается не пустой комнатой, а наполненным миром: нас окружают предметы (ставшие «мягкими») и — главное — люди. Испытанный опыт полноты и единства еще нужно претворить в жизнь, срастить с живой жизнью. Дарованная вертикаль позволяет по-новому осмотреться в горизонтали, впервые по-настоящему ее увидеть — как задачу по собиранию уже предузнанного «полного единства со всем». Теперь эта «радость узнавания» распространяется в мире: сверяя себя с горним, чувствуя эту постоянную соотнесенность с тем, что Шмеман передает гриновской фразой «*tout est ailleurs*» (всё не здесь), мы вступаем в пространство живых связей с окружающим нас миром, строим с ним отношения, основывающиеся на принципе движения от разъединенности к живому единству. Пространство, в котором только и возможно такое земное, но помнящее о неземном устройство, есть не что иное, как живая память, т. е. преемственность и связь, дарованная нам здесь прежде всего именно как культура.

Почему нам не обойтись без культуры даже в нашем личном контакте с вечностью? Уже хотя бы потому, что эта вечность была нам явлена, опыт неземного дарован был нам в одеянии земного — через зрение, слух, восприятие. Более того — воплощенность такого опыта — одна из самых ценных его черт, позволяющая нам удержать его в руках, не спутать с галлюцинацией, сделать из него выводы и поделиться им с другими. Вот это материальное одеяние опыта и составляет материю искусства: звуки, краски, слова, т. е. то, с помощью чего может быть выражено невыразимое, передано запредельное. Вот характерная дневниковая запись от 13 апреля 1976 г.: «Мне думается, что искусство (с “христианской точки зрения”) не только возможно и, так сказать, оправдано, но что в плане христианского “едино же есть на потребу”, может быть, только искусство и возможно, только оно и оправдано. Христа мы узнаем — в Евангелии (книга), в иконе (живопись), в богослужении (полнота искусства). Образ Его и присутствие только тут адекватны (не в “богословии” же с примечаниями и ссылками на немцев!). Но на глубине нет грани между искусством “религиозным” и “светским”. Подлинное искусство все из “религиозной” глубины человека, “гений” и “злодейство” несоместимы. И т. д., и т. п. Все это, как будто, прописи, и, однако, нечувствие этих прописей губит искусство и “религию”: Гоголь, Толстой, а с другой стороны — *litterature engagee* <ангажированная литература>. В пределе же нужно не (еще одно) богословское оправдание искусства, отеческое и милостивое его допущение. Само богословие подсудно искусству, ибо должно им стать и его в себе “исполнить”, но этого не делает, предпочитая выдавать себя за “науку»» (с. 269–270). Итак, культура как живая память становится пространством развертывания богооткровения, явленностью Божиего присутствия. Здесь можно выделить два ас-

пекта. Первый — это моя личная работа с моим личным опытом вечности, т. е. моя работа по воскрешению времени в соответствии с моим собственным даром, способностями, мое усилие быть живым, неизбежно оборачивающееся искусством в прустовском смысле этого слова: плодом работы над собой, ожившей памятью, собиранием в единый узел временных пластов моей собственной жизни, в тот самый узел, говоря словами О.Э. Мандельштама, «в котором мы узнаны и развязаны для бытия». Но это еще не все. Сам опыт прививки вечности, преобразования памяти благодатью, как мы видели, уже положил начало собиранию мира по горизонтали, стягиванию его все к той же узловой точке полноты и единства. Живая память культуры оказывается разделенной: именно как коллективную память определяет культуру Ю.М. Лотман. Человек, работающий со своей глубиной, а значит, входящий в пространство культуры, т. е. в пространство становления и развертывания смыслов, обязательно встречается в этом пространстве с другими. Такая разделенная память является сферой человеческого общения, взаимовлияния личностей, взаимовысвечивания человеческих душ. Вспомним самую первую цитату о книжной полке. На ней стоят результаты чужой работы, чужого восприятия откровения, прибавляющие в мире света или тьмы (предостерегающий образ: оказывается, недоделанная нами работа по собиранию внутренней жизни, результат со знаком минус может подкосить не только нашу собственную жизнь, но и в ком-то другом прибавить тьмы вместо света). Самой распространенной формой такого общения является чтение: в той же цитате отец Александр становится другом Раймона Арона, здесь же можно вспомнить его чувство ответственности за Поля Леото, жалость к М.И. Цветаевой и молитву о ней, внутренний спор с В.В. Набоковым. Вдумчивое чтение — это всегда диалог и взаимообмен, не пассивное поглощение, но работа самоотдачи, впускания в свою жизнь другого и раскрытия ему навстречу: плодами такого общения наполнены «Дневники» отца Александра. В этом поле разделенной памяти возможно общение не только в пласте настоящего. Мы можем двигаться в прошлое, находя себе друзей в прошлых веках и вступая с ними в полноценное общение. Может быть, именно этим и отличается подход Шмемана к истории, так ярко проявившийся в его книге «Исторический путь православия»: в предисловии к ней отец Александр четко обрисовывает принцип такого общения с прошлым: «Свою собственную оценку я понимаю, скорее как вопрос, чем как ответ или “суд”»². Общение с прошлым как вопрошание, а не суд дает удивительную тональность этой книге: история Церкви в ней предстает как живой и захватывающий процесс, как драма, участниками которой мы все становимся. Помимо истории как общения с прошлым в пространстве памяти возможно и общение с будущим: это пророчество, истолкования которого видятся отцу Александру насущной задачей культуры.

Поскольку культура оказывается инструментом нашего ответа Богу на его призыв в той точке современности, в которой находимся именно мы, в точке пронзенности именно нашей реальности лучом вечности, то состояние культуры (в широком смысле, включающем сюда и политику, и историю, все человеческие

² Шмеман А., *прот.* Исторический путь православия. Киев, 2003. С. 5.

ответы на вызовы современности) оказывается не просто полем нашей ответственности, но зеркалом нашего состояния, состоятельности нас как христиан: «Культура каждой данной эпохи — это зеркало, в котором христиане должны были бы увидеть самих себя, степень своей верности “единому на потребу”, “победы, побеждающей мир...”» (запись от 26 сентября 1974; с. 110). Почему именно на христиан ложится этот усиленный груз ответственности за культуру, груз, который Шмеман принимает всецело и сполна? «Дневники» наполнены его размышлениями о современном состоянии культуры, о правизне и левизне, о поисках выхода из тупика. Это не просто ответственность, это вина выдохшегося современного христианства, т. е. нас, несостоятельных христиан, перед культурой — потому что «к старым, на самом деле вечным, живым и целительным символам доступ закрыла сама “религия”» (запись от 28 апреля 1978; с. 430). Возможность выхода из тупика, преобразования выдохшейся религии в живое христианство, т. е. Церковь, связана с центральной темой шмемановской экклезиологии: с опытом евхаристии, литургии как собирания Церкви и явленности уже здесь и сейчас опыта Царства Божия в своей полноте. Такой опыт подробно описан и проанализирован протопресвитером Александром Шмеманом в небольшой, но очень емкой книге «Евхаристия. Таинство Царства». В главе, посвященной «Таинству Воспоминания», анамнесису, одному из центральных моментов литургии, являющему в живой памяти Церкви Тайную вечерю, отец Александр связывает эту смысловую переплетенность тем евхаристии, жертвы, любви, Царства Божия, Церкви с вопросом о реальности, который мы уже поднимали, когда говорили о живой жизни и усилении быть живым. Здесь этот вопрос достигает предела своей полноты, потому что именно здесь, в евхаристическом таинстве воспоминания, нам, христианам, членам Церкви в своей предельной полноте, доступной нашему человеческому естеству, дарован реальный опыт Царства, реальность Его присутствия. Вот как пишет об этом отец Александр: «Что же все это значит, как не то, что *воспоминание*, в которое теперь, достигнув этой цели, исполнив собою восхождение Церкви на небо, претворяет себя благодарение, и *есть* сама *реальность* Царства? Царства, которое мы потому и можем *вспоминать*, и это значит — осознавать как *реальное*, как присутствующее «среди нас», что его тогда, в ту ночь, за той трапезой, явил и завещал Христос?»³ В этой точке реальности, в точке реального присутствия Христа, сходятся воедино наша память о Боге и память Бога о нас, вертикаль и ею собранная, с нею соотношенная горизонталь, которая в пределе своего собирания от разобщенности к единству полноты есть не что иное, как Церковь.

В заключение стоит сказать несколько слов о соотносительности друг с другом различных пластов этой реальности, в полноте своей даруемой нам как присутствии Царства Божия на евхаристии. Потому что этот вопрос имеет непосредственное отношение к способам функционирования культурной памяти, а значит, и к нашим поискам выходов из культурного тупика. Отец Александр решает этот вопрос через понятие символа и через анализ темы символизма в его куль-

³ Шмеман А., прот. Евхаристия. Таинство Царства. М., 1992. С. 246.

турном и таинственном аспектах. Ведь символ по самой своей природе и есть не что иное, как сама соотнесенность розного, как связывание разнородного, неисчерпаемое и уводящее в глубину. Только символом можно максимально полно передать горизонтали невыразимый опыт прикосновения вертикали. Этой теме посвящена статья отца Александра «Таинство и символ», в которой он пишет: «...подлинным назначением литургии всегда было *сводить воедино*, в одном символе, три уровня христианской веры и жизни: Церковь, мир и Царство Божие...»⁴ Только возвращение культуре такого подлинного символизма (который, как мы помним, и был у нее отнят псевдорелигией), языка символических знаков, передающих причастность горнему, реальность Царства, живой опыт радости этого Царства и жизни в этой радости, опыт общения и преемственности человеческих смыслов, формируемых такой вертикалью и, как круги по воде, передающихся по горизонтали, — только это и может стать выходом из того цивилизационного тупика, в котором ощущает себя современное человечество. Это опыт живой памяти, центром которого является реальное присутствие Христа, которое одно только и может наполнить жизнь жизнью, жизнью вечной и дарованной с бытком.

⁴ Шмеман А., *прот.* Таинство и символ / Пер. с англ. Е. Гиппиус // Православная община. 1996. № 2 (32). С. 52.

В.А. Соколова

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ
И.Н. КНОРРИНГ И А.А. АХМАТОВОЙ
(ВОССТАНОВЛЕНИЕ СВЯЗИ
С ТРАДИЦИЕЙ ЧЕРЕЗ ЧТЕНИЕ-УЧЕБУ)

В середине 1950-х гг. архив поэта Ирины Николаевны Кнорринг (1906–1943) был перевезен на родину ее родственниками. Они, как и многие эмигранты, вернулись в СССР после окончания войны на волне подъема патриотических настроений. Семья Кноррингов-Софиевых была репатриирована в Алма-Ату. Там Николай Кнорринг бережно занимался сохранением архива дочери, стремился опубликовать книгу воспоминаний о ней и напечатать ее стихи, выполнив тем самым последнюю волю покойной. С этой целью он поехал в Москву и передал стихи Кнорринг Ахматовой, попросив отзыва на них для будущей публикации в журнале «Простор».

Ахматова, ознакомившись с творчеством И. Кнорринг, захотела принять старшего Кнорринга, даже несмотря на то, что сильно болела в это время. Так, по-настоящему глубоко, тронули ее прочтенные стихи. Это же она отметила и в своем напутствии:

«По своему высокому качеству и мастерству, даже неожиданному в поэте, оторванном от стихии языка, стихи Ирины Кнорринг заслуживают увидеть свет. Она находит слова, которым нельзя не верить. Ей душно и скучно на Западе. Для нее судьба поэта тесно связана с судьбой родины, далекой и даже, может быть, не совсем понятной. Это простые, хорошие и честные стихи»¹.

То, что Николай Кнорринг именно Ахматовой передал рукопись со стихами дочери, как и то, что Ахматова столь тепло отозвалась о лирике доселе неведомого ей поэта, несомненно, говорит не только о даровании Ирины Кнорринг, но и о некоторых особенностях этого дарования.

Критика еще при жизни Кнорринг указывала на ее заметную поэтическую близость с Ахматовой. Например, Г.А. Адамович в своем доброжелательном отзыве на первый сборник «Стихи о себе» 1931 г. отметит: «Она еще не вполне избавилась от влияния Ахматовой, — особенно в приемах, манере и интонации стихов о любви, — но это общая судьба всех молодых поэтов последних пятнадцати лет: они объясняются со своими возлюбленными на языке “Четок” и “Подорожника”»².

¹ Ахматова А. Соч.: В 2 т. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1990. Т. 2: Проза. Переводы. С. 247.

² Адамович Г. [Рец. на:] Георгий Чулков *Salto mortale* или повесть о молодом вольнодумце Пьере Волоховском. Москва. 1931 г. — Екатерина Бакунина. Стихи. Париж. 1931 г. — Ирина Кнорринг. Стихи о себе. Париж. 1931 г. // Последние новости. 1931. 30 апреля. № 3690. С. 3.

Сама Кнорринг не разделяла этого мнения, полагая, что некое чисто женское начало есть в творчестве всех поэтов-женщин. И все же опасалась навсегда остаться в тени знаменитой современницы. Известно, впрочем, что и Ахматова низко оценивала поэзию своих подражателей, называя ее «бесславной славой». И потому ее отзыв говорит и о том, что в строках неизвестного ей поэта она увидела что-то особенное, самостоятельное и уникальное. Что же столь неповторимое обнаруживается в стихах Кнорринг?

Еще со времени проживания в Тунисе, это первая половина 1920-х гг., она учится на стихах Ахматовой, пытаясь осмыслить ее воздействие и превратить его в сознательный прием. Эта учеба делает поэзию Кнорринг более литературной, что и отмечает В.Ф. Ходасевич в статье «Женские стихи», сравнивая стихи И. Кнорринг со стихами Е.В. Бакуниной: «Влияние Ахматовой (пусть даже не вполне, не до конца понятое) придает стихам Кнорринг гораздо более литературный характер. Как и Ахматовой, Кнорринг порой удается сделать “женскость” своих стихов нарочитым приемом — и это уже большой шаг вперед. Той же Ахматовой Кнорринг обязана чувством меры, известною сдержанностью, осторожностью, вообще — вкусом, покидающими ее сравнительно редко»³.

Мы попытаемся проанализировать точки соприкосновения в творчестве двух этих поэтов. Их общность в основном проявляется в любовной лирике, о чем хорошо сказал Г.П. Струве в своем труде «Русская литература в изгнании», очертив границы влияния Ахматовой на поэзию Кнорринг: «Скончавшаяся во время войны от тяжелой болезни Ирина Кнорринг, жена Юрия Софиева, как все почти женщины-поэты этого поколения, испытала на себе влияние Ахматовой. Но влияние это не шло дальше чисто внешнего и отразилось главным образом в стихах, тема которых — отношения между женщиной и мужчиной. Но это не главная тема Кнорринг. Поэзия ее очень личная — едва ли не самая грустная во всей зарубежной литературе»⁴.

Однако при этом не следует забывать, что, несмотря на влияние Ахматовой, поэзия Кнорринг имеет собственную ценность. Ее отец, Н.Н. Кнорринг, в своих воспоминаниях «Книга о моей дочери» несколько раз обращался к этому моменту, касаясь мнения критики. Так, он рассказывает, что поэзия акмеистов «сделала свое дело — стихи Ирины стали более простыми. В сущности, это отвечало вообще ее манере письма и содержанию ее стихов, связанных с серыми буднями ее сфаятского времени. Ахматова в этом отношении только подкрепила направление лирики Ирины, указав на ее возможности»⁵.

Часто сама Кнорринг делает сознательные отсылки к первоисточнику, что указывает на желание подчеркнуть существующую литературную связь и, осмысливая ее, выработать собственную личную манеру.

Эти связи с Ахматовой проявляются у Кнорринг на внешнем уровне в виде неточных цитат, повторов и одинаковых образов. Так, у Кнорринг «Стихи об одном. III»

³ Ходасевич В. Женские стихи // Возрождение. 1931. 25 июня. № 2214. С. 3.

⁴ Струве Г. Русская литература в изгнании. Париж; М., 1996. С. 238.

⁵ Кнорринг Н.Н. Книга о моей дочери. Воспоминания. Алматы, 2003. С. 38.

(«Ты не бойся, что я напророчу, / И накаркаю нам беду»⁶) содержат явную отсылку к стихотворению Ахматовой «Гость» («Я смеялась: “Ах, напророчишь / Нам обоим, пожалуй, беду”»⁷). В том же цикле «Стихи об одном. V» («И ты поймешь, как опустело все / И в белом доме, и в душе, и в жизни»⁸) видно влияние строк Ахматовой («Твой белый дом и тихий сад оставляю. / Да будет жизнь пустынна и светла»⁹).

На этих примерах мы видим, что первые шаги Кнорринг состоят в переосмыслении опыта Ахматовой: поэтесса пропускает чужое творчество через свое, а в дальнейшем стремится использовать его как прием.

Еще одним проявлением сознательной отсылки можно считать эпиграфы и обращения к Ахматовой. Например, стихотворение «Ночью слишком натянуты нервы...»¹⁰ с эпиграфом «Прости, прости, что за тебя / Я слишком многих принимала», взятым из Ахматовой, или же многоплановое стихотворение «Я девочкой уехала отсюда...»¹¹ с эпиграфом «Темна твоя дорога, странник. / Польную пахнет хлеб чужой», строки которого принадлежат Ахматовой.

При этом, обозначив внешние признаки влияния и разбирая литературные связи Кнорринг и Ахматовой, следует помнить, что отсылки к русской культуре в эмигрантской литературе были очень часты и являли собой общую тенденцию. Так, В.Ф. Ходасевич свое стихотворение «Петербург» завершает строками «Привил-таки классическую розу / К советскому дичку» — что является отсылкой к русской классической литературе, а именно представляет отношение к идее стихотворений «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» А.С. Пушкина и «Памятник» Г.Р. Державина. Г.В. Иванов в стихотворении «В пышном доме графа Зубова...» цитирует фразу, сказанную ему в разговоре Ахматовой — «Этот вечер вы запомните».

И. Кнорринг, не имея возможности цитировать Ахматову по личным воспоминаниям, обращается к ее стихам. Например, в стихотворении «Анне Ахматовой» (1926):

Над горами — спокойные вспышки зарниц.
На столе — карандаш и тетрадь.
Ваши белые книги и шелест страниц, —
И над ними — дрожанье косматых ресниц —
Разве все это можно отдать?

И пушистую прядь золотистых волос,
И туманное утро в росе,
И шуршанье колючих цветущих мимоз,
И гортанные песни, что ветер разнес
По безлюдным и гулким шоссе.

⁶ Кнорринг И. Стихи о себе. Париж: Паскаль, 1931. С. 25.

⁷ Ахматова А.А. Примите этот дар...: Стихотворения. М., 2000. С. 118.

⁸ Кнорринг И. Стихи о себе. С. 27.

⁹ Ахматова А.А. Примите этот дар... С. 123.

¹⁰ Кнорринг И.Н. Книга о моей дочери. Воспоминания. С. 66.

¹¹ Кнорринг И. После всего: Стихи 1920–1942 гг. Алма-Ата, 1993. С. 25.

Разве можно не помнить о юной тоске
 В истомленный, полуденный зной,
 О шуршании шины на мокром песке,
 О беззвучности лунных ночей в гамаке
 Под широкой, узорной листвой,

Это первое лето в мечтах и слезах,
 И зловещее солнце в крови,
 И какой-то наивный, ребяческий страх —
 Все лежит в Вашем имени, в тихих стихах,
 В непонятной тоске о любви¹².

Таким образом, обращение к русской литературе большей частью шло через творчество Ахматовой, на котором стало развиваться творчество Кнорринг. В данном случае ее реакция на ахматовское влияние имеет две стороны: с одной — представляет собой литературную учебу, с другой — выступает как стремление преодолеть ученичество, изжить чужую манеру и найти свой стиль.

В чем же проявилась учеба Кнорринг?

Действительно, она много почерпнула у акмеистов, в том числе такую черту, как внешнюю графичность мира. И у Ахматовой, и у Кнорринг часто присутствует стремление выразить собственные переживания через предмет или деталь, которые в итоге вмещают в себя вечные темы. Такое обостренное восприятие окружающего мира очень сближает их мироощущения.

Также следует сказать, что Кнорринг особо ценила лаконичность ахматовского поэтического языка, о чем писала в своем дневнике по поводу стихов современников: «...все-таки было бы лучше, если бы они были короче. Вот этой-то ахматовской черты всем из теперешних поэтов и не хватает»¹³.

А установка на краткость и предметность, в свою очередь, вела к свернутости сюжета, характерной для любовной лирики Ахматовой. Эта черта хорошо видна в стихотворении Кнорринг «В Люксембургском саду, у газона...» (1929):

В Люксембургском саду, у газона,
 Против серого зданья Сената,
 На часы я смотрела когда-то,
 Притворяясь наивно влюбленной.

В Люксембургском саду, у фонтана,
 В жаркий август (вовек не забуду!)
 Я поверила в яркое чудо.
 Было тихо, безлюдно и рано.

Зелень свежая, воздух недвижный,
 Воробышек пугливая стая...

¹² Кнорринг Н.Н. Книга о моей дочери. Воспоминания. С. 57.

¹³ Кнорринг И. Повесть из собственной жизни: [Дневник]: В 2 т. М., 2009. Т. 1. С. 504.

— Хорошо, что все это бывает
Только раз в нашей маленькой жизни¹⁴.

Современники не раз говорили о связи поэзии Ахматовой с русским психологическим романом. И. Кнорринг наследует акмеистической традиции и использует опыт Ахматовой в своей поэзии. Однако уже и здесь чувствуется некое отличие тона, более скорбная складка губ в словах «притворяясь наивно влюбленной». И этот собственный оттенок, возникающий в процессе учебы и творческого поиска, становится яснее при разборе у поэтов общих мотивов.

Один же из основных — это ощущение непрочности мира, отражающееся в личной драме лирической героини. У Кнорринг эта черта видна, например, в стихотворении «Папоротник, тонкие березки...» (1927):

Папоротник, тонкие березки,
Тихий свет, вечерний тихий свет,
И колес автомобильный след
На пустом и мшистом перекрестке.

Ни стихов, ни боли, ни мучений,
Жизнь таинственно упрощена,
За спиной — лесная тишина,
Нежные, взволнованные тени.

Только позже, на лесной опушке
Тихо дрогнула в руке рука...
Я не думала, что жизнь хрупка,
Как фарфоровая безделушка¹⁵.

Для сравнения возьмем стихотворение Ахматовой «Дверь полуоткрыта...» (1911):

Дверь полуоткрыта,
Веют липы сладко...
На столе забыты
Хлыстик и перчатка.

Круг от лампы желтый...
Шорохам внимаю.
Отчего ушел ты?
Я не понимаю...

Радостно и ясно
Завтра будет утро.

¹⁴ Кнорринг И. После всего: Стихи 1920–1942 гг. С. 55.

¹⁵ Там же. С. 46.

Эта жизнь прекрасна,
Сердце, будь же мудро.

Ты совсем устало,
Бьешься тише, глуше...
Знаешь, я читала,
Что бессмертны души¹⁶.

Общий мотив предчувствия некоей катастрофы, стоящей за страданиями персонажей, указывает на другой общий мотив тоски и смерти, который занимает значительное место в творчестве Кнорринг. Это связано с ее многолетней тяжелой болезнью, сведшей ее в могилу. И если в начале творческого пути еще возможно связывать образ смерти с литературными влияниями, то позднее это становится бессмысленно. Ее язык вообще, а в разговоре о смерти особо, становится суше, прозаичнее, в него все более явно входит быт. На примере приведенных выше стихотворений видно, что если Ахматова, говоря о смерти, обращается мыслью к вечности, то Кнорринг ограничивается сравнением с фарфоровой поделкой. Ее собственный голос постепенно начинает крепнуть.

В этих стихотворениях («Папоротник, тонкие березки...» и «Дверь полуоткрыта...») мы видим все общие черты, названные выше: и краткость, и предметность, и свернутость сюжета. Родство их явно, но, тем не менее, расхождение все же намечено в интонации.

Ахматовские интонации звучат в таких стихотворениях И. Кнорринг, как «Молчанье ничто не нарушит...» (1929)¹⁷, «Станет больно — не заплачу...» (1924)¹⁸, а «Монпарнас» (1931)¹⁹ явно навеян стихотворением «Вечером» (1913) А. Ахматовой («Звенела музыка в саду / Таким невыразимым горем...»).

Но в то же время, сравнивая их любовную лирику, мы видим, что собственная интонация Кнорринг начинает звучать все сильнее. Она становится приниженно-бытовой и обретает скорбно-иронический оттенок.

Современный исследователь Л.Л. Бельская говорит, указывая на различие: «И стихи И. Кнорринг — это тоже лирический дневник, запечатлевший обыденную жизнь с житейским “сором”, но еще более приземленную, чем в ранней ахматовской поэзии, и с более ироническим и беспощадным самоанализом»²⁰. Изменение ахматовской интонации и проявление собственного стиля, выраженного в усилении оттенка иронии, мы можем видеть на примере стихотворения Кнорринг «Просто, без слез и проклятий...» (1931):

Просто, без слез и проклятий,
С горстью наивных стихов,

¹⁶ Ахматова А.А. Примите этот дар... С. 20.

¹⁷ Кнорринг И. После всего: Стихи 1920–1942 гг. С. 52.

¹⁸ Там же. С. 27.

¹⁹ Там же. С. 74.

²⁰ Бельская Л.Л. Поэзия Ирины Кнорринг // Русская речь. 1995. № 5. С. 27.

В стареньком ситцевом платье,
В темной тоске вечеров,

С запахом лука и супа,
В кухонном едком чаду —
Женщиной слабой и глупой
Тихо к тебе подойду.

И без упрека и стона
Острую боль заглушу.
Снов твоих страшных не трону
И ни о чем не спрошу...²¹

В своем творчестве Кнорринг не проявляла стремления к формальным поискам. Вероятно, из-за того, что росла на акмеизме, где слову стремились вернуть его первичное значение. Поэтому основное в ее стихах — это интонация.

И Ахматова увидела и оценила своеобразие поэзии Кнорринг. Опираясь на ее собственный отзыв, можно сказать, что она почувствовала мучившую Кнорринг тоску бесприютного существования, боль о покинутой родине, как и искренность ее слов и их внешнюю простоту, о которой говорил еще Адамович и которую подчеркивает Ахматова. А тихая же и печальная интонация окрашивает стихи Кнорринг тем особым оттенком, за которым чувствуется настоящий поэт со своим уникальным мироощущением.

²¹ Кнорринг И. После всего: Стихи 1920–1942 гг. С. 76.

Н.А. Егорова

**«...РОССИЯ МЕНЯ ПРИМЕТ!»:
ИЗДАНИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
И.С. ШМЕЛЕВА НА РОДИНЕ**

Одна из особенностей нашего общественного и культурного развития в последние десятилетия — появление в качестве новых, неизвестных российскому читателю текстов литературы русского зарубежья. В конце 1980-х гг. заново было открыто творчество выдающегося русского писателя Ивана Сергеевича Шмелева (1873–1950). Публикация его произведений стала событием в культурной жизни нашей страны. Интерес к И.С. Шмелеву проявился в большом количестве научных статей, диссертаций, монографий, посвященных творчеству писателя. Его произведения вошли в школьные и вузовские программы, ему посвящаются научные конференции, открыт музей И.С. Шмелева в Алуште, стало переиздаваться художественное наследие.

Судьба этого писателя сложилась так, что из семидесяти семи лет своей жизни почти тридцать он прожил вдали от родины — в эмиграции. И книги его, известные в дореволюционной России, долгое время не были знакомы современным российским читателям.

Еще в 1956 г. литератор Г.В. Месняев писал, что Шмелев «сейчас совершенно неизвестен в России. Ни одно из его произведений, писанных им в эмиграции, не только никогда не было напечатано в Советской России, ни об одном из них нигде даже не было упомянуто. Разве только те немногие, которые, в свое время, прочли “Человека из ресторана” — знают имя писателя Шмелева.

Но, “Человек из ресторана” — еще не Шмелев, и даже совсем не Шмелев. Подлинный же, настоящий Шмелев, творец “Лета Господня”, “Богомолья” и “Няни из Москвы” — остался для русского народа скрытым и неведомым»¹.

Репутация Шмелева как одного из крупнейших русских прозаиков утвердилась еще до революции 1917 г. «Кажется мне порой, что я не делался писателем, а будто всегда им был, только — писателем “без печати”», — писал Шмелев². Первый свой рассказ Иван Сергеевич написал еще гимназистом. «К литературе я пристрастился в пятом классе гимназии, — вспоминал Шмелев. — Писал стихи и пьесы, а в 1895 году был напечатан в “Русском обозрении” мой первый рассказ

¹ Месняев Г.В. Поэт России // Русское возрождение. 1956. 26 июля. № 58. Отдел музейного и архивного хранения Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. Ф. 1. Ед. хр. 46 «Шмелев» (альбом газетных вырезок А.И. Калугина).

² Шмелев И.С. Собр. соч.: В 5 т. М., 2004. Т. 2: Въезд в Париж: Рассказы. Воспоминания. Публицистика. С. 296.

“У мельницы”³. В 1897 г. в Москве в типографии Е. Гербек была издана первая книга И.С. Шмелева «На скалах Валаама». Вторая книга — «Служители правды» — вышла в Москве в 1906 г. Иван Сергеевич быстро стал в кругу литераторов человеком авторитетным, с мнением которого считались и самые привередливые критики. Его рассказы регулярно печатали в журналах и газетах, в сборниках организованного М. Горьким издательства «Знание».

В 1907 г., имея за плечами не одно опубликованное произведение, Шмелев решает стать профессиональным писателем и уходит в отставку. В 1912 г. организуется «Книгоиздательство писателей в Москве», членами-вкладчиками которого становятся И.А. Бунин, Б.К. Зайцев, И.С. Шмелев и др. Все дальнейшее творчество Шмелева 1900-х гг. связано с этим издательством, в котором вышло собрание его сочинений в восьми томах. В третьем томе впервые была опубликована повесть «Человек из ресторана» (1911), принесшая писателю мировую известность.

Во время Первой мировой войны в «Книгоиздательстве писателей в Москве» у Шмелева выходят сборники рассказов и очерков «Карусель» (1916), «Суровые дни» (1916), «Лик скрытый» (1917). До отъезда в эмиграцию в 1922 г. он уже был автором 53 книг и 8-томного собрания сочинений.

В годы эмиграции талант И.С. Шмелева достиг большей зрелости и глубины. В этот период созданы произведения, которые писатель считал в своем творчестве главными: автобиографические повествования «Лето Господне» и «Богомолье».

В эмиграции Шмелев издал около 20 книг на русском языке, публиковался во многих периодических русскоязычных изданиях.

В нашей стране после Октябрьской революции книги Шмелева практически не издавали. С 1926 г. его бойкотировали в СССР за повесть «Солнце мертвых» (1923) — первое произведение, созданное писателем в эмиграции, где он правдиво описал послереволюционную жизнь в Крыму. В период с 1918 по 1959 г. вышло 39 книг, включавших дореволюционные сочинения Шмелева. Из них новых — 9, остальные — переиздания, осуществленные в основном в 1918 и 1923 гг. Были и периоды, когда не выходило ни одной книги писателя: 1930–1939, 1941–1956 гг.

Однако игнорировать творчество писателя оказалось невозможным даже там, где свирепствовала беспощадная советская цензура. В 1957 г. в очередной раз переиздали «Человек из ресторана».

Сам же Шмелев верил, что в СССР его знают. Он писал Г.В. Месняеву: «Слава Богу, читатель у меня есть и чуткий. И что важно — новый читатель **оттуда**... и принимает душой даже трудное (по духу) — “Неупиваемую чашу”»⁴.

Первые издания произведений Шмелева на родине, включающие и вещи, написанные в эмиграции, выходили в свет в 1960, 1966, 1983 гг. в издательстве «Художественная литература». Это были сборники с однотипным названием «Повести и рассказы». Их общий тираж — 250 000 экз.

³ Цит. по: Москворецкий златоуст: (К 130-летию известного писателя русского зарубежья И.С. Шмелева): Биобиблиограф. очерк / Авт.-сост. Л.Н. Никитина. Тамбов, 2003. С. 3.

⁴ Цит. по: Месняев Г.В. Поэт России.

Издание произведений Шмелева 1960 г. в одной из публикаций газеты «Новое русское слово» за 1961 г. было расценено как посмертная, но лишь частичная литературная амнистия⁵. Произведения эмигрантского периода и до сих пор не вернулись на родину в полном объеме.

С 1988 г. произведения Шмелева выходят на родине ежегодно в отдельных книжках, в многотомных собраниях сочинений, в коллективных сборниках. В последние десятилетия Иван Сергеевич Шмелев в России — один из самых издаваемых русских писателей. Помимо художественных произведений опубликованы «Переписка двух Иванов» (И.С. Шмелева и И.А. Ильина), «Роман в письмах» (переписка И.С. Шмелева и О.А. Бредиус-Субботиной). Всего с 1960 по 2008 г. включительно издано 134 книги писателя, не считая собраний сочинений.

1988 г. отмечен выходом в свет книги «Лето Господне» в издательстве «Советская Россия» тиражом 200 000 экз.

Первое массовое издание произведений Шмелева на родине — «Избранное» (М.: Правда, 1989) тиражом 1 700 000 экз. Издание включает в себя роман «Лето Господне» с комментариями Е. Любимовой. В этом же году вышел двухтомник «Сочинения» (М.: Художественная литература, 1989) тиражом 202 000 экз. и впервые была опубликована на родине эпопея «Солнце мертвых» в журнале «Волга» (отдельное издание вышло в 1991 г. тиражом 75 000 экз.).

В 1990-е гг. книги И.С. Шмелева продолжают выходить солидными тиражами: «Мой Марс» (М.: Советская Россия, 1990) — 500 000 экз.; «Лето Господне» (М.: Молодая гвардия, 1991) — 200 000 экз.; «Лето Господне. Богомолье. Статьи о Москве» (М.: Московский рабочий, 1990) — 100 000 экз.; «Пути небесные» (М.: Советский писатель, 1991) — 100 000 экз. Другие произведения выпускались тиражами от 5 до 40 000 экземпляров. Самые издаваемые — «Лето Господне», «Богомолье», «Солнце мертвых».

В 1998–2000 гг. издано Собрание сочинений И.С. Шмелева в 8 томах издательством «Русская книга» тиражом 5000 экз. В него вошли художественные произведения и публицистика, созданные до 1950 г. Собрание сочинений переиздавалось в 2001 и 2004 гг., оба раза тиражом 3000 экз. Дважды издавались «Избранные сочинения» в 2 томах: в 1999 г. тиражом 5500 экз., в 2001 году тиражом 7000 экз.

В 2000-х гг. тиражи значительно уменьшились: от 15 000 до 1000 экз. Выделяется издание «Лето Господне. Человек из ресторана» (М.: Дрофа : Вече, 2002) тиражом 49 500 экз. Неоднократно переиздавался сборник «Душа Родины» и роман «Пути небесные».

Суммарный тираж самого издаваемого за последние 20 лет произведения, «Лето Господне», составил 2 774 600 экз.; а романа «Солнце мертвых» за тот же период — 242 500 экз.

В 2008 г. издательство «Сибирская благовонница» выпустило 12-томное собрание сочинений Шмелева тиражом 5000 экз., в нем произведения сгруппиро-

⁵ См.: Новое русское слово. 1961. 23 апреля. Отдел музейного и архивного хранения Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. Ф. 1. Ед. хр. 46 «Шмелев» (альбом газетных вырезок А.И. Калугина).

ваны в хронологическом порядке по годам создания. Издание было представлено на 21-й Московской международной книжной выставке-ярмарке.

Большая часть книг Шмелева издается при храмах и монастырях, таких как Сретенский монастырь, храм Архистратига Михаила в Тропареве, Московское подворье Свято-Троицкой Сергиевой лавры и др.

Книги И.С. Шмелева выходят не только в Москве, но и в других городах России — Санкт-Петербурге, Калуге, Архангельске.

Исследователи творчества Шмелева ставят вопрос о собирании воедино наследия писателя и издании научного собрания его сочинений. Главная проблема при этом — выбор основного источника текста. Предыдущие собрания сочинений содержат тексты произведений, перепечатанные из эмигрантских изданий со множеством опечаток и механических искажений.

В последние годы появились электронные издания. Аудиокнигами в формате МР3 изданы такие произведения писателя, как «Солнце мертвых», «Богомолье», «Лето Господне», «Мой Марс», «Мэри», «Человек из ресторана».

Кафедрой русской литературы Петрозаводского государственного университета создан электронный ресурс, посвященный творчеству И.С. Шмелева, предназначенный для студентов, преподавателей и широкого круга любителей классической русской литературы.

Данное электронное собрание призвано компенсировать отсутствие научного собрания сочинений. В его основу положены первые прижизненные публикации и переиздания, отредактированные писателем. Сюда вошли все художественные произведения, публицистика и доступная для публикации переписка. Проект выполнялся при грантовой поддержке РГНФ и является одной из составных частей интернет-проекта «Philolog.ru»⁶.

Имя Ивана Сергеевича Шмелева становится все более известным российскому читателю в связи с тем, что его произведения возвращаются на родину. Российские библиотеки приобщают своих читателей к богатому наследию писателя. Особенно активно используются произведения И.С. Шмелева в работе с детьми и юношеством.

Нижегородская государственная областная детская библиотека выпустила методические рекомендации по работе с произведениями И.С. Шмелева «Певец святой Руси» (Н. Новгород, 2007). В пособии даны материалы к проведению литературного вечера-портрета, к беседе-чтению с учащимися 6–7-х классов, к литературной беседе по повести «Росстани», к литературно-музыкальной экскурсии и к встрече-вернисажу. Тамбовская областная детская библиотека к 130-летию И.С. Шмелева выпустила библиографический очерк «Москворецкий златоуст» (Тамбов, 2003).

В Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына книги И.С. Шмелева представлены следующим образом: 67 названий, 139 экз. Из них 40 наименований издано за рубежом, в том числе: «Сладкий мужик. Степное чудо» (Берлин: Мысль, 1921); «Неупиваемая чаша» (Париж: Русская Земля, 1921). Имеется одна книга на английском языке и одна на итальянском.

⁶ См.: <http://www.philolog.ru/shmelev/index.html>.

Среди российских изданий большую ценность представляет 4-й том дореволюционного собрания сочинений: «Стена. Пугливая тишина. Поденка. Ненастье» (М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1913).

Книги Ивана Сергеевича Шмелева выполнили некую высокую духовную миссию, вернувшись в Россию в «смутное время», в период потери нравственных ориентиров. Художественные произведения писателя становятся все более востребованными современным читателем.

В переписке Ивана Сергеевича Шмелева и философа-эмигранта Ивана Александровича Ильина неоднократно встречаются сетования на ненужность и одиночество, а вместе с ними звучит и надежда на востребованность в «грядущей России».

Был в этом уверен и Г.В. Месняев, который писал: «Настанет время, когда перед русскими людьми “там” откроются сокровища русского национального духа, накопленные русскими изгнанниками за пределами русской земли. То, что было написано за границей крупными русскими писателями, и в их числе И.С. Шмелевым, — будет иметь для русских людей особый интерес и особое значение, ибо все это писалось под совершенно иным углом зрения, нежели тот, под которым писали бы русские писатели, не будь революции и связанной с ней переоценки ценностей».

Нет, поэтому, никакого сомнения в том, что русский народ найдет в них неисчерпаемый источник, подлинную “неупиваемую чашу”, из коей он и будет черпать живительные соки для своего нравственного обновления и национального возрождения⁷».

Шмелев уезжал в 1922 г. из России с твердой уверенностью, что он обязательно вернется на родину. Эта уверенность не покидала его все долгие годы изгнания, и даже когда многие эмигранты смирились с тем, что им придется умереть на чужбине, в то время, когда даже имя России было стерто с карты земли, Шмелев писал: «...я знаю: придет срок — Россия меня примет!»

Приложение I

ИЗДАНИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И.С. ШМЕЛЕВА НА РОДИНЕ в 1940–2008 гг.

Название	Место издания, издательство	Год	Тираж
Повести и рассказы	М.: Госиздат	1940	нет свед.
Человек из ресторана	М.: Госиздат	1957	300 000
Повести и рассказы	М.: Гослитиздат	1960	100 000

⁷ Месняев Г.В. Поэт России.

Повести и рассказы	М.: Худож. лит.	1966	50 000
Повести и рассказы	М.: Худож. лит.	1983	100 000
Лето Господне	М.: Сов. Россия	1988	200 000
Сочинения: В 2 т. Т. 1: Повести и рассказы	М.: Худож. лит.	1989	202 000
Сочинения: В 2 т. Т. 2: Рассказы. Богомолье. Лето Господне. Как я встречался с Чеховым	М.: Худож. лит.	1989	202 000
Избранное	М.: Правда	1989	1700 000
Лето Господне. Богомолье. Статьи о Москве	М.: Моск. рабочий	1990	100000
Мой Марс	М.: Сов. Россия	1990	500 000
Лето Господне	М.: Мол. гвардия (сер. «Возвращение»)	1991	200 000
Пути небесные: Избр. пр-ния	М.: Сов. писатель	1991	100 000
Солнце мертвых	М.: Патриот	1991	75 000
Солнце мертвых	М.: Скифы	1991	45 000
Солнце мертвых	М.: Ред.-изд. комплекс «Милосердие»	1991	40 000
Богомолье	М.: Моск. рабочий	1994	11 000
История любовная. Няня из Москвы	М.: Изд-во журн. «Москва»	1995	15 000
Лето Господне	СПб.: Политехника	1995	5000
Светлая страница	Калуга: Калуж. обл. ин-т усов. учителей	1995	10 000
Богомолье. Лето Господне	М.: Известия	1996	20 000
Неупиваемая чаша	М.: Школа-Пресс	1996	30 000
Лето Господне	М.: АСТ : Олимп	1996	20 000
Лето Господне	СПб.: ОЮ-92	1996	30 000

СООБЩЕНИЯ

Свет разума	М.: Московское подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры	1996	15 000
Книга о вечном // Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 6, кн. 1. Прил.	М.: Русская книга	1996	15 000
Богомолье	М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского Богословского ин-та	1997	15 000
Богомолье	М.: Лествица; СПб.: Сев.-зап. центр правосл. лит. «Диоптра»	1997	10 000
Лето Господне	М.: АСТ; Назрань: Олимп	1997	5000
Лето Господне	М.: Изд. центр «Терра»	1997	5000
Лето Господне	М.: Дет. лит. (к 850-летию Москвы)	1997	10 000
Старый Валаам. Куликово поле	М.: Лествица; СПб.: Сев.-зап. центр правосл. лит. «Диоптра»	1997	10 000
Собрание сочинений: В 5 т. Т. 1: Солнце мертвых	М.: Русская книга	1998	5000
Собрание сочинений: В 5 т. Т. 2: Въезд в Париж	М.: Русская книга	1998	5000
Собрание сочинений: В 5 т. Т. 3: Рождество в Москве	М.: Русская книга	1998	5000
Собрание сочинений: В 5 т. Т. 4: Богомолье	М.: Русская книга	1998	5000
Собрание сочинений: В 5 т. Т. 5: Пути небесные	М.: Русская книга	1998	5000
Собрание сочинений: В 5 т. Т. 6: История любовная	М.: Русская книга	1998	нет свед.

Богомолье	М.: Изд-во Сретенского монастыря	1998	10 000
Душа России: Сб. статей 1924–1950	СПб.: Библиополис	1998	10 000
Лето Господне	М.: Лествица; СПб.: Диоптра	1998	10 000
Лето Господне	М.: Изд-во Сретенского монастыря	1998	10 000
Лето Господне: Повесть	М.: ИД «Синергия»	1998	27 000
Собрание сочинений: В 5 т. Т. 7 (доп.): Это было: Рассказы, публицистика	М.: Русская книга	1999	5000
Избранные сочинения: В 2 т. Т. 1: Повести и рассказы. Солнце мертвых	М.: Литература: Тест-сэмпл	1999	5500
Избранные сочинения: В 2 т. Т. 2: Рассказы. Богомолье. Лето Господне	М.: Литература: Тест-сэмпл	1999	5500
Куликово поле	М.: Летописец : Русская книга	1999	5000
Куликово поле	М.: Рарогъ	1999	5000
Лето Господне	М.: Изд-во Сретенского монастыря	1999	нет свед.
Собрание сочинений: В 5 т. Т. 8 (доп.): Рваный барин: Рассказы Очерки. Сказки	М.: Русская книга	2000	5000
Богомолье	М.: Изд-во Сретенского монастыря	2000	10 000
Лето Господне	М.: Изд-во Сретенского монастыря	2000	10 000
Лето Господне	М.: АСТ : Олимп	2000	5000
Солнце мертвых	М.: Согласие	2000	3000

СООБЩЕНИЯ

<i>Ильин И.А.</i> Собрание сочинений: Переписка двух Иванов: В 3 т. Т. 1: 1927–1934	М.: Русская книга	2000	4182
<i>Ильин И.А.</i> Собрание сочинений: Переписка двух Иванов: В 3 т. Т. 2: 1935–1946	М.: Русская книга	2000	4050
<i>Ильин И.А.</i> Собрание сочинений: Переписка двух Иванов: В 3 т. Т. 3: 1947–1950	М.: Русская книга	2000	4050
Собрание сочинений: В 5 т. Т. 1: Солнце мертвых	М.: Русская книга	2001	3000
Собрание сочинений: В 5 т. Т. 2: Въезд в Париж	М.: Русская книга	2001	3000
Собрание сочинений: В 5 т. Т. 3: Рождество в Москве	М.: Русская книга	2001	3000
Собрание сочинений: В 5 т. Т. 4: Богомолье. Рассказы	М.: Русская книга	2001	3000
Собрание сочинений: В 5 т. Т. 5: Пути небесные	М.: Русская книга	2001	3000
Избранные сочинения: В 2 т. Т. 1: Повести. Солнце мертвых	М.: Литература : Вече	2001	7000
Избранные сочинения: В 2 т. Т. 2: Богомолье. Лето Господне	М.: Литература : Вече	2001	7000
Богомолье	М.: Изд-во Сретенского монастыря	2001	7000
Душа Родины: рассказы и воспоминания	М.: Паломник : Приход Покрова Пресвятой Богородицы	2001	6000
Лето Господне	М.: АСТ : Олимп	2001	4000
Лето Господне	М.: Изд-во Сретенского монастыря	2001	10 000

Лето Господне: Повесть	М.: Синергия	2001	1500
Рассказы	М.: Круг чтения : Община Храма Христа Спасителя	2001	7000
Светлая страница	М.: Отчий дом	2001	10 000
Лето Господне	АСТ	2002	5000
Лето Господне	М.: АСТ : Олимп	2002	4000
Лето Господне	М.: К единству!	2002	5000
Лето Господне. Человек из ресторана	М.: Дрофа : Вече	2002	49 500
Лето Господне	М.: Изд-во Сретенского монастыря; Печоры: Псково-печерский Успенский монастырь	2002	7000
Рассказы	М.: Круг чтения	2002	7000
Солнце мертвых	СПб.: Азбука-классика	2002	7000
Богомолье	М.: Ставрос : Право- славное Братство во имя Воздвижения Честного и Животво- рящего Креста Господня	2003	10 000
Въезд в Париж	М.: Олма-Пресс	2003	3000
Душа родины: Рассказы и воспоминания	М.: Паломник	2003	4000
Лето Господне	М.: Ставрос : Право- славное Братство во имя Воздвижения Честного и Животво- рящего Креста Господня	2003	10 000
Лето Господне: Избранное	М.: Изд-во Сретенского монастыря	2003	10000

СООБЩЕНИЯ

Неупиваемая чаша. Няня из Москвы	М.: Ставрос : Православное Братство во имя Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня	2003	10 000
И.С. Шмелев и О.А. Бредиус-Субботина: Роман в письмах: В 2 т. Т. 1	М.: РОССПЭН	2003	2000
Солнце мертвых	М.: Ставрос : Православное Братство во имя Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня	2003	10000
Солнце мертвых	М.: АСТ	2003	7000
Старый Валаам. Росстани	М.: Ставрос : Православное Братство во имя Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня	2003	10 000
Лето Господне // Зайцев Б.К. Неупиваемая чаша. Набоков В.В. Голубая звезда. Рассказы. Машенька	М.: Дет. лит.	2003	10 000
Собрание сочинений: В 5 т. Т. 1: Солнце мертвых	М.: Русская книга : Известия	2004	3000
Собрание сочинений: В 5 т. Т. 2: Въезд в Париж	М.: Русская книга : Известия	2004	3000
Собрание сочинений: В 5 т. Т. 3: Рождество в Москве	М.: Русская книга : Известия	2004	3000
Собрание сочинений: В 5 т. Т. 4: Богомолье	М.: Русская книга : Известия	2004	3000
Собрание сочинений: В 5 т. Т. 5: Пути небесные	М.: Русская книга : Известия	2004	3000

Собрание сочинений: В 5 т. Т. 6 (дополнительный): История любовная	М.: Русская книга : Известия	2004	3000
Детям	М.: Круг чтения: храм Архистратига Михаила (Патриаршее подворье) в Тропареве	2004	5000
Лето Господне: Повесть	М.: Дет. лит.	2004	7000
Лето Господне: Избранное	М.: Изд-во Сретенского монастыря	2004	10 000
Пути небесные	М.: Паломник	2004	6000
И.С. Шмелев и О.А. Бредиус- Субботина: Роман в письмах: В 2 т. Т. 2	М.: РОССПЭН	2004	2000
<i>Ильин И.А.</i> Собрание сочине- ний: Переписка двух Иванов: В 3 т. Т. 2: 1935–1946	М.: Русская книга	2004	4050
<i>Ильин И.А.</i> Собрание сочине- ний: Переписка двух Иванов: В 3 т. Т. 3: 1947–1950	М.: Русская книга	2004	4050
Лето Господне: Избранное	М.: Изд-во Сретенского монастыря	2005	10000
Пути небесные	М.: Паломник	2005	6000
Пути небесные	М.: Издательский совет Русской Право- славной Церкви : Дар	2005	10 000
Рассказы и повести	М.: Астрель : НФ «Пушкинская библиотека»; Кызыл: АСТ	2005	7000
И.С. Шмелев и О.А. Бредиус- Субботина: Роман в письмах: В 2 т. Т. 2.	М.: РОССПЭН	2005	2000

СООБЩЕНИЯ

Переписка с О.А. Бредиус-Субботиной. Неизвестные редакции произведений. Т. 3 (дополнительный). Ч. 1	М.: РОССПЭН	2005	1000
Переписка с О.А. Бредиус-Субботиной. Неизвестные редакции произведений. Т. 3 (дополнительный). Ч. 2	М.: РОССПЭН	2005	1000
Светлая страница	М.: Отчий дом	2005	10 000
Солнце живых	М.: Дар	2005	10 000
Солнце мертвых	М.: Дар	2005	10000
Лето Господне	М.: Дет. лит.	2006	7000
Лето Господне	М.: Светлый берег	2006	2000
Лето Господне. Богомолье	М.: Русская книга — XXI век	2006	1000
Лето Господне. Человек из ресторана	М.: Дрофа : Вече	2006	5000
На морском берегу: (Из воспоминаний моего друга)	М.: Отчий дом	2006	15 000
Неупиваемая чаша	М.: Пан Пресс	2006	1500
Пути небесные	М.: Артос-Медиа	2006	5000
Рассказы	М.: Православный мир	2006	5000
Переписка с О.А. Бредиус-Субботиной. Неизвестные редакции произведений. Т. 3 (дополнительный). Ч. 2	М.: РОССПЭН	2006	1000
Свет вечный	М.: Русская книга — XXI век	2006	2000
Светлая страница	М.: Отчий дом	2006	10 000
Солнце живых	М.: Издательский совет Русской Православной Церкви : Дар	2006	нет свед.

Старый Валаам	М.: Образ	2006	10 000
Душа родины	Архангельск: Правда Севера; М.: Русская книга — XXI век	2007	3000
Душа родины	М.: Паломник : Сиб. благовонница	2007	7000
Душа родины	М.: Русская книга — XXI век	2007	3000
Крестный подвиг: Очерки. Статьи. Автобиографические заметы: 1922–1949	М.: Собрание	2007	3000
Лето Господне	М.: Изд-во Сретенского монастыря	2007	5000
Лето Господне: Автобиогр. повествования	М.: Русская книга — XXI век	2007	2000
Лето Господне: Избранные повествования	СПб.: Приход святителя Игнатия Брянчанинова	2007	8000
Лето Господне: Избранные произведения	СПб.: Диоптра : Ладан	2007	5000
Лето Господне. Богомолье. Старый Валаам	Минск: Белорусский экзархат — БПЦ	2007	10 100
Лето Господне. Человек из ресторана	М.: Дрофа	2007	5000
Лето Господне. Человек из ресторана	М.: Дрофа	2007	5000
Мой Марс	М.: Отчий дом	2007	15 000
Повести и рассказы	М.: Светлый берег	2007	2000
Пути небесные	М.: Дар	2007	5000
Рассказы и повести	М.: АСТ	2007	3000
Свет вечный: Роман. Рассказы.	М.: Русская книга — XXI век	2007	1000
Солнце мертвых	М.: Вече	2007	7000

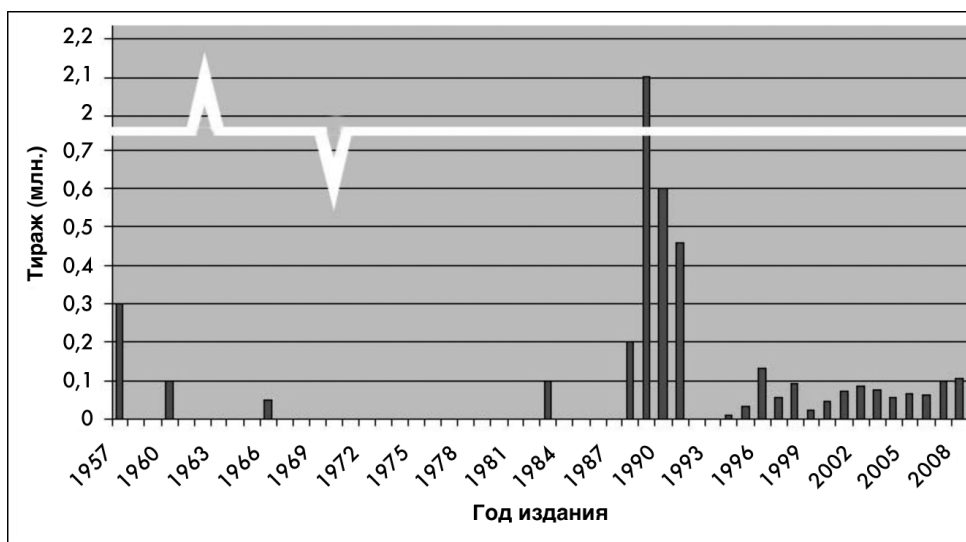
СООБЩЕНИЯ

Солнце мертвых	М.: Изд-во РАГС	2007	1000
Солнце мертвых. Лето Господне. Богомолье	М.: Эллис Лак	2007	1500
Старый Валаам. Неугасимая лампада	М.: Артос-Медиа	2007	10 000
Собрание сочинений: В 12 т. Т. 1: Повести «В новую жизнь», «Распад»; рассказы; очерки (1895–1910 гг.)	М.: Сиб. благовонница	2008	5000
Собрание сочинений: В 12 т. Т. 2: Повести «Мери», «Человек из ресторана»; рассказы (1910–1912 гг.)	М.: Сиб. благовонница	2008	5000
Собрание сочинений: В 12 т. Т. 3: Повести «Росстани», «Стена»; рассказы; авто- биография (1913 г.)	М.: Сиб. благовонница	2008	5000
Собрание сочинений: В 12 т. Т. 4: Пьесы «Догоним солнце», «В городке»; рассказы (1914–1916 гг.)	М.: Сиб. благовонница	2008	5000
Собрание сочинений: В 12 т. Т. 5: Повесть «Неупиваемая чаша»; рассказы; сказки (1916–1923 гг.)	М.: Сиб. благовонница	2008	5000
Собрание сочинений: В 12 т. Т. 6: Солнце мертвых; рассказы; публицистика (1923–1924 гг.)	М.: Сиб. благовонница	2008	5000
Собрание сочинений: В 12 т. Т. 7: Солдаты. История любви; рассказы (1925–1926 гг.)	М.: Сиб. благовонница	2008	5000
Собрание сочинений: В 12 т. Т. 8: Богомолье; рассказы; воспоминания; публицистика (1926–1932 гг.)	М.: Сиб. благовонница	2008	5000

Собрание сочинений: В 12 т. Т. 9: Няня из Москвы; рассказы; очерк; воспомина- ния (1933–1936 гг.)	М.: Сиб. благовонница	2008	5000
Собрание сочинений: В 12 т. Т. 10: Лето Господне; праздники; праздники- радости; скорби (1936 г.)	М.: Сиб. благовонница	2008	5000
Собрание сочинений: В 12 т. Т. 11: Иностранец; рассказы; воспоминания; публицистика (1937–1948 гг.)	М.: Сиб. благовонница	2008	5000
Собрание сочинений: В 12 т. Т. 12: Пути небесные (1948 г.)	М.: Сиб. благовонница	2008	5000
Богомолье	М.: Изд-во Сретенского монастыря	2008	5000
Лето Господне	М.: Изд-во Сретенского монастыря	2008	5000
Пути небесные	М.: Артос-Медиа	2008	7000
Пути небесные	М.: Дар	2008	5000
Родное. Кн. 1: Повести и рассказы. Солнце мертвых. Публицистика	М.: Парад	2008	3500
Родное. Кн. 2: Богомолье. Лето Господне. Воспоминания	М.: Парад	2008	3500
Солнце живых	М.: Издательский совет Русской Право- славной Церкви : Дар	2008	5000
Солнце мертвых	М.: Дар	2008	5000
Солнце мертвых	М.: Эксмо	2008	4000
Солнце мертвых: Эпопея. Рассказы	М.: Худож. лит.	2008	2000
Человек из ресторана	М.: Худож. лит.	2008	2000

Приложение II

ТИРАЖ ИЗДАНИЙ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И.С. ШМЕЛЕВА НА РОДИНЕ
в 1957–2008 гг.

Е.В. Кривова

ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ
РУССКОЯЗЫЧНОЙ ДИАСПОРЫ
И ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ РОДНОГО ЯЗЫКА

Российская эмиграция в разные периоды истории вызывалась разными факторами, что отражалось на отношении эмигрантов к покинутой стране, русскому языку и культуре. Но всегда предметом особой заботы русского зарубежья оставалась судьба русского языка в связи с пребыванием его в иноязычной среде. В зависимости от принадлежности к тому или иному миграционному потоку эмигранты по-разному относились к сохранению и чистоте родного языка, что отражается и в проблематике лингвистических исследований. Отношение к языку характеризует и выделяемые типы поведения (аккультурации) эмигрантов: антиассимилятивное, ассимилятивное и бикультурное¹. Данные модели находятся в динамическом неравновесии на протяжении всей истории существования русского зарубежья. На выбор того или иного типа поведения влияют жизненные установки и приоритеты эмигрантов, а русская диаспора была и продолжает оставаться крайне неоднородной в социально-культурном отношении.

Представители зарубежной России межвоенного периода (1917–1939) считали себя беженцами и в течение долгого времени надеялись на скорое возвращение в Россию. Их главными приоритетами было сохранение социокультурного и бытового уклада, идентичности, веры; они стремились сохранить в чистоте как свой русский язык, так и язык следующих поколений. В Югославии, например, в середине 1930-х гг. был создан Союз ревнителей чистоты русского языка. Проблемы чистоты языка активно обсуждались в среде эмигрантов, статьи и брошюры на эту тему публиковались в разных странах². Выражаясь лингвистической терминологией, они образовали «языковой остров», где поддерживали язык этнокультурного меньшинства, живущего в иноязычном окружении. Этот «остров» представлял собой своего рода лингвистическую лабораторию, где язык сохранялся в архаической форме.

Целевая установка покинувших СССР в период с 1939 г. до конца 1940-х гг. и с 1965 по 1985 г. — обретение новой родины и усвоение культуры большинства. Они осознанно вовлекались в процесс ассимиляции, понимая невозможность сво-

¹ См.: Пфандль Х. О языке русской эмиграции // Русская речь. 1994. № 3. С. 70–74.

² См., например: Русский язык в зарубежной России. М., 2007. Сборник представляет собой антологию материалов о русском языке в зарубежной России, состоит из поэтических и прозаических произведений, научных трудов, публицистических статей деятелей русской эмиграции 1920–60-х гг.

его возвращения в СССР в силу политических, идеологических, морально-этических причин.

Граждан, выехавших из СССР / России в последние десятилетия XX в., относят к следующему потоку и называют «экономической эмиграцией». Их главная цель — как можно скорее добиться успеха в новой стране, иметь работу, дом, семью, поэтому они тратили все силы на освоение нового языка и переставали говорить по-русски.

В современной науке прослеживается тенденция изучения истории российского зарубежья без традиционных хронологических «водоразделов», так как принятое деление на так называемые волны эмиграции не включает все основные эмиграционные потоки из России. Например, не выделяется в отдельную волну довольно многочисленный поток российской эмиграции во второй половине XIX в. Намечающейся тенденции соответствуют исследования по эмигрантике последних лет, для которых характерно выделение пятой волны эмиграции (с середины 1990-х гг.), которую называют интеллектуальной или «утечкой мозгов»³. Основной причиной отъезда здесь по-прежнему являются экономические мотивы, но психологические установки современных соотечественников отличают их от тех, кто покинул страну сразу после снятия «железного занавеса». Уезжают люди образованные, большинство из них покидают родину не навсегда, а на время (на работу или учебу), многие хотят сохранить российское гражданство. Они хорошо владеют русским языком и стараются передать его своим детям. В основном их модель поведения соответствует бикультурному типу аккультурации — усвоение культуры принявшей страны при сохранении своей собственной⁴. Среди факторов, мешающих полной ассимиляции, — перспективы использования русского языка в бизнесе, получение образования, связи с родственниками и друзьями, интерес к происходящему в России и т. д.

В условиях свободного общества и открытости границ феномен эмиграции превратился в миграционное движение, которое в настоящее время приобретает все больший размах. Этому активно способствует процесс глобализации, в понимании которого, однако, произошел поворот к политике мультикультурализма. Суть данной политики состоит в позитивном отношении к наличию различных культурных групп, адаптации социальных институтов к их потребностям, а также в поддержке новых культурных идентичностей: этнических, национальных, религиозных и др. Следствием этого становятся концепции строительства мультикультурных, многоконфессиональных, а с недавнего времени и многоязыч-

³ См. об этом: *Пивовар Е.И.* Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М., 2008.

⁴ Исследователи, изучающие проблемы освоения русского языка детьми-билингвами и детьми-мигрантами в Японии, в последние три года наряду с известными тремя типами поведения выделяют четвертый тип, которому дано определение реверсный (от англ. reverse; лат. revertor — поворачиваю назад, возвращаюсь). Он характеризуется интуитивным и несколько запоздалым стремлением русскоговорящих родителей предоставить-таки своим детям возможность изучения русского языка как родного, но при наличии благоприятных условий — материальных, социальных, психологических. См.: *Сивакова С.В.* Проблемы обучения русскому языку детей-билингвов и детей-мигрантов в Японии // *Русский язык за рубежом*. 2009. № 6 (217). С. 116–122.

ных сообществ внутри отдельных государств Западной Европы. Реализация данной политики способствует сохранению у мигрантов родного языка и интереса к русской истории и культуре при интеграции в новое общество. Так, например, в период с 2006 по 2008 г. Европейский социальный фонд на базе Нарвского колледжа Тартуского университета осуществлял проект «Повышение качества учебной и научной работы в области мультикультурного образования при подготовке учителей», целью которого было развитие мультикультурности и толерантного сознания участников образовательного процесса.

Безусловно, мощнейший механизм адаптации — языковой. Роль речи при интеграции в принимающее общество достаточно велика. Не все эмигранты покидают родину со знанием иностранного языка. Трудности в освоении нового языка, особенно для пожилых людей, могут стать причиной серьезных психологических проблем. Потеря имеющегося культурного багажа, поскольку подпитывающая его культурная среда вне родины не так развита, может привести к духовному обеднению человека и так называемому полуязычию.

Достаточно быстро в родной речи мигрантов появляются многочисленные иноязычные вкрапления, которые демонстрируют овладение языком страны проживания и являются доказательством собственной аккультурации. Быстрый переход к использованию речевых маркеров (как правило, междометий, частиц, модальных слов, формул вежливости, бранной лексики) призваны показать принадлежность говорящего к новому социальному и культурному пространству. За этим стоит стремление занять как можно более престижную позицию на шкале социальной иерархии. С другой стороны, страх потерять родной язык является вполне распространенным явлением. Постоянное обновление языка, следование актуальным тенденциям — это то, что труднее всего поддерживать и вносить в свою речь в отрыве от метрополии.

Проблема функционирования русского языка в иноязычном окружении получила в русистике официальный статус лишь с образованием СНГ (1993). После распада СССР объект исследования ученых, занимающихся российским зарубежьем, значительно расширился. В фокусе их внимания оказались русскоязычные диаспоры в бывших советских республиках. Широко используемая сейчас оппозиция «ближнее зарубежье» и «дальнее зарубежье», которую, на первый взгляд, можно расценить только как чисто географическую, отражает и другие существующие отличия. Большинство ученых, в том числе и лингвистами, принято разграничивать данные объекты исследования.

Исторические события начала 1990-х гг. способствовали активному изучению существования русского языка за рубежом, которое до настоящего времени протекает весьма интенсивно. Большинство исследователей отмечают отличие русского языка, существующего в диаспорах, от русского языка в России. По мнению Ю.Н. Караулова, язык зарубежья следует рассматривать как «отдельную сферу его существования, наряду с другими, достаточно автономными его ипостасями в метрополии: современным литературно-письменным языком, устными народными говорами, мертвым языком памятников письменности, устно-разговорной разновидностью (включающей и просторечие), языком науки и техники, а также

вариантами так называемой неисконной русской речи, существовавшей ранее в республиках СССР, а теперь — в СНГ»⁵.

По мнению Е.Ю. Протасовой, языковые особенности русской речи вне России нельзя однозначно оценивать как ошибки, даже если речь идет о нарушении нормы. Причина нестандартного речевого поведения нередко кроется не в процессах, происходящих внутри русского языка, а в психолингвистической природе билингвизма его носителей за пределами России⁶. Отмечаемые языковые отклонения могут быть структурные, затрагивающие основы речи, и поверхностные. Некоторые исследователи уверены, что, несмотря на некоторые очевидные отличия от современного русского литературного языка, язык диаспоры не обнаруживает существенных структурных отличий от разговорного языка метрополии⁷. Данное наблюдение отвечает концепции М.Я. Гловинской и Е.А. Земской о том, что язык диаспоры следует описывать «на фоне процессов, происходящих в метрополии», поскольку тенденции развития языка, прослеживающиеся в эмигрантской речи, иногда могут быть более отчетливыми⁸.

Смещение разнообразных речевых систем (гибридизация общения) становится отличительной чертой коммуникации в диаспоре. Часто мигранты прибегают к заимствованиям, калькам, смешениям. Интересно, что лица, хорошо знающие язык страны пребывания, дву- и многоязычные, не допускают смешения языков. Они не строят макаронический дискурс, а используют иноязычные слова как инкрустации (вставки) с соответствующим произношением. Лица же, плохо знающие язык страны обитания, лишь изучающие его, подвержены интерференции.

Характерная особенность общения в иноязычной среде — употребление готовых речевых оборотов и конструкций на иностранном языке. Исследователи называют эту особенность «переключением кода», в основе которого лежит известный принцип речемыслительной экономии, возникающий в процессе спонтанной речи (частый аргумент: «мне это первым пришло в голову»). Нельзя не согласиться и с другими исследователями, объясняющими многочисленные иноязычные вкрапления в речи «языковым стрессом», так как мигранты вынуждены существовать в состоянии постоянного перехода из одного (своего, родного) культурного и языкового пространства в другое и обратно. Для всех них неизбежна языковая ситуация, которая может быть определена как координативный билингвизм, когда каждая языковая реализация связана со своей отдельной системой понятий⁹. Обычно язык страны проживания обслуживает сферу образования, профессиональной деятельности, общественной коммуникации, родной язык — сферу внутрисемейной, бытовой коммуникации, превращаясь постепенно в редуцированный вариант русского языка.

⁵ Караулов Ю.Н. О русском языке зарубежья // Вопросы языкознания. 1992. № 6. С. 5.

⁶ См.: Протасова Е.Ю. Фенороссы: жизнь и употребление языка. СПб., 2004. С. 41.

⁷ См., например: Полинская М. Русский язык в США // Русскоязычный человек в иноязычном окружении / Под ред. А. Мустайоки, Е. Протасовой. Хельсинки, 2004. С. 44.

⁸ См.: Язык русского зарубежья: общие процессы и речевые портреты / Под ред. Е. Земской. М.; Вена, 2001.

⁹ См.: Вайнрах У. Языковые контакты. Киев, 1979.

Сохранение языка или его утрата в условиях иноязычного окружения зависят от многих причин. Важны принадлежность к определенному поколению и социокультурной среде, уровень образования, степень владения родным языком и иностранными языками, отношение к метрополии, наличие или отсутствие компактно проживающих носителей родного языка, внутрисемейные отношения и т. д. «Можно утверждать с несомненностью, что сохранение или разрушение языка зависит в очень большой степени от индивидуальных свойств человека — наличия установки на сохранение языка или отсутствие таковой, силы характера, профессии и других качеств»¹⁰, — пишет Е.А. Земская о русском языке дальнего зарубежья. Данное утверждение, несомненно, применимо к взрослым соотечественникам. В условиях расширившихся коммуникативных возможностей русское радио, ТВ, Интернет служат важным экстралингвистическим фактором, который помогает им в чужой языковой среде сохранять русский язык. Кроме того, не нужно забывать, что, как правило, язык был усвоен ими на родине, поэтому в ситуации иноязычного окружения применительно к ним можно говорить лишь о языковых изменениях, связанных с ограничением использования языка в повседневной жизни.

С детьми и подростками дело обстоит значительно сложнее. Отклонения в их речи свидетельствуют уже о неполном владении языком, его недоусвоении, ведущем в конечном итоге к утрате родного языка. Часто ребенок не понимает, зачем ему нужен русский язык, а изучение любого языка должно быть обязательно мотивировано. От позиции родителей в этом вопросе зависит, будет ли ребенок изучать родной язык, поддерживать его, сохранять, интересоваться русской историей и культурой. Отмечено, что особенно большую роль в сохранении русского языка у детей играют бабушки и дедушки: они обычно не работают, не знают чужого языка, русский для них единственный язык общения с молодыми членами семьи.

Главным аргументом для многих родителей является тот факт, что в современном мире двуязычие (многоязычие) становится естественным явлением. Оно увеличивает комбинаторные способности, развивает логические и лингвистические задатки, расширяет кругозор. Кроме этого, знание русского языка — это существенный потенциал в получении будущей профессии (учитывая растущие экономические связи Запада с Россией). Наряду с экономическим аспектом не стоит забывать, что язык — важнейшее средство преемственности поколений, ключ к овладению теми ценностями, которые родители хотели бы передать своим детям.

Известно, что намного проще выучить еще один язык в детстве. Многие родители ошибочно считают, что, попадая в иноязычную среду, ребенок в первую очередь должен освоить язык новой страны проживания, а уж потом, если получится, и русский. Однако мы часто забываем тот факт, что гораздо легче постичь основы грамматической системы на родном языке, на интуитивном уровне. Если

¹⁰ *Земская Е.А.* Еще раз о языке русского зарубежья // *Язык-система. Язык-текст. Язык-способность.* М., 1995. С. 235–236.

будет грамотно заложен так называемый грамматический каркас русского языка, то на него уже без труда накладывается грамматика и других европейских языков.

Формирование языковой личности у детей российских соотечественников за рубежом остается малоизученной проблемой, несмотря на значительные достижения в области билингвизма¹¹. Этот процесс имеет свои особенности. Ребенок, пришедший в русскую школу, является носителем как минимум двух языков. Наряду с миром, описываемым родным языком, для него существует другой мир, в котором и о котором он говорит на другом языке. Этот другой мир и другой язык ребенок зачастую знает гораздо лучше, чем мир и язык своих родителей. Например, чтение произведений русской классики у них сильно затруднено из-за незнания многих слов и оборотов, непонимания иронии, юмора и т. п. Дело не в том, что дети не понимают слов, отражающих реалии старого русского быта (это наблюдается и в метрополии), они по-другому воспринимают смысл текста. Примером может служить чтение пушкинской «Сказки о рыбаке и рыбке». Преподаватель русского языка в израильских школах психолингвист Евгения Колчинская отмечает, что в русском восприятии старика жалко: это тип христианского долготерпения; его нетребовательность, скромность и покорность вызывают симпатию и сочувствие. У русскоязычных детей в Израиле его поведение вызывает недоумение: зачем он выполняет приказы старухи? В нем не видят личностного, волевого начала, а его неспособность подумать о себе непонятна¹².

Не случайно проблема сохранения родного языка рассматривается исследователями в аспекте сохранения этнокультурной идентичности подростков и юношества, проживающих за рубежом. Эта проблема была поставлена российской эмиграцией уже в первые годы своего существования. В 1928 г. братья Волконские в своей статье «В защиту русского языка» писали: «Кстати, теперь печалются, что блекнет в наших детях чувство народности. Так читайте вашему четырехлетнему Ване “Царя Салтана”, да почаще. На третий раз он торопливо подскажет вам: «родила богатыря», на четвертый — за “поварихой” отбарабанит: “с сватьей ба-бой Ба-ба-лихой” и мотнет головой на “ли-хой”. Когда эта умная, добрая, пестрая и звучная Русь проникнет в извилины мозга, русский дух там засядет прочно...»¹³

Концепт культуры в последние годы стал ключевым в методологии гуманитарных наук. Таким же он является и в методике преподавания русского языка

¹¹ См., например: *Щерба Л.В.* К вопросу о двуязычии // *Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 313–318; *Он же.* О понятии смешения языков // Там же. С. 60–74; *Верещагин Е.М.* Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М., 1989; *Жлуктенко Ю.А.* Лингвистические аспекты двуязычия. Киев, 1974; *Залевская А.А.* Вопросы теории овладения вторым языком в психолингвистическом аспекте. Тверь, 1996; *Протасова Е.Ю., Родина Н.М.* Многоязычие в детском возрасте. СПб., 2005; *Васильева С.Т.* Разноязычие (смешанная речь) и типология билингвизма личности. Дисс. ... докт. филол. наук. М., 2000.

¹² См.: *Колчинская Е.В.* «Сказка о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина: взгляд из диаспоры // <http://edu.futurisrael.org/Kolch/Kolch01.htm>.

¹³ *Волконский С.М., Волконский А.М.* В защиту русского языка // *Русский язык в зарубежной России.* М., 2007. С. 243.

в условиях диаспоры. По мнению академика Леонтьева, «язык никак не должен преподаваться в качестве формальной системы: в гораздо большей мере мы учим значениям, конституирующим образ мира новой культуры и одновременно участвующим в процессах порождения речи на новом языке. Поэтому преподавать язык — значит, в конечном итоге, преподавать культуру»¹⁴. Изучение языка вне России требует целенаправленного восстановления культурного контекста, особого внимания к языковой картине мира путем объяснений и специальной работы над концептами и понятиями, которые на родине языка являются само собой разумеющимися. Подобную функцию в качестве дополнения к учебникам мог бы взять на себя, например, русскоязычный журнал для детей и подростков как источник дополнительного чтения и помощник родителям, стремящимся развивать у своего ребенка интерес к родному языку и культуре¹⁵. В эпоху Интернета полезна была бы также практика создания подобных сайтов¹⁶.

Роль родителей, позиция семьи — это важно, но очевидно также, что необходимо объединение усилий педагогов-практиков и ученых разных стран в решении проблем сохранения родного языка в диаспоре. Достаточно широка сеть школ дополнительного образования на русском языке в разных странах. Например, в Германии работают 86 русских школ. Успешной работе школ за рубежом мешает отсутствие общепризнанных программ обучения русскому языку русскоязычных школьников вне русской языковой среды. Их разработке, в частности, мешает дефицит консенсуса относительно выбора методов преподавания, слабый мониторинг ситуации в области преподавания русского языка, наконец, недостаточная координация действий заинтересованных сторон. К тому же практически нет учебников, учитывающих конкретные языковые и культурологические реалии страны проживания. Педагоги и ученые продолжают работу над созданием методики преподавания русского языка в зарубежных школах дополнительного образования¹⁷.

Поддерживать интерес к русскому языку и культуре, расширять круг своих «языковых единомышленников» помогают многочисленные русскоязычные культурно-образовательные организации, ассоциации, клубы, центры. Самой крупной из них считается Международная ассоциация русских культурно-образовательных объединений в странах Европы «EUROLOG», в которую входят представители 20 стран. Важную роль во многих странах продолжают играть православные приходы и действующие при них воскресные школы. Постоянно

¹⁴ Леонтьев А.А. Язык не должен быть «чужим» // Этнопсихоллингвистические аспекты преподавания иностранных языков. М., 1996. С. 44.

¹⁵ Примеры подобных изданий: европейский детский журнал «Остров Там-и-Тут», который выходит в издательстве «Партнер» (Дортмунд, Германия); литературный журнал для русскоязычных детей и их семей, живущих вне России, «Маленькая компания» издается в Нью-Йорке и рассылается подписчикам в США и в других странах.

¹⁶ Например, сайт русской ассоциации во Франции «Многоголосое детство» — посвящен вопросам сохранения русского языка в двуязычных семьях, см.: www.enfance-polifonique.org.

¹⁷ Эти проблемы были предметом обсуждения на международных форумах «Русский язык вне России» (Берлин, 2005; Лондон, 2009).

организуются европейские творческие и православные лагеря для русскоязычных детей. В Австралии, например, существуют детские игровые площадки для детей дошкольного возраста — это хороший фундамент для дальнейшего изучения родного языка.

Иными словами, в любом мультикультурном обществе можно найти или создать предпосылки для использования и сохранения своей родной речи. Однако это требует от индивида значительных психических, моральных, интеллектуальных усилий и затрат. Немаловажна в этой связи и поддержка государства. В последнее время проблемы соотечественников постоянно находятся в центре внимания исполнительных органов государственной власти Российской Федерации. Развитие отношений партнерства с зарубежными соотечественниками является одним из приоритетов внешней политики России. Это касается защиты их законных прав и интересов, а также укрепления позиций русского языка и культуры за рубежом. Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына ведет активную работу в этом направлении.

ПУБЛИКАЦИИ

ПОСМЕРТНАЯ ОПИСЬ РУКОПИСЕЙ

П.Н. МИЛЮКОВА

Предисловие, подготовка текста и комментарии

П.А. Трибунского

После кончины известного историка и политического деятеля П.Н. Милюкова, последовавшей 31 марта 1943 г. во французском курортном городке Экс-ле-Бен, разгорелся многолетний спор вокруг его наследства. Противоборствующими сторонами в тяжбе по завещанию были вторая супруга Милюкова — Антонина (Нина) Васильевна (урожд. Григорьева; в первом замужестве Лаврова) и сын Милюкова от первого брака Николай. Помимо имущества и денежных средств, порядок распределения которых стал камнем преткновения, соперники претендовали на рукописи покойного, а также на литературные права в отношении них.

В среде эмиграции существовало твердое убеждение, что парижский архив и библиотека П.Н. Милюкова были конфискованы и полностью вывезены немецкими властями¹. Как оказалось впоследствии, небольшая коллекция писем, дневников и записных книжек сохранилась в комнате прислуги и была тайно присвоена Н.П. Милюковым, который позже продал ее Архиву русской истории и культуры при Колумбийском университете². В результате в сферу наследственной тяжбы оказались вовлечены лишь рукописи, оказавшиеся в распоряжении А.(Н.)В. Милюковой.

На необходимости точного учета рукописей покойного настаивали душеприказчики А.Ф. Ступницкий и Б.И. Элькин. По утверждению Милюковой, Ступницкий доверил рассмотрение рукописей и составление их описи бывшему сотруднику «Последних новостей» Е.В. Ратнеру. Это событие имело место, судя по всему, в 1944 г. После работы Ратнера Милюкова, оставив у себя наиболее важные рукописи, некоторые документы передала нотариусу. Она фактически поделила архив покойного, выделив, по совету Ступницкого, часть материалов «для той стороны», т. е. для Н.П. Милюкова³. Позиция Элькина, единственного из душе-

¹ См.: Солнцев К.И. Русские библиофилы и русские библиотеки в Париже // Amherst Center for Russian Culture. Amherst College (USA). K.I. Solntsev collection. Box 2, folder 26. Запись за 28 апреля 1941 г.

² См.: Б.И. Элькин — А.А. Титову, 21 марта 1956 г. // Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture (далее — BA). Rare Book and Manuscript Library. Butler Library. Columbia University in the City of New York (USA). A.P. Vel'min papers. Box 7 (письмо вложено в 3-ю часть воспоминаний А.П. Вельмина); Вельмин А.П. Мои воспоминания. Часть 3-я. Моя жизнь во Франции с 7 октября 1945 г. // Там же. С. 228–229, 232–234, 237–240, 281; Он же. [Записка, передаваемая вместе с архивом П.Н. Милюкова], 24 мая 1954 г. // BA. General Collections Folders; А.П. Вельмин — Ф.А. Мозли, 12 августа 1960 г. // Там же.

³ См.: А.Ф. Ступницкий — А.(Н.)В. Милюковой, 29 июня [1944 г.] // BA. P.N. Miliukov papers. Box 17; Б.И. Элькин — А.(Н.)В. Милюковой, 6 февраля 1945 г. Отпуск // Там же; Б.И. Элькин — А.(Н.)В. Милюковой, 7 апреля 1945 г. Отпуск // Там же; А.(Н.)В. Милюкова — Б.И. Элькину, 12 марта 1945 г. // Там же; А.(Н.)В. Милюкова — Б.И. Элькину, 18 марта 1945 г. // Там же.

приказчиков, серьезно и последовательно занявшегося исполнением воли П.Н. Милокова, была прямо противоположной: «спрячьте подальше все рукописи и никому их не выдавайте», «рукописи Павла Николаевича храните на стороне»⁴. Элькин считал, что «рукописи Павла Николаевича не должны... быть предметом распределения между наследниками»⁵.

Отлично понимая, что отсутствие рукописей в инвентарной описи вещей покойного может вызвать подозрение со стороны Н.П. Милокова и его юриста, Элькин в письме Милоковой от 3 октября 1945 г. впервые поднял вопрос о высылке наиболее важных рукописей П.Н. Милокова ему в Лондон. Сомнения Милоковой в целесообразности такого поступка быстро были рассеяны, и с декабря 1945 г. Элькину стали поступать посылки с рукописями покойного. За декабрь 1945 — февраль 1946 г. Милокова переслала Элькину рукописи мемуаров П.Н. Милокова и «Очерков по истории русской культуры». Ссылаясь на дороговизну пересылки, Милокова оставила у себя 40 книжек с записями лекций супруга по истории России. Остальные материалы, по ее словам, находились у нотариуса Л. Валлэ⁶. Элькин попросил выслать опись рукописей покойного, составленную Ратнером, что и было сделано Милоковой в приложении к письму от 5 марта 1946 г.⁷

В материалах, собранных Элькиным и связанных с имуществом Милокова, сохранился машинописный документ с незначительной рукописной правкой, озаглавленный как «Опись рукописей П.Н. Милокова». Документ не датирован и не авторизирован. Между тем его содержание дает твердое основание для датировки и атрибуции. Перечисленные рукописи составляли на момент подготовки описи единый комплекс. Приведенные выше факты свидетельствуют, что такое положение вещей могло иметь место только до декабря 1945 г. До этого момента известна единственная попытка составить описание бумаг, оставшихся после смерти Милокова, — деятельность Е.В. Ратнера в 1944 г. Опись Ратнера была прислана Элькину в марте 1946 г. Не вполне ясно, является ли найденный документ оригинальной описью, составленной Ратнером, или машинописной копией, выполненной Элькиным. Рукописная правка в документе настолько незначительна и примитивна, что не дает надежных данных для сравнения с почерком Элькина.

⁴ См.: Б.И. Элькин — А.(Н.)В. Милоковой, 24 апреля 1945 г. Отпуск // ВА. P.N. Miliukov papers. Box 17; Б.И. Элькин — А.(Н.)В. Милоковой, 24 апреля 1945 г. Отпуск // Там же.

⁵ См.: Б.И. Элькин — А.Ф. Ступницкому, 28 мая 1945 г. Отпуск // ВА. P.N. Miliukov papers. Box 17.

⁶ См.: Б.И. Элькин — А.(Н.)В. Милоковой, 3 октября 1945 г. Отпуск // ВА. P.N. Miliukov papers. Box 17; Б.И. Элькин — А.(Н.)В. Милоковой, 28 ноября 1945 г. Отпуск // Там же; Б.И. Элькин — А.(Н.)В. Милоковой, 8 января 1946 г. Отпуск // Там же; Б.И. Элькин — А.(Н.)В. Милоковой, 27 января 1946 г. Отпуск // Там же; Б.И. Элькин — А.(Н.)В. Милоковой, 4 февраля 1946 г. Отпуск // Там же; Б.И. Элькин — А.(Н.)В. Милоковой, 18 февраля 1946 г. Отпуск // Там же; А.(Н.)В. Милокова — Б.И. Элькину, 9 ноября 1945 г. // Там же; А.(Н.)В. Милокова — Б.И. Элькину, 31 декабря 1945 г. // Там же; А.(Н.)В. Милокова — Б.И. Элькину, 21 января 1946 г. // Там же; А.(Н.)В. Милокова — Б.И. Элькину, 10 февраля 1946 г. // Там же; А.(Н.)В. Милокова — Б.И. Элькину, 20 февраля 1946 г. // Там же; А.(Н.)В. Милокова — Б.И. Элькину, 5 марта 1946 г. // Там же.

⁷ См.: Б.И. Элькин — А.(Н.)В. Милоковой, 18 февраля 1946 г. Отпуск // ВА. P.N. Miliukov papers. Box 17; А.(Н.)В. Милокова — Б.И. Элькину, 5 марта 1946 г. // Там же.

Публикуемый документ дает уникальную возможность оценить (естественно, не в полной мере) состав творческого архива П.Н. Милокова на момент смерти и направление его деятельности в последние годы жизни.

Прежде всего, *opus magnum* — «Очерки по истории русской культуры» — вторая и третья части первого тома так называемого юбилейного издания. Первая часть указанного тома вышла в свет в 1937 г.⁸ Над остальными частями Милоков трудился, находясь вне Парижа, в Виши. Наиболее законченная, вторая, часть была подготовлена к печати и издана под редакцией историка Н.Е. Андреева⁹. Третья часть первого тома остается неизданной.

Монография «From Nicholas II to Stalin: Half a Century of Foreign Politics», выполненная при финансовой поддержке Фонда Карнеги по поддержанию мира во всем мире в 1941–1942 гг., была последней работой Милокова по истории внешней политики России и СССР. Написанная Милоковым по-русски и переведенная на английский язык Гиммельшейном, книга была отпечатана на пишущей машинке и в 1942 г. доставлена в США. Фонд отказался от публикации, а русским эмигрантам не удалось найти издательство, готовое напечатать труд. В результате машинописная копия отложилась в американском архиве.

Упомянутые тексты лекций «Концы и начала» и «Западничество и славянофильство» готовились Милоковым при помощи Н.Н. Кнорринга к печати в рамках деятельности юбилейного комитета по поводу 80-летия Павла Николаевича. Выезжая в Швейцарию в июле 1939 г., Милоков, видимо, взял для работы указанные лекции¹⁰. Не ясно, правда, работал ли Милоков над ними вне Парижа.

Вторжение немецких войск во Францию и ликвидация газеты «Последние новости» привели Милокова к вынужденному бездействию, которое он решил заполнить писанием воспоминаний. Начатые осенью 1940 г. в Монпелье мемуары к моменту кончины Милокова были доведены до осени 1917 г. Под редакцией М.М. Карповича и Б.И. Элькина в сокращенном виде воспоминания Милокова в двух томах вышли в середине декабря 1955 г.¹¹

Текст своих лекций по русской истории от Петра I до Николая I Милоков в 1938 г. передал на хранение Элькину в Лондон. Летом 1939 г. Милоков попросил вернуть лекции для издания. В подготовке их к печати должен был принять участие Н.Н. Кнорринг¹². По-видимому, Милоков не приступил к работе над лекциями. В 1958 г. представитель Архива русской истории и культуры при Колумбийском университете в Европе А.П. Вельмин посетил А.(Н.)В. Милокову, у которой видел указанные лекции. Убедить ее продать (или подарить) эти и другие руко-

⁸ См.: Милоков П.Н. Очерки по истории русской культуры: Юбилейное издание. Париж, 1937. Т. 1, ч. 1.

⁹ См.: Он же. Очерки по истории русской культуры. The Hague, 1964. Т. 1, ч. 2.

¹⁰ См.: Н.Н. Кнорринг — Б.И. Элькину, 21 июля 1949 г. // ВА. P.N. Miliukov papers. Box 17; Вакар Н.П. Дневник // ВА. N.P. Vakar papers. Box 2. Тетрадь № 1. С. 91.

¹¹ Милоков П.Н. Воспоминания: В 2 т. Нью-Йорк, 1955.

¹² См.: Б.И. Элькин — М.М. Карповичу, 30 марта 1953 г. // ВА. M.M. Karpovich papers. Series 1. Box 7; Н.Н. Кнорринг — Б.И. Элькину, 21 июля 1949 г. // ВА. P.N. Miliukov papers. Box 17.

писи архиву не удалось. После смерти Милюковой все материалы были опечатаны французскими властями и пропали¹³.

В заключение заметим, что рукописи, попавшие в руки Б.И. Элькина, были изданы, тогда как оставшиеся в распоряжении А.(Н.)В. Милюковой — погибли для науки.

* * *

Документ публикуется по современным правилам орфографии, мелкие особенности текста (зачеркивания, рукописные вставки латинских цифр) не оговариваются. В примечаниях к документу, помимо комментариев по содержанию, нами сделана попытка проследить судьбу упомянутых рукописей и дать информацию по их современному местонахождению.

ОПИСЬ РУКОПИСЕЙ П.Н. МИЛЮКОВА [1944 г.]

«Очерки по Истории Русской Культуры», Том I, Часть 2¹.

Глава I. От предыстории к начальной колонизации (262 страницы).

Добавление: «Вопрос о русском антропологическом типе», стр<аницы> 1–4.

Библиография, стр<аницы> 1–3.

Перечень карт — 1 страница.

Отдельные заметки — 9 страниц.

Конверт с картами.

Глава II. Россия — Империя. Вторая зона колонизации. 45 страниц (нумерация от 1 до 119 — с пропусками).

Глава III. Третья зона имперской экспансии (204 страницы разной нумерации).

Глава III (окончание). Статика и динамика населения (39 страниц разной нумерации).

Том I, Часть 3².

Очерк I. Различные вырезки с общей надписью «Заменен».

Очерк II. Экономический быт (1 рукописная страница, 66 печатных).

Очерк III. Социальный строй (8 рукописных страниц, 29 печатных).

Очерк IV. Государственный строй (29 рукописных страниц, 32 печатных).

Итоги (14 печатных страниц).

* * *

Папка 1. Материалы и оттиски статей.

Папка 2. «From Nicholas II to Stalin» — 416 стр<аниц> на англ<ийском> яз<ыке>³.

Папка 3. «Дублет, том 1, часть 2» (черновики)⁴.

Папка 4. Рукописный оригинал книги «От Николая II до Сталина»⁵.

¹³ См.: Вельмин А.П. Мои воспоминания. Часть 3-я. Моя жизнь во Франции с 7 октября 1945 г. // В.А. А.Р. Vel'min papers. Box 7. С. 234–237.

- Папка 5. Черновики (на англ<ийском> яз<ыке>) к книге «From Nicholas II to Stalin»⁶.
Папка 6. V и VI главы книги «From Nicholas II to Stalin»⁷.
Папка 7. Вырезки из газеты «Посл<едние> Новости»⁸ (статьи П.Н. Милюкова).
Папка 8. Четыре лекции в Essex Hall — «Концы и Начала» (53 стр<аницы>)⁹.
Папка 9. Лекция для молодежи в «Братстве»¹⁰ — «Западничество и Славянофильство» (5 стр<аниц>)¹¹.
Папка 10. «Прерванные работы».

«МОИ ВОСПОМИНАНИЯ»¹²

- Папка 1. Страницы 1–198.
Папка 2. Страницы 199–532.
Папка 3. Страницы 532–573.
Папка 4. Последние записи (до 31 марта 1943 г. включительно)¹³.

* * *

- Курс лекций по русской истории от Петра I до Николая I (читанных во Франко-Русском институте)¹⁴.
40 записанных книжек в коленкорových переплетах.

Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture. Rare Book and Manuscript Library. Butler Library. Columbia University in the City of New York (USA). P.N. Miliukov papers. Box 17. Машинопись с рукописными вставками. Публикуется впервые.

¹ Рукопись второй части первого тома «Очерков по истории русской культуры» и сопутствующие материалы сохранились; см.: ВА. P.N. Miliukov papers. Box 11.

² Рукопись третьей части первого тома «Очерков по истории русской культуры» находится в частном собрании.

³ Упомянутая машинописная копия книги неизвестна. Экземпляр машинописи, отправленный в США в 1942 г., сохранился; см.: *Miliukov P.N. From Nicholas II to Stalin: Half a Century of Foreign Politics // Hoover Institution Archives. Stanford University (USA). P.N. Miliukov papers. Vol. 1.*

⁴ Дублет второй части первого тома «Очерков по истории русской культуры» не сохранился.

⁵ Автограф книги П.Н. Милюкова не сохранился.

⁶ Черновики к упомянутой книге не сохранились.

⁷ Папка с пятой и шестой главами книги не сохранилась.

⁸ «*Последние новости*» — общественно-политическая ежедневная газета, выходившая в Париже в 1920–1940 гг. П.Н. Милюков был главным редактором издания в 1921–1940 гг.

Указатель статей Милюкова, помещенных в «Последних новостях» за 1921–1929 гг., см.: *Евреинов Б.А. Библиография печатных трудов Павла Николаевича Милюкова (1886–1930) // П.Н. Милюков: Сб. материалов по чествованию его семидесятилетия / Под ред. С.А. Смирнова, Н.Д. Авксентьева, М.А. Алданова, И.П. Демидова, Г.Б. Слиозберга, А.Ф. Ступницкого. Париж, [1930]. С. 339–351. Указателя, охватывающего последующие годы, пока не издано. Несколько лет назад французская исследовательница С. Брейар объявила*

ПУБЛИКАЦИИ

о том, что она практически завершила составление полной библиографии работ Милюкова (см.: *Бирман М.А.* К истории изучения жизненного и творческого пути П.Н. Милюкова // *Отечественная история.* 1997. № 1. С. 95, 98; примеч. 36), но до сих этот указатель не вышел в свет.

⁹ Цикл из четырех лекций «Концы и начала» был прочитан П.Н. Милюковым 17, 21, 24 и 28 октября в Лондоне в Эссекс-холле на русском языке; см.: А.С. Милюкова — А.С. Петрункевич, 15 октября 1919 г. // *ВА. S.V. Panina papers.* Box 4; Н.Н. Кнорринг — Б.И. Элькину, 21 июля 1949 г. // *ВА. P.N. Miliukov papers.* Box 17.

Согласно сведениям А.Д. Степанского машинописная копия четвертой лекции, выполненная, возможно, Н.Н. Кноррингом, сохранилась в Архиве русского зарубежья (культурный центр «Дом-музей Марины Цветаевой»); см.: *Степанский А.Д.* Документы П.Н. Милюкова в Доме-музее Марины Цветаевой // *П.Н. Милюков: историк, политик, дипломат: Материалы международной конф. М., 2000. С. 426–427.*

¹⁰ *Русско-британское 1917 года братство* (Russo-British 1917 Bratstvo (Fraternity)) — неправительственная и непартийная организация, целью которой было развитие общественно-политических и культурных связей между Россией и Великобританией. Существовала в Лондоне в 1917–1921 гг.

¹¹ Дата прочтения лекций, равно как и местонахождение оригинала, неизвестны.

¹¹ Автограф воспоминаний П.Н. Милюкова см.: *ВА. P.N. Miliukov papers.* Box 7, 8.

¹² Имеется в виду карандашная запись рукой А.(Н.).В. Милюковой на последнем листе мемуаров супруга: «Последние записки 31-го марта 43 года утром» (см.: *ВА. P.N. Miliukov papers.* Box 8).

¹³ *Франко-русский институт* — образовательно-просветительское учреждение русской эмиграции в Париже (1925 — 1930-е). П.Н. Милюков был лектором и председателем Совета профессоров института.

Лекции читались Милюковым в 1930-х гг. Точная дата прочтения указанных лекций неизвестна; см.: Б.И. Элькин — М.М. Карповичу, 30 марта 1953 г. // *ВА. M.M. Karpovich papers.* Series 1. Box 7.

А.А. Петров
НОВЫЕ МЕМУАРЫ ОБ АДМИРАЛЕ А.В. КОЛЧАКЕ
ПОЛКОВНИК Н.В. ОРЛОВ
И ЕГО ВОСПОМИНАНИЯ

Личности трагически погибшего Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака в эмиграции было посвящено огромное количество воспоминаний и биографических работ. Однако один период жизни Колчака все же оказался освещен очень слабо. Это весна и лето 1918 г., когда Александр Васильевич по приглашению Главноуправляющего Китайской Восточной железной дорогой (КВЖД)¹ генерал-лейтенанта Д.Л. Хорвата возглавил все формирующиеся белые отряды в полосе отчуждения КВЖД. Однако назначение оказалось неудачным: на этом посту прямолинейный Колчак вступил в конфликт с японской военной миссией и поддерживаемым ею атаманом Г.М. Семеновым, а всегда предпочитавший политику лавирования и компромиссов Хорват отказался от поддержки своего подчиненного. В результате менее чем через два месяца Колчак вынужден был покинуть этот пост и уехать в Токио.

До настоящего времени, обращаясь к этому периоду жизни адмирала, исследователи опирались всегда на три основных источника: на книгу воспоминаний атамана Г.М. Семенова «О себе. Воспоминания, мысли и выводы»², «Дневник» барона А.П. Будберга³ и протоколы допросов самого А.В. Колчака⁴. Однако показания Колчака, по понятным причинам, очень кратки и лишь в общих чертах передают его действия и планы. То же относится и к воспоминаниям Г.М. Семенова, которые к тому же достаточно пристрастны, поскольку атаман в это время вступил в конфликт как с Колчаком, так и с Хорватом. Что же касается «Дневника» барона Будберга, то при кажущейся подробности его ежедневных записей на деле их чрезвычайно резкий обличительный тон превращает изображаемую им картину окружающей жизни в гротескную карикатуру на действительность. Исследователь Белого движения в Сибири А.Б. Езеев справедливо отметил, что «ба-

¹ В начале XX в. как в официальных документах, так и в мемуарах использовалось наименование «Китайская Восточная железная дорога» и, соответственно, сокращение КВЖД (или К.В.ж.д.). Поэтому я использую именно их. Общепринятое ныне наименование «Китайско-Восточная железная дорога» (КВЖД) установилось позднее, уже в советское время.

² Семенов Г.М. О себе. Воспоминания, мысли и выводы. [Б. м.], 1938.

³ Будберг А.П. Дневник // Архив Русской революции, издаваемый И.В. Гессеном. Берлин, 1923–1924. Т. 12–15.

⁴ Верховный Правитель России: документы и материалы следственного дела адмирала А.В. Колчака. М., 2003. Интересующему нас периоду посвящен протокол допроса за № 6 от 28 января 1920 г.

рон Будберг чаще предстает (в своем «Дневнике». — А.П.) как аккумулятор газетных сообщений, рассказов очевидцев, различных слухов, грязных сплетен и так далее, чем как свидетель того или иного события, как человек, наблюдающий то или иное явление изнутри, а не снаружи»⁵. В результате представленная Будбергом картина событий оказывается искажена настолько, что не позволяет понять истинный смысл поступков тех людей, на которых он обрушивается со своей критикой. Наконец, необходимо отметить, что в рассматриваемый период Будберг ориентировался на круг лиц, активно интриговавших против Колчака, и фактически зафиксировал в дневнике именно их точку зрения.

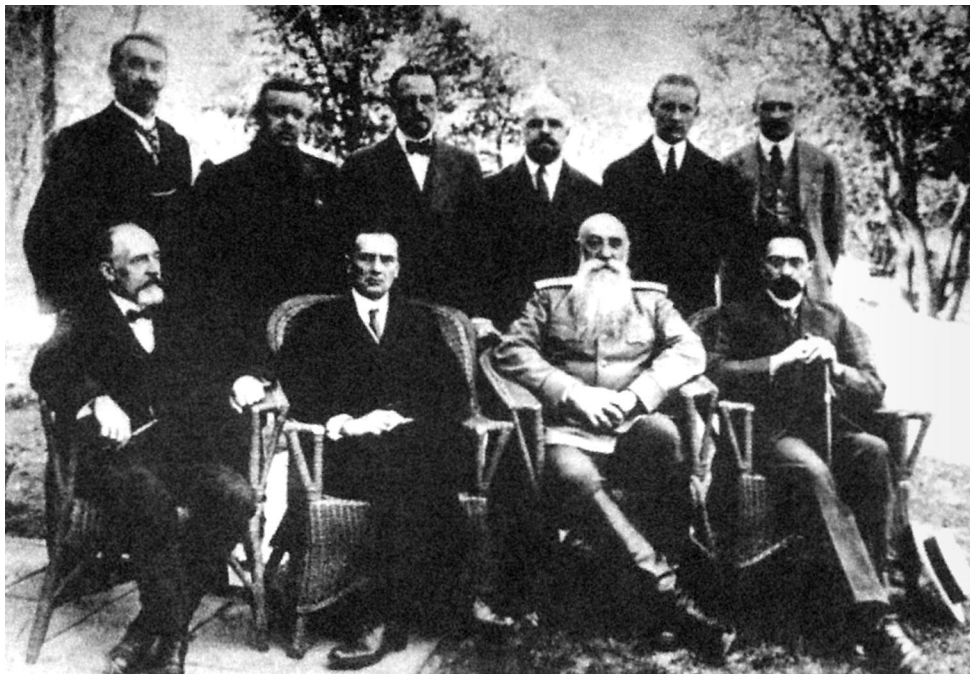
Между тем существует еще одно свидетельство, проливающее свет на ту же самую картину с другой стороны. Это рукопись воспоминаний командира Орловского отряда полковника Н.В. Орлова «Смутные дни в Харбине и Адмирал Колчак». Она написана в Харбине, датирована 8 февраля 1933 г. и, возможно, подверглась литературной обработке (Орлов всюду пишет о себе в третьем лице, а в конце текста вместо его фамилии стоит фамилия «П. Иртеньев»). Эта рукопись была помещена в Заграничный архив в Праге и оттуда после Второй мировой войны попала в нынешний Государственный архив Российской Федерации, где хранится в настоящий момент⁶. Опубликована она никогда не была.

Как и в случае с Семеновым и Будбергом, о полной беспристрастности воспоминаний Орлова говорить не приходится, они несут на себе следы жесточайшей обиды, и, насколько следует из текста, для нее у автора воспоминаний были все основания. Все это, как и то, что он не стал подписывать рукопись собственным именем, несомненно, снижает их ценность как исторического источника. Но его воспоминания дают выпуклую картину харбинской эпопеи «с другой стороны», причем, в противовес Семенову и Будбергу, они проникнуты уважением и даже преклонением перед личностью адмирала Колчака.

Автор этих воспоминаний, полковник Николай Васильевич Орлов родился 3 мая 1870 г. Он происходил из дворян и был православного вероисповедания. По окончании Одесской духовной семинарии, в 1888 г. он поступил в Одесское пехотное юнкерское училище, которое и окончил по II разряду и 27 января 1891 г. был выпущен подпоручиком в 59-й Люблинский пехотный полк. Успешно окончил офицерскую стрелковую школу; в 1895 г. произведен в поручики, в 1900 г. — в штабс-капитаны, в 1903 г. — в капитаны. В конце 1904 г. полк, в котором служил капитан Орлов, отправился в Маньчжурию, на театр военных действий Русско-японской войны. 15-й пехотной дивизии и Люблинскому полку в ее составе довелось отличиться в сражении при Мукдене. Орлов был ранен в бою, награжден Анненским оружием с надписью «За храбрость» и орденом Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом. Затем он в течение полугода служил делопроизводителем канцелярии штаба 3-й Маньчжурской армии. 1 июля 1909 г. капитан Орлов перевелся в Заамурский округ Отдельного корпуса Пограничной стражи (ОКПС). Войска этого округа (до 25 000 человек всех родов войск) охраняли КВЖД и защи-

⁵ Езев А.Б. К вопросу о «допустимости», «легитимности» и «правомочности»... (Из истории Георгиевских наград на Востоке России в 1918–1919 гг.) // Военная быль. 1993. № 4 (133). С. 9.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 549. Л. 1–34 об.

Члены Правления КВЖД.

Сидят: А.В. Колчак (второй слева), генерал Д.Л. Хорват (третий слева). Апрель 1918 г.

щали интересы России в Маньчжурии; они имели военную организацию и были закалены постоянными стычками с китайскими бандитами — хунхузами. В 1913 г. Орлов был произведен в подполковники и стал младшим штаб-офицером 1-го Заамурского пограничного пехотного полка. К этому времени он был уже женат, имел двух сыновей и дочь⁷.

В феврале 1915 г. войска Заамурского округа были переброшены на австро-германский фронт. 1-й Заамурский пограничный пехотный полк вошел в состав 1-й Заамурской пехотной дивизии генерал-лейтенанта М.К. Самойлова; подполковник Орлов командовал в этом полку батальоном. Очень скоро пограничники-заамурцы прославились своею доблестью, причем особенно отличиться им довелось во время летнего наступления Юго-Западного фронта 1916 г.: в Доброноуцком сражении 28–31 мая, в бою у Хоцимежа 15 июля и при прорыве австрийского фронта 18 августа под Галичем⁸.

За последний бой Н.В. Орлов был представлен к ордену Св. Георгия 4-й степени, и позднее, 5 мая 1917 г., приказом по Армии и Флоту он был удостоен этой

⁷ См.: Список генералам, штаб- и обер-офицерам и классным чинам Заамурского округа Отдельного корпуса Пограничной стражи по старшинству в чинах, по родам оружия и по частям. Составлен по 1 мая 1914. Харбин, 1914. С. 33.

⁸ См.: Керсновский А.А. История русской армии: В 4 т. М., 1994. Т. 4. С. 196.

награды «за то, что, состоя в рядах 1-го пограничного Заамурского пехотного полка, в бою 18 августа 1916 г. у д. Кримидув, при атаке укрепленной позиции противника, будучи начальником правого боевого участка полка в составе 10 рот, воодушевляя всех своею храбростью, под сильным и действительным огнем штыковым ударом овладел позицией австро-германцев и с боя взял 10 действующих пулеметов, 3 бомбомета и 1 миномет, причем было захвачено 887 пленных, при 23 офицерах, чем способствовал разгрому противника»⁹. Через пять дней, 23 августа, развивая этот успех, Николай Васильевич, бросившись «во главе своего 2-го батальона в атаку, в урочище Монастырь, был ранен ружейной пулей в грудь навывлет»¹⁰.

Залечив рану и вернувшись в строй, полковник Орлов был в начале 1917 г. назначен командиром вновь сформированного 14-го Заамурского пограничного пехотного полка. Со своим полком он еще успел принять участие в июньском наступлении 1917 г., но общий развал армии свел на нет все подвиги отдельных частей. Осенью 1917 г., разочаровавшись в возможности продолжения войны, Орлов с женой и дочерью отправился по железной дороге через всю Россию к месту своей прежней, довоенной службы — в Харбин. Туда они прибыли уже в ноябре 1917 г., когда власть в городе захватил местный большевистский совет солдатских депутатов во главе с прапорщиком Рютиным. Последний опирался на 559-ю и 618-ю ополченческие дружины, несшие охрану железной дороги и к этому времени поддерживавшие большевиков. Создалось своеобразное двоевластие: рютинский совет вместо генерала Хорвата назначил управляющим дорогой Славина, но Хорват тянул время и под разными предлогами отказывался сдать ему дела. Он рассчитывал на вмешательство китайцев. Действительно, 13 декабря 1917 г. китайцы ввели свои войска в полосу отчуждения дороги, ополченческие дружины были разоружены и их личный состав отправлен в Россию¹¹. Легитимная российская власть на КВЖД (в лице Хорвата) была восстановлена в своих правах, но ее влияние теперь было резко ослаблено за счет усиления позиции местной китайской администрации, а также военных миссий Союзных держав (в первую очередь — Японии).

В Харбине было все еще беспокойно: большевистские настроения были достаточно сильны в механических мастерских и в стоящих на линии полках Заамурской железнодорожной бригады. Чтобы нейтрализовать их, требовалось срочно создать собственные вооруженные силы. Именно с таким проектом в начале декабря 1918 г. в Харбин приехал генерал-лейтенант М.К. Самойлов, бывший начальник 1-й Заамурской пограничной пехотной дивизии. Он имел поручение от товарища председателя Правления дороги в Петербурге инженера Вентцеля вместо подлежащего расформированию Заамурского округа ОКПС сформировать в полосе отчуж-

⁹ Кавалеры Военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия за период с 1914 по 1918 г.: Справочник / Сост. А.В. Кузьмин, Г.Н. Мазяркин, Д.Н. Максимов, В.Л. Юшко. М., 2008. С. 342.

¹⁰ Орлов Н.В. Заамурцы в 7-й армии под Галичем в 1916 году // Заамурцы: Издание Общества взаимопомощи бывших Заамурцев. Харбин, 1939. С. 50.

¹¹ См.: *Он же*. Смутные дни в Харбине и Адмирал Колчак. ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 549. Л. 7–9.

дения КВЖД новую Охранную стражу. При этом предполагалось формировать ее из бывших офицеров-замурцев, а рядовой состав набирать из русских жителей полосы отчуждения. Стража эта должна была быть вольнонаемной, наподобие Охранной стражи, существовавшей в 1898–1901 гг., до образования Заамурского округа ОКПС (на чем особенно настаивали китайцы). Управляющий дорогой генерал Хорват и русский консул в Харбине Г.К. Попов были полностью согласны с этим проектом и после выдворения ополченцев немедленно приступили с конца декабря к его осуществлению.

Одним из ближайших помощников Самойлова в этом деле стал полковник Орлов, на которого было возложено общее руководство по формированию охранных частей Харбинского отдела. Сам Орлов датой создания своего отряда считал 20 декабря 1917 г., когда он всего лишь с пятью офицерами занял Миллеровские казармы в центре Харбина¹². Вскоре эта группа начала разрастаться и превратилась сначала во взвод, а к началу февраля 1918 г. — в полноценную роту в количестве 138 штыков, которая под именем 1-й Особой роты вошла в состав Охранной стражи¹³. Далее начали формироваться 2-я рота, конная сотня ротмистра В.В. Врштила¹⁴, пулеметная команда.

Слева направо в первом ряду: адмирал А.В. Колчак, генерал М.М. Плешков. Харбин. Лето 1918 г.

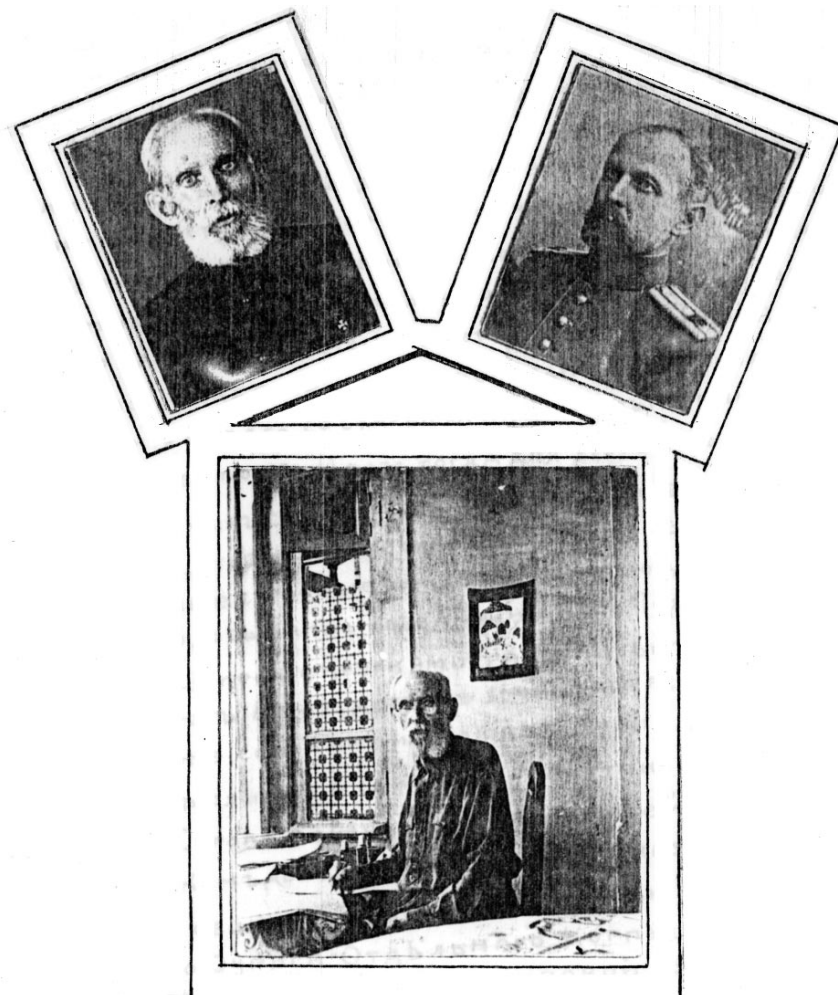
Фотография предоставлена И.В. Купцовым.

На Колчаке — защитная форма с необычными знаками различия; возможно, это именно тот шефский мундир, который подарили адмиралу орловцы в конце мая 1918 г.

¹² См.: Орлов Н.В. Смутные дни в Харбине и Адмирал Колчак. ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 549. Л. 10.

¹³ См.: Приказ по Охранной страже КВЖД № 3 от 30 января 1918 г. ГАРФ. Ф. Р-6081. Оп. 1. Д. 127. Л. 4–6.

¹⁴ Существует несколько вариантов написания фамилии этого офицера; общеупотребительным считается «Вршитель», однако Орлов в своих воспоминаниях именуется его «Врштиль»; последний вариант встречается также и в документах.

Авторъ Н.В. Орловъ : передъ отправленіемъ изъ Маньчжуріи на театръ войны въ 1915г. и нынѣ въ эмиграціи

Н.В. Орлов в 1915-м и в 1940 г.

Страница из предисловия к рукописи «Заамурцы. 1898–1917 гг. Исторический очерк в пяти частях». Харбин. 1940 г. Публикуется впервые

ДРЗ. Ф. 1. ВМБ. М-113. Л. 8 (ксерокопия)

Почти одновременно с зарождением Орловского отряда на станции Маньчжурия был создан также Особый Маньчжурский отряд есаула Г.М. Семенова. Впервые он проявил себя 19 декабря 1917 г., когда разоружил 720-ю ополченческую дружину на станциях Маньчжурия и Даурия. Наконец, несколько позднее на вос-

точном конце магистрали, в районе станции Пограничная начал действовать добровольческий отряд из уссурийских казаков под командованием сотника И.П. Калмыкова. Эти три отряда и составляли в начале 1918 г. все белые силы на КВЖД, они действовали независимо друг от друга, причем Семенов и Калмыков совершали регулярные рейды на территорию России (в Забайкалье и Приморье соответственно), в то время как на отряд Орлова легла задача по поддержанию порядка в г. Харбине, с постепенным распространением на всю полосу отчуждения. Что же касается собственно Охранной стражи, то ее формирование началось со штабов и продвигалось чрезвычайно медленно, так что ее силы, по сравнению с отрядом Орлова, были невелики. Наконец, начальник Охранной стражи генерал Самойлов с самого начала настаивал, чтобы Охранная стража занималась исключительно охраной дороги и не участвовала в боевых действиях против красных на территории России, в то время как полковник Орлов, напротив, рассматривал свои Особые роты как кадры для дальнейшего развития борьбы против большевиков. Все это не могло не привести к конфликту. Его мог бы, конечно, разрешить их общий начальник генерал Хорват, но последний, будучи прекрасным политиком и администратором, признанным мастером компромисса, не обладал достаточной волей, чтобы стать настоящим вождем Белого движения на КВЖД. Барон Будберг дал ему следующую характеристику: «Многоликий Хорват, способный только на ловкие компромиссы и на искусную лавировку среди самых разнообразных течений, несомненно умный, умеющий обходиться с людьми и к себе их привлекать, но абсолютно неспособный к решительным активным действиям, не знающий армии, совершенно не подходящий к тому, чтобы идейным, величественным утесом подняться среди общего развала и безлюдья»¹⁵. К сожалению, эта характеристика во многом была оправданной.

В результате в феврале 1918 г. — после того, как 1-я Особая рота вопреки запрету Самойлова (но с негласного одобрения Хорвата) приняла участие вначале в разоружении ненадежных полков железнодорожной бригады на западной ветке КВЖД, а затем и в Шарасунском походе отряда атамана Семенова в Забайкалье, — как сам Орлов, так и сформированные им 1-я и 2-я Особые роты, а также сотня ротмистра Вращиля были исключены Самойловым из состава Охранной стражи¹⁶. Им пришлось вначале перейти в подчинение Дальневосточному комитету защиты Родины и Учредительного собрания, а затем 8 марта (ст. ст.)¹⁷ в Харбин прибыл генерал от

¹⁵ Будберг А.П. Дневник // Архив Русской революции. Берлин, 1923. Т. 12. С. 283–284.

¹⁶ См.: Орлов Н.В. Смутные дни в Харбине и Адмирал Колчак. ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 549. Л. 13–15; Приказы по Охранной страже КВЖД № 4 от 3 февраля 1918 г., № 9 и № 10 от 19 февраля 1918 г., № 11 от 22 февраля 1918 г. ГАРФ. Ф. Р-6081. Оп. 1. Д. 127. Л. 7, 22–25.

¹⁷ Все официальное делопроизводство на КВЖД в конце 1917 — начале 1918 г. велось по старому стилю. Так продолжалось до 26 апреля, когда Д.Л. Хорват своим приказом по КВЖД за № 111 объявил, что с 1 мая 1918 г. подведомственная ему территория полосы отчуждения переходит на Григорианский календарь (новый стиль). Соответственно, после 30 апреля следующим днем следовало считать сразу 14 мая и, во избежание недоразумений, в течение трех месяцев с момента перехода все документы датировать двойным числом (по старому и новому стилю). С другой стороны, барон Будберг в своем «Дневнике» перешел на новый стиль 17 февраля (2 марта) 1918 г., во время своей поездки в Японию.

кавалерии М.М. Плешков, получивший наименование «Начальника над всеми воинскими частями и отрядами в полосе отчуждения К.В.ж. д.» (позднее — «Главкомандующего Российскими войсками в полосе отчуждения К.В.ж. д.»)¹⁸. На деле, однако, его управление вылилось лишь в создание громоздкого штаба (начальник штаба — генерал-майор Б.Р. Хрещатицкий), в подчинении у которого оказался лишь Орловский отряд и вновь создаваемый из китайцев Пластунский полк полковника А.Е. Маковкина. Семенов и Калмыков от подчинения ему уклонились, в свою очередь у Орлова и его отряда после Шарасуньского похода установились крайне неприязненные отношения с атаманом Семеновым. Причиной этому, по свидетельству Орлова, послужила грубая попытка Семенова подчинить себе Орловский отряд¹⁹.

К началу апреля Орловский отряд насчитывал в своих рядах уже около 2000 человек в составе трех Особых рот, конного дивизиона В.В. Врештила, двух артиллерийских батарей, инженерной полуроты и санитарного отряда. Заместителем командира отряда являлся полковник В.В. Ванюков, 1-й ротой командовал полковник Рахильский, 2-й — полковник де Франк, которого затем сменил полковник Гуляев, 3-й — полковник Меньшов; артиллерийскими батареями: 1-й — капитан Ломиковский, 2-й — капитан Карпенко. Формировался отряд исключительно из добровольцев, причем многие офицеры поступали в него на должность рядовых, в нем также было много учащейся молодежи, особенно кадетов Хабаровского кадетского корпуса. Оружие и снаряжение отряд получал со складов Заамурского округа ОКПС, впоследствии часть оружия предоставили японцы.

Таким образом, отряд действительно получился отборный, и если бы его пустили в бой, скорее всего, он стяжал бы заслуженную славу. Но в «гнилой» обстановке Харбина, когда Хорват выжидал улучшения общей конъюнктуры, ориентируясь в основном на представителей иностранных миссий, а старшие начальники враждовали друг с другом из-за личного честолюбия, отряд был обречен на прозябание и становился объектом для городских сплетен. Особенно отличился в их собирании барон Будберг, который в своем дневнике всюду клеймил «разных вольных атаманов» Семенова, Орлова, Калмыкова, сваливая их в одну кучу и именуя не иначе как «своего рода винегрет из Стенок Разиных двадцатого столетия под белым соусом, послереволюционные прыщи Дальнего Востока»²⁰. Воспоминания Орлова, при сравнении их с «Дневником», показывают, что многие скандалы действительно имели место, однако Будберг, во-первых, сильно стучал краски, а во-вторых, валил в одну кучу правого и виноватого²¹.

Для того чтобы начать боевые действия, необходимо было предварительно развернуть части, и действительно, одним из первых приказов генерала Плешкова «Орловская пехота разворачивалась в Егерскую бригаду, в составе 4-х Егерских батальо-

¹⁸ Приказ Главноуправляющего в полосе отчуждения КВжд № 1 от 8 марта 1918 г.; цит. по: приказ по Охранной страже КВжд № 25 от 10 марта 1918 г. ГАРФ. Ф. Р-6081. Оп. 1. Д. 127. Л. 44.

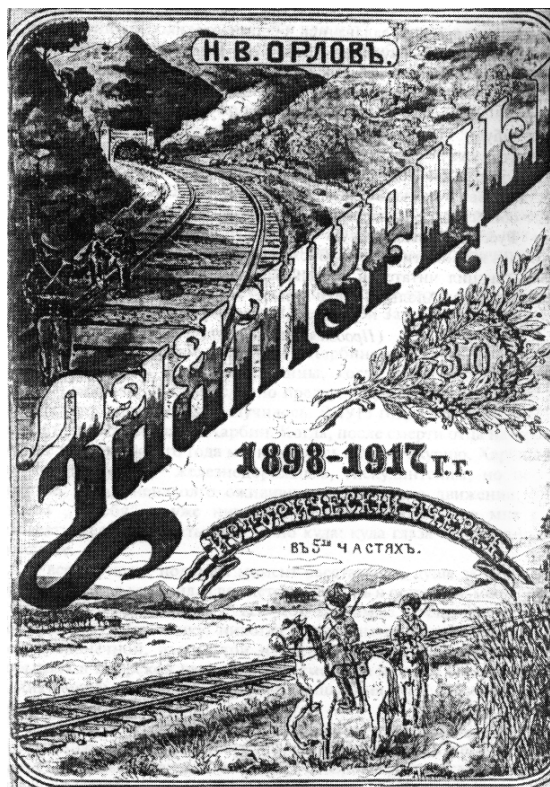
¹⁹ См.: Орлов Н.В. Смутные дни в Харбине и Адмирал Колчак. ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 549. Л. 15–16.

²⁰ Будберг А.П. Дневник // Архив Русской революции. Берлин, 1924. Т. 13. С. 199.

²¹ На тот момент барон А.П. Будберг поддерживал дружеские отношения с генералом М.К. Самойловым и просто повторял за этим генералом все нелестные высказывания в адрес Н.В. Орлова и Г.М. Семенова.

нов; конница ротмистра Враштила — в Конно-Егерский полк; артиллерия — в Отдельный артиллерийский дивизион»²². Однако приток добровольцев к этому времени уже практически иссяк, а генерал Хорват так и не решился объявить мобилизацию в полосе отчуждения КВЖД. В результате все приказы о развертывании так и остались на бумаге. Стало ясно, что и Плешков, подобно Хорвату, не обладает достаточной волей, чтобы изменить ситуацию. И тогда возникло решение пригласить на КВЖД адмирала А.В. Колчака. 14 (27) апреля 1918 г. в Пекине состоялось общее собрание акционеров Общества Китайской Восточной железной дороги, на котором адмирал был избран в члены Правления общества²³ и назначен Начальником Российских войск полосы отчуждения КВЖД (при этом Плешков стал помощником Главноуправляющего дорогой по военным делам). По свидетельству Будберга, Александр Васильевич прибыл в Харбин и вступил в должность 10 мая 1918 г. (н. ст.)²⁴.

Однако его сразу же начали преследовать неудачи. Семенов отказался поступить под его командование, и попытка лично объясниться с атаманом окончилась провалом. Объединения сил вновь не произошло, взоры Колчака поневоле обратились к восточной оконечности магистрали, а единственным отрядом, который безоговорочно встал под его командование, оказался отряд полковника Орлова²⁵. По свидетельству адмирала, он рассчитывал развернуть на КВЖД корпус численностью примерно в 20 тыс. человек, причем 5 тыс. оставить для охраны полосы отчуждения, а 15 тыс. двинуть в наступление на Приморье²⁶. Но здесь он столкнулся с резким противодействием руководителя японской военной мис-

Обложка рукописи «Заамурцы. 1898–1917 гг.
Исторический очерк в пяти частях».
Харбин. 1940 г. Художник М.Т. Молчанов

²² Орлов Н.В. Смутные дни в Харбине и Адмирал Колчак. ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 549. Л. 21 об.

²³ См.: Приказ по КВЖД № 136 от 5 (23) июня 1918 г. ГАРФ. Ф. Р-6081. Оп. 1. Д. 15. Л. 126.

²⁴ См.: Будберг А.П. Дневник // Архив Русской революции. Берлин, 1924. Т. 13. С. 210.

²⁵ В связи с этим Будберг привел в дневнике новое прозвище, данное орловцам: «колченогие».

²⁶ См.: Допрос Колчака. Л., 1925. С. 117.

сии генерала Накашима. При первом же свидании, согласно Колчаку, Накашима поднял вопрос о компенсациях Японии за поставляемые вооружения. Прямой и резкий Колчак вспыхнул и решительно отказался обсуждать этот вопрос. В результате Накашима сделал все возможное, чтобы расстроить его планы. В воспоминаниях Орлова можно найти подтверждение этим японским интригам. Большинство офицеров из штаба Плешкова охотно присоединились к этим интригам, буквально с первых же дней командования Колчака здесь заговорили, что адмирал, будучи моряком, ничего не понимает в сухопутном военном деле²⁷.

В конце концов Александра Васильевича удалось выжить с его поста, причем сделано это было буквально за несколько дней до ожидавшегося уже (и согласованного с союзниками) выступления во Владивостоке группы войск Отдельного Чешско-Словацкого корпуса²⁸ под командованием генерала М.К. Дитерихса. 29 или 30 июня²⁹ его вызвали в Токио для окончательного объяснения, в результате которого в Харбин он уже не вернулся. Через неделю генерал Хорват объявил себя Временным правителем России и развернул наступление на Никольск-Уссурийский — навстречу чехам. Непосредственно войска в этом походе возглавил генерал Б.Р. Хрещатицкий, а полковника Орлова также отстранили от дел и постарались выжить вслед за Колчаком. В августе 1918 г. Орловский отряд был распущен, послужив кадром для вновь формирующихся 33-го, 35-го и 36-го Сибирских стрелковых полков.

Полковник Орлов, оставшийся не у дел, проживал в Харбине, но весной 1919 г. он с группой офицеров своего бывшего отряда был вызван уже Верховным правителем адмиралом Колчаком в Омск, где все они получили назначения по собственному желанию. Сам Орлов занял должность командира запасного полка в г. Канске, а после поражения Белого движения в Сибири вернулся в Харбин.

Здесь он вошел в ряды Общества взаимопомощи бывших замурцев (руководителем которого являлся генерал-лейтенант Н.Г. Володченко) и с конца 1920-х гг. приступил к составлению истории Заамурского округа ОКПС. На эту работу он потратил 10 лет, и к декабрю 1939 г. рукопись объемом 1000 страниц была готова к печати. Орлов назвал ее «Заамурцы. 1898–1917 гг. Исторический очерк в пяти частях». Окончанию его рукописи была посвящена заметка в журнале «Луч Азии» № 6 (70) за 1940 г., в которой писалось: «10 лет труда положены полковником Н.В. Орловым на состав-

²⁷ Будберг пересказал это «мнение» в своем дневнике, датировав запись 22 мая, всего лишь через 11 дней после принятия адмиралом командования; за столь короткий срок «непонимание» адмиралом сухопутной специфики (даже если предположить, что оно имело место) в принципе никак не могло себя проявить (см.: Будберг А.П. Дневник // Архив Русской революции. Берлин, 1924. Т. 13. С. 214).

²⁸ Именно и только так («Чешско-Словацким») именуется корпус (как и все входившие в его состав части и те, из которых он был развернут) в русских документах с 1914 по начало 1918 г. Общеупотребительное название «Чехословацкий» является ошибочным; так стали именовать корпус большевики, не обращавшие внимание на преемственность в деловой переписке. С формальной точки зрения «Чехословацким» корпус можно называть лишь с момента провозглашения независимой Чехословацкой республики в ноябре 1918 г.; во внутренних документах корпуса название «Чешско-Словацкий» использовалось летом и осенью 1918 г., вплоть до полного прекращения ведения в нем делопроизводства на русском языке.

²⁹ 30 июня Будберг отметил в своем дневнике, что «Колчак уехал в Японию» (Будберг А.П. Дневник // Архив Русской революции. Берлин, 1924. Т. 13. С. 226–227).

Н.В. Орловъ и его трудъ о Заамурцахъ.

Восенно-библиографическій очеркъ.

Журналъ „Луч Азии“ 1940 годъ № 70/6 Гор. Харбинъ.

Говоря о необходимости сохранения для будущей возрожденной Россіи воспоминаний о подвигахъ, совершенныхъ старыми русскими полками въ годы Мировой войны, г.г. въ Русскомъ Инвалидѣ (№ 140 1939 г.) совершенно правильно пишетъ слѣдующее:

— Можемъ быть самыхъ различныхъ мнѣній о строеніи жизни возрожденной Россіи, однако одно несомненно: армія этой Россіи будетъ искать свои корни въ старой Русской арміи... Когда придетъ освобожденіе, и вновь возродится Русское Христіанское Воинство, процессъ срастанія новаго со старыми национальными основаніями расширится и пойдетъ быстрыми темпами. И вотъ тогда для этого возрожденія потребуются летописи подвиговъ, совершенныхъ старыми русскими полками въ годы Мировой войны. Съ радостью можно убедиться, что эта летописная работа уже дѣлается. Тѣ, кто ее выполняетъ, болѣею частью скромные строевые офицеры, урывающие часы досуга отъ тяжелой повседневной работы по добыванію хлѣба насущнаго. Поддержку они имѣютъ лишь въ средѣ своихъ соратниковъ. Широкіе круги эмиграціи ничѣмъ не помогаютъ этой работѣ, они просто ее не замѣчаютъ. А между тѣмъ эта работа всерастетъ и къ настоящему времени многие полки уже составили свои летописи... —

Далѣе авторъ приводитъ длинный списокъ напечатанныхъ, печатающихся и готовящихся къ печати въ Европѣ войсковыхъ летописей...

Этотъ списокъ мы можемъ дополнить еще однимъ названіемъ, а именно почти уже готовымъ къ печати обширнѣйшимъ трудомъ полк. Н.В. Орлова — „Заамурцы“.

Войска Заамурскаго Округа Отдѣльнаго Корпуса Пограничной Страны были мало известны въ Россіи — говорили о нихъ только въ близкой-до Великой войны, хотя именнo съ помощью ихъ производилось освоеніе нами огромной Манчжурской территоріи, и они показали свои прекрасныя боевыя качества уже въ Русско-Японскую войну. Со второго же года Мировой войны пѣхотные и конные полки, саперная рота и конно-горный батальонъ Заамурцевъ, влившись въ Дѣйствующую Русскую Армію, показали себя неуязвимой славою, заслуживъ самыя лестныя отзывы о себѣ и своей воевой работѣ нашего Верховнаго Командованія.

Мало того, данно въ дневникахъ многихъ германскихъ полковъ мы находимъ рядъ упоминаній объ беззаветной храбрости и неустрашимости Заамурскихъ пограничниковъ, которыхъ Немцы прозвали „зелеными чертями“.

Надъ своимъ трудомъ полк. Н.В. Орловъ работаетъ уже 10 лѣтъ. Его трудъ охватываетъ весь періодъ существованія Заамурцевъ — съ момента возникновенія Заамурскаго Округа Отд. Корпуса Пограничной Страны, т. е. съ 1898 года и до 1917 года, когда этотъ Округъ пересталъ существовать.

Страница предисловія к рукописи Н.В. Орлова «Заамурцы. 1898–1917 гг.

Исторический очерк в пяти частях». Харбин. 1940 г.

ДРЗ. Ф. 1. ВМБ. М-113. Л. 5, 7, 9 (ксерокопия)

На последнем из представленных листов переписана заметка из журнала «Луч Азии» (1940.

№ 6 (70)) об окончании Н.В. Орловым его труда. В заметке упомянуто,

что из-за артрита Николаю Васильевичу приходилось не писать, а «вырисовывать» каждую букву. Чтобы убедиться в этом — достаточно взглянуть на данные листы

ление этой подлинной эпопеи о родных ему Заамурцах. Собраны интереснейшие воспоминания, найдены редчайшие фотографии, имеющие исключительную историческую ценность. Исписана тысяча страниц. И как исписаны! Ветеран Великой Войны, командир одного из Заамурских пехотных полков, награжденный за доблесть свою и мужество орденом Великомученика и Победоносца Георгия, раненый и получивший в годы войны суставный ревматизм, Николай Васильевич Орлов почти не владеет пальцами рук и не пишет, а вырисовывает буквы, то есть, написав тысяче-страничный труд, выполнил чисто подвижническую работу»³⁰.

К сожалению, дата смерти Орлова на настоящий момент неизвестна, как неизвестно и то, почему рукопись «Заамурцев» так и не увидела свет. Можно лишь предполагать, что ее опубликованию помешала Вторая мировая война. Сама же рукопись книги в настоящий момент находится в Музее русской культуры в Сан-Франциско³¹.

Кроме этой работы он опубликовал также несколько десятков отдельных статей в журналах «Луч Азии», «Русский инвалид», в ежегодном сборнике «Заамурец» (или «Заамурцы»), издававшемся в Харбине Обществом взаимопомощи бывших заамурцев³².

Рукопись воспоминаний Орлова «Смутные дни в Харбине и Адмирал Колчак» резко отличается от всех остальных его работ, в первую очередь по стилю изложения — страстному и иногда излишне беллетризованному. Возможно, именно потому Николай Васильевич не решился поставить под ней свою подпись и не решился опубликовать ее в Харбине. Вместо этого при посредничестве генерала Н.Г. Володченко он переправил ее на сохранение в Заграничный архив в Праге. Сама рукопись была подготовлена к печати (перепечатана на пишущей машинке); она состоит из 11 глав, вступления и эпилога, а также снабжена приложениями, включая и приписку от руки генерала Володченко, помеченную г. Харбином и датированную 8 февраля 1933 г.

В настоящей публикации представлены две главы из этой рукописи (IX и X)³³, которые непосредственно посвящены пребыванию Колчака в Харбине. Они публикуются без купюр, с возможно более полным сохранением особенностей написания, характерных для автора. В частности, оставлено авторское выделение прямой речи одновременно с помощью тире и кавычек, а также многочисленные отточия. При этом числа передаются словами, а наращения сделаны по современным правилам. В заключение публикации воспроизводится копия письма А.В. Колчака к Н.В. Орлову, которое было помещено автором воспоминаний в приложении к рукописи³⁴.

³⁰ Цитируется по предисловию к рукописи Н.В. Орлова «Заамурцы» (ДРЗ. Ф. 1. ВМБ. М-113. Л. 9–10). В фонде «Всероссийской мемуарной библиотеки» Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына хранятся ксерокопии с титульного листа, предисловия и оглавления этой рукописи.

³¹ Первая из пяти частей этой книги была опубликована: Россияне в Азии: Литературно-исторический ежегодник / Ред. О. Бакич. Торонто, 1998. № 5; 1999. № 6; 2000. № 7.

³² Это издание меняло свое название: в 1938 г. оно вышло под заглавием «Заамурец», а в 1939 г. — «Заамурцы». Следует также отметить, что большинство статей Н.В. Орлова являлись по существу отрывками из его рукописи «Заамурцы 1898–1917».

³³ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 549. Л. 24–30 об.

³⁴ Там же. Л. 34.

Н.В. Орлов

СМУТНЫЕ ДНИ В ХАРБИНЕ И АДМИРАЛ КОЛЧАК
<Фрагмент>

Подготовка текста и комментарии А.А. Петрова

Глава IX

АДМИРАЛ КОЛЧАК В ХАРБИНЕ

Настала весна, а с нею пришел Светлый Праздник ...

Ликующе звенели пасхальные колокола ... Весть Воскресения, весть обновления, торжества вечного и нетленного над земной суетой несли они миру ... И душа, омытая прошлыми страданиями, веруя и надеясь, приобщалась к Светлому Христову Праздненству ...

В отряде его радостно встречали. Радость стала полной, когда в Харбин, по приглашению генерала Хорвата, прибыл адмирал Колчак и встал во главе Российских Войск. Скромность и доступность этого человека сделали его имя еще более популярным в глазах Орловцев. Он даже отказался от почетного караула.

— «Этого мне не нужно», — просто сказал адмирал, — «Прошу только выставлять на ночь к моему вагону, где я буду жить, двух часовых: у меня имеется некоторая секретная переписка, и за нее я очень опасаюсь».

Но штаб отряда, кроме этой охраны, по собственной инициативе назначил двух офицеров-ординарцев, которые находились при адмирале и были ему очень преданы.

Тот же скромный характер носило и самое вступление адмирала в командование. Он запросто прибыл в Миллеровские казармы, собрал всех Орловцев, вел долгую беседу, знакомился с ними, затем сказал прочувствованное слово. И страстной верой зажглось сердце офицера. Забывая прежние обиды и боль былых страданий, оно рвалось туда, в Россию, на крестный подвиг во имя Ея ... Чуткая душа адмирала живо откликнулась на этот порыв. Любовь к Родине сблизила этого сурового по виду, но прямого, благородного человека с юными энтузиастами. Он охотно принял приглашение на скромную вечеринку, предполагавшуюся на другой день в 3-й роте по случаю ея праздника.

Счастливые Орловцы с особым усердием принялись за украшение своей казармы. Большое внимание было уделено убранству внутреннего помещения, где должно было произойти торжество. Его разукрасили декоративными растениями, и оно превратилось в красивый, уютный уголок.

К девяти часам вечера начали съезжаться приглашенные. Это были главным образом родные и близкие друзья Орловцев с их семьями. У входа их встречали распорядители — молодые, красивые и стройные офицеры, гордые своим торжеством и новенькой формой со значком отряда, прикрепленным к левому рукаву френча. Они приветствовали гостей словами «Добро пожаловать!» и прикалывали

дамам бутоньерки живых цветов. Мрачная казарма, превращенная искусными руками в большой нарядный зал, наполнялась оживленными молодыми лицами, смехом и звуками веселых голосов. Молодые офицеры, франтоватые юнкера, «тонные» гардемарины и совсем еще юные кадеты с полудетскими пухлыми губами, — все беззаботно радовались своему скромному празднику, и, глядя на их милые лица, в эти глаза, сияющие самой чистой и святой влюбленностью в свою «Белую Мечту», как-то не верилось, что многих из них очень скоро ожидает жуткая гибель.

Оживление усилилось, когда появился в сопровождении супруги и молодой дочери любимый начальник полковник Орлов, которому тотчас же устроили шумные овации. Поздоровавшись с присутствовавшими, полковник предупредил их, что сейчас прибудет адмирал, и просил встретить дорогого гостя как можно приветливее и радушнее. Несколько минут нервного ожидания — и, наконец, послышался шум подъехавшего автомобиля. Полковник Орлов и хозяин вечера полковник Меньшов поспешили навстречу. Все взоры устремились на дверь, где в сопровождении двух адъютантов появилась стройная сухощавая фигура адмирала Колчака. Музыка грянула встречный марш, и долго-долго гремело несмолкаемое, восторженное и радостное «Ура!». Адмирал раскланивался направо и налево, и только его глаза, сверкавшие из-под строгих, сдвинутых трагическими линиями бровей, выдавали его душевное волнение в эту минуту. Он вошел, — но никто не почувствовал обычных в таких случаях стесненности и неловкости. Наоборот, — он как бы слился с толпой приглашенных и их хозяев, чувствуя в них одну большую любящую и дружную семью, и долгое время потом его адъютанты говорили, что никогда еще не видели своего адмирала таким веселым и оживленным, каким он был в этот вечер. А вечер удался на славу. Гремела музыка, кружились изящные пары ... Красивый плавный вальс сменял бешеный темп мазурки ... Офицеры, как истые рыцари, ухаживали за своими дамами, развлекали гостей. За ужином лилось вино, звон бокалов сливался со звоном шпор ... Молодые, срывающиеся от волнения голоса произносили речи и тосты, «за Родину», «за Белую Мечту», за славного вождя и героя адмирала Колчака и любимого командира, которые поведут их в правый и смелый бой «за Русь Святую» ... И снова, и снова, покрывая все, гремело полное воодушевления, веры и гордости победное русское «Ура!». Адмирал с сияющим просветленным лицом, растроганный общим вниманием, чокался со всеми, отвечал на тосты тостами и, крепко пожимая руку полковнику Орлову, говорил:

— «Как хорошо у вас, дорогой Николай Васильевич! Ведь, поймите, это уголок России, это наше светлое будущее!» ...

Как сон, красивый и неповторяемый, прошел этот вечер ... Не многие из тех, кто присутствовал на нем, остались в живых ... В памяти, одно за другим, встают их лица ... Это были рыцари долга и чести, истинные рыцари своей «Белой Мечты» ... Ей отдали они свои души и жизнь до конца ...

И, как скорбная тень, заслоняет их всех одно незабываемое лицо, с трагическим изломом бровей над горящими глазами, со складкой горечи и укора у сурово сжатых губ ... Лицо адмирала Колчака, так подло преданного в руки палачей и так просто и мужественно встретившего свой роковой конец ...

* * *

Но вернемся и продолжим прерванное повествование.

Как известно, первые дни пребывания адмирала Колчака в Харбине были омрачены печальным событием. Оно свалилось неожиданно, как снег на голову. Казалось, что все шло гладко, и никому в мысли не приходило, что может случиться что-либо подобное. Но, видимо, разыгравшаяся революционная месть таилась в глубине, долго тлела и, наконец, вспыхнула искрой при порыве ветра. Надо сказать, что здесь, в Маньчжурии, на восточной линии проживал некто Уманский. Он когда-то учительствовал в Хабаровском кадетском корпусе, но за недостойные поступки был изгнан. И вот, в числе всплывших на поверхность в революционные дни темных стихийных сил страны оказался этот Уманский. Особенно ярко проявил он себя при воцарении большевиков своим предательством. Он следил за кадетами, когда те, спасаясь от большевиков, пробирались в Харбин через Пограничную, и продавал их. Пострадало немало и офицеров, благодаря тому же Уманскому. Молодежь глухо волновалась, затаив жгучее желание отомстить за своих погибших братьев. И нужно же было предателю появиться в эти дни в Харбине. Его подстерегли и убили, а труп выбросили недалеко от городских боен. Подозрение пало на Орловцев. Рабочие механических мастерских заволновались. Как же, — был убит не кто иной как свой же товарищ — большевик. И это было вопиющим делом. Они объявили однодневную забастовку в виде протеста. Встретился и наш судейский мир. Адмирал Колчак не препятствовал розыску убийц, так как это было сделано помимо его воли. Он пригласил к себе в вагон прокурора Сечкина и в присутствии собравшихся здесь начальствующих лиц заявил о необходимости немедленно приступить к следствию и тем пресечь всякие вздорные слухи. Прокурор вошел в роль «негодующего правосудия» и разразился целой речью. Адмирал хмурился и, видимо, переживал тяжелые минуты. Тогда Начальник отряда, попросив разрешение у адмирала, обратился к прокурору:

— «Мы, начальствующие лица, всегда стояли и будем стоять только за законность и порядок. Подобные самовольные расправы противны нашему духу. Казалось бы, что не могло быть и речи об ином подходе к делу. Но господин прокурор почему-то взял на себя смелость говорить здесь, точно на судебном заседании, о своей совести, которая негодует против такого насильственного акта, как убийство. А негодует ли ваша совесть прокурора, когда там в России большевики убивают не только без суда и следствия, но и без всякой вины наших отцов, матерей, жен, братьев, сестер» ...

Этот вопрос до некоторой степени огорошил прокурора. Но тут засуетился и генерал Хрещатицкий; он торопливо полез в боковой карман мундира и, вытащив оттуда письмо, обратился за разрешением к адмиралу прочесть выдержки. Тот слегка кивнул головой в знак согласия и насторожился. Письмо это было только что получено генералом из Хабаровска от одного офицера, который как раз и сообщал о безвинно расстрелянных офицерах и кадетах, как жертв подлого предательства этого самого Уманского. Прокурор осекся, переменил позицию и уже заговорил по-иному, но адмирал Колчак оборвал его речь и предложил немедленно же приступить к делу, как то обязывает прокурорская совесть.

Вполне понятно, что совершившие самовольно расправу с предателем оказали плохую услугу. Лучше было бы, если бы он предстал перед судом, даже военно-полевым. Тогда понесенная им заслуженная кара действительно произвела бы должное впечатление и служила бы назиданием кому следует. Приходилось только скорбеть за адмирала.

Вскоре произошел и другой, еще более неприятный инцидент. Адмирал собрался и поехал к атаману Семенову на станцию Маньчжурию. Его сопровождали полковник Орлов, офицеры-ординарцы, лейтенант флота Пешков и один из членов Д.В. Комитета¹, отставной моряк, старый сотрудник адмирала г. Оленин. От Орловского отряда был назначен конвой. Заведующий передвижением войск послал телеграмму на станцию Маньчжурию на имя подчиненного ему по передвижению офицера, копию — штабу атамана Семенова, о выезде адмирала. Стало быть, атаман был заблаговременно предупрежден. Но каково же было удивление, когда по приходе поезда в Маньчжурию, перрон станции оказался совершенно пустым, — адмирала никто не встретил. Ординарцы пытались узнать на вокзале, в чем дело. Там оказался артиллерийский генерал Никонов, который заявил, что атамана нет в Маньчжурии, что он якобы выехал в какую-то станицу. Генерал был одет по-домашнему, без оружия, и на станцию зашел как бы случайно. Однако он ввалился в вагон-столовую, где сидели адмирал и его офицеры, непринужденно поздоровался с адмиралом и уселся подле него. Но этого было мало, — генерал вынул из портсигара папиросу и собирался было уже ее закурить, да опомнился, — спросил разрешения у адмирала. Офицеры были крайне возмущены таким поведением русского генерала, но молча ждали, что будет дальше. Адмирал сидел сумрачный и также молчал. Молчал и генерал Никонов. Так длилась несколько минут эта немая сцена. Наконец, адмирал поднялся из-за стола и, направляясь к выходу, пригласил генерала Никонова следовать за собой. Они ушли в адмиральский вагон.

Тем временем лейтенант Пешков, по собственной инициативе, произвел разведку и достоверно узнал, что атаман сидит дома и никуда из Маньчжурии не выезжал. Ясно, что со стороны его это была демонстрация. По крайней мере, так думали Орловцы. И имели на то свои основания. Но иначе взглянул на происшедшее лейтенант Пешков. Пламенный патриот, горевший идеей служения Родине, он являлся ярким сторонником объединения всех сил, поднявшихся на борьбу с большевиками. А потому склонен был думать, что просто произошло какое-то недоразумение, которое надлежало во что бы то ни стало выяснить, пока не поздно. Эту мысль он и высказал полковнику Орлову, закончив словами:

— «Пойдемте же к адмиралу, поговорим и убедим, чтобы он поборол себя, и не как адмирал, а как Александр Васильевич Колчак, пошел бы к атаману! Никаких недоговорок между ними оставаться не должно». Трогательны были эти задушевные, искренние слова молодого лейтенанта, так пламенно ратовавшего во имя святого долга служения Родине. Полковник Орлов согласился идти к адмиралу; был приглашен и г. Оленин. Они втроем направились в салон-вагон.

Адмирал угрюмо ходил взад и вперед по вагону, видимо, душевно страдая. Увидя вошедших, на минуту остановился, взглянул на них, пригласил садиться и

снова зашагал. Те первое время не знали, с чего начать, и робко поглядывали на ходившего адмирала. Наконец, один из них, расхрабрившись, стал, сначала туманно, а потом, все более и более воодушевляясь, ярко излагать мысль лейтенанта Пешкова. Адмирал, продолжая ходить, прислушивался к тому, что ему говорили, и когда пылкий оратор умолк, он остановился, на несколько секунд задумался и потом произнес:

— «Хорошо, я сделаю то, о чем вы меня просите, пойду к атаману, как Александр Васильевич Колчак!» Лейтенант облегченно вздохнул и сейчас же засуетился, раздобыл фонари, так как наступила темнота; вызвал несколько человек из конвоя, и адмирал, в сопровождении маленькой свиты, пешком направился к атаману на квартиру. Накрапывал дождь. Оставшиеся из окон вагона наблюдали некоторое время, как при слабом свете фонарей двигалась скромная группа, предводительствуемая человеком с великой душой ... Но вот они скрылись, и пополнили минуты томительного ожидания. Прошло около часу времени, показавшегося целой вечностью, адмирал возвратился; но снова угрюмо было его лицо. Видимо, смирение Александра Васильевича Колчака не тронуло атамана. Он остался тем, чем был. Даже не хватило простой воинской вежливости, чтобы проводить адмирала. Так печально закончился адмиральский визит.

Вскоре последовал приказ об отправлении поезда. Забегала станционная администрация. Перрон вдруг наполнился публикой. Были военные, но преобладал женский элемент в шляпках и в косынках сестер милосердия. Эта праздная толпа вызывающе глядела на освещенные окна вагонов. И когда поезд тронулся, шумно загалдела, а несколько дам дошло до такого неприличия, что в виде демонстрации подняло руки и показало вслед уходящему поезду кукиш ...

* * *

Адмирал снова в Харбине. Поставив крест на атамане, он принимается за дела и горит желанием что-то сделать. Штаб Орловского отряда также проявляет деятельность. Формируется батарея, по счету третья, и эскадрон конницы. Но эти благие порывы не встречали отклика у начальства свыше^{*}. Продолжала по-прежнему царить рутинная мобилизация не было. С началом военных действий у атамана Семенова, западный источник пополнения был закрыт, а с востока, хотя и продолжалось пока движение поездов, но приток пополнения с каждым днем все уменьшался и уменьшался^{**}. Проживавшие же в полосе отчуждения люди, заявившие гордо, как помнит читатель, что они автоматически вольются в ряды, как только во главе встанет генерал Хорват, что-то не «вливались» и добровольно в эти ряды не становились. Они зарились на хорошие оклады и не прочь были служить в штабах. Случалось, приходили некоторые лица с предложением своих услуг, но лишь только узнавали, что нужно начать службу с низших должностей, кривили губы и поспешно ретировались. Но о них не тужили. Дело было не в

^{*} Главнокомандующего генерала Плешкова и Главного начальствующего генерала Хорвата. — *Примеч. автора.*

^{**} Здесь, на станции Пограничной, засел Семеновский «младший брат» атаман Калмыков, он равнялся по «старшему». — *Примеч. автора.*

количестве, а в качестве. Был снова поднят вопрос о вербовке китайцев. Полковник Орлов согласился сформировать из них одну только роту, притом не для поля боя, а исключительно для этапно-караульной службы. И, в отличие от «Маковкиных пластунов»², выбирались люди с большим разбором, с солидным поручительством известных китайских фирм. Делом этим ведал особо назначенный опытный штаб-офицер — Заамурец.

Наконец, и ротмистр Враштил начал подавать о себе вести³. Не утешительны были они. Конный отряд отбивался от наседавших на него большевицких войск и отходил назад к Маньчжурии. «Сматывались» также и атаманские войска. Кажется, и английский, и французский атташе разочаровались в атамане. Одни только японцы все еще продолжали покровительствовать, стараясь выдвинуть атамана чуть ли не в вожди всего движения. Это им нужно было. Как известно, адмирал даже посетил генерал Накашима и предъявил какие-то требования в пользу атамана Семенова. По этому поводу последовал бурный разговор, и в результате получилось то, что генерал Накашима встал в оппозицию к адмиралу. Да и у наших русских генералов адмирал Колчак не снискал симпатий. Им не по душе были те овации, которые оказывали адмиралу Орловцы. Они поднесли ему «Орловский мундир» и по этому случаю устроили торжество⁴. С тех пор стало заметно проявляться недоброжелательное отношение. Непонятна была и позиция, занятая генералом Самойловым и его штабом. Приходилось недоумевать, — ведь адмирал стоял за законность и порядок, ратовал об общей пользе, отстаивал и Охранную Стражу от притязаний атамана Семенова, даже выступил на защиту с вооруженной силой, когда Семеновская шайка, во главе с хорунжим Барщевским⁵, сделала налет на Бухэду. Охранная стража бессильна была оказать сопротивление, и та принялась громить цейхгаузы. Тому же подверглись и местные жители. Отбирались у них даже самовары и граммофоны. Тех, кто оказывал сопротивление, пороли. Так, был выпорот старик Барановский на глазах у своих детей. Адмирал приказал назначить взвод от Орловского отряда, и он был экстренно выслан в Бухэду. Барщевский со своей шайкой были арестованы и привезены в Харбин.

Приходилось задумываться, что же будет дальше. На флангах висели атаманы. Правда, на востоке один из них пока еще из себя ничего не представлял, но на западе получилась пробка. Засевший здесь атаман Семенов находился под особым протекторатом. Страдало чисто русское национальное дело. При помощи этой пешки преследовались чуждые интересы. И все это прикрывалось святым именем — спасения России. Хитрым покровителям нетрудно было вскружить и затуманить голову простого казака. Она высоко занеслась, и «атаманские таланты» стали разворачиваться все шире и шире. С пути устранялось все, что мешало. Так, в Харбине к адмиралу Колчаку прибежал некто сотник Жевченко, умоляя спасти от преследований атамана. Семенову понадобилось убрать с дороги этого человека, оказавшего ему когда-то большие услуги, но теперь неугодного, так как он мог быть в курсе всех его грязных дел. Адмирал взял сотника под свою защиту.

В районе Миллеровских казарм все время рыскали Семеновские автомобили: шла разведка, где именно был спрятан бежавший, нельзя ли его как-нибудь выу-

дить, так как выступить открыто силою Семеновцы побаивались. Продолжалось это до тех пор, пока сотник Жевченко не был отправлен за границу.

Вскоре после этого произошел другой показательный случай. Полковника Орлова посетил на квартире подполковник японского Генерального Штаба Куросава. Странной была его миссия. Без всяких околичностей он заявил, что Орловский отряд должен весь идти к атаману Семенову. Подобное заявление взорвало полковника Орлова, но он сдержался и в вежливой форме дал понять, что его прямым начальником является адмирал Колчак, и что решение настоящего вопроса всецело зависит от него. Однако это мало подействовало. Подполковник Куросава упорно стал доказывать и убеждать полковника последовать его доброму совету, не спрашиваясь адмирала. Чуть ли не два битых часа долбил он одно и то же; и, в конце концов, высказал довольно смелое суждение, что адмирал, дескать, морской офицер, и не способен хорошо действовать на суше. Чаша терпения переполнилась, и полковник Орлов в довольно резкой форме указал на нетактичность поведения японского подполковника. На этом разговор был окончен.

Глава X

ОРЛОВСКИЙ ОТРЯД В ПОГРАНИЧНОЙ И ЭХО. ИНТРИГИ. АДМИРАЛ ПОКИДАЕТ СВОЙ ПОСТ

Незавидно было положение адмирала: японцы ополчились на него, да и Начальник штаба генерал Хрещатицкий занял довольно странную позицию. Адмирал был горячий человек, и генерал играл на этой горячности. Вокруг адмиральского имени умышленно создавалось невыгодное освещение. В то же время адмирала настойчиво восстанавливали против главы Орловцев. Так, вместо того, чтобы дружно делать общее дело, сеялись интриги, и в результате последовало выселение Орловского отряда на станцию Пограничную. Адмиралу внушили эту идею, внушили, что подобное переселение диктуется пользой дела. Но в чем была польза — неизвестно. Одно только можно сказать, что с переходом отряда на станцию Пограничную движение поездов с востока совершенно прекратилось, и последний источник пополнения — восточный — был окончательно закрыт. Дальнейшие формирования замерли. Отряд бесцельно проживал на станции в вагонах. Близкое соседство с Калмыковцами было не совсем приятно. На Пограничной царил пьяный разгул, он был заразителен. Приходилось принимать репрессивные меры против нестойких людей, вплоть до исключения их «по суду чести».

Таково было положение на Пограничной. Но, по-видимому, и в Харбине случилось что-то неладное. От адмирала вскоре полковником Орловым была получена телеграмма — «выехать в Харбин с ротой». Был даже назначен по распоряжению свыше экстренный поезд. Это обеспокоило Орловцев. Строились различные догадки: уж не угрожает ли адмиралу опасность. При создавшейся обстановке всего можно было ожидать. Поэтому Орловцы стремглав полетели в Харбин. Весь путь был проделан приблизительно в течение десяти-одиннадцати часов. В те времена пассажирский поезд выходил со станции Пограничной в двенадцать часов

ночи; наш же эшелон отправился в шесть часов утра и нагнал его в Ханьдаохэцзы. Можно судить, с какой бешеной скоростью мы мчались. Недаром машинист, который вел эшелон, прибыв на станцию и сойдя с паровоза, перекрестился с облегчением.

В Харбин прибыли часам к восьми, девяти вечера. Адмирала дома не застали. Он возвратился часа два спустя, и был в хорошем расположении духа. Поздоровавшись с Орловцами, он приветливо сказал:

— «Спасибо, что быстро выполнили мой приказ. Поживите здесь с недельку, так нужно». Более ничего сказано не было. Истинная причина вызова адмиралом Орловской роты так и осталась тайной. Ходили же тогда в Харбине слухи, будто Семенов собирался ликвидировать адмирала Колчака. Но так ли было на самом деле, — утверждать трудно. Однако знаменательно было такое совпадение: спустя полчаса времени после прибытия Орловской роты, примчался и экстренный поезд с запада, который привез атамана. Поезд этот остановился недалеко от Орловского эшелона, и атаман оставался там некоторое время, неизвестно, с какой именно целью. Вооруженные, что называется, до зубов, Орловцы были все время начеку. И, надо сказать, что если бы Семенов действительно решился на подобное выступление, то ему не поздоровилось бы.

Через некоторое время Орловский отряд был перемещен на Эхо⁶. Здесь находилась небольшая артиллерийская группа подполковника Макаренко. Последний задумал сформировать батарею, но пушек у него не было. Поэтому ему предложено было перейти в Орловский отряд, в 3-ю батарею. Но подполковник Макаренко уклонился и приказания не исполнил. Его артиллерийская группа перекочевала в Харбин. Очевидно, кто-то свыше покровительствовал тайно артиллерийскому подполковнику.

Прибывшим на Эхо Орловцам необходимо было освободить вагоны и переселиться в казармы. Здесь их было много. Большинство пустовало, было заколочено и опечатано. Казарменные принадлежности также хранились под замками и печатями. Но Самойловская Охранная стража не склонна была уступать что-либо Орловцам. По крайней мере, на предложение разрешить вопрос о предоставлении отряду всего необходимого миролюбивым путем, начальник здешней охраны, подполковник из ратников-ополченцев Дзярский не соглашался, и, волею-неволей, пришлось ему заявить, что не вина будет Орловцев, если они возьмут это силой. Поведение охранников было безобразно. Выходило так, будто те и другие не служили одному общему делу.

Занятие казарм дало повод злым людишкам инсценировать разгром Орловцами какого-то цейхгауза с хранящимися там и будто исчезнувшими вещами офицеров Заамурского конного полка. Ясно было, что эти людишки воспользовались удобным случаем и хотели прикрыть свои темные дела. Возмущенный до глубины души подобной клеветой, полковник Орлов телеграфировал адмиралу Колчаку, прося его назначить строгое расследование происшедшего. Но, оказалось, в Харбине назрели чрезвычайные события. Адмирал внезапно покинул свой пост и экстренно выехал в Токио. Что послужило причиной этого, для Орловцев осталось тайной. Правда, через несколько дней полковник Орлов получил от ад-

мирала Колчака письмо. Уведомляя о своем отъезде, он просил верить в его неизменное чувство к Орловскому отряду, который считает «единственной чисто-русской организацией на Дальнем Востоке»; но относительно самой причины отъезда сообщал глухо: «Так нужно для общего дела». Адмирал убеждал признать назначенного вместо него начальником Российских войск генерала Хрещатицкого. Конечно, происшедшее всех повергло в недоумение и сильно озадачило.

Между тем события разворачивались одно за другим. Последовало вскоре выступление чехов против большевиков на Дальнем Востоке. Штаб Российских войск зашевелился. Посыпались всевозможные распоряжения. Прибыл на Эхо и гонец от Г.К. Попова с извещением о скором выступлении Российских войск в Приморье, и, в связи с этим, — о наказе генерала Хорвата сдать имевшийся в отряде запас орудийных снарядов и ружейных патронов штабу этих войск. Последним обстоятельством Харбинские верхи были, по-видимому, сильно озабочены. Они чего-то опасались. Консул довольно проблематично сообщал, что требование о сдаче снарядов и патронов якобы исходит от японцев и что они поставили это главным условием пропуска Российских войск в Приморье. Было и смешно, и очень грустно. Полковник Орлов поспешил успокоить штаб и немедленно сдал свой запасный парк прибывшим на Эхо приемщикам генерала Хрещатицкого.

Одновременно с этим последовал приказ о продвижении Российских войск в Пограничную⁷ и дальше. Расписание следования эшелонов было составлено предусмотрительно. Большинство Орловских частей было отправлено в первую голову. Затем проследовал Штаб Российских войск во главе с генералом Плешковым. Штабной Орловский эшелон был продвинут с пластунскими, и, когда прибыл к месту назначения, оказался как бы под конвоем этих доблестных «Маковкиных Российских Войск». Ясно, что главу Орловского отряда всячески старались изолировать. Его части из Пограничной продвигались самим Штабом Российских Войск. Не соблюдалось даже простого приличия, воинской вежливости. Орловский штаб ни во что не посвящался, точно он для генерала Хрещатицкого перестал существовать. И когда прибыл на Пограничную блестящий поезд генерала Хорвата, ни одной Орловской части здесь уже не оказалось. Были одни только пластуны. Таким образом, Орловский штабной эшелон очутился под арестом. Генерала Хорвата торжественно встречали. Фигурировали пластуны в качестве почетного караула, генералитет, штаб, железнодорожная администрация, китайский генерал, его офицеры. Полковник Орлов и его штаб отсутствовали — их не пригласили. Они, в качестве частных зрителей, наблюдали происходящее из окон своего вагона.

Вся эта сцена навела полковника на грустные размышления. Ему все стало ясно. При настоящем курсе политики необходимо было убрать двух неугодных «знатным иностранцам» лиц. В первую голову спланировали главное лицо — адмирала Колчака, под каким-то благовидным предлогом. На очереди был глава Орловского отряда. Но, видимо, открыто не решались это сделать, и придумали такую недостойную игру. Горько и обидно было ... Полковник Орлов не принадлежал к числу демагогов Семеновского типа, бояться его было нечего. Если он и сыскал

некоторый авторитет в отряде, то никогда не позволил бы себе воспользоваться этим во вред святому делу. За разъяснением всего этого полковник Орлов и обратился к генералу Хорвату. Но, как и следовало ожидать, последовал категорический ответ:

— «Если такие люди будут уходить, то с кем же продолжать дело, — нет, это произошло какое-то недоразумение, и его надо выяснить там, на месте!» — И затем, как бы между прочим, генерал обронил: — «А скажите, какие это вы сдали на Эхо патроны и снаряды?» И когда полковник объяснил, выразил сожаление: — «Ах, напрасно вы это сделали!» ... На этом аудиенция окончилась. Генерал со свитой отбыли дальше, за ним пластуны полковника Маковкина. А затем проследовали туда же через Пограничную один за другим эшелоны ротмистра Врештиля. Остался только Орловский штабной эшелон да неизменная его охрана — пластунская рота полковника Иконникова.

Зайдя вскоре в вагон-столовую, этот штаб-офицер с надменным видом уселся на стул, обвел всех многозначительным взглядом и громогласно заявил, что назначается комендантом станции. Сидевшие за столом Орловцы с удивлением смотрели на непрощенного гостя и не проронили ни одного слова. А тот, войдя в раж, продолжал:

— «У меня так поставлена охрана станции, что ни одна муха не пролетит незамеченной, — ни в ту, ни в другую сторону!»

Когда мысли погружаются сейчас в далекое прошлое, как-то не верится, что все это могло быть пережито и не нарушилось душевное равновесие, а ведь оно держалось на волоске. Орловцы волновались. К полковнику явилась делегация и с негодованием заявила:

— «Довольно терпеть глумления! Лошади оседланы, и готов конвой! Садитесь, господин полковник, и едем: вас с нетерпением ждут верные Орловцы!»

Конечно, появившись полковник среди своего отряда, пластуны и Штаб Российских войск растаяли бы, как дым, тем более что был самый подходящий момент для такого выступления. Но полковнику Орлову были чужды подобные междоусобные затеи. А потому, отклонив предложение своих ближайших помощников, он послал наказ Орловцам повиноваться Штабу Российских войск, а вместе с тем и донесение генералу Хорвату, что считает свою миссию оконченной, — и отбывает в Харбин.

Таким образом, письмо генерала Хрещатицкого запоздало. Полковник Орлов уже садился в вагон, когда его принесли. Письмо это было написано политично. Ставка делалась «на благородный жертвенный порыв» главы отряда, выражалась полная уверенность, что «во имя долга перед Родиной, он добровольно отойдет от дела».

Показательно было то, что к письму прилагался следующий приказ: «Пехотные части бывшего 1-го Особого отряда сводятся в полк, коему именоваться впредь Егерским полковника Орлова полком» ...

Так закончилась роль главы Орловского отряда, он сошел со сцены, но память о нем осталась незапятнанной.

Приложение:
ПИСЬМО, ПОЛУЧЕННОЕ ПОЛКОВНИКОМ ОРЛОВЫМ
ОТ АДМИРАЛА КОЛЧАКА ИЗ ТОКИО⁸.

Дорогой Николай Васильевич! В интересах общего нам дела я решил покинуть Харбин и отправиться в Японию. Вместо меня Командующим Российскими Войсками остается генерал Хрещатицкий. И прошу Вас признать пока его власть.

Орловский отряд я считал и считаю единственной истинно-русской организацией на Дальнем Востоке. И чувства мои к Вам остались неизменными, — прошу этому верить и по-прежнему числить меня в рядах отряда. Свою настоящую миссию я признаю необходимой, так как нам нужна материальная помощь иностранцев. И я буду пока работать здесь в этом направлении.

Если встретятся какие-либо затруднения, и я могу быть полезным, обращайтесь ко мне, как к Александру Васильевичу Колчаку, — буду рад всегда помочь Вам.

Итак, будем продолжать наше служение Родине с прежней энергией и верой — надеждой на осуществление нашей заветной Белой Мечты.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш покорный слуга А. Колчак

Токио, 12 июля 1918 г.

¹ Имеется в виду Дальневосточный комитет защиты Родины и Учредительного собрания.

² Как уже упоминалось выше, Пластунский полк Маковкина был набран из китайцев.

³ Конный дивизион Вращила вместе с полубатареей в тот момент совместно с войсками атамана Семенова участвовали в боях под г. Нерчинском.

⁴ Это обстоятельство не преминул отметить в «Дневнике» барон Будберг (датировав его 1 июня): «Орловцы дали вечер в честь Колчака и истратили на это 25 тыс. рублей; при этом они поднесли адмиралу попугайско-опереточную форму своего отряда. Благодаря за прием, адмирал перехватил через край и брякнул, что поднесенная ему форма делает его таким же счастливым, каким он был в день получения Георгиевского креста. Через несколько дней к Колчаку явилась депутация из местных Георгиевских кавалеров и выразила ему свое негодование по поводу того, что он позволил поставить на одну доску получение ордена Св. Георгия и поднесение ему орловских штанов» (*Будберг А.П.* Дневник // Архив Русской революции. Берлин, 1924. Т. 13. С. 217–218).

⁵ По другим данным, фамилия этого офицера пишется «Борщевский».

⁶ Эхо — станция КВЖд.

⁷ Имеется в виду «на станцию Пограничную».

⁸ Такой заголовок дал письму в приложении к рукописи сам Н.В. Орлов.

Аутентичность текста данного письма вызывает у меня сомнения как из-за его стиля, не свойственного Колчаку (зато вполне соответствующего стилю основного текста рукописи), так и из-за его даты (Колчак отправился в Токио 29 или 30 июня; если же письмо датировано русским стилем, то 13 дней надо не прибавлять, а отнимать). Так что, скорее всего, содержание письма пересказано более или менее близко к оригиналу. Необходимо отметить, что дату отбытия Колчака в Токио называет лишь барон Будберг; свидетель-

ПУБЛИКАЦИИ

ства самого Александра Васильевича на этот счет нет. К сожалению, уточнить эту дату с помощью документов также не удастся. Единственный обнаруженный мною приказ, упоминающий об оставлении Колчаком его должности, датирован 22 июля 1918 г., т. е. выпущен лишь через 24 дня после свершившегося события. Причину такой задержки я пока что понять не могу.

Позволю себе привести этот приказ полностью:

Приказ
Главначальствующего в полосе отчуждения
Китайской Восточной железной дороги

№ 38

г. Харбин

Июля 22 дня 1918 г.

В виду отъезда Начальника Российских войск полосы отчуждения Китайской Восточной железной дороги Вице-адмирала Колчака, Охранную стражу Китайской Восточной железной дороги, во изменение приказа Главначальствующего с. г. за №№ 1 и 14 подчиняю во всех отношениях себе.

В отношении вопросов, связанных с выполнением самой охраны Китайской Восточной железной дороги и ее имущества, а также в хозяйственном отношении, Охранная стража Китайской Восточной железной дороги подчиняется Управляющему и Правлению означенной дороги на основании существующих положений.

Генерал-от-Кавалерии Плешков

(ГАРФ. Ф. Р-6081. Оп. 1. Д. 127. Л. 205–206 об.)

«Я С ВАМИ ПРИВЫК
К ПЕРЕПИСКЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ...»:
ПИСЬМА Г.В. АДАМОВИЧА В.С. ВАРШАВСКОМУ
(1951–1972)

Предисловие, подготовка текста и комментарии
О.А. Коростелева

Публикуемый ниже корпус писем представляет собой любопытную страничку из истории эмиграции. Вдохновителю «парижской ноты»¹ было о чем поговорить с автором книги «Незамеченное поколение»², несмотря на разницу в возрасте и положении в обществе. Адамович в эмиграции числился среди писателей старшего поколения, или, как определяла это З.Н. Гиппиус, принадлежал к среднему «полупоколению»³, служившему связующим звеном между старшими и младшими. Варшавский — автор определения «незамеченное поколение», в одноименной книге давший его портрет, по которому теперь чаще всего судят об эмигрантской молодежи.

Адамович еще до войны был для Варшавского мэтром и властителем дум, а после войны стал старшим другом. Постоянная переписка началась после того, как оба почти одновременно уехали из Парижа: Адамович отправился преподавать в Манчестер, а Варшавский перебрался в США. Однако именно межвоенная парижская жизнь и недоспоренные на Монпарнасе споры продолжают волновать обоих и занимают в письмах важное место.

Варшавский, как и многие из молодых эмигрантов, принял мироощущение Адамовича, не слишком четко, но убедительно выражаемое в его статьях, как что-то для себя очень важное и насущное. Он и добровольцем на войну пошел, вдохновленный примером Адамовича⁴.

¹ Наиболее подробно о ней см.: Коростелев О.А. «Парижская нота» // Русская литература 1920–1930-х годов. Портреты поэтов: В 2 т. / Ред.-сост. А.Г. Гачева, С.Г. Семенова. М., 2008. Т. 2. С. 500–552; «Парижская нота»: Материалы и исследования / <Сост. О.А. Коростелев>. Литературоведческий журнал. 2008. № 22. С. 3–324.

² Полемика, вспыхнувшая более полувека назад вокруг определения «незамеченное», не затихает до сих пор. Одни полностью отрицают саму возможность использования его в научной литературе, другие, напротив, считают весьма удачным: «Кажется, не сделай он больше ничего, один только его эпитет “незамеченное” мог бы претендовать на вполне состоятельную историческую ценность» («Семь лет»: История издания: Переписка В. Варшавского с Р. Гринбергом / Публ. В. Хазана // Новый журнал. 2010. № 258. С. 180).

³ Антон Крайний. <Гиппиус З.Н.> Почти без слов // Последние новости. 1939. 9 марта. № 6555. С. 3.

⁴ Подробнее см.: Георгий Адамович, русская эмиграция в Париже и Вторая мировая война / Предисл. и примеч. О.А. Коростелева // Литература: Еженедельное приложение к газете «Первое сентября». 1997. № 18 (май). С. 6–7, 13.

Варшавский с первых публикаций привлек Адамовича предельной искренностью в творчестве, честностью перед самим собой и стремлением осмысливать опыт всего поколения. Именно эти черты Адамович прежде всего отметил, отзываясь на одну из первых его серьезных публикаций. И именно эту публикацию Варшавского Адамович выделил особо, рецензируя четвертый номер «Чисел»: «В поисках того, что для “Чисел” характерно, перейдем к другим отделам журнала. Из всего материала, помещенного в них, надо выделить три заметки Бориса Поплавского и любопытнейшие в качестве документа, искренние и серьезные “Рассуждения об Андре Жиде и эмигрантском молодом человеке” В. Варшавского. <...> “Рассуждения” Варшавского об Андре Жиде дают ключ к вопросу об увлечении эмигрантской молодежи новой французской литературой. Это увлечение заметно и в “Числах”, поэтому признания Варшавского так интересно читать: он говорит не только за себя, но и за многих своих сверстников»⁵.

Для старших эмигрантов позиция общественника была совершенно естественной и даже банальной — многие из них постоянно выступали в печати от лица групп, партий, поколения, страны и зачастую не могли отделить свой индивидуальный голос от какого-то неопределенного коллектива.

У молодых ситуация была обратной. В силу их эгоцентризма или новых условий, в которых они выросли, говорить от лица поколения мало кто осмеливался. Большинство из них трудно даже представить в роли трибуна, всерьез и со всей ответственностью выступающего в печати или на публике от лица некоего определенного «мы». Но явную разницу в настроениях старших общественников и молодой богемы ощущали все, поэтому желание Варшавского понять собственное поколение, разобраться, что оно собой представляет, было встречено с большим интересом.

По завершении эпохи, уже после войны, Терапиано, пытаясь объяснить это человеку из другого мира, писал В.Ф. Маркову 14 июля 1954 г.: «Мне кажется, сейчас нужно подумать нам о “человеке 50-х” годов, как в свое время мы нашли “человека 30-х” гг. Основным ощущением окончившейся сейчас “парижской ноты” была переоценка прежней, дореволюционной лит<ературной> эпохи и вопрос, как и чем может жить современный человек, прошедший через крушение прежнего мира. Этот человек 30-х годов был уединенным индивидуалистом без Бога, сомневался во всем. А каков человек 50-х гг. — вот главный вопрос»⁶.

Первая заявка на образ «человека 30-х гг.» как раз и была сделана Варшавским в «Числах», а позже это стало главной темой его творчества.

После войны Варшавский, несмотря на то что далеко не во всем разделял позицию Адамовича, чаще всего выступал на его стороне, в 1947 г. вместе с ним (а также Бахрахом, Гингером, Ладинским, Ремизовым, Терапиано и др.) вышел из Союза журналистов в знак протеста против исключения членов, взявших советские паспорта⁷.

⁵ Адамович Г. «Числа». Книга четвертая // Последние новости. 1931. 13 февраля. № 3614. С. 5.

⁶ «...В памяти эта эпоха запечатлелась навсегда»: Письма Ю.К. Терапиано В.Ф. Маркову // «Если чудо вообще возможно за границей...»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов / Сост., предисл. и примеч. О.А. Коростелева. М., 2008. С. 239.

⁷ См.: Распад Союза журналистов // Русские новости. 1947. 5 декабря. № 131. С. 6.

Адамович платил Варшавскому тем же, защищая его порой даже от друзей. К примеру, 21 ноября 1950 г. Адамович писал Яновскому по поводу книги «Семь дней»: «Насчет Варшавского Вы не правы. Хорошая книга. Я рад не без гордости его успеху. Я, кажется, один отстаивал его, когда все над ним смеялись»⁸. А когда Яновский попробовал нехорошо отозваться о Варшавском, Адамович твердо запретил ему это в письме от 14 марта 1956 г.: «Не пишите мне дурного о Варшавском. Если бы он написал мне дурное о Вас, я сказал бы ему то же самое. Варшавско-го я искренне любил и люблю, а что у него много самолюбия, внезапно и болезненно прорывающегося, и что он может быть не совсем “на высоте”, я знаю, хотя лично этого не испытал. Но кто из нас иной?»⁹

В беллетристическом даре Варшавского Адамович не был уверен с самого начала и видел его предназначение в другом, проникательно полагая, что по-настоящему он проявит себя не на поприще беллетриста. Даже перед самой войной, в 1938 г., когда бывших молодых писателей называли молодыми только по старой памяти, Адамович писал, отзываясь на прозаический отрывок под названием «Амстердам», опубликованный в альманахе «Круг»: «О Варшавском, как о художнике, еще рано судить. У него есть что сказать: это чувствуется сразу. Но если он когда-нибудь выскажется, то, может быть, совсем не на тех “путях”, по которым бредет и чего-то ощупью ищет теперь»¹⁰.

Адамович и после войны неизменно одобрительно откликался на книги Варшавского и публикации в периодике¹¹, причем это вовсе не были дежурные дружеские рецензии, критик больше спорил с автором, чем соглашался, однако всегда с неподдельным увлечением и уважением.

Отзываясь на книгу «Семь лет», Адамович подчеркивал: «Повесть исключительно содержательна и исключительно интересна, однако вовсе не в том смысле, в котором определяется порой как “очень интересный” какой-нибудь авантюрный роман. Интерес, ценность и значение повести Варшавского в ее исключительной правдивости, притом правдивости прежде всего психологической. При сколько-нибудь развитом чутье к слогу и стилю у читателя не может с первых же страниц не возникнуть уверенности, что автор ни в чем не лжет, ни к какой рисовке не склонен и ничего не хочет скрыть. Его можно было бы назвать маниаком правдивости»¹².

Последняя рецензия Адамовича, на книгу «Ожидание», была опубликована уже посмертно, и вывод звучал как резюме ко всему творчеству Варшавского: «Ценно, значительно, интересно и как документ психологический и как свидетельство о нашей эпохе»¹³.

⁸ Адамович Г. Письма Василию Яновскому. Письма Роману Гринбергу / Публ. и примеч. В. Крейда и В. Крейд // Новый журнал. 2000. № 218. С. 125.

⁹ Там же. С. 128.

¹⁰ Адамович Г. Литературные заметки: «Круг». Альманах III. Париж, 1938 // Последние новости. 1938. 17 ноября. № 6444. С. 3.

¹¹ См.: *Он же*. «Семь лет» // Новое русское слово. 1950. 1 октября. № 14037. С. 8; *Он же*. Герои нашего времени // Там же. 1952. 9 ноября. № 14806. С. 8; *Он же*. О христианстве, демократии, культуре, Маркионе и о прочем // Там же. 1956. 25 марта. № 15611. С. 8.

¹² *Он же*. «Семь лет». С. 8.

¹³ *Он же*. Об «Ожидании» Варшавского // Новое русское слово. 1972. 14 мая. № 22615. С. 4; то же: *Он же*. Вл. Варшавский. «Ожидание» // Русская мысль. 1972. 25 мая. № 2896. С. 4.

Письма сохранились в собрании Татьяны Георгиевны Варшавской (г. Ферней-Вольтер, Франция) и ныне находятся в архиве Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына (ф. 54). Публикуются с ее любезного разрешения. Ответные письма Варшавского Адамович не сохранил.

Тексты печатаются по оригиналам в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации (но с сохранением специфических особенностей, отражающих индивидуальную авторскую манеру). Разрядка в письмах дается курсивом, подчеркивания остаются, как в оригиналах. Конъектуры даются в угловых скобках, общепринятые сокращения не раскрываются. Общеизвестные имена, факты и события не комментируются. Общеизвестные иноязычные слова и выражения не переводятся. При подготовке писем к печати учтены примечания Н.А. Богомолова, В.И. Хазана, Р.М. Янгирова.

1

53, rue de Ponthieu
Paris 8^e
28/XII-51

Cher ami Владимир Сергеевич

Спасибо за письмо. Только Вы сочиняете: не я Вам не ответил, а Вы мне. Впрочем, не ручаюсь. Но я считал, что смолкли Вы. Желая Вам от души и сердца всяких успехов в этом, т. е. наступающем году. Больше всего — литературных. Дела и деньги — потом, а главное — надо Вам писать и внутренне считать себя писателем (т. е. профессионалом; у Вас это не совсем так). Вот Вы восхитились Сириным. Я согласен, даже согласен на Ваш эпитет «гениальный». Бесспорно, он необычайно даровит, до неприличия. Но если у него есть то, чего у Вас нет, то и у Вас есть то, чего нет у него. Вы внутренне наверстываете то, к чему он бросается «рывком», и по дороге видите то, на что ему смотреть некогда. Мне Сирин всегда скучен, при всем его блеске — и поверьте, традиция глупых «Чисел» тут ни при чем¹. Просто, *je ne suis plus amusable*², по крайней мере на это. А вот Гоголя я все-таки люблю, хотя он еще пустее Сирина и лживее его (нет, это я вру — «Старосв<етских> помещиков» тому не написать).

Воп³, довольно литературы. Как Вам живется? Слышал, будто Вы тяготитесь какой-то служебной формой — и удивился: ну, не все ли равно? Честное слово, не понимаю, хотя Вы, вероятно, усмежаетесь и думаете — «попробовал бы он сам!» В Англию я еду в конце января (около 20-го). Что это Вы пишете, будто меня туда «не пустили»?! Пожалуйста, пресекайте эти злостные слухи. Я ждал долго визы⁴, п<отому> что нужна она была мне на год, а с нансеновским паспортом это трудно. Но теперь все в порядке. Узнает Берберова, и будет ликовать: «не пустили?» Что за выдумка, и кто ее пустил? (Думаю, что Бахрах, не по ехидству, конечно, а по любви к сенсациям — верно, писал Прегельше⁵.) Сестра моя все в больнице⁶. Много будет хлопот перед отъездом. Ничего не знаю о Ваших. Что мама, где На-

талья Сергеевна⁷, исчезнувшая с моего горизонта и верно (чувствую на расстоянии) на меня обиженная? Приехал Цвибак, мимолетом⁸. Сегодня я обедаю Бунина, который для меня очарователен, *malgré tout*⁹. До свидания, дорогой друг. Я Вас очень люблю, и во внимание к моему преклонному возрасту могли бы Вы и не считаться со мной письмами!

Ваш Г. А.

¹ См. об этом: Мельников Н. «До последней капли чернил...»: Владимир Набоков и «Числа» // Литературное обозрение. 1996. № 2. С. 73–81.

² Здесь: меня больше не тянет (*фр.*).

³ Ладно (*фр.*).

⁴ Через день, 30 декабря 1951 г., Адамович писал Бахраху: «Я уезжаю в Англию, вероятно, 18го или 19го, т. к. 17го у меня балетная лекция. Виза есть, все в порядке. Кстати, в Америке всем известно, что меня в Англию “не пустили”. Вероятно, это Вы сообщили об этом Софье Юльевне <Прегель>. Я не писал никому ничего. Теперь я опровергаю этот злостный слух, который на руку Берберовой и К^о. В консульстве мне сказали: “il n’y avait absolument rien d’anormal, l’enquête ne dure jamais moins de deux mois” <ничего особенно-го, рассмотрение дела никогда не длится менее двух месяцев (*фр.*)>» (Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture. The Rare Book and Manuscript Library. Columbia University. (Далее — BAR.) Coll. Bacherac).

⁵ Имеется в виду Прегель Софья Юльевна (1894–1972) — поэтесса, прозаик, литературный критик, издательница, мемуаристка. В эмиграции с 1922 г., с 1932 г. постоянно жила в Париже, в 1942 г. переехала в Нью-Йорк. В 1942–1950 гг. издатель и редактор журнала «Новоселье». В 1948 г. вернулась в Париж, в 1957–1972 гг. возглавляла издательство «Рифма».

⁶ Осенью 1929 г. родную сестру Адамовича Ольгу разбил паралич. 8 ноября 1929 г. Адамович писал З.Н. Гиппиус: «У моей сестры случился паралич на почве сердечной болезни. Это очень серьезно, и если она поправится, будет очень долго. Она не говорит и, по-видимому, наполовину потеряла рассудок» (Письма Г.В. Адамовича к З.Н. Гиппиус: 1925–1931 / Подгот. текста, вступит. ст. и коммент. Н.А. Богомолова // Диаспора: Новые материалы. III. СПб., 2002. С. 528). После смерти матери (1933) Адамович заботился о сестре до ее кончины в 1952 г.

⁷ Сестра В.С. Варшавского.

⁸ В письме Бахраху Адамович писал об этом подробнее: «На днях здесь появился Цвибак, *très désemparé* <очень растерянный (*фр.*)> в смысле газетных планов из-за смерти Полонского. Я его всячески уговариваю заменить его Кантором и думаю, что лучшего кандидата нет (Бунин и Тэффи всячески это поддерживают). Будет ли Кантор редактором — вопрос, но наладить и организовать все он может. Цвибак морщится, т. к. у него с Кантором *incomprabilité* <несовместимость (*фр.*)>, и сокрушается о Полонском» (BAR. Coll. Bacherac).

⁹ Несмотря ни на что (*фр.*).

104, Ladybarn Road
Manchester 14
17/III-52
С 26/III до 15/IV — я буду в Париже
(53, rue de Ponthieu, Paris 8e)

Дорогой Владимир Сергеевич

Получил сегодня Ваше письмо — и видите, по горячим следам, сразу же отвечаю. Ваше письмо — не «невразумительное», как Вы на себя клеветеете, а крайне вразумительное, ясное, и притом такое, что в составленную мной с Кантором «антологию русских писем»¹ я включил бы и его. Правда. У меня тысячи соображений Вам в ответ, но вовсе не для спора — а для дополнения и развития. Вы меня давно уже плохо понимаете, т. е. не понимаете моих сомнений в ту сторону — где искажена великая правда, главным образом по хищной дрянности человеческой природы. Точнее, половина, ровно половина общей великой — человеческой правды, к которой я не могу быть безразличен, именно потому, что ее, втопанную нашими соотечественниками в кровь и грязь, никто почти за правду (хотя бы и бывшую) не признает. В Евангелии, на которое Вы ссылаетесь, есть и то, и это, — и «это» без «того» ничего не стоит, как и «то» без «этого». Если бы Евангелие было просто проповедью приятных вещей, Рим не ужаснулся бы, Тацит бы не написал, что это «odium humani generis»² и ничего из него не вышло бы. Но что в России происходит ужас, что это ничем ни оправдать, ни искупить нельзя — я чувствую всем своим существом. Но вся русская культура (кроме Чаадаева, и помельче — Тургенева) восстает против того, чтобы идеализировать противоположную сторону. И то, что на Западе об этом можно говорить, а там можно только молчать — не есть довод решающий, как обыкновенно с торжеством провозглашается, а есть следствие разделения единой «неделимой» правды на две половины. Если бы возникла на свете хоть тень fraternité³, то ни в liberté⁴, ни в égalité⁵ не было бы нужды, как в формальных условиях единой верной сущности.

Вот, *passons*⁶. Я вижу на Вашем лице отвращение, а спорить мне, право, не хочется. Кстати, ко всем Вашим толстовским чертам я прибавляю и эту: стена к чужим мыслям. Бывает, что чужая мысль в Вас (как в Толстого) не «входит», хоть плачь! Я давно это заметил, и помню, как Вы еще в Париже возражали мне на собрании Объединения⁷, о романтизме. Я так и не добился, чтобы Вы согласились, что романтизм не только литер<атурная> школа (народность, история, красочность и т. д.) но и состояние духа, томление о безбрежном, христианское по складу. Вот и о Расине, думаю, Вы меня не поняли, — а м. б., я не ясно написал, не помню. «Федра» тем и потрясательна, что бледна и схематична, *sans qu'il soit possible de la situer*⁸, — в ней как в фокусе света все расплавлено. Что писал Бергсон о Гамлете, я не помню, но при всей моей давней и острой любви к Гамлету, Федра есть упрек ему (как художеств<енному> методу, не как замыслу), на un beau sourire hautain⁹ варвара и младенца.

О передвижничестве, или нео-передвижничестве — «сами все знаем, молчи!»¹⁰ На статью Терапиано¹¹ я тоже обратил внимание, хотя и писана она пером, обернутым ватой. Ну, посмотрим — м. б., наше общее декадентство мы еще и отстоим. «Музыка» нужна лишь в малых и чистых дозах, иначе тоже беда, святых вон выноси — как было в «Числах». Музыка нужна в катакомбах, куда она, м. б., и уйдет. А духовой пожарный оркестр из таких молодцов — право никакая не музыка.

До свидания, cher ami.

Насчет Леховича¹² — постарайтесь исправить Вашу gaffe¹³. Он милый человек и написал вещь замечательную (другой такой вещи не напишет, т. е. он больше не напишет — по своей общей ребячливости). Прочтите ее, я ему ее отослал. И нельзя ли было бы ее устроить в «Нов<ый> журнал»? Я не знаю, хочет ли он этого. Если попросить содействия Алданова, может случиться, что Алд<анов> ее отвергнет — это совсем не его гауон¹⁴ (как он отказался когда-то поддержать меня в устройстве Емельянова¹⁵).

Что с Вашей сестрой? Почему она на меня обижена? Я ей писал, но тщетно. Моя сестра все еще в больнице, я не уверен, можно ли будет к Пасхе отправить ее в Ниццу. Кланяйтесь сердечно (очень) Наталье Владимировне¹⁶, от которой у меня в памяти остается какой-то легкий и светлый след.

La main¹⁷.

Ваш Г. А.

¹ Непонятно, о чем идет речь. Книги такой Адамович с Кантором не выпускали, и о том, что подобная антология ими собиралась, никаких других сведений нет.

² «Ненависть к роду человеческому» (лат.). Это обвинение, согласно Тациту, предъявлялось христианам после пожара в Риме при Нероне, вслед за чем последовали гонения (см.: Тацит. *Анналы*, XV, 44: 4).

³ Братство (фр.).

⁴ Свобода (фр.).

⁵ Равенство (фр.).

⁶ Оставим (фр.).

⁷ Возможно, речь о вечере Объединения русских писателей и поэтов (79, rue Denfert-Rochereau, 14e), на котором 9 июля 1932 г. Адамович и Варшавский выступали в прениях по докладу Б.Г. Заковича «Возврат к человеческому или превозможение его».

⁸ Чтобы было возможно установить ее контуры (фр.).

⁹ Прекрасную отстраненную улыбку (фр.).

¹⁰ Неточная цитата из стихотворения В.Я. Брюсова «Каменщик» (1901). У Брюсова: «Знаем все сами, молчи!»

¹¹ По-видимому, речь идет о статье Ю.К. Терапиано «Поэзия ради поэзии», напечатанной 10 февраля 1952 г. в «Новом русском слове».

¹² Лехович Дмитрий Владимирович (1901–1995) — знакомый Адамовича еще по Петербургу, в Гражданскую войну — участник Добровольческого движения, в эмиграции банкир, историк, литератор. О том, как Адамович был репетитором Леховича в России, а также о том, как посетил его в США в 1971 г., см.: *Lekhovich D.V. Exiles in America // The Other Russia: The Experience of Exile / Comp. by M. Glenny and N. Stone. N. Y., 1990. P. 288.* Здесь, по всей вероятности, имеется в виду его рассказ «Расстрел», вскоре опубликован-

ный в «Опытах» (1953. № 2. С. 124–136). Варшавский позже высоко отзывался о Леховиче: «Апологетическая белогвардейская публицистика, журналы и газеты вроде “Возрождения” и “Часового”, дают только поверхностное, условное и несколько лубочное представление о душе эмигранта-белогвардейца. Более человечески глубокий и трагический образ раскрывается в романах и рассказах Р. Гуля, Л. Зурова, В. Костецкого, Д. Леховича, И. Савина, Н. Татищева и некоторых других младших эмигрантских писателей, прорвавшихся гражданскую войну в рядах Добровольческой армии» (*Варшавский В.* Незамеченное поколение. Нью-Йорк, 1956. С. 27).

¹³ Оплошность (*фр.*).

¹⁴ Область; здесь: это не по его части (*фр.*).

¹⁵ *Емельянов* Виктор Николаевич (1890–1963) — прозаик «незамеченного поколения», в эмиграции с 1920 г., автор единственной завершённой повести «Свидание Джима» (Париж, 1938).

¹⁶ *Кодрянская* Наталья Владимировна (1901–1983) — писательница, жившая после войны в Нью-Йорке и имевшая возможность помогать русским парижанам. Письма Адамовича к ней 1947–1971 гг. хранятся в Русском архиве Лидса. Так, в письме Кодрянской от 2 февраля 1950 г. Адамович обсуждал с ней возможности распространения книги Варшавского «Семь лет»: «Завтра я должен обедать у Mme Городецкой, здешней профессорши, которую я давно знаю, и поговорю с ней о возможности подписки на книгу Вл<адимира> С<ергееви>ча» (Leeds Russian Archive. Brotherton Library. University of Leeds. (Далее — Leeds.) MS 1408).

¹⁷ Рука (*фр.*).

3

53, rue de Ponthieu
Paris 8^e
16/V-52

Дорогой Владимир Сергеевич

В воскресенье 11 мая скончалась моя сестра¹. Она была больна всю зиму и весну, но скончалась скоропостижно. Вчера ее похоронили.

Я не знаю нового адреса Натальи Владимировны². Будьте добры, сообщите ей о смерти сестры и скажите, что я прошу ее о ней помолиться. Она к ней дружески относилась, и я верю, что если какие-нибудь молитвы доходят до Бога, то ее должны бы дойти.

Ну, вот, спасибо заранее. Я был в Манчестере, меня вызвали по телефону. Теперь я в Париже до осени, т. к. все равно должен был к 20-му кончить лекции.

Ваш Г. Адамович

¹ См. примеч. 5 к письму 1 наст. публ.

² Н.В. Кодрянская, узнав о случившемся, прислала свои соболезнования, и 27 мая 1952 г. Адамович ответил ей: «Дорогая Наталья Владимировна. Спасибо за письмо, за все, что в нем сказано. Я знаю, что каждое Ваше слово чистосердечно и искренно, знаю и верю, что Вы настоящий друг» (Leeds. MS 1408).

53, rue de Ponthieu
Paris 8^e
28/VI-52

Дорогой Владимир Сергеевич

Спасибо за письмецо, впрочем, коротенькое и без особенно глубоких мыслей. Я с Вами привык к переписке идеологической, а обывательскую веду с другими. Знаю, что у Вас дикая жара, и думаю, что отчасти причина в этом.

Есть у меня, cher ami, к Вам маленькая и деликатная просьба. Я писал Рейзини¹ насчет Лиды². Кроме того, недели 2 перед тем, писал вообще. Ответа нет. Будьте добры, позвоните ему и узнайте, получил ли он мои письма и что значит его молчание. Лето прошло, я хотел бы Лидин сбор закончить — и на него я очень рассчитывал. Нет так нет, но пусть так и скажет, а не молчит. У меня есть легкое подозрение: не напутал ли чего Газданов, человек для меня не ясный и едва ли доброжелательный? Между мной и им был Юра³, передававший мне его слова обо мне и, вероятно, ему — мои о нем (с собственными украшениями). Мало ли что Газданов мог наплести Рейзини?

Разумеется, это только — предположение. Кажется, я о Рейзини никогда никому не сказал дурного слова (говорил смешные), да и правда у меня к нему чувства только самые хорошие.

Voilà, будьте добры — наведите деликатные справки. Мне надоедает Пира⁴ с Чех<овским> изд<ательст>вом и просьбами написать о нем в «Н<овом> р<усском> слове» громовую статью (не говорите об этом вокруг себя, а главное — не пишите сюда). Он ссылается на Вас, как на главного своего адепта, друга и поклонника. Был я у Ремизова с юбилейным визитом⁵. «Он был элегантен и мил» (Некрасов о Ник<олае> I)⁶.

До свидания, дорогой друг. Мой адрес в Ницце (après le 10 juillet⁷) — 4, avenue Emilia, c/o Madame Lesell, Nice (A. M.).

Ваш Г. А.

¹ Рейзини Николай (Наум) Георгиевич (1905–1979?) — в начале 1930-х гг. завсегдагай русского литературного Монпарнаса, вдохновитель журнала «Числа» (поначалу считался редактором философского отдела, но сам почти ничего не писал и не печатался), после войны — предприниматель, американский миллионер. После высылки из Франции занялся нелегальным бизнесом, снискав себе славу международного авантюриста. Имеющиеся о нем сведения весьма противоречивы. Во время Гражданской войны в Испании Рейзини «поставлял на греческих судах оружие Франко, затем занимался торговлей опиумом и другими делами в Данциге, Харбине и других местах»; во время Второй мировой войны «сотрудничал с японцами и числился в черных списках США» (Авантюрист Николай Рейзен // Русские новости. 1946. 29 ноября. № 81. С. 2). После разгрома Японии Рейзини снова проявил «сумасшедшую изворотливость»: прибыв в Грецию, он стал вести «переговоры с министром авиации относительно основания греческой авиационной компании», а затем, получив соответствующие полномочия от греческого правительства,

«выехал в Соединенные Штаты в роли экономического советника» (Там же). На протяжении 1940–1950-х гг. вокруг колоритной фигуры Рейзини периодически вспыхивали громкие скандалы, находившие отзвук в эмигрантской прессе. См., например, ряд заметок в «Новом русском слове» под общим названием «Дело Николая Рейзини», посвященных выяснению подробностей его биографии: «Рейзини уверяет, что он родился в Салониках, в Греции, в 1905 году. Учился в Париже и в Данциге, жил в Харбине с 1934 до 1946 года, когда он вернулся к себе на родину в Грецию. Греческое правительству Цалдариса командировало Рейзини в Соединенные Штаты в 1946 году в качестве экономического наблюдателя. Рейзини занялся в Нью-Йорке экспортными делами и быстро разбогател. Между прочим, ему принадлежит лицензия на кинематографический новый процесс “Синерама”. <...> Иммиграционный департамент утверждает, что Рейзини родился не в Греции, что он русский еврей, родом из Харбина. Настоящее его имя либо Николай, либо Борис Рейзин» (Новое русское слово. 1955. 20 сентября. № 15451. С. 1; 2 октября. № 15436. С. 3). После войны Рейзини нередко помогал своим бывшим приятелям (об этом писали Г.В. Адамович, Ю.К. Терапиано, В.С. Яновский и др.). 19 октября 1957 г. Адамович писал Л.Д. Червинской: «Кстати, о Рейзини: я не уверен совсем, что он так богат. При миллиардерном train’е жизни, он скорее запутан и может завтра оказаться без гроша. В каждом его слове это чувствуется. М. б., и сейчас 10 тысяч для него — “сумма”, хотя он и делает вид, что это пустяк. В смысле блеффа он забьет Германова» (BAR. Coll. Adamovich). Один из крупных нью-йоркских биржевиков, Леон Ливи, оставил свидетельство о Рейзини в своей книге: «Отслеживая отчеты об операциях инсайдеров за 1962 год, я заметил, что Николас Резини, главный исполнительный директор компании “Cinergama”, постоянно покупает акции собственной компании. Решив, что он обладает некоей информацией, я купил несколько акций и договорился с ним о встрече. У него был прекрасный офис на Парк Авеню, обставленный старинной мебелью и “укомплектованный” красивыми секретаршами. Это был не офис, а мечта, голливудская картинка, а его хозяин предстал в образе энергичного и обаятельного руководителя. Нисколько не смущаясь, Резини поведал мне историю своей жизни, а затем рассказал о своих грандиозных планах в отношении компании “Cinergama”. Он планировал снимать трехмерные фильмы, рассказывал сюжеты снимающихся фильмов, и каждый из них был еще более захватывающим, чем предыдущий. Я был ошеломлен, но лишь до того момента, пока не вышел из его элегантного офиса на улицу, где бушевала метель. Меня внезапно осенила мысль, что невозможно быть настолько совершенным, как мне показался Резини. Я решил продать акции в тот день, когда на экраны выходил первый фильм компании “Cinergama” “Как был завоеван Запад” (“How the West Was Won”). Это был один из тех немногих случаев, когда я продал акции по цене, приближающейся к установленному акциями рекордному курсу» (Ливи Л., Линден Ю. За кулисами Уолл-Стрит / Пер. с англ. С.В. Кравченко. М., 2004). Спустя несколько лет 27 декабря 1964 г. Адамович писал Бахраху: «Рейзини у меня в больнице действительно был... он разорен. <...> Это все-таки мой настоящий друг, коих не много на свете» (BAR. Coll. Bacherac).

² Летом 1952 г. Адамович в очередной раз устраивал сбор для Лидии Давыдовны Червинской (1907–1988). 31 мая он писал А.А. Полякову: «Я пересылаю Вейнбауму прошение Л. Червинской в Литературный Фонд. Пожалуйста, поддержите его и попросите о том же Цвибака. Она больна, ей не на что жить, а человек она достойный, и если Вы слышали о ней что-либо скверное, не верьте! Да и поэт она хороший, что тоже встречается не так часто. Бунин и Алданов просят передать, что всячески поддерживают ее ходатайство. Нельзя ли было бы получить для нее 50 долларов? Мы с Кантором делаем для нее маленький сбор, но ей надо бы поехать отдохнуть, а многого тут не соберешь» (BAR. Coll. A.A. Poliakov. Box 1. Folder 1). 8 июня 1952 г. Адамович писал о Червинской и Бахраху: «Я для нее собираю деньги, чтобы она поехала летом отдохнуть. Написал в

Литературный фонд и Кодрянской, с просьбой собрать что можно» (BAR. Coll. Bacherac). 20 июля Адамович не без шутиливой гордости сообщил Бахраху об итогах этих хлопот: «Сбор превзошел все мои надежды и преисполнил меня уважения к персоне сборщика, т. е. к самому себе. Собрал я около 45 тысяч, но, к сожалению, первые 20 тысяч (от Литфонда, по особому моему ходатайству через Полякова) пришлось ей дать раньше, т. к. у нее не было ни гроша. Все-таки отдохнуть она может, но как и куда поедет — не знаю» (Там же).

³ Близкий друг Адамовича.

⁴ Имеется в виду *Ставров* Перикл Ставрович (1895–1955) — писатель; с 1920 г. в эмиграции в Греции, с 1926 г. в Париже, участник объединения «Круг» (1935–1939), председатель Объединения русских писателей и поэтов во Франции (1939–1944), член редколлегии издательства «Рифма» (1949).

⁵ Об этом визите Адамович написал в статье «У Ремизова», посвященной 75-летию писателя (Новое русское слово. 1952. 22 июня. № 14666. С. 8).

⁶ Из 3-й главы поэмы Некрасова «Русские женщины» (1871–1872).

⁷ После 10 июля (*фр.*).

5

9/X-1952
G. Adamovitch
c/o Mrs Davies
104 Ladybarn Road
Manchester 14
England

Дорогой Владимир Сергеевич

Я уж не помню, я ли Вам не ответил — или Вы мне. Вижу только, что переписка наша замерла и что я целый век ничего о Вас не знаю (кроме коротких и иронических — не к Вам, а вообще — рассказов Газданова летом в Ницце и двух-трех слов в письме Яновского).

Как Вы живете? Как все, т. е. все, а не всё? Продолжаете ли разносить какие-то бумаги и томиться? Слышал от Веры Васильевны¹ — под глубокой тайной, так что Вы ее не выдавайте — что Ваши собираются к Вам. Очень рад за Вас, т. к. это то, чего Вы, кажется, хотели. Но душа — потемки, *on ne sait jamais*².

Я опять в Манчестере. Ничего. Летом повеселился или *à peu près*³, теперь надо трудиться. С Чеховск^{им} изд^{ательст}вом у меня переписка⁴, кажется дело налаживается, но книга моя — о литературе в эмиграции⁵ — только в проекте и мечтах. А за мечты денег не дают, надо что-то сочинить и послать. Тема неприятная, *п^{отому}* что все о знакомых. А знакомые все у меня сплошь гении. О покойнике можно написать, что собственно гением он не был, а о живых невозможно, не купив предварительно домика на необитаемом острове. Я бы предпочел писать взгляд и нечто, вообще, обо всем и ни о чем, «за жизнь», как говорит мой Рабинович⁶, но им нужны вещи серьезные и солидные. А Вы — почему ничего у них не устроили? Или устроили? Меня, кстати, одолел и извел совсем Пира, с

просьбами что-то ему у них сделать. А ни я, ни кто — кроме, пожалуй, Алданова — спасти его дельце не может. Мне жаль — не его, а ее, т. е. Марию Ив<ановну>⁷. К нему — каюсь — не очень у меня лежит душа. А она совсем им замучена, во всех смыслах.

Напишите мне, тоже «за жизнь». Мне все как-то страшновато, что мало этой жизни остается, а я все, как неразумные девы⁸ в Евангелии, все думаю: ничего, успею — не книгу глупую написать, конечно, а как-то образумиться, подумать, начать по этой последней тропинке идти... Мешает мне то, что очень я люблю жизнь, именно глупую, и все откладываю расставание с ней, хотя бы в мыслях.

До свидания. Буду ждать письмеца. Где Наталья Владимировна? Если в Н<ью>-Йорке, кланяйтесь ей очень и И<сааку> В<ениаминовичу>⁹. Прегельша приехала в Париж в ужасных расстройставах, а наш друг, кажется, оказался в отношении к ней не на высоте¹⁰. Но ничего другого и не может быть, и чем раньше это выяснилось, тем для нее лучше. А она — не плохой человек.

Ваш Г. А.

¹ Парижская знакомая Адамовича.

² Никогда не знаешь (*фр.*).

³ Как будто (*фр.*).

⁴ Сохранившиеся в Бахметьевском архиве 25 писем Адамовича к редакторам Издательства имени Чехова Вере Александровне Александровой и Татьяне Георгиевне Терентьевой (VAR. Coll. Chekhov Publishing House) недавно опубликованы: «Простите, что пишу Вам по делу...»: Письма Г.В. Адамовича редакторам Издательства имени Чехова (1952–1955) // «Если чудо вообще возможно за границей...»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов / Сост., предисл. и примеч. О.А. Коростелева. М., 2008. С. 203–220.

⁵ Книга вышла через три года: *Адамович Г.* Одиночество и свобода. Нью-Йорк, 1955.

⁶ *Рабинович Яков Борисович* (1897–1964) — студент Петербургского политехнического института (1915–1917), друг Л. Каннегисера, завсегда с собой «Бродячей собаки», после революции — эмигрант, адвокат, член масонской ложи «Юпитер», во время Второй мировой войны руководитель еврейского Сопротивления в Париже, после войны — в Израиле. И.Ф. Мартынов опубликовал автограф Я.Б. Рабиновича на книге «Леонид Каннегисер» (Париж, 1928): «Вспоминаем с Адамовичем. Какая насыщенная и бурная юность. <Говорили обо всем:> от Джона Рескина, Патера, Кузмина, верховой езды, Теодицеи, Шницлера, стихов <до> сладостной смерти — подвига — обо всем, обо всем, только не об Израиле, <не о> сионизме» (*Мартынов И.Ф.* «Последний народоволец»: Новый штрих к портрету Л.А. Каннегисера (1898–1918) // Вестник РСХД. 1990. № 159. С. 207).

⁷ Жена П.С. Ставрова.

⁸ Мф. 25: 1–12.

⁹ *Кодрянский* Исаак Вениаминович (1894–1980) — муж Н.В. Кодрянской; представитель фирмы по производству лампочек «Tungsten», меценат.

¹⁰ У С.Я. Прегель был серьезный роман с А.В. Бахрахом, однако осенью 1952 г. он объявил, что женится на Кирсти. 18 сентября 1952 г. Адамович писал Бахраху: «Только что был — завтракал — у Софьи Юльевны. <...> Разговор был туманный, о каких-то горьких разочарованиях, о верности и о измене, о том, что если бы она приехала раньше, то не страдала бы так теперь... Все это без имен и фактов. Мимоходом она сказала: “да вы сами все знаете” — и отвернулась. Я человек жалостливый, et cela me déchire les entrailles <и у меня все внутри перевернулось (*фр.*)>. В чем-то Вы перед ней виноваты, не знаю

точно, в чем. Может быть, в обещаниях, вызвавших у нее “бессмысленные мечтания”. Но все равно из Вашего предполагавшегося сожительства или брака ничего хорошего не вышло бы, я в этом уверен. Простите, что путаюсь не в свои дела» (BAR. Coll. Bacherac).

6

Manchester 14
104, Ladybarn Road
15/III-1953
(Я через три дня еду в Париж,
где пробуду до 10 апреля —
53, rue de Ponthieu, Paris 8^e)

Дорогой Владимир Сергеевич

Я сейчас прочел «Дневник художника»¹, и мне хочется написать Вам несколько слов. В целом — очень хорошо, и тем хорошо, что не выдумано, и что все, что есть тут оригинального, целиком Ваше (но это я знаю потому, что знаю Вас, а другие Вас не знают). Как всегда у Вас, главное — это какое-то недоумение: что, откуда, куда? Но по-моему — и простите за непрошеную критику! — есть в этом недоумении и в подробном его описании что-то преувеличенное, смакующее, скорей кафко-сартровское (La Nausée²), чем толстовское. А местами, как это ни удивительно, есть Леонид Андреев, и почувствовав это, я подумал: недаром, значит, Сартр проявил к Андрееву интерес. Даже стилистически есть сходство: напр<имер>, вторая половина 94 стр<аницы>, а иногда и выражения: «кто-то любящий», «кто-то еще какой-то». Я не собираюсь Вас ни в коем случае вразумлять плоскими пошлостями насчет чувства меры, насчет того, что «он пугает, а мне не страшно»³, тысячу раз повторенными всякими пошляками, да все такое Вы давно знаете и без меня. Но мне кажется, что в литературе всегда нужно сопротивление себе, а не аппетит к своим странностям и особенностям. В этом смысле «Семь лет» было каким-то вашим подвигом, и в книге этой остался след борьбы, усилия, страсти, «самосожжения», а в «Дневнике» много меланхолии поэтически-прелестной, но именно без суровости к себе, а с жалостью и симпатией к себе. *Ce qui ne même jamais a rien de durable et de vrai!*⁴

Но есть замечательные места, даже чисто описательные — напр<имер>, все про собачку, особенно про четвероногое солнце. Странно, кстати, что Вы такой боящийся, боязливый человек, наделенный даром страха! Это что-то совсем мне чуждое, и не думайте, что я притворяюсь героем. Нет, я просто этого не понимаю. Вот и о страхе смерти я все думаю: пора бы начать бояться! Но наоборот, чем ближе, тем яснее я чувствую «ну, что же, раз все другие, то и я». Напишите мне, какие отзывы о «Дневнике». Едва ли это будет многим по зубам, и я представляю себе все, что всякие дамы будут говорить. Надо бы, пожалуй, было бросить им подачку, т. е. некоторую занимательность, — как шоколадную оболочку к пилюльке. Иначе не проглотят.

До свидания! Как Вы живете? Что нового, если есть новое?

Ваш Г. Адамович

¹ *Варшавский В.* Дневник художника // Новый журнал. 1952. № 32. С. 80–99.

² Тошнота (*фр.*). Роман Ж.-П. Сартра под этим названием вышел в 1938 г.

³ Эти слова Л.Н. Толстого о повести Леонида Андреева «Красный смех» привел в своих воспоминаниях Николай Евгеньевич Фельтен (1884–1940): «Я вот сейчас прочитал статьи Виктора Гюго против смертной казни. Так сильно, горячо написаны!.. Вот это истинный талант!.. А этот нынешний, Андреев, он хочет удивить, хочет напугать меня, а мне не страшно. Он меня не заражает, потому что сам не заражен, огонь у него ненастоящий...» (*Фельтен Н.Е.* Воспоминания // Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1978. Т. 2. С. 304).

⁴ Здесь уже нет больше прочного и подлинного! (*фр.*).

7

104, Ladybarn Road
Manchester 14
9/V-1953

Дорогой Владимир Сергеевич

Очень был рад Вашему письму. Спасибо. А не ответил я на письмо предыдущее по трем причинам:

1) Отсутствие причины. «Так». Неизвестно, почему.

2) Я всегда колеблюсь, отвечать ли на письма, которые уже сами по себе являются ответом. Получается, будто навязываешься на переписку.

3) Вы меня возмутили и разозлили дерзкими нападками на моего любимого автора во всей русской литературе — М.А. Алданова. Конечно, «сами все знаем, молчи!» Но если бы Вы помнили, какой это грустный умный, милый и вежливый человек, то разделили бы мое к нему пристрастие.

Теперь, оставив литературную полемику, о том вопросе, который Вы мне предложили: что, по-моему, будет после смерти? Невзирая на серьезность вопроса, я улыбнулся, читая. До чего это по-русски, до чего в стиле «русских мальчиков»¹, один из коих в Вас сидит!

Что будет после смерти? Самым для меня удивительным было бы одно из двух крайних предположений: первое — что не будет ровно ничего, и все кончается базаровским лопухом на могиле, второе — что все будет так, как ждет и учит церковь — с раем, адом, Страшным судом и т. д. Обе эти крайности — самые для меня невероятные. А самым вероятным кажется пробуждение вроде того, как тут бывает в ноябре: сплошной серый туман, в мозгу тоже туман, не то еще спишь, не то надо двигаться — какая-то сплошная мгла и оцепенение. И даже это было бы великим торжеством! Но у меня всегда чувство, что торжество и есть. Очень хорошо — Вы, верно, помните — сказал о смерти ваш Бергсон: «je l'attends avec curiosité»². Я так мало требую от природы и жизни, что иногда склонен согласиться без всякой обиды, чтобы когда-нибудь через миллионы лет где-нибудь на Юпитере квакнула первая лягушка — и если начнется какое-то существование, то с

моим исчезновением я примиряюсь. Кстати, недавно в «Н<овом> р<усском> слове» была смешная статья Делевского³ о возникновении вселенной: она будто бы произошла потому, что в сгустке материи, пребывавшей в покое, произошел взрыв. Très bien, но вопрос не в этом, а в том — откуда произошел сгусток материи? Так же, как когда говорят: мир создан Богом! Но что было до Бога, откуда он? Это — конечно, вечный тупик, но всякое рассуждение о начале начал, поскольку это рассуждение, а не вера — игра словами.

Так что, дорогой друг, не могу никак удовлетворить Вашего любопытства. Очень извиняюсь. У меня было в жизни два или три сна, очень меня поразивших: я проснулся с твердым чувством, что был на «том свете». И этот «тот свет» так безнадежно-тюремен, что ничего на земле такого и вообразить нельзя. Люди часто думают, что им «там» откроются всякие тайны. Едва ли, едва ли! Будет еще меньше понимания, чем здесь, и «curiosité»⁴ только так я и мыслю, как взгляд на первую ступеньку чего-то дальнейшего, а вовсе не панораму всего.

Теперь вернемся к литературе. Статейки своей о Сирине⁵ я не помню хорошо, а № газеты еще не получил. Но уж очень Вы козыряете его «гением». Он очень способен, c'est le mot juste⁶, гения я его никак не чувствую. Особенно в стихах. А ргорос⁷, как раз Алданов меня уверял летом в Ницце, что я должен, вероятно, на всю жизнь затаить на Сирина злобу из-за того, что он меня вывел в «Даре»⁸. А я никакой злобы не чувствую, честное слово! И вовсе не по всепрощению, а по сгустыводизму, которым все больше проникаюсь. А изобразил он мою статью под видом Мортуса очень талантливо, и я удивлялся: как похоже! Только напрасно намекнул, что Мортус — дама, это его не касается, и притом намек доказывает, что он ничего в делах, его не касающихся, не смыслит! Ну, вот, письмецо вышло длинное. Я только недавно узнал, что Вы живете вместе с Яновским⁹. Писал на конвертах и ему, и Вам адрес, не замечая, что он — тот же самый. Кстати, моя рецензия на «Порт<ативное> бессмертие», верно, уже появилась¹⁰. Я писал с лучшими чувствами, дружескими и литературными, а если автор, как водится, недоволен — то приношу извинения за огорчения. Терапиано, по слухам, потрясен рецензией Р. Гуля, кою я еще не читал. Моей он был огорчен, а тут прямо убит¹¹.

Насчет покера — будто я в Париже играл день и ночь — это клевета и враки. Играл-то играл, но, к сожалению, не все дни и ночи.

До свидания, cher ami. Courage!¹² Неужели нельзя в Вашей Америке найти легкой службу? Если бы Вы сейчас были в Париже, я мог бы, вероятно, устроить Вас лектором в Манчестере. Жизнь весьма приятная, кроме климата и скуки, которой я лично не боюсь.

Ваш Г. А.

Напишите — и будем вести культурный обмен мнений.

¹ Отсылка к роману Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» (Ч. 2. Кн. 5. III).

² «Я жду с любопытством» (фр.).

³ Имеется в виду Юделевский Яков Лазаревич (Янкель Лейзерович) (партийный псевд. — Делевский; литературные псевд. — Валик, Голик, Липин; 1868–1957) — профессиональный

революционер, журналист, участник санкт-петербургского террористического кружка, член заграничной партии социалистов-революционеров, эмигрант. В Париже постоянный сотрудник «Последних новостей», в Нью-Йорке — «Нового русского слова».

⁴ «Любопытство» (фр.).

⁵ Большая, на два газетных подвала, статья Адамовича была посвящена книге В. Набокова «Стихотворения» (Адамович Г. По поводу стихов Влад. Набокова // Новое русское слово. 1953. 29 марта. № 14946. С. 8; 26 апреля. № 14974. С. 8).

⁶ Вот точное слово (фр.).

⁷ Кстати (фр.).

⁸ В набоковедческой литературе об этом эпизоде писали неоднократно. Наиболее подробно: Долинин А. Три заметки о романе Владимира Набокова «Дар» // Владимир Набоков: pro et contra. СПб., 1997. С. 697–740.

⁹ Варшавский жил в одной квартире с В.С. Яновским в Нью-Йорке с 1951 по 1955 г.

¹⁰ Адамович Г. «Портативное бессмертие» // Новое русское слово. 1953. 24 мая. № 15002. С. 8.

¹¹ Речь о рецензиях на книгу Ю.К. Терапиано «Встречи» (Нью-Йорк, 1953): Гуль Р. // Новый журнал. 1953. № 32. С. 309–311; Адамович Г. «Встречи» // Новое русское слово. 1953. 8 марта. № 14925. С. 8.

¹² Здесь: мужайтесь (фр.).

8

4, avenue Emilia
c/o M-me Lesell
Nice (A. M.)
(адрес до начала сентября)
17/VII-53

Дорогой Владимир Сергеевич

Я Вам еще не ответил на первое письмо, а третьего дня получил второе — с упреком, что я не пишу Гринбергу об «Опытах». На днях я ему написал¹. «Опытов» у меня не было: он их послал мне в Англию, а их мне оттуда не переслали. В Париже же их рвали из рук, и я все не мог удосужиться их прочесть. В общем журнал хороший, хотя не без эстетизма, лишнего обоснования. Я об этом Гринбергу откровенно написал. Что Поплавский — лучшее в «Оп<ытах>», нечего и говорить². Все другое рядом кажется мелко и мало талантливо. Внушите Пастухову³, что Ремизова если и можно (или даже надо?) печатать, то не ту ерунду, которую он дал. Кажется, Пастухов там адвокат и поклонник Ремизова. По фальши и ничтожеству его заметки о Дягилеве⁴ — шедевр. Еще я забыл написать Гринбергу о Ninon⁵: ну, воспоминания ее — еще туда-сюда. Но письма Лунца! Я его хорошо знал, этого Лунца. Был неглупый и милый мальчик. Но мало ли чьи письма можно найти! «Кому это интересует?», как говорит Ставров.

Кстати, о Ставрове. Я, м. б., напрасно им сказал, что Вы можете собрать в Нью-Йорке для них деньги. Но Маруся сидела с растерянным видом, вот это мне и подвернулось. Что это трудно, я знаю. К тому же со всех сторон — нищета. Вы хороши

тем, что сами ни к кому не приставали и не кланчили. Это я и сказал Ставровым. Но особенных надежд им не давал. Он (Пира) болен и, по-моему, едва ли будет, как был. У меня к нему не лежит душа, ничего не могу тут поделывать. Но ее мне жаль, особенно с ее верой, что он — писатель, что все его ценят и любят.

Насчет Сирина — спорить больше не будем (как и насчет Марка Александровича). Вы правы — м. б., Сирин и гений, но как будто гений с Сириуса, а не с Земли, где находится все то, что мне интересно и дорого. А вот о том, как и почему бывают одушевлены пейзажи — вопрос другой, много более занимательный. Пейзажи — что! Закаты бывают такие, что почти можно перевести на наш язык, о чем они. Не знаю, я ли лично особенно чувствителен к вечернему небу, но мне кажется, что именно оно — чудо и какое-то знамение природы. Я помню в России, на севере, такие закаты, о которых и сказать нечего: в них было все, и притом именно то, что человек пытается сказать в музыке и стихах. Откуда это?

Будем надеяться, что это не наше обольщение, что действительно откуда-то. Но закаты странно совпадают со всегда потрясающей меня маркионовской (и до него, у греков) теорией, что наш мир — злой, не настоящий, и что истинный Бог зовет нас из него к себе⁶. Се qui⁷ совпадает и с Евангелием, в очень многом. Вот еще о Поплавском, мимоходом: он оттого и царь над всеми бытовиками, что у него всегда есть этот зов, этот голос. Если бы чуть-чуть погуще был у него быт, сквозь который зов слышен, он был бы кандидатом в первые русские писатели. Жаль, что мало сопротивления, мало прорыва: музыка все-таки слишком легко ему дается.

Ну, mon petit, довольно quasi-философской болтовни. Насчет пейзажей и всего прочего есть статья, довольно замечательная, у Вл<адимира> Соловьева, кажется называется «Смысл красоты» или «Значение красоты», что-то в этом роде⁸. Соловьев на все эти темы имел редкий слух и чутье, хотя и доказывал вещи иррациональные с той же рассудительностью, как гимназический учитель доказывает на доске теорему.

Я пребываю в Ницце. Не жарко, но солнце и синее небо, а всюду льют дожди. По мере сил развлекаюсь, и все думаю, когда бес из ребра у меня выскочит. Пора бы, как будто!

От Рейзини получил сейчас очень милое письмецо. Но в Ваши края я попаду едва ли.

До свидания, cher ami. A quand?⁹ Пишите.

Ваш Г. А.

¹ 10 июля 1953 г. Адамович объяснил Гринбергу ситуацию и отозвался о первом номере: «Прежде всего хочу Вам объяснить, почему до сих пор не написал Вам ничего об «Опытах». Вы их мне послали в Манчестер. Вероятно, там они и лежат. Я уехал до их получения... <...> Только перед отъездом сюда, в Ниццу, получил их от Лиды Червинской — и только вчера и третьего дня прочел их полностью. <...> В общем — bravo! Журнал хороший, «культурный» (что par le temps qui court <по нашим временам (фр.)> ценно) а если еще не вполне себя нашедший, то может ли быть иначе?» («Поговорить с Вами долго и длинно и даже посплетничать...»: Переписка Г.В. Адамовича с Р.Н. Гринбергом (1953–1967) // «Если чудо вообще возможно за границей...»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов. С. 374–375).

² В первом номере журнала была опубликована IX глава романа Поплавского «Аполлон Безобразов» (Опыты. 1953. № 1. С. 65–77), которую Адамович оценил очень высоко. 10 июля 1953 г. он писал Гринбергу «Украшение “Опытов”, лучшее, что в них есть — Поплавский. Я в этом так абсолютно уверен, что не понимаю, как можно с этим спорить. Аронсон иронизировал: “Поплавский — явление!” В сто раз больше явление, чем Ремизов, который, в сущности, графоман и плут, не лишенный, конечно, способностей. “Ап<оллон> Безобразов” явно недоработан, но уровень, человеческий и словесный, этой вещи таков, что я просто ахал читая» («Поговорить с Вами долго и длинно и даже посплетничать...»: Переписка Г.В. Адамовича с Р.Н. Гринбергом (1953–1967) // «Если чудо вообще возможно за границей...»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов. С. 375). 28 июля 1953 г. Адамович о том же писал Бахраху: «“Опыты” отдают дилетантизмом, но не лишены свежести по сравнению с “Нов<ым> журналом”. Помимо всего, там есть Поплавский, который почти гениально-талантлив в каждой фразе. Я читал и ахал: не то что “хорошо” в бунинском смысле, а как-то необыкновенно, будто действительно был среди нас Рембо и исчез» (BAR. Coll. Vacherac).

³ *Пастухов* Всеволод Леонидович (1894–1967) — пианист, музыкальный педагог, литератор, музыкальный и литературный критик. С 1921 г. в эмиграции в Латвии, создатель и руководитель музыкальной школы в Риге, с 1939 г. в Польше, Германии, затем в США. Соредатор Гринберга по первым трем номерам «Опытов».

⁴ *Ремизов А.* Дягилевские вечера в Париже // Опыты. 1953. № 1. С. 78–82.

⁵ Имеется в виду Н.Н. Берберова, опубликовавшая материал под названием «Из петербургских воспоминаний: Три дружбы» (Опыты. 1953. № 1. С. 163–180), в приложении были напечатаны 13 писем Л.Н. Лунца к Берберовой с ее примечаниями.

⁶ *Маркион Синопский* (II в. н. э.) — создатель церкви, общины которой просуществовали до VII в. Его учение гностического толка носило синкретический характер, отдельные черты были позаимствованы у первохристиан, ранних гностиков, а также у пифагорейцев и платоников. Согласно учению Маркиона, мир создан демиургом и представляет собой темницу (равно как и тело человека для его души), а настоящий благодетель, не имеющий ничего общего с демиургом, пришел в мир, чтобы освободить человека и возвести его в царство света. Маркионитство было признано одной из наиболее опасных для христианской церкви ересей. Подробно см.: *Иванцов-Платонов А.М.* Ереси и расколы трех первых веков христианства. М., 1877; *Поснов М.Э.* Гностицизм II века и победа христианской церкви над ним. Киев, 1917.

⁷ Что (*фр.*).

⁸ Адамович контаминирует названия статей В.С. Соловьева «Красота в природе» (1889) и «Общий смысл искусства» (1890).

⁹ Когда? (*фр.*).

104, Ladybarn Road
Manchester 14
19/I-54

Дорогой Владимир Сергеевич

Я поджидал сегодня Вашего ответа насчет «Комментариев»¹, но не получил еще. А между прочим, «Ком<ментарии>» почти написаны, я засел за них в последние три дня и все, что думал, записал, теперь только «отстукать» надо и кое-

что добавить. Пошлю, значит, не к 1-му, а дней на 5–6 раньше². Они вышли длинные, но одно за другое внутренне (не внешне) держится, и выбрасывать ничего нельзя бы.

Теперь о мыслях. Я очень люблю Ваши письма, и это отчасти моя «отрада», т. к. с Вами, одним из немногих, можно вести разговор, и сквозь Ваш усталый тон я всегда чувствую больше какой-то бодрости (не совсем то слово), чем у присяжных добрячков. Спасибо за письма. Но при моей задержке с ответами Вы, вероятно, забыли, о чем писали. Ну, ничего. Писали Вы о статье моей «неужели кончилось?»³ Я сам знаю, что кончилось, «неужели» было только риторическим. А отчасти это даже мне приятно, по самолюбию: «мы» были не такие, как нео-чумазые, и когда-нибудь «нас» вспомнят добрым словом. Все это спорно, туманно, грустно, и все упирается в единственный человеческий вопрос: есть ли что-нибудь за? Если есть, мы были правы. Если нет, и нет надежды пробить стену, если дыра и идиотская игра бессмысленных «космических сил», то не прав никто, и уж скорей они. Вот я был в Ницце на Рождество, и беседовал с Алдановым. Он — много лучше, умнее, глубже, чем о нем говорят (и, пожалуй, кажется по его романам). Он уверен совершенно, что дыра, стена и бессмыслица. На меня его уверенность, со стоически-благородным оттенком, произвела впечатление. Я все-таки думаю и надеюсь, даже чувствую, что ему предстоят на том свете сюрпризы.

Воп, довольно философии.

Вы спрашиваете о моей встрече с Карповичем. Было это полтора года назад, летом, в той же Ницце. Сначала встретились в кафе, с тем же Алдановым. Карпович при мне приглашал в «Нов<ый> ж<урнал>» Сабанеева⁴ (музык<ального> критика), не сказав мне насчет журнала ни слова. Но был он крайне любезен, и как-то сам мялся от происходящей неловкости, а уж Алданов весь стул под собой изъерзал. Потом мы обедали с Карповичем у Алдановых. Мило, любезно, умно, культурно, все, что хотите: вышли вместе, а я с чего-то сказал, что мне «в другую сторону» — и с ним распрощался. Вот все. Больше я его не видел. Он мне скорей понравился, и есть в нем что-то естественно-скромное, чего могло бы и не быть.

Что «Опыты»? Поддержите дух Гринберга и самолюбие его! Надо чтобы они были, а в Париже насчет этого никто не уверен. Entre nous⁵, «Опыты» могут погибнуть от Вейдле⁶, совсем неудобочитаемого, особенно в больших дозах. Это утверждает Кантор, и доля правды тут есть. Я советовал Гринбергу пригласить Маклакова⁷. Это все-таки лучше многого, как он ни стар, и разбавит эстетическую настойку «Опытов», очень все-таки чувствуемую. Отчего Вы так скупы сами? Хоть бы советовали Г<ринбергу>, как вести журнал, если сами не пишете: конечно, хорошо, что он упирается от ди-пи и всякого хамства, но налет же-ман-футизма сбавляет этому анти-дипизму цену.

До свидания, дорогой друг. Простите, письмо хотел написать связное, а вышло на редкость бестолковое. Я бы с Вами поговорил с удовольствием не только о Плотине и конце света, но и о всяких житейских развлечениях, к которым все еще ненасытен. И знаете, я думаю, что ничего в этом плохого нет: что бы ни было там, всего здешнего там не будет, и надо же Господу Богу показать, что и здесь нам многое нравилось! Выразил я это глупо, а мысль правильная.

Отчего Вы так устаете на службе? Как вообще живете? Что-то хорошее, слышал я, написали — что и для кого?⁸ Je vous aime bien⁹, честное слово! Всегда очень рад Вашему письму.

Ваш Г. Адамович

¹ Речь об очередной порции «Комментариев», предназначавшейся для нового номера «Опытов», который вышел в свет через три месяца (Адамович Г. Комментарии // Опыты. 1954. № 3. С. 94–114).

² Редактору «Опытов» Р.Н. Гринбергу Адамович писал 1 января 1954 г.: «Приехал на праздники в Ниццу и хотел отсюда послать Вам “Комментарии”. Но здесь нет переписчицы — и поэтому откладываю присылку до возвращения в Париж и в Англию. Простите за неаккуратность. Надеюсь, что Вас не очень подвожу. Рукопись будет у Вас между 15–20 января au plus tard <самое позднее (фр.)>» («Поговорить с Вами долго и длинно и даже посплетничать...»: Переписка Г.В. Адамовича с Р.Н. Гринбергом (1953–1967) // «Если чудо вообще возможно за границей...»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов. С. 386–387). 24 января 1954 г. Адамович сообщил Р.Н. Гринбергу, что «Комментарии» высланы (Там же. С. 387).

³ В статье под названием «Неужели это кончилось?» (Новое русское слово. 1953. 22 ноября. № 15184. С. 8) Адамович высказывал мнение, что русская молодежь теряет интерес к «чаяниям бесконечности».

⁴ Сабанеев Леонид Леонидович (1881–1968) — музыковед, композитор, с 1926 г. в эмиграции во Франции, преподаватель Русской консерватории имени С.В. Рахманинова, сотрудник «Современных записок» и «Нового журнала», в послевоенные годы постоянный собеседник Адамовича в периоды отдыха в Ницце.

⁵ Между нами (фр.).

⁶ Первый номер «Опытов» открывался большой статьей В.В. Вейдле «Европейская литература» (с. 5–27), во втором была опубликована его столь же большая статья «Об иллюзорности эстетики и о жизненной полноте искусства» (с. 41–62), в третьем — «На смерть Бунина» (с. 80–93). Вейдле и позже, в период редакторства Ю.П. Иваска, часто печатался в «Опытах» (в 4, 7 и 8-м номерах), но уже не с такими объемными и сложными текстами.

⁷ 1 января 1954 г. Адамович писал Гринбергу: «Не думаете ли Вы, что “Опыты” могли бы попросить статьи у Маклакова? А то он пишет для “Возрождения”, которое больше похоже на помойную яму, чем на журнал. Помимо того он с удивлением говорил, что “Опыты” — единственное в эмиграции издание, которое ему не присылают. Его адрес — 5 rue Regu, Paris 6^e» («Поговорить с Вами долго и длинно и даже посплетничать...»: Переписка Г.В. Адамовича с Р.Н. Гринбергом (1953–1967) // «Если чудо вообще возможно за границей...»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов. С. 387).

⁸ Возможно, речь о готовящейся публикации Варшавского под названием «Отрывок» (Опыты. 1954. № 3. С. 52–69).

⁹ «Я Вас очень люблю» (фр.).

104, Ladybarn Road
Manchester 14
28/I-54

Дорогой Владимир Сергеевич

Я отправил Гринбергу «Комментарии» дня три-четыре тому назад и очень его просил прислать корректуру¹, с обещанием вернуть ее par retour du courrier². Если Вы его видите, повлияйте на него в этом смысле. Только автор видит некоторые опечатки, а я от них страдаю почти физически. Но это к Вам — не просьба, я Вас и так уже просьбами одолел, а так, «дельце», при случае, если Гринберга Вы видите. Но, кстати, есть и другое дело: он обещал поместить в № 3 стихи Эвальда, т. е. Кантора³. Не знаю, известно ли ему, кто это Эвальд. Должно у него быть 6 стихотворений, а то и больше. Мих<аил> Львович, кажется, очень ждет их появления, а я боюсь, что Гринберг их отложит. Конечно, тут нужно бы деликатно разузнать, печатает ли он эти стихи и весь ли цикл. Стихи хорошие, лучше доброй половины тех, которые Иваск набил в свою антологию⁴. Конечно, они бледноваты и сдержанны, но «что-то» в них есть, как есть и в нем самом. По нашей общей к нему симпатии надеюсь, Вы за него заступитесь, в случае если будет надобность.

А еще — два слова о Боратынском, которого Вы неожиданно открыли. Это действительно замечательный поэт, хоть и не очень талантливый (сравнительно с Пушкиным или Тютчевым). Он был бы величайшим у нас мастером, если бы при всем своем мастерстве стирал и пот со своих стихов, от слишком большого труда (что делал Бодлэр, тоже не очень талантливый). Но есть что-то банальное и плоское в его мудрости. Прочтете: как будто очень умно, глубоко, куда же Пушкину! Но в сущности его ум — сплошь из умных «общих мест», без подлинной оригинальности. Конечно, надо сделать расчет на время: м. б., тогда это и было оригинально. Кроме того, он «умничает», показывает ум, что лично я не люблю. Но зато я очень у него люблю что-то, что кажется мне сплошь черно-белыми тонами, без красок, без метафор и всякий роскоши, как в удивительном (для меня!) — «Мой дар убог...». И еще: «Царь небес, успокой...» — с удивительным концом о «строгом рае». А вообще-то конечно, это из лучшего, что у нас было, и Белинскому зачтется, что он назвал его «паркетным шаркуном»⁵, или что-то в этом роде. До свидания. «Как живется Вам, как можется?»⁶ (это, увы, не Боратынский, а Цветаева).

Крепко жму руку.

Ваш Г. А.

¹ 24 января 1954 г., посылая Гринбергу «Комментарии», Адамович просил: «Если есть возможность, если хотите сделать мне большое одолжение: пришлите корректуру. Верну в тот же день» («Поговорить с Вами долго и длинно и даже посплетничать...»: Переписка Г.В. Адамовича с Р.Н. Гринбергом (1953–1967) // «Если чудо вообще возможно за границей...»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов. С. 387).

² «С обратной почтой» (*фр.*).

³ 23 августа 1953 г. Адамович писал Гринбергу: «...посылаю 6 стихотворений К. Эвальда (псевдоним: если хотите, могу его Вам раскрыть, но только Вам). <...> По-моему, в них есть настоящее своеобразие, есть мысль и чувство. Чисто словесные их качества, м. б., и бледноваты (не всегда). Но есть внутренняя жизнь, чего нет в 99 % обычных теперешних стихов» («Поговорить с Вами долго и длинно и даже посплетничать...»: Переписка Г.В. Адамовича с Р.Н. Гринбергом (1953–1967) // «Если чудо вообще возможно за границей...»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов. С. 379). Стихи Эвальда-Кантора в «Опытах» напечатаны не были.

⁴ На Западе: Антология русской зарубежной поэзии / Сост. Ю.П. Иваск. Нью-Йорк, 1953.

⁵ О «паркетной музе» Боратынского Белинский писал в статье «О стихотворениях г. Боратынского» (Телескоп. 1835. Т. XXVII. № 9. С. 123–137).

⁶ Адамович неточно цитирует стихотворение М.И. Цветаевой «Попытка ревности» (1924). У Цветаевой: «Как живется Вам — здоровится — / Можется? Поется как?»

11

104, Ladybarn Road
Manchester 14
15/II-54

Cher ami Владимир Сергеевич

Прежде чем продолжить идеологически-философскую полемику о Боратынском, хочу спросить Вас: получил ли Яновский мое письмецо? Я писал ему дней 8–10 назад, но не помню, чтобы письмо опустил в ящик¹. А письма нет. У меня голова совсем продырявилась, и скоро мне нужна будет нянька.

Насчет Боратынского Вы, конечно, правы (даже чересчур — допуская, что он был «не особенно умный человек»), но и я прав. Мы друг друга просто не поняли, и о разном говорили. Вы правы, что он в чувствах, в словах о чувствах, в анализе их — тонок и оригинален необычайно. Его стихи о любви, даже иногда шуточные, самый тон этих стихов — все это unique, хоть и без тютчевской неотразимой «патетичности» и непосредственности. Но я считал Вас философом, думал, что Вы не на это у него обратили главным образом внимание, а на философию, — т. е. такие стихи, как «Пока человек естества...», «Предрассудок»² и т. д. (у меня нет здесь его книги, вспоминаю как могу). Вот это мне и кажется в сущности — *des lieux communs*³, несколько претенциозно поданные. В русской литературе вообще мало мысли, кроме Достоевского и еще немногих, — Боратынский выделяется тем, что думает (как в точности сказал о нем Пушкин⁴), но думает он хоть и сосредоточенно, а все-таки без настоящей глубины. Он à priori, принципиально в оппозиции общему мнению, всякому: зная это, легко заранее знать, что он скажет на такую-то тему, вроде как легко найти звезду по математическим данным о небе. Кстати, насчет Пушкина. Вы, по-моему — простите! — тоже преувеличиваете: «колоссальный ум» и т. д. Удивительный в своей точности ум и обаятельный, но в границах, и во всяком случае не испытывавший случая проверить себя, не быв-

ший на тех экзаменах, которые держали другие. Баратынский, м. б., завидовал Пушкину, как Сальери, но и смотрел на него чуть-чуть свысока («Глас, общий глас...»⁵ — в большом стихотворении, не помню названия: это будто бы о Пушкине, по всем комментариям). Ну, довольно. В общем, конечно, Б<оратынский> — душка, чудо и прелесть, и если бы все наши «молодые» поэты сообща написали бы одно его стихотворение, это стоило бы всей антологии Иваска. До свидания, cher ami.

Сегодня получил первый кусочек корректуры от Гринберга, и сегодня же ее возвращаю. Мне было бы очень интересно знать, что Вы думаете об этих «Комментариях». Там есть кусок из наших с Вами политических споров.

Ваш Г. А.

Спасибо за лестную вырезку⁶. Par le temps qui court⁷ никакими поклонниками и союзниками пренебрегать нельзя!

¹ Среди писем Адамовича В.С. Яновскому, хранящихся в Бахметьевском архиве (BAR. Coll. Yanovsky. Box 1. Folder 1), такого письма нет.

² Речь о стихотворениях Е.А. Баратынского «Приметы» («Пока человек естества не пытал...») (1839), «Предрасудок! он обломок...» (1841).

³ Общие места (фр.).

⁴ Имеется в виду известное высказывание А.С. Пушкина из статьи <«Баратынский»> (1830): «Он у нас оригинален — ибо мыслит. Он был бы оригинален и везде, ибо мыслит по-своему, правильно и независимо, между тем как чувствует сильно и глубоко» (*Пушкин А.С. Полн. собр. соч.*: В 16 т. М.; Л., 1949. Т. 11: Критика и публицистика, 1819–1834. С. 185–186).

⁵ Адамович по памяти приводит цитату из стихотворения Баратынского «Осень» («И вот сентябрь! замедля свой восход...») (1836–1837). У Баратынского: «Глас, пошлый глас, вещатель общих дум...» В.Я. Брюсов в биографической справке о Баратынском писал: «Поэт, конечно, сознавал величие Пушкина, в письме к нему лично льстиво предлагал ему “возвести русскую поэзию на ту степень между поэзиями всех народов, на которую Петр Великий возвел Россию между державами”, но никогда не упускал случая отметить то, что почитал у Пушкина слабым и несовершенным (см., например, отзывы Баратынского о “Евгении Онегине” и пушкинских сказках в письмах к Киреевскому). Позднейшая критика прямо обвиняла Б<аратынского> в зависти к Пушкину и высказывала предположение, что Сальери Пушкина списан с Баратынского. Есть основание думать, что в стихотворении “Осень” Баратынский имел в виду Пушкина, когда говорил о “буйственном несущемся урагане”, которому все в природе откликается, сравнивая с ним “глас, пошлый глас, вещатель общих дум”, и в противоположность этому “вещателю общих дум” указывал, что “не найдет отзыва тот глагол, что страстное земное перешел”. Известие о смерти Пушкина застало Баратынского в Москве именно в те дни, когда он работал над “Осенью”. Поэт бросил стихотворение, и оно осталось недовершенным» (*Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*. СПб, 1911. Т. 5. Стб. 173–180).

⁶ Возможно, вырезка представляла собой появившуюся неделей раньше статью Аронсона, в которой тот благожелательно отзывался о стихах Адамовича в антологии «На Западе» (*Аронсон Г. Русская поэзия за рубежом // Новое русское слово*. 1954. 7 февраля. № 15261. С. 8).

⁷ По нашим временам (фр.).

104, Ladybarn Road
Manchester 14
25/V-54

Дорогой Владимир Сергеевич

Я не знаю, кто кому не ответил, вероятно — я Вам. Простите, если так. Но сегодня я пишу Вам, чтобы сказать, что я прочел Ваш отрывок в «Опытах»¹ и нахожу его прелестным и замечательным. Думаю только — вернее, догадываюсь — что далеко не все будут такого мнения, и знаю наперед, какие возражения и критика будут сделаны. Но не верьте им: Вы — настоящий писатель, и мои чувства к Вам тут ни при чем. После Вас я просто не в силах был читать Набокова², при всем его удивительном таланте: до чего хлестко, пусто, шикарно, лживо-блестяще, и в конце концов ни к чему! Какой-то сплошной моветон, рассчитанный на то, чтобы прельщать, но лично во мне только вызывающий скуку. Но вот что: зачем Вы обидели Рейзини?!³ Портретно так, что не узнать нельзя, и обидно до крайности, хоть к концу и смягчено. Зачем? Он — «добрый малый», не мог из-за денег измениться до неузнаваемости, а глупую важность из-за миллионов — можно и простить. Правда, этот Ваш выпад меня удивил и огорчил. Он, вероятно, очень уязвлен.

Третьего дня я ездил в Бирмингем на свидание с Гринбергами⁴ (полдороги между Лондоном и Манчестером). Зачем, собственно говоря, он жаждал меня видеть, я не понял. Я думал — поговорить о будущих «Опытах», как и что. Но «Опыты», по-видимому, кончаются⁵. Мы очень мило втроем позавтракали, но разговор был о том, о сем и ни о чем. Слышал, что Вы бросили место⁶. Довольны ли новой работой, и дает ли она Вам достаточно денег? Если соберетесь мне ответить, имейте в виду, что я здесь числа до 12 июня, а потом — Париж, обычный адрес. Скажите, пожалуйста, Яновскому, что я благодарю его за письмо и отвечу скоро, сейчас у нас экзамены и много возни.

До свидания.

Ваш Г. А.

¹ *Варшавский В.* Отрывок // *Опыты*. 1954. № 3. С. 52–69.

² В том же номере были опубликованы три первых главы набоковской автобиографии: *Набоков В.* Воспоминания // Там же. С. 3–49.

³ Большая часть «Отрывка», рассказывающего о первом посещении Варшавским Нью-Йорка, была посвящена встрече с Н.Г. Рейзини, выведенным под именем Рагдаева: «Владимир Рагдаев принадлежал в Париже к кучке последних русских мальчиков, собиравшихся по ночам в монпарнасских кафе для споров о Боге и справедливости, как по Достоевскому и полагается русским мальчикам. Эмигрантский воздух оказался для них особенно губителен. Никого не удивляло, когда кто-нибудь из них умирал от чахотки или кончал самоубийством. <...> Но то, что один из нас стал миллионером, возбуждало любопытство, как нарушение некоей закономерности. <...> Он ужасно потолстел. Туловище стало тучное и тяжелое, а таз раздался, как у рожавшей женщины» (*Варшавский В.* Отрывок // Там же. С. 56–69).

⁴ В мае 1954 г. Р.Н. Гринберг с женой приезжал в Англию и 14 мая отправил Адамовичу коротенькое послание, уславливаясь о встрече: «Напишите мне в отель Кингслей в Лондон Ваш № телефона. По приезде хочу Вас вызвать и сговориться о свидании. 21-го мы, вероятно, будем заняты (я по делу), а в субботу или в воскресенье мы для Вас» («Поговорить с Вами долго и длинно и даже посплетничать...»: Переписка Г.В. Адамовича с Р.Н. Гринбергом (1953–1967) // «Если чудо вообще возможно за границей...»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов. С. 388). После этого их переписка затихла, возобновившись лишь в 1959 г., когда Гринберг задумал альманах «Воздушные пути».

⁵ «Опыты» не прекратились, но Гринберг ушел из журнала, и следующие номера выходили уже под редакцией Ю.П. Иваска.

⁶ В первые годы пребывания в Нью-Йорке В.С. Варшавский сменил ряд работ, в частности был курьером в ООН.

13

4, avenue Emilia
c/o M-me Lesell
Nice. — France
13/VIII-54

Я здесь до 10 сентября, потом — Париж, обычный адрес.

Дорогой Владимир Сергеевич

Мне трудно ответить точно на Ваш вопрос о моих статьях¹. Кое-что общего характера было в «Совр<еменных> записках» — например, «Несостоявшаяся прогулка»² (кот<орую> я когда-то читал у Фондаминского³), «Письмо туда»⁴ и др. Но больше было в «Послед<них> новостях»⁵.

Я сейчас занят разбором разных вырезок, для книги в Чех<овском> изд<ательстве> (не уверен, что выйдет — отчасти по моей вине).

Есть в «Послед<них> новостях» статья «Жизнь и жизнь»⁶, спор с Ходасевичем — как раз на общие эмигрантс<кие> темы. Но на вырезке не указан год. Однако на обороте есть объявление о вышедшей 57-й книге «Совр<еменных> записок». Думаю, что это даст Вам возможность установить время появления статьи. Еще есть статья «Парижские впечатления»⁷ — по-видимому, 12 апреля 1933, 34 года (скорей 34). Да, «Жизнь и “жизнь”» — № 4 апреля, но год установите по «Совр<еменным> запискам».

Еще: «Поэзия здесь и там»⁸, 25 октября, год не знаю.

На мою полемику с Ходасевичем был ответ Цетлина в «Совр<еменных> записках», на те же темы⁹. Это может Вам пригодиться.

Затем «Комментарии» — в «Числах» и кое-что такое же в «Совр<еменных> записках»¹⁰.

Voilà. Больше ничего сообщить не могу. Кстати, мне показывала Червинская статью Федотова о парижской литературе¹¹, очень для меня лестную. Кажется, она была в 1942 г. в «Ковчеге» или что-то вроде. Это я Вам пишу не чтобы хвастаться,

хотя должен признаться — я был польщен, прочтя ее, п<отому> что Федотов, со всеми его недостатками, c'était quelqu'un¹².

Насчет издания сборника статей — как Вы пишете — ничего ответить не могу. Когда-нибудь, может быть. Но едва ли, — да и к чему? Все все равно кончится лопухом, а я к лопуху все ближе, и всякая суетность мне все безразличнее. Что Пруст, умирая, что-то писал и дописывал — вечный предмет моего удивления. М. б., он был прав, но я этого не понимаю. Не думайте, что я при этом с ним себя хоть на 1/10000 сравниваю. Je sais ce que je suis¹³, в обе стороны.

До свидания, дорогой друг. Негодую — упорно — на Вас за Рейзини. Зачем, для чего было это делать? Пушкин сказал:

«что чувства добрые я лирой пробуждал»¹⁴.

Вечный закон, и, например, Щедрин оттого в конце концов и провалился, при огромном таланте, что законом этим пренебрег.

До свидания. Крепко жму руку. Несмотря на Рейзини, хочу сказать, что я Вас люблю дружески и верно.

Ваш Г. А.

Да, «Неужели это кончилось» было в «Н<овом> р<усском> с<лове>» зимой, а когда именно — не помню¹⁵.

У Вас на конверте написано 126 street. Ошибка? Всегда было 122.

¹ Варшавский расспрашивал Адамовича о его публикациях, по-видимому, для соответствующей главы «Незамеченного поколения».

² Адамович Г. Несостоявшаяся прогулка // Современные записки. 1935. № 59. С. 288–296. В переработанном виде статья вошла в книгу «Одиночество и свобода» под названием «Сомнения и надежды».

³ Речь идет об одном из первых собраний объединения «Круг», созданного И.И. Бунаковым-Фондаминским в 1935 г.

⁴ Адамович Г. «Туда» // Современные записки. 1937. № 64. С. 235–245.

⁵ В газете «Последние новости» Адамович с 1928 по 1940 г. опубликовал более двух тысяч статей и заметок. Библиография его публикаций в «Последних новостях», подготовленная для тома «Литературных заметок» в составе Собрания сочинений Адамовича, публикуется в настоящем издании.

⁶ Адамович Г. Жизнь и «жизнь» // Последние новости. 1935. 4 апреля. № 5124. С. 2.

⁷ Он же. Парижские впечатления // Там же. 1934. 12 апреля. № 4767. С. 2.

⁸ Он же. Поэзия здесь и там // Там же. 25 октября. № 4963. С. 3.

⁹ Цетлин М. О современной эмигрантской поэзии // Современные записки. 1935. № 58. С. 452–461.

¹⁰ Полный список публикаций Адамовича этого жанра см. в статье: Коростелев О.А. Адамович Георгий Викторович: «Комментарии» // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940): В 3 т. М., 1999. Т. 3. Ч. I. С. 47–51; то же: Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918–1940: В 3 т. М., 2002. Т. 3: Книги. С. 26–28. См. также издание: Адамович Г.В. Собрание сочинений: Комментарии / Сост., послесл. и примеч. О.А. Коростелева. СПб., 2000.

¹¹ Федотов Г.П. О парижской поэзии // Ковчег: Сборник зарубежной русской литературы. Нью-Йорк, 1942. № 1. С. 189–198.

¹² Это нечто (*фр.*).

¹³ Я знаю, что я собой представляю (*фр.*).

¹⁴ Из стихотворения А. С. Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» (1836).

¹⁵ См. примеч. 3 к письму 9 наст. публ.

14

104, Ladybarn Road
Manchester 14
9/X-54

Дорогой Владимир Сергеевич

Я как раз собирался Вам писать, а приехав в Манчестер третьего дня, получил Ваше письмо.

Очень рад, что «Опыты» будут выходить. Мне Гринберг, с тех пор как я его видел в Париже, ни разу не написал, и я решил, что значит «Опытов» не будет. Мне в голову не приходило (и, кажется, никому в Париже), что М<ария> Сам<ойловна> будет их продолжать без него¹. Отчего он это дело бросил? Казалось, он был им очень увлечен.

Иваск — редактор: что же, я скорей этому рад. Он — «свой человек», очень тонкий, но, пожалуй, с перевесом тонкости над ясностью в мыслях. Вы спрашиваете советов: как вести журнал?

Единственное, что могу издали сказать, это что надо найти среднюю линию между эстетско-снобизмом и хамство-дипизмом. С Иваском безразличие ко всему общественному может восторжествовать (как в «Числах»). Надо, чтобы было не только любование прелестью мира, но и тревога о судьбах мира: это, по-моему, главное. Красота, может быть, и «спасет мир», но не всякая, и не такая, которой ни до чего нет дела. Ну, Вы понимаете сами — что я Вам буду советовать! Советовать пришлось бы, пожалуй, не для общей линии, а при выборе очередного материала: что помещать, что возвращать. Вся трудность редактирования в этом, и в тех мелочах — заметках, рецензиях и т. д., — которые дают журналу физиономию, больше чем статьи. У нас мало осталось людей нужных и ценных: все — на том свете, или почти все. Я, например, Степуна не люблю, а теперь думаю о нем как о возможном столпе журнала, если он вместо сипета² займется чем-либо другим. Кто такой Ульянов?³ Что-то в этом человеке есть, хотя хорошо бы он сделал, если бы писал менее прямолинейно, авторитетно и шикарно.

Et ainsi de suite⁴.

Очень рад, что Вы пишете книгу. И за Вас, и вообще! Я свою все никак не могу кончить, даже наполовину. Летом я веселился и бездельничал, а сейчас приступил и буду писать срочно. Обещал Александровой⁵ все прислать в октябре, ну пришлю не все, а кое-что, а в ноябре — все⁶. Надеюсь, malentendu⁷ не будет, хотя я с ними (судя по прошлой переписке) ни в чем не уверен. Все мои денежные планы на них построены, но это — не для огласки, а конфиденциально. Здесь на

меня обрушился налог за прошлое, целый капитал, а любовь на старости лет требует денег.

В Париже — тоска и вопли со всех сторон. Жорж Иванов — полутруп, и, по моему, долго не протянет, Вы бы его не узнали. Одоевцева была бы весела, как пташка, если бы не тяготилась супругом и деньгами. Лида в полном отчаянии, словом, все у всех грустно и плохо. Видел с удовольствием и отрадой Нат<алью> Владимировну⁸, обедал у них в обществе Прегельши (тоже какие-то драмы!), Веры Николаевны и Зурова. Это — одно из редких приятных воспоминаний о Париже.

Напишите о себе. У Вас что-то с ногой⁹: что, и насколько это серьезно или неудобно? Буду очень, очень, очень рад, если приедете летом в Париж. Но приезжайте в июне, п<отому> что в июле начнется общий разъезд, в частности — мой.

А насчет того, что будет после смерти, ничего не знаю. И чем дальше живу — тем знаю меньше.

Ваш Г. А.

¹ Подробнее об этом см. в публикациях: Журнал «Опыты» (Нью-Йорк, 1953–1958): Исследования и материалы / <Сост. О.А. Коростелев> // Литературоведческий журнал. М., 2003. № 17; «Мария Самойловна, не оставляйте “Опытов”!» (О прекращении журнала. По письмам из архива М.С. Цетлиной) / Публ., вступ. заметка и коммент. М. Пархомовского // Русские евреи в Америке. Кн. 1 (Русское еврейство в зарубежье. Т. 12) / Ред.-сост. Э. Зальцберг и М. Пархомовский. Иерусалим; Торонто; М., 2005. С. 187–208.

² Адамович имеет в виду статью: *Степун Ф.* Кино и театр // Опыты. 1953. № 2. С. 63–80. В период редакторства Иваска в «Опытах» появились статьи Степуна на другие темы: *Он же.* Искусство и современность // Там же. 1956. № 6. С. 28–37; *Он же.* «Новоградские» размышления по поводу книги В.С. Варшавского «Незамеченное поколение» и дискуссии о ней // Там же. 1956. № 7. С. 45–57; а также рецензия на книгу С.А. Щербатова «Художник в ушедшей России» (Там же. 1956. № 6. С. 104–106).

³ *Ульянов Николай Иванович* (1904/1905–1985) — историк, критик, прозаик. До войны был преподавателем Архангельского педагогического института (1930–1933), затем старшим научным сотрудником Постоянной историко-археологической комиссии при АН СССР (Ленинград, 1933–1936). В 1936 г. его арестовали, отправили на Соловки и освободили из заключения в 1941 г., тут же мобилизовав на окопные работы под Вязьмой, где он вскоре попал в плен, бежал, осенью 1943 г. отправлен в Германию в рабочие лагеря. После войны Ульянов жил под Мюнхеном, с 1947 г. в Марокко (Касабланка), с 1953 г. в Канаде, преподавал в Монреальском университете. В 1955 г. переехал в США, преподавал русскую историю в Йельском университете (1956–1972). С начала 1950-х гг. Ульянов, подписываясь как своей фамилией, так и многочисленными псевдонимами (Н. Шварц-Омонский, Н. Бурназельский и др.), выступал с критическими статьями в «Возрождении», «Новом журнале», «Опытах», «Воздушных путях», «Новом русском слове» и других эмигрантских изданиях.

⁴ И так далее (*фр.*).

⁵ *Александрова Вера Александровна* (урожд. Мордвинова, по мужу Шварц; 1895–1966) — журналистка, литературный критик, сотрудник «Коммерческого телеграфа» и «Утра России». В 1922 г. выслана за границу вместе с мужем С.М. Шварцем. Жила в Берлине, сотрудничала с журналом «Социалистический вестник», перед Второй мировой войной переехала в Нью-Йорк, в 1952–1956 гг. была главным редактором Издательства имени Чехова.

⁶ 26 октября 1954 г. Адамович послал редактору Издательства имени Чехова очередную порцию материала для своей книги «Одиночество и свобода»: «Вот еще две главы. Дней через 10–15 пришло еще — вероятно, об Алданове и Зайцеве. Остается еще одна, вероятно довольно большая, вступительная статья (и конец главы о Ремизове)» («Простите, что пишу Вам по делу...» Письма Г.В. Адамовича редакторам Издательства имени Чехова (1952–1955) // «Если чудо вообще возможно за границей...»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов. С. 212).

⁷ Недоразумение (*фр.*).

⁸ Незадолго до того, 6 декабря 1953 г., Адамович писал Н.В. Кодрянской: «Володя Варшавский пишет мне редко и, по-видимому, живется ему не совсем так, как он от Америки ждал. Мне жаль, что ему мало остается время для писания и даже чтения. Он ведь — не из породы Газдановых, который присел к столу и сочинил рассказ, — и ведь в этом-то его тяжелодумии именно и все значение того, что он пишет» (Leeds. MS 1408).

⁹ У В.С. Варшавского был хронический артрит.

15

104, Ladybarn Road
Manchester 14
30/X-54

Дорогой Владимир Сергеевич

Отчего Вы не ставите числа на письмах? Собирался ответить Вам на ваше последнее письмо, и не знаю, когда оно писано. Кажется, совсем недавно.

Отвечаю по порядку, как человек аккуратный.

«Опыты». Я в переписке *très suivie*¹ с Иваском². Он мне по письмам очень симпатичен, и, по-видимому, вообще мил и искренен. В Париже его почему-то невзлюбили (по сведениям Неточки³), но это — какие-то личные счеты, Ставрова и К°. Кстати, Ставров — будто бы мой приятель. Но нет на свете человека более себялюбивого, самолюбивого, самомнящего и т. д. В оправдание можно сказать, что он — болен. Мария Ивановна по природе лучше, но она — его тень. (Все это — *entre nous*, как вообще всегда *все*.)

Гринберг, по-видимому, спятил на Сирине и его гениальности⁴. Было время, он носился с Маяковским. По-моему, «Опыты» должны бы остаться вне Сирина, — не браня его, конечно, по глупому примеру «Чисел», но и не интересуясь им. «Il n'est pas de la maison»⁵, и если даже его мэзон лучше, то это дом — не наш, и у меня лично нет никакого желания туда переселяться.

Вообще, было бы хорошо, если бы «Опыты» (если только они не лопнут на одном номере!) приняли позицию ответственности за лучшее русское «прошлое — будущее», без эстетического холода и без общественного узколюбия, не с презрением к дипийству, а с попыткой им объяснить, что не все их жанром и складом исчерпывается. Ну, Вы понимаете сами. И это должна бы быть Ваша роль в «Опытах», поскольку Иваск — слегка одуванчик, со всеми соответствующими прелестями, но, кажется, без стержня.

Рейзини. О нем мне недавно писал Яновский, тоже с предложением замолвить словечко о моих налогах. Нет, пожалуйста — ничего такого не делайте. В-первых — если бы надо, я бы написал сам. Во-вторых — летом, проигравшись, я ему и написал вопль, мгновенно принесший солидные результаты. Но у меня есть к Вам другая просьба, если Вы его видите. Меня просил написать ему Жорж Иванов, и я обещал. Но мне неловко просить еще и о друзьях, не только о себе. Если Вы Рейзини можете увидеть, передайте ему просьбу Жоржа, скажите, что я с ним вполне в мире⁶, и был бы рад, если бы он ему помог. Жорж болен, растерян, и хотя финансово это бездонная бочка, все-таки им деньги очень нужны (28, rue Jean Giraudoux, Paris 16^e). Пожалуйста, сделайте это, если можно. Меня как-то терзает, что я Жоржу обещал, а ничего до сих пор не сделал.

Вы спрашиваете о Jean Perin и Юре⁷. О Жане — не знаю ничего, Юра в Касабланке, женился и отец семейства. Я в Ницце встречался с его дядей, а сам он мне очень давно не писал. Я не совсем понимаю, что у Вас с ногой и отчего «нельзя вылечить». Что это, в костях? Вы были всегда спортивным жен-омом⁸, а вдруг хромаете! C'est la fin des haricots⁹.

Да, о моей книге и Чех<овском> изд<ательст>ве. Я послал им уже страниц 175, на днях пошлю еще. Ничего общего с «Комментариями», как Вы предполагаете! Длиннейшие рассуждения о разных эмигр<антских> писателях (старших). Скука крайняя. Конечно, я кое-что беру из давних вырезок, но все это приходится наново комбинировать. Между прочим, Терапиано мне сказал, что они заказали историю эмигр<антской> литературы Глебу Струве¹⁰, из опасения, что парижанин стал бы слишком превозносить все парижское. Надеюсь, что этот заказ не совпадает с моей книгой. У меня — ничуть не история, а взгляд и нечто.

Что пишете Вы — мне не вполне ясно. Очевидно, тоже взгляд и нечто, но о чем? О генералах вообще, или о генералах 12-го года?

До свидания, cher ami. Кланяйтесь, пожалуйста, друзьям, если они у меня в Н<ью>-Йорке есть, и, конечно, Кодрянским.

Ваш Г. А.

¹ Очень регулярной (фр.).

² Половина сохранившихся писем (100 из 196) опубликована: Сто писем Георгия Адамовича к Юрию Иваску (1935–1961) / Предисл., публ. и коммент. Н.А. Богомолова // Диаспора: Новые материалы. V. Париж, СПб., 2003. С. 402–557.

³ Элькан Анна Морисовна (Морицевна, Моисеевна) (урожд. Абельман; ?–1962) — поэтесса, мемуаристка, хозяйка литературного салона, секретарь Союза писателей и поэтов. См. о ней: Крейд В. Неточкин салон: О салоне Анны Элькан // Русское еврейство в зарубежье. Т. 3 (8). Иерусалим, 2001. С. 121–130.

⁴ Подробнее об их взаимоотношениях см. в публикациях переписки: «Дребезжание моих ржавых русских струн...»: Из переписки Владимира и Веры Набоковых и Романа Гринберга (1940–1967) / Публ., предисл. и коммент. Рашита Янгирова // In memoriam: Исторический сборник памяти А.И. Добкина. СПб.; Париж, 2000. С. 345–397; Друзья, бабочки и монстры: Из переписки Владимира и Веры Набоковых с Романом Гринбергом. 1943–1967 / Вступ. ст., публ. и коммент. Рашита Янгирова // Диаспора: Новые материалы. I. Париж; СПб., 2001. С. 477–556.

⁵ Он вне этого дома (*фр.*).

⁶ Подробнее об этом см. в публикации их переписки: Эпизод сорокапятилетней дружбы-вражды: Письма Г.В. Адамовича И.В. Одоевцевой и Г.В. Иванову (1955–1958) // «Если чудо вообще возможно за границей...»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов. С. 449–552.

⁷ Близкие друзья Адамовича.

⁸ Калька с фр. *jeune homme* — молодой человек.

⁹ Это полный крах (*фр.*).

¹⁰ Книга была опубликована через два года: *Струве Г.П.* Русская литература в изгнании: Опыт исторического обзора зарубежной литературы. Нью-Йорк: Изд. имени Чехова, 1956.

16

104, Ladybarn Road
Manchester 14
13/XI-54

Дорогой Владимир Сергеевич

Спасибо за письмо, и за то, что говорили с Рейзини о Жорже Иванове. Надеюсь, пошлет. А то, что он на Вас не обижен — очень к его чести. Я не обидчив (честное слово!), но если бы такое написали обо мне, пожалуй, обиделся бы. Даже физически он у Вас вышел противен, а физическое обиднее нравственного. Передайте ему от меня нежные чувства, самые искренние, — ну а насчет поездки в Америку, пока нечего и думать. Летом у Вас жарко и пусто, зимой я занят.

Относительно моей книги: да, она — о старших, потому что о младших начинать писать, так надо бы потом застраховать свою жизнь. Да и старшие — далеко не все, так, избранные — не столько по вкусу, сколько потому, что были о них у меня статьи. А о молодых — все сочиняй наново, а я ничего не помню, что они писали! Не сердитесь, к Вам это никак не относится, а о Вас я еще напишу. Хотел бы где-нибудь и что-нибудь написать об Иваске, — но где и что?¹ В Париже его не любят, какие-то счеты, и в одной из недавних статей Терапиано это «выперло» до неприличия². А он — лучше них, во всех смыслах.

Ваша книга очень меня интересует. Но — поменьше цитат, побольше Вашего! И не очень уж вспоминайте Бергсона (простите за советы!). Да, кроме «Рудина» — для темы «русских мальчиков» — хорошо бы вспомнить «Былое и думы» (глава о гегельянстве и Моск<овском> университете) и воспоминания Тургенева о Белинском («мы не решили о Боге, а вы — чай пить!»)³. Свою статью «Неужели кончилось?» я, кажется, мог бы Вам прислать, но можете обойтись и без нее, если подберете цитаты из авторов более почтенных.

Еще два слова — об Алданове. Что «противного» в «Ульм<ской> ночи»?⁴ Если бы Вы знали, какой это милый, умный и грустный человек, то его не бранили бы. И притом — редкостно джентльменский, без позы и усилия. Я его очень люблю, *malgré vous*⁵, ну, а о литературе — «сами все знаем, молчи». Хотя и литература много все-таки лучше, чем принято говорить! До свидания. Как Вы живете? Как нога?

Ваш Г. А.

Я недавно послал стр<аниц> 50 Александровой в «Чех<овское> изд<ательст>-во». В ответ получил две строчки: «ждем дальнейшего». Очевидно, они еще существуют? Если Вы у них бываете, пожалуйста, ничего у них не говорите из того, что я пишу Вам о своей книге.

¹ Незадолго до того Адамович писал о Ю.П. Иваске в статьях «Новые стихи» (Новое русское слово. 1953. 4 октября. № 15135. С. 8) и «Новые голоса» (Там же. 1954. 6 июня. № 15380. С. 8). Следующие отзывы он опубликовал уже в связи с «Опытами», когда Иваск приступил к их редактированию: *Адамович Г.* Несколько слов о журнале «Опыты» // Новое русское слово. 1955. 19 июня. № 15758. С. 8; *Он же.* «Опыты» // Там же. 1956. 3 июня. № 15681. С. 8.

² Отзываясь о составленной Ю. Иваском антологии «На Западе» (Нью-Йорк, 1953), Терапиано писал: «Очень критикуют читатели антологию русской зарубежной поэзии, составленную Ю.П. Иваском: “Количество не перешло в качество. Просто странно: талантливые поэты были, есть за рубежом, и можно бы, отобрав у них лучшее, составить впечатляющий сборник, а у составителя получилось нечто до того унылое и серое, что всякий, отчаявшись, закроет книжку”. — “Составитель не только ухитрился выбрать не поэтов, а из поэтов выбрать не поэтическое, — пишет другой читатель, — но и систематизировал весь набранный им колхоз весьма своеобразно... Очень не повезло зарубежной поэзии в руках г. Иваска”» (*Терапиано Ю.* «Грани», книга 21 // Новое русское слово. 1954. 10 октября. № 15506. С. 8).

³ Адамович имеет в виду приведенную в воспоминаниях И.С. Тургенева фразу В.Г. Белинского, произнесенную во время спора летом 1844 г.: «Мы не решили еще вопроса о существовании Бога, — сказал он мне однажды с горьким упреком, — а вы хотите есть!» (*Тургенев И.С.* Полн собр. соч. и писем: В 28 т. М.; Л., 1967. Т. XIV. С. 29).

⁴ Сборник историко-философских диалогов М. Алданова «Ульмская ночь: Философия случая» была издана в Нью-Йорке в 1953 г. Адамович написал благожелательную рецензию на эту книгу: *Адамович Г.* «Ульмская ночь» // Новое русское слово. 1954. 4 апреля. № 15317. С. 8.

⁵ Несмотря на вас (*фр.*).

104, Ladybarn Road
Manchester 14
20/I-55

Дорогой Владимир Сергеевич

Хотя Вы пишете, что «давненько не получали от меня писем», но по-моему это Вы мне не писали, а не я Вам! Впрочем, память моя обанкротилась окончательно, так что, м. б., Вы и правы. Passons¹.

Книга моя действительно в Чех<овском> изд<ательст>ве прошла. Контракт подписан, аванс получен (но полностью ушел на погашение терзавшего меня ростовщического долга, сделанного 2 года назад, — но и то хорошо!). Насчет славы, сомневаюсь. Entre nous — но совсем entre nous, честно! — книга слабоватая, кое какая. Пожалуйста, только не разглашайте этого! Цитируете Вы «обожаться сла-

вой и деньгами» — неверно. Это Зинаида встретила Бунина, вернувшегося из Стокгольма: «ну, что, *облопались* славой?»² Он дрожал от злости, вспоминая это, еще 20 лет спустя. О том, что Рейзини наконец благодетельствовал Иванова, я сообщил aux intéressés³. Но почему от моего имени? Я во всяком случае просил Ив<анова> никому не рассказывать о рейзиневских щедротах. Перикл действительно очень болен. Но он все последнее время болел, и жаль мне — как это ни постыдно! сознаю, — не столько его, сколько М<арию> Ивановну, совсем им замученную. О чем Вы пишете книгу — мне так и не ясно. Цитаты, — но о чем и у кого цитаты? Что полкниги будет из Бергсона, я не сомневаюсь, но кто еще? Наверно книга будет интересная, в этом я не сомневаюсь, но не очень скромничайте, укрываясь за цитаты, пишите от себя! Кстати, у Вас голова, по-моему, вовсе не комментаторская: это не упрек и не комплимент, а «констатирование». Вам лучше писать прямо от себя, чем вдохновляясь другими. И еще кстати: сегодня со студентами я читал самые первые три-четыре главы «Детства» Толстого — и все думал: на кого это похоже? А это похоже на Вас, в особенности об отце (прочтите, если не помните — тон Ваш, до странности). Приехать бы в Нью-Йорк я очень бы хотел, но едва ли! Летом жарко и пусто, зимой я не могу. А что Рейзини, в принципе, все еще согласен оплатить мне дорогу, весьма трогательно. Богатство обычно ведет к скупости. У него, кажется, не привело.

Кого Вы в Нью-Йорке видите? Иваск мне пишет довольно часто — пространно, он по письмам — душка, хотя и с неврастенией. Но русский человек совсем без неврастения обычно — хам, или почти. Лучше быть Иваском. А что Зайцев заважничал и возомнил себя главой русск<ой> литературы — я слышал не только от Вас. Он — не глава, а Божья коровка с крошечным (но настоящим) талантом и провинциальным душком.

До свидания.

Хотел написать письмо вразумительное, а пишу чепуху. Не отвечайте тем же.

Ваш Г. А.

¹ Оставим (*фр.*).

² Этот эпизод Адамович позже воспроизвел в «Table talk»: «Вернувшись из Стокгольма после получения нобелевской премии, Бунин пришел к Мережковским: *visite de courtoisie* <визит вежливости (*фр.*)>, тем более необходимый, что Мережковский был его нобелевским соперником и даже тщетно предлагал условиться о разделе полученной суммы пополам, кому бы из них двоих премия ни досталась.

Зинаида Николаевна встретила его на пороге и будто не сразу узнала. Потом, не отнимая лорнета, процедила:

— Ах, это вы... ну, что, облопались славой?

Бунин рассказывал об этом несколько раз и всегда с раздражением» (*Адамович Г. Table talk // Новый журнал. 1961. № 64. С. 101–116.*)

В мемуарных книгах А. Седых, И.В. Одоевцевой и других эпизод посещения Мережковских Буниным после получения Нобелевской премии передан по-другому (у каждого мемуариста, впрочем, по-своему, однако упомянутой Адамовичем фразы Гиппиус или какой-либо в этом роде никто из них не привел).

³ Всем, кому это интересно (*фр.*).

104, Ladybarn Road
Manchester 14
5/III-55

Cher ami Владимир Сергеевич

Спасибо за письмо (13 февраля, — редкий случай, что проставили число!). Простите, что отвечаю не сразу. Но это оттого, что одолеваем немощами, в частности глазами, мешающими мне писать и читать. Очевидно, старость: стал разваливаться.

Вот, умер бедный Пира. И Кнут помер, и другие. Марии Ивановне я сейчас же послал сочувственное письмецо, но ответа не получил: верно, написал не так, как надо бы. Кстати, надо бы и в «Н<овое> р<усское> сл<ово>» написать что-нибудь!¹ А еще кстати, почему Вы не пишете в «Н<овое> р<усское> с<лово>»? Даже при Вашей всем известной тяжести на подъем, могли бы иногда тиснуть статейку. И третье «кстати»: читали ли Вы в «Нов<ом> журнале» Ульянова, с упоминанием о письме насчет Вашей книги?² Мне Ульянов не нравится: блестяще, гладко, самоуверенно — все то, чего я лично не терплю. Но Кантор почему-то этой статьей возмущен до крайности, уверяя, что Ульянов ничего не знает, ничего не понимает и что ему надо ответить, посадив его на место³. Qu'en pensez vous?⁴ (Пожалуйста, ответьте на это, и что вообще думают об этом у Вас, в Ваших тамошних сферах?)

Получил письмо от Иваска, пишет, что Вы на собрании «Опытов» произнесли замечательную речь (а также о<тец> Шмеман). Не знаю, его или Ваша это идея о «скриптах», мысленно обращенных туда, в Россию — но мысль это очень хорошая. Я сразу даже почувствовал зуд в пальцах, хочется писать, и было бы хорошо даже выпустить весь №, сплошь (или почти сплошь) из таких писем, если найдется достаточно авторов. Главное, надо бы сказать: зачем вы все ведете к тому, чтобы дожь правила миром, в противоречье со всем тем, к чему всегда шла Россия? Но если я очень распространюсь, Вы, пожалуй, у меня скрадете мыслишку, значит останавливаюсь. (Не принимайте этого всерьез, как с Вами случилось на моей практике.)

Да, вот что верно, и надеюсь, Вы тут пустите в ход все свое влияние на Иваска и Марию Самойловну. Зачем Иваск хочет выпускать № 5 еще до лета. Тысяча доводов против этого, — я их ему привел⁵ — а главное: он неизбежно тянет спешить, брать все, что попадется — к чему?! Теперь все так редко, так трудно дается: даже на 1/100 не стоит портить журнала из-за стремления к аккуратности! Надо, чтобы № 5 вышел в сентябре, а № 4 будет всю весну еще книжкой «новой». Убедите их в этом, пожалуйста — и вот тогда к осени можно и «скрипты» собрать: Вы, Яновский (я думаю, он к такому делу и склонен, и подходит очень); Степун, если не ударится в «штучки»; Кантор едва ли, по характеру, но, м. б., Маклаков, который, если бы захотел и загорелся, начал бы хорошо, не очень вдаваясь в политику, — ну и другие.

До свидания. Что же, соберетесь Вы в Европу и когда? Вы спрашиваете, что я делаю в Манчестере вне лекций? Больше всего смотрю в потолок и думаю, как бы я стал жить, если бы выиграл 1 000 000. Антисемит пишется через е, а не симит, как Вы изволили написать об Иваске.

Пишите, пожалуйста. Вы моя моральная поддержка, опора и связь с мировой душой.

Ваш Г. А.

¹ Некрологическую статью об обоих Адамович вскоре опубликовал: *Адамович Г. Довид Кнут и П. Ставров // Новое русское слово. 1955. 29 мая. № 15737. С. 8.*

² В своей статье Н. Ульянов писал о только что вышедшей книге В.Ф. Ходасевича «Литературные статьи и воспоминания» и сетовал на то, что в эмиграции прервалась традиция готовить себе литературную смену: «Не знаем, поощрял ли чье-нибудь творчество тот же Бунин в лучшие свои времена? На нашей памяти промелькнуло только одно его коротенькое письмо, написанное вкуче с Алдановым о книге В. Варшавского. Но и оно означало своего рода издательский *Bezugsschein* — рекомендацию на предмет напечатания книги» (*Ульянов Н. Застигнутый ночью // Новый журнал. 1954. № 39. С. 152.*) Упомянутое Ульяновым письмо, судя по всему, было инспирировано Адамовичем, которому Бунин писал 18 октября 1951 г.: «О Володе: напишите о нем побольше, укажите, чем *все-таки* отличается его книга от великого множества, написанного о войне. Напишите прямо по-французски — и напечатайте на машинке. А я ухарски распишусь» (*Переписка И.А. и В.Н. Буниных с Г.В. Адамовичем (1926–1961) / Публ. О. Коростелева и Р. Дэвиса // И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. I. М., 2004. С. 101.*)

³ В своем ответе Н.И. Ульянову М. Кантор писал: «Основная задача поощрения молодых и руководства ими выпала на долю среднего поколения. И оно эту миссию добросовестно выполнило, в лице В.Ф. Ходасевича, Г.В. Адамовича, В. Вейдле и М.Л. Слонима, в лице покойных К.В. Мочульского и Н.М. Бахтина и др.» (*Кантор М. Надо помнить... // Новое русское слово. 1955. 27 марта. № 15674. С. 8.*)

⁴ Как думаете? (*фр.*)

⁵ В письме от 3 марта 1955 г., где Адамович горячо поддержал и идею публикации серии «скриптов» в «Опытах» (Сто писем Георгия Адамовича к Юрию Иваску (1935–1961) / Предисл., публ. и коммент. Н.А. Богомолова // *Диаспора: Новые материалы. V. Париж; СПб., 2003. С. 445–446.*)

104, Ladybarn Road
Manchester 14
29/IV-55

Дорогой Владимир Сергеевич

Как обычно, письма наши «расходятся». Почему-то мне кажется, что разойдется и это с Вашим, если только Вы собираетесь мне написать.

Получил сегодня письмо от Иваска, но не отвечу сразу, т. к. еще не все прочел в «Опытах», а он просит именно о них ответа. Он, между прочим, сообщает, что на

собрании у Мар<ии> Сам<ойловны> все хором журнал бранили¹. Это жаль в том смысле, что может подействовать на издательницу. Журнал вовсе не плох, но «жидковат» (внутренне) и удивительно похож на редактора. Я поклонник и сторонник «задумчивости», «декадентства» и всего такого, но это должно быть не от недостатка жизни, а как преодоление ее грубости. В «Опытах» все еще «до», а не «после». Но это относится к общему тону, в общем все-таки благородному и достойному. Ваша статья² очень хорошая в отдельных замечаниях, и очень хорошо написана, но почему Вы не сопоставили Н<абокова> и П<оплавского>, как обещает заглавие? В частности, все о П<оплавском>, по-моему, интереснее и вернее, чем о Н<абокове> и этом его несчастном «Приг<лашении> на казнь» с лубочно-обывательским его замыслом, достойным Газданова или Одоевцевой. Простите за непрошенную критику, а кстати, спасибо за цитату из меня³, кот<орую> я забыл и которая мне очень понравилась (откуда она?). Слышал, что Ваша книга принята, и очень за Вас рад, во всех смыслах. Я получил уже корректуру своей, должна выйти осенью. Мог бы я написать книгу много лучшую, если бы издательство пожелало взять то именно, что я пожелал бы ему дать. Но оно просило книгу об эм<игрантской> лит<ературе> — и этим я был связан. Письма Галя очень трогательные⁴, а Марков мне не нравится, хотя Иваск писал о нем заранее с волнением и трепетом⁵. Трещотка какая-то, с отдельн<ыми> хорошими кусками. В Париже я провел время с обычными развлечениями и суетой. Парижа почти нет. Видел раза два Кодрянских, и Вас вспоминали «с теплыми чувствами», как пишет Бахрах.

Ну, до свидания. Вы не согласны со мной о Наполеоне и Толстом. У меня есть разн<ые> соображения об этом. Если бы Вы написали возражения, я бы ответил Вам контр-возражениями, и это могло бы войти в «Опыты», как нечто подходящее. Им надо крови и мускулов. Даже Ал<ександра> Львовна кое в чем оживила их бледную немочь⁶. Это — *entre nous*, Иваск — мимоза, об этом всем я напишу ему иначе, чтобы поддержать его редакторский пыл.

Очень жалею, что Ваши планы о поездке в Европу отложены. Здесь, т. е. в Париже, я видел Сазонову⁷, кот<орая> в Нью-Йорке улучшилась. Что произошло с собранием о Достоевском — и обедами Керенского и Извольской?⁸ Глаза мои лучше, но весь я стал разваливаться, что по возрасту и естественно.

Ваш Г. А.

¹ 14 мая 1955 г. Адамович писал Иваску: «С неделю тому назад я написал Варшавскому об «Опытах» в ответ на его сообщение, что журнал вообще бранят и Вы будто бы даже думали об отставке. А писал я ему для того, чтобы убедить его взяться за защиту «Опытов» — как оплота против возрастающего и обступающего нас хамства, грубости и всего такого. У «Оп<ытов>» есть «миссия», притом именно с Вами. Оттого люди и злятся, что это чувствуют. Но Варш<авский> в ролях трибуна — не совсем на месте. Но пусть хоть будет трибуном в салоне издательницы» (Сто писем Георгия Адамовича к Юрию Иваску (1935–1961) / Предисл., публ. и коммент. Н.А. Богомоллова // Диаспора: Новые материалы. V. Париж; СПб., 2003. С. 456).

² Имеется в виду опубликованный отрывок из книги «Незамеченное поколение»: *Варшавский В. О Поплавском и Набокове // Опыты. 1955. № 4. С. 65–72. Иваску Адамович написал о нем 29 апреля 1955 г.: «Варшавский интересен в первой части, но не о Набоко-*

ве, и притом по названию его статьи можно ждать параллели, сопоставления, а он просто ограничился разбором “Пригл<ашения> на казнь”, вещи пустой и банальной, при всех ее стилистических штучках. Все эти будущие тоталитарные ужасы с роботами и номерками успели превратиться в “общее место”, лживое и глупое, и не стоило Варш<авскому> об этом и говорить. Но отдельные мысли очень верны, и лично мне очень нравится, как статья написана (едва ли понравится очень многим, т. к. нравится легкость, а он ворочает камни и глыбы)» (Сто писем Георгия Адамовича к Юрию Иваску (1935–1961). С. 452).

³ Варшавский в своей статье процитировал Адамовича: «Из этого ничего не вышло, но разве это довод. Ни из чего никогда ничего не выходит, все только приносится в жертву» (*Варшавский В. О Поплавском и Набокове // Опыты. 1955. № 4. С. 67*).

⁴ Имеется в виду публикация, в которой Ю.П. Иваск рассказал о своих встречах с поэтом Юрием Владимировичем Галем (1921–1947) и привел пять его писем 1944–1945 гг.: *Галь Ю. Письма // Опыты. 1955. № 4. С. 91–103*.

⁵ В том же номере «Опытов» была опубликована поэма без названия Владимира Федоровича Маркова (р. 1920): *Марков В. «Часы холодной смерти...» // Там же. С. 11–20*. 29 апреля 1955 г. Адамович написал об этом и Иваску: «Насчет Маркова не могу согласиться с Вами. Талантлив он несомненно, и поэт — несомненный. Но эта несчастная идея написать поэму трехстопным скачущим ямбом убила бы кого угодно (хотя Некрасов выдержал). У Маркова поэзия пробивается и сквозь трещотку размера, но часто ничего кроме трещотки нет. Как мог его подвести слух? Это, кстати, очень интересная тема: о размере, который слух способен принять и выдержать на протяжении нескольких сот строк. Но у Маркова явно именно размер его и погубил» (Сто писем Георгия Адамовича к Юрию Иваску (1935–1961). С. 452).

⁶ Речь о публикации отрывка из воспоминаний Александры Львовны Толстой (1884–1979): *Толстая А. Николка // Опыты. 1955. № 4. С. 38–44*.

⁷ *Сазонова Юлия Леонидовна* (урожд. Слонимская; 1884–1957) — литератор, журналист, режиссер, театральный и литературный критик, сотрудница журнала «Аполлон». С октября 1920 г. в эмиграции в Константинополе, затем в Болгарии, Италии, с 1924 г. в Париже, руководитель Театра марионеток, сотрудник «Звена», «Последних новостей», а также французских изданий, с 1942 г. в США, докторант Колумбийского университета (1947–1949), сотрудница «Нового русского слова», «Нового журнала», «Голоса Америки», с 1955 г. вновь в Париже.

⁸ *Извольская Елена Александровна* (1896–1975) — публицист, переводчица; основательница экуменического общества «Третий час» и главный редактор одноименного журнала. См. о ней: *Яновский В. «Третий час» Елены Извольской // Время и мы. 1995. № 127. С. 238*.

4, avenue Emilia
c/o M-me Lesell
Nice
8/VIII-55

Дорогой Владимир Сергеевич

Вчера Алданов дал мне книжку «Нов<ого> журнала» с Вашей статьей¹. Хотя я не уверен, что за отзывы надо благодарить — т. к. в сущности это — т. е. отзыв — выражение мнения, а не любезности, по крайней мере «в принципе» — но *une fois n'est pas coutume*², и я очень Вас благодарю за все, что Вы по моему адресу

сказали. Спасибо. По-моему, сильно преувеличено, но слаб человек — и я читал все с удовольствием. И вообще статья полна доброжелательства, ко всем. Я особенно оценил про Рейзини³. Это Вам зачтется, если не на этом свете, то на том. Но надеюсь, еще на этом.

Что же до того, с чем Вы «не согласны», о М-ме Grenier, т. е. о «сострадании»⁴, — о котором я писал, что «не в нем дело» — то, конечно, Вы правы. Дело и в нем (но не только в нем). Ведь оставаясь в области сострадания, она могла эту старуху обеспечить, вылечить и т. д. — а не обязательно целовать. Все-таки сострадание роль сыграло, и это очень верно. А если я о нем сказал не то, что следовало, то потому, что, будучи лично бревном, как-то неловко о сострадании писать. Я это очень чувствую, как и чувствую, что я бревно, притом непоправимо. Я боюсь «слуней» в литературе, у Вас это все вышло иначе, именно потому, что вышло естественно, без опасений и всяких словечек.

Как Вам живется? Что Ваша книга — принята или нет? Напишите. Мне это очень интересно.

Я в Ницце до 10 сентября, если ничего не случится непредвиденного. Насчет «Опытов»: сейчас я ничего писать не могу, по разным причинам. И вообще, мне хотелось бы, чтобы один № вышел без меня, тоже по разным причинам. Об этом я Иваску напишу. Сейчас я в маразме и у меня совершенно пустая голова.

До свидания, cher ami. Крепко жму руку. Еще раз спасибо.

Ваш Г. Адамович

¹ Варшавский опубликовал в «Новом журнале» главу из готовящейся к печати книги «Незамеченное поколение», в которой, в частности, упоминал статью Г.П. Федотова «О парижской поэзии», напечатанную в сборнике «Ковчег» (Нью-Йорк, 1942. № 1. С. 189–198), и писал в связи с ней: «Г.П. Федотов, очень правильно приравняв “парижскую школу” к “школе Адамовича”, отмечал, что, несмотря на все значение воспитательной работы Ходасевича, старавшегося обучить молодежь классическому мастерству, молодежь шла за Адамовичем. Это вовсе не значило, конечно, что, учась у Ходасевича-поэта, его не признавали как критика. Наоборот, с отдельными его взглядами на искусство, так же как со взглядами и советами В. Вейдле, М. Цетлина и некоторых других эмигрантских критиков, считались, может быть, даже больше, чем с советами Адамовича. Но за Адамовичем шли в самом главном. Это было очень определенное, хотя и трудно определенное представление о том, чем была и чем должна быть русская литература» (*Варшавский В. Незамеченное поколение // Новый журнал. 1955. № 41. С. 109.*)

² Один раз не в счет (*фр.*).

³ Варшавский упомянул Рейзини в связи с «Числами», а также в связи с рассуждениями о возможности заниматься творчеством в эмиграции: «На подобные разговоры правильнее всего, по-моему, ответил в то время один из самых популярных людей на Монпарнассе, Николай Рейзини, молодой философ и литературный критик (к сожалению, впоследствии, в силу неблагоприятных жизненных обстоятельств, Рейзини от занятий философией и литературой отстранился). “Многие утверждают, — писал он, — что творческая работа в неестественных условиях эмиграции невозможна; мне думается — это не совсем верно, должно все же помнить, что ‘дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит’ ”» (*Варшавский В. Незамеченное поколение // Новый журнал. 1955. № 41. С. 103–104.*)

⁴ Приведа фрагмент о мадам Гранье из «Комментариев», Варшавский писал: «Я не могу согласиться со словами Адамовича, что “не в сострадании дело” и, тем не менее, этот отрывок, состоящий из пересказа прочитанной во французской газете заметки и примечания, с которым я не совсем согласен, является, по моему глубокому убеждению, одним из самых важных текстов не только эмигрантской, но и всей русской литературы» (Там же. С. 110–111).

21

104, Ladybarn Road
Manchester 14
9/X-55

Дорогой Владимир Сергеевич

Простите, что отвечаю с опозданием. Были причины, разного рода.

Спасибо большое за отзыв о моей книге. Я искренне, по-настоящему рад был всему, что Вы о ней мне написали, ибо сам во многом сомневался. Но думаю, что Вы по доброте сердечной о ее недостатках промолчали, а не то что их не заметили. Что же касается Ваших упреков по поводу моих похвал известному Вам почтеннейшему писателю¹, то, как Вы и предположили, я на них разозлился. Что он Вам дался, в самом деле?! Не так я его и расхвалил, а просто написал, что у него есть достоинства. Последние же рассуждения в главе о нем², это самый цимес, и за них я принимаю ответственность полную. Если Вы с ними не согласны, то тут мы с Вами значит расходимся. Книга имеет некоторый успех (устный). Я удивлен, т. к. не ждал этого. Терапиано сообщил мне, что возмущен Набоков: будто бы «рвет и мечет». Если из-за себя лично, то напрасно. Ничего дурного о нем в книге нет, а что он с чем-то очень русским не в ладу, верно это ему только приятно.

Да, я узнал, что Ваша книга, наконец, принята. Очень, очень рад, «душевно рад во всех смыслах»³, как писал Гоголь. Правда! И денежно — за Вас, и литературно — за всех.

Я в Манчестере уже пять дней. Опять Гоголь: «скучно жить на свете, господа!»⁴ Иваск начинает меня осаждать с № 6 «Опытов». Я все напишу, что надо, — но почему так рано? Кстати, он просит написать о книге Замятина⁵, довольно отвратительной (особенно стилистически). Еще он пишет, что о. Шмеман хочет дать отзыв о моей книге⁶, чему я очень был бы рад, каков отзыв бы ни был.

В Париже говорили, что Чех<овское> изд<ательств>во получило новые и большие деньги. Правда это? Я бы им что-нибудь предложил еще, если они будут существовать. Был я в Нуёрес у Ивановых⁷. Ничего, все старое забыто, и они довольно милы, только слишком суетно-литературны и озабочены «славой». В Париже видел Рейзини, но об этом вкратце не напишешь! Самое смешное, что он уверяет, что рассказ Ваш в «Опытах» никакого отношения к нему не имел и даже несколько на него непохож. Я, конечно, соглашался и сказал, что сам был возмущен предположениями его врагов. Не знаю, искренен ли он в этом. Вполне воз-

можно, что да. Но чувства мои к нему — вполне прежние, и разочарования ни в чем не было. И какая чичиковская эпопея!

До свидания, дорогой друг. Пишите. Еще раз спасибо от имени «Одиночества» и свободы».

Ваш Г. А.

¹ Речь о М.А. Алданове, которому в «Одиночестве и свободе» была посвящена отдельная глава.

² Статья об Алданове завершалась словами: «То, что говорит Алданов, его “message” — смутно напоминает чеховское “надо дело делать”, с поправкой, конечно, на совсем другую обстановку, на отсутствие пробуждающейся и требующей “дела” России. Он ни к чему не призывает, он не столько проповедует, сколько внушает, и, не мешая никому жить “как хочешь”, с удивлением и сожалением, — будто разводя руками, — глядит на тех, кого прельщают только шалости или притворство» (Адамович Г. Одиночество и свобода. Нью-Йорк, 1955. С. 148–149).

³ В произведениях самого Н.В. Гоголя такого выражения найти не удалось. Эту фразу Гоголь произносит в рассказе И.А. Бунина «Жилет пана Михольского» (Последние новости. 1932. 10 января. № 3945. С. 2).

⁴ Адамович неточно приводит заключительную фразу повести Гоголя «О том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» (1835). У Гоголя: «Скучно на этом свете, господа!»

⁵ На книгу Е.И. Замятина «Лица» (Нью-Йорк, 1955) Адамович откликнулся довольно кислой рецензией (Опыты. 1956. № 6. С. 94–96. Подп.: Г. А.).

⁶ Отзыв о Шмемана, с юности очень высоко ценившего Адамовича, не появился в печати. В «Опытах» «Одиночеству и свободе» была посвящена рецензия М.Л. Кантора (Опыты. 1956. № 6. С. 96–100), а также отклики в статьях В.Ф. Маркова «Заметки на полях» (Там же. № 6. С. 62–66) и Г. Андреева «Без победы и наград» (Там же. № 7. С. 58–64).

⁷ Адамович приезжал в Йер (департамент Вар) к Ивановым в середине сентября. См. его письмо к ним от 23 сентября 1955 г. (Эпизод сорокапятилетней дружбы-вражды: Письма Г.В. Адамовича И.В. Одоевцевой и Г.В. Иванову (1955–1958) // «Если чудо вообще возможно за границей...»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов. С. 472–473).

104, Ladybarn Road
Manchester 14
31/X-55

Дорогой Владимир Сергеевич

Спасибо за письмо. Начну ответ с цитаты из него:

«Не согласен ни с Вами, ни с Гоголем, что скучно на свете».

Откуда Вы взяли, что мне скучно на свете? Чем больше живу, тем больше обожаю жизнь, *malgré tout*¹. Все, что угодно, только на свете не скучно. Оттого-то и умирать жалко: не страшно, а именно жалко. Что бы там ни было, того, что есть (или может быть) здесь, там не будет.

Затем возражение менее философское.

Вы, по-видимому, находите, что я в книге своей обидел — или недостаточно возвеличил — Сирина, особенно по сравнению с Алдановым. Ну, об Алд<анове> — разговор особый. Но о Сирине я написал действительно то, что думал — и, по-моему, не преуменьшая его ничуть. Терапиано мне сообщил, что он будто бы «рвет и мечет». Не понимаю, честное слово! По-моему, очерк лестный. Плохо в книге то, что не о всех написано одинаково, т. е. с одинаковой степенью искренности и правдивости. А в сущности, в ней нет ни одного имени, которое я действительно любил бы (даже Бунин: человека я любил, а литературу его с большими оговорками, в книгу не вошедшими). Poleмика о Вашей статье («Незамеченное поколение») до меня еще не дошла². Читал с раздражением и даже злобой статью Кусковой, плоскую и глупую. Не соваться бы ей не в свое дело, меньше бы молола самоуверенно вздора! От «Нов<ого> журн<ала>» — вопреки Вашему сообщению — никакого приглашения я не получил. Поживем, увидим.

А вот о Рейзини надо бы написать поэму, ибо в двух словах ничего я Вам сказать о нем не могу. Он был в Париже полон надежд на возвращение, вроде как мароккский султан, говорил, что за него хлопочут сверх-высокие люди и что он всем этим подлецам покажет! Но была и растерянность, вдруг. Сыпал он деньгами, как Рокфеллер, угощал меня роскошным обедом. Au fond³, он очень мил, чуть-чуть жалок и чуть-чуть смешон. Но я его люблю, как вообще люблю (по слабости) людей, с которыми легко, как толстой даме, снявшей корсет. Насчет Вашего рассказа о нем в «Оп<ытах>» я так и не понял, притворяется ли он, что это не о нем, или правда находит, что «абсолютно не похож».

До свидания, cher ami. Пожалуйста, поддерживайте со мной переписку, и не только о высоких материях (хотя можно и о высоких: я, кстати, должен сочинять для Иваска «Комментарии» и буруеваем мыслями о России, кот<орые> хотел бы вкратце выразить). И вообще о разных вещах.

Ваш Г. А.

¹ Несмотря ни на что (фр.).

² Первая волна полемических откликов на «Незамеченное поколение» была вызвана публикацией отрывка в «Новом журнале»: Аронсон Г. Новый журнал. Книга 41 // Новое русское слово. 1955. 24 июля. № 15793. С. 8; Слоним М. «Незамеченное поколение» // Там же. 31 июля. № 15800. С. 8; Кускова Е.Д. О незамеченном поколении // Там же. 11 сентября. № 15842. С. 2; Яновский В.С. Мимо незамеченного поколения // Там же. 2 октября. № 15436. С. 2, 5; Слоним М. Вынужденный ответ // Там же. 16 октября. № 15450. С. 2; Яновский В.С. Спор о вкусах // Там же. 30 октября. № 15464. С. 5.

³ В сущности (фр.).

104, Ladybarn Road
Manchester 14
27/XI-55

Дорогой Владимир Сергеевич

Спасибо за письмо, — хотя и отвечаю на него с опозданием! Я как-то расклеился, что и отражается на переписке. От Р. Гуля письмо получил, и условился с ним на статье о Блоке¹, не к ближайшему №, а к весеннему. Сейчас у меня много дела, да только вчера отправил Иваску «Комментарии». Не очень длинные, но труднее обычного мне давшиеся из-за всяких сомнений в пути писания. Они — на «божественную» тему (часть их), и я все боялся и боюсь не так и не то сказать, что надо. Когда прочтете — и если прочтете, — очень бы хотел знать Ваше честное и откровенное суждение.

А помимо этого, Вы — как причина и повод спора — должны бы, по-моему, написать в «Нов<ое> р<усское> с<лово>» заключение к перепалке Кускова — Слоним — Яновский. Прав-то, конечно, Яновский, если не на 100, то на 99 %, но тон у него напрасно грубый. Было бы убедительнее, если бы он писал спокойнее, без злобы, без всяких намеков. Впрочем, и Слоним груб. Вообще, эта история — не к чести нашей литературы, и Вы должны бы именно об этом написать, посадив, конечно, на место и Кускову, которая ведь сказала кому-то, что теперь к ней ездят в Женеву, «как прежде ездили в Ясную Поляну». Кроме старости, за ней заслуг мало.

Недели через три я надеюсь быть в Париже, на Рождество. Адрес обычный: 7, rue Frédéric Bastiat, Paris 8e. Не знаю, где Рейзини и что с ним. Потащились ли все американские власти к нему в Каноссу, как он грозился, или, наоборот, придется тащиться ему, и будет ли результат? В Париже, кстати, тоже волнения по поводу «Незамечен<ого> поколения». Вы взбудоражили все умы, и даже такой сверхспокойный ум, как Гингера².

Получил трогательное письмецо от Чекверши³ с просьбой о рецензии. Но при этом и стихи, — и что это за стихи!!

До чего развязен Гуль. Я с ним еле-еле знаком, а стиль его писем — вполне панибратский, вплоть до слова «говно»⁴.

До свидания, cher ami. Не забывайте меня в одиночестве и немощах.

Ваш Г. А.

¹ 30 октября 1955 г. Р.Б. Гуль пригласил Адамовича сотрудничать в «Новом журнале», на что тот ответил 3 ноября 1955 г.: «Разумеется, у меня нет — и не могло быть — ничего против сотрудничества в “Новом журнале”. Охотно напишу статью. Но о чем? Может быть о Блоке, в связи с 75-летием со дня его рождения? О Блоке так много сказано и написано, что, конечно, это была бы статья не столько рассказывающая о нем, сколько говорящая о поэте всем знакомом и известном: нечто вроде “подведения итогов”» (Beinecke Rare Book and Manuscript Library. Yale University. (Далее — Beinecke.) Roman Gul

Papers. Gen MSS 90. Box 1. Folder 6). Статья вскоре была опубликована (Адамович Г. Наследство Блока // Новый журнал. 1956. № 44. С. 73–87), а позже включена в книгу «Комментарии» (Washington, 1967).

² 27 ноября 1955 г. Адамович писал А.С. Гингеру: «Посылаю №№ “Нов<ого> р<усско-го> слова” с интересующей Вас полемикой. <...> Но вообще-то эта склока — сплошной позор и скандал. Кускова — дура, и по моему убеждению всегда была душой. Старость ее слегка облагородила, но не до конца. Слоним уязвлен и занят собой, а Яновский, хоть и прав почти что на 100 %, груб и развязен. От всего этого меня сильно мутит, вероятно, по аристократичности моей деликатной натуры. Все возникло от статьи Варшавского в “Нов<ом> журнале”, и я советую ему написать к этой полемике заключение с Синайских высот, а не барахтаясь в луже сплетен, ссор и полу-доносов (у Яновского — при теперешней ситуации в Нью-Йорке)» (Адамович Г. Одиночество и свобода / Сост., предисл. и примеч. В. Крейд. М., 1996. С. 399).

³ Имеется в виду Чеквер Рахиль Самойловна (псевд. Ирина Яссен; 1893–1957) — поэтесса, издательница, меценатка, с 1923 г. в эмиграции в США, член редколлегии журнала «Новоселье» (1942–1950), составительница (совместно с Ю.К. Терапиано и В.Л. Андреевым) антологии «Эстафета» (1948), основательница и фактический директор (в 1949–1957 гг.) издательства «Рифма». Здесь, вероятно, речь идет о стихах, выпущенных вскоре «Рифмой»: Яссен И. Память сердца. Париж, 1956. Адамович отозвался на сборник в обзоре: Адамович Г. Новые книги // Новое русское слово. 1956. 9 сентября. № 15779. С. 8.

⁴ В недатированном письме (середины ноября 1955 г.) Р.Б. Гуль охарактеризовал так газету «Наша страна» (Beinecke. Roman Gul' Papers. Gen MSS 90. Box 1. Folder 6).

104, Ladybarn Road
Manchester 14
20/I-56

Дорогой Владимир Сергеевич

Спасибо за письмо, тем более что я не ответил Вам на предыдущее. Вы пишете: «по моим соображениям оно должно было Вас разозлить». Кажется, так и было, и Вы оказались сердцеведом! Не помню точно, в чем было дело, но помню, что разозлился.

Поздравляю с выходом книги! Жду ее с нетерпением. Конечно, я о ней напишу¹, каковы бы ни были Ваши возмутительные в ней мысли! Уверен, что будет о чем писать. Кстати — как Вы предлагаете — хочу все написать о Достоевском, в частности, о восхитившем Вас «Подростке». Там есть одна глава, которую я никогда не мог читать без волнения и почти слез, как это ни глупо: когда мать приходит к болвану-герою в пансион Тушара. Помните? Никто в мире этого не написал бы, — хотя, два часа назад, читая со студентами главу о самоубийстве Анны Карениной, я все думал то же самое: никто в мире... У Т<олстого> при этом есть спокойствие в самом волнении, чего нет у Д<остоевского>. Но, конечно, Д<остоевский> — гений, сверх-гений кое-где, и все бунинские доводы смешны, когда одну такую страницу вспомнишь.

Перейдем к делам житейским: Рейзини. Я получил, уже здесь, вызов в американское консульство в Париже «для информации». Если бы не вызвали других, я бы не знал, в чем дело. Но вызывают сотрудников «Чисел» — и спрашивают, что вы знаете о Рейзини². Я жалею, что не мог дать сведений, потому что хотел бы ему помочь.

Еще житейское дело: Яновский. Что с ним? Меня просила позвонить в Париже Буба Гржебина³, специально, чтобы сказать, что он в страшном смятении и расстройстве, и просила ему написать. Я ему напишу⁴, но мне не нравится, что из-за литературных распрей он «выгнал» Вас с квартиры, о чем я Бубе и сказал. Напишите мне об этом, как и что, т. е. что между Вами произошло.

В Париже я крутился в вихре света, все еще существующего. Был даже блокдостоевский вечер при полном зале⁵. Иваску я посылаю письма Гиппиус и немного Бунина: там много он может выбрать для «Опытов» (у Гиппиус)⁶. Я в ужасе от писем Цветаевой к Штейгеру⁷: стыдно читать, но Иваск утверждает, что это замечательно, а я Цветаеву будто бы «не понимаю». Представляю себе барончика при чтении этого влюбленного бабьего бреда! Пишите, cher ami. Всегда мне радость Ваши письма, даже если и разозлюсь.

Ваш Г. А.

¹ Статья была опубликована два месяца спустя: *Адамович Г.* О христианстве, демократии, культуре, Маркионе и о прочем // *Новое русское слово.* 1956. 25 марта. № 15611. С. 8.

² В опубликованной несколько месяцев спустя хроникальной заметке «Дело Николая Рейзини» сообщалось: «В Нью-Йорке, где Рейзини прожил 9 лет и заработал громадное состояние, в последнее время агенты иммиграционного департамента допросили многочисленных русских свидетелей» (*Новое русское слово.* 1955. 2 октября. № 15436. С. 3). См., в частности, письмо Г. Газданова М. Слониму от 5 февраля 1956 г., в котором с юмором описана сцена допроса: *Howard Gotlieb Archive Research Center.* Boston. Marc Slonim Papers. Box 22. Folder 2.

³ *Гржебина* Ирина Зиновьевна (домашнее имя Буба или Бэби; 1907–1994) — средняя из дочерей издателя Зиновия Исаевича Гржебина (1877–1929), танцовщица, хореограф и педагог, создавшая в Париже хореографическую школу русского балета и ансамбль «Русский балет Ирины Гржебиной». Балетная студия Ирины Гржебиной находилась по адресу: 11, rue Jules Charlain. Подробнее см.: *Гржебина Е. З.И.* Гржебин — издатель (по документам и воспоминаниям его дочери) // *Solanus.* 1987. Vol. I. P. 4–40; то же: *Евреи в культуре русского зарубежья: Сборник статей, публикаций, мемуаров и эссе.* Иерусалим, 1992. Вып. 1. С. 146–168; то же: *Опыты: Эссе, публикации, рецензии, хроника.* СПб.; Париж, 1994. № 1. С. 177–206. В 1920–1930-е гг. у Яновского был роман с И.З. Гржебиной.

⁴ Ближайшее из сохранившихся писем Адамовича Яновскому датировано 14 марта 1956 г. (BAR. Coll. Yanovsky. Box 1. Folder 1).

⁵ Литературный вечер, посвященный 75-летию со дня смерти Достоевского и 75-летию со дня рождения Блока, был проведен Объединением русских писателей в Париже 12 января 1956 г. в зале Русского музыкального общества за границей. Адамович произнес на вечере вступительное слово.

⁶ В «Опытах» были опубликованы фрагменты писем Бунина к Адамовичу, посвященные Чехову: *Бунин И.А.* О Чехове (Из писем Г.В. Адамовичу) // *Опыты.* 1956. № 6. С. 25–27. Письма З.Н. Гиппиус к Адамовичу в «Опытах» не появились и были напечатаны го-

раздо позже: *Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippus / Comp. by Temira Pachmuss. München: Wilhelm Fink Verlag, 1972. P. 332–447.*

⁷ К.С. Вильчковский опубликовал в трех номерах «Опытов» письма М.И. Цветаевой А. Штейгеру (в общей сложности 14 из 27): *Цветаева М. Письма Анатолию Штейгеру // Опыты. 1955. № 5. С. 45–67; 1956. № 7. С. 8–18; 1957. № 8. С. 21–25.*

25

Manchester
30/I-56

Дорогой Владимир Сергеевич

Получил сегодня Ваше письмо. А три дня назад получил и книгу, возмущившись, что она без подписи! Оказывается, с подписью еще придет.

Сейчас я пишу статейку о Блоке для Р. Гуля, у меня очень много работы в университете, пишу урывками, кончу на этой неделе — надеюсь, т. к. он торопит. Открыл Вашу книгу, стал читать, взволновался в «вихре мыслей» — и отложил ее, чтобы не мешать Блоку. Я — не из тех гениальных людей, которые умеют думать о двух предметах сразу и даже сразу писать две книги. Меня всякая тема «поглощает». Оттого я Вашу книгу и отложил. Напишу о ней — и пошлю в «Н<овое> р<усское> с<лово>» — приблизительно через неделю.

Первое впечатление — не от чтения, а от просмотра только. Сначала странное: справочник по истории младороссов и проч. Настоящее, Ваше — дальше, и оно-то меня и задело!

Очень хорош тон, сущность — благородно, анти-суетливо, достойно, человечно, все. Но с мыслями я не согласен «до мозга костей». Ваша книга в сущности — католическая, но стремление спасти все, и овец, и волков. Вы как будто считаете христианским все, что Вам по душе, а в особенности машины и прогресс. Чеховская фраза о «паре и электричестве»¹ — именно Чехова, и в его стиле не лишена пошлости, чего, к счастью, нет у Вас. Все это, голубчик, страшней, сложней, ужаснее, вопреки Вашему Бергсону. Кстати, и о Ницше — что Вы о нем написали!!² Ницше, весь измученный, в сто раз больше может научить христианству, чем Бергсон со своими рассуждениями. И Маркион! У Вас знак равенства: декаденты из «Чисел» — Маркион. Но Маркион — в глубочайшей сущности Евангелия, которую церковь должна была отвергнуть, что бы она об нем ни думала³. Не «Числа» с Маркионом, а русские сектанты с ним, которым было ясно, что если выбирать между Христом и прогрессом, колебаний быть не может. Помните ли Вы, что Шестов писал о маркионизме Толстого?⁴ Кстати, как жаль, что единственная умная и хорошая книга о М<аркионе> — Гарнака⁵ — не переведена на другие языки. По невежеству в немецком языке я читал ее урывками, с чужой помощью: да, это только гипотеза, но это и ключ к христианству, иначе не объяснимому.

Ну, assez⁶. Конечно, я всего этого в статье не напишу, а если напишу, то с почтительным восхищением, как спор с великим человеком. В книге основное — благородство и какое-то спокойствие в доброте устремлений (т. е. анти-леонть-

евщина, анти-Ницше, если Ницше прочесть поверхностно) действительно замечательны. Но машины враждебны Евангелию не сами по себе, а, т<ак> сказать, «физиологически»: они рожают иной душевный состав, и насчет будущих атомных инженеров, помышляющих о Царствии Божиим и спасении душ, у меня очень большие сомнения.

С удовольствием прочел о соловьевском «Антихристе»⁷. Более лубочной театральщины нет на свете, разве что письма Цветаевой к Штейгеру, Вас — увы! — восхитившие!

Написал бы я Вам еще много, да некогда. Кроме того, книгу я именно перелистал, а не прочел. Конечно, по суетности, прочел и все, меня лично касающееся — спасибо! А с особенным удовольствием прочел свою цитату — забыл ее, — о «добродетельной кашке» Фондаминского и К^о на лампадном масле. Совершенно верно, я бы и теперь то же написал⁸.

До свидания. La main. Вы все-таки очень хороший и нужный писатель, вопреки моим возражениям и возмущениям.

Ваш Г. А.

P.S. И как это Вы, молодой человек, решились упрекать меня за снисхождение к Алданову? Вы о заведомых кретинах и болтунах пишете так почтительно, с такими реверансами, что я только ахал! Самые пустые статейки — у Вас сплошь «замечательные», даже такие, где кроме лжи, фраз, и то с чужих слов, нет ничего!

¹ Варшавский в книге соглашался с высказыванием Чехова: «В электричестве и паре больше любви к человеку, чем в целомудрии и воздержании от мяса» (из письма Чехова к А.С. Суворину от 27 марта 1894 г.). В новой редакции книги Варшавский оставил этот пассаж без изменений.

² Ницше был упомянут Варшавским именно в связи с Бергсоном: «В знакомой мне эмигрантской литературной среде Бергсона не любили. Поколению, выросшему на Достоевском, Ибсене, Ницше, Розанове, музыке Вагнера и декадентских стихах, слишком академическая проза Бергсона была не по душе. Говорили, что книги Ницше написаны кровью, а книги Бергсона чернилами и т. п. При этом не замечали, что своей точной классической прозой Бергсон сказал о “несказанном” больше всех символистов и выразил идеи, более смелые и, с точки зрения здравого смысла, более безумные, чем взвинченные выкрики многих патентованных безумцев».

³ См. примеч. 6 к письму 8 наст. публ.

⁴ Л. Шестов писал об этом в связи с книгой Адольфа фон Гарнака (Harnack; 1851–1930) о Маркионе: «Он прибавляет, что в последнее время Маркион вновь явился цивилизованному миру в образе... кого бы вы думали? В образе Льва Толстого, который совсем как когда-то Маркион возвестил “свое” Евангелие и, тоже как Маркион, очистил Евангелие от всего, что не соответствует нашим, взятым у греков, представлениям об истине и добре, т. е. что не удовлетворяет теоретическую потребность и тем делает ценность самой жизни сомнительной. Гарнак, правда, все же продолжает говорить о вере, как говорят о вере и Маркион и Соловьев. Но вера давно уже отлетела туда, где с нее не спрашивают оправдательных документов, — и вместо веры в руках осталось только то, что “понятно, желательно и спасительно само по себе” и что новый Маркион, Толстой,

просто называет совестью и разумом» (*Шестов Л.* Умозрение и апокалипсис (Религиозная философия Вл. Соловьева) // *Современные записки.* 1927. № 33. С. 305).

⁵ В книге «Маркион, Евангелие о чуждом Боге» (1921; 2-е изд. 1924) Адольф фон Гарнак по цитатам из трудов ересиологов восстановил текст маркионовского канона: *Harnack A.* Marcion: Das Evangelium vom fremden Gott. Leipzig, 1921.

⁶ Довольно (*фр.*).

⁷ Адамовичу понравилась характеристика Варшавского соловьевской «Повести об антихристе»: «Необыкновенный успех этой злополучной “гениальной” повести очень помешал делу пропаганды основной соловьевской идеи» (*Варшавский В.* Незамеченное поколение. Нью-Йорк, 1956. С. 243).

⁸ Сравнивая «Новый град» с «Числами», Варшавский привел цитату из довоенной статьи Адамовича: «Еще гораздо страннее (если бы не была так давно знакома) — добродетельная новгородско-утвержденская модернистическая кашка из приторно нестеровского православия и социалистических “достижений”, вся эта вообще революция на лампадном масле» (*Адамович Г.* Комментарии // *Числа.* 1933. № 7/8. С. 156). Позже, перерабатывая ранние публикации «Комментариев» для книжного издания, Адамович снял весь этот абзац.

26

104, Ladybarn Road
Manchester 14
5/II-56

Дорогой Владимир Сергеевич

Отвечаю на письмо, полученное сразу после того, на которое я ответил.

Я очень рад, что рецензию пишет Аронсон¹. Это меня избавит от необходимости рассказывать о книжке, а даст возможность сразу сказать несколько слов о ее сущности. Но, конечно, я подожду писать, т. е. не буду писать, не прочтя Аронсона, — а если Вы хотите, чтобы я написал поскорей, пришлите мне его статью *by air mail*². Хорошо, что Карпович будет о ней говорить или писать³. Это все-таки — имя, не Аронсон, который туп и самоуверен редкошно.

Книгу Вашу примусь читать обстоятельно завтра. Но не могу не сказать Вам, как меня восхитило соседство Оцуа с Толстым (два эпитафия)⁴. Что Вы вообще переборщили в любезностях — это *saute aux yeux*⁵, но я этого писать не буду. В книге Вашей хорошо то, что о ней можно бы и в ответ написать целую книгу. Так что мелочей — даже в газетной статейке — не стоит касаться.

Читали ли Вы Бунина о Чехове?⁶ Я — по просьбе Веры Ник<олаевны> — напишу об этой книге (кое-где замечательной, но с *limites* автора, чувствующимися везде!) в «Н<овом> р<усском> с<лове>», хотя уже писал Слоним⁷, — но, по ее словам, «высокомерно».

До свидания, друг, учитель, наставник и обличитель.

Ваш Г. А.

Когда-нибудь Вы будете горько раскаиваться за диплом гениальности, выданный Вами Сирину.

¹ Рецензии Г.Я. Аронсона на отдельное издание «Незамеченного поколения» не последовало.

² Авиапочтой (англ.).

³ Его рецензия была вскоре опубликована: *Карпович М.М.* Незамеченное поколение // *Опыты* 1956. № 6. С. 101–104.

⁴ Четвертой главе книги Варшавского «Незамеченное поколение» предшествовали два эпиграфа: из «Войны и мира» Л.Н. Толстого и из «Дневника в стихах» Н.Н. Оцупа.

⁵ Бросается в глаза (фр.).

⁶ *Бунин И.* О Чехове. Нью-Йорк, 1955.

⁷ Со статьей М. Слонима, посвященной книге Бунина «О Чехове» (*Слоним М.* Бунин о Чехове // *Новое русское слово.* 1956. 1 января. № 15527. С. 8), Адамович вступил в полемику: «Объяснение, которое давал сам Бунин своей нелюбви к пьесам Чехова, настолько убедительно, что искать другого нет причин» (*Адамович Г.* Бунин о чеховских пьесах // Там же. 19 февраля. № 15576. С. 8). 20 февраля 1956 г. Адамович писал В.Н. Буниной: «Я коснулся только одной темы, а именно — отношения И<вана> А<лексеевича> к пьесам Чехова. Слоним написал об этом совершенный вздор, притом вздор самоуверенный, чуть-чуть “свысока”. Я оттого и вступил с ним в спор» (*Переписка И.А. и В.Н. Буниных с Г.В. Адамовичем (1926–1961) / Публ. О. Коростелева и Р. Дэвиса // И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. I. М., 2004. С. 133).*

27

Manchester

8/III-56

Cher ami Владимир Сергеевич

Во-первых, спасибо за присылку отчета о вечере, о моей книге, а в особенности за Ваше на нем выступление¹. Очень тронут. Спасибо.

А затем, только что получил статьи Аронсона² и Вишняка³. Из двух зол я предпочитаю Вишняка. Аронсон развязен и самоуверен донельзя; и снисходительно похлопывает Вас по плечу. Вишняк кипит, но это его всегдашнее нормальное состояние.

Я напишу статейку завтра, т. е. в пятницу, пошлю в субботу — не раньше — так что она могла бы пойти в воскресенье 18-го. Но я не понимаю, зачем Вам нужно, чтобы она появилась как можно скорей! По-моему, лучше бы расстояние между отзывами, а то все сразу — а потом молчание! Ну, дело Ваше. Впрочем, наверно будут и еще отклики. Уж Кускова не будет Кусковой, если не напишет на такую темочку подвала или трех подвалов. Получил вчера письмо от Кантора, — и списываю: «По-моему, книга В<аршавского> замечательная. Помимо того, что она должна уцелеть, как документ первостепенный, самая установка автора чрезвычайно привлекательна. И написана книга очень хорошо».

Уверяю Вас, что Кантор умнее Аронсона, и списываю Вам в утешение от нападков.

Кто такой Осокин?⁴ Не знаю, не помню даже имени.

Адрес Оцуа? Не знаю. Где-то он живет в St-Mandé⁵, под Парижем, но улицы я не помню. Пошлите книжку на имя С.Ю. Прегель, с просьбой переслать. Она — человек аккуратный, наверно это сделает, и адрес Оцуа узнает (от Гингера). Что ему надписать? Он болен манией величия и лишен чувства юмора, т<ак> что если напишете «великому гению», он будет доволен. Дианы⁶, по-моему, упоминать не надо, ее что-то давно не видно, и он при упоминании о ней краснеет и что-то мычит. А изволили ли Вы послать Ваше произведение Алданову? Как великого художника Вы можете его недооценивать, но человек он самый влиятельный и почтенный, и если Вы заинтересованы в чем-либо практическом (стипендия и т. д.), пренебрегать им не годится. Вот его адрес: 16, avenue Georges Clemenceau, Nice (А.М.).

Яновскому я написал, но ответа не получил. Что это за дурак Ершов⁷, который пишет, что я «перечеркиваю» Тургенева? Я из-за Тургенева вечно спорил с Буниным, да и с Алдановым, я многое у него очень люблю, а что есть у него и патока, это верно. В исключение из правил, я к статье о Вас сделаю маленький постскрипtum в ответ этому Ершову, хотя в вежливой форме⁸.

До свидания. La main. Пишите. Вы извиняетесь за «бомбардировку», а я ей рад.
Ваш Г. Адамович

¹ 15 февраля 1956 г. в нью-йоркском Русском литературном кружке состоялось собеседование, посвященное книге Адамовича «Одиночество и свобода», на котором выступали И.Л. Тартак, Г.Я. Аронсон, В.С. Варшавский, Г.А. Глинка, П.Е. Ершов и др. См. подробный газетный отчет: *Троцкий И.* Проблемы зарубежной литературы // Новое русское слово. 1956. 22 февраля. № 15579. С. 3.

² *Аронсон Г.* «Русские мальчики» в эмиграции // Там же. 4 марта. № 15590. С. 8.

³ Статья М.В. Вишняка «О “незамеченном поколении”» появилась в «Новом русском слове» 2 марта 1956 г.

⁴ Псевдонимом Н. Осокин подписывал некоторые из своих критических публикаций Вадим Леонидович Андреев (1903–1976).

⁵ *Сент-Манде* (St-Mandé) — пригород к востоку от Парижа, недалеко от Винсенского леса, в те годы скромный, позже весьма уважаемый район.

⁶ Имеется в виду *Каренн* Диана (наст. имя и отч. Диана Александровна, в замужестве Оцуа; 1888–1968) — жена Н.А. Оцуа, в молодости актриса немого кино.

⁷ *Ершов* Петр Евгениевич (1893–1965) — историк литературы, переводчик, журналист, профессор Одесского университета, с 1952 г. в Нью-Йорке, сотрудник «Нового русского слова», преподаватель Колумбийского университета.

⁸ Возражения Ершова вызвали посвященные И.С. Тургеневу страницы «Комментариев» Адамовича: «Была, вероятно, оттого в его писаниях какая-то постоянная фальшь. <...> Эту фальшиво-дребезжащую струнку — Тургенев, вероятно, в себе чувствовал. Как чувствовал, вероятно, и “прохладность” свою, прохладную, беспредметно-беспричинную свою грусть. Ну конечно, он навсегда оттеснен на второй план своими двумя “сверстниками-гигантами” — о чем же тут спорить?» (Опыты. 1954. № 3. С. 105). Свой ответ Ершову Адамович опубликовал еще до статьи о «Незамеченном поколении» (*Адамович Г.* Письмо в редакцию. По личному вопросу // Новое русское слово. 1956. 15 марта. № 15601. С. 2), еще раз изложив свои взгляды на место Тургенева в русской литературе. Этим Ершов удовлетворился: «Недоразумение следует считать разъясненным» (*Ершов П.* Письмо в редакцию. По личному и общему вопросу // Там же. 21 марта. № 15607. С. 8).

Manchester
14/III-56

Cher ami Владимир Сергеевич

Я виноват перед вами: только сегодня, одновременно с этим письмом, высылаю статью о Вашей книге Вейнбауму¹. Размером статьи Вы будете довольны: она столь длинна, что я даже не знаю, не разобьют ли они ее на два номера (что было бы очень плохо!)². Ну, а насчет содержания, м. б., Вас возмутит полемика с Вами, защита Маркиона и прочее, — но тон мой такой, будто я спорю с Гегелем, и хороших слов о Вашей книге в начале, до спора, много.

Напишите, qu'en pensez vous³.

Ваш Г. А.

P.S. Получил вчера письмо от Яновского, довольно замечательное в смысле «достоевского» тона⁴. Но кое-что верно.

Я 20-го еду в Париж, е<сли> б<уду> ж<ив>. Пробуду там до 20 апреля. Адрес тот же: 7, rue Frédéric Bastiat Paris 8e.

¹ Вейнбаум Марк Ефимович (1890–1973) — журналист, с 1913 г. жил в США, сотрудник (с 1914 г.), затем редактор-издатель (с 1923 г.) газеты «Новое русское слово».

² Статья была опубликована в одном номере и заняла почти целую полосу: Адамович Г. О христианстве, демократии, культуре, Маркионе и о прочем // Новое русское слово. 1956. 25 марта. № 15611. С. 8.

³ Что Вы думаете (*фр.*).

⁴ Яновскому Адамович ответил в тот же день, что и Варшавскому, 14 марта 1956 г., заявив, в частности: «Не пишите мне дурного о Варшавском. Если бы он написал мне дурное о Вас, я сказал бы ему то же самое. Варш<авско>го я искренне любил и люблю, а что у него много самолюбия, внезапно и болезненно прорывающегося, и что он может быть не совсем “на высоте”, я знаю, хотя лично этого не испытал» (BAR. Coll. Yanovsky. Box 1. Folder 1).

7, rue Frédéric Bastiat
Paris 8^e
3/IV-56

Дорогой Владимир Сергеевич

Спасибо за письмо. Очень рад, что моя статья Вам понравилась, или вроде. Вы — человек щепетильный, и я, послав статью, боялся, что Вы возмутитесь спором с Вами. По существу, отвечать сейчас на Ваш вопрос — «что предлагаете Вы?» —

мне трудно. В двух словах: если бы надо было «предлагать», я предложил бы то же, что Вы, т. е. «прогресс» и все такое. Но я не уверен, что это — христианство, это скорее только угольки его, и оттого-то и надо держаться угольков, что огня нет уже нигде. Вы вполне правы в выборе, но не вполне правы в определении и диагнозе. А Толстой предлагал «рискнуть» миром, надеясь, что тогда Бог вмешается и все наладит, без парламентов¹. В отношении к нему Ваш вопрос совсем не по адресу.

Ну, у меня сейчас каша в голове, для философии не подходящая, из-за Парижа, суеты и развлечений.

Очень был доволен отчетом о Вашем вечере, т. е. пылкостью прений, даже с губернатором и архиереем, как полагается². Кто это змея Глеб Глинка?³ Он, кажется, и на моем вечере подвизался⁴. Кто будет писать о Вас в «Опытах»?⁵ Помоему, хорошо бы попросить Кантора, он полон мыслей о Вашем труде и пишет, если и слегка суконно, то с содержанием и идеями. До свидания, cher ami. Персидская⁶ меня одолевает письмами, но я тверд, как камень и скала. Здесь я до 20–22 апреля. Пишите! И простите, что пишу сегодня мало вразумительно.

Ваш Г. А.

¹ Адамович приводит трактовку Н.А. Бердяева: «Толстой противопоставляет закон мира и закон Бога. Он предлагает рискнуть миром для исполнения закона Бога. <...> Если человек перестанет противиться злу насилием, т. е. перестанет следовать закону этого мира, то будет непосредственное вмешательство Бога, то вступит в свои права божественная природа. Добро побеждает лишь при условии действия самого Божества» (*Бердяев Н. Русская идея. Глава VII*).

² Собеседование, посвященное книге Варшавского «Незамеченное поколение», было организовано обществом «Надежда» 9 марта 1956 г. в помещении нью-йоркского «Клуб Хауз» (New York, 150 West 85 Street). Вступительное слово произнес М.М. Карпович, выступили прот. А. Шмеман, Ю.П. Денике и др.

³ Глинка Глеб Александрович (1903–1989) — писатель, член литературной группы «Перевал» (в 1927–1932 гг.), консультант издательства «Советский писатель», во время войны попал в плен, находился в лагере для военнопленных в Польше, после войны жил во Франции, затем в Бельгии и в США, сотрудник «Нового журнала».

⁴ Г.А. Глинка выступал 15 февраля 1956 г. в нью-йоркском Русском литературном кружке на собеседовании, посвященном книге Адамовича «Одиночество и свобода», на котором он, в частности, заявил: «Пришло время, когда наша зарубежная литература должна окончательно преодолеть столь характерную для Адамовича сладкую боль своего эмигрантского самосознания. <...> Новых эмигрантов трудно увлечь романтикой сожаления и одиночества. Нашей литературе не нужны стоны и жалобы на одиночество и незамеченность целых поколений» (*Троцкий И. Проблемы зарубежной литературы // Новое русское слово. 1956. 22 февраля. № 15579. С. 3*).

⁵ «Опыты» откликнулись на «Незамеченное поколение» рецензией М.М. Карповича (Опыты. 1956. № 6. С. 101–104), а затем статьей Ф.А. Степуна ««Новоградские» размышления по поводу книги В.С. Варшавского «Незамеченное поколение» и дискуссии о ней» (Там же. № 7. С. 45–57).

⁶ Не удалось найти сведений.

7, rue Frédéric Bastiat
Paris 8e.
16/VI-56

Дорогой Владимир Сергеевич

Пишу из Парижа, куда прибыл третьего дня. Видел пока только Кантора, а сегодня еду обедать к Гингерам, где будут Бахрах и Червинская: фестиваль с курницей по случаю выхода ее книги¹. Я здесь до 10 июля, потом надеюсь поехать в Ниццу. Я не люблю метаморфоз и сюрпризов, оттого и программа у меня всегда та же.

Что происходит с «Опытами»? Только прочел статью Вишняка в «Русской Мысли» с нападками на меня за мою мягкость к Маркову². По существу, Вишняк совершенно прав. Но я не мог написать всего, что я думаю, в статье, о которой меня специально просили как о «помощи журналу» и Иваск, и Мария Самойловна. Помимо всего, мне было неловко и тягостно этот № читать из-за упоминания моего имени чуть ли не на половине общего числа страниц!³ В чем Вишняк не прав, это в иронии насчет Поплавского. Конечно, отрывок плохой. Но неприличный никаких в нем нет, это все пустяки и лживая стыдливость. Напишите, что Вы обо всем этом думаете. Было бы жаль, если бы брань — неизбежная! — по поводу этого № охладила бы пыл Марии Самойловны. А Иваск мне писал, что этот № — «самый лучший!» Он очень мил, я его искренне люблю (по письмам), но при крайней subtilité, царя в голове у него все-таки нет! Хоть бы Вы за ним присматривали и давали ему советы. До свидания. Как Вы живете? Отчего давно молчите!

Ваш Г. А.

¹ Речь о книге: *Червинская Л.Д.* Двенадцать месяцев. Париж: Рифма, 1956. Вероятно, именно во время этого обеда произошел инцидент, о котором Адамович написал Червинской в недатированном письме: «Сцена у Гингеров — в порядке вещей, и если форма была не совсем обычно<й>, то сущность остается такой же. N'e parlons plus <Не будем больше об этом говорить (фр.)>. И не ссорьтесь с Гингерами никогда, п<отому> что они — Ваши друзья, и Вы сам<а> это чувствуете. У Вас вообще больше друзей, чем Вы считаете, но дружба не есть согласие и одобрение каждого слова, каждого поступка. Скорей наоборот» (BAR. Coll. Adamovich).

² Рецензируя шестой номер «Опытов», Адамович написал: «“Заметки на полях” В. Маркова меня озадачили. Из авторов, появившихся в нашей печати после войны, это один из тех, с которым связаны большие надежды. Но до чего он боек, небрежно поверхностен, многословен, с налетом “легкости в мыслях необыкновенной”! В его коротеньких заметках кое-что остроумно. Удивляет, однако, самая мысль эти заметки представить на суд читателей: это — будто крохи с некоего роскошного стола. А в данном случае никакого стола еще нет» (Новое русское слово. 1956. 3 июня. № 15681. С. 8). Заметка Вишняка «Об “Опытах” № 6» появилась почти одновременно в «Новом русском слове» (1956. 10 июня. № 15688. С. 8) и «Русской мысли» (1956. 12 июня. № 911. С. 5). Формально она

была откликом на статью Адамовича «Опыты», но речь в ней шла почти исключительно о Маркове:

«Характеристика Гоголем Хлестакова, мне представляется, — не покрывает полностью того, что на своих трех страничках изобразил Заратустра из “Опытов”. Я имею в виду не только выпад против Е.Д. Кусковой, сделанный с ученым видом знатока, опирающегося на авторитет Маяковского, якобы “воспевшего” “г-жу Кускову” в свое время, когда эта заслуга принадлежит не Маяковскому, а Демьяну Бедному. Меня возмутила, конечно, выходка г. Маркова по адресу русской общественности.

Он пишет: “Глава о Чернышевском в ‘Даре’ Набокова — роскошь! Пусть это несправедливо, но все (?) ведь заждались хорошей оплеухи ‘общественной’ России”.

По молодости ли лет, возрастной незрелости, или по эстетскому безразличию к справедливому и несправедливому, В. Марков мог не знать и не ощущать “оплеухи”, нанесенной российской общественности еще в октябре 17-го года единомышленниками Демьяна Бедного и Маяковского. Но как решились опубликовать эту непристойность руководители “Опытов”, если они стремятся продолжать “традицию” русской литературы?» (Русская мысль. 1956. 12 июня. № 911. С. 5).

«Заметки на полях» (Опыты. 1956. № 6. С. 62–66), в которых В.Ф. Марков задел Е.Д. Кускову и Н.Г. Чернышевского, вызвали в литературных кругах эмиграции своеобразный скандал. Самые маститые присяжные критики эмиграции — каждый по своей причине — обратили внимание на Маркова, чему он был совсем не рад. 2 июня 1956 г. Г.П. Струве писал В.Ф. Маркову из Парижа: «На Вашу статью получил крайне возмущенный отклик от М.В. Вишняка. Он в совершенном ужасе, просит меня даже по дружбе что-то “сделать” с Вами, пробрать или проучить. Я не могу, поскольку не знаю, в чем дело. Но очевидно речь идет о чем-то недопустимом, что Вы написали по адресу Е.Д. Кусковой (кстати, я с этой замечательнейшей 87-летней женщиной провел несколько интереснейших вечеров в Женеве — я ведь специально для нее туда ездил) и еще более “недопустимой” фразы о Чернышевском а ргоро сирийского “Дара”. Судя по приведенной Вишняком цитате фраза действительно малоуместная. <...> Боюсь, что в том, на что указывает Вишняк, сказалось не раз замеченное мною у Вас озорство и отсутствие “решпекта” к вещам, которые заслуживают иного» (Собрание Жоржа Шерона. Лос-Анджелес). Марков ответил Струве 8 июня 1956 г.: «Писал я все это давно, когда еще шла газетная дискуссия между Кусковой и Яновским. Теперь же все уже читали саму книгу Варшавского, гораздо более широкую по содержанию, и мои замечания кажутся особенно легковесными и неуместными. К тому же Иваск сильно “обработал” все (вот когда прочитаете, услышите, что звучит местами совсем как Иваск — а значит и усиляет впечатление развязного легкомыслия. <...> Очевидно, придется наложить на себя какой-то “обет молчания”» (Hoover Institution Archives. Stanford University. (Далее — Hoover.) Gleb Struve Papers. Box 105. Folder 9). 17 июня 1956 г. Ю.П. Иваск сообщил Маркову о развитии сюжета: «10-го было собрание “Опытов”. Что там творилось... Сперва о Вас. Разговоров было много. Все признали, что Марков талантлив, но два часа обсуждали Вашу оплеуху и один час пенис Поплавского. <...> На меня большое впечатление произвел Вишняк — еще недавно был он моложавый самодовольный адвокат-социалист, а тут он явился рыдающим Иеремией. Я постарался его успокоить. Что делать — Чернышевский для него святой, как Никола для бабы. Это вера. Ульянов и Коряков сказали, что Ваши заметки не на художественной высоте, но вместе с Завалишиным отмежевались решительно от Чернышевского и Вишняка. Но Варшавский и я, мы поняли Марка Веньяминовича, и я с ним еще долго беседовал по телефону. Ваша оплеуха по сути и по контексту добродушна. Но теперь я вижу, что надо было и оплеуху, и пенис (Поплавского) опустить, чтобы не дразнить гусей. Кое-кто грозил почтенной доброй издательнице и мне американской тюрьмой! <...> Не принимайте всего этого так горячо. Адамович Вас ценит. Вишняка мы успокоим. Таланты Ваши признаны» (Собрание Жоржа Шерона. Лос-Анджелес).

Подробнее об инциденте см. в публикации: «...Мир на почетных условиях»: Переписка В.Ф. Маркова с М.В. Вишняком (1954–1959) // «Если чудо вообще возможно за границей...»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов. С. 423–448.

³ В шестом номере «Опытов» были напечатаны «Комментарии» Адамовича (с. 38–51), его рецензия на книгу Е.И. Замятина «Лица» (с. 94–96. Подп.: Г. А.), заметка «По поводу собрания сочинений Осипа Мандельштама» (с. 92–94. Подп.: А.) и публикация: Бунин И.А. О Чехове (Из писем Г.В. Адамовичу) (с. 25–27). Помимо рецензии М.М. Кантора на книгу «Одиночество и свобода» (с. 96–100), Адамовичу в той или иной мере были посвящены «Заметки читателя» Ю.П. Иваска (с. 52–60), «Заметки на полях» В.Ф. Маркова (с. 62–64) и «Среди книг» Н. Татищева (С. 67–71), а также рецензия М. Карповича на книгу Варшавского «Незамеченное поколение» (с. 101–104).

104, Ladybarn Road
Manchester 14
21/X-56

Cher ami, дорогой Владимир Сергеевич

Знаю, что Вы человек злопамятный и, верно, затаили на меня гнев и обиду за мое молчание! Простите. Честное слово, причин никаких не было (да и быть не могло), кроме «так» — слово, которого не выносила З. Гиппиус¹. Был «вихрь удвольствий», был мой всегдашний летний маразм и все прочее, — т. е. в сущности ничего. Никому (или почти никому) я не писал, ну а теперь пора взяться за ум. Надеюсь, Вы положите гнев на милость и ответите мне, притом поскорее, дабы я знал, что Вы не сердитесь.

На Ваши высоко-идеологические вопросы отвечать поздно: наверное, Вы забыли, о чем спрашивали. Да и многое изменилось с тех пор в общем положении — и кроме того, скажу по совести, меня все меньше интересует текущая повседневная политика и я все рассеянее за ней слежу. «Пора о душе думать», правда. На моем веку я больше никаких перемен — т. е. таких, которые отразились бы на моей личной жизни, — не жду. Ну а перед лицом вечности события повседневные превращаются в чепуху. Я не ясно объясняюсь, но Вы поймете. Я не то что «одной ногой в могиле», но одной ногой в неизвестности о вечном общем будущем и поэтому в равнодушии к речи Mr. X и всем подобным. Может быть, это и пройдет, но сейчас это именно так.

Отвечу на вопросы мелкие.

Правда ли, что Червинская возвращается в Россию? И да, и нет. Ей в Париже не на что жить, совсем, вот у нее и явилась эта мысль. Многие поддерживают: Бахрах и др. Но это ее пугает и едва ли она на это решится. Пока я написал Вейнбауму и Полякову с просьбой устроить ей ежемесячное пособие из Лит<ературного> фонда. Они это иногда делают, в виде исключения. Еще хочу попросить Наталью Влад<имировну> при случае поддержать это дело. Я ей напишу об этом². Червинская — бледна как cadavre³, и правда — в нищенстве.

Рейзини. Я его видел в Париже. Богат и роскошен по-прежнему (в первом — кое-какие сомнения), да и мил по-прежнему. Говорит, что все препятствия преодолены и он не сегодня завтра появится в Ваших краях. Насколько это верно — не знаю. Он большой фантазер и хвастун.

Кого я видел или вижу? Из общих друзей — мало кого. Вот, обидел насмерть (будто бы) Веру Ник<олаевну> Бунину: не зашел к ней в Париже⁴. Знаю это от Алданова, будущего юбиляра. Не забудьте его поздравить к 8 ноября. Кстати, я его часто видел летом в Ницце. Он очень лестно о Вас отзывается, но очень уязвлен тем, что Вы в своей книге, всех наградив комплиментами, обидели Милюкова и Фондаминского. Тут есть доля правды: не соблюдена пропорция, и если какой-нибудь чудак у Вас великий человек, то Милюков — тем более! На днях с удовольствием читал статейку Гуля о Струве⁵, книгу которого не читал и не буду. Впрочем, некоторые его замечания о языке Струве — близки к придирам. У С<труве>, по-видимому, дурной стиль, но это вовсе не то же, что грамматические ошибки. Ужасна цитата о Вермандуа — Алданове (как о пошляке). Это Струве взял из статьи Ходасевича, которую Алданов тому никогда не простил⁶. Зачем Гуль это опять вспомнил, особенно к юбилею?

Ну, вот — это все дела и суета сует. Я опять в Манчестере, и опять впереди зима и тьма. Где Вы работаете и что делаете? Как здоровье и вообще молодая жизнь? Друг мой, не сердитесь на меня и не дуйтесь, а отвечайте подлиннее и поскорее. Общался я в Париже с Цетлиншей: ничего, довольно мило. А для «Опытов» еще ничего не сочинил, но сочиню. Физ⁷ мне говорил, что из-за меня Зеньковский ушел из «Опытов» и взял статью о Вас. Это мне очень жаль. Но он не прав: кощунств в моей статье нет (и никогда не будет).

До свидания, шлю всякие чувства.

Ваш Г. Адамович

¹ 4 сентября 1928 г. Гиппиус написала Адамовичу: «Некоторых слов я не люблю. Например: “отчего ж?” или “что ж делать?” И между ними особенно не люблю “так” (в вашем смысле “да так...”») (Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippus / Comp. by T. Pachmuss. München, 1972. P. 381–382).

² 29 октября 1956 г. Адамович писал Н.В. Кодрянской: «Хочу Вас попросить еще вот о чем. Я написал Вейнбауму и Полякову с просьбой о Червинской: нельзя ли ей устроить в Лит<ературном> фонде ежесечное пособие, как они иногда делают? (кажется, 25 долларов). Я знаю, что фонд не любит вмешательства, но Вы с Вейнбаумом, кажется, в дружеских отношениях. Если будет случай, замолвите за Червинскую словечко: ей правда помощь нужнее, чем кому бы то ни было» (Leeds. MS 1408).

³ Покойник (фр.).

⁴ Адамович в тот же день написал В.Н. Буниной письмо с извинениями (Переписка И.А. и В.Н. Буниных с Г.В. Адамовичем (1926–1961) / Публ. Олега Коростелева и Ричарда Дэвиса // И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. I. М., 2004. С. 137–138).

⁵ Статья Р.Б. Гуля о книге Г.П. Струве «Русская литература в изгнании» была разгромной: «Недостатки ее настолько велики, что от положительной оценки книги приходится воздержаться <...> его регистрационная работа пестрит такой непонятной неполнотой и неряшливостью (я настаиваю именно на этом слове), что цена ей становится невелика.

<...> От книги создается впечатление какого-то первозданного хаоса, из чего не родится ни инвентарь, ни тем более литературная критика. Самый же тяжкий недостаток книги — в ее плохом русском языке и невозможном стиле. <...> Для людей, проводивших в эмиграции без малого сорок лет и знающих ее литературу и журналистику, эта книга — кривое и тусклое зеркало» (Гуля Р. О книге Глеба Струве // Новое русское слово. 1956. 23 сентября. № 15793. С. 8). В ответ Струве упрекнул Гуля в недобросовестных критических приемах, заявив, что тот в качестве неупомянутых в книге лиц перечислял эмигрантов второй волны либо общественных деятелей, в то время как книга посвящена только литературе, причем преимущественно первой волны (Струве Г. Pro domo mea (Ответ Р.Б. Гулю) // Там же. 7 октября. № 15807. С. 7). Излишняя резкость статьи отмечалась многими в эмиграции. Д.И. Кленовский в письме В.Ф. Маркову от 6 октября 1956 г. объяснял ее так: «...сразу же в глаза бросается общий злобный и враждебный ее тон. Несомненно ее “мстительная” подоплека, вызванная тем, что Г<леб> С<труве> вспомнил в своей книге сменовеховское прошлое Гуля, о котором он предпочитает не вспоминать» («...Я молчал 20 лет, но это отразилось на мне скорее благоприятно»: Письма Д.И. Кленовского В.Ф. Маркову (1952–1962) // «Если чудо вообще возможно за границей...»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов. С. 150).

⁶ В рецензии на 68-й номер «Современных записок», открывавшийся главами из романа Алданова «Начало конца», Ходасевич писал: «Алданов никого не бичует. К бесчисленным Хлестаковым и Чичиковым обоего пола и разных столетий, им созданным, он подходит не только почтительно, но и любовно. При его воззрениях это естественное: нельзя же не уважать человека за то, что он переваривает пищу? Но когда Алданов строит психологические романы на материале героев, в которых главный и неизменный импульс есть пошлость, читатель ему инстинктивно сопротивляется, потому что не склонен до тонкостей разбираться в психологии пошляков, а главное — потому что им не сочувствует и даже их не жалеет, какие бы неприятности ни выпали на их долю. И сколько бы горестей ни пришлось испытать семье Кременецких или какому-нибудь Вермандуа, или Серизье — все это до читателя не доходит, потому что читатель их не любит и любить не может, не хочет. Вот тут-то литературный талант Алданова и разбивается об его собственный взгляд на человека» (Ходасевич В. Книги и люди. «Современные записки», книга 68-я // Возрождение. 1939. 24 марта. № 4176. С. 3). Г.П. Струве, похоже, и впрямь имел в виду этот отзыв Ходасевича, написав в своей книге: «Критика почти единодушно отметила такую блестящую удачу, как адвокат Кременецкий в “Ключе” и “Бегстве”, это законченное воплощение добродушного и симпатичного пошляка, но удаются Алданову и люди совсем другого склада, более похожие на него самого, вроде Вермандуа в “Начале конца”, на котором, впрочем, тоже есть легкий налет пошлости» (Струве Г. Русская литература в изгнании. Нью-Йорк, 1956. С. 271).

⁷ Физ Борис Юльевич (1904–1978) — инженер, общественный деятель. Уезден в эмиграцию подростком, жил в Германии, с 1923 г. во Франции. Основатель (1934) и президент компании «Orega». Участник Сопротивления. После Второй мировой войны генеральный директор компании «Супертон», вице-президент Синдиката радио-электрической промышленности (SIPARE), член совета директоров Национальной федерации электронной промышленности, член Совета Русского студенческого христианского движения (РСХД).

104, Ladybarn Road
Manchester 14
26/I-57

Дорогой Владимир Сергеевич

Лежит у меня на столе Ваше письмо (как водится, без числа!), и я не знаю, ответил я на него? Кто кому писал последний? Это уже не в первый раз, и на всякий случай я, как Магомет с горой, делаю соответствующий жест.

Как Вы живете? Письма Ваши грустные, или, вернее, — хмурые. Отвечать на Ваши мысли о мировых событиях поздно, т. к. Вы едва ли помните, что и о чем писали. Признак одряхления: я ими все меньше интересуюсь — иначе как в плоскости обывательской, т. е. «дайте дожить спокойно». По-моему, все неуклонно и верно идет к катастрофе. Да и чем, кроме катастрофы, ход новой истории мог бы разрешиться? У Алданова есть где-то вопрос, который я запомнил: «будет ли 21-й век?»¹ Крайне сомнительно, и, во всяком случае, нельзя представить себе его со-держания. У римлян были варвары, т. е. неизвестность, а у нас даже этого нет. «Tout est bu, tout est mangé, plus rien à dire»², как у Верлена. Я завидую людям, которые находят в себе силу верить во Второе Пришествие. Только это было бы разрешением и выходом. Но вернее — ничего нет, ничего не будет, нечего ждать. Нет, я сам себя ловлю на мысли, что пишу по инерции вздор: не может быть, чтобы ничего не было, и, пожалуй, смысл всей истории, всей культуры, всего, именно в том, чтобы не дать этому чему-то погибнуть в ужасах пространства и времени.

Ну, простите — вдруг ни с того ни с сего расфилософствовался. Я часами (каждый вечер) сижу в комнате один, у печки, вот и думаешь о «проклятых вопросах», вместо Венгрии или речи Мг Икса. А в сущности ведь проклятый вопрос один: после печки — что дальше? (По Канту их три: Бог, свобода, бессмертие, — но это все то же самое.) Самый «проклятый» — в смысле мучительности — пожалуй, свобода, т. е. детерминизм.

Иваск мне пишет, чтобы я написал в «Н<овом> р<усском> с<лове>» об «Опытах»³, по желанию издательницы. Но это неудобно. Аронсон окончательно расшвирипееет и будет прав. Да «Опытов» я еще и не получил. Зато получил в конверте «Experiments»⁴ пук стихов, по-видимому, это Биск⁵ из Рильке, но сопроводительного листа нет. Об этом Биске мне писал Иваск, что это фаворит Цетлинши и что надо бы его отвадить. Я еще стихов не читал. Знаете ли Вы о нем что-нибудь?

До свидания, cher ami. Рейзини я видел в Париже, во всем блеске, и был он крайне мил. Показывал мне «N<ew> Y<ork> Times», где пишут, что он во всем оправдан. Собирался он в Нью-Йорк, и если поехал, верно, Вы его видели. Для меня в нем есть шарм легкой и по-своему верной дружбы.

Пишите, пожалуйста. Если видите Кодрянских, передайте всякие чувства, самые искренние.

Ваш Г. Адамович

¹ Адамович неточно цитирует «Диалог о тресте мозгов» М. Алданова: «Вы совершенно уверены, что 21-е столетие *будет?*» (Алданов М. Ульмская ночь. Нью-Йорк, 1953. С. 234).

² «Все выпито, все съедено, сказать больше нечего» (фр.). Из сонета Верлена «Истома» (1883) или, в переводе Б. Пастернака, «Томление».

³ 25 января 1957 г. Адамович отвечал Иваску: «“Опыты” надеюсь вскоре получить. Но писать о них в “Н<овом> р<усском> слове”? Посудите сами, удобно ли это? Аронсон взбеленится и будет прав. М<ожет> б<ыть>, когда он напишет, я найду повод написать о чем-нибудь в дополнение или даже в возражение. Но пусть сначала появится его отзыв» (Сто писем Георгия Адамовича к Юрию Иваску (1935–1961) / Предисл., публ. и коммент. Н.А. Богомолова // Диаспора: Новые материалы. V. Париж; СПб., 2003. С. 496). Адамович о новой книге «Опытов» так и не написал, а рецензия Г.Я. Аронсона была опубликована два раза подряд в одной и той же газете — случай воистину уникальный. Неделю спустя после первой публикации (Аронсон Г. «Опыты», книга 7-я // Новое русское слово. 1957. 3 февраля. № 15926. С. 8) рецензия была напечатана повторно, с редакционным пояснением: «...так как многим читателям получить этот номер не удалось» (Там же. 10 февраля. № 15933. С. 8).

⁴ «Опыты» (фр.).

⁵ Биск Александр Акимович (1883–1973) — поэт, переводчик, с 1920 г. в эмиграции в Болгарии, затем в Бельгии, с 1942 г. в США, участник Кружка русских поэтов в Америке (Нью-Йорк), печатался в «Опытах», «Новом журнале», «Современнике». Подробнее о нем см.: Азадовский К. Александр Биск и одесская «Литературка» // Диаспора: Новые материалы. I. Париж; СПб., 2001. Вып. С. 95–142. О взаимоотношениях Биска с «Опытами» см. в публикациях: Журнал «Опыты» (Нью-Йорк, 1953–1958): Исследования и материалы / <Сост. О.А. Коростелев> // Литературоведческий журнал. М., 2003. № 17; «Мария Самойловна, не оставляйте “Опытов”!» (О прекращении журнала. По письмам из архива М.С. Цетлиной) / Публ., вступ. заметка и коммент. М. Пархомовского // Русские евреи в Америке. Кн. 1 (Русское еврейство в зарубежье. Т. 12) / Ред.-сост. Э. Зальцберг и М. Пархомовский. Иерусалим; Торонто; М., 2005. С. 187–208.

104, Ladybarn Road
Manchester 14
2/XI-57

Дорогой Владимир Сергеевич

Опять я Вам целый век не писал, на Ваше последнее письмо вовремя не ответил! Там (Вы, вероятно, забыли) были рассуждения о Ремизове, с вопросом: почему Шекспира можно одобрять, при всех его выкрутасах, а Ремизова нельзя? Ну, на это надо бы ответить обстоятельно. Шекспиру за отдельные строки в «Гамлете» все навсегда простили (вроде «words, words, words» — которые, хотя по тексту являются издевательством Гамлета над Полонием, получили смысл и резонанс совсем другой), а Ремизов — дело другое. Я, в сущности, признаю все его достоинства, но мне казалось, что он «вне» Опытов, оттого я и разозлился. А кроме того, писал Иваску сразу после разговора с Г. Ивановым¹ (entre nous, он дурак, но этого никто не должен знать), который тоже что-то пролепетал в «Оп<ытах>» о

Ремизове² и уверял меня, что это «единственный великий писатель современности». Ну, все это — древняя история, и конечно, я был не прав. Кстати, вышли ли эти «Опыты» наконец — или нет?

Меня слегка одолевает Ваш друг Яновский с просьбой (отчасти с требованием) написать о его «Челюсти», когда она выйдет³. Я обещал и напишу, но мне «Челюсть» эта совсем не нравится. Впрочем, я не всю ее еще прочел. Он ругается на Достоевского, а это, в сущности, разжиженный вариант «Записок из подполья». Вот Андреев — «Трудные дороги»⁴ — мне очень нравятся. Есть страницы замечательные и тон совсем верный.

Сейчас я уже почти месяц как в чудном Манчестере. В Париже все те же мерзости запустения, оживляемые лишь Маковским, который в 80 лет стал кипуче-деятелен и болтлив. Да, еще Померанцев⁵, коего Вы возвели в восходящие звезды. Представьте себе, что мои кисловатые замечания о Фондаминском⁶ вызвали общее удивление. Вишняк мне прислал письмо об этом, и в Париже тоже люди (по слухам) говорили, что «как можно!», «такой великий человек» и т. д. Вишняк уверяет, что его и Мережковские считали великим. А я хорошо помню, что они о нем говорили (она), а теперь мне Вера Ник<олаевна> рассказала, что о нем говорил Бунин. Конечно, они были не во всем правы, но «aux morts on ne doit que la vérité»⁷ (это слова Вольтера, в сущности верные, хотя и жестокие). До свидания, дорогой друг В<ладимир> Сергеевич. Где Кодрянские? Я хотел написать Нат<а-ль> Владимировне, но не знаю, в Нью-Йорке ли они.

Между прочим, моя анти-ремизовщина смягчается и умеряется ее про-ремизовщиной. Но это — совсем другое дело, и, будучи сказочницей, нельзя больше всего любить серную кислоту, как я.

Буду ждать письмеца. Что Вы делаете, как живете, где работаете, т. е. зарабатываете на жизнь?

Ваш Г. А.

¹ Адамович писал Иваску 22 августа 1957 г., на следующий день после посещения Г.В. Иванова: «Я не могу примириться с превознесением Ремизова и всей его бесстыдно-слащавой и фальшивой подделки под поэзию. <...> Ремизов — знамя, символ фальши, а Вы не замечаете своего же собственного ужасного признания, соглашаясь со мной, что он “мошенник”: “Да, но *наш* мошенник” (и еще Вы подчеркнули “*наш!*”). Ведь то-то и ужасно, что *наш!*! К другим мошенникам я равнодушен, мне до них нет дела. А от этого у меня сводит скулы и тошнит. <...> Мне очень жаль, что Вы на этот раз не посоветовались с Варшавским, с которым, кажется, совещались прежде. У него на все это есть и слух, и чутье» (Сто писем Георгия Адамовича к Юрию Иваску (1935–1961) / Предисл., публ. и коммент. Н.А. Богомолова // Диаспора: Новые материалы. V. Париж; СПб., 2003. С. 502–503). 26 августа 1957 г. Адамович о том же сообщил И.В. Чиннову: «Иваску я третьего дня написал едва ли не самое злое письмо в моей жизни — по поводу возвещенного им превознесения Ремизова (Пожалуйста: все, что я пишу о Ремизове — между нами. Я не хочу, чтобы он думал, что к его 80-летию я хочу ему вредить. Пусть чествуют!) в следующей книжке “Опытов”. Не могу с этим примириться, хотя лично против Р<емизова> ничего не имею. Это — сдача всех позиций, измена, предательство того облика поэзии, который — мне казалось — в “Опытах” мало-помалу проступал. Это восхваление поэзии-

лжи, поэзии-лукавства, всего, что мне отвратительно, сколько бы ни было за ней таланта. И, кроме того, это поддержка всех обманутых Ремизовым модернистических дураков. Я Иваску почти написал отказ от дальнейшего участия в журнале и все думаю, надо ли это сделать публично, с объяснением причин. Если боюсь этого, то исключительно потому, что боюсь саморекламы и какой-то неуместной “принципиальности”, которую трудно было бы объяснить» (РО ИМЛИ. Фонд И.В. Чиннова).

² В поздравительном блоке материалов под общим названием «Алексею Михайловичу Ремизову ко дню его восьмидесятилетия» (Опыты. 1957. № 8. С. 126–130) между статьями В.В. Вейдле и В.Ф. Маркова была напечатана неозаглавленная заметка Г.В. Иванова.

³ Повесть В.С. Яновского «Челюсть эмигранта» печаталась в «Новом журнале» (1957. № 49–50) и к концу года вышла отдельным изданием (Нью-Йорк, 1957). Рецензия на книгу была опубликована месяц спустя: *Адамович Г.* «Челюсть эмигранта», повесть В. Яновского // Новое русское слово. 1957. 8 декабря. № 16234. С. 8.

⁴ *Андреев* Геннадий (наст. имя и фам. Геннадий Андреевич Хомяков; 1909–1984) — литератор, журналист. После окончания средней школы в 1926 г. работал в газете, в 1927–1935 гг. находился в заключении. В 1942 г. в Крыму попал в плен, жил в Германии, член НТС, секретарь ЦОПЭ, член редколлегии, а затем редактор (с 1962 г.) альманаха «Мосты» (Мюнхен, 1958–1970), позже переехал в США. Его книга «Трудные дороги» печаталась в «Новом журнале» (1955–1957; № 42, 44, 47, 49), затем вышла отдельным изданием (Мюнхен, 1959).

⁵ *Померанцев* Кирилл Дмитриевич (1907–1991) — литератор, журналист, мемуарист. С 1920 г. в эмиграции в Константинополе, с 1927 г. в Париже. В годы Второй мировой войны участник Сопротивления, сотрудник «Русской мысли».

⁶ *Фондаминский* Илья Исидорович (псевд. И. Бунаков; 1881–1942) — общественный деятель, член ЦК партии эсеров, в эмиграции публицист, редактор, организатор многих общественных начинаний русского Парижа. На квартире Фондаминского (130, Авеню де Версай) собирався религиозный кружок «Православное дело», «Новый град», «Круг» (с 1935 г.), «внутренний “Круг”» (с 1938 г.), младоросский «круглый стол», Пореволюционный клуб Ширинского-Шихматова и др. Адамович писал о нем, в частности, в статье о книге Варшавского (*Адамович Г.* О христианстве, демократии, культуре, Маркионе и о прочем // Новое русское слово. 1956. 25 марта. № 15611. С. 8). О «кисловатых замечаниях» см. ниже примеч. 1 к письму 38 наст. публ.

⁷ О мертвых ничего, кроме правды (*фр.*).

104, Ladybarn Road
Manchester 14
26/I-58

Дорогой Владимир Сергеевич

Я очень виноват перед Вами, впрочем, как обычно. Но на этот раз у меня есть некоторое оправдание: не ответил я Вам не по лени, и даже не «просто так», а из-за немощей. Меня в Париже одолел азиатский грипп, вещь крайне мерзкая, изнурительная, и не совсем он прошел и до сих пор. Но мало-помалу я прихожу все-таки в себя.

Мне было крайне лестно и приятно прочесть, что какие-то мои статейки Вам показались достойны того, чтобы их собрать, перепечатать и т. д. Правда. Статью о

Толстом и Пушкине («У камина»¹) я писал действительно «с чувством, толком», остальное — как обычно, скорей впопыхах. Но в «Опыты» все это не годится, по многим причинам. Я был бы рад собрать некоторые свои статьи и «Комментарии» за много лет, но кто их издаст? «Чех<овское> изд<ательст>во» непременно требовало новой книги, а жаль! Если бы они предоставили мне составить книгу, как хочу и из чего хочу, она была бы значительно лучше. Но теперь об этом нечего и думать².

Насчет же того, что я перегибаю палку в сторону анти-декадентства, рационализма, прозы и некоего «вишнячества» (отчего будто бы Вишняки стали меня одобрять), вот что я хочу Вам сказать, — и, кстати, это тема для новых «Комментариев»: в литературе нет ничего достижимого, все ускользает из рук, все оборачивается ложью, — и чем больше живешь, тем яснее и горше это чувствуешь. Оттого наступает срок, когда человек-литератор становится «пораженцем», а м. б., и само-предателем. «У меня, — говорит он себе, — ничего нет, ничего не будет, м. б., есть у них, у других, моих бывших врагов?» И его клонит в другой лагерь, хотя и там наверно он ничего насущно-важного не найдет.

Я не уверен, но думаю, что, м. б., то, в чем Вы меня упрекаете, этим надо бы объяснить. Конечно, я сердцем, навсегда, с декадентами. Но ничего они мне, в сущности, не дали, кроме обещаний.

Простите, что расписался о самом себе. Глупо и неловко, но Вы меня спровоцировали.

Знаете ли, какую я книгу теперь должен писать? О Маклакове³. Это меня мало вдохновляет, но это — заказ и деньги, а деньги меня вдохновляют всегда. (Пожалуйста, не говорите об этом никому. Почему-то это еще — тайна.)

Яновский, писавший мне часто, умолк после рецензии о «Челюсти». Не знаете, обижен ли? Я написал лучшее, что мог.

Иваск собирается летом в Европу. Собрались бы и Вы! Напишите, кстати, о себе, как Вам живется, вполне ли хорошо в финансовом смысле, есть ли развлечения любовные и т. д. Я как-то «не чувствую» Нью-Йорка и не представляю себе Вашей жизни в нем. Здесь я — вроде как в богадельне, а в Париже вроде как на кладбище или в преддверии его. Буду ждать письма.

Ваш Г. Адамович

P.S. Забыл то, что давно хотел сказать Вам: о вашей «Рассеянности» в «Опытах»⁴. Очень хорошо. Все настолько по-Вашему, и самая тема — настолько Ваша, что узнаешь из тысячи других вещей. Собственно, скорей «Недоумение», чем «Рассеянность», но этим словом — недоумение — надо будет когда-нибудь назвать собрание всех Ваших сочинений: где я и что я.

Меня удивило, что Вы стали больше «художником», чем были до сих пор. Я не приписываю Сирину никакого влияния на Вас, но думаю, что Ваше упорное восхищение его словесной тканью кое-что внесло и в Ваше писание. В ответ на мое восхищение Андреевым («Трудные дороги» в «Н<овом> журн<але>») Вы написали мне: да, но он не художник. Это меня тогда смутило. Где начало одного, где конец другого? Теперь, прочтя «Рассеян<ность>», я понял источник, корень Вашего замечания. Это в Вас новое, и, признаюсь, — мне было бы жаль, если бы

Вы «художеством» увлеклись. Я не хочу, конечно, повторять азы и прописи: художество только тогда хорошо, когда оно незаметно и т. д. Сами Вы все это знаете. Но у Вас оно сейчас в двух шагах от того, чтобы стать «заметно». Чувствуется усердие, усилие — и мне по старой дружбе хочется Вас предостеречь. «Аркадий, не говори красиво»⁵. Очень по-Вашему вставлен Джо с «нимфой», очень хорошо это сплетается с темой.

¹ *Адамович Г.* Размышления у камина // Новое русское слово. 1957. 10 ноября. № 16206. С. 8.

² Издательство имени Чехова прекратило свое существование в 1956 г. Осуществить эти планы и издать книгу эссе Адамовичу удалось лишь через несколько лет: *Адамович Г.* Комментарии. Washington, 1967.

³ Книга, задуманная обществом друзей Маклакова, была выпущена в следующем году: *Адамович Г.* Василий Алексеевич Маклаков: Политик, юрист, человек. Париж, 1959.

⁴ *Варшавский В.* Рассеянность. Из записок художника // *Опыты*. 1957. № 8. С. 26–35. Об этом рассказе Адамович писал Иваску 29 ноября 1957 г.: «Варшавский стал изысканнее, как-то “литературнее”, чем был, чуть-чуть манернее. Я очень люблю его писания, но едва ли он (на этот раз) вызовет отклик и интерес. Его тема — недоумение — не дает ему покоя, но если бы он нашел в себе силы ее забыть, было бы лучше, т. е. был бы большой писатель, который пока остается только в зародыше. Все-таки очень хорошо, что “Опыты” его печатают и поддерживают. Он из тех людей, которых надо хвалить и не бранить — иначе он завянет» (Сто писем Георгия Адамовича к Юрию Иваску (1935–1961) / Предисл., публ. и коммент. Н.А. Богомолова // Диаспора: Новые материалы. V. Париж; СПб., 2003. С. 504).

⁵ Слова Базарова из романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» (1862): «О друг мой, Аркадий Николаич! — воскликнул Базаров. — Об одном прошу тебя: не говори красиво» (глава 21).

104, Ladybarn Road
Manchester 14
23/IV-58

Дорогой Владимир Сергеевич

Получил Ваше письмо — с радостью и удивлением. Я думал, что Вы меня достаточно знаете, чтобы не предполагать, что я на Вас «обиделся» — и из-за чего?! — из-за того, что Вам не нравятся Алданов и Андреев! Неужели Вы действительно могли решить, что именно из-за этого я Вам не пишу? Cher ami, я вообще толерантен (вероятно, по равнодушию, а не по высоким причинам), а к Вам — особенно, ибо чувствую в Вас многое, чего нет во мне самом. А не писал я Вам — сам не знаю почему, «так», от всякой суеты и всего прочего. Не стоит об этом и говорить.

Насчет Teilhard de Chardin¹: я как раз его теперь читаю, и удивился, что Вы мне о нем именно теперь пишете. Я прочел только первую книгу, потом прочту вторую и третью. Я не очень люблю авторов, которые дают «мировоззрение», но согласен, что Teilhard очень интересен, а главное — сообщает бездну учености, из

которой можно сделать и свои выводы. По своей малограмотности я это ценю больше всего. Меня удивляет, что он католик, да еще священник. Надо бы созвать новый, последний Вселенский собор и внести поправки в космогонию, для церкви будто бы еще обязательную, но рассчитанную на человечество в его младенчестве. Притом, это не было бы непреодолимо трудно! А то выходит, что само собой разумеется — по T<eilhard> de Ch<ardin> и другим — что в церковном учении сохранили вздор, на который, однако, церковь не решается посягнуть и который считается откровением и богоданной истиной.

Quant à² Паскаль и иезуиты, то Вы правы. Паскаль — не истина, а только живой упрек истине, что она хуже, чем могла бы быть. И потом, литературно он — вне сравнений. Если Вы помните пять-шесть его строк о Монтене, потрясшие меня на всю жизнь — о том, что M<онтень> «ne pense qu'a mourir mollement et lâchement»³ — то согласитесь. Это просто невероятно по битью «в самую точку». Ну, вот — философское письмо пора кончать! Не сердитесь на меня за молчание и не выдумывайте причин. Je suis dans le genre de Montaigne: «mollement et lâchement»⁴, не только умираю, но и живу.

Небольсиной⁵ я напишу завтра или послезавтра.

В Англию я вернулся из Парижа вчера и буду здесь до начала июня.

Как Вам живется? (à part философы).

Ваш Г. А.

¹ *Тейяр де Шарден* (Teilhard de Chardin) Пьер (1881–1955) — французский ученый-палеонтолог, философ, теолог, член Парижской АН (1950). Речь, по-видимому, идет о первых томах собрания сочинений ученого: Oeuvres de Pierre Teilhard de Chardin. P.: Les Éditions du Seuil, 1956–1965. V. 1. Le phénomène humain (1956); V. II. L'apparition de l'homme (1956); V. III. La vision du passé (1957). Первое русское издание («Для научных библиотек») появилось гораздо позже: *Тейяр де Шарден II. Феномен человека*. М., 1965.

² Что касается (*фр.*).

³ Только и думал, чтобы легко и безболезненно умереть (*фр.*).

⁴ Я в духе Монтеня: «легко и безболезненно» (*фр.*).

⁵ Возможно, имеется в виду Екатерина Лаврентьевна Небольсина (урожд. Пущина; ?–1986).

26/IV-59
3, Scarsdale Road
Victoria Park
Manchester

Дорогой Владимир Сергеевич

Простите, что давно не писал и до сих пор не ответил на последнее Ваше письмо. Я был в Париже, а там всегда суета и писать некогда. Только третьего дня сюда вернулся.

Вы пишете, что рады тому, что я «м. б. попаду в Мюнхен». Я не хочу туда попадать. Я условился с Critchlow¹ и Бахрахом, что приеду туда на 2–3 дня (должен быть там 6 июля), но «насовсем» — не хочу. Во-первых, пока я в Манчестере, ни на что другое менять его не стоит. Во-вторых, даже если бы мой Манчестер кончился, от Мюнхена я отказался бы. Как-нибудь проживу, — жил же я раньше без постоянного заработка? Работать 8 часов ежедневно, без длительного отпуска, я уже не способен, вернее, не хочу, — п<отому> что жить мне осталось не так много, и я хочу дожить жизнь иначе, м.б. что-нибудь еще написать. А это — ярмо. Нет, *c'est n'est plus pour moi*². Если можно работать для них, живя в Париже, т. е. время от времени что-нибудь им посылать, дело другое. На это я согласен (для денег, но без энтузиазма).

Отвечать о Роб-Грийе теперь поздно, Вы забыли, конечно, что о нем писали. А статью в «Esprit», о кот<орой> вы пишете, я читал, и никак не согласен, что она «замечательная». Статья средняя, по-моему, типично литераторская, без сути. Да, неглупо, но и только, а вот Александрова в «Соц<иалистическом> в<естнике>» написала о ней скорей глуповато.

Иваск мне пишет, что Мария Сам<ойловна>, вероятно, будет субсидировать «Н<овый> журн<ал>», кончив «Опыты». Очень жаль. В «Оп<ытах>» много недостатков, но исправимых, а «Н<овый> ж<урнал>» — альманах, сборник, «всего понемногу на все вкусы». Я бы хотел, и написал об этом Иваску³, чтобы «Оп<ыты>» — если бы М<ария> С<амойловна> согласилась хотя бы на один № в году — были бы ближе к Вашей линии, т. е. меньше эстетизма, больше беспокойства обо всем, что представляет собой наш теперешний мир. Но где взять людей? В последнем номере нет ни Вас, ни хотя бы Степуна (я не очень люблю его, но все-таки он головой выше почти всех других, когда не пишет о кинематографе). Что-то есть и в Большухине⁴, только это «что-то» тонет у него в болтовне. До свидания, дорогой Владимир Сергеевич. Пожалуйста, ответьте мне и возобновим переписку. Передайте сердечный привет, *de tout coeur*⁵, Вашей невесте — или уже жене⁶.

Ваш Г. Адамович

¹ Кричлоу (Critchlow) Джеймс — журналист, советолог, один из создателей и первых руководителей радиостанции «Освобождение» (позднее — «Свобода»). См. его книгу: *Critchlow J. Radio-Hole-in-the-Head / Radio Liberty. Washington (DC), 1995. См. также: Оболенская-Флам Л. Воздушными путями: К 50-летию передач радио «Свобода» // Посев. 2003. № 3 (1506). С. 7–11.*

² Нет, это уже не для меня (*фр.*).

³ 25 апреля 1959 г. Адамович писал Иваску: «Вчера вернулся в Манчестер и нашел Ваше письмо с письмом М<арии> С<амойловны>. Было бы хорошо, если бы она приняла Ваше предложение: s — «Н<овый> ж<урнал>», j — «Опыты». Конечно, ей лично «Н<овый> ж<урнал>» ближе, понятнее. Но у «Оп<ытов>» есть друзья и есть роль. Что их мало покупают и ругают, ничего не значит. Вы бы могли ей это объяснить, и, даже не поняв, она Вам поверит. Как «противостояние» СССР — «Опыты» вернее «Н<ового> Ж<урнала>», даже если у них есть слабости и крайности» (Сто писем Георгия Адамовича к Юрию Иваску (1935–1961) / Предисл., публ. и коммент. Н.А. Богомолова // Диаспора: Новые материалы. V. Париж; СПб., 2003. С. 522–523). 26 апреля 1959 г. Адамович делился сооб-

ражениями по этому поводу с И. Чинновым: «Иваск сообщает мне, что М<ария> С<а-мойловна>, вероятно, будет издавать “Н<овый> журнал” вместо “Опытов”. Очень будет жаль. “Н<овый> ж<урнал>”, конечно, популярнее, шире, но это — сборники, альманахи, а в “Опыт<ах>” есть линия и лицо, и некое противостояние СССР, чего нет в “Н<о-вом> ж<урнале>”. Конечно, надо бы “Опыты” — если бы они продолжались — оживить, т. е. убавить эстетизма и добавить какой-то современной идейности и беспокойства обо всем, что в мире творится. Беда лишь в том, что почти нет людей, некому писать» (РО ИМЛИ. Фонд И.В. Чиннова).

⁴ *Большухин* Юрий Яковлевич (наст. фам. Кандиев; 1903–1984) — эмигрант второй волны, журналист, литератор, автор «Опытов», «Мостов» и «Граней», в 1957–1965 гг. литературный редактор в «Новом русском слове». См. о нем: *Кторова А.* Юрий Яковлевич Большухин. К десятилетию со дня кончины // Новое русское слово. 1994. 29 апреля. См. также: *Богомолов Н.А.* Из заметок по истории русской зарубежной литературы и журналистики // Кафедра критики — своим юбилярам: Сб. ст. в честь В.Г. Воздвиженского, Л.Ш. Вильчек, В.И. Новикова / Сост. Н.А. Богомолов, О.А. Лекманов. М., 2008. С. 30–38.

⁵ От всего сердца (*фр.*).

⁶ Татьяне Георгиевне Варшавской.

37

104, Ladybarn Road
Manchester 14
29/X-59

Дорогой Владимир Сергеевич

Получил вчера письмо от Али Бахраха, который между прочим сообщает: «Вас ругает Варшавский». За что? Я недоумеваю. Вероятно, за молчание, больше как будто бы не за что! Когда я Вам писал? Когда Вы мне писали? Ничего не помню. Писал ли вообще после пребывания в Мюнхене? Неужели нет? Словом, положите гнев на милость, и давайте возобновим переписку, если нет за мной других грехов и провинностей. Как Вы живете? Кое-что я знал о Вас от Натальи Владимировны¹, которую видел осенью в Париже довольно часто. А теперь зима, тьма, холод, и это меня удручает, ибо по всем данным я в прошлой жизни был жрецом солнца.

Буду ждать письма, и не сердитого, а дружеского. Кланяйтесь, пожалуйста, очень сердечно и искренне Вашей жене.

Ваш Г. Адамович

¹ Н.В. Кодрянской.

6/XII-1959
30, Denison Road
Victoria Park
Manchester

Дорогой Владимир Сергеевич,

Опять я перед Вами провинился, т. е. не ответил в пристойный срок. Но дел много, времени мало, и чего-то во мне самом становится мало: вот причина! Не понимаю, почему Вас так взволновал и огорчил Вишняк (о Фондаминском). Я ему писал раза два уже об этом¹, впрочем давно. То, что друзья Ф<ондаминского> не считали его таким замечательным человеком, как считал он, не есть признак двуличия. Вишняк не хочет этого понять. Вы лично могли быть о Ф<ондаминском> совсем другого мнения: каждый думает и чувствует по-своему. Еще не понимаю, почему Вы считаете невозможным, будучи моим другом, — как и я Ваш друг, — со мной полемизировать. Друзья не обязаны быть во всем согласны. Кстати, о Ф<ондаминском>: Вы, может быть, правы, если вспомните его конец. Я имел в виду прежние годы и то, что о нем слышал от Гиппиус и других (отчасти и от молодых: например, от бедного Штейгера несколько слов, очень меня поразивших). Ну, оставим все это, не будем «полемизировать». Хотя я очень люблю слова Вольтера: «aux morts on ne doit que la vérité»². Вольтер был дурным человеком, и сказал это зло, но в словах его есть и глубокий смысл, более глубокий, чем в «aut bene, aut nihil»³, где сказывается страх, как бы и о тебе после смерти не сказали всей правды.

Зачем Вы читаете Мориака-сына?⁴ По-моему, это набитый дурак, «орленок» не совсем настоящего орла-отца. А вот что Вы думаете о «Лолите», если ее читали? Я прочел недавно, и самое удивительное в ней, по-моему, то, что при восклицаниях о любви на каждой странице в ней любовь «и не ночевала»⁵. Это совершенно сухая, мертвая книга, хотя и блестящая (даже чувственности нет, ничего: все выдуманно). Кстати, английские отзывы в большинстве очень сдержанные⁶.

Я здесь еще дней 10, а потом на месяц в Париж (7, rue Fréd<eric> Bastiat, Paris 8). Если сообразовите написать, то туда. Обратите внимание, что в Манчестере у меня новый адрес, постоянный. В июне я должен поехать в Венецию, где будет чествование Толстого, пять дней подряд со всякими знаменитостями⁷. Это скорей приятно, но сам Толстой сказал бы, что глупо. Отчасти за это я его и люблю: что среднему человеку приятно, то ему противно. Он ведь и на чествование Пушкина не поехал⁸, где Достоевский наговорил такого вздора, а Тургенев восклицал: «Сияй же, благородный монумент...»⁹ (кажется, дословно).

Ну, до свидания, cher ami. Меня очень, очень тронула приписка Вашей жены, и я отвечаю ей тут же, но вот беда: не могу вспомнить отчества! У меня голова вполне дырявая, знал и забыл, как забываю все. Пожалуйста, извинитесь за меня. Шлю всякие чувства, очень искренние

Ваш Г. Адамович

На Вашем конверте — адрес службы. А какой Ваш частный адрес?

Дорогая Татьяна ...

(простите за такое обращение: объяснение на обороте!)

Спасибо, что вспомнили и сделали приписку. Мне это было действительно приятно, и даже больше. Я Вас видел всего полчаса, но иногда и в полчаса понимаешь и чувствуешь больше, чем за иной год. От души желаю Вам счастья и всего, что может быть в жизни хорошего.

Искренне Ваш Г. А.

¹ В рецензии на книгу М.В. Вишняка о «Современных записках» Адамович написал о Бунакове-Фондаминском: «Мне он всегда представлялся человеком приятным, — даже, если угодно, “во всех отношениях”, — порывистым, отзывчивым, постоянно склонным к энтузиазму, но не без примеси какого-то душевного сахара: человеком не очень значительным, в конце концов, и далеко не столь талантливым, как, например, Федотов» (Адамович Г. «Современные записки»: Воспоминания М.В. Вишняка // Русская мысль. 1957. 15 августа. № 1095. С. 4–5). Этот отзыв вызвал возражения Вишняка в несохранившемся письме Адамовичу от 9 сентября 1957 г. Адамович получил письмо с опозданием и ответил 7 октября 1957 г.: «По-видимому, я не совсем удачно сказал то, что хотел сказать, о Фондаминском. Многие поняли мои слова как отзыв вполне отрицательный. У меня и в мыслях этого не было. Но зато, правда, не было и в мыслях представить его как человека не только обаятельного, а и замечательного. Я его знал не очень близко, хотя встречал часто. Должен сознаться, что впечатление у меня осталось как о человеке скорей поверхностном, легковесно-восторженном, без какого-то костяка внутри. <...> Вопреки тому, что Вы пишете (не в книге, а в письме), Мережковские, например, относились к Илье Исид<оровичу> более чем скептически. <...> Бунин иначе как с усмешкой о Ф<ондаминском> не говорил, хотя любил его как друга» («Не будьте на меня в претензии...»: Письма Г.В. Адамовича М.В. Вишняку 1938–1968 гг. / Публ. О. Коростелева // Vademesum. К 65-летию Лазаря Флейшмана. М., 2010. С. 420–421).

Готовя свой ответ критикам, Вишняк 17 мая 1959 г. прислал Адамовичу полемизирующие с ним страницы своей будущей статьи, попросив внести уточнения для окончательной ясности. В письме от 21 мая 1959 г. Адамович предложил свой вариант двух абзацев, описывающих отношение эмигрантов к Бунакову-Фондаминскому, добавив: «Выражение “за спиной” производит впечатление именно “двуличья”, как у Вас и сказано. Между тем, двуличья, по-моему, не было. Бунин или Мережковские могли И.И. <Фондаминского> искренне любить, не считая его при этом замечательным человеком. Если они и не говорили ему этого в лицо, то упрекать их не за что. Кроме того, мне хотелось бы подчеркнуть, что Алданов всегда говорил об И.И. восторженно — поскольку к восторгу он вообще был склонен» (Там же. С. 422–423).

² О мертвых ничего, кроме правды (фр.).

³ Либо хорошо, либо ничего (лат.).

⁴ *Мориак* (Maugiac) Клод (1914–1996) — французский писатель, журналист, литературовед, сын Франсуа Мориака.

⁵ Выражение И.С. Тургенева из письма к Я.П. Полонскому от 13 (25) января 1868 г., в котором он заявил, что в стихах Некрасова «поэзия и не ночевала» (Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. М.; Л., 1964. Т. VII. С. 30).

⁶ Обзор откликов на «Лолиту», а также основные рецензии см. в издании: Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова: Критические отзывы, эссе,

пародии / Под общ. ред. Н.Г. Мельникова; сост. и подгот. текста Н.Г. Мельникова, О.А. Коростелева; предисл., преамбулы, коммент., подбор ил. Н.Г. Мельникова. М., 2000.

⁷ Международный конгресс, посвященный 50-летию кончины Л.Н. Толстого, проходил в Венеции с 29 июня по 2 июля 1960 г. Среди отзывов об этом конгрессе, опубликованных в «Русской мысли», была и статья Адамовича (Русская мысль. 1960. 18 августа. № 1566. С. 4–5).

⁸ О причинах этого см., например: *Курбатов В.Я.* Почему Лев Толстой не был на открытии памятника Пушкину? // Роман-газета XXI век. 1999. № 5. С. 51–55.

⁹ Речь по случаю торжественного открытия памятника А.С. Пушкину в Москве, произнесенная И.С. Тургеневым 7 июня 1880 г. на заседании Общества любителей российской словесности, завершалась обращением к памятнику: «Сияй же, как он, благородный медный лик, воздвигнутый в самом центре древней столицы, и гласи грядущим поколениям о нашем праве называться великим народом, потому что среди этого народа родился, в ряду других, и такой человек» (*Тургенев И.С.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1962. Т. 10. С. 304–306).

39

28/XII-59
7, rue Frédéric Bastiat,
Paris 8

Дорогой Владимир Сергеевич

Шлю Вам к Новому Году лучшие пожелания. Но так как Вы пишете, что «гениально женились», то значит желать Вам надо только того, чтобы Ваше счастье длилось. Вот этого я Вам и желаю, притом de tout coeur!¹

На все Ваши рассуждения, или, вернее, указания, что и кого прочесть, хочу Вам еще раз сказать следующее: я больше не хочу и не могу читать ничего нового. Слишком поздно. Я вовсе не думаю, что новое хуже старого. Но я его «не вмещаю», и если что-нибудь мне еще может быть нужно, то лишь привести в порядок впечатления прежние, и их окончательно проверить. Вы моложе меня, и очевидно любопытнее меня. Я даже музыку слушаю теперь только ту, которую знаю, а «идти с веком» не в силах. Как это ни странно, Ваш друг Берберова, вступившая со мной в переписку², тоже все спрашивает меня: читал ли я X. или Y.? Нет, не читал и читать не буду, хотя вполне допускаю, что X. или Y. — замечательные люди и писатели. Читать стоит только то, что можно «переварить», а мой желудок новой пищи не принимает.

Но вот, например, статейку этой самой Берберовой о «Лолите»³ я по Вашей рекомендации прочел: действительно, чушь и с невероятным апломбом (апломб хуже, чем чушь: чушь скромную можно бы простить). Но и у Ульянова, другого Вашего друга, — какая самоуверенность!

Ну, впрочем, все это пустяки и суета сует. Я в Париже уже с неделю и пробуду, верно, до 15 января. До свидания, cher ami. Пожалуйста, пишите, хотя бы и о литературе. Если это в Вашем «преломлении», то мне интересно и для меня это тогда не совсем новое и чужое.

Ваш Г. Адамович

Дорогая Татьяна Георгиевна

Шлю Вам самые сердечные и искренние пожелания к Новому Году! Надеюсь, Вы счастливы, здоровы, благополучны — и может быть, собираетесь побывать в этом новом году в Европе, чему бы я был действительно рад.

Ваш *Г. Адамович*

Paris

28 декабря 1959

¹ От всего сердца (*фр.*).

² В марте 1958 г. Берберова возобновила переписку с Адамовичем (до этого они обменялись несколькими письмами во время войны), но продлилась она, судя по всему, недолго, во всяком случае, в бумагах Берберовой сохранились лишь письма до 1961 г. (Beinecke. Nina Berberova Papers. Gen MSS 182. Box 2. Folder 16).

³ *Берберова Н.* Набоков и его «Лолита» // Новый журнал. 1959. № 57. С. 92–115. 13 декабря 1959 г. Адамович написал Берберовой об этой статье: «На днях, тоже с большим опозданием, прочел Вашу статью о Набокове. Статья бесспорно интересная, хотя я лично не согласен почти ни с одним Вашим словом. Но соглашаться не обязательно. Я читал “Лолиту”: с восхищением “виртуозностью” и с очень большой скукой» (Beinecke. Nina Berberova Papers. Gen MSS 182. Box 2. Folder 16).

23/I-1960

30, Denison Road

Victoria Park

Manchester

Дорогой Владимир Сергеевич,

Спасибо за письмо. Как всегда, я не помнил, кто у кого в долгу и думал, что я у Вас. Хочу Вам вот что сказать: я писал Вам, что больше ничем новым не интересуюсь и почти ничего нового не читаю, не с тем, чтобы покрасоваться, а наоборот — с сознанием *inferiorité*¹. А Вы как будто оправдываетесь, что интересуетесь и читаете. Правы, конечно, Вы, а не я. Надо читать и интересоваться, а если нет, то уж быть каким-нибудь Спинозой, глядящим в потолок и размышляющим о вечности. К сожалению, я ни то, ни другое, — и гордиться мне нечем. Но у меня все острее чувство ухода, прощания с жизнью, а жизнь я очень любил, — и это наполняет мое безделие (умственное). Я все говорю себе: может быть, «там» что-нибудь и будет, но не будет того, что я «здесь» любил. А впрочем, я не уверен, что вообще что-нибудь будет, — хотя скорей все-таки думаю, что будет. Но что?? У меня недавно был такой странный сон — с почти реальным ощущением правды, «автентичности» — об этом будущем, что от его холодной бесчеловечности я до сих пор не пришел в себя.

Ну, довольно об этом. Все ясно и так.

Дорогой друг, Берберову я назвал Вашим другом, конечно, не всерьез, но думал, что кавычки и не нужны. Она — дура, и притом, кажется, оказалась карьеристкой,

упоенной своими «лекторскими» успехами. А Ульянов — не дурак, но был бы умнее, если бы не был самоуверен. По Толстому, человек есть дробь: то, что он есть, <на> то, что он о себе думает. Вот, если бы Ульянову уменьшить знаменатель, он был бы неплохим писателем. Даже в стиле его чувствуется, что он — большого о себе мнения. Недели две назад вышла моя книга о Маклакове. Мне очень жаль, что я не могу Вам ее прислать: у меня было крайне мало своих, личных экземпляров. Простите. Мне бы хотелось все-таки, чтобы Вы ее прочли. Там 90 % — воды и общих мест, но 10 % — все-таки не совсем мне чуждых. Кланяйтесь, пожалуйста, очень сердечно Татьяне Георгиевне. Вы пишете, что Вас радует, что я к ней хорошо отношусь. Как могло бы быть иначе? Во-первых — она Ваша жена и сделала Вас счастливым человеком. А во-вторых, даже если это забыть (но я не забываю), она вся светится чем-то таким, от чего светло и другим. Поверьте, я написал это, и мне как-то неловко, что Вы ей, м. б., дадите это прочесть. Но это — правда, и не для «обмена любезностями».

Ваш Г. А.

Вы написали на конверте: Denison Road без номера, № 30.

¹ Слабости (фр.)

1 мая 1960
30, Denison Road
Victoria Park
Manchester

Дорогой Владимир Сергеевич,

Спасибо большое за письмо (даже два!) и простите, что отвечаю с опозданием. Я был в Париже, а там — как Вам известно — жизнь суетливая, отчасти по моей собственной податливости к суете. Но как Вы могли думать — если действительно думали! — что я на Вас «рассержусь» за Ваши замечания о «Маклакове». Во-первых, там не было повода к тому, чтобы «сердиться», во-вторых, я на Вас сердиться не способен, достаточно хорошо Вас зная. Очевидно, Вы меня знаете меньше, если такое предположение допустили.

Но кое-что я хотел бы Вам ответить: некоторые мои фразы Вам кажутся «алдановскими» и Вы говорите, что «Толстой так не написал бы». Это совершенно верно. Но я не люблю стилистического «толстовства», т. е. его нагромождений и бесцеремонности при отсутствии его единственной в нашей литературе силы. Надо иметь право писать, как Толстой, и до некот<орой> степени Ремизов прав, что «у Т<олстого> нельзя учиться»¹. Ну а насчет Алданова разговор был бы долгий. У А<лданова> есть скромность и анти-поэтичность, которую я очень ценю, даже в стиле. Мне кажется (по некот<орым> Вашим замечаниям в письмах за последние годы, —

напр<имер>, об Андрееве-Хомякове «Трудн<ые> дороги» и др.), что Вы стали слишком чувствительны к «художественности». По-моему, нет ничего опаснее. Вас как будто смутил Набоков. Он почти гениально талантлив, не спорю, но образец это дурной, и, кстати, «Лолита» — в конце концов совсем плохая книга.

Но главные мои возражения Вам — о Толстом. Я не писал — и не думаю этого, — что он в любви к людям впереди всех других. Тут я с Вами совсем согласен, и что Плевако² должен бы войти в рай раньше его — верно (впрочем, если только рай создан для детей, — *se qui est a discuter!*³). Но что Толстой действительно говорил то, что сказано в Евангелии, и ничего от себя не прибавил — по-моему, истина совершенная. Мой «агрессивный» тон, в котором Вы меня упрекаете, только к этому относится, и что Соловьев и другие спорят, в сущности, не с Толстым, а с Христом — по-моему, неопровержимо. Толстой был несговорчивый, бескомпромиссный человек, все этим и объясняется. Нам же всем, т. е. Соловьеву, Достоевскому, людям мельче его, хочется сохранить все, что нам дорого. Но, м. б., у него было мало снисхождения к людям, — т. е. того было мало, что было у Плевако и есть у Церкви, в частности православной. Это и драма, и путаница, из которой нет выхода. Кстати, сейчас у меня лежат воспоминания Гольденвейзера о Толстом⁴, средне-интересные, — но там Т<олстой> говорит по поводу какой-то бабы, верящей в то, во что он учил не верить, — что «каждого надо оставить верить по-своему» и «никого не отнимать у Бога». Ну, довольно, — я с Вашей критикой не во всем согласен, но читал ее, как что-то нужное и как одну из возможных истин, еще раз подтверждающую мое давнишнее сомнение в существовании истины одной, исключаяющей все другие.

Наталья Владимировна мне говорила, что Вы, м.б., соберетесь в Европу. Если это верно, сообщите, когда и где будете. Я еще своего летнего расписания не знаю, но, вероятно, пробуду в Париже до 25 июня.

До свидания, надеюсь. Крепко жму руку.

Ваш Г. Адамович

Дорогая Татьяна Георгиевна

Вы, верно, забыли приписку, которую сделали месяца полтора назад на письме Вашего мужа. Но я ее не забыл, хочу Вас за нее искренне поблагодарить и был ею тронут.

Ваш Г. Адамович

¹ Адамович имеет в виду заявление А.М. Ремизова из книги «Огонь вещей»: «Учиться писать по Толстому пустое дело» (*Ремизов А.М. Огонь вещей / Сост., вступ. ст., коммент. В.А. Чалмаева. М., 1989. С. 43*).

² Плевако Федор Никифорович (1842–1908) — юрист, популярнейший адвокат и судебный оратор, участник крупных политических и уголовных процессов. Плевако бывал в Ясной Поляне, и в 1907 г. Л.Н. Толстой назвал его, по свидетельству Д.П. Маковицкого, «самым пустым человеком» (*Маковицкий Д.П. У Толстого (1904–1910). Яснополянские записки: В 4 кн. М., 1979. Кн. 2. С. 570*). Однако, по воспоминаниям П.А. Россияева, Толстой «направлял мужиков именно к Плевако: “Федор Никифорович, обелите несчастных”» (*Россияев П.А. Памяти Ф.Н. Плевако // Исторический вестник. 1909. № 2. С. 691*).

³ Это спорный вопрос! (*фр.*).

⁴ По всей видимости, Адамович читал незадолго до того вышедшее в России переиздание книги: *Гольденвейзер А.Б. Вблизи Толстого* / Предисл. К.Н. Ломунова; примеч. В.С. Мишина. М., 1959. Ранее воспоминания выходили двухтомником: *Гольденвейзер А.Б. Вблизи Толстого (Записи за пятнадцать лет)*: В 2 т. М., 1922–1923.

42

Paris
17/VI-1960

Дорогой Владимир Сергеевич,

Простите, что отвечаю с опозданием — и без философских рассуждений. Я очень «заморожен» делами и суетой, а кроме того болен, кажется, в первый раз в жизни: печень — и все что-то болит. Ну, надеюсь, обойдется.

Вот мое летнее расписание: с 27 июня до 3 июля — Венеция (Grand Hotel Lido, Lido — Venezia).

Затем, если не будет очень жарко, поеду во Флоренцию и Рим¹, но с 10 июля, как обычно — Ницца, до середины сентября. Адрес тот же: 4, avenue Emilia, с/o Heyligers, Nice.

Был бы чрезвычайно рад видеть Татьяну Георгиевну и Вас. Дайте знать, где и когда Вы будете.

Ваш Г. Адамович

¹ 9 июля 1960 г. Адамович написал Одоевцевой: «Я вернулся в Ниццу вчера (вернее, не вернулся, а приехал) после Венеции, Флоренции и Рима. Все было интересно, венецианский “конгресс” был пышен до крайности, но я устал от него и от обозревания красот так, что теперь буду лежать дня три. Остаюсь, впрочем, при своем мнении, что очаровательнее Венеции нет, вероятно, ничего на свете» («Верной дружбе глубокий поклон»: Письма Георгия Адамовича Ирине Одоевцевой (1958–1965) / Публ. Ф.А. Черкасовой // Диаспора: Новые материалы. V. Париж; СПб., 2003. С. 580–581).

43

17/X-1960
30, Denison Road
Victoria Park
Manchester

Дорогой Владимир Сергеевич,

Спасибо за письмо (как обычно — без даты!). И спасибо за фотографии — по-моему, очень хорошие. Но жаль, что нет ни одной с Вами. Татьяна Георгиевна — «как живая», и даже я (на одной) скорей приукрашен. Мне приятно на них

смотреть, вспоминая встречу с Вами обоими, а заодно, в здешнем мраке, и ниццское солнце.

В Париже я видел Бахраха. Он говорил о Вашем переводе в Мюнхен в тоне гораздо более оптимистическом, чем прежде. Но сам он как-то приуныл в отношении Мюнхена, и даже расспрашивал о возможности перехода в Манчестер, если я отсюда уйду на покой¹ (но это — строго entre nous, пожалуйста). Но он тоже находит, как и я, что Вы сделали ошибку, не поехав в Мюнхен «мимоездом», как турист — и о себе не напомнили, делая вид, что вовсе не для этого приехали.

О Юрасове² и «Мостах»³. Мне что-то писала об этом Берберова, но не о редакторстве, а об участии в редколлегии. По ее письму, это требует переезда в Мюнхен, на что я не согласен заранее⁴. А вообще-то я, м. б., согласился бы на редакторство единоличное (да и то крайне сомневаюсь: возня, обиды, ссоры!), но не на редколлегию, и вовсе не из-за сомнений, а из-за того, что не хочу втягиваться в то, что мне не по душе. «Мосты» вообще мне не нравятся, не знаю даже, чем, — но что-то в них неприятно, начиная с роскошной внешности.

Встречи с сов<етскими> людьми⁵ и Мг Пэг⁶. Я охотно напишу о Венеции, но сообщите подробнее, что именно их интересует, какой размер и т. д.⁷

Ну, вот и все. И все — дела, притом скорей пустые или скучные. И так пройдет жизнь. До свидания, дорогой друг Владимир Сергеевич. Спасибо за выписку из Поджиоли. Я его видел в Венеции, он о своей книге мне ничего не сказал⁸. Пожалуйста, пишите — и не только о делах.

Ваш Г. А.

Ваше письмо дошло чудом: есть Denison Road, но нет номера дома!! Запомните: № 30.

Дорогая Татьяна Георгиевна

Благодарю Вас сердечно за милую приписку. Очень бы хотел, чтобы Ваши мечты о поездке в Европу будущим летом стали бы реальностью. Желаю Вам от души счастья, здоровья, удачи во всем.

Ваш Г. Адамович

¹ 17 октября 1960 г. Адамович сообщал Иваску: «Я твердо решил бросить Манчестер и вообще лекторство весной. Неожиданно нашелся желающий (но колеблющийся) меня заменить — Бахрах. Это, конечно, строго между нами. Я его видел недавно в Париже, ему, по-видимому, Мюнхен надоел» (Сто писем Георгия Адамовича к Юрию Иваску (1935–1961) / Предисл., публ. и коммент. Н.А. Богомолова // Диаспора: Новые материалы. V. Париж; СПб., 2003. С. 540–541).

² Юрасов Владимир Иванович (наст. фам. Жабинский; 1914–1996) — литератор, журналист. С 1938 г. в заключении, в 1941 г. бежал из лагеря, жил по подложным документам, воевал, подполковник (1945). После войны уполномоченный Министерства промышленности строительных материалов в Восточной Германии, в 1947 г. бежал в Западную Германию и стал невозвращенцем. С 1951 г. в США, редактор журнала «Америка», комментатор радиостанции «Свобода», член редколлегии «Мостов», сотрудник «Нового журнала», «Граней», «Нового русского слова».

³ Литературно-художественный и общественно-политический альманах «Мосты» (Мюнхен, 1958–1970) издавался Центральным объединением политических эмигрантов из СССР (ЦОПЭ). Ю.А. Письменный был главным редактором, а Н.Н. Берберова, В.И. Юрасов и Ф.Т. Лебедев входили в редколлегию (со второго номера к ним добавились Г.А. Андреев и И.В. Елагин). С третьего по восьмой номера все шестеро подписывали коллегиально (без выделения главного редактора). С девятого номера (1962) главным редактором стал Г.А. Андреев (с одиннадцатого номера из выходных данных «Мостов» исчезло упоминание о редколлегии).

⁴ 27 сентября 1960 г. Адамович писал Берберовой: «Откуда Вы узнали о моем желании оставить Манчестер? Это пока — только мечта и я не знаю, станет ли она реальностью. Но если станет, мне хотелось бы жить — т. е. *finis mes vieux jours* <закончить дни своей жизни (*фр.*)> — в Париже. Мюнхен меня смущает и даже страшит. Но повторяю, все это пока до крайности туманно. Из ЦОПЭ я ни слова не получал» (Beinecke. Nina Berberova Papers. Gen MSS 182. Box 2. Folder 16). 18 января 1961 г. Адамович еще раз вернулся к той же теме, отвечая на вопрос Берберовой: «Никакого разговора с Юрасовым ни по телефону, ни иначе — у меня не было. Я его не видел и не слышал. О предложении работать в ЦОПЭ, — будто бы исходящем от Юрасова, — мне писал Бахрах, но довольно туманно. На этом дело и кончилось» (Там же). Эти же соображения Адамович изложил в письме Ю.П. Иваску 17 октября 1960 г.: «Варшавский сообщает, что в Европу поехал Юрасов и собирается мне предложить 200–250 долл<аров> за “редакторство ‘Мостов’”. Я думаю, речь не о редакторстве, а об участии в ред<акционной> коллегии, Варш<авский>, верно, не понял. Но на “коллегию” я не согласен никак, да и на единоличное — тоже, или почти никак» (Сто писем Георгия Адамовича к Юрию Иваску (1935–1961). С. 540–541).

⁵ Возможно, речь о советской делегации, приезжавшей на конгресс в Венецию. 12 июля 1960 г. Адамович писал В.Н. Буниной: «Вы спрашиваете о Венеции. Было очень пышно, нарядно, многолюдно, вроде какого-то парламента. Но по существу довольно сумбурно, “кто в лес, кто по дрова”. Советские делегаты держались вежливо и любезно до крайности, хотя Слоним устроил маленькую перепалку из-за доклада Ермилова, по духу, конечно, вполне советского. Меня очаровал проф. Гудзий, — кажется, Вы его знаете или с ним были в переписке? Умный, скромный, милый, и много рассказавший интересного. Было немало Толстых: мой доктор, Сергей, Татьяна Альбертини и Никита (не знаю, чей он сын) из Стокгольма, болтавший совершенную чепуху. Зато Сергей, доктор, прочел доклад хороший, с защитой Софьи Андреевны, правда, вскользь, но верной. Говорили на всех языках мира, но переводчики из кабинок тут же все переводили, так что люди сидели в наушниках. К моему большому удовольствию Глеб Струве к прениям приглашен не был и сидел в публике, в компании с Лоллием Львовым» (Переписка И.А. и В.Н. Буниных с Г.В. Адамовичем (1926–1961) / Публ. О. Коростелева и Р. Дэвиса // И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. I. М., 2004. С. 159).

⁶ О ком идет речь, установить не удалось.

⁷ Адамович печатался почти в каждом номере «Мостов», начиная с пятого (1960), но материала о Венеции там не появлялось. Отчет о проходившем в Венеции конгрессе был опубликован в газете: Адамович Г.В. По поводу Толстовского съезда в Венеции // Русская мысль. 1960. № 1566. С. 4–5.

⁸ *Поджиоли* (Poggioli) Ренато (1907–1963) — американский славист итальянского происхождения, профессор Гарвардского университета. Речь, по-видимому, о его книге «The Poets of Russia, 1890–1930» (Cambridge (MA), 1960).

44

27/IV-1961
30, Denison Road
Victoria Park
Manchester

Дорогой Владимир Сергеевич,

Только на днях, перед самым своим отъездом из Парижа, я узнал о кончине Вашей мамы. Очень жалею, что не написал Вам раньше. Вы знаете, как я к Вам отношусь — и ведь уже столько лет! — как искренне Вас люблю и, надеюсь, поверите, что я всей душой с Вами в этом тяжелом, хотя и неизбежном испытании. Обнимаю Вас, крепко жму руку и шлю низкий поклон Вашему верному другу, дорогой Татьяне Георгиевне.

Ваш Г. Адамович

45

7, rue Frédéric Bastiat
Paris 8
13 окт<ября> 1963

Дорогой Владимир Сергеевич

Вчера я видел Кодрянских. Они получили от Вас письмо и, судя по их словам, Вы считаете, что я на Вас за что-то «сержусь»? Дорогой мой, за что я могу на Вас сердиться? Откуда пришла Вам в голову такая мысль? Я не только на Вас не сержусь, но, кажется, и не способен рассердиться. Всегда помню о Вас с самыми добрыми чувствами. А если не пишу, то ведь и Вы мне не пишете, — и это ровно ничего не значит, правда?

Слышал от К<одрянских>, что Ваш Мюнхен не удастся. Знаете, я провел там весной 2 месяца, и считаю, что жалеть Вам нечего. Там — суета, суতোлка, интриги и все прочие прелести. Климат ужасающий. Бахрах там как рыба в воде, но у Вас другой склад, другая натура и едва ли Вам там все было бы по душе. Я лично не могу ни на что пожаловаться, но я безразличнее Вас, а главное — много старше и ни в какой мере не озабочен «деланием карьеры». (Бахрах озабочен и по-своему прав. Вернее, не то что озабочен, а радуется успехам.)

Очень болен Мих<аил> Львович Кантор. Не могу сказать — «безнадежно», но очень, очень серьезно. Началось с сердца, осложнилось с простатой, ему должны на днях делать операцию, а при его крайней слабости это, конечно, опасно.

A part cela¹, все по-прежнему. Крепко жму руку, шлю лучшие пожелания и прошу помнить, что никогда я на Вас сердца еще не бил и надеюсь не бить! Передайте самый сердечный привет Татьяне Георгиевне.

Ваш Г. Адамович

¹ За всем тем (*фр.*).

Paris
14/I-1964

Дорогие друзья Татьяна Георгиевна и Владимир Сергеевич

Я очень виноват перед Вами. Простите! От поздравлений и пожеланий я давно отвык, хотя и знаю, что отвыкать не надо бы. Спасибо за Ваши пожелания и за память. Надеюсь, все у Вас благополучно, Вы здоровы и всем довольны, т. е. жизнью (которая и есть «всё»).

Владимир Сергеевич, что это Вы затеяли с Гулем к моему печальному 70-летию!?!¹ Я пишу ему par le même courrier², и, конечно, пишу, что не надо ничего³. Кроме неприятности, мне ничего бы не было, если бы даже появилась хоть одна строчка. Я не скрываю своего возраста, как думает Одоевцева⁴, а считаю, что все это слишком суетно и глупо. Достаточно мы насмотрелись, как юбиляры сами устраивают свои чествования!

Так что пожалуйста: ничего.

До свидания, шлю поклон, привет и все прочее с надеждой увидеться летом! Кстати, я еду в Ниццу на днях, т. е. 20 января, недели на три, т. к. замерзаю в Париже, где мое жилище к холоду не приспособлено. Мих<аил> Львович — без перемен, но не хуже: хорошо и это.

Ваш Г. Адамович

В Ницце адрес обычный: 4, avenue Emilia, chez Mme Heuyligers (до 10 февраля).

¹ В 1964 г. Адамовичу исполнялось уже 72 года. О настоящей и выдуманной им датах рождения см. в статье: Коростелев О.А. Адамович (1892–1972) // Литература русского зарубежья: 1920–1940. М., 1999. Вып. 2. С. 159–160, 184.

² С ближайшей почтой (*фр.*).

³ 9 января 1964 г. Р.Б. Гуль написал Адамовичу: «Нов<ый> журн<ал> хотел бы отметить Ваше семидесятилетие. <...> Но как это лучше сделать? Я советовался с Вл<адимиром> Серг<еевичем> Варшавским, и у него “блеснула” счастливая идея: прежде всего попросить Вас самого написать какие-то “итоги”, какие-то “мысли по поводу”. Мне эта мысль понравилась, и вот я прошу Вашего отзыва на нее» (Beinecke. Roman Gul' Papers. Gen MSS 90. Box 18. Folder 412). 14 января 1964 г. Адамович отвечал Гулю: «Спасибо большое за Ваше письмо и за желание отметить прискорбный факт моего 70-летия. Находясь, насколько могу судить, в здравом уме и твердой памяти, хочу Вам сказать: не надо ничего. Я не считаю себя вправе обращать на себя общественное внимание, и, поверьте, говорю это без малейшей рисовки. Помимо того, все эти юбилеи и чествования — сплошь фальшь, “слова, слова, слова” и даже хуже, чем слова. Никому нет дела, сколько мне лет, и никому это не интересно. Одоевцева мне сказала, что уже писала Вам об этом. Но она будто бы ссылаясь на то, что я предпочел бы скрыть свой возраст. Это, конечно, чепуха. Возраста не скроешь, да и не к чему его скрывать. Просто я не хочу о себе напоминать, и очень прошу Вас не делать из меня “юбиляра”: ни одним словом, ни строкой» (Beinecke. Roman Gul' Papers. Gen MSS 90. Box 1. Folder 6).

⁴ И.В. Одоевцева в частной беседе с комментатором говорила, что Адамович сбрасывал себе два года, желая казаться ровесником Г. Иванова.

7, rue Frédéric Bastiat
Paris 8
20 ноября 1964

Дорогой Владимир Сергеевич

Простите, что не написал Вам до сих пор. Я был искренне тронут Вашим письмом (и мне, и Михаилу Львовичу), но писать, лежа на спине, мне было трудно, да, в сущности, было и запрещено. Теперь я дома¹, вот уже два дня, — дней через 10–15 собираюсь поехать в Ниццу, к обычным своим друзьям, и пробыть там довольно долго. Получил вчера письмо от Бахраха, который что-то пишет о приезде в Мюнхен, — не для отдыха, конечно, а для работы. Но об этом пока не может быть речи².

Как Вы живете? Рад, что Ваши волнения в связи с кандидатурой Голдводтера³ оказались напрасными. Но Достоевский мог бы в самом деле голосовать и за него! От него (т. е. от Д<остоевского>) ждать можно было всего, и даже не в дурном смысле, а по его склонности к «les hauts» et «les bas»⁴.

Обнимаю Вас, дорогой Владимир Сергеевич, спасибо за дружбу. Передайте самый сердечный привет и поклон Татьяне Георгиевне.

Ваш Г. Адамович

Парижский мой адрес действителен всегда. Если напишете, буду очень рад.

¹ В конце сентября 1964 г. Адамович попал с сердечным приступом в больницу (Hôpital Raymond Poincarre, Pavillon Widal 3, eit 23, Garches (S.O.)), а потом до середины ноября находился в реабилитационном заведении (maison de repos) по адресу: Résidence Bineau, 54, Boulevard Bineau, Neuilly-s/S.

² В письме Бахраху, написанному в тот же день, Адамович отозвался на предложение почти этими же словами: «Я уже два дня дома. Но не могу сказать, что я “здоров”. Нет, мне все трудно и от малейшего усилия я устаю. Спасибо за предложение попытаться устроить мне поездку и работу в Мюнхене. Сейчас об этом не может быть речи. <...> Так что Мюнхен — если он в принципе вообще возможен, — отложим до весны, т. е. до апреля или мая. Но, по-моему, — если Литвинов ведет свой отдел хорошо, — мне там нечего делать. Ну, посмотрим, и, повторяю, дело это еще далекое и надо до весны дожить» (BAR. Coll. Bacherac).

³ *Голдвотер* (Goldwater) Барри (1909–1998) — американский политик, сенатор, придерживавшийся крайне консервативных позиций; на президентских выборах 1964 г. была выдвинута его кандидатура от Республиканской партии (президентом стал Линдон Джонсон). 14 декабря 1964 г. Адамович писал Бахраху: «Володя Варшавский беспокоится, за кого бы голосовал Достоевский, неужели за Голдводтера?! (сесi est entre nous <это между нами (фр.)>, я его очень люблю, при всем его инфантилизме, а Вы начнете это, смеясь, рассказывать и ему это повредит еще. Он ведь страстно мечтает о Мюнхене)» (BAR. Coll. Bacherac).

⁴ «Всякому» и «разному» (фр.).

Paris
29 марта 1965

Дорогой Владимир Сергеевич

Спасибо большое за письмо и простите, что отвечаю с опозданием. Я тоже был очень рад видеть Вас и Татьяну Георгиевну¹, и если Вы мне пишете, что я — «все такой же миленький», то я мог бы ответить Вам тем же. Жаль, что Вы редко бываете в Париже. Вчера я получил приглашение в Мюнхен от «Института по изучению СССР»² на какой-то «симпозиум» в конце мая. Но по здравом размышлении решил отказаться. Поехать на несколько дней в Мюнхен было бы приятно, но участвовать в болтовне, с утра до вечера, много менее приятно.

Вы пишете, что Галина Ник<олаевна> хотела бы, чтобы я написал о ее «Граск<ом> дневнике» в «Воздушных путях»³. Но, по-моему, никаких «В<оздушных> путей» Галине не предвидится! Гринберг будто бы болен, да и последние «Пути» успеха большого не имели. Entre nous, мне вообще не хочется писать о «Гр<аском> дневнике», несмотря на симпатии к автору. Но этого Вы ей не говорите.

Михаил Львович сегодня по телефону сказал, что получил от Вас письмо. Хорошо, что Вы ему написали, он к этому очень чувствителен. Его стихи многим нравятся, и я не нахожу в них такого отчаяния, какое нашли Вы. Веселых стихов на свете мало, и те, что есть, почти всегда плохие. В отношении М<ихаила> Л<ьво-вича> я настроен пессимистически: он так слаб, что еле двигается. Он отдает себе отчет в своем состоянии, но не показывает этого. А вот насчет Вашего «все растущего восхищения предприятием человеческой жизни» (Ваши слова) — разговор был бы долгий. У меня скорей чувства, что все эти «предприятия» приходят к концу. Впрочем Вл<адимир> Соловьев считал, что идей осталось на земле не больше, чем было их во время Троянской войны, а сколько после него этих «идей» возникло! Так что ничего знать нельзя, и тем лучше.

До свидания, дорогой Владимир Сергеевич. Как Ваши успехи по прохождению службы? Шлю сердечный привет Т<атьяне> Г<еоргиевне>, благодарите ее за подпись: знак памяти.

Ваш Г. Адамович

P.S. Помните ли Вы Вашего приятеля Красовского⁴ (кажется, Вы его звали «чубчиком»). Он регулярно присылает мне свои сочинения, какой-то журнал, полностью им заполняемый, и другие. Набор претенциозных глупостей, но не без веры в себя и в свое призвание.

¹ Варшавские приезжали в Париж в марте 1965 г.

² Мюнхенский институт по изучению истории и культуры СССР был основан 8 июля 1950 г. как свободная корпорация научных работников и специалистов — эмигрантов из СССР. Первым директором стал Николай Александрович Троицкий (псевд. Б.А. Яковлев; р. 1903). Через некоторое время институт начали финансово поддерживать амери-

канские организации (одновременно диктуя свои условия): Русский исследовательский центр Гарварда, частный благотворительный фонд Карнеги в Нью-Йорке, ВВС США. В 1972 г. программы по инициативе американских кураторов были свернуты, и институт прекратил свою деятельность. Подробнее см.: *O'Connell Ch.T.* The Munich Institute for the Study of the USSR. Pittsburgh, 1990; *Константинов Д.В.* Мюнхенский Институт (Из истории второй российской политической эмиграции) // *Голос зарубежья*. 1983. № 29. С. 13–21; *Константинов Д., прот.* Мюнхенский институт: Из истории второй российской политической эмиграции // *Трибуна русской мысли*. 2002. № 4. С. 133–144; *Попов А.В.* Мюнхенский институт по изучению истории и культуры СССР и «вторая волна» эмиграции // *Новый исторический вестник*. 2004. № 10. С. 54–70.

³ Главы «Грасского дневника» Галины Николаевны Кузнецовой (1900–1976) печатались в «Воздушных путях» (1963. № 3. С. 116–126; 1965. № 4. С. 72–99) и «Новом журнале» (1963. № 74. С. 7–37; 1964. № 76. С. 143–160). Позже вышло отдельное издание (Вашингтон, 1967). Рецензии на «Грасский дневник» Адамович не написал.

⁴ Возможно, имеется в виду *Красовский* Олег Антонович (1919–1993) — участник РОА, после войны сотрудник радиостанции «Свобода», позже редактор журнала «Вечер» (с 1981 г.).

49

7, rue Frédéric Bastiat
Paris 8
26 апреля 1965

Дорогой Владимир Сергеевич

Спасибо за письмо, или, точнее, за то, что помните меня. Если Вы приедете летом в Париж, буду искренне рад. Не знаю, где я буду, т. е. в Париже ли именно, но так или иначе, надеюсь, увидимся. Я боюсь Ниццы летом, особенно в августе. Зовут меня на месяц-два в Мюнхен, но этого я тоже боюсь, т. е. утомления. Я еще далеко «не в себе», и от всего устаю. Кстати, тут проездом был Хомяков, который мне сказал, что Ваш Мюнхен далеко не безнадежен. Он, правда, лицо не очень там авторитетное, но говорил, как будто что-то зная и предвидя. Не понимаю только, отчего Вы туда так стремитесь! Едва ли там меньше «склоки» и интриг, чем в Нью-Йорке, и едва ли это финансово выгоднее. Впрочем, дело Ваше, и я не совсем *au courant*¹ этого. М. б., я туда в июне и поеду, тогда увижу ближе.

Читал «с удовольствием»², как бедный наш царь, Ваши размышления о «Новом Граде»³. Это — Ваша область, а мне хоть и чуждая, но со стороны, *pour ainsi dire*⁴, любопытная. Что же до того, что Голдуотер, по мнению Степуна, говорит то же, что Влад<имир> Соловьев, то это, по-моему, ближе к истине, чем Вам кажется (к сожалению — но не для Голдуотера, а для Соловьева!). «Крест и меч — одно», это «сублимированный» Голдуотер (простите за «сублимированного»: но это именно стиль, любезный сердцу новгородцев). И знаете ли Вы статью Соловьева⁵ о Николае I? Это тоже нечто! Соловьев был, конечно, необыкновенный и необыкновенно умный человек, но с голдуотерскими нотками. И притом это не Леонтьев, измученный сам собой и которому все прощается, а человек крайне

самоуверенный. Помните Вы тоже его статью о Пушкине⁶, с высоты своей непогрешимой духовности? Когда-то я сказал в Мюнхене вдове Франка⁷, что не люблю Соловьева, и она чуть не упала от возмущения в обморок. Надеюсь, что Вы не столь убежденный и восторженный его почитатель. А если ошибаюсь, простите! Может быть, ошибаюсь я, но я почти ничего в Соловьеве и у него любить не в силах (почти — потому, что есть строчки вроде «Смерть и время царят на земле»⁸ и другое).

Простите и за болтовню. Вижу Кодрянских, и всегда о Вас говорим. Сегодня — второй день Пасхи, поздравлять поздно, но все-таки хочу сказать Татьяне Георгиевне и Вам: Христос Воскресе!

Шлю от души Вам обоим самые искренние пожелания.

Ваш Г. Адамович

¹ В курсе (*фр.*).

² «Прочел с удовольствием» — фраза, неоднократно встречающаяся в дневниках Николая II. Эту же фразу Николай II несколько раз писал на поднесенных ему докладах и записках, в частности, на отчетной записке Витте (осень 1896 г.) о благотворных результатах введения винной монополии в России в 1894 г., см.: *Корелин А.П., Степанов С.А. С.Ю. Витте — финансист, политик, дипломат. М., 1998.*

³ *Варшавский В.* Перечитывая «Новый град» // *Мосты.* 1965. № 11. С. 267–285.

⁴ Так сказать (*фр.*).

⁵ Статья В.С. Соловьева «Памяти императора Николая I» была опубликована без подписи в «Санкт-Петербургских ведомостях» 25 июня (7 июля) 1896 г. к 100-летию со дня рождения. См.: *Соловьев В.С. Памяти императора Николая I // Соловьев В.С. Собр. соч. СПб., 1912. Т. 7. С. 377–378.*

⁶ *Соловьев В.С.* Судьба Пушкина // *Вестник Европы.* 1897. № 9. С. 131–156. Д.В. Философов написал об этой статье Соловьева: «Мысли, высказанные им, наделали в свое время много шума и доставили много огорчения всем “пушкиноманам”» (*Философов Д.В.* Серьезный разговор с нитчанцами (Ответ Вл. Соловьеву) // *Мир искусства.* 1899. № 16–17. С. 25). А В.В. Розанов даже в некрологе особо отозвался об этой статье Соловьева: «Он всегда высказывал что-нибудь экстравагантное, что трудно было доказать, и впадал в раздражение и разные литературные неудачи, все-таки пытаясь доказать. Такова его “Судьба Пушкина” и статьи, к ней примыкающие. У него было мало чувства действительности, чувства земли. Имея какую-нибудь превосходную отвлеченную мысль, он обыкновенно выбирал самый неудачный пример на нее из области действительности. Так случилось и с Пушкиным» (*Розанов В.В.* Памяти Вл. Соловьева // *Мир искусства.* 1900. № 15–16. Август. С. 135).

⁷ *Франк* Татьяна Сергеевна (урожд. Барцева; 1887–1985) — жена С. Л. Франка с 1908 г.

⁸ Из стихотворения В.С. Соловьева «Бедный друг, истомил тебя путь...» (1887).

50

Paris 8^e
7, rue Fréd<eric> Bastiat
29 июня 1968

Дорогой Владимир Сергеевич, обращаюсь к Вам с маленькой деловой просьбой, т. к., кажется, ни Ризера¹, ни Газданова² сейчас в Мюнхене нет. Я получил сегодня извещение о гонораре за скрипт «Толстой и Горький», посланный совсем недавно. А в начале июня был выслан конторой, и притом «express» по указанию Газданова, мой «Литер<атурный> дневник»³ № 1 (сравнение Пастернака с Солженицыным), который я — тоже по желанию Газданова — наговорил на пленку. Гонорара до сих пор нет. Не то чтобы этот гонорар был мне срочно нужен, нет, но я не уверен: дошла ли эта пленка? или произошло что-нибудь другое? Будьте добры, разузнайте. Тогда еще были забастовки, и только что кончились, так что *on ne sait jamais*⁴. Простите, что затрудняю.

Как Вам «живется и можется»? Написали бы когда-нибудь больному старцу несколько слов о смысле жизни и прочем! Крепко жму руку и шлю самый сердечный привет Татьяне Георгиевне.

Ваш Г. Адамович

¹ Ризер Виктор Владимирович (по отчиму Шиманский; ?–1986) — сотрудник радиостанции «Освобождение» (позже — «Свобода»), сперва лондонский корреспондент, затем редактор мюнхенского отделения, позже руководитель парижского бюро.

² Г.И. Газданов в это время возглавлял Русскую службу мюнхенской редакции радио «Свобода».

³ Адамович еще 3 февраля 1965 г. писал Бахраху: «Газданов, будто бы по уговору с Ризером, просил меня что-то писать, раза два в месяц, нечто вроде «литературн<ого> дневника»» (BAR. Coll. Vacherac).

⁴ Ничего не скажешь (*фр.*).

51

Адрес в Ницце:
4, avenue Emilia
chez Madame Heyligers
06 — Nice
3 июля 1969
(отчего Вы никогда не ставите число на письме?)

Дорогой Владимир Сергеевич

Очень рад был получить Ваше письмо. Спасибо. Но могло оно и не дойти! Фамилия моей хозяйки уже больше 10 лет не Lesell, а Heyligers. Она мне переслала

его из Ниццы, но сама удивляется, что почтальон догадался положить его в ее ящик. Я уезжаю в Ниццу, вероятно, 12-го. Пора! В Париже уже очень жарко.

Поэта Галича я не знаю, даже имени его не слышал. Окуджаву знаю. Когда-то Померанцев принес мне магнитофон с его записями и вертел это около часу. Он восхищался, а я не очень. Конечно, талантливо, но слушать эти песенки надо бы где-нибудь в кабачке, под утро и со слегка пьяной головой. А Евтушенко — настоящий поэт, но губит себя тем, что слишком много пишет, а в последнее время пишет «спустя рукава», кое-как. У меня о нем были долгие споры с Гингером, который считал, что я чуть ли не сошел с ума. А раз ночью позвонил мне и сказал: «Нет, Вы правы». Он прочел стихи, называющиеся «Заклинание», и пришел в восторг. И если бы Вы с Евтушенко поговорили, то почувствовали бы, что он талантлив в каждом слове, и не то что умен, а все понимает на лету. У Толстого где-то есть: «Он понимал это не умом, а всей жизнью»¹ (кажется, так). Вот это дано и Евтушенке.

Насчет Газданова я с Вами согласен «на все 100», говоря советским стилем. Мне жаль, что в пору нашего Монпарнаса он был в стороне и как-то не общался с нами². Не знаю, почему это было так, м. б. из-за Мережковских, которых он терпеть не мог. А по поводу того, что он почти всех писателей считает дураками и бездарностями, я иногда его спрашиваю: «Когда же дело дойдет наконец до Шекспира или Гомера?» Но это — пустяки, а человек он редкий, во многих смыслах.

Вам, вероятно, известно, что месяца на 2–3 я прекращаю работу для Вашей станции. Это — не мое желание, а предложение Cody³ из-за отсутствия кредитов. Червинская этим возмущена, а я отчасти (только отчасти) доволен из-за лени и возможности писать что-нибудь «для души». Мне теперь трудно писать 2 вещи сразу, даже думать трудно, но делать тут нечего. Хотя, с другой стороны, раньше, в молодости, пишешь быстрее, легче, но, по-моему, хуже. Я иногда перечитываю что-нибудь свое (в «Числах») и прихожу в ужас.

Ну, вот — простите за болтовню. Пожалуйста, приезжайте летом в Ниццу, хотя бы ненадолго! Вы спрашиваете о Михаиле Львовиче: он жив наполовину, хотя голова все еще ясная. Еще: за кого я голосовал? Будучи «метеком», ни за кого, но сочувствовал Поэру, а не ловкой лисе, его конкуренту⁴. До свидания, дорогой Владимир Сергеевич. Передайте самый сердечный привет Татьяне Георгиевне.

Ваш Г. Адамович

¹ В романе Л.Н. Толстого «Война и мир» Пьер Безухов в плену понимает «не умом, а всем существом своим, жизнью, что человек сотворен для счастья» (Т. 4. Ч. 3. XII).

² Позже в некрологе Адамович написал: «Сблизился и подружился я с Газдановым сравнительно недавно, а в последние годы телефонировал он мне чуть ли не ежедневно, беседовали мы подолгу, по крайней мере до тех пор, пока он жил, как и я, в Париже. Именно в эти годы я оценил его быстрый, своеобразный ум, его острое чутье и даже его природную доброжелательность, ускользавшую от моего понимания, — или от моего внимания, — прежде. В довоенный период эмиграции что-то меня от Георгия Ивановича отдаляло, сближению мешало. Держался он вызывающе, в особенности на публичных собраниях, в то время в Париже очень многочисленных. Никаких авторитетов не признавал. Ни с чьими суждениями, кроме своих собственных, не считался. <...> Много позже я понял, сколько было в Газданове хорошего, верного именно в дружественности, сколь-

ко в нем было истинно человеческого, прикрытого склонностью ко всякого рода шалостям» (Адамович Г. Памяти Газданова // Новое русское слово. 1971. 11 декабря; то же: Русская мысль. 1971. 30 декабря. № 2875. С. 10).

³ Сотрудник парижского бюро радио «Свобода».

⁴ На президентских выборах во Франции в 1969 г. председатель Сената центрист Ален Поэр (Poher; 1909–1996) проиграл голлисту Жоржу Помпиду (Pompidou; 1911–1974).

52

Paris

5 дек<абря> 1969

Дорогой Владимир Сергеевич

Очень был рад получить Ваше письмо. Спасибо, что вспомнили. Кажется, я перед Вами виноват, еще не удосужился ответить на предыдущее письмо. Но, знаете, у меня в голове «мухи...», как говорил Бунин (помните?). Так что не взыщите.

Вчера мне звонила Т<атьяна> Г<еоргиевна>. Мы en principe¹ должны увидеться в ближайшую среду, т. к. вчера и сегодня я должен был «выйти» вечером, и тогда предпочитаю днем лежать (или сидеть молча). Мне о Вас рассказывал Газданов, очень хорошо, и я рад за Вас. Почему Вы рветесь в Париж? Здесь, в конторе Радио-Свобода, едва ли Вам было бы все по душе. Вот Червинская мечтает опять о Мюнхене! Конечно, для Т<атьяны> Г<еоргиевны> в Париже было бы удобнее, но для Вас — едва ли лучше и приятнее.

А что же сказать Вам о смысле жизни? «Чем больше я живу, тем меньше понимаю», по Зин<аиде> Гиппиус. Вот с удовольствием узнал, что Вы против книжки Амальрика². Мне ее дал Газданов, сказав, что о ней очень хорошего мнения Вейдле. Вероятно, он только перелистал ее. Начало мне показалось интересно, но дальше — черт знает что! Помимо глупых предсказаний, эта книжка не против сов<етской> власти, а против России, с презрением и враждой к ней. А вот Светлана мне нравится³, хотя многие ее ругают последними словами.

Я был на днях в Женеве, читал там воспоминания о Бунине⁴. Видел Слонима, который стал «элегантен и мил», как Николай I у Некрасова. Нет, правда, par le temps qui court⁵, все, что мы прежде как-то отталкивали, надо ценить на вес золота. Никого ведь нет (или это только кажется, как нередко бывает?). Если я еще поеду в Женеву, то приеду и в Мюнхен, посмотреть, как и что. Но весной, не раньше, ибо боюсь холода и всякой зимней мерзости.

До свидания, дорогой Владимир Сергеевич. Еще раз спасибо, что не забываете.

Ваш Г. Адамович

¹ В принципе (*фр.*).

² Амальрик Андрей Алексеевич (1938–1980) — публицист, диссидент-правозащитник. С 1976 г. в эмиграции. Речь о его брошюре «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?» (Амстердам, 1969).

³ Имеются в виду книги Светланы Иосифовны Аллилуевой (р. 1926) «Двадцать писем к другу» (Лондон, 1967) и «Только один год» (Нью-Йорк, 1969).

⁴ С просьбой написать воспоминания для бунинского тома «Литературного наследства» к Адамовичу в 1965 г. обратился московский буниновед А.К. Бабореко. У Адамовича изначально были большие сомнения на этот счет, о чем он и написал Бахраху 1 июня 1965 г.: «Бабореко я свои соображения изложил. Кстати, они к 1970 году готовят бунинский том «Литературного наследства» и он просит меня дать статью. Но это едва ли возможно, — не только для меня, но и для него, т. е. если бы я статью и написал, ее едва ли приняло бы его начальство» (ВАР. Coll. Bacherac). Сомнения были небеспочвенными. Бунинский том «Литературного наследства» вышел с опозданием на три года (М., 1973. Т. 84. В 2 кн.), и, несмотря на то что во второй его книге были опубликованы материалы эмигрантов — В.Н. Буниной, Г.Н. Кузнецовой, Т.Д. Муравьевой-Логиновой, Н.В. Кодрянской, С.Ю. Прегель и В.М. Зернова, — написанные специально для этого тома воспоминания Адамовича и Бахраха в нем напечатаны не были. После того, как выяснилось, что редакция «Литературного наследства» не может опубликовать заказанные мемуары, Адамович напечатал их в Нью-Йорке: *Адамович Г. Бунин: Воспоминания // Новый журнал*. 1971. № 105. С. 115–137. В России Бабореко смог опубликовать их лишь через 17 лет (Знамя. 1988. № 4. С. 178–181). О перипетиях несостоявшейся публикации подробнее см.: Письма Георгия Адамовича / Публ., вступ. и примеч. А. Бабореко // *Русская провинция (Новгород)*. 1994. № 4 (12). С. 83–88.

⁵ По нашим временам (*фр.*).

53

<Рождественская открытка. 23 декабря 1969 г.¹>

Шлю дорогим друзьям Татьяне Георгиевне и Владимиру Сергеевичу лучшие пожелания к Новому году и поздравляю с праздником Рождества Христова.

Ваш Г. Адамович

P.S. Спасибо за письмо. Был вчера на вечере о Солженицыне, где говорил о <тец> А. Шмеман². Я слышал его в первый раз. Очень хорошо и умно. Нашим местным орлам надо бы многому у него поучиться.

¹ Датируется по содержанию.

² 22 декабря 1969 г. Русское студенческое христианское движение провело в парижском зале Социального музея собрание, посвященное А.И. Солженицыну, на котором выступили Н.А. Струве, Г.П. Филиппенко и др. Декан Богословской академии в Нью-Йорке прот. А. Шмеман выступил на тему «Размышления о творчестве А.И. Солженицына».

Paris 8^e
7, rue Fréd<eric> Bastiat
2 июня 1970

Дорогой Владимир Сергеевич

Получил сегодня Ваше письмо. Спасибо. Я был очень рад Вас видеть¹ и надеюсь, все у Вас благополучно и налаживается к хорошему разрешению. Не портите себе жизни из-за мелочей, из-за мелких стычек и всего в этом роде. По моим впечатлениям почти все у Вас происходит из-за этого, и несправедливость в отношении к Вам, и в оценке Вас, на 90 % (если не больше) этим и вызвана. Бахрах — легкий человек, ну а если он любит известный респект к своему служебному первенству, то недостаток это не столь большой. Я не проповедую пресмыкательство, а только хотел бы, чтобы Вам хорошо жилось, — и этого Вы легко можете достичь, оставаясь таким, как Вы есть.

Простите за старческие нравоучения.

Еще я угрызаюсь, что не взял Вашего пакетика. Носильщик на Gare de l'Est² был, так что я чемодан не тащил. Пожалуйста, объясните мои сомнения Татьяне Георгиевне и извинитесь за меня, что так вышло. Впрочем, виноваты и Вы, т. к. в последний день я решил пакет взять.

Два слова о Вашей рукописи³. Я ее возьму в Ниццу и там на досуге прочту с большим вниманием, чем здесь. Но что сделать, когда прочту? Если нужен отзыв, кому послать? Можно ли оставить у себя рукопись до осени, т.е. когда я надеюсь вернуться в Париж? Или отослать ее Вам?

Дня своего отъезда в Ниццу я еще не знаю, т. к. вожусь с анализами и радиографиями, довольно неожиданно для себя. Нечего делать, значит нужно, по крайней мере, так считает мой кардиолог.

До свидания, дорогой Владимир Сергеевич. От души желаю Вам всего доброго, а когда будете писать Т<атьяне> Г<еоргиевне>, передайте, что мне было очень жаль, что в Мюнхене ее при мне не было.

Ваш Г. Адамович

¹ В мае 1970 г. Адамович приезжал в Мюнхен.

² Восточный вокзал (*фр.*).

³ Вероятно, рукопись книги «Ожидание», вышедшей два года спустя (Р., 1972).

4, avenue Emilia
Chez M-me Heyligers
06-Nice
17 авг<уста> 1970

Дорогой Владимир Сергеевич

Прилагаю копию отзыва о Вашей книге, посланного Б.Ю. Физу¹. Надеюсь, я не очень задержал его. Пишущей машинки я с собой не взял, но старался писать ясно.

Книга Ваша хорошая, в каждом слове «Ваша», т. е. такая, какую только Вы и могли написать. При чтении у меня иногда возникали возражения или замечания, но может ли быть иначе? Все, что относится к концу войны и к встрече с советскими людьми, — замечательно.

Надеюсь, и даже уверен, что Б. Ю. приложит все старания, чтобы книга была издана. При встрече в Париже («е. б. ж.»²) я с ним еще поговорю.

Крепко жму руку, шлю самый сердечный привет Татьяне Георгиевне и Вам.

Ваш Г. Адамович

P.S. Простите, я в конце отзыва написал, что название книги не совсем удачно. Вы человек упрямый и, конечно, с этим не согласитесь. Дело Ваше. Но правда, слово «рассеянность»³ заранее скорей отбивает интерес, чем возбуждает и привлекает его.

¹ Б.Ю. Физ в это время был председателем исполнительного комитета издательства «УМСА-Press», которому была предложена книга Варшавского «Ожидание». Внутренняя рецензия на книгу, написанная для издательства, была опубликована посмертно (*Адамович Г. Вл. Варшавский. «Ожидание» // Русская мысль. 1972. 25 мая. № 2896. С. 4.*)

² «Если буду жив» — выражение, часто встречающееся в дневниках и письмах Л.Н. Толстого, которое на склоне лет очень полюбил Адамович.

³ Судя по этому письму, Варшавский первоначально хотел назвать книгу по рассказу, легшему в ее основу (*Варшавский В. Рассеянность (из записок художника) // Опыты. 1957. № 8. С. 26–35*), но под влиянием Адамовича решил поменять название. Обсуждение вариантов продолжалось долго (см. следующие письма), пока выбор не остановился на «Ожидании».

4, avenue Emilia
Chez M-me Heyligers
06-Nice
15 авг<уста> 1971

Дорогие Татьяна Георгиевна и Владимир Сергеевич!

Вчера получил Ваше письмо: весь конверт перечеркнут, пометки «inconnu»¹, хотя адрес — насколько могу его разобрать! — написан верно. А письмо от 10 июля, из Югославии! Не знаю, в чем дело, отчего произошла задержка и путаница. Впрочем, в Ницце это со мной уже бывало (отчасти, м. б., потому, что здесь есть avenue Emilia и rue Emilia).

Думаю, что Вы теперь дома, значит, в Мюнхен и пишу. Надеюсь, Татьяна Георгиевна, что Вы скоро появитесь в Ницце, как обещаете. Предупреждаю, что жара здесь в этом году африканская (что, м.б., отражается на моем состоянии). Буду ждать письма, если Вы в Мюнхене. Напишите, что и как, и вообще.

Ваш Г. Адамович

Придуманные Вами названия романа мне не совсем по душе, особенно те, где автор сам себя называет Гамлетом. Вот некоторые, только что пришедшие мне в голову и едва ли лучше Ваших:

Непонятая жизнь
Неизвестность
Без руля и без ветрил
Судьба и случайность
Поздний рассвет

Конечно, таких названий можно придумать еще без конца. Пушкин любил названия, которые «ничего не значат»², и в этом есть доля правды. Не надо, по моему, чтобы название слишком близко сходилось с содержанием.

Мне лично «Судьба и случайность» скорее нравится, хотя и напоминает «Le hasard et la nécessité»³.

¹ Неизвестен (*фр.*).

² В письме П.А. Плетневу от начала октября 1835 г. Пушкин писал: «Ты требуешь имени для альманаха: назовем его “Арион” или “Орион”; я люблю имена, не имеющие смысла; шуточкам привязаться не к чему» (*Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1949. Т. 16. С. 56*).

³ «Случайность и необходимость» (1970) — работа французского биохимика и микробиолога, лауреата Нобелевской премии (1965) Жака Люсьена Моно (*Monod; 1910–1976*), в которой все формы жизни признавались результатом случайных мутаций и последующего естественного отбора.

Nice, 9 сент<ября> 1971

Дорогой Владимир Сергеевич

Простите, что отвечаю с опозданием. Думаю, что Т<атьяна> Г<еоргиевна> уже передала Вам о нашем разговоре по поводу названий Вашей книги.

По-моему, — если Вам не по душе «Мир во мгле», — то можно просто «Во мгле», оставив эпитафию из Боратынского. Из остальных — лучше других «Отголосок». Но я предпочел бы «Во мгле».

Получил письмо от Хомякова. Он сообщает, что Ваша коллективная телеграмма по поводу Ульянова¹ вызвала в Нью-Йорке «недоумение». Там многие находят, что если У<льянов> и ошибается, то «написал здорово!». On aura tout vu².

До свидания. Не мучьте себя больше поиском названия. В конце концов, это значения не имеет. «Война и мир», например, скорей плохое название, а если взять имя (как Вы хотели бы), то «Анна Каренина» — хорошо, но «Раздумья Гуськова» — плохо, т. к. похоже, что Вы сами над собой издеваетесь. Шлю сердечный привет Татьяне Георгиевне, которую очень был рад видеть.

Ваш Г. Адамович

¹ Среди многочисленных откликов на статью Н.И. Ульянова «Загадка Солженицына» (Новое русское слово. 1971. 1 августа. С. 2) был и коллективный протест сотрудников мюнхенского бюро радио «Свобода»: Протест против статьи Н. Ульянова // Там же. 15 августа. С. 4.

² Посмотрим (*фр.*).

«The Drake»
440 Park Avenue
New York
<начало ноября 1971¹>

Дорогой Владимир Сергеевич

Пишу из Нью-Йорка². Добрался благополучно, а здесь «расклеился»³. Три раза был доктор. Сердечная слабость и другое в том же роде. Надо было сюда ехать, когда я был молодым спортсменом, а не старой развалиной. Отменил пока все университеты, кроме самых близких (Yale)⁴. Особенно жаль, что не поеду в Сан-Франциско, откуда мне прислали приглашение и билет aller-retour⁵. Меня всегда прельщало почему-то этот город.

Напишите о себе, как и что. Видел о<тца> Ал<ександра> Шмемана, который сообщил, что у Физов плохо. Очень их жаль. Сердечный привет Татьяне Георгиевне.

Ваш Г. Адамович

P.S. От своей ниццской хозяйки знаю, что Madame Grinsberg (бюро переводчиков) очень больна. Пусть Т<атьяна> Г<еоргиевна> не удивляется, если от нее нет ответа.

¹ Датируется по содержанию.

² Адамович провел в Америке более двух месяцев — с конца октября 1971-го по 5 января 1972 г. — выступал перед университетскими аудиториями в Нью-Йорке, Кембридже, Нью-Хевене и Вашингтоне и планировал посетить Западное побережье США, но врачи не позволили. Его путешествие широко освещалось в эмигрантской прессе, в частности, см.: <Б. п.>. Г.В. Адамович едет в Нью-Йорк // Новое русское слово. 1971. 4 октября. № 22392. С. 3; <Б. п.>. Приезд Г.В. Адамовича // Там же. 27 октября. № 22415. С. 3; *Иваск Ю.* Г.В. Адамович в Нью-Йорке // Там же. 29 октября. № 22417. С. 3; <Б. п.>. Единственное выступление Г.В. Адамовича в Нью-Йорке // Там же. 17 ноября. № 22436. С. 3; *Седых А.* <Цвибак Я.М.>. Г.В. Адамович: Вступительное слово, произнесенное на вечеру Г.В. Адамовича в Нью-йоркском университете 20 ноября 1971 года // Там же. 22 ноября. № 22441. С. 3; *Завалишин Вяч.* Встреча с Георгием Адамовичем // Там же. 24 ноября. № 22443. С. 3; <Б. п.>. Выступление Г.В. Адамовича // Там же. 1 декабря. № 22450. С. 3; <Б. п.>. Георгий Адамович в Колумбийском университете // Там же. 11 декабря. № 22460. С. 3; *Найденов А.* На докладе Георгия Адамовича // Русская мысль. 1971. 23 декабря. № 2874. С. 10; <Б. п.>. Г.В. Адамович вернулся в Париж // Новое русское слово. 1972. 5 января. № 22485. С. 3.

³ Д.И. Кленовский считал, что американское турне ускорило смерть Адамовича, и писал 27 февраля 1972 г. архиепископу Иоанну (Шаховскому): «Думаю, что ему повредила поездка в США... Я слышал, что он нередко выступал полубольной, пересиливая себя, а некоторые его вечера были даже отменены по нездоровью. Это было, конечно, очень неблагоприятно» (*Иоанн Шаховской, архиеп.* Переписка с Кленовским / Ред. Р. Герра. Париж, 1981. С. 274).

⁴ В Йельском университете Адамович выступал 10 ноября 1971 г. См. газетные отчеты: <Б. п.>. Георгий Адамович в Ейльском университете // Новое русское слово. 1971. 18 ноября. № 22437. С. 3; *Самарин В.* Один час в России // Там же. 1971. 19 ноября. № 22438. С. 3.

⁵ Туда и обратно (*фр.*).

Paris 8e.
7, rue Frédéric Bastiat
12 янв<аря> 1972

Дорогие друзья Татьяна Георгиевна и Владимир Сергеевич

Хотя и только к русскому Новому году, и с опозданием к Рождеству Христову, шлю Вам поздравления и самые искренние пожелания здоровья и благополучия. Я только на днях вернулся из Нью-Йорка и нашел на столе груды писем, в последний месяц мне не пересылавшихся. Оттого и опоздание. Еще не звонил Борису Юльевичу, как-то опасаясь сделать это, но завтра позвоню непременно.

ПУБЛИКАЦИИ

А как Вы? В Нью-Йорке, или, вернее, в тамошнем Radio-Liberty, Хомяков с 1 января в отставке, другие ни в чем не уверены. Здесь со дня на день ожидается Бахрах, но думаю, что он позвонил бы мне, если бы уже приехал. Пожалуйста, напишите мне, как и что, и вообще. Я рад, что водворился в Париж, хотя ни на что американское пожаловаться не могу. В особенности на Рейзини, которого Вы, Владимир Сергеевич, безбожно оклеветали. Часто видел Яновского¹.

Ваш Г. Адамович

¹ О встречах в Нью-Йорке см.: *Яновский В.С. Ушел Адамович // Новое русское слово*. 1972. 26 марта. № 22566. С. 8; *Он же. Г.В. Адамович: Из книги памяти // Там же*. 1978. 12 февраля. № 24499. С. 8; *Он же. Из книги памяти: К шестилетию со дня смерти Г.В. Адамовича // Русская мысль*. 1978. 30 марта. № 3197. С. 10; *Яновский В. Поля Елисейские*. Нью-Йорк, 1983.

«СИНЕФИЛЫ» И «АНТИСИНЕМИСТЫ»:
ПОЛЕМИКА РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ
О КИНЕМАТОГРАФЕ В 1920-х гг.
(По страницам эмигрантской прессы)*

*Предисловие и подготовка текста
Р.М. Янгирова*

Периодическая печать русского зарубежья сохранила на своих страницах многочисленные свидетельства того, как воспринимали этот феномен <искусство кино> современники <русские эмигранты>, ощущавшие сопричастность русскому кинотворчеству во всех уголках рассеяния — от Прибалтики до Италии и от Голливуда до Китая. В печатных комментариях, сопровождавших работу соотечественников-кинематографистов вплоть до начала Второй мировой войны, последовательно воспроизводилась модель, непременно осмыслявшаяся в категориях единого творческого и этнически выраженного организма, но — что не менее важно — фиксировался его списочный состав и исторический лексикон <русского кинопроцесса за рубежом>.

<...>

В числе тех, кто высказал свое отношение к кинематографу, были Зинаида Гиппиус и Николай Бахтин, Дмитрий Философов и Михаил Арцыбашев, Александр Куприн и Андрей Левинсон, Давид Бурлюк и Сергей Волконский, Сергей Маковский и Евгений Зноско-Боровский, Виктор Шкловский и Александр Амфитеатров, Владислав Ходасевич и Павел Муратов, Борис Глаголин и Виктор Познер, Константин Терешкович и Иван Мозжухин, Петр Пильский и Тэффи, к которым примыкали выступления других, забытых или менее известных авторов.

Довольно долго отношение к кинематографу русских эмигрантов выстраивалось в оппозиции притяжения / непритяжения его как эстетического явления.

Своего апогея дискуссия о кинематографе достигла в 1926 г., когда в нее включились крупнейшие фигуры художественной критики русского Парижа. Поводом стала статья Павла Муратова «Кинематограф» (1925).

Из разнокачественного конгломерата печатной рефлексии современников мы избрали несколько текстов, репрезентирующих русскую зарубежную кинематографию в пространстве и во времени.

* Предлагаемая публикация дискуссии русских эмигрантов о кинематографе — фрагмент фундаментальной работы известного историка кино Р.М. Янгирова (1954–2008) «Хроника кинематографической жизни русского зарубежья», полный корпус которой готовится в настоящее время к изданию. Одновременно этот материал вошел в «Антологию русской зарубежной киномысли (Немое кино. 1919–1920-е гг.)», над которой также работал Р.М. Янгиров и которая ждет своего издателя.

Настоящая публикация, к сожалению, готовилась уже без прямого участия автора «Хроники...», поэтому ей дано редакторское название, а предисловие составлено из заметок Р.М. Янгирова, посвященных проблеме восприятия эмигрантами искусства кино. Каждому материалу предпослано несколько вступительных слов Р.М. Янгирова (именно так, как это сделано в самой «Хронике...»), которые вкратце объясняют особенность позиции участвовавшего в дискуссии автора. (Ред.)

1924

Середина мая

Париж. Публикация статьи Соломона Полякова-Литовцева о русской кинематографии во Франции, в которой дан прогноз о ее возможном будущем:

Идеальной русской фильмой была бы такая, в которой счастливо сочетался бы русский по духу сценарий, характерные представители русского актерского искусства, режиссерская выдумка, так или иначе связанная с русской школой построения зрелища и, пожалуй, русская техническая сноровка, которую нелегко определить, но нетрудно почувствовать. Разумеется, что такая совершенно русская фильма может создаться только на русской почве, органически и преемственно. Русская кинематография за границей может поэтому быть только русско-французской, русско-немецкой, русско-итальянской — в зависимости от страны производства и господствующих в ней художественных вкусов, традиций, технических навыков. Не поддаваться влиянию среды просто немислимо, но и вдобавок еще опасно. Искусство не может висеть в воздухе, не обрекая себя на страшную, мертвящую безликость. Не имея возможности быть русским вполне, русское экранное искусство непременно должно временно привиться к чужому стволу, питаясь им и обогащая его. Ибо величайшее заблуждение думать, что безликое, международное рыночное производство может иметь какую-нибудь художественную ценность... Сила русской фильмы, конечно, не в технических трюках... Красота удачной русской фильмы, ее сила и особенность среди других фильм в одухотворенной тонкости передачи настроений, в свежести психологической выразительности, в правдивости экранного переживания. В этих достоинствах, столь редких, сказывается ценное наследие русского реалистического театра, плодотворная традиция великого русского актерства... Только культивируя русскую театральную традицию, только простотой, тонкостью и правдой могут русские актеры экрана удержаться на той высоте, на которую поднял их талант... Вот почему русские деятели экрана должны хранить русскую театральную традицию независимо от их взглядов на будущее, самостоятельное от театра, развитие кинематографии. Отход от русской школы игры угрожал бы им опасным обезличением.

Последние новости. 1924. 15 мая.

1925

25 марта

Париж. В полемику с Соломоном Поляковым-Литовцевым о судьбах русской кинематографии за рубежом вступил Андрей Левинсон:

За участием русской инициативы в становлении французского кинематографического дела я, разумеется, наблюдаю уже давно, примерно со времени «Тысячи и одной ночи». Значение русского вклада очевидно и уже довольно велико. Но

официальный оптимизм, учет действительных или мнимых успехов не исчерпывает оценки сотрудничества России с Западом, амальгамы на экране двух чуждых друг другу стихий. Процесс этого взаимного проникновения сложен. Иногда веришь во взаимное обогащение сторон, иногда опасаясь взаимного истребления... Из зыбкой атмосферы, от косных навыков русских мастерских наши актеры и режиссеры перенесли в ослепительный свет парижских студий. Их вкус и чутье наткнулись на категорический императив американских «стандартов», схем сочинения и исполнения лент, диктуемых хозяевами рынка. Из сочетания русских дарований и изъянов с достижениями и пороками кинотворчества на Западе и возник смешанный стиль, пущенный в оборот фирмой «Альбатрос». Смешанный еще потому, что, насчитывая уже ряд побед (имя Мозжухина стало мировым), работа этой фирмы и непосредственно ей предшествовавшей организации («Ермолев и Ко.») не выходит из состояния художественного кризиса, нащупывания почвы, искания твердых путей... Основной порок зарубежной нашей кинематографии — пренебрежение ритмом. Из аристотелевых единств экран — по природе своей — отвергает единство времени и места... Но он зиждется на единстве действия или на строгом согласовании тем, из которых слагается действие сложное... Правильно же найденное взаимоотношение между длиной отрезков, из которых слагается все целое, и есть ритм ленты... Такая вещь, как «Мишень» — вызов самому понятию ритмического построения. А «Кин»? И «жига» в кабачке? Разве это не заведомое чудо ритмики? Тут — терминологическое недоразумение. «Жига» эта — чрезвычайно удачно поставленная, и где забываема живописная удаль Мозжухина, изображает некоторое ритмическое действие, плюсовую четку. Но, увлекшись удачей, режиссер донельзя растягивает этот побочный эпизод вне всякой пропорции с ритмом ленты. Такая невоздержанность нехудожественна; метраж этой сцены чрезмерен. Так же ошибочно и позирование Мозжухина в профиль и в три четверти; задержания, не оправдываемые задачами выразительности, дробящее ритм щегольство...

Последние новости. 1925. 25 марта.

7 сентября

Париж. Георгий Адамович обсуждает кинематографическую терминологию и правомерность использования в ней галлицизмов:

Нельзя ли чем-нибудь заменить смехотворное «крутить»? Конечно, это дословный перевод слова *tourner*, но не всегда рабская дословность уместна. Да и с точки зрения дословности тут не все благополучно. *Tourner* значит не только крутить, но и крутиться... Затем, не лучше ли говорить «фильма», чем «фильм» в мужском роде, как это повелось в последнее время? Русский язык привык к словам на «льма», «тьма» и т. д. женского рода. Окончание же «льм» — ему чуждо. Кроме того, «фильма» в женском роде удобнее, потому что и другие обозначения того же понятия таковы: лента, картина. В разговорном языке эти слова употребляются так же часто, как и «фильма», и к мужскому роду надо вновь приучать

сознание... «Русское время» пишет «метерансцен». «Возрождение» впало в другую крайность и вместо mots croises пишет «крестословица». Неудачное изобретение! Едва ли можно сомневаться, что его ждет судьба «мокроступов» или «летокруча», когда-то настойчиво употреблявшихся «Новым временем» для обозначения аэроплана.

Звено. 1925. 7 сентября.

Декабрь

Париж. Публикация статьи Павла Муратова «Кинематограф» из цикла «Искусство и народ», открывшая полемику «антисинемистов» с поклонниками экрана:

Кинематограф является в настоящее время наиболее определенно выраженным видом антиискусства... Менее всего можно усомниться в том, что кинематограф играет в современной жизни роль куда более заметную, чем очень многие виды искусств... За короткий период своего существования кинематограф успел вклиниться в социальную жизнь и распространился в ней так широко, как это не удавалось никакому театру в европейский период истории... Кинематограф сделался необходимостью для современного индивидуального человека. Ему отданы часы досуга, отдыха, рекреации, те часы, когда человек живет более всего именно как индивидуальный человек, а не как социальный человек. Вечерняя жизнь городов, особенно больших городов, это в значительной степени жизнь под знаком кинематографа. Притяжение его так велико, так наглядно, как никогда не было притяжение театра, картины или книги. И это показывает, кстати сказать, что эмоциональный фонд современного человека вообще не оскудел. Энергия чувствований, очевидно, не уменьшилась. Им дано только совершенно иное направление... Кинематографическая мораль, кинематографическое представление о жизни, несомненно, гораздо ниже той морали и того взгляда на жизнь, которым учит каждого его собственный будничныи обиход... Одно из правил кинематографической индустрии — не касаться никаких серьезных тем. Но когда кинематограф все же случайно касается их, то положительно диву даешься, на кого может быть рассчитан подобный вздор... Этот «бег по крышам», эти прыжки и лазания, эти погони и скачки — все это какая-то глубокая кинематографическая необходимость. Литературная вещь, в которой совсем нет ни для чего этого повода, едва ли годится вообще для переделки в фильме... Надо понять, что профанация такой вещи, как «Мадам Бовари», в кинематографе действительно неизбежна. Художественная литература и фильм несовместимы друг с другом по самой своей сущности... Кинематограф создан для людей без воображения. Почему-то одно время называли его «иллюзионным театром». На самом деле нет, кажется, менее иллюзорного зрелища. В чем иллюзия? В том, что «кажется, будто это живые люди» или «что кажется, будто они говорят»? Но несомненно никогда ни одной минуты это никому не кажется, и нет ничего менее живого вообще, чем кинематографический человек... Все это — результат какого-то оптического и фотографического фокуса, рассчитанного на что угодно, только не на воображе-

ние... Привлечение лучших, великих актеров театра не приводит решительно ни к чему... И все-таки почти всегда приятно посмотреть кинематограф! И в этой простейшей и кратчайшей формуле заключается огромное завоевание антиискусства. Приятно смотреть в кинематографе чаще всего не то, что показывается с такой затратой всяческой энергии, но самые обыкновенные, самые незаметные вещи. Приятны иногда просто идущие люди, особенно люди, идущие на лестнице. Всегда весела улица, заманчивый порт, увлекательны строго согласованные движения людей, пускающих в ход аэроплан. Всегда с удовольствием видишь катящийся автомобиль или отчаливающий пароход. Движение человека само по себе оказывается достаточным зрелищем... Новый ритмический человек — естественный зритель кинематографа. Инстинктивно влечет его к себе эта механическая проекция живой жизни... Дух эпохи создал то могущественное притяжение кинематографа, которое никто не решится отрицать и которое уже сделало его очень заметным социальным феноменом... И, несомненно, будущее кинематографа зависит исключительно от осознания им своих возможностей, то есть от его полного разрыва с искусством и развития в нем элементов антиискусства... Кинематограф находится в очень дурных руках, в руках людей, не понимающих — за единичными исключениями — ни искусства, ни антиискусства... Невежественные люди, вершащие кинематографические дела, бросают миллионы на бессмысленное богатство постановок и не затрачивают ничего на поиски новых путей, на работу опытную, лабораторную, студийную... У кинематографии есть только два пути — или остаться жалкой пародией на искусство, спасаемой лишь нечаянно и «само собой» вошедшими в нее новыми элементами, или сознательно идти вперед по линии антиискусства... Привычка к кинематографу убивает привычку к театру, картине и книге. Воспитание в антиискусстве делает людей чужими искусству. Борьба с антиискусством возможно лишь противопоставляя ему искусство. Борьба эта на наших глазах происходит и решается не в пользу искусств... Борьба против кинематографа была бы возможна, если была бы возможна борьба против целой эпохи. Едва ли, однако, это задача, которую можно поставить поколению, уже отплывшему от священных берегов старой Европы к неведомым горизонтам.

Современные записки. 1925. Кн. XXV.

1926

22 января

Париж. Публикация статьи Андрея Левинсона «Кинематограф как антиискусство», в которой он вступил в полемику с «антисинемистами»:

Талантливые иеремиады П. Муратова, посыпающего пеплом страницы «Современных записок», как будто вновь окрылили тех «ленивых и нелюбопытных», для которых броская формула «антиискусства» есть желанный отвод против новых неизведанных стихий и орудий творчества. Ведь нам и вообще милы апокалиптичес-

кие вещания; в нашем поражении мы черпаем чрезвычайную запальчивость; нам кажется, что русский опыт уполномочил нас судить и осуждать культурный Запад и предрекать ему затмение. Но я не стану оспаривать здесь русскую Кассандру и ею на эпоху нашу возводимую хулу... я хотел бы лишь обследовать и рассеять одно из наиболее убедительных предрассуждений против кинематографа; таким аргументом для исключения его из разряда изящных художеств является то, что он основан на фотографии, то есть на не претворенную в фотохимических процедурах, механически и объективно запечатлевающих действительность.

Что общего имеет действие фильтрованного света на чувствительную пленку с живым человеческим творчеством? Скоро минет век с тех пор, как разновременные бичеватели антиискусства противопоставляют фотографию живописи: «это убьет то», сокрушаются они. Чтобы подчеркнуть, что картина живописца неудачна, неодоухотворенна, рабски подражает природе, словом, нехудожественна, принято говорить, что она смахивает на фотографию. Нужно ли из этого заключить, что фотографическое клише вовсе лишено признаков искусства? Тут кроется ошибка! Снимок некоторыми из этих признаков явно обладает, хоть «хрустальное око» объектива и заменяет тут руку, водящую кистью. Искусство или нет, взвешиваем мы. Но, прежде чем ответить, не следует ли поставить вопрос о том, что такое искусство? Как ответить лапидарно, афористически на этот вопрос, не вдаваясь в диссертацию по общей эстетике? Мне кажется, что вернее всего будет сказать так: искусство есть набор и сочетание в нарочитом порядке элементов действительности — будь то объемы, краски, чувства или шумы. Оставляя в стороне побуждения и цели художника, наша формула характеризует, как нам кажется, суть творческого акта, его космическое значение. Тот нарочитый условный порядок, в коем явлен нам художником мир, мы именуем формой. Заключает ли в себе фотография черты творческой условности, оформляет ли она изображение? В значительной степени!.. Аппарат имеет лишь служебное значение; все зависит от глаза, который его направляет... Слов нет, за последние десятилетия фотография совершила ту эволюцию, которой не избежало ни одно искусство. Современные нам мастера этого дела ввели в него новые искания: эффекты светотени, поиски характера, выразительности пятен... Пользование для художественных целей оптическим прибором, как и всяким другим «снарядом», не может умалить свободу и престиж творческого акта... Лишь по одному пункту налицо отягчающее вину кинематографа обстоятельство: круг человеческого общения, который он создает, шире, чем круг читателей. Нет, вероятно, вечера, когда несколько десятков тысяч людей, разбросанных по свету, не перечитывают Евангелия или «Гамлета». Но в тот же вечер десятки миллионов людей смотрят на экране Шарло-золотоискателя. Будирование против кинематографа — безнадежная и безжизненная форма снобизма. Высокомерная брезгливость, умственное чванство его зоилов лишь играет на руку сегодняшним хозяевам немного искусства, хищническим эксплуататорам его творческой стихии, невежественным диктаторам рынка. Кинематографом завладел купец; но в этом наша вина; он, а не мы, первый угадал будущность этого великого изобретения.

Дни (Париж). 1926. 22 января.

26 января

Берлин. Публикация статьи Александра Кизеветтера «Кинематограф», в которой он поддержал «антисинемиста» Павла Муратова:

Кинематограф играет настолько крупную роль в современной социальной жизни, что очень стоит поразмыслить о его громких и широких успехах. В чем тайна этих его победоносных успехов, почему он обнаруживает такую притягательную силу над жаждущей зрелищ толпой, почему он совсем забывает собою театр?.. Очевидно, победное шествие кинематографа в наше время объясняется какими-то более глубокими причинами, будучи связано с какими-то внутренними особенностями современной цивилизации, какими-то сдвигами в психологии современного человека. Вот почему кинематограф с его успехами является достойным предметом для социологических исследований... Современный зритель охотно приковывает взор к внешним узорам жизни и не чувствует особого влечения к углублению в психологические тайники человеческой души, его интересуют люди, а не человек; положения, а не те глубокие и трудно уловимые движения души, которыми эти положения создаются; столкновения страстей в их наружных очертаниях, калейдоскопическая смена жизненных картин, а не внутренняя лаборатория человеческого духа. Что же это значит? Это значит, что в духовной жизни современного общества произошло что-то, в силу чего притупился интерес к личности самой по себе, и превозобладали отношение к личности лишь как к волокну в жизненной ткани, лишь как к простому винтику в жизненном механизме. Думается, что настанет пора, когда вновь начнут ценить не только людей, но и человека, не только людскую массу как материал для различных социальных экспериментов, но и личность как самоценное существо. Вот тогда-то мы опять почувствуем влечение не только наскоро перелистывать картинку в книге жизни, но и углубляться в ее текст и даже усиливаться читать то, что таится между ее строк. Тогда-то нам станет скучно в кинематографе, а театральная сцена вновь обнаружит свои чары и свою власть над зрителями. Начнем мы тогда вновь ценить то, что составляет высшую ценность театра, это — непосредственное психическое взаимозаражение актера зрителем и зрителя актером в момент представления. Такое взаимозаражение как раз и невозможно в кинематографе между зрителем и прыгающей перед ним картинкой.

Руль. 1926. 26 января.

1 февраля

Рига. В статье «Глухонемой выскочка» Петр Пильский поддержал «антисинемистов» в неприятии искусства экрана:

Кинематограф только механика. Ничего больше. Его зритель может быть удивлен (трюками), поражен (обстановкой), но он никогда не может испытать настоящего душевного потрясения. Кинозритель холоден — и неудивительно:

ему неоткуда получить согретости... Немой актер на мертвом экране, этот призрак, эта движущаяся фотография, никогда не волнует. Отсюда ничего не идет. Живые токи прерваны. Живая связь между актером и зрителем — это не сравнимое ни с чем могущество театра — не существует в кинематографе. Ее просто нет. Между экраном и залом лежит нерастопляемая ледяная пропасть. Ни огня душевных передач, ни пленяющей непосредственности, ни ласковых нитей, протянутых от сердца к сердцу, ни чувства душевной родственности, ни ощущений зрительной осязательности тела кинематограф не знает. Всегда он мертвый, усвоенный, чужой. И все, что он делает, и все его цели, и все сюжеты, и его герои, и его мораль пошлы, грубы и плоски. Эстетически кинематограф является воистину разрушительной силой. Он враждебен всем искусствам и никогда не войдет в их заповедную область... Всей своей практикой кинематограф давно отринул основной принцип театра и литературы: он изгнал естественность. Романы на экране извращены, искажены, кинематографически протитуированы. В их строгую канву здесь вклеены и ввинчены несуразные, несусветные сумасбродства, дикие трюки, чепуха поступков и действий — скаканья, бега, головоломные прыжки, преодоление физических препятствий. Естественность и логичность кинематограф ненавидит и презирает... Между кинематографом и всеми другими искусствами лежит непроходимая бездна, нестираемая грань. Это два совершенно различных мира. И чувствовал это, и говорил в печати об этом я давно и не раз, но сейчас я встретил вновь подтверждение моих мнений у П. Муратова... Для меня его взгляды не новы, но он произнес, наконец, слово, которое я давно ощущал, искал и не находил. Это слово: «антиискусство». Прекрасное определение! Этим обозначением рассеиваются туманы, обступившие несложную душу современного кино, в патоку слащавых слов влита лекарственная микстура горькой истины, черта проведена: или — или. Либо «живопись тона, архитектура пропорций, музыки, гармонии, драма словесного театра, лирика стиха и проза романа», либо мертвое, механическое кино... Середины нет. Перемирие немислимо. Это два берега, две разных стихии, два различных духа, два враждующих начала... Все, кто нападал на кинематограф и защищал его, в один голос уверяют, что для него не все надежды на спасение потеряны. Все почему-то полагают, что кино загублено его эксплуататорами, купеческой хищностью, индустриальностью и, в особенности, американским безвкусием. О, конечно, все это так. Вокруг кинематографа столпились злые силы, его окружили глупость, пошлость, жажда наживы и вульгарность. Вот только никто не может объяснить толком, что стал бы делать кинематограф, освобожденный из этого темного плена, куда он пошел бы и где стал бы искать свое счастье? Такой страны я пока не нашел ни на одной карте, таких путей не проложил никто и, если бы экрану была дана благодать сомнения, он мог бы и сейчас задать себе роковой и убийственный вопрос: «Зачем я живу?»

Сегодня. 1926. 1 февраля.

9 мая

Париж. Публикация статьи Сергея Волконского «Хулителям кинематографа», в которой он поддержал точку зрения Андрея Левинсона на искусство экрана:

Кинематограф есть воспроизведение. Где же тут место искусству или не искусству? Но среди всего, что он воспроизводит, есть и сцены не природные, игранные актерами, изображенные. Если эти сцены в смысле мимическом хорошо сыграны, они — искусство. Но воспроизведение их, разумеется, само по себе не искусство. Среди снимаемых сцен, конечно, есть всякого рода пошлятина, но разве в театре пошлятины нет? Очевидно, тут какая-то ошибка, неточность в постановке вопроса; а вызван он только желанием выделить себя из категории «простых смертных». Люди часто думают, что путем осуждения и низвержения они сами осуществляют восхождение... Бедный кинематограф! Как ему достается, милому, потешному, занятному, назидательному и так часто образовательному. Скольким вечерам, «потерянным» в театре, я предпочитаю какое-нибудь путешествие на Замбези или охоту на гиппопотама, или какие-нибудь научные опыты и даже коронацию сиамского короля, или на моих глазах расцветающий гиацинт... Никогда не стану, в угоду каких-то высших соображений эстетического характера, предпочитать всему этому всякое без разбора театральное представление. И никогда не пойму осуждение кинематографа с точки зрения воспитательной: как будто в театре по этой части все благополучно... Как бы там ни было, но театр должен свыкнуться с действительностью. Материальная конкуренция должна стать началом бодрящего соревнования. Но соревнование возможно только на почве художественного достижения.

Звено. 1926, № 171. 9 мая.

12 июня

Париж. Публикация статьи певца Михаила Каракаша «Искусство ли кинематограф?», в которой он присоединился к защитникам экрана:

П. Муратов, разбирая кинематограф, меньше всего останавливается на сущности, на основе его, то есть на игре артистов, которую аппарат всего лишь запечатлевает — фотографирует. Я позволю себе поставить вопрос прямо: какие же, собственно говоря, обвинения можно предъявить к кинематографу как к таковому? Если под словом «искусство» понимать, как предлагает П. Муратов, только те искусства, которые созданы Европой XVII–XIX вв. или унаследованы ею от предшествующих культурных циклов, то кинематограф, конечно, не есть искусство... Но если под словом «искусство» понимать все то творчество, которое дает «эмоции высокого строя» как самому творцу, так и его ценителю, то тогда кинематограф, безусловно, — искусство... Нужно же быть логичным! Почему нужно уважать «творческое усилие живой человеческой души», перенесенное на полотно, и можно отрицать это же самое творческое усилие живой человеческой души, если оно перенесено на экран?.. Нужно твердо помнить разницу между кинематографом истин-

ным и кинематографом, потерявшим свой образ и подобие в интересах «потрафления на швейкин вкус»... Работа кинематографического артиста весьма сложная, весьма трудная, но и очень живая. Нельзя рассматривать кинематограф в той же плоскости, что и театр: кинематограф имеет свои законы, свои пути, свою технику. Кинематографический артист лишен возможности влиять на зрителя путем слова, дикции, голоса — он «говорит» только глазами, лицом, фигурой, движениями... Обладая меньшим запасом средств, чем, например, драматический артист, кинематографический артист должен усиливать эти средства, чтобы достигнуть того же результата — вот почему киноартист должен пережить больше, чем всякий другой; только настоящее переживание души может отразиться в его глазах, дать ему естественные движения и жесты, дать те настоящие реальные слезы, которые мы видим на экране и которые весьма наивно приписывают действию лука, мыла или глицерина. В то время, как машина «крутит», аппарат записывает движение — артист переносится в другой мир, в котором он, в зависимости от своей роли, в настоящий момент живет, то есть радуется, страдает, плачет, смеется (и говорит... говорит, а не только шевелит губами!)... Кинематографический артист не видит, не чувствует публики, не может слышать «грома бурных аплодисментов»... но, как художник или скульптор работает в тиши своей мастерской, черпая нравственное удовлетворение в самом процессе творчества, так и киноартист видит свое удовлетворение в самой работе, а не в обстановке ее. Но тем лучше, тем ценнее искусство, тем выше артист, который работает для самого искусства, а не для... рукоплесканий. Много, очень много ценного могли бы сказать о кинематографе люди, действительно знающие это искусство, но они этого не делают, не хотят делать, быть может, оттого, что знают, что не всегда имеющие уши слышат.

Возрождение. 1926. 12 июня.

28 октября

Париж. Публикация статьи Владислава Ходасевича «Кинематограф», в которой он поддержал Павла Муратова в дискуссии об экране:

Каждый человек современной толпы... ищет отдыха и развлечения — и обретает их в кинематографе именно потому, что кинематограф не есть искусство... Восприятие искусства есть труд, а не отдых. Самая компетентная, ходкая и сознательная кинематография, американская, это прекрасно знает и прямо требует: не допускать в фильму ни одной острой темы, ни оригинальной мысли, ни формальной новизны, ни трагизма (обязательные «благополучные концы»), — то есть как раз ничего такого, что бы заставило зрителя «уставать» и что составляет сущность искусства. Именно для того, чтобы развлекать, а не утомлять, кинематограф живет банальнейшими, затасканнейшими темами и приемами... При своих колоссальных средствах кинематограф потому и не создал ничего подлинно-художественного, что начини он создавать — эти средства тотчас от него уплывут. Кинематограф не искусство и не антиискусство. Он просто не имеет к искусству никакого отношения, как рыбная ловля или праздничный сон до десяти часов, вместо того, чтобы вставать в семь. События-

ми, лежащими внутри искусства, он необъясним и не оправдываем, потому что он не искусство, а развлечение, не труд, а отдых. И очевидно, огромные массы современного человечества имеют такую жгучую потребность в отдыхе, что готовы чуть не обожествлять тех, кто этот отдых организует. Это — несчастье, проистекающее от причин социального порядка. Вся область искусства остается в стороне... В связи с кинематографом нечего говорить о «новых возможностях», «изменившихся канонах» и «современных принципах» искусства. Тут мы присутствуем не при явлении в жизни искусства, а всего лишь при постороннем событии, проистекающем из тех же причин, которые вызывают и отпадение от искусства. Театр, книга, картина оттесняются кинематографом не потому, что здесь для искусства открываются новые горизонты, а потому, что здесь обретается в известной степени прибежище от всякого труда, в том числе от труда воспринимать искусство. Человечество хочет отдыха и забвения более, чем когда бы то ни было, и число потребителей отдыха растет за счет потребителей таких утомительных вещей, как искусство. Это с разных точек зрения прискорбно. Может быть, искусство обречено надолго стать достоянием единиц, может быть, ему предстоит укрываться где-то в подполье... Но искусству, как таковому, кинематограф, по природе своей, не грозит ничем. Точнее сказать — он не враждебен искусству, он нейтрален, пока его не стремятся подкинуть внутрь искусства или взорвать искусство при его помощи. Посторонний искусству по природе, он становится «антиискусством» только с той минуты, как начинает трактоваться в качестве нового двигателя искусства. Кинематограф как анти-искусство существует только в лице его поклонников и пропагандистов, стремящихся его художественно оправдать, — то есть в лице людей, либо еще не доросших до искусства, либо уже разложившихся, заблудившихся, потерявших свет.

Последние новости. 1926. 28 октября.

14 ноября

Париж. Публикация статьи Михаила Кантора «В защиту кинематографа», присоединившегося к защитникам экрана:

Именно в «фиктивности» кинематографа, как и драмы, — заключается тот признак, который выделяет его из ряда жизненных явлений и приобщает к царству искусственного, — к царству искусства... Да, но не всякий вымысел — искусство. Недостаточно, чтобы явление было не-жизнью... нужен еще какой-то положительный признак. Один из этих признаков и указывает В.Ф. Ходасевич, и именно вследствие отсутствия этого признака кинематограф не является, по его мнению, искусством. Всякое искусство, говорит В.Ф. Ходасевич, требует «сознательной воли к слиянию с художником в едином творческом акте, затем — умения в этом акте соучаствовать», т. е. некоторого духовного опыта, приближающегося к религиозному и требующему готовности «потрудиться вместе с художником для утоления духовной жажды... Вот этого признака кинематограф не имеет». Такой основной аргумент В.Ф. Ходасевича... Нельзя не видеть всей силы этого соображения и нельзя не признать, что только тонко чувствующий художник мог его привести. Действи-

тельно, всякое истинное произведение искусства предполагает сочувствие и со-воображение, словом, известное сотрудничество воспринимающего. Верно, далее, что в подавляющем большинстве случаев кинематограф стремится избавить зрителя от необходимости истратить некоторый эмоциональный заряд на восприятие фильма. Но для того, чтобы возвести пассивность зрителя в закон экрана, следовало бы доказать, что фильма как таковая лишена способности вызывать со-творчество в зрителе, иначе говоря, что кинематограф ни при каких условиях не может его вызывать в силу каких-то имманентных ему особенностей. Этого доказательства нам пока никто не дал. Я мог бы пойти далее и сказать, что оно и не может быть дано, так как эмпирически доказано обратное: среди всякого хлама, изготовляемого на потребу публики, не было нескольких картин, волновавших зрителя тем волнением, которое способны вызывать только истинные произведения высокого искусства? Но этот мой довод покоился бы на оценках вкуса, и, как он ни убедителен для многих любителей экрана, я не хочу им здесь пользоваться, а предпочитаю, оставаясь на почве чисто логических умозаключений, только констатировать, что утверждение, будто кинематограф не способен «утолять духовную жажду» зрителя... покамест висит в воздухе. Представим себе человека, который в своей жизни не читал ничего, кроме бульварных романов, а в театрах не видел ничего, кроме фарсов и обзрений. Он тоже мог бы сказать, что литература и театр суть не искусство, так как не требуют никакого активного участия со стороны воспринимающего. Но мы знали бы, что ему на это ответить. Не в положении ли этого человека находится посетитель современного кинематографа, исходящий жаждой в его мрачной пустыне? Но не готовится ли в будущих творениях экрана разительное опровержение его пессимистических выводов? И сколь многим людям опровержение это уже дано в ряде творений, могущих быть поставленными наряду с лучшими созданиями тех искусств, которым признание наше дано от века!

Звено. 1926. № 198. 14 ноября.

26 декабря

Париж. Публикация статьи Антона Крайнего (Зинаиды Гиппиус) «Синема», в которой она поддержала противников кинематографа:

Попробуйте не заходить в синема лет 10, еще лучше 15... Все эти годы отнюдь не живите в отшельничестве, в уединении. Напротив. Хорошо пережить большие события, например, революцию, вроде русской. Если не удастся — живите, во всяком случае, и умственно, хоть немного: это очень важно. Ничего не возбраняется (кроме синема), ни спорт, ни танцы, но параллельно рекомендуются и книги и вообще человеческая жизнь. После этого сходите в синема. Все равно — где и в какой. В самый лучший, на самую прославленную фильму, или в провинциальный, на что попало, — результат будет тот же. Что же первое изумит вас? Вы, может быть, назовете это вначале «несовершенством техники», но дело не в этом. Вы слишком привыкли к движению жизни, и фотографическая ложь движения, его наглая (в смыс-

ле ясности) пунктуальность, раздельность мгновений, пространство между ними, — не может не изумить человеческий глаз. Изумляет — и отвращает, пугает тем особым страхом, какой мы испытываем от механизма, выдающего себя за организм, от автомата, например. Органическое движение, всякое, связано со своим ритмом, и через него — со временем. Механическое — произвольно нарушает эту связь, что дает органическому существу с нормальной физиологией ощущение какой-то тревоги. Ложь движения — не все; лишь первое, что замечается. Тревожно трясущиеся предметы, звери, человеческие фигуры и лица имеют от жизни только форму: они не имеют цвета то есть и света, ибо цвет и свет неразъединимы: свет всегда какого-нибудь цвета, или его вовсе нет. И рубленое, прыгающее движение бесцветных фигур гораздо более похоже на пляску смерти, нежели на течение жизни. Пейзажи, вещи, в крайнем случае, звери, бесцветно и безмолвно трясущиеся, проносящиеся под никому не нужный внешний шум так называемой «музыки», — еще терпимы в смысле ощущения смерти. Нестерпимость начинается с человека. Вот гримасничающее сероватое лицо, черные, как земля, губы с беззвучным шевелением, стеклянный блеск глаз... Когда мускулы сводятся в покойницкую улыбку, то какие бы рядом ни тромбонили тромбоны — живой человек не может не содрогнуться... Обычного зрителя не пугает меловое лицо с искривленной улыбкой, почерневшим ртом: для него это живая красавица. Грань между светом и бесцветностью для него незаметно стерлась. И — кто знает? — он и в жизни, быть может, видит светоцвет уже не так, иначе... Зрительная зала не менее экрана любопытна свежему человеку. Что именно из фильма, специально на вкус залы приготовленной, ей всего более по вкусу? В какие моменты зала зажигается? Ни для кого не секрет, что строители фильм — вернейшие рабы зрителя. Слишком верные, ибо они стремятся даже угадывать его невыраженную волю, забегают вперед. Из этого порою выходит, что и зритель им покоряется, подсказанные желания принимает как свои. Вырабатывается какой-то общий «вкус» и взаимное влияние. Впрочем, ведь ограничены и возможности... Содержание суть центр всех фильм — абсолютно одинаково. Содержания, в сущности, нет: то, что называется содержанием, — всегда приноровлено к механическому движению, стремящемуся (тщетно) приблизиться к органическому. Ленты варьируются тройко: во-первых, любовные ощущения (они передаются посредством лицевых мускулов); во-вторых, преследование, когда одни мертвецы гонятся за другими; и, в-третьих, — драка между ними. Наиболее острые точки изображения какого-нибудь из этих трех моментов — они-то и вызывают ответственность зрительной залы, ее одобрение. Любовь — дает приятные, щекочуще-умилительные ощущения; особенно приятные, ибо беспримесные: зрителю нечего волноваться, он с самого начала знает, что любовь будет торжествовать. Преследование — забавляет, и опять без излишних опасений: оно кончится неудачей, если зритель сочувствует преследуемому, и наоборот. Драка, по тем же причинам не могущая вызвать серьезного волнения, — о, драка еще упоительна и сама по себе! Таким образом, зритель синема освобожден приблизительно от всего, что требуется от человека жизнью, книгой или театром: от разочарований, от страха и волнений перед неизвестностью; от суда и оценки, от малейшего усилия воображения. Зритель может любоваться движением серых фигур, пребывая в пол-

ной уравновешенности, в состоянии полного покоя, и радоваться каждому отдельному приятному ощущению, являющемуся, например, при виде драки. Вот какие наблюдения над зрительной залой и зрелищем сделает свежий человек, попавший в синема после 10–15 лет «воздержания». Мы предположили, что в эти годы он не уходил ни от просто — жизни, ни от жизни внутренней; поэтому из своих наблюдений он, конечно, станет делать выводы. Он уже давно понял, что ложь движения, которую он приписал было недостатку техники, вовсе «не достаточная», а просто сама техника синематографии, неразрывно связанная с ее сутью; все технические усовершенствования будут только ее разрушать. Небольшие, сути не меняющие, конечно, возможны; ими путь синема и ограничен. Очень вероятно, что число зрителей в синема будет все увеличиваться, то есть увеличиваться количество людей без воображения, страха и надежд; зачем активное участие в жизни? Зачем книга, мысль, сцена? Да и звук уже почти не нужен, не говоря о звуке слова. Зритель в синема сам порою издает звуки удовольствия при виде особо удачных скачков и драк; но это непроизвольные звуки, которые издает в подобных обстоятельствах и зверь; только зверь требовательнее и бледное подобие драки не принимает обычно за настоящую. Много еще мыслей о синема может явиться у человека свежего, проделавшего «опыт» воздержания. Одно только не придет ему в голову: это — начать серьезный спор о том, искусство ли «Великий Немой» или не искусство.

Звено. 1926. 26 декабря. № 204.

1927

23 января

Париж. Публикация статьи Николая Бахтина «Апология поневоле», в которой он изложил свои аргументы против позиций «антисинемистов»:

Для А. Крайнего неприемлемо в кинематографе, в конце концов, лишь одно: то, что он дает не жизнь во всей ее полноте, но лишь абстракцию от жизни, ее схематическое и бесконечно-обедненное воссоздание. Живое движение подменено здесь упрощенной схемой движения, что наш автор воспринимает как некую пародию на движение. Многокрасочность зримого вытеснена бесцветной формой, что опять-таки кажется А. Крайнему посягательством на самое драгоценное в зримом — на свет (ибо свет без цвета — по его смелому утверждению немислим). Чувства очень понятные и соображения вполне убедительные. Но только надо быть последовательным и не останавливаться на одном кинематографе. В самом деле, ведь неокрашенная скульптура, например, есть тоже подмена многокрасочного тела бесцветной (то есть «бесцветной») формой; ведь и скульптура убивает и препарирует живое движение, конденсируя и запирая его в остановившемся мгновении. Но дело вовсе не в кинематографе и не в скульптуре. Нет, в основе всякого искусства лежит некий добровольный отказ от неисчерпаемого богатства мира, некая условность, сознательно и до конца принятая. Это упрощение, урезывание, эта схе-

матизация мира, может быть, еще не делает искусство искусством, но с этого всякое искусство должно начинаться. Так начинается и кинематограф. Становится ли он от этого искусством — этот вопрос я оставляю здесь открытым. Я хочу только указать, что вряд ли возможна более решительная апология «Великого Немого», чем статья А. Крайнего: он упрекает кинематограф как раз в том и только в том, что у него обще со всяким искусством... Кинематограф всегда был мне в высшей степени отвратителен, и совесть моя была при этом спокойна. Но, признаюсь, статья А. Крайнего меня очень смутила. Что, если он прав? Что если и меня раздражает в кинематографе вполне законная и лишь непривычная мне условность? Ведь, если на слово поверить А. Крайнему, то останется, увы, только одно: начать добросовестно и упорно ходить в кинематограф.

Здесь же помещен ответ Зинаиды Гиппиус:

Да будет мне позволено — не «возразить» Бахтину, а сделать как бы «отвод» его возражений на мою статью. Для каждого дела может быть двойной суд: оценка его задания и оценка степени его приближения к собственному заданию. Я задания кинематографа оценке не подвергал. Я лишь говорил, что он от своего задания далек, и объяснил почему. Бахтину, я думаю, известно: у ваятеля, у живописца, у художника одно задание, а у фотографа, у крутителя фильма или устроителя паноптикума — совсем другое. В кратчайшей формуле: дело первых — «надстроить» жизнь, дело вторых — «при-строиться» к жизни. Бахтин не может вести для примера своего воображаемого «свежего» человека (то есть уже дикаря) в Лувр. Нельзя смешивать дела разных заданий. В паноптикум — я понимаю. Боюсь только, что впечатление было бы похоже. В паноптикуме есть краски — да нет движения. В кинематографе движение — зато нет красок. Они в одной линии задания и, по-разному, — одинаково от него далеки. Заключаю вопросом: почему же все-таки Бахтину кинематограф «отвратителен»? Он не объясняет, и вот моя догадка: потому что, проходя мимо моей оценки приближения кинематографа к своему заданию (при-строиться к жизни, повторить ее в полной похожести) — он смотрит прямо на задание и оценивает его — отрицательно. Как оцениваю это задание я — другой вопрос. Я его не касался.

Звено. 1927. № 208. 23 января.

8 июня

Берлин. Публикация статьи Юлия Айхенвальда «Вместо литературы», в которой критик присоединился к «антисинемистам»:

...<Кинематограф> отучает от чтения. Он отнял у словесников слово и вынул из литературы ее душу. Он имеет заслугу перед культурой и, не в меньшей степени, представляет собой интересную забаву, приятное развлечение; но видеть в этой движущейся фотографии какое-то особое искусство, какую-то новую ветвь эстетики, но принимать ее всерьез — это значит оказывать ей слишком много

чести и пускать ее в ту область художества, на которую этот не великий немой, а маленький немой притязать не смеет. Фотография искони доступна в искусство не получала. Мимолетно задерживая на своем полотне пантомиму, кинематограф бессилен перед драмой. Ибо драма, это — движение, а кинематограф, как это парадоксально ни звучит, как раз движения и не воспроизводит. Подлинный, внутренний, психологический динамизм, то, что движется и действует в душе, то, что с наибольшей напряженностью и сгущенностью сказывается в драме и говорит ее звучащими словами, — это именно кинематографу неподвластно. Он хочет заменить слово, но слово незаменимо... Далее, ошибочно думать, будто кинематограф отпечатлевает ритм жизни — то серьезное и глубокое, и благородное движение, без которого мир не был бы миром. Нет, кинематограф вообще отмечает и отражает не движение, а только дребезжание, только тряску, только пустое колебание действительности, — не движение, а суету, сутолоку, вздор, пробег автомобилей, погоню, глупую скачку, непоседливость Глупышкиных, как обслуживает он и всякую другую глупость. Для него характерны эти видные вблизи раздражающие мерцания его экрана. Философия истинного движения в кинематографе не представлена. Его тени, его призраки, игра его пустоты — все это ему к лицу, к отсутствующему лицу его, потому что кинематограф — это именно, если можно так выразиться, воплощенное отсутствие, явленное ничто, олицетворенное небытие. Кинематограф — это нигилизм. И есть что-то грешное, что-то безнравственное в том, что он опускает нас в свою пустоту, в свой пустоцвет, в свое вечное исчезновение и роковую бесплодность. Можно ходить в кинематограф, но когда выходишь из него, то тебе почти совестно.

Руль. 1927. 8 июня.

Июль

Прага. Публикация статьи Евгения Зноско-Боровского «Искусство кинематографа», выступившего в поддержку любителей экрана:

Ожесточенные нападки, предметом которых так часто бывает кинематограф, не могут удивлять тех, кто знаком с историей театра и особенно с современным его положением. Не такова же ли была, есть, а вероятно, и будет его собственная судьба. Иногда кинематограф объявляется не имеющим ничего общего с искусством, как не вспомнить, что и за театром не однажды отрицалось право на это высокое звание? Последнее по времени выступление против кинематографа принадлежит Вл. Ходасевичу... Хотя оно составлено в тонах чрезвычайно энергичных и любить кинематограф разрешено в нем только людям, «еще не дошедшим до искусства, либо уже разложившимся, заблудившимся, потерявшим свет», чрезмерного беспокойства оно не должно вызывать. Более того, можно считать новый выпад лишь свидетельством того, что положение кинематографа укрепилось. Ибо немного, значит, имеют сказать враги его в подтверждение своего мнения, если им приходится прибегать к доводам, подобным приведенным в названной статье, и довольство-

ваться ими... Ходячее возражение против кинематографа, сводящееся к тому, что здесь актер не играет взаправду, а с мыслью о том, чтобы хорошо вышло на экране, основано на явном недоразумении. Думают об экране только плохие актеры, как они в театре думают о том, перейдут ли их эффекты через рампу. Раз почувствовав себя фотогеничным, настоящий актер играет, не заботясь об экране, уверенный, что всякое его выражение и каждый жест отпечатается на нем наилучшим образом, и пользуясь лишь пригодными для него приемами. Напротив, должно усмотреть огромное преимущество кино перед театром в том, что в театре актер принужден много раз играть одно и то же, а потому, естественно, иногда бывает хуже, иногда лучше, иногда с «вдохновением», а чаще механически воспроизводя свое творческое создание; тогда как в кино актер репетирует несколько раз, но зафиксирован будет только один, наилучший. Актер не растрчивает и не замораживает своего вдохновения, а зритель видит лишь подлинное, единственное творчество... Искусство, которое будет обращаться к воображению в той же мере, как оно делало это в старину, осуждено на то, чтобы оставаться непонятым и неволнующим. Кинематограф, который все показывает, является именно таким искусством, которое наиболее доступно современному человеку. Печально ли это? Нет. Особенно потому, что кинематограф освобождает работу чистой мысли зрителя. Воображение его утолено, все ему показано, но сказано ему очень мало. И потому мысль человека начинает свою работу умозаключений. Сейчас кино — самое глупое из искусств, ибо его сценариями служат преимущественно бульварные романы, голова пухнет после каждого его посещения. Большинство пишущих о нем ждут его развития на путях зрительно-динамического искусства. Можно, однако, предвидеть появление философского кино. Ни одно другое искусство не располагает его средствами для того, чтобы, не впадая в тенденцию, показать философский, идейный смысл событий. Только показывая картины, кинематограф заставляет человека думать о их смысле, причинах и следствиях; и без всякой навязчивости может принудить его прийти к тем или иным выводам. Таким образом, большинство из возражений против кино не колеблют его эстетических оснований, но очень многие из них обнаруживают его современность и открывают широкое поле для его совершенствования в будущем. Для того, однако, чтобы кинематограф стал подлинно искусством, не только сам по себе, но и в сознании людей, его не любящих, нужно, чтобы он обрел свою философию, создал свою эстетику. Это — задача критики. Между тем, как известно, она занята не столько этим, сколько обслуживает рынок и прислуживается к «менеджерам». Нападая на превращение кино в торговое предприятие, она сама оказывается во власти коммерции. Только отдельные представители ее пытаются эстетически обосновать кинематограф, но едва ли можно сказать, что они близки к своей цели... Социальная база кинематографа: стремление к психологизации в настоящем и философские возможности в будущем — вот, кажется, перед нами материал, вполне достаточный для оправдания кино, если оно в этом нуждается. При таком материале эстетические требования ритма и движения легко создадут для него ту форму, которая заставит и неверующих признать его искусством.

Воля России. 1927. № 7.

13 ноября

Рига. Публикация статьи Юлия Айхенвальда «Смысл пустоты», завершившая дискуссию о кинематографе:

Темная зала, белое полотно — и из какого-то мистического, невидимо руководимого источника света, при некотором шуме падают на это полотно многочисленные образы: вещи и люди, города и поля, прошлое, настоящее и даже будущее, фантастика и так называемая действительность, необычайные судьбы, трагика и комика, героические подвиги и дела постыдные, микробы в капле воды и океан, бичуемый бурей, осада Трои и легкая победа насмешки над сердитою тещей. Словом: на экране — мир, или то, что мы так называем. Но как только в зале станет светло, мы сейчас же убеждаемся, что вся эта пестрая жизнь не оставила на полотне ни малейшего следа... Реальное тяжело, кино легко. Кино сбрасывает с себя всякий балласт. Оно показывает тела, но само бестельно. Величайшее достижение, одоление противоречия, торжество парадокса: бестелесная телесность! Мир так грузен, и грузен человечинной отягощаемый театр: а здесь — какая воздушность, какая грациозность, какое легкое дыхание! Вы сидите перед экраном и только смотрите, вы можете даже и не слушать сопровождающей музыки, вы только смотрите — и безо всякого напряжения ваше воображение дополняет развертывающуюся картину, расцвечивает рисунок звуками и богатым содержанием усложняет преподанные вам теневые намеки... Кино от бремени реальности разгружает и себя, и вас. Прекрасны в кинематографе эти переливы между бытием и небытием... Только во сне и только в кино жизнь освобождена от шлаков: лишь струю чистого золота льется она. Только во сне и только в кино отменяются законы природы, исчезает сила тяготения, и никаких условий не признает и знать не хочет бытие. Оковы времени и пространства сбрасывает с себя легко вздохнувшая душа. А как хорошо быть в кинематографии директором театра!.. Что за благодать!.. Один раз сыграл актер и этим он сразу сыграл уже сто и тысячу раз. И всякий раз — так же хорошо, как на премьере. И сразу в двухстах городах одновременно. И на всех культурных языках земли. И, если фильма сохраняется достаточно долго, то актер переживает чудо вечной молодости... Никогда здесь не охрипнет певец и в уныние не впадет главный комик, никаким инцидентом не нарушится здесь ход и порядок представления... Божество, которое крутит фильму, — может быть, это и есть божество человеческой истории, этого давнего кинематографа, столько фильм пропустившего уже на огромной поверхности своего экрана, на сцене своих тысячелетий? И в таком случае — смываемые тени кино и беспрестанные смены его мимолетных содержаний — не являются ли символом нашей действительности, которая, на самом деле, так же мнима и призрачна, как мнима и призрачна та жизнь, которая каждый вечер манит к себе зрителей в гостеприимные двери электрических театров, где показывают пустоту, но учат и внутреннему смыслу этой пустоты?..

Сегодня. 1927. 13 ноября.

«ЭНЕРГИЧНЫЕ, ЗНАЮЩИЕ ИНТЕЛЛИГЕНТЫ —
ДЛЯ НИХ БРАЗИЛИЯ И СОЗДАНА»:
ИЗ ЭПИСТОЛЯРНОГО НАСЛЕДИЯ
ПСИХОЛОГА ЕЛЕНЫ ВЛАДИМИРОВНЫ АНТИПОВОЙ
Предисловие, составление, подготовка текста и комментарии
Н.Ю. Масоликовой

Она сидела на полу
И грудку писем разбирала,
И, как остывшую золу,
Брала их в руки и бросала.
Брала знакомые листы
И чудно так на них глядела,
Как души смотрят с высоты
На ими брошенное тело...

Ф.И. Тютчев

Находка личных писем ученого — профессиональная удача для биографа. Исторический документ, отражающий эпоху и взгляды, идеи и этапы профессионального развития, письма, как никакой другой источник, раскрывают личность исследователя, его мировоззрение и систему ценностей. «Письма — исторический документ... их нужно печатать как таковые»¹, — справедливо заметил известный историк А.П. Ненароков, а один из лидеров петербургской школы психологов Б.Г. Ананьев добавил: «Изучение личности неизбежно становится историческим исследованием... и эпохи, страны, общественного строя, современников, соратников, сотрудников или, напротив, противников — в общем, соучастников дел, времени и событий, в которых была вовлечена личность»². Именно из исторической науки психология заимствовала методiku анализа документов личного происхождения, которая оформилась в итоге в биографический метод исследования личности.

В Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) в фонде литератора и журналиста Виктора Яковлевича Ирецкого (1882–1936)³ хранится небольшое количество документов его родных — жены и сына. В предисловии к описи фонда отмечено, что «материалы членов семьи В.Я. Ирецкого особого интереса не представляют». Однако именно 59 писем супруги писателя Елены Владимировны Антиповой (1892–1974)⁴, бразильского психолога с мировым именем и интереснейшей фигуры российского научного зарубежья XX в., имеют

¹ Ненароков А.П. «Письма — исторический документ... их нужно печатать как таковые». Из переписки Б.И. Николаевского // Россия XXI. 2002. № 6. С. 146.

² Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л., 1968. С. 277.

³ О В.Я. Ирецком см.: Ирецкий Виктор Яковлевич // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1989. Т. 2. С. 423–424.

⁴ См.: РГАЛИ. Ф. 2227. Оп. 1. Д. 221.

*Елена Владимировна Антипова.
Ленинград. 1924 г.*

важное историко-научное значение. Психолог-исследователь, педолог, педагог-энтузиаст, организатор науки и образовательной системы, отважная женщина и отчаянная мать, русский интеллигент и волею судьбы миссионер в далекой Бразилии с 1929 по 1974 г. — таковы основные жизненные ипостаси Антиповой.

Известный бразильский писатель Отто Лара Резенде (Rezende; 1922–1992) оставил выразительный портрет Е.В. Антиповой: «Дона Элена, сухая, аскетичная, похожая на колосок. Слабая женщина и сильная славянка, разрушительница всех стереотипов — близорукая интеллектуалка с потрясающей прозорливостью, эта (вечно с головной болью!) бразильянка... из Санкт-Петербурга и конструктор детских душ, апостол женского рода, ниспосланный нам из российского поднебесья, —

она сама была лучшим примером того “созидательства”, которому учила, которое проповедовала самой жизнью своей»⁵. Почти неизвестные на родине, в Бразилии заслуги Елены Владимировны получили высокое государственное признание — она удостоена звания почетного гражданина одного из самых крупных и богатых штатов страны Минас-Жерайс, титула «Мать года», ордена Южного Креста, медали «За заслуги в области образования» (вручена лично президентом Бразилии). Сегодня в Бразилии действуют научно-исследовательский институт и образовательный фонд ее имени (Foundation Helena Antipoff, FNA)⁶, на португальском языке издано пять томов ее научных работ и материалов общественных инициатив⁷.

Россия и Бразилия насчитывают уже более 200 лет истории дипломатических, экономических и культурных взаимоотношений. Их становление начиналось еще в первой половине XIX в., когда немногочисленным русским мореплавателям, дипломатам и ученым удавалось добираться до далекой заокеанской страны⁸. В XX в. миграционный поток россиян в страны Латинской Америки

⁵ Цит. по: Мартынов Б.Ф. Русские в Бразилии // Латинская Америка. 1995. № 11. С. 80.

⁶ См.: <http://www.fundacaohantipoff.mg.gov.br>.

⁷ Coletânea das obras escritas de Helena Antipoff. Belo Horizonte, 1992. Vol. 1–5.

⁸ См.: Комиссаров Б.Н. Петербург — Рио-де-Жанейро: Становление отношений. 1808–1828 гг. Л., 1987; Мартынов Б.Ф. Русские в Бразилии // Латинская Америка. 1995. № 11; Он же. Первопоселенцы // Там же. 1997. № 9; Нечаев С.Ю. Русские в Латинской Америке. М., 2010; Окунцев Н.К. Русские эмигранты в Северной и Южной Америке. Буэнос-Айрес, 1967; Русское зарубежье в Латинской Америке. М., 1993; Стрелко А.А. Славянское население в странах Латинской Америки. Киев, 1980; Сизоненко А.И. Непроторенными путями: Первые советские дипломаты и ученые в Латинской Америке. М., 1988; Хисамутдинов А.А. Русские в Бразилии // Латинская Америка. 2005. № 9.

существенно увеличился в связи с расширением экономической деятельности, а также под воздействием революционных катаклизмов, потрясших Россию. К сожалению, «XX век скуден живыми свидетельствами тех, кому довелось посетить Бразилию»⁹. Тем более не создано пока научных работ, систематизирующих, обобщающих или анализирующих причины, этапы, специфику бытования российской научной диаспоры в Бразилии в XX в. История российской эмиграции в странах Латинской Америки в целом и Бразилии в частности еще ждет своих исследователей¹⁰.

Имя Е.В. Антиповой упоминается в работах отечественных авторов весьма кратко. Лишь известный историк и политолог Б.Ф. Мартынов, ныне заместитель директора института Латинской Америки РАН, опубликовал в 1995 г. статью о представителях российской эмиграции в Бразилии, в которой изложил основные факты жизни и деятельности Антиповой в Бразилии¹¹. Источниками для этой работы, оказавшейся первым русскоязычным текстом о выдающемся психологе, послужили сведения из французского энциклопедического словаря «Ларусс» и книги мемуаров сына Е.В. Антиповой, изданной на португальском языке¹². В то же время биография Елены Антиповой, ее научная, организационная и общественная деятельность в Бразилии привлекли и привлекают значительное внимание бразильских историков науки¹³. Однако российскую часть жизни и эмигрантскую одиссею ученого они по понятным причинам совершенно не затрагивают. Выявленные нами в РГАЛИ письма Антиповой мужу — в настоящее время основной и пока, к сожалению, единственный источник по российской части ее биографии.

Елена Владимировна Антипова родилась 25 марта (7 апреля) 1892 г. в городе Гродно Минской губернии, где стояла военная часть ее отца, Владимира Васильевича Антипова (1862 — не ранее 1923), в то время офицера 101-го пехотного Пермского полка, входившего в состав 26-й пехотной дивизии Виленского военного округа¹⁴.

Владимир Антипов был уроженцем Лифляндской губернии и происходил из семьи потомственных почетных граждан. Он окончил 2-е военное Константиновское училище в Петербурге (1882), и его строевая карьера продвигалась более чем успешно: уже на седьмом году службы он получил в командование роту, а на

⁹ Россия и Бразилия. 200 лет знакомства: свидетельства русских путешественников, ученых, дипломатов, артистов и литераторов / Сост. Л.М. Бурмистрова. М., 2004. С. 10.

¹⁰ Мосейкина М.С. Историография российской эмиграции в странах Латинской Америки (конец XIX — XX в.) // История российского зарубежья. Проблемы историографии (конец XIX — XX в.): Сб. ст. М., 2004. С. 240.

¹¹ См.: Мартынов Б.Ф. Русские в Бразилии.

¹² См.: Antipoff D. Helena Antipoff: Sua vida, sua obra. Rio de Janeiro, 1975.

¹³ См.: Campos R.H.F. Helena Antipoff (1892–1974): A Synthesis of Swiss and Soviet Psychology in the Context of Brazilian Education // History of Psychology. 2001. Vol. 4. № 2 P. 133–158; Dicionário Biográfico da Psicologia no Brasil. Pioneiros. Rio de Janeiro, 2001. P. 53–58.

¹⁴ Сведения приводятся на основании послужного списка В.В. Антипова, см.: РГВИА. Ф. 409. П/с 313-056. Приносим благодарность А.В. Марыняку, познакомившему нас с этим документом. Ниже цитируются отдельные выражения из этого списка.

девятом был произведен в штабс-капитаны. Прослужив двенадцать лет в строю, Антипов решил поступать в Николаевскую академию Генерального штаба и в октябре 1894 г. был зачислен в академию. Однако вскоре он был отчислен «по недержанию экзамена» и отправился «к предыдущему месту службы». Для многих офицеров такой поворот означал бы крушение карьеры, но Владимир Васильевич проявил завидное упорство: в 1896 г. он вновь командирован в академию и успешно оканчивает ее в 1899 г. Его дальнейшая служба проходила в штабах гвардии и Петербургского военного округа. В 1907 г. полковник Антипов возглавил Петербургское пехотное юнкерское училище и реформировал его, существенно повысив статус учебного заведения. На должности начальника училища Антипов оставался до конца зимы 1915 г., когда был досрочно произведен в генерал-майоры.

О матери Е.В. Антиповой — Софье Константиновне, пока известно очень мало. Она родилась в Болгарии в семье полковника Стоянова и кроме Елены имела еще двух дочерей — Зинаиду (р. 1895) и Татьяну (р. 1904).

Свой научный роман с психологией — в то время молодой, но весьма популярной научной дисциплиной — Елена Антипова начинала на Высших (Бестужевских) женских курсах в Петербурге, которые окончила в 1909 г. Осенью следующего 1910 г. она отправилась в Лондон, где служила гувернанткой и преподавателем французского языка в английской семье, а еще через год, с октября 1911 г., училась в Сорбонне (Франция). Здесь Антипова познакомилась с крупнейшими европейскими специалистами в области психологии и философии — общественным деятелем и нобелевским лауреатом философом Анри Бергсоном (Bergson; 1859–1941), психологом и психопатологом Пьером Жане (Janet; 1859–1947), выдвинувшим концепцию психологии как науки о поведении; Теодором Симоном (Simon; 1873–1961) и Альфредом Бине (Binet; 1857–1911) — «отцами» всемирно известной шкалы измерения интеллекта, названной шкалой Бине — Симона.

Встреча в Париже с Эдуардом Клапаредом (Claparède; 1873–1940), ведущим специалистом по прикладной и педагогической психологии, основателем Института Ж.-Ж. Руссо в Женеве ((l'Institut J.-J. Rousseau de Genève, Швейцария) — признанного международного центра экспериментальных исследований в области детской психологии, стала жизнеопределяющей для Елены Антиповой. Влияние новаторских взглядов и подходов швейцарского мэтра на русскую студентку было столь велико, что в сентябре 1912 г. Антипова переехала из Парижа в Женеву для учебы в возглавляемой Клапаредом Школе педагогических наук (L'École des sciences de l'éducation). С этого момента в лице швейцарского ученого Антипова на всю жизнь обрела научного патрона, учителя, коллегу и друга¹⁵.

Почти пять лет Елена провела в Швейцарии. Она возвратилась в Россию в самый канун революционных потрясений — в 1917 г., чтобы организовать лече-

¹⁵ Переписка Е.В. Антиповой и Э. Клапареда только что опубликована, см.: Edouard Claparède, Hélène Antipoff. Correspondance (1914–1940) / Ed. M. Ruchat. Florence, 2010. Об истории женевской психологической школы см.: Les laboratoires de l'esprit. Une histoire de la psychologie à Genève 1892–1965 / Ed. M. Ruchat, M. Ratcliff. Lausanne; Genève, 2006.

ние отца, получившего тяжелое ранение на фронте Первой мировой войны. Здесь, в Петрограде, она встретила и свою любовь — мужем Елены Антиповой стал известный литератор и журналист Виктор Яковлевич Ирецкий, а в 1919 г. у них родился сын Даниил.

В первые годы советской власти Елена Антипова была востребована профессионально и оказалась на «передовой» педологии и экспериментальной психологии — в Центральном карантинно-распределительном детском пункте Наркомпроса в Петрограде¹⁶. Под нужды этого учреждения, куда попадали дети-сироты, беспризорники, социально нуждающиеся, сначала была отдана гостиница «Европейская», а затем — помещение бывшего Императорского Александровского лицея на Каменном острове. В 1921 г. в пункте побывал знаменитый британский фантаст и общественный деятель Герберт Уэллс (Wells; 1866–1946), который особо отметил персонал пункта — «людей, политически неблагонадежных или открыто недовольных новым режимом, но желающих, тем не менее, служить России». Восхищаясь их самоотверженным трудом, сочетавшим высокую образованность, преданность избранному делу и гуманность по отношению к ближнему, писатель отметил, что они работали здесь «с чистым сердцем и спокойной совестью»¹⁷. Креативность «бывших» способствовала и тому, что именно в этом распределительном пункте один из учителей Александр Александрович Брянцев (1883–1961) создал театральный кружок, который впоследствии перерос в известный Театр юного зрителя. Будучи психологом-обследователем пункта, Елена Антипова также активно и творчески служила детям и новой науке, а схему и методику его работы, свои «полевые наблюдения» обобщила в докладе на петроградской конференции работников детских домов в 1923 г.¹⁸. Читая этот текст сегодня, понимаешь, сколь напряженным физически, тяжелым морально и одновременно многофункциональным и профессионально отточенным был ежедневный труд психолога-практика Антиповой.

В это же время научные интересы приводят ее в первую в России Лабораторию экспериментальной психологии под руководством одного из лидеров российской экспериментальной педагогической психологии и педологического движения Александра Петровича Нечаева (1870–1948)¹⁹. Лаборатория была уникальной в том смысле, что в ней занимались проблемами изучения ребенка. Здесь исследовались особенности внимания и умственной усталости учеников, скорос-

¹⁶ См.: Румянцев Н.Е. Обзор новых экспериментальных исследований по психологии мышления у детей школьного возраста // Педагогическая мысль. 1919. № 1. С. 21–24; Маклецов А.В. Борьба с детской беспризорностью в СССР. Прага, 1927. С. 3–34; Баранов В.Ф. Педологическая служба в советской школе 20–30 гг. // Советская педагогика. 1990. № 3. С. 94; Головизнина М. Генеалогия социального контроля противоправного поведения несовершеннолетних в пенитенциарном учреждении в России // Нужда и порядок: История социальной работы в России, XX в.: Сб. науч. ст. / Под ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой. Саратов, 2005. С. 314.

¹⁷ Уэллс Г. Россия во мгле. М., 1959. С. 59–60.

¹⁸ См.: Е. Антипова. О психолого-педагогическом обследовании детей // Трудовая школа: Педагогический сборник. Пг., 1923. № 4/5. С. 86–94.

¹⁹ Подробнее см.: Романов А.А. А.П. Нечаев: у истоков экспериментальной педагогики. М., 1996; Нечаев А.П. Психология и школа: Избранные психологические труды. М.; Воронеж, 1997.

ти их умственной работы в разных возрастах, проводился психологический анализ сочинений школьников. Отдельное направление деятельности лаборатории было связано с анализом влияния Гражданской войны на психическое развитие детей²⁰. Именно в лаборатории Нечаева активно разрабатывались и применялись различные методики психологического тестирования детей — одно из приоритетных направлений прикладной психологии того времени, широко использовавшиеся во всех ведущих странах мира в процессе профессиональной ориентации молодежи и населения в целом²¹.

Трудная, но профессионально насыщенная петроградская жизнь Елены Антиповой была прервана в 1922 г., когда ей впервые пришлось непосредственно столкнуться с трагедией вынужденной эмиграции. Осенью 1922 г. ГПУ арестовало и затем приняло решение о высылке в Германию ее мужа, В.Я. Ирецкого. В отличие от жен других высылаемых, безропотно принявших чекистский вердикт и последовавших за мужьями, Антипова обратилась в ГПУ с решительным по тону заявлением о невозможности эмиграции вследствие «отсутствия средств» и причастности к «новому, полезному для страны делу» (работа в пункте) и не менее решительной просьбой отпустить арестованного Ирецкого на две недели домой для сборов и прощания²². Она добилась этой отсрочки, а сама оставила Россию только в 1924 г., отправившись с пятилетним сыном Даниилом к мужу в Берлин (Германия). Однако совместной жизни не получилось, и уже через год Антипова уехала в Швейцарию, надеясь на помощь и содействие своего учителя Э. Клапареда.

Интеграция Елены Владимировны в хорошо известную ей научную и социальную жизнь Женевы была быстрой и в целом удачной, а работа в Институте Ж.-Ж. Руссо увлекала и открывала новые научные горизонты. В эти годы Антипова подготовила и опубликовала целую серию статей в крупнейших психологических журналах Швейцарии — «Archives de Psychologie» и «Intermédiaire des Educateurs»²³. Между тем бытовая сторона ее жизни была далека от идиллической. Письма Антиповой мужу в Берлин полны горьких признаний: «Пишу Вам на открытке, потому что на письмо не хватило денег...»; «Устаю от работы страшно...»; «Поседела и постарела на несколько лет...»²⁴.

Решение проблем пришло, откуда не ждали: в 1928 г. в Женеву приехал доктор Алберто Алварес из Бразилии, который подбирал научный персонал для только формировавшейся национальной системы педагогической и психологической поддержки детства. И в 1929 г. Елена Антипова принимает приглашение правитель-

²⁰ См.: Марцинковская Т.Д. История детской психологии. М., 1998.

²¹ Развитие отечественной тестологии было прервано постановлением ЦК ВКП (б) от 4 июля 1936 г. «О педологических извращениях в системе Наркомпросов». Под запретом оказалась наука о ребенке — педология, а с ней и тесты, которые были отнесены к разряду вредных методов.

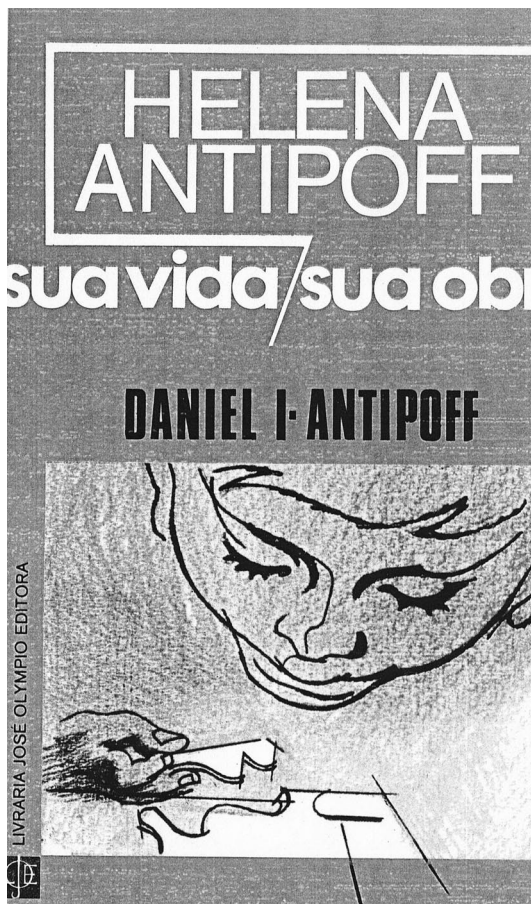
²² См.: Высылка вместо расстрела: Депортация интеллигенции в документах ВЧК–ГПУ: 1921–1923. М., 2005. С. 242–243.

²³ Избранную библиографию работ Е.В. Антиповой см.: Российское научное зарубежье: Материалы для библиографического словаря. Вып. 2 [Пилотный]: Психологические науки: XIX — первая половина XX в. / Авт.-сост. Н.Ю. Масоликова, М.Ю. Сорокина. М., 2010.

²⁴ РГАЛИ. Ф. 2227. Оп. 1. Д. 221. Л. 24.

ства Бразилии и отправляется за океан. Двухгодичный контракт неожиданно обернулся многолетней миссией: «Вот вам и судьба — всегда бывало так, что я заползала на необитаемый остров, в котором чувствую себя в одиночестве владелицей части земного шара»²⁵.

В 1930-е гг. Бразилия энергично изменяла свой традиционный политический и экономический уклад, а также кардинально реформировала систему образования. Е.В. Антипова стала одним из первых психологов-практиков в этой новой системе. Вместе с коллегами из других стран она практически с нуля приступила к организации психолого-педагогической подготовки учителей для работы с детьми разных психологических категорий в штате Минас-Жерайс. Одновременно европейские специалисты начали регулярные массовые психологические обследования бразильских детей. Приехав в Бразилию интеллектуально тестировать (и учить этому других), отсеивая неспособных и выявляя интеллектуально одаренных детей, ибо таков был первичный социальный заказ, Елена Антипова существенно видоизменила поставленные перед ней прямолинейные задачи селекции и отбора гуманистическим контекстом и профессиональной приверженностью идее компенсаторного обучения. Ей удалось убедить и бразильские власти, и местное общество в возможности и необходимости создания образовательных условий для роста и развития не только талантливых детей, но и «отстающих». Она создала целую сеть образовательных учреждений для детей со специфическими потребностями (как одаренных, так и нуждающихся в коррекции) и оказала огромное воздействие на формирование ментального здоровья нескольких поколений новой Бразилии.

Обложка книги Д.В. Антипова-Ирецкого, посвященной матери:
«*Helena Antipoff: Sua vida, sua obra*»
(«Елена Антипова: труды и дни»)
Рио-де-Жанейро. 1975 г.

²⁵ РГАЛИ. Ф. 2227. Оп. 1. Д. 221. Л. 115–116.

Несомненно, масштабная организационно-образовательная практика в чужой культурной и языковой среде стала возможна благодаря тому, что в научной биографии Елены Владимировны Антиповой причудливо соединились русско-европейское психологическое образование в духе функционализма Э. Клапареда и естественного эксперимента А.Ф. Лазурского и идеология «борьбы за просвещение и правду» А.П. Нечаева; опыт психологических наблюдений за детьми в разных культурах, благополучных и кризисных, в революционных обстоятельствах жизни, домашних и детдомовских условиях и многолетние научные и практические изыскания в области психотехники и интеллектуального тестирования, в частности исследования детских умственных способностей.

Как истинный ученый, Елена Антипова имела мечту. В ее случае это была мечта о педологическом музее: «...создание Музея ребенка — это моя давнишняя мечта... Есть всякие музеи... но нет Музея, где наглядно было бы представлено, как развивается ребенок...»²⁶ Работа в Бразилии — фактически в экстремальных для русского человека природных и социально-культурных условиях — тем не менее позволила Е.В. Антиповой реализовать многие научные идеи и проекты.

Как подлинный творец, эта женщина была космополитична, и в этом смысле смела и авантюрна: «Ничто так не близко моей натуре, как чувствовать себя свободной в пространстве и не знать межстранных границ»²⁷. Все это — высокий дух, профессионализм и гуманизм, русская научная судьба, образ самозабвенной матери — досталось Бразилии. «Энергичные, знающие интеллигенты — для них Бразилия и создана», — писала Елена Владимировна в одном из писем мужу в 1929 г.²⁸

Публикуемые ниже письма Е.В. Антиповой мужу — своего рода роман, читающийся на одном дыхании. В первую очередь это личная сага — сага отношений, драматических и дружеских одновременно. Разъединившись не по своей воле, Елена Антипова и Виктор Ирецкий уже никогда не были вместе, но впоследствии уже по воле собственных желаний и убеждений хранили, однако, верность друг другу как родители и неизбежно близкие люди, оставаясь в регулярной переписке вплоть до последних дней Ирецкого.

Одновременно эти письма — дневник матери, не менее драматичный и чувственный, с одной, житейской стороны, и весьма критичный и глубоко анализирующий, с другой стороны, поскольку это еще и дневник матери-психолога. Ценой долгой разлуки с родителями сын Антиповой и Ирецкого Даниил получил хорошее образование во французском коллеже «Бовалон» («Beauvallon»), известном своими новаторскими идеями в образовании и скрывавшем в годы Второй мировой войны на своей территории еврейских детей. Однако уже с 10-летнего возраста Даниил практически не писал на русском языке и использовал преимущественно французский и португальский языки. Он прожил всю жизнь рядом с

²⁶ РГАЛИ. Ф. 2227. Оп. 1. Д. 221. Л. 58–59; см. письмо 4 наст. публ.

²⁷ Там же. Л. 21.

²⁸ Там же. Л. 61–63.

матерью, в Бразилии, работая психологом, педагогом и агрономом, и скончался в 2005 г.

Известный американский психолог Гордон Олпорт (Allport; 1897–1967), благодаря своему эклектическому научному подходу к изучению личности человека так и не ставший сторонником той или иной психологической школы или концепции, в собственной теории личности место ядра отводил мотивам деятельности человека. В одной из своих научных работ он предложил перечень мотивов создания личных документов автобиографического характера. Что может руководить вами при написании личного письма? — Мотивы самооправдания, самовыражения, склонность к порядку и учету, склонность к литературному творчеству, потребность обдумать жизнь, освобождение от душевного напряжения, покаяние, желание увековечить себя, научный интерес и др.²⁹ Письма Е.В. Антиповой — именно такая гремучая смесь мотивов, определяющих «многовалентность источника», по меткому выражению С.О. Шмидта³⁰.

Несомненно, эпистолярный Е.В. Антиповой достоин отдельного полного издания. Для данной публикации отобраны фрагменты восьми писем, наиболее объемные по концентрации биографического материала и личностного наполнения. Они охватывают три этапа жизни психолога: петроградский (конец 1922-го — начало 1924 г.), женеvский (1926–1929 гг.) и бразильский (август 1929-го — 1934 г.). Кроме того, публикуется письмо Е.В. Антиповой сыну — Даниилу Викторовичу Ирецкому-Антипову.

Письма публикуются по современным правилам орфографии и пунктуации. Раскрытия сокращенных слов, имеющих единственно возможное прочтение, не оговариваются. Восстановленные слова и части слов как предположения заключены в угловые скобки.

Приносим самую искреннюю благодарность работникам читального зала РГАЛИ, в частности Д.В. Неустрову, чье профессиональное содействие очень помогло нам в работе.

²⁹ См.: *Логина Н.А.* Биографический метод в свете идей Б.Г. Ананьева // *Вопросы психологии.* 1986. № 5. С. 104.

³⁰ *Шмидт С.О.* Археология, архивоведение и специальные исторические дисциплины // *Развитие советской исторической науки.* 1970–1974. М., 1975. С. 347.

I. ИЗ ПИСЕМ Е.В. АНТИПОВОЙ В.Я. ИРЕЦКОМУ

1

<Не ранее конца января 1924 г., Петроград>

<...> Доник¹ диктовал сегодня Вам письмо, но оно вышло так нелепо, что, боюсь, цензура усмотрит в этом несвязном детском лепете что-нибудь вредное и не пропустит его к Вам.

Дело в том, что Доня зарекомендовал себя как яркий коммунар. Смерть Ленина, со всеми относящимися к этому событию торжествами и обрядами и разговорами, сильно повлияли на его пятилетний мозг.

В его представлении умер действительно какой-то герой, спаситель людей; почти со слезами на глазах через день после похорон он заявил, что поедет в Москву. Выроет могилу, извлечет оттуда Ленина за руки и спасет его. То же проделает он с Петром Великим — и сведет их вместе: «Пусть познакомятся оба царя».

Похороны были настолько торжественны, что, думаю, они глубоко запали всем, и особенно на всю жизнь — малолетним. Перечитывая письма, которые дети моей группы писали из карантина своим родным и знакомым, вижу, что каждый из писавших в те дни заканчивал как бы по уговору свое письмо следующими словами: «Ленин умер». Темой Дониных разговоров, его свободных песен и каких-то импровизированных монологов, которые у него частенько выливаются наружу, — все Ленин, Ленин и Петр Великий (были с ним в Эрмитаже, где он видел гробницу и трон последнего). <...>

РГАЛИ. Ф. 2227. Оп. 1. Д. 121. Л. 99–102.

¹ Здесь и далее: Доня, Доник, Данилка — Даниил Викторович Антипов-Ирецкий (1919–2005), сын Е.В. Антиповой и В.Я. Ирецкого.

2

<Не позднее весны 1924 г., Петроград>

Дружочек мой, весна сегодня!

<...> И очень потянуло к Вам: хочется прижаться к вашему телу, пококетничать с Вами, потереть Вас — особенно, если Вы находитесь в важном, заботливо деловом настроении, — а то тогда особенно хочется Вас растормошить, полить немножечко, а потом все же добиться Вашей улыбки и беспечности.

Ах, да... совершенно случайно набрела на одно из многочисленных писем Вашей юной поры, причем среди них страшное количество одной определенной корреспондентки — простите, 2–3 письма прочла... А одно из них — копию Ва-

шего письма к ней, простите, захватила даже с собой и оно лежит в моем словаре. Обращения нет, впрочем, есть, но неразборчивое, что позволило мне мысленно проставить свое имя и вышло так, как будто оно обращено ко мне — вышла полная иллюзия, которая меня даже не на шутку взволновала. Да, сударь мой, это весьма симпатично. Не могу пожаловаться, что Ваши письма были сухие, нет, они даже незаслуженно милы и заботливы, но дистанция, конечно, громадного размера.

Пишу коряво; хочется очень Вас видеть вот сейчас сию минуту. Ну, чтобы Вам прийти сюда — если бы в кресло «мамино», я бы уселась у Вас на коленях и стала бы Вам рассказывать всякую небылицу и был бы былаю. Ну, позвольте нежно-пренежно прижаться к Вам, влажными губами прикоснуться к Вашим и вообразить в себе разливающуюся по телу теплую волну.

Когда же Вы вернетесь? Когда же начинать хлопоты — не тогда ли, когда поседеют наши волосы, не поздно ли будет тогда?

Виктор Яковлевич, сейчас остро чувствую Ваше отсутствие и тоскую по Вам. <...>

РГАЛИ. Ф. 2227. Оп. 1. Д. 121. Л. 106.

3

31 декабря 1928 г. <Женева, Швейцария>

<...> А теперь вот что имею Вам сообщить: мой отъезд в Бразилию! Это решенное дело, по крайней мере, на бумаге. Если хотите, до завтрашнего дня я еще свободна, но в 2 часа завтрашнего дня я подписываю контракт на мою работу там на 2 года.

Посудите, правильно ли я сделала: приглашают меня по моей специальности — лекции по экспериментальной и детской психологии в учительский институт (женский); обследование детей начальной школы для распределения по различным классам (одаренных, неодаренных детей); организация педологического музея; редактирование педагогического бюллетеня — оба последних учреждения являются концентрированием и результатом двух первых деятельностей.

Как видите, в работе нет ничего фантазмагоричного. В течение последних 18 лет я не переставала заниматься тем же.

Что до вознаграждений, то вот они: поездка туда и обратно в 1 классе (деньги на дорогу оставляют на мне или в Швейцарском банке). Ежемесячный оклад — 2000 швейцарских франков.

Вы спросите, насколько серьезно предложение? — Контракт составляется между мной и бразильским правительством, с нотариальными формальностями и в Бразильском консульстве в Женеве. Второе обстоятельство тоже заставляет думать, что дело серьезно: этим же представителем одновременно приглашается

ряд других сотрудников из Бельгии, Австрии, Франции — в частности, из Парижа едет на 3 месяца Dr Simon¹, тот самый, с которым мне пришлось работать в свое время в Париже.

Чего еще бояться? Самый представитель производит впечатление человека серьезного, дельного и идеалистически настроенного — в том смысле, что он верит в наше и свое образование, свою страну, депутатом которой он был несколько лет тому назад, хочет поставить на должную высоту.

Какие есть у меня основания отказать в этом столь лестном для меня предложении? Я насчитываю лишь одно: боязнь нового, но таковой я не знаю, и если да, то лишь в слабой степени, недостаточной для того, чтобы она была помехой.

Каковы основания принять предложение: кроме интереса научного, широкой свободы, организации, главным образом материальные. Эти два года позволят мне, во-первых, обеспечить мать мою и сестру, то, что я здесь при мизерном моем жаловании сделать не смогу. Во-вторых, дать Доне приличное образование, особенно музыкальное; в-третьих, отложить про черный день. В-четвертых, более нечто такое неожиданное: помочь и Вам, и вот каким образом. На собранные деньги можно будет завести скромную там, в Бразилии, ферму, которая сможет стать источником некоторых доходов. Ваша жизнь еще не кончена. <...>

РГАЛИ. Ф. 2227. Оп. 1. Д. 121. Л. 43–44.

¹ *Симон* (Simon) Теодор (1873–1961) — французский психиатр, психолог, руководитель Педагогической лаборатории в Париже, один из авторов всемирно известной шкалы измерения интеллекта (шкала Бине — Симона).

4

12 августа 1929, Атлантический океан

Подъезжаем к берегам Бразилии; к вечеру, вероятно, будем в Rio, а завтра или послезавтра — в Bello Horizonte¹. О немногих своих узнаете из письма к Доне. Очень занимают меня Ваши впечатления, как-то уживаетесь во Франции с моими, с Доником. Жду от Вас подробного письма. Как нашли Доника? Изменился и в какую сторону с прошлого года, какие в нем заметили недостатки, какие вообще появились новые черты. Ведь Вы должны ясно видеть перемену, каждый штрих новый должен чрезвычайно выпукло выступать.

А сами Вы как, отдыхаете ли? Примирились ли с Францией, берете ли с мамой уроки французского языка? Жаль, что не удалось мне отсрочить мой отъезд до 22-го. Но боялась, как бы не вышли осложнения. В San-Paulo <пробудем> дня два, вероятно, а там и в Bello Horizonte. Очень неприятно для меня то обстоятельство, что там находится одна швейцарка из Женевы, выжившая из ума старуха, которая почему-то, судя по словам Вальтера², решила меня изводить.

Вы спрашивали о моей работе в Bello Horizonte, но я все Вам уже писала в Берлин, насколько помнится, а Вы как-то не так поняли.

В Bello Horizonte (губернский город Minas Geraes) с февраля этого года открылись для учительниц двухгодичные курсы совершенствования. Первоначально думали класс им дать чисто педагогический (дидактический характер). Когда же представитель их побывал в Европе, то, кроме рисования, лепки и разных прикладных предметов, решил, что им нужна и психология, и обследование детей в школах, и всякие экспериментальные пряности и мудрости. Это, очевидно, под непосредственным влиянием Института Руссо и, в частности, моих занятий с нашими учениками. Кроме лекций по экспериментальной психологии и закупки у Циммермана³ в Германии приборов на несколько десятков тысяч для лаборатории при школе (Escola da Perfeitamento) и по психологии ребенка, мне предстоит, и, по-моему, это наиболее интересная задача, исследовать бразильянок детей по всему штату М<inas> Гер<aes> для установления норм физического и психического развития. Отсюда чрезвычайно интересные могут быть сопоставления с развитием детей других стран, народов, рас, социальных условий воспитания и т. д.

Все исследования по контракту должны периодически быть опубликованы в местном журнале министерства народного просвещения (вероятно, организуют специальный Bulletin школы).

Кроме того, и вот это еще интереснее: создание Музея ребенка — это моя давнишняя мечта, которую надеюсь привести в исполнение. Есть всякие музеи, как Вам известно, и рыб, и птиц, и даже плохого вкуса, но нет Музея, где наглядно было бы представлено, как развивается ребенок, какие могли быть отклонения, в положительную и отрицательную стороны. В этом музее можно присоединить всё относящееся к ребенку и к его воспитанию — законы юридические, относящиеся к преступлению и к детскому наказанию; громадный отдел, посвященный воспитанию и образованию. Пока постараюсь собрать все, относящееся к истории методов в Бразилии, а потом и в других местах. Другой большой отдел — это детское чтение, книги, а через это к детским интересам. Если будут соответствующие сотрудники, помощники и средства, то дело удастся, надеюсь. Видите, работа сулит быть интересной.

Пароход начинает страшно качать и трясти. Всего доброго. Храните Данилку моего маленького. <...>

РГАЛИ. Ф. 2227. Оп. 1. Д. 121. Л. 58–59.

¹ *Белу-Оризонти* — административный центр штата Минас-Жерайс (Бразилия).

² *Вальтер* Лев Густавович (1889 — не ранее 1938) — русский эмигрант, психотехник, коллега и приятель Е.В. Антиповой по Женеве.

³ Знаменитая немецкая фирма, изготавливавшая оборудование для психологических учреждений. Располагалась в Лейпциге.

<5 декабря 1930 г., Бразилия>

<...> Получили ваши письма, которые ввиду революционных событий пробыли в дороге больше месяца¹.

Пока все обошлось благополучно, несмотря на 5-дневный бой, где мы жили под сплошным свистом пуль, летящих сверху, снизу, с боков, никто не был задет... Других же судьба не пощадила: в большом отдалении от центральных действий, куда пули залетали сравнительно редко, оказалось немало раненых и даже убитых... Первое действие революционной трагикомедии закончилось, сейчас мы переживаем второе и как будто начинается и третье, так называется строительство, которое находится в руках, можно сказать, молодежи, идеалистически настроенной, но с малым государственным опытом. Их ошибки уже дают себя чувствовать, и потому после торжественных шествий и чествований «героев революции» начинается их критика, развенчивание и недовольство различных слоев.

Была проведена <отмена> зачетов университетских — без экзаменов — переход на последующий курс или даже заканчивание курса исключительно на основании посещения. Если студент посетил нормально лекции, то без всяких проверок и экзаменов он автоматически переходил на следующий курс. Эта мера показала слабость нынешних правителей, не только не сумевших противостоять требованиям ленивой развращенной молодежи Rio de Janeiro, но заставивших принять эту меру и другие университеты. Совет здешнего университета хотел сохранить свою автономию — решил противостоять требованиям молодежи и декрету, шедшему из Rio, — в результате получилась свалка — студенты бросали тухлыми яйцами в профессоров и ректоров, выстрелы, убившие одного студента и ранившие нескольких, сжигание студентами профессорских автомобилей и проч. В San-Paulo дело серьезнее еще — заигрывание не только со студентами, но и с рабочими — в результате угроза коммунизма и хозяйственной разрухи — неспокойно в Бразилии, но где теперь спокойно?

Говорят, Кассини, известный астроном, открыл пятна на Юпитере — кровавые пятна². Этому суеверные люди приписывают все нынешние бедствия — землетрясения, наводнения, революции и войны...

Приезжал в Бразилию в середине сентября <...> Клапаред, к несчастью, попал во время революции. Застрял здесь, в Bello Horizonte, на целый месяц больше того, что предполагал; чувствовал себя здесь неважно, так как впервые пришлось испытать революционный режим. К счастью, ничего непоправимого с ним не случилось (чуть-чуть пуля его задела), и он благополучно вернулся в Женеву. <...>

РГАЛИ. Ф. 2227. Оп. 1. Д. 121. Л. 76–77.

¹ Имеется в виду острый политический кризис в Бразилии в 1930 г., последовавший за экономическим кризисом 1929 г.

² Большое красное пятно на Юпитере открыто в 1665 г. итальянским астрономом Джованни Кассини (Cassini; 1625–1712).

6

3 ноября 1929 г. <Bello Horizonte>

<...> Minas — один из наиболее красивых, живописных и богатых бразильских штатов. Красоты здешнего пейзажа, гор, растительности или степей и дальних горизонтов — изумительных — и лично для меня серьезно компенсируют тоску и разлуку по сыну, по Европе, по культурной жизни.

Эти два дня я имела громадное удовольствие проскакать на чудных лошадаках бразильяньских около 30 километров верхом. Первый раз в моей жизни — вот еще удовольствие, которое в городах европейских не имеют, а здесь скачи, сколько твоей воле хочется.

Вот как можно любоваться природой — ни на автомобиле (мчится как сумасшедший, пылит, гремит), не пешком (где большие перевалы утомляют, да ход сам слишком много сил берет), ни велосипед, а именно на спине лошади. Едешь и любишься!

РГАЛИ. Ф. 2227. Оп. 1. Д. 121. Л. 61.

7

15 января 1931 г. <Bello Horizonte>

<...> К сожалению, не только Вам Доня стал мало писать, но и меня забросил. Правда, что у него теперь несравненно стало больше занятий: к прошлым добавилась латынь и английский язык, которым он занимается ежедневно, готовясь по курсу college. К тому еще другое, маленькое обстоятельство, тормозит его переписку: он перешел на новый шрифт письма. Его несколько оригинальное письмо, почерк — не по правилам college'а и потому мальчонка на 12-м году жизни переучивается писать, слитно, по-новому. Это его раздражает на первых порах, пока не автоматизируется рука. Надо надеяться, что вскоре он одолеет и станет писать охотнее.

После поездки его и солнечных бразильских каникул — он тоже несколько отвык от дисциплины и занятий, и вначале, по приезде, не все шло гладко, как пишет М. Soubeyran¹. Теперь жизнь его вошла в колею, и он делает заметные будто бы успехи как в поведении, так и в работе. Дай-то бог!

В будущем учебном году Данилка либо поступит в college в Montelimar интерном (?), либо еще пробудет год в Beauvallon, если там будет достаточно детей старшего возраста.

Насчет летних каникул еще ничего неизвестно, во всяком случае, я его сюда не буду звать — быть может, сама приеду погостить в Европу, если продолжу свои занятия здесь.

Пока в Бразилии, после переворота, жизнь еще не вполне устоялась — всюду идут сокращения отчаянные — многие люди на улице и потому, возможно, что и нашу школу придется им закрыть.

Работаю по-прежнему усиленно — несмотря на каникулы, занятий довольно много. Готовлю к печати новую работу об умственном развитии здешних детей. Печатаю не потому, чтобы очень хочется, а потому, что обязана это делать по контракту (печатать результаты исследований). К этому еще прибавляется желание показать ученикам, как на основании наших анкет, тестов и всяческих измерений можно использовать данные для научных выводов. Это своего рода педагогический прием, стимулирующий пример, благодаря которому ученицы мои всегда готовы пожертвовать и временем своим, и, быть может, интересами, чтобы добыть мне как можно больше и лучше необходимые данные. Когда публикуешь их — когда обнародуешь результаты, касающиеся их, бразильских детей, то они видят, что измерения и исследования наши не просто *a blanc*², а они служат на что-то, и что ответственность за доброкачественность я возлагаю на их самих.

Не знаю, правы ли Вы, истолковав это желание производить, строить, писать, как нечто подобное тому, что мы ощущаем, когда хотим иметь детей, видя в том и другом проявление склонности к бессмертию.

Раньше, чем думать о будущем и жаждать бессмертия, мы еще инстинктивно ищем <способ> расширить свое «я», вынести его наружу, утвердить себя в собственных своих глазах и в глазах других. Светский человек выносит свое «я» в костюмах (подумайте о щеголе, который, надев на себя цилиндр, воображает, что он на целую голову выше других), богатый — в видных палаццо, в шикарных Rolls-Royce и т. д. Бедный дает о себе знать в том, что ему под силу, т. е. напрягая свою мысль и выжимая из мозга то, что он может. Все, что скорей можно подвести под категорию *tendance a la supériorité*, которая для Adler'a является главной пружиной для всей человеческой деятельности³. Стремление к бессмертию — всего лишь разновидность или продолжение этого основного стремления. Не думаете ли Вы?

Вы удивляетесь тому, что я в таких подробностях сообщаю сведения о Bello Horizonte — для кого это нужно и для чего? Во-первых, Bello Horizonte — городок новый, растет с каждым днем, и то, что характеризовало его пять лет назад, то уже не характерно сегодня. Бразильцы своей страны совершенно не знают, к тому <же> при громадных здешних расстояниях каждый штат, находясь в иных климатических условиях, представляет нечто совершенно *anagenesis*⁴ как в смысле рас, <так и> в смысле условий цивилизаций, воспитания, обучения нравов — чтобы истолковать по-должному всякое психологическое проявление, всякое поведение — нужно ясно дать понять все эти условия: земля, человек, дела. В таком порядке представленные вещи значительно облегчают дальнейшие выкладки, касающиеся истолкования психологических данных, так как извне являются предпосылками для вторых заключений.

Живя в Центральной Европе, мы думаем, что только и существуют люди, говорящие и понимающие французский, немецкий, английский язык. Мы забываем, что существует еще целый громадный мир, например, Южная Амери-

ка, где люди интеллигентные, хотя и знают французский язык в большинстве случаев, но думают и производят на португальском и близком к нему испанском языке...

Сейчас, исследуя умственное развитие здешних детей, получаю интереснейшие данные, сравниваю его с тем, что мы знаем о нем среди европейских и североамериканских детей. Наши тесты, в конечном итоге, не столько исследуют умственную натуральную одаренность, сколько степень той цивилизации, <в> которой развивается и зреет ребенок. Конечно, особо одаренные дети или обиженные судьбой с рождения мыслимы вне среды. Но средний человек — это такое зеркало окружающих условий, что достаточно узнать, что такой ребенок — сын каменщика, сапожника, шофера, монтера, адвоката или инженера, что можно с небольшой ошибкой сказать, что он знает и что он может. Зная условия цивилизации Бразилии, того или иного квартала Bello Horizonte или даже Парижа, уже имеешь верные данные для определения того, что нужно таким или другим детям, в той или иной школе. Это все банально, несомненно, но назначение науки именно заключается в том, чтобы вывести это банальное знание в нескольких простых законах, комбинация которых позволяет провидеть со значительной точностью целый ряд более сложных явлений. — Наскучила? — Вы пишете об Aleijadinho — очень хорошо, что использовали его, только произносится его имя не по-испански, а по-португальски Алейжадиньо⁵.

Настрочила Вам громадное послание — не знаю, справитесь ли с моим почерком.

Всего доброго, *Е. В.*

Ваши фурункулы, наверно бы, вылечил здесь какой-нибудь колдун-негр, знахарь (feiticeiro), своими дьявольскими заклинаниями.

РГАЛИ. Ф. 2227. Оп. 1. Д. 121. Л. 80–82.

¹ *Суберян* (Soubeyran) Маргерит (1894–1980) — основательница французского коллежа «Бовалон», где учился Даниил Антипов-Ирецкий. Ученица Э. Клапареда, у которого в 1927 г. стажировалась в Женеве. Подробнее см.: *Ruchat M. Engagement social et esprit de l'éducation nouvelle (1929–1940): Marguerite Soubeyran, Hélène Antipoff et Edouard Claparède // Histoire de l'éducation nouvelle. Les études sociales. 2007. № 145. P. 7–18.*

² Пустой (*фр.*).

³ Имеется в виду одна из основных категорий индивидуальной психологии австрийского психолога Альфреда Адлера (Adler; 1870–1937) — стремление к превосходству.

⁴ Прогрессирующее, изменяющееся (*греч.*).

⁵ *Алейжадиньо* (Aleijadinho, букв. — маленький калека; прозвище Антонио Франциско Лисбоа, Lisboa; 1730 или 1738 — 1814) — скульптор и архитектор бразильского происхождения. Известен своими проектами церковных зданий в Бразилии.

21 февраля 1930 г., Bello Horizonte

<...> Очень давно Вам не писала. По причинам и без причин. Часто получая Ваши письма, мне именно не хочется отвечать: что-нибудь в них не понравится, заденет, и отложишь письмо подальше, чтобы о нем не думать. Так, в последнем письме было многое, что не соответствовало действительности, обвинения, в частности, в антисемитизме, ни на чем не основанное, — все это не хотелось обсуждать.

Вы не поняли ни моего письма, ни моих опасений на Данин счет. Вы закрываете глаза на то, что, к сожалению, существует не только в Северной Америке, где отношение к расовым различиям возведено до чудовищных размеров, но даже во Франции. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть такой роман (к сожалению, точное название и автора не могу вспомнить, чтоб его Вам указать), как, кажется, <...>¹, который вышел года два тому назад приблизительно и в котором автор, может, с некоторым преувеличением, даже с несомненным, выводит чисто погромное настроение в среде французской молодежи, в жизни лицеистов, обыкновенных французских буржуа. Я ведь в письме моем сообщила «отцу» лишь опасения, скорбь матери, сознавая, что ребенку их предстоит <почувствовать> в жизни, может быть, однажды лишь всего, а может быть, и чаще, в зависимости от того, во что разовьется его личность: в сильную ли независимую, которая все победит, или в среднюю, или слабую, которая больше будет чувствовать малейшие уколы злого общества. В этих вопросах расовых различий у большинства людей есть определенные симпатии и антипатии. У некоторых эти отношения доведены до идиосинкразии, часто ни на чем логическом не основанной, как не основаны большинство наших аффективных отношений. Тем не менее они существуют. Вы, упрекая меня в антисемитизме, говорите, что только к евреям я и чувствую различия. Вы забыли мое отношение к немцам; для меня жить в Германии — страдание, в каждом немце или немке, с которыми мне приходилось встречаться, я чувствую что-то непреодолимо противное. Это чудовищно — узко, нелепо, отвратительно, но ведь это так, я могу побороть это чувство на поверхности, но в глубине оно всегда с детства и поныне существует. Если бы пришлось выбрать для каких-нибудь паспортных соображений, поставить ли Елене Антиповой — еврейка или немка, ни на минуту бы не задумалась поставить первое, потому что лично для меня, для моего отношения слово «еврейка» так же мало имеет аффективного, как англичанка, шведка и т. д. Так как в этом слове «немка» — есть что-то, в глубине меня неприемлемое. Какая-то идиосинкразия. Подобную идиосинкразию чаще именно наблюдать не к немцам (разве что у французов, где немец — слово часто ругательное), а к евреям. Сейчас, например, наблюдается негативное отношение к русскому — прочтите Оссендовского², ведь в каждой его книге, как только он заговорит о русском, так сейчас же вы найдете целый поток самых язвительных эпитетов, чувствуется в них самая глубокая ненависть, неприемлемость как чего-то, что обладает дурным запахом, и от которого

го надо поскорее отвернуться. На днях прочла последнюю книгу французского писателя Oudard «La vie de Pierre le Grand»³ — подобная же идиосинкразия. В этом отношении есть преувеличение, но преувеличение черт, которые действительно, может, существуют в русском народе, в русских. Как Ossendovsk'ого, так и Oudard'a я прочла с душевной болью, удивленная. Но интересно, что до тех пор, пока к русским не было особенного отношения, для меня лично вопрос моей национальности меня мало интересовал, теперь наоборот. Я охотно и громко говорю, что я русская, чтобы не могло быть ни малейшего сомнения на счет моей национальности (здесь меня принимают за швейцарку, за француженку) — неприятно было прочесть в одной здешней газете: «a grande educadora suissa»⁴. Очень жалела, что этот преувеличенно хвалебный эпитет не был связан с русским происхождением. Согласна с Вами, что все эти вопросы, связанные с национальностью или расой, — не высокого полета, можно пройти мимо них и искать тем общечеловеческих, но для большинства людей, и для меня, есть в них что-то притягательное, а в патриотизме что-то аффективно-близкое. И не только культура делит людей, но и раса, несомненно, тоже, и национальность. Воспитанная в западной культуре больше, несомненно, чем в русской, я всегда и везде, кроме как в России, чувствую грань между мной и другими женщинами. Никакая логика не может побороть интуитивное сознание, ни даже отношение русских ко мне как к чему-то чужеземному. Эти мои собственные наблюдения я Вам привожу лишь по поводу Ваших слов: «но еврейская кровь — ... какая чепуха!» Точно чепуха говорить: славянская кровь! Почему если по внешним чертам тела нетрудно отличить славянина от латинянина, от еврея, то невозможно и абсурдно искать их внутренних, психических черт и различий темперамента.

Считаю чистоту крови, когда кровь с обеих сторон здоровая и неистраченная, — залогом более гармоничной личности. Мозаичность моей наследственности — чего только нет! — разве что нет еврейской крови — меня скорее угнетает: что имеет общего болгарский со шведским, французский с немецким и с русским характером: каждый тянет в свою сторону; хотелось бы лучше, чтобы была доминанта, которая укрепила бы определенные черты как телесные, так и душевные. Мой антропологический тип не имеет характера, а я бы не прочь была бы иметь более определенные черты лица и более характерную линию тела. В результате получается некоторая искусственность и в характере, и во внешности, так как, не имея, повторяю, доминант ярко выраженных, приходится намеренно выбирать и создавать себя, по своему усмотрению. <...>

Получила Вашу книгу⁵. Считаю ее несомненно слабее «Наследников»⁶. Кроме сильно напряженной главы с⁷ остальное мутно, бледно, разжижено. Герой Ваш понятен уже с первых страниц, и падение его прогрессивное предчувствуется уже читателем с первых трех-четырех глав. Контрастные типы пламенных и холодных особенно удачны в начале книги — в конце они слабее и менее интересны. Вся динамика книги в начале более отчетлива, поэтому интерес к книге, сильный в начале, слабеет с каждой главой и в конце становится скучно читать. Пошловатость некоторых страниц коробит. Умственная часть интереснее литературной, но для этого не надо было писать целого романа.

Простите мне мою откровенность. Но Вы просите мой отзыв, я его Вам и даю.

За роман я Ваш засела тотчас по получении. Вы знаете мой способ чтения: если книга захватывает, я ее читаю одним махом, если нет — я бросаю. Книга захватила вначале, потом все стало тусклее, и книгу отложила, потом почти с трудом достала, так как ведь надо же было прочесть. Не хотелось даже везти ее своим знакомым Ставровецким, которые сильно лакомы на все, что написано по-русски. Захватила с собой к ним во второй свой приезд: длинные вечера на *fasende*, чай подается поздно, разговоров у нас было много в течение двадцати дней и вечеров — я и решила представить Вас им в один из вечеров и почитать Вашу книгу: первый вечер прошел с громадным подъемом — закончила эпизодом со стариком-купцом. Чтение захватило и меня самую, и моих слушателей, которые, не проронив ни слова, с горящими глазами следили и за мыслями, и за фабулой, и за прекрасным языком. Благодарили меня, хвалили Вас, превозносили. Второй вечер — ожидая продолжения, только и ждали когда настанет возможность послушать. Но тон книги спал, точно вся ее сила ушла на начало и автор пишет нехотя. Реакция слушателей вместо восторженной стала спокойной, но еще выжидающей — «вот подождем, де, а там опять забурлит», но так ничего и не забурлило. Третий вечер тоже ничего особенного не принес. На четвертый день я уехала, оставив им книгу. Думаю, что дочитали ее сами. В будущую субботу еду к ним на Масляную, спрошу их мнение.

Я бы очень Вас попросила прислать им Ваших «Наследников» и «Похитителей огня». Свои оставила у Беляевой на чердаке в моем ящике. Обе они написаны и живее, и талантливее, по-моему, чем эта. Здесь несколько русских, которые жаждут прочесть русскую литературу. Ваши книги им доставят на далекой чужбине, я уверена, большое удовлетворение.

Не сетуйте на меня за мою неприкрытую критику. Знаете, каково мое мнение: если Вы будете продолжать писать в Берлине, Вы вряд ли дадите ход Вашему литературному дарованию, в Вас, вероятно, разовьется «умственная» философствующая часть. Вам нужен контакт с природой, с новым бытом, с чистыми традициями, чтобы снова оживить чисто литературную сторону, способную породить яркие образы и самобытность. Думаю, например, что поживи Вы в Провансе, у Вас, несомненно, что-то встрепенулось бы, и где-то в глубине запрятанные струны Вашего литературного дарования натянулись бы и зазвучали и чище, и определеннее. А то еще и Бразилия тоже не помешала бы Вам — побольше простора, не есть же одни немецкие, берлинские будни!

Разлука с Доней меня донимает не на шутку. Не фигурально, а действительно болит по нему сердце, точно его кто-то сжимает до боли, а это «кто-то»: мысль о Доне, тоска по нему. Если не удастся его повидать в конце этого года разлуки, то я брошу контракт и уеду в Европу. Более разумно было бы следующее: чтобы Доня приехал сюда на время его летних каникул. В школе у меня две недели перерыва от занятий — мы бы могли с ним повидаться и пожить вместе, а потом, если ему будет тоскливо одному, со мной в *Bello Horizonte*, я могла бы устроить его у Ставровецких (где бы он, кстати, учился русскому языку) в имении. Построив расписание своих лекций так, чтобы освободить субботу, я могла бы уже в пятницу вечером ехать к нему и возвращаться в понедельник утром — два часа езды от *Bello Horizonte*. Два с половиной дня в неделю мы были бы вместе. Поездка его в этом году снова

обойдется вдвое меньше, чем если бы он приехал в будущем, как я ему обещала. Потому что до 12 лет проезд на пароходе — полцены. Провел бы он здесь июль, август, сентябрь, а к началу октября, к началу занятий, снова вернулся бы во Францию, чтобы закончить свое начальное образование. Эти три месяца самые приятные, сухие и холодные в Бразилии, и климат ему не сможет повредить. Если не будет знакомых, чтобы провезти его на пароходе, — его можно будет посадить в Villefranche, поручив капитану парохода, того же самого «Julio Cesare». В Рио я приеду его встретить после его 11-дневного плавания. Пишу Вам о своем плане сейчас, чтобы узнать Ваше мнение. Каждое мое приближение обыкновенно вызывает в Вас самый бурный отпор, точно это какая-то чудовищная авантюра. На самом деле, здравый смысл меня не покидает. Не медлите с письмом, пожалуйста.

Получили ли триста марок, которые я просила Вам передать <...>.

РГАЛИ. Ф. 2227. Оп. 1. Д. 121. Л. 67–71.

¹ Расшифровать название романа, написанное очень неразборчиво, не удалось.

² *Оссендовский* (Ossendovski, Ossendowski) Антоний Фердинанд (1878–1945) — химик, писатель, востоковед. С 1902 г. жил в России. Неоднократно арестовывался за революционную деятельность. Редактор журнала «Золото и платина» (1911–1917). Во время Гражданской войны в белом Омске; член Ученого совета Министерства сельского хозяйства правительства адмирала А.В. Колчака. Весной 1921 г. советник барона Р.Ф. Унгерн-Штернберга. Бежал в Китай, затем в Японии и США. С 1922 г. жил в Польше.

³ Роман французского журналиста Жоржа Удара (Oudard; 1889–1971) «Жизнь Петра Великого» впервые издан в Париже в 1929 г. Считался «антирусским сочинением», так как Петр Великий изображен в нем дикарем, психически нездоровым человеком, трусливым и глупым, невежественным, невероятно жестоким и бесчестным. В дальнейшем Ж. Удар впервые опубликовал интимную переписку Екатерины II с Г.А. Потемкиным.

⁴ Великий швейцарский воспитатель (*порт.*).

⁵ Речь идет о романе В.Я. Ирецкого «Холодный уголь», изданном в Берлине в 1930 г.

⁶ Роман вышел в 1928 г. в Берлине.

⁷ Далее пропуск в тексте.

II. ПИСЬМО Е.В. АНТИПОВОЙ Д.В. ИРЕЦКОМУ-АНТИПОВУ¹

29 марта 1931 г., Bello Horizonte

Мой дорогой сын, через два дня, 11 лет назад, ты родился.

Каким счастьем это было бы для твоей матери и твоего отца: я представляла себе, что ты родился в день моей годовщины²; это было бы еще более радостно, чем праздновать два дня рождения вместе. Но ты пришел в этот мир немного позже, через неделю после 25 марта. В Благовещение ты еще не был окончательно готов, тебе надо было остаться еще несколько дней в тепле тела твоей матери. Это удивительное чудо.

Я не знаю почему, но я была абсолютно уверена, что ребенок, который придет в этот мир, будет мальчик. Я так сильно хотела мальчика, что Бог, без сомнения, ус-

лышал мой голос. Ты был такой забавный со своими длинными черными волосами, которые потом ты сменил на светлые. Бедненький мой дорогой, ты много плакал первые недели: твой маленький живот довольно сильно болел, и твоя мама не могла накормить тебя достаточно, с одной стороны, потому, что у нее не было того, чем можно было тебя кормить (голод все еще свирепствовал в России), с другой стороны, потому что она не имела достаточного опыта в таких серьезных, важных вещах и, к сожалению, потому что у нас не прививают в достаточной мере женских навыков: как кормить, как заботиться о новорожденных. Я была совсем одна в то время, и никого, у кого был бы собственный опыт, мало-помалу пришедший, не мог мне помочь. Люди, которые тебя видели, таким маленьким и таким хилым, говорили, не скрываясь от меня, что ты не выживешь.

И только <по> желанию Господа ты вырос и смог отпраздновать в этом году твой десятый день рождения. Господь тебя хранил до сих пор и всегда, Он защищает тебя так же, как защищал до сегодняшнего дня.

Мои ученицы были очень любезны со мной: придя в понедельник в школу, я обнаружила, что всё в цветах: кругом были букеты роз. Затем они предложили мне прекрасный завтрак за столом, тоже украшенным цветами. И наконец, почти в самом конце дня, они пришли из лаборатории с огромной корзиной цветов, которую вручили мне с трогательной речью.

Вернувшись к себе, я нашла книгу на португальском языке, которую несколько учеников подарили мне. Что касается моих коллег, то они организовали для меня очень приятный праздник у одной из них, у доны Амелии, которая пригласила на мой праздник множество человек, в том числе mr Casasante и мистера и мадам Brandao (de Corseix). Были и певцы, и музыка (молодая девушка очаровательно играла и пела под аккомпанемент гитары), и были произнесены стихи, и месье произнес небольшую речь, в общем, действительно, было оказано слишком много чести для одного человека по такому пустячному поводу, которым является 39-й день рождения.

Да, мой малыш, твоя мама становится старше, между тем как ты только и делаешь, что растешь — вот и разница.

В дополнение к этим выражениям уважения со стороны моих учеников и коллег я получила еще два подарка: твое письмо, которое пришло именно в мой день рождения, и ты не сделал это специально, ведь ты не упоминаешь праздник; и письмо от mr Клапареда, который послал его специально по этому случаю и которое пришло как нельзя лучше, в тот же день. С этими двумя письмами я снова почувствовала себя гораздо лучше: ты, мой милый мальчик, и этот славный покровитель, замечательный Клапаред, в отношении которого ты был прав, когда говорил, что мы должны держаться вместе...

РГАЛИ. Ф. 2227. Оп. 1. Д. 121. Л. 1–1 об.

¹ Письмо написано по-французски. Перевод Л.П. Пуховой, которой приносим глубокую благодарность.

² Е.В. Антипова родилась 25 марта (ст. ст.).

ПИСЬМА И.С. ШМЕЛЕВА ДОКТОРУ С.М. СЕРОВУ —
ПРОТОТИПУ ВРАЧА В РОМАНЕ «ИНОСТРАНЕЦ»

Предисловие, составление и подготовка текста

Н.П. Белевцевой

Фонд № 41 Ивана Сергеевича Шмелева архивного собрания Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына состоит из материалов, переданных Н.А. Струве в 1998–2000 гг. Это одно письмо И.С. Шмелева (конец 1926 г.) Б.П. Вышеславцеву как сотруднику издательства «УМСА-Press» и шесть писем писателя (1947–1950) Б.М. Крутикову, одному из руководителей «УМСА-Press», по поводу издания книги «Куликово Поле». К письмам примыкает ее машинопись с рукописной правкой автора и корректура книги (1947–1949).

Самая значительная часть фонда — это письма и открытки И.С. Шмелева доктору Сергею Михеевичу Серову (1884–1960). Их 89, и еще 3 письма Ольги Александровны Шмелевой¹. Шмелев часто пишет всей семье Серовых в целом, т. е. обращается и к жене доктора Маргарите Александровне (1892–1975)², и к их дочери Ирине (1915–1999)³.

Сергей Михеевич Серов в России учился в Военно-медицинской академии, служил врачом лейб-гвардии 1-й артбригады⁴. В эмиграции работал в госпитале Ляонек (Париж). Он был, как вспоминает Ив Жантийом⁵, «терапевтом и отоларингологом. Не имея французского медицинского диплома, как и большинство врачей эмиграции, он мог работать только в клинике под руководством французского врача. Это был человек редкой души, великолепный специалист, глубоко преданный своему делу. Он чрезвычайно ответственно относился к клятве Гиппократова и бесплатно лечил пациентов, у которых не было денег»⁶. У Шмелевых

¹ Письма О.А. Шмелевой приведены в настоящей публикации после подборки писем И.С. Шмелева, в разделе Приложение (письма 1–3).

² В 1942 г. Серов с женой расстался.

³ Художница, в замужестве Мамонтова (1940). См.: И.С. Шмелев и О.А. Бредиус-Субботина: Роман в письмах: В 2 т. М., 2003. Т. 1. С. 152–153, 205, 665.

⁴ См.: Незабываемые могилы: Некрологи. 1917–2001: В 6 т. / Сост. В.Н. Чуваков. М., 1999–2005.

⁵ Жантийом (Gentilhomme) Ивистион Андреевич (р. 1920) — сын Андре-Рене Жантийома и племянницы О.А. Шмелевой Юлии Александровны Кутыриной, крестник и воспитанник И.С. Шмелева. Окончил лицей Бюффона и Сорбонну. Математик и лингвист, доктор наук, заслуженный профессор Безансонского университета. Сохранил французский архив писателя и безвозмездно передал его в Россию (Российский фонд культуры).

⁶ Жантийом И. Шмелев в повседневной жизни / Пер. с фр. Б.В. Егорова // Москва. 2000. № 6. С. 200. Серов вошел в Союз деятелей русского искусства и бесплатно лечил его членов: актеров, певцов, художников (См.: Незабываемые могилы: Некрологи. 1917–2001. Т. 6. С. 534).

же они часто отсутствовали. Иван Сергеевич в письмах называет Серова «дорогим и милым другом», «целителем», «врачом безмедным».

Из писем Серову становится ясной роль доктора в создании медицинской линии романа «Иностранец». Кроме того, возникает, быть может, еще один прототип — «няни из Москвы» — в лице «домочадицы Агаши» — няни в доме Серовых.

Письма охватывают промежуток с 1 декабря 1928 г. по 3 июня 1950 г., и их условно можно разделить на четыре периода.

К *первому периоду* относятся письма за 1928–1933 гг., главным образом из Капбретона, местечка на юго-западе Франции, на берегу Бискайского залива, где с мая по октябрь отдыхали Шмелевы. Письма из Капбретона (ед. хр. 2, 4, 5, 7) содержат не только впечатления от природы этого курортного места и сообщения о состоянии здоровья, но и о творчестве, о выходе из печати сочинений И.С. Шмелева. Писатель сообщает Серову о работе над очерками «Богомолья», над романом «Солдаты», первой частью «Лета Господня» — «Праздники», о подготовке к печати цикла рассказов под названием «Родное». Шмелев извещает, что вышли в свет французский и испанский переводы «Неупиваемой чаши» (1925, 1927), немецкое издание «Про одну старуху» (1933).

В этих письмах проявляется круг общения писателя: семья литературоведа Н.К. Кульмана⁷, поэт К.Д. Бальмонт, «голландки» (среди которых, вероятно, переводчица произведений И.С. Шмелева на голландский язык А.Я. Козлова), руководитель летнего юношеского лагеря в Капбретоне полковник П.Н. Богданович⁸, семья офицера К.С. Попова⁹, потерявшего руку в Первую мировую войну и организовавшего недалеко от Капбретона ферму.

⁷ *Кульманы* — Николай Карлович (1871–1940) и Наталья Ивановна (1877–1958). Н.К. Кульман — филолог, в России профессор Высших (Бестужевских) женских курсов и женского Педагогического института в Петрограде, в эмиграции профессор русской литературы Белградского и Софийского университетов, затем профессор, декан русского отделения Сорбонны, автор статей о творчестве И.С. Шмелева.

⁸ *Богданович* Павел Николаевич (1883–1973) — полковник Генштаба, участник Первой мировой войны (из отряда генерала от кавалерии А.В. Самсонова — командующего армией, потерпевшей поражение в Восточно-прусской операции), попал в плен, из которого бежал в Голландию. Создатель и глава организации Союз русских разведчиков, скаутов (1925). В Капбретоне располагался его летний лагерь, где воспитывались дети эмигрантов. Целью была физическая и нравственная закалка для будущей России. В письме О.А. Бредиус-Субботиной от 14 мая 1942 г. И.С. Шмелев так характеризует П.Н. Богдановича: «...полковник единомыслен со мной. Мой чи-та-тель, очень» (И.С. Шмелев и О.А. Бредиус-Субботина: Роман в письмах. Т. 1. С. 667).

⁹ *Попов* Константин Сергеевич (1893–1962) — капитан. Окончил Тифлисское военное училище. Участник Первой мировой войны в составе Кавказского корпуса. В 1915 г. был тяжело ранен — потерял кисть левой руки. Награжден орденом Св. Георгия и Георгиевским оружием. В июле 1917 г. командовал юнкерским ударным батальоном под командованием генерала Л.Г. Корнилова. С декабря 1918 г. в Добровольческой армии, был ранен. В марте 1920 г. тяжело заболел и был эвакуирован на о. Кипр. В 1921 г. переехал в Белград, а затем переселился во Францию. С 1931 г. — секретарь редакции газеты «Военный инвалид». В дальнейшем жил в Оссегоре, в департаменте Ланды, где занимался фермерским хозяйством. Являлся членом Зарубежного союза русских военных инвалидов и Объединения 13-го Лейб-гренадерского Эриванского полка. Автор книг «Воспоминания кавказского гренадера» (Белград, 1925), «Гг. Офицеры» (Париж, 1929), «Храм славы» (Париж, 1931. Т. 1–2; история Лейб-гвардии Эриванского полка). После Второй мировой войны Попов продал свою ферму и на вырученные деньги издал книгу «Лейб-эриванцы в Великой войне».

Второй период (1934–1935) начинается с открытки-отчета от 1 июня 1934 г. (ед. хр. 9) о медицинском обследовании писателя. У Шмелева была язва двенадцатиперстной кишки. С конца 1933 г. его мучили особенно сильные боли. Врачи настаивали на операции. Но совершилось чудо, как считал Шмелев, по его молитве преп. Серафиму: в мае 1934 г. боли прошли. В своей корреспонденции доктору Серову Шмелев подробно излагает заключение врачей об отсутствии язвы.

Далее следуют письма из Аллемона, курорта во Французских Альпах, где Шмелевы проводят два лета — 1934 и 1935 гг. В письмах, полных восторга от горной природы, — постоянные приглашения приехать. Часто упоминается чета А.И. и К.Д. Деникиных¹⁰, которые и открыли Шмелевым Аллемон (ед. хр. 10, 11).

К третьему периоду (1936–1938) относятся письма Шмелева после смерти его жены Ольги Александровны (в июне 1936 г.), когда он уезжает из Парижа, гостит в Иово-Почаевском монастыре в Карпатской Руси, отдыхает в Швейцарии.

Почтовые открытки с изображением обителя преп. Иова Почаевского в Карпатах¹¹ (1937) содержат рассказы о поездке Шмелева в Латвию и Эстонию и об успешном выступлении в Праге со «Словом о Пушкине» (ед. хр. 12). Колоритны письма с Лазурного берега, из Ментоны с описанием рулетки в Монте-Карло осенью 1937 г. (ед. хр. 13). В письмах из Швейцарии (курорт Хальденштайн) января — апреля 1938 г. прослеживается написание с помощью Серова медицинской темы в романе «Иностранец» (ед. хр. 14).

Четвертый период (1942–1950) относится к военным и послевоенным годам. Из писем военного времени интересно сообщение от 23 апреля 1942 г. Шмелев зовет доктора побывать у него и посмотреть обложку для «Куликова Поля» — эскиз, присланный О.А. Бредиус-Субботиной; в конце письма — шуточное стихотворение. А в записке от 20 апреля 1943 г. — приглашение на чтение «Горячего сердца» А.Н. Островского (ед. хр. 17).

Из послевоенной корреспонденции три открытки из Женевы дают представление о жизни Шмелева в Швейцарии с конца 1947 г. по март 1949 г. В них рассказывается об опеке больного писателя Д.И. Ознобишиным (генерал Императорской гвардии, во время Первой мировой войны — заместитель военного агента России во Франции, коллекционер и очень состоятельный человек), об ожидании визы в Америку, о чтениях «на елке» и о любви читателей (ед. хр. 18).

¹⁰ *Деникины* — Антон Иванович (1872–1947) и Ксения Васильевна (1892–1983). А.И. Деникин, генерал-лейтенант Генштаба, участник Русско-японской и Первой мировой войн, главнокомандующий Добровольческой армией, с 1920 г. в эмиграции: сначала в Англии, затем в Бельгии и с 1926 г. во Франции. Он и его жена — друзья И.С. Шмелева. К.В. Деникина — автор воспоминаний о писателе.

¹¹ *Обитель преподобного Иова Почаевского* (Почаевская лавра), основанная в Западной Украине, в городке Почаев (что на Волыни) с XVI в., по условиям Брестского мирного договора отошла к Польше. Монахи перебрались в Восточную Словакию, в село Ладомирово (по-словацки), или Владимирово (по-русски), на Пряшевской Руси (самый западный уголок в Европе, населенный русскими). В 1923 г. архимандрит (позже — архиепископ) Виталий (Максименко) основал здесь обитель на свободной от Советов территории. Монастырь славился своей типографией. С 1934 г. обитель возглавлял архимандрит Серафим. Во время Второй мировой войны монастырь переехал в Мюнхен. Позднее, около 1948 г. часть братии переехала в США, где был основан Свято-Троицкий монастырь в Джорданвилле.

Последняя записка Шмелева Серову, от 3 июня 1950 г., содержит просьбу зай-ти «выслушать сердце и померить давление» (ед. хр. 18).

Остановимся подробнее на корреспонденции, связанной с написанием рома-на «Иностранец». Шмелев замыслил роман еще в конце 1920-х гг., о чем сооб-щал в письме к И.А. Ильину от 28 марта 1927 г.: «Летом хочу писать-кончать “Ино-странца”. Поймать душу неумирающую даже в человеке, превратившемся в хо-дячую машинку. Тоску об утраченном хочу дать в американце. И боюсь, как всегда, — выйдет ли. Но это уже вроде романа»¹². И только через десять лет И.С. Шмелев берет «Иностранца» в работу. В письме от 5 марта 1938 г. С.М. Серо-ву находим свидетельство о том, что именно Сергей Михеевич является прототи-пом доктора в романе: «...для потомства закрепил Вас в “Иностранце”, с моно-клем-с, не чувствуете? Расписа-ал... будете меня помнить. Так изображу... еще заставлю проповедовать! Будь-п-койны-с, вплоть до вашего — единственного! — “словца”, <...> кот<оторое> слышал — “свинья”. <...> Если бы видели, какая кипа “копий”, черновиков!... Тема и структура очень трудная, теряюсь порой. Никогда в т а к о м тоне не писал»¹³.

Как с врачом Шмелев консультируется с Серовым по поводу медицинского аспекта, содержащегося в его романе. Об этом письмо от 22 марта 1938 г.: «...обра-щ<аюсь> к Вам — эксперту. Мне это нужно для романа, где Вы и будете л е ч и т ь!»¹⁴ И далее Шмелев излагает фабулу.

А 18 апреля, удовлетворенный консультацией Серова, Шмелев благодарит: «Милый С.М. Ваши указания очень пригодились. Я чуть Вас тронул в 1ой кн<и-ге>, а во 2ой уже больше, а там — еще... Я Вас заставлю поговорить, Бог даст. <...> Связал меня нежданный роман. А надо “Пути” — довершать. Но теперь надо сказать кое-что “Иностранцем”. Это — тоже н а ш»¹⁵.

В романе к доктору Серову относятся следующие строки. Главная героиня романа эмигрантка Ирина, певица в кабаре, начинает письмо к своему мужу Вик-тору, который находится в легочном санатории, со слов: «...ему я верю, это хоро-ший диагност и большое сердце. Он сам много выстрадал и не может лгать. Если С. говорит, что ты скоро поправишься, то так и будет»¹⁶.

Когда Ирина настояла на помещении своего мужа в легочный санаторий в Пиренеях, доктор, не находящий у него процесса, а утверждавший, что виной кровохарканья — пуля, оставшаяся в легком, и предостерегавший от аневризмы, что лечится не выше 300 метров, «поморщился и махнул рукой: силой не вта-щишь в рай. Он был превосходный диагност, но еще и философ, и очень религи-озный человек: “все в руке Божией”. Потому и не стал настаивать.

Виктору он сказал:

¹² Ильин И.А. Собр. соч.: Переписка двух Иванов (1927–1950): В 3 т. М., 2000. Т. 1: 1927–1934. С. 24.

¹³ Письмо 59 наст. публ.

¹⁴ Письмо 61 наст. публ.

¹⁵ Письмо 62 наст. публ.

¹⁶ Шмелев И.С. Иностранец // Шмелев И.С. Собр. соч.: В 7 т. М., 2004. Т. 6 (доп.). С. 441.

— Помните твердо, Виктор Сергеевич, что “по вере и дается!” Это вывод и людей большого духовного опыта. Помимо видимого лечения, важно еще другое, невидимое, внутреннее... приятие всем сердцем непреложности и спасительности для нас тех путей, которыми Господь ведет нас. Когда это п р и я т и е всем сердцем, тогда обретете то спокойствие, которое удивительно помогает видимому лечению, до чудес. Все это выражается в одном замечательном стихе, который повторяйте чаще: “Господь мя пасет — и никто же мя лишит”.

Виктор пожал благочестивцу руку: он видал, как философ-доктор выносил раненых под огнем¹⁷.

Таков доктор Сергей Михеевич Серов. Отрывки письма с фабулой вошли в текст «Иностранца», который остался незаконченным.

Письма к Серову не открывают новых существенных фактов в биографии писателя (разве что уточняют некоторые адреса и даты), но, будучи обращенными к доктору, почти домашнему человеку, обладают особым колоритом и содержат много нюансов, которые невозможны даже в самых искренних письмах И.А. Ильину и О.А. Бредиус-Субботиной.

При публикации писем мы старались максимально учесть все особенности эпистолярного стиля автора, порой в ущерб правилам современной орфографии и пунктуации. Без оговорок текст правится в тех случаях, когда автор допускал явные опечатки или пропуски, — это касается прежде всего точек и запятых. В публикации по возможности точно воспроизводятся особенности расположения текста на странице. В тех случаях, когда Шмелев писал с использованием элементов дореформенной орфографии («аго» вместо «ого», «ея» вместо «ее», «з» в конце приставки перед глухой корневой «с»), текст не правится. Все авторские особенности текста (дефисы внутри слов, разрядка, подчеркивания, увеличение размера букв) воспроизведены максимально в соответствии с оригиналом. Буква «ё», помимо авторского употребления, используется только для ликвидации смыслового разночтения.

Каждое письмо снабжено легендой, в которой указано место хранения, способ написания (машинопись, автограф) и, в случае необходимости, краткая информация (место написания и т. п.).

Рукописные вставки в машинописных письмах выделены курсивом. Карандашные вставки в рукописный текст, чужой почерк также отмечаются курсивом (см., например, письмо 54), что специально оговаривается в легенде. Сокращения в тексте раскрываются в угловых скобках; внутритекстовые пояснения даются в квадратных. Общепринятые сокращения не раскрываются.

Публикатор благодарит Н.А. Струве и Е.Ю. Дорман за помощь в разборе неясных слов и иноязычных выражений, а Г.Я. Масловскую — за прояснение медицинских терминов.

¹⁷ Шмелев И.С. Иностранец. С. 455.

1

Севр 1 дек<абря> 1928 г.

Дорогой Сергей Михеевич (en trois)¹

Вот Вам направление к нам: к<а>к поднялись от тр<амвая> № 1 по rue des Fontaines, прошли виадук (на карт<очке>) и по стрелке направо по rue des Rossignols, № 9 постарайтесь засветло, чтобы все видно было. Моя калитка к<ак> р<аз> против железн<ой> дор<оги> <нрзб.>Ю. Привет всем вкупе.

Ваш ИвШмелев

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 1–1 об. Автограф (черные чернила). Почтовая открытка из Севра по адресу: Monsieur S. Siérov 78, rue Michel-Ange Paris, 16e, с видом Севра от виадука на ул. Фонтанов. Карандашные стрелочки показывают дорогу к Шмелевым.

¹ Троиц (фр.), т. е. Шмелев обращается ко всем Серовым.

2

20 XII 29 г.

9. rue des Rossignols,
Sèvres. (S. o.)

Дорогой Сергей Михеевич,

Во имя Господа, во имя бездонных¹ страданий, не откладывайте Св<ятого> дела, Дела. Кому же, как не чутким мирянам, т е п е р ь взяться за исправление того, что натворили, по наущению Дьявола, — иначе нельзя назвать! — соблазненные пастыри и «умные» политики-богословы?² Надо поднять движение, во имя Христа, во имя Креста Господня. Не будем слабы духом. Н а д о. Соберите (я мало знаю людей) духовно мыслящих и страдающих. Поговорим душевно — <нрзб.>), в ком смута. Смотрите: в Лондоне митинг, и нет никого от русских православных. Теперь даже чужие принимаются. Вот куда загнано русское дело — слепцами! Слава Богу, «Возр<ождение>»³ напечатало воззвание Митр. Антония. Это знаменательно! В каком же положении очутился Митр. Евлогий с «Политикой»! Скандал и позор. Надо искать выхода, т е п е р ь к<ак>-раз время!

Сообщите, заставьте себя сообщить. Обдумаем, вырешим, выберем делегацию⁴, уполномоченных и направим для беседы — пока частной, — к Митр. Евлогию. Иначе — быть позорному расколу! Мы в духовной трясине.

Ваш всей душой Ив.Шмелев

Слезы кипят от бессилья. Но это пройдет — надо, надо быть сильными, кто сможет. Поглядите, всем духом втайне на Христа Распятого, на Св. Николу, на преп. Сергия — и спросите... Скажут — к а к? надо. Передается! Конечно, не «по-

литика», не гнилые мостки с СССР и «рабами» — а во имя Христа — за правду! за убиваемых!

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 2. Автограф (черные чернила). Письмо из Севра.

¹ Прочтение слова предположительное.

² Имеется в виду раскол в Русской православной церкви на Западе, который произошел в 1926–1927 гг., когда церковная общественность и клир разделились на два лагеря: первый — сформировавшийся еще в 1921 г. на Карловацком соборе во главе с митр. Антонием (Храповицким), не признал советскую власть и отказался от всякого сотрудничества с нею; второй — во главе с митр. Евлогием (Георгиевским) тяготел к подчинению Московской патриархии и подписал знаменитую декларацию митр. Сергия (Страгородского) о лояльности советской власти в форме отказа от антисоветской деятельности. В августе 1927 г. Западно-Европейская епархия во главе с митр. Евлогием подчинилась Московской патриархии. Но последнюю такую усеченную преданность не устроила, и в 1931 г. епархия митр. Евлогия вошла под омофор Вселенского патриарха в Константинополе.

³ «*Возрождение*» — ежедневная газета под редакцией П.Б. Струве (Париж; 1925–1940). В конце 1929 г. в СССР начался очередной виток борьбы с религией: закрываются церкви, репрессированы духовенство и верующие. В ответ на это западная общественность выступает с протестными и осуждающими акциями. В газете «Возрождение» регулярно появляются сообщения об этом. Митинг в Лондоне состоялся 19 декабря, в Париже — 28 декабря. «Возрождение» часто публикует разнообразные обращения митр. Евлогия. Обращение митр. Антония не обнаружено.

⁴ Слово зачеркнуто.

3

11 I 30

Дорогие друзья.

М. б. соберетесь к нам вкуче завтра 12^{то}, час<a> в 4–5?

С Н<овым> Г<одом>!

Весь Ваш

ИвШмелев

9. rue des Rossignols

Sèvres.

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 3–3 об. Автограф (черные чернила). Почтовая открытка из Севра по адресу: Madam et Monsieur S. Siérov, Dr. 78, rue Michel-Ange Paris, 16^с, с изображением настольного зеркала в стиле Людовика XVI — изделия Севрской мануфактуры¹.

¹ С 1926 г. по декабрь 1933 г. Шмелев с женой живут зимой в Севре — городе, являющемся до сих пор центром производства французского фарфора.

15/28 <июля>¹ 1930

Capbreton

Дорогой друг Сергей Михеевич

Вот-то не ждал — не гадал: пи-сьмо от Вас!! Тем радостнее оно для нас. Обнимаю Вас за сие, — утешили беседой. Болезни — испытанья. За ними — облегчение. Юг даст Маргарите Александровне здоровье, Вам — отдых, Ирочке — ободрение и утешение — победу! Бодрей, Ирочка! — все будет хорошо.

Я — слава Богу — п о к а кишки не тревожат. Разрешаю себе почти все, зел<еный> салат, помидоры с сыр<ым> луком, негорьким, — очень приятно. Пью немного кра<сного> вина с водой. Работаю. Учусь молиться. Облегчение, да, да! Но только еще — учусь, увы! Надо очень упроститься для сего. Прочитал с б<ольшим> интересом «Откров<енные> рассказы странника» изд<ательства> УМСА². Иногда нападает тоска-тревога, принимаю Sedobrol³, но лучше — молиться. Тоскую без церковной службы. А ехать в Биаррице — утомительно, все развеет дорогой «пыль».

Живем тихо, Кульманы⁴ здесь, есть, значит, и добрая беседа. Бальмонт⁵, стихи, дружество. Слава Богу! Глубоко благодарен Вам за В<аши> советы и ободрения. Пропис<анные> Вами 40 вспр<ыскиваний> мышьяка произвели оч<ень> хорошее действие, — получил аппетит и охоту к работе. Пишу «Богомолье» — в 5 очерках⁶. Но хочу продолжать и «Солдаты»⁷.

О<льга> А<лександровна> благодарит за поздравление. Страшно праздновали⁸, пекли пироги и угостили друзей. Когда Вы, М<аргарита> А<лександровна> и Ирочка — именинники? Извольте написать-с.

Вышла в «Les Oeuvres Libres» № 109, июль — «Неуп<иваемая> Чаша», полная, в перев<оде> Mongault⁹. Вышла и испанская, у Calpe¹⁰, Madrid. Выходит итальянская¹¹. Готовлю нов<ую> книгу — «Родное»¹² (не «праздники»¹³, пока)

А о нашем г о р е в о м... что ж? Все — испытается. Только Господь знает сроки. И возьмет Иова — Россию. Антихрист воплотился. Только Божья благодать, при нашем полном очищении, — сила, которая сокрушит. Россия будет! А грязи, лжи, клеветы, горя, крови ... — много ли, мало ли — будет тоже. Но ... «на Тя, Господи уповахом, да не постыдимся во веки!»

Обнимаем и целуем братски всех Вас! Будьте здоровы и благополучны Ваш всей душой Ив. Шмелев.

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 1. Автограф (черные чернила). Письмо из Капбретона.

¹ Датируется по содержанию: в письме говорится о недавних именинах О.А. Шмелевой — 11 (24) июля.

² Откровенные рассказы странника духовному своему отцу / Под ред. и с предисл. Б.П. Вышеславцева. Р.: УМСА-Press, 1930.

³ Успокаивающее средство.

⁴ См. примеч. 7 к предисл.

⁵ *Бальмонт* Константин Дмитриевич (1867–1942) — поэт, переводчик, эссеист. В эмиграции с 1920 г., жил в Париже и его окрестностях, иногда — в Капбретоне (в 1926–1928 и 1930–1932 гг.).

⁶ В итоге «Богомолье» составили 12 очерков. Работа над ним шла с июня 1930 г. по декабрь 1931 г. в Париже и Капбретоне.

⁷ Роман, над которым Шмелев работал в 1924–1933 гг.; не завершен.

⁸ Имеются в виду именины О.А. Шмелевой.

⁹ *Монго* (Mongault) Анри (1888–1941) — французский славист, переводчик. В газете «Europe» (№ 19 за 15 июля 1924 г.) появился его перевод рассказа «Чужая кровь» («Sang étranger»), а в «La Vie des Peuples» (№ 68 за декабрь 1925 г.) сокращенный перевод повести «Неупиваемая чаша» («L'inepuisable coupe»). Монго перевел также «Человека из ресторана» (Garçon!.. P.: Gallimard NRF, 1925), «Солнце мертвых» (Les soleils des morts // Le Mercure de France. 1923. 15 septembre. № 606). В письме О.А. Бредиус-Субботиной от 23 сентября 1946 г. И.С. Шмелев писал: «Перевод Монго (“Неупиваемой чаши”. — Н.Б.), многие мне говорили... — плоск, сер, совершенно не соответствует нежности и внешнего, словесного, и внутреннего — нежно-душевного, — рисунка поэмы» (РГАЛИ. Ф. 1198. Оп. 3. Ед. хр. 44. Л. 52–53).

Монго перевел на французский язык «Мертвые души» Н.В. Гоголя (1925), «Записки охотника» И.С. Тургенева (1929), «Анну Каренину» (1935) и «Войну и мир» Л.Н. Толстого (1945).

¹⁰ El Caliz inagotable. Novela / Trad. del Ruso por Tatiana Enco de-Valero. Madrid: Espasa-Calpe, 1927.

¹¹ Calice inconsumabile. Romanzo / Trad. Autorizzato di E. Grigorovich. Milano: Casa Editrice Bietti, 1932.

¹² Опубликовано в 1931 г. в Белграде.

¹³ Имеется в виду первая часть «Лета Господня» «Праздники», очерки которых писались с декабря 1927-го по декабрь 1931 г., печатались в газетах: «Возрождение» (1928–1929), «Руль» (1929), «Россия и славянство» (1930). Отдельное издание вышло в 1933 г. в Белграде.

5

27 авг. 1930 г.

Cambreton s/m

9 сент. (Landes)

Дорогой Сергей Михеевич

Опять удивили и обрадовали письмецом: очевидно, «D i m o r e p i s t o l a r i s»¹ излечим, — сделайте о сем доклад во Франц<узской> Академии! Юг благотворно действует на Вас. Продолжайте лечение и, для практики в оном, купите² сотню анвелопов³ (медич<инский> термин!) и 100 feuilles Vélin Surfin Azur⁴, comme за⁵. И принимайте par jour⁶: matin⁷ — 2 feuilles et 2 enveloppes, au soir⁸ — 4 feuilles et 3–4 env<elophe> Supplément: Encre ideal Watermann (noir!)⁹ + quelques timbres a 50 с. ou a 1-50¹⁰. Рекомендую еще (как сильно действующее!) натирать голову avec de l'encre ideal¹¹ (удивительно помогает!) и даже внутрь по столовой ложке. Уви-дите!

Как успокоительное — избегать разговоров о политике, как укрепляющее — читать «Письма русского путешественника» — Карамзина¹², «Письма к ближним», Меньшикова¹³ и — «Само<нрзб.> Письмовник» — сочинение> Михеича. Более частое общение с писателями (типа покойного Боборыкина¹⁴), остерегаться простуды (Krekuba), инфекции (З. Г-с!); гимнастические упражнения (Мер-кий!)¹⁵, усиленное питание (укрепляющий бульон по системе «Последние новости»¹⁶ и «Возрождение») вперемежку с постом («Россия и Славянство»¹⁷). На ночь — клизмы из теплого настоя на «Общем Деле»¹⁸. Через два дня в 3-ий — рвотное из «помоев эм<игра>ции». К концу месяца будете совершенно здоровы и запишете, как пишущая машинка. Конечно — «прогулки по воздуху», как советовал мне когда-то изв<вестный> покойный профессор Абрам Кацельбаум, он же — Кацельбаум, он же — Капчетич.

Dr. Медицины Jean Chmelov.
9/IX 30.

А за сим: поцелуйте от нас Маргариту Александровну и дочку Ирочку. Смотрите побольше на молодежь, ничему не удивляйтесь, купайтесь, питайтесь, улыбайтесь, даже восторгайтесь, в весе прибавляйтесь, на песке валяйтесь и проч.

А мы живем помаленьку — и всего у нас тоже помаленьку. Но не ропщем. На все Господня воля.

Будьте здоровы и эпистолярны.

Все Вас целуем, а я и обнимаю.

Ваш незгибаемо

Ив Шмелев.

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 2. Автограф (черные чернила). Письмо из Капбретона.

¹ Промедление в переписке (лат.).

² В форме шуточного рецепта на смеси латинских и французских слов Шмелев советует Серову, как излечиться от нелюбви к писанию писем.

³ От фр. *enveloppe* — конверт.

⁴ 100 листов мелованной цвета лазури бумаги высшего сорта (фр.).

⁵ Так (фр.).

⁶ Ежедневно (фр.).

⁷ Утром (фр.).

⁸ Вечером (фр.).

⁹ Дополнение: идеальные чернила Watermann (черные!) (фр.).

¹⁰ Несколько марок по 50 сантимов или по 1-50. (фр.).

¹¹ Идеальными чернилами (фр.).

¹² Карамзин Николай Михайлович (1766–1826) — русский писатель, поэт, журналист, историк. Результатом его путешествий по Европе в 1791–1792 гг. явились «Письма русского путешественника».

¹³ Меньшиков Михаил Осипович (1859–1917), с 1901 по 1917 г. — ведущий публицист газеты «Новое время» под редакцией А.С. Суворина. Обращался к широкому кругу об-

щественно-политических и социальных вопросов. Он вел в газете рубрику «Письма к ближним», публикуя еженедельно по две-три статьи. Меньшиков комплектовал затем свои статьи и фельетоны из рубрики «Письма к ближним» и выпускал их отдельными ежемесячными журнально-дневниковыми книжками. Его общественно-политическим идеалом, который окончательно сложился в начале 1890-х гг., был такой: крепкая власть с парламентским представительством и определенными конституционными свободами, способная защищать традиционные ценности России. Характерно для Меньшикова высказывание: «Империя, как живое тело — не мир, а постоянная и неукротимая борьба за жизнь, причем победа дается сильным, а не слюнтявым. Русская империя есть живое царствование русского племени, постоянное одоление нерусских элементов, постоянное и непрерывное подчинение себе национальностей, враждебных нам. Мало победить врага — нужно довести победу до конца, до полного исчезновения опасности, до претворения нерусских элементов в русские. На тех окраинах, где это считается недостижимым, лучше совсем отказаться от враждебных “членов семьи”, лучше разграничиться с ними начисто» (Письма к ближним. СПб., 1911). В сентябре 1918 г. арестован и расстрелян большевиками.

¹⁴ *Боборыкин* Петр Дмитриевич (1836–1922) — известный беллетрист (ввел термин «интеллигенция»).

¹⁵ Здесь речь идет о *Гиппиус* Зинаиде Николаевне (1869–1945), поэтессе, писательнице, критике; и *Мережковском* Дмитрие Сергеевиче (1866–1941), писателе, муже З.Н. Гиппиус; в эмиграции с 1920 г. Со Шмелевым Гиппиус и Мережковский находились в сложных, порой неприязненных отношениях, обусловленных разногласиями по многим, в том числе и литературным вопросам.

¹⁶ «*Последние новости*» — ежедневная газета (Париж; 1920–1940). С 1 марта 1921 г. главный редактор П.Н. Милюков.

¹⁷ «*Россия и славянство*» — еженедельная газета при ближайшем участии П.Б. Струве. Редактор К.И. Зайцев (Париж; 1928–1934).

¹⁸ «*Общее дело*» — газета под редакцией В.Л. Бурцева. (Париж; 1918–1922; 1928–1934). С 1928 г. выходила 1–5 раз в год.

6

25 XII 30.

7 I 31.

Sevres

«Возсия миру Свет Разума».

Дорогие друзья,

Сергей Михеевич, Маргарита Александровна.

С праздником Христова Рождества, с Н<овым> Г<одом>. Желаем здоровья, счастья — Божией благодати!

Будем рады, если навестите. Живем помаленьку. Я, как обычно, кисну, прихварываю.

Будьте же здоровы и не забывайте

Ваших Шмелевых.

P.S. Если свершится чудо и Вы, С<ергей> М<ихеевич> возьмете перо, — пожал<уйста> сообщите адр<ес> проф<ессора> В.Н. Сиротинина¹ в Ницце. Я его не поздравил с 50 л<етием> докторства. Момо!²

Ваш Ив. Ш-в.

[По диагонали текста:] Ирочке — счастья и — хорошеть всячески.

И.Ш.

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 1. Автограф (черные чернила), с почтовой маркой и штемпелями. Письмо из Севра по адресу: Monsieur S. Siérov — Docteur Med. 78, rue Michel-Ange Paris, 16e.

¹ *Сиротинин* Василий Николаевич (18561–934) — врач-терапевт, с 1894 г. — профессор Петербургской военно-медицинской академии, по внутренним болезням. В эмиграции — профессор медицинского факультета Загребского университета. С 1924 г. жил в Париже. За научные заслуги был награжден орденом Почетного легиона.

² Вероятно, от фр. *môme* — малыш.

7

11 апреля 1931 г.¹
Sèvres

Христос Воскресе! — дорогие, милые, добрые наши, — Маргарита Александровна, Сергей Михеевич (да хранит Вас Целитель-Пантелиимон!) и Ирочка! Да воспоем совокупно — «Пасха Господня, Па-а-а-сха-а...!» И да оживут в Вас родные воспоминания Светлаго Дня!

Будьте здоровы и радостны. М. б. весенние дни потянут Вас навесить нас в зеленых садах? Будем счастливы.

Крепко и благодарственно Ваши

За / Ольгу Ал<ександровну> и за себя лично

Весь Ваш Ив. Шмелев

Вы вот пасху да куличики... а я все — фосфор и <нрзб.> дням кашю!..²

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 2. Автограф (черные чернила). Письмо из Севра.

¹ Письмо написано в Великую субботу.

² Имеется в виду «кашу»: у Шмелева — весеннее обострение его желудочно-кишечной болезни.

8

Привет сердечный, добрый друг, Сергей Михеевич Вам, (о, врач безмедный!) Маргарите Александровне и общей любимице (и Вашей, да и нашей — Ирочке!) — из лесов и от песков и от вод Капбретонских! Будьте здоровы, дорогие. Живем в тишине, соловьи напевают, кукушка отсчитывает время... Сколько здесь золота на плесах! — ајопс?¹ — Но [Продолжение текста на следующей открытке.]

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 1–1 об. Автограф (черные чернила). Почтовая открытка из Капбретона с изображением пирса в Капбретоне при заходе солнца.

¹ Утесник — кустарник, цветущий желтыми цветами; распространен в Бретани, стал ее эмблемой.

9

я-то больше полеживаю (в сбруе-бандаже) и слушаю... тишину. О-чень устал. Но болей нет — и то слава Богу. Самочувствие лучше. Исполняю все Ваши предписания, ем овес и скоро, д<олжно> б<ыть>, начну ржать. — И зачем Вас несет на й-ю г г ъ?! Вглядитесь в сии открытки — гуляй где хочешь! А не верите мне — справьтесь у Кульманов.

[Продолжение текста на следующей открытке.]

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 2–2 об. Автограф (черные чернила). Почтовая открытка из Капбретона с видом на дикий пляж с соснами вблизи Оссегора.

10

Здесь много — от родного. Пески, сосны, виды озер. И нет истомляющей жары. Впрочем, заманишь Вас, а Вы браниться потом приметесь, а я знаю Вас: го-рячий Вы! Нет, Господь с Вами, езжайте в Ниццу, жарьтесь. Да и русских там больше. Целуем Вас всех трех.

Прибыл Поэт¹ из Парижа.

Ваши Ольга и Ив. Шмелевы.

15 V 1931 — Cambreton s/m (Landes)

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 3. Автограф (черные чернила). Почтовая открытка из Капбретона с видом на озеро Оссегор.

¹ К.Д. Бальмонт.

13 авг. 31 г.
 Villa «Riant-Séjour»
 Capbreton
 (Landes)

Дорогая Маргарита Александровна,

Ваше письмо было получено вчера 12²⁰ в 11-ть ч. у<тра>, Ольга А<лександ-
 ровна> пустилась в поиски помещения, даны были поручения знатокам, к вечеру
 подвели итоги, и вот, п<ись>мо покатит к Вам сегодня в 5 ч. веч<ера> — скорей
 нельзя было никак. Итоги: август — сезон, и, к<a>к выраж<аются> французы —
 ба сон плэн!¹ Но..! Есть — пока — возле нас хорошая комната — 15 фр. в день,
 но... без пансиона! И это ничего не значит: условитесь с толстухой-хозяйкой —
 сырки делает! — насчет утреннего кофэ, а кушать можете ходить в сытную хар-
 чевню, кафэ, ресторан и проч., по 10 фр. с персоны обед, но сытный — будете
 набирать по два кило в день! — а на ужин можете питаться ветчиной, чаем, бу-
 денбротами, ракушками, воздухом и ... созерцанием звезд. Можно к ужину рыб-
 ки подловить, а то порой проф. Кульман оделяет знакомых. Живы будете. С 1 сент.
 будет свободней, и тогда снимете в и л л у — две комнаты и кухня, ближе к океану
 за 6 сот фр<анков> пар-жур-муа², можете хоть сами готовить, хоть кэйфовать в
 таверне или ресторане. Страшного нет, устройтесь. Еще: есть неподалеку от океа-
 на отель — комната для двоих с панс<ионом> без вина — потерпите уж! — за
 тридцать пять франк<ов> с души. Цены в авг<усте> высоки, вообще, но мы
 изыскиваем «для эмигрантов». О красотах не распространяюсь — увидите сами.
 На океан можно пешком — 18–20 мин., бегом — 12, на автобусе за 50 с<анти-
 мов> — 4 мин. Прогулки, купанья, теннис — в Ос<с>егоре, 2 к<и>л<о>м<етра>,
 гольф, лодки, рыбн<ая> ловля, охота... — как писали бывало в объявлениях о
 дачах.

План отъезда: берете на КЭ д’Орсэ³ билеты до Капбретона. Спрашиваете алэ-
 рег. пур бэн дэ мэр⁴, тогда скидка и на 33 дня билет, можно продолжить, и стоит
 на одно лицо — Ирочке че-твeрть билета! — 240–250 фр. взад-вперед. Поезд —
 ррррапид, отходит в 9 вечера с чем-то... [надписано: 21 ч. 38 м.] справьтесь точ-
 но, это поезд только сезонный, — мы, майские, ехали с десятичасовым и тащи-
 лись 13 часов, а сей поезд мчится как молния — с 3 кл<ассом>! — и Вы приезжа-
 ете на ст<анцию> Лябэн в 9 ч. 37 <минут> утра. Если за день возьмете, можно
 взять пляс резервэ⁵, за 2–3 фр.

Доктора можно спрятать в чемодан — и тогда совсем недорого. Мemento!!!!
 Навостривайте уши, когда проедете Дакс [надписано: (9 ч. 02 м. утра)], где лечат
 от ревмат<изма>. Поезд без пересадки! Прямой; после Дакса будет остановка в
 С-Винсен дэ Тирос [надписано: а м. б. и здесь не останав<ливается>?], и следую-
 щая — Дабэнн! [надписано: (останавл<ивается>!) 9-37! (мож<ет> и опозд<ать>,
 но автобусы всегда — за 1½ франка, каж<ется>] Слезаете и благодарите Господа,
 отправляетесь сейчас же через помещ<ение> станции к автобусу на Капбретон,

и... в 10 ч. с мин. Вас примчат на площадь Мэрии, где... — если предварите, — Вас встретят тушем, овацями, фиверками, или — просто, дружескими рукопожатиями — друзья. О<льга> А<лександрована> выйдет всенепременно, и Вы с Ирочкой — с доктором все еще в чемодане! — направляетесь на виллу «Риан-Сэжур», утопающую в зелени, окруж<енную> лесами и проч. Будет предложен скромный завтрак, — без вина! — чай, и Вы поместитесь в моем роскошном кабинете наверху, за неимением апартаментов, где большая постель, балкон, картины кисти Рембрандта и Да-Винчи, книги, зеркала, умывальник, и проч. Пока оглядитесь и сами решите, что взять. В тот же день, уверен, найдете. Или на другой день. Меня никак не можете стеснить, ибо я работаю и внизу, в столовой, — а трапезуем мы в кувне. Ивик уехал с отцом — взял его на каникулы Змей Горыныч — «папа», обещал вернуть из Роаян в субботу. Так Вам Ивмк⁶ все бы показал. О<льга> А<лександровна> все покажет. Немедленно известите, когда встретить, лучше дайте депешу, к о г д а приезжаете. [надписано: *Лучше самим найти, а не заглаза, что и сделаете.*] На случай скажу: к нам — за Мэрией мостик через канал, пройдете его, т.е. по мосту и сейчас же за дачкой налево улочка налево идет, прямо по ней, и в конце ея — от мэрии 3 минуты! — на правой стороне — Риан Сэжур. Спрашивайте — где живет писатель рус Шмелефф. Это на случай, если не дадите знать, и не встретитесь с О<льгой> А<лександровной>.

Значит — алэ занфан!⁷ С Богом. Погода великолепная, смоло-оой... Леса дремучие, каких давно Вы не видали. Доктор будет плевать на Ниццы и проч. Дóктора забирайте — и никаких. Болезнь его — письмофобия, увы, прогрессирует. Лечение: с 20 авг. каждый день писать по 36 писем! — пока не войдет в привычку. Будьте здоровы, поздравляем с квартирой, желаем решительности и доброго пути.

Целую Вам ручку, доктора лобызаю, Ирочке — реверанс. Жена целует всех по очереди. Доктора вынимаем из чемодана, выкупаем А канале⁸ (не А канаве!), напротив и высушим.

Ваши Ольга и Ив. Шмелевы.

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 4–4 об. Авторизованная машинопись; черные чернила. Письмо из Капбретона.

¹ От фр. *bas sont plein* — все занято.

² От фр. *par jour mois* — на месяц.

³ КЭ д'Орсэ (Ке-д'Орсе; фр. *Quai d'Orsay*) — набережная р. Сена в Париже, где находился одноименный вокзал (направления на Орлеан), закрытый в 1939 г.

⁴ От фр. *allé et retour pour bain de mer* — туда и обратно до побережья.

⁵ От фр. *place réservée* — зарезервированное место.

⁶ Опечатка; правильно — Ивик; Ив Жантийом.

⁷ От фр. *allez enfin* — езджайте, наконец.

⁸ Имеется в виду — «в канале». Шмелев употребляет французский предлог «А» («а»).

21 IX

4 октября 1931 г.

Сарбретон

Здравствуйтесь, дорогой Сергей Михеевич, неисправимый парижанин! Имею честь сообщить, что Ваши милые полу-капбретоники — полупарижанки отбывают в Ваши объятия в понедельник, 5-го сего октября, в 7 ч. веч<ера> по астрономич<ескому> времени. Чистаго веса — с надбавкой против прежнего, + тара (соленые рыжики). Имею что добавить к сему: вели себя прекрасно и за что получили от О<льги> А<лександровны> титул — «милые стрекозки». Порхали на солнышке и всегда парочкой, что вызывало искренние слезы радости у самых даже суровых сарбретоньерс. Проявили великое искусство в деле заклинаний дождя (40 плешивых, Вы — в том числе!) и установили вот уже 3 недели погоду — *très superbe!*¹ Как подобает по глубокочтимому Сильвестру-монаху (см. Домострой)² в свободное от гулянья время занимались рукоделиями и изучением наук (любомыслия, сиречь философии и душепознания, сиречь психологии), за что, полагаю, будут вознаграждены и здесь, на земле хвалою людской, и т а м, в обителях, записаны на скрижали примернейших. Заметим, впрочем, развитие страстей — грибной и ежевичной. Но сие — по младенчеству и простосердию. И не вменено будет. А вообще — достойны билых хотений³, в коих неизменно пребывали. Вы же, жестоковыйный, так и не удостоили Ландскую землю посещением. А здесь — народ добрый и трудовой, не парижене-с, в доказательство чего шлю Вам портрет старца Капбрет<онских> лесов, с соответствующим удостоверением. Да, здесь люди не чорту кочерга, а — Богу свечка, ибо строго блюдут Его заветы.

Я же, грешный, много болею, и нервами, и кишками, но все же прибавил вес, благодаря заботам О.А. и овсянке. А из лекарств примаю только глинку, «*la saolinase*»⁴. А было очень плохо. Написал за лето всего 4 очерка из Богомолья, (4^н м. б. прочтете скоро, если газета⁵ уплатит мне долг и будет жить). А жить трудно, если не сказать хуже. Но ... все в руце Божией.

Целую Вас, дорогой, и дай Вам Господь споспешествовать в трудах Ваших и доброго здоровья.

Привет от нас обоих.

Ваш Ив.Шмелев.

Поклон от нас Вашей домочадице Агаше⁶. Наслышаны об ней, примерный она русский человек и держит всех в строгости и добронравии. Сему — свидетелями были. Я бы ее, будь министр просвещения, назначил начальницей пансиона для благородных девиц и дам. Да-с.

С подлин<ным> верно И.Ш.

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 5–5 об. Автограф (черные чернила). Письмо из Капбретона.

¹ Великолепная (*фр.*).

² *Сильвестр* — священник кремлевского Благовещенского собора, политический и литературный деятель XVI в. Предположительно считается автором (точнее, видимо, составителем и редактором) одного из известнейших древнерусских памятников — «Домостроя», повествующего об идеале духовной, социальной и семейной жизни в нравственном их аспекте («духовного, мирского и домовного строения»).

³ Так в тексте.

⁴ Лекарство на основе каолина — белой глины, принимаемое при расстройстве кишечника.

⁵ Речь идею о газете «Россия и славянство». Очерки «Богомолье» печатались в этой газете в 1930–1931 гг.

⁶ Вероятно, няня в доме Серовых. Возможно, прообразом «няни из Москвы» была не только няня в доме Карповых, москвичей, у которых Шмелевы снимали часть квартиры в Севре в 1926–1928 гг., но и эта Агаша.

13

Пояснение:

В темном лесе — мужичек,

На руках овечка.

И не знает, простачок,

Что он — Богу свечка!

И.Ш.

Могу познакомить — приезжайте.

4 окт. 1931 г. Carbreton. Ив. Шмелев.

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 6–6 об. Автограф (черные чернила). Почтовая открытка (приложение к предыдущему письму): «Dans les landes de Gascogne. Berger et son petit Agneau préféré» («В землях Гаскони. Пастух со своим любимым маленьким Агнцем»); в лесу снят пастух с ягненком на руках.

14

1 ноября <1931>¹, в дороге.

Дорогие друзья,

Не ведаем про башо². Предполагаю, что удалось. Рыжики мне шептали — в «банке»! Вы подзабыли, грех: ведь только потому и удалось (если удалось), что ... рыжики и наши молитвы-с, да-с. Грех-с. С В<ашим> отъездом рыжики пропали

(держали экзамен), с 24 опять пошли, погоде «Слава». Извольте написать! И не стыдиться, если...? Дождя было всего два. Солнце-е-е!... Но были морозы, и рыжики, было, увяли. Но нынче (вчера) собрали за 1 час 120.

Фитиса зда-а-а-рова! Плохие вести о бедном Courvoisie, не туберкулез ли? Не уведомили меня об экзамене, а я хотел большое письмо писать. Теперь уж О.А. насела — пиши. Пишу, на отлете³.

Привет доктору и «стрекозкам».

Ваш неведомый друг.

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 7–7 об. Автограф (черные чернила). Почтовая открытка из Капбретона по адресу: Madam, Mlle et Monsieur Siéroff 7, rue Marcel-Renault Paris, 17e.

¹ Датируется по штемпелю.

² От фр. *bachot* (*разг.*) — экзамен на степень бакалавра; экзамен сдавала Ирина Сергеевна Шмелева.

³ Чтение слова предположительное.

15

30IV 32

Христос Воскресе!

Обнимаем.

Ольга-Иван

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 1–1 об. Автограф (черные чернила). Почтовая открытка из Капбретона: «Hossegor. Le Lac et la Forêt» («Осsegор. Озеро и лес»), адресованная в Париж: Madam, Mlle et Monsieur Siéroff 7, rue Marcel-Renault Paris, 17e.

16

2 июня — 20 мая 1932 г.

Ланды

Дорогая Маргарита Александровна,

Только боли мои вынуждают меня беспокоить Вас еще раз. Средство, указанное — и даже подаренное! — целителем нашим — Сергеем Михеевичем, очень мне помогало, и только спешка и усталость при переезде помешали мне захватить с собой лекарство. Я позволил себе 25 мая перевести на Ваше имя *капитал* в 15 фр. и просить Вас сказать в аптеку — по телеф<ону>, дать мой адрес и распорядиться-попросить аптеку выслать мне один флакон «Роб-Нерваль». Я

бы сам давно это сделал, да не помню ни названия аптеки, ни точного адреса, а пустой флакон оставлен в Париже. Три недели бились мы со сдешним аптекарем, он очень милый, но и при милости своей не мог добиться на Байонск<ом> складе: очев<идно>, складу неизвестен этот «Роб-Нерваль». Проканителит нас аптекарь, и тогда я уже прибегнул к крайнему средству — побезпокоить Вас. М. б. Вам затруднительно, м. б. и нездоровы Вы, — так прошу только хоть точный адрес аптеки напишите и я немедленно закажу, чтобы мне выслали. Эти посл<едние> дни я страшно мучился невралгией желудка, не мог спать, а уж о работе и говорить нечего. Правда, бури и дожди все, и кругом много болеет теми же неврозами. А средство, Серг<ей> Мих<еевич>, — для меня очень действительно. Заранее — хи-трый я! — благодарю Вас за хотя бы частичное выполнение просьбы! Только адрес дайте, черкните, Ирочку попросите черкнуть, я сам ее прошу, — только не забудьте страждущаго. Привет Вам всем от нас, одиноких, и забытых.

Ваши Ольга-Иван лесные

А «Милана» убило автомобилем булочника, не говорите только Нат<алье> Ив<ановне>¹. А то она опечалится и не придет.

[Вертикально на правом поле:] *Лишь бы мне поскорей выслала аптеку, я сам напишу, только — адрес!»*

[На обороте листа по диагонали:] *Это п<ись>мо вынудила написать О.А., а мне было совестно.*

Если не ответите, буду считать, что мы за что-то впали в немилость!

Господь с Вами

За что же?!!

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 2–2 об. Авторизованная машинопись; черные чернила. Письмо из Капбрегтона.

¹ Н.И. Кульман.

Дорогая Маргарита Александровна,

О.А. и аз грешный — благодарим за привет и ласку. Да, не лето, а — душ, вот какая была погодища. Правда, были недели и жаркия, и сверкающия, как плешь тайного советника в балете, если наблюдать с галерки. Ольгин день¹ выдался отменный, соответственно с пирогами, — как же без пирогов! Сегодня — улыбка печальной девы, — вот-вот заплачет те-ы-плыми слезами. Но и на «ливьерах»²

неутешительно — холода и дожди, судя по письму от Буниной³: гуляют, укрываясь. Очевидно, и в атмосфере без «фон-папена»⁴ не обойтись: ботвинья какая-то, а не «растворение водУхов». Но мы загорели, сидя на солнышке, Ив скачет, лая впопыхах, дачевладельцы страдают бессонницей, и всячески угрызаются. Но, будто, не «спускают». Фита предлагает комнату с кухней над гаражем за 14 фр., а в даче, при услов<ии> 4-х едоков — по 30 фр. полный панс<ион>. Но вот что велит писать, — а я подписываюсь, — О.А.: Приезжайте загодя, а не к холодам, к<а>к в пр<ошлом> году. Остановитесь на «Веселом Житии» и выберете, что понравится. Дач всяких много, ибо кры-зис. Не терряйте врремя дарром! Тащите С.М. за хохолок — в лесной уголок. Пользуйтесь оккасьоном⁵ — достаньте льготные билеты, хоть до Борды — туда-обратно. Займете дачонку — их много около дюн — будете варить крабов, улиток, — мно-го! — есть вереск, травки, рыжики, ежевику, пить воздух, жарить на солнышке, и будет дешево. В Париже больше истратите на метру и на «оболтусы». Уже прибыли голландки⁶, скауты с П.Н.⁷, Кульманы пока в Ройя, придут через месяц. М-м Фита даже прослезилась! — но — «не верь слезам, несчастный эмигрант»!

От дождей не только Ирочка пожелтела: у меня огурцы и те пожелтели, хоть и не парижане. Жительствуем помаленьку, побаливаем, посвистывает в кармане. Не «тормошитесь», не топчитесь в оторопи, как детишки, а мужественно, как фон-Папен, решайте. Помните: каждый день уносит с собой нечто, а тут каждый день будет Вам приносить по пуду озона с Океана! И — да-ром-с. Имейте в виду.

А засим — поцелуйте врача безмеднаго, привет сердечный Вам с Ирочкой от меня, а от О.А. — объятия и поцелуи. Агаше — поклон.

Посылаю Вам 15 фр. и очень прошу заказать для меня бромюр-то тот, [надпечатано: «роб-нерваль»] «Стеллы». Может быть, сами и прихватите? Нервы мои плохи, бромюры необходимы, — порой полное отвращение от писания, а живет-ся скудно, и надо «тянуть лямку», пока не ляжешь в ямку.

Хмурится, можно писать стихи: «Наплывала тучка пуховая, дождичком обильно обдавая... Утром вслед за ней влывет другая, и вспомнешь “день веселый мая”... Но... клочок лазури замечая, улыбнешься за стаканом чая: бор, главой зеленою качая, отражается в стакане чая... пьешь его, тоски не замечая, хоть от жизни радости не чая...»

На огороде растут 3 с половиной огурца — «насмешка горькая обманутаго сына над промотавшимся отцом!» — *как любят выразиться газетчики.*

Ваш всемерно Ив. Шмелев

Особый — жаркий — поцелуй

милому другу — доктору!

А Вы с Ирочкой не ревнуйте:

и Вам — украдкой — поцелуи «в уме».

И.Ш.

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 3–3 об. Авторизованная машинопись; черные чернила. Письмо из Капбретона.

¹ См. примеч. 8 к письму 4.

² Имеется в виду Ривьера. Доктор Серов любил отдыхать в Ницце.

³ Бунина Вера Николаевна (1881–1961) — жена И.А. Бунина.

⁴ Ироническая ассоциация с деятельностью Франца фон Папена (von Papen; 1879–1969), немецкого политика и дипломата. В июле–ноябре 1932 г. возглавлял правительство, способствовавшее усилению позиций нацистов в Германии. Принимал активное участие в установлении в январе 1933 г. нацистской диктатуры и вошел в первый кабинет Гитлера в качестве вице-канцлера.

⁵ От фр. *occasion* — случай, оказия.

⁶ Под голландками подразумеваются, вероятно, переводчица Шмелева на голландский язык Анна Яковлевна Козлова, которая приезжала, возможно, с голландской писательницей Клеменс Бауэр (Bauer). В переводе А.Я. Козловой вышел сборник «Про одну старуху» (*Een oud vrouwt / Transl. Anna Kosloff; benevens voorv. Dr. N. Van Wijk. Amsterdam: De Spiegel, 1926*), который включал, кроме обозначенной в названии повести, еще и «На пеньках», а также «Неупиваемая чаша» (*De nooit geledigde beker / Transl. Anna Kosloff. Amsterdam: De Spiegel, 1927*). К. Бауэр переводила «Лето Господне».

Шмелев состоял в дружественной переписке с крупным голландским славистом Николасом ван Вейком (Van Wijk; 1880–1941). Последний редактировал эти издания, а к сборнику написал предисловие (см.: *Бонгард-Левин Г. «Сто мельниц мелют: “Ам! Стер! Дам!”» // Русская мысль. 1999. 18–24 ноября. № 4293. С. 19*). Н. Ван Вейк включил произведения И.С. Шмелева в программу русской литературы Лейденского и Амстердамского университетов.

⁷ Речь идет о П.Н. Богдановиче. См. о нем примеч. 8 к предисл.

18

9 авг. н. ст. 32. — 6 ч. веч<ера>

Погода две недели — жара, тишина.

Бездна плавающих и путешествующих!

Дорогая Маргарита Александровна,

26 июля я Вам отписал на Ваше письмо-запрос, с украшениями отписал, и ответа мы не получили. Сообщал, что лучше всего приехать к нам и от нас делать поиски. Изложил и про мадам Фиту, сколько — исключительно с Вас, ибо влюблена до безумия-с, — может взять. Кроме сего, я обезпокоил Вас просьбишкой о лекарстве и выслал 15 тысяч франков-с, если считать на тысячи, а так — 15 фр., без сантимов. Тревожны: получили ли письмо наше? Бог Вас суди за молчание, ибо все думаем: или больны, или письмо пропало. Но на все воля Божия. Если еще не заказывали лекарство, то не заказывайте, пожалуйста, ибо я только наживу 9 фр., т. к. мой аптекейстер творит чудеса, и приготовил мне точь-в-точь такой же Ррроб-нерваль, по формуле на пузырьке — «контр-фасон-с»¹, увы! — и взял по знакомству — 6 франков. Пусть только доктор сего не слышит!

Известите, когда изволите прибыть, дабы пребывать. Грибки притаились, в ожидании. Небо смеется, как грудной младенец, солнце — как медный таз из-под вишневого варенья, только что снятый с жаровни — жжет-с. Прибыли голландки, скауты, страусы, слоны и бегемоты — и все разгуливают в пижамах и без «оних», ибо полиция не воспрещает. Мсье Фит потерял кончик пальца от пилы и — от грусти, что прекрасные россиянки пропали. Милан кончил жизнь — установлено! — от страшной разсеянности, как следствие влюбленности... Вот каковы итоги. Имейте в виду. А за сим — объятия — доктору, — распространителю заразы эпистолефобии! — поцелуй Вам и Ирочке от молодого человека 12 с полтиной годов, и от Тет-Олечки, а нижеподписавшийся почтительно приветствует всех — и чад и домочадцев.

Ваш, преданный (!?) Ив. Шмелев.

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 4. Авторизованная машинопись; простой карандаш. Письмо [из Капбретона].

¹ От фр. *contrefaçon* — подделка.

19

27/14 сент. 1932

Леса

Дорогой Сергей Михеевич,

И я приписочку сделаю — к письму Ваших «стрекозок». Любящего братски. Второе: Ириночка «выглядит», как говорят одесситы, несколько лучше, чем при появлении из Paris, но все же не так, как бы следовало. Ее здесь один пулковник-Скаут называет — «Козья смерть», — дружески (П.Н. Богдан<ови>ч), т.е. назвал, когда приехала. Теперь, правда, — только — коза. Обе — прелестны. Хотели, было, несмотря на наши доводы, ехать к пенатам [надписано: *(хотя и прунули!!)*], к<а>к пришло Ваше 2-ое письмо (с деньгами и благостным благословением — малость еще пожить. Но, думаю, очень справедливо. В Paris их испортят не меньше, если не больше, а здесь не разгуляешься. К тому же — только что появился 25-го сент. первый рыжик. А сие для мня — торжество из торжеств.

Извольте-ка поднатужиться и рыскнуть!!

Ordonnance:

+ billet jusqu'а Capbretonne, par Labenne — allez-retour —! Чемодан с походн<ым> бельем — tout petit. Да Argent..... pour tout — 400 fr., bonbons pour Kosja Smert — 10 kl. — 200 fr. Mode d'emploi¹ — как Бог на душу положит.

У-стро-им спеть Козочку у нас, Вас супружнически, как сказано у ап. Павла, — «да прилепится и т. д.»²

Строго соблюдать указание
Professeur de tous Hopitaux
Jean Chmeloff³
(Одесса!)

Серьёзно: извольте взять пару недель отдыха-воздуха! Вместе погуляем, прочитаю вам кое-что, поедем с Кульм<аном> лов<ить> рыбу (пескари-и-и!). Пользуйтесь удобн<ым> случаем. Солнце, жара (только началась во-всю!), смола — Русь!

Все Вас лобызаем и — ждем.
Ваш упорно Ив. Шмелев

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 5–5 об. Автограф (черные чернила). Письмо [из Капбретона].

¹ Инструкция: + билет до Капбретона, через Лабенн — обратно —! <...> — совсем маленький. Да серебра... на все — 400 фр. конфеты для Козьей Смерти — 10 кг — 200 фр. Способ употребления... (фр.).

² Речь идео о словах из Послания ефесянам апостола Павла: «Посему оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей, и будут двое одна плоть» (Еф. 5: 31).

³ Профессор всех больниц Иван Шмелев (фр.).

20

2 XI/ 10 ч. у<тра> <1932 г.>

Милыя Стрекозки + Стрекоз Старшой!

Опять двадцать пять. Хляби, соловьи не поют, печка горит. Рыжики, — сила! увы — кланяются и Вам и нам. У-стали. Может, навестите — когда угодно. Глаза слипаются хотя 10 ч. у<тра>.

Привет!

Ваши Хозява, они же и покровители «сирот». Всю ночь боли были, и посему пользовался вниманием окружающих.

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 1. Автограф (черные чернила). Почтовая открытка, адресованная М.А. Серовой из Севра в Париж: Madame M. Siéroff 7, rue Marcel-Renault Paris, 17e.

4X1 32

Милые друзья,

Т. к. в дороге издержались, и т. к. Вы, думаю, до получения сей отк<рытки> не соберетесь к нам, то О.А. просит купить по доктор<скому> тарифу 1 большую флакону Loriga (агар-агар)¹ и 1 коробку «Caolinasa» — для меня уж это.

Целуем. Розы цветут!

Ваши болящие бурдоны². Поклоны доктору милому и — Агаше.

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 2–2 об. Автограф (черные чернила). Почтовая открытка, адресованная М.А. Серовой из Севра в Париж: M^m M. Siéroff 7, rue Marcel-Renault Paris, 17^e

¹ Материал, получаемый из некоторых водорослей, применяемый в микробиологии для приготовления питательных сред, а также в фармацевтической, пищевой и других отраслях промышленности.

² От фр. bourdon — шмель.

26. I. 33. 10 ч. веч<ера>.

Человек предполагает, милые друзья, а Бог располагает: дней пять чувствовал себя неважно — бронхит и насморк, кот<орый> совсем, было, стал проходить, а сегодня лихорадит, температура повышена, боюсь, что расхвораюсь. Олечка велит написать Вам, что по всей вероятности не придется посетить Вас и пообедать, как сговаривались. И она, бедняжка, вся измоталась, страшная слабость, — она отмалчивается, а я вижу и чувствую. Эти морозы, в квартире холод змеиный, не натопимся, и все труды принимает она, не позволяет мне даже и за углем лазить в подвал. Ставлю себе горчичники, принимаю уротропин и хочу принять аспири-ну, хотя он мне и не полезен при кишечных болях, которых пока еще нет. А хотел привезти Вам нов<ую> кн<игу> «Лето Господне»!¹ Уж извините, и не сетуйте на нас, грешных. Боимся — ну-ка, да оба свалимся... что нам тогда, сиротам, делать? Ну, Бог милостив. Целуем Вас всех троих. Агаша² почет-уважение.

Ваши непременно Ольга-Иван — Сироты.

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 3. Авторизованная машинопись; черные чернила. Почтовая открытка, адресованная всем Серовым (Madam, Mlle, et M^r) из Севра в Париж: 7, rue Marcel-Renault Paris, 17^e.

¹ Речь идет об издании: Шмелев И.С. Лето Господне. Праздники. Белград: Русская библиотека, 1933.

² Так в тексте.

23

3/16 IV 1933

Христос Воскресе, милые!
Шмелевы

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 4—4 об. Автограф (черные чернила). Почтовая открытка с изображением одного из залов Музея севрской мануфактуры, адресованная супругам Серовым из Севра в Париж: 7, rue Marcel-Renault Paris, 17^e.

24

7.V. 33. Милые, донесло до лесов на ст<арое> пепелище У Поп<овых>¹ — тыща цыплят, все заполнено, общее сумасшес<твие> столовой нет, а курятник, везде писк, дача именуется «Птички певчие». И все прибывают, дохнут, рождаются, жрут, и кто кого сожрет — ? Везде солома, даже в мозгах цыплята пицчат. Какие тут вальсы!?? Трри инкубатора, гусята, утята, индюшата, собачата, огород брош<ен> желтки-белки! Работы 22 ч<a>с<a>. Не до писем. Тишина, кукушки ватрушки, а касемо аржан² — чеши в макушке. Опечалены, что «беленьких» не будет.

Целуем всех и Агашу. Ваши блуждающие Ш. Извольте писать!

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 1—1 об. Авторизованная машинопись (черные чернила). Почтовая открытка с видом на канал у Оссегора, адресованная М.А. Серовой, из Капбретона в Париж по адресу: 7, rue Marcel-Renault Paris, 17^e.

¹ Речь идет о семье К.С. Попова. См. о нем примеч. 9 в предисл.

² От фр. argent — серебро, деньги.

25

4. VII. 33.

*Описок не считайте ибо — спешка! Напишите же о себе — все-с!
И-рочка! Ка-ак не сты-ыдно!*

Дорогой Сергей Михеевич, дорогая Маргарита Александровна, раздорогая Ирочка — на подмогу! Здравствуйтесь, милые друзья!! Как Вам не сты-дно!... и как Вам не со...вестно!.. Ну, к делу. Пожалуйста, милая Маргарита Александровна, возьмите доброго доктора под жабры, а т. к. он боится пера, как топора, то... — сами напишите, с его слов, в которых, верую, он нам не откажет. Ждем с нетерпением ответа и облегчения.

Как успокоюсь, напишу о пустяках, курах, Поповых, лесах и протчих пусто-порожностях, а сейчас — картину болезни Ольги Александровны. Что нам посоветуете? Вот какая история. Началось с конца апреля, когда О.А. в субботу на Пасхе стояла в холодной церкви у Сергии преп. Обычное воспаление горла, гланд, что ли. Применяла смазывание йодом, обычное, и еще полоскание, которое дала О.А. Маргарита Александровна, «докторова». Бывало улучшение, но ... опять то же... и так до конца мая. С конца мая О.А. стала чувствовать сильное напряжение в горле, горло, гланды воспалены, язычок тоже, и красные на нем бугорочки-точки, и кроме сего — боли на шее, с двух сторон, если провести под жабрами вниз, вдоль шеи, к груди. Больно прикасаться. И еще: при усилиях, когда приходится нагнуться, или при ходьбе даже — спирание в груди, с болью, как будто давит что изнутри, вроде как бы нарыва-боли. И — удушье, словно быстро взбежишь на гору, ломящая боль, до удушья. О.А. и я — подумали, нет ли чего в легких, аорта не больна ли, не астма ли... Показывалась нашему местн.<ому> доктору Видузу. Он по осмотре решил, что О.А. обожгла глотку — горло, что ли смазкой сильной — сказал, что ни астма, ни аорта, а... через два дня пройдет, надо только полоскать — дал лосьон, по составу оч<ень> похожий на¹ для держанья, не полоскание! — в горле — во рту, как бы движением головы прополаскивать — называется горловая ванна! Там и йод, и калиодати... и еще что-то. И велел ингаляцию из обваренного липового цвета. Одним словом — все «липовое», т. к. улучшения почти не было. Тому прошло три недели. Что делать? То день получше, то — хуже и хуже. О.А. думает, не нарыв ли гнойный какой в гландах: ставила горчичник — чуть делалось легче; компресс — ничего пользы. После горчичника как будто начиналось отхаркивание и легкое ослабление напряжения в горле, шее и всей груди. Вот это странно: боли от верха к низу шеи и по груди, будто распирает-ломит снутри: ощущение той ломоты-напряжения, когда запыхается сильно человек. Ну, прямо — ду-шит! Дайте совет скорый, какое-нибудь средство, нужно ли смазывать Вашей смазкой йодовой с кали бромати, ментолом... как Вы прописывали? О.А. уже три недели ее не употребляет, боится — не сожгла ли гланды и горло. Нет ли где нарыва, что ли? Что посоветуете, милый Сергей Михеевич? Облегчите. О.А. боится показываться чужим врачам, но если Вы скажете, я ее свезу в Байону², к городскому доктору, если там есть, спросим. Но О.А. надеется на Вашу интуицию: узнав проявления болезни, Вы светлым озарением схватите суть — и предпишете болезни — выйди вон! Скажите, посоветуйте, пропишите, а мы будем поминать в молитвах — раба Божия доктора Сергия, пошли ему Господь здоровья, счастья, побольше пациентов-неарийцев и проч. и вплоть до большого без козырей! Маргарита Александровна, напишите поясней, вытяните из доктора совет-средствие-лицепт, а главное — интуи-цию!

Пишу в 11 ч. ночи, спешу. Завтра пойдет письмо.

Всем привет. У Поповых столпотворение курино-циплячье-гусе-индюшачье-утиное. Тысяча голов, смотреть страшно. А они все, с компаньоном мечутся в птичьих криках... Где тут писать письма! Бедный маншот³ Константин⁴ работает как вол, и с трепетом вспоминает белых птиц, стрекоз, видений осенние вечера, граммофон, задумчивые вальсы, огонь камина, тесный авто, и проч, и проч, и проч,

проч... — и слезы у него на глазах! Каждое воскресенье ездим с ним, но я выдерживаю только от 4 до 8, и умоляю отвести домой.

Скоро слетаются скауты, голландки, пал-николаич⁵ с альсан-иван... Гимнастерка-Эгрон прилетела. Трубит труба. Кастеллетти так же обворожителен. Старушка ничего, здорова. Больной — воскрес, побывав в Африке. Ждем Ивика. До свиданья... в ответе. Целуем всех-всех, четверку.

Ваш встревоженный ИвШмелев — А помните валь-сы?!...

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 2–2 об. Авторизованная машинопись; черные чернила. Письмо [из Капбретона].

¹ Пропуск в тексте.

² *Байон* (Bayonne) — город недалеко от Биаррица.

³ От фр. *manchot* — однорукый.

⁴ Имеется в виду К.С. Попов.

⁵ Имеется в виду П.Н. Богданович.

18.VII.33.

Капбретон

Дорогой Сергей Михеевич,

Очень благодарим Вас за скорый совет-указания, как лечиться О.А. Вот уже неделю О.А. применяет указанное Вами, и вот следствия: горло приняло нормальный вид, почти, почти — болей в горле нет, — очень, думает О.А., помогло полоскание шалфеем, смягчило сразу. [Надписано: *Она полощет не теплым, а комнатной t°.*] Нет и болей, если надавливать на шею, где гланды, что ли... Но «распирание»нутри на верхней части грудной клетки, с болью, как бы веерной — летучей? — все же есть, хоть порой и реже. При ходьбе, особенно если сильное движение воздуха, есть разлетающиеся боли, порой острые, давят, даже п о д уши давят, вот как... И все же, как-будто, лучше, реже. Но О.А. человек очень терпеливый, а все-таки жалуется. И горло смазывает, как Вы указали, не возя мазком, а надавливая, и слегка растирает шею иодозолем, н е массируя. Велю ей принимать от боли хоть гарденаль, — она не хочет, ни кальмин не желает! Я полагаю, что и кодеин бы хорошо попробовать, но что вы поделаете с настойчивой! Вот, дорогой, такое положение. Будем надеяться, что и в груди полегчает. А погода хорошая, теплая, даже слегка с жарой, — сухая, — откуда, кажется, упорствовать невралгии! Но — подождем, будем продолжать по Вашему указанию. Два месяца эти «распирающая» боли. Пойдем с ней по лесу прогуляться, — ничего, и вдруг «схватит», идти не дает, идем чуть-чуть, воздух, воздух, даже лесной, тихий, — труден!

Наши письма — мое и Маргариты Александровны — разошлись! Благодарим за вспоминание, — и наконец-то! А как же с поездкой в Голландию?! не-

ужели же так Вы никуда не сдвинетесь? А в Пиренеи, к Чекунову?¹ Там, в Пиренеях, говорят, чудесно. Жаль Ирину, — надо ей воздуху, — молодому-то юному-то существу! Дела — ни-куда, хуже и придумать трудно. Н е г д е печататься, — вот как подошло, как обре-зан! Но на сосны все же не поглядываю, а... так себя сжали, что, кажется, соком скоро пойдешь. И... — лежит написанный роман, «Няня»² моя... — не отдам ее на кромсанье. Да, вопрос — как жить на... 600 фр.?! — кои пока дают сербы. Но пока как-то исхитряется О.А., живя «вприглядку». Впрочем, осенью должно выйти «Богомолье»³ книжкой, и скоро — «Продну старуху» — в Берлине⁴. Это даст мне не так уж жирно, но на хлеб с молоком даст. А я тоже неприхотлив, да, кстати, многого мне нельзя есть. Картошкой удовлетворяют нас фермеры Поповы, но нам фунта ея хватает на два дня! Блестящее существование. Но — мы счастливы, — а что т а м-то, там-то...! Ух!... У нас еще остается в день от ежедневного фунта хлеба, и мы отдаем корочки — ку-рочкам!.. — фермерским цыпляточкам!.. Разве это не ро-скошь!?! Иногда приходит в душу... — за-чем я порвал с газетой⁵. Но ведь — в ы н у д и л и...! Да, за эти 4 с месяцами — года, сколько бы я написал очерков! А теперь и воли нет: зачем писать, где печатать?! И подумать... — сорок книг на иностранных языках... в с е сказано гг. европейцам... — и сколько у меня читателей, разноязычных... — а «у себя» негде голову приклонить писателю... Ну, надо еще «брести» ... — помните протопопа Аввакума? «Ино еще побредем, Марковна»!⁶ Получил на днях письмо от нем<ецких> издателей: по-тря-сены «Старухой». Пишут так немцы мне: «не можем опомниться... это произведение будет жить века (!!) — для ко-го?! — и всегда потрясать души...» Обещаются не только выпустить в август<овской> книжке журнала, но еще и, м. б., отдельной книжкой после. Нет, удивляют меня немцы! А русские... — н е удивляют. Впрочем, не могу пожаловаться на читателей: порой приходят отклики, и я — поплачу сердцем. — Приехал Богданович. Ждем Ивика, его перехватил отец и увез пока в Руаян⁷, бл<изко> — на Ля Гранд Кот⁸. Поповы, до обморока, выводят цыплят и продают кур, уток, огурцы. С зари до зари в работе — помешательство. Каждое воскр<есенье> забирают нас — отвести душу. Сегодня у меня — первый огурчик, для О.А. Ходим по лесу за шишками на топливо, вспоминаем «стрекозок», рыжички. Если дожди будут — пойдут! У Богдан<овича> нынче буд<ет> большой лагерь. Неужели так никуда и не выберетесь? Эх, если бы закатились в Ланды! Помните: летом даже червячки гуляют! и — лимасы, и всякия даже инфузории танцуют! Целуем всех, начиная с папы, кончая донной Агашей! А на семейные билеты не менее 3 персон — скидка 50%! — по-мните! Ваши О. и Ив. Шмелевы.

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 3–3 об. Авторизованная машинопись; черные чернила. Письмо из Капбретона.

¹ И.С. Чекунов, врач.

² Речь идет о романе «Няня из Москвы», его написание датировано Шмелевым: «Март, 1932 г. — март, 1933 г. Париж», стало быть, летом 1932 г. Шмелев писал роман в Капбретоне.

тоне; печатался в журнале «Современные записки» (1934. Кн. 55 и 56; 1935. Кн. 57); отдельной книгой вышел в 1934 г. в Париже.

³ Вышло только в 1935 г., в Белграде.

⁴ Die Wallfahrt nach Brot / <Übers.> von Arthur Luther // Eckart. 1933. № 7/8. S. 35–47.

⁵ Имеется в виду газета «Возрождение», редактором которой до августа 1927 г. был П.Б. Струве и где Шмелев много печатался. В 1927 г. вслед за Струве из «Возрождения» ушли многие сотрудники, начиная с И.А. Бунина и кончая И.А. Ильиным. Зато пришли Мережковские, Б.К. Зайцев, большую роль стал играть В.Ф. Ходасевич. В 1929 г. Шмелев тоже порывает с этой газетой, о которой писал А.В. Амфитеатрову 17 ноября 1928 г.: «Или — национальная газета, с ЛИНИЕЙ во всем, или кормежная лавка для ловких скотов, которым некуда девать время. Позор, мы спим, мы все еще наслаждаемся звуками и “изысканиями”, мы — то есть ОНИ — все еще в Питере до войны!» (Слово. 1992. № 11/12. С. 64).

⁶ Аввакум Петрович (1620 или 1621–1682) — глава русского раскола, протопоп, писатель, противник реформ патриарха Никона. Осужден на церковном соборе и сослан, провел 15 лет в земляной тюрьме; сожжен по указу царя Федора Алексеевича. Шмелев цитирует «Житие» протопопа Аввакума.

⁷ Руаян (Руайан; Royan) — курортный город на западе Франции.

⁸ *Ля Гранд Кот* (la Grande Côte) — курортное место.

27

Насилу собрался написать, а О.А. оч<ень> утомлена.

3. VIII. 33. Дорогие — Маргарита Александровна, Сергей Михеевич и Ириночка, О.А. и я сердечно благодарим за приветствия и пожелания. О.А. чуть полегче, но временами бывает стеснение при ходьбе. Шею растирает, горло смазывает. У нас настроение во всех смыслах осеннее-мрачное, хоть погода и ясная. Ждем со дня на день Ивушку — пребывает с отцом в Руаяне. Сезон малолюдный, кажется, — но подъезжают. Да мы и не чувствуем никаких торжеств сезонных. К Поп<овым> ездим редко, — сломался автомобиль при столкновении! Они продолжают бессмысленное верченье с цыплятами. Именины¹ прошли с тихой кулебякой, подсухую. Не с чего пировать. Лагерь побольше прошлогодняго, не были там. И так все на свете отвратительно, что не верится ни во что, сохнут надежды... Куда же думаете выбираться, и когда? Да, все сжимаются, даже французы, — со страху, что ли? Мы-то, понятно... а все скулят. Едва пишу, такая подавленность: лежать бы — и ни о чем не думать. Целуем.

Ваши О. и Ив.Шмелев.

(Спасибо С.М. — за заботы!)

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 4–4 об. Авторизованная машинопись; черные чернила. Почтовая открытка [из Капбретона], адресованная супругам Серовым в Париж: 7, rue Marcel-Renault Paris, 17^e.

¹ См. примеч. 8 к письму 4.

5. X. 33
«Рыжики»

Дорогие друзья,

Благодарю за приветствие по случаю прихода «старости»,¹ того же и Вам желаю, и даже не только [надписано: 60, но] и 70, и [надписано: даже] — к 100, берите пример с капбрет<онской> старушки что обитает по 101 годку на площади Мэрии. Пошли нежданно ры-жики, и первый был найден мной, к<ак> р<аз> в день 60-летия. Какое мне уважение!

Пошли перепадать по ночам дожди, с грозами. Все отъехали, мы — одни. Милый Павел Ник<олаевич>² коротал с нами часочки, гулять ходили, прогуливать его водили, а то он не особенно любит по лесам бродить. Новостей нет, все Вам известно. Скончался Кордые, оперировали Попова, теперь, может быть, посолдней станет. Из куриного бедлама вести все те же, наезжает мадама, говорит пустяки куриные. Озабочены квартирой. Ив отъехал проваливаться. А милая Ирина — как расписалась-то она, го-тиком! — не провалилась? Ну, дай Бог. А Вы, Маргарита Александровна, посидите дома, укрепитесь, а то не дождетесь поздравлений со «старостью», и не будет Вам почета. Доктору-человеколюбцу — низкий поклон и совет: если хочет «почета», должен каждый год отдыхать на пилилоде, а не в блидзе. Всем — привет!

Ваши — одинокие — *Ольга-Иван Шмелев*

О.А. кличет — ча-ай пить!

4 ч. дня, т<олько> ч<то> брызнул дождь. Солнце!

Все блестит, тепло + 28° и птиц — птиц!

А сова — стерва все-то важит!³ — по ночам.

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 5. Авторизованная машинопись; черные чернила. Письмо [из Капбретона].

¹ 3 октября 1933 г. И.С. Шмелеву исполнилось 60 лет.

² П.Н. Богданович.

³ Правильно: важит; от фр. *vagir* — кричать.

5.XI 33
Sèvres

Милые друзья,

Во вторник мы ждем Вас. В понедельник О.А. будет вечером в клинике. Прросьба, если возможно: ох, раздобудьте со скидкой, (если возможно, не теряя

достоинства, средств и времени!) ½ flacon'a Loraga (agar-agar¹), номин<альная> цена 18 fr. !!! и — Kaolinase, (Laborat. Beytout), 20 doses, номин<альная> ц<ена> 12 fr. Если нельзя, — напишу Титову². С Kaolinase можно повременить, хватит у меня недели на 2–3, а Loraga — ну-жно!

Ждем! А пока — поцелуй на расстоянии. <Нрзб.> легче, утюжат меня, но боли есть.

Весь Ваш ИвШмелев

Сейчас были у нас Н<аталья>Ив<ановна> и Ник<олай> Карл<ович>³. Помо-лодели, как огурчики. Чего и Вам желаем. В среду едем в Аньер, предлаг<ают> квартиру!

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 1–1 об. Автограф (черные чернила). Почтовая открытка из Севра, адресованная М.А. Серовой в Париж: 7, rue Marcel-Renault Paris, 17^e.

¹ См. примеч. 1 к письму 21 наст. изд.

² Вероятно, имеется в виду *Титов* Александр Андреевич (1878–1958/61) — уче-ный-химик, сын ростовского писателя-археолога и этнографа Андрея Александрови-ча Титова (1845–?). Один из основателей Трудовой народно-социалистической партии, товарищ министра продовольствия и снабжения Временного правительства, член Союза городов в Санитарной комиссии при Добровольческой армии. В эмиграции с 1919 или 1920 г. Член исполкома Земского союза и Союза городов (Земгор), член Заг-раничного комитета ТНСП. С 1921 г. преподавал на русском физико-математичес-ком факультете Парижского университета, с 1925 г. — в Русском коммерческом ин-ституте в Париже.

³ Кульманы.

Дорогая Маргарита Александровна,

Были в Аньере: ад крошечный, грохот поездов, кошмар. Есть и тихие закоул-ки, но нет в них отдельного домика, а все «свои» особняки. Квартира, обещанная в письме, — мансарда прогнившая, на вышке, сердце заходит от лестницы, и во-онь — со времен Луи XVI. Одно приятно — наша моленная. И в ней — отец Ме-фодий¹. И это — уголок света в аду. Ходили по Севру, — нет ничего. Обещало одно агентство показать что-то... — увидим. Все больше склоняемся, увы, к ок-раинам Парижа. Просим, как погибающие, — где находится та квартира, что обе-щал, о коей говорил С<ергею> М<ихееви>чу граф или князь какой-то, за 300 с чем-то? Ради Бога, узнайте, и мы поглядим. Измучились за эти дни — сил нет. А с О.А. ходить — мучить ее только, нет у ней сил. И погода собачья. Совсем мы приуныли. Узнайте, нет ли чего. Пусть Париж, лишь бы воздух почище, хоть прой-тись можно было, на деревья поглядеть. Думал — присяду за работу, да куда

уж... — в тревоге и тоске живем. Не забудьте нас, сырых, на горах сущих и неведомо чего ожидающих. Ведь одиннадцать лет без прочного причала! И как еще мог при таких цыганских кочеваньях писать?.. Впрочем — кому какое дело до всего этого: как хочешь пиши, и я писал. Но... хочется оседлости. И вот — пожалуйста, наведите справочку, куда нам съездить. Может быть, в Булоне есть что подходящее? Будьте добры! Охватывает отчаяние.

Привет сердечный всем Вам, милые. *От поисков 3-й день голова трещит. А О.А. вздыхает. А бывало она меня подбодряла. Viroutchayte!*² — как, бывало, телеграфировали из Парижа в Москву родителям.

Ваш неукоснительно Ив. Шмелев.

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 2. Авторизованная машинопись; черные чернила. Письмо из [Севра].

¹ Имеется в виду *Кульман* Владимир Николаевич (1902–1974) — сын профессора русской литературы Николая Карловича Кульмана. Окончил университет в Праге по факультету славянской филологии (1926) и Свято-Сергиевский православный богословский институт в Париже. Постригся в монахи с именем Мефодий (1928). Принял священство (1931), с 1932 г. — настоятель храма Христа Спасителя в Аньере. Впоследствии епископ Кампанский (1953). Был духовником И.С. Шмелева.

² Выручайте!

31

15 XII 33.
2, B^d de La République (для гостей: 5 éйtage
Boulogne (Seine) en face)
трамв<ай> № 126 оп P-be de S-Cloud
пешком 7–8 мин.

Ми-лы-е-э-э-э!...

Смилостивилась судьба Господня: вые-ха-ли!¹ А что перетерпели на Соловьиной — там и замерзло. Описывать не буду и новое жилище: эзрите. А когда — воля Ваша, и чем скорее — приятней. Кончились наши «чемоданы», и странное дело — как-то грустновато — оседлая, будто, жизнь! За-чем?! Видит Бог, — сколько же мы противились этому «гвоздю», пришившему, наконец, нас к м е с т у! Только стихийные силы — вынудили. Невмоготу стало. И как-то щемящее-грешно глядится на «обзаведенное», — отвыкли. Горит лампадка, мигает...: от радиатора: будто и не все сие удивительно — до дрожи. И будто это не наша уют-квартира, а вот — хозяин придет и выдворит... Сегодня — 4^я день. Дымом, снегом метет по крышам, в холодном солнце сверкает-течет река, а ты — странно! — в тепле, и смотришь-смотришь в холодную темноту, по далям...

Целуем, ждем. Вечером всегда дома. Аминь.

Ваш, оседлый, Ив. Шмелев

А кухня та-ка-я... что могла бы и Агаша потанцевать, — вот как-с. И ей — привет. Доктор, милый! И Вы соизвольте побывать, да-с!

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 3. Автограф (черные чернила). Письмо из Булони.

¹ Шмелевы переехали на постоянную квартиру в предместье Парижа Булонь, на бульвар Республики, 2.

32

7. III. 1934

Дорогой друг Сергей Михеевич,

Посылаю Вам, милые, 3 вх<одных> билета на мое чтение. Написано — «Estrade»¹, но это как хотите, Наталья Ивановна² говорила мне, что она распорядится — кому как удобно — будут и впереди места.

Все скрипим, О.А. с неделю не выходила, я ее не пускал — бронхит и слабость. И я истомился с делами, да и волнение ... — тяжело.

Привет сердечный всем вам.

Ваш Ив. Шмелев

Начало, несомн<енно>, не раньше 9, а по вс<ей> вер<оятности> 9¼.

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 1. Автограф (черные чернила). Письмо [из Булони].

¹ «Подмости» (*фр.*).

² Н.И. Кульман.

33

1 VI 1934 Булонь

Милые, родные. С 29^{то} V, с 4 ч. дня я «опять на родине»!¹

Dr. Du Bouchet не усмотрел повелительной необходимости или что-либо грозного, чтобы делать операцию. [надписано: (*Как и Алекс. в 28 ч.*)²] Исследовали ... всячески. Чудесный человек! Все исследовано. Найдены все органы в соверш<енном> порядке, а желудок даже — «молодой». Кишка диад<енум>³ работает, [надписано: (*Стар<ая> язва в I^{ой} доле, пилор⁴*)] проходим<ость> не затронута. Нормальна, прогон пищи скорый, подробности при свиданье. Если бы я был америк<анский> богач, меня бы, возм<ожно>, взрезали (не Du Bouchet!), ибо надо же заработать.

Целую. Устал. Ем с биапсии. Ваш Ив. Ш.⁵

[Надписано в начале открытки:] Привет Агаше! Всех крепко целуем.

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 2–2 об. Автограф (черные чернила). Почтовая открытка из Булони, адресованная всем Серовым: 7, rue Marsel-Renault, Paris, 17^е.

¹ То есть не в госпитале, а дома.

² О чем идет речь — неясно.

³ От лат. duodenum — двенадцатиперстная кишка.

⁴ От лат. pylorus — привратник желудка, суженная часть двенадцатиперстной кишки.

⁵ У И.С. Шмелева была язва двенадцатиперстной кишки, страшные боли. Врачи настаивали на операции (после Пасхи 1934 г.). Но совершилось чудо: Шмелев горячо помолится преп. Серафиму Саровскому, и боли прошли. Об этом его рассказ «Милость преподобного Серафима» (1934). См.: *Сорокина О. Московянина: Жизнь и творчество Ивана Шмелева. 2-е изд., доп. М., 2000. С. 207.*

34

15 VII 34.

Воскресенье, прошел ночью дождь,

«La Jaure» сфе-шо¹ (говор<ит> Ледовик Карл<ович>)

(т<а>к назыв<аемое> урочище)

Allemont (Isère)²

Iv. Chmélov

Милые Серенькие!

Донес Бог, сквозь все препятствия (в дороге бы-ло — не сказать!). Пожили у Денник<иных>³ 4 дня и, након<ец>, нашли-таки гнездышко! Ползти не вползти! Выше чего быть невозможно. Вот пишу Вам, а из окна — зима дышит на меня, сфе-шо, а на завтрак метель! А вот и солнце... а на горах — сне-га! Видно, как снеговые столбы вихряются. И бешено пенится водопад, до него верст 20! Там — по краю бела-света... бррр! Ледники. А тут... — оре-хов! — везде орех, и грецкий, и наш, лесной. Куда ни пойдешь — заросли ореха, — боры! Красота — не видано никогда. На 20 деревень гляжу сразу. Раскиданы по горам. Пропасти, овраги, прорвы, скалы, горки, горки, высота поднебесная. Бе-ре-зы... ух, какие березы. Тут лето, а пойдешь на горы — через 6 час. попадешь в весну, луга покрыты голубым ковром — сплошь незабудки! Ив ходил с Деник<иными> и о д и н собрал больше молочн<ого> бидона — земляники. А Ден<икины> принесли до 7 литров! Я сделал уже 3 похода (до 20 кил<ометров> — собирал землянику. Вчера с О.А. гуляли по ровн<ой> дороге над пропастями — 4 килом<етра>. И всё орехи. Связали веник берез<овый> — пороть Ивука и подметать хату. (с экскур<сией> осв<оили> и водопров<од>!) Вода здесь — мытищенская и холодна, к<а>к лед! А на горах передо мной ходят-ползают дымы — облака. Нет, не могу всего описать — надо в и д е т ь! Воздух — шампанское (Клико!). Аппетит — зверский. Яблоки, груши, сливы — урожай небывалый. Капбретон перед Allemont — ни-что! Клянусь зимой в июле! Вчера была жара, а нынче — Покров будто. Но вот — солнце, и будет июнь. А по горам — март. От прогулок нет усталости, ибо — воздух ре-дкий, лёккой! Вот где

отдыхать-то! Милый Серг<ей> Михеевич! Я пока здоров, болей нет. Сон — добрый. На днях идем на водопад, к горн<ым> озерам, там мали-ны-ы... — леса. И черники — не оберешь! Если бы Вы, Серенькие, были здесь, — непременно бы восклицали — ах, чудо! ах, диво! За 7 фр. можно на автокаре замахнуться туда, где можно — на лыжах! Много страш<ых> рассказов о гибели в горах (зимой). Наш багаж волокли в наше гнездо на ... с а н к а х! по камням: на колесах нельзя — очень круто. Опоздали с квартир<ой> — пониже-то. Хорошо сюда бегать от долгов — никакой huissier⁴ не доберется. А доберется — можно его — в прорву-с! На днях я ходил вниз в городок (село) Fondory (не горят фонари!) и приволок оттуда 15 кило зелени и вся<их> товаров, — запропал — и меня искали всей деревней (сын Гронского⁵, мол<одой> чел<овек> 25 л<ет> оч<ень> приятный) Ивук, Мариша Ден<икина>⁶, ея подруга, гид записной... Очевидно решили, что я упал в пропасть или — унесен орлом. Мысли скачут, не могу писать обстоятельно — до того я у н е с е н ... красотой. Цветов...! Синие колокольчики, ромашки, (белопоповка!)... ну, все, все! Был в деревне OZ (араб<ское> слово) — это — остров мертвых. (Бóклиназ⁷, ти-шина, а кругом потоки и пропасти). Пил молоко, а А.И. Ден<икин> — пиво. — В отельчике. Здесь б<ыл> уже прот. С. Булгаков⁸ (оснует⁹ скит, д<ожно> б<ыть>). Если бы были деньги — построил бы домик и — до России! Весна здесь — наша, с разливами, с грозами.

Платим за две комнаты и кухню — 225 фр. в месяц, а за сезон, т. е. до октября, д<ожно> б<ыть> — фр. 600. Но сколько пожив<ем> — не знаю. Но продукты здесь дешевые: яйца, пока, 3.50–4 fr. дюж<ина>. Масло — 8 фр. фунт (доста-вать надо, с гор!) баранина — 7-50 фунт, мясо — кило — 12. Теляч-эскалоп — кило — 15 фр. молоко — чудесное! — 90 с<антимов> л<итр>. Хлеб — обычная ц<ена>. Но иногда достаем серый, до чего ж вкусный, с корочкой — пшеница-рожь-овес — сил дает! Множество пешеходн<ых> экску<рсий> и — автокар<ных> поездок, — для безногих. Квартиры достать трудно. В отеле — 22–25 фр. полн<ый> панс<ион>. Рядом с нами есть, напр<имер> комната, у хозяев. — В орлином гнезде, пока не сдана, а сколько стоит — не знаю. Если надумаете — справимся и весь маршрут укажем. Поезжайте с поездом для бедн<ых> родственников, к<а>к мы. Справитесь — Риочка знает — Ю. ч. S. Marc.¹⁰ Помните: пересадка — в Chambery: мы пропустили — и поводи-лись! К Деник<ины>м едут еще дачники. Да тут лета не хватит побывать везде хоть по разу. Кажд<ый> день — но-вые! Обнимаем всех накрепко. Агаше — Поликрату и Крезу¹¹ — привет и — 5 млн. в будущем. Доктору — отклеить от себя все марки; за приличное вознаграждение и отслужить молебен Ап<остолу> и Ев<ангелисту> Марку, дабы излечил от маркофилии. И еще всем — хоть во сне увидеть Allemont (для сего — надо долго сосать лимон). А я сегодня видел во сне Шаха Персид<ского> — и он благословил меня и слово. К чему бы это?! Полагаю — к выигрышу или к клопам (<нрзб.> на персид<ский> порош<ок>).

Все Ваши неизменно

Ив. Ольга Шмелевы

Ив-Джентельмен.

Пи-ши-те!

[На обороте:]

Милый Сергей Мих<еевич>, очень-очень благодарю Вас за лекарства!!!

Дорогая Маргарита Александровна! Целую ручку. Риночка-внучка — скорей женитесь — приезжайте го-реть (от слова — горы).

А надо бы, надо бы отдохнуть всем, а доктору особенно!!

С помощью друзей (гл<авным> обр<азом> Нат<альи> Ив<ановны>¹² — нашего ангела-хранителя) живы, а что дальше будет — не ведаю. Хочу приняться писать: с Возр<ождением>¹³ сладилось, но ... гонорар — слезы... Только бы расписаться!

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 1–2 об. Автограф (черные чернила). Письмо из Аллемона.

¹ Имеется в виду «свежо».

² Место в районе Верхняя Савойя (Haute Savoie), департамент Изер (Isère).

³ Антон Иванович и Ксения Васильевна Деникины. См. о них примеч. 10 в предисл.

⁴ Судебный исполнитель (*фр.*).

⁵ Гронский Павел Павлович (1883–1937) — правовед, профессор Петербургского университета, видный член партии кадетов, в эмиграции с 1919 г. в США, затем во Франции. Читал лекции на юридическом факультете Русского отделения Парижского университета. Его сын Николай (1909–1934) — поэт, корреспондент и друг М.И. Цветаевой.

⁶ Деникина Марина Антоновна (1919–2005) — дочь А.И. и К.В. Деникиных.

⁷ Имеется в виду Бёклин (Böcklin) Арнольд (1827–1901) — швейцарский живописец и скульптор, представитель символизма и стиля модерн. В фантастических сценах сочетал мистическую символику с натуралистической достоверностью («Остров мертвых», 1880).

⁸ Булгаков Сергей Николаевич (1871–1944) — протоиерей, богослов. С 1922 г. в эмиграции, в 1925–1944 гг. — профессор догматики и декан Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже.

⁹ Производное слово от «основывать».

¹⁰ Непонятно, о чем идет речь.

¹¹ Намек на объединительную деятельность древнегреческого тирана Поликрата (VI в. до н. э.) и воинственного лидийского царя Креза (595–546 гг. до н. э.), боровшегося за приращение земель. Богатство Креза вошло в поговорку.

¹² Н.И. Кульман.

¹³ См. примеч. 3 к письму 2.

35

куда стрелка упирается где (X) — мы. Но эта карта ни-чего не дает!

Извольте проверить д и ч н о:

самоочевидно будет.

И. Ш.

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 3. Автограф (черные чернила). Почтовая открытка (приложение к предыдущему письму) с видом на Аллемон и указателями-стрелками.

27 VII 34.

«La Jaure» (от сл<ова> жрать?)

Allemont (иди в гору!)

I-sère (непечатное!)

Милые Серенькие (и беленькия)

О.А. благодарит Вас всех за ангельское приветствие, — и очень мы огорчены-с, ибо ни-чего нет здесь ныне, что касаето квартир и комнат. Точно все посбесились! В с е забито, хотя никого не видно, ибо место большое. Комната, что рядом с нами, уплыла, ждамши: с 6^{то} авг. ее будет набивать пенсионерами здешняя отельщица, у котор<ой> все номера заняты, а она жадная, и все захватила, что было, и подавала. Эти дни мы искали (и Кс<ения> Вас<ильевна> Д<еники>на), и все впустую. 2 дня ловим человекка, досматривающего за одн<им> домом (хоз<яин> в отлучке), и не знаем, есть ли в доме мебель и проч. К<ак> только узнаем точно сдается ли, что есть, и за сколько, я пришлю депешу, а Вы немедл<енно> ответьте. Никогда здесь не бывало ничего подобного — по наплыву. Денник<ины>м пришлось отказать двоим знакомым (у них была) б<ольшая> квартира), т. к. нет угла. Мы живем (3) в двух мал<еньких> комнатах, приче Ив<ик> спит в моей рабочей норке. И, как я писал, пришлось нам влезть в «орлиное гнездо»: выгнали орла и поселились (так высоко!). Палаточки оч<ень> редки здесь. В 2 километрах есть деревня OZ, (там булгаковости), глухое место на тычке (чудесно!), но и там даже в отеле (панс<ион>) — 25 fr., если в комн<ате> двое. Здесь (все занято в отеле, даже подвальный эт<аж>) — за 1 в комн<ате> — 40 fr. в день панс<ион>, за 2 в комн<ате> — по 30 fr. В Fondery (внизу, на 300 м. ниже, до-в<ольно> шумно от авто) — не стоит жить. Да и там или нет, или 30–35. Сообщите скорей, (смотреть ли в Fondery) посмотрим и займем. А о здешнем доме дня через 2 узнаем — сообщу.

Чудесно, как нигде! На днях была метель на горах, мы смотрели. А ра-ду-га у нас была — рукой схватишь! Ни-когда в жизни не видел нич<его> подоб<ного>. На дн<ях> 2 <человека> (летч<ик> и офиц<ер> франц<узские>) замерзли в горах, близко от нас, погибли. Замело тропку, сбились, и занесло их снегом. А у нас t° была тогда 14. А тепеь +23. Во-здух...! Если Бог приведет, н и — куда не б:¹ ездил, к<а>к т<олько> СЮДЫ. Сейчас на горах есть места — март, апр., май... На днях мне принесли (Кс<ения> В<асильевна>²) бук<ет> нежн<ых> розов<ых> крокусов. А весной з д е с ь — луга нарциссов — вози возами. Все Ден<икины> и Ив<ик> пошли в 7 ч. по малину. Ив<ик> вчера целый кило ел. Сл<ава> Богу, здоровы. Ваши все — Шмели.

[Приписка справа на обороте листа:] Ден<ики>ны послали Саше Титову³ депешу — нет ничего, ищут. Но Т<ито>вы богатые.

[Приписка слева:] Так вот, что будет — депешу дам! О-чень, о-чень огорче-ны! Как бы мы поползали по горам! И.Ш.

[Приписка между строк в начале письма:] Еще была квартира у аптекарши в Fondery. Там 2 комн<аты> и кухня, но надо кух<онную> посуду. Она просила с нас 800 фр. в мес<яц>. Ея адрес: Fondery d'Allemont (Isère) Villa «Les Frênes» (Ясени?) Фам <илии> не знаю. Запрóсите ее? Или я справлюсь? Немедл<енно> пишите мне. Там б<ы> вам, оч<ень> недурно. До нас — 15 м<инут> ходу, в гору, с горы. (Но зато с лавочками и почтой). Сад большой, и лонг-шэз⁴, и немного комариков.

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 4–4 об. Автограф (черные чернила). Письмо из Аллемона.

¹ Так в тексте.

² К.В. Деникина.

³ См. примеч. 2 к письму 29.

⁴ Имеется в виду шезлонг.

37

28 VII 34. 8 ч. у<тра>(!!)
Allemont

Милые наши,

Только что узнали, что дом, о к<оторо>м вчера писал я, пустой, без мебели. След<овательно> и этот выход отпадает. Но зато узналось, что в Fondery d'Allemont 15 м<инут> от нас, ниже, есть хор<оший> отель «Les Tilleuls»¹, и с садом (парком) осталось только 3 комн<аты>, полн<ый> панс<ион> с одного — 25 fr. но м. б. за семью — уступят. Отель хороший, воздух чуд<есный>, прогулок много, к<а>к и поездок на авток<аре>. А горы. От нас — 15 м<инут>, а по прямому пути — 10 м<инут> (т. е. напролом, без сокращений, для молодежи). Имейте в виду — это посл<едняя> возможн<ость>². Если решаете, немедл<енно> телеграф<ируйте> — что берете, или сами пишите по вышеуказанному адре<су>. Кажд<ый> час снимают. И Кс<ения> Вас<ильевна> хлопотала, и все мы. Телеграммы к Кс<ении> Вас<ильевне> <нрзб.> Ваш И.Ш.

[На лицевой стороне карточки:] Вчера ходил в Fondery и смотрел, как завтракают в саду «Лип»: с б о - л ь ш и м аппетитом! Ну, как Бог на душу положит. Если бы у нас был хоть закуток (3^{ья} к<омната>) я бы В<ас> к себе взял. Помните, раскаиваться не будете!

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 5. Автограф (черные чернила, простой карандаш). Почтовая открытка из Аллемона, адресованная супругам Серовым: 7, rue Marsel-Renault, Paris, 17e.

¹ «Липы» (фр.).

² Чтение слова предположительное.

1/14 VIII 34

«La Jeure» = Обжора.

Allemont — а лимон (по-деревенски)

Isère (и — очень — даже)

Так вот же вам незабудок в августе и — крокусы!

Г-м Серовым:

Приказ: (Спешно)

Выезжайте в с е, и немедленно. Объявлена война ... белым... грибам.

ИвШШШШШ (подп<ись> неразборчива)

Милые серенькие!

1^о Не старьте меня: я родился (и еще буду рождаться) 21 сент. — 3 окт. А 12 авг. (!), к<а>к пишете, родился, конечно, кто-ниб<удь>, даже какой-ниб<удь> Иван и даже Серг<еевич>, но не я! А посему — отложим поздравления.

2^о Все убывает (только снега пребывает!), земляника — fini¹, малина — presque fini² Черника — еще есть на высоте (в воскр<есенье> набрали с Ив<иком> ведерко — 5 к<и>л<огрраммов> да вчера Ив столько же. Но ... им<ейте> в виду... — скоро fini. Вчера комп<ания> Ден<икин> и К⁰ набрали 285 бел<ых> — но к а — к и х! Есть по 1 кило. Это что-то... головы малиновые! Но надо лезть 3 ч<аса>! Не для нас с Вами! С<ергей> М<ихеевич> еще мо-жет. Арина едва ли. М<арг>арита ... та к<а>к перо летает. Но я ... (конфид<енциально>) я разок слазил с Ив<иком> и лично с н я л 10 бел<ых> но ... ка-ких! Будут для Вас только орехи (масса), гр<ецкие> орехи (neorefnalus), барбарис — ведрами. Ежевые ягоды — свињи не едят. Бузины-ы... — греби лопатой. Много и крапивы. Но я... в воскрес<енье> еще набрал с чайн<ую> ч<ашку> земляники! Если приедете на сих днях — можете найти и мал<ину>, и земл<янику>. Ив<ик> укажет. Снега выпало...! — на горах. Еще 3 погибло, а всего около нас — 12 чел<овек>. Немедл<енно> вас ждать, или — совсем не ждать. Это Вам не Кот Мазюр. Скажите Доктору: по-зор! Обязан быть здесь. И увидит Бога в небесах. Сейчас тучи ... под окном и я готов схватить метлу и разгонять — отмести к<а>к дворники снегов<ую> воду. Пересадка, если поезд не прямой, на Гренобль, (узнаете!) а для бедн<ых> родств<енников> и трубочистов (<нрзб.> journal Savoyard³) то перес<адка> в Chambéry, к 9 ч. (каж<дого>) утра.

В Грен<обле> на площади есть кафе (вроде Jerusalem) да там спросите и берите бил<еты> [надписано: (автобус)] — прямо в Allemont de Fondery. [надписано: (пересадка в Ruche-taille — ждать до 3 ч. дня)] Идете мимо аптекарши Les grênes⁴, и тут остановитесь. Черкните, когда выезжаете. Покорн<ейшая> просьба — через доктора, если можно, со скидкой, добыть мне лекарства: (но не безпл<атно>, а только, е<сли> м<ожно> со скидкой): 1 короб<ку> Gastrocaol⁵. 1 flas<on> Comprime⁶ de carbonate de Chauх⁷, Adrian⁸, и — Robnervol⁹ — русск<ий> бром. Это — если не затруднит Вас. Можно и без брома. Имейте в виду:

здесь необход<има> туалетная бумага (таково устр<ойство> труб!) и потому берите запас у Unix-prix¹⁰ — большой руло<н> — за 1-50 к<опеек> оч<ень> тонкая. Прихватите и на нашу сирот<скую> долю 1 rulo, а то здесь — напо<минает> сахарн<ую> бумагу! NB NB!! важно.. возьмите по 2 пары эскадрилей, верев<очная> подошва, по 5 fr. у U-Prix, п<отому> ч<то> ход<ить> здесь иначе н е л ь з я. Или бот<ин>ки на гвоздях (100 fr. или — эскадр. — по 5 fr. по 2 пары).

О.А. просит какой-то каркастик (карапузик) для шляпы. И хватайте докт<о-ра> за лысую голову и волоките в чемодане! Иначе — опоздаете к дарам природы. Во-здух ... шампанское. И — бесплатно. Спешу отд<ать> почтальону, а то бы еще погрозились! В сентябре ехать по-здно. Мы над<еемся> жить до 1 окт. (28–29 сен.) И так — NB: езжайте! не медля. Все кланяемся. Агаше скажите, что здесь на Усп<ень> даже не пекут по 7 б<ольших> пирогов. Ваш Ив. Шмелев.

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 6–6 об. Автограф (черные чернила). Письмо из Аллемона.

¹ Закончилась (фр.).

² Почти закончилась (фр.).

³ Журнал «Савояр» (фр.); Аллемон относится к области Савояя.

⁴ Ясени (фр.).

⁵ ««Gastrosol», лепешечки, известковые, против кислотности» (Шмелев И.С. Милость Преподобного Серафима // Собр. соч.: В 7 т. Т. 2. С 340).

⁶ Правильно: somgriné — таблетка (фр.).

⁷ Карбонат кальция (фр.), препарат при заболевании ЖКТ.

⁸ Установить не удалось.

⁹ Успокаивающее средство, содержащее бром.

¹⁰ Имеется в виду «Uniprix» — сеть магазинов во Франции.

16 VIII 34
Allemont. Isère

Дорогой Михеич,

14го послал письмо (разгон) Вашим кунктаторшам (помните Кунктатора?!), а сейчас, экстренно² пишу Вам. Оч<ень> прошу, пришлите с Blond'диночкой (за мой счет!!!) пузыречек капель (чистых, без примесей) Beladonne, ибо боюсь — а вдруг, опять боли! — а здесь дурак аптекарь, живет в Bousg d'Oisan и не дает без рецепта. Ив ездил на велосипеде (10 km) с девчонками, а дурак д<олжно> б<ыть> решил, что либо сам хочет травиться, либо с девчонками развязаться, и не дал: — рецепт даже! Пойти к доктору... его с 7 собаками не найдешь, а найдешь — как просить? Еще обидится: да чего Вы сами себя лечите? да я еще Вас «посмотрю», да мож<ет> Вам не белад<онна> нужна, а чернодонна... — раз-

1/14 № 34

"Le Jeune" = Одогара.
Allemon - аммон (по-французски)
Bière (и-оранж-джене)
маленький уксус
красивый в абрикос
и-красный!

2-ой Серовский:
Приказ 2: (Ситцено)

Кислород, в е р, и немедленно. Облевиона ватно...
Ситцено... зр и Ситцено.
Минимизация (идеи, неграфиковые)

Минимизация серповидная!

1ое Все стандартное шило: и родина (и еще Бельг по-французски)
21 цент - 30 коп. А 12 коп (!), км. шило, родина, конечно
кто-нибудь, даже какой-нибудь (белый) и даже Серо., но не в!
А процесс - отклонился по-прежнему.

2ое Все удивительное (пока еще ситцено предвещает!), замечательное
- fini, машина-прелесть fini! Черника - еще ситцено
вместо 5 (в восток. надписи 5^{ти} ведерко - 5 км. по восток
на стандартное. Но... и в восток... - еще fini. Восток
ком. Ден. и К^о надписи 285 Ден. - но... ка-ка-ка!
Серо. по 1 км. Но по-то... по-то... по-то... по-то...
Но надо ситцено 3^{ти}! Не надо над 3^{ти}! С. Ш. еще
мо-увер. Приказ ситцено. Механика... и ка. перо и-
увер. Но в... (кооперат.) и родина ситцено 3^{ти} и
сидит ситцено 10 Ден. но... ка-ка-ка! Будет еще
каждому только ситцено (масса) зр. ситцено (неграфиковые)
Гарбард - восток. Будет еще ситцено. Ситцено и идеология
Будет еще... ситцено ситцено. Много и красиво. Но в...

Первая страница письма И.С. Шмелева Серовым от 1 (14) августа 1934 г. из Аллемона.
Публикуется впервые

в воскресенье. еще надо и чай. 3. земляники! Если придет
 и еще один - лучше пока и чай, и земля. Ив. уже
 фр. Свобода выпало...! - на работе. Еще 3 погребов.
 а если, одно над - (24 с. земля. вырыть)
 мн-свобод и пруде. Но надо не конне ильзюре.
 Скажу доктору: по-фр! обещал дать стел. и уби-
 ту? Бога в небесах. Сейчас пишу ильзюре над оном
 и л год свобод ильзюре и фазонне-отиски.
 ик доктори свобод. вон. пересадка, свобод
 погреб ильзюре, на Трендов, (ушар!) и
 "дид Инди. родок и ильзюре (ар журнал. фазонне)
 то пере. в Шамберг, на 97. (клуб. ушар.
 на Трен. на ильзюре ефр капе (ар журнал. Jerusalem)
 де танд свобод ильзюре, вилла в Аллемон
 de Fontey. под ильзюре ильзюре "des fleurs"
 и ильзюре ильзюре. Трендов, капе вырыть.
 фазонне. ильзюре - ильзюре, свобод ильзюре, со
 свобод, капе ильзюре ильзюре: (но ильзюре,
 а ильзюре, в. св., свобод, (корд. Gas trosool
 (flac. Congruis de carbonate de Calcium, Adrien
 и-Робинзон - фазонне. Фронт. Но - свобод ильзюре
 ильзюре. Ильзюре ильзюре. Ильзюре в свобод. (дид
 ильзюре. ильзюре. Фазонне (манд. ильзюре, ильзюре!) и коро-
 ильзюре. ильзюре. Ильзюре ильзюре - Ильзюре (10-15 фазонне.
 ильзюре. ильзюре. Ильзюре ильзюре ильзюре. Ильзюре, а в
 ильзюре - капе. свобод. Фазонне. ИЛЬЗЮРЕ!! Фазонне.
 Фазонне по 2 ильзюре свобод ильзюре. Ильзюре, по 5 фр.
 И-Робинзон, ильзюре. Ильзюре ильзюре ильзюре. Ильзюре ильзюре
 ильзюре (10 фр.) или - 2 фр. - ильзюре. по 2 ильзюре
 в. ильзюре ильзюре капе (капе ильзюре) / Ильзюре
 ильзюре ильзюре. Ильзюре ильзюре ильзюре в ильзюре
 ильзюре. Ильзюре. Ильзюре ильзюре. Ильзюре ильзюре.
 Ильзюре ильзюре. Ильзюре ильзюре. Ильзюре ильзюре.
 Ильзюре ильзюре. Ильзюре ильзюре. Ильзюре ильзюре.

Вторая страница письма И.С. Шмелева Серовым от 1 (14) августа 1934 г. из Аллемона. Публикуется впервые

ные быв<ают> доктора! А с меня и х довольно. И вот, живем рядом с Bella-Donna (такая выс<окая> гора!), а не могу достать белладонны. А без нея — страшусь. Так fr. на 2–3 — b e l a d o n n e [надписано сверху: (в чистом виде, без всего прочего)] — тэнтюры³.

Извольте немедленно приезжать! Это свинство-с, не пить дармового шампанского! Здесь его великия богатства — разлито — пей только. Это — преступление — не давать себе ни отд<ыха>, ни срока! И скажите, pater familias⁴, своим f a m i l i a g i c u s⁵, сиречь Ирису и Маргарит'е Александровне, что если не хотят ходить в шубах, а вместо грибов и ягод (остатки) собирать летошний снег, — ехать немедленно. Вчера мы с О.А., т<ак> ск<азать> калеки, пошли по тоске пройтись и нашли на о д н о м только откосике в пятак — 7 березовиков, 3 подосиновичка и 2 рыжих. Шли б е з л у к о ш к а! А Деникины выволокли две корзины рыжиков. Они совсем утопили в грибах, высунув язык шарят — по высоткам. И чтобы купили по 2 пары веревочн<ых> эскадр<илей> у Unis-Prix⁶, по 5 fr. с тесемками. Здесь на каблучках ходят только приехавшие на празд<ник> к мазерянам⁷ себя показать! — отщепенки, глотнувшие Парижа в ролях горничных и т. п. А разумныя Пар<ижан>ки — или в сапогах на гвоздях, (богатые) или в верев<очных> туфлях (наш брат), т. е. те, кто желает жить в ладу с горами и ... со своими ногами.

Доктор Михеич! Если Вы хотите: 1) иметь зимой практику 2) здоровье, 3) свежий<ий> цвет лица (как у мясника) 4) сильные ноги (волка ноги кормят!) 5) светлую голову (не в смысле плеша, а — для обыгрывания партнеров в бридж) 6) грибы на закуску кажд<ый> день, 7) добрых друзей, 8) понятие о русском лете, лесе и проч. 9) мое уважение к Вам и 10) вообще, добрую репутацию... — приезжайте сюда: веселей с нами расхлебывать осеннюю погоду.

А засим, имею честь быть Вашим непокорным поциентом (от Potion⁸) Иваном Алемонтийским и Белладонским. Sic!»

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 7–7 об. Автограф (черные чернила). Письмо из Аллемона.

¹ Медлительный, нерешительный человек (*лат.*); прозвище древнеримского полководца Квинта Фабия Максима (умер в 203 г. до н. э.) за его нерешительные действия в войне с Ганнибалом.

² Так в тексте.

³ От фр. *teinture* — настойка.

⁴ Отец семейства (*лат.*).

⁵ Домашние (*лат.*).

⁶ См. примеч. 10 к письму 38.

⁷ К селянам; от фр. *mas* — хутор, сельский дом.

⁸ Микстура (*фр.*).

24XII-34 — 6 I-35

Boulogne

Поздравляем дорогую Маргариту Александровну со днем Ангела, а присных — с именинницей. Здоровья и 500.000 fr. (не надо зариться, на миллионы, пусть их!). С праздником Рождества Христова, с Новым Годом! Эх, за-бы-ли! Даже на мое чтение (27 дек<абря>) не явились, и посему я затосковал. Прощайте! Аминь. Серчаю.

Ольга + Ив.Шмелевы

Доктору — почет. Продернул я его в рассказе, кот<орый> б<ыл> напеч<атан> в душеспасит<ельном> чтении. Нагрел! Да-с. Читайте в «Правосл<авной> Заруб<ежной> Руси» — («Карпат<ская> Русь»)¹. Говорю: единств<енный> доктор, который ошибся! (Рассказ об исцелении) В-вот.

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 1. Автограф (черные чернила). Письмо из Булони.

¹ Речь идет о рассказе «Милость Преподобного Серафима» о чудесном исцелении И.С. Шмелева от язвы двенадцатиперстной кишки. В нем С.М. Серов упоминается как «друг-доктор», вызываемый для диагностирования. Рассказ опубликован в журнале «Православная Русь» (1935. № 1–3).

4.IV. 1935

2, Boul^d de République

Boulogne s/Seine.

Дорогая Маргарита Александровна,

боюсь, что остались у Вас на руках билеты обузой, уж верните, не томите себя, — боюсь: распечат меня Наталия Ивановна — мученица, приившая «бремена неудобноносимья». Дело, д<олжно> б<ыть>, неверно: сужу по своим хлопотам, — не дай Бог. Нет уж, довольно: последний это вечер, зарекся: лучше бы я сидел да пописывал до... последней тачки. Пора Меценатов — для русского писателя — прошла. Концерты, балы... — закружили, выпотрошили. Все эти дни куksился, кис — хрипел, банки ставил, страшусь свалиться. Занес на скрижали... п о б е д у: нежданно — письмо от З. Гиппиус и Мережк<овско>го — за «Богомолье»¹ — им прислали книгу от изд<ательст>ва из Белгр<ада> — да ка-ко-е!... Не ждал. Разумейте, языци и покоряйтесь! Слава Богу. Одолели «воздвания», статьи, запросы, письма... Кара-у-ул! За эти дни написал до... 40 писем! Читатель очень отзывчив, да ... но! знал бы читатель, как

пишет писатель — и во ч т о это ему встает! А посему: купил 1/20 на 4 trrrr...!. И будет — trrrrr! Что, милый доктор? Получил невнятное письмо от С.Л. Добневич ... пишет о каком-то заболевшем (?) тяжело поэте... но я ни-чего не знаю. О Бальмонте? Не знаю. Послал в субботу ему «Богомолье» — и до с<их> п<ор> не получил ответного п<ись>ма! Что такое?! Я вот эти дни писал, болел, опять писал... ибо если я не буду писать, меня будут Но ... надо брести, брести... «и́но еще побредем» — сказал протопоп Аввакум. Ничего, Марковна, терпи! Меня можно теперь складывать, как тряпку, проглаживать, полоскать... Скорей бы прогладили — и «на полку»! Вспоминаю Гоголя: «счастлив писатель...» и т. д.²

Целую всю братию. Доктору — поцелуй, Ирине — 1 ½, Вам — un million³ ... тот самый, который надо бы выиграть. Молитесь!

Ваш Ив. Шмелев

Прилагаю — билет на «3 конверта».

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 2–2 об. Автограф (черные чернила). Письмо из Булони.

¹ Повесть вышла в 1935 г. в Белграде, в издательстве «Русская библиотека». Благодарственное письмо от З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского, написанное Гиппиус после десятилетней паузы в переписке со Шмелевым, датировано 29 марта 1935 г., начинается словами: «Непередаваемым благоуханием России исполнена эта книга» (цит. по: Иван Шмелев: Отражение в зеркале писем: Из французского архива писателя / Подгот. текста, примеч и публ. О.Н. Шотовой и В.П. Польшковской // Наше наследие. 2001. № 59/60. С. 127).

² И.С. Шмелев цитирует «Мертвые души» (гл. 7): «Счастлив писатель, который мимо характеров скучных, противных, поражающих печальной своею действительностью, приближается к характерам, являющим высокое достоинство **человека**, который из великого омута ежедневно вращающихся образов избрал одни немногие исключения, который не изменял ни разу возвышенного строя своей лиры, не ниспускался с вершины своей к бедным, ничтожным своим собратьям, и, не касаясь земли, весь повергался в свои далеко отторгнутые от нее и возвеличенные образы».

³ Один миллион (*фр.*).

42

20.VII.35

Булонь /С.¹

Милая Ириночка,

Не утруждайте себя «сапожным делом», — я купил вчера у Pilot прекрасные ботинки за 25 фр, т. е. даже нажил 8 фр. А посему покорнейше прошу Вас — в магазин не заходить, на туфельки не заглядываться, а хранить мои 22 фр. до радостного свидания. Сердечный наш привет Маме, Папе (не римскому), а Вас

целую в умный лобик. Ри-суйте, а — главное — на ночь! Кто знает, м. б. и мы в конце сентября попадем туда!?

Все мож<ет> случиться. Аминь. М. б. заедем на днях.

Дядя Ваня (собственный)

Ив. Шмелев

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 3–3 об. Автограф (черные чернила). Почтовая открытка из Булони, адресованная Ирине Серовой в Париж: 7, rue Marcel-Renaud Paris, 17e. Обратный адрес: Iv. Chmélov. 2, B^d de la République. Boulogne s/ S.

¹ Имеется в виду Булонь-на-Сене.

43

22.9.35. Вон ку-да, бывлые стрекозки, залетели Вы! Какое изобилие! И гольф, и Жуан¹ ... м. б. и «Дон» найдется? И чего смотрит муж и отец?! Хи-трый! Он тоже... отдыхает ... от... не скажу-с — от кого. — Завтра выбираемся на республик<анский> бульвар. Здесь все лето было «грибное безумие», но мы с О.А. вели себя чинно и — взирали, — только, — как Д<еники>ны с крячками и дюжиной армян и -ок² прыгали по горам. А.И.³ 6ой день лежит, что-то от пальца пошло в руку, боли, нарыв, кот<орый> не нарвал... а стал рассыываться, но что будет — неизв<естно>. Докт<ор> из Оуазона почему-то не сделал прививки противогнилостн<ые>. Ужасные ночные боли. Не мож<ет> послать в Gren<oble>. Не понимаю! М. б. и обойдется. Я советовал — немедл<енно> в Gren<oble> и — прививку. Н-не понимаю. Она-то ведь очень все сама понимает. Ну, жуаньте на здоровье. Целуем все же. Как бы Вам там Мусс-со-лини⁴ не насолил!.. У нас сборы, хаос. Бррр... Ну да и Вы будете собираться. А я еще бу-ду именин<ник> (21.9. — 10 XI)⁵!!

О.А. и И.С. — парижане, увы!

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 4–4 об. Автограф (черные чернила). Почтовая открытка с видом Аллемона и стрелкой, указывающей местопребывание Шмелевых. Адресовано: Mme Margo et Mlle Ir. Seroff. Villa Germain. Chemin de la Gabelle. Golfe-Juan (A.M.).

¹ И.С. Шмелев обыгрывает название залива — Гольф-Жуан, — где отдыхают Серовы.

² Имеется в виду «армян и <армян>ок».

³ А.И. Деникин.

⁴ *Муссолини* (Mussolini) Бенито (1883–1945) — фашистский диктатор Италии в 1922–1943 гг.

⁵ Именины И.С. Шмелев праздновал 9 октября (н. ст.), в день преставления апостола и евангелиста Иоанна Богослова (см. письмо 52).

15. X. 35.

Дорогой друже-докторе! Сергей Михеевич!

Чувствую, что «виюстен» дает силы и ясность, и аппетит, и бьенэтр¹, — если можете наградить таким же эшангтеном², — облагодетельствуйте. М. б. черкнете — и мы приедем к Вам. А сейчас я ушел в книги о старцах и готовлюсь к дальнейшей игре с Даринькой³. Каково! Получил от «литерат<урного> бюро», состоящего из двух неарийцев⁴: «давайте делать дело, читаем В<аш> роман в “Ренес<сансе>”⁵ — с “вигодоқ” можно переводить на все языки». По-франц<узски> письмо на газету. Но, чудачки не знают, что роман не написан еще... Что же скажут, когда я напишу и покажу им... старцев! Но ... нюх есть. Увидим, ладно. Надо написать, а для сего... — «виюстенить».

Целуем Вас и стрекозок

Всегда⁶ ваш Ив. Шмелев.

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 5–5 об. Авторизованная машинопись; черные чернила. Почтовая открытка [из Булони], адресованная С.М. Серову: 7, rue Marcel-Renauld Paris, 17e.

¹ От фр. bien-être — хорошее самочувствие, благосостояние.

² От фр. échantillon — образчик, проба.

³ Шмелев продолжает писать «Пути небесные», где главную героиню зовут Дарья.

⁴ Имеются в виду евреи.

⁵ Имеется в виду газета «Возрождение», где в марте—июне 1935 г. печаталась первая часть романа «Пути небесные».

⁶ Чтение слова предположительное.

14.XI.36

Милый Сергей Михеевич,

Увидел в газете, что переехали ближе к н а м¹ и вспомнил о Вас. Вы, кажется, обо мне забыли. А я уже с 10 окт. здесь, мечусь в тяготе. Вернулся-таки, после того, как меня выпили в Латвии и др. местах², — наша молодежь, ведь, жадная, особенно — тамошняя, с крепким зарядом. Видел³ много, в с е г о. Не ожидал такого «п р и з н а н и я». М. б. завернете вкупе со своими, хоть в воскресенье вечером, завтра? Покажу Вам «дары», — есть что показать, пока не убрал их по щелям своего пустынного обиталища. Завален письмами, — сил нет отвечать. Пока не могу работать. Целую Вас всех. <Нрзб> о п л а к и в а е м ы й! — чудеса. И м. б. уеду... Не знаю, — но если уеду, то не один.

Ваш Ив. Шмелев

Столько любви видел!!

Книги⁴ поднесли мне — старообрядцы! <Нрзб> — девушки родные! А одна — так «глазки» свои подняла. И что со мной все они и оне де-лали! Да и в Берлине. Отказался от 6 городов и от 3 стран. Иначе таскался бы и по сей день. Пришлось покупать чемоданы в Берлине. Есть, о чем поразсказать. Видел... Россию. Был у проволоки...⁵

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 1. Автограф (черные чернила). Письмо [из Булони].

¹ У Серовых — новый адрес: 84, rue Ranelagh, Paris 16^e.

² 22 июня 1936 г. умирает жена писателя Ольга Александровна. Чтобы хоть немного отвлечь его от горя, друзья организовали ему поездку в Латвию и Эстонию, в Печорский монастырь.

³ Чтение слова предположительное.

⁴ Чтение слова предположительное.

⁵ Шмелев побывал в Псково-Печорском монастыре (в 50 км на запад от Пскова), в Изборской крепости — постоял у советской границы, где долго-долго рассматривал в бинокль родную землю. Дотянувшись рукой через проволоку ограждений, он сорвал несколько цветов.

18.V. 37. 9 ч. веч<ера>. после всенощной, прп Иова.

Милый друг Серг<ей> Михеевич, — доплыл.

В Праге — полная победа, на всех 3-х выступ<лениях>. Сл<ово> о Пушк<ине> потрясло и взвило. Зал — 900 ч<ел<овек> весь встал в громе апл<лодисментов>. Все говор<ят> — небывалая вещь, даже эсь-эры встали и д<олжны> были бить в ладошки. Многия плакали — от р о д н о г о. Множ<ество> изъявлений, говорили и несуразное, напр<имер> — «это выше Слова Дост <оевского>». «Вы нам раскрыли самое важное». Один молодец сказал: «Я был неверующ<ий> и не поним<ал>, что такое Пушк<ин>, п о ч е м у он велик... т е п е р ь я все постиг». Засим поклонницы одарили и заласкали. Поднесли дорожн<ый> несесер и дорож<ный> бювар. «Неизвестная» внесла 500 ч<ешских> кр<он> — доб<авочный> гонор<ар>. Левые смятенны и ничего не мог<ли> возразить. Чешск<ая> печать — демокр<атическая> — засвидет<ельствовала> блест<ящий> успех. Никогда не было здесь подобн<ой> массы — и единад<ушия>. Произвело большое впечатл<ение> на чеш<ское> общ<ество>¹ — Поднят дух россиян, — я доволен. Целую Вас, Риточку и Ирочку. Ив Шмелев.

[Надписано сверху, до основного текста:] Здесь чудесно. Тишина, свет, ласка, Пасха. Столько всего — нельзя описать. Расскажу.

[Надписано сверху, прочитывается, если повернуть открытку вверх ногами:]
16 л<етняя> гимназ<ист>ка прислала безумное п<ись>мо на тему «Зачем Вы посетили нас? Я никогда б не знала Вас». Угрожает ужасами, если я не отв<ечу> и т. п.

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 2–2 об. Автограф (черные чернила). Почтовая открытка из с. Владимирово с изображением православной миссионерской обители преп. Иова Почаевского в с. Владимирово, в Карпатах², адресованное С.М. Серову: 84, rue Ranelagh, Paris, 16^e.

¹ Возможный вариант прочтения — «чеш<скую> общ<ественность>».

² Весной 1937 г., в дни, когда отмечалось 100-летие со дня смерти А.С. Пушкина, Шмелев побывал с выступлениями в Праге (май), затем пожил в обители преподобного Иова Почаевского (Почаевская лавра). См. примеч. 11 в предисл.

47

30V1937. Милая Маргариточка Александровна, Ириночка и <нрзб> мой друг Михеич. Здесь — с в е т. Несказанно. Лю-бку душистую нашел, ночную фиалку, восковая! Оттаял. Цел<ые> берез<овые> рощи! Птицы! Цветы в лугах. Россия! Какие лю-ди! 5 и 8го два выст<упления> перед тыс<ячной> ауд<иторией> в Уж-городе, 10го — в Мукачево. Какие жиды! Какая балерины — рус<ская> девуш<ка> с десятком ярких юбок! Но — дело: М.А.! Сейчас же заставьте д<окто>ра написать рецепт в литрах европ<ейского> иода, внутрь, для подвижника, обещал я, чтобы к концу недели получили здесь. Пишите на имя Пыжова Дм. Мих. Заклинаю Вас! Немедленно, тридиод, потреб<уйте> рецепт, с <нрзб>, что ли? Я принимал и О.А. Целую всех. 15го в Париж. Ив. Ш.

Сами напишите, а то доктор отложит. Рецепт!!! Пришлите для аптеки.

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 3–3 об. Автограф (черные чернила). Открытое письмо из с. Владимирово с изображением православной миссионерской обители преп. Иова Почаевского в с. Владимирово, в Карпатах, адресованное М.А. Серовой: 84, rue Ranelagh, Paris, 16^e.

48

14 сент. 1937 5 ч. дня погода — дрянь.
Villa La Maraviglia
Chemin de Gorbeio
Menton (А.М.)¹

Дорогой, милый Сергей Михеевич,

Дотацились-таки, влезли в эту Муравилью к 10 ч. веч<ера>. И теперь — в с е здесь мне отвратно. Бедному Ивику — тоска, о д и н! Вчера купался он, лежал на

сквернейшем в мире пляже — все один. Жалко его. И посему — думаю направить его в Ваше место. Сообщите, поскорей, во что обходится (для него) еда, кров, и как ему ехать (по жел<езной> дор<оге>) где слезть. Пусть хоть дней 10 поживет с людьми, м. б. найдет сверстников. А здесь — три старушки, и кругом — чужие. Он не ропщет, но мне-то его жалко. Знал бы я — с Вами бы подался. Не нужна мне ни Италия, ни эта чортова Ривьера. В с е давно знаю. Много напоминает Крым, — и разворачивает душу. Но я тут побуду — и м. б. перееду в Ниццу. Боюсь, что в В<ашем> месте не найду подходящей еды для себя. А в Ницце м. б. <нрзб> присоветует. Колеблюсь ехать в Милан. Зачем мне это? Разве только дорогу оправдать? Да чем мне там заплатить!! Выходит нельзя. Значит — живи и проживай.

Вчера — холод. Сегодня — и хол<од>, и ливни, и град с утра. А ночью комары поют. Это еще было бы туда-сюда, если бы здесь, как говорил полковник в St-Genex, — «мухи от скуки дохли». Нет. Скучища, а мухи не дохнут, и не дают днем соснуть. От-вратительно. Вот эти клоаки мира — Канны, Жуаны, Ниццы, все огненное — и мировой лупанарий² — Монте-Карло (видели проездом) — вызвали во мне тошную тоску — пустая суета это. Все видано. Приморские кабаки и «живодерни». «Рус<ский> Дом» здесь — богадельня, не лучше (хуже!) St-Genex-ской. Все б ы в ш е е. И понятно, почему Б<альмо>нт умчал из Канн. Жалко разочаровывать милых старых дам, писал, что пробуду до конца сент. или дольше. А теперь — ну как я вырвусь отсюда? Оне огорчатся, но ... сам вижу, к<а>к им трудно попасть в тон моего ражима. Но — один — я здесь погибну от уныния.

Ну, поцелуйте за меня. Ирину и Маргариту Александр<овну>. И — пожалейте меня, горемыку. И — поскорей, немедля пожал<уйста> ответьте. Обнимаю и целую Вас, друг дорогой

Ваш Ив.Шмелев.

[Надписано в начале письма, в левом углу:] Ради Бога, как получите, в тот же день ответьте. Прошу Ириночку и Марг<ариту> Ал<ександровну>.

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 1–1 об. Автограф (синие чернила). Письмо из Ментоны.

¹ *Ментон* (Menton) — самый западный курорт Французской Ривьеры, расположенный на границе с Италией. Город имеет четко выраженный итальянский колорит, так как отошел к Франции лишь в 1861 г.

² *Лупанарий* (также лупанар, лупанара, лупанария; лат. lupanar) — дом терпимости в Древнем Риме.

19.IX. 37.

Ментона, или Чертова дыра.

Дорогой друг Сергей Михеевич,

Так и не дождался от Вас ответа на п<ись>мо. А посему решил послать Ива — как снег на голову. Где-нибудь там у Вас найдет себе логово. А здесь ему не место, — и так пропали для него вакансии из-за милаго его папаши. Тут для него — воздух плохой: старушки, комары, ливни, пустое море, ни единого сверстника. А молодому человеку нужна и молодая среда. Хоть 9 дней порезвится. Даю ему 300 фр. Если у Вас найдется, чего ему не хватит — дайте, мы с Вами расквитаемся. Напишите мне, я Вам отсюда переведу, а сейчас наличных у меня остается 80 фр. Завтра или послезавтра смогу разменять американские медяки в банке, а сегодня все закрыто. Во вс<ех> смыслах здесь плохо и для меня, но я-то — куда ни шло, выдержу к<ак>-ниб<удь>. Жду п<о-сыл>ки от Амфитеатрова¹ из Levanto. Работать пока не могу, из-за уныния и отвращения. За эти 7 дней — 4 — дожди. Были в Монте-Карло — погребальное. Плюнул и — не поставил даже 10 фр.

Я говорил с E. Genot (хоз<яин> автокара). Он живет Canalaire s/mer Posta rest. (Var). Он обещал взять Ива, засчитав как allez-retour². Его авток<ар> идет в среду, 29го сент. т. е. 130 фр. Jardin Albert I. в 6½ ч. у<тра> из Ниццы. Дайте записку к нему Иву, и Ив съездит к нему и узнает, где и в как<ом> часу сесть Иву на авток<ар> в среду 29го. Больше ничего. Если бы Вы мне написали, я сам приехал бы с Ивом, но ехать мне на-ура нельзя: м. б. в La Fanière и молока не достать! Да и визы надо дожидаться на Италию. Очень мне скучно будет, одному. И м. б. я снимусь вдруг и махну домой. Все вышло оч<ень> неудачно.

Поцелуйте Ваших стрекозок и не корите грешного и любящего Вас
Ивана Шмелева.

Menton a/m.

11 ч. 20 м. утра, воскресенье. 19 IX 1937.

Пусть Ив напишет мне немедленно, все, чтобы я б<ыл> спокоен. Остаюсь на съеденье комарам.

Если бы встретил в рулетке знакомых и знающих это дело — поставил бы, а в таком бедламе, одному, — рука не поднялась. Такая все рвань гнусная, начиная с крупье, похожих на шуллеров, что играют на скамейках парижских улиц.

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 2–2 об. Автограф (синие чернила). Письмо из Ментоны.

¹ *Амфитеатров* Александр Васильевич (1862–1938) — русский писатель. Окончил юридический факультет Московского университета (1885). В 1902 г. за публикацию сатирического фельетона о царской семье «Господа Обмановы» был выслан в Минусинск.

Автор романов «Восьмидесятники» (1907–1908; ч. 1–2) и «Девятидесятники» (1910), фельетонов, повестей, рассказов, очерков. В 1920 г. эмигрировал; по отношению к советской власти занял враждебную позицию. За границей опубликовал роман «Зачарованная степь» (1921), книгу «Литература в изгнании» (1929) и др.

² Туда-обратно (*фр.*).

50

23. 9.37.

Милый друг Сергей Михеевич,

Спасибо за письмо, раскачались-таки. Спасибо вам всем за участие к Ивику. Посылал — знал, к к о м у едет. Поручаю его покровительству Ириночки, и даю ей разрешение даже наказывать парня, когда и как найдет нужным. Только бы не таскала по морям. А то — чего хорошаго — утопнуть: им — жить надо. Пересылаю Вам для Ивика переводом сто франков. Я ему при отъезде дал 300, — хватит, надеюсь. А в случае — не достанет — ну, недостающие франки добавьте, мосчитаемся¹, или пришлите мне депешу, я переведу телеграфом, если у меня случатся лишние, — жду от Зеелера² от загона часиков, писал, что мо-жет. На что мне часики! Я вот получу 1250, поеду с Вами рулить и чего-нибудь зацепим. М. б. переберусь к морю, в пансион-отель Мазировых, где чудесно заботятся, а меня знают: сама Маз<иро>ва меня уже слышала здесь, когда читал — и с треском! — по просьбе — ? — В<еликой> Кн<ягини> Ксении Алекс<андровны>³. В<еликая> Княгиня со мной была очень мила, удостоила беседы. Будь это т а м — отхватил бы перстень бриллиантовый, — на автомобиле бы к вам примчал. Знакомых тут много, но я избегаю. Одна полу-молодая дама — вдова, здесь живущая в соб<ственном> домике радостно-трепетно провожала меня после чтения и очень звала к себе, но я рыцарски отклонил. Жду визы на Италию. Амфи<театров> прислал б<ольшое> письмо, горячо зовет к себе, домище-вилла у него для слонов, и готовить обещаются. Заеду. Здесь климат приятный и хорошо зимовать. Подумываю, а не обосноваться ли мне где-ниб<удь> на сем побережье? Пугает холодный Париж. Впрочем, там скоро «жарко» станет. Вот, м. б. сладится что с Америкой, насчет «Няни». Ну, целую всех, милые. Стрекозки, спасибо вам за Ивика. Ирина, милая, держите его в «фешовых рукавицах», вы — старшая!

Дорогой друг доктор, обнимаю. Навестите-ка! а? обрадуете: съездим на Карлышкину Горку⁴. Пусть Ивик прочитает Вам из моего п<ись>ма к нему. Чувствую себя крепче, лекарства продолжаю, взял еще (4^м) коробку Нетостыл. Всех целую

Ваш Ив. Шмелев

Пусть Ив напишет к а к и к о г д а едет. Непременно! Ив. Шмелев Еще целую. Навестите!!!

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 3. Авторизованная машинопись; простой карандаш; черные чернила. Письмо [из Ментоны].

¹ Опечатка, правильно: «сосчитаемся».

² *Зеелер* Владимир Феофилович (1874–1954) — общественный и политический деятель, критик, журналист, биограф, юрист (был адвокатом в Ростове и его городской голова, при Деникине — министр внутренних дел). С 1920 г. жил в Париже. Член Земгора. Один из организаторов (1921) и затем генеральный секретарь Союза русских писателей и журналистов. С 1947 г. член редколлегии газеты «Русская мысль». Похоронен в Сент-Женевьев-де-Буа. В письме О.А. Бредиус-Субботиной от 7 августа 1946 г. И.С. Шмелев писал: «Зеелер — вот, единственный, порядочный, верный, ч т и т служителей искусства!» (И.С. Шмелев и О.А. Бредиус-Субботина: Роман в письмах: В 2 т. М., 2005. Т. 2. С. 486).

³ Романова Ксения Александровна (1875–1960) — дочь императора Александра III, с 1894 г. супруга великого князя Александра Михайловича (1866–1933).

⁴ Так Шмелев называл Монте-Карло, делая кальку с французского: Mont — гора.

51

29.IX. 37.

Menton

Милый друг Сергей Михеевич,

Спасибо Вам всем (поцелуйте «беленьких») за Ивика. Пока я еще поживу. М. б. буду читать в Ницце, если дадут fr. 400–500. Был в М<онте> Карла¹, взял 40 fr. Думаю поехать сегодня — добрать до ста. Они мне еще 30 фр. д о л ж н ы с 1923 г. Что творится-то! Кому теперь верить?! а?!

Когда Вы — в Париж? Дайте знать точно. Жду Вас, можете поместиться у меня, панс<ион> здесь 25 фр. Для Вас есть логово в моей комнатухе. А то — лучше остановиться на берегу моря, в «Balastron». У Мазировых: там, говор<ят> очень хорошо, 30 фр. полный пансион. Скажите, и я оповещу в Рус<ском> Доме² и в Рус<ском> Очаге, что приедете. Здесь на днях приглашали специал<иста> по горлу-носу-уху — из франц<узов>. Уверен, что у Вас здесь будет что-ниб<удь>. Оправдаете и дорогу, и прожитие. И — съездим р у л ь н у т ь с я! Ведь больше не повторится такая н а ш а поездка! Посидим с Вами, друг, у моря —ждемся «погодки». Соскучился я по Вас всех. Виделся вчера в Ницце с арх<иепископом> Владимиром³. Оказыв<ается> — брат педагога составителя рижской хрестоматии, бывш<ий> депутат Латв<ийского> Сейма, — забыл его фамилию⁴. Т о ж е мой горячий читатель. Если буду читать в Ницце — буду у него ночевать, звал радушно. Читателей у меня — сила, а вот с и л ы-то у меня нет. Надо работать, а разбилась душа и тело. Хочу взять еще коробку Nemostill'a. Да и «adovene»⁵ думаю надо продолжать. Когда поеду в Италию — не знаю, — д<олжно> б<ыть>, если вечер мой будет здесь, — пробуду до 12 окт. Жду из Парижа денег за «Няню» (выход<ит> 2ое изд<ание>) — 600 фр. Да м. б. Зеелер часы мои загонит. Тогда

обернусь. Погода эти дни — чудесная, жаркая. В Ницце — суета и вонь. Милый, отвечайте — приезжайте.

А г. Чекунов-то — лейб-медик предателей, оказалось: Фигаро — здесь, Фигаро — там. М. б. и полпреда обслуживает, — и хорутви носит. Уж не работал ли в м е с т е с бесами? Противный тип. А то... м. б. и «подсыпан». И фамилия у него — подходящая.

Ах, как хочу Вас взять! Решитесь же проехаться. Известите.

Ну, целую Вас — троих. Ивик-то хорошо себя вел? не обременил Вас? Скажите. Думаю, что денег ему должно было хватить. Дал ему 300 да сто дослал.

9 ч. 30 м. у<тра>. Иду к морю. Там посижу-потолкусь с добрым читат<елем> — Волошиным⁶, хорошие люди, ученый он, у франц<узов> при астрономич<еской> лаборатории, изобретатель точнейших приборов. Зовут его в Америку.

Крепко обнимаю всех. Не забываете.

Ваш — одинокий Ив. Шмелев

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 4–4 об. Автограф (темно-синие чернила). Письмо из Ментоны.

¹ Так в тексте.

² В Ментоне есть русская православная церковь Пресвятой Богородицы и Николая Чудотворца. Церковь была построена по инициативе великой княжны Анастасии, внучки Николая I, в замужестве великой герцогини Мекленбург-Шверинской, на деньги русских меценатов. Она же много лет оставалась попечительницей еще одной православной церкви и созданного при ней братства во имя св. великомученицы Анастасии — Русского дома в Ментоне, называвшегося «странноприимным». Туда с начала 1890-х гг. приезжали нуждавшиеся в санаторном лечении малообеспеченные российские странники.

³ *Архиепископ Владимир* (в миру Вячеслав Михайлович Тихоницкий; 1873–1959) — сын протоиерея Михаила Петровича Тихоницкого (1846–1918, расстрелян), который в 2003 г. был включен в Собор новомучеников и исповедников Российских XX в. как священномученик. В 1897 г. был пострижен в монашество. В 1907 г. хиротонисан во епископа Белостокского, викария Гродненской епархии. В 1914 г. после начала Первой мировой войны эвакуировался в Москву. Участвовал в работе Поместного собора Православной российской церкви 1917–1918 гг. Архиепископ Белостокский (1923). За борьбу с автокефалией Польской церкви был отстранен от руководства епархией и определен в Дерманский монастырь. В 1924 г. выслан из Польши в Чехию, откуда по приглашению митр. Евлогия (Георгиевского) переехал в Ниццу. Архиепископ Ниццкий, управляющий викариатством Южной Франции. Одновременно с 1925 г. настоятель собора в Ницце. В течение 20 лет управлял приходами юга Франции и Италии. Ректор Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже (1946–1947). С 1947 г. митрополит и экзарх Вселенского Патриарха.

⁴ Имеется в виду *Тихоницкий* Елпидофор Михайлович (1875–?) — сын священномученика Михаила Петровича Тихоницкого и брат Вячеслава Михайловича Тихоницкого; филолог, педагог. Деятель общественно-педагогического движения российского зарубежья в Балтии. Окончил Казанскую духовную академию. (1908). В эмиграции в Риге, в связи с изменением государственных границ. Организовал в Риге гимназию и другие учебные заведения. Автор работ по русской грамматике (1930-е гг.) (см.: *Оссовский Е.Г.* Деятель общественно-педагогического движения и педагогики российского зарубежья: 150 био-

графий. Саранск, 1997). Друг Русского студенческого православного единения (РСП Единения), Русского студенческого христианского движения (РСХД) в Латвии, участник нескольких общих съездов РСХД в Прибалтике. Был арестован в 1940 г. После ареста никаких сведений родным получить не удалось.

⁵ Препарат на основе *adonis vernalis* (лат.), травы горлицы сухой; применяют как успокаивающее.

⁶ *Волошин* Федор Ефимович (1880–1972) — физик, профессор, специалист по точным приборам. В Праге работал в Институте экспериментальной физики Карлова университета; в 1929 г. переехал во Францию, где работал в Метеорологическом институте. В 1937 г. основал в Париже свою лабораторию. Его жена Мария Тарасовна Волошина (1888–1969) впоследствии помогала И.С. Шмелеву по хозяйству, ухаживала за ним в ноябре 1949 г. Позднее они переселились к И.С. Шмелеву, платили часть квартирной платы, поддерживали его.

52

5. X. 37
Villa La Maraviglia
Chemin de Gorbio
Menton A/M.

Милый друг Сергей Михеевич,

Тоска давит. Вчера — особенно, день моего горестного рождения, (64!) — места не находил. Опять купил эту *Buriat*'у — погань, сосу. 30^{то} был, с горя, в «капище» на Лысой горе и — взял 35 фр., — так что добыл теперь все 70, оставленные еще в 23 году, плюс 5 фр. — % %. Сегодня д^олжно б^ыть пойду, — та-ак, походить, поглядеть. Оч^ень дорога хороша отсюда в М^онте. — Карло. И стоит 2 fr. 50 — 6 верст. В Ницце — вечер моего чтения в воскрес^енье, в 8½ ч. в^ечера, в Отель Victoria, В^д1 Vict^or Hugo, № 33. Г^осподи, если бы Вы приехали в Menton'у, на 2–3 дня, мы бы душу отвели, съездили бы в М^онте-К^арло, посидели бы на набережной, на солнышке! А потом, в воскрес^енье, поехали бы «читать». Заночевали бы у Владыки Владимира. Он, оказ^ывается, родной брат составителя рижской хрестоматии Елпидифора Мих^айловича Тихоницкаго. Я у Вас в долгу и посему приезжайте за мой счет. В Милане мое слово о Пушк^ине назначено на... 6 ноября! Жду визу. Рус^ский Кон^сул написал в Париж, чтобы визу переслали на Ниццу. Пишу и я. Амфит^еатров ждет, а я — только получу — отъеду пока к нему в Levanto². Неужели так и не свидимся — до... неизв^естно когда — в Париже?! Там плохо будет. Увидите Деникина — скажите: пусть в Италию уезжает, либо в Англию. Здесь — страна мышеловная, здесь такое «уваж^ение к личн^ости», что похищающая и убивающая генералов и прочие — «личности» — пользуются неприкосновенностью³.

Приезжайте! Будь я сейчас тут побогаче, я бы послал за всеми вами автомобиль — и привез сюда. К^ак оживился бы здешний пчелиный «promenade» — «беленькими стрекозками» (это так Олечка называла). И там — 9^{то} я именинник, — совсем один, — а 10^{то} читаю в Ницце. После чтения, если еще не придет

виза в Милан — м. б. напишу, наконец, «Нездешнюю». Не умею писать «походя», не у себя. «Europäische Revue»⁴ просит (в Берлин) рассказ (переведен<ный> на нем<ецкий>). Но там надо деньги получать — там же. Во! От И.А. Ильина⁵ — ни звука. Узнал странное: мне не только не прислал мой «друг» Кл<имо>в⁶ из Риги моих 3 т<ысяч> фр. (ка-ак заработанных и — в ка-ком состоянии!), но... сказал, там мои почитатели-читатели собрали по подп<иске> <нрзб> (я этого не знал!) 1.000 лат — теперь более 6000 фр. — и в с е проглотил «друг-читатель». Как Вам это ндравится?! Во, каки «тайны»-то открываются!

Милый, свидимся-ли?! Утешьте, замахнитесь-ка — дня на 3! Голодно — поедем в М<онте> К<арло> и — обдерем всех крупье. Я Вас выучу, как надо щипать их. Перед хладным Парижем Вам н а д о попариться и Ницц-нуть.

Ивка доволен, очень. Мог бы еще здесь с вами пожить, у него, оказал<ось>, занятия только со вчер<ашнего> дня начались. Мог бы выехать 1го, со 2ой группой. Если бы я ограбил М<онте> К<арло>, — выслал бы Вам тыщу — гу-ляй!

Были тут приличные люди, знакомые (ученый один с женой) — уехали⁷. Я — как в богадельне. Прикован ожиданием «визы».

Целую всех, всю тройку милую, а коренника обнимаю. Последняя моя поездка — «к морю». Satis!⁸ Что значит — «сыт по горло». Накормила жись-матушка. Напоила и — вы-пила, в с е г о. Напишите два слова, и лучше — сами явитесь и запоете: «я зди-ась... и шляпа с пером, и горсть с серебром, и пла-ащ мой драгоценный...!» А у меня ни плаща, ни зонта...

Ваш Ив. Шмелев, весь тут.

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 5–5 об. Автограф (темно-синие чернила). Письмо из Ментоны.

¹ Boulevard — бульвар.

² Курорт на средиземноморском побережье северо-запада Италии.

³ Имеется в виду похищение в Париже агентами ОГПУ генерала А.П. Кутепова (1882–1930), через Марсель он был нелегально вывезен из Франции и умер в пути близ Новороссийска.

⁴ Правильно: «Europäische Revue»

⁵ Ильин Иван Александрович (1883–1954) — религиозный философ, правовед, публицист; в 1922 г. выслан из России. Преподавал в Русском научном институте в Берлине (до 1934 г.). С 1938 г. жил в Швейцарии в местечке Цолликон близ Цюриха, где и умер. Самый близкий друг Шмелева и его многолетний корреспондент. В июле—сентябре 1937 г. И.А.Ильин с супругой Наталией Николаевной путешествовали по Эстонии, и они со Шмелевым «потеряли друг друга из вида» (Письмо И.А. Ильина И.С. Шмелеву от 24 декабря 1937 г. // Ильин И.А. Собр. соч.: Переписка двух Иванов. М., 2000. Т. 2: 1936–1946. С. 208–210).

⁶ Климов Георгий Евгеньевич (1895–1967) — морской офицер. В 1918 г. вместе с женой Софьей Терентьевной (урожд. Теодорович; 1899–1991) покинули Петроград; после окончания Гражданской войны поселились в Риге, устроили летний пансион в дачном месте близ латвийской столицы (туда приезжал отдыхать И.А. Ильин, а летом 1936 г. по его рекомендации И.С. Шмелев). Г.Е. Климов опекал Шмелева в его поездке по Латвии и остался должен писателю 382 латвийских лата и 85 эстонских крон за его лекции в При-

балтике. См.: *Сорокина О.* Московянина: Жизнь и творчество Ивана Шмелева. 2-е изд., доп. М., 2000. С. 235.

⁷ Волошины.

⁸ Достаточно (*лат.*).

53

6 X.1937. 9 ч. у<тра>

Menton

Все дождит. Известите, когда едут в П<ариж> стрекозки, и когда — Вы, и — куда? Заверните, поедете прямо отсюда.

Милый друг, Сергей Михеевич,

Загляните. Влад<имир> Теоф<илович>¹ часы мои с цеп<очкой> уже «расплавил» за 1580 фр., лир мне купит на 300 фр., остат<ок> высылает. А пока я могу Вам выслать — или вручу здесь — 150–200 фр. — ведь в долгу я у Вас! Всюду пишу о визе. Лучше бы я т а м, в Ит<алии>, проживался, — пока теплая пора — поглядел бы ее. В Levanto пописал бы. Не томите — отвечайте сюда, съездим, — продавлю 50 фр. — решил. Но — верней — зацепим коготком, обдерем крупье кру-пно, и — совокупно. Уви-дите! Здесь все глухие, носатые, и в глотке — дудка, т<ак> что у Вас — б<удет> практика. Загляните в хайло крупье, оно у него от «глота» раздулось, — с м а ж е т е ему! И непременно поставим — 7, 17 и 27! И на Ваши года — в обратном направлении. Так н а д о.

Целую Вас и милых стрекозок — им боюсь в Париже свежевато — после Солнышка: смокнут крылышки.

Ввваш Ив. Шмелев. Черкните нехотя. Я здесь на полсотню годов состарился. В этой усыпальнице. Так бы и постоял на могилке. А — когда? Времена самая тревожные. Свидимся ли. И.Ш.

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 6. Автограф (темно-синие чернила). Письмо из Ментоны.

¹ В.Ф. Зеелер.

54

3.XI. 37. — 9 ч <асов> веч<ера>.

3. rue Manin¹

Дорогой Сергей Михеевич,

Оч<ень> прошу — закажите 1) compr<imé> Adr<ian> de Chaux, 2) «adoverne²» и 3) успокаив<ающее> Veriane Buriat и 4) — Salubanne³. Сейчас у меня Вад<им> Ник<олаевич> Радионов⁴. 2ой день у меня круж<ится> голо-

ва, — вдруг закачалось. Что такое?! И — отвращенье к работе. Усталость. И — тоска, тоска... Ясно! Я чем-то болен. t° нормальна, но я болен. Эта тоска, и это томленье... Боюсь, как бы не повтор<илась> серд<ечная> слабость и падение давления. Эх, скорей бы уж все кончилось. Поцелуйте стрекозок. Обнимаю. Ваш Ив. Шмелев.

Ах, зачем я покинул свою квартиру! Здесь — тяжело.

Буду рад увидеть Вас. Сам боюсь ехать. Вчера на улице шел из дома и вдруг закружилось...

Решил попить Hemostyl Roussele. Купил. Сейчас опять головокружение.

И.Ш.

Как сделаю быстрое движение — головокружение, к<a>к 4 года назад.

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 7–7 об. Автограф (темно-синие чернила). Почтовая открытка [в Париже], адресованная С.М. Серову: 84, rue Ranelagh, Paris, 16^e. Автограф (черные и синие чернила, приписка простым карандашом обозначена курсивом).

¹ В это время И.С. Шмелев живет на квартире семьи А.В. Карташева, с которым сблизился в 1920-е гг. *Карташев* Антон Владимирович (1875–1960) — ученый, историк, богослов, церковный и общественный деятель. В России 1917 г. в течение 10 дней был в должности обер-прокурора Синода, которую и аннулировал. Инициатор созыва Всероссийского собора 1917–1918 гг. Покинул Россию в январе 1919 г. Активный деятель русской эмиграции: председатель Русского национального комитета в Финляндии; затем в Париже — член епархиальных собраний и епархиального совета Русского экзархата Вселенского престола, участник съездов Русского студенческого христианского движения (РСХД). Сторонник христианского единства, входил в состав русских делегаций на экуменических конференциях в Оксфорде и в Эдинбурге (1937). Был одним из основателей и профессором (доктор церковной истории «honoris causa») Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже (1925–1960). Духовно опекал Шмелева. Автор посмертного очерка «Певец святой Руси (Памяти И.С. Шмелева)» (Возрождение. 1950. № 10. С. 157).

² См. примеч. 4 к письму 51.

³ Перечислены лекарственные средства.

⁴ Правильно — *Родионов* Вадим Николаевич (1890–1963) — поэт. Окончил юридический факультет Петербургского университета, в эмиграции был добровольцем русского Красного Креста. Находился в дружеских отношениях с И.А. Буниним и И.С. Шмелевым. Последний в письме О.А. Бредиус-Субботиной от 8 декабря 1941 г. характеризует его так: «...поэт, хоть никогда не напечатал ни строчки, — очень чуткий, мой ценитель давний» (И.С. Шмелев и О.А. Бредиус-Субботина: Роман в письмах. Т. 1. С. 321).

18.1. 38. Дорогие мои,

Довел Господь к «щастливым швицарам», к<a>к писал Карамзин. Тишь Божий рай, во сне. Ни гудка! Чудеса. В тихой долине, снег с проталинами, елочки. Солнце над снежн<ыми> горами. Никаких волнений, будто в России, в 18... го-

дах. — Случилось все внезапно. Выйдя от Вас 14го I, вдруг, по наитию, махнул в швейцарское бюро и сразу дали билет и places réserves¹, еду 16го! Что-то толкнуло. В 7¹⁰ утра — тронулся. 1 — в купе! В 1 ч. дня — за границей! В 5½ (по швейцарскому) времени — 6-40) встретили друзья. Дай им Бог здоровья, устроили чудесно. Комната 1, 4 x 8 шагов, печка изразцовая, 2 книшка на юг! Постель — райское ложе. Вчера т^о в комн^{ате} + 22.С. Старый замок, 400 лет. С привидениями, но можно от них — на ключ. Похоже на Allemont, очень. Radio. Библиотека. А главное — спал так, как давно не спал. Все время в моем распоряжении. Надо купить калоши. Снег тает, будто в ..., в марте. Не верю глазам — нет суеты, ушам — ни звука! А захотел Парижа — изволь: в Radio — парижский спикер, его жирный голосок о Блюме², Шотане³ и прочая. Книжки «Няни» арестованы с сентября, но на днях издатель получил право вывезти их в Швейцарию. Причина — огромное объявление, кот^{орое} заказал издатель после блестящих критических статей. Ждал большого успеха, а кончилось — арестом⁴. Слишком подчеркнуто в критике «христианская» правда «Няни», — не в духе очень германской жизни. — Ну, Господь взыщет. Давно не было так тихо на душе! Милые, простите, что уехал внезапно, — толкнуло так! Стива вовсе не так плох, как можно было подумать: мы выяснили все: он просто очень застенчив. С радостью сам накануне отвез мои вещи на вокзал, так что мы трое (Ив и Юля) поехали утром в метро. Билет III — стоил 281 fr. (allez⁵) — пути 10 ч. 20 м. Ничего не глядели, очень вежливы везде. Думаю, что смогу много писать. Пока здоров. Городка — 4 версты по железной дороге — еще не видел. Говорят по-немецки, но французский везде принят. Пицца — 1^й сорт. Пансион с комн^{атой} — 4 fr. французских франков у меня — ни ... Вчера разменял последние 500 фр. Пока надо Бога благодарить. Обнимаю Вас, дорогой друг, молюсь за Вас! Всех милых целую — М.А., Ириночку. Всем сердечный привет. А главное — нет подавленности и смутной тревоги.

Ваш Ив. Шмелев.

Черкните!!! Не откажите дать приют скарбу моему горевому.

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 1–1 об. Автограф (черные чернила). Почтовая открытка из Хальденштайна в Швейцарии с картинкой, рекламирующей праздник цветов в Берлине: «Berlin Blumen 1937». Адресована: Monsiuer Dr S. Sieroff avec sa famille 84, rue Ranelagh, Paris, 16^e France. Обратный адрес: Exs. Par Iv. Chmeleff, chez Mme Dr. R. Candreia, Schloss Haldenstein⁶, pres de Coire, Suisse.

¹ Забронированные места (фр.).

² Блюм (Blum) Леон (1872–1950) — лидер и теоретик Французской социалистической партии. В 1936–1938 гг. — глава правительства Народного фронта. В отстаивании завоеваний Народного фронта был непоследователен. Проводил курс на «умиротворение» фашистских агрессоров.

³ Шотан (Chauteamp) Камиль (1885–1963) — премьер-министр Франции в 1930, 1933–1934, 1937–1938 гг. Способствовал распаду Народного фронта. В 1938–1940 гг. — вице-

премьер. В 1940 г. во время вторжения во Францию немецко-фашистских войск — капитулирует.

⁴ Немецкий перевод романа «Няня из Москвы» (Die Kinderfrau: Roman / Autoris. Übers. Aus dem Russ. von R.Candreia. Frauenfeld; Leipzig: Verl. von Huber u. Co., 1936) после годового успеха на книжном рынке в Германии, Австрии и Швейцарии был запрещен в Германии как книга, не соответствующая германскому духу. Тираж был арестован на три месяца, затем его разрешили вывезти в Швейцарию.

⁵ Туда (фр.).

⁶ Замок на курорте в Швейцарии. Пребывание здесь с полным пансионом устроила для Шмелева швейцарская переводчица его произведений на немецкий язык Руфь Бернгардовна Кандрейа.

21¹. I. 1938.,
пятница, 8 ч. в<е>ч<ера>
Haldenstein

Дорогой, милый, добрый друг Сергей Михеевич,

Помаленьку обживаюсь, — я посл<ал> Вам открытку 18го — сегодня уже написал статью «Случай в Шанхае»². А завтра, даст Бог, вложусь в рассказ «Лед<яной> дом»³ — и тотчас же возьмусь за «Иностранца». Здесь весь день — май. Снег, было, стаял (на горах, вдали — все белó!), март, распутица, дороги текут и — с навозом..! Деревня. А нынче, только распахнул ставни — «все ярко, все белó... кругом!.. Зима...» — Все яблочный сады в лебяжьем пуху, и вся эта белая воздушная пышнота сыплется — чуть присядет на елку или пруток дрозд или воробей. Все сверкает! Солнце-е...! Сегодня после завтрака пошел гулять (1 ч. 15 м.), шел и дышал снежным мартом. И снова — текут дороги. Сейчас покрепчало, хрустит, — и звезды на небе...! — Крещенская. В комнате — t° — сейчас 23° C — хоть окна отворяй. Питаюсь хорошо, сегодня ел форельку, а вчера plat de pays⁴ — вяленое мясо, тонкими ломтиками — вишнево<ого> тона, как наш балык. Сырое-с, но сухое. Каламбур. Немут (издат<ель>) подарит мне 60 R<eichs>м<арок> за Св<ет> Вечн<ый>⁵. В восторге все «читатели» — пишет редактор, — «потрясены глубиной сути» и «многое им сделалось понятным». Игра судьбы: я — в зámке, а «Няня» под замкóм. Хочу написать Альфр<еду> Rosenberg'у⁶, адрес его ищу. Что здесь дешево — так это спички (?) — 2½ с<ан>т<има>, т. е. 15 фр<анцузских> с<антимов> — вдвое! Д<олжен> был купить галоши. Стоят 2 фр. 90 <сантимов>, т. е. 20 фр<анцузских> фр<анков>. Зато — гу-ляй: тёпло. Встаю в 8 ч. ложусь в 10. И сон ничего, ку-да там Бьют — в — Шомон!⁷ Говорят здесь на своем п а т у а⁸, и встречные раскланиваются. В окнах чудаков — окорока! Есть здесь, говор<ят>, много рус<ских> швейц<арце>в, иные богачи, кто вовремя «убрался». Говор<ят> о России со слезами (крррокодиловскими) была «дура» — всех кормила, слопали «дуру» — по миру пошли. (На душе тихо, хочу, хочу писать.) А сколько я пис<ем> написал! (и деловых, и друж<еских> 20 пис<ем> с отпр.) придет время — до-

вольно этой «дуры», всех питавшей, — иная будет в у м н а я! А то — что денежек здесь русских! Слышу: «я так люблю Россию!... ах, какие красивенькие золотые империялы чеканили!» В-вот они, «слезы»-то. За все с меня берут — 4 фр., т. е. 27 фр<анцузских> фр<анков>. Но это — по-дружески. Заботится трогательно милая моя перев<одчи>ца⁹. Здесь меня берут — как знаменит<ого> пис<ате>ля, а не как постояльца. Постель какая! какая одеяла! А сверху еще, по ночам пухов<ая> перинка. Вода — с ключей, зубы ломит, держу для согрева в стаканах. Выпил $\frac{1}{4}$ рюм<ки> местной фруктов<ой> водки. Ночью трещат изредка полы: это бродят привиденья. Ириночка закопалась бы с головой от страха. В стенах — шкапы на ключах, да такие, что можно 10 челов<ек> посадить. 2 шкапа. А печка... Господи, что за печка! Часовня мраморная в комнате. Вся в кремо<вых> изразцах, рельеф. А по верху штучки, как башенки и отделена от стены, и топят из коридора, и отдушник — целая дверка, но только не сообщ<ается> с топкой, а — теплогонная, к метал<лической> ручке не притронешься, 6–8 тонк<их> полешков, — и жару нагонит..! Я когда в воскр<есенье> прибыл, комната охладилась, до меня, — было 9°, и я — в ужасе. Лег не раздеваясь, взвыл про себя: думал, куда попал! Хотел проситься в отель... Говор<ят> — погодите, увидите. А в отеле (это в гор<оде> Куре¹⁰) — цены 6–7–8 фр. и вида нет, и комнаты втрое меньше. Погодил, боялся простудиться. «У нас, говор<ят>, не простуж<иваются>». Но я-то знаю: но-ги береги! И вот, как пошли жарить..! И отошла душа. Если теперь гнать будут, стану на колени — не гоните! Дайте пописать! Знаете, место оч<ень>похоже на Allemont. Но — благоустроенней. Всюду в замке ниши, входы башенные, 4 башни. И что над моей дверью (все, конечно, переделано) 1546. А стены обиты полиров<анным> светло-восков<ым> деревом с розов<ыми> «суточками». В церковке бьют к службам в колокольне. Стива шлет мои письма пакетами. Оказался добр<ым> малым, только страшно застенчивым: перед отъездом мне с ним все разъяснили, он был растроган. Он боялся быть навязчив<ым> и потому сам не предлагал услуг. И я растрогался. И пожали руки. Только бы теперь Америка отозвалась! Забыл я написать Зеелеру о литер<атурном> фонде в Амер<ике>, кому и куда писать о помощи Амфит<еатро>ву. Пожал<уй>ста> позвоните по т<е>л<е>ф<ону> напомните. Он мне напишет. Если бы я мог, всех бы Вас выписал сюда, отдыхать. До St Морица¹¹ рук<ой> подать. Всех целую, а Вас, друг, обнимаю и лобызаю. Ив. Шмелев.

В мою комнату смело влезет 8–10 — Бют-Шомонских!!

[Надписано в начале письма:] Благодарю Вас, серд<ечный> друг, милый С.М., за все, за все! за Ваши докт<орские> заботы обо мне, за святую ласку Вашу, до слез благодарю. Я перед Вами — в долгу. И — очищусь. Б<ольны>м¹² не буду, не дай Бог. Какой позор?! ужас.

Скоро пришло фотогр<афические> открытки. Если бы Ирина попала в S-Мориц, она там голову сломила — так там, говор<ят>, бешено хорошо!

Целую М.А. — Ирину — если бы оне видели этот зимний почти — Allemont!

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 2–2 об. Автограф (темно-синие чернила). Письмо из Хальденштайна в Швейцарии.

¹ В письме было указано «20», но исправлено на «21».

² Опубл.: Возрождение. 1938. 4 февраля. № 4117. С. 7.

³ Опубл.: Там же. 25 марта. № 4124. С. 3; 6.

⁴ Фирменное блюдо (*фр.*).

⁵ Ewiges Licht / Übers. von Arthur Luther // Europäische Revue. 1938. № 10 <Январь>.

⁶ Розенберг (Rosenberg) Альфред (1893–1946) — один из главных идеологов нацистской Германии, с 1933 г. руководитель внешнеполитического отдела национал-социалистической партии.

⁷ Обыгрывается название Бют-Шомон (parc des Buttes Chaumont, *фр.*) — роскошный парк на северо-востоке Парижа, созданный на месте старого карьера открытой добычи известняка, ставший доступным для публики с 1867 г. и называемый «народный Тюильри».

⁸ От *фр.* patois — местное наречие, говор.

⁹ Р.Б. Кандрейа.

¹⁰ Кур (Chur) — швейцарский курорт на юго-востоке Швейцарии.

¹¹ Сан-Мориц (St. Moritz) — курортный город в Швейцарии.

¹² Расшифровка предположительная.

9. II. 1938.

Милая Ириночка, — ау! Просьбица к Вам: найдите в книжн<ых> пакетах новую кн<игу> «Пути небесные». Заверните ее, к<а>к дитё, в оберт<очную> бумагу, надпишите на бумаге след<ующее> в углу справа: Imprimé¹, а под ним — livre d'auteur² а еще пониже, чуть: taxe reduite³ (возм<ожно> дешевле!>) и не recommandé⁴, а просто. Затем: Herrn Professeur Dr A. Luther⁵, внизу — Leipzig G 27. Bosener Weg, 10. Allemagne. А в лев<ом> уголке, за обвод<ной> чертой: a la commande de M^r Iv. Chmélov⁶ – Вы, моя милая барышня, и Ваш адрес. Перевяжите бечевкой — и оплатите, за мой счет, — на том свете угольками (*фр.* ок<оло> 2) (я Вам за сие цветов пришлю, если доживу) спросив на почте — сколько по taxe reduite. Обязаны, ибо «печатное», есть §. И — бултых в ящ<ик> imprimé. А то у меня с собой — 1 треп<аный> экз<емпляр> и нужный. Пока жив. Пишу. Напис<ал> «Лед<яной> дом» — Вам бы такой! — Папе скажите — и ему будет, если напишу с т ó ю щ е е! М. б. прочтаете в пятницу в Возр<ождении>. А сейчас пишу... «Иностранца» — б<ольшую> вещь, — не думал!! Гуляю по снежку. Капель, вороны каркают — мокротно, вязко. Хожу по берегам маллюсеняго, но настоящ<его> Рейна. Течет в берегах — Рейн-вейн. Вороны пьют. Веду прим<ерный> обр<аз> жизни пустытника. Пока не хвораю, что Бог даст. Молюсь за здор<овье> папы, мамы и Ирины. А Вы — чувствуйте. Ем даже трюбочки с бит<ыми> сливками, а по воскр<есеньям> — кюрочку! Сплю. Читаю (мало) — больше пи-

шю. Здесь оч<ень> вкусн<ные> пря-нички и слив<очные> тянучки: 20 шт. — 25 ctm, т. е. 1 fr 75 — фр<анцузских> фр<анков>. Прислал бы Вам, да почтал<ьон> съест, да погр<аничники> пошлину возьмут. Справляюсь. Книгу оч<ень> нужно — послать. Мамасю поцелуйте, папасю и всех бабушек, и тетеньку, и дяд<еньку>, и племянничка, и Агашу. Целую Вас в воздух и храни Господь. И. Шмелев.

[Приписки по краям открытки:] Милый С<ергей> М<ихеевич> — обнимаю! Вам — Кр. Ход.⁷

Марг<ариту> Алекс<андровну> — целую.

П<ись>мо берегите: со врем<енем> оно будет напечатано и получите гоно-
рар!

Ради Христа, книгу пошлите, не тяня. А то буду стенать!

И пришлите мне письмо, х о р о-шее!

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 3–3 об. Автограф (черные чернила). Почтовая открытка [из Хальденштайна] в Швейцарии с миниатюрным видом Беатенберга (Beatenberg). Адресована Ирине Серовой: 84, rue Ranelagh, Paris, 16^e France. Обратный адрес: Exs. par Iv. Chmeleff, Schloss Haldenstein, bei Chur (Coire), Suisse.

¹ Печатное <издание> (фр.).

² Книга автора (фр.).

³ По сниженной таксе (фр.).

⁴ Коммерческий (фр.).

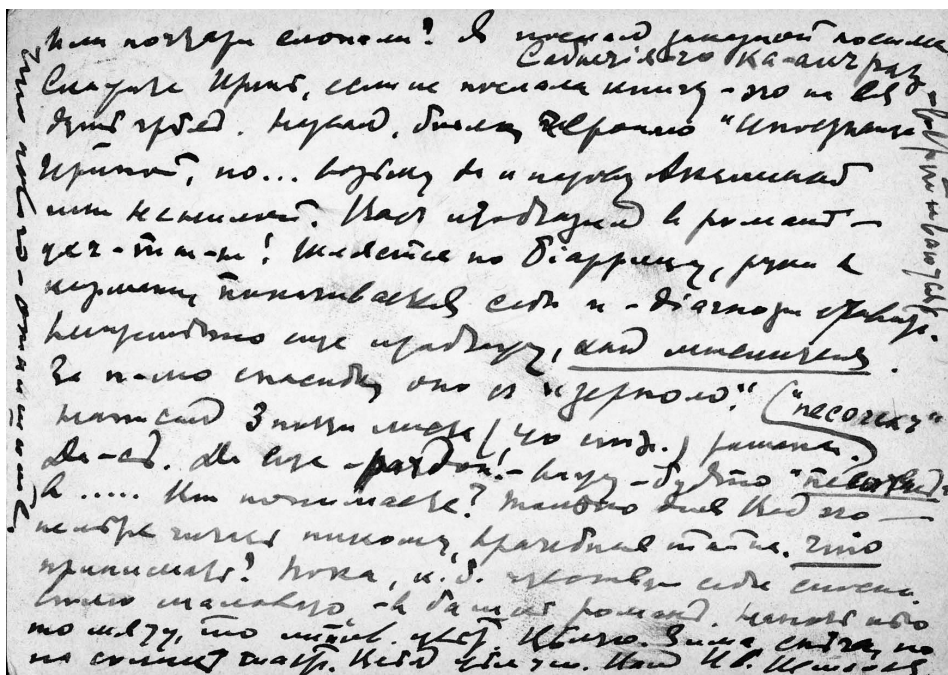
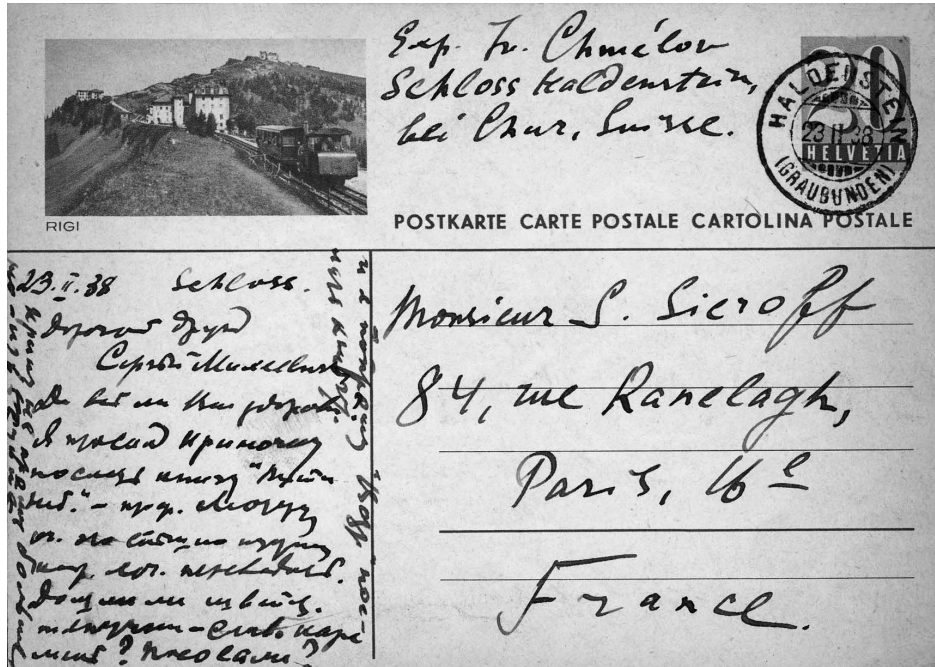
⁵ Лютер Артур Федорович (1876–1955) — немецкий филолог-русист, историк литературы и переводчик, преподавал в Московском университете (1903–1914). Позже жил в Лейпциге и работал в Немецкой национальной библиотеке. Переводил на немецкий язык произведения Шмелева, в том числе рассказ «Вечный свет» и «Про одну старуху». См. примеч. 4 к письму 26.

⁶ По поручению г-на Ив. Шмелева (фр.).

⁷ Непонятно, о чем идет речь.

Дорогой друг Сергей Михеевич,

Да все ли Вы здоровы? Я просил Ириночку послать книгу «Пути Неб<есные>» проф. Лютеру, оч<ень> это спешно нужно, котор<ый> хоч<ет> переводить. Дошли ли швейц<арские> тянучки — Слав<ная> карамель? Пососали? Или почтари слопали? Я послал заказной посылк<ой>. Скажите Ирине, если не послала книгу — это на ее душе грех. Назвал, было, героиню «Иностранца» Ириной, но ... возьму, да и назову Акулиной или Ненилой. Вас изобразил в романе — ух-тыгы-ы! Шляется по Биаррицу, руки в кармане, покачивается себе и — диагнозы ставит.

Открытка И.С. Шмелева С.М. Серову от 23 февраля 1938 г. из Хальденштайна.
 Публикуется впервые

Непременно еще изображу, как мыслится. За п<ись>мо спасибо, оно с «зерном». Написал 3 почти листа (40 стр.) романа. Да-с. Да еще — pardon! — вижу — будто «песочек». А Вы понимаете? Только для Вас это — нельзя читать никому, врачебная тайна. Что принимать? Пока, к<ак> б<удто> чувствую себя сносно. Сплю маловато — в башке роман. На ночь пью то мяту, то липо<вый> цвет. Целую. Зима, снега, но на солнце тает. Всех целую. Ваш Ив. Шмелев.

[Приписки по краям открытки:] События-то ка-ак раз-вертываются!²

Что нового — опишите.

Ирину не прошу больше, но — известите и я попрошу «Возр<ождение>» послать книгу.

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 4–4 об. Автограф (черные чернила). Почтовая открытка из Хальденштайна в Швейцарии с миниатюрным видом Рижи (Rigi). Адресована С.М. Серову: 84, rue Ranelagh, Paris, 16^e France. Обратный адрес: Exs. par Iv. Chmeleff, Schloss Haldenstein, bei Chur, Suisse.

¹ Замок (нем.).

² Имеется в виду усиление агрессивности Германии перед мартовским аншлюсом Австрии.

59

5. III. 38, точнее — в 9 ч. веч<ера> 4-го.

Шлосс¹ и проч. Грачи, дрозды.

Снег почти сошел, в полях проталины.

Дорогой Сергей Михеевич,

Да будет Вам стыдно, прилагаю марки и открытку, нашел в бумагах. А я еще для потомства закрепил Вас в «Иностранце», с моноклем-с, не чувствуете? Расписа-ал... будете меня помнить. Так изображу... еще заставлю проповедовать! Будь-п-койны-с, вплоть до вашего — единственаго! — «словца», а не скажу, какое... как вы порой ругнетесь². С меня взятки гладки, не достать, в Шви-ца-рии! И рики-раки имеются. Героиня — уж как сказал. Но ... теперь буду взятки брать. Прошу покорнейше добрую Ирочку порыться в пакетах, — плоских и бо-льших, где мои фотографии, — не книжн<ые> пачки, а плоские, м. б. даже в салфет<очном> узелке*. [Внизу страницы приписка Шмелева: * м. б. и в чемоданах! Ивику напишу еще.] Ей доверяю, пусть раскопает, или Ивик прибежит, пишу ему. Дело в том, что один нем<ецкий> проф<ессор> из Мюнстера получил заказ на статью и требует мою фотографию. А у меня нет. А сниматься здесь дорого. купил сегодня валер<иановых> к<а>п<е>л<ь> — 90 с<а>нт<имов>, т. е. 6 фр<анков> 30 с<ан>-т<и>м<ов>! на фр<анцузский> фр<анк>. А получаю-то франц<узкими> и меняю, или переводом меняют. Фотогр<афию> надо бы достать, где я сию прямо,

важно, — в Риге сняли, не профиль, а плечи так, солидно, как пудов на 7. *Какую Вам подарил, но мне — кабин<етную> надо (С. postale).*

Милая Ириночка, раскопайте, прилагаю Вам марки, нашел у себя. А доктору открытку, у него деньги есть, ответит. Но чур, доктор, за-крытое! Учитесь у дочки, она умеет письма писать, в с е обстоят<ельно> изобразила. Маргарита Александровна, каждый день шпыняйте Михеича, чтобы написал. Доктор, черкните мне рецепт на бром. Сплю скверно, переработал? Да ведь за эти 6 нед<ель> написал: 2 статьи, рассказ «Л<едяной> Д<ом>», романа почти 50 страниц, это ведь и молодому не написать. А сколько пе-ре-ра-ботано, для романа! Будете читать — сперва смеяться, а потом... не знаю. Пока французы... но уже намечается. Героиня поет в «кабаке» — «Замело тебя снегом» и проч. И — «Иностранец». Но... увидите. И доктор С. — так и даю, «С.» Трогательный. Заста-вили писать роман и требуют начало. Сложил с себя риск: заболею, не окончу — не виноват. М. б. и не возьмут, я их условий не принимаю, маленько повысил. Буду счастлив: тогда не придется дергаться. Но надо писать: тут уж я добрался до... эмиграции, — впервые! в сущности! — и уж н а д о... оставить потомству. Казаки, монахи, шоферы, всякого жита будет. И роман как бы «авантюрный». Мидинетки будут обмирать, ибо... миллиардер! И героиня... Ирина. Но могу превратить и в Акулину, если не пришлют мне фотографии. Первую главу м. б. буду, для потехи, читать в Праге, если доживу и дотащусь туда. Хотелось бы роман закончить в два-три мес<яца>. Но написано лишь одна четверть, и конца не видно, только первая «встреча» героини с героем, — разговор по телефону. А каков герой, судите уж по одному тому, что с него дерут в отеле за апартаменты... — прищучили французы, поняли! — в день, б е з пансиона, — 6500 фр.! Здо-рово? А одна американка «бросила» певичке подарочек... накупила влюбившись, на... 12 тыщ! Трепещи, мидинетка! и тай, тай... Да уж... Я вам рассказывал, а? Это у которого дочь утопла в океане, про-па-ла! И он -: Но, секрет. Это такая тема, что... ни-кому! За этот роман, американцы, если они не дураки, и если я успею написать, должны бы мне купить хоть «домик в Коломне». Милый, Ваше письмо меня увлекло, чудесно написали про «болезни», про страдания. — про попика у Петель³. Я жду от Вас письма и хочу знать, как вы еще ругаетесь, кроме единств<енного>, кот<орое> слышал — «свинья». Вы мало ругаетесь. Значит: фотография, рецепт брома, насчет «песочка», писал я Вам... и — скоро пришлю цветиков и карамеликов. Думал снежку послать, да растает, подумаете — сле-зы... Милый друг, как хочется «Говенье»⁴ писать, но роман теребят, и я все о нем... спать мешает. Хочу валерьянку пить. Гарден<ал> с стрихнином, ваш, меня взвинчивает. Надо сна взять. Кажд<ый> день гуляю полтора часа.

Что «собаки-то» разделявают! а мир — всурьез. И Бутенки⁵, и ... все — диплома-ты! Достаньте «Добровольца»⁶, выпустили 27 фев. там ст<атью> Деникина, и мой кусочек. Д о л ж н ы к у п и т ь. Как работа, как *все* у Вас! Все напишите, Вы же мне родные душевно. И когда же я увижусь с вами со всеми? Ску-у-чаю. Пью вечером мяту, иногда липу. Написано по сие время — до 80 пис<ем>. Много дергают, всякие делишки. Из Аляски п<ись>мо на 30 стр.! и два долл<ара> на книги. «Нян<я>» все под замком. На 25 пис<ем> не отвечено, а надо писать, писать.

Ну, целую вас всех. Пусть Ириночка не сердает, за поручения, что ж поделаешь. Если найдет, прямо в письмо карточку. Ходил по Рейну, наломал вербы — на-ша! — распустилась у меня. И вишня расцветает в вазочке.

Кормят хорошо, все регулярно, и если бы сон — сплю не больше 6 час<ов> — все было бы в норму⁷. Скучаю по могилке. Молюсь на ночь не всегда, очень устаю с писаньем. Если бы видели, какая кипа «копий», черновиков!... Тема и структура очень трудная, теряюсь порой. Никогда в т а к о м тоне не писал. Ну, целую, обнимаю. Привет бабушкам Л.А., А.А., Алешу в маковку, Ирочку — как обычно, Вас — в залысину с пухом, Марг<арите> Ал<ександровне> — ручку.

Не сердайте, почаще вспоминайте «Швицара». Как получу фотогр<афию> — извещу и вышлю презент — хотите пряничков? Ирочка, вам ирис на коровьем масле (повид<имому> коровы дают не мол<око>, а прямо — коровье масло) так уж выучились — или — пря-ничков. Доктору с докторшей — пряничков, а Ире — ирис. Sic!

*Vаш ex-parisien*⁸ Ив. Шмелев

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 5–5 об. Авторизованная машинопись; черные чернила. Письмо из Хальденштайна в Швейцарии.

¹ См. примеч. 1 к предыдущему письму.

² Главная героиня романа «Иностранец» эмигрантка Ирина, певица в кабаре, рассказывает в письме к своему мужу Виктору, который находится в легочном санатории, эпизод, в котором некая мисс помогает бедствующим старичкам эмигрантам, предложив бывшему члену Государственного совета прогуливать пса за 10 франков в день. И передает реакцию знакомого русского доктора:

«Наш доктор, когда узнал, загорячился по обыкновению, вставил в глаз свой монокль, как Чемберлен, — это он всегда, когда взволнован, — и сказал самое крепкое свое словечко — “свинья!”, и тут же облегчился “философией”: впрочем, это еще идиллия в нашей эмигрантской жизни».

³ Имеется в виду приход Трех Святителей, центр церковной жизни русских православных, находившихся в юрисдикции митр. Сергия Страгородского. Приход был расположен в Париже на ул. Петель.

⁴ Рассказ, адресованный С.М. Серову. Опул.: Возрождение. 1938. 25 марта. № 4124. С. 3; 6.

⁵ Возможно, имеется в виду Бутенко Василий Феодосиевич (1894–1976) — офицер Добровольческой армии, участник Ледяного похода. В эмиграции с 1920 г., окончил Загребский коммерческий институт в 1928 г., член ЦК партии «Крестьянская Россия» в Праге. В 1930-х гг. переехал во Францию, а после войны в США, работал в «Новом русском слове», редактировал «Русский вестник».

⁶ «Доброволец» — газета (Париж; 1936–1939). Издатель — А.И. Деникин. В февральском номере за 1938 г., посвященном 20-летию со времени начала первых походов Белой армии, на второй странице напечатана заметка И.С. Шмелева под названием «На-страже». В ней рассказан случай из 1918 г. о том, как русский доброволец защитил в Шанхае китайскую женщину. Заканчивается заметка словами: «Вот как стоять на-страже русского имени и русской чести: больше — на-страже — во-имя человека. Как же не вспоминать и не отмечать? Это — не тризна, а торжество Духа в человеке, в русском человеке-добровольце» (Архив ДРЗ. Ф. № 12 (Н.А. Струве)).

⁷ Так в тексте.

⁸ Бывший парижанин (фр.).

19. III. 1938.

Сты-дно, дорогой друг, — а Ив-то понял, что «ахну» от В<ашего> письма!
Когда ж а х н у - то?!

Целую всех. Ирине — особый привет за ея «разрытие моего скарба».

Купите «Возр<ождение>» — пятница, 25 III¹ — м. б. там что-ниб<удь> и прочтите.

Ваш Ив. Шмелев.

Милая Маргарита Александровна, толкните доктора. Ах, милые, к<a>к я соскучился.. Жду «громких побед» панов!

[Приписки по краям открытки:] «Иностранец» — начинается с апр<ельской> кн<ижки> «Рус<ских> Зап<исок>»². Корректурa уже отослана. Вот как!

жду рецепта брома и проч.

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 6–6 об. Автограф (черные чернила). Почтовая открытка из [Хальденштайна] в Швейцарии с миниатюрным видом Оберенгадина (Oberengadin), адресованная С.М. Серову: 84, rue Ranelagh, Paris, 16^e France.

¹ В газете был опубликован очерк «Говенье» с посвящением С.М. Серову: Возрождение. 1938. 25 марта. № 4124. С. 3; 6.

² «Русские записки» — ежемесячный толстый журнал, выходил с 1937 по 1939 г. (до начала войны — 21 номер) под редакцией П.Н. Милюкова (секретарь — М.В. Вишняк, издатель — в прошлом эсер М.Н. Павловский). Роман «Иностранец» печатался в нем в 1938 г. № 4 (апрель). С. 5–42; № 5 (май). С. 5–39. Глава из этого романа под названием «Шоффер» была опубликована: Русский инвалид. 1938. № 115 (Май). С. 4.

22, 3, 38.

Schloss Haldenstein, bei Chur, Suisse.

Дорогой Сергей Михеевич,

Вот Вы мне все не отвечаете, думаете, что я все шучу, а мне ей-ей не до шуток. Голова стала что-то мутновата, д<олжно> б<ыть> переутомился, в работе. М. б. мне иод надо? да боюсь, ну-ка опять упадет давление! И если я думаю о себе, то гл<авным> обр<азом> — не для ж и з н и, а надо кое-что дописать. Этим и живу, духовно. Рецепт иода Вашего ум<еня> есть: тот ли? — иод металл, О, 3., иодюр дэ потассиум I, о, и — глицерин, алкооль 90 по 15, О. Приним<ать> 2–20 кап<ель> два р<аза> в д<ень> после еду¹, так 10 дней, потом спускать 10 дн<ей>. Передышка две недели и можно снова. Так? Еще прошу рец<епт> брома. Сплю не-

важно. М. б. это от высоты, 600 метр<ов>? Это одно. А вот, поважней, обращ<аюсь> к Вам — эксперту. Мне это нужно для романа, где Вы и будете л е ч и т ь! Да-с. Я вас уж вы-верну наизнанку, уж...

Вот, решите, и мне надо скорей, т. к. через десять дней дол<жен> послать 2-й посыл в журнал «Р<усские> З<аписки>». Первые 40 стр. посланы.

Такой случай. Русский офицер был ранен еще в Галиции. Пуля осталась в левом легком. Врачи не решились ее извлечь. Мог быть такой случай? Дальше. Пуля как-то там «успокоилась», «зажила», от слова — жить, «обволоклась». Офицер поправился, вступил в армию опять и проделал путь добровольца. В 1925 года², в Биаррице, — с ним сильное кровоизлияние, случилось вдруг, — он шофер. Привезли, вызваны врачи — Вы и француз. Что Вы применяете? лед, компрессы? что за причина кровоизл<ияния>. Вы констатируете, что пуля переместилась чуть, надавила на сосуд и отсюда кровоизлияние? возможно? Франц<уз> находит, что это от туберкулеза... — офиц<ер> был здоров до с<их> п<ор>. Вы настаиваете на рентген<е>. Рентг<ен> подтвержд<ает> Ваш диагноз. И кроме сего Вы находите, что сердце «шалит» — слабость или расширение? М. б. и кровоизлияние в связи с «сердцем», а? м<ожет> быть? Не смотря на «ваши» указания, что поправившегося больного лучше поместить «невысоко», метр<ов> на 400, жена, послушавшись фр<анцузского> докт<ора> — дура! — и какой-то франц<уженки>, брат которой, тоже с пулей в легком и с таким же внезапным кровоизлиянием спустя годы, поправился в санатории на высоте 1700 метр<ов>, отправл<яет> мужа туда, с совета фр<анцузского> доктора, очевидно делающего рекламу санаторию «Эдельвейс». Как бы Вы решили? Может ли пуля сидеть годы в легком и сдвинуться? вибрировать? давить на сосуд? Боюсь, навру в романе, а специалисты меня высмеют? Посоветуйте. М. б. действ<ительно> назревал туберкулез, без лихорадки? Помните: случилось «вдруг», в очень жаркий день, весь залился кровью. Какие меры? мог ли через неделю поправиться, чтобы его отправили в санаторий? А дальнейшее течение болезни. В санатории с ним, через три недели случается повторное кровоизлияние! — это мне н а д о, о-чень! Могло ли случиться от ... высоты? повышенное внутр<еннее> давление? Ради Бога, начертайте характер болезни. Мне «необходим» санаторий и второе кровоизлияние, и так, чтобы фр<анцузский> доктор остался с носом. Отомщу за вас, русские врачи! Как мне доктора-фр<анцуза> укомплектовать? Фр<анцузский> док<тор> отнес кровоизл<ияние> н е к пуле, н е к сердцу, а к туберк<улезному> пораж<ению> легкого, отсюда — санаторий на высоте, как Давос, Ароза и проч. Видите, к у д а я забрел с романом, будь он неладен... т. е. нет, роман д о л ж е н быть ла-ден! Без пули я тоже уже н е могу, т. к. первые главы уже набраны, а там пуля и санаторий и первое кровоизлияние. Значит, надо все это принять во вним<ание> и как-то обосновать. Уморить своего офицера я не собираюсь, на этом и роман стоит. А м. б. и уморю еще... это можно. Хотелось бы без лихорадки ... без чахотки. Вы маг и волш<ебник>, большого опыта, видали тысячи случаев ... с пулями. М. б. пуля и не может остаться в легком, этом «киселе»? а? или — может? Прошу Вас, обдумайте экспертизу, чтобы мне не провалиться. Войдете в историю литературы. Если же Вы не ответите, — ладно: я вас изображу в таких красках, что заставлю уморить человек двадцать и франц<уз> будет на вас

22, 3, 38.
 Председатель, товарищ Никитин, Швейцария, Schloss Haldenstein,
 N.N. M... bei Chur, Suisse.
 Дорогой Сергей Михеевич,
 Вот Вы мне все не отвечаете, думаете - я все шучу, а мне, ей-ей, не до шуток. Голова стала что-то мутновата, д. б. переутомился, в работу. М. б. мне иодъ надо? да боксь, ну-ка опять упадет давление! И если я думаю о себѣ, то гл. обр. - не для ж и з н и, а надо кое-что до-писать. Этимъ и живу, духовно. Рецептъ іода Вашего у м. есть: тотъ ли? - іод металлик, 0, 3., іодур де потассіум I, 0, и - глицерин, алкооль 90 по 15, 0. Приним. 2 -20 кап два р. въ д. послѣ ѣду, такъ 10 дней, потомъ спускать - 10 дн. Передышка двѣ недѣли и можно снова. Такъ? Еще прошу рец. брома. Сплю неважно. М. б. это отъ высоты, 600 метр? Это одно. А вотъ, поважнѣй, обрац къ Вамъ - эксперту. Мне это нужно для романа, гдѣ Вы и будете л ѣ ч и т ь ! Да-сь. Я васъ ужъ вы-верну назнанку, ужъ...
 Вотъ, рѣшите, и мне надо скорѣй, т. е. черезъ десять дней дол. послать 2-й посылъ въ журналъ "Р. Э." Первая 40 стр посланы.
 Такой случай. Русскій офицеръ былъ раненъ еще въ Галиціи. Пуля осталась въ лѣвомъ легкомъ. Врачи не рѣшились ее извлечь. Могъ быть такой случай? Дальше. Пуля какъ-то тамъ "успокоилась", "зажила", отъ слова - жить, "обволо-клась." Офицеръ поправился, вступилъ въ армію опять и продѣлалъ путь доброво-льцѣ. Въ 1925 года, въ Біаррицѣ, - съ нимъ сильное кровоизліяніе, В случи-лось вдругъ, - онъ шоферъ. Привезли, вызваны врачи - Вы и французъ. Что Вы примѣняете? ледъ, компрессы? что за причина кровоизл. Вы констатируете, что пуля перемѣстилась чуть, надавила на сосудъ и отсюда кровоизліяніе? возможно? Франц находитъ, что это отъ туберкулеза... - офиц. былъ здоровъ до с. п. Вы настаиваете на рентген. Рентг подтвержд. Вашъ діагнозъ. И кромѣ сего Вы на ходите, что сердце "шалить" - слабость или расширение? М. б. и кровоизліяніе въ связи съ "сердцемъ", а? м. быть? Не смотря на "ваши" указанія, что попра-вившагося больного лучше помѣстить "невысоко", метр на 400, жена, послушавшись фр. докт. - дура! - и какой-то франц, братъ которой, тоже съ пулей въ легкомъ

Страница из письма И.С. Шмелева С.М. Серову от 22 марта 1938 г. из Хальденштайна.
 Публикуется впервые

плясать. Нет, серьезно, ради Бога, мне каждый день дорог, надо посылать, уезжать, спешить, — известите по пунктам. Наденьте — вставьте монокль, станьте Чемберл-л<еном> и ответьте авторитетно, как на сам<ом> ответств<енном> консилиуме. И что это у меня какая-то мутноватость в башке? чего бы мне принимать? Адоверн примаю, изредка и салюбаин, валерьянку. Гарденал со стрихн<ином> — неважно действ<ует>, спать не сплю, а сонливость, принимаю раз в 10–12 дней, ночей. Обнимаю, жду, нервно.

В первой полов<ине> апр<еля> — 10–12 — в Прагу, а там в Обитель. Купите «Воз<рождение>» в пятницу, там — «Говенье» д<олжно> бы быть. Поцелуйте М.А., Ириночку и всем привет. *Ваш Ив. Шмелев (с приложением): 2 откр<ыт-ки> — гонорар.*

[Надписано в начале письма:] *Прислано мне «дружеское» предупреждение, тикать. Вишняк³: П.Н. Мил<юко>в⁴ не совет<ует> ехать в Ужгород!! Могу попасть в плен не к немцам... Но к кому же еще?*

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 7–7 об. Авторизованная машинопись; черные чернила. Письмо из Хальденштайна в Швейцарии.

¹ Так в тексте.

² Так в тексте.

³ *Вишняк* Марк Вениаминович (1883–1977) — эсер, секретарь Учредительного собрания. С 1919 г. жил в Париже, с 1940 г. — в США. Бессменный соредатор «Современных записок».

⁴ *Милюков* Павел Николаевич (1859–1943) — российский политический деятель, историк, публицист, теоретик и лидер партии кадетов. В 1917 г. министр иностранных дел Временного правительства 1-го состава (до 2 (15) мая). После Октябрьской революции эмигрант. Труды по истории России XVIII–XIX вв., Февральской и Октябрьской революций.

Schloss Haldenstein, bei Chur, Suisse.

18. IV. 38.

Дорогой Сергей Михеевич (и все серенькие!). После завтра — в Цюрих, совсем, добывать визы и продлить у фр<анцузского> конс<ула> волчий паспорт. Если не добуду того или другого, придется — в Париж. Тогда приютите меня на часы, до пансиона поблизости, пока. Ибо — нет угла у «писателя русского». Визу обещали, но важно попасть в Церковь хоть бы к Вел<икой> Субботе. А там, дн<ей> через 5–6 (вечер) в Обитель, на Карп<атскую> Русь. За эти 3 мес<яца>, помимо 150 писем, напис<ал> 6 печ<атных> лист<ов>! — 2 ст<атьи> 3 разск<аза> и роман на 2 кн<ижки> журнала. Апр<ельская> кн<ижка> с нач<алом> «Иностранца» вышла. Для майской — выслал. Видите — не скончался, а работал до изнеможения. 22го в «Возр<ождении>» «Вербное Воскрес<ение>»¹ — для 3го «муш-

кетера» — Вад<има> Ник<олаевича> Род<одионова>. И так — всем сестрам по серьгам. Спасибо Вам, добрым друзьям, за помощь, за ласку, за то, что не оставили болящего брата Ивана. — Милый С.М. Ваши указания очень пригодились. Я чуть Вас тронул в 1ой кн<иге>, а во 2ой уже больше, а там — еще... Я Вас заставлю поговорить, Бог даст. Очень устал. Нужен покой, а его нет, — работа. Только бы до Обители, а там вздохну. Связал меня неожиданный роман. А надо «Пути» — довершать. Но теперь надо сказать кое-что «Иностранцем». Это — тоже н а ш. Но одолею ли? Разворачивается... Когда ... — напишу. Как-то вы все? Теперь у вас — <в> Пар<иже> — тишь, сл<ава> Богу. На случай, оставлю переходной адрес (если выберусь): S. Varsavsky, Slezska 114, Praha XII, Tchechoslovaquie. Обнимаю всех. Христос Воскресе! — А м. б. и не пустят, тогда — Париж. Тоскую по могилке. Очень устал. Ваш, одинокий, Ив. Шмелев.

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 8–8 об. Автограф (черные чернила). Почтовая открытка из Хальденштайна в Швейцарии с миниатюрным видом Зильс-им-Энгадина (Sils im Engadin).

¹ Очерк вышел в № 4128 (с. 3; 5).

9.V. 38

Христос Воскресе!

дорогие. 2 недели леж<ал> больной в Праге, читал с 38°. Добрался с велик<ими> муками до Обители. Лежу с головокружением, к<а>к в ноябре было. (После ментонск<ого> гриппа). В тоске великой, без сил. Умоляю прислать немедленно — (сколько надо я вышлю, не задержу, известите) 2 коробки «Némostyl» Roussele, — здесь нет, — comme échantillon sans valeur¹ (обязательно, иначе закалится <нрзб> в таможне в Праге, на недели). М. б. аптекарь вышлет немедленно, но надо вскрыть коробки. И еще pilules Fosfoxul, — можно лучше в два приема: 1. Нем. + 1. Fosf. и 2ой раз то же. Умоляю, сделайте или немедл<ленно> ответьте, что не можете. Что мне делать?! [надписано: (напишите)] Головокр<ужение> началось 3 мая, через 2–3 дня после гриппа (бронхит с невысок<ой> t°) когда t° была уже 2–3 дня норм<альная>. Выехал из Праги 6 мая, один, с головокруж<ением>. На пересадке едва не попал под паровоз. Лежу в келье, жду <нрзб>. Целую Вас всех. А к<а>к я окреп в Швейц<арии>! Не узнали в Праге и — свалился. Ваш Ив. Шмелев. Холода.

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 1–1 об. Автограф (черные чернила). Почтовая открытка из обители преп. Иова, адресованная С.М. Серову: 84, rue Ranelagh, Paris, 16e France. Обратный адрес: pošta Ladomirova u V. Svidonika, мне (Чехослов.).

¹ Как малоценное (*фр.*).

64

8 июня 1938
Владимирова Обитель пр. Иова.

Дорогой Сергей Михеевич,

Так и не получил Нémostyl. Головокружение, чуть ослабев на 3–5 дней, — снова томят. Принимал внутрь мышьяк, довел до высокой дозы¹, но началось с желудком — и оборвал. Стало совсем плохо. Пугаюсь — совсем свалиться. Хочу вернуться в Париж, пользуясь случаем, — А.В. Карташев м. б. будет спутником. Умоляю Вас — м. б. устройте меня поблизости у добр<ых> русских людей в пансионе — на время. Буду искать квартиру, а пока м. б. Ваше лечение пособит. Пал духом. Этот месяц в обители был мне не в радость, а в великое испытание. Если Бог не поможет вернуться — думаю попытаться сделать сие дней через 10–12. Страшусь совсем здесь свалиться, вдали от могилки, от Ивика, от друзей. Охватывает отчаяние. Посоветуйтесь с В.Ф. Зеелером. Вся работа оставлена. Привет всем. Умоляю — о пансионе. Ваш Ив. Шмелев.

Целый месяц шумит — наказывает гулом в лев<ом> ухе. Это головокруж<ение> опять — после г р и п п а, через 3–4 дня. Уж не склероз ли. А местн<ый> докт<ор> не может дать средства. Горе мне — прождал только впусто Нémostyl я! Неужели так и не послали? Начавш<иеся> боли в кишке — через 10 дн<ей> кончились. Словом — я полный инвалид. Нервы — дрызг. Лежу и жду конца. Был серд<ечный> припадок, умру — думал. Нервы? Давление 16½. Ради Бога, устройте меня поблизости, пусть обдерут, лишь бы покой и помощь. Страшно быть так далеко!

Ваш Ив.

Помогите участием!

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 2–2 об. Автограф (черные чернила). Письмо из с. Владимирово.

¹ Чтение слова предположительное.

65

17 VI. 38

Дорогой друг Сергей Михеевич, будьте добры, возьмите мне комнату у Никитиной¹ (375 fr) с 1 июля. Надеюсь выехать 28 VI. Все недомогаю, головокруж<ения> то кончают<ся>, то опять. Устал. Ваш И.Ш.

Спасибо за советы. Напишу.

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 3. Автограф (черные чернила). Открытое письмо из с. Владимирово с видом: «Возстановленная Историческая Церковная Типография во Владимировой (Основана преп. Иовом в Почаеве в 1618 г.)», адресованная С.М. Серову: 84, rue Ranelagh, Paris, 16^e France.

¹ *Никитина* Раиса Петровна (?–1947) — вдова генерала от артиллерии.

66

22 VI. 1938.

Обитель прп. Иова.

Дорогой друг Сергей Михеевич,

Благодарю за заботу и устройство меня на жильё¹. Не откажите направить письмо Р.П. Никитиной. Никак раньше 1го VII не попаду. Да еще доведет ли Господь. Чувствую себя плохо, голова кружится. Только, по случаю приезда Карташева (!) переставала кружиться на дни 12–15. Странно! Очень разбит нервами. Будь Немосту!, давно бы ожил. А то — мучился все эти 50 дней.

Если буду уж совсем разбитый <нрзб>, так что грустно было бы явиться к незнакомым людям на жильё, разрешите заехать к Вам — перебыть денек, до отдышки. Но, м. б., Господь смилуется. В Праге хочу пристать (надо немецкую визу и сняться для нея — у меня вышли все фотографии) на 1 день на подворье, у Васнецовых (о. Михаил)² адрес О. Михеил Васнецов, Maiselova ul. и. 8 Praha V. Обнимаю всех Ив. Шмелев

Дам телеграмму, когда точно выеду из Праги.

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 4. Автограф (черные чернила). Письмо из с. Владимирово.

¹ Шоссе де ля Муэт (de la Muette), 6. См. письмо И.С. Шмелева К.В. Деникиной от 17 июня 1938 г. (Наше наследие. 2001. № 59/60. С. 128).

² *Васнецов* Михаил Викторович (1884–1972) — протоиерей (Чехословакия).

67

20. 8. 38. 8 ч. вечера.

Дорогой друг Сергей Михеевич,

Получил Ваше письмо. Весь день сегодня лежал — сонливость, нет воли, никуда не могу ни идти, ни ехать, язык обложен, аппетиту нет совсем, слабость меньше (лежал), но голова слабая, и чуть покругивается, при быстрых поворотах. Если дня через 3–4 будет лучше, возьму новый пласрезерв¹ и дня

через 2 выеду, о чем извещу Вас. Благодарю за Ваши заботы обо мне, Ваше письмо еще больше укрепило меня в предполагавшемся решении — отъезд отложить, а то это было сверх сил.

Обнимаю. Будьте здоровы. Привет Н.Ц и Б.Д. Франки. Я надеюсь, что Вам будет хорошо у них. В случ<ае> чего (перемены какия) извещу, и Вы известите.

Господь да будет с Вами.

Ваш Ив. Шмелев.

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 1–2. Автограф (черные чернила). Письмо [из Праги?].

¹ От фр. *place réservé* — забронированное место в вагоне; здесь — билет.

68

22.XII. 38.

Дорогой друг Сергей Михеевич,

Не откажите заказать в аптеке, — очень прошу Вас! — 1 fl<acon> Bromogénol Parin, 1 fl<acon> Adoverne Roche, и, если одобрите, 1 boîte Fosfoxil. Холод на меня так действует — не знаю, только чувствую слабость опять, вялость духа, не могу заставить себя взяться за работу, хоть и надо, надо ... И аппетит пропал. Также¹ мысли — все мрачно-отходня. Гнетет тоска, одиночество. Сколько усилий, воли надо, чтобы заставить себя пойти — купить, приготовить себе что-ниб<удь>. Бром у меня остался на 3–4 приема.

Целую Вас, дорогой. Спасибо за заботы Ваши. Привет Марг. Алекс. и всем Вашим.

Ваш Ив Шмелев.

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 3–3 об. Автограф (черные чернила). Почтовая открытка в Париже, адресованная С.М. Серову: 84, rue Ranelagh, Paris, 16e. Обратный адрес: 91, rue Voileau, Paris, 16e.

¹ Чтение слова предположительное.

69

24 I — 6 ч. 20 веч<ера> <1939 г.>¹

Дорогой Сергей Михеевич,

Очень прошу, закажите для меня 1 fl<acon> «Bromogénol» и — все вышли! — валер<ьянновые> капли с ландыш<ем> и проч., как Вы заказывали: там и strofhante

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 6. Автограф (простой карандаш). Записка [в Париже].

¹ *Ивонин* Алексей — сын луганского городского головы, участник Белого движения, эмигрант. В дальнейшем, потеряв работу в апреле 1946 г., помогал Шмелеву по хозяйству.

72

18 IV. 39.

Ну, вот и опять — 25! 4^{мй} день «кружится». Сонливость, нет аппетита. Все — пресное¹, к<а>к <нрзб>. Эх, сглазили меня! И — «доигрался» с цыфирью, что ли? или это — итог усиленной литер<атурной> работы.

Купил Hémostyl, 2^й <нрзб>. Но д<олжно> б<ыть> надо укрепляющее — мышьяк, железо? Милый друг, уж я буду к Вам таскаться (если смогу) для вспрыски-в<аний> «antineurosthenique» Fraiss².

Вчера пошел в церк<овь> на паростас, а оттуда два-три раза хватался за решетки, насилиу добрался. Хочется лежать с закр<ытыми> глазами, свет мешает. Боюсь, что это — на 2 мес<яца>! Что только со мной будет?! Надо ведь для Инвалида³ — срочно, сел — переработать старое, через ½ часа — полное безсилие ч<то>-либо понимать.

Простите, милый друг, опять хватаюсь за Вас. А Вы и сами нездоровы. Ну, поговорим.

Ваш сердечно Ив. Шмелев

[Надписано по краям открытки:]

Вот она, рулетка-то — ру-ли-ит! А м. б. от 2^х рассказов за 2 дн<я>.

Головину⁴ позвоните: очень виноват пер<ед> ним, а теперь — <нрзб>

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 7–7 об. Автограф (черные чернила). Почтовая открытка в Париже, адресованная С.М. Серову: 84, rue Ranelagh, Paris, 16^e. Обратный адрес: 91, rue Boileau, Paris, 16^e.

¹ Чтение слова предположительное.

² Лекарственное средство против неврастении.

³ «Русский инвалид» — газета, орган Союза русских инвалидов в Болгарии (София; 1933–1941). Возможно, речь идет о рассказе «Гостинчик» (Русский инвалид. 1939. 10 мая. № 131/132. С. 1–2).

⁴ Чтение слова предположительное.

22 IX 39.

en russe¹

Дорогой друг, милый Сергей Михеевич,

Экстренно эвакуировали 13го, прислали камьон², ни с кем не простился. Устроился тесновато, но спокойно. С квартирой в Париже прошусь. Буду счастлив, если навестите, приезж<айте> в воскр<есенье>, с Ириночкой. Можно поездом (автоб<ус> Reneaut не ходит) на Quai d'Orsais³, брать до ст<анции> St Michel. А то м. б. Владыка довезет. Здесь хорошо. Я кажд<ый> день хожу на могилку. Видел Мих<аила> Мих<айловича> Федорова⁴, Малинина⁵. Здесь теперь 350 «призреваемых», би-тком. Милый, родной, приезжайте. Жду Ивика. Погуляем в лесу, на кладбище ходим. Встаю в 8, ложусь — в 9 ч. Кажд<ый> день 3–4 часа — на воздухе. Пицца моя — вегетерианская. Попросите Агашу сварить мне варенья (сладкого) из (лучше) персигов или слив. А то я едва глотаю пустые макароны к ужину. Но я <нрзб> прикупаю яиц и молока. Да, прикупите сухарей! И еще — Bromonl. (Robin), но главное — omnadine (вспрыскив<ание> от гриппа). Вы можете достать в госпитале, а то трудно купить. Целую. Ив. Шмелев.

[Надписано по краю открытки:] И Ирину целую. И всем привет.

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 8–8 об. Автограф (черные чернила). Почтовая открытка из Сент-Женевьев-де-Буа, адресованная С.М. Серову: 84, rue Ranelagh, Paris, 16^e. Обратный адрес: Villa «Thlrise» «Maison Russe» Ste Genevieve S. O. (Русский Дом, Сент-Женевьев-де-Буа).

¹ По-русски (*фр.*).

² От фр. camion — грузовик.

³ См. примеч. 3 к письму 11.

⁴ Федоров Михаил Михайлович (1858–1949) — общественный деятель, специалист в области экономики. Служил правительственным чиновником, занимал пост министра торговли и промышленности в кабинете С.Ю. Витте. В 1919 г. — член Особого совещания при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России. С 1920 г. в эмиграции (Париж). В 1921 г. стал одним из инициаторов созыва Национального Комитета, а затем председателем Центрального комитета по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей. М.М. Федоров был членом Пушкинского комитета, образованного в феврале 1937 г., на первом заседании которого (26 февраля 1937 г.) присутствовал И.С. Шмелев. 11 февраля 1937 г. писатель выступал на торжественном собрании памяти А.С. Пушкина.

⁵ Вероятно, Малинин Владимир Федорович (1873–1943) — инженер-механик, врач, общественный деятель. Москвич, почетный мировой судья, заведующий Мясницкой больницей. Уполномоченный Российского общества Красного Креста.

74

20 X 39.

Дорогой Сергей Михеевич,

Не могу добраться к Вам, т. к. все время дождь, а у меня бронхит не прекращается. Через день ставлю горчичники как попало, не знаю — куда. <Нрзб> в груди, все хрипы и хрипы, рыхлые. Принимаю hoicol¹. Сегодня, по крайней нужде, должен был выйти из дому, чтобы добыть денег, продав кое-что, что было из шв<ейцарских> фр<анков>. 7 дней никого из близких не вижу. Один, как сыч в дупле. Не откажите, если возможность есть, навестите, — сочтемся.

Ваш Ив. Шмелев — отшельник в затворе. Есть <нрзб>.

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 9–9 об. Автограф (простой карандаш). Почтовая открытка в Париже, адресованная С.М. Серову: 84, rue Ranelagh, Paris, 16^e. Обратный адрес: 91, rue Voileau, Paris, XVIe.

¹ Чтение слова передположительное.

75

24 ноября 1940 (?)

*У Д<яди> Вани болят руки не может
писать. Душевно <нрзб>*

Дорогой Сергей Михеевич

Не знаю, что такое, не вижу Вас давно. Больной, я в суб<боту> 16-го отнес письмо-поздравл<ение> на почту, а Вы удивлялись, почему меня не было в Церкви? Я писал еще, что занемог и не могу лично поздравить. С болью пишу, пальцы не владеют; потому карандашом. Я послал поздравление, неужели не получили. <нрзб>. Ваш Ив. Шмелев.

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 1–1 об. Автограф (простой карандаш — И.С. Шмелев, черные чернила — И. Жантийон). Почтовая открытка в Париже с ул. Буало на ул. Ранелаг, 84. Почти целиком написана карандашом; курсивом выделенна надпись Ива Жантийона.

9 III — 42

Дорогой Сергей Михеевич,

Наш общий работник некогда — Алексей Иванов¹ просил меня посодействовать, не можете ли Вы посмотреть ухо у его жены. Будьте добры, запишите в дебет моего личного счета (когда только я уплачу Вам сей долг?!) гонорар. Стыдно мне обращаться к Вам, злоупотреблять Вашей добротой. Но слава о Вас гремит, и Вам только и верят! Да!

Обнимаю Вас, дорогой и жду, жду!

Весь Ваш Ив.Шмелев

К<a>к хочу душевно побыть с Вами!

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 2. Автограф (черные чернила). Письмо [в Париже].

¹ Вероятно, имеется в виду Ивонин.

23 апр. 42.

Милый друг С. М.!

Ск<олько> лет, сколько зим не виделись. Соскучился я жестоко! Есть, что Вам показать: получил (от кого?!) обложку для «Кул<икова> Поля», увиденную во сне и — пока бегло созданную!¹ Поговорить хотелось! Есть — о чем.

О, жду! Ваш пустынножитель Иван Горемычный и Скорбный.

См. на обор<оте>

Если хотите шоколаду,
прибудьте под мою
сень — прохладу!

Тоска меня задавила.
И плочту² про такой сон...! —
порррази — тельно!!
Приходите а? Сегодня... а?

И.Ш.

[Приписка по краю лицевой стороны:] С горя и голода купил сухарей! буду пить чай.

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 3–3 об. Автограф (простой карандаш). Записка [в Париже].

¹ Речь идет об обложке к «Куликову Полю», увиденной О.А. Бредиус-Субботиной во сне и описанной ею в письме к И.С. Шмелеву. См. письмо И.С. Шмелева О.А. Бредиус-Субботиной от 22–23 апреля 1942 г. (И.С. Шмелев и О.А. Бредиус-Субботина: Роман в письмах. Т. 1. С. 618–625).

² Так в тексте.

78

Дорогой Сергей Михеевич,
Сегодня ночью были боли, — д<олжно> б<ыть> в печени. М. б. заглянете ко мне сегодня или завтра? — попьем чайку. Будете друг.

Ваш Ив Шме__ Целую». 17 V — 42.

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 4. Автограф (простой карандаш). Записка [в Париже].

Милый друг
Если хотите отдохнуть ото в с е о ... лопнуть со смеху и сим оздороветь, — приходите сегодня пораньше: я прочитаю Вам «Горячее сердце» — Островского. Будем пить чай китайский.

И.Ш.

20 апр 43.
Paris.

До глубок<ой> ночи читал и давился от смеху.

Записка И.С. Шмелева С.М. Серову от 20 апреля 1943 г. в Париже. Публикуется впервые

79

Милый друг,

Если хотите отдохнуть ото в с е о ... лопнуть со смеху и сим оздороветь, — приходите сегодня пораньше: я прочитаю Вам «Горячее сердце» — Островского. Будем пить чай китайский.

И.Ш.

20 апр. 43.

Paris.

До глубок<ой> ночи читал и давился от смеху.

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 5. Автограф (черные чернила). Записка [в Париже].

10. VII. 43

Здравствуйтесь, философ и великий созерцатель, милый Сергей Мих<е>евич. Был эти дни в мерлехлюндии великой (ах, эти события!)¹ и до сего дня не ответил Вам.

Везет Вам на «видения»!

Полагаю, что еще увидите в дебрях Вашего «Индостана»: кита, гишпопотама, носорога, крокодила и «лох-нэссу». Уж повезет — так = повезе-ет! А м. б. и до Змея-Горыныча доживете?! Кланяйтесь.

Но лучше всего — лец! Ох, ле-ща бы! А посему: если хозяин пымает еще лещика, вспомните, что на Буало² живет И.С.Ш., кот<орый> ни рыбы, ни мяса не вкушает (не по своей воле!)... и закажите — перед отъездом бы! — зажарить (уплачу наличными!!) и привезите! Хоть бы вспомнить, какие лещи на <нрзб>. Отощал я. Вы вон и куропатки видаете (оглядываются!), и ласку встречаете (во вс<яком> смысле), а я только и вижу, что собачье г<ов>но на улице. Везет!

И как уж мне все опостылило... здесь! Все — в отъезде. Но я искренно за Вас рад: Вы все права на отдых (и не на такой куцый!) имеете.

Обнимаю.

Ваш Ив. Шмелев

Ничего ободрительного, и — ни во что не верю, ни в каких «дядей Власов»!³

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 6–7 об. Автограф (черные чернила). Письмо в конверте из Парижа. На конверте адрес: Monsieur le Dr S. Sieroff chez M me Boisseau rue de Halles Rouanci (Maine et Loire). Этот адрес зачеркнут и надписан (почерк не И.С. Шмелева) парижский адрес С.М. Серова. Под адресом подписано: «Prière de f<aire> s<uivre>!» («Просьба переслать», *фр.*).

¹ Вероятно, имеется в виду начавшаяся Курская битва, в письме же к О.А. Бредиус-Субботиной за выражением «события..» следует: «особенно эти “открытия” разных “ям”», где Шмелев имеет в виду захоронения жертв большевистских репрессий времен Гражданской войны и 1930-х гг. См. письмо И.С. Шмелева О.А. Бредиус-Субботиной от 17 июля 1943 г. (И.С. Шмелев и О.А. Бредиус-Субботина: Роман в письмах. Т. 2. С. 179).

² Улица, на которой жил Шмелев.

³ Вероятно, имеется в виду движение РОА во главе с А.А. Власовым.

18.9.43. Милый друг, качнуло бы — навестили! Путь легкий, он от Rétu-Chevr<euse> — прямо, по ходу поезда до сизаго бака, тут пересечь рельсы и сейчас искось вправо, по платановой аллее, 12 м<инут> ходу, до угла — пересечения с rue de la Digue, есть дощечка. На углу — я, слева. Написал 4^я разск<аз> «Сереб-

рен<ый> сундучек»¹. Ем яблоки. Живу под Покровом. «В дни покрова — колю дрова, копаю землю и гулу внемлю. Видал я стаи, и в них, блистая, рвались снаряды... вот все «отрады»...² Порой — пишу я... Ах где вы — Шуя, Москва, Владимир? Весь мир — как вымер.» Да... М. б. стекла у меня вставили — обещали! — а м. б. и опять — вы-ставили?.. Не тянет на буалёвский погост.. а надо бы. Черкните уж! Меня уже навестили Карт<аше>вы, Пастаки³ ... Быв<ают> грибы... Чуд<есные> яблочки! Спешите!! М. б. побываю в среду. В солн<ечные> дни здесь — отрада! В дожди — отравы. Но что же в Париже-то, в резюме? Все наше окружено и дёрнуло: Vita⁴, <нрзб>, Мерк<уло>ва⁵ ... и — поставщика. Скучаю без мясца. Все карт<офельный> суп хлебаю. Ну, быв<ают> яички, масло... «а куму — не спица, — хотелось бы... м я с н о г о!..» Но раза два за эти 15 дн<ей> вкушал бёф⁶. Хлеб, сл<ава> Б<огу>, хороший здесь. Достаяю молоко, по м<оим> тикиткам⁷. —

Ну, обнимаю, привет молокососам.

Иван St-Remy-Шеврэзов.

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 8–8 об. Автограф (синие чернила). Почтовая открытка из Сен-Реми-ле-Шеврёз⁸, адресованная С.М. Серову: 73, rue Erlanger Paris, 16^e. Обратный адрес: Au coin: de la Digue et Av<енue> de Coubertin.

¹ Рассказ из 2-й части «Лета Господня».

² Имеются в виду бомбардировки союзнических войск; так, в одном из сентябрьских писем Шмелева Елизавете Семеновне Гелелович (из семьи караимов, знакомой по Крыму) написано: «В среду, 15-го в 1/2 8-го с нашей горы виден стал и блеск, и пожар (будто планета взорвалась)... и уже садили же эти Д.С.А.! А я мирно морковку полон, вдруг “слышу звон... ударили в набат!” (Пушк.). Смотрел... и о Вас думал и помолился... Вот, для Вас:

В дни по к р о в а
Колю дрова
Копая землю —
И гулу внемлю
Порой — пишу я...
Ах, где вы — Шуя,
Москва, Владимир?!

Весь мир — как вымер».

(Батовский К.С., Павленко Н.В. Иван Шмелев и крымские караимы в Париже (из писем И.С. Шмелева к Е.С. Гелелович) // Венки Шмелеву. М., 2001. С. 321).

³ Пастаки — братья-караимы Исаак и Себастьян, друзья Шмелева по Крыму. «В гостеприимном доме Гелеловичей часто собирались эмигранты из России, в основном крымские караимы, чтобы поиграть в карты или просто выпить чашечку кофе. Приходили Катлама, Шамаш, Сараф, Фурунда, доктор Казас, зубной врач Ефетов, братья Пастаки. Со многими был знаком и Иван Шмелев. Особенно теплые, дружеские отношения сложились у него с чудаковатыми братьями Пастаками. Это были настолько колоритные фигуры, что о них хочется рассказать подробнее. Жили Исаак и Себастьян Пастаки в Вирофле, работали на сельскохозяйственном предприятии Трюфо в Версале. Себастьян пожертвовал своей личной жизнью и карьерой, чтобы дать младшему брату образование. Надежды его Исаак оправдал, став одним из крупных специалистов-химиков фир-

мы, видным ученым, удостоенным за достижения в области химии ордена Почетного Легиона. Себастьян же вел домашнее хозяйство, кормил и одевал брата, как “бебешку” (с караимского: “щеголь”, “красавчик”). Оба были холостяками. Один — Исаак — маленький, кругленький, другой — Себастьян — длинный, худой. <...> Иван Шмелёв по-дружески подтрунивал над чудаковатыми братьями. В одном из писем Елизавете Семеновне он писал: “Пастаки — две ‘типы’... вернулись, а так как они ‘зеваки’, то посеяли свои велосипеды! Приезжал Типа недели 2 тому и привез мне ‘лапэн’а’ [от фр. lapin — кролик]! Ел впервые я, А.В. сжарила — ну, и ин-дей-ка! 4 дня ел. Зовут к себе, но я вряд ли соберусь: тут я”. Шмелев так и не собрался к ним в гости. Пастаки приезжали к писателю сами и в Париж на улицу Буало, и в Сент-Реми, куда он вынужден был перебраться после бомбежки Парижа. Они часто привозили с собой гостинцы, стараясь хоть как-то разнообразить его скучное и однообразное питание, требующее соблюдения строгой диеты» (*Батовский К., Павленкова Н.* Я возвращаю себе Россию: Иван Шмелев и крымские караимы в Париже // Литературная Россия. Архив. 2000. 1 декабря. № 48).

Авторы публикуют и другое письмо Шмелева Е.С. Гелелович: «Милые Пастаки изумили меня своим провидением: привезли ½ литра оливкового масла. Оно как раз мне необходимо» (Там же).

⁴ Жизнь (*лат.*).

⁵ Меркулов Александр Николаевич — помощник старосты храма Св. Александра Невского на улице Дарю. Он и его семья иногда опекали И.С. Шмелева.

⁶ От фр. boeuf — говядина.

⁷ От фр. ticket — талон.

⁸ В сентябре 1943 г. Шмелев перебрался в Сен-Реми-ле-Шеврёрз (предместье Парижа), когда после одной из бомбежек (3 сентября) пострадал его дом на улице Буало.

3. 8. 1945.

Здравствуйте, друг мой Сергей Михеевич,

Рад, что довольны тишиной, и сыты. Итак — дожили до з á м к а: это куда приятней, чем «замók». С удовольствием читал Ваше с п о к о й н о е (и покойшее) описание. На «Ваксе» мчались? (из моей повести о «Мэри»¹) или на «Кривой»? И что это за рыдван — 6 челов<ек> уселось? А говорите — вроде нашего тарантаса! Или не видали тарантасов?! Колымага-с, это точней.

Ну, желаю Вам набраться сил, ешьте больше сырых яиц. А я все — с отравой — в г а з е т а х². Тошно, а все глотаешь. Никак не могу вложиться в работу над «Путиями», — столько мешающего, царапающего... — гадостного! (Не прочтите — «радостного».)

Людм<ила> Андр<еевна> — в нестерпимых болях. Я указал (объяснил все), как надо попытаться с втираньем (и внутрь 15 кап<пель> вытяжки) настоя спиртового (ясенев<ый> лист). Сам я, написал В. А-чу³, еще не зная, вернулась ли Л<юдмила> А<ндреевна> из Дах⁴ — оказыв<ается> только что вернулась и все ночи (а терпеливая!) не спит и ... стонет. Была у меня О.А. Гр.⁵ — я все объяснил. М. б. и даст Бог облегчение: уж очень застарелый недуг, «кость бедра уже деформировалась», по снимку видно, будто. Для экстр<ата> они достали alcool⁶.

В.А. уехал в горы — «отдыхать»! От — ч е г о?! Думаю, что от всей нашей д и к о й жизни. Она плющит куда сильнее, чем работа по норме. Где отдыхал? к а к ? на ч е м?! О, сколько же гнусности обнажилось — человечьей! Целую. Ваш Ив. Шмелев

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 1–1 об. Автограф (черные чернила). Письмо [из Парижа].

¹ В повести «Мэри» (1907) описываются взаимоотношения героя с лошастью Ваксой.

² Имеются в виду обвинения И.С. Шмелева в коллаборационизме, распространявшиеся с декабря 1945 г. вплоть до 1948 г. Их печатали газеты «Русский патриот» (выходила с 1944 г.; с марта 1945 г. «Советский патриот») и еженедельная газета «Русские новости», выходявшая с мая 1945 г. Писателю вменялось в вину сотрудничество в газете «Парижский вестник» и участие в благодарственном молебне по случаю освобождения Крыма от советских войск летом 1942 г. 3 августа 1945 г. газета «Русские новости» опубликовала информацию, что французские власти произвели ряд арестов в кругах русских эмигрантов, близких в дни оккупации к Управлению делами русской эмиграции во Франции (руководитель Ю.С. Жеребков), поклонников гитлеровской идеологии, сотрудничавших в газете «Парижский вестник». Среди них редактор газеты, хороший знакомый И.С. Шмелева, П.Н. Богданович.

³ Неизвестно, о ком идет речь.

⁴ Имеется в виду *Дакс* (Дах) — город во Франции, где находятся горячие ванны, излечивающие ревматические боли. См. письмо И.С. Шмелева О.А. Бредиус-Субботиной от 3 августа 1945 г. (И.С. Шмелев и О.А. Бредиус-Субботина: Роман в письмах. Т. 2. С. 321).

⁵ Неизвестно, о ком идет речь.

⁶ Спирт (*фр.*).

5. I. 48. Дорогой Сергей Михеевич,

С праздником Рождества Христова, с Новолетием. Здоровья, благополучия!

Пока в отеле — дорого, но во вс<ех> отн<ошениях> 1^й сорт. И тихо. Еда до т<ого> роскошна, что я 3^й день перешел на вегетар<ианст>во, страшась последствий. Жизнь бешено дорога. Столько в окнах шоколаду и сладостей, что — охватывает ужас. Иностран<анцев> — оч<ень> мало. Смотреть здесь н е ч е г о. Пока под охраной Дм<итрия> Ив<ановича> Озн<обишина>¹. Он оч<ень> внимат<елен> и мил, но я привык стоять на своих ногах. Ищут мне — «гнездо». Это нелегко. А в отеле сутки 15 фр., да еще, м<огут> с<лучиться>, как<ие>-ниб<удь> «добавки». Безумие. Что дальше — не пред<ставляю> себе. И — когда. Да буд<ет> Воля Божья. Зуд — к<а>к и в П<ариже>, порой не замечаю. Ну, по мою душу, — прос<ят> читать «на елке». Стыдно отказ<ать>, просил настоятель архим. Леонтий², оч<ень>, говор<ят>, достойный. Погода — мразливая, тепло. И — тоска: еще не работал, машинка еще едет. Доброго в мире не предвижу. Тут — полн<ый> порядок, все в делах. Читаю <газеты> Figaro и Jour de Genive.

Завтра собир<аюсь> ко всенощной, это мин<ут> 15 ходу. А м. б. и не осилю, — тогда к обедне.

Будьте здоровы и благоденственны.

Ваш И. Ш.

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 2–2 об. Автограф (простой карандаш, черные чернила). Почтовая открытка из Женевы, адресованная С.М. Серову: 73, rue Erlanger, Paris, 16-е.

¹ *Ознобишин* Дмитрий Иванович (1869–1956) — генерал Императорской гвардии. Хорунжий (с 1891 г.), сотник (с 1894 г.), подьесаул (с 1897 г.), капитан Генерального штаба (с 1899 г.), ротмистр гвардии (с 1903 г.), полковник (с 1908 г.). Окончил Императорский Александровский лицей, выдержал офицерский экзамен при Николаевском кавалерийском училище, окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1897). В службе с 1889 г., в январе—августе 1891 г. в запасе. Адъютант князя Георгия Максимилиановича Романовского герцога Лейхтенбергского (в 1903–1913 гг.), в распоряжении князя Александра Георгиевича Романовского герцога Лейхтенбергского (с 1913 г.). Участник русско-китайской войны 1900–1901 гг., во время Первой мировой войны — заместитель военного агента России во Франции, очень состоятельный человек. Шмелев Бредиус-Субботиной 6 (19) августа 1946 г.: «мой друг и умный читатель» (И.С. Шмелев и О.А. Бредиус-Субботина: Роман в письмах. Т. 2. С. 510); «очень богатый, Казачий музей в Париже — его создание, знаток картин; его “коллекция” главная, хранится в Брюсселе при Военном бельгийском музее — это бывший царский военный агент в Париже, был женат на иностранке-миллионерше, много делал для русских. <...> генерал очень трогателен... д ю б и т русского писателя. Сам пишет “мемуары”, видал многое, лицеист (Пушкинского лицея), генштабист, очень культурный, понимающий искусство» (Там же. С. 511–512). Из письма от 2 февраля 1947 г.: «Он знает в с е мое, в книгах. У него в библиотеке почти все, что смог он <достать> — из переводных. Он читает на 5 языках. После Коковцова — Председатель Объединения бывших воспитанников Александровского Царскосельского (Пушкинского) Лицея. В Риме у него — человек 7 друзей-лицеистов, с огромными связями в Ватикане, а раньше у короля» (Там же. С. 596). Из письма от 31 декабря 1947 г.: «Генерал Ознобишин удивительно внимателен и очень тактичен, — джентльмен. Но я люблю стоять на своих ногах» (Там же. С. 654).

² *Отец Леонтий* (Барташевич; 1914–1956) — с 1945 г. настоятель православного храма Воздвижения Креста Господня в Женеве (РЦПЗ), с 1950 г. епископ Женевский.

6. V. 48.

Христос Воскресе! И, на Ваше — «Воистину Воскресе!»

Никаких перемен, дорогой Сергей Михеевич, хорошо говел, много бывал в церкви, много пасх<альных> приветов и приношений, до чуд<есного> точен<ого> пасх<ального> яйца из Герм<ании>, от чит<ательни>цы «Ди-Пи». Были и пасхи, и куличи, — из Берна, от читат<елей>-слушат<елей>. О д и н о к и м не был. Редко так с в е т л о проходила Пасха.

Все еще сижу, жду... ответа из Ам<ерики> о постоян<ной> визе¹. Не дер-
заю заглядывать вперед. Понимаю Вас: будет — к<a>к н а д о. Привет всем В<a>-
шим>.

Ликуюсь. Ваш Ив. Шмелев.

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 3–3 об. Автограф (черные чернила). Почтовая открыт-
ка из Женевы, адресованная С.М. Серову: 73, rue Erlanger, Paris, 16^e.

¹ Из послевоенного Парижа Шмелева тянуло в Америку, пожить рядом с монастырем
Св. Троицы в Джорданвилле. Он получил три «ручательства» — афидевиты [от фр.
affide — поручительство]» (из письма И.С. Шмелева О.А. Бредиус-Субботиной от 13 мар-
та 1948 г. (И.С. Шмелев и О.А. Бредиус-Субботина: Роман в письмах. Т. 2. С. 666)), необ-
ходимые для переезда в Америку: от Пушкинского комитета, от Братства св. Руси имени
св. Владимира и от нью-йоркского издателя Е.П. Даттона. Но в визе Шмелеву было отка-
зано — очевидно, из-за интриги, ведшейся против него в Америке, что отразилось в ано-
нимной заметке, напечатанной в «Новом русском слове» (24 апреля 1947 г.): Шмелева
пытались обвинить в коллаборационизме.

85

6. I. 1949.

Обнимаю Вас, дорогой С.М., с семейством. С Пр<аздником> Р<ождества>
Хр<истова>! С Нов<ым> Годом, — «п и ъ а г о рейским» — 7 х 7! Чреват он будет
и, м. б., принесет Свободу. Будьте же здоровы и благоденственны! Болел долго и
трудно, — предельная анемия, лечусь «уколами». Ныне малость окреп. Пишу. К
весне, м. б., — в Paris, если Бог даст: здесь — трудно на моих грошах. Дни по-
шли — к лету, душевно легче. Сделают друзья мне елочку. Погибаю от писем!
Сколько нов<ых> ч и т а т е л е й! Это укрепляет. А я чуть не «уснул» ... — если бы
добрая душа одна не позвала д<октор>шу помимо м<оей> в о л и!¹ Долго писать.
Ваш Ив.Шмелев — помнящий.

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 4–4 об. Автограф (черные чернила). Почтовая открыт-
ка из Женевы, адресованная С.М. Серову: 73, rue Erlanger, Paris, 16e France. Обратный ад-
рес: I. Chmeleff, c/o A. Risch, 15, B-de Georges Favon. Genève. Suisse.

¹ Из письма И.С. Шмелева О.А. Бредиус-Субботиной от 31 декабря 1948 г.: «Я бы
у с н у л, незаметно: предельное истощение, предельная анемия. <...> Сердце едва про-
слушивалось. <...> Я работал, лежа, в полубессознании, не чуя, что схожу на-нет. <...>
Не спрашивая меня, пригласила докторшу жена одного русского ученого... моя верная
читательница [М.Т. Волошина]» (И.С. Шмелев и О.А. Бредиус-Субботина: Роман в пись-
мах. С. 696–697).

Дорогой Сергей Михайлович,
 Едва пишу — такая слабость, словно
 руки — ноги перебиты. Необходимо
 что-нибудь укрепить. В, прямо,
 без сил. Едва сижу.

Не откажите зайти, послушать
 сердце и померить давление.
 Кашель легче.

Обнимаю. Ив. Шмелев

3. VI. 50.

Стыдно Вас обременять,
 но я совсем одинок.
 Ю. А. и В. А. не было дней 5.

Последняя записка И.С. Шмелева С.М. Серову
 от 3 июня 1950 г. в Париже.
 Публикуется впервые

репляющее. Я, прямо, без сил. Едва сижу.

Не откажите зайти, послушать сердце и померить давление. Кашель легче.

Обнимаю. Ив. Шмелев

3. VI. 50.

Стыдно Вас обременять, но я совсем одинок.

Ю. А. и В. А. не было дней 5.

86

5. IV. 50

Дорогой

Сергей Михеевич,

Безпокоюсь, что с
 Вами, не заходили б <оль-
 ше> месяца! А у меня
 вопрос об уколах. М. б.
 Вы согласитесь сами мне
 делать через день (12 уко-
 л <ов> Chofitol'a) или ука-
 жите сестру, надежную,
 которой я мог бы дове-
 риться.

Ваш Ив. Шмелев

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр.
 18. Л. 5–5 об. Автограф (про-
 стой карандаш). Записка [в
 Париже] с адресом: D^r M^r S.
 Sieroff 73, rue Erlanger, 6^e
 Stage.

87

Дорогой

Сергей Михеевич,

Едва пишу — такая
 слабость, словно руки-
 ноги перебиты. Необхо-
 димо что-ниб <удь> ук-

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 6–6 об. Автограф (простой карандаш). Записка [в Париже], адресованная С.М. Серову: 73, rue Erlanger, P., 16^è.

¹ *Кутырина* Юлия Александровна (1891–1979) — племянница О.А. Шмелевой, близкий И.С. Шмелеву человек, много помогала ему после смерти жены. Актриса, сказительница, автор книги, статей и воспоминаний о писателе.

88

Милый С.М.,

Купите, пожалуйста 1 дюж<ину> Laristine'a по 5 с. с.¹ и эфира — спирта. Оч<ень> прошу помочь мне выправиться и — согреемся угольками!

Целую.

В<аш> Ив. Шме

29 IX.

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 1. Автограф (простой карандаш). Записка [в Париже]. Без даты; по характеру почерка может датироваться 1942 г.

¹ Имеется в виду «5 сантимов».

89

Bromone Robin engantfes.

Adoverne Roche

С. М., дорогой

Пож<алуйста> к а п л и!

С 5 входящими

(ведущими) —

М. б. сегодня закажете, завтра захватите, а я зайду и заберу.

С почт<ением>

И. Ш.

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 2–2 об. Автограф (простой карандаш). Записка [в Париже]. Без даты.

Приложение
ПИСЬМА О.А. ШМЕЛЕВОЙ М.А. И С.М. СЕРОВЫМ

1

12 января <1932>¹.

Поздравляем Вас наши милыя, дорогая, Риточка, Сергей Михеевич и светленькая Ириночка. С праздником Рождества Христова и с наступающим новым годом. Дай Вам Бог здоровья и благополучия. Соскучились, не видя Вас. Собирались к Вам, но все разные задержки. В церковь ни разу не собрались, уж такие мы грешные. А теперь вот уже третью неделю как у Ив. Сер. невралгия что ли, боли и в желудке и в кишках. Принимает всякую дрянь, а пользы ничто². Все же, как будет немного лучше, соберусь хоть одна, очень хочется посмотреть на Вас и на Ваше новоселье. Знаю что у Вас теперь все балы, но если собиретесь, будем очень рады Вас видеть. Праздник у нас с болезнью, грустный.

Целуем Вас всех троих, будьте здоровы.

Привет Агаше.

Ваша Ольга Шмелева.

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 1. Автограф (черные чернила). Письмо [в Париже].

¹ Датируется по содержанию: И.С. Шмелев болел с конца 1931 г. — весь 1932 г.

² Чтение слова предположительное.

2

23 февраля <1932 г.>¹.

Агашина микстура, кажется, должна усиленно прописываться всем приходящим и паче — больным! Что, с благодарностью и удостоверяю.

Дегустатор.

Дорогая Риточка,

У меня две просьбы к Вам. Первая спросите Сергея Михеевича. Лет пятнадцать тому назад мне делали электризацию кишек, и мне это очень помогло. Но вот лет 6 опять кишечник не работает, и слабительные не помогают. 4 года принимала Гран де Волс, теперь и это не помогает. Хочу попробовать электричество. Так вот, спросите, можно ли в их лечебнице или где, только чтобы не дорого.

В Москве 10 сеансов все наладилось. Узнайте, пожалуйста, и напишите. Еще, моя добрая, если можно купите мне шерсти на блузку, белой, сколько нужно. Очень

мне понравилась Ваша блузка, и я мечтаю связать, пока еще не забыла урок Ириночки. Если это в большом магазине, закажите доставить, я здесь уплачу. Если же тут, купите, я пришлю племянницу, и она уплатит Вам. Как прошел экзамен Ириночки.

Целую Вас, жду весточки. И.С. шлет Вам сердечный привет. Поцелуйте от нас С.М. и Ириночку.

Агаше поклон Ваша Ольга Шмелева.

Сердечный привет врачу Михеичу с дорогими присными. А что писано про «тишти»² — сему верить неукоснительно, в чем и — с подкреплением ходатайства расписуюсь

Дядя-Ваня, знаток — кишок. О-ох, увы, знаток, но с Божьей помощью, и при содействии препод<обного> раба Сергия, улучшаюсь. А за бромистый подарок, — Rob-Nerva³, — (что знач<ит> «робкие нервы»?) — Grand-спасибо.

Очень доброе действие, т<ак> ч<то> по второй прохожусь, — ввел меня в убыток Михеич!

Д<ядя> В<аня>

Слезнай

Иск — ! (и даже — писк)

В неправедный Суд г. Парижа:

к девице-художнику и

по хвотографии Орине Сергеевны

Серовой,

прожив<ающей> в г. Париже, у родителей

Слезное Прошение,

с прилож<ением> (для вянуцаго⁴ выигрыша) и для ускорения — 60 с. (право бедности)

Messieurs les juges!⁵

Патребуйте гаспада жюжи, в оную пользу с сей разеянной россиянки и даже дочери знахаря несколько патретов: сымала-сымала, терзала-терзала нас сирот апоратым и всюю махинацию себе забрала! Эта не годица. Присудитя строга. И уплачу ешио вам хочь франка два. Истец раб Иван с Калузской.

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 2–3 об. Автограф (черные чернила). Письмо О.А. Шмелевой М.А. Серовой [из Парижа] с приписками И.С. Шмелева. Приписки Шмелева переданы курсивом.

¹ Датируется по содержанию: Ирина Серова сдавала экзамен в ноябре 1931 г. (см. письмо 14 наст. публ.); электризация могла делаться в Москве в 1917 г.

² Кишки.

³ Об этой микстуре см. в письме 16.

⁴ Чтение слова предположительное.

⁵ Господа судьи! (фр.).

августа 10 <1932 г.>¹

Милая Риточка, слышала от А.И.² что собираетесь в Капбретон. Просьба к Вам. Привезите черного хлеба для Ив<ана> Сер<геевича>, если бы круглый, а не плашкой не очень черный, и не сладкий. Будем благодарны. Стоит 2-40. Ждем целую Вас и Ириночку.

Дорогаго моего доктора целую особенно крепко и благодарно. Чувствую себя лучше.

Ваша Ольга Шмелева

Привет Агаше.

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 4—4 об. Автограф (черные чернила). Почтовая открытка О.А. Шмелевой М.А. Серовой из Капбретона с видом церкви Св. Николая в Капбретоне по адресу: 7, rue Marcel-Renault Paris, 17^e.

¹ Датируется по содержанию: М.А. и И.С. Серовы приехали в Капбретон, вероятно, в конце августа — начале сентября 1932 г. (см. письма 18 и 19 наст. публ.).

² Вероятно, речь идет о А.И. Деникине.

ОБЗОРЫ

Т.Ф. Соколова

ТРИ ПОКОЛЕНИЯ СЕМЬИ ФУДЕЛЕЙ:
ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ
ДОМА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА

В Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына (ДРЗ) хранится архив трех поколений семьи Фуделей — протоиерея Иосифа Ивановича, его сына Сергея Иосифовича и внука Николая Сергеевича. В состав фонда входят рукописи И.И. Фуделя, С.И. Фуделя, Н.С. Фуделя (Н. Плотникова): дневники, проповеди, воспоминания, статьи, повести, рассказы, опубликованные работы; документы биографического характера, письма; черновые материалы, выписки из творений и посланий христианских подвижников и отцов Церкви и сочинений разных авторов; фотографии личные и членов семьи, друзей. В настоящее время сформирован и научно описан фонд № 8 «Семейный фонд Фуделей», содержащий 5 описей. В фонде насчитывается около 190 дел и 170 фотографий, 19 печатных изданий этих выдающихся деятелей своего времени, 2 музейных предмета, а также фонд пользования.

Прот. **Иосиф Иванович Фудель**, московский священник, родился 25 декабря 1864 г. (6 января 1865 г.), предположительно в Коломне Московской губернии. «...Внук немца заграничного, женившегося на русской», сын титулярного советника, делопроизводителя по хозяйственной части и матери-польки — так пишет Лев Александрович Тихомиров в своих воспоминаниях о прот. И.И. Фуделе¹.

Документы И.И. Фуделя сформированы в описи № 1. Краткую хронику жизни прот. И.И. Фуделя представляют материалы биографического характера: «Аттестат об увольнении со службы губернского секретаря И.И. Фуделя с данными о его службе за 1888 и 1889 гг.» и «Формулярный список о службе протоиерея церкви Николаевской в Плотниках Иосифа Фуделя за 1888–1907 гг.», а также «Свидетельство о венчании студента Московского университета Иосифа Ивановича Фуделя с Евгенией Сергеевной Емельяновой в Петропавловской церкви Несвижского полка 5 июня 1888 г.»².

Иосиф Иванович получил образование в Императорском Московском университете по юридическому факультету. «Постановлением Губернского Правления, состоявшимся 19 января 1889 года, назначен на должность делопроизводителя. Указом Правительствующего Сената от 14 декабря 1888 года утвержден в чине Губернского

¹ Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына (ДРЗ). Ф. 8. Оп. 1. Д. 16. Л. 2.

² См.: Там же. Д. 13–15.

Иосиф Иванович Фудель. Москва. 1886 г.

Ф. 8. Оп. 4. Д. 1. Л. 5

Секретаря...»³ «Губернский Секретарь Осип Иванович Фудель постановлением Московского Губернского Правления, утвержденным Г. Губернатором 6 июня 1889 года, согласно его прошения, уволен от службы по домашним обстоятельствам»⁴. В 1888 г. Иосиф Иванович женился на дочери коллежского асессора Евгении Сергеевне Емельяновой (1865–1927)⁵.

По благословию преподобного Амвросия Оптинского «Высокопреосвященнейшим Алексием, Архиепископом Литовским и Виленским рукоположен во священника по Николаевскому Белостокскому собору Гродненской губернии» 1 сентября 1889 г.⁶. Приняв посвящение в г. Вильно, о. Иосиф вместе с женой отправился на место своего первого служения, в Белосток, где служил в Свято-Николаевском кафедральном соборе и состоял законоучителем в различных учебных заведениях.

В разделе «Рукописи И.И. Фуделя» представлена тетрадь, содержащая записи, относящиеся к двум периодам жизни: «Летопись внебогослужбных собеседований и проповедей» и «Дневник священника Пересыльной тюрьмы»⁷.

В «Летописи...» о. Иосиф начиная с 1889 и по 1892 г. записывает темы внебогослужбных чтений и содержание проповедей.

«С помощью Божией начало положено 17-го Декабря 1889 года.

17-го Декабря 89 г. первое внебогослужбное чтение в храме: «О чтении слова Божия» извлечено из книги «Сборник объяснений воскресных Апостолов и Евангелий; соответствующее тому толкование дневного Евангелия (Луки, 14, 16–24.)».

24-го декабря 89 года. Второе чтение в храме: «О проведении воскресных и праздничных дней». Брошюра — издание отдела распространения духовно-нравственных книг.

25-го декабря 89. Третье чтение в храме: «Рождество Господа нашего Иисуса Христа». Из Троицкого Листка № 37»⁸.

³ ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 15. Л. 1 об.

⁴ Там же. Д. 14. Л. 1 об.

⁵ См.: Там же. Д. 13. Л. 1.

⁶ Там же. Д. 15. Л. 1.

⁷ Там же. Д. 2.

⁸ Там же. Л. 23.

В 1892 г. о. Иосиф вернулся в Москву, где получил назначение в храм Святого Благоверного князя Александра Невского при Центральной пересыльной тюрьме (Бутырской), в 1899 г. перестроенный и вновь освященный в честь Покрова Пресвятой Богородицы. Многие годы его называли «тюремный батюшка». Он утешал заключенных, совершал таинства, отечески заботился о безродных, собирал для них передачи, одежду, помогал деньгами, беспокоился об устройстве подопечных на каторге, отправлял посылки в Сибирь, на Сахалин. Он окормлял заключенных пятнадцать лет, и это служение значительно подорвало его силы и здоровье.

В «Дневнике священника Пересыльной тюрьмы» с 1892 г. о. Иосиф записывает наблюдения, мысли, основные события: «31-го октября. Получил от начальника тюрьмы разрешение устроить школу грамоты среди каторжан. Передал ему список желающих учиться. В списке — 55 человек. Сделал начальник распоряжение поместить их всех в одну камеру. С Божьей помощью — дело начнется.

<...>

20 ноября. У каторжан седьмое чтение. Иоанн Креститель и крещение Господне. Зашел к лишенцам, занес им несколько книг, но всех желающих читать не мог удовлетворить. Атаковали меня тысячами просьб, преимущественно о книгах для чтения и об азбуках...

<...>

1893 г. 12 февраля... Здесь я полюбил русский народ, потому что узнал его. В русском мужике есть одно бесценное качество: под грубою корою предрассудков, невежества, суеверий — в нем таится на дне души христианское мировоззрение и настроение. Это его спасает в несчастии, это его и возвышает перед другими народами и перед нашим интеллигентом, который свободен от суеверий и хотя бы даже был православно-верующий, все-таки не обладает полным христианским мировоззрением; прогресс изломал его.

<...>

4 июня. За зиму 1892/93 <г.> из тюремной библиотеки было взято арестантами для чтения 26 книг Священного Писания, из них на русском языке — 14 экз., на татарском яз. — 3 экз., на армянском — 2 экз., на еврейском — 2 экз., на польском — 2 экз., на арабском, турецком и остальных языках по 1 экз. Сравнительно небольшой процент книг Св. Писания, бывших в чтении у арестантов, зависит прежде всего от того, что среди них очень мало грамотных людей, затем многие грамотные имеют свои собственные Нов<ые> Заветы, и иноверцы относятся к этим книгам с недоверием, которое бывает очень трудно устранить.

<...>

Ужасно много времени и труда уходит на исполнение мелких просьб арестантов: тот просит купить книжку, другой — образок и т. д. Но я этим не тягочусь; меня радует эта детская доверенность ко священнику. Сегодня подошел один каторжанин и попросил меня самому выбрать и купить книг духовного содержания для отсылки в Малмыж тюремному надзирателю в подарок. Деньги получил, купил и отсылаю»⁹.

⁹ ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 2. Л. 37, 39, 44, 46 об., 47, 58 об., 59.

Отец Иосиф Фудель. Москва. 1890-е гг.

Ф. 8. Оп. 4. Д. 1. Л. 8

Дальнейшие записи — размышления о заключенных, их судьбах, причинах преступлений, о законах на Руси, о правах арестантов, о характере русского человека и о конкретной работе священника, о чтении в тюрьме и т. д.

С.Н. Дурылин¹⁰ задал о. Иосифу вопрос: «Какое же общее впечатление вынесли вы от долгого пребывания среди каторжан, от тысяч и десятков тысяч осужденных и преступников, прошедших перед вами?.. О. Иосиф обернулся ко мне... и ответил: “Я удивлялся иногда и удивляюсь, почему они — в тюрьме, а я — на свободе”»¹¹.

В 1907 г. о. И. Фудель был введен в сан протоиерея. К этому времени он был награжден набедренником (1891), скуфьей (1895), камилавкою (1899), Библией (1900), наперсным крестом (1903), а также серебряными медалями «В память царствования Императора Александра III», «В память Священного Коронования Императора Николая II». Как гласил его послужной список, он «просветил Св. Крещением: 12 евреев, 10 магометан, 3 язычников, 1 сектанта-суб-

ботника, 1 сектантку-молоканку; присоединил к православной вере: 16 католиков, 19 лютеран и 39 раскольников-старообрядцев»¹².

Согласно собственному прошению в 1907 г. прот. Иосиф был переведен настоятелем Николо-Плотниковской церкви на Арбате, в небольшой приход, где он и прослужил до своей кончины.

Весь приход храма Святителя Николая в Плотниках составлял 30 домов, населенных главным образом купцами и интеллигенцией. Но свое сердце и духовную заботу о. Иосиф отдавал приходским бедным — помогал им сам, собирал пожертвования, призывал на проповеди помнить о неимущих.

В 1908 г. прот. Иосиф затеял дело, совершенно новое для приходской жизни России, — своими силами и на собственные средства стал издавать журнал «Приходский вестник». Журнал издавался в 1908–1912 и 1914–1915 гг. и рассылался по квартирам

¹⁰ Дурылин Сергей Николаевич (1886–1954) — религиозный писатель, литературовед, искусствовед, историк театра, доктор филологических наук, профессор ГИТИСа. В 1920 г. был рукоположен в сан священника (целибат), служил два года до ареста в 1922 г. До 1933 г. пребывал в ссылке в разных местах. Затем возвратился в Москву, работал в миру.

¹¹ ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 17. Л. 9.

¹² Там же. Д. 15. Л. 4 об.

всем прихожанам московской Николаевской в Плотниках церкви. В фонде представлены 4 номера «Приходского вестника» за 1908–1910 гг. со статьями прот. Иосифа Фуделя: «Детская радость» (1908. № 5); «К прихожанам» ([1909]. № 6); «За год» (1909. № 7); «Князь Михаил Петрович Волконский» (1910. № 10)¹³. И во всех номерах он пишет об усилении работы приходского попечительства о бедных.

О самом издании прот. Иосиф Фудель писал следующее: «Для меня самого стало совершенно ясно, что печатный орган приходской жизни... есть не пустая затея, а дело жизненное, стало быть жизнеспособное, необходимое и важное, как орудие приходского взаимообщения... он мне сослужил большую службу в борьбе с адвентизмом, покушавшимся пустить свои корни в нашем приходе... в устройстве склада одежды для бедных, в устройстве рождественской елки для детей... всякое воззвание к добру находило свой отклик в сердцах прихожан»¹⁴.

Печататься Иосиф Иванович начал в 1886 г. В 1887 г. он издал отдельной книжкой «Письма о современной молодежи и направлениях общественной мысли» и послал ее с письмом к К.Н. Леонтьеву в Оптину пустынь. После переезда в Москву он погрузился в литературную работу, поскольку считал публицистику формой проповеди.

За тридцать лет литературной деятельности прот. И. Фудель сотрудничал в 18 изданиях («Русское дело», «Благовест», «Русское слово», «Московские ведомости», «Русский вестник», «Миссионерское обозрение», «Русское обозрение» и др.) и опубликовал около 250 статей по религиозной и духовно-нравственной проблематике.

Опубликованные работы прот. Иосифа Фуделя — это вырезки газетных и журнальных статей, наклеенные на картонные листы: «Деятели христианского просвещения на восточной окраине», «Один из тюремных вопросов», «Новое народное издание», «О разводе», «Восточный вопрос (памяти К. Леонтьева)», «Судьба К.Н. Леонтьева», «По поводу кончины С.Н. Фишер» и др., а также брошюра «Взыскание погибших. Из летописи церкви Московской пересыльной тюрьмы» (М., 1907), в которой даны выдержки из проповеди о. Иосифа; журналы «Приходский вестник» и оттиск из журнала «Русская мысль» (1917. № 11–12. С. 17–32) со статьей «К. Леонтьев и Вл. Соловьев в их взаимных отношениях»¹⁵.

Отдельную группу документов составляют материалы об Иосифе Ивановиче Фуделе, собранные Сергеем Иосифовичем для подготовки к изданию сборника воспоминаний об о. Иосифе Фуделе.

Это воспоминания Л.А. Тихомирова¹⁶ в сборнике «Тени прошлого», С.Н. Дурьлина «Отец Иосиф Фудель. (Мои памятки и думы о нем и о том, что было ему близко)»; В.М. Сытиной (ученицы о. Иосифа в Московской женской классической гимназии С.Н. Фишер) «Урок (Воспоминания ученицы)», его духовной дочери Н.В. Угримовой (урожд. Гаркави) «Кусочки воспоминаний духовной дочери» и дочери Н.И. Ильиной (урожд. Фудель)¹⁷.

¹³ ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 7.

¹⁴ Там же. Л. 8, 9.

¹⁵ Там же. Д. 5–8.

¹⁶ Тихомиров Лев Александрович (1852–1923) — религиозный мыслитель, русский философ, публицист, политический и общественный деятель.

¹⁷ ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 16, 17, 18.

С.Н. Дурылин записывает, что о. Иосиф Фудель «для меня — один из дорогих участников той живой действительности и православной, церковной, русской, — которой имя — Оптина пустынь... Духовный уклад, строгое и светлое устройство личности покойного, его тихое и мудрое пастырство, его благоговейное и прекрасное в своей строгости и благодати иерейство — для меня всегда было и есть продолжение душеустройства, пастырства, иерейства Оптинского, великого в своей благодати, мудрости и смирения»¹⁸.

В фонде находится шесть писем, в том числе два письма о. Иосифа дочери Нине. Удивительная надпись-автограф о. И. Фуделя: «В наследство Нине, чтобы берегла как святыню» на конверте письма о. Иосифу от С.Н. Фишер¹⁹.

Кроме того, в фонде содержатся интересные материалы членов семьи: грамота о награждении Ивана Дмитриевича Фуделя (отца И.И. Фуделя) орденом Святого Станислава третьей степени, свидетельство о присвоении Марии Иосифовне Фудель звания домашней наставницы и др.

Протоирей Иосиф Фудель скончался от эпидемии «испанки» дома, в своей квартире на Арбате 15 (2) октября 1918 г. Похоронен на кладбище Новодевичьего монастыря, где также похоронена его жена Евгения Сергеевна.

В 2009 г. в ДРЗ от А.А. Бармина поступили документы, собранные И.И. Фуделем для подготовки к изданию работ К.Н. Леонтьева, по которым в дальнейшем была сформирована опись № 5.

В 1887 г. И.И. Фудель присоединился к кружку выпускников Катковского лицея и студентов Московского университета, сплотившихся вокруг К.Н. Леонтьева. Они пропагандировали идеи Константина Николаевича в печати, в частности И.И. Фудель — в журнале «Благовест».

Прот. Иосиф был человеком леонтьевской культуры — «единственный хранитель тайны жизни, личности, творчества и веры К.Н. Леонтьева», способный «принять и хранить Леонтьевское умственное начало» — отмечает С.Н. Дурылин в своих воспоминаниях²⁰.

В письме от 19 января 1891 г. К.Н. Леонтьев пишет о. Иосифу Фуделю: «И вот в числе этих приятных поводов — благодарить Бога — один из самых приятных и значительных — это ваша дружба и ваше со мной единомыслие (почти), мой голубчик, Осип Иванович!

Да, я право все больше и больше к вам привязываюсь и даже прошу вас не изменять мне хоть сердцем, если мне даже суждено дожить до той горькой минуты, когда вы мне мыслью измените...

Так что я и объективно и субъективно Вами доволен более чем всеми другими моими молодыми приятелями.

Объективно потому: что — вы умны, очень тверды, верны и достаточно смелы; потому что вы религиозны; потому что на вас не п..., а ряса.

Субъективно — потому что вы меня, как человека, искренне любите и как писателя, смело независимо и талантливо готовы поддержать, когда есть малейшая возможность и повод...

¹⁸ ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 17. Л. 2–3.

¹⁹ Там же. Д. 12. Л. 6.

²⁰ Там же. Д. 17. Л. 19–22.

Просто сказать и коротко: на вас главная моя надежда. И, пожалуй, что ни на кого больше»²¹.

М.В. Леонтьева (племянница К.Н. Леонтьева) передает прот. И.И. Фуделю право на издание сочинений К.Н. Леонтьева, а также ведение дел по продаже изданных сочинений. И в 1910-е гг. прот. И.И. Фудель предпринял подвижнический труд по изданию собрания сочинений К.Н. Леонтьева. Из задуманных двенадцати томов удалось издать девять (1912–1913) — мемуары и письма в них не вошли. Разразилась Первая мировая война.

В дальнейшем материалы К.Н. Леонтьева хранились в архиве семьи о. Иосифа. Предложения о передаче архива К.Н. Леонтьева в Государственный литературный музей (ГЛИМ) содержатся в письмах М.А. Цявловского и В.Д. Бонч-Бруевича к М.И. Фудель²². В середине 1930-х гг. основная часть архива была передана в ГЛИМ.

Несомненный интерес представляют рукописные и машинописные копии писем К.Н. Леонтьева к прот. Иосифу Фуделю за период с 1888 по 1891 г. — всего 19 писем²³.

Основной раздел — «Рукописи» — содержит статьи К.Н. Леонтьева, опубликованные в томах 6 и 7²⁴, а также отрывки неустановленных работ, черновые заметки, написанные рукой К.Н. Леонтьева, о. И.И. Фуделя, М.В. Леонтьевой, и газетные вырезки опубликованных статей К.Н. Леонтьева с правкой о. И.И. Фуделя.

Материалы фонда представляют нашим современникам удивительную личность — Иосифа Ивановича Фуделя — священника, религиозного писателя и публициста, общественного деятеля.

Сергей Иосифович Фудель родился 31 декабря 1900 г. (13 января 1901 г.) в Москве, на Арбате, в семье прот. Иосифа Фуделя. Отец и его окружение оказали влияние на мировоззрение сына.

О своем жизненном пути, о людях, его окружавших, С.И. Фудель написал в «Воспоминаниях»²⁵.

После окончания 5-й московской гимназии поступил на историко-филологический факультет 1-го МГУ. В 1922 г. он был арестован за участие в противодействии обновленческому расколу и приговорен к ссылке в Зырянский край (Усть-Сысольск, затем переведен в с. Княжпогост Усть-Вымского уезда) на три года. Вслед за Сергеем Иосифовичем на место ссылки поехала его невеста, Вера Максимовна Сытина (1901–1988), происходившая по линии матери из старинного дворянского рода Свербеевых, известного в истории России общественными и военными деятелями. Венчание состоялась в 1923 г. на квартире ссыльного епископа Ковровского Афанасия (Сахарова). После освобождения из ссылки семья жила в Москве.

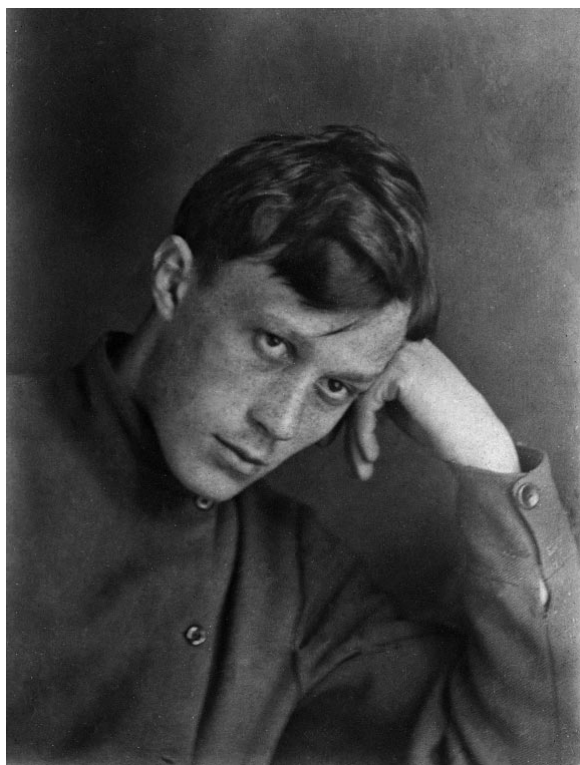
²¹ ДРЗ. Ф. 8. Оп. 5. Д. 2. Л. 2, 3.

²² Там же. Д. 20, 21.

²³ Там же. Д. 1, 2.

²⁴ Леонтьев К. Собр. соч. М., 1912. Т. 6.; СПб., 1913. Т. 7.

²⁵ См.: ДРЗ. Ф. 8. Оп. 2. Д. 10–15.

Сергей Иосифович Фудель. Москва. Начало 1920-х гг.

Ф. 8. Оп. 4. Д. 12. Л. 9

С 1945 г. работал в Москве секретарем кафедры Военного института иностранных языков. В Москве на квартире сестры М.И. Фудель в мае 1946 г. арестован третий раз по делу об «антисоветском церковном подполье» и приговорен к ссылке на 5 лет в Красноярский край (Минусинск, затем переведен в с. Большой Улуй). В ссылке был до июля 1951 г., в Загорск вернулся в 1952 г. В московской прописке ему было отказано. Предписание о 100-километровом ограничении жительства сохраняло свою силу до конца дней Сергея Иосифовича. Он попытался обосноваться в г. Лебедянь, затем с семьей переехал в Усмань. С ноября 1962 г. Сергей Иосифович жил в Покрове Владимирской области. В этот период выполнял переводы для издательского отдела Московской патриархии. В городском храме во имя Покрова Пресвятой Богородицы Сергей Иосифович служил псаломщиком. В 1960-е гг. Сергей Иосифович реабилитирован за отсутствием состава преступления.

Скончался Сергей Иосифович Фудель в 1977 г. от тяжелой болезни. Похоронен на городском кладбище г. Покрова. В 1988 г. рядом с ним была похоронена его жена В.М. Сытина.

В январе 1933 г. последовал новый арест и ссылка на три года в Северный край (пос. Вожега, станция Явенга, лесоразработки в Вельском районе, затем перевод в Вологду). После освобождения Сергей Иосифович работал бухгалтером в с. Ахтырка Загорского района и до 1938 г. жил в Хотьково. С 1938 по 1942 г. жил с семьей в Загорске (ныне Сергиев Посад), где к тому времени сложилась небольшая община «катакомбной церкви», с которой С.И. Фудель был духовно связан. Окормлял общину архимандрит Серафим Битюгов, в домах его духовных чад находили приют многие гонимые священники. Здесь же, близ Троице-Сергиевой лавры, жили Флоренские, Тихомировы, Голубцовы.

Великую Отечественную войну С.И. Фудель прошел рядовым охраны воинских грузов в железнодорожных войсках.

Писать Сергей Иосифович начал с середины 1950-х гг. Среди его сочинений — работы по христианскому богословию, истории Церкви, литургике, религиозной проблематике славянофильства и творчества Ф.М. Достоевского, размышления о русской религиозной философии, в частности об о. Павле Флоренском.

Практически все произведения С.И. Фуделя, сохранные его друзьями, сосредоточены в семейном фонде № 8. Материалы сформированы в описи № 2.

Рукопись «Воспоминания» представляет несколько вариантов текста с многочисленными правками. Над ней Сергей Иосифович работал около двадцати лет, внося правки и вставки и добавляя новые главы. Воспоминания включают главы об отце и о его выдающейся пастырской и литературной деятельности, о жизни на Арбате, о последних оптинских старцах, о С.Н. Дурылине, которому прот. Иосиф оставляет работу над изданием собраний сочинений К.Н. Леонтьева, о Л.А. Тихомирове, С.Н. Булгакове, С.А. Сидорове, Н.С. Чернышеве, А.Д. Самарине, епископе Афанасии Сахарове; тюремных и ссылных годах.

«Наследство Достоевского» — исследование, посвященное творчеству и духовным поискам Ф.М. Достоевского²⁶. Это беловая рукопись, представляющая собой комплект школьных тетрадей в линейку, а также черновые материалы (более 500 листов): планы, наброски текста, ссылки на источники, записные тетради, списки книг и статей для прочтения; выписки из сочинений и писем Ф.М. Достоевского и других авторов, сочинений отцов Церкви и богослужебной литературы.

Работа «Путь Отцов» — это тетради, в которой много листов-вложений. Сергей Иосифович делал выписки, в основном из собрания «Добротолюбие», а также из творений отцов-подвижников, святоотеческих текстов, богословских трудов²⁷. Комментарии автора кратки, выстраданы и убедительны.

«У стен Церкви» — воспоминания и размышления, воссоздающие противоречивую картину церковной жизни начала XX в.

Статьи «Церковь верных», «Причастие вечной жизни», «Записки о литургии и Церкви», «Соборность Церкви и экуменизм», «Начало познания Церкви; заметки об

Сергей Иосифович Фудель. Загорск. 1944 г.

Ф. 8. Оп. 4. Д. 12. Л. 12

²⁶ ДРЗ. Ф. 8. Оп. 2. Д. 7–9.

²⁷ Там же. Д. 1–4.

Сергей Иосифович Фудель с сыном Николаем. Москва. Конец 1950-х гг.

Ф. 8. Оп. 4. Д. 15. Л. 1

о. Павле Флоренском», об о. Николае Голубцове, которых он знал лично; о славянофилах: «Славянофильство и церковь», «Оптинское издание аскетической литературы и семейство Киреевских», «Записи об Апостольских Посланиях» и другие статьи.

Обширны черновые материалы к рукописям — сотни листов, на которых рукой Сергея Иосифовича сделаны выписки из творений и посланий христианских подвижников и отцов Церкви, из святоотеческих текстов, богословских трудов, произведений разных авторов — преп. Антония Великого, преп. Макария Великого, св. Марка Подвижника, преп. Иоанна Лествичника, св. Григория Паламы, св. Тихона Задонского, преп. Никодима Святогорца, Георгия, затворника Задонского, преп. Серафима Саровского, аввы Силуана и т. д.

Особую ценность в наследии Сергея Иосифовича имеют его письма за последние тридцать лет. Самые личные — письма к сыну Н.С. Фуделю, написанные из разных мест ссылки, а также жене В.М. Сытиной, дочери М.С. Желноваковой, внучке М.Н. Фудель, друзьям и знакомым: С.Н. Дурылину, Н.Н. Третьякову, Т.М. Некрасовой, В.В. Наумову, М.А. Некрасовой, Н.Е. и О.В. Емельяновым.

Небольшую часть фонда составляют материалы разных лиц: стихотворение С.Н. Дурылина, посвященное С.М. Соловьеву, и др.

Публикации С.И. Фуделя под псевдонимом Ф.И. Уделов появились в 1970-е гг. в издательстве «УМСА-Press». Его тексты во множестве расходились по России в

самиздате. Впервые «Воспоминания» С.И. Фуделя под собственным именем автора были напечатаны в журнале «Новый мир» в 1991 г.

К настоящему времени основная часть произведений С.И. Фуделя издана, и самым значительным изданием является Собрание сочинений в трех томах²⁸, осуществленное при поддержке Русского общественного фонда Александра Солженицына.

Николай Сергеевич Фудель, писатель и педагог, родился 26 мая 1924 г. Детство Николай Сергеевич провел на Арбате, в семье деда, И.И. Фуделя. В 1934–1935 гг. жил с отцом, С.И. Фуделем, отбывавшим вторую ссылку в Вологде. В дальнейшем работал слесарем-сборщиком и учеником шофера на военном заводе в Загорске. Был призван в армию в 1942 г. Как нестроевого, его направили в Отдельный учебный автомобильный полк в Рязани. Добровольцем ушел на фронт и до конца войны находился в действующей армии: на Украине, в Белоруссии, Польше; был участником штурма Берлина и освобождения Праги. Награжден боевыми орденами и медалями, перенес контузию, имел ранения. После демобилизации Н.С. Фудель поступил на филологический факультет МГПИ им. В.И. Ленина.

Окончив в 1950 г. институт, Николай Сергеевич остался в Москве и поступил в аспирантуру. Защитил кандидатскую диссертацию по творчеству И.С. Тургенева в Институте мировой литературы им. А.М. Горького. Тридцать лет проработал заведующим кафедрой русского языка для иностранных студентов в Московском институте стали и сплавов, написал много научных трудов.

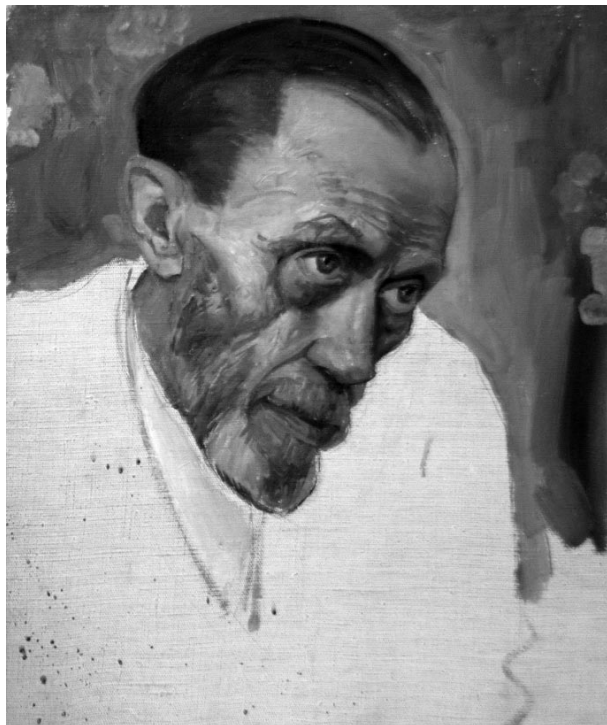
Однако литературное творчество было ему ближе всего. Сначала это были повести о войне, потом роман о послевоенном Арбате, затем цикл исторических повестей о Древней Руси.

Николай Сергеевич Фудель. Прага. 1945 г.

Ф. 8. Оп. 4. Д. 17. Л. 10

²⁸ Фудель С.И. Собр. соч.: В 3 т. / Сост. и коммент. прот. Н.В. Балашова, Л.И. Сараскиной; предисл. прот. В.Н. Воробьева. М., 2001–2005.

Ильин К.Н. Портрет Сергея Иосифовича Фуделя
(неоконченный).

Холст, масло. 49,5 x 40. Покров (?). 1970-е гг.

Музейное собрание

нов «Иногда они возвращаются», «Переулочек времени»; повестей «Повесть временных лет: Кий, Щек и Хорив; Ольгерд, сын Сигурда; Георгий Угрин», «Регина», «Голоса», «Детское прозвище», «Проходящие за углом»; сборника стихотворений «Небесные часы»; заметки и размышления, а также черновые материалы и др.

Интересную группу документов фонда составляют письма Н.С. Фуделя к сестре М.С. Фудель.

Замечательным дополнением к документальным материалам являются фотографии, их в фонде насчитывается около 170. Все они сформированы в описи № 4. Интересны фотографии о. Иосифа Фуделя в разные периоды жизни, некоторые из них с дарственной надписью (например — «Дорогой жене в день ангела, 1892»); с женой Е.С. Фудель, с ученицами гимназии С.Н. Фишер; отца — И.Д. Фуделя, матери М. Червинской и др.

Представительна подборка фотографий С.И. Фуделя — с детских лет и до последних дней жизни: детство на Арбате, юношеские годы, периоды тюрьмы и ссылки,

Печататься начал в 1960-е гг. (под псевдонимом Николай Плотников, который взял в память о детстве и Старом Арбате). Первые публикации появились в альманахе «Охотничьи просторы» (рассказы о природе), затем в журналах «Новый мир» (повесть «Маршрут Эдуарда Райнера»), «Родина» (отрывок из исторической повести о князе Владимире Святославиче); затем вышли в свет литературные сборники: «Березы в ноябре», «С четверга до четверга» и др. Наиболее известны его романы «Андрей Курбский» и «Великий князь Михаил Тверской». В 2000 г. был принят в Союз писателей России.

Скончался Н.С. Фудель в 2002 г. от тяжелой болезни.

В описи № 3 сформированы рукописи Н.С. Фуделя (Н. Плотникова) — рома-

годы жизни в Покрове; семейные — с В.М. Сытиной, с сестрами, детьми, внучкой и т. д.

Сохранились фотографии Н.С. Фуделя — детские, фронтовые, сюжеты на охоте. Некоторые фотографии с дарственной надписью.

Также в состав фонда вошли многочисленные фотографии родственников, друзей и церковных деятелей.

Архив семьи Фуделей формировался в течение нескольких лет — с 2000 по 2009 г. В ДРЗ были переданы материалы, хранившиеся у наследников — Н.С. и М.Н. Фудель, а также друзей и сподвижников — московского архитектора Д.М. Шаховского, А.А. Бармина, Е.А. Чернышевой, прот. Н. Балашова. В ДРЗ чемодан с документами С.И. Фуделя (среди которых были автографы и черновики практически всех известных работ С.И. Фуделя, а также рукописи, фотографии, документы, связанные с жизнью и деятельностью И.И. и С.И. Фуделей) передал Д.М. Шаховской, хранивший его более 20 лет. Рукописи и изданные произведения Н.С. Фуделя переданы дочерью М.Н. Фудель. В 2009 г. М.Н. Фудель (Астахова) передала в дар портрет Сергея Иосифовича Фуделя работы художника К.Н. Ильина.

Документы фонда отражают историю семьи в контексте событий, происходивших в нашей стране. Научно-техническая обработка семейного фонда Фуделей проведена в 2008–2009 гг., и фонд открыт для исследователей. Надеемся, что архив семьи Фуделей будет пополняться новыми документами, освещающими нераскрытые страницы биографий протоиерея Иосифа Ивановича, Сергея Иосифовича и Николая Сергеевича Фуделей.

Т.В. Попова

РОССИЙСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ
В ДИССЕРТАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
(2000–2009 гг.)

В настоящее время внимание исследователей к тематике российской эмиграции можно назвать интенсивным, не будет преувеличением даже говорить о подлинном буме в освоении темы русского зарубежья. Об этом свидетельствуют 212¹ диссертационных работ, защищенных за последнее десятилетие по проблемам, так или иначе связанным с российским зарубежным миром. Однако интерес этот крайне неравномерен. Вполне естественно, что основное направление изучения связано с послереволюционной эмиграцией, так называемой первой волной, поскольку российская эмиграция — явление сложное, она складывалась на протяжении длительного времени, но приобрела широкий размах лишь после революции 1917 г., когда Россию начали массово покидать широкие круги населения (особенно военные и интеллигенция). К тому же имеет место точка зрения, что сам термин «русское зарубежье» применим только к эмиграции 1917–1940-х гг. как необычайному культурно-историческому феномену, остальные периоды следует обозначать как волны российской эмиграции [см. об этом: 9]².

В исследовательской среде ведутся довольно острые терминологические споры и дискуссии, что нашло отражение даже в названиях диссертационных исследований [см., например: 3, 19]. В них, как правило, фигурирует понятие «российская эмиграция», которое объединяет всех покинувших страну граждан России, вне зависимости от национальности, вероисповедания и причин, побудивших людей к отъезду. Понятием «русская эмиграция» обозначают оказавшихся за рубежом носителей русского языка, культуры, традиций — русское по национальности население. Термин «российское зарубежье» употребляют, когда говорят обо всех выходцах из России, в том числе и тех, кого к эмигрантам причислить нельзя (например, военнопленные, интернированные, жители территорий, которые в разное время при изменении границ отошли от России), а термин «русское зарубежье» — когда выделяют русскую культурную идентичность. Соответственно употребляют термины «российская диаспора» и «русская диаспора». В понятие русской диаспоры включают все русское население зарубежного государства, не подвергшееся и не стремящееся к ассимиляции в его культурную среду, т. е. веду-

¹ См. полный список диссертаций на сайте: <http://www.domrz.ru>. В список диссертаций включены несколько работ, важных для тематики, но выходящих за рамки указанного периода.

² Здесь и далее в квадратных скобках указаны номера диссертаций в библиографии, которая приведена после настоящей статьи.

щее русский образ жизни. Часто имеет место равнозначное использование терминов «российская эмиграция», «русская эмиграция», «российское зарубежье», «русское зарубежье», «российская диаспора», «русская диаспора».

В хронологическом плане говорят о волнах российской эмиграции. Первой волной российской эмиграции называют эмиграцию, начавшуюся после падения монархии в феврале 1917 г. и фактически закончившуюся с созданием СССР. Второй волной эмиграции называют тех, кто оказался на Западе во время Второй мировой войны, прежде всего в Германии и в других странах Европы, а затем, в начале 1950-х гг., большей частью эмигрировал в США. Под следующей, третьей волной эмиграции из России понимают ту, что возникла в конце 60-х гг. вместе с движением инакомыслящих, диссидентов. Ее пик пришелся на 1970-е гг. Сменила третью четвертая, «перестроечная» волна покидающих страну эмигрантов. Сегодня говорят уже о пятой волне.

Конечно, обращение со стороны исследователей к темам, связанным преимущественно с российской эмиграцией первой волны, определяется тем, что это было уникальное явление в истории Европы Новейшего времени. Такой грандиозный эксперимент, поставленный над русским народом и русской культурой, вполне естественно, не может не привлекать исследователей и вызывает интерес как со стороны философов, историков, культурологов, социологов, психологов, так и филологов, педагогов и юристов. Достаточно сказать, что из 212 работ 190 с разных сторон и в разных аспектах изучают российскую эмиграцию первой волны.

Что касается дореволюционной эмиграции, то интерес к ней несопоставимо ниже. И только, по всей видимости, в связи с отходом в российской исторической науке от преобладавших прежде стереотипов о религии и церкви, их роли и месте в общественной жизни, национальном самосознании, духовной культуре народов появился интерес к религиозному наследию и к деятельности Русской православной церкви (РПЦ) в дореволюционный период. Имеют место 2 такие работы [13, 90]. Других диссертационных исследований, ставящих своей прямой целью изучение проблем дореволюционного периода русской эмиграции, нет.

Наибольший интерес исследователи русского зарубежья уделяют вопросам идейного наследия русской эмиграции первой волны. В настоящее время формируется несколько крупных направлений историографии межвоенного периода, что хорошо заметно в тематике диссертационных работ.

Среди них наибольшего исследовательского внимания со стороны историков, философов, культурологов и даже юристов добилось евразийское течение: всего 15 работ [3, 17, 52, 64, 77, 82, 106, 112, 114, 117, 155, 160, 161, 183, 184].

Как отмечают сами авторы, интерес к этой проблематике возник в свете провала либеральных социальных реформ в постсоветский период и вакуума идеологии в современной России. Четыре работы посвящены взглядам и деятельности лидеров движения, большинство же рассматривает отдельные философские, культурологические государственно-правовые аспекты их взглядов и концепций. Работ обобщающего характера, осмысляющих роль этого движения в русской культуре и истории в целом, пока нет. Из двух докторских работ одна посвящена

анализу концепции евразийского православного правового государства Н.Н. Алексеева [3], другая — эстетическим вопросам [106].

Остальные направления общественно-политической мысли и деятельность общественно-политических движений в эмиграции представлены в тематике диссертационных работ более скромными цифрами. Так, можно констатировать, что по сравнению с 1990-ми гг. снижается интерес к либеральному движению в эмиграции, хотя оно по-прежнему лидирует. Ему посвящено 8 работ [4, 19, 21, 27, 50, 65, 87, 172]. Изучению социалистического движения в эмиграции посвящено 5 работ [19, 23, 37, 83, 91], консервативной мысли — 4 работы [5, 8, 158, 164]. Исследователи также обратили свое внимание на сменовеховцев (2 работы, одна докторская [29, 69]) и анархо-синдикалистское направление (1 работа [32]). Определенный итог в изучении издательской деятельности политических организаций русской эмиграции 1917–1988 гг. подводит докторская диссертация П.Н. Базанова [9].

Следует отметить непрекращающийся интерес к изучению и философскому осмыслению интеллектуального наследия выдающихся русских мыслителей. Эта тематика является безусловным лидером среди тем исследований. Авторы активно обращаются к исследованию духовных и интеллектуальных достижений, идей и концепций крупнейших представителей русского зарубежья, наиболее часто в контексте поиска жизненно-ценностных ориентиров, восстановления культурной преемственности. Их интересуют темы места и роли России и русской культуры в мировом культурно-цивилизационном пространстве, вопросы ее цивилизационной принадлежности и национального своеобразия, осмысляются проблемы историко-культурной динамики. Это понятно, давно наступила настоятельная необходимость осмысления всего исторического пути развития национальной культуры XX в., в том числе и зарубежной ее части.

Подавляющее внимание диссертантов к проблемам культурно-исторической идентичности косвенно свидетельствует о неблагополучии современной социокультурной ситуации в России и в целом характерно для отечественной культурфилософской мысли, поскольку она традиционно в первую очередь ставит вопросы осмысления качественной специфики национальной культуры, национальных традиций, исторического существования России и постижения ее миссии в контексте всемирной истории. Достаточно отметить, что к проблематике, связанной с философией культуры, обратилось наибольшее количество диссертантов — 27 работ [43, 95–105, 109–119, 189, 191, 192]. Из них — 4 докторские. Большинство диссертаций защищено в последние годы. Необходимо заметить, что это в очередной раз подтверждает факт заикленности русской культуры на самой себе. Исследователям по-прежнему интересны специфически русские проблемы, которые практически всегда рассматриваются без учета влияния на судьбу России других стран и ее зависимости от главных тенденций общемирового развития.

Предметом исследования диссертантов становится культурная, литературная, общественно-политическая жизнь русской диаспоры в самых разных центрах русской эмиграции. Это уже не только такие крупные европейские центры, как

Париж, Прага и Берлин, хотя и они не обделены вниманием. Деятельности русской эмиграции в Югославии посвящены 3 работы [33, 71, 78]. Изучается жизнь и культурное наследие русских диаспор в Польше [149], Латвии [59, 173], на Американском континенте — в США, Канаде [24, 86, 90], Южной Америке [62], а также в Африке [70], в Японии [13].

Довольно большое количество работ (17) [1, 2, 7, 42, 47, 49, 51, 61, 66, 68, 75, 89, 93, 140, 147, 171, 177] посвящено изучению дальневосточной эмиграции. В основном рассматриваются проблемы адаптации и социализации российских эмигрантов, жизни и культурного наследия русской эмиграции в северо-восточном Китае. Авторы стремятся выявить основные, характерные только для дальневосточной ветви русского зарубежья особенности, справедливо полагая, что без всестороннего и объективного освещения этой важной составляющей истории русского народа отечественная история XX в. обречена оставаться односторонней и неполной. Особое внимание уделяется деятельности политических, военных и общественных организаций русских эмигрантов, их издательской деятельности. Три исследования посвящены конкретно казачьей эмиграции в этом регионе. Вполне естественно, что наиболее активным исследовательским центром по этой проблематике является Хабаровск. Кроме историков, интерес к жизни и наследию русского дальневосточного зарубежья проявили искусствоведы и филологи.

История российской эмиграции теснейшим образом переплетена с целым комплексом смежных дисциплин: историей экономики, политологией, литературоведением.

Одной из своих главных задач филологи видят восстановление цельности русской литературы XX в. 40 исследователей обратились к изучению истории литературных центров, особенностям жизни и литературного наследия русского зарубежья [105, 120–123, 125–128, 131, 133–135, 138–157, 182, 185]. Ими с разных сторон осваивается творчество русских писателей и поэтов. Изучаются вопросы, связанные с определением индивидуальности писателя, становления и целостности созданного им художественного мира. Также изучается проблема взаимодействия литературы и кинематографа.

Определенный интерес проявляют исследователи к изучению языка русского зарубежья. В лингвистических исследованиях рассматриваются проблемы функционирования русского языка в иноязычном окружении, а также вопросы взаимного влияния контактирующих языков. Язык русского зарубежья изучается как неотъемлемая часть русского литературного языка XX в. Лингвисты стремятся зафиксировать и раскрыть скрытые возможности и тенденции развития языка, которые проявляются в иноязычной обстановке [124, 145].

Творческое наследие русского зарубежья привлекает исследователей исторической [6, 18, 23, 36, 54, 58, 64, 77, 92], юридической [30, 158–161] и экономической [209, 210, 212] мысли. Они ставят своей целью создать целостную картину достижений и научных результатов, полученных исследователями в эмиграции. Высказанные выдающимися интеллектуалами идеи о возможных направлениях социально-политического переустройства постбольшевистской России очень востребованы. Они служат сегодня основным источником, откуда черпают мысли

современные деятели. Особенно это заметно в условиях настоящего идейного бессилия при попытках обосновать возможность соединения идей западного либерализма с русским традиционализмом. Поэтому большее внимание уделяется наследию либеральных экономистов, в области же вопросов государственного строя, организации верховной власти, личности и общества более востребованы и потому в большей степени изучаются идеи консервативных мыслителей русской эмиграции.

Одной из важнейших составляющих феномена русского зарубежья межвоенного периода являются общественные организации, объединяющие эмигрантов по признаку принадлежности к той или иной профессиональной группе: военных, юристов, педагогов и др. Много внимания уделяется анализу деятельности крупнейших военных организаций русского зарубежья [16, 34, 38–40, 42, 60, 63, 73, 76, 78, 85–86, 89, 93–94, 205]. Здесь имеет место обращение не только к проблемам процесса формирования и деятельности российской военной эмиграции в наиболее крупных центрах, но и большое количество работ, которые либо прямо ставят своей целью рассмотрение военно-научной и просветительной активности российской военной эмиграции, либо затрагивают эти вопросы, исследуя процессы ее институционализации. Диссертанты обращаются к вопросам изучения научно-теоретического вклада русских эмигрантов в военную науку, к проблемам социокультурной ментальности, специфики восприятия военными эмигрантами общественно-политической ситуации 1920–30-х гг., оценки ими сущности, исторической роли и перспектив зарубежной России, исследуется повседневная жизнь российской военной эмиграции.

Активно изучается культурно-просветительная и воспитательная деятельность в русском зарубежье [14, 31, 35, 38, 44, 53, 71, 72, 188, 200]. В настоящее время, в условиях растущей заинтересованности Российского государства в конструктивном сотрудничестве с соотечественниками за рубежом это является ответом на потребность использования огромного накопленного опыта организации образования и воспитания, сохранения национальной самобытности в русском зарубежье. Проблемы истории организации отечественной системы образования и просвещения, развивавшейся вне границ России в специфических условиях эмиграции, стали предметом рассмотрения 14 работ [56, 66, 81, 84, 195–203, 206]. Не обойдено вниманием и наследие педагогической мысли [195, 197, 198, 201, 202]. Интерес вызывает идейно-теоретическое обоснование возможности воспитания «человека культуры» в условиях эмиграции, сохранения русской культурной идентичности и ценностей «русской цивилизации».

В последнее время много сил уделено рассмотрению еще одного белого пятна в истории русской эмиграции — ее масштабной культурно-просветительной деятельности. Как уже отмечалось, эти вопросы исследуются в рамках изучения практически всех направлений жизни русской эмиграции, начиная от деятельности военных и политических организаций до педагогических. Десять диссертантов выбрали темы, напрямую связанные с культурно-просветительной активностью русской эмиграции [14, 31, 35, 38, 44, 53, 71, 72, 188, 200]. Ими исследуются проблемы институциональной основы культурно-просветительного движения, ос-

новые направления культурно-просветительной работы и ее специфики, развитие социальных, демографических, организационных, культурно-профессиональных и ментальных составляющих системы культурно-просветительных организаций практически во всех центрах русского зарубежья. Показывается вклад российских эмигрантских деятелей культуры и науки в научную и художественную жизнь стран рассеяния. В отдельное исследовательское направление стала выделяться тема библиотечного дела в русском зарубежье [44].

Современная ситуация в области изучения эмиграции характеризуется существенным ростом исследовательского интереса к молодежному и студенческому движению в 1920–30-е гг. [11, 67, 80]. Это объясняется той значительной ролью, которую молодежные движения и организации играли в мире зарубежной России. Выясняются социальный состав, количественные и качественные характеристики, культурная и ментальная специфика эмигрантской молодежи, ее политическая, идеологическая и организационная активность. В свете слабой ориентации современной молодежи на такие ценности, как патриотизм и национальное самосознание, исследователи в поисках путей преобразования системы воспитания в России обращаются к опыту русского зарубежья. Ими отмечается схожесть ситуации в современной педагогической науке и практике и в русской зарубежной школе 1920-х гг., исследуются методы, средства, пути воспитания у подрастающего поколения чувства национальной гордости, уважения к национальной культуре и истории отечества, для предотвращения денационализации русских детей за его пределами.

В последнее время исследователи стали активно обращать внимание на быт, ритуалы, повседневные практики, стереотипы поведения, нравы и мораль — все то, что причисляется к объектам историко-антропологических исследований [28, 207]. Свидетельством этому является и то внимание, которое уделяется жизни и деятельности отдельных персоналий [8, 17, 21, 22, 25, 37, 50, 56, 65, 69, 85, 88, 156, 183]. Это и политики, и ученые, и деятели культуры и искусства. Среди этих людей были тысячи замечательных интеллектуалов, являвших собой цвет российской науки, искусства, культуры. Обосновавшись за рубежом, они успешно продолжили свою творческую деятельность, ставшую предметом исследований современных специалистов. Анализируется творчество не только видных культурных деятелей русской эмиграции, но и фигур второго и третьего ряда, составляющих своего рода культурный фон, без учета которого невозможно понимание самого феномена русского эмигрантского мира.

Актуальной проблемой остается изучение судеб наших соотечественников за рубежом, их способности адаптироваться в новых социально-культурных условиях. Наиболее обширный и разнообразный историографический комплекс, отражающий вопросы адаптации российских эмигрантов, представлен работами отечественных ученых по истории крупнейших региональных диаспор российской эмиграции 1920–30-х гг. Интересным моментом современного состояния научного знания об эмиграции стал интерес исследователей к ее изучению через различные культурные феномены, в частности фотографию [20]. Вполне возможно, это стало отражением не только важности фотографии как исторического

источника, но и сегодняшнего повального увлечения молодых россиян фотографией в силу ее массовой доступности.

Таким образом, можно заключить, что богатейшее культурно-историческое наследие, оставленное первой волной эмиграции, изучено вполне разносторонне. «Накопительный этап» сбора информации близок к завершению, хотя еще есть потенциал в изучении деятельности фигур второго и третьего плана. На сегодняшний момент необходима общая историко-культурная реконструкция феномена русского зарубежья (первой волны русской эмиграции).

Последующие периоды удостоились гораздо меньшим вниманием исследователей. Диссертационных работ, прямо ставящих своей целью изучение феномена второй волны эмиграции, пока не появилось, несмотря на ставший доступным в последнее время архивный материал, широкую публикацию документов и мемуаров. Но, по всей видимости, работа эта уже началась. Так, например, если большинство диссертантов, рассматривавших систему российской военной эмиграции, ограничивались хронологическими рамками с начала 1920-х гг. по 1945 г., т. е. периодом формирования, институционализации и распада основной системы российской военной эмиграции в европейских странах, то в последнее время появилась работа, продлевающая временные рамки до 1950-х и даже 1970-х гг. [86].

Что касается эмиграции третьей волны, то здесь наблюдается отсутствие исследований собственно этого феномена, зато имеет место огромный список чисто литературоведческих работ, посвященных анализу творчества писателей и языка эмигрантской литературы третьей волны. В последнее время появились первые исследования, рассматривающие проблемы четвертой волны эмиграции [176].

Экономические и политические преобразования в конце 1990-х гг. способствовали возникновению новой волны эмиграции из России и появлению современной русской диаспоры за рубежом, стремящейся сохранить национальную идентичность вне основной территории проживания этноса. Работ, связанных с проблемами современного зарубежья (с 1990-х гг. до наших дней), очень мало. Но они есть. В частности, в кандидатской диссертации А.В. Селиванова имеет место анализ изменения положения русскоязычного населения в Латвии в 1990-е гг. прошлого века и в начале XXI в. [173]. В исследовании С.В. Подреза изучается современная российская диаспора в Латинской Америке [62]. Особое внимание авторы работ уделяют социально-психологическим закономерностям аккультурации русских. И все же, несмотря на возросший в последнее время интерес к нынешней жизни и культуре русской диаспоры, ее страницы остаются почти неизученными.

С 1990-х гг. помимо проблематики, связанной с изучением российской диаспоры в дальнем зарубежье и странах Балтии, большой интерес вызывает тема так называемой новой русской диаспоры, сформировавшейся в СНГ [162–163, 165–166, 168–170, 174–175, 194].

Нынешнее положение российской диаспоры в странах ближнего зарубежья изучают в основном политологи. Они отмечают, что русский мир в государствах СНГ находится в достаточно аморфном, неинституализированном состоянии. Многочисленные общественные структуры соотечественников крайне слабы, их

влияние и авторитет в среде русскоязычного населения, как правило, весьма ограничены. Поэтому в большинстве исследований тема российской диаспоры не вычленяется из комплекса двусторонних отношений России с постсоветскими государствами.

Как таковая проблематика положения соотечественников в ближнем зарубежье привлекла внимание специалистов только в последнее время. Но она уже составила самостоятельное направление исследований и перестала рассматриваться только в контексте общего формата российской диаспоры за рубежом или в качестве одной из мировых диаспор. Исследователями рассматриваются модели адаптации российских соотечественников к новым политическим, социально-экономическим и культурным реалиям государств СНГ, проводится анализ специфических черт, присущих российской диаспоре в странах ближнего зарубежья, изучается влияние российской диаспоры на общественно-политическую ситуацию в государствах проживания.

Исследовательская мысль откликнулась на начавшуюся реализацию принципиально нового подхода к российскому зарубежью как важному демографическому, интеллектуальному и социокультурному ресурсу России, способному стать серьезным фактором в российской внешней политике, содействующим развитию экономических связей с зарубежными странами, решению внутренних проблем России с учетом потенциала русской диаспоры. Здесь открывается довольно большое поле для научной деятельности. В теоретическом обосновании нуждается широко применяемая ныне концепция «русского мира». В специальных, во многом междисциплинарных, исследованиях нуждаются проблемы развития современной русской диаспоры, ее потенциала и ресурсной составляющей, а также всех сторон жизни соотечественников за рубежом, да и само понятие «соотечественник».

Библиография

ИСТОРИЯ

1. *Аблажей Н.Н.* Эмиграция из России (СССР) в Китай и реэмиграция в первой половине XX в. : Дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02. Новосибирск, 2008. 341 с. : ил. РГБ ОД, 71: 09-7/27.
2. *Аблова Н.Е.* КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (Первая половина XX в.) : Дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.03. М., 2005. 556 с. РГБ ОД, 71: 05-7/220.
3. *Александров А.В.* Образ будущей России в общественно-политической жизни Российского Зарубежья 1920-х годов : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. М., 2001. 216 с. РГБ ОД, 61: 02-7/8-9.
4. *Александров С.А.* Общественно-политическая деятельность П.Н. Милюкова в эмиграции, 20-е годы : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.01. М., 1995. 197 с. РГБ ОД, 61: 95-7/267-1.

5. *Антоненко Н.В.* Идеология и программа монархического движения русской эмиграции : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. М., 2005. 240 с. РГБ ОД, 61: 05-7/947.
6. *Ануфриева Н.В.* Историческая мысль Русского Зарубежья 20–30-х гг. XX в. о монгольском владычестве на Руси : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09. Сургут, 2008. 200 с. : ил. РГБ ОД, 61: 09-7/180.
7. *Аурилене Е.Е.* Российская эмиграция в Китае: 1920–1950-е гг. : Дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02. Хабаровск, 2004. 376 с. РГБ ОД, 71: 05-7/93.
8. *Бабков Д.И.* Политическая деятельность и взгляды В.В. Шульгина в 1917–1939 гг. : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Брянск, 2008. 336 с. РГБ ОД, 61: 08-7/169.
9. *Базанов П.Н.* Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.) : Дис. ... д-ра ист. наук : 05.25.03. СПб., 2005. 645 с. РГБ ОД, 71: 06-7/66.
10. *Бакина Н.Е.* Российские художники-эмигранты (1918–1939): Аспекты адаптации : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Белгород, 2005. 199 с. РГБ ОД, 61: 05-7/905.
11. *Бирюкова К.В.* Российские студенческие эмигрантские союзы в Центральной и Восточной Европе в 1920–1930-е гг. : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. М., 2005. 197 с. РГБ ОД, 61: 05-7/422.
12. *Бобров Н.В.* Кризис Версальско-Вашингтонского миропорядка в оценках деятелей российской эмиграции. 1933–1939 гг. : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03. М., 2008. 299 с.: ил. РГБ ОД, 61: 08-7/477.
13. *Боголюбов А.М.* Российская Духовная Миссия в Японии в конце XIX — начале XX века : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03. СПб., 2004. 131 с. РГБ ОД, 61: 04-7/919.
14. *Бойчевский И.В.* Культурно-просветительная деятельность российской эмиграции во Франции в 1920–1930-е годы : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. М., 2006. 217 с. РГБ ОД, 61: 06-7/1142.
15. *Бочарова З.С.* Социально-правовая адаптация российской эмиграции 1920–1930-х годов (Исторический анализ) : Дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02. М., 2005. 449 с. РГБ ОД, 71: 06-7/83.
16. *Бухтерев В.Б.* Российская военная эмиграция в Германии в 1920–1945 гг. : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. М., 2006. 194 с. РГБ ОД, 61: 06-7/468.
17. *Быстрыюков В.Ю.* Общественно-политическая и научная деятельность Петра Николаевича Савицкого в годы эмиграции (1920–1938 гг.) : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Самара, 2003. 220 с. РГБ ОД, 61: 04-7/151-Х.
18. *Василенко В.В.* Интеллектуальная биография П.А. Сорокина: опыт нового исследования формирования «интегральной» методологии социально-исторического познания : Дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02, 07.00.09. Ставрополь, 2006. 432 с. : ил. РГБ ОД, 71: 07-7/133.
19. *Веретенникова Е.В.* Новая экономическая политика в социалистической и либеральной периодике Русского Зарубежья двадцатых годов XX века : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Ростов н/Д, 2005. 217 с. РГБ ОД, 61: 06-7/133.
20. *Волкова Г.В.* Фотография в системе общественно-политической и культурной жизни зарубежной России: 1920–1930-е гг. : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. М., 2007. 222 с. : ил. РГБ ОД, 61: 07-7/995.

21. Волкова М.А. Политическая и научно-педагогическая деятельность Л.И. Петражицкого : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. М., 2005. 161 с. РГБ ОД, 61: 06-7/478.
22. Волкова Е.А. Исторические взгляды и политическая деятельность Г.П. Федотова в «парижский период»: (1925–1940 гг.) : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Орел, 2004. 238 с. РГБ ОД, 61: 05-7/301.
23. Володин А.Г. Лидеры меньшевиков в отечественной и зарубежной историографии: Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09. Казань, 2008. 182 с. : ил. РГБ ОД, 61: 08-7/13.
24. Воробьева О.В. Российская эмиграция в США и Канаде в 1920–1940-е гг. : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. М., 2006. 219 с. РГБ ОД, 61: 07-7/300.
25. Галямичева А.А. Научно-педагогическая, публицистическая и общественно-политическая деятельность Г.П. Федотова в годы эмиграции: 1925–1951 гг. : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Саратов, 2008. 274 с. : ил. РГБ ОД, 61: 08-7/460.
26. Гилязов И.А. Коллаборационистское движение среди тюрко-мусульманских военнопленных и эмигрантов в годы Второй мировой войны : Дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02. Казань, 2000. 400 с. РГБ ОД, 71: 01-7/20-4.
27. Глебова Л.И. Политическая деятельность кадетов в период эмиграции (20-е годы) : Дис... канд. ист. наук: 07.00.01. М., 1994. 197 с. РГБ.
28. Гнедаш А.Н. Идеино-нравственная эволюция российской эмиграции в 1920-е годы : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Краснодар, 2003. 204 с. РГБ ОД, 61: 04-7/163-3.
29. Горячая С.В. Сменовеховцы 20–30-х годов: оценка большевистского опыта реформирования России : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Ростов н/Д, 2004. 217 с. РГБ ОД, 61: 04-7/622.
30. Гришунькина М.Г. Профессиональные объединения российских юристов в эмиграции в 1920–1930-е гг. : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. М., 2005. 198 с. РГБ ОД, 61 05-7/769.
31. Гуревич А.Л. Культурно-религиозная деятельность русской эмиграции (По материалам истории Русского студенческого христианского движения) : Дис. ... канд. ист. наук : 24.00.01. М., 2005. 265 с. РГБ ОД, 61: 05-7/702.
32. Дворковая М.В. Российские анархо-синдикалисты в эмиграции: эволюция идей и тенденции политического развития: 1918–1930-е гг. : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. М., 2008. 263 с. : ил. РГБ ОД, 61: 08-7/25.
33. Дычко С.Н. Российская военная эмиграция в Югославии в 1920–1945 гг.: институционализация и деятельность : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. М., 2006. 210 с. : ил. РГБ ОД, 61: 06-7/1129.
34. Ершов В.Ф. Российское военно-политическое зарубежье в 1920–1945 гг. : Дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02. М., 2000. 486 с. РГБ ОД, 71: 02-7/12-6.
35. Ефременко В.В. Деятельность научных и культурных учреждений российской эмиграции во Франции. 1917–1939 годы : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. М., 2008. 284 с. : ил. РГБ ОД, 61: 08-7/97.
36. Золаев А.Л. Исторические воззрения А.В. Карташева и историография русского зарубежья : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09. М., 2005. 180 с. РГБ ОД, 61: 05-7/615.

37. *Иванишкина Ю.В. Е.К. Брешко-Брешковская: общественно-политические взгляды и деятельность* : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. М., 2006. 289 с. РГБ ОД, 61: 06-7/791.

38. *Иванов А.И. Культурно-просветительная деятельность российской военной эмиграции в США, Европе и на Дальнем Востоке в 1920–1950-е гг.* : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. М., 2006. 246 с. РГБ ОД, 61: 06-7/891.

39. *Кабаков А.М. Русское белое зарубежье о политической роли Красной Армии в Советской России в 1921–1924 гг. (Источники формирования представлений и их эволюция)* : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Орел, 2005. 252 с. РГБ ОД, 61: 06-7/229.

40. *Казаков А.В. Деятельность органов безопасности Кабардино-Балкарии по нейтрализации подрывных акций эмигрантских организаций в 20–50-х гг. XX века* : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. М., 2005. 174 с. РГБ ОД, 61: 05-7/757.

41. *Климова О.Н. Русская эмиграция и советская интеллигенция: проблемы культурного взаимодействия в 1920–1929 гг.* : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Челябинск, 2008. 266 с. : ил. РГБ ОД, 61: 08-7/243.

42. *Комиссарова Е.Н. Белогвардейская эмиграция в Сынцзяне в 1920–1935 гг.* : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Барнаул, 2004. 226 с. РГБ ОД, 61: 05-7/882.

43. *Косорукова М.И. Национальная идея и ее роль в развитии русской культуры за рубежами России (20–30-е гг. XX века)* : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.00, 07.00.02. М., 2004. 216 с. РГБ ОД, 61: 05-7/244.

44. *Костина И.О. Библиотечное дело в Зарубежной России 1920–1930-х гг.* : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. М., 2005. 210 с. РГБ ОД, 61: 06-7/290.

45. *Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь и Патриарх Тихон (1920–1925 гг.)* : Дис. ... канд. ист. наук : 09.00.13. М., 2007. 366 с. : ил. РГБ ОД, 61: 07-7/1193.

46. *Кривошеева Е.Г. Российская послереволюционная эмиграция накануне и в период Второй мировой войны* : Дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02. М., 2003. 355 с. РГБ ОД, 71: 04-7/88.

47. *Куликова Н.В. Политико-правовое положение россиян в Северо-Восточном Китае (1917–1931 гг.)* : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Хабаровск, 2005. 248 с. РГБ ОД, 61: 05-7/1100.

48. *Ляпорова Е.Н. Образ советского государства в представлениях русской эмиграции в 20-е годы XX века на примере взглядов П.Н. Милюкова, А.Ф. Керенского и И.В. Гессена* : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Ростов н/Д, 2008. 200 с. : ил. РГБ ОД, 61: 09-7/13.

49. *Ляпсенкова Л.Н. Культурное наследие российской эмиграции в Маньчжурии* : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. СПб., 2008. 158 с. : ил. РГБ ОД, 61: 08-7/326.

50. *Макаров Д.А. Общественно-политическая деятельность И.И. Петрункевича* : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Орел, 2003. 258 с. РГБ ОД, 61: 04-7/273.

51. *Мальшиенко Г.И. Общественно-политическая жизнь российского казачества в дальневосточной эмиграции : 1920–1945 гг.* : Дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02. Омск, 2007. 498 с. : ил. РГБ ОД, 71: 08-7/31.

52. Матвеева А.М. Геополитическая концепция исторического развития России первой трети XX века П.Н. Савицкого : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02, 07.00.09. М., 2008. 290 с. РГБ ОД, 61: 08-7/279.
53. Меняйленко М.К. Деятельность русской эмиграции по сохранению историко-культурного наследия : по материалам Музея русской культуры в Сан-Франциско : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. М., 2008. 232 с. : ил. РГБ ОД, 61: 08-7/131.
54. Морозов А.А. Русская медиевистика в эмиграции, Л.П. Карсавин, П.М. Бицилли, Н.П. Оттокар : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09. Омск, 2001. 199 с. : ил. РГБ ОД, 61: 02-7/70-4.
55. Панов Д.Н. «Очерки русской смуты» А.И. Деникина в общественно-политической борьбе 20-х — начала 30-х гг. XX века : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Н. Новгород, 2003. 351 с. : ил. РГБ ОД, 61: 03-7/885-6.
56. Павлов А.В. Научно-педагогическая и политическая деятельность С.А. Корфа (1876–1924 гг.) в России и эмиграции : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. СПб., 2006. 167 с. РГБ ОД, 61: 06-7/1017.
57. Папкина Е.Г. Журнал «Новый Град» в идейно-политической жизни русской эмиграции : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. М., 2008. 267 с. РГБ ОД, 61 08-7/1.
58. Петров Е.В. Научно-педагогическая деятельность русских историков-эмигрантов в США в первой половине XX века : Дис. ... д-ра ист. наук. : 07.00.02. СПб, 2001. 499 с. : ил. РГБ ОД 71: 2-7/101.
59. Петроченко К.В. Русская диаспора в Латвийской Республике (1918–1940 гг.) : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Новосибирск, 2006. 224 с. РГБ ОД, 61: 06-7/420.
60. Пеньковский Д.Д. Эмиграция казачества в составе белых войск из России и ее последствия (1920–1945 гг.) : Дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02. М., 2006. 443 с. РГБ ОД, 71: 07-7/146.
61. Писаревская Я.Л. Российская эмиграция Северо-Восточного Китая, середина 1920-х — середина 1930-х гг.: Социально-политический состав, быт, реэмиграция : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. М., 2001. 241 с.: ил. РГБ ОД, 61: 03-7/353-6.
62. Подрез С.В. Генезис и проблемы современного положения российской диаспоры в Латинской Америке : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03. М., 2005. 207 с. : ил. РГБ ОД, 61: 05-7/1064.
63. Поздняков А.А. Красная Армия в представлении русского зарубежья (1924–1939 гг.) : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Орел, 2006. 246 с. РГБ ОД, 61: 06-7/731.
64. Полякова О.Л. История России в контексте евразийского культурно-исторического синтеза : Дис. ... канд. ист. наук : 24.00.01. Саранск, 2005. 214 с. РГБ ОД, 61: 05-7/744.
65. Пономарева М.А. П.Б. Струве в эмиграции: (Развитие концепции либерального консерватизма) : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Ростов н/Д, 2004. 214 с. РГБ ОД, 61: 05-7/359.
66. Потапова И.В. Русская система образования в Маньчжурии. 1898–1945 годы : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Хабаровск, 2006. 251 с. РГБ ОД, 61: 06-7/1043.

67. Пучков С.Н. Политический активизм молодежной среды российской эмиграции в 1920–1930-е гг. (Институционализация и идеология) : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. М., 2004. 225 с. РГБ ОД, 61: 05-7/182.
68. Ревякина Т.В. Проблемы адаптации и сохранения национальной идентичности российской эмиграции в Китае (Начало 1920 — середина 1940-х гг.) : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03. М., 2004. 308 с. РГБ ОД, 61: 04-7/1155.
69. Романовский В.К. Николай Васильевич Устрялов: деятельность и эволюция идейно-политических воззрений: 1890–1937 гг. : Дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02. Н. Новгород, 2007. 491 с. : ил. РГБ ОД, 71: 08-7/18.
70. Рябова В.И. Российская эмиграция в Африке в 1920–1945 гг. (Институционализация и деятельность) : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. М., 2005. 234 с. РГБ ОД, 61: 05-7/544.
71. Сафронова Г.Н. Культурно-просветительные организации российской эмиграции в Югославии в 1920–1930-е гг. : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. М., 2006. 216 с. РГБ ОД, 61: 06-7/276.
72. Сабурова Л.Н. Культурно-просветительные организации российской эмиграции в Чехословакии (1920–1930-е гг.) : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. М., 2006. 225 с. РГБ ОД, 61: 06-7/633.
73. Савченко О.И. Исторический выбор и судьбы офицеров-артиллеристов Русской Императорской армии (1917–1941 гг.) : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. СПб., 2005. 224 с. РГБ ОД, 61: 05-7/1076.
74. Серегина Д.М. Российская торгово-промышленная эмиграция во Франции в 1920–1939 гг. : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. М., 2005. 190 с. РГБ ОД, 61: 05-7/671.
75. Солодкая М.Б. Издательская деятельность русской эмиграции в Китае (Харбин, Шанхай: 1917–1947 гг.) : Дис. ... канд. ист. наук : 05.25.03. Краснодар, 2006. 212 с. РГБ ОД, 61: 06-7/1095.
76. Соловьев М.С. Деятельность Организации Великого князя Николая Николаевича, Русского общевойскового союза, Братства Русской правды на Северо-Западе Советской России, в Прибалтике и Финляндии в 1920-х — начале 1930-х гг. : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. СПб., 2003. 179 с. РГБ ОД, 61: 04-7/321.
77. Соничева Н.Е. Становление и развитие исторической концепции Г.В. Вернадского : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09. М., 1994. 250 с. РГБ ОД, 61: 95-7/42-3.
78. Сотников С.А. Российская военная эмиграция во Франции в 1920–1945 гг. : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. М., 2006. 215 с. РГБ ОД, 61: 06-7/484.
79. Сумская М.Ю. Российская эмиграция в Европе: проблемы правовой, социально-экономической и культурной адаптации в 20–30-х гг. XX века : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Пятигорск, 2007. 171 с. : ил. РГБ ОД, 61: 07-7/975.
80. Сурайкин М.А. Молодежные движения и организации Российского Зарубежья в 1920–1930-е годы : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. М., 2003. 196 с. РГБ ОД, 61: 04-7/203-6.
81. Сурин А.В. Формирование и деятельность национальных образовательных центров в российском зарубежье: 1920-е годы : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. М., 2005. 227 с. РГБ ОД, 61:05-7/799

82. Сухорукова О.А. Формирование концепции государства во взглядах евразийцев (1920–30-е гг.) : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Тверь, 2004. 194 с. РГБ ОД, 61: 04-7/1021.
83. Тикеев М.Д. Эсеровская эмиграция 20–30-х гг. XX в.: идейные основы и общественно-политическая деятельность : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. М., 2004. 196 с. РГБ ОД, 61: 04-7/1118.
84. Ткаченко Е.В. Научно-образовательная деятельность и общественно-политические взгляды Е.В. Спекторского : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Брянск, 2008. 226 с. РГБ ОД, 61: 08-7/156.
85. Тучапский А.К. Петр Николаевич Краснов: судьба русского офицера : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. СПб., 2006. 222 с. : ил. РГБ ОД, 61: 06-7/1020.
86. Федоров А.А. Военный мир Русской Америки в 1920–1970-е гг.: институционализация и деятельность : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. М., 2008. 214 с. : ил. РГБ ОД, 61: 09-7/269.
87. Федорова М.С. Либерально-консервативное направление общественно-политической мысли Русского зарубежья 20–40-х гг. XX в. : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02, 07.00.09. М., 2003. 238 с. РГБ ОД, 61: 04-7/516.
88. Федякина Е.В. Питирим Александрович Сорокин: общественная и научная деятельность : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Самара, 2005. 200 с. РГБ ОД, 61: 06-7/100.
89. Фомин К.В. Казачья эмиграция в Китае (1922–1931 гг.) : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. М., 2004. 163 с. РГБ ОД, 61: 04-7/627.
90. Хайруллина П.А. Русская Православная Церковь в США: поиск путей модернизации и деятельность святителя Тихона (Беллавина) (Последняя треть XIX — начало XX вв.) : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03. Челябинск, 2004. 216 с. РГБ ОД, 61: 05-7/322.
91. Хвалин И.В. Идейные основы и общественно-политическая деятельность меньшевистской эмиграции в 1920–30-е гг. : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. М., 2004. 185 с. РГБ ОД, 61: 04-7/1121.
92. Ходаков И.М. «Очерки Русской Смуты» А.И. Деникина как источник по изучению Гражданской войны на юге России : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09. М., 2006. 508 с. РГБ ОД, 61: 07-7/89.
93. Чапыгин И.В. Казачья эмиграция в русской диаспоре Северо-Восточного Китая : 1920–1945 гг. : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03. Иркутск, 2006. 186 с. : ил. РГБ ОД, 61: 06-7/975.
94. Чичерюкин В.Г. Русские эмигрантские воинские организации, 1920–1940-е гг. : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. М., 2000. 218 с. : ил. РГБ ОД, 61: 02-7/166-2.
95. Шарипов А.М. Факторы становления российской цивилизации в культурно-исторической концепции И.А. Ильина : Дис. ... канд. ист. наук : 24.00.01. М., 2004. 144 с. РГБ ОД, 61: 05-7/102.

ФИЛОСОФИЯ

96. *Аганов А.А.* Философия культуры русского зарубежья : Дис. ... канд. филос. наук : 09.00.13. Ростов н/Д, 2006. 195 с. РГБ ОД, 61: 07-9/213.
97. *Буйло Б.И.* Судьба России в культурно-исторической концепции Н.А. Бердяева : Дис. ... д-ра филос. наук : 24.00.01, 09.00.03. Ростов н/Д, 2003. 336 с. РГБ ОД, 71: 05-9/10.
98. *Виноградова И.Б.* Нравственное совершенство в культурфилософском творчестве Б.П. Вышеславцева : Дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01. Саранск, 2008. 185 с. : ил. РГБ ОД, 61: 08-9/32.
99. *Голубева А.Р.* Философия русской культуры в творческом наследии И.А. Ильина : Дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01. Барнаул, 2003. 156 с. РГБ ОД, 61: 04-9/307.
100. *Горенко И.В.* Православная философия культуры Вл.А. Кожевникова : Дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01. М., 2004. 216 с. РГБ ОД, 61: 04-9/448.
101. *Грищенко А.А.* Творческая теургическая эпоха в наследии Н.А. Бердяева : Дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01. Краснодар, 2006. 188 с. РГБ ОД, 61: 06-9/425.
102. *Довыденко Л.В.* Философия культуры Н.С. Арсеньева : Дис. ... канд. филос. наук : 09.00.13. СПб., 2008. 149 с. : ил. РГБ ОД, 61: 08-9/240.
103. *Елькин А.В.* Философия культуры Ф.А. Степуна и Г.П. Федотова. Новгородство : Дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01. М., 2005. 156 с. РГБ ОД, 61: 05-9/663.
104. *Ермишина К.Б.* Образ Древней Руси в историософии русской эмиграции XX в. : Дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03. М., 2007. 191 с. : ил. РГБ ОД, 61: 07-9/632.
105. *Каменева К.Д.* «Свое» и «чужое» в культуре русской эмиграции «поколения полутора» : на примере творчества Г. Газданова : Дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01. М., 2008. 178 с. : ил. РГБ ОД, 61: 08-9/121.
106. *Ким В.Н.* Философия культуры евразийства и наследие художественной культуры Центральной Азии : Дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.04. М., 2004. 297 с. РГБ ОД, 71: 05-9/71.
107. *Королева Л.Г.* Цивилизационная идентичность России в русской философии культуры : Дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.13. Курск, 2006. 366 с. : ил. РГБ ОД, 71: 07-9/177.
108. *Коханова А.В.* Нравственный опыт русской эмиграции первой волны (Аспект свободы) : Дис. ... канд. филос. наук : 09.00.05. СПб., 2003. 157 с. РГБ ОД, 61: 04-9/61-Х.
109. *Леонов В.Н.* Культурологическая концепция Г.Д. Гребенщикова : Дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01. Барнаул, 2003. 141 с. РГБ ОД, 61: 04-9/60-1.
110. *Курабцев В.Л.* Философия Льва Шестова в контексте европейской религиозно-философской традиции : Дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.03. М., 2006. 301 с. РГБ ОД, 71: 07-9/15.
111. *Малашонок М.Г.* Культурологическая концепция и революционная парадигма Д.С. Мережковского : Дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01. Тамбов, 2008. 145 с. : ил. РГБ ОД, 61: 09-9/60.

112. *Мартьянов А.В.* Культурфилософские основания евразийства : Дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01. Саранск, 2008. 164 с. : ил. РГБ ОД, 61: 08-9/98.
113. *Прохоренко А.В.* Философское россиеведение в идейной полемике пореволюционной эмиграции (первая половина XX в.) : Дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.03. СПб., 2006. 368 с. РГБ ОД, 71: 07-9/38.
114. *Романова Е.В.* Этнокультурная концепция основоположников евразийства: Дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01. Барнаул, 2007. 175 с. РГБ ОД, 61: 07-9/781.
115. *Солдатова О.Н.* Сравнительный анализ проблемы общения в философских воззрениях Н.А. Бердяева и К. Ясперса : Дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03. Н. Новгород, 2007. 185 с. РГБ ОД, 61: 07-9/654.
116. *Тучкова Т.В.* Проблема национального характера в философии русского зарубежья : Дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03. Мурманск, 2002. 150 с. : ил. РГБ ОД, 61: 03-9/202-4.
117. *Федоренко А.А.* Проблема взаимосвязи языка и народа в творчестве А.А. Потемни и Н.С. Трубецкого (Историко-философский анализ) : Дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03. М., 2005. 161 с. РГБ ОД, 61: 05-9/392.
118. *Шевцова Н.П.* Проблема ценности в творчестве Н.А. Бердяева и И.А. Ильина: общее и особенное : Дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01. М., 2005. 204 с. РГБ ОД, 61: 06-9/231.
119. *Яковлева З.Д.* Проблема взаимосвязи культуры и цивилизации в философии русского зарубежья 1920–1940-х годов : Дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03. Тверь, 2006. 202 с. РГБ ОД, 61: 06-9/570.

ФИЛОЛОГИЯ

120. *Азаров Ю.А.* Литературные центры первой русской эмиграции (история, развитие и взаимодействие) : Дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01. М., 2006. 452 с. РГБ ОД, 71: 07-10/18.
121. *Альгазо Х.* Нравственное становление личности в автобиографической прозе русского Зарубежья (И.А. Бунин, И.С. Шмелев, Б.К. Зайцев, А.И. Куприн) : Дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. М., 2006. 206 с. РГБ ОД, 61: 06-10/1044.
122. *Анисимова М.С.* Мифологема «дом» и ее художественное воплощение в автобиографической прозе первой волны русской эмиграции (на примере романов И.С. Шмелева «Лето Господне» и М. А. Осоргина «Времена») : Дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. Н. Новгород, 2007. 185 с. РГБ ОД, 61: 07-10/661.
123. *Антошина Е.В.* «Чужое слово» в прозе В.В. Набокова 1920–1940-х гг. : Дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. Томск, 2002. 225 с. РГБ ОД, 61: 03-10/463-1.
124. *Анципова А.Н.* Язык русского зарубежья Австралии. Лексико-грамматический аспект : На материале письменных текстов : Дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Красноярск, 2005. 160 с. : ил. РГБ ОД, 61: 05-10/1574.
125. *Белозубова Н.И.* Проза А.П. Хейдока в контексте литературы дальневосточного зарубежья: виды и образы пространства : Дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. Благовещенск, 2009. 176 с. : ил. РГБ ОД, 61: 09-10/1031.

126. *Боравская И.Б.* Воплощение натурфилософской концепции в художественной прозе М. Осоргина 1920-х годов : Дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. М., 2007. 169 с. РГБ ОД, 61: 07-10/1007.

127. *Боярский В.А.* Поэтика прозы Гайто Газданова 1940-х годов : Дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. Новосибирск, 2003. 254 с. : ил. РГБ ОД, 61: 03-10/894-7.

128. *Габдуллина С.Р.* Концепт ДОМ / РОДИНА и его словесное воплощение в индивидуальном стиле М. Цветаевой и поэзии русского зарубежья первой волны (Сопоставительный аспект) : Дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. М., 2004. 243 с. РГБ ОД, 61: 04-10/801.

129. *Гаркавенко О.В.* Христианские мотивы в творчестве А.И. Солженицына : Дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. Саратов, 2007. 223 с. : ил. РГБ ОД, 61: 07-10/1946.

130. *Гуськов В.В.* Система персонажей исторической эпопеи А.И. Солженицына «Красное колесо» как форма воплощения эстетических принципов и мировоззренческих позиций автора: Дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. Владивосток, 2006. 231 с. РГБ ОД, 61: 06-10/735.

131. *Жердева В.М.* Экзистенциальные мотивы в творчестве писателей «незамеченного поколения» русской эмиграции : Дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. М., 1999. 215 с. РГБ ОД, 61: 99-10/176-7.

132. *Злобин А.А.* Семантика и функционирование слова свобода в произведениях А.И. Солженицына : Дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Киров, 2007. 165 с. РГБ ОД, 61: 07-10/1673.

133. *Ким Кен-Тэ.* Тема Востока в творчестве И.А. Бунина : Дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. СПб., 1997. 212 с. РГБ ОД, 61: 97-10/628-3.

134. *Кириллова Е.Л.* Мемуаристика как метажанр и ее жанровые модификации (На материале мемуарной прозы русского зарубежья первой волны) : Дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. Владивосток, 2004. 221 с. РГБ ОД, 61: 05-10/353.

135. *Кузнецова А.А.* Идеиное и художественное своеобразие мемуарной прозы второстепенных писателей русской литературной эмиграции (Н. Берберова, И. Одоевцева, В. Яновский) : Дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. М., 2005. 241 с. РГБ ОД, 61:05-10/1020.

136. *Кулешова О.В.* Философско-художественные искания Д.С. Мережковского в период эмиграции : Дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. М., 2005. 185 с. РГБ ОД, 61: 05-10/1714.

137. *Куликова Т.Д.* Публицистика А.И. Солженицына. Процесс коммуникации: от информационного бума до информационного вакуума (1960–1994 гг.) : Дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10. Ставрополь, 2004. 188 с. РГБ ОД, 61: 04-10/1638.

138. *Лебедева С.Э.* Основные направления литературной полемики русского зарубежья первой волны и их отражение в журнале «Современные записки» : Дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. М., 2007. 246 с. : ил. РГБ ОД, 61: 07-10/1558.

139. *Лукьянцева И.И.* Идея святости в творчестве Б.К. Зайцева периода эмиграции : Дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. Ставрополь, 2006. 181 с. : ил. РГБ ОД, 61: 06-10/831.

140. Лю Хао. Поэзия русской эмиграции в Харбине: Основные имена и тенденции : Дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. М., 2001. 261 с. : ил. РГБ ОД, 61: 01-10/839-9.

141. Марченко Т.В. Проза русского зарубежья 1920–1940-х гг. в европейском критическом осмыслении: нобелевский аспект (по иностранным архивам и периодике) : Дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01. М., 2008. 459 с. РГБ ОД.

142. Матанцева Л.В. Поэтика ранней прозы Г. Газданова: Роман «Вечер у Клэр», рассказы 20–30-х годов : Дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. Самара, 2005. 237 с. РГБ ОД, 61: 05-10/1350.

143. Мирошникова Н.Н. Концепция «художника» в русских романах В. Набокова-Сирина 20–30-х годов : Дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. М., 2005. 289 с. РГБ ОД, 61: 05-10/1674.

144. Немцев М.В. Стилиевые приемы кинематографа в литературе русского зарубежья первой волны : Дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. М., 2004. 162 с. РГБ ОД, 61: 04-10/931.

145. Новикова Е.В. Литературная критика русской эмиграции 20–30-х гг. XX века. Этико-эстетические и жанрово-стилевые параметры: Дис... канд. филол. наук: 10.01.02. Киев, 2002. 181 с. НБУВ. ДС 76189.

146. Пасевич З.В. Русские классики в литературной критике дальневосточной эмиграции : Дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. Хабаровск, 2008. 289 с. : ил. РГБ ОД, 61: 09-10/159.

147. Потапова Е.Г. А.П. Чехов и творчество И.С. Шмелева эмигрантского периода : Дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. М., 2008. 255 с. : ил. РГБ ОД, 61: 08-10/130.

148. Риппинг М. Литературная критика Ю.И. Айхенвальда периода эмиграции : Дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. Иваново, 2003. 186 с. РГБ ОД, 61: 04-10/770.

149. Розинская О.В. Русская литературная эмиграция в Польше: 1920–30-е годы : Дис. ... канд. филол. наук : 10.01.05, 10.01.01. М., 2000. 175 с. : ил. РГБ ОД, 61: 00-10/383-1.

150. Романова Г.Р. Философско-эстетическая система Владимира Набокова и ее художественная реализация: период американской эмиграции : Дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01. Владивосток, 2005. 419 с. РГБ ОД, 71: 06-10/155.

151. Симонян Ю.Ф. Становление нравственно-эстетической концепции Г. Газданова в романах 1920–30-х годов («Вечер у Клэр», «История одного путешествия», «Полет», «Ночные дороги») : Дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. М., 2007. 196 с. РГБ ОД, 61: 07-10/1162.

152. Синица Д.А. Художественно-публицистические жанры в литературе русского зарубежья (наследие И.А. Ильина) : Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02. Симферополь, 2005. 218 с. НБУВ. ДС 95174.

153. Тихомирова Е.В. Проза русского зарубежья и России в ситуации постмодерна : Дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01. Иваново, 2000. 442 с. : ил. РГБ ОД, 71: 01-10/118-0.

154. *Урюпина А.С.* Необарокко в поэзии русского зарубежья 1960–80 годов : Дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. М., 2006. 206 с. : ил. РГБ ОД, 61: 06-10/1561.

155. *Хэ Фан.* Евразийство и русская литература 1920–1930-х годов XX века : Дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. М., 2004. 154 с. РГБ ОД, 61: 04-10/1104.

156. *Шуклина Е.В.* Ю.Л. Сазонова-Слонимская: феномен эмиграции первой волны. Проблемы творческой биографии : Дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. М., 2004. 226 с. РГБ ОД, 61: 05-10/636.

157. *Эфендиева Г.В.* Художественное своеобразие женской лирики восточной ветви русской эмиграции: Дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. М., 2006. 219 с. : ил. РГБ ОД, 61: 07-10/84.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

158. *Атмачев С.И.* Сущность и организация верховной власти в консервативной мысли русской эмиграции : Дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Ставрополь, 1999. 184 с. РГБ ОД, 61: 00-12/431-4.

159. *Горячева Е.М.* Государство и общество в воззрениях мыслителей Русского зарубежья : Дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Тула, 2006. 161 с. РГБ ОД, 61: 07-12/600.

160. *Иванников И.А.* Проблема эволюции формы российского государства в истории русской политико-правовой мысли второй половины XIX — середины XX веков : Дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01. Ростов н/Д, 2000. 463 с. РГБ ОД, 71: 01-12/54-Х.

161. *Судоргина И.Н.* «Государство», «власть», «личность» в государственно-правовой концепции Н.Н. Алексева : Дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Саратов, 2008. 186 с. : ил. РГБ ОД, 61: 09-12/400.

ПОЛИТОЛОГИЯ

162. *Баранов Ю.А.* Политика Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом : Дис. ... канд. полит. наук : 23.00.04. М., 2004. 182 с. РГБ ОД, 61: 05-23/143.

163. *Бубаивили Г.Э.* Политика современных государств в отношении зарубежных диаспор (На примере Греции и России) : Дис. ... канд. полит. наук : 23.00.04. М., 2003. 135 с. РГБ ОД, 61: 04-23/66-0.

164. *Варакса А.Н.* Идея монархии в политической мысли Русского зарубежья (1920–1940-е гг.) : Дис. ... канд. полит. наук : 23.00.01. СПб., 2003. 137 с. РГБ ОД, 61: 04-23/96.

165. *Калинина Надежда Васильевна.* Российская диаспора в странах СНГ: Политические аспекты проблемы : Дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02. М., 2002. 182 с. : ил. РГБ ОД, 61: 02-23/150-5.

166. *Калинина Н.В.* Тенденции сотрудничества с соотечественниками в странах СНГ в контексте внешнеполитической деятельности России : Дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.04. М., 2006. 529 с. РГБ ОД, 71: 07-23/23.

167. *Клюева А.В.* Информационная среда политической коммуникации российской эмиграции : Дис. ... канд. полит. наук : 10.01.10. М., 2005. 154 с. РГБ ОД, 61: 05-23/241.

168. *Колесова И.А.* Интересы этнических групп в деятельности политических партий: На примере стран СНГ и Балтии : Дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02. М., 2005. 159 с. РГБ ОД, 61: 05-23/184.

169. *Лобанов М.А.* Российская диаспора в ближнем зарубежье как фактор продвижения национальных интересов России : Дис. ... канд. полит. наук : 23.00.04. М., 2008. 194 с. : ил. РГБ ОД, 61: 08-23/180.

170. *Матвейцева Н.О.* Эволюция социально-политического положения российской диаспоры в странах СНГ : Дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02. М., 2007. 254 с. РГБ ОД, 61: 07-23/409.

171. *Обухова О.В.* Русская эмиграция «первой волны» в Китае как политическое явление : Дис. ... канд. полит. наук : 23.00.01. Уссурийск, 2007. 193 с. : ил. РГБ ОД, 61: 07-23/501.

172. *Рожнева С.С.* Либеральная концепция государственной власти в работах мыслителей русского зарубежья : Дис. ... канд. полит. наук : 23.00.01. СПб., 2006. 189 с. РГБ ОД, 61: 06-23/209.

173. *Селиванов А.В.* Государственная политика Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом (На примере русской диаспоры в Латвии) : Дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02. М., 2004. 180 с. РГБ ОД, 61: 04-23/159.

174. *Скринник В.М.* Политика России в отношении соотечественников за рубежом: общегосударственный и региональный уровни : Дис. ... канд. полит. наук : 23.00.04. М., 2004. 181 с. РГБ ОД, 61: 04-23/316.

175. *Чепурин А.В.* Проблемы консолидации зарубежной российской общины : Дис. ... канд. полит. наук : 23.00.04. М., 2009. 150 с. : ил. РГБ ОД, 61: 09-23/122.

ГЕОГРАФИЯ

176. *Божева А.М.* Четвертая волна российской иммиграции в США : Дис. ... канд. географ. наук : 25.00.24. СПб., 2006. 178 с. : ил. РГБ ОД, 61: 06-11/138.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

177. *Ван Пин.* Русская художественная эмиграция в Китае в первой половине XX века : Дис. ... канд. искусствоведения : 17.00.04. М., 2007. 326 с. : ил. РГБ ОД, 61: 07-17/162.

178. *Маричевич С.* Творчество С.Ф. Колесникова в контексте художественной культуры русской эмиграции в Югославии в период между двумя мировыми вой-

нами : Дис. ... канд. искусствоведения : 17.00.04. М., 2008. 436 с. : ил. РГБ ОД, 61: 09-17/13.

179. *Нусинова Н.И.* Русское кинематографическое зарубежье (1918–1939) и проблема взаимоинтеграции культур : Дис. ... д-ра искусствоведения : 17.00.03. М., 2004. 370 с. РГБ ОД, 71: 05-17/19.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

180. *Воронова Е.В.* Мифология повседневности в культуре русской эмиграции 1917–1939 гг.: на материале мемуаристики : Дис. ... канд. культурологии : 24.00.01. Киров, 2007. 171 с. : ил. РГБ ОД, 61: 07-24/176.

181. *Зобков Ю.С.* Музыкальный мир XX столетия: проблема диалога культур (На примере жизни и творчества С.А. Кусевицкого в эмиграции) : Дис. ... канд. культурологии : 24.00.01. М., 2004. 156 с. РГБ ОД, 61: 05-24/2.

182. *Каспэ И.М.* Конструирование незамеченности: (Младшее поколение первой волны русской литературной эмиграции в Париже) : Дис. ... канд. культурологии : 24.00.01. М., 2004. 178 с. РГБ ОД, 61: 05-24/17.

183. *Колобова Ю.И.* Личность и творческая деятельность П.П. Сувчинского в культуре XX века : Дис. ... канд. культурологии : 24.00.01. Киров, 2006. 155 с. РГБ ОД, 61: 07-24/50.

184. *Кутыева Э.Р.* Евразийство как явление культуры XX века. Историография и методология исследования : Дис. ... канд. культурологии : 24.00.01. СПб., 2005. 182 с. РГБ ОД, 61: 06-24/22.

185. *Осьмухина О.Ю.* Маска в культурно-художественном сознании Российского Зарубежья 1920–1930-х годов : На материале творчества В.В. Набокова : Дис. ... канд. культурологии : 24.00.04. Саранск, 2000. 197 с. : ил. РГБ ОД, 61: 00-24/82-6.

186. *Плотникова Е.В.* Билингвизм культур в творческом наследии В.В. Набокова : Дис. ... канд. культурологии : 24.00.01. М., 2004. 117 с. РГБ ОД, 61: 04-24/79.

187. *Прокуденкова О.В.* Методологические основы культурологической концепции П.Н. Милюкова : Дис. ... канд. культурологии : 24.00.01. СПб., 2005. 169 с. РГБ ОД, 61: 05-24/65.

188. *Сирота О.С.* Проблемы сохранения и развития русской культуры в условиях эмиграции первой волны : Культурно-просветительская деятельность и литературное творчество писателя-эмигранта Г.Д. Гребенщикова : Дис. ... канд. культурологии : 24.00.01. М., 2007. 204 с. : ил. РГБ ОД, 61: 07-24/130.

189. *Ситниченко К.Е.* Русское Зарубежье «первой волны»: феномен культурной диаспоры в аспекте самоидентификации : Дис. ... канд. культурологии : 24.00.01. Екатеринбург, 2008. 168 с. РГБ ОД, 61: 08-24/32.

190. *Скворцова Э.В.* Эколого-культурная миссия русской эмиграции первой «волны» (На примере деятельности представителей русской музыкальной культуры) : Дис. ... канд. культурологии : 24.00.01. М., 2003. 173 с. РГБ ОД, 61: 04-24/59.

191. *Сухая В.В.* Факторы социокультурных трансформаций искусства в культурософии Питирима Сорокина : Дис. ... канд. культурологии : 24.00.01. М., 2006. 221 с. : ил. РГБ ОД, 61: 06-24/79.

192. *Трепалина Н.Е.* Концепция «культурной эволюции» в теории и истории культуры П.Н. Милюкова : Дис. ... канд. культурологии : 24.00.01. М., 2004. 175 с. РГБ ОД, 61: 04-24/146.

193. *Чистова М.В.* Концепт андрогина в житнетворчестве З.Н. Гипшиус : Дис. ... канд. культурологии : 24.00.01. Кострома, 2004. 188 с. РГБ ОД, 61: 05-24/20.

194. *Шипилов А.В.* Влияние русской культуры на консолидацию российских соотечественников за рубежом : Дис. ... канд. культурологии : 24.00.01. М., 2007. 151 с. : ил. РГБ ОД, 61: 07-24/124.

ПЕДАГОГИКА

195. *Гулюкина О.Н.* Проблемы нравственного воспитания в философско-педагогической мысли русского эмигрантского зарубежья (20–40-е годы XX века) : Дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01. М., 2001. 150 с. РГБ ОД, 61: 02-13/562-0.

196. *Дубровина С.К.* Национальное образование и воспитание детей и подростков в российском зарубежье, 20–50-е годы XX века : Дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01. Н. Новгород, 2000. 168 с. РГБ ОД, 61: 00-13/568-4.

197. *Кононова К.К.* Этнопедагогические основы воспитания и развития личности ребенка (На примере автобиографической прозы русского зарубежья первой половины XX века) : Дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01. Ставрополь, 2002. 172 с. РГБ ОД, 61: 03-13/797-9.

198. *Крестьянова Е.Н.* Аксиологическая парадигма идентичности в философско-педагогической мысли Российского Зарубежья (20–30-е годы XX века) : Дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01. Ульяновск, 2007. 252 с. РГБ ОД, 61: 07-13/1435.

199. *Макеева Н.А.* Высшее образование российской молодежи в условиях эмиграции «первой волны» (20–30-е гг. XX в.) : Дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01. Саранск, 2003. 226 с. РГБ ОД, 61: 04-13/269-4.

200. *Мелентьева Е.В.* Культурно-просветительная деятельность музеев русского зарубежья: историко-педагогический анализ : Дис. ... канд. пед. наук : 13.00.05. М., 2008. 217 с. : ил. РГБ ОД, 61: 08-13/79.

201. *Мурашева С.Н.* Педагогическое наследие русской зарубежной диаспоры в период с 1919 по 1929 годы (На примере Чехословакии, Болгарии, Королевства сербов, хорватов и словенцев) : Дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01. Архангельск, 2002. 158 с. РГБ ОД, 61: 03-13/405-8.

202. *Рогова А.В.* Идеи воспитания человека культуры в философско-педагогической мысли России и русского зарубежья: Вторая половина XIX — первая половина XX вв. : Дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.01. СПб., 2004. 393 с. РГБ ОД, 71: 05-13/134.

203. *Семченко А.В.* Внешкольное образование в педагогике русского зарубежья : Дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.01. Тамбов, 2002. 410 с. РГБ ОД, 71: 03-13/109-0.

204. *Ханова Т.Г.* Становление и развитие дошкольного воспитания в Российском Зарубежье (1920–1930-е годы) : Дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01. Н. Новгород, 2002. 198 с. РГБ ОД, 61: 02-13/1694-0.

205. *Черных Ю.Н.* Патриотическое воспитание в военном образовании Российского Зарубежья : Дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01. Воронеж, 2005. 218 с. РГБ ОД, 61: 05-13/2086.

206. *Шупленков О.В.* Система патриотического воспитания в Российском Зарубежье в 20–30-х годах XX века : Дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01. Карачаевск, 2009. 189 с. : ил. РГБ ОД, 61: 09-13/609.

СОЦИОЛОГИЯ

207. *Назарова Е.В.* Эмиграция российской интеллигенции: ее причины и трансформация образа жизни (Ретроспективный анализ) : Дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04. Улан-Удэ, 2003. 196 с. РГБ ОД, 61: 04-22/116.

ЭКОНОМИКА

208. *Иванов М.В.* Социал-демократическое течение экономической мысли российской эмиграции 20–50-х гг. : Дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01. СПб., 2002. 164 с. РГБ ОД, 61: 03-8/2136-9.

209. *Нинциева Г.В.* Основные течения экономической мысли русской эмиграции 20–50-х годов XX столетия : Дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.01. СПб., 2004. 313 с. РГБ ОД, 71: 05-8/296.

210. *Пишеунов М.Х.* Либеральное течение экономической мысли русского зарубежья 20–50-х годов : Дис. ... канд. экон. наук : 08.00.02. СПб., 1999. 152 с. РГБ ОД, 61: 99-8/279-0.

211. *Сивков А.В.* Трудовая эмиграция из России в страны Южной Европы: современные тенденции и подходы к регулированию : Дис. ... канд. экон. наук : 08.00.14.

212. *Шежева З.Х.* Либеральное течение аграрно-экономической мысли русского зарубежья 20–30-х годов : Дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01. СПб., 2003. 158 с. РГБ ОД, 61: 03-8/3732-Х.

БИБЛИОГРАФИЯ

ГЕОРГИЙ АДАМОВИЧ
В «ПОСЛЕДНИХ НОВОСТЯХ»:
МАТЕРИАЛЫ К БИБЛИОГРАФИИ

Составление и предисловие О.А. Коростелева

В самую известную газету русского зарубежья «Последние новости» (Париж, 1920–1940) Георгий Викторович Адамович (1892–1972) пришел уже сложившимся критиком, после пятилетнего сотрудничества в «Звене» (Париж, 1923–1928), литературном приложении к «Последним новостям».

Именно здесь, на страницах «Последних новостей», Адамович создал себе репутацию «первого критика эмиграции», как его называли И.А. Бунин, Г.В. Иванов, Ю.П. Иваск и многие другие современники, здесь велась знаменитая полемика с В.Ф. Ходасевичем¹, создавалась атмосфера «парижской ноты». Здесь, в «Литературных заметках», которые пришли на смену «Литературным беседам» эпохи «Звена»², Адамович продолжал создавать панораму мировой культуры, откликаясь на все сколько-нибудь любопытные явления. Прежде всего его интересовала русская литература по обе стороны баррикад, но также французская, английская, скандинавская и другие литературы, а кроме того, мир кино, театра, музыки и т. д., вплоть до рулеточных страстей, о которых он также не раз писал. В целом этот «критический дневник» воссоздает целый мир на протяжении полутора десятилетий во всех его мелочах и нюансах.

О «Последних новостях» существует кое-какая литература³, об Адамовиче

¹ Материалы ее частично републикованы: Полемика Г.В. Адамовича и В.Ф. Ходасевича (1927–1937) / Вступ. ст. и коммент. О.А. Коростелева, публ. О.А. Коростелева и С.Р. Федакина // Российский литературоведческий журнал. 1994. № 4. С. 204–250.

² Все большие статьи Адамовича из «Звена» собраны и включены в двухтомник, вышедший под названием «Литературные беседы» в составе собрания его сочинений: *Адамович Г.В. Собр. соч. Литературные беседы: «Звено» (1923–1928): В 2 кн. / Вступ. ст., сост. и примеч. О.А. Коростелева. СПб.: Алетейя, 1998.* В приложении ко второй книге этого издания приведена библиография мелких заметок в «Звене»: Перечень публикаций Г. Адамовича в «Звене», не вошедших в настоящее издание // Там же. Кн. 2. С. 478–483.

³ «Последние новости»: Юбилейный сборник, 27 апреля 1920–1930. Париж, 1930; *Александров С.А. Газета «Последние новости». Париж (1920–1940 гг.) // Россия и современный мир. М., 1994. Вып. 2. С. 180–186; Бирман М. В одной редакции: (О тех, кто создавал газету «Последние новости») // Евреи в культуре русского зарубежья: Статьи, публикации, мемуары и эссе. Иерусалим, 1994. Т. 3. С. 147–169; Петрова Т.Г. «Последние новости» // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940): В 3 т. М., 1997. Т. 2. Ч. 2. С. 189–207. Кроме того, была осуществлена и выборочная роспись комплекта газеты: Статьи о литературе и культуре в газете «Последние новости» (Париж, 1920–1940) / Сост. Н.Ю. Симбирцевой, Т.Г. Петровой // Литературоведческий журнал. 2004. № 18; 2005. № 19; 2006. № 20; 2007. № 21; 2008. № 22; 2008. № 23; 2009. № 24.*

тоже⁴, но из нескольких попыток⁵ создать его библиографию осуществилась только одна⁶, причем в ней, помимо стихов, учтены были лишь основные литературно-критические выступления Адамовича, да и то не все. Многочисленные публицистические и мемуарные статьи, некрологи, статьи о балете, музыке и театре отражены в ней только частично, а кинорецензии, «Отклики» и другие хроникальные заметки не отражены вовсе⁷.

Количество материала, поставляемого Адамовичем газете, огромно. Помимо еженедельного четвергового подвала, который, как правило, был гвоздем литературной страницы, Адамович вел в газете несколько постоянных колонок. Под псевдонимом Пэнгс он каждый понедельник с сентября 1926 по апрель 1940 г. публиковал ряд заметок с общим названием «Про все» — своеобразную хронику светской и интеллектуальной жизни. По средам с ноября 1927 по август 1939 г. под псевдонимом Сизиф печатал колонку «Отклики», посвященную преимущественно литературе. Начиная с марта 1936 г. «Отклики» посвящались преимущественно новостям иностранных литератур, для советской же была создана специальная рубрика «Литература в СССР», которую Адамович подписывал инициалами Г. А. С 1933 г. «Последние новости» по пятницам стали давать страницу о кино, Адамович с перерывами публиковался и там, в моменты особой активности печатая до трех кинорецензий в номере. Помимо всего этого, его перу принадлежит множество «внеплановых» публикаций, подписанных либо полным именем, либо Г. А.; А.; Г. А-вичь; -овичь; -ичь; -чь; -ъ, — а иногда не подписанных вовсе.

В качестве примера можно привести публикации одной недели второй половины 1930-х гг., когда Адамович после прекращения «Чисел» и «Встреч» уделял «Последним новостям» наибольшее внимание. Вот, например, октябрь 1937 г.: в понедельник 18-го — «Про все» (Пэнгс); в четверг 21-го — традиционный под-

⁴ Библиография работ о жизни и творчестве Г.В. Адамовича насчитывает несколько десятков страниц и готовится к печати.

⁵ Первые попытки собирания материалов к библиографии Адамовича относятся еще к довоенному периоду. На протяжении многих лет Глеб Струве аккуратно вырезал все попадающиеся ему на глаза публикации критических работ Адамовича, несмотря на стойкую неприязнь и длительную литературную вражду, и в его архиве (Hoover Institution Archives, Stanford University, Gleb Struve Papers) сохранилось несколько папок таких вырезок, преимущественно из «Последних новостей», «Русской мысли» и «Нового русского слова» (всего более 500 вырезок). Струве гордился тем, что в его коллекции «почти все критические статьи Адамовича и Ходасевича», и полусерьезно намеревался, выйдя в отставку, «подумать о коммерческой эксплуатации своей библиотеки вырезок» (письмо Г.П. Струве В.Ф. Маркову от 8 августа 1961 г. Собрание Жоржа Шерона. Лос-Анджелес). К сожалению, дальше намерений Г.П. Струве не пошел. Позже аналогичные попытки предпринял покойный ныне А.Д. Алексеев (Пушкинский Дом, Санкт-Петербург) в процессе работы над общей росписью литературных публикаций Серебряного века и эмиграции. Его библиография Адамовича, насчитывающая более 700 позиций, хранится сейчас в Пушкинском Доме вместе со всей общей росписью публикаций, увидевшей свет лишь частично (см.: Алексеев А.Д. Литература русского зарубежья: Книги 1917–1940: Материалы к библиографии. СПб., 1993).

⁶ Georgy Adamovich: An Annotated Bibliography — Criticism, Poetry, and Prose, 1915–1980 / Comp. by R. Hagglund. Ann Arbor, 1985.

⁷ Вся библиография Р. Хэглунда насчитывает 1297 позиций, включая стихи, переводы и прозу Адамовича. В то время как в одних только «Последних новостях» с 1926 по 1940 г. Адамович в общей сложности опубликовал без малого 2400 статей и заметок.

вал, посвященный разбору «Книги для родителей» Макаренко; «Литература в СССР» (Г. А.) о П. Павленко и М. Шагинян; «Отклики» (Сизиф), посвященные выборам во французские литературные академии, а также рассказывающие о кончине Поля Вайяна-Кутюрье и о встречах Анатоля Франса с Савинковым; заметка «Сверчок» (-овичъ), сообщающая о выходе нового эмигрантского журнала для юношества. В пятницу 22-го — три кинокритические: на советский фильм «Концерт Бетховена», мексиканский «Бунтовщики из Альвараво» и американский «Морская душа». Такая неделя — не исключение, а скорее правило, и подобная плодотворность просто удивляет, особенно если учесть, что Адамович в это же время печатался не только в «Последних новостях», но и в «Современных записках», и во многих других эмигрантских печатных изданиях.

В принадлежности перу Адамовича всех материалов, опубликованных под рубрикой «Про все», есть некоторые сомнения: эта рубрика появлялась на протяжении более чем тринадцати лет каждый понедельник без единого пропуска, даже если Адамович в это время уезжал из Парижа. Рубрика продолжала существовать даже после августа 1939 г., когда «Отклики» и «Литература в СССР» перестали появляться, поскольку Адамович ушел добровольцем во французскую армию. Но в большинстве случаев интонация, определенные обороты речи и вся вообще стилистика Адамовича налицо. Доказать авторство каждой из заметок не представляется возможным, поэтому здесь приводится их полный список.

Таким образом, в настоящей библиографии пять разделов (2–5 разделы озаглавлены по названиям рубрик газеты):

1. «Литературные заметки» (июль 1926 — май 1940 г.; 618 публикаций) — список литературно-критических и публицистических статей и заметок Адамовича в хронологическом порядке.
2. «На парижских экранах» (январь 1932 — февраль 1940; 351 публикация) — рецензии и заметки о кино.
3. «Про все» (Пэнгс; сентябрь 1926 — апрель 1940 г.; 709 публикаций).
4. «Отклики» (Сизиф; ноябрь 1927 — август 1939 г.; 584 публикации).
5. «Литература в СССР» (Г. А.; март 1936 — август 1939 г.; 146 публикаций).

В кратких аннотациях под библиографической записью указываются только те издания, произведения и имена, которым была посвящена большая часть статьи или рецензии. Простые упоминания не учитывались. Все имена и названия приводятся только на основании текста публикаций и только в авторской транскрипции (многообразные написания не унифицируются и не приводятся в соответствии с современными нормами). Написание иностранных имен и названий (Адамович их «офранцузивал») также оставлено без изменений. Это не только передает аромат эпохи, но и прекрасно рисует кругозор и умонастроения Адамовича и его парижского окружения, эволюцию усвоения западной культуры русской эмиграцией.

Публикации последних трех разделов не аннотируются по недостатку места. К тому же при лаконичности Адамовича аннотации заняли бы не многим меньший объем, чем иные заметки, так что логичнее издать эту хронику целиком, и такое издание можно было бы подготовить, если бы нашлось заинтересованное в

нем издательство. Основные статьи из «Последних новостей» собраны в пяти-томник, который выходит (правда, как-то очень уж неторопливо) под названием «Литературные заметки» в составе собрания сочинений⁸. Настоящая публикация является подготовительной к изданию полной аннотированной библиографии Адамовича, материалы к которой в основном собраны и также ждут издателя⁹.

1. «ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАМЕТКИ»

1926

О «Недавнем» // 1 июля. № 1926. С. 3.
М.М. Винавер. «Недавнее».

1928

Жизнь Бланко Ибаньеса // 7 февраля. № 2512. С. 3.
Козел в огороде // 1 марта. № 2535. С. 3.
Ю. Слезкин. «Козел в огороде».
Генрик Ибсен // 22 марта. № 2556. С. 3.
Оправдается ли надежда? // 12 апреля. № 2577. С. 2.
Л. Леонов. «Вор».
По советским журналам // 26 апреля. № 2591. С. 3.
«Красная новь». № 3.
«Новый мир». № 4.
К. Федин и его новый роман «Братья» // 3 мая. № 2598. С. 3.
Новая скрижаль // 14 июня. № 2640. С. 4.
П. Романов. «Новая скрижаль».
После России (новые стихи Цветаевой) // 21 июня. № 2647. С. 3.
Восемнадцатый год // 5 июля. № 2661. С. 3.
А. Толстой. «Восемнадцатый год».
По советским журналам // 16 августа. № 2703. С. 3.
«Красная новь». № 6.
«Зеркало жизни» // 23 августа. № 2710. С. 3.
А. Караваева. «Двор». «Лесозавод».

⁸ На сегодняшний день вышли лишь первые две книги: *Адамович Г.В. Собр. соч.: Литературные заметки. Кн. 1 («Последние новости» 1928–1931) / Сост., послесл. и примеч. О.А. Коростелева. СПб., 2002; Он же. Собр. соч.: Литературные заметки. Кн. 2 («Последние новости» 1932–1933) / Сост., послесл. и примеч. О.А. Коростелева. СПб., 2007.*

⁹ Помимо уже упомянутых выше, публиковались в разных изданиях и другие тематические фрагменты: Библиография стихотворений Г.В. Адамовича (1915–1995) // Адамович Г.В. Собр. соч.: Стихи, проза, переводы / Вступ. ст., сост. и примеч. О.А. Коростелева. СПб., 1999. С. 523–548; Библиография [эссеистики Адамовича в жанре «Комментариев»] // Адамович Г.В. Собр. соч.: Комментарии / Сост., послесл. и примеч. О.А. Коростелева. СПб., 2000. С. 703–714; Георгий Адамович об иностранной литературе: Материалы к библиографии / Сост. О.А. Коростелев // Русские писатели в Париже: Взгляд на французскую литературу: 1920–1940: Международная науч. конф. (Женева, 8–10 декабря 2005 г.) / Сост., науч. ред. Ж.-Ф. Жаккара, А. Морар, Ж. Тассис. М., 2007. С. 163–179.

- М. Лузгин. «Хуторяне».
А. Дорогойченко. «Буран».
Панкратьев. «Первые зори».
По советским журналам // 6 сентября. № 2724. С. 3. Подп.: Г. А.
«Новый мир». № 8.
Толстой // 9 сентября. № 2727. С. 3–4.
К 100-летию со дня рождения Л.Н. Толстого.
О простоте и «вывертах» // 13 сентября. № 2731. С. 3.
В. Шкловский.
Серапионовы братья.
По советским журналам // 27 сентября. № 2745. С. 3. Подп.: Г. А.
«Новый мир». № 9.
«Современные записки», кн. XXXVI. Часть литературная // 4 октября. № 2752.
С. 3.
Л. Толстой. «Путевые заметки».
Б. Зайцев. «Анна».
М. Алданов. «Ключ».
М. Цветаева. «Федра».
М. Щербаков. «Закон тайги».
Г. Кузнецова, М. Струве, А. Ладинский, А. Несмелов. Стихи.
В. Маклаков, М. Алданов о Толстом.
Уроки словесности // 18 октября. № 2766. С. 3.
Преподавание в Новоржеве.
«Накинув плащ» (о стихах Дона Аминадо) // 25 октября. № 2773. С. 3.
Вокруг Толстого // 8 ноября. № 2787. С. 3.
Т.И. Полнер. «Лев Толстой и его жена. История одной любви».
Стефан Цвейг. «Великая жизнь (Лев Толстой)» (Л., 1928).
Рюрик Ивнев // 22 ноября. № 2801. С. 3.
Циники // 6 декабря. № 2815. С. 3.
А. Мариенгоф. «Циники» (Берлин: Петрополис).
О французской inquietude и о русской тревоге // 13 декабря. № 2822. С. 2.
Памяти Ю.И. Айхенвальда // 20 декабря. № 2829. С. 3.
О французской inquietude и о русской тревоге. II // 27 декабря. № 2836. С. 3.

1929

- Горнее солнце. Сборник рассказов Н. Рощина** // 3 января. № 2843. С. 3.
«Современные записки», кн. XXXVII. Часть литературная // 10 января. № 2850.
С. 2.
И. Бунин. «Жизнь Арсеньева» (продолж.).
Б. Зайцев. «Анна» (продолж.).
А. Ремизов. «Московские легенды».
М. Цветаева. «Федра» (окончание).
Евангулов. «Четыре дня».

- Б. Темирязов. «Домик на 5-ой Рождественской».
 В. Ходасевич. Стихи.
 Н. Оцуп. «Предчувствие».
Пролетарский классик // 24 января. № 2864. С. 2.
 Ф. Гладков. «Цемент».
Смерть Грибоедова // 7 февраля. № 2878. С. 2.
Разговоры Пушкина // 21 февраля. № 2892. С. 3.
 «Разговоры Пушкина» (М., 1928).
Зависть // 7 марта. № 2906. С. 3.
 Ю. Олеша. «Зависть».
Преемник Лермонтова // 14 марта. № 2913. С. 3.
 Б. Пильняк. «Штос в жизнь» (Берлин: Петрополис, 1929).
«Бродяги». Новый роман Кнута Гамсуна // 21 марта. № 2920. С. 3.
Мих. Зоценко // 28 марта. № 2927. С. 3.
 М. Зоценко. «Избранное» (М.: Пролетарий, 1929).
«Современные записки», кн. XXXVIII. Часть литературная // 11 апреля. № 2941.
 С. 2.
 Б. Зайцев. «Анна» (окончание).
 М. Алданов. «Ключ» (продолж.).
 Н. Берберова. «История Маши Мимозовой».
 Г. Песков. «Кум».
 Г. Кузнецова, А. Ладинский, Г. Раевский, Б. Поплавский. Стихи.
 В. Маклаков о Толстом.
 Ю. Сазонова о Л. Леонове.
Литературные заметки // 25 апреля. № 2955. С. 3.
 А. Сытин. «Пастух племен». Роман (Берлин: Петрополис, 1929).
 В. Ирецкий. «Наследники». Роман (Берлин: Polyglotte, 1928).
 Л. Леонов. «Усмирение Бададешкина». Трагикомедия (Красная новь. 1929. № 3).
Литературные заметки // 9 мая. № 2969. С. 3.
 Л. Зуров. «Кадет». Повесть.
О Блоке // 16 мая. № 2976. С. 3.
 «О Блоке». Сборник под редакцией Е.Ф. Никитиной (М.: Никитинские субботники, 1929).
Писатели о самих себе // 23 мая. № 2983. С. 3.
 Второе издание сборника автобиографий советских писателей.
Литературные заметки // 5 июня. № 2991. С. 2.
 Б. Пильняк. «Красное дерево» (Берлин: Петрополис, 1929).
 Б. Лавренев. «Белая гибель» (Пг.: Изд-во писателей в Петрограде, 1929).
 Н. Асеев. «Работа над стихом» (Прибой, 1929).
Стихи Андрея Блоха // 6 июня. № 2997. С. 3.
Об Есенине // 13 июня. № 3004. С. 3.
 А. Мариенгоф. «Роман без вранья» (Берлин: Петрополис, 1929).
Об одной рукописи // 20 июня. № 3011. С. 3.
 С. Шаршун «Долголиков».

- Литературные заметки** // 27 июня. № 3018. С. 3.
В. Ряховский. «Четыре стены». Роман (М., 1929).
К. Вагинов. «Труды и дни Свистонова» (Звезда. 1929. № 5).
Г.А. Покровский. «Мученик богоискательства (Достоевский)» (М.: Атеист, 1929).
Проф. Н.Н. Фатов. «Пушкин и декабристы» (М., 1929).
«Шпион» Н. Никитина // 4 июля. № 3025. С. 3.
Н. Никитин. «Шпион». Роман (Берлин: Петрополис, 1929).
«Современные записки», кн. XXXIX. Часть литературная // 11 июля. № 3032. С. 3.
М. Алданов. «Ключ» (продолж.).
Г. Иванов. «Третий Рим» (начало).
Б. Темиряев. «Сны».
Н. Оцуп. «Балтийский песок».
Б. Поплавский, А. Несмелов. Стихи.
Б. Зайцев о Данте.
Чехов // 14 июля. № 3035. С. 2–3.
Литературные заметки // 25 июля. № 3046. С. 3.
Е. Кельчевский. «Дмитрий Оршин». Роман (Париж, 1929).
Н. Богданов. «Первая девушка». Повесть (М., 1929).
«Гул времени» // 1 августа. № 3053. С. 3.
Д. Тальников. Гул времени. Сборник статей.
Восьмая годовщина // 15 августа. № 3067. С. 3.
Восемь лет со дня смерти А. Блока.
«Николай Переслегин», роман Ф. Степуна // 29 августа. № 3081. С. 3.
«Жены». Сборник рассказов А. Даманской // 5 сентября. № 3088. С. 3.
Литературные заметки // 26 сентября. № 3109. С. 2.
О. Савич. «Воображаемый собеседник» (Берлин: Петрополис, 1929).
Б. Пастернак. «Повесть» (Новый мир. 1929. № 7).
Статьи Ю. Тынянова // 3 октября. № 3116. С. 3.
Ю. Тынянов. «Архаисты и новаторы».
Литературные заметки // 17 октября. № 3130. С. 4.
Эрих Мария Ремарк. «На западном фронте без перемен».
«Современные записки». Кн. XI. Часть литературная // 31 октября. № 3144. С. 2.
И. Бунин. «Жизнь Арсеньева» (продолж.).
М. Алданов. «Ключ» (окончание 1-го тома).
В. Сирин. «Защита Лужина».
Г. Иванов. «Третий Рим» (прод.).
Б. Поплавский, Ю. Терапиано, Голенищев-Кутузов. Стихи.
Литературные заметки // 21 ноября. № 3165. С. 2.
А. Ремизов. Три серпа. Т. 2 (Париж: ТАИР, 1929).
С. Малашкин. «Шлюха» (М.: Книгоизд-во писателей, 1929).
С. Кулаковский. «Современные польские поэты» (Берлин: Петрополис, 1929).
Памяти Ин.Ф. Анненского (К 20-летию со дня смерти) // 28 ноября. № 3172. С. 2.
Гонкуровская премия // 12 декабря. № 3186. С. 3.
Марсель Арлан. «L'ordre».

По советским журналам // 19 декабря. № 3192. С. 3.

А. Толстой. «Петр I» (опубл. в «Новом мире»).

М. Козаков. «Девять точек» (опубл. в «Звезде»).

М. Фроман. «Конец Чичикова» (опубл. в «Звезде»).

1930

Литературные заметки // 2 января. № 3207. С. 3.

М. Алданов. «Ключ» (Берлин: Слово, 1930).

Молодые поэты // 9 января. № 3214. С. 3.

Сборник стихотворений Союза молодых поэтов: А. Браславский, С. Луцкий, Л. Кельберин (Париж, 1929).

Литературные заметки // 23 января. № 3228. С. 3.

П.П. Веймарн. «Большие дороги» (Париж: Я. Поволоцкий, 1929).

В. Ирецкий. «Холодный уголь» (Берлин: Петрополис, 1930).

Вл. Крымов. «Люди в паутине» (Берлин: Петрополис, 1930).

Новая книга Андрея Белого // 30 января. № 3235. С. 3.

Андрей Белый. «Ритм как диалектика и “Медный всадник”».

«Современные записки», кн. 41-я. Часть литературная // 13 февраля. № 3249. С. 3.

И. Шмелев. «Солдаты» (начало).

В. Набоков. «Защита Лужина» (продолж.).

Н. Оцуп, А. Ладинский, Д. Кнут. Стихи.

И. Альтшуллер, М. Цетлин о Чехове.

«Новые писатели» («Колесо», повесть В. Яновского) // 20 февраля. № 3256. С. 3.

Литературные заметки // 27 февраля. № 3263. С. 3.

Шарль Бодлер. «Цветы зла». Перевод Адр. Ламбле (Париж, 1929).

Вольф Эрлих. «Софья Перовская» (Л., 1929).

Лев Гумилевский. «Игра в любовь» (Берлин, 1930).

Литературные заметки // 13 марта. № 3277. С. 2.

А. Мариенгоф. «Бритый человек» (Берлин: Петрополис, 1930).

Литературные заметки // 27 марта. № 3291. С. 3.

К.Д. Бальмонт. «В раздвинутой дали» (Белград, 1929).

Литературные заметки // 3 апреля. № 3298. С. 2.

«С кем и почему мы боремся?». Сборник статей Л. Авербаха, В. Киршона, А. Фадеева и др. (М., 1930).

А. Макаров. «Путь секундной стрелки». Рассказы (М., 1930).

Е. Шах. «Городская весна». Стихи (Париж, 1930).

Ю. Мандельштам. «Остров». Стихи (Париж, 1930).

Андре Моруа о Тургеневе.

Виргилий // 12 апреля. № 3307. С. 2–3.

2000 лет назад родился Вергилий.

Маяковский // 24 апреля. № 3319. С. 2.

Литературные заметки // 1 мая. № 3326. С. 3.

А. Горнфельд. «Романы и романисты» (М.: Федерация, 1930).

- С. Вржосек. «Жизнь и творчество В. Вересаева» (Л.: Прибой, 1930).
С. Гехт. «Штрафная рота». Повесть (Харьков: Пролетарий, 1929).
Петр I // 8 мая. № 3333. С. 3.
А. Толстой. «Петр I» (опубл. в «Новом мире»).
- «Современные записки». № 42. Часть литературная** // 15 мая. № 3340. С. 3.
М. Осоргин. «Повесть о сестре» (начало).
И. Шмелев. «Солдаты» (продолж.).
В. Набоков. «Защита Лужина» (окончание).
Г. Иванов, Б. Поплавский, А. Блох, И. Голенищев-Кутузов. Стихи.
«Виза времени»: Новая книга Эренбурга // 22 мая. № 3347. С. 3.
Литературные заметки // 1 июня. № 3357. С. 5.
И. Калинин. «Бобры». Роман (Берлин: Петрополис, 1930).
Сборник Союза молодых поэтов. № 3 (Париж, 1930).
И. Груздев. «Современный Запад о Горьком» (Л.: Прибой, 1930).
Советская критика // 5 июня. № 3361. С. 3.
Серия книг издательства «Федерация»: «Заказ на вдохновение» (о С. Пакентрей-
гере); «Литературные мели» (о Н. Замошкине).
За новую жизнь // 12 июня. № 3368. С. 3.
«В поход за новую жизнь». Антипасхальный сборник для школ (статьи В. Шиша-
кова, Н. Румянцева, поэма Н. Ширмана «Толька»).
- «Учеба»** // 26 июня. № 3382. С. 3.
Литературные кружки в СССР.
Литературные заметки // 3 июля. № 3389. С. 2.
Е. Габрилович. «Ошибки, дожди, свадьбы» (М.: Федерация, 1930).
Ю. Либединский. «Поворот» (Л., 1930).
С. Канатчиков. «Из истории моего бытия» (М., 1929).
С. Комаров. «Вечный танец» (Париж: Я. Поволоцкий, 1930).
Рассказы В. Катаева // 31 июля. № 3417. С. 3.
В. Катаев. «Отец» (Берлин: Книга и сцена, 1930).
«Современные записки», кн. 43. Часть литературная // 7 августа. № 3424.
С. 3.
М. Алданов. «Бегство» (начало).
М. Осоргин. «Повесть о сестре» (окончание).
Н. Берберова. «Последние и первые».
В. Набоков. «Пильграм».
З. Гиппиус, А. Ладинский. Стихи.
В. Ходасевич. «Державин» (окончание).
И. Голенищев-Кутузов о Вяч. Иванове.
Это и есть Москва // 17 августа. № 3434. С. 5.
Зинаида Рихтер. «Это и есть Москва». Очерки, зарисовки, заметки.
Воспоминания о Есенине // 21 августа. № 3438. С. 3.
Вольф Эрлих. «Право на песнь».
Странствования по душам // 28 августа. № 3445. С. 3.
Л. Шестов. «На весах Иова: Странствования по душам».

- Записки рабкора** // 4 сентября. № 3452. С. 3.
Дм. Лаврухин. «По следам героя».
- Литературные заметки** // 11 сентября. № 3459. С. 3.
П. Павленко. «Азиатские рассказы» (М., 1929).
С. Третьяков. «Дэн-Ши-Хуа. Био-интервью». М., 1930.
В. Шумсков. «Выдвиженец». Роман (М., 1930).
К. Василенко. «Другое солнце». Повесть (М., 1930).
- По советским журналам** // 18 сентября. № 3466. С. 3.
Ал. Толстой. «Петр I» (опубл. в «Новом мире»).
М. Горький. «Клим Самгин» (опубл. в «Звезде»).
«Красная новь», «Молодая гвардия», «На литературном посту».
- Литературные заметки** // 25 сентября. № 3473. С. 3.
М. Кузмин. «Форель разбивает лед. Стихи 1925–1928» (Л., 1930).
Е. Кельчевский. «В лесу». Роман (Париж, 1930).
- Крушение республики Итль** // 2 октября. № 3480. С. 3.
Б. Лавренев. «Крушение республики Итль». Роман (М., 1930).
- Буржуазные тенденции в современной литературе** // 9 октября. № 3487. С. 3.
«Буржуазные тенденции в современной литературе». Доклады в Коммунистической академии (М., 1930).
- Судьбы советской литературы** // 23 октября. № 3501. С. 3.
Ленин. Блок. Авербах. Горький.
- Поэты Франции** // 30 октября. № 3508. С. 3.
«Поэты Франции». Переводы И. Тхоржевского (Париж: Родник, 1930).
- Литературные заметки** // 6 ноября. № 3515. С. 2.
Ю. Фельзен «Обман». Повесть (Париж, 1930).
Л. Овалов. «Болтовня». Повесть (М., 1930).
П. Коган. «История русской литературы» (М., 1930).
- Памяти Блока** // 13 ноября. № 3522. С. 3.
- Заметки о Толстом** // 20 ноября. № 3529. С. 2.
Об ответах писателей на анкету о Л. Толстом.
- «Современные записки», кн. 45-я. Часть литературная** // 27 ноября. № 3536. С. 2.
М. Алданов. «Бегство» (продолж.).
В. Сирин. «Соглядатай».
Н. Берберова. «Последние и первые» (продолж.).
З. Гиппиус, Г. Иванов, Б. Поплавский. Стихи.
Б. Зайцев. «Жизнь Тургенева» (продолж.).
- «Malaisie»** // 11 декабря. № 3550. С. 3.
Роман Анри Фоконье «Малайский архипелаг» удостоен Гонкуровской премии.
- «Единый фронт»: Новый роман Эренбурга** // 18 декабря. № 3557. С. 3.

1931

- Литературные заметки** // 8 января. № 3578. С. 3.
Б. Пильняк. «Волга впадает в Каспийское море» (опубл. в журн. «Недра», 1930).
Даниил Фибих. «Угар». Роман (Берлин: Петрополис).

- Литературные заметки** // 22 января. № 3592. С. 3.
Л. Леонов «Соть» (М.: ЗИФ, 1930).
- Болезнь и смерть** // 24 января. № 3594. С. 3. Без подп.
Скончалась Анна Павлова.
- Литературные заметки** // 29 января. № 3599. С. 3.
А. Ладинский. «Черное и голубое» (Париж: Современные записки, 1931).
Вл. Диксон. «Стихи и проза» (Париж: Вол, 1930).
- Литературные заметки** // 5 февраля. № 3606. С. 2.
Ф. Панферов. «Бруски». Кн. 1–2 (М., 1930).
- Памяти Достоевского** // 8 февраля. № 3609. С. 3.
«Числа». Книга четвертая // 13 февраля. № 3614. С. 5.
Ю. Фельзен. «Письма о Лермонтове».
С. Шаршун. «Путь правый».
Р. Пикельный. «Идиллии и анекдоты».
В. Варшавский. «Рассуждения об Андрэ Жиде и эмигрантском молодом человеке».
Г.П. Федотов, Антон Крайний, Б. Поплавский. Статьи.
- Горький о сов. литературе и критике** // 19 февраля. № 3620. С. 3.
Статья М. Горький в журнале «Наши достижения» (1930. № 12).
- «Очерки по истории русской культуры» П.Н. Милюкова** // 26 февраля. № 3627.
С. 2–3.
- Литературные заметки** // 12 марта. № 3641. С. 2.
М. Зоценко. «Воспоминания о Мишеле Синягине» (Берлин: Петрополис, 1931).
С. Юрин. «Любовь и коммуна». Рассказы (М., 1930).
Л. Овалов. «Красное и черное». Очерки (М., 1930).
- У Средиземных волн** // 17 марта. № 3646. С. 4.
Прогулка по Ницце: казино, русские на Ривьере.
- Новое издание Тургенева** // 26 марта. № 3655. С. 3.
И.С. Тургенев. Собр. соч. в 10 т. (Рига: Жизнь и культура, 1929–1930).
- Литературные заметки** // 2 апреля. № 3662. С. 3.
«Перекресток». II. Собрание стихов. Париж, 1930.
«Сборник союза молодых поэтов». IV. Париж, 1930.
- Литературные заметки** // 16 апреля. № 3676. С. 2.
Тэффи. «Книга-Июнь». Рассказы (Белград, 1931).
Б. Поплавский. «Флаги» (Париж, 1931).
- Литературные заметки** // 23 апреля. № 3683. С. 3.
А. Фадеев. «Последний из Удэге» (М., 1930).
- Литературные заметки** // 30 апреля. № 3690. С. 3.
Г. Чулков. «Salto mortale, или Повесть о молодом вольнодумце Пьере Волховском» (М., 1931).
Ек. Бакунина. «Стихи» (Париж, 1931).
И. Кнорринг. «Стихи о себе» (Париж, 1931).
- Литературные заметки** // 14 мая. № 3704. С. 2.
П. Романов. «Товарищ Кисляков». Роман (Берлин: Книга и сцена, 1931).
А. Безыменский. «Трагедийная ночь» (Поэма. М., 1931).

- Записки главноуговаривающего** // 21 мая. № 3711. С. 3. Подп.: Г. А-вич.
 Андрей Гиппиус. «Записки главноуговаривающего» (М.: Госиздат, 1931).
- «Зависть» Юрия Олеши** // 28 мая. № 3718. С. 3.
- «Современные записки», книга 46-я. Часть литературная** // 4 июня. № 3725. С. 2.
 М. Алданов. «Бегство» (окончание).
 В. Сирин. «Подвиг» (продолж.).
 М. Цветаева, Б. Поплавский, Г. Раевский. Стихи.
 Б. Зайцев. «Жизнь Тургенева» (продолж.).
 З. Гиппиус об авантюрном романе.
- О литературе в эмиграции. I** // 11 июня. № 3732. С. 2.
 Психологизм. Уроки Запада. Язык.
- Литературные заметки** // 18 июня. № 3739. С. 4.
 М. Слонимский. «Фома Клешнев» (Берлин: Книга и сцена, 1931).
- О литературе в эмиграции. II** // 25 июня. № 3746. С. 2.
 Эмигрантская литература сохраняет представление о личности.
- «Голубые конверты»** // 2 июля. № 3753. С. 3.
 Левин. «Голубые конверты». Повесть.
- Литературные заметки** // 9 июля. № 3760. С. 3.
 Ирина Немировская. «Осенние мухи» (Берлин: Парабола, 1931).
 А. Таль. «Николай Коробов». Роман (Париж: Поволоцкий, 1931).
- Величие и падение Андрея Полозова** // 23 июля. № 3774. С. 3.
 Я. Рыкачев. «Величие и падение Андрея Полозова» (Новый мир. 1931. № 5).
- Минус шесть** // 30 июля. № 3781. С. 3. Подп.: Г. А.
 Матвей Ройзман. «Минус шесть». Роман.
- Лермонтов (15/28 июля 1841)** // 1 августа. № 3783. С. 4.
 «Что в сравнении с ним Пушкин!»
- Человек в советской литературе. I** // 13 августа. № 3795. С. 2–3.
 Пафос общности.
- Литературные заметки** // 27 августа. № 3809. С. 3.
 Ал. Толстой. «Черное золото». Роман. (Берлин: Книга и сцена, 1931).
 Н. Чуковский. «В солнечном доме». Рассказы (Л., 1931).
- Памяти Гумилева (к десятилетию со дня смерти)** // 30 августа. № 3812. С. 3.
- Учеба у Некрасова** // 10 сентября. № 3823. С. 3. Без подп.
- Литературные заметки** // 11 сентября. № 3824. С. 3.
 Н. Былов. «Волчья трава». Роман (Париж: Ушкуйники, 1931).
 Ю. Олеша. «Список благодетелей». Пьеса (Красная новь. 1931. № 8).
- «Классические розы»** // 17 сентября. № 3830. С. 3.
 И. Северянин. «Классические розы». Стихи 1922–1930 гг. (Белград, 1931).
- Пушкин и Лермонтов** // 1 октября. № 3844. С. 2.
- Литературные заметки** // 15 октября. № 3858. С. 2.
 М. Шагинян. «Гидроцентраль» (Л., 1931).
- «Современные записки». № 47. Часть литературная** // 22 октября. № 3865. С. 3.
 М. Осоргин. «Свидетель истории».
 А. Ремизов. «Три желания».

- Г. Иванов, В. Сирин. Стихи.
Б. Зайцев. «Жизнь Тургенева» (оконч.).
Памяти Шнитцлера // 29 октября. № 3872. С. 2.
Умер Артур Шницлер.
Литературные заметки // 5 ноября. № 3879. С. 2.
В. Ирецкий. «Пленник». Роман (Берлин: Парабола, 1931).
В. Ирецкий. «Прибежище». Повесть (Рига: Жизнь и культура, 1931).
Н. Никитин. «Линия огня». Пьеса (М.: Федерация, 1931).
Б. Пастернак. Новые стихи (Новый мир. 1931. № 8; Красная новь. 1931. № 9).
Пушкин для французов // 5 ноября. № 3879. С. 3. Подп.: Г. А.
М. Гофман. «Пушкин» (Париж: Пайо, 1931).
Советские фотографии // 12 ноября. № 3886. С. 2.
В. Герасимова. «Дальняя родственница». Повесть.
Шошин. «Призванная». Повесть.
Воронский // 19 ноября. № 3893. С. 3.
А. Воронский вновь появился в советской печати.
О назначении человека. Новая книга Н. Бердяева // 26 ноября. № 3900. С. 2.
«Вишневая косточка» // 3 декабря. № 3907. С. 3.
Ю. Олеша. «Вишневая косточка».
«Конец Авербаха» // 10 декабря. № 3914. С. 3.
«Комсомольская правда» победила РАПП.
О Тэффи // 17 декабря. № 3921. С. 3.
Тэффи. «Воспоминания».
Литературные заметки // 24 декабря. № 3928. С. 2.
А. Митрофанов. «Июнь — июль». Повесть (М., 1931).
И. Бабель. Новые рассказы (Новый мир. 1931. № 10; Звезда. 1931. № 7).
Провинция и столица // 31 декабря. № 3935. С. 2.
«Багульник». Сборник (Харбин).

1932

- Грусть (По поводу книги Б. Зайцева «Жизнь Тургенева»)** // 7 января. № 3942.
С. 3.
Мысли и сомнения (о литературе в эмиграции) // 14 января. № 3949. С. 2.
Стихи В. Смоленского // 21 января. № 3956. С. 3.
Литературные заметки // 28 января. № 3963. С. 3.
Всеволод Иванов. «Огни в тумане». Харбин, 1932.
Литературные заметки // 4 февраля. № 3970. С. 2.
В. Каверин. «Художник неизвестен» (Л.: Изд-во писателей, 1932).
«Современные записки». Кн. 48-я. Часть литературная // 11 февраля. № 3977.
С. 2.
М. Осоргин «Свидетель истории».
В. Сирин. «Подвиг».
Г. Песков. «Злая вечность».
Скобцов-Кондратьев. «Гремучий родник».

- А.Л. Толстая. «Воспоминания».
 Д. Мережковский. «Назаретские будни».
 П. Бицилли. «Параллели».
Литературные заметки // 18 февраля. № 3984. С. 2.
 В. Ропшин (Савинков). «Книга стихов». С предисл. З.Н. Гиппиус (Париж: Родник, 1931).
 А. Штейгер. «Эта жизнь». Стихи (Париж, 1932).
Литературные заметки // 25 февраля. № 3991. С. 2.
 В. Яновский. «Мир». (Берлин: Парабола, 1932).
 С. Комаров. «Веселая жизнь» (Париж: Я. Поволоцкий, 1932).
Письма женщины // 3 марта. № 3998. С. 2.
 Письма Кэтрин Мансфильд во французском переводе.
Заметки о советской литературе // 10 марта. № 4005. С. 2.
 Я. Рыкачев. «Величие и падение Андрея Полозова».
 Ю. Олеша. «Записки Занда» (30 дней. 1932. № 1).
 Б. Левин. «Жили два товарища».
Литературные заметки // 24 марта. № 4019. С. 2.
 М.Осоргин. «Свидетель истории» (Париж, 1932).
 Евг. Аничков. «Язычница». Роман (Париж: Дом книги, 1932).
Советские фотографии // 3 апреля. № 4029. С. 4.
 Вс. Иванов. «Логик» (опубл. в «Красной нови»).
 Ек. Рыльчиц. «Салон».
 М. Брыкин. «Энтузиазм».
О книге Лоренса // 7 апреля. № 4033. С. 3.
 Лоуренс. «Любовник леди Чаттерлей» (русский перевод).
Литературные заметки // 14 апреля. № 4040. С. 2.
 Д. Кнут. «Парижские ночи» (Париж: Родник, 1932).
 Ю. Мандельштам. «Верность» (Париж: Я. Поволоцкий, 1932).
 Ю. Карелин. «Горький цвет» (Берлин: Петрополис, 1932).
Литературные заметки // 28 апреля. № 4054. С. 2.
 Б. Пастернак. «Охранная грамота» (Л., 1931).
«Сумасшедший корабль» // 5 мая. № 4061. С. 3.
 О. Форш. «Сумасшедший корабль».
Литературные заметки // 12 мая. № 4068. С. 2.
 А. Ладинский. «Северное сердце» (Берлин, 1932).
 В. Шкловский. «Поиски оптимизма» (М., 1931).
Луcretia Сигарева // 15 мая. № 4071. С. 2.
О «пафосе Москвы» // 26 мая. № 4082. С. 2.
 «В Москве боятся инстинктов и чувств, в Москве обращаются только к разуму».
«До-тогда-потом» // 26 мая. № 4082. С. 3. Подп.: Г. А.
 Н. Снесарева-Козакова. «До-тогда-потом».
«Современные записки». Кн. 49-я. Часть литературная // 2 июня. № 4089. С. 2.
 В. Сирин. «Camera obscura».
 Н. Берберова. «Повелительница» (начало).

- Г. Газданов. «Счастье».
З. Гиппиус. «Над забвением».
Ю. Терапиано. Стихи.
Ф. Шаляпин. «Воспоминания».
Литературные заметки // 9 июня. № 4096. С. 3.
Дм. Лаврухин. «Речь по поводу» (Л., 1932).
Г. Алексеев. «Золотая канарейка» (М., 1931).
Л. Никулин. «Записки спутника» (Л., 1931).
«Повесть о страданиях ума» // 16 июня. № 4103. С. 2.
С. Буданцев. «Повесть о страданиях ума».
Русские письма. I // 23 июня. № 4110. С. 3.
Письма молодежи из СССР родителям в эмиграцию.
Лекция Д.С. Мережковского // 23 июня. № 4110. С. 3.
Беллетрист Н. Богданов // 30 июня. № 4117. С. 3.
Русские письма. II // 7 июля. № 4124. С. 2.
«Время» // 14 июля. № 4131. С. 3. Подп.: Г. А.
Н. Вихровский. «Время». Роман.
Советские фотографии // 21 июля. № 4138. С. 2.
Н. Шипилин. «Землевершение». Сб. очерков.
С. Марголис. «В садах».
Литературные заметки // 28 июля. № 4145. С. 3.
А. Караваева. «Крутая ступень». М., 1931.
П. Павленко. «Пустыня». (Л., 1932).
Дорогойченко. «Ветер с гор». (М., 1931).
Стихи // 11 августа. № 4159. С. 3.
«Роща». Сб. стихов. (Берлин).
Стихи в «Числах»: Е. Бакунина, Б. Поплавский, А. Холчев, Л. Червинская.
Стихи. II // 18 августа. № 4166. С. 3.
«Le Mois» // 18 августа. № 4166. С. 3. Подп.: А.
Новый французский журнал.
Книга. Природа. Человек // 21 августа. № 4169. С. 6.
Горький. Толстой. Достоевский. Пруст. Отношение к природе и культуре.
Литературные заметки // 25 августа. № 4173. С. 3.
М. Горький. «Жизнь Клим Самгина». Т. I–III. (М., 1927–1931).
Литературные заметки // 1 сентября. № 4180. С. 3.
А. Лебеденко. «Тяжелый дивизион».
И. Сельвинский. «Пао-пао».
Ю. Олеша. «Записки попутчика Занда».
Новые веяния // 15 сентября. № 4194. С. 2.
Постановление ЦК от 23 апреля 1932 г. Л. Авербах.
Андрэ Жид и СССР // 22 сентября. № 4201. С. 2.
Отрывки из дневника Андре Жида (опубл. в «Нувель ревью франсэз»).
Литературные заметки // 6 октября. № 4215. С. 3.
Б. Левин. «Жили два товарища». Повесть. (М., 1931).

- Комедиант (на полях книги о Толстом)** // 20 октября. № 4229. С. 3.
Жан Кассу. «Величие и позор Толстого».
- «Современные записки». Кн. 50-я. Часть литературная** // 27 октября. № 4236.
С. 3.
- М. Алданов. «Пещера» (начало).
А. Куприн. «Жанета» (начало).
А. Ремизов. «Кран гиппопотама».
В. Сирин. «Самега obscura».
Н. Берберова. «Повелительница» (окончание).
Г. Газданов. «Третья жизнь».
Н. Оцуп, Г. Иванов, А. Ладинский, Б. Поплавский, Г. Раевский, И. Голенищев-Кутузов. Стихи.
М. Цветаева. «Искусство при свете совести».
А.Л. Толстая. «Из воспоминаний».
Б. Вышеславцев. «Достоевский о любви и бессмертии»
С. Гессен: рецензия на английскую биографию Достоевского: *Carr E.H. Dostoevsky*. L., 1931.
- Лжецы** // 10 ноября. № 4250. С. 2.
В. Герасимова. «Панцирь и забрало» (М., 1931).
- Литературные заметки** // 17 ноября. № 4257. С. 3.
Н. Берберова. «Повелительница» (Берлин: Парабола, 1932).
В. Катаев. «Время, вперед!» (М., 1932).
- Заметки о советской литературе: После «пленума». — Вечер в Сорренто. — Еще о хронике Катаева. — Психологизм и советский роман** // 24 ноября. № 4264. С. 2.
- Речи Клычкова, Авербаха, Белого, Пришвина на I пленуме Союза писателей (опубл. в «Литературной газете»).
- Афиногенов о Горьком (опубл. в «Красной нови»).
- В. Катаев. «Время, вперед!»
- Р. де Сен-Жан о советской литературе (опубл. в «Нувель литтерер»).
- Литературные заметки** // 8 декабря. № 4278. С. 3.
Ю. Фельзен. «Счастье» (Берлин: Парабола, 1932).
Анна Таль. «Клетчатое солнце». (Берлин: Парабола, 1932).
- 100-летие Бьернсона** // 8 декабря. № 4278. С. 3. Подп.: Г. А.
Сто лет со дня рождения Бьернстjerne Бьернсона.
- Заметки о советской литературе** // 15 декабря. № 4285. С. 3.
Сергеев-Ценский. «Стремительное шоссе» (опубл. в «Красной нови»).
- В. Герасимова. «Свидетели с нашей стороны» (опубл. в «30 дней»).
- Гоголь** // 29 декабря. № 4299. С. 3.
Boris de Schloezer. «Gogol». (P.: Plon, 1932).

1933

- Литературные заметки** // 5 января. № 4306. С. 2.
Л. Леонов. «Скутаревский» (М.: Федерация, 1932).

- Сов. литература в 1933 году** // 12 января. № 4313. С. 3. Подп.: Г. А.
Ответы Панферова и Сейфуллиной на анкету в «Литературной газете».
Ежемесячник «Залп».
Планы журнала «Звезда».
- «Числа». Книга 7–8** // 19 января. № 4320. С. 2.
А. Алферов. «Дурачье».
Е. Бакунина. «Тело».
А. Штейгер. «Кирпичики».
Ю. Фельзен. «Письма о Лермонтове».
В. Яновский. «Рассказ медика».
З. Гиппиус. «Перламутровая трость».
Н. Оцуп, Г. Иванов, Ю. Софиев. Стихи.
П. Бицилли о романе.
Д. Мережковский. «Блаженство» (глава из «Иисуса Неизвестного»).
Ю. Терапиано, В. Вейдле, А. Лурье, А. Формаков. Статьи.
- В подполье** // 2 февраля. № 4334. С. 3.
М. Иренин. «Бунт на коленях».
- Стихи Пастернака («Второе рождение»)** // 9 февраля. № 4341. С. 3.
Б. Пастернак. «Второе рождение» (М., 1932).
- Игрок** // 18 февраля № 4350. С. 3.
Л. Гроссман. «Достоевский за рулеткой».
«Достоевский за рулеткой» (сб. на французском языке в серии «Documents bleus»).
- Заметки о советской литературе: «Баррикады» Павленки. — Советский Репарк. — О М. Кольцове и фельетоне** // 23 февраля. № 4355. С. 3.
П. Павленко. «Баррикады».
Ал. Толстой. «Петр I».
А. Лебеденко. «Тяжелый дивизион» (Звезда. 1933. № 7).
М. Кольцов. «Свои и чужие». Сб. фельетонов.
- «Современные записки». Кн. 51-я. Часть литературная** // 2 марта. № 4362. С. 3.
Б. Зайцев. «Дом в Пасси».
М. Алданов. «Пещера».
В. Сирин. «Camera obscura» (продолж.).
Л. Зуров. «Древний путь».
К. Бальмонт, В. Смоленский, В. Пиотровский. Стихи.
А. Ремизов. «Чинг-Чанг».
П. Бицилли. «Жизнь и литература».
А.Л. Толстая. «Воспоминания».
- Поэма Руставели в переводе Бальмонта** // 2 марта. № 4362. С. 3. Подп.: А.
Шота Руставели. «Носящий барсову шкуру». Грузинская поэма XII века. Перевод
К.Д. Бальмонта. Издание Д. Хеладзе (Париж, 1933).
- Человеческий документ** // 9 марта. № 4369. С. 3.
Е. Бакунина. «Тело» (Берлин: Парабола, 1933).
- Дневник Мариэтты Шагинян** // 16 марта. № 4376. С. 3.
- Вечер «Чисел»** // 16 марта. № 4376. С. 3.
О вечере поэзии, устроенном редакцией «Чисел» 14 марта 1933 г.

- Лесков и Толстой («Встречи» В. Микулич)** // 23 марта. № 4383. С. 3.
Новое путешествие Дон-Кихота // 23 марта. № 4383. С. 3. Подп.: -вичь.
 52-й перевод романа на французский.
 Первый точный перевод на русский.
Литературные заметки // 30 марта. № 4390. С. 3.
 А. Седых. «Люди за бортом» (Париж: Зелюк, 1933).
 С. Березовский. «Красная шкатулка» (Берлин: Парабола, 1933).
Литературные заметки // 13 апреля. № 4404. С. 2.
 Ефим Зозуля. «Собственность». Роман (М., 1933).
 А. Яковлев. «Октябрь». Повесть (1932).
 К. Зелинский. «Семейная хроника Ларцевых» (М., 1933).
«Маски» Андрея Белого // 20 апреля. № 4411. С. 2.
 Андрей Белый. «Маски» (М.: ГИХЛ, 1932).
Маркс-поэт // 20 апреля. № 4411. С. 3. Подп.: -ъ.
 Статья Марселя Оливье в «Меркюр де франс».
Путешествие вглубь ночи // 27 апреля. № 4418. С. 3.
 Луи Селин. «Le voyage au bout de la nuit».
Три пьесы // 11 мая. № 4432. С. 2.
 Вс. Вишневский. «Оптимистическая трагедия».
 Ал. Толстой и А. Старчаков. «Патент № 119».
 М. Чумандрин. «Естественная история».
Вечер Ант. Ладинского // 13 мая. № 4434. С. 4. Подп.: Г. А.
Литературные заметки // 18 мая. № 4439. С. 3.
 Г. Кузнецова. «Пролог». Роман (Париж, 1933).
 Ирина Кунина. «Только факты, сэр». Роман (Берлин, 1933).
Стихи // 25 мая. № 4446. С. 2.
 «Невод». Сб. берлинских поэтов (Берлин, 1933).
 «Скит». Сб. пражских поэтов (Прага, 1933).
 П. Ставров. «Без последствий» (Париж, 1933).
«Современные записки». Кн. 52. Часть литературная // 1 июня. № 4453. С. 3.
 А.Л. Толстая. Воспоминания.
 И. Бунин. «Жизнь Арсеньева» (продолж.).
 В. Сирин. «Camera obscura» (окончание).
 З. Гиппиус, Б. Поплавский, Д. Кнут, А. Штейгер. Стихи.
 М. Цветаева. «Живое о живом».
Пильняк и Бабель // 8 июня. № 4460. С. 3.
Послания читателей // 22 июня. № 4474. С. 4.
 О просьбах прочитать и оценить присылаемые стихи.
Вечер З.Н. Гиппиус // 23 июня. № 4475. С. 3. Подп.: Г. А.
 Вечер Гиппиус «Любовь и смерть» 21 июня в Очаге русской культуры.
«Числа». Книга IX // 29 июня. № 4481. С. 4.
 В. Самсонов. «Сказочная принцесса».
 Ю. Фельзен. «Письма о Лермонтове».
 А. Лурье о Моцарте.

- С. Шаршун. «Долголиков».
А. Ремизов. «Шиш еловый».
И. Демидов. «Живая улика».
А. Буров. «Мужик и три собаки».
Н. Оцуп, Б. Поплавский, Ю. Терапиано, Антон Крайний, М. Кантор. Статьи.
З. Гишпиус. Стихи.
«Энергия» (новый роман Ф. Гладкова) // 13 июля. № 4495. С. 3.
На разные темы: Диалоги. — Догадки Вал. Катаева. — Советский кумир: Дос-Пассос. — Перечитывая Сологуба // 20 июля. № 4502. С. 3.
Советский Ремарк // 3 августа. № 4516. С. 3.
А. Лебеденко. «Тяжелый дивизион» (Л., 1933).
«Юноша» // 10 августа. № 4523. С. 2.
Б. Левин. «Юноша». Роман.
Литературные заметки // 17 августа. № 4530. С. 3.
Л.М. Сухотин. «Фет и Елена Лазич» (Белград, 1933).
В. Андреев. «Восстание звезд». Поэма (Париж, 1932).
Пав. Тутковский. «Молот времени». Роман (Париж, 1933).
Шолохов // 24 августа. № 4537. С. 3.
«Большой природный талант».
Коммунисты и смерть // 31 августа. № 4544. С. 3.
С. Колдунов. «P.S.». Повесть.
О Тургеневе // 3 сентября. № 4547. С. 2–3.
Не апология // 7 сентября. № 4551. С. 3.
«Прежний интерес к советской литературе сменяется отталкиванием от нее».
Л. Андреев и М. Горький. Неопубликованные письма // 7 сентября. № 4551.
С. 3. Подп.: -чь.
Переписка Андреева и Горького (Литературный современник. № 8).
Литературные заметки // 14 сентября. № 4558. С. 3.
Артем Веселый. Гуляй-Волга. Роман.
С. Сергеев-Ценский. Львы и солнце. Повесть.
Вл. Лидин. Великий или Тихий. Роман.
Человек и жена // 21 сентября. № 4565. С. 2.
Ник. Смирнов. Человек и жена. Повесть. М., 1933.
На разные темы: Соперники. — «Стихотворения в прозе» Тургенева. — О мировых тайнах и загадках. — «Профессор Бодлер» // 28 сентября. № 4572.
С. 2.
Блок и Гумилев.
И.С. Тургенев. Стихотворения в прозе.
Вс.Н. Иванов. Дело человека (Харбин, 1933).
Н. Сетницкий. О конечном идеале (Харбин, 1933).
Рудольф. «Открытие великой тайны бытия и загробной жизни» (Ковно).
«Август» (Новый роман Кнута Гамсуна) // 5 октября. № 4579. С. 2.
Герои нашего времени // 19 октября. № 4593. С. 3.
Очерк Ермилова и Мазнина о «Господшипнике» (Красная новь. № 8).

«Современные записки». Кн. 53-я. Часть литературная // 2 ноября. № 4607. С. 2.

- И. Бунин. «Жизнь Арсеньева».
 А. Куприн. «Жанета» (окончание).
 Б. Зайцев. «Дом в Пасси» (продолж.).
 В. Яновский. «Преображение».
 А. Ладинский. «Через улицу».
 А. Гефтер. «Смерч».
 В. Вейдле. «Чистая поэзия».
 М. Цветаева о Волошине.
 М. Алданов о Тургеневе.

Неизвестная редакция «Маскарада» // 2 ноября. № 4607. С. 3. Подп.: А.

Б. Эйхенбаум о драме Лермонтова (опубл. в «Литературной газете»).

«Индивидуалистка» // 9 ноября. № 4614. С. 2.

Н. Огнев. «Три измерения Калерии Липской». М., 1933.

9-го ноября // 16 ноября. № 4621. С. 3.

И.А. Бунин получил Нобелевскую премию.

План // 23 ноября. № 4628. С. 2.

«Сталин распространяет свое “планирование” на искусство и литературу».

Литературные заметки // 30 ноября. № 4635. С. 3.

Л. Зуров. «Древний путь». Роман (Париж: Современные записки, 1933).

И. Ильф, Е. Петров. «Как создавался Робинзон» (М., 1933).

Избранный Брюсов // 7 декабря. № 4642. С. 3.

На разные темы: Второй том «Тяжелого дивизиона». — «Кочевье». — Селин и Андрэ Мальро // 14 декабря. № 4649. С. 3.

Вахтангов // 21 декабря. № 4656. С. 3. Подп.: Г. А.

Литературные заметки // 28 декабря. № 4663. С. 2.

А. Воинова. «Восток и Запад». Роман (М., 1933).

А. Луначарский // 28 декабря. № 4663. С. 3. Подп.: Г. А.

1934

Сирин // 4 января. № 4670. С. 3.

«Удивительно, что такой писатель возник в русской литературе. Все наши традиции в нем обрываются».

Анна Ахматова // 18 января. № 4684. С. 2.

«Русская поэзия была чем-то беднее до Ахматовой».

«Жалость» // 1 февраля. № 4698. С. 3.

В. Герасимова. «Жалость».

Стихи // 8 февраля. № 4705. С. 2.

Л. Гомолицкий. «Дом» (Варшава, 1933).

Н. Дешевой. «Листопад» (Берлин, 1934).

Б. Волков. «В пыли чужих дорог». (Берлин, 1934).

В. Галахов. «Враждебный мир» (Гельсингфорс, 1933).

П. Гладищев. «Сны наяву» (Берлин, 1934).

«Современные записки». Кн. 54-я. Часть литературная // 15 февраля. № 4711. С. 2.

Б. Зайцев. «Дом в Пасси».
М. Алданов. «Пещера».
В. Сирин. «Отчаяние» (начало).
Г. Газданов. «Железный лорд».
З. Гиппиус, К. Бальмонт. Стихи.
М. Цветаева. «Дом у старого Пимена».
П. Милюков о Тургеневе.
Ф. Степун о Бунине.

Язык и свобода // 22 февраля. № 4718. С. 3.

М. Презент. «Записки редактора».

Э. Багрицкий // 22 февраля. № 4718. С. 3. Подп.: А.

Скончался Э. Багрицкий.

Надя, Нина и Володя // 1 марта. № 4725. С. 2.

Советская проза: «Трагедия Нади», «Мечь Нины», «Роман студента Володи».

Морские романы // 8 марта. № 4732. С. 3.

Н. Тихонов. «Война».
А. Новиков-Прибой. «Цусима».
Б. Лавренев. «Синее и белое».
А. Малышкин. «Севастополь».
Л. Соболев. «Капитальный ремонт».

Немецкая слобода // 15 марта. № 4739. С. 3.

Л. Нитобург. «Немецкая слобода».

Литературные заметки // 29 марта. № 4753. С. 2.

И. Северянин. «Медальоны». Сонеты (Белград, 1934).
Л. Червинская. «Приближения» (Париж, 1934).
«Чураевка». Литературный журнал (Харбин, 1933–1934. № 1–5).

«Собственность» // 5 апреля. № 4760. С. 2.

Книга проф. Н.Н. Фатова о П. Романове и Л. Толстом.
П. Романов. «Собственность».

Гоголевский сборник // 5 апреля. № 4760. С. 3. Подп.: А.

Сборник, готовящийся в ИМЛИ.

Парижские впечатления // 12 апреля. № 4767. С. 2.

Футуристский период эмигрантской поэзии.
Собрания «Кочевья».

Потеря интереса к советской литературе.

Литературная молодежь.

Неизвестная страница Гоголя // 19 апреля. № 4774. С. 3. Подп.: А.

Публикация Ю. Оксмана в «Литературном Ленинграде».

Повести Герцена // 26 апреля. № 4781. С. 3.

А.И. Герцен. Повести и рассказы (М.: Academia, 1934).

«Путь правый» // 10 мая. № 4795. С. 2.

С. Шаршун. «Путь правый».

Человек и коммунизм // 17 мая. № 4802. С. 2.

Рамюз. «Taille de l'homme».

- «Современные записки». Кн. 55-я. Часть литературная** // 24 мая. № 4809. С. 2.
 И. Шмелев. «Няня из Москвы».
 В. Сирин. «Отчаяние».
 М. Алданов. «Пещера».
 М. Цветаева. «Пленный дух».
 Письма к Ходасевичу.
Вечер Довида Кнута // 24 мая. № 4809. С. 3. Подп.: Г. А.
Радость // 31 мая. № 4816. С. 2.
 А. Авдеенко. «Я люблю».
«Новь» // 31 мая. № 4816. С. 3. Подп.: Г. А.
 «Новь». Сборник № 6 (Ревель).
Место дуэли Пушкина // 31 мая. № 4816. С. 3. Подп.: А.
 Заметка в «Литературном Ленинграде».
Радость. II // 7 июня. № 4823. С. 3.
Андрей Белый и Гоголь // 14 июня. № 4830. С. 2.
 А. Белый. «Мастерство Гоголя».
Памяти К. Вагинова // 14 июня. № 4830. С. 3. Подп.: Г. А.
Корень жизни // 21 июня. № 4837. С. 2.
 М. Пришвин. «Жень-шень».
«Числа». Книга десятая // 28 июня. № 4844. С. 2.
 М. Агеев. «Повесть с кокаином».
 Ю. Фельзен. «Возвращение».
 С. Шаршун. «С одинокими Господь».
 А. Алферов, М. Горлин, Н. Татищев.
 Б. Поплавский. «Бал».
 Н. Оцуп. «Красавица».
 Б. Поплавский. «Вокруг “Чисел”».
Неизданные стихи Некрасова // 28 июня. № 4844. С. 3. Подп.: А.
«Скит» // 5 июля. № 4851. С. 3. Подп.: Г. А.
 Пражский сборник стихов.
 А. Головина, Э. Чегринцева, Т. Ратгауз, В. Лебедев.
Литературные заметки // 12 июля. № 4858. С. 3.
 М. Шагинян. «Тайна трех букв» (М., 1934).
 В. Киришон. «Чудесный сплав» (Новый мир. 1934. № 5).
О Чехове // 19 июля. № 4865. С. 3.
Рукопись // 26 июля. № 4872. С. 3.
 Из дневника советского писателя.
Литературные заметки // 2 августа. № 4879. С. 3.
 В. Катаев. «Дорога цветов».
 Б. Пильняк. «Рассказы».
«Тень Фонвизина» // 4 августа. № 4881. С. 5. Подп.: А.
 Поэма, приписываемая Пушкину.
Неизданная проза Брюсова // 9 августа. № 4886. С. 3.
 В. Брюсов. «Неизданная проза» (М., 1934).

- Литературные заметки** // 16 августа. № 4893. С. 3.
К. Федин. «Похищение Европы» (Л., 1934).
- Литературные заметки** // 23 августа. № 4900. С. 3.
П. Бицилли. «Краткая история русской литературы (от Пушкина до наших дней)» (София, 1934).
В. Унковский. «Перелом». Роман (Париж, 1934).
- Святые мечты** // 30 августа. № 4907. С. 3.
В. Жуковский.
- По советским журналам** // 6 сентября. № 4914. С. 4.
М. Зощенко. «Основы нашей статьи» (опубл. в «Литературном Ленинграде»).
Ю. Олеша. «Строгий юноша» (Новый мир. 1934. № 8).
О. Берггольц. «Журналисты» (Звезда. 1934. № 4).
- Чехов и вера** // 13 сентября. № 4921. С. 2.
В. Курдюмов. «Сердце смятенное».
- После съезда** // 20 сентября. № 4928. С. 2.
М. Горький.
- После съезда. II** // 27 сентября. № 4935. С. 2.
- Литературные заметки** // 18 октября. № 4956. С. 2.
К. Зайцев. «И.А. Бунин: Жизнь и творчество» (Берлин: Парабола, 1934).
М. Hoffman et A. Pierre. «La vie de Tolstoi» (P.: NRF, 1934).
- Поэзия здесь и там** // 25 октября. № 4963. С. 3.
Н. Браун. Стихи (опубл. в «Литературном Ленинграде»).
В. Маяковский, В. Луговской, Н. Асеев.
- На лекции Эренбурга** // 30 октября. № 4968. С. 4. Подп.: Г. А.
- Литературные заметки: О Всев. Иванове и его новом романе. — Русский мужик, парижский романист и культура** // 1 ноября. № 4970. С. 2.
Вс. Иванов. «Похождения факира».
- «Современные записки». Кн. LVІ. Часть литературная** // 8 ноября. № 4977. С. 3.
В. Сирин. «Отчаяние».
М. Алданов. «Пещера» (продолж.).
Г. Газданов. «Начало».
Ф. Степун об Андрее Белом.
- «Перечитывая Бунина»** // 15 ноября. № 4984. С. 3.
Первые два тома собрания сочинений Бунина.
- К 10-летию со дня смерти Брюсова** // 15 ноября. № 4984. С. 3. Подп.: Г. А.
- «Первая министерская»** // 22 ноября. № 4991. С. 3.
Лебеденко. «Первая министерская».
- Две пьесы Горького** // 29 ноября. № 4998. С. 3.
«Егор Булычев и другие».
«Достигаев и другие».
- Братья Таро о советской литературе** // 29 ноября. № 4998. С. 3. Подп.: А.
Жан и Жером Таро о съезде писателей (опубл. в «Эко де Пари»).
- Литературные заметки** // 6 декабря. № 5005. С. 3.
С. Шаршун. «Долголиков».

- М. Вега. «Полынь».
 А. Несмелов. «Через океан».
 Д. Артуа. «Зовы земные».
 Л. Гомолицкий. «Варшава».
 З. Шаховская. «Уход».
Н.П. Гронский // 9 декабря. № 5008. С. 2.
Право на сомнения // 13 декабря. № 5012. С. 2.
 О советской и эмигрантской литературе.
Неведомый русский Пруст // 13 декабря. № 5012. С. 3. Подп.: А.
 Ответ Ф. Мориака на статью братьев Таро (опубл. в «Нувель ревью франсэз»)
Рукопись. II // 20 декабря. № 5019. С. 3.
 Продолжение дневника советского писателя: Зоргенфрей, Блок, Анненский, Во-
 лынский, Клюев, Серапионовы братья.
«С Маяковским» // 27 декабря. № 5026. С. 2.
 «Альманах с Маяковским». Сост. Н. Асеев и О. Брик.
- 1935**
- Египетские ночи** // 3 января. № 5033. С. 2.
 М.Л. Гофман. «Египетские ночи».
Строители // 10 января. № 5040. С. 2.
 А. Карцев. «Магистраль» (Новый мир. 1934. № 12).
Строители. II // 17 января. № 5047. С. 2.
Литературные заметки // 24 января. № 5054. С. 2.
 «Новь». Сборник седьмой (Таллин, 1934).
 Р. Блох. «Тишина» (Берлин: Петрополис, 1935).
 А. Головина. «Лебединая карусель» (Берлин: Петрополис, 1935).
 Сонет о России: французские стихи русского мальчика.
По поводу «нового» человека // 7 февраля. № 5068. С. 2.
По поводу «нового» человека. II // 14 февраля. № 5075. С. 3.
«Современные записки». Кн. 57-я. Часть литературная // 21 февраля. № 5082.
 С. 3.
 М. Алданов. «Пещера» (оконч.).
 И. Шмелев. «Няня из Москвы» (оконч.).
 М. Иванников. «Сашка».
 З. Гиппиус, В. Смоленский, А. Ладинский, М. Цветаева. Стихи.
На беседе о Гоголе // 28 февраля. № 5089. С. 2.
 Б. Зайцев о «духовных встречах с Гоголем».
Для детей // 8 марта. № 5097. С. 2.
 Л. Кассиль. «Швамбрания».
 К. Чуковский. «Путаница».
 С. Маршак. «Глупый мышонок».
 А. Барто. «Девочка-ревушка».
 А. Введенский. «Кто».

- Литературные заметки** // 14 марта. № 5103. С. 2.
И. Голенищев-Кутузов. «Память». Предисл. Вяч. Иванова.
Ю. Терапиано. «Бессонница».
- Лесной шум** // 21 марта. № 5110. С. 2.
Лесник (Е. Дубровский). «Лесной шум».
- «Писательский пленум»** // 21 марта. № 5110. С. 3. Подп.: Г. А.
Пленум правления СССР 2–7 марта 1935 г.
М. Шагинян, А. Афиногенов, Д. Святополк-Мирский.
- «А жизнь идет...» (новый роман Кнута Гамсуна)** // 28 марта. № 5117. С. 3.
Кнут Гамсун. «А жизнь идет...». Предисл. Н. Соболевского.
Трилогия Гамсуна «Бродяги».
- «Жизнь и жизнь»** // 4 апреля. № 5124. С. 2.
Полемика с В. Ходасевичем.
- «Парад бессмертных»** // 4 апреля. № 5124. С. 3. Подп.: Г. А.
«Парад бессмертных: Художественно-оптимистический альманах, посвященный съезду писателей вообще и его последствиям в частности» (М., 1934).
- Литературные заметки** // 11 апреля. № 5131. С. 2.
Пьеса Ал. Толстого «Петр I» (Новый мир. № 1).
Ю. Тынянов. «Пушкин». Роман (Литературный современник. № 1–2).
- К вечеру Ант. Ладинского** // 16 апреля. № 5136. С. 3. Подп.: Г. А.
Приглашение на творческий вечер А. Ладинского 16 апреля 1935 г.
- Панаит Истрати** // 18 апреля. № 5138. С. 3. Подп.: Г. А.
- Оценки Пушкина** // 25 апреля. № 5145. С. 3. Подп.: Г. А.
«Пушкин-критик» (М.; Л.: Academia, 1934).
- Нескучный сад** // 2 мая. № 5152. С. 2.
Дон Аминадо. «Нескучный сад».
- Письма В.А. Серова** // 2 мая. № 5152. С. 3. Подп.: Г. А.
Письма Серова жене (опубл. в «Новом мире»).
- Россия, Русь, святость (о «Книге о концах» Осоргина)** // 9 мая. № 5159. С. 3.
М. Осоргин. «Книга о концах».
И. Ильин о «Богомолье» Шмелева.
- «Золушка»** // 16 мая. № 5166. С. 2.
С. Кирсанов. «Золушка» (Новый мир. № 1).
- «Авенир Иванов»** // 16 мая. № 5166. С. 3. Подп.: Г. А.
П. Соколовский. «Авенир Иванов». Роман.
- «Поправка к революции»** // 23 мая. № 5173. С. 2.
Б. Пильняк. «Рождение человека».
- «Полярная звезда»** // 23 мая. № 5173. С. 3. Подп.: Г. А.
Новый литературный ежемесячник.
А. Ладинский, С. Шаршун, Л. Кельберин.
- Литературные заметки** // 30 мая. № 5180. С. 3.
В. Корсак. «Юра» (Берлин: Парабола, 1935).
Анна Таль. «Грех» (Берлин: Парабола, 1935).

- Миф о Лермонтове** // 6 июня. № 5187. С. 3.
 П. Попов о П. Вяземском как авторе «Писем и заметок» Оммер де Гелль (Новый мир. № 3).
- Толстой и Польша** // 7 июня. № 5188. С. 2.
 Venceslas Lednicki. «Quelques aspects du nationalisme et du christianisme chez Tolstoi» (Cracovie, 1935).
- Толстой и Польша. II** // 13 июня. № 5194. С. 2.
- Кудесник в фруктовом саду** // 13 июня. № 5194. С. 3. Подп.: -вичь.
 И.А. Мичурин. «Итоги шестидесятилетних работ» (М.: Сельхозгиз, 1934).
- «Врата»** // 13 июня. № 5194. С. 3. Подп.: Г. А.
 Два тома шанхайского журнала.
 А. Несмелов, М. Щербаков, Б. Буткевич.
- Литературные заметки** // 20 июня. № 5201. С. 3.
 Ю. Мандельштам. «Третий час».
 Е. Таубер. «Одиночество».
 С. Прегель. «Разговор с памятью».
 А. Несмелов. «Через океан».
 Ю. Шумаков. «Вне».
 «Скит». Сборник III.
- «Пушкин и пушкинисты»** // 20 июня. № 5201. С. 3. Подп.: Г. А.
 А. Дерман об «ошибке» Гершензона и Лернера (30 дней. 1935. № 5).
- Еще о «здесь» и «там»** // 27 июня. № 5208. С. 3.
- «Современные записки». № 58. Часть литературная** // 4 июля. № 5215. С. 3.
 В. Сирин. «Приглашение на казнь» (начало).
 Г. Газданов. «История одного путешествия».
 Н. Берберова. «Аккомпаниаторша».
 М. Осоргин. «Вольный каменщик» (начало).
 А. Штейгер, М. Цветаева, Б. Поплавский, Д. Кнут. Стихи.
- «Любовь к шестерым»** // 4 июля. № 5215. С. 3. Подп.: Г. А.
 Е. Бакунина. «Любовь к шестерым».
- «Три русских романиста»** // 11 июля. № 5223. С. 3.
 Charle Ledre. «Trois romanciers russes».
- Литературные заметки** // 15 августа. № 5257. С. 3.
 С. Марвич. «Семья». Роман (опубл. в «Литературном современнике»).
- На полях «Анны Карениной»** // 22 августа. № 5264. С. 3.
- Русский дом** // 29 августа. № 5271. С. 3.
 Б. Зайцев. «Дом в Пасси».
- За что чествовать Пушкина?** // 22 августа. № 5264. С. 3. Подп.: Г. А.
 В. Вересаев, Г. Чулков, Д. Благой, Д. Мирский о столетнем юбилее Пушкина.
- Литературные заметки: Памяти Кельчевского. — «В красном стане» С. Максимова. — «Измена» Наталии Резниковой** // 5 сентября. № 5278. С. 3.
- За что чествовать Пушкина? II** // 12 сентября. № 5285. С. 3.
- «Исполнение желаний»** // 19 сентября. № 5292. С. 3.
 В. Каверин. «Исполнение желаний» (журнальный вариант в «Литературном современнике» и отдельное издание).

- Послесловие к «конгрессу»** // 26 сентября. № 5299. С. 3.
Мнения и отзывы о парижском литературном конгрессе.
- Послесловие к конгрессу. II** // 3 октября. № 5306. С. 3.
Андре Жид, Жюльен Бенда о конгрессе.
- «Vive, l'empereur!»** // 10 октября. № 5313. С. 3.
К. Большаков. «Маршал 105 дня» (Красная новь. 1935. № 7–9).
- Памяти Поплавского** // 17 октября. № 5320. С. 2.
- Советские читатели** // 17 октября. № 5320. С. 3. Подп.: Г. А.
Колхозники о литературе (Новый мир. № 8).
- Любовь и жизнь** // 24 октября. № 5327. С. 2.
В. Гроссман. «Муж и жена».
Ос. Черный. «Анна».
Е. Шереметьева. «Ветер стихает».
- Брюсов о Некрасове** // 24 октября. № 5327. С. 3. Подп.: А.
Речь Брюсова 1921 г. (опубл. в «Литературной газете»).
- 100-летие Е.И. Новиковой-Зариной** // 24 октября. № 5327. С. 3. Подп.: А.
- Анкета о Пушкине** // 7 ноября. № 5341. С. 2.
Петров-Водкин, Пиотровский, Шишков, Мирский о Пушкине (опубл. в «Литературном современнике»).
- Суд времени** // 14 ноября. № 5348. С. 2.
А. Блок. Ф. Сологуб. З. Гиппиус.
- О «Воскресении»** // 21 ноября. № 5355. С. 3.
К 25-летию со дня кончины Л. Толстого.
- «Современные записки». № 59. Часть литературная** // 28 ноября. № 5362. С. 3.
В. Сирин. «Приглашение на казнь» (прод.).
Г. Газданов. «История одного путешествия» (прод.).
Б. Темиряев. «Тяжесть».
Н. Оцуп, М. Цветаева, А. Ладинский. Стихи.
Б. Зайцев. «Жизнь с Гоголем».
Флоровский о Н.Ф. Федорове.
- Мережковский** // 5 декабря. № 5369. С. 3.
- «Молодец-баба»** // 5 декабря. № 5369. С. 3.
О публикации первого варианта начала «Анны Карениной» в «Последних новостях» (1935. 30 ноября. № 5364. С. 3).
- Три пьесы** // 12 декабря. № 5376. С. 2.
И. Бабель. «Мария».
Афиногенов. «Далекое».
Корнейчук. «Платон Кречет».
- Приказ по литературе** // 19 декабря. № 5383. С. 2.
Ф. Степун. «Пореволюционное сознание и задачи эмигрантской литературы» (опубл. в «Новом граде»).
- К.Д. Бальмонт** // 19 декабря. № 5383. С. 3. Подп.: Г. А.
К юбилею К.Д. Бальмонта.
- Есенин (к 10-летию со дня смерти)** // 26 декабря. № 5390. С. 2.
- Поль Бурже** // 26 декабря. № 5390. С. 3. Подп.: Г. А.

1936

- Двойная жизнь** // 2 января. № 5397. С. 2.
Я. Рыкачев. «Сложный ход».
- Эпиграф к «Анне Карениной»** // 2 января. № 5397. С. 3. Подп.: Г. А.
Статья Эйхенбаума о Толстом и Шопенгауэре («Литературный современник»).
- Открытие русского театра** // 3 января. № 5398. С. 5.
«Осенние скрипки» И. Сургучева в Русском драматическом театре.
- «Сложный ход»** // 9 января. № 5404. С. 2.
Я. Рыкачев. «Сложный ход».
- «Жуки на солнце»** // 9 января. № 5404. С. 3.
В. Корсак. «Жуки на солнце».
- Письма о Лермонтове** // 16 января. № 5411. С. 2.
Ю. Фельзен. «Письма о Лермонтове».
- Перечитывая Шмелева** // 30 января. № 5425. С. 2.
И. Шмелев. «Няня из Москвы» (Париж: Возрождение, 1936).
- Хлебников** // 6 февраля. № 5432. С. 2.
«Один из самых загадочных в нашей новой литературе».
- Стихи** // 13 февраля. № 5439. С. 2.
Б. Божнев. «Silentium sociologicum» (Париж, 1936).
С. Барт. «Душа в иносказании» (Париж, 1935).
В. Мамченко. «Тяжелые птицы» (Париж: Объединение поэтов и писателей, [1936]).
З. Шаховская. «Дорога» (Брюссель: Новь, 1935).
В. Булич. «Маятник» (Гельсингфорс: Либрис, 1934).
Е. Таубер. «Одиночество» (Берлин: Парабола, 1935).
Л. Савинков. «Аванпост» (Париж, 1936).
Н. Светлов. «Сторукая» (Шанхай: Чураевка, 1934).
- Вечер В. Сирина и В. Ходасевича** // 13 февраля. № 5439. С. 3. Подп.: Г. А.
В. Ходасевич. «Жизнь Василия Травникова».
В. Сирин. Рассказы.
- «Чудеса в решетке» (Русский драматический театр)** // 16 февраля. № 5442. С. 4.
Парижская премьера пьесы Ал. Толстого.
- Новые люди** // 20 февраля. № 5446. С. 2.
Л. Копылова. «Одеяло из лоскутьев». Роман.
- «Новь»** // 20 февраля. № 5446. С. 3. Подп.: Г. А.
Восьмой номер ревельского журнала «Новь»:
Бунин и Сирин о Толстом.
А. Ладинский, Гессен, Ратгауз, Чегринцева. Стихи.
В. Морковин. «То бозо». Драма.
- Стихи Кюхельбекера** // 20 февраля. № 5446. С. 3. Подп.: А.
Публикация Ю. Тынянова в «Литературном Ленинграде».
- Испорченные дети** // 27 февраля. № 5453. С. 2.
Салтыков-Щедрин. «Испорченные дети».
- Пародии и эпиграммы В. Брюсова** // 27 февраля. № 5453. С. 3. Подп.: А.
Пародии и эпиграммы Брюсова в сборнике «Неизданные стихотворения» (М.: Гослитиздат, 1936).

- Перечитывая «Отчаяние»** // 5 марта. № 5460. С. 3.
В. Сирин. «Отчаяние». Роман (Берлин: Петрополис, [1936]).
- Умер поэт М. Кузмин** // 8 марта. № 5463. С. 3. Подп.: Г. А.
- «Современные записки». Кн. 60-я. Часть литературная** // 12 марта. № 5467. С. 3.
Б. Зайцев. «Людиново».
Н. Берберова. «Книга о счастье».
Г. Газданов. «Освобождение».
Н. Оцуп, М. Цветаева, А. Штейгер, Л. Кельберин, Ю. Иваск, В. Смоленский. Стихи.
Г. Газданов. «О молодой эмигрантской литературе».
- Литературные заметки** // 19 марта. № 5474. С. 3.
Тэффи. «Ведьма» (Берлин: Петрополис, 1936).
В. Брюсов. «Неизданные стихотворения» (М.: Гослитиздат, 1936).
- Литературные заметки** // 26 марта. № 5481. С. 2.
В. Жаботинский. «Пятеро» (Париж, 1936).
К. Федин. «Похищение Европы». Т. II (М., 1936).
- Гете — убийца Шиллера** // 26 марта. № 5481. С. 3. Подп.: -ичь.
Матильда Людендорф. «Безнаказанные преступления, совершенные против Лютера, Лессинга и Шиллера во имя всемогущего Архитектора вселенной».
- Московские дела** // 2 апреля. № 5488. С. 2.
Опера Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда».
«Сумбур вместо музыки» (опубл. в «Правде»).
- Б. Пастернак. Н. Асеев. Ю. Олеша. М. Шагинян.
- Премированный роман** // 16 апреля. № 5502. С. 2.
Рахманова. «Фабрика новых людей».
- К вечеру Ант. Ладинского** // 21 апреля. № 5507. С. 3.
Приглашение на вечер А. Ладинского.
- Литературные заметки** // 23 апреля. № 5509. С. 2.
М. Зощенко. «Голубая книга» (М., 1935).
Л. Добычин. «Город Эн» (М., 1935).
- Литературные заметки** // 30 апреля. № 5516. С. 2.
Б. Поплавский. «Снежный час» (Париж, 1936).
А. Штейгер. «Неблагодарность» (Париж: Числа, 1936).
- Русский драматический театр: «Чудак» Афиногенова** // 2 мая. № 5518. С. 4.
Парижская постановка.
- «Человек 1936 года в советской России»** // 7 мая. № 5523. С. 3.
Helene Izwolsky. «L'Homme 1936 en Russie sovietique» (P., 1936).
- Чайковский** // 14 мая. № 5530. С. 2.
Н. Берберова. «Чайковский» (Берлин: Петрополис, 1936).
- «Ошибки начинающих»** // 21 мая. № 5537. С. 3.
Полемика со статьей М. Осоргина «Ошибки начинающих» (Последние новости. 1936. 18 мая. № 5534. С. 2).
- Кузмин** // 22 мая. № 5538. С. 3.

- По поводу «Пещеры»** // 28 мая. № 5544. С. 2.
 М. Алданов. «Пещера». Роман. Т. 2 (Берлин: Петрополис, 1936).
- Литературные заметки** // 4 июня. № 5551. С. 2.
 Н.П. Гронский. «Стихи и поэмы» (Париж, 1936).
 Ю. Яновский. «Всадники» (М., 1935).
- «Круг»** // 9 июля. № 5585. С. 3.
 Общество «Круг», созданное И. Бунаковым-Фондаминским.
 Альманах «Круг». Кн. 1.
 В. Емельянов. «Свидание Джима».
 Б. Поплавский. «Домой с небес».
 Ю. Фельзен. «Вечеринка».
 В. Яновский. «Розовые дети».
 Л. Зуров. «Новый ветер».
 Л. Червинская, П. Ставров, Б. Закович, Ю. Софиев. Стихи.
- Пушкин и его жена** // 16 июля. № 5592. С. 3.
 Александр Шик. «Женатый Пушкин».
- «Белеет парус одинокий»** // 23 июля. № 5599. С. 3.
 В. Катаев. «Белеет парус одинокий».
- «Современные записки». Кн. 61. Часть литературная** // 30 июля. № 5606. С. 3.
 В. Сирин. «Весна в Фиальте».
 П. Бицилли. «Возрождение аллегории».
 М. Осоргин. «Вольный каменщик».
 А. Ремизов. «Болтун».
 М. Иванников. «Авио-рассказ».
 В. Федоров. «Канареечное счастье».
 М. Цветаева, Л. Червинская, Ю. Терапиано. Стихи.
 М. Цветаева о М. Кузмине.
 Л. Шестов о Л. Толстом.
 Письма из России.
- «Оттуда»** // 6 августа. № 5613. С. 3.
 Письма из России (Современные записки. 1936. № 61).
- «Смерть в расщелку» (новый роман Селина)** // 13 августа. № 5620. С. 3.
- Литературные заметки: «Трагедия Любаши». — Писатели и молодежь** // 20 августа. № 5627. С. 3.
 Ф. Гладков. «Трагедия Любаши».
 Ответы писателей на анкету о студентах (Советское студенчество. № 5).
- Через пятнадцать лет** // 27 августа. № 5634. С. 3.
 15 лет со дня смерти А.Блока.
- Точки над і** // 3 сентября. № 5641. С. 3.
 Письма читателей о повести Гладкова «Трагедия Любаши».
- «Наши знакомые»** // 10 сентября. № 5648. С. 3.
 Ю. Герман. «Наши знакомые».
- Сумерки Достоевского** // 17 сентября. № 5655. С. 3.
 Новый читатель проще Достоевского и не понимает его.

- Немота** // 24 сентября. № 5662. С. 3.
Поэзия французская и русская.
Андрэ Жид и Сельвинский.
Поль Валери. Цветаева.
- Частушки** // 1 октября. № 5669. С. 3.
Сборник В. Князева «Частушки».
- Письма В.Г. Короленко из ссылки** // 1 октября. № 5669. С. 3. Подп.: -ичь.
В.Г. Короленко. «Письма из тюрем и ссылок. 1879–1885». Под ред. и с примеч.
Н.В. Короленко и А.Л. Кривинской (Горький: Горьковское изд-во, 1935).
- Валаам** // 15 октября. № 5683. С. 3.
Б. Зайцев. «Валаам».
- Литературные заметки** // 22 октября. № 5690. С. 3.
Андрей Глоба. «Пушкин». Трагедия (Красная звезда. № 9).
Доклад Мейерхольда (Звезда. № 9).
- Памяти Долинова** // 22 октября. № 5690. С. 3. Подп.: Г. А.
Скончался петербургский поэт М. Долинов.
- «В лесах»** // 22 октября. № 5690. С. 3. Подп.: -ъ.
Н.И. Мельников (Андрей Печерский). «В лесах» (М.: Academia).
- Дорога на Океан (новый роман Леонова)** // 29 октября. № 5697. С. 2.
- Эд. Багрицкий и советская поэзия** // 5 ноября. № 5704. С. 2.
- Эд. Багрицкий и советская поэзия. II** // 12 ноября. № 5711. С. 2.
- «Возвращение из СССР» Андрэ Жида** // 19 ноября. № 5718. С. 3.
- «Возвращение из СССР» Андрэ Жида. II** // 26 ноября. № 5725. С. 2.
- «Роман с кокаином»** // 3 декабря. № 5732. С. 2.
М. Агеев. «Роман с кокаином» (Париж: Издательская коллегия Парижского объединения писателей, [1936]).
- «Современные записки». Кн. 62. Часть литературная** // 10 декабря. № 5739.
С. 3.
М. Алданов. «Начало конца».
Б. Зайцев. «Калуга».
Г. Газданов. «Смерть господина Бернара».
Н. Берберова. «Книга о счастье».
Вяч. Иванов, Г. Иванов, М. Цветаева, А. Штейгер. Стихи.
В. Вейдле о Толстом и Достоевском.
- Литературные заметки** // 17 декабря. № 5746. С. 3.
В. Корсак. «Шарманка».
Э. Чегринцева. «Посещения».
М. Горлин. «Путешествия».
Е. Базилевская. «Домик у леса».
- Литературные заметки: Собрание в «Новом мире». — Повод к дуэли Пушкина. — Пушкин и Маяковский** // 24 декабря. № 5753. С. 3.
Н. Гронский. Б. Пильняк. Г. Чулков. К. Чуковский.
- Ибсен и Элеонора Дузе** // 31 декабря. № 5760. С. 3.
Книга О. Люнье-По о Генрике Ибсене.

1937

- «Страдания ума»** // 7 января. № 5767. С. 3.
Сергей Буданцев. «Избранное».
- «Mea culpa»** // 14 января. № 5774. С. 2.
Луи Селин. «Mea culpa».
- «Классовый враг» (по поводу романа Ник. Вирта «Одиночество»)** // 21 января.
№ 5781. С. 3.
- Лирический беспорядок** // 28 января. № 5788. С. 3.
А. Присманова. «Тень и тело».
- Литературные заметки: Надсон. — «Delivrance» Луизы Вейес** // 4 февраля.
№ 5795. С. 3.
- Пушкин** // 10 февраля. № 5801. С. 2.
- Без Толстого** // 18 февраля. № 5809. С. 3.
Отзывы советских писателей о политических процессах в СССР.
- Обращение к читателям** // 18 февраля. № 5809. С. 3.
Коллективный призыв поддержать Издательскую коллегию парижского Объединения писателей и поэтов. Подписи Адамовича, Берберовой, Зурова, Фельзена, Ходасевича, Шаршуна, Яновского.
- Литературные заметки** // 25 февраля. № 5816. С. 3.
В. Кирпотин. «Наследие Пушкина и коммунизм»; «Александр Сергеевич Пушкин».
- Б. Эйхенбаум. «Пушкин и Толстой» (Литературный современник. 1937. № 1).
- Литературные заметки** // 4 марта. № 5823. С. 3.
Б. Эйхенбаум. «Пушкин и Толстой» (Литературный современник. 1937. № 1).
А.Л. Бем. «О Пушкине». Сб. статей.
- Литературные заметки** // 11 марта. № 5830. С. 2.
П. Ставров. «Ночью».
Ю. Софиев. «Годы и камни».
С. Барт. «Письмена».
- «Пятнадцатый легион»** // 18 марта. № 5837. С. 3.
А. Ладинский. «Пятнадцатый легион».
- Московские настроения** // 25 марта. № 5844. С. 3.
Советская литература кончается.
Жданов. Бухарин. Сельвинский.
Иван Макаров. Миша Курбатов (Новый мир. 1936. № 7–9).
- Московские настроения. II** // 1 апреля. № 5851. С. 2.
Иван Макаров. «Миша Курбатов» (опубл. в «Новом мире»).
- Литературные заметки** // 8 апреля. № 5858. С. 3.
В. Каверин. «Исполнение желаний». Т. 2.
В. Каверин. «Личные счета». Пьеса.
- Новые тексты Пушкина** // 8 апреля. № 5858. С. 3. Подп.: Г. А.
Н. Богословский о пометках Пушкина (Красная новь. № 1).
- «Последние новости» и сов. цензура** // 8 апреля. № 5858. С. 3. Подп.: -ъ.
Публикации в журнале «Книжные новости» и «Литературной газете».

- Литературные заметки** // 15 апреля. № 5865. С. 3.
М. Зощенко. Шестая повесть Белкина (Звезда. 1937. № 1)
А. Лесков. Записки (Литературный современник. 1937. № 3).
- Литературные беседы** // 22 апреля. № 5872. С. 2.
А. Ладинский. «Стихи о Европе».
Н. Заболоцкий. «Новые стихи».
- Литературные заметки** // 29 апреля. № 5879. С. 3.
Н. Павленко. «На Востоке». Роман (М.: Гослитиздат, 1937).
- «Современные записки». Кн. 63. Часть литературная** // 6 мая. № 5885. С. 3.
М. Алданов. «Начало конца» (продолж.).
В. Яновский. «Вольно-американская».
Л. Зуров. «Молодость».
В. Сирин. «Дар» (начало).
Вяч. Иванов, Г. Кузнецова, Ю. Мандельштам, В. Смоленский, М. Цветаева.
Стихи.
- Литературные заметки** // 13 мая. № 5892. С. 3.
И. Шмелев. «Пути небесные». Роман (Париж: Возрождение, 1937).
- Живой Пушкин** // 20 мая. № 5899. С. 3.
П.Н. Милуков. «Живой Пушкин».
- Литературные заметки** // 27 мая. № 5906. С. 2.
Г. Иванов. «Отплытие на остров Цитеру».
И. Ильф, Е. Петров. «Одноэтажная Америка».
- Беспризорник Валетка** // 3 июня. № 5913. С. 3.
Ф. Олесов. «Возвращение» (Звезда. № 2).
- Литературные заметки** // 10 июня. № 5920. С. 3.
Д.С. Мережковский. «Павел и Августин».
- Литературные заметки** // 17 июня. № 5927. С. 3.
Л. Червинская. «Рассветы». Стихи (Париж, 1937).
Монахиня Мария. «Стихи» (Берлин: Петрополис, 1937).
- 70-летие К.Д. Бальмонта** // 17 июня. № 5927. С. 3. Подп.: Г. А.
- Советский святой** // 24 июня. № 5934. С. 2.
Умер Николай Островский.
- Литературные заметки** // 1 июля. № 5941. С. 3.
В. Ходасевич. «О Пушкине» (Берлин: Петрополис, 1937).
- Ермолова** // 1 июля. № 5941. С. 3. Подп.: Г. А.
Эм. Бескин. «Мария Николаевна Ермолова» (М.; Л., 1936).
- «Путешествие Глеба»** // 5 августа. № 5976. С. 3.
Б. Зайцев. «Путешествие Глеба».
- Андрэ Жид и Россия** // 12 августа. № 5983. С. 2.
Андрэ Жид. «Retouches».
- «Русские записки» <№ 1>** // 19 августа. № 5990. С. 3.
М. Алданов. «Линия Брунгильды».
К. Давыдов. «Перелет птиц».
А. Ладинский, Д. Кнут, Л. Кельберин, Ю. Софиев, А. Несмелов. Стихи.

- Ощупью** // 26 августа. № 5997. С. 3.
Тема смерти в советской литературе в творчестве И. Ильфа, Е. Петрова, И. Бабе-
ля, Л. Леонова, С. Колдунова, Л. Фридлянда.
- Жребий Пушкина** // 2 сентября. № 6004. С. 3.
Статья Сергея Булгакова в «Новом граде».
- «Поколен-борода и ясные соколы»** // 2 сентября. № 6004. С. 3. Подп.: Г. А.
Поэма о Шмидте и челюскинцах, написанная сказительницей Марфой Семенов-
ной Крюковой.
- Литературные заметки** // 9 сентября. № 6011. С. 3.
С. Шаршун. «Заячье сердце». Лирическая повесть (Париж, 1937).
А. Браславский. «Стихотворения» (Париж, 1937).
С. Прегель. «Солнечный произвол» (Париж: Современные записки, 1937).
- Горький о Толстом (из записи современника)** // 9 сентября. № 6011. С. 3.
Подп.: -ичъ.
Запись 1902–1903 гг., сделанная В. Тройновым по устному рассказу М. Горького.
- В защиту культуры** // 16 сентября. № 6018. С. 3.
Отчет в журнале «Соммуне» (сентябрь) о писательском конгрессе в защиту куль-
туры (Мадрид — Париж).
- Литературные заметки** // 23 сентября. № 6025. С. 3.
И. Бунин. «Освобождение Толстого» (Париж: YMCA-Press, 1937).
- Дневник безработного интеллигента** // 30 сентября. № 6032. С. 3.
Реми де Гурмон. «Journal d'un intellectuel en chômage».
- «Современные записки». Кн. 64. Часть литературная** // 7 октября. № 6039.
С. 3.
Н. Берберова. «Лакей и девка».
Г. Газданов. «Воспоминания».
В. Сирин. «Дар» (продолж.).
А. Ладинский, Д. Кнут, М. Струве, Ю. Мандельштам, А. Головина, С. Прегель,
А. Присманова, Ю. Терапиано, А. Штейгер. Стихи.
М. Цветаева. «Мой Пушкин».
Вяч. Иванов о Пушкине.
- Записная книжка Гоголя** // 7 октября. № 6039. С. 3. Подп.: А.
Найдена и передана в архив Академии наук СССР записная книжка Гоголя.
- Литературные заметки** // 14 октября. № 6046. С. 3.
Бодрость. «Сборник конкурсных рассказов» (М., 1937):
Лобретт. «Краски».
П. Ратушный. «Прозектор Гельман».
Боков. «Мальчик и Василь».
Ойзерман. «У синего озера».
Ф. Колесников. «Командир полка».
- Колхозные частушки** // 14 октября. № 6046. С. 3. Без подп.
Сборник частушек Саратовского областного издательства.
- Книга для родителей** // 21 октября. № 6053. С. 3.
А. Макаренко. «Книга для родителей».

- «Сверчок»** // 21 октября. № 6053. С. 3. Подп.: -овичъ.
Новый журнал для юношества.
Н. Тэффи, Вас. Немирович-Данченко.
- Литературные заметки** // 28 октября. № 6060. С. 3.
«Скит поэтов». Сборник стихов.
Н. Тuroверов. Стихи.
А. Перфильев. «Ветер с юга».
Ю. Рogaля-Левицкий. Стихи.
Н. Снесарева-Козакова. «Рыцари Белого ордена».
- После «Габимы»** // 4 ноября. № 6067. С. 3.
«Дибук» в постановке Вахтангова с Ровиной в главной роли.
«Вечный жид».
- «Исполнение желаний» В. Каверина** // 4 ноября. № 6067. С. 3. Подп.: -овичъ.
Обсуждение книги Каверина в редакции «Литературного современника».
- Двадцать лет** // 11 ноября. № 6074. С. 3.
20 лет существования советской литературы.
Ф. Гладков. Ю. Олеша. Вс. Иванов. М. Шолохов.
Постановления ЦК 1926 и 1932 гг.
- Двадцать лет. II** // 18 ноября. № 6081. С. 3.
М. Шолохов. Л. Леонов. Ю. Олеша. К. Федин.
П. Павленко. Ю. Герман. В. Катаев.
- Роже Мартэн дю Гар** // 18 ноября. № 6081. С. 3. Подп.: Г. А.
Роже Мартэн дю Гар получил Нобелевскую премию.
- Литературные заметки: Альманах «Круг», книга I** // 25 ноября. № 6088. С. 3.
Возражения В. Ходасевичу.
Б. Поплавский. «Домой с небес».
А. Алферов. «Рождение героя».
С. Шаршун, Н. Татищев, В. Яновский. Проза.
Ю. Фельзен. «Разрозненные мысли».
В. Вейдле. «Человек против писателя».
- «Предупреждение Европе»** // 2 декабря. № 6095. С. 3.
Сборник статей Т. Манна с предисловием А. Жида.
- Мемуары Андрея Белого** // 9 декабря. № 6102. С. 3.
А. Белый. «Между двух революций».
- Шарль Плинье** // 9 декабря. № 6102. С. 3. Подп.: Г. А.
Бельгийский романист Ш. Плинье получил Гонкуровскую премию.
- «Русские записки» <№ 2>** // 16 декабря. № 6109. С. 3.
В. Сирин. «Озеро, облако, башня».
В. Яновский. «Двойной нельсон».
А. Ладинский. «Борисфен — река скифов».
Л. Зуров. «Дозор».
Б. Волков. «Степной ворон».
З. Гиппиус, В. Мамченко, Ю. Мандельштам, П. Ставров, М. Цветаева, А. Штейгер. Стихи.
А. Давыдов. «Тяга вальдшнепов».

- Что «не удалось»** // 23 декабря. № 6116. С. 3.
 Полемика со статьей Е. Кусковой «Вторичные факторы» (Последние новости. 1937.
 17 декабря. № 6610. С. 2).
Литературные заметки // 30 декабря. № 6123. С. 3.
 В. Катаев. «Я, сын трудового народа» (М., 1937).

1938

- «Оливковый сад»** // 6 января. № 6130. С. 3. Подп.: Г. А.
 Г. Кузнецова. «Оливковый сад».
Две статьи // 6 января. № 6130. С. 3.
 Л. Шестов. «О “перерождении убеждений” у Достоевского» (Русские записки.
 № 2).
Две статьи. II // 13 января. № 6137. С. 3.
 Вяч. Иванов. «О Пушкине» (Современные записки. № 64).
Юбилей Шерлока Хольмса // 13 января. № 6137. С. 3. Подп.: -ичъ.
«Современные записки». Кн. 65. Часть литературная // 20 января. № 6144. С. 3.
 Вяч. Иванов, И. Голенищев-Кутузов, Л. Кельберин, А. Штейгер. Стихи.
 М. Иванников. «Дороги».
 М. Алданов. «Начало конца» (продолж.).
 В. Сирин. «Дар» (продолж.).
Литературные заметки // 27 января. № 6151. С. 3.
 Ал. Толстой. «Хлеб».
 М. Зоценко. «Возмездие».
Байрон (к 150-летию со дня рождения) // 6 февраля. № 6161. С. 3.
Литературные заметки // 10 февраля. № 6165. С. 3.
 В. Федоров. «Канареечное счастье» (Ужгород, 1938).
 «Отрыв». Театральный сборник: Н.Н. Евреинов, Ал. Матвеев, Вс. Хомицкий (Бер-
 лин: Петрополис, 1938).
Чехов и Горький // 17 февраля. № 6172. С. 3.
 «Чехов и Горький». Сб. статей (М., 1938).
Литературные заметки // 24 февраля. № 6179. С. 3.
 Д. Кнут. «Насущная любовь».
 Ю. Иваск. «Северный берег».
 «Священная лира». Сб. стихов.
 В. Перелешин. «В пути».
 Ю. Крушинская. Стихи.
Д’Аннунцио // 3 марта. № 6186. С. 3. Подп.: Г. А.
Споры о Некрасове // 3 марта. № 6186. С. 3.
 Полемика с В. Ходасевичем и З. Гипшиус.
Литературные заметки // 10 марта. № 6193. С. 3.
 Ю. Герман. «Алексей Жмакин» (Литературный современник. № 10).
 Ю. Герман. «Лапшин» (Звезда. № 12).
Неизданные стихи Н.А. Некрасова // 10 марта. № 6193. С. 3. Подп.: Г. А.
 Публикация в первом номере журнала «Звезда».

«Монтаж» // 17 марта. № 6200. С. 3.

По страницам «Литературной газеты»: Вс. Иванов, В. Ильенков, И. Сельвинский, Герцель Баазов, Л. Никулин, Б. Горбатов, А. Толстой, Е. Зозуля, И. Васин, В. Харламов.

М. Зоценко. «Бесславный конец (о Керенском)» (Литературный современник. 1938. № 1).

Литературные заметки // 24 марта. № 6207. С. 3.

Л. Зуров. «Поле» (Париж, 1938).

Друзья и враги // 31 марта. № 6214. С. 3.

Споры о Сталине и Гитлере в обществе «Круг».

Некрасов и Тютчев // 31 марта. № 6214. С. 3. Подп.: Г. А.

И.Н. Розанов к юбилею Некрасова (публ. в «Красной нови»).

«Русские записки» <№ 3> // 7 апреля. № 6221. С. 3.

М. Цветаева. «Повесть о Сонечке». Стихи.

Б. Темиряев. «Тяжести».

А. Фатеев. «Секретное венчание Екатерины II».

А. Ладинский, мать Мария, Ю. Терапиано, А. Штейгер. Стихи.

Л. Шестов о Кьеркегоре.

К 70-летию со дня рождения Горького // 7 апреля. № 6221. С. 3.

Писатели о М. Горьком: К. Федин, П. Павленко, В. Тройнов.

Пантелеймон Романов // 15 апреля. № 6229. С. 2. Подп.: Г. А.

Некролог.

Литературные заметки // 15 апреля. № 6229. С. 3.

Л. Леонов. «Половчанские сады». Пьеса.

Единственный // 16 апреля. № 6230. С. 2.

На смерть Ф.И. Шаляпина.

«Русские записки», ном. 4. Часть литературная // 21 апреля. № 6235. С. 3.

В. Сирин. «Событие».

И. Шмелев. «Иностранец».

С. Лифарь. «Воспоминания».

И. Кнорринг, Д. Кнут, А. Ладинский. Стихи.

М. Алданов о Роже Мартен дю Гар.

Три книги о России // 28 апреля. № 6242. С. 3.

Georges Freidmann. «De la Sainte Russie a l'U.R.S.S.» («От Святой Руси к СССР») (P.: Gallimard, 1938).

Русское крестьянство и Наполеон // 28 апреля. № 6242. С. 3. Подп.: Г. А.

Е.В. Тарле. «Нашествие Наполеона» (новые главы).

Три книги о России. II // 5 мая. № 6248. С. 3.

A. Ciliga. «Au pays du grand mensonge» («В стране большой лжи») (P.: Gallimard, 1938).

Yvon. «L'U.R.S.S. telle qu'elle est» («СССР как он есть») (P.: Gallimard, 1938).

Литературные заметки // 12 мая. № 6255. С. 3.

В. Смоленский. «Наедине».

Вера Булич. «Пленный ветер».

Э. Чегринцева. «Строфы».

- «Русские записки». Книга V. Часть литературная** // 19 мая. № 6262. С. 3.
 Владимир Костецкий. «Иаков».
 А. Ладинский. «На балу».
 В. Андреев. «Об отце».
 С. Лифарь. «Мои первые шаги в “Русском балете” Дягилева».
 Д. Кнут. «Альбом путешественника».
- Учебник литературы** // 26 мая. № 6269. С. 3. Подп.: -ичь.
 Ответы Зобнина, Ал. Толстого на анкету о будущем учебнике литературы (опубл. в «Звезде»).
- Модель номер три** // 28 мая. № 6271. С. 4.
 В. Инбер. «Союз матерей». Комедия.
- «Современные записки». Кн. 66. Часть литературная** // 2 июня. № 6276. С. 3.
 М. Алданов. «Начало конца» (продолж.).
 В. Сирин. «Дар» (продолж.).
 М. Иванников. «Дорога» (окончание).
 Вяч. Иванов. Стихи.
- Бородин** // 2 июня. № 6276. С. 3. Подп.: Г. А.
 Н. Берберова. «Бородин».
- Литературные заметки** // 9 июня. № 6283. С. 3.
 З. Гиппиус. «Сияния» (Париж, 1938).
 М. Lermontoff. «Poemes lyriques». Traduit du russ par Olga Goutvein (P.: Debresse, 1938).
- «Красная феска»** // 16 июня. № 6290. С. 3.
 Ирина Кунина. «Красная феска». Рассказы.
- «Кладбища под луной»** // 20 июня. № 6294. С. 3.
 Жорж Бернанос. «Кладбища под луной».
- «Русские записки». Часть литературная <№ 6>** // 23 июня. № 6297. С. 3.
 Г. Газданов. «Бомбей».
 Тэффи. «Старинный романс».
 М. Осоргин. «Детство».
 Н. Белоцветов. Стихи.
- Опыты над людьми** // 23 июня. № 6297. С. 3. Подп.: Г. А.
 Слава Полякова. «Au pays des sobayes».
- Литературные заметки** // 30 июня. № 6304. С. 3.
 Д. Мережковский. «Франциск Ассизский».
- Достоевский** // 30 июня. № 6304. С. 3. Подп.: -овичь.
 А. Лясковский. «Достоевский».
- «Русские записки». Июль. Часть литературная <№ 7>** // 21 июля. № 6235. С. 3.
 М. Алданов. «Пуншевая водка».
 М. Осоргин. «Детство».
 Б. Зайцев о Белом.
 В. Андреев. «Повесть об отце».
- Литературные заметки** // 11 августа. № 6346. С. 3.
 Н. Берберова. «Без заката». Роман (Париж: Дом книги, 1938).

- Литературные заметки** // 18 августа. № 6353. С. 3.
Б.Н. Щербинский. «Post-scriptum» (Париж, 1938).
- Слова и дела** // 25 августа. № 6360. С. 3.
Советские журналы все больше коробят.
Жизнеописание Лебедева-Кумача (опубл. в «Красной нови»).
Л. Никулин о Москве (опубл. в «Красной нови»).
Редакционная статья о враждебности капитализма искусству (опубл. в «Литературной газете»).
- Сказители и союз писателей** // 25 августа. № 6360. С. 3. Без подп.
- Куприн** // 1 сентября. № 6367. С. 3.
- Литературные заметки** // 8 сентября. № 6374. С. 3.
Ю. Терапиано. «На ветру».
Архимандрит Иоанн. «Пророческий дух в русской поэзии».
- «Русские записки». Часть литературная** <№ 8/9> // 15 сентября. № 6381. С. 3.
М. Алданов. «Пуншевая водка».
В. Сиринов. «Истребление тиранов».
А. Сотников. «Ревун-камень».
В. Тальский, Б. Смагин, Л. Гроссе. Стихи.
- Литературные заметки** // 22 сентября. № 6388. С. 3.
Ант. Ладинский. «Голубь над Понтом» (1938).
- С.А. Толстая в 1919 году** // 22 сентября. № 6388. С. 3. Подп.: А.
- Тютчев** // 6 октября. № 6402. С. 3.
«Поход четырнадцати держав» // 6 октября. № 6402. С. 3. Подп.: Г. А.
Ал. Толстой. «Поход четырнадцати держав». Пьеса.
- Тютчев. II** // 13 октября. № 6409. С. 3.
- Литература в «Русских записках». Книга 10** // 20 октября. № 6416. С. 3.
М. Осоргин. «Юность».
В. Яновский. «Портативное бессмертие».
М. Струве, Е. Таубер, И. Голенищев-Кутузов. Стихи.
В. Вейдле. «Об английской литературе последних лет».
- Выставка «20 лет красной армии»** // 20 октября. № 6416. С. 3. Подп.: А.
- Ответ читателю. I** // 27 октября. № 6423. С. 3.
Ответ на письмо читателя о советской литературе.
А. Толстой. Ю. Герман.
- У Л. Толстого в 1910 году** // 27 октября. № 6423. С. 3. Подп.: А.
С. Фомин. «Л.Н. Толстой перед уходом из Ясной Поляны (воспоминания)»
(30 дней. 1938. № 9).
- Ответ читателю (о советской литературе). II** // 3 ноября. № 6430. С. 3.
Ю. Герман. «Алексей Жмакин».
С.С. Смирнов. Маяковский. Пастернак.
- Франсис Жамм** // 3 ноября. № 6430. С. 3. Подп.: Г. А.
- «Современные записки». Кн. 67-ая. Часть литературная** // 10 ноября. № 6437.
С. 3.
Б. Зайцев. «Илев» (Из «Путешествия Глеба»).

- Г. Газданов. «Ошибка».
 В. Сирин. «Дар» (окончание).
 Вяч. Иванов, А. Штейгер, З. Гиппиус, В. Лебедев, А. Головина, П. Ставров, Е. Таубер. Стихи.
Литературные заметки: «Круг». Альманах III. Париж, 1938 // 17 ноября. № 6444. С. 3.
 Ю. Фельзен. «Повторение пройденного».
 Л. Червинская. «Ожидание».
 В. Варшавский. «Амстердам».
 И. Одоевцева, А. Гингер. Стихи.
Литература в «Русских записках» <№ 11> // 24 ноября. № 6451. С. 3.
 В. Сирин. «Изобретение Вальса».
 Г. Газданов. «Хана».
 Т. Таманин. «Друг человечества (М. Горький)».
По поводу «Нового человека» // 1 декабря. № 6458. С. 3.
 М. К. < П.М. Бицилли>. «К вопросу о новом человеке в России» (Современные записки. 1938. № 67).
Литературные заметки: «Жанна д'Арк» Д. Мережковского // 8 декабря. № 6464. С. 3.
Письма Чехова к жене // 8 декабря. № 6464. С. 3. Подп.: А.
Литературные заметки: О Чехове. — Н.А. Тэффи. О нежности. Изд. «Русских записок». 1938 // 15 декабря. № 6471. С. 3.
Литература в «Русских записках» <№ 12> // 22 декабря. № 6478. С. 3.
 В. Андреев. «Повесть об отце» (окончание).
 А. Крестовская. «Черный ветер».
 Д. Кнут. «Дама из Монте-Карло».
Одесский Пушкин // 22 декабря. № 6478. С. 3. Подп.: А.
 А. Шик. «Одесский Пушкин» (Париж: Дом книги, 1938).
Литературные заметки: Б. Поплавский. Из дневников. Б. Поплавский. Венок из воска // 29 декабря. № 6485. С. 3.
Записки советского следователя // 29 декабря. № 6485. С. 3. Подп.: А.
 Л. Шейнин. «Записки следователя» (М.: Советский писатель, 1938).

1939

- Литературные заметки: Мих. Осоргин. Происшествия зеленого мира** // 5 января. № 6492. С. 3.
М. Горький и театр // 5 января. № 6492. С. 3. Подп.: А.
 Рец. на кн.: «М. Горький в борьбе с театральной реакцией».
Литературные заметки // 12 января. № 6499. С. 3.
 А. Ладинский. «Пять чувств». Стихи (Париж: YMCA-Press, 1938).
 М.В. Карамзина. «Стихи» (Таллин, 1939).
 С. Кирсанов. «Дорога по радуге» (М., 1938).
На новый год // 12 января. № 6499. С. 3. Подп.: А.
 Новогодние пожелания в «Литературной газете».

- Георгий Чулков** // 19 января. № 6506. С. 3. Подп.: А.
Скончался Г. Чулков.
- Литература в «Русских записках»** <№ 13> // 19 января. № 6506. С. 3.
М. Алданов. «Могила война».
Л. Крестовская. «Черный ветер» (продолж.).
Е. Таубер, А. Головина, Л. Червинская. Стихи.
- Литературные заметки** // 26 января. № 6513. С. 3.
Г. Газданов. «История одного путешествия» (Париж: Дом книги, 1938).
В. Емельянов. «Свидание Джима» (Париж: Дом книги, 1939).
- Как умирал Станиславский** // 26 января. № 6513. С. 3. Подп.: А.
- Литературные заметки: Споры в Москве. — Труд и отдых писателя. — Два новых советских романа** // 2 февраля. № 6520. С. 3.
А. Письменный. «В маленьком городе».
Глеб Алехин. «Неуч».
- Литературные заметки** // 9 февраля. № 6527. С. 3.
Леонид Соловьев. «Высокое давление». Роман (М., 1938).
- Литература в «Русских записках»** <№ 14> // 16 февраля. № 6534. С. 3.
К. Мочульский. «Повесть о капитане Картузове» Достоевского».
В. Сирин. «Лик».
Л. Крестовская. «Черный ветер» (окончание).
Б. Закович, А. Присманова. Стихи.
- «Казачий альманах»** // 16 февраля. № 6534. С. 3. Подп.: -вичь.
«Казачий альманах: проза, стихи и очерки». № 1 (Париж: Изд-во Круга казаков-литераторов, 1939).
- Литературные заметки** // 23 февраля. № 6541. С. 3.
И. Одоевцева. «Зеркало» (Брюссель, 1939).
Харбинские поэты: А. Несмелов, А. Ачаир, Н. Резникова.
- Лев Толстой и... Ем. Ярославский** // 23 февраля. № 6541. С. 3. Подп.: -вичь.
Брошюра Ем. Ярославского о Толстом.
- Литературные заметки: М. Алданов. Начальница. Париж: Русские записки, 1939** // 2 марта. № 6548. С. 3.
- «Рассказы о Дзержинском»** // 9 марта. № 6555. С. 3. Подп.: Г. А.
Ю. Герман. «Рассказы о Дзержинском».
- Петербург и Париж** // 12 марта. № 6558. С. 4.
Уютный Париж и безмерный Петербург.
- Литературные заметки** // 16 марта. № 6562. С. 3.
D. Aminado. «Pointes de Feu». Recueil de maximes. Preface de Tristan Bernard (P.: Editions de la Tournell, 1939).
- Литература в «Русских записках»** <№ 15> // 23 марта. № 6569. С. 3.
М. Алданов. «Могила война».
В. Яновский. «Портативное бессмертие».
Г. Евангулов. «Товарищ Ушаков».
А. Вер. «Хуа-Бау-Бау».
В. Андреев. «Иней в лесу».

- М. Струве. «Стихи о Шевченко».
- Литературные заметки** // 30 марта. № 6576. С. 3.
- Виссарион Саянов. «Слово о Мамаевом побоище» (опубл. в «Звезде»).
- Ильф** // 20 апреля. № 6597. С. 3. Подп.: Г. А.
- Отклики на смерть И. Ильфа в СССР.
- Из записных книжек И. Ильфа.
- «Современные записки». Кн. 68-я. Часть литературная** // 20 апреля. № 6597. С. 3.
- М. Алданов. «Начало конца» (продолж.).
- В. Сиринов. «Посещение музея».
- Ю. Фельзен. «Композиция».
- А. Головина. «Два рассказа».
- О. Христианович. «Смутное время».
- А. Штейгер. Стихи.
- Литература в «Русских записках»** <№ 16> // 27 апреля. № 6604. С. 3.
- М. Алданов. «Могила воина».
- А. Гингер, А. Ладинский. Стихи.
- Б. Зайцев. «Чайка».
- Т. Таманин. «Е.И. Замятин».
- Лучшее любовное письмо** // 27 апреля. № 6604. С. 3. Подп.: А.
- Анкета в субботнем приложении к «Фигаро».
- Литературные заметки** // 4 мая. № 6611. С. 3.
- И. Бунин. «Лица».
- «Литературные игры»** // 4 мая. № 6611. С. 3.
- Шинель** // 11 мая. № 6618. С. 3.
- А. Платонов.
- Ин. Анненский в советском издании** // 11 мая. № 6618. С. 3. Подп.: Г.В.
- И. Анненский. «Стихотворения». Вступ. ст., ред. и примеч. А. Федорова (Л.: Советский писатель, 1939) («Библиотека поэта». Малая серия).
- Шинель. II** // 18 мая. № 6625. С. 3.
- Луначарский и Станиславский** // 25 мая. № 6632. С. 3.
- Книга Луначарского о театре.
- Парижские впечатления** // 27 мая. № 6634. С. 3.
- Воскресный Париж.
- Литература в «Русских записках»** <№ 17> // 1 июня. № 6639. С. 3.
- В. Яновский. «Портативное бессмертие» (окончание).
- В. Андреев. «Художник Ершов».
- Б. Зайцев. «Гофмейстер».
- В. Пиотровский, П. Ставров, Г. Евангулов, С. Прегель. Стихи.
- Литературные заметки** // 8 июня. № 6646. С. 3.
- Б. Зайцев. «Москва» (Париж: Русские записки, 1939).
- «Николай I» Толстого** // 15 июня. № 6653. С. 3. Подп.: -вичъ.
- Набросок к 15-й главе «Хаджи-Мурата» (опубл. в «Огоньке»).
- Литературные заметки: Русская жизнь. — «Поездка в Малеевку». — «Ирина Годунова» Митрофанова** // 15 июня. № 6653. С. 3.
- С. Гехт. «Поездка в Малеевку» (Литературная газета. 1939. 30 мая. № 30 (809)).

- А. Митрофанов. «Ирина Годунова». Повесть (М., 1939).
В.Ф. Ходасевич // 15 июня. № 6653. С. 3. Подп.: Г. А.
Скончался В. Ходасевич.
Владислав Ходасевич // 22 июня. № 6660. С. 3. Подп.: Г. А.
Некролог.
Литературные заметки // 22 июня. № 6660. С. 3.
А. Митрофанов. «Ирина Годунова» (М., 1939).
«Лисичкин хлеб» // 29 июня. № 6667. С. 3. Подп.: -овичъ.
М. Пришвин. «Лисичкин хлеб».
Литература в «Русских записках» <№ 18> // 29 июня. № 6667. С. 3.
Г. Газданов. «Полет» (начало).
И. Матусевич. «Опустошение».
В. Пиотровский, А. Ачаир. Стихи.
В. Вейдле. «Тютчев и Россия».
Литературные заметки // 6 июля. № 6674. С. 3.
Н. Оцуп. «Беатриче в аду». Роман (Париж: Дом книги, 1939).
Литература в «Русских записках» <№ 19> // 3 августа. № 6702. С. 3.
А. Ремизов. «Лунатики».
Г. Газданов. «Полет» (продолж.).
Г. Евангулов. «Пчеловод».
В. Андреев. «Счастье».
С. Барт, М. Светланин. Стихи.
Литературные заметки // 10 августа. № 6709. С. 3.
«Литературный смотр» (Париж, 1939).
Утаенная любовь Пушкина // 17 августа. № 6716. С. 3. Подп.: Г. А.
Ю. Тынянов («Литературный современник»)
«Современные записки». Кн. 69-я. Часть литературная // 17 августа. № 6716.
С. 3.
М. Алданов. «Начало конца» (продолж.).
Н. Берберова. «Продолжение участи».
Б. Зайцев. «Путешествие Глеба» (глава из романа).
Г. Газданов. «Ночная дорога».
Н. Оцуп, В. Шишков, В. Ходасевич. Стихи.
Н. Берберова, В. Сирин о Ходасевиче.
Литературные заметки // 24 августа. № 6723. С. 3.
В. Ходасевич. Некрополь.
О стихах Ходасевича.
Литературные заметки // 31 августа. № 6730. С. 3.
А. Гингер. «Жалоба и торжество».
Н. Туроверов. Стихи.
Амари (М. Цетлин). «Кровь на снегу».
С. Прегель. «Полдень».
Б. Новосадов. «По следам бездомных Аонид».
Н. Станюкович. «Свидетельство».

- Анни Ней. «Координаты».
 Н. Резникова. «Песни земли».
1914–1939 // 16 сентября. № 6746. С. 3.
 Первая и Вторая мировые войны.
Литературные заметки: О «вечных спутниках». — Россия и советская литература. — Василий Шишков // 22 сентября. № 6752. С. 3.
 Статья в «Тан»: что читать в тылу.
 В. Каверин. «Два капитана».
 Статья И. Луппола об «Интеллигенции и революции».
 В. Сиринов. «Василий Шишков».
Литература в «Русских записках» <№ 20/21> // 29 сентября. № 6759. С. 3.
 Г. Газданов. «Полет» (прод.).
 А. Федоров. «Жемчужина».
 И. Одоевцева, И. Кнорринг, А. Присманова. Стихи.
Дневник Андрэ Жида // 7 октября. № 6776. С. 3.
 Андре Жид. «Дневник: 1889–1939».
Из дневников Андрэ Жида // 17 октября. № 6777.
 Фрагменты из дневников.
1939 // 31 октября. № 6791. С. 3.
 Военный Париж.
Берлин — Москва // 15 ноября. № 6806. С. 3.
 Гитлер и Сталин.
На юге // 22 ноября. № 6813. С. 3.
 Ницца.
На о. Св. Елены // 28 ноября. № 6819. С. 2.
 «Мемориал», дневник графа Лас-Каза.
Мы и они // 5 декабря. № 6826. С. 3.
 «Мы и они: Франция». Сост. О. Савич, И. Эренбург (Берлин: Петрополис, 1933).
 Русские писатели о Франции.
Финляндия // 12 декабря. № 6833. С. 2.
 Очерк.
Лермонтов // 19 декабря. № 6840. С. 2.
 Эссе.
Встречи и разговоры // 27 декабря. № 6848. С. 3.
 Четвертый месяц войны.
- 1940**
- Привет** // 9 января. № 6861. С. 3.
 Двадцать лет эмиграции.
Юбилей // 19 января. № 6871. С. 3.
 Расин. Лермонтов. Золя. Анненский.
Силланпа // 26 января. № 6878. С. 3.
 Финский писатель Силланпа получил Нобелевскую премию.

Пушкин и Чайковский // 6 февраля. № 6889. С. 3.
Ботаник из Дармштадта // 16 февраля. № 6899. С. 3.
Статья Дюамеля в «Фигаро» о французском ботанике Аллорже.
Гитлер и Германия. Россия и Сталин.
Деньги // 8 марта. № 6920. С. 3.
Социализм и капитализм.
Молодость // 15 мая. № 6988. С. 3.
Штурмовики.

2. «НА ПАРИЖСКИХ ЭКРАНАХ»

1932

Город на дне моря // 29 января. № 3969. С. 5. Подп.: Г. А.
Советский документальный фильм о Херсонесе.

1933

«Остров доктора Моро» // 17 марта. № 4377. С. 4. Подп.: Г. А.
Фильм по роману Уэллса с Лотоном в главной роли.
«Вера Хольк и ее дочери» // 24 марта. № 4384. С. 5. Подп.: Г. А.
Фильм по роману Широуэра с участием Асты Нильсен.
«Будущие мужчины» // 31 марта. № 4391. С. 4.
Фильм Леонтины Саган «Men of tomorrow».
«Вольная борьба» // 7 апреля. № 4398. С. 4. Подп.: Г. А.
Американский фильм «Rapsgase».
«Нагана» // 19 мая. № 4440. С. 4. Подп.: Г. А.
В ролях: М. Дуглас, Тапа Бирель.
«1002-я ночь» // 19 мая. № 4440. С. 4. Подп.: Г. А.
В ролях: Мозжухин, Гастон Модо, Таня Федор.
«Каспа» («Дитя лесов») // 26 мая. № 4447. С. 4. Подп.: Г. А.
В ролях: Быстер Крэбб, Фрэнсис Ди.
«Неурядица в раю» // 26 мая. № 4447. С. 4. Подп.: Г. А.
Фильм Любича «Trouble in paradise». В главной роли Мириам Хопкинс.
«Жизнь начинается» // 9 июня. № 4461. С. 4. Подп.: Г. А.
В ролях: Эрик Линден, Лоретта Ионг.
«Цена Холливуда» // 16 июня. № 4468. С. 4. Подп.: Г. А.
В ролях: Констанс Беннет, Нейль Гамильтон.
«Наследник бала Табарэн» // 27 октября. № 4601. С. 4. Подп.: А.
В ролях: Дювалес, Шарлотта Лизес.
«Белая сестра» // 1 декабря. № 4636. С. 4. Подп.: Г. А.
В ролях: Элли Хэйз, Кларк Гэбль.
«Красная мантия» // 1 декабря. № 4636. С. 4. Подп.: А.
Фильм по «социальной драме» Бриэ. В ролях: Гретийя, Констан Реми, Даниэль Мандай.

- «Обед в 8 часов»** // 8 декабря. № 5643. С. 4. Подп.: Г. А.
В ролях: Мари Дресслер, Мэдж Иванс, Лайонель Барримор, Джон Барримор.
- «Вольтер»** // 15 декабря. № 4650. С. 4. Подп.: Г. А.
Голливудский фильм. В роли Вольтера Арлис.
- «Вечер в Вене»** // 22 декабря. № 4657. С. 4. Подп.: Г. А.
В ролях: Дайана Уиниард, Франк Морган, Джон Барримор.
- «Суд Линча»** // 29 декабря. № 4664. С. 4. Подп.: Г. А.
Режиссер Сесиль де Милль.
- В «Аполло»** // 29 декабря. № 4664. С. 4. Подп.: Г. А.
«Capture». В ролях: Лесли Ховард, Фербэнкс младший.
«Le voyage de retour». В главной роли Кэй Фрэнсис.

1934

- «Слишком много гармонии»** // 5 января. № 4671. С. 4. Подп.: Г. А.
В главной роли Бинг Кросби.
- «Я не ангел»** // 5 января. № 4671. С. 4.
В главной роли Мэй Уэст.
- «Design for Living»** // 23 февраля. № 4719. С. 4. Подп.: Г. А.
Фильм Эрнста Любича. В главной роли Мириам Хопкинс.
- «Loyalties»** // 2 марта. № 4726. С. 4.
Фильм по пьесе Голсуорси. В ролях: Ротборн, Хизер Татчер.
- «Vol de nuit»** // 9 марта. № 4733. С. 4. Подп.: Г. А.
Фильм по роману Экзюпери. В ролях: Кларк Гэбль, Эллен Эйс.
- «Анна Карвер»** // 16 марта. № 4740. С. 4. Подп.: Г. А.
В ролях: Фей Рэй, Джин Реймонд.
- «Man's Castle»** // 23 марта. № 4747. С. 4.
В ролях: Лоретта Ионг, Спенсер Трасэ.
- «A bout du Monde»** // 30 марта. № 4754. С. 4. Подп.: Г. А.
В ролях: Пьер Бланшар, Кэт де Нанжи.
- «Toboggan»** // 6 апреля. № 4761. С. 4.
В ролях: Жорж Карпантье, Арлетта Маршаль.
- «Тесса»** // 11 мая. № 4796. С. 4. Подп.: Г. А.
Фильм по роману Флобера «Мадам Бовари». В ролях: Виктория Хоппер, Брайан Ахэрн.
- «Le grand fleau»** // 18 мая. № 4803. С. 4. Подп.: Г. А.
В ролях: Линиан Уильямс, Диан Синклер.
- «Соррель и сын»** // 25 мая. № 4810. С. 4. Подп.: А-вичъ.
В главной роли Уинифред Шоттер.
- В «Студио Акасио»** // 25 мая. № 4810. С. 4. Подп.: Г. А.
«Un reve a deux». В главной роли Григорий Ратов.
«Virginite». В главной роли Джин Паркер.
- «Lac aux Dames»** // 1 июня. № 4817. С. 4. Подп.: Г. А.
Фильм Марка Аллегрэ по роману Викки Баум. В ролях: Мишель Симон, Симона Симон.

- «Болеро»** // 8 июня. № 4824. С. 4.
В главной роли Джордж Рафт.
- Сов. фильмы в зале Плейель** // 15 июня. № 4831. С. 4.
«Встречный план» Сергея Юткевича.
«Великий опыт» Яна Саши.
- «By Candlelight»** // 15 июня. № 4831. С. 4. Подп.: Г. А.
Фильм Джеймса Уола.
- «Le maître du crime»** // 22 июня. № 4838. С. 4. Подп.: Г. А.
В ролях: Отто Крюгер, Нильс Астер.
- «Morning Glory»** // 29 июня. № 4845. С. 4. Подп.: Г. А.
Фильм Шермона. В главной роли Катрин Хепборн.
- «Princesse par interim»** // 6 июля. № 4852. С. 4. Подп.: Г. А.
В ролях: Сильвия Сидней, Гарри Грант.
- «Смерть на каникулах»** // 13 июля. № 4859. С. 4. Подп.: Г. А.
В главной роли Фредерик Марч.
- «La cinquieme empreinte»** // 13 июля. № 4859. С. 4. Подп.: Г. А.
В ролях: Алиса Фильд, Жан Макс.
- «Дама с камелиями»** // 9 ноября. № 4978. С. 4. Подп.: Г. А.
В ролях: Ивонн Прэнтан, Пьер Френэ.
- «Таргарен из Тараскона»** // 16 ноября. № 4985. С. 4.
Сценарий Марселя Паньоля. В главной роли Рэмю.
- «Юд Зюсс»** // 30 ноября. № 4999. С. 4.
Фильм по роману Фейхтвангера. В главной роли Конрад Фейдт.
- «Синэ “Пари-Суар”»** // 30 ноября. № 4999. С. 4. Подп.: -ичъ.
Кинорепортаж маркиза де Ваврэна «У индейских колдунов».
- «Тарзан»** // 7 декабря. № 5006. С. 4. Подп.: Г. А.
В главной роли Джон Вейсмюллер.
- «Веселые ребята»** // 14 декабря. № 5013. С. 4.
В ролях: Л. Орлова, Утесов.
- «Мария Шанделен»** // 21 декабря. № 5020. С. 4.
Фильм по роману Луи Эмона. В ролях: Мадлен Рено, Жан Габэн.
- «Челюскин»** // 28 декабря. № 5027. С. 4.
Советский фильм.

1935

- «L’homme qui en savait trop»** // 8 марта. № 5097. С. 4. Подп.: Г. А.
Английский фильм. В ролях: Петер Лорр, Пьер Френэ.
- «Miss Carrot»** // 15 марта. № 5104. С. 4.
Фильм по роману Монгтомери «Anne of Green Gables». В ролях: Анна Шерлей,
Том Браун.
- В синема «Ранелла»** // 15 марта. № 5104. С. 4. Подп.: Г. А.
«Ла Кукарача».
- «Remous»** // 22 марта. № 5111. С. 4. Подп.: Г. А.
В ролях: Жан Галан, Жанна Буатель, Морис Майэ.

БИБЛИОГРАФИЯ

- «Ватикан»** // 29 марта. № 5118. С. 4. Подп.: Г. А.
Кинорепортаж пасхальных дней 1933 г.
- «Маленький пастор»** // 29 марта. № 5118. С. 4. Подп.: Г. А.
Фильм по роману Барри. В ролях: Катарин Хэпборн, Джэн Бил.
- «Господа Головлевы»** // 5 апреля. № 5125. С. 4.
Французский фильм. В главной роли Гардин.
- «Голгофа»** // 12 апреля. № 5132. С. 4.
Фильм Жюльена Дювивье. В ролях: Робер Ле Виган, Жан Габэн.
- «Сто дней»** // 19 апреля. № 5139. С. 4.
Фильм по сценарию Муссолини. В ролях: Билиотти, Эрнесто Марини.
- «Забывшие люди»** // 26 апреля. № 5146. С. 4.
Документальный фильм о войне.
- «Бабуина»** // 26 апреля. № 5146. С. 4. Подп.: Г. А.
Документальный фильм супругов Мартин-Джонсонов об Африке.
- «Преступление и наказание»** // 17 мая. № 5167. С. 4.
Фильм Пьера Меналя. В ролях: Пьер Бланшар, Гарри Бор, Александр Риньо, Мадлен Озерэ.
- «Клоун Букс»** // 24 мая. № 5174. С. 4.
Фильм о цирке. Музыка Жана Вьенера. В ролях: Анри Роллан, Дебюкур.
- «Три бенгальских улана»** // 24 мая. № 5174. С. 4.
В главной роли Гарри Купер.
- «Two alone»** // 31 мая. № 5181. С. 4. Подп.: Г. А.
В ролях: Том Броун, Джинн Паркер.
- «Жизнь начинается в 40 лет»** // 7 июня. № 5188. С. 4.
В ролях: Вилль Роджерс, Рошель Хэдсон.
- «Запретная любовь»** // 7 июня. № 5188. С. 4. Подп.: Г. А.
В ролях: Барбара Стэнвик, Адольф Манжу.
- «Я любил женщину»** // 14 июня. № 5195. С. 4. Подп.: Г. А.
В ролях: Эдвард Робинсон, Кей Фрэнсис.
- «Женщина и паяц»** // 14 июня. № 5195. С. 4.
В главной роли Марлен Дитрих.
- «Вне закона»** // 21 июня. № 5202. С. 4.
В ролях: Джемс Кагнэ, Аддисон Ричардс, Дик Поуэл, Дж. Роджерс.
- «Полуночная роза»** // 21 июня. № 5202. С. 4.
В ролях: Лоретта Юнг, Рикардо Кортес, Франшо Тон.
- «Два короля»** // 28 июня. № 5209. С. 4.
В роли Фридриха-Вильгельма Э. Яннингс.
- «Laddie»** // 5 июля. № 5216. С. 4.
В ролях: Джон Бил, Глория Стюарт, Вирджиния Вейдлер.
- «Крестовые походы»** // 18 октября. № 5321. С. 4.
Фильм Сесилия Б. де Милля. В ролях: Лоретта Юнг, Генри Уилькинсон.
- «Экипаж»** // 25 октября. № 5328. С. 4.
Фильм Мориса Турнера по роману Кесселя.
- «Эпизод»** // 1 ноября. № 5335. С. 4.
Фильм Вальтера Рейша. В ролях: Паула Вессели, Карл Диль, Фридль Щепа.

- «Дора Нельсон»** // 8 ноября. № 5342. С. 4.
В ролях: Эльвира Попеско, Андрэ Лефор.
- «Ворон»** // 8 ноября. № 5342. С. 4. Подп.: Г. А.
В главной роли Борис Карлов.
- «Зовы леса»** // 15 ноября. № 5349. С. 4.
Фильм по Джеку Лондону. В ролях: Кларк Гэбль, Лоретта Ионг.
- «Так кончилась любовь»** // 22 ноября. № 5356. С. 4.
Австрийский фильм о Наполеоне. В ролях: Густав Грюндгенс, Вилли Форст, Паула Вессели.
- «Шанхай»** // 29 ноября. № 5363. С. 4.
В ролях: Шарль Буайе, Лоретта Ионг.
- «Чапаев»** // 6 декабря. № 5370. С. 4.
Фильм Васильевых по роману Фурманова.
- Два фильма Марселя Паньоля** // 13 декабря. № 5377. С. 4.
Фильмы «Мерлюсс» и «Сигалон».
- «Прохожий»** // 20 декабря. № 5384. С. 4.
Фильм по роману Джером-Джерома с Конрадом Вейдтом в главной роли.
- В «Аполло»** // 27 декабря. № 5391. С. 4.
«Dans le décor» с Джо Броуном.
«La tête chaude» с Джемсом Кагнэ.
- «Баккара»** // 27 декабря. № 5391. С. 4. Подп.: Г. А.
В главных ролях: Марсель Шанталь, Люсьен Бару и Жюль Берри.

1936

- «Город без законов»** // 3 января. № 5398. С. 4.
В ролях: Мириам Хопкинс, Эдвард Робинсон.
- «Побег Мэри Бэрнс»** // 3 января. № 5398. С. 4. Подп.: Г. А.
В главной роли Сильвия Сидней.
- «Анна Каренина»** // 7 февраля. № 5433. С. 4.
В ролях: Грета Гарбо, Фредерик Марч, Фредди Бартоломью.
- «Fantome a vendre»** // 14 февраля. № 5440. С. 4.
Режиссер и автор сценария Ренэ Клэр.
- «Новое завещание»** // 21 февраля. № 5447. С. 4.
Режиссер Саша Гитри. В главной роли Саша Гитри.
- «Collegiate»** // 21 февраля. № 5447. С. 4. Подп.: Г. А.
Американская музыкальная комедия.
- «Клыки и когти»** // 28 февраля. № 5454. С. 4.
Документальный фильм об экспедиции на Малайские острова.
- Два новых фильма** // 6 марта. № 5461. С. 4.
«Бунт на Эльсиноре». Фильм Пьера Шеналея. В ролях: Жан Мюра, Ренэ Бержерон, Ле Виган.
- «Мятежники с “Баунти”». В ролях: Чарльз Лаутон, Кларк Гэбль, Франшо Тон.
- «Самсон»** // 13 марта. № 5468. С. 4. Подп.: Г. А.
Фильм по пьесе Анри Бернштейна. В ролях: Гарри Бор, Габи Морлей.

- «Два монаха»** // 13 марта. № 5468. С. 4.
Мексиканский фильм. В главной роли Карлос Виллаторо.
- Новый фильм Чаплина** // 20 марта. № 5475. С. 4.
Фильм «Новые времена».
- «Sous les yeux d'Occident»** // 27 марта. № 5482. С. 4. Подп.: Г. А.
Фильм Марка Аллегрэ по роману Конрада. В ролях: Пьер Френэ, Жак Копо, Мишель Симон.
- Мария Башкирцева** // 27 марта. № 5482. С. 4.
Венский фильм. В ролях: Лили Дарвас, Ганс Ярай.
- «Les petites alliees»** // 3 апреля. № 5489. С. 4.
Фильм по роману Клода Фаррера. В ролях: Мадлен Рено, Констан Реми, Морис Эсканд.
- «Ceux du Kolkhoze»** // 10 апреля. № 5496. С. 4.
Советский фильм «Крестьяне». В ролях: Гардин, Корчагина-Александровская.
- В «Эрмитаже»** // 10 апреля. № 5496. С. 4. Подп.: А.
Фильм «Моцарт» по сценарию Маргарэт Кеннеди.
Документальный фильм «Земля обетованная».
- «Не я убил Линкольна»** // 10 апреля. № 5496. С. 4. Подп.: Г. А.
В ролях: Уорнер Бакстер, Глория Стюарт.
- «Алиса Адамс»** // 24 апреля. № 5510. С. 4.
В главной роли Катарин Хепборн.
- «L'appel du silence»** // 24 апреля. № 5510. С. 4. Подп.: А-чъ.
Фильм о миссионере Шарле де Фуко.
- «Желание»** // 1 мая. № 5517. С. 4.
Фильм Эрнста Любича. В ролях: Мириам Хопкинс, Марлен Дитрих, Гарри Купер.
- «Сесиль Родс»** // 1 мая. № 5517. С. 4. Подп.: Г. А.
Английский фильм.
- «Умирающая земля»** // 1 мая. № 5517. С. 4. Подп.: Г. А.
Фильм по роману Ренэ Базена.
- «Дырявые башмаки»** // 8 мая. № 5524. С. 4.
Советский фильм о немецких детях.
- «Буйная молодежь»** // 15 мая. № 5531. С. 4.
Фильм Кларанса Брауна по пьесе О'Нила. В ролях: Уоллес Бири, Лайонель Барримор.
- «Любимый бродяга»** // 15 мая. № 5531. С. 4. Подп.: Г. А.
Фильм Мориса Шевалье.
- «La tille de la foret maudite»** // 22 мая. № 5538. С. 4.
Американский фильм. В главной роли Сильвия Сидней.
- «Splendor»** // 22 мая. № 5538. С. 4. Подп.: Г. А.
В ролях: Мириам Хопкинс, Джоль Мак-Кри.
- «Мы из Кронштадта»** // 29 мая. № 5545. С. 4.
Сценарий В.С. Вишневого. В ролях: Зайчиков, Раиса Есипова.
- «Анни из Клондайка»** // 5 июня. № 5552. С. 4.
В ролях: Мэй Уэст, Мак Лаглен.

- По поводу «Кронштадтских матросов»** // 5 июня. № 5552. С. 4. Подп.: А.
Ответ на письма читателей.
- Артисты о себе** // 5 июня. № 5552. С. 4. Подп.: А.
Чарли Чаплин, Джоан Крауфорд.
- «Юность Максима»** // 10 июля. № 5586. С. 4.
Советский фильм. В главной роли Борис Чирков.
- «Доногоо»** // 17 июля. № 5593. С. 4.
Фильм по сценарию Жюлья Ромэна. В ролях: Ренэ Сен-Сир, Реймон Руло.
- «Vivre sa vie»** // 17 июля. № 5593. С. 4. Подп.: Г. А.
В ролях: Джоанна Крауфорд, Брайан Аэрн.
- «Furie»** // 23 октября. № 5691. С. 4.
В ролях: Спенсер Траси, Сильвия Сидней.
- «Под двумя знаменами»** // 23 октября. № 5691. С. 4. Подп.: Г. А.
В ролях: Клодетт Кольбер, Рональд Кольман, Мак-Лаглен.
- «La porte du large»** // 30 октября. № 5698. С. 4.
Фильм Марселя Лербье. В ролях: Жак Бомер, Ролан Тутэн, Жан-Пьер Омон.
- Мистангет на экране («Ригольбош» в Палас Обер)** // 30 октября. № 5698. С. 4.
Фильм «Ригольбош». В главной роли Мистангет.
- «Табор»** // 6 ноября. № 5705. С. 4.
Советский фильм.
- «Doodsworth»** // 6 ноября. № 5705. С. 4. Подп.: Г. А.
Фильм по роману Синклера Льюиса. В ролях: Рут Чаттертон, Уолтер Хустон.
- «Une femme tombe du ciel»** // 6 ноября. № 5705. С. 4. Подп.: -ичь.
Голливудская комедия. В главной роли Роберт Монтгомери.
- «La guerre des gosses»** // 8 ноября. № 5707. С. 5. Подп.: Г. А.
Фильм по роману Луи Перго. В ролях: Жак Мюра, Клод Мэ.
- «Two's company»** // 13 ноября. № 5712. С. 4.
Английский фильм.
- «Drole de famille»** // 13 ноября. № 5712. С. 4. Подп.: Г. А.
Голливудская комедия. В главной роли Мэй Робсон.
- «Король»** // 13 ноября. № 5712. С. 4. Подп.: -ичь.
Комедия по водевилю де Флера и Кайяве. В ролях: Габи Морлей, Эльвира Попес-ко, Андре Лефор.
- «Cesar»** // 20 ноября. № 5719. С. 4.
Фильм Марселя Паньоля. В главной роли Оран Демазис.
- «Рембрандт»** // 27 ноября. № 5726. С. 4.
Фильм Александра Корда. В главной роли Чарльз Лаутон.
- «Маркиз Сэнт-Эвремон»** // 27 ноября. № 5726. С. 4. Подп.: Г. А.
Фильм по «Повести о двух городах» Диккенса. В главной роли Рональд Кольман.
- «На дне»** // 4 декабря. № 5733. С. 4.
Фильм Ренуара по сценарию Е. Замятина. В ролях: Жан Габэн, Жюни Астор, Жувэ.
- «It's Lowe again»** // 4 декабря. № 5733. С. 4. Подп.: Г. А.
Американский фильм. В главной роли Джесси Мэтьюс.
- «Юлика»** // 11 декабря. № 5740. С. 4.
В главной роли Паула Вессели.

- «**Le Belluaire**» // 11 декабря. № 5740. С. 4.
В ролях: Уоллес Бири, Джекки Купер.
- «**Генерал умер на рассвете**» // 18 декабря. № 5647. С. 4. Подп.: Г. А.
В ролях: Гарри Купер, Мадлэн Карроль.
- «**Порт-Артур**» // 18 декабря. № 5647. С. 4. Подп.: Г. А.
Фильм Ника Фаркаса. В ролях: Даньела Дарье, Шарль Санель, Вольбран.
- «**Theodora devient folle**» // 18 декабря. № 5647. С. 4.
Американская комедия. В ролях: Айренн Дэнн, Мельвин Дуглас.
- «**Любовь и ненависть**» («**Восстание баб**») // 25 декабря. № 5754. С. 4.
Советский фильм со Станицыным.
- «**Сан-Франциско**» // 25 декабря. № 5754. С. 4.
Фильм Ван-Дейка. В ролях: Жанетта Мак-Дональд, Кларк Гэбль.
- «**La charge de la Brigade legere**» // 25 декабря. № 5754. С. 4.
Фильм Майкла Кертиса.

1937

- «**Цирк**» // 1 января. № 5761. С. 4.
В главной роли Л. Орлова.
- «**Вандал**» // 1 января. № 5761. С. 4. Подп.: Г. А.
В ролях: Фрэнсис Фармер, Эдвард Арнольд.
- «**Faisons un reve**» // 8 января. № 5768. С. 4.
Режиссер Саша Гитри. В ролях: Саша Гитри, Рэмю, Жаклин Делюбак.
- «**Травля**» // 8 января. № 5768. С. 4. Подп.: Г. А.
Фильм по пьесе Анри Бернштейна. В ролях: Шарль Ванель, Алерм, Алика Фильд.
- «**Дубровский**» // 29 января. № 5789. С. 4.
В ролях: Ливанов, Монахов, Гардин.
- «**Une fine mouche**» // 29 января. № 5789. С. 4. Подп.: Г. А.
В ролях: Уильям Поуэл, Джин Харлоу, Мирна Лой, Спенсер Траси.
- «**Путь в Рио**» // 5 февраля. № 5796. С. 4.
В ролях: Жюль Берри, Сюзи Прим.
- «**La brute magnifique**» // 5 февраля. № 5796. С. 4. Подп.: Г. А.
В главной роли Виктор Мак-Лаглен.
- «**Непобедимая армада**» // 12 февраля. № 5803. С. 4.
Английский фильм Эрика Поммера. В ролях: Лоренс Оливье, Флора Робсон.
- «**Бегство Тарзана**» // 12 февраля. № 5803. С. 4. Подп.: Г. А.
В главной роли Джонни Вейсмюллер.
- «**L'homme de nulle part**» // 19 февраля. № 5810. С. 4.
Фильм Пьера Шенала по роману Пиранделло «Покойный Матиас Паскаль». В ролях: Иза Миранда, Ле Виган.
- «**Jim l'excentrique**» // 19 февраля. № 5810. С. 4. Подп.: Г. А.
В главной роли Роберт Монтгомери.
- В «**Аполло**» // 19 февраля. № 5810. С. 4. Подп.: Г. А.
«On a tue». В главной роли Поль Муни.

- Два новых советских фильма** // 26 февраля. № 5817. С. 4.
«Семеро смелых». Сценарий Юрия Германа.
«Сын Монголии».
- «Путь славы»** // 26 февраля. № 5817. С. 4. Подп.: Г. А.
В ролях: Уорнер Бакстер, Джюн Ланг, Фредерик Марч.
- «Лондонский Ллойд»** // 5 марта. № 5824. С. 4. Подп.: Г. А.
Английский фильм. В ролях: Фредди Бартоломью, Тайрон Поуэр, Мадлен Кароль.
- «L'homme du jour»** // 5 марта. № 5824. С. 4.
Фильм Жюльена Дювивье по сценарию Шарля Вильдрака. В ролях: Морис Шевалье, Эльвира Попеско.
- «Четыре женщины в поисках счастья»** // 12 марта. № 5831. С. 4. Подп.: Г. А.
В ролях: Лоретта Ионг, Дженет Гайнэр, Констанс Беннет, Симон Симон.
- «Незначительная женщина»** // 14 марта. № 5833. С. 5.
Фильм Жана Шу по пьесе О. Уайльда. В ролях: Пьер Бланшар, Лизет Ланвен.
- «Trois jeune filles a la page»** // 19 марта. № 5838. С. 4.
В главной роли Дина Дэрбин.
- «La grande barriere»** // 19 марта. № 5838. С. 4. Подп.: Г. А.
В ролях: Ричард Арлен, Лили Пальмер, Рой Эмертон.
- «Le tourbillon blanc»** // 26 марта. № 5845. С. 4. Подп.: Г. А.
В ролях: Соня Хенье, Адольф Манжу.
- «Gardez-les sous les verrous»** // 26 марта. № 5845. С. 4. Подп.: Г. А.
В ролях: Брюс Кабот, Луиза Латимер.
- «Сад Аллаха»** // 26 марта. № 5845. С. 4.
Фильм по роману Хитчинса. В ролях: Марлен Дитрих, Шарль Бойе.
- Американская комедия («Carolyn veut divorcer»)** // 2 апреля. № 5852. С. 4.
В главной роли Барбара Стэнвик.
- «Убийство Джона Картера»** // 2 апреля. № 5852. С. 4. Подп.: Г. А.
В ролях: Джемс Ганзон, Зазу Питтс.
- «Пепе-ле-Моко»** // 9 апреля. № 5859. С. 4.
Фильм Дювивье. В главной роли Жан Габэн.
- «L'appel de la folie»** // 9 апреля. № 5859. С. 4. Подп.: Г. А.
Комедия с молодыми актерами.
- «Les Horizons perdus»** // 16 апреля. № 5866. С. 4.
Фильм Франка Капра. В главной роли Рональд Кольман.
- «Фрейлейн доктор»** // 16 апреля. № 5866. С. 4. Подп.: Г. А.
Фильм Пабста. В ролях: Жувэ, Пьер Бланшар, Дита Парло.
- «Жемчуга короны»** // 14 мая. № 5893. С. 4.
Режиссер Саша Гитри. В ролях: Саша Гитри, Жаклин Делюбак, Луи Барро.
- «Голый человек»** // 14 мая. № 5893. С. 4. Подп.: Г. А.
Американский фильм. В главной роли Джин Рэймонд.
- «Тайна Стамбула»** // 14 мая. № 5893. С. 4. Подп.: А-вичь.
Последний фильм Фрэнка Уоспера. В главной роли Фрэнк Уоспер.
- «Дети капитана Гранта»** // 21 мая. № 5900. С. 4.
Советский фильм. Музыка Дунаевского. В ролях: Н. Черкасов, Ю.М. Юрьев.

- «Похищение Нэнси Стил»** // 21 мая. № 5900. С. 4. Подп.: Г. А.
В ролях: Мак-Лаглен, Петер Лорре, Джюн Ланг.
- «Груня Корнакова»** // 28 мая. № 5907. С. 4.
Первый советский цветной фильм. Режиссер Николай Экк. В главной роли Вал. Ивашова.
- «La Symphonie des Brigands»** // 28 мая. № 5907. С. 4. Подп.: Г. А.
Режиссер Фридрих Фехер. В ролях: Жан Фехер, Магда Соня.
- «J'ai le droit de vivre»** // 4 июня. № 5914. С. 4.
Режиссер Фритц Ланг. В ролях: Генри Фонда, Сильвия Сидней.
- «Буассьер»** // 4 июня. № 5914. С. 4. Подп.: Г. А.
Фильм по роману Пьера Бенуа. В ролях: Люсьен Нат, Спинелли, Ионнель.
- «Предприимчивый мистер Петров»** // 11 июня. № 5921. С. 4.
В ролях: Фред Астэр, Джинджер Роджерс.
- В синема «Марбэф»** // 11 июня. № 5921. С. 4. Подп.: Г. А.
«Любовь на Вайкики». Комическая феерия. В главной роли Бинг Кросби.
«Убийство, которого никто не видит». Полицейская комедия.
- «Лики Востока»** // 18 июня. № 5928. С. 4.
В ролях: Поль Муни, Луиза Вайнер.
- «Юность поэта»** // 25 июня. № 5935. С. 4.
Советский фильм о Пушкине.
- «La destin se joue la nuit»** // 25 июня. № 5935. С. 4. Подп.: -ичь.
В ролях: Шарль Бойэ, Джин Артур.
- «Week-end mouvemente»** // 25 июня. № 5935. С. 4. Подп.: Г. А.
Американская комедия. В главной роли Дон Амеш.
- «Депутат Балтики»** // 2 июля. № 5942. С. 4.
Фильм Зархи и Хейфица. В ролях: Черкасов, Жаков.
- «Весенняя песнь»** // 2 июля. № 5942. С. 4. Подп.: Г. А.
В ролях: Джанетта Макдональд, Эдди Нельсон.
- «Маргарита Готье»** // 8 октября. № 6040. С. 4.
Фильм по «Даме с камелиями». В ролях: Грета Гарбо, Лайонель Барримор.
- «Au Crepuscule de la Vie»** // 8 октября. № 6040. С. 4. Подп.: Г. А.
Американский фильм без «ведетт».
- «Крейцера соната»** // 15 октября. № 6047. С. 4. Без подп.
В ролях: Петер Петерсен, Лиль Даговер.
- «Le coeur en fete»** // 15 октября. № 6047. С. 4. Подп.: Г. А.
В главной роли Грэг Мур.
- «Концерт Бетховена»** // 22 октября. № 6054. С. 4.
Советский фильм. В ролях: Гардин, Влада Корсак.
- «Бунтовщики из Альварado»** // 22 октября. № 6054. С. 4. Подп.: Г. А.
Мексиканский фильм.
- «Ames a la mer»** // 22 октября. № 6054. С. 4. Подп.: Г. А.
В ролях: Гарри Купер, Джордж Рафт.
- «Le Prince X»** // 29 октября. № 6061. С. 4.
В ролях: Соня Хенье, Тайрон Поуэр.

- «Топпер»** // 29 октября. № 6061. С. 4. Подп.: Г. А.
В ролях: Гарри Грант, Констанс Беннетт.
- «Regain»** // 5 ноября. № 6068. С. 4.
Фильм Марселя Паньоля по роману Жана Жионо. В ролях: Фернандель, Габриэль Габрио, Маргэрит Морено.
- «L'habit vert»** // 5 ноября. № 6068. С. 4. Подп.: Г. А.
Фильм де Флерса и де Кайяве. В ролях: Эльвира Попеско, Андрэ Лефор, Виктор Бушэ.
- «Принц и нищий»** // 12 ноября. № 6075. С. 4.
В ролях: близнецы Билли и Бобби Моуч.
- «Петр Первый»** // 19 ноября. № 6082. С. 4.
Сценарий Ал. Толстого и В. Петрова. В ролях: Симонов, Жаров, Черкасов, Тарасова.
- «Пансион для артисток»** // 19 ноября. № 6082. С. 4. Подп.: Г. А.
В ролях: Катарин Хэпборн, Джинджер Роджерс.
- «Умиравший лебедь»** // 26 ноября. № 6089. С. 4.
Фильм по повести Поля Морана. Хореограф Сергей Лифарь.
- «Ангел»** // 26 ноября. № 6089. С. 4. Подп.: Г. А.
Режиссер Любич. В ролях: Марлен Дитрих, Мельвин Дуглас.
- «Саратога»** // 3 декабря. № 6096. С. 4.
Последний фильм Джин Харлоу. В ролях: Кларк Гэбль, Лайонель Барримор.
- «La ville groude»** // 3 декабря. № 6096. С. 4. Подп.: Г. А.
Уголовный фильм.
- «Vogues 1938»** // 10 декабря. № 6103. С. 4.
В ролях: Джоанна Беннет, Уорнер Бакстер, Миша Ауэр.
- «Forfaiture»** // 10 декабря. № 6103. С. 4. Подп.: Г. А.
Режиссер Марсель Л'Эрбье.
- «Клодина в школе»** // 17 декабря. № 6110. С. 4.
Фильм Сержа де Полинья по тетралогии Колэтт и Вильи. В ролях: Макс Дирли, Пьер Брассер, Марго Лион.
- «Charme de Boheme»** // 17 декабря. № 6110. С. 4.
Фильм по «Богеме» Мюрне. В ролях: Марта Эггерт, Ян Кипура.
- «Naples au baiser de feu»** // 17 декабря. № 6110. С. 4. Подп.: Г. А.
В главной роли Тино Росси.
- «Cette Sacree verite»** // 24 декабря. № 6117. С. 4.
В ролях: Айрен Дэнн, Карл Грант.
- В «Аполло»** // 24 декабря. № 6117. С. 4. Подп.: Г. А.
«Rivalite». В главной роли Генри Фонда.
«Un homme a disparu». В ролях: Эроль Флин, Джоан Блондель.
- «L'enchanteresse»** // 31 декабря. № 6124. С. 4.
Режиссер Кларенс Броун. В ролях: Джоан Крауфорд, Роберт Тэйлор.
- «Дамы в зеленых шляпах»** // 31 декабря. № 6124. С. 4. Подп.: Г. А.
Комедия Жермэна д'Акреман. В ролях: Маргарит Морено, Алис Тиссо.

1938

- «Дезирэ»** // 7 января. № 6131. С. 4.
Комедия Саши Гитри.
- «Параматта»** // 21 января. № 6145. С. 4.
Немецкий фильм с Зарой Леандер в главной роли.
- «Orage» (Мариньян)** // 21 января. № 6145. С. 4. Подп.: Г. А.
Фильм Марка Аллегре по новелле Анри Бернштейна. В ролях: Шарль Буайе, Мишель Морган, Жан-Луи Барро.
- «Rue sans issue»** // 28 января. № 6152. С. 4.
Американский фильм с Сильвией Сидней.
- «J'accuse!»** // 28 января. № 6152. С. 4. Подп.: Г. А.
Фильм Абея Ганса.
- «Quitte ou double»** // 28 января. № 6152. С. 4. Подп.: Г. А.
Американская музыкальная комедия с Бингом Кросби и Мартой Рэй.
- «Молленар»** // 4 февраля. № 6159. С. 4.
Фильм Р. Сиодмака по роману Жильбера. В ролях: Гарри Бор, Альбер Прежан, Габриэль Дорзиа.
- «Кадриль»** // 4 февраля. № 6159. С. 4. Подп.: Г. А.
Комедия Саши Гитри. В ролях: Габи Морлэ, Жорж Грей, Жаклин Делюбак.
- «Марсельеза»** // 11 февраля. № 6166. С. 4.
Фильм Жана Ренуара. В ролях: Пьер Ренуар, Лиз Деламар.
- «Пуританин»** // 11 февраля. № 6166. С. 4. Подп.: Г. А.
Фильм по роману О'Флаэрти. В главной роли Жан-Луи Барро.
- «L'or et la chair»** // 18 февраля. № 6173. С. 4. Подп.: Г. А.
В ролях: Эдуард Арнольд, Фрэнсис Фармер, Карэ Грант.
- «Vivere»** // 18 февраля. № 6173. С. 4. Подп.: Г. А.
Музыкальная мелодрама с участием миланского тенора Тито Скипа.
- «L'innocent»** // 18 февраля. № 6173. С. 4. Подп.: Г. А.
Комедия с Ноэль-Ноэлем.
- «Prison sans barreaux»** // 25 февраля. № 6180. С. 4.
Фильм Леонида Моги. В главной роли Коринна Люшер.
- «Le voilier maudit»** // 25 февраля. № 6180. С. 4. Подп.: Г. А.
Фильм по мотивам романа Стивенсона. В ролях: Фрэнсис Фармер, Гомолка.
- «Мария Валевская»** // 4 марта. № 6187. С. 4.
Фильм Кларанса Брауна. В ролях: Грета Гарбо, Шарль Буайе.
- «Флибустьеры»** // 11 марта. № 6194. С. 4. Подп.: Г. А.
Фильм Сесилия Б. де Милля с участием Фредерика Марча.
- Ураган** // 11 марта. № 6194. С. 4. Подп.: Г. А.
Фильм Джона Форда. В ролях: Мэри Астор, Обрэ Смит.
- «Les gens du voyage»** // 13 марта. № 6196. С. 5.
Фильм Жака Фейдера с участием Франсуаз Розэ.
- Шери-Биби** // 18 марта. № 6201. С. 4.
В ролях: Пьер Френэ, Далио.
- «Жизнь, искусство и любовь»** // 18 марта. № 6201. С. 4. Подп.: Г. А.
В главной роли Роберт Монтгомери.

- «L'impossible M. Bebe»** // 25 марта. № 6208. С. 4. Подп.: Г. А.
В ролях: Карэ Грант, Катарин Хапборн.
- В «Аполло»** // 25 марта. № 6208. С. 4.
«Une meurtre sans importance» («Пустяшное убийство»). Гангстерская комедия. В ролях: Эдвард Робинсон, Джэн Брайан.
«L'alerte». Американская комедия.
- «Пожар Чикаго»** // 1 апреля. № 6215. С. 4. Подп.: Г. А.
Голливудский фильм. В ролях: Тайрон Поуэр, Дон Амеш.
- «L'excentrique Ginger Ted»** // 1 апреля. № 6215. С. 4. Подп.: Г. А.
Фильм по новелле Сомерсета Моэма. В главной роли Чарльз Лаутон.
- «La Femme en Cage»** // 8 апреля. № 6222. С. 4.
Фильм с Лили Понс в главной роли.
«Земля Испании». Кинорепортаж Джоржа Ивенса и Хемингуэя с комментариями Жана Ренуара.
- «Le Voleur de Femmes»** // 8 апреля. № 6222. С. 4. Подп.: Г. А.
Фильм Абея Ганса по роману Пьера Фрондэ. С участием Жюля Берри.
- «Le Schpountz»** // 15 апреля. № 6229. С. 4.
Фильм Марсея Паньоля. В ролях: Оран Демазис, Фернандель.
- «Ronflez, M. Burus!»** // 15 апреля. № 6229. С. 4. Подп.: Г. А.
Голливудская комедия.
- «La Bataille de l'Or»** // 22 апреля. № 6236. С. 4.
Фильм Майкля Кэртиза. В главной роли Джордж Brent.
- «Белоснежка и семь карликов»** // 6 мая. № 6249. С. 4.
Фильм-рисунок Уольта Диснея.
- «L'Escal du Bonheur»** // 13 мая. № 6256. С. 4.
Режиссер Соня Хенье. В ролях: Сезар Ромеро, Соня Хенье, Дон Амеш.
- «L'etrange Monsieur Victor»** // 13 мая. № 6256. С. 4. Подп.: Г. А.
В ролях: Рэмю, Пьер Бланшар, Мадлэн Рено, Вивиан Романс.
- «Prison Centrale»** // 13 мая. № 6256. С. 4. Подп.: -вичь.
В ролях: Джон Ховард, Джин Паркер, Вальтер Конноли.
- «Le Quai des Brumes»** // 20 мая. № 6263. С. 4.
Фильм Марсея Карнэ по роману Мак-Орлана. В ролях: Мишель Симон, Жан Габэн.
- «Барнабэ»** // 20 мая. № 6263. С. 4. Подп.: Г. А.
В ролях: Фернандель, Ролан Тутен, Маргерит Морено.
- В «Аполло»** // 20 мая. № 6263. С. 4. Подп.: Г. В.
«Боязнь скандала». Американская комедия. В ролях: Фернан Гравэ, Кароль Ломбард.
«Строптивное дитя».
- «52-я улица»** // 20 мая. № 6263. С. 4. Подп.: -ичь.
В ролях: Пат Патерсон, Бенни Бэкер.
- «Quelle joie de vivre»** // 27 мая. № 6270. С. 4.
В ролях: Айрен Дэнн, Дуглас Фэрбанкс-младший.
- «Fausses Nouvelles»** // 27 мая. № 6270. С. 4. Подп.: Г. А.
Фильм Ренэ Клэра. В ролях: Морис Шевалье, Джордж Бьюканен.

- «Мисс Катастрофа»** // 27 мая. № 6270. С. 4. Подп.: -ичъ.
В ролях: Джоанна Блондель, Мельвин Дуглас.
- «Rapsodie Eternelle»** // 3 июня. № 6277. С. 4.
Венгерский фильм. В роли Листа Франц Хертигер.
- «Развод лэди Х»** // 3 июня. № 6277. С. 4. Подп.: Г. А.
Комедия Александра Корда.
- «Fifi, Peau de Peche»** // 3 июня. № 6277. С. 4. Подп.: Г. А.
В главной роли Мэй Уэст.
- В театре «Парамоунт»** // 3 июня. № 6277. С. 4. Подп.: -ъ.
«Председательница суда». По пьесе Мориса Эннекена и Пьера Вебера. В ролях:
Андрэ Лефор, Эльвира Попеско, Анри Гара.
- «Le Petit Chose»** // 10 июня. № 6284. С. 4.
Фильм Мориса Клоша по роману А. Додэ. В ролях: Робер Ленн, Ле Виган, Шар-
пэн.
- В «Аполло»** // 10 июня. № 6284. С. 4. Подп.: Г. А.
«Une certaine femme». В ролях: Бэтт Дэвис, Генри Фонда.
«Police judiciaire». Уголовный фильм.
- Иллюзии** // 10 июня. № 6284. С. 4. Подп.: А.
«Дон-Кихот» (Франция, 1912).
«Броненосец Потемкин».
«La grande parade».
- «Холливуд, Холливуд»** // 17 июня. № 6291. С. 4. Подп.: Г. А.
В главной роли Джемс Кагнэ.
- «Pilote d'essai»** // 24 июня. № 6298. С. 4.
В ролях: Кларк Гэбл, Мирна Лой.
- «Quatre Hommes et une Priere»** // 24 июня. № 6298. С. 4. Подп.: Г. А.
В ролях: Ричард Григ, Лоретта Ионг.
- В «Аполло»** // 24 июня. № 6298. С. 4. Подп.: Г. А.
«La revue du college».
«Вызов». Спортивная комедия. В главной роли Уэйн Моррис.
- «Alerte aux Indes»** // 1 июля. № 6304. С. 4.
Фильм Золтана и Александра Корда.
- «Аризона-Билль»** // 1 июля. № 6304. С. 4. Подп.: Г. А.
Американский фильм с Уоллесом Бири.
- «L'Escadrille de la Chance»** // 1 июля. № 6304. С. 4. Подп.: Г. А.
Французский фильм. В ролях: Андрэ Люгэ, Лили Дамита.
- «Адриенна Лекуврер»** // 7 октября. № 6403. С. 4. Подп.: Г. А.
Фильм Марселя Л'Эрбье.
- «Lumieres de Paris»** // 7 октября. № 6403. С. 4. Подп.: Г. А.
Фильм Тино Росси.
- «Entree des Artistes»** // 14 октября. № 6410. С. 4.
Фильм Марка Аллегрэ.
- «Adieu pour toujours»** // 14 октября. № 6410. С. 4. Подп.: Г. А.
В ролях: Барбара Стэнвик, Герберт Маршал.

- «**Casier Judiciaire**» // 21 октября. № 6417. С. 4.
Фильм Фрица Ланга.
- «**Prisons de Femmes**» // 21 октября. № 6417. С. 4. Подп.: А.
Фильм Фрэнсиса Карко.
- «**Le Drame de Shanghai**» // 28 октября. № 6424. С. 4.
Фильм Пабста.
- «**Madame et son Clochard**» // 28 октября. № 6424. С. 4. Подп.: Г. А.
Американский фильм. В ролях: Брайан Ахэрн, Констанс Беннет.
- «**Катя**» // 30 октября. № 6426. С. 6.
В ролях: Даниэль Даррье, Джон Лодер.
- «**L'île d'angoisses**» // 4 ноября. № 6431. С. 4. Подп.: Г. А.
Американский фильм с участием Дон Амеша.
- «**Vivent des Etudiants**» // 4 ноября. № 6431. С. 4.
В главной роли Роберт Тэйлор.
- «**La Chaleur du Sein**» // 6 ноября. № 6432. С. 6. Подп.: Г. А.
Фильм по пьесе Андре Бирабо. В главной роли Мишель Симон.
- «**Ультиматум**» // 15 ноября. № 6438. С. 5. Подп.: Г. А.
В ролях: Дита Парло, Эрик фон Штрогейм.
- В «Аполло»** // 15 ноября. № 6438. С. 5. Подп.: Г. А.
«Таинственный доктор Клиттергауз».
- «Les joyeux comperes». В ролях: Дик Поуель, Присцилла Лэн.
- «**Monsieur Coccinelle**» // 18 ноября. № 6445. С. 4.
Фильм Бернара Дешана.
- «**Знахарь**» // 18 ноября. № 6445. С. 4. Подп.: Г. А.
Польский фильм с участием Степовского.
- «**Приключения Робин-Гуда**» // 25 ноября. № 6452. С. 4. Подп.: Г. А.
Фильм Майкля Кэртиса.
- «**Retour a l'Aube**» // 25 ноября. № 6452. С. 4. Подп.: Г. А.
Фильм по роману Викки Баум. В ролях: Даниэль Даррье, Пьер Менган.
- «**La Vierga Folle**» // 27 ноября. № 6454. С. 5. Подп.: Г. А.
Фильм по Анри Батайлю.
- «**Гибралтар**» // 2 декабря. № 6459. С. 4. Подп.: Г. А.
Фильм Ф. Оцепа.
- В «Аполло»** // 2 декабря. № 6459. С. 4. Подп.: Г. А.
«La femme errante». Психологический фильм.
«Une nuit de gala». Комедия.
- «**Сципион Африканский**» // 9 декабря. № 6465. С. 4.
Исторический фильм.
- «**Remontons les Champs-Elysees**» // 9 декабря. № 6465. С. 4. Подп.: Г. А.
Режиссер Саша Гитри.
- «**Вертер**» // 11 декабря. № 6467. С. 5. Подп.: Г. А.
Фильм по Гете. В ролях: Пьер-Ришар Вильм, Анни Вернэ.
- «**Le Heros de la Marne**» // 16 декабря. № 6472. С. 4. Подп.: Г. А.
Французский военный фильм.

- В «Аполло»** // 16 декабря. № 6472. С. 4. Подп.: Г. А.
 «Reves de jeunesse».
 «Menaces sur la ville».
«Trois Valses» // 23 декабря. № 6479. С. 4. Подп.: Г. А.
 Фильм Людвиг Бергера.
«Hotel du Nord» // 23 декабря. № 6479. С. 4.
 Фильм Марселя Карнэ.
«Суэц» // 30 декабря. № 6486. С. 4. Подп.: Г. А.
 Фильм о Суэцком канале.
«La Bete Humaine» // 30 декабря. № 6486. С. 4.
 Фильм Жана Ренуара по роману Золя.

1939

- 1938** // 6 января. № 6493. С. 4.
 «Белоснежка и семь гномов» Уолта Диснея.
 «Боги стадиона». Режиссер Лени Рифеншталь.
 «Quaides brumes». Режиссер Марсель Карнэ.
 «La bete humaine». Режиссер Марсель Карнэ.
 «Entree des artists». Режиссер Марк Аллергэ.
 «Мосье Коксинель». Режиссер Бернар Дешан.
 «Жена булочника». Режиссер Паньоль.
 «Петр I» (СССР).
 «Сципион Африканский» (Италия).
В «Аполло» // 6 января. № 6493. С. 4. Подп.: Г. А.
 «Quatre au paradise» («Four's a crowd»)
 «Jeunes filles en surveillance» («Girls on probation»)
Размышления зрителя // 20 января. № 6507. С. 4.
 Паньоль. Дисней. Жан Ренуар.
Советские фильмы // 27 января. № 6514. С. 4. Подп.: Г. А.
 «Аэроград». Режиссер Довженко.
 «Последняя ночь». Режиссер Райзман.
«Monsieur Tout-le-Monde» // 27 января. № 6514. С. 4. Подп.: Г. А.
 Американский фильм «Thanks for Everything».
«Trois de Saint-Cyr» // 3 февраля. № 6521. С. 4.
«La Vallee des Geants» // 3 февраля. № 6521. С. 4. Подп.: Г. А.
 «Долина великанов». Фильм о Диком Западе.
 Фильм «Секрет актрисы».
«La Citadelle» // 10 февраля. № 6528. С. 4.
 Фильм Кинга Видора.
«Madame et son Cowboy» // 10 февраля. № 6528. С. 4. Подп.: Г. А.
«Noix de Coco» // 17 февраля. № 6535. С. 4.
 В ролях: Мишель Симон, Ремю, Мари Белль.
«Raphael, le Tatoue» // 17 февраля. № 6535. С. 4. Подп.: Г. А.
 В ролях: Фернандель, Моника Роллан.

- В синема «Марбэф»** // 24 февраля. № 6542. С. 4.
«Семейство Харди на каникулах».
«Лондон ночью».
- «Accord Finale»** // 24 февраля. № 6542. С. 4.
В ролях: Жорж Риго, Алерн, Жюль Берри, Кэт де Наш.
- Кентукки** // 3 марта. № 6549. С. 4. Подп.: Г. А.
В ролях: Лоретта Ионг, Ричард Грин.
- Марахо** // 3 марта. № 6549. С. 4. Подп.: Г. А.
Английский фильм.
- «Les Anges aux Figures Sales»** // 3 марта. № 6549. С. 4.
Фильм Майкеля Кэртиса. В главной роли Джемс Кагней.
- «Форт Долорес»** // 10 марта. № 6556. С. 4. Подп.: Г. А.
В главной роли Ларкэ.
- «Recif de Corail»** // 10 марта. № 6556. С. 4. Подп.: Г. А.
В ролях: Жан Габэн, Мишель Морган.
- «La vie est magnifique»** // 10 марта. № 6556. С. 4. Подп.: Г. А.
В ролях: Жан Сервэ, Жермен Дермоз.
- «Toute la ville danse»** // 17 марта. № 6563. С. 4.
Фильм Жюльена Дювивье о Штраусе. В ролях: Фернан Гравэ, Луиза Райнер, Милица Корьюс.
- «Eusebe, Depute»** // 17 марта. № 6563. С. 4. Подп.: Г. А.
Фильм по сюжету Тристана Бернара. В ролях: Эльвира Попеско, Морено, Мишель Симон.
- «Nanette a trois amours»** // 24 марта. № 6570. С. 4. Подп.: Г. А.
В ролях: Роберт Монтгомери, Фрэнчэт Тон, Джанет Гейнер.
- «Les otages»** // 24 марта. № 6570. С. 4. Подп.: Г. А.
Режиссер Рэмон Бернар. В ролях: Шарпен, Ларкэ, Сатюрнен Фабр.
- «Видок»** // 24 марта. № 6570. С. 4. Подп.: Г. А.
Фильм Андрэ Брюгэ. В главной роли Андрэ Брюгэ.
- «La Fin du Jour»** // 31 марта. № 6577. С. 4.
Режиссер Жюльен Дювивье. В ролях: Франсэн, Мишель Симон, Луи Жувэ.
- «Мария-Антуанетта»** // 31 марта. № 6577. С. 4. Подп.: Г. А.
Фильм Ван Дейка по Стефану Цвейгу. В ролях: Норма Ширер, Тайрон Поуэр.
- «Soubrette»** // 21 апреля. № 6598. С. 4. Подп.: Г. А.
Фильм по комедии Жака Деваля. В главной роли Олимпия Брадна.
- «Le veau gras»** // 21 апреля. № 6598. С. 4. Подп.: Г. А.
Фильм Сержа де Полиньи по комедии Бернара Зиммера. В ролях: Эльвира Попеско, Андрэ Лефор, Дорвиль.
- «Entente cordiale»** // 28 апреля. № 6605. С. 4.
Фильм Марселя Л'Эрбье по книге Андрэ Моруа. В ролях: Виктор Франсэн, Жан Перье, Арлетт Маршал, Габи Морлэ.
- «La grande solution»** // 28 апреля. № 6605. С. 4.
Чешский фильм по драме К. Чапека. В ролях: Штепанек, Гуго-Гааз, Карен.
- «Заза»** // 30 апреля. № 6607. С. 5. Подп.: Г. А.
Фильм по пьесе Пьера Бертоне. В ролях: Клодетт Кольбер, Герберт Маршалл.

- «**Les Hauts de Hurlevent**» // 5 мая. № 6612. С. 4.
 Фильм Уилльяма Уайлера по роману Эмили Бронте. В ролях: Мэрль Оберон, Ло-
 ренс Оливье.
- «**Elle et Lui**» // 5 мая. № 6612. С. 4. Подп.: Г. А.
 В ролях: Айринн Дэнн, Шарль Буайэ.
- «**Je suis un criminel**» // 5 мая. № 6612. С. 4. Подп.: -овичъ.
 Фильм с Джоном Гарфильдом в главной роли.
 «Une tete brulee». Фильм из жизни журналистов.
- «**Idiots Delight**» // 12 мая. № 6619. С. 4. Подп.: Г. А.
 Фильм Кларенса Брауна по комедии Шервуда. В ролях: Кларк Гэбл, Норма Ши-
 рер.
- «**Boo!oo**» // 12 мая. № 6619. С. 4. Подп.: Г. А.
 Приключенческий фильм.
- «**Le Dernier Tournant**» // 19 мая. № 6626. С. 4.
 Режиссер Пьер Шеналь. В ролях: Фернан Гравэ, Коринна Люшэр.
- «**La Grande Inconnue**» // 19 мая. № 6626. С. 4. Подп.: Г. А.
 Фильм Жака д'Эсма об иностранном легионе.
- «**La Cheveau chee fantastique**» // 26 мая. № 6633. С. 4. Подп.: Г. А.
 Фильм Джона Форда.
- «**La baronne de minuit**» // 26 мая. № 6633. С. 4. Подп.: Г. А.
 В ролях: Дон Амеш, Клодетт Кольбер.
- «**La Vie d'une autre**» // 2 июня. № 6640. С. 4.
 Сценарий Маргарет Кеннеди по роману Бенеша. В ролях: Елизавета Бергнер,
 Майкель Редгрэв.
- «**Et la parole fut**» // 9 июня. № 6647. С. 4. Подп.: Г. А.
 В ролях: Дон Амеш, Лоретта Ионг, Генри Фонда.
- «**Therese Martin**» // 9 июня. № 6647. С. 4. Подп.: Г. А.
 Фильм о «маленькой Терезе».
- «**Yamile sous les cedres**» // 9 июня. № 6647. С. 4. Подп.: Г. А.
 Фильм по роману Анри Бордо.
- «**Le jour se leve**» // 16 июня. № 6654. С. 4.
 Фильм Марсея Карнэ. В ролях: Жан Габэн, Жюль Берри.
- «**Фрик-Фрак**» // 23 июня. № 6661. С. 4. Подп.: Г. А.
 Фильм по пьесе Бурдэ. В ролях: Арлотти, Мишель Симон, Фернандель.
- «**Terre d'angoisse**» // 30 июня. № 6668. С. 4. Подп.: Г. А.
 Военно-шпионский фильм.
- «**Le cavalier errant**» // 30 июня. № 6668. С. 4. Подп.: Г. А.
 В ролях: Питер Мэзон, Дик Поуэлл.
 В первой части программы авиационный фильм с Рональдом Риганом в главной
 роли.
- «**Trafic d'hommes**» // 7 июля. № 6675. С. 4. Подп.: Г. А.
 Американский фильм. В ролях: Уоллес Бири, Роберт Тэйлор.
- «**Coup de theatre**» // 7 июля. № 6675. С. 4. Подп.: Г. А.
 В главной роли Полетт Годар.

1940

В темном зале // 23 февраля. № 6906. С. 3.

Американский фильм «Мария-Антуанетта». В главной роли Норма Ширер.

3. «ПРО ВСЕ»

1926

6 сентября. № 1993. С. 3; 13 сентября. № 2000. С. 3; 16 сентября. № 2003. С. 3; 20 сентября. № 2007. С. 3; 27 сентября. № 2014. С. 3; 4 октября. № 2021. С. 3; 11 октября. № 2028. С. 3; 18 октября. № 2035. С. 3; 25 октября. № 2042. С. 3; 8 ноября. № 2056. С. 3; 15 ноября. № 2063. С. 3; 22 ноября. № 2070. С. 3; 29 ноября. № 2077. С. 3; 6 декабря. № 2084. С. 3; 13 декабря. № 2091. С. 3; 20 декабря. № 2099. С. 3; 27 декабря. № 2105. С. 3.

1927

3 января. № 2112. С. 3; 10 января. № 2119. С. 3; 17 января. № 2126. С. 3; 24 января. № 2133. С. 3; 31 января. № 2140. С. 3; 7 февраля. № 2147. С. 3; 14 февраля. № 2154. С. 3; 21 февраля. № 2161. С. 3; 28 февраля. № 2168. С. 3; 7 марта. № 2175. С. 3; 14 марта. № 2182. С. 3; 21 марта. № 2189. С. 3; 28 марта. № 2196. С. 3; 4 апреля. № 2203. С. 3; 11 апреля. № 2210. С. 3; 18 апреля. № 2217. С. 3; 25 апреля. № 2224. С. 3; 2 мая. № 2231. С. 3; 9 мая. № 2238. С. 3; 16 мая. № 2245. С. 3; 23 мая. № 2252. С. 3; 30 мая. № 2259. С. 3; 6 июня. № 2266. С. 3; 13 июня. № 2273. С. 3; 20 июня. № 2280. С. 3; 27 июня. № 2287. С. 3; 4 июля. № 2294. С. 3; 11 июля. № 2301. С. 2; 18 июля. № 2308. С. 2; 25 июля. № 2315. С. 3; 1 августа. № 2322. С. 3; 8 августа. № 2329. С. 3; 15 августа. № 2336. С. 3; 22 августа. № 2343. С. 3; 29 августа. № 2350. С. 3; 5 сентября. № 2357. С. 3; 12 сентября. № 2364. С. 3; 19 сентября. № 2371. С. 3; 26 сентября. № 2378. С. 3; 3 октября. № 2385. С. 3; 10 октября. № 2392. С. 3; 17 октября. № 2399. С. 3; 24 октября. № 2406. С. 3; 31 октября. № 2413. С. 3; 7 ноября. № 2420. С. 3; 14 ноября. № 2427. С. 3; 21 ноября. № 2434. С. 3; 28 ноября. № 2441. С. 3; 5 декабря. № 2448. С. 3; 12 декабря. № 2455. С. 3; 19 декабря. № 2462. С. 3; 26 декабря. № 2469. С. 3.

1928

2 января. № 2476. С. 3; 9 января. № 2483. С. 3; 16 января. № 2490. С. 3; 23 января. № 2497. С. 3; 30 января. № 2504. С. 3; 6 февраля. № 2511. С. 3; 13 февраля. № 2518. С. 3; 20 февраля. № 2525. С. 3; 27 февраля. № 2532. С. 3; 5 марта. № 2539. С. 3; 12 марта. № 2546. С. 3; 19 марта. № 2553. С. 3; 26 марта. № 2560. С. 3; 2 апреля. № 2567. С. 3; 9 апреля. № 2574. С. 3; 16 апреля. № 2581. С. 3; 23 апреля. № 2588. С. 3; 30 апреля. № 2595. С. 3; 7 мая. № 2602. С. 3; 14 мая. № 2609. С. 3; 21 мая. № 2616. С. 3; 28 мая. № 2623. С. 3; 4 июня. № 2630. С. 3; 11 июня. № 2637. С. 3; 18 июня. № 2644. С. 3; 25 июня. № 2651. С. 3; 2 июля. № 2658. С. 3; 9 июля. № 2665. С. 3; 16 июля. № 2672. С. 3; 23 июля. № 2679. С. 3; 30 июля. № 2686. С. 3; 6 августа. № 2693. С. 3; 13 августа. № 2700. С. 3; 20 августа. № 2707. С. 3; 27 августа. № 2714. С. 3; 3 сентября. № 2721. С. 3; 10 сентября. № 2728. С. 3; 17 сентября. № 2735. С. 3; 24 сентября.

БИБЛИОГРАФИЯ

№ 2742. С. 3; 1 октября. № 2749. С. 3; 8 октября. № 2756. С. 3; 15 октября. № 2763. С. 3; 22 октября. № 2770. С. 3; 29 октября. № 2777. С. 3; 5 ноября. № 2784. С. 3; 12 ноября. № 2791. С. 3; 19 ноября. № 2798. С. 3; 26 ноября. № 2805. С. 3; 3 декабря. № 2812. С. 3; 10 декабря. № 2819. С. 3; 17 декабря. № 2826. С. 3; 24 декабря. № 2833. С. 3; 31 декабря. № 2840. С. 3.

1929

7 января. № 2847. С. 3; 14 января. № 2854. С. 3; 21 января. № 2861. С. 3; 28 января. № 2868. С. 3; 4 февраля. № 2875. С. 3; 11 февраля. № 2882. С. 3; 18 февраля. № 2889. С. 3; 25 февраля. № 2896. С. 3; 4 марта. № 2903. С. 3; 11 марта. № 2910. С. 3; 18 марта. № 2917. С. 3; 25 марта. № 2924. С. 3; 1 апреля. № 2931. С. 3; 8 апреля. № 2938. С. 3; 15 апреля. № 2945. С. 3; 22 апреля. № 2952. С. 3; 29 апреля. № 2959. С. 3; 6 мая. № 2966. С. 3; 13 мая. № 2973. С. 3; 20 мая. № 2980. С. 3; 27 мая. № 2987. С. 3; 3 июня. № 2994. С. 3; 10 июня. № 3001. С. 3; 17 июня. № 3008. С. 3; 24 июня. № 3015. С. 3; 1 июля. № 3022. С. 3; 8 июля. № 3029. С. 3; 15 июля. № 3036. С. 3; 22 июля. № 3043. С. 3; 29 июля. № 3050. С. 3; 5 августа. № 3057. С. 3; 12 августа. № 3064. С. 3; 19 августа. № 3071. С. 3; 26 августа. № 3078. С. 3; 2 сентября. № 3085. С. 3; 9 сентября. № 3092. С. 3; 16 сентября. № 3099. С. 3; 23 сентября. № 3106. С. 3; 30 сентября. № 3113. С. 3; 7 октября. № 3120. С. 3; 14 октября. № 3127. С. 3; 21 октября. № 3134. С. 3; 28 октября. № 3141. С. 3; 4 ноября. № 3148. С. 3; 11 ноября. № 3155. С. 3; 18 ноября. № 3162. С. 3; 25 ноября. № 3169. С. 3; 2 декабря. № 3176. С. 3; 9 декабря. № 3183. С. 3; 16 декабря. № 3190. С. 3; 23 декабря. № 3197. С. 3; 30 декабря. № 3204. С. 3.

1930

6 января. № 3211. С. 3; 13 января. № 3218. С. 3; 20 января. № 3225. С. 3; 27 января. № 3232. С. 3; 3 февраля. № 3239. С. 3; 10 февраля. № 3246. С. 3; 17 февраля. № 3253. С. 3; 24 февраля. № 3260. С. 3; 3 марта. № 3267. С. 3; 10 марта. № 3274. С. 3; 17 марта. № 3281. С. 3; 24 марта. № 3288. С. 3; 31 марта. № 3295. С. 3; 7 апреля. № 3302. С. 3; 14 апреля. № 3309. С. 3; 21 апреля. № 3316. С. 3; 28 апреля. № 3323. С. 3; 5 мая. № 3330. С. 3; 12 мая. № 3337. С. 3; 19 мая. № 3344. С. 3; 26 мая. № 3351. С. 3; 2 июня. № 3358. С. 3; 9 июня. № 3365. С. 3; 16 июня. № 3372. С. 3; 23 июня. № 3379. С. 3; 30 июня. № 3386. С. 3; 7 июля. № 3393. С. 3; 14 июля. № 3400. С. 3; 21 июля. № 3407. С. 3; 28 июля. № 3414. С. 3; 4 августа. № 3421. С. 3; 11 августа. № 3428. С. 3; 18 августа. № 3435. С. 3; 25 августа. № 3442. С. 3; 1 сентября. № 3449. С. 3; 8 сентября. № 3456. С. 3; 15 сентября. № 3463. С. 3; 22 сентября. № 3470. С. 3; 29 сентября. № 3477. С. 3; 6 октября. № 3484. С. 3; 13 октября. № 3491. С. 3; 20 октября. № 3498. С. 3; 27 октября. № 3505. С. 3; 3 ноября. № 3512. С. 3; 10 ноября. № 3519. С. 3; 17 ноября. № 3526. С. 3; 24 ноября. № 3533. С. 3; 1 декабря. № 3540. С. 3; 8 декабря. № 3547. С. 3; 15 декабря. № 3554. С. 3; 22 декабря. № 3561. С. 3; 29 декабря. № 3568. С. 3.

1931

5 января. № 3575. С. 3; 12 января. № 3582. С. 3; 19 января. № 3589. С. 3; 26 января. № 3596. С. 3; 2 февраля. № 3603. С. 3; 9 февраля. № 3610. С. 3; 16 февраля. № 3617. С. 3; 23 февраля. № 3624. С. 3; 2 марта. № 3631. С. 3; 9 марта. № 3638. С. 3; 16 марта.

№ 3645. С. 3; 23 марта. № 3652. С. 3; 30 марта. № 3659. С. 3; 6 апреля. № 3666. С. 3; 13 апреля. № 3673. С. 3; 20 апреля. № 3680. С. 3; 27 апреля. № 3687. С. 3; 4 мая. № 3694. С. 3; 11 мая. № 3701. С. 3; 18 мая. № 3708. С. 3; 25 мая. № 3715. С. 3; 1 июня. № 3722. С. 3; 8 июня. № 3729. С. 3; 15 июня. № 3736. С. 3; 22 июня. № 3743. С. 3; 29 июня. № 3750. С. 3; 6 июля. № 3757. С. 3; 13 июля. № 3764. С. 3; 20 июля. № 3771. С. 3; 27 июля. № 3778. С. 3; 3 августа. № 3785. С. 3; 10 августа. № 3792. С. 3; 17 августа. № 3799. С. 3; 24 августа. № 3806. С. 3; 31 августа. № 3813. С. 3; 7 сентября. № 3820. С. 3; 14 сентября. № 3827. С. 3; 21 сентября. № 3834. С. 3; 28 сентября. № 3841. С. 3; 5 октября. № 3848. С. 3; 12 октября. № 3855. С. 3; 19 октября. № 3862. С. 3; 26 октября. № 3869. С. 3; 2 ноября. № 3876. С. 3; 9 ноября. № 3883. С. 3; 16 ноября. № 3890. С. 3; 23 ноября. № 3897. С. 3; 30 ноября. № 3904. С. 3; 7 декабря. № 3911. С. 3; 14 декабря. № 3918. С. 3; 21 декабря. № 3925. С. 3; 28 декабря. № 3932. С. 3.

1932

4 января. № 3939. С. 3; 11 января. № 3946. С. 3; 18 января. № 3953. С. 3; 25 января. № 3960. С. 3; 1 февраля. № 3967. С. 3; 8 февраля. № 3974. С. 3; 15 февраля. № 3981. С. 3; 22 февраля. № 3988. С. 3; 29 февраля. № 3995. С. 3; 7 марта. № 4002. С. 3; 14 марта. № 4009. С. 3; 21 марта. № 4016. С. 3; 28 марта. № 4023. С. 3; 4 апреля. № 4030. С. 3; 11 апреля. № 4037. С. 3; 18 апреля. № 4044. С. 3; 25 апреля. № 4051. С. 3; 2 мая. № 4058. С. 3; 9 мая. № 4065. С. 3; 16 мая. № 4072. С. 3; 23 мая. № 4079. С. 3; 30 мая. № 4086. С. 3; 6 июня. № 4093. С. 3; 13 июня. № 4100. С. 3; 20 июня. № 4107. С. 3; 27 июня. № 4114. С. 3; 4 июля. № 4121. С. 3; 11 июля. № 4128. С. 3; 18 июля. № 4135. С. 3; 25 июля. № 4142. С. 3; 1 августа. № 4149. С. 3; 8 августа. № 4156. С. 3; 15 августа. № 4163. С. 3; 22 августа. № 4170. С. 3; 29 августа. № 4177. С. 3; 5 сентября. № 4184. С. 3; 12 сентября. № 4191. С. 3; 19 сентября. № 4198. С. 3; 26 сентября. № 4205. С. 3; 3 октября. № 4212. С. 3; 10 октября. № 4219. С. 3; 17 октября. № 4226. С. 3; 24 октября. № 4233. С. 3; 31 октября. № 4240. С. 3; 7 ноября. № 4247. С. 3; 14 ноября. № 4254. С. 3; 21 ноября. № 4261. С. 3; 28 ноября. № 4268. С. 3; 5 декабря. № 4275. С. 3; 12 декабря. № 4282. С. 3; 19 декабря. № 4289. С. 3; 26 декабря. № 4296. С. 3.

1933

2 января. № 4303. С. 3; 9 января. № 4310. С. 3; 16 января. № 4317. С. 3; 23 января. № 4324. С. 3; 30 января. № 4331. С. 3; 6 февраля. № 4338. С. 3; 13 февраля. № 4345. С. 3; 20 февраля. № 4352. С. 3; 27 февраля. № 4359. С. 3; 6 марта. № 4366. С. 3; 13 марта. № 4373. С. 3; 20 марта. № 4380. С. 3; 27 марта. № 4387. С. 3; 3 апреля. № 4394. С. 3; 10 апреля. № 4401. С. 3; 17 апреля. № 4408. С. 3; 24 апреля. № 4415. С. 3; 1 мая. № 4422. С. 3; 8 мая. № 4429. С. 3; 15 мая. № 4436. С. 3; 22 мая. № 4443. С. 3; 29 мая. № 4450. С. 3; 5 июня. № 4457. С. 3; 12 июня. № 4464. С. 3; 19 июня. № 4471. С. 3; 26 июня. № 4478. С. 3; 3 июля. № 4485. С. 3; 10 июля. № 4492. С. 3; 17 июля. № 4499. С. 3; 24 июля. № 4506. С. 3; 31 июля. № 4513. С. 3; 7 августа. № 4520. С. 3; 14 августа. № 4527. С. 3; 21 августа. № 4534. С. 3; 28 августа. № 4541. С. 3; 4 сентября. № 4548. С. 3; 11 сентября. № 4555. С. 3; 18 сентября. № 4562. С. 3; 25 сентября. № 4569. С. 3; 2 октября. № 4576. С. 3; 9 октября. № 4583. С. 3; 16 октября. № 4590. С. 3; 23 октября. № 4597. С. 3; 30 октября. № 4604. С. 3; 6 ноября. № 4611. С. 3; 13 ноября. № 4618.

БИБЛИОГРАФИЯ

С. 3; 20 ноября. № 4625. С. 3; 27 ноября. № 4632. С. 3; 4 декабря. № 4639. С. 3; 11 декабря. № 4646. С. 3; 18 декабря. № 4653. С. 3; 25 декабря. № 4660. С. 3.

1934

1 января. № 4667. С. 3; 8 января. № 4674. С. 3; 15 января. № 4681. С. 3; 22 января. № 4688. С. 3; 29 января. № 4695. С. 3; 5 февраля. № 4702. С. 3; 19 февраля. № 4715. С. 3; 26 февраля. № 4722. С. 3; 5 марта. № 4729. С. 3; 12 марта. № 4736. С. 3; 19 марта. № 4743. С. 3; 26 марта. № 4750. С. 3; 2 апреля. № 4757. С. 3; 9 апреля. № 4764. С. 3; 16 апреля. № 4771. С. 3; 23 апреля. № 4778. С. 3; 30 апреля. № 4785. С. 3; 7 мая. № 4792. С. 3; 14 мая. № 4799. С. 3; 21 мая. № 4806. С. 3; 28 мая. № 4813. С. 3; 4 июня. № 4820. С. 3; 11 июня. № 4827. С. 3; 18 июня. № 4834. С. 3; 25 июня. № 4841. С. 3; 2 июля. № 4848. С. 3; 9 июля. № 4855. С. 3; 16 июля. № 4862. С. 3; 23 июля. № 4869. С. 3; 30 июля. № 4876. С. 3; 6 августа. № 4883. С. 3; 13 августа. № 4890. С. 3; 20 августа. № 4897. С. 3; 27 августа. № 4904. С. 3; 3 сентября. № 4911. С. 3; 10 сентября. № 4918. С. 3; 17 сентября. № 4925. С. 3; 24 сентября. № 4932. С. 3; 1 октября. № 4939. С. 3; 8 октября. № 4946. С. 3; 15 октября. № 4953. С. 3; 22 октября. № 4960. С. 3; 29 октября. № 4967. С. 3; 5 ноября. № 4974. С. 3; 12 ноября. № 4981. С. 3; 19 ноября. № 4988. С. 3; 26 ноября. № 4995. С. 3; 3 декабря. № 5002. С. 3; 10 декабря. № 5009. С. 3; 17 декабря. № 5016. С. 3; 24 декабря. № 5023. С. 3; 31 декабря. № 5030. С. 3.

1935

7 января. № 5037. С. 3; 14 января. № 5044. С. 3; 21 января. № 5051. С. 3; 28 января. № 5058. С. 3; 4 февраля. № 5065. С. 3; 11 февраля. № 5072. С. 3; 18 февраля. № 5079. С. 3; 25 февраля. № 5086. С. 3; 4 марта. № 5093. С. 3; 11 марта. № 5100. С. 3; 18 марта. № 5107. С. 3; 25 марта. № 5114. С. 3; 1 апреля. № 5121. С. 3; 8 апреля. № 5128. С. 3; 15 апреля. № 5135. С. 3; 22 апреля. № 5142. С. 3; 29 апреля. № 5149. С. 3; 6 мая. № 5156. С. 3; 13 мая. № 5163. С. 3; 20 мая. № 5170. С. 3; 27 мая. № 5177. С. 3; 3 июня. № 5184. С. 3; 10 июня. № 5191. С. 3; 17 июня. № 5198. С. 3; 24 июня. № 5205. С. 3; 1 июля. № 5212. С. 3; 8 июля. № 5219. С. 3; 15 июля. № 5226. С. 3; 22 июля. № 5233. С. 3; 29 июля. № 5240. С. 3; 5 августа. № 5247. С. 3; 12 августа. № 5254. С. 3; 19 августа. № 5261. С. 3; 26 августа. № 5268. С. 3; 2 сентября. № 5275. С. 3; 9 сентября. № 5282. С. 3; 16 сентября. № 5289. С. 3; 23 сентября. № 5296. С. 3; 30 сентября. № 5303. С. 3; 7 октября. № 5310. С. 3; 14 октября. № 5317. С. 3; 21 октября. № 5324. С. 3; 28 октября. № 5331. С. 3; 4 ноября. № 5338. С. 3; 11 ноября. № 5345. С. 3; 18 ноября. № 5352. С. 3; 25 ноября. № 5359. С. 3; 2 декабря. № 5366. С. 3; 9 декабря. № 5373. С. 3; 16 декабря. № 5380. С. 3; 23 декабря. № 5387. С. 3; 30 декабря. № 5394. С. 3.

1936

6 января. № 5401. С. 3; 13 января. № 5408. С. 3; 20 января. № 5415. С. 3; 27 января. № 5422. С. 3; 3 февраля. № 5429. С. 3; 10 февраля. № 5436. С. 3; 17 февраля. № 5443. С. 3; 24 февраля. № 5450. С. 3; 2 марта. № 5457. С. 3; 9 марта. № 5464. С. 3; 16 марта. № 5471. С. 3; 23 марта. № 5478. С. 3; 30 марта. № 5485. С. 3; 6 апреля. № 5492. С. 3; 13 апреля. № 5499. С. 3; 20 апреля. № 5506. С. 3; 27 апреля. № 5513. С. 3; 4 мая. № 5520. С. 3; 11 мая. № 5527. С. 3; 18 мая. № 5534. С. 3; 25 мая. № 5541.

С. 3; 1 июня. № 5548. С. 3; 8 июня. № 5554. С. 3; 15 июня. № 5561. С. 3; 22 июня. № 5568. С. 3; 29 июня. № 5575. С. 3; 6 июля. № 5582. С. 3; 13 июля. № 5589. С. 3; 20 июля. № 5596. С. 3; 27 июля. № 5603. С. 3; 3 августа. № 5610. С. 3; 10 августа. № 5617. С. 3; 17 августа. № 5624. С. 3; 24 августа. № 5631. С. 3; 31 августа. № 5638. С. 3; 7 сентября. № 5645. С. 3; 14 сентября. № 5652. С. 3; 21 сентября. № 5659. С. 3; 28 сентября. № 5666. С. 3; 5 октября. № 5673. С. 3; 12 октября. № 5680. С. 3; 19 октября. № 5687. С. 3; 26 октября. № 5694. С. 3; 2 ноября. № 5701. С. 3; 9 ноября. № 5708. С. 3; 16 ноября. № 5715. С. 3; 23 ноября. № 5722. С. 3; 30 ноября. № 5729. С. 3; 7 декабря. № 5736. С. 3; 14 декабря. № 5743. С. 3; 21 декабря. № 5750. С. 3; 28 декабря. № 5757. С. 3.

1937

4 января. № 5764. С. 3; 11 января. № 5771. С. 3; 18 января. № 5778. С. 3; 25 января. № 5785. С. 3; 1 февраля. № 5792. С. 3; 8 февраля. № 5799. С. 3; 15 февраля. № 5806. С. 3; 22 февраля. № 5813. С. 3; 1 марта. № 5820. С. 3; 8 марта. № 5827. С. 3; 15 марта. № 5834. С. 3; 22 марта. № 5841. С. 3; 29 марта. № 5848. С. 3; 5 апреля. № 5855. С. 3; 12 апреля. № 5862. С. 3; 19 апреля. № 5869. С. 3; 26 апреля. № 5876. С. 3; 3 мая. № 5882. С. 3; 10 мая. № 5889. С. 3; 17 мая. № 5896. С. 3; 24 мая. № 5903. С. 3; 31 мая. № 5910. С. 3; 7 июня. № 5917. С. 3; 14 июня. № 5924. С. 3; 21 июня. № 5931. С. 3; 28 июня. № 5938. С. 3; 5 июля. № 5945. С. 3; 12 июля. № 5952. С. 3; 19 июля. № 5959. С. 3; 26 июля. № 5966. С. 3; 2 августа. № 5973. С. 3; 9 августа. № 5980. С. 3; 16 августа. № 5987. С. 3; 23 августа. № 5994. С. 3; 30 августа. № 6001. С. 3; 6 сентября. № 6008. С. 3; 13 сентября. № 6015. С. 3; 20 сентября. № 6022. С. 3; 27 сентября. № 6029. С. 3; 4 октября. № 6036. С. 3; 11 октября. № 6043. С. 3; 18 октября. № 6050. С. 3; 25 октября. № 6057. С. 3; 1 ноября. № 6064. С. 3; 8 ноября. № 6071. С. 3; 15 ноября. № 6078. С. 3; 22 ноября. № 6085. С. 3; 29 ноября. № 6092. С. 3; 6 декабря. № 6099. С. 3; 13 декабря. № 6106. С. 3; 20 декабря. № 6113. С. 3; 27 декабря. № 6120. С. 3.

1938

3 января. № 6127. С. 3; 10 января. № 6134. С. 3; 17 января. № 6141. С. 3; 24 января. № 6148. С. 3; 31 января. № 6155. С. 3; 7 февраля. № 6162. С. 3; 14 февраля. № 6169. С. 3; 21 февраля. № 6176. С. 3; 28 февраля. № 6183. С. 3; 7 марта. № 6190. С. 3; 14 марта. № 6197. С. 3; 21 марта. № 6204. С. 3; 28 марта. № 6211. С. 3; 4 апреля. № 6218. С. 3; 11 апреля. № 6225. С. 3; 18 апреля. № 6232. С. 3; 25 апреля. № 6239. С. 3; 2 мая. № 6245. С. 3; 9 мая. № 6252. С. 3; 16 мая. № 6259. С. 3; 23 мая. № 6266. С. 3; 30 мая. № 6273. С. 3; 6 июня. № 6280. С. 3; 13 июня. № 6287. С. 3; 20 июня. № 6294. С. 3; 27 июня. № 6301. С. 3; 4 июля. № 6308. С. 3; 11 июля. № 6315. С. 3; 18 июля. № 6322. С. 3; 25 июля. № 6329. С. 3; 1 августа. № 6336. С. 3; 8 августа. № 6343. С. 3; 15 августа. № 6350. С. 3; 22 августа. № 6357. С. 3; 29 августа. № 6364. С. 3; 5 сентября. № 6371. С. 3; 12 сентября. № 6378. С. 3; 19 сентября. № 6385. С. 3; 26 сентября. № 6392. С. 3; 3 октября. № 6399. С. 3; 10 октября. № 6406. С. 3; 17 октября. № 6413. С. 3; 24 октября. № 6420. С. 3; 31 октября. № 6427. С. 3; 7 ноября. № 6534. С. 3; 14 ноября. № 6541. С. 3; 21 ноября. № 6548. С. 3; 28 ноября. № 6555. С. 3; 5 декабря. № 6461. С. 3; 12 декабря. № 6468. С. 3; 19 декабря. № 6475. С. 3; 26 декабря. № 6482. С. 3.

1939

2 января. № 6489. С. 3; 9 января. № 6496. С. 3; 16 января. № 6503. С. 3; 23 января. № 6510. С. 3; 30 января. № 6517. С. 3; 6 февраля. № 6524. С. 3; 13 февраля. № 6531. С. 3; 20 февраля. № 6538. С. 3; 27 февраля. № 6545. С. 3; 6 марта. № 6552. С. 3; 13 марта. № 6559. С. 3; 20 марта. № 6566. С. 3; 27 марта. № 6573. С. 3; 3 апреля. № 6580. С. 3; 10 апреля. № 6587. С. 3; 17 апреля. № 6594. С. 3; 24 апреля. № 6601. С. 3; 1 мая. № 6608. С. 3; 8 мая. № 6615. С. 3; 15 мая. № 6622. С. 3; 22 мая. № 6629. С. 3; 29 мая. № 6636. С. 3; 5 июня. № 6643. С. 3; 12 июня. № 6650. С. 3; 19 июня. № 6657. С. 3; 26 июня. № 6664. С. 3; 3 июля. № 6671. С. 3; 10 июля. № 6678. С. 3; 17 июля. № 6685. С. 3; 24 июля. № 6692. С. 3; 31 июля. № 6699. С. 3; 7 августа. № 6706. С. 3; 14 августа. № 6713. С. 3; 21 августа. № 6720. С. 3; 28 августа. № 6727. С. 3; 4 сентября. № 6734. С. 4; 11 сентября. № 6741. С. 4; 18 сентября. № 6748. С. 4; 2 октября. № 6762. С. 4; 9 октября. № 6769. С. 4; 16 октября. № 6776. С. 4; 23 октября. № 6783. С. 4; 30 октября. № 6790. С. 4; 6 ноября. № 6797. С. 4; 13 ноября. № 6804. С. 4; 20 ноября. № 6811. С. 4; 4 декабря. № 6825. С. 4; 11 декабря. № 6832. С. 4; 18 декабря. № 6839. С. 4; 25 декабря. № 6846. С. 4.

1940

1 января. № 6853. С. 4; 8 января. № 6860. С. 4; 15 января. № 6867. С. 4; 22 января. № 6874. С. 4; 30 января. № 6882. С. 3; 5 февраля. № 6888. С. 4; 19 февраля. № 6902. С. 4; 26 февраля. № 6909. С. 4; 4 марта. № 6916. С. 4; 11 марта. № 6923. С. 4; 18 марта. № 6930. С. 4; 25 марта. № 6937. С. 3; 1 апреля. № 6944. С. 4; 8 апреля. № 6951. С. 4; 15 апреля. № 6958. С. 4; 22 апреля. № 6965. С. 4; 29 апреля. № 6972. С. 4.

4. «ОТКЛИКИ»

1927

17 ноября. № 2430. С. 3; 24 ноября. № 2437. С. 3; 1 декабря. № 2444. С. 3; 8 декабря. № 2451. С. 3; 15 декабря. № 2458. С. 3; 22 декабря. № 2465. С. 3; 29 декабря. № 2472. С. 3.

1928

5 января. № 2479. С. 3; 12 января. № 2486. С. 3; 19 января. № 2493. С. 3; 26 января. № 2500. С. 3; 2 февраля. № 2507. С. 4; 7 февраля. № 2512. С. 3; 9 февраля. № 2514. С. 3; 16 февраля. № 2521. С. 4; 23 февраля. № 2528. С. 3; 1 марта. № 2535. С. 4; 8 марта. № 2542. С. 3; 15 марта. № 2549. С. 3; 22 марта. № 2556. С. 3; 29 марта. № 2563. С. 4; 5 апреля. № 2570. С. 3; 12 апреля. № 2577. С. 4; 19 апреля. № 2584. С. 3; 26 апреля. № 2591. С. 3; 3 мая. № 2598. С. 3; 10 мая. № 2605. С. 3; 17 мая. № 2612. С. 3; 24 мая. № 2619. С. 3; 31 мая. № 2626. С. 3; 7 июня. № 2633. С. 4; 14 июня. № 2640. С. 4; 21 июня. № 2647. С. 3; 28 июня. № 2654. С. 3; 5 июля. № 2661. С. 3; 19 июля. № 2675. С. 3; 26 июля. № 2682. С. 3; 2 августа. № 2689. С. 5; 9 августа. № 2696. С. 3; 16 августа. № 2703. С. 3; 23 августа. № 2710. С. 4; 30 августа. № 2717. С. 3; 6 сентября. № 2724. С. 3; 13 сентября. № 2731. С. 3; 20 сентября. № 2738. С. 3; 27 сентября.

№ 2745. С. 3; 4 октября. № 2752. С. 3; 11 октября. № 2759. С. 3; 18 октября. № 2766. С. 3; 25 октября. № 2773. С. 3; 1 ноября. № 2780. С. 3; 8 ноября. № 2787. С. 3; 15 ноября. № 2794. С. 3; 22 ноября. № 2801. С. 3; 29 ноября. № 2808. С. 3; 6 декабря. № 2815. С. 3; 20 декабря. № 2829. С. 3; 27 декабря. № 2836. С. 3.

1929

3 января. № 2843. С. 3; 10 января. № 2850. С. 3; 17 января. № 2857. С. 3; 24 января. № 2864. С. 3; 31 января. № 2871. С. 3; 7 февраля. № 2878. С. 3; 14 февраля. № 2885. С. 3; 21 февраля. № 2892. С. 3; 28 февраля. № 2899. С. 3; 7 марта. № 2906. С. 3; 14 марта. № 2913. С. 3; 21 марта. № 2920. С. 3; 28 марта. № 2927. С. 3; 4 апреля. № 2934. С. 3; 11 апреля. № 2941. С. 3; 18 апреля. № 2948. С. 3; 25 апреля. № 2955. С. 3; 2 мая. № 2962. С. 3; 9 мая. № 2969. С. 3; 16 мая. № 2976. С. 3; 23 мая. № 2983. С. 3; 30 мая. № 2990. С. 3; 6 июня. № 2997. С. 3; 13 июня. № 3004. С. 3; 20 июня. № 3011. С. 3; 27 июня. № 3018. С. 3; 4 июля. № 3025. С. 3; 11 июля. № 3032. С. 3; 18 июля. № 3039. С. 3; 25 июля. № 3046. С. 3; 1 августа. № 3053. С. 3; 8 августа. № 3060. С. 3; 15 августа. № 3067. С. 3; 22 августа. № 3074. С. 3; 29 августа. № 3081. С. 3; 5 сентября. № 3088. С. 4; 12 сентября. № 3095. С. 3; 19 сентября. № 3102. С. 3; 26 сентября. № 3109. С. 3; 3 октября. № 3116. С. 3; 10 октября. № 3123. С. 3; 17 октября. № 3130. С. 3; 24 октября. № 3137. С. 3; 31 октября. № 3144. С. 3; 7 ноября. № 3151. С. 3; 14 ноября. № 3158. С. 3; 21 ноября. № 3165. С. 3; 28 ноября. № 3172. С. 3; 5 декабря. № 3179. С. 3; 12 декабря. № 3186. С. 3; 19 декабря. № 3192. С. 3; 26 декабря. № 3199. С. 3.

1930

2 января. № 3207. С. 3; 9 января. № 3214. С. 3; 16 января. № 3221. С. 3; 23 января. № 3228. С. 3; 30 января. № 3235. С. 3; 6 февраля. № 3242. С. 3; 13 февраля. № 3249. С. 3; 20 февраля. № 3256. С. 3; 27 февраля. № 3263. С. 3; 6 марта. № 3270. С. 3; 13 марта. № 3277. С. 3; 20 марта. № 3284. С. 3; 27 марта. № 3291. С. 3; 3 апреля. № 3298. С. 3; 10 апреля. № 3305. С. 3; 17 апреля. № 3312. С. 3; 24 апреля. № 3319. С. 3; 1 мая. № 3326. С. 3; 8 мая. № 3333. С. 3; 15 мая. № 3340. С. 3; 22 мая. № 3347. С. 3; 29 мая. № 3354. С. 3; 5 июня. № 3361. С. 4; 12 июня. № 3368. С. 4; 19 июня. № 3375. С. 3; 26 июня. № 3382. С. 3; 3 июля. № 3389. С. 3; 10 июля. № 3396. С. 3; 17 июля. № 3403. С. 3; 24 июля. № 3410. С. 3; 31 июля. № 3417. С. 3; 7 августа. № 3424. С. 3; 14 августа. № 3431. С. 3; 21 августа. № 3438. С. 3; 28 августа. № 3445. С. 3; 4 сентября. № 3452. С. 3; 11 сентября. № 3459. С. 3; 18 сентября. № 3466. С. 3; 25 сентября. № 3473. С. 3; 2 октября. № 3480. С. 3; 9 октября. № 3487. С. 3; 16 октября. № 3494. С. 3; 23 октября. № 3501. С. 3; 30 октября. № 3508. С. 3; 6 ноября. № 3515. С. 3; 13 ноября. № 3522. С. 3; 27 ноября. № 3536. С. 3; 4 декабря. № 3543. С. 3; 11 декабря. № 3550. С. 3; 18 декабря. № 3557. С. 3.

1931

8 января. № 3578. С. 3; 15 января. № 3585. С. 3; 22 января. № 3592. С. 3; 29 января. № 3599. С. 3; 5 февраля. № 3606. С. 3; 12 февраля. № 3613. С. 3; 19 февраля. № 3620. С. 3; 26 февраля. № 3627. С. 3; 5 марта. № 3634. С. 3; 12 марта. № 3641. С. 3; 19 марта. № 3548. С. 3; 26 марта. № 3655. С. 3; 2 апреля. № 3662. С. 3; 9 апре-

БИБЛИОГРАФИЯ

ля. № 3669. С. 3; 16 апреля. № 3676. С. 3; 23 апреля. № 3683. С. 3; 30 апреля. № 3690. С. 3; 7 мая. № 3697. С. 3; 14 мая. № 3704. С. 3; 21 мая. № 3711. С. 3; 28 мая. № 3718. С. 3; 4 июня. № 3725. С. 3; 11 июня. № 3732. С. 3; 18 июня. № 3739. С. 3; 25 июня. № 3746. С. 3; 2 июля. № 3753. С. 3; 9 июля. № 3760. С. 3; 16 июля. № 3767. С. 3; 23 июля. № 3774. С. 3; 30 июля. № 3781. С. 3; 6 августа. № 3788. С. 3; 13 августа. № 3795. С. 3; 20 августа. № 3802. С. 3; 27 августа. № 3809. С. 3; 3 сентября. № 3816. С. 3; 10 сентября. № 3823. С. 3; 17 сентября. № 3830. С. 3; 24 сентября. № 3837. С. 3; 1 октября. № 3844. С. 3; 8 октября. № 3851. С. 3; 15 октября. № 3858. С. 3; 22 октября. № 3865. С. 3; 29 октября. № 3872. С. 3; 5 ноября. № 3879. С. 3; 12 ноября. № 3886. С. 3; 19 ноября. № 3893. С. 3; 26 ноября. № 3900. С. 3; 3 декабря. № 3907. С. 3; 10 декабря. № 3914. С. 3; 17 декабря. № 3921. С. 3; 24 декабря. № 3928. С. 3; 31 декабря. № 3935. С. 3.

1932

14 января. № 3949. С. 3; 21 января. № 3956. С. 3; 28 января. № 3963. С. 3; 4 февраля. № 3970. С. 3; 11 февраля. № 3977. С. 3; 18 февраля. № 3984. С. 3; 25 февраля. № 3991. С. 3; 3 марта. № 3998. С. 3; 10 марта. № 4005. С. 3; 17 марта. № 4012. С. 3; 24 марта. № 4019. С. 3; 31 марта. № 4026. С. 3; 7 апреля. № 4033. С. 3; 14 апреля. № 4040. С. 3; 21 апреля. № 4047. С. 3; 28 апреля. № 4054. С. 3; 5 мая. № 4061. С. 3; 12 мая. № 4068. С. 3; 19 мая. № 4075. С. 3; 26 мая. № 4082. С. 3; 2 июня. № 4089. С. 3; 9 июня. № 4096. С. 3; 16 июня. № 4103. С. 3; 23 июня. № 4110. С. 3; 7 июля. № 4124. С. 3; 14 июля. № 4131. С. 3; 21 июля. № 4138. С. 3; 4 августа. № 4152. С. 3; 11 августа. № 4159. С. 3; 18 августа. № 4166. С. 3; 25 августа. № 4173. С. 3; 1 сентября. № 4180. С. 3; 8 сентября. № 4187. С. 3; 15 сентября. № 4194. С. 3; 22 сентября. № 4201. С. 3; 29 сентября. № 4208. С. 3; 6 октября. № 4215. С. 3; 13 октября. № 4222. С. 3; 20 октября. № 4229. С. 3; 27 октября. № 4236. С. 3; 3 ноября. № 4243. С. 3; 10 ноября. № 4250. С. 3; 17 ноября. № 4257. С. 3; 24 ноября. № 4264. С. 3; 1 декабря. № 4271. С. 3; 8 декабря. № 4278. С. 3; 15 декабря. № 4285. С. 3; 22 декабря. № 4292. С. 3; 29 декабря. № 4299. С. 3.

1933

5 января. № 4306. С. 3; 12 января. № 4313. С. 3; 19 января. № 4320. С. 3; 26 января. № 4327. С. 3; 2 февраля. № 4334. С. 4; 9 февраля. № 4341. С. 3; 16 февраля. № 4348. С. 3; 23 февраля. № 4355. С. 3; 2 марта. № 4362. С. 3; 9 марта. № 4369. С. 3; 16 марта. № 4376. С. 3; 23 марта. № 4383. С. 3; 30 марта. № 4390. С. 3; 6 апреля. № 4397. С. 3; 13 апреля. № 4404. С. 3; 20 апреля. № 4411. С. 3; 27 апреля. № 4418. С. 3; 4 мая. № 4425. С. 3; 11 мая. № 4432. С. 3; 18 мая. № 4439. С. 3; 25 мая. № 4446. С. 3; 1 июня. № 4453. С. 3; 8 июня. № 4460. С. 3; 15 июня. № 4467. С. 3; 22 июня. № 4474. С. 3; 29 июня. № 4481. С. 3; 6 июля. № 4488. С. 3; 13 июля. № 4495. С. 3; 20 июля. № 4502. С. 3; 27 июля. № 4509. С. 3; 3 августа. № 4516. С. 3; 10 августа. № 4523. С. 3; 17 августа. № 4530. С. 3; 24 августа. № 4537. С. 3; 31 августа. № 4544. С. 3; 7 сентября. № 4551. С. 3; 14 сентября. № 4558. С. 3; 21 сентября. № 4565. С. 3; 28 сентября. № 4572. С. 3; 5 октября. № 4579. С. 3; 12 октября. № 4586. С. 3; 19 октября. № 4593. С. 3; 26 октября. № 4600. С. 3; 2 ноября. № 4607. С. 3; 9 ноября. № 4614. С. 3; 23 ноября. № 4628.

С. 3; 30 ноября. № 4635. С. 3; 7 декабря. № 4642. С. 3; 14 декабря. № 4649. С. 3; 21 декабря. № 4656. С. 3; 28 декабря. № 4663. С. 3.

1934

4 января. № 4670. С. 3; 11 января. № 4677. С. 3; 18 января. № 4684. С. 3; 25 января. № 4691. С. 3; 1 февраля. № 4698. С. 3; 8 февраля. № 4705. С. 3; 15 февраля. № 4711. С. 3; 22 февраля. № 4718. С. 3; 1 марта. № 4725. С. 3; 8 марта. № 4732. С. 3; 15 марта. № 4739. С. 3; 22 марта. № 4746. С. 3; 29 марта. № 4753. С. 3; 5 апреля. № 4760. С. 3; 12 апреля. № 4767. С. 3; 19 апреля. № 4774. С. 3; 26 апреля. № 4781. С. 3; 3 мая. № 4788. С. 3; Подп.: С. ; 10 мая. № 4795. С. 3; 17 мая. № 4802. С. 3; 24 мая. № 4809. С. 3; 31 мая. № 4816. С. 3; 7 июня. № 4823. С. 3; 14 июня. № 4830. С. 3; 21 июня. № 4837. С. 3; 28 июня. № 4844. С. 3; 5 июля. № 4851. С. 3; 12 июля. № 4858. С. 3; 19 июля. № 4865. С. 3; 2 августа. № 4879. С. 3; 9 августа. № 4886. С. 4; 16 августа. № 4893. С. 4; 23 августа. № 4900. С. 3; 30 августа. № 4907. С. 3; 6 сентября. № 4914. С. 3; 13 сентября. № 4921. С. 3; 20 сентября. № 4928. С. 3; 27 сентября. № 4935. С. 3; 4 октября. № 4942. С. 3; 11 октября. № 4949. С. 3; 18 октября. № 4956. С. 3; 25 октября. № 4963. С. 3; 1 ноября. № 4970. С. 3; 8 ноября. № 4977. С. 3; 15 ноября. № 4984. С. 3; 22 ноября. № 4991. С. 3; 29 ноября. № 4998. С. 3; 6 декабря. № 5005. С. 3; 13 декабря. № 5012. С. 3; 20 декабря. № 5019. С. 3; 27 декабря. № 5026. С. 3.

1935

3 января. № 5033. С. 3; 10 января. № 5040. С. 3; 17 января. № 5047. С. 3; 24 января. № 5054. С. 3; 31 января. № 5061. С. 3; 7 февраля. № 5068. С. 3; 14 февраля. № 5075. С. 3; 21 февраля. № 5082. С. 3; 28 февраля. № 5089. С. 3; 7 марта. № 5096. С. 3; 14 марта. № 5103. С. 3; 21 марта. № 5110. С. 3; 28 марта. № 5117. С. 3; 4 апреля. № 5124. С. 3; 11 апреля. № 5131. С. 3; 18 апреля. № 5138. С. 3; 25 апреля. № 5145. С. 3; 2 мая. № 5152. С. 3; 9 мая. № 5159. С. 3; 16 мая. № 5166. С. 3; 23 мая. № 5173. С. 3; 30 мая. № 5180. С. 3; 6 июня. № 5187. С. 3; 13 июня. № 5194. С. 3; 20 июня. № 5201. С. 3; 27 июня. № 5208. С. 3; 4 июля. № 5215. С. 3; 11 июля. № 5223. С. 3; 15 августа. № 5257. С. 3; 22 августа. № 5264. С. 3; 29 августа. № 5271. С. 3; 5 сентября. № 5278. С. 3; 12 сентября. № 5285. С. 3; 19 сентября. № 5292. С. 3; 26 сентября. № 5299. С. 3; 3 октября. № 5306. С. 3; 10 октября. № 5313. С. 3; 17 октября. № 5320. С. 3; 24 октября. № 5327. С. 3; 31 октября. № 5334. С. 3; 7 ноября. № 5341. С. 3; 14 ноября. № 5348. С. 3; 28 ноября. № 5362. С. 3; 5 декабря. № 5369. С. 3; 12 декабря. № 5376. С. 3; 19 декабря. № 5383. С. 3; 26 декабря. № 5390. С. 3.

1936

2 января. № 5397. С. 3; 9 января. № 5404. С. 3; 16 января. № 5411. С. 3; 23 января. № 5418. С. 3; 30 января. № 5425. С. 3; 6 февраля. № 5432. С. 3; 13 февраля. № 5439. С. 3; 20 февраля. № 5446. С. 3; 27 февраля. № 5453. С. 3; 5 марта. № 5460. С. 3; 12 марта. № 5467. С. 3; 19 марта. № 5474. С. 3; 26 марта. № 5481. С. 3; 2 апреля. № 5488. С. 3; 9 апреля. № 5495. С. 3; 16 апреля. № 5502. С. 3; 23 апреля. № 5509. С. 3; 30 апреля. № 5516. С. 3; 7 мая. № 5523. С. 3; 14 мая. № 5530. С. 3; 21 мая. № 5537. С. 3; 28 мая. № 5544. С. 3; 4 июня. № 5551. С. 3; 9 июля. № 5585. С. 3; 16 июля. № 5592.

БИБЛИОГРАФИЯ

С. 3; 23 июля. № 5599. С. 3; 30 июля. № 5606. С. 3; 6 августа. № 5613. С. 3; 13 августа. № 5620. С. 3; 20 августа. № 5627. С. 3; 27 августа. № 5634. С. 3; 3 сентября. № 5641. С. 3; 10 сентября. № 5648. С. 3; 17 сентября. № 5655. С. 3; 24 сентября. № 5662. С. 3; 1 октября. № 5669. С. 3; 8 октября. № 5676. С. 3; 15 октября. № 5683. С. 3; 22 октября. № 5690. С. 3; 29 октября. № 5697. С. 3; 5 ноября. № 5704. С. 3; 12 ноября. № 5711. С. 3; 19 ноября. № 5718. С. 3; 26 ноября. № 5725. С. 3; 3 декабря. № 5732. С. 3; 10 декабря. № 5739. С. 3; 17 декабря. № 5746. С. 3; 24 декабря. № 5753. С. 3; 31 декабря. № 5760. С. 3.

1937

7 января. № 5767. С. 3; 14 января. № 5774. С. 3; 21 января. № 5781. С. 3; 28 января. № 5788. С. 3; 4 февраля. № 5795. С. 3; 11 февраля. № 5802. С. 3; 18 февраля. № 5809. С. 3; 25 февраля. № 5816. С. 3; 4 марта. № 5823. С. 3; 11 марта. № 5830. С. 3; 18 марта. № 5837. С. 3; 25 марта. № 5844. С. 3; 1 апреля. № 5851. С. 3; 8 апреля. № 5858. С. 3; 15 апреля. № 5865. С. 3; 22 апреля. № 5872. С. 3; 29 апреля. № 5879. С. 3; 6 мая. № 5885. С. 3; 13 мая. № 5892. С. 3; 20 мая. № 5899. С. 3; 27 мая. № 5906. С. 3; 3 июня. № 5913. С. 3; 10 июня. № 5920. С. 3; 17 июня. № 5927. С. 3; 24 июня. № 5934. С. 3; 1 июля. № 5941. С. 3; 5 августа. № 5976. С. 3; 12 августа. № 5983. С. 3; 19 августа. № 5990. С. 3; 26 августа. № 5997. С. 3; 2 сентября. № 6004. С. 3; 9 сентября. № 6011. С. 3; 16 сентября. № 6018. С. 3; 23 сентября. № 6025. С. 3; 30 сентября. № 6032. С. 3; 7 октября. № 6039. С. 3; 14 октября. № 6046. С. 3; 21 октября. № 6053. С. 3; 28 октября. № 6060. С. 3; 4 ноября. № 6067. С. 3; 11 ноября. № 6074. С. 3; 18 ноября. № 6081. С. 3; 25 ноября. № 6088. С. 3; 2 декабря. № 6095. С. 3; 9 декабря. № 6102. С. 3; 16 декабря. № 6109. С. 3; 23 декабря. № 6116. С. 3; 30 декабря. № 6123. С. 3.

1938

6 января. № 6130. С. 3; 13 января. № 6137. С. 3; 20 января. № 6144. С. 3; 27 января. № 6151. С. 3; 3 февраля. № 6158. С. 3; 10 февраля. № 6165. С. 3; 17 февраля. № 6172. С. 3; 24 февраля. № 6179. С. 3; 3 марта. № 6186. С. 3; 10 марта. № 6193. С. 3; 17 марта. № 6200. С. 3; 24 марта. № 6207. С. 3; 31 марта. № 6214. С. 3; 7 апреля. № 6221. С. 3; 14 апреля. № 6228. С. 3; 21 апреля. № 6235. С. 3; 28 апреля. № 6242. С. 3; 5 мая. № 6248. С. 3; 12 мая. № 6255. С. 3; 19 мая. № 6262. С. 3; 26 мая. № 6269. С. 3; 2 июня. № 6276. С. 3; 9 июня. № 6283. С. 3; 16 июня. № 6290. С. 3; 23 июня. № 6297. С. 3; 30 июня. № 6304. С. 3; 11 августа. № 6346. С. 3; 18 августа. № 6353. С. 3; 25 августа. № 6360. С. 3; 1 сентября. № 6367. С. 3; 8 сентября. № 6374. С. 3; 15 сентября. № 6381. С. 3; 22 сентября. № 6388. С. 3; 29 сентября. № 6395. С. 3; 6 октября. № 6402. С. 3; 13 октября. № 6409. С. 3; 20 октября. № 6416. С. 3; 27 октября. № 6423. С. 3; 3 ноября. № 6430. С. 3; 10 ноября. № 6437. С. 3; 17 ноября. № 6444. С. 3; 24 ноября. № 6451. С. 3; 1 декабря. № 6458. С. 3; 8 декабря. № 6464. С. 3; 15 декабря. № 6471. С. 3; 22 декабря. № 6478. С. 3; 29 декабря. № 6485. С. 3.

1939

5 января. № 6492. С. 3; 12 января. № 6499. С. 3; 19 января. № 6506. С. 3; 26 января. № 6513. С. 3; 2 февраля. № 6520. С. 3; 9 февраля. № 6527. С. 3; 16 февраля. № 6534.

С. 3; 23 февраля. № 6541. С. 3; 2 марта. № 6548. С. 3; 9 марта. № 6555. С. 3; 16 марта. № 6562. С. 3; 23 марта. № 6569. С. 3; 30 марта. № 6576. С. 3; 20 апреля. № 6597. С. 3; 27 апреля. № 6604. С. 3; 4 мая. № 6611. С. 3; 11 мая. № 6618. С. 3; 18 мая. № 6625. С. 3; 25 мая. № 6632. С. 3; 1 июня. № 6639. С. 3; 8 июня. № 6646. С. 3; 15 июня. № 6653. С. 3; 22 июня. № 6660. С. 3; 29 июня. № 6667. С. 3; 6 июля. № 6674. С. 3; 3 августа. № 6702. С. 3; 10 августа. № 6709. С. 3; 17 августа. № 6716. С. 3; 24 августа. № 6723. С. 3; 31 августа. № 6730. С. 3.

5. «ЛИТЕРАТУРА В СССР»

1936

5 марта. № 5460. С. 3; 12 марта. № 5467. С. 3; 19 марта. № 5474. С. 3; 26 марта. № 5481. С. 3; 2 апреля. № 5488. С. 2; 9 апреля. № 5495. С. 3; 16 апреля. № 5502. С. 3; 23 апреля. № 5509. С. 3; 30 апреля. № 5516. С. 3; 7 мая. № 5523. С. 3; 14 мая. № 5530. С. 3; 28 мая. № 5544. С. 3; 4 июня. № 5551. С. 3; 9 июля. № 5585. С. 3; 16 июля. № 5592. С. 3; 23 июля. № 5599. С. 3; 30 июля. № 5606. С. 3; 6 августа. № 5613. С. 3; 13 августа. № 5620. С. 3; 20 августа. № 5627. С. 3; 27 августа. № 5634. С. 3; 3 сентября. № 5641. С. 3; 10 сентября. № 5648. С. 3; 17 сентября. № 5655. С. 3; 24 сентября. № 5662. С. 3; 1 октября. № 5669. С. 3; 8 октября. № 5676. С. 3; 15 октября. № 5683. С. 3; 22 октября. № 5690. С. 3; 29 октября. № 5697. С. 3; 5 ноября. № 5704. С. 3; 12 ноября. № 5711. С. 3; 19 ноября. № 5718. С. 3; 26 ноября. № 5725. С. 3; 3 декабря. № 5732. С. 3; 10 декабря. № 5739. С. 3; 17 декабря. № 5746. С. 3; 24 декабря. № 5753. С. 3; 31 декабря. № 5760. С. 3.

1937

7 января. № 5767. С. 3; 28 января. № 5788. С. 3; 11 февраля. № 5802. С. 3; 25 февраля. № 5816. С. 3; 4 марта. № 5823. С. 3; 11 марта. № 5830. С. 3; 18 марта. № 5837. С. 3; 25 марта. № 5844. С. 3; 1 апреля. № 5851. С. 3; 15 апреля. № 5865. С. 3; 22 апреля. № 5872. С. 3; 29 апреля. № 5879. С. 3; 13 мая. № 5892. С. 3; 20 мая. № 5899. С. 3; 27 мая. № 5906. С. 3; 3 июня. № 5913. С. 3; 10 июня. № 5920. С. 3; 24 июня. № 5934. С. 3; 1 июля. № 5941. С. 3; 5 августа. № 5976. С. 3; 12 августа. № 5983. С. 3; 19 августа. № 5990. С. 3; 26 августа. № 5997. С. 3; 9 сентября. № 6011. С. 3; 16 сентября. № 6018. С. 3; 23 сентября. № 6025. С. 3; 30 сентября. № 6032. С. 3; 7 октября. № 6039. С. 3; 14 октября. № 6046. С. 3; 21 октября. № 6053. С. 3; 28 октября. № 6060. С. 3; 4 ноября. № 6067. С. 3; 11 ноября. № 6074. С. 3; 18 ноября. № 6081. С. 3; 25 ноября. № 6088. С. 3; 2 декабря. № 6095. С. 3; 9 декабря. № 6102. С. 3; 16 декабря. № 6109. С. 3; 30 декабря. № 6123. С. 3.

1938

6 января. № 6130. С. 3; 13 января. № 6137. С. 3; 27 января. № 6151. С. 3; 3 февраля. № 6158. С. 3; 24 февраля. № 6179. С. 3; 3 марта. № 6186. С. 3; 17 марта. № 6200. С. 3; 31 марта. № 6214. С. 3; 7 апреля. № 6221. С. 3; 28 апреля. № 6242. С. 3; 5 мая. № 6248. С. 3; 12 мая. № 6255. С. 3; 19 мая. № 6262. С. 3; 26 мая. № 6269. С. 3; 2 июня.

БИБЛИОГРАФИЯ

№ 6276. С. 3; 9 июня. № 6283. С. 3; 16 июня. № 6290. С. 3; 23 июня. № 6297. С. 3; 30 июня. № 6304. С. 3; 11 августа. № 6346. С. 3; 18 августа. № 6353. С. 3; 25 августа. № 6360. С. 3; 1 сентября. № 6367. С. 3; 8 сентября. № 6374. С. 3; 15 сентября. № 6381. С. 3; 22 сентября. № 6388. С. 3; 29 сентября. № 6395. С. 3; 6 октября. № 6402. С. 3; 13 октября. № 6409. С. 3; 20 октября. № 6416. С. 3; 27 октября. № 6423. С. 3; 3 ноября. № 6430. С. 3; 10 ноября. № 6437. С. 3; 17 ноября. № 6444. С. 3; 24 ноября. № 6451. С. 3; 1 декабря. № 6458. С. 3; 8 декабря. № 6464. С. 3; 15 декабря. № 6471. С. 3; 22 декабря. № 6478. С. 3; 29 декабря. № 6485. С. 3.

1939

5 января. № 6492. С. 3; 12 января. № 6499. С. 3; 19 января. № 6506. С. 3; 26 января. № 6513. С. 3; 2 февраля. № 6520. С. 3; 9 февраля. № 6527. С. 3; 16 февраля. № 6534. С. 3; 23 февраля. № 6541. С. 3; 2 марта. № 6548. С. 3; 9 марта. № 6555. С. 3; 16 марта. № 6562. С. 3; 23 марта. № 6569. С. 3; 30 марта. № 6576. С. 3; 27 апреля. № 6604. С. 3; 4 мая. № 6611. С. 3; 11 мая. № 6618. С. 3; 18 мая. № 6625. С. 3; 25 мая. № 6632. С. 3; 1 июня. № 6639. С. 3; 8 июня. № 6646. С. 3; 15 июня. № 6653. С. 3; 29 июня. № 6667. С. 3; 6 июля. № 6674. С. 3; 3 августа. № 6702. С. 3; 10 августа. № 6709. С. 3; 17 августа. № 6716. С. 3; 24 августа. № 6723. С. 3; 31 августа. № 6730. С. 3.

ИЗ СОБРАНИЯ
ДОМА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА
СОЛЖЕНИЦЫНА

ΦΟΤΟ

ФОТО

ФОТО

ФОТО

ФОТО

ФОТО

ФОТО

ФОТО

ФОТО

ФОТО

ФОТО

ФОТО

ФОТО

ФОТО

ФОТО

ФОТО

ХРОНИКА
НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

НАУЧНЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ, КРУГЛЫЕ СТОЛЫ,
СЕМИНАРЫ И ЧТЕНИЯ,
ПОДГОТОВЛЕННЫЕ И ПРОВЕДЕННЫЕ
БИБЛИОТЕКОЙ-ФОНДОМ «РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ» —
ДОМОМ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА В 1998–2010 гг.

Составление Н.Ф. Гриценко, М.А. Васильевой

1998

7–8 декабря. Научная конференция «Возвращение Гайто Газданова». К 95-летию со дня рождения писателя Г.И. Газданова (1903–1971).

Издание: Возвращение Гайто Газданова: Научная конференция, посвященная 95-летию со дня рождения / Сост. М.А. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. (Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»: Материалы и исследования: Вып. 1).

1999

1–3 июля. Международная научная конференция «Пушкин и культура русского зарубежья». К 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина (1799–1837).

Издание: Пушкин и культура русского зарубежья: Международная научная конференция, посвященная 200-летию со дня рождения / Сост. М.А. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. (Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»: Материалы и исследования: Вып. 2).

2000

16–17 марта. Международная конференция «Томаш Г. Масарик и “Русская акция” Чехословацкого правительства». Совместно с Институтом российской истории РАН и посольством Чешской Республики в России.

Издание: Т.Г. Масарик и «Русская акция» Чехословацкого правительства: К 150-летию со дня рождения Т.Г. Масарика. По материалам международной научной конференции / Отв. ред. М.Г. Вандалковская. М.: Русский путь, 2005. (Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»: Материалы и исследования: Вып. 5).

29 июня – 2 июля. Международная конференция «Культурное и научное наследие российской эмиграции в Великобритании: 1917–1940 гг.».

Издание: Культурное и научное наследие российской эмиграции в Великобритании (1917–1940 гг.): Международная научная конференция, 29 июня — 2 июля 2000 г. М.: Русский путь, 2002. (Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»: Материалы и исследования: Вып. 3).

2001

5 марта. Международная научная конференция «С.Н. Булгаков: религиозно-философский путь». К 130-летию со дня рождения С.Н. Булгакова (1871–1944).

Издание: С.Н. Булгаков: Религиозно-философский путь: Международная научная конференция, посвященная 130-летию со дня рождения / Науч. ред. А.П. Козырева; Сост. М.А. Васильевой, А.П. Козырева. М.: Русский путь, 2003. (Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»: Материалы и исследования: Вып. 4).

29 октября. Круглый стол «Георгий Федотов и современность». К 50-й годовщине со дня смерти Г.П. Федотова (1886–1951).

2002

16–18 декабря. Международная научная конференция «Русский Берлин: 1920–1945 гг.».

Издание: Русский Берлин: 1920–1945: Международная научная конференция / Науч. ред. Л.С. Флейшмана; Сост. М.А. Васильевой, Л.С. Флейшмана. М.: Русский путь, 2006. (Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»: Материалы и исследования: Вып. 6).

23–26 апреля. Международная научная конференция «Семья Метнеров и культура Серебряного века». К 50-летию со дня смерти Н.К. Метнера (1879/80–1951). Совместно с Государственным центральным музеем музыкальной культуры им. М.И. Глинки (ГЦММК), Московской консерваторией им. П.И. Чайковского, Академией музыки им. Гнесиных, Библиотекой истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева», Культурно-просветительским обществом «Лосевские беседы».

Издание: Николай Метнер: Вопросы биографии и творчества / Сост. Т.А. Корольковой, Т.Ю. Масловской, С.Р. Федякина. М.: Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»: Русский путь, 2009. (Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»: Материалы и исследования: Вып. 10).

2003

3–4 декабря. Международная научная конференция «Гайто Газданов: писатель на пересечении традиций, культур, цивилизаций. Взгляд из XXI века». К 100-летию со дня рождения Г.И. Газданова (1903–1971). Совместно с Институтом научной информации по общественным наукам РАН.

4 декабря. Круглый стол «Гайто Газданов и “незамеченное поколение”. Взгляд из XXI века».

Издание: Гайто Газданов и «незамеченное поколение»: писатель на пересечении традиций и культур: Сб. науч. тр. / ИНИОН РАН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. (отдел литературоведения), Б-ка-фонд «Русское Зарубежье»; Редкол.: Т.Н. Красавченко (отв. ред.) и др.; Сост. Т.Н. Красавченко, М.А. Васильевой, Ф.Х. Хадоновой. М., 2005.

17–19 декабря. Международная научная конференция «Александр Солженицын: проблемы художественного творчества». К 85-летию со дня рождения писа-

теля. Совместно с Институтом мировой литературы им. А.М. Горького РАН и Российским государственным архивом литературы и искусств (РГАЛИ).

Издание: Между двумя юбилеями (1998–2003): Писатели, критики, литературоведы о творчестве А.И. Солженицына: Альманах / Сост. Н.А. Струве, В.А. Москвин. М.: Русский путь, 2005.

24 декабря. Круглый стол, посвященный 125-летию со дня рождения Разумника Васильевича Иванова (псевд. Иванов-Разумник; 1878–1946) и обсуждение книги «Встреча с эмиграцией: Из переписки Иванова-Разумника 1942–1946 годов» (Публ., вступ. ст., подгот. текста и коммент. О. Раевской-Хьюз. М.: Русский путь; Париж: YMCA-Press, 2001).

2004

25 февраля. Круглый стол «Федор Степун — наш современник». К 120-летию со дня рождения Ф.А. Степуна (1884–1965).

7 октября. Начало работы семинара «Русская философия (традиция и современность)». Совместно с Библиотекой истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева».

13–15 октября. Международная научная конференция «Русская словесность и православие». Совместно с Государственной академией славянской культуры, Российским гуманитарным научным фондом (РГНФ), Сретенской духовной семинарией, Центром литературоведческих исследований.

19–20 октября. Международная научная конференция «Архитектурное наследие Русского Зарубежья». Совместно с Российской академией архитектуры и строительных наук, Научно-исследовательским институтом теории архитектуры и градостроительства (НИИТАГ), Центром по изучению Русского Зарубежья ИВПА.

Издание: Архитектурное наследие Русского Зарубежья: Вторая половина XIX — первая половина XX в. / Сост. и отв. ред. С.С. Лешошко. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008.

18–19 ноября. Международная научная конференция «Русские в Италии: культурное и научное наследие российской эмиграции». Совместно с Институтом российской истории РАН.

Издание: Русские в Италии: Культурное наследие эмиграции: Международная научная конференция / Сост., науч. ред. М.Г. Талалая. М.: Русский путь, 2006. (Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»: Материалы и исследования: Вып. 7).

2005

10–11 февраля. Научная конференция «Памяти Великой войны: Первая мировая война, Россия и Русское Зарубежье».

17 февраля. Круглый стол «Интуиция бытия. Памяти Н.О. Лосского». К 40-летию со дня смерти Н.О. Лосского (1870–1965). Совместно с Обществом историков русской философии им. В.В. Зеньковского при Российском государственном гуманитарном университете (РГГУ).

7 апреля. III историко-философские чтения Общества историков русской философии им. В.В. Зеньковского при РГГУ. Тема чтений: «В.В. Зеньковский — философ, историк философии и литературы, психолог, педагог». Совместно с Библиотекой-фондом «Русское Зарубежье».

20 октября. Начало работы киносеминара научного отдела Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Тема первого киносеминара: «Революция и Гражданская война в России в кадрах зарубежных хроникеров».

30 октября. Круглый стол к выходу в свет издания «История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 томах» (М.: РОССПЭН, 2004).

21–22 ноября. Научная конференция «Исход русского воинства: К 85-й годовщине оставления белыми войсками родной земли».

7–8 декабря. Международная конференция «Православие и русское общество в начале III тысячелетия. К 80-летию “Вестника Русского христианского движения”». Совместно с издательством «УМСА-Press» и Русским общественным фондом Александра Солженицына.

15–17 декабря. Научная конференция «Россия и Италия в XX веке. Взаимное отражение: восприятие, идея, представление». Совместно с Министерством иностранных дел Италии, Министерством культуры и массовых коммуникаций РФ, Итальянским институтом культуры в Москве, Федеральным агентством по культуре и кинематографии РФ, Ассоциацией итальянских славистов, Российской академией наук, Центром оперного пения Галины Вишневской.

2006

16 февраля. Круглый стол «Философия и вера», посвященный 140-летию со дня рождения Льва Шестова (1866–1938). Совместно с Обществом историков русской философии им. В.В. Зеньковского при РГГУ.

5 октября. Первый семинар из цикла «“Наше время еще не разгадано...”»: Опыт XX века и его осмысление в культуре русского зарубежья».

2 ноября. IV историко-философские чтения Общества историков русской философии им. В.В. Зеньковского при РГГУ. Тема чтений: «В.В. Зеньковский и философия русской эмиграции». Совместно с Библиотекой-фондом «Русское Зарубежье».

9–11 ноября. Всероссийская научная конференция «Проблемы изучения культуры русского зарубежья». Совместно с МГУ им. М.В. Ломоносова.

16–18 ноября. Международная научная конференция «Альфред Людвигович Бем и гуманитарные научные проекты русского зарубежья». К 120-летию со дня рождения А.Л. Бема (1886–1945?). Совместно с Чешским культурным центром в Москве.

Издание: А.Л. Бем и гуманитарные проекты русского зарубежья: Международная научная конференция, посвященная 120-летию со дня рождения / Сост.,

науч. ред. М.А. Васильевой. М.: Русский путь, 2008. (Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»: Материалы и исследования: Вып. 9).

18–22 декабря. Международная научная юбилейная конференция «Поэт — мыслитель — ученый. К 140-летию со дня рождения Вячеслава Иванова. (IX международная ивановская конференция)». Совместно с Исследовательским центром Вячеслава Ивановича Иванова в Риме.

Издание: Вячеслав Иванов: Исследования и материалы. Вып. 1 / Под ред. К.Ю. Лаппо-Данилевского и А.Б. Шишкина. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2010.

2007

1 февраля. Круглый стол «Диалог идей (русская и западноевропейская метафизика)», посвященный 130-летию со дня рождения С.Л. Франка (1877–1950). Совместно с Обществом историков русской философии им. В.В. Зеньковского при РГГУ.

22–25 мая. В Белграде состоялась конференция «Русская диаспора и сербско-русские культурные связи». Совместно со Славистическим обществом Сербии, кафедрой славистики Белградского университета и Российским центром науки и культуры в Белграде.

18–19 июня. Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Варлама Шаламова (1907–1982). В рамках VI Международных Шаламовских чтений. Совместно с Правительством Москвы, Комитетом общественных связей города Москвы, Постоянной межведомственной комиссией Правительства Москвы по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий, историко-просветительским, правозащитным и благотворительным обществом «Мемориал».

Издание: К столетию со дня рождения Варлама Шаламова: Материалы международной научной конференции / Сост. И.П. Сиротинская. М., 2007.

28–30 сентября. Конференция, посвященная осмыслению наследия митрополита Антония Сурожского. Совместно с Фондом «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского».

3 октября. Международная научная конференция «Творческое наследие о. Павла Флоренского и философия Русского Зарубежья». Совместно с Институтом философии РАН.

22–23 октября. Научная конференция «Памяти конногвардейцев», приуроченная к выставке «Кажется, мы успели...», посвященная 40-летию выхода в свет издания «История Лейб-Гвардии Конного полка» (В 4 т. Париж, 1938–1966).

Издание: «Кажется, мы успели...»: Каталог выставки к 40-летию выхода в свет «Истории Лейб-Гвардии Конного полка». Париж, 1938–1966 / Сост. Т.П. Спиридоновой. М.; СПб.: Издательско-полиграфический комплекс «Ленэкспо», 2009.

13–15 ноября. VIII Международная научно-практическая конференция «Старообрядчество: история, культура, современность». Совместно с Музеем истории и культуры старообрядчества и Боровским историко-краеведческим музеем.

29–30 ноября. Конференция «Поиск лица и вселенскость личности», посвященная 125-летию со дня рождения Л.П. Карсавина (1882–1952). Совместно с МГУ им. М.В. Ломоносова.

2008

3 марта. Начало работы ежемесячного семинара по осмыслению наследия митрополита Антония Сурожского. Первый цикл — «Цельность человека: дух, душа, тело». Совместно с Фондом «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского».

20–21 марта. IV Международная научно-практическая конференция «Диалог культур: русский язык и русская культура в современном мире». Совместно с Институтом языков и культур им. Льва Толстого и префектурой Восточного административного округа г. Москвы.

10 апреля. Круглый стол «Идеалы И.А. Ильина (философия, религия, право)». Совместно с Обществом историков русской философии им. В.В. Зеньковского при РГГУ.

17–19 сентября. Международная конференция «Русское Зарубежье: музыка и Православие».

25–26 сентября. Научная педагогическая конференция памяти скаутмастера профессора Максима Владимировича Агапова-Таганского. Совместно с Организацией российских юных разведчиков (ОРЮР) и Благотворительным фондом содействия движению юных разведчиков «Русский скаут».

30 сентября. Дискуссионный семинар на тему «Явление Солженицына как опыт противостояния пустоте в обществе» в рамках XVIII международной конференции «Духовное противостояние пустоте в церкви и обществе». Организаторы: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, Преображенское содружество малых православных братств, журнал «Вестник русского христианского движения».

27–28 октября. Научно-практическая конференция «Война, смертельно опасная для России...» (к 90-летию окончания Первой мировой войны). Совместно с Фондом исторической перспективы, при участии МИД РФ, Фонда «Русский мир», исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

17–20 ноября. Международная конференция «Мемуары первой эмиграции: проблемы и исследования». Совместно с Таллинским университетом.

Издание: Мемуары в культуре русского зарубежья / Под ред. А.А. Данилевского. М.: Флинта : Наука, 2010.

19 ноября. Вечер памяти Ю.И. Абызова (1921–2006) в рамках международной конференции «Мемуары первой эмиграции: проблемы и исследования».

2009

7 февраля. Расширенное заседание Московско-петербургского философского клуба на тему «Время конца времен. Время и вечность в современной культуре».

13 февраля. Академические пятницы. Презентация Института изучения Восточной Европы Бременского университета.

18 февраля. Круглый стол «Посланничество русской культуры», посвященный 90-летию со дня рождения Александра Исаевича Солженицына в рамках XVII Международных Рождественских образовательных чтений. При участии издательства «Основы православной культуры».

31 марта. Круглый стол и открытие выставки «Д.И. Чижевский: Возвращение имени». К 115-летию со дня рождения Д.И. Чижевского (1894–1977).

10–11 апреля. Международная научная конференция «Икона в русской словесности и культуре».

20 мая. Международная конференция «Болгария, Россия и славянский мир в XXI веке: диалог славянских культур». Совместно с Правительством Москвы, посольством Республики Болгария в РФ, Московским союзом обществ дружбы, Славянским фондом России, Фондом «Славяне» (Болгария), Государственной академией славянской культуры.

29 мая. Вечер «Русские в Италии». Встреча с итальянскими славистами из Университетов Салерно, Триеста, Милана, Венеции, Урбино и Римской государственной центральной библиотеки.

4–5 июня. Научная конференция «Пути русской и западноевропейской философии в XX веке». К 125-летию со дня рождения Б.В. Яковенко (1884–1948) и Ф.А. Степуна (1884–1965). Совместно с Обществом историков русской философии им. В.В. Зеньковского при РГГУ.

11–13 сентября. Вторая международная конференция «Человек в богословии митрополита Антония Сурожского», посвященная наследию владыки Антония. Совместно с Фондом «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского».

23–25 сентября. Международный научный colloquium «Мыслящие миры российского либерализма: Павел Милюков». К 150-летию со дня рождения П.Н. Милюкова (1859–1943). Совместно с Тургеневской библиотекой (Bibliothèque Tourguenev, Париж).

Издание: Мыслящие миры российского либерализма: Павел Милюков (1859–1943): Материалы Международного научного colloquium. Москва, 23–25 сентября 2009 г. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына; СПб.: Любавич, 2010.

9 октября. Круглый стол «Король Александр I Карагеоргиевич и русская эмиграция» и торжественное открытие одноименной выставки. К 75-летию со дня гибели Александра I Карагеоргиевича (1888–1934). Совместно с Фондом «Королевский Двор» (Сербия), «Русским Домом» в Белграде.

15 октября. Круглый стол «Вечное в философии Б.П. Вышеславцева». К 55-летию смерти Б.П. Вышеславцева (1877–1954). Совместно с Обществом историков русской философии им. В.В. Зеньковского при РГГУ.

21–22 октября. Международная научная конференция «Русская Палестина: Россия в Святой Земле». Совместно с Императорским православным палестинским обществом и Паломническим центром Московского патриархата.

16–18 ноября. Международная научная конференция «От Бунина до Пастернака: русская литература в зарубежном восприятии (к юбилеям присуждения Нобелевской премии русским писателям)». Конференция приурочена к 75-летию присуждения Нобелевской премии по литературе Ивану Бунину и 50-летию решения Шведской академии о награждении Бориса Пастернака.

3 декабря. Научный коллоквиум памяти Р.М. Янгирова (1954–2008).

4 декабря. Научно-практическая конференция «Язык как отражение ментальности». Совместно с Российским центром науки и культуры в Брюсселе и Бельгийской ассоциацией преподавателей русского языка и литературы.

2010

29–30 января. Научная конференция «Икона в русской словесности и культуре».

12 февраля. Открытие серии научно-популярных семинаров «Российский зарубежный некрополь: наследие, которое мы не должны потерять».

29 марта. Открытие серии научно-популярных семинаров «Историческое краеведение российского зарубежья».

19 апреля. Круглый стол «Идейные истоки евразийства». К 120-летию со дня рождения Н.С. Трубецкого (1890–1938).

20 апреля. Круглый стол «Русская белая эмиграция в Венгрии». Совместно с Культурным, научным и информационным центром (КНИЦ) Венгерской Республики в Москве, Архивным институтом КНИЦ в Москве, Центром русистики Будапештского университета им. Лоранда Этвеша.

24–25 мая. Международная конференция, посвященная творчеству Давида Самойлова. В рамках Самойловских чтений, приуроченных к 90-летию со дня рождения поэта (1920–1990). Совместно с Таллинским университетом.

11–13 октября. Международная научная конференция «Иван Алексеевич Бунин (1870–1953). Жизнь и творчество. К 140-летию со дня рождения писателя».

1–3 декабря. Международная научная конференция «Русский Париж между двух мировых войн».

ОБ АВТОРАХ

Белевцева Наталья Павловна — ведущий научный сотрудник отдела музейного и архивного хранения ДРЗ.

Научные интересы: эпистолярное и художественное наследие русского зарубежья.

Васильева Мария Анатольевна — кандидат филологических наук, ученый секретарь ДРЗ, ответственный секретарь издательства «Русский путь», ответственный соредатор научной серии «Библиотека-фонд “Русское Зарубежье”: Материалы и исследования», член редколлегии научной серии ДРЗ «Ex Cathedra», организатор ряда международных научных конференций.

Научные интересы: литературоведение русского зарубежья, творчество младо-эмигрантов первой волны русской эмиграции.

Гриценко Наталия Федоровна — доктор исторических наук, заместитель директора ДРЗ по науке.

Научные интересы: история российского либерализма и правительственного консерватизма, история России второй половины XIX — первой половины XX в., история российской эмиграции.

Дубровина Светлана Николаевна — кандидат филологических наук, заведующая отделом международного и межрегионального сотрудничества ДРЗ.

Научные интересы: литература русского зарубежья, французская драматургия XX в.

Егорова Надежда Алексеевна — заведующая справочно-библиографическим отделом библиотеки ДРЗ.

Научные интересы: литература русского зарубежья.

Ермишин Олег Тимофеевич — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник отдела культуры русского зарубежья ДРЗ.

Научные интересы: история русской философии, религиозно-философская мысль русской эмиграции 1920–30-х гг., научное наследие В.В. Зеньковского.

Ермишина Ксения Борисовна — кандидат философских наук, научный сотрудник отдела культуры русского зарубежья ДРЗ.

Научные интересы: история русской философии, история евразийского движения.

Жалнина-Василькиоти Ирина Леонидовна (Афины; Греция) — искусствовед, выпускница МГУ им. М.В. Ломоносова; исследовательница истории русской эмиграции в Греции. Директор греческого отделения Фонда греческих исследований (Россия).

Научные интересы: русское присутствие в Греции, история первой волны русской эмиграции в Греции.

Коростелев Олег Анатольевич — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом литературы и печатного дела российского зарубежья ДРЗ.

Научные интересы: русская литература и периодика XX в., литература и печатное дело русского зарубежья, история русской литературной критики, библиография.

Котенко Марина Анатольевна — главный хранитель фондов ДРЗ.

Научные интересы: история русской эмиграции, архивоведение.

Кривова Елена Викторовна — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела культуры российского зарубежья ДРЗ.

Научные интересы: русский язык зарубежья, сохранение языка в диаспоре, методика преподавания русского языка как иностранного.

Кручинин Андрей Сергеевич — главный библиотекарь справочно-библиографического отдела ДРЗ.

Научные интересы: история Белого движения периода Гражданской войны и русской военной эмиграции (персоналии, история военного искусства, награды и наградные системы).

Ликвинцева Наталья Владимировна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела культуры российского зарубежья ДРЗ.

Научные интересы: опыт XX в. и его осмысление в религиозно-философской и богословской мысли русского зарубежья.

Марченко Татьяна Вячеславовна — доктор филологических наук, старший научный сотрудник отдела литературы и печатного дела российского зарубежья ДРЗ.

Научные интересы: литература послереволюционной русской эмиграции, рецепция русской литературы XX в. на Западе, творчество Бунина — проблемы поэтики и текстологии.

Марыняк Андрей Владимирович — старший научный сотрудник отдела истории российского зарубежья ДРЗ.

Научные интересы: Российская Императорская армия в конце XIX — начале XX в., русская военная эмиграция.

Масоликова Наталья Юрьевна — старший научный сотрудник отдела истории российского зарубежья ДРЗ.

Научные интересы: социальная и персональная история отечественной психологии, история российского научного и педагогического зарубежья.

Петров Александр Александрович — научный сотрудник отдела истории российского зарубежья.

Научные интересы: Российская Императорская армия в конце XIX — начале XX в.; Гражданская война на востоке России; русская военная эмиграция.

Попова Татьяна Владимировна — ведущий научный сотрудник отдела истории российского зарубежья ДРЗ.

Научные интересы: история общественно-политической мысли, культурология.

Пухова Любовь Андреевна — кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела истории российского зарубежья ДРЗ.

Научные интересы: история русской дипломатической эмиграции, история дипломатии, внешней политики, международных отношений.

Семенов Константин Константинович — научный сотрудник отдела истории российского зарубежья ДРЗ.

Научные интересы: история русской военной эмиграции, участие белоэмигрантов в военных конфликтах первой половины XX в., гражданская война в Испании 1936–1939 гг., Вторая мировая война.

Соколова Вера Александровна — научный сотрудник отдела литературы и печатного дела российского зарубежья ДРЗ.

Научные интересы: литература русского зарубежья.

Соколова Татьяна Федоровна — главный специалист отдела музейного и архивного хранения ДРЗ.

Научные интересы: история науки, архивоведение, музеология.

Сорокина Марина Юрьевна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая отделом истории российского зарубежья ДРЗ.

Научные интересы: история российского научного зарубежья.

Трибунский Павел Александрович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории российского зарубежья ДРЗ.

Научные интересы: история науки, история российского либерализма, архивное наследие ученых.

Янгиров Рашид Марванович (1954–2008) — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела культуры российского зарубежья Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Лектор в университетах России, Великобритании, США, Швейцарии. Член Ассоциации исследователей истории раннего кино (DOMITOR) и Союза кинематографистов России. Автор более 230 научных работ по истории отечественного кино, литературы и художественной культуры XX в.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Н.Ф. Гриценко.</i> Предисловие	5
---	---

ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Л.А. Пухова.</i> Между мечтами и реальностью: Польская эмиграция и французское правительство (середина 1850-х — конец 1860-х гг.)	9
<i>И.Л. Жалнина-Василькиоти.</i> Русское кладбище Союза русских эмигрантов в Греции, основанное королевой эллинов Ольгой Константиновной	27
<i>К.К. Семенов.</i> Лицом к солнцу: Участие белоэмигрантов в гражданской войне в Испании (1936–1939)	46
<i>М.Ю. Сорокина.</i> Российское научное зарубежье versus русская научная эмиграция: К определению объема и содержания понятия «российское научное зарубежье»	75
<i>М.А. Васильева.</i> Проблема двойника в работах пражского Семинария по изучению Достоевского: Открытое пространство	95
<i>Т.В. Марченко.</i> Опыт архетипического прочтения рассказа «Руся»: К интерпретации поздней бунинской прозы	107
<i>С.Н. Дубровина.</i> Французская традиция в творчестве А.М. Ремизова	141
<i>К.Б. Ермишина.</i> Религиозно-мистические истоки евразийской историософии Н.С. Трубецкого	151

СООБЩЕНИЯ

<i>А.С. Кручинин.</i> Орден за пожертвование (неосуществленный эмигрантский проект)	163
<i>А.В. Марыняк.</i> Представители русской военной эмиграции о состоянии офицерского корпуса накануне и в годы Первой мировой войны	169
<i>О.Т. Ермишин.</i> Философская эволюция В.В. Зеньковского: От проблемы психической причинности к системе христианской философии	177

<i>Н.В. Ликвинцева. Культура как феномен памяти в наследии прот. Александра Шмемана</i>	184
<i>В.А. Соколова. Литературные связи И.Н. Кнорринг и А.А. Ахматовой (восстановление связи с традицией через чтение-учебу)</i>	191
<i>Н.А. Егорова. «...Россия меня примет!»: Издание произведений И.С. Шмелева на родине</i>	198
<i>Е.В. Кривова. Особенности речевого поведения русскоязычной диаспоры и проблема сохранения родного языка</i>	215

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Посмертная опись рукописей П.Н. Милокова. Предисловие, подготовка текста и комментарии П.А. Трибунского</i>	225
<i>А.А. Петров. Новые мемуары об адмирале А.В. Колчаке. Полковник Н.В. Орлов и его воспоминания</i>	231
<i>Н.В. Орлов. Смутные дни в Харбине и адмирал Колчак. <Фрагмент>. Подготовка текста и комментарии А.А. Петрова</i>	243
<i>«Я с Вами привык к переписке идеологической...»: Письма Г.В. Адамовича В.С. Варшавскому (1951–1972). Предисловие, подготовка текста и комментарии О.А. Коростелева</i>	255
<i>«Синефилы» и «антисинемисты»: Полемика русской эмиграции о кинематографе в 1920-х гг. (По страницам эмигрантской прессы). Предисловие и подготовка текста Р.М. Янгирова</i>	345
<i>«Энергичные, знающие интеллигенты — для них Бразилия и создана»: Из эпистолярного наследия психолога Елены Владимировны Антиповой. Предисловие, составление, подготовка текста и комментарии Н.Ю. Масоликовой</i>	363
<i>Письма И.С. Шмелева доктору С.М. Серову — прототипу врача в романе «Иностранец». Предисловие, составление и подготовка текста Н.П. Белевцевой</i>	385

ОБЗОРЫ

<i>Т.Ф. Соколова. Три поколения семьи Фуделей: По архивным материалам Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына</i>	479
--	-----

<i>Т.В. Попова. Российская эмиграция в диссертационных исследованиях (2000–2009 гг.)</i>	492
--	-----

БИБЛИОГРАФИЯ

Георгий Адамович в «Последних новостях»: Материалы к библиографии. <i>Составление и предисловие О.А. Коростелева</i>	517
---	-----

ИЗ СОБРАНИЯ ДОМА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА

Российская эмиграция в фотографиях. <i>Составление М.А. Котенко</i>	593
---	-----

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Научные конференции, круглые столы, семинары и чтения, подготовленные и проведенные Библиотекой-фондом «Русское Зарубежье» — Домом русского зарубежья имени Александра Солженицына в 1998–2010 гг. <i>Составление Н.Ф. Гриценко, М.А. Васильевой</i>	611
<i>Об авторах</i>	619

ЕЖЕГОДНИК Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына 2010

Ответственный редактор *Гриценко Наталия Федоровна*

Редактор *М.В. Архиреев*. Корректоры *О.А. Савичева, Н.Б. Вторушина*. Верстка *Л.А. Фирсовой*

Подписано в печать 01.11.10. Формат 70x100/16. Бумага писчая.
Гарнитура MinionC. Усл. печ. л. 50,31. Тираж 500 экз. Заказ № 2715

Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2. Тел.: (495) 915-10-80, 915-27-48
www.domrz.ru

Отпечатано в ОАО «Типография «Новости»». 105005, Москва, ул. Ф. Энгельса, д. 46